548683 Б

(91)

М. РОСТОВЦЕВЪ.

АНТИЧНАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ ЖИВОПИСЬ НА ЮГѢ РОССІИ.

Изданіе ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссіи.

1914 г.

Пр. 2010

548683

Б / 4798

Дублет

902.6:7
Р-821

75
р785
902,6:7
Р—821
199 +
К

М. РОСТОВЦЕВЪ

АНТИЧНАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ ЖИВОПИСЬ НА ЮГѢ РОССІИ

ТЕКСТЪ.

Т. I. Описаніе и изслѣдованіе памятниковъ.

548683

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ
1914

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

Проверено 1935 г.

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С.-Петербургъ
Звенигородская № 11.

Научная Библиотека
Уральского
Госуниверситета
г. Свердловск

АНТИЧНАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ ЖИВОПИСЬ НА ЮГѢ РОССІИ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

НИКОДИМУ ПАВЛОВИЧУ

КОНДАКОВУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ первый томъ моей работы, принявшей, неожиданно для меня, такіе огромные размѣры и потребовавшей отъ меня гораздо больше труда и времени, чѣмъ я предполагалъ, я долженъ прежде всего отмѣтить, что нисколько не жалѣю о потраченномъ времени и трудѣ. Помимо того, что работа надъ росписями открыла мнѣ лично глаза на исторію нашего юга и на значеніе ея въ общей эволюціи античности, я увѣренъ, что сдѣлалъ не безполезное дѣло не только тѣмъ, что достойнымъ образомъ опубликовалъ цѣлый рядъ памятниковъ, частью не опубликованныхъ, частью плохо извѣстныхъ, частью забытыхъ, но и тѣмъ, что, какъ я надѣюсь, положилъ начало серіи русскихъ публикацій, занимающихся не изданіемъ одного какого-либо новаго или стараго памятника, а сопоставленіемъ, разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ цѣлой серіи однородныхъ памятниковъ, происходящихъ съ юга Россіи. Я глубоко убѣжденъ, что только рядъ такихъ публикацій способенъ дать намъ надлежащее представленіе объ исторіи нашего юга и что онъ введетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обиходъ науки свѣжіе, мало извѣстные матеріалы, освѣщающіе новымъ свѣтомъ тѣ или иныя стороны античной жизни и античнаго искусства вообще.

Фантазируя, я вижу передъ собой серію подобнаго рода публикацій южно-русскаго матеріала, особенно характернаго для юга Россіи и особенно важнаго для античности вообще. Съ грустью констатирую, что во главѣ этой серіи стоятъ не русскія, а нѣмецкія публикаціи: довольно поверхностная публикація деревянныхъ саркофаговъ Вацингера и добросовѣстное сопоставленіе южно-русскихъ надгробныхъ рельефовъ Кизерицкаго и Вацингера. Съ радостью, однако, предвижу скорое появленіе изданія всѣхъ южно-русскихъ акварельныхъ вазъ проф. Э. Р. фонъ Штерна и мечтаю о томъ, что за нимъ послѣдуетъ рядъ подобныхъ же работъ: прежде всего публикація всѣхъ памятниковъ торевтики, найденныхъ на югѣ Россіи и составляющихъ единственную въ мірѣ серію, затѣмъ уже давно подготовляющійся Corpus numorum Russiae meridionalis, далѣе въ высшей степени желательное переизданіе южно-русскихъ деревянныхъ саркофаговъ, туалетныхъ ящиковъ, расписныхъ стелъ и другихъ, украшенныхъ живописью, подѣлокъ изъ дерева, кости и т. д., наконецъ, столь настоятельно нужное сопоставленіе и изслѣдованіе серіи предметовъ скиѳскаго и греческаго вооруженія, и т. д., и т. д.

Если рядомъ съ этимъ,—да не поставятъ мнѣ въ упрекъ мои фантазіи,—серьезно возьмутся за дѣло созданія Corpus tumulorum Russiae meridionalis, подготовленное изданіемъ каталоговъ большихъ собраній южно-русскихъ древностей, хранящихся въ Эрмитажѣ, въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ Одессѣ, Кіевѣ, Херсонѣ, Керчи, Херсонесѣ, Тифлисѣ, то появится, наконецъ, надежда, что мы когда-нибудь серьезно заглянемъ въ классическое прошлое Россіи и сумѣемъ изъ этого матеріала и образ-

Библиотека Центрального ... музея

цово собранныхъ В. В. Латышевымъ данныхъ литературной, географической и эпиграфической традицiи создать настоящую полную политическую и культурную исторiю нашего классическаго юга.

Возвращаясь отъ этихъ, можетъ быть, слишкомъ розовыхъ перспективъ къ выпускаемой книгѣ, я долженъ указать на то, что публикуемая часть необходимо должна быть и будетъ дополнена систематическимъ сопоставленiемъ разбросанныхъ въ отдѣльныхъ главахъ выводовъ, касающихся прежде всего исторiи декоративной живописи. Сдѣлать это тутъ же и теперь же было бы, можетъ быть, наиболѣе естественно и просто, но, къ сожалѣнiю, невозможно. Такое сопоставленiе выводовъ мыслимо только въ рамкахъ исторiи античной декоративной живописи вообще, а это потребовало бы не только обстоятельнаго изложенiя результатовъ моихъ, по большей части, уже сдѣланныхъ изысканiй въ этой области, но и обильнаго иллюстративнаго матерiала, изданiя и переизданiя ряда неизданныхъ или плохо изданныхъ памятниковъ. Возлагать теперь же и это тяжелое бремя на терпѣливыя плечи Императорской Археологической Коммиссiи мнѣ казалось несвоевременнымъ. Позволю себѣ только выразить надежду, что когда излѣчатся финансовыя раны, нанесенныя публикацiей моей работы бюджету Коммиссiи, она не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствiи для публикацiи второго своднаго тома настоящей работы.

Считаю своимъ моральнымъ долгомъ отмѣтить и подчеркнуть съ чувствомъ искренней благодарности и горячей признательности, что работа моя появляется въ свѣтъ только благодаря тому, что Императорская Археологическая Коммиссiя, и прежде всего ея предсѣдатель графъ А. А. Бобринской, все время съ одинаковымъ интересомъ и съ теплымъ вниманiемъ относились и относятся къ успѣху затѣянной мною работы, не останавливаясь ни передъ какими матерiальными, иногда, можетъ быть, и не абсолютно необходимыми жертвами. Повторныя командировки М. В. Фармаковскаго на мѣста для снятiя копiй съ росписей, изготовленiе фотографiй на мѣстахъ и въ Петербургѣ, снятiе новыхъ плановъ и разрѣзовъ, копированiе въ краскахъ памятниковъ Императорскаго Эрмитажа, т. е. вся подготовительная работа по собиранiю матерiала для Атласа могла быть осуществлена только благодаря тому, что Археологическая Коммиссiя всегда одинаково просвѣщенно и предупредительно шла навстрѣчу моимъ все новымъ и новымъ просьбамъ. То же отношенiе я встрѣтилъ и тогда, когда пришлось репродуцировать обширный собранный матерiалъ. Вполнѣ сознавая, что матерiалъ по исторiи живописи можетъ быть полезенъ только тогда, когда онъ воспроизведенъ въ краскахъ, Археологическая Коммиссiя не встрѣтила препятствiй къ тому, чтобы всѣ интересныя росписи репродуцированы были трехцвѣтной фотографiей на красочныхъ таблицахъ.

Повторяю, что книга, публикуемая мною, въ большей мѣрѣ обязана своимъ осуществленiемъ Императорской Археологической Коммиссiи, чѣмъ мнѣ.

Укажу также, что я не считаю себя единственнымъ авторомъ выпускаемой книги. Книга моя врядъ ли появилась бы въ свѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ она осуществилась, если бы я не нашелъ себѣ самоотверженнаго и въ высокой степени компетентнаго сотрудника въ лицѣ В. В. Шкорпила, члена И. А. К., завѣдующаго раскопками въ Керчи. Если имя его много разъ появляется на страницахъ моей книги, то этимъ отмѣчена только небольшая часть того, чѣмъ она обязана сотрудничеству В. В. Шкорпила. Его превосходное знанiе всего матерiала, касающагося Керчи, не разъ разрѣшало многiя и многiя детальныя загадки, его предупредительная любезность дѣлала для меня повторное пребыванiе въ Керчи настоящимъ

праздникомъ. Никогда не забуду тѣхъ дней, которые я провелъ съ нимъ въ степяхъ Тамани, и многихъ часовъ собесѣдованія въ подземныхъ склепахъ Керчи и въ ея гостепріимныхъ музеяхъ. Моя благодарность В. В. Шкорпилу безгранична.

Такое же предупредительно-любезное отношеніе къ своей работѣ я встрѣтилъ и въ Херсонесѣ какъ со стороны покойнаго К. К. Косцюшко-Валюжинича, такъ и со стороны Р. Х. Лепера. Но больше всего я обязанъ М. И. Скубетову, который щедро отдалъ мнѣ и свой трудъ тщательнаго рисовальщика, и свои острыя наблюденія, и свое детальное знаніе исторіи и топографіи Херсонеса.

О цѣнномъ сотрудничествѣ М. В. Фармаковскаго я говорю во введеніи. Повторяю, что благодарю судьбу за то, что она столкнула меня съ этимъ большимъ мастеромъ, научно и художественно любящимъ нашу классическую старину.

Постоянное и внимательное содѣйствіе оказали мнѣ и всѣ остальные члены И. А. К., прежде всего Б. В. Фармаковскій, дружески протягивавшій мнѣ руку помощи всегда, когда я въ ней нуждался. Многимъ обязанъ я и Н. И. Веселовскому, и П. П. Покрышкину, и А. А. Спицыну. Еще большей благодарностью я обязанъ, однако, В. В. Латышеву, взявшему на себя большой и неблагодарный трудъ прочесть всѣ корректуры моей книги и внести при этомъ чтеніи немало исправленій въ мой пестрый и шероховатый стиль. За эту неблагодарную и непріятную работу я очень извиняюсь передъ нимъ и искренно его благодарю. Тотъ же трудъ, и не въ первый разъ, самоотверженно несъ и С. А. Жебелевъ, за постоянную дружескую помощь котораго и въ этотъ разъ, какъ и всегда, я прошу его принять мою искреннюю признательность.

Отмѣчу здѣсь же, что кропотливую работу составленія указателей выполнили частью С. С. Лукьяновъ, которому болѣзнь помѣшала довести ее до конца, въ главной же части (начиная съ 26 листа) жена моя С. М. Ростовцева.

Если я не мало надоѣдалъ Имп. Арх. Коммиссіи, то столько же, если не больше, времени отнялъ я у хранителей Императорскаго Эрмитажа. И тутъ я встрѣтилъ то же вниманіе, тотъ же интересъ и ту же самоотверженную поддержку. Постояннаго, дѣятельнаго и компетентнаго сотрудника я нашелъ себѣ прежде всего въ старомъ другѣ моемъ Е. М. Придикѣ, широко открывшемъ двери Эрмитажа не только для меня, но и для всѣхъ, кто хочетъ и можетъ работать. Постоянную поддержку оказывали мнѣ и бар. П. Ф. Мейендорфъ, О. Ф. Вальдгауеръ, А. К. Марковъ, О. Ф. Ретовскій, не говоря уже о моемъ постоянномъ учителѣ въ области археологіи Я. И. Смирновѣ. Не могу не вспомнить и объ А. В. Орѣшниковѣ, никогда не отказывавшемъ мнѣ въ своей помощи, и объ А. Л. Бертье-Делагардѣ, бесѣды съ которымъ открыли мнѣ глаза на многое въ исторіи юга Россіи.

Въ заключеніе не могу не упомянуть о той любезности, съ которой быстро и тщательно исполнялъ мои порученія фотографъ И. А. Коммиссіи И. Ѳ. Чистяковъ.

Книгу свою я посвящаю Никодиму Павловичу Кондакову. Онъ первый открылъ мнѣ глаза на памятники, съ нимъ я совершилъ одно изъ первыхъ моихъ археологическихъ путешествій, въ бесѣдахъ съ нимъ я научился смотрѣть и видѣть. Историкомъ искусства, какъ онъ, я не сдѣлался, но не безполезны, можетъ быть, для науки древности и тѣ дѣятели, которые подходятъ къ памятникамъ, какъ историки и археологи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . стр. 1–9

Античная декоративная живопись 1. Южно-русскій матеріалъ 2. Мартирологъ южно-русскихъ расписныхъ гробницъ 2. Причина гибели гробницъ 3. Затерянные памятники 3. Характеръ работы надъ памятниками 4. Работа на мѣстѣ 4. Копіи въ краскахъ и фотографіи 4. Планы 5. Архивный матеріалъ 5. Отчеты И. А. К. 6. Рисунки Гросса 6. Керченскій архивъ 6. Оцѣнка отчетовъ руководителей раскопокъ 7. Датировка и объясненіе памятниковъ 7. Состояніе вопроса 7. Находки въ гробницахъ 8. Анализъ росписи 8. Сравнительный матеріалъ 8. Роспись домовъ Пантикапея 9. Херсонесъ 9.

ЧАСТЬ I.

Боспорское царство.

А. Памятники ранняго эллинизма.

I. Склепъ кургана Большой Близницы . . . . стр. 10—29

Мѣстоположеніе 10. Исторія раскопокъ 10. Первый жженный точокъ 10. Первый склепъ 10. Находки въ первомъ склепѣ 11. Кострище и находки на немъ 12. Второй склепъ 12. Второе кострище 12. Третій склепъ 13. Раскопки 1866 и 1868 г.г. 14. Раскопки 1883 и 1884 г.г. 14. Второй склепъ 15. Архитектура. склепа 17. Голова Коры 18. Датировка склепа 19. Сравнительный анализъ архитектуры и росписи 20. Анализъ орнаментовъ 21. Анализъ головы Коры 23. Аналогичные расписные склепы 26. Техника росписи 28. Связь съ Малой Азіей 28.

II. Расписной склепъ на Васюринской горѣ . . . . стр. 30—69

Мѣстоположеніе 30. Исторія раскопокъ 30. Первый склепъ 30. Входъ въ склепъ 31. Корридоръ (дромосъ) 32. Камера 32. Состояніе склепа въ 1907 г. 32. Полъ корридора 32. Конструкція склепа 32. Роспись корридора 33. Роспись погребальной камеры 34. Роспись свода 34. Ниши и двери 34. Гвозди 35. Внутреннее убранство склепа 35. Саркофагъ 35. Трапезы 36. Чернолаковая пиксида 37. Оружіе и другая утварь 39. Вещи болѣе поздней даты 40. Конскія гробницы 40. Цѣпочка и остовъ собаки 42. Исторія склепа 42. Гробница 1870 г. 42. Склепъ 1871 и 1872 гг. 43. Другія гробницы второго кургана 44. Архитектура склепа 44. Погребальныя статуи 45. Жертвенникъ 46. Внутреннее устройство склепа 46. Разграбленіе склепа 47. Время второго склепа 47. Вещи конской гробницы 47. Колесница-палатка 47. Фрагменты колесницы Васюринскаго кургана 51. Реконструкція колесницы 52. Датировка колесницы 53. Конская упряжь 55. Третій курганъ 57. Обрядъ погребенія 58. Характерныя черты обряда погребенія 58. Принесеніе въ жертву собакъ и лошадей 59. Трапезы 59. Статуи 60. Идея декоровки гробницы 61. Балюстры 61. Птицы 61. Коверъ 62. Общій характеръ погребальнаго обряда и обстановки 64. Анализъ росписи 65. Значеніе росписи 68.

III. Керченскій расписной склепъ, открытый въ 1908 г. . . . . стр. 70—82

Мѣстонахожденіе и исторія открытія 70. Архитектура склепа 70. Роспись 71. Роспись фриза 71. Дата погребенія 72. Находки въ склепѣ 72. Анализъ росписи 74. Этрусскія гробницы 74. Роспись фриза и ея происхожденіе 77. Предметы, развѣшанные по стѣнамъ 78. Погребальное значеніе предметовъ фриза 80. Научное значеніе гробницы 81.

IV. Склепъ близъ Анапы, открытый въ 1908 г. . . . . стр. 83—86

Мѣстонахожденіе и архитектура склепа 83. Роспись склепа 83. Находки въ склепѣ 84. Анализъ росписи 84.

V. Склепъ кургана Карагодеуашхъ . . . . стр. 87—90

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 87. Архитектура склепа 87. Орнаментація и роспись склепа 88.

VI. Склепъ, вырѣзанный въ скалѣ, 1867 г. . . . . стр. 91—93

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 91. Архитектура склепа 92. Роспись склепа 92.

VII. Расписной мраморный саркофагъ, найденный въ 1851 г. на Таманскомъ полуостровѣ . . . . „ 94—95

VIII. Склепы и гробницы, стѣны которыхъ сплошь окрашены . . . „ 96—97

IX. Экскурсъ. О датированныхъ склепахъ ранняго эллинистическаго времени съ цилиндрическимъ или уступчатымъ покрытіемъ. „ 98—112

Цѣль экскурса 98. Курганы Юзъ-обы. Исторія раскопокъ 99. Расположеніе кургановъ 100. Одновременность погребеній 101. Склепъ № 50 102. Архитектура склепа 102. Датировка 102. Саркофагъ 102. Курганы № 47 и № 48 103. Склепъ № 47 103. Склепъ № 48 104. Раскопки 1860—1863 г. 105. Дата некрополя 105. Змѣиный курганъ 106. Склепъ мирзы Кекуватскаго 107. Павловскій склепъ 107. Дата монументальныхъ погребеній Юзъ-обы 108. Курганы около Анапы 109. Первый Тарасовскій склепъ 109. Третій Тарасовскій склепъ 110. Второй Тарасовскій склепъ 110. Фасады склеповъ 110. Склепъ въ Султанъ-горѣ 111. Склепъ Благовѣщенской станицы 111. Погребенія Артюховскаго кургана 111. Склепъ ген. Вандервейде 112.

X. Фрагменты штукатурки со стѣнной росписью, найденные въ древнемъ Пантикапеѣ . . . . стр. 113—136

Исторія раскопокъ 113. Римскія бани 113. Ранне-эллинистическое зданіе 114. Вторая группа зданій 115. Іоническія колонки 116. Куски расписной штукатурки 118. Фрагменты № II 119. Фрагменты № IV 122. Фрагменты № I 123. Анализъ фрагментовъ 125. Аналогіи 125. Генезисъ перваго стиля 126. Продольныя полосы орнаментовъ 127. Полихромія стѣнъ 128. Генезисъ инкрустаціи мраморами 128. Верхняя часть стѣны 129. Дата расписныхъ фрагментовъ 130. Фрагменты № III 131. Реконструкція убранства стѣны 132. Время фрагментовъ 132.

Б. Памятники поздняго эллинизма. Псевдо-исодомная система росписи.

XI. Склепъ, открытый въ 1832 г. (склепъ Пигмеевъ) . . . . стр. 137—149

Мѣстоположеніе и исторія склепа 137. Описаніе Карейши 138. Описаніе Дюбуа 139. Мѣстоположеніе склепа 139. Архитектура склепа 139. Роспись склепа 140. Находки въ насыпи 143. Анализъ росписи 144. Сцены съ пигмеями 145. Геній 145. Павлины 146. Дата склепа 148. Значеніе фигуръ росписи 148.

XII. Второй склепъ 1832 г. стр. 150—152

XIII. Склепъ, открытый въ Керчи въ 1852 г. . . . . „ 153—160

Мѣстонахожденіе склепа и исторія раскопокъ 153. Описаніе Шмакова 155. Архитектура склепа 156. Роспись склепа 157. Дата склепа 158. Толкованіе изображенныхъ въ склепѣ фигуръ 159.

XIV. Склепъ Алкима Гегесиппова (1867 г.). . . . . стр. 161—169

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 161. Архитектура склепа 162. Роспись склепа 163. Картина главной люнетки 164. Толкованіе сюжета 165. Роспись потолка 166. Дата склепа 166.

XV. Склепъ Анѳестерія Гегесиппова (1877 г.). . . . . стр. 170—182

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 170. Архитектура склепа 170. Роспись склепа. 172. Картина въ люнеткѣ 172. Анализъ картины 174. Дата росписи 175. Роспись склепа и сюжеты надгробныхъ стелъ 176. Фигуры у дверей склепа 180. Дата склепа 181.

XVI. Склепъ, открытый въ 1891 г. . . . . стр. 183—198

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 183. Архитектура склепа 183. Роспись склепа 184. Главная картина росписи 186. Сцена загробной трапезы 186. Выѣзды 188. Жертвоприношеніе 188. Роспись около ниши 189. Роспись люнетокъ боковыхъ стѣнъ 189. Роспись у входа 190. Техника росписи 190. Религіозное значеніе росписи 191. Происхожденіе религіозныхъ представленій росписи 194. Датировка склепа 195.

XVII. Склепъ, вырѣзанный въ скалѣ, 1878 г. . . . . стр. 198

B. Памятники римскаго императорскаго времени.

a. Памятники цвѣточнаго стиля.

XVIII. Склепъ, открытый въ 1895 г. во дворѣ мѣщ. Зайцевой на Глинищѣ . стр. 199—226

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 199. Архитектура склепа 200. Роспись склепа 202. Фигуры у входа 202. Роспись входной люнетки 203. Картина задней люнетки 204. Роспись плафона 205. Находки въ склепѣ 206. Бронзовый канделябръ 207. Дата найденныхъ вещей 216. Стилистическій анализъ росписи 216. Фигуры и головы 216. Орнаментальная часть росписи 217. Гирлянды 217. Принципъ орнаментаціи плафона 218. Общая схема декоровки 222. Особенности декоровки склепа 222. Религіозное значеніе фигуръ росписи 224.

XIX. Двойной склепъ, открытый въ 1873 г. . . . . стр. 227—243

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 227. Архитектура склепа 228. Общая характеристика росписи склепа 230. Картина съ изображеніемъ возвращенія Коры 231. Роспись восточной боковой люнетки 233. Роспись люнетки южной стѣны 234. Бой всадниковъ 234. Картина съ деревомъ 235. Роспись потолка 235. Роспись второй комнаты 235. Роспись потолка второй комнаты 236. Толкованіе картинъ 236. Возвращеніе Коры 236. Сцена боя 239. Сцена около дерева 241. Анализъ орнаментальной части росписи 241. Дата росписи 242.

XX. Склепъ Сорака Соракова . . . . стр. 244—252

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 244. Архитектура склепа 244. Роспись склепа 246. Схема росписи 246. Роспись входа 247. Роспись западнаго столба 247. Роспись стѣны налѣво отъ входа 248. Роспись восточной ниши 249. Остальныя стѣны и плафонъ 250. Особенности росписи 250. Дата росписи 251.

XXI. Склепъ, разрытый Бларамбергомъ въ 1829 г. . . . . стр. 253—254

XXII. Склепъ Алкима Асклова . . . . „ 255—257

XXIII. Склепъ 1853 г. . . . . „ 258—259

b. Памятники чистаго инкрустаціоннаго стиля.

XXIV. Склепъ, открытый въ 1905 г. въ усадьбѣ нотаріуса Фельдштейна . стр. 260—271

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 260. Архитектура склепа 261. Преддверіе 261. Первая комната 261. Вторая комната 262. Третья комната 262. Роспись склепа 263. Роспись первой комнаты 263. Роспись второй комнаты 263. Роспись третьей комнаты 265. Роспись плафона 265. Роспись саркофаговъ 265. Находки въ склепѣ 265. Находки въ другихъ погребеніяхъ кургана 265. Вещи, найденныя въ первой гробницѣ кургана 266. Саркофагъ 266. Вещи остальныхъ гробницъ кургана 267. Анализъ росписи 269.

XXV. Склепъ 1902 г. . . . . стр. 272—276

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 272. Архитектура и роспись склепа 272. Вещи, найденныя въ склепѣ 274. Анализъ архитектуры и росписи склепа 274. Голова Медузы и виноградная лоза 275.

XXVI. Склепъ 1901 г. . . . . стр. 277—279

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 277. Архитектура склепа 277. Роспись склепа 278. Вещи, найденныя въ склепѣ, и дата склепа 279.

XXVII. Склепъ 1884 г. . . . . стр. 280—281

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 280. Архитектура склепа 280. Роспись склепа 280.

XXVIII. Фрагментъ 1905 г. стр. 282

c. Памятники смѣшаннаго инкрустаціонно-цвѣточнаго стиля.

XXIX. Склепъ 1875 г. . . . . стр. 283—292

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 283. Вещи, найденныя въ склепѣ 283. Архитектура склепа 284. Роспись склепа 285. Роспись входа 285. Роспись стѣнъ погребальной комнаты 286. Роспись стѣнъ ниши 286. Роспись люнетокъ 287. Сцена трапезы 287. Сцена выѣзда 288. Главная картина склепа 288. Анализъ картины 288. Дата гробницы 291.

XXX. Склепъ, открытый въ 1872 году и описанный В. В. Стасовымъ . стр. 293—345

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 293. Архитектура склепа 294. Ниши 294. Лежанки 295. Тайники 296. Вещи, найденныя въ склепѣ 296. Особенности архитектуры склепа 296. Роспись склепа 298. Надписи на стѣнахъ корридора 298. Схема росписи 299. Техника росписи 299. Роспись стѣнъ входного корридора 299. Роспись задней стѣны 300. Роспись боковыхъ стѣнъ 300. Роспись входной стѣны 301. Роспись лежанокъ 301. Роспись люнетокъ 301. Картина восточной боковой люнетки 302. Картина западной боковой люнетки 303. Картина южной и восточной стѣнъ ниши 303. Картина восточной части люнетки задней стѣны 305. Картина западной части люнетки 306. Картина западной стѣны главной ниши 307. Плафонъ камеры 308. Техническія особенности росписи 309. Анализъ сценъ съ изображеніемъ боя 309. Фигуры скачущихъ и сражающихся всадниковъ въ южно-русскихъ памятникахъ 310. Исторія мотива коннаго боя 311. Ассирійское искусство 313. Греческія вазы 312. Этрусскія стелы 312. Малоазійская скульптура и живопись 312. Римское искусство 314. Сасанидское искусство 314. Мотивъ сломаннаго копья 314. Другіе мотивы 315. Пантикапейскія росписи и сасанидскіе рельефы 316. Генезисъ стиля пантикапейскихъ росписей 317. Изображенія звѣрей 321. Деревья 323. Гербообразные звѣри 325. Этнографическій реализмъ боевыхъ сценъ 326. Костюмъ 326. Вооруженіе 328. Шлемъ и панцырь 329. Шлемъ и панцырь на надгробныхъ стелахъ 329. Рельефъ Трифона 330. Монеты 331. Памятники не боспорскіе 331. Происхожденіе вооруженія боспорской милиціи 334. Шлемъ 338. Наступательное вооруженіе 339. Посадка всадниковъ 339. Противники боспорцевъ 340. Смыслъ росписи гробницы 344. Орнаментальная часть росписи и дата гробницы 344.

XXXI. Склепъ, открытый Ашикомъ . . . . стр. 346—375

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 346. Архитектура склепа 348. Роспись склепа 349. Первая комната 349. Общая схема росписи 349. Входная стѣна. Верхній ярусъ 350. Входная стѣна. Нижній ярусъ 351. Роспись стѣнъ и плафона ниши 352. Роспись правой боковой стѣны 353. Роспись задней стѣны 354. Роспись плафона первой комнаты 354. Общая характеристика росписи первой комнаты 354. Общая схема росписи второй комнаты 354. Роспись входной стѣны 355. Роспись лѣвой боковой стѣны 357. Роспись правой боковой стѣны 358. Роспись задней стѣны 359. Плафонъ второй комнаты 359. Общая композиція фигурной части 359. Миѳологическія картины 360. Миѳъ Деметры 360. Картины, изображающія приводъ и уводъ умершей 361. Погребальныя картины 362. Геройскій циклъ 362. Сцена погребальной процессіи 363. Группа музыкантовъ 365. Канделябръ и лампа 365. Столъ 366. Сцены охоты 366. Сцены жертвоприношенія 367. Происхожденіе системы росписи 367. Гробница Насоніевъ въ Римѣ 371. Причина особаго богатства росписи 373. Дата склепа 374.

d. Расписные саркофаги.

XXXII. Расписной саркофагъ, найденный въ 1900 г. . . . . стр. 376—389

Мѣстонахожденіе и исторія саркофага 376. Роспись саркофага 376. Описаніе отдѣльныхъ картинъ 377. Гирлянда 377. Трапеза 378. Мастерская художника 378. Юноша съ лошадью 379. Танецъ пигмеевъ 379. Сидящая женщина 380. Два всадника 380. Музыканты 380. Общая схема декоровки 381. Сюжеты картинъ 383. Особенности первыхъ четырехъ сценъ 384. Сцена писанія портрета 384. Сцена музыкантовъ 386. Сцена съ пигмеями 387. Дата саркофага 389.

XXXIII. Куски гипсовой облицовки съ росписью . . . . стр. 390—393

Мѣстонахожденіе и исторія памятниковъ 390. Роспись 390. Саркофагъ или ларецъ 391. Расписные ларцы эллинистическаго времени 391. Дата гипсовой облицовки 393.

e. Склепъ, украшенный скульптурой.

XXXIV. Склепъ, украшенный скульптурами, открытый въ Эль-Тегенѣ . стр. 394—397

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 394. Архитектура 394. Скульптура склепа 395. Дата склепа 396. Аналогіи 396

f. Склепы, характеръ росписи которыхъ не извѣстенъ.

XXXV. Расписные склепы римскаго времени, характеръ росписи которыхъ не извѣстенъ . . . . стр. 398—400

Склепъ 1850 г. 398. Склепъ Ульпіевъ 398. Склепъ въ усадьбѣ Ѳ. Ботаченка 399. Склепъ 1842 г. 400.

g. Склепы съ росписью геометрическаго стиля.

Общія замѣчанія . . . . стр. 401

XXXVI. Склепъ 1873 г. . . . . стр. 401—404

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 401. Архитектура 401. Роспись 402.

XXXVII. Склепы 1890 г. . . . . стр. 405—407

Группа склеповъ, къ которой принадлежатъ гробницы 1890 г. 405. Первый склепъ 1890 г. 405. Мѣстонахожденіе и исторія склепа 405. Архитектура 405. Роспись 405. Второй склепъ 1890 г. 406. Мѣстонахожденіе и исторія склепа 406. Архитектура 406. Роспись 406.

XXXVIII. Склепъ 1894 г. . . . . стр. 408—409

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 408. Архитектура 408. Роспись 408.

XXXIX. Склепъ 1897 года . . . . стр. 410—411

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 410. Архитектура 410. Роспись 410.

XL. Склепъ 1901 года . . . . стр. 412—416

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 412. Архитектура 412. Роспись 413.

XLI. Склепъ 1904 года . . . . стр. 417

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 417. Архитектура 417. Роспись 417.

XLII. Склепъ 1905 года . . . . стр. 418—420

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 418. Архитектура 418. Роспись 419.

XLIII. Склепъ 1912 года . . . . стр. 421—423

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 421. Архитектура 422. Роспись 422.

XLIV. Общая характеристика склеповъ геометрическаго стиля . . . стр. 424—434

Техника росписи 424. Орнаменты 424. Значеніе фигурной части росписи 426. Толкованіе сценъ 426. Виноградная лоза 429. Птицы 430. Лукъ 430. Сабазій, какъ хѳоническое божество 431. Θεὸς ὕψιστος 431. Коллегіи сабазіастовъ 432. Принадлежность склеповъ сабазіастамъ 433. Связь съ іудействомъ и христіанствомъ 434.

XLV. Приложеніе. Христіанская гробница, открытая въ 1912 г. . . . . стр. 435

ЧАСТЬ II.

Ольвія и Херсонесъ.

А. Ольвія.

XLVI. Остатки росписи ольвійскихъ домовъ и гробницъ. . . . . . стр. 436—438

Остатки росписи домовъ 436. Остатки росписи въ склепѣ 1902 г. 438.

Б. Херсонесъ.

XLVII. Предварительныя замѣчанія . . . . стр. 439—441

XLVIII. Склепъ съ языческой росписью 1894 г. . . . . „ 442—448

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 442. Архитектура 442. Роспись 443. Система росписи 444. Фигуры 445. Нагая женская фигура 445. Летящія фигуры 445.

XLIX. Склепъ 1903 года . . . . стр. 449—451

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 449. Архитектура 449. Роспись 450. Дата 451.

L. Склепъ 1904 (1853) года. стр. 452—458

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 452. Архитектура 452. Роспись 453. Потолокъ 454. Человѣческая фигура направо отъ входа 454. Роспись правой боковой стѣны 455. Находки въ склепѣ 456. Исторія склепа и его росписи 456.

LI. Склепъ 1905 года . . . . стр. 459—463

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 459. Архитектура 459. Роспись 459. Плафонъ 460. Роспись стѣнъ 460. Общая характеристика росписи 462. Дата склепа 462.

LII. Склепъ 1907 года. . . . . стр. 464

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 464. Архитектура 464. Роспись 464. Дата 464.

LIII. Второй склепъ 1907 года . . . . стр. 465—466

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 465. Архитектура 465. Роспись 465.

LIV. Склепъ 1909 года. . . . . „ 467—469

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 467. Архитектура 467. Роспись 467. Плафонъ 468. Стѣны 468. Дата 469.

LV. Склепъ 1912 года . . . . стр. 470—471

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 470. Архитектура 470. Роспись 470. Дата 471.

LVI. Склепъ на землѣ Н. И. Тура, окончательно разслѣдованный въ 1912 году. „ 472—480

Мѣстонахожденіе и исторія склепа 472. Архитектура 472. Перестройка склепа 473. Роспись склепа 474. Роспись задней стѣны 475. Роспись лѣвой боковой стѣны 476. Роспись правой боковой стѣны 476. Роспись правой части входной стѣны 478. Роспись плафона 478. Значеніе гробницы 478. Толкованіе главной картины 479.

LVII. Гробницы, украшенныя скульптурами. . . . . стр. 481—482

Склепъ № 1480 481. Склепъ № 2367 482. Камень, вдѣланный въ башню 482.

LVIII. Разборъ росписей христіанскихъ погребеній Херсонеса . . . „ 483—507

Однородность описанныхъ склеповъ 483. Архитектура 483. Система росписи 484. Инкрустація 485. Цвѣточный орнаментъ 485. Символы 486. Происхожденіе херсонесской системы росписи 486. Римскія катакомбы 486. Катакомбы Сиракузъ 487. Катакомбы Неаполя 488. Погребальныя мозаики сѣверной Африки 489. Росписи Салонъ 493. Расписная гробница въ Софіи 493. Памятники Востока 494. Египетъ 494. Бавитъ и Багаватъ въ Египтѣ 496. Сирія, Финикія, Палестина 497. Сирія 497. Финикія 498. Петра 499. Палестина 499. Общій характеръ стѣнной живописи Востока въ римское время 500. Генезисъ херсонесскаго пошиба цвѣточнаго стиля 501. Житія херсонесскихъ мучениковъ 503.

Приложеніе. В. Шкорпилъ. Катакомбы на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы (Объясненія къ табл. I—II) . . . . . стр. 508—509

Дополненія и поправки . . . . „ 510—517

Указатель . . . . „ 519—537

Перечень рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

стр.

1. Видъ кургана Б. Близницы въ 1883 г. (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.) 11
2. Планъ склепа № 3. 13
3. Планъ второго (расписного) склепа кургана Б. Близницы (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.). 15
4. Потолокъ (уступчатый) камеры второго склепа кургана Б. Близницы (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.) 16
5. Ваза, хранящаяся въ склепѣ Волумніевъ въ Перуджіи 25
6. Васюринская гора на Таманскомъ полуо-вѣ (съ каранд. рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.). 31
7. Планъ склепа перваго кургана Васюринской горы 32
8. Поперечный разрѣзъ камеры склепа перваго кургана Васюринской горы 33
9. Продольный разрѣзъ склепа перваго кургана Васюринской горы 33
10 и 11. Глиняная повозка, найденная въ Керчи въ 1911 г. 49
12. Схема одной четвертой части плафона главной комнаты гробницы въ Анфуши (съ наброска автора, рис. М. В. Фармаковскаго). 63
13. Планъ склепа 1908 г. (черт. С. Соколова) 70
14. Разрѣзъ склепа 1908 г. (черт. С. Соколова) 71
15. Планъ и разрѣзъ гробницы 1867 г. (чертежъ К. Полтавскаго). 91
16. Входъ въ склепъ, заваленный плитой (рис. Гросса) 92
17. Продольный разрѣзъ склепа (рис. Гросса). 93
18. Поперечный разрѣзъ склепа (рис. Гросса). 93
19. Видъ кургановъ на хребтѣ Юзъ-оба съ восточной стороны (съ карандашнаго рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.). 100
20. Видъ кургановъ на хр. Юзъ-оба съ зап. стороны (съ рис. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.) 101
21. Видъ кургановъ на Юзъ-оба съ восточной стороны, въ которыхъ сдѣланы были открытія 14 октября и 14 ноября 1860 г. (съ кар. рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.). 104
22. Видъ гробницы № 48, открытой 14 ноября 1860 г. въ курганѣ Юзъ-оба, со стороны открытаго входа въ галлерею (съ кар. рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.). 105
23. Планъ раскопокъ 1898 г. 114
24. Планъ раскопокъ 1899 г. 115
25 и 26. Двѣ гермы, найденныя въ 1899 г. 118
27. Планъ склепа, открытаго въ 1832 г. 137
28. Планъ второго склепа 1832 г. 150
29. Разрѣзъ второго склепа 1832 г. 151
30. Планъ склепа Алкима Гегесиппова 162
31. Планъ склепа Анѳестерія Гегесиппова. 171
32. Планъ склепа 1891 г. 184
33. Поперечный разрѣзъ склепа 1891 г. 185
34. Продольный разрѣзъ склепа 1891 г. 185
35. Планъ склепа 1895 г. 200
36. Поперечный разрѣзъ склепа 1895 г. 201
37. Продольный разрѣзъ склепа 1895 г. 201
38. Канделябръ, найденный въ Керчи въ 1912 г. 208
39. Обломокъ длинной доски (одна изъ длинныхъ сторонъ саркофага) 212
40. Деревянное полукружіе. 212
41. Часть фронтона одной изъ короткихъ сторонъ саркофага. 212
42. Обломокъ сухарнаго карниза саркофага 212

33067

стр.
43. Части саркофаговъ, найденныхъ въ Керчи въ 1872 г. 214
44. Черепокъ изъ Пергама 218
45. Черепокъ сосуда изъ Пергама 218
46. Гуси плафона погребальной комнаты Ка-гему въ Ассуанѣ (рис. В. С. Голенищева). . . 219
47. Голуби на плафонѣ гробницы Ка-гему въ Ассуанѣ (рис. В. С. Голенищева) 220
48. Стеклянная пластинка Александрійскаго музея 221
49. Планъ склепа 1873 г. 227
50. Продольный разрѣзъ склепа 1875 г. по линіи А—Б. 228
51. Поперечный разрѣзъ первой комнаты склепа 1873 г. по линіи Д—Е 229
52. Поперечный разрѣзъ второй комнаты склепа 1873 г. по линіи В—Г. 229
53. Планъ склепа Сорака. 245
54. Видъ склепа съ расписными саркофагами 273
55. Планъ склепа 1901 г. 277
56. Разрѣзъ склепа 1901 г. 278
57. Планъ склепа, открытаго въ 1875 г. 284
58. Планъ склепа, описаннаго Стасовымъ 295
59. Разрѣзъ склепа, описаннаго Стасовымъ, по линіи А—Б. 296
60. Разрѣзъ склепа, описаннаго Стасовымъ, по линіи В—Г. 296
61. Картина главной люнетки склепа, открытаго Кіпсh'омъ въ македонской Ѳракіи 313
62. Кабанъ, бѣгущій среди зарослей. Золотая обивка пряжки пояса (колл. Романовича). . . 323
63. Скелетъ, покрытый панцырной рубашкой. (Артилл. музей, раск. Н. Е. Бранденбурга) . 335
64. Реконструкція панцыря, найденнаго при раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга 336
65. Планъ склепа, открытаго Ашикомъ 348
66. Разрѣзъ первой комнаты склепа, описаннаго Ашикомъ (по линіи А—Б). 349
67. Общій видъ расписного саркофага 1900 г. 377
68 и 69. Пигмеи на алтарѣ музея въ Орвіето 388
70. Обломокъ расписной гипсовой облицовки 390
71. Планъ украшеннаго скульптурами склепа въ Эль-Тегенѣ 394
72. Планъ склепа во дворѣ Ѳ. Ботаченка 400
73. Планъ склепа 1873 г. 402
74. Разрѣзъ склепа 1873 г. по линіи А—Б. 403
75. Разрѣзъ склепа 1873 г. по линіи В—Г. 403
76. Планъ склепа 1901 г. 412
77 и 78. Разрѣзы склепа 1901 г. 413
79. Планъ склепа 1905 г. 418
80. Разрѣзъ склепа 1905 г. по линіи А—Б 419
81. Разрѣзъ склепа 1905 г. по линіи В—Г 419
82. Планъ склепа 1912 г. 421
83. Разрѣзъ склепа 1912 г. по линіи А—Б 422
84. Разрѣзъ склепа 1912 г. по линіи В—Г 422
85. Планъ христіанскаго склепа 1912 г.. 435
86. Роспись правой боковой стѣны локула и закладныхъ плитъ склепа 1904 (1853) г. (рис. М. И. Скубетова) 455
87. Планы и разрѣзы склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура 472
88. Роспись склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура. 475
89. Роспись правой боковой стѣны склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура (рис. М. И. Скубетова) 477
90. Часть росписи правой боковой стѣны склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура. 477
91. Фрагментъ коптской ткани въ Kaiser Friedrich Museum въ Берлинѣ. 491
92. Планъ гробницы въ Эсъ-Саломунъ 494
93. Схематическій набросокъ стѣнной росписи гробницы въ Эсъ-Саломунъ. 495
94. Фалары изъ Васюринскаго кургана, нынѣ въ Лондонѣ 508
95. Гробница съ навершьями, открытая Н. Е. Бранденбургомъ, нынѣ въ Артилл. музеѣ . 512
96. Сосудъ фабрики Энніона въ Нью-Іоркѣ 514
97. Погребальный вѣнокъ изъ Керчи 515
98. Изображеніе на золотомъ кольцѣ, хранящемся въ Нац. Библіотекѣ въ Парижѣ 516

Введеніе.

Античная декоративная живопись.

Вопросы исторіи античной декоративной живописи интересуютъ меня давно. Моя первая работа по исторіи искусства — студенческій рефератъ въ семинаріи Н. П. Кондакова—касалась эволюціи помпеянской живописи; моя первая печатная работа «О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ» основывается въ значительной степени на детальномъ знакомствѣ съ исторіей помпеянской декоративной живописи.

Съ помпеянской декоративной живописью мнѣ пришлось познакомиться ближе подъ авторитетнымъ руководствомъ покойнаго А. Мау, лекціи котораго по исторіи и археологіи Помпей, читанныя въ руинахъ самого города, мнѣ выпало на долю прослушать цѣликомъ дважды.

Съ тѣхъ поръ Помпеи и исторія декоративной живописи всегда были вопросами, къ которымъ я готовъ былъ вернуться въ каждый данный моментъ. Повторное посѣщеніе Помпей и рядъ работъ, касавшихся ихъ, не позволяли заглохнуть моему интересу къ этому единственному въ своемъ родѣ городу.

Уже тогда, когда я началъ заниматься исторіей декоративной живописи въ Помпеяхъ, мнѣ казалось, что превосходная книга Мау по исторіи декоративной живописи [1]), оставаясь канономъ въ области разбора системы и исторіи стилей декоративной живописи на почвѣ Помпей, нуждается въ дополненіи какъ сверху, такъ и снизу, какъ для эпохи болѣе ранней, чѣмъ такъ называемый первый помпеянскій декоративный стиль, такъ и для эпохъ болѣе позднихъ, чѣмъ время гибели Помпей. Для послѣдняго у Мау кое-какой матеріалъ, спеціально римскій, имѣется; перваго вопроса онъ совсѣмъ не затронулъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ этимъ дополненіемъ изслѣдованій Мау вверхъ и внизъ никто въ наукѣ не занимался и не занимается. Многіе старались исправить нѣкоторыя положенія Мау по истолкованію смысла нѣкоторыхъ особенностей помпеянскихъ росписей (напр. Petersen) [2]), другіе очень остроумно подчеркнули связь 2-го и 4-го помпеянскихъ стилей съ декораціями и фасадами эллинистическо-римскаго театра (Puchstein, Cube) [3]), частью пересматривали вопросъ о происхожденіи второго и третьяго помпеянскаго стилей (Ippel) [4]), или работали надъ отдѣльными частями помпеянской декоровки (Vetter) [5]), но все это кардинальнаго вопроса о возникновеніи помпеянской живописи и о развитіи ея послѣ Помпей, о связи и переходныхъ ступеняхъ между нею и византійской стѣнной росписью почти не касается.

[1]) A. Mau. Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompei. Berlin 1882, съ атласомъ.
[2]) E. Petersen. *Röm. Mitth.* 1903, 89 сл.
[3]) Cube. Die römische scenae frons и т. д. Berlin 1906; Puchstein. *Arch. Anz.* XI, 28.
[4]) A. Ippel. Der dritte pompeianische Stil. Berlin 1910.
[5]) M. Vetter. Der Sockel. Strassburg 1910.

Кое-что новаго въ первый изъ этихъ вопросовъ внесла работа Thiersch'а о двухъ расписныхъ гробницахъ въ Александріи [1]; меньше, чѣмъ можно было ожидать, внесло опубликованіе большой работы M. Bulard о росписи многочисленныхъ домовъ Делоса [2]. Второй же вопросъ оставался не затронутымъ. Въ поискахъ новаго матеріала для выясненія себѣ именно этого второго вопроса я натолкнулся въ 1897 г. на только что вышедшую тогда публикацію проф. Ю. А. Кулаковскаго о двухъ керченскихъ гробницахъ съ росписью [3] и немедленно отозвался на нее въ замѣткѣ, помѣщенной въ Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества [4]. Не удовлетворило меня въ этой публикаціи главнымъ образомъ то, что авторъ не пожелалъ оцѣнить значенія, которое имѣютъ опубликованныя имъ росписи для исторіи послѣ-помпеянской декоративной живописи.

Южно-русскій матеріалъ.

Собранный проф. Кулаковскимъ и частью переизданный имъ изъ прежнихъ публикацій матеріалъ впервые открылъ мнѣ глаза на то, что какъ разъ у насъ въ Россіи имѣется богатый, никѣмъ не изученный запасъ памятниковъ стѣнной декоративной живописи, и притомъ не спорадическій, а идущій подчасъ густою сплошною серіей; между тѣмъ остальныя части античнаго міра даютъ только обрывки, сосредоточенные на той или иной эпохѣ [5]. Поэтому, вернувшись въ Россію, я началъ собирать южно-русскій матеріалъ и сразу оцѣнилъ какъ огромную важность его, такъ и его неразработанность, а также и то, какъ мало знаютъ и понимаютъ этотъ матеріалъ не только въ западно-европейской, но и въ нашей наукѣ. Заручившись для своей работы поддержкой Императорской Археологической Коммиссіи (см. Предисловіе), я началъ изучать матеріалъ на мѣстѣ въ Керчи. Уже первое знакомство съ нимъ показало мнѣ, что не только работу оцѣнки и датировки, но и работу изданія придется сдѣлать всю съ самаго начала, такъ какъ все, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, частью недостаточно, частью неудовлетворительно.

Мартирологъ южно-русскихъ расписныхъ гробницъ.

Та же работа на мѣстахъ показала мнѣ, что разборъ сохранившихся памятниковъ и памятниковъ вновь найденныхъ составляетъ только часть работы, что большинство расписныхъ гробницъ, частью изданныхъ, частью неизданныхъ, либо затеряно, либо погибло, и что свѣдѣній о нихъ приходится искать никакъ не въ печатныхъ Отчетахъ И. А. К., а въ архивахъ ея, въ рукописномъ матеріалѣ.

Въ частности оказалось, что изъ крупныхъ памятниковъ росписи погибъ склепъ Б. Близницы, наполовину погибъ склепъ Васюринской горы и совсѣмъ склепъ кургана Карагодеуашхъ, рядомъ съ этимъ въ самой Керчи: склепъ Пигмеевъ, склепъ 1852 г. и рядъ другихъ болѣе мелкихъ, но тѣмъ не менѣе очень важныхъ склеповъ. Оказались затерянными и, можетъ быть, погибшими, во всякомъ случаѣ не могущими быть найденными даже путемъ систематическихъ разысканій, вырѣзанные въ скалѣ

[1]) H. Thiersch. Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria. Berlin 1904.

[2]) M. Bulard. Peintures murales et mosaiques de Delos (Monuments Piot. XIV). Paris 1908.

[3]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 19 (1896 г.).

[4]) *З. И. Р. А. О.* т. IX. Труды отд. археологіи др.-класс., виз. и зап.-евр. II, стр. 291 сл.

[5]) Такъ въ Этруріи, гдѣ всѣ гробницы принадлежатъ эпохѣ отъ VI до III в. до Р. Хр., въ Кампаніи (V—III в. до Р. Хр.), въ Танагрѣ (III—II в. до Р. Хр.). Почти сплошную, въ высшей степени интересную серію даетъ Египетъ, но здѣсь на памятники римскаго времени вниманія не обращается и они не изданы; не изданы цѣликомъ и александрійскія эллинистическія гробницы; не изданъ даже наконецъ и некрополь Ѳивъ. Не лучше обстоитъ дѣло и въ Римѣ, гдѣ богатѣйшій матеріалъ императорскаго времени никѣмъ никогда не былъ собранъ и освѣщенъ научно. Достаточно сказать, что послѣдняя попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана P. S. Bartoli въ XVIII в. Между тѣмъ матеріалъ очень обиленъ и глубоко интересенъ; подробнѣе объ этомъ во второмъ томѣ.

склепы-комнаты Ашика (открытый въ 1841 г.), Алкима (1868 г.) и склепъ, открытый въ 1875 г. Въ склепѣ Анѳестерія роспись была сознательно уничтожена, въ склепѣ 1873 г. сильно попорчена. Склепъ, описанный Стасовымъ (1872 г.), долго былъ затерянъ и вновь найденъ случайно только въ 1899 г. Я привожу въ этомъ спискѣ исключительно только крупные памятники и только памятники, гдѣ точно засвидѣтельствовано существованіе росписи. Гибели ряда другихъ не менѣе важныхъ памятниковъ гробничной архитектуры я не касаюсь.

Причина гибели гробницъ.

Состояніе наличнаго матеріала оказалось такимъ образомъ очень печальнымъ, и поневолѣ возникалъ вопросъ, гдѣ причина этого мартиролога столь исключительно важныхъ памятниковъ. Въ мою задачу не входитъ выяснять здѣсь эту причину. Но нѣсколько словъ сказать слѣдуетъ.

Несмотря на рядъ правильныхъ теоретическихъ указаній изъ Петербурга на необходимость систематическихъ изысканій, точныхъ отчетовъ, точнаго разслѣдованія, точныхъ промѣровъ и нанесенія всего найденнаго на планы и карты, работа на мѣстѣ въ Керчи и на Тамани началась и шла почти до нашего времени совершенно безсистемно, по методу и часто подъ вліяніемъ психологіи кладоискательства. Причиною этого было то, что завѣдывали раскопками на мѣстахъ не спеціалисты-археологи, а чиновники, дѣлавшіеся спеціалистами-практиками, но не имѣвшіе ни исторической, ни археологической, ни филологической подготовки. Эти лица естественнымъ образомъ всецѣло усвоили технику, а отчасти и психологію мѣстныхъ кладоискателей, «счастливчиковъ», тонкихъ знатоковъ-техниковъ своего дѣла. Результатъ, котораго добивались руководители раскопокъ, былъ тотъ же, котораго добивались и «счастливчики»: найти какъ можно болѣе видныхъ и красивыхъ вещей для отсылки ихъ въ Петербургъ, гдѣ такая присылка всегда производила, и не могла не производить, большое впечатлѣніе.

По мѣрѣ силъ, конечно, руководители раскопокъ и директора Керченскаго музея, а также командированные изъ Петербурга археологи старались исполнять требованія научнаго разслѣдованія, но тутъ они дѣйствовали только какъ хорошіе чиновники, не вполнѣ ясно отдавая себѣ отчетъ, для чего это нужно и что изъ этого можно вывести.

При такихъ условіяхъ системы въ работѣ въ Керчи и на Боспорѣ не было и не могло быть. Опредѣленныхъ научныхъ задачъ не ставили. Разрѣшенія опредѣленнаго вопроса не добивались, копали, чтобы найти «вещи», по возможности «золотыя». Это исканіе «золотыхъ вещей» пагубно отразилось на отношеніи ко всему остальному, ко всему антуражу этихъ вещей, и главнымъ образомъ къ сооруженіямъ, гдѣ эти вещи находились. Къ этимъ сооруженіямъ и на мѣстахъ, и въ Петербургѣ относились холодно и равнодушно, не заботились объ ихъ охранѣ, не искали для этого денегъ и полномочій, которыхъ такъ успѣшно и энергично добивались для дальнѣйшихъ раскопокъ. Результатомъ была гибель одного памятника за другимъ: погибли Золотой курганъ и его склепъ, погибъ склепъ Куль-Оба, погибли многіе склепы на Юзъ-Оба, растасканы были склепы Б. Близницы и Васюринской горы и т. д., и т. д.

Главной причиной этого въ высшей степени грустнаго явленія было то, что къ названнымъ памятникамъ настоящаго интереса ни на мѣстахъ, ни въ Петербургѣ, ни въ обществѣ не было, и объ ихъ существованіи немедленно послѣ ихъ открытія легко, но зато прочно забывали.

Затерянные памятники.

Какъ уже сказано, такому забвенію, равносильному разрушенію, подвергались не только памятники, которые трудно было охранить за дальностью разстоянія, памят-

ники, лежавшіе въ степи за десятки верстъ отъ жилья или по сосѣдству съ глухими мѣстечками, но и памятники, лежавшіе въ чертѣ города, на его окраинахъ, на знаменитомъ сѣверномъ склонѣ Митридата; таковы были склепы: Пигмеевъ, 1852 г., Ашика, Алкима, Анѳестерія, 1875 г. и др. Не мѣняло дѣла и то, что найденные склепы могли сдѣлаться одною изъ любопытнѣйшихъ достопримѣчательностей города: мѣстное населеніе относилось къ нимъ совершенно равнодушно, а въ большинствѣ случаевъ даже враждебно. Памятниковъ этихъ никто изъ мѣстныхъ жителей не посѣщалъ, а потому и мѣстоположенія ихъ не помнилъ. Въ городѣ, въ населеніи такимъ образомъ традиціи о мѣстонахожденіи любопытныхъ расписныхъ гробницъ сохраниться не могло.

Не сохранилось, однако, такой традиціи и въ оффиціальныхъ бумагахъ. Раскопки, какъ я уже сказалъ, велись безъ всякой системы, то здѣсь, то тамъ, au petit bonheur. То, что раскапывалось, засыпалось, ходъ раскопокъ описывался, вещи размѣщались въ музеяхъ, и никому и въ голову не приходило, что, хотя бы для экономіи казѐнныхъ суммъ, надо было отмѣтить на планѣ города, въ какомъ именно мѣстѣ и когда производились раскопки. Благодаря этому часто бывало, что новые руководители раскопокъ усердно перерывали тѣ мѣста, гдѣ копали уже ихъ предшественники, и, что любопытнѣе всего, иногда находили очень хорошія вещи.

Насъ интересуетъ, однако, не это, а то, что такая система незанесенія раскопаннаго на планъ города привела къ полному забвенію мѣстонахожденія самыхъ интересныхъ гробницъ. Кромѣ глухихъ неопредѣленныхъ указаній: «на сѣверо-западномъ склонѣ Митридата» или «около печей Ростовскаго» или т. п., никакихъ данныхъ для локализаціи гробницъ въ нашихъ матеріалахъ не имѣется.

Въ результатѣ всего этого создалось то, что, какъ уже сказано было, для цѣлаго ряда склеповъ нельзя съ увѣренностью сказать, существуютъ ли они еще, или погибли. Намъ, однако, за невозможностью ихъ найти, остается занести ихъ въ категорію тѣхъ, планъ и роспись которыхъ приходится возстановлять на основаніи не оригиналовъ, хотя бы и пострадавшихъ, а старыхъ съемокъ и описаній.

Характеръ работы надъ памятниками.

Работа описанія и изданія расписныхъ склеповъ Боспорскаго царства естественно поэтому должна была распасться на двѣ части: работу надъ памятниками на мѣстѣ и работу архивную въ Петербургѣ. Постараюсь вкратцѣ охарактеризовать ходъ какъ первой, такъ и второй.

Работа на мѣстѣ.

Работа на мѣстѣ затруднена была тѣмъ, что всѣ почти даже сохранившіяся гробницы приходилось каждый разъ, когда нужно было ими заняться, вновь отрывать. Особенно затруднительно было это для отдаленнаго склепа на Васюринской горѣ, открытіе котораго требовало каждый разъ цѣлой экспедиціи. Тѣмъ не менѣе, благодаря неизмѣнной любезности В. В. Шкорпила, многія гробницы открывались по два и по три раза; въ послѣдній разъ въ 1911 году, когда мною были передъ самими росписями провѣрены ихъ описанія. Изученіе росписей на мѣстѣ показало мнѣ, насколько неудовлетворительны и неточны были сдѣланныя съ нихъ въ свое время художникомъ Гроссомъ копіи. Онѣ не только не передавали стиля, но во многихъ пунктахъ оказались въ высшей степени неточны. Многое Гроссъ реставрировалъ и притомъ дóма, а не передъ памятниками, многое перепутывалъ. Лучшія изъ его копій — копіи росписи Стасовской гробницы—содержатъ все-таки очень много неточностей и совершенно не передаютъ стиля.

Копіи въ краскахъ и фотографіи.

Одно время я думалъ совершенно избѣжать репродукціи въ моемъ изданіи копій съ росписей въ краскахъ, полагая возможнымъ замѣнить ихъ фотографіями. Но, къ сожалѣнію, ни фотографіи Рубанчика, ни фотографіи его преем-

никовъ Рѣзникова и Бернштейна не оказались достаточно хороши, чтобы можно было удовлетворяться ими одними. Условія съемки въ большинствѣ склеповъ настолько неблагопріятны, что вполнѣ хорошихъ снимковъ добиться въ нихъ невозможно.

Ясно было, что безъ новыхъ копій въ краскахъ не обойтись. Къ счастью судьба послала мнѣ въ лицѣ М. В. Фармаковскаго не только крупнаго художника съ большимъ талантомъ и превосходной школой, но и классика по образованію, знатока и любителя классической древности. Этотъ истинный подарокъ судьбы я постарался использовать до конца. М. В. Фармаковскій скопировалъ, могу сказать, всѣ тѣ остатки монументальной декоративной живописи, изданные и неизданные, которые сохранились на югѣ Россіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые были перевезены въ Петербургъ и еще до того, какъ судьба свела меня съ М. В. Фармаковскимъ, скопированы были точно и съ большимъ мастерствомъ художникомъ Раевскимъ.

Жалѣю только о томъ, что мастерскія акварели М. В. Фармаковскаго воспроизведены въ очень несовершенной техникѣ трехцвѣтной печати и притомъ не наиболѣе усовершенствованнымъ изъ существующихъ нынѣ способовъ.

Планы.

Работа на мѣстѣ выяснила мнѣ также, какъ мало снято было въ свое время плановъ съ отдѣльныхъ памятниковъ архитектуры, какъ несовершенны снятые планы и какъ трудно получить точный планъ и точные разрѣзы. Пришлось поэтому продѣлать огромную работу пересъемки всѣхъ плановъ сохранившихся склеповъ, значительную часть которой осуществилъ технологъ перваго разряда С. К. Соколовъ.

Архивный матеріалъ.

Одновременно съ лѣтней работой на мѣстахъ, которая безъ постоянной, всегда одинаково любезной помощи В. В. Шкорпила осуществлена быть не могла, зимою я разбирался въ томъ архивномъ матеріалѣ, который могъ бы мнѣ помочь возстановить затерянныя или разрушенныя гробницы.

Этотъ архивный матеріалъ далеко не во всѣхъ своихъ частяхъ равноцѣненъ и одинаковъ. Распадается онъ хронологически на три части: а) до изданія Древностей Босфора Киммерійскаго, б) между изданіемъ Древностей и основаніемъ Имп. Арх. Коммиссіи и в) послѣ основанія Коммиссіи до нашего времени.

Дѣла тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ знакомы мнѣ главнымъ образомъ по архиву Эрмитажа, который теперь поступилъ въ архивъ И. А. К. Здѣсь имѣются какъ оригиналы многихъ бумагъ, такъ и французскій переводъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, важныхъ для изданія Древностей. Большую цѣнность этому матеріалу придаетъ иллюстрація отдѣльныхъ отчетовъ рисунками, иногда воспроизводящими потерянные памятники. Такъ, только по рисункамъ Карейши можно было уразумѣть настоящій планъ и понять распредѣленіе росписи въ склепѣ Пигмеевъ.

Большую цѣнность имѣетъ и цѣлый альбомъ рисунковъ, сдѣланныхъ арх. помощникомъ Шмаковымъ и землемѣромъ Рябовымъ въ 1852 г. для изданія Древностей Босфора Киммерійскаго, въ отвѣтъ на вопросы, поставленные Жилемъ. Альбомъ этотъ сохранилъ до насъ гробницу 1852 г., искаженную Макферсономъ.

Позднѣйшія дѣла, касающіяся археологическаго разслѣдованія Керчи, нынѣ также хранятся въ архивѣ И. А. К., куда они поступили изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ по иниціативѣ А. А. Спицына были сдѣланы выписки важнѣйшаго матеріала. Этими выписками, благодаря любезности А. А. Спицына, я пользовался не разъ, хотя чаще приходилось пользоваться оригинальными документами, главнымъ образомъ въ поискахъ за рисунками и планами.

Кое-какой матеріалъ дали мнѣ и альбомы рисунковъ Одесскаго общества исторіи и древностей. Одинъ изъ нихъ по моей просьбѣ (указанъ мнѣ былъ Н. И. Рѣпниковымъ) присланъ былъ мнѣ для изученія въ Петербургъ [1]).

Отчеты И. А. К.

Съ 1859 г. начинаются печатные Отчеты И. А. К. [2]). Существованіе этихъ Отчетовъ и атласовъ къ нимъ не избавили меня отъ необходимости пользоваться архивнымъ матеріаломъ, т. е. дѣлами Коммиссіи. Отчеты въ концѣ концовъ только указывали мнѣ, да и то не всегда, гдѣ и чего искать въ дѣлахъ; ими одними удовольствоваться было невозможно. Причина этого лежитъ въ томъ, что печатные Отчеты до 1889 г. представляютъ очень сжатую, иногда до невразумительности, выдержку изъ отчетовъ руководителей раскопокъ безъ всякихъ иллюстрацій (съ 1889 г. все это измѣнилось; отчеты хотя и печатались, какъ и прежде, въ краткихъ выдержкахъ, но появилась и иллюстрація, а съ 1901 г. въ «Извѣстіяхъ И. А. К.» стали появляться цѣликомъ напечатанные отчеты завѣдующихъ раскопками съ многочисленными иллюстраціями). Вещи и памятники издавались въ атласахъ и приложеніяхъ къ отчету, составлявшихся академикомъ Стефани. Къ сожалѣнію, Стефани издавалъ далеко не все, а еще меньшее количество памятниковъ подвергалъ тщательному разбору. Поэтому большинство плановъ, представлявшихся руководителями раскопокъ въ Коммиссію, большинство чертежей и рисунковъ съ различныхъ предметовъ въ отчеты и въ приложенія совсѣмъ не попадали.

Рисунки Гросса.

Понятно поэтому, что всякому занимающемуся извѣстной серіей памятниковъ приходится постоянно обращаться къ рукописному матеріалу за справками и дополненіями. Еще чаще—къ альбому, составленному изъ рисуковъ неутомимаго Гросса, дѣйствительно зарисовывавшаго худо ли, хорошо ли почти все, что находилось въ его время на югѣ Россіи. Во многихъ случаяхъ и для многихъ памятниковъ рисунки Гросса есть единственное, что отъ нихъ осталось. Читатель поэтому не удивится, находя въ иллюстраціяхъ къ предлагаемой книгѣ немало репродукцій этихъ въ художественномъ отношеніи рядовыхъ, а иногда и плохихъ рисунковъ. Это все, что осталось отъ многихъ первоклассныхъ памятниковъ зодчества и росписи.

Къ сожалѣнію, не всѣ рисунки Гросса до насъ дошли. Тѣ изъ нихъ, или большинство тѣхъ изъ нихъ, которые были воспроизведены большею частью въ уменьшенномъ до крайности, иногда до невразумительности, видѣ въ Приложеніяхъ къ О. И. А. К. (Стефани росписями не интересовался и ихъ значенія не понималъ, какъ вообще не понималъ особенностей культурнаго уклада нашего юга), окончательно утеряны. Ихъ, очевидно, не вернули въ Коммиссію изъ типо-литографіи Медвѣдева, гдѣ ихъ репродуцировали для изданія.

Для многихъ памятниковъ эта утеря очень печальна, такъ какъ рисунки въ отчетахъ даютъ о нихъ неполное, а иногда неправильное представленіе. Особенно досадна утрата съемки росписи склепа Алкима. Къ счастью въ архивѣ Керченскаго музея нашлись черновики Гросса, съ которыхъ, очевидно, сдѣланы были рисунки, посланные въ Коммиссію.

Керченскій архивъ.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось цѣликомъ переработать самому архивъ Керченскаго музея. Но я думаю, что ничего существеннаго изъ этого архива не упущено, такъ какъ соотвѣтственныя группы документовъ были пересмотрѣны для меня В. В. Шкорпиломъ.

[1]) Къ Керчи имѣютъ отношеніе только тѣ Одесскіе альбомы и картоны архива, гдѣ хранятся рисунки и документы Бларамберга, перваго директора Керченскаго музея, жившаго, однако, въ Одессѣ. Въ дѣлахъ Керченскаго музея никакихъ свѣдѣній объ его раскопкахъ не сохранилось.

[2]) До этого въ 1855 г. издано было, какъ прототипъ позднѣйшихъ Отчетовъ, «Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 г.» Спб. 1855.

Я уже говорилъ, что не всѣ архивныя данныя равноцѣнны. Особенно важны были для меня отчеты руководителей раскопокъ—Карейши, директоровъ Керченскаго музея и командированныхъ на раскопки членовъ Археологической Коммиссіи. Отчеты эти въ высшей степени индивидуальны. Очень обстоятельны и добросовѣстны отчеты Карейши, хотя въ нихъ часто проглядываетъ—особенно въ рисункахъ—техническая и научная безпомощность этого симпатичнаго и увлеченнаго своею дѣятельностью человѣка. Болѣе поверхностны отчеты Ашика, въ которыхъ онъ старался блеснуть своею призрачною ученостью; ихъ очень скрашиваютъ иногда очень хорошіе рисунки его помощника, «скульптора и рисовальщика при Керченскомъ музеѣ Древностей» Бѣгичева [1]), фактически производившаго раскопки въ виду постояннаго отсутствія Ашика въ сороковыхъ годахъ.

Оцѣнка отчетовъ руководителей раскопокъ.

При А. Е. Люценкѣ (былъ директоромъ съ 1853 г. до 1878 г.) начинается дѣятельность Ѳ. И. Гросса. Поэтому отчеты Люценка очень обильны рисунками, планами и чертежами. Къ памятникамъ, однако, онъ относился небрежно, и на его совѣсти лежитъ гибель склеповъ Б. Близницы, Васюринской горы и пр. При немъ на Тамани много копали Забѣлинъ и бар. Тизенгаузенъ. Отчеты Забѣлина, къ сожалѣнію, гораздо хуже отчетовъ Люценка; въ нихъ больше словъ, чѣмъ существа дѣла. Отчетовъ Тизенгаузена, собственно говоря, нѣтъ. Все, что имъ писалось объ его находкахъ, это тѣ жалкія двѣ-три строки, которыя напечатаны въ О. И. А. К. Совершенно не замѣтно, чтобы отчеты Забѣлина и Тизенгаузена дѣйствительно составлялись такими крупными учеными, какими были оба названныя лица.

Добросовѣстными чиновничьими отчетами являются и донесенія Веребрюсова (съ 1878 г. по 1884) и доклады Ѳ. И. Гросса (съ 1884 по 1891).

Объ ихъ преемникахъ К. Е. Думбергѣ и В. В. Шкорпилѣ здѣсь говорить не приходится (см. выше предисловіе и ниже въ текстѣ).

Отчеты перечисленныхъ лицъ я постарался использовать полностью и часто цитирую ихъ дословно. Многіе рисунки и планы, взятые оттуда, воспроизводятся здѣсь впервые.

Но работа надъ описаніемъ или возсозданіемъ памятника, если онъ былъ потерянъ, была только небольшою частью всей той работы, которая должна была быть продѣлана для написанія моей книги. Мало было описать памятники, ихъ нужно было датировать и объяснить.

Датировка и объясненіе памятниковъ.

Въ этомъ направленіи, какъ я уже говорилъ выше, почти ничего тѣми, кто опубликовалъ въ свое время нѣкоторыя изъ нашихъ росписей, сдѣлано не было. Да и сдѣлать тутъ что-нибудь путное могъ только тотъ, у кого въ рукахъ находился весь матеріалъ.

Состояніе вопроса.

Очень мало содержательны поэтому краткія замѣтки объ отдѣльныхъ гробницахъ Стефани; только какъ иллюстраціоннымъ матеріаломъ пользуются нашими гробницами графъ Толстой и Кондаковъ въ своихъ Русскихъ Древностяхъ. Больше даетъ Стасовъ [2]). Онъ первый правильно отмѣтилъ восточные элементы въ росписи, но, къ сожалѣнію, мало знакомый съ греческимъ міромъ, эти элементы переоцѣнилъ; не выяснилъ онъ также, какъ и почему эти элементы попали въ Боспорское царство. Къ сожалѣнію, правильныя до извѣстной степени мысли Стасова, изложенныя въ

[1]) Объ отношеніяхъ между Ашикомъ и Карейшей см. В. В. Шкорпилъ, *Изв. Тавр. уч. арх. комм.*, в. 40, 63 сл. Ашикъ фактически былъ директоромъ музея съ 1826 до 1853 г. Съ 1826 до 1832 номинально директоромъ музея былъ Бларамбергъ, жившій всегда въ Одессѣ и только изрѣдка наѣзжавшій въ Керчь.

[2]) См. ниже главу объ изданномъ имъ склепѣ 1872 г.

сумбурной подчасъ формѣ и безъ убѣдительныхъ доказательствъ, съ одной стороны оттолкнули отъ нашихъ росписей западно-европейскихъ ученыхъ, для которыхъ росписи нашего юга со времени Стасова не казались болѣе греческими, съ другой нашли себѣ слишкомъ рѣзкій отпоръ въ работѣ Ю. А. Кулаковскаго и въ моей уже упомянутой замѣткѣ. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что, кромѣ указаннаго отношенія къ Стасову, никакихъ новыхъ положительныхъ результатовъ для пониманія и датировки гробницъ и ихъ росписей работа Ю. А. Кулаковскаго не содержитъ.

Главнымъ, однако, недостаткомъ всѣхъ перечисленныхъ работъ является то, что всѣ онѣ берутъ отдѣльные изолированные памятники и въ этой ихъ изолированности и одиночности пытаются ихъ датировать и объяснять. При такихъ условіяхъ подчасъ правильныя датировки и объясненія не кажутся убѣдительными и исчерпывающими. Къ тому же всѣ, кромѣ Стасова, почти не привлекли сравнительнаго матеріала, а матеріалъ Стасова взятъ обыкновенно изъ такихъ эпохъ и областей, которыя прямымъ путемъ съ нашими памятниками никакъ связаны быть не могутъ.

При такихъ условіяхъ всю работу датировки памятниковъ мнѣ пришлось продѣлать совершенно самостоятельно и наново, независимо отъ моихъ предшественниковъ.

Находки въ гробницахъ.

Для датировки нашихъ памятниковъ, кромѣ анализа самой росписи, часто рѣшающее значеніе имѣютъ находки, сдѣланныя въ самомъ склепѣ или въ сооруженіяхъ того же кургана, предположительно одновременныхъ. Эти находки въ отчетахъ о раскопкѣ соотвѣтственныхъ гробницъ обыкновенно только перечисляются безъ всякихъ попытокъ классификаціи и датировки. Только часть находокъ публиковалъ Стефани, обыкновенно только наиболѣе выдающіяся вещи. Пришлось поэтому заняться и ими подробно, что привело послѣ долгихъ работъ въ Имп. Эрмитажѣ къ цѣлому ряду очень важныхъ хронологическихъ выводовъ, особенно для наиболѣе раннихъ склеповъ Таманскаго полуострова.

Анализъ росписи.

Но главнымъ хронологическимъ критеріемъ всетаки оставался анализъ самой росписи и сравненіе каждаго памятника съ родственными ему и аналогичными памятниками другихъ частей древняго міра. Для этой цѣли пришлось во многихъ случаяхъ заново собирать матеріалъ, т. е. не только переработать довольно большую литературу, но и постараться познакомиться съ наиболѣе важными памятниками на мѣстѣ, а также найти новый, еще неизвѣстный матеріалъ. Эту цѣль я имѣлъ въ виду во всѣхъ моихъ многочисленныхъ путешествіяхъ за границу въ послѣдніе годы. Выдѣлить собранный такимъ путемъ сравнительный матеріалъ цѣликомъ въ особую часть труда, во второй томъ его, какъ я это предполагалъ сдѣлать, приступая къ обработкѣ памятниковъ, оказалось невозможнымъ. Безъ этихъ сравнительныхъ данныхъ датировка многихъ памятниковъ врядъ-ли оказалась бы убѣдительной.

Отдѣльно, а не при описаніи памятниковъ, предположительно въ особой книгѣ, собирался я сначала говорить и о толкованіи отдѣльныхъ изображеній и о тѣхъ выводахъ, которые можно сдѣлать изъ этого толкованія для культурной и религіозной исторіи Боспорскаго царства. Но и здѣсь такое строгое дѣленіе оказалось невозможнымъ.

Самое описаніе гробницъ уже предполагаетъ ихъ толкованіе, а толкованіе должно быть, конечно, убѣдительно обставлено. Пришлось поэтому въ главахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ гробницамъ, затронуть и многіе общіе вопросы въ связи съ общей культурной, соціальной и религіозной исторіей Боспорскаго царства.

Сравнительный матеріалъ.

Однако, изложеніе всѣхъ связанныхъ съ нашими памятниками вопросовъ, данное при ихъ описаніи, я далеко не считаю исчерпывающимъ. Въ надлежащую исто-

рическую связь матеріалъ, даваемый нашими росписями, и по отношенію къ исторіи декоративной живописи, и по отношенію къ религіозной и культурной исторіи Боспорскаго царства, можетъ быть поставленъ только въ систематическихъ главахъ, которыя частью, поскольку дѣло идетъ объ исторіи декоративной живописи, составятъ содержаніе второго тома моей настоящей работы, частью войдутъ въ особую подготовляемую мною къ печати книгу. Повторенія, конечно, будутъ неизбѣжны, но вреда отъ этого я никакого не вижу.

Соотвѣтственно указанному дѣленію моей работы на части распредѣлена между этими частями и репродукція памятниковъ. Въ атласъ, приложенный къ первой выпускаемой части, вошли всѣ памятники, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ, весь южно-русскій матеріалъ, изъ сравнительнаго же матеріала только то, безъ чего южно-русскій матеріалъ былъ бы непонятенъ. При этомъ я старался воспроизводить только неизданные и плохо изданные памятники, избѣгая такихъ, которые легко найти въ репродукціяхъ въ другихъ, всѣмъ доступныхъ изданіяхъ.

Наоборотъ, весь собранный мною сравнительный матеріалъ, въ большинствѣ также неизданный, будетъ иллюстрировать гораздо менѣе обильно, конечно, второй томъ и указанное мною выше спеціальное сочиненіе о культурномъ и соціальномъ укладѣ Боспорскаго царства.

Роспись домовъ Пантикапея.

Все, что я говорилъ до сихъ поръ, касалось главнымъ образомъ матеріала, добытаго на пространствѣ Боспорскаго царства, и спеціально расписныхъ гробницъ. Кромѣ гробницъ, однако, Керчь дала и рядъ фрагментовъ штукатурной расписной облицовки пантикапейскихъ домовъ эллинистическаго времени. Работа надъ этими фрагментами отняла у меня немало времени и труда, такъ какъ система росписи пантикапейскихъ домовъ хотя и очень близка къ делосской, но далеко не совпадаетъ съ ней во всѣхъ деталяхъ. Наиболѣе важные фрагменты всѣ зарисованы студ. Головымъ и издаются здѣсь по его рисункамъ.

Херсонесъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о Херсонесѣ.

Если я привлекъ къ дѣлу и херсонесскій матеріалъ, несмотря на то, что это по большей части росписи христіанскія, то сдѣлалъ я это, главнымъ образомъ, по соображеніямъ практическимъ. Мнѣ казалось, что, если я не издамъ этого матеріала, то онъ такъ и останется лежать на долгое время. Мнѣ думается, что тѣ ошибки и недосмотры, которые я сдѣлалъ при толкованіи простыхъ христіанскихъ росписей Херсонеса, частью устранятъ мои друзья—христіанскіе археологи еще при печатаніи книги, частью отбросятъ и исправятъ тѣ, кто будетъ моею книгою пользоваться. Между тѣмъ, матеріалъ всетаки будетъ изданъ и войдетъ въ научный обиходъ.

Съ другой стороны издать херсонесскій матеріалъ побуждали меня и соображенія теоретическія. Принципы декоративной живописи и языческой, и христіанской одни; въ первые вѣка христіанства языкъ формъ у христіанскаго искусства тотъ же, что у языческаго; свои формы—если таковыя имѣлись вообще—христіанское искусство создало позднѣе. Поэтому херсонесскіе склепы являются такимъ же, хотя и позднимъ звеномъ въ развитіи декоративной античной живописи, какъ и памятники Боспора. Съ этой стороны я ихъ главнымъ образомъ и оцѣниваю.

Работа надъ херсонесскими памятниками оказалась значительно проще, чѣмъ надъ боспорскими. Мѣстоположеніе всѣхъ памятниковъ извѣстно, всѣ памятники (поскольку они сохранились), за однимъ исключеніемъ, доступны для изученія, всѣ болѣе или менѣе охраняются, всѣ лучше или хуже описаны.

Правда, и они неудержимо разрушаются отъ дѣйствія воздуха, но это есть неизбѣжный процессъ, наблюденіе надъ которымъ побѣдило во мнѣ послѣднія сомнѣнія и заставило включить въ издаваемую книгу и Херсонесскую серію расписныхъ гробницъ.

Часть I.

Боспорское царство.

A. Памятники ранняго эллинизма.

I. Склепъ кургана Большой Близницы.

(Табл. IV—VI; VII, 2—4; VIII—X; XI, 1; рис. 1—5).

Мѣстоположеніе.

Курганъ Б. Близница расположенъ на высокомъ хребтѣ у лимана Цукуръ къ с.-з. отъ Стеблеевской станицы, довольно далеко отъ моря, въ 9 верстахъ къ ю.-з. отъ почтовой станціи Сѣнной, направо отъ дороги, ведущей изъ Тамани въ Темрюкъ [1]). Это огромная насыпь въ 7 саж. выш. и 160 саж. окр., теперь сплошь изрытая траншеями и минами и безъ верхушки (см. рис. 1). Рядомъ съ нимъ возвышается не менѣе величественный курганъ, обычно называемый М. Близницей.

История раскопокъ. Первый «жженый точокъ».

Раскопки въ курганѣ начаты были лѣтомъ 1864 г. членомъ Археолог. Коммиссіи И. Е. Забѣлинымъ на западной сторонѣ. Почти у самаго основанія кургана найденъ былъ прежде всего въ насыпи такъ называемый «*жженый точокъ*», занимавшій площадь въ 10 кв. аршинъ (см. лит. *a* на планахъ табл. IV, 1. 2). «Здѣсь въ разныхъ мѣстахъ и особенно посрединѣ точка въ слояхъ пепла, перегорѣвшей земли и угольевъ» [2]) найденъ былъ рядъ вещей, описанныхъ и отчасти воспроизведенныхъ Стефани въ Приложеніи къ отчету 1865 г. [3]); среди нихъ особенное значеніе для насъ имѣютъ монета Александра Великаго [4]) и «болѣе 600 мѣдныхъ гвоздей, вѣроятно отъ гроба» [5]).

Первый склепъ.

Черезъ двѣ недѣли, въ концѣ іюня, на разстояніи 4 саж. отъ «жженаго точка», прямо противъ него на в., найденъ былъ каменный *склепъ* около 5 арш въ квадратѣ и около 5 арш. вышины, съ уступчатымъ верхнимъ покрытіемъ (см. табл. V, 1). Передъ склепомъ впослѣдствіи, въ августѣ мѣсяцѣ, обнаружена была галлерея дл. 4 арш., шир. 3½ арш., «ведущая ко входу въ него и состоящая изъ двухъ стѣнъ, похожихъ на крылья, съ промежуткомъ между ними безъ крыши. Стѣны эти сложены изъ штучныхъ камней» [6]). Конструкція и состояніе склепа при открытіи характеризуются Забѣлинымъ слѣдующимъ образомъ: двери или входъ въ склепъ были разобраны; самъ склепъ «былъ сложенъ изъ очень рухлаго известняка, отдѣланнаго безъ особой

---

[1]) Герцъ, Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Собраніе сочиненій I, 81 и карта № 2.

[2]) Цитаты, характеризующія результаты раскопокъ Забѣлина 1864 г., взяты изъ журнала раскопокъ въ донесеніи Забѣлина отъ 14 августа 1864 г. (Дѣло И. А. Комм. № 14).

[3]) Стефани, О. И. А. К., Прил. стр. 11 сл.

[4]) Стефани l.l. 12, 4. Этотъ золотой статеръ обычнаго типа точно датированъ быть не можетъ.

[5]) Скорѣе отъ катафалка или носилокъ, см. ниже. Костей животныхъ или людей при раскопкахъ, очевидно, найдено не было. По крайней мѣрѣ Забѣлинъ о находкѣ подобнаго рода не говоритъ ни слова.

[6]) Журналъ раскопокъ Люценка съ 17 августа по 15 октября.

чистоты, такъ какъ въ иныхъ мѣстахъ камни не были окончены отескою. Кромѣ того, много камней, особенно въ сводѣ, имѣли значительныя трещины, что могло произойти или отъ давленія земляной насыпи или отъ бывшаго здѣсь землетрясенія. Въ южной сторонѣ свода сверхъ того обвалилось почти все ребро одного ряда сводныхъ камней» [1]).

Точный планъ этого склепа въ свое время снятъ не былъ. Схематическій планъ (см. табл. IV, 1. 2), а также общій видъ склепа даютъ рисунки Гросса (см. табл. V, 1), сдѣланные въ 1864 г. О дальнѣйшей судьбѣ его говоритъ рапортъ Люценка Керченскому Градоначальнику отъ 4 сентября 1864 г. за № 39: «Что же касается до склепа, котораго сводъ вскорѣ послѣ открытія его обрушился, то общество бывшей Стеблеевской станицы полагаетъ разобрать его и вынутый камень употребить на постройку колокольни при каменной церкви, находящейся въ означенной станицѣ».

Рис. 1. Видъ кургана Б. Близницы въ 1883 г. (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.).

Склепъ найденъ былъ нетронутымъ, хотя богато украшенный гробъ [2]) и былъ разбитъ упавшими камнями свода, которые повредили и многія изъ вещей, лежавшія въ гробу и около него. Вещи эти опубликованы Стефани дважды: въ Приложеніи къ Отчету за 1865 г., стр. 9 слл., и на соотвѣтственныхъ таблицахъ Атласа (рис. Пикара), затѣмъ въ фотографическихъ снимкахъ въ публикаціи «Керченскія древности въ Имп. Эрмитажѣ. Фотографическіе снимки съ оригиналовъ, изд. съ Высочайшаго

Находка въ первомъ склепѣ.

[1]) См. стр. 10 прим. 2.

[2]) О немъ см. Стефани, О. И. А. К. 1865 г. Прил. стр. 9 слл. Атласъ за 1865 г., табл. VI, 4, 5; ср. О. И. А. К. 1864 г., стр. VI; Watzinger, Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Leipzig 1909, 47, № 28, рис. 87 и 88.

соизволенія К. К. Ретгеромъ съ объяснительнымъ текстомъ Л. Стефани. Табл. I—VIII. Гробница жрицы Деметры. Спб. 1873» (тутъ же нѣкоторыя вещи изъ гробницы 1868 г.). Изъ этихъ вещей для датировки склепа и всего комплекса погребеній особенно важны: золотыя нашивныя пластинки съ изображеніемъ головъ Коры и Деметры (О. И. А. К. 1865 г., Прил. стр. 50, 53, 66, см. табл. IX, 1. 2) и расписная краснофигурная ваза съ изображеніемъ боя Геракла и Кентавра Эвритія (О. И. А. К. 1865 г., Прил. стр. 102 слл., особ. стр. 111 слл.), позднѣйшаго краснофигурнаго стиля, о датировкѣ котораго рѣчь будетъ ниже.

Кострище и находки на немъ. Второй склепъ.

Раскопки Забѣлина были продолжены Люценкомъ. Прежде всего рядомъ съ первымъ «жженымъ точкомъ», ниже его на материкѣ открыто было большое *кострище* [1]), окруженное стѣнами изъ сырцоваго кирпича (лит. *c* на табл. IV, 1. 2). Около этого кострища (внѣ стѣнки) на ю. (см. указ. планы табл. IV, 1. 2) найдена была большая плита изъ известняка, прикрывавшая воронкообразное углубленіе, съ какимъ-то осадкомъ на днѣ. Въ плитѣ сдѣлано было отверстіе, запертое полукруглымъ камнемъ съ вдѣланной въ него скобой.

На пространствѣ этого кострища найдены были, между прочимъ, разбитая краснофигурная ваза и двѣ терракоттовыя статуэтки. Ваза принадлежитъ къ категоріи такъ называемыхъ рыбныхъ блюдъ (πινακίσκοι ἰχθυηροί) и изображаетъ прибытіе Европы на островъ Критъ (см. О. И. А. К. 1866 г. Прил. стр. 79 слл.); о терракоттахъ см. Стефани, О. И. А. К. 1865 г. Прил. стр. 192 слл. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ первымъ склепомъ, открытымъ Забѣлинымъ, Люценко при посредствѣ минъ (табл. V, 1, цифры 6 и 7) открылъ второй, на этотъ разъ разграбленный, но хорошо сохранившійся *склепъ* съ спеціально интересующими насъ росписями. Подробное описаніе его архитектуры и росписи будетъ дано ниже.

Второе кострище.

Продолженіе раскопокъ въ 1865 г. тѣмъ же Люценкомъ дало не менѣе богатые результаты. Раскопки начаты были опять отъ подошвы кургана. Здѣсь на поверхности земли въ 6—7 саж. отъ подошвы кургана найдено было также на материкѣ второе *кострище* съ остатками тризны (см. лит. *f* на планахъ табл. IV, 1. 2). Находки, сдѣланныя здѣсь, почти тожественны съ находками въ первомъ кострищѣ. Особенно важно то, что и здѣсь при совершеніи тризны разбиты были два πινακίσκοι ἰχθυηροί той же формы, того же стиля и съ тѣмъ же сюжетомъ, что и на рыбномъ блюдѣ второго точка [2]). И здѣсь около точка (пунктъ *b* табл. IV, 1; *e*—табл. IV, 2) найдено было воронкообразное отверстіе (βόθρος), но надъ нимъ не простая плита, а цѣлый алтарь или жертвенникъ, «сложенный изъ двухъ штучныхъ камней известковой породы, лежавшихъ горизонтально одинъ на другомъ, съ сквознымъ посрединѣ ихъ воронкообразнымъ отверстіемъ, которое было прикрыто сверху небольшимъ третьимъ камнемъ. Нижній камень украшенъ карнизомъ, на которомъ замѣтны слѣды красной и голубой красокъ» (см. табл. X, 1, съ карандашнаго рисунка худ. Гросса) [3]). Позади этого жертвенника въ насыпи найденъ въ обломкахъ глиняный кувшинъ съ рельефными на немъ фигурами (женщина на быкѣ, см. Стефани, О. И. А. К. 1866 г., Прил. стр. 77). Рядомъ съ этимъ точкомъ у подошвы же кургана лежали глиняныя остроконечныя амфоры,

[1]) Длина съ сѣвера на югъ 4 саж., шир. отъ зап. къ вост. 2 саж., вышина около 1/4 сажени.

[2]) Стефани, О. И. А. К. 1866 г. Прил. стр. 81.

[3]) Цитаты взяты изъ рукописныхъ журналовъ раскопокъ Люценка за 1864 и 1865 г.г. Вѣроятно аблауфъ алтаря украшенъ былъ киматіемъ или овами того же типа, что и на антахъ второго склепа.

смѣшанныя съ землею, пескомъ и отесками мягкаго камня. На нѣкоторыхъ изъ этихъ амфоръ, какъ и на другихъ, найденныхъ впослѣдствіи, имѣлись клейма [1]).

Наконецъ, дальше вглубь кургана, рядомъ со склепомъ № 2 на глубинѣ 7 арш. 20 іюля найденъ былъ *склепъ* № 3, «каменная гробница, совершенно подобная № 1, съ тою, однако же, значительною разницею, что, простираясь въ вышину до 5½ арш. при квадратномъ основаніи внутри около 1⅔ саж. и имѣя призматическій сводъ, заключавшій въ себѣ 4 ряда выпускныхъ плитъ съ каждой стороны, она оказалась заложенной не на материкѣ, какъ склепы № 1 и 2, а въ насыпи на высотѣ 1¾ арш. отъ поверхности материка или отъ основанія кургана; кромѣ того, въ задней или восточной стѣнѣ ея недостаетъ снизу двухъ рядовъ штучныхъ камней». (Журналъ раск. 1865 г. съ 2 марта по 24 ноября). Третій склепъ.

Хорошій планъ и разрѣзы описанной погребальной камѣры, сдѣланные немедленно послѣ находки ея худ. Гроссомъ, см. на рис. 2 и табл. X, 2. 3. Состояніе, въ которомъ находился курганъ послѣ раскопокъ 1865 г., иллюстрируютъ планъ табл. IV, 2 и общій видъ кургана со склепами № 2 и 3 на табл. V, 2.

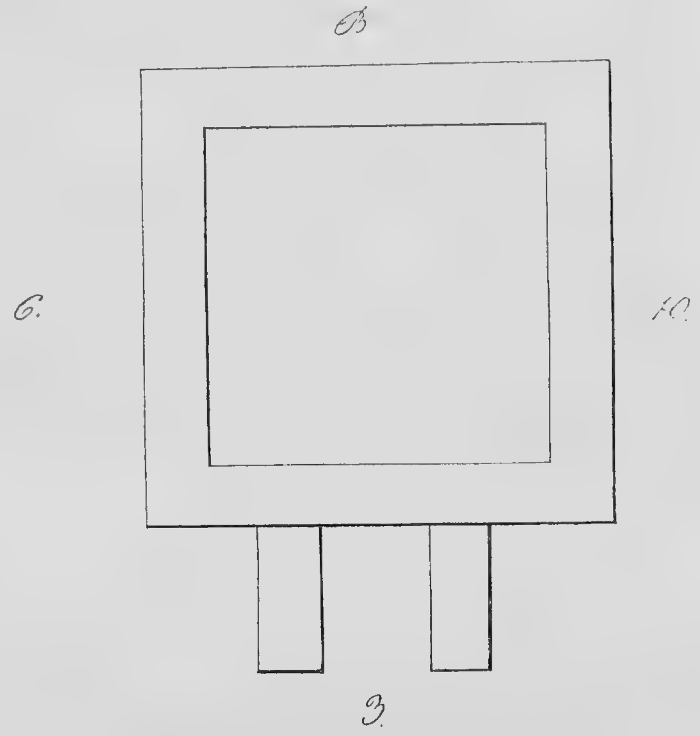


Рис. 2. Планъ склепа № 3.

И третій склепъ, какъ и первый, оказался не разграбленнымъ, хотя вещи, найденныя въ немъ, и особенно гробъ, вслѣдствіе осадки стѣнъ склепа въ насыпной землѣ, были частью разбиты, частью сильно повреждены. Вещи свидѣтельствуютъ о томъ, что въ склепѣ погребенъ былъ мужчина-воинъ, между тѣмъ какъ въ склепѣ № 1 несомнѣнно погребена была женщина и притомъ, какъ правильно предполагаетъ Стефани, вѣроятно, если не жрица Деметры, то ея миста. Для датировки, кромѣ большого количества оружія (характеренъ шлемъ въ видѣ фригійской шапки), важны находки кусковъ рѣзного гроба, украшеннаго слоновой костью съ рѣзьбою [2]), и обломковъ желобчатой чернолаковой вазы съ золоченой гирляндой вокругъ горлышка. Вещи, найденныя въ склепѣ, изданы Стефани, О. И. А. К. 1866 г. Прил. стр. 5 слл.;

[1]) Эти клейма изданы были Стефани въ О. И. А. К. 1865 г., Прил. стр. 211 слл. Къ сожалѣнію, Стефани не указалъ, какія изъ этихъ клеймъ найдены были «въ различныхъ слояхъ насыпи Б. Близницы» и какія въ Керчи на Митридатѣ. Поэтому я лишенъ возможности использовать для цѣлей датировки этотъ важный хронологическій критерій. Издателю клеймъ на ручкахъ сосудовъ Е. М. Придику, можетъ быть, удастся это сдѣлать на основаніи имѣющагося въ его распоряженіи матеріала и нашихъ выводовъ о времени сооруженія кургана и его склеповъ. Не указываетъ Стефани мѣста нахожденія отдѣльныхъ ручекъ и въ послѣдующихъ своихъ публикаціяхъ этихъ памятниковъ въ болѣе позднихъ Приложеніяхъ къ отчетамъ. Слой амфоръ найденъ былъ и въ 1864 г. въ верхнихъ слояхъ насыпи кургана; см. табл. V, 1, цифра 5.

[2]) О немъ см., кромѣ описанія его остатковъ Стефани, О. И. А. К. 1865 г. Прил. стр. 5 слл. (ср. О. И. А. К. 1865 г. IV и Атласъ 1866 г. I—II, 1—20); Watzinger, Griechische Holzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen, 56, № 40 и прим. 2.

Атласъ табл. I—II и рис. на загл. листѣ (упомянутый выше шлемъ). О судьбѣ этого склепа, какъ и склепа № *2*, никакихъ точныхъ указаній въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ мною найдено не было. Судя по тому, что, какъ и въ склепѣ № 1, стѣны и сводъ обоихъ склеповъ были обнажены и по окончаніи раскопокъ брошены на произволъ судьбы, судя далѣе по разсказамъ мѣстныхъ жителей и по аналогіи съ судьбой склепа № 1, и наконецъ, по тому, что нынѣ, какъ впрочемъ и въ 1884 г. (см. рис. 1), никакихъ слѣдовъ склеповъ на мѣстѣ не имѣется, и эти склепы, какъ и склепъ № 1, были разрушены и камень употребленъ на постройку колокольни Стеблеевской станицы.

Раскопки 1866 и 1868 г.г.

Менѣе удачны были раскопки 1866 года (ходъ ихъ показанъ на планѣ табл. IV, 2 и X, 1). Въ этомъ году пришлось для того, чтобы обезпечить возможность дальнѣйшихъ работъ, срѣзать прежде всего всю верхушку кургана.

Новыя крупныя находки дало разслѣдованіе южной полы кургана въ 1868 г., произведенное бар. Тизенгаузеномъ. Уже въ 1864 г. здѣсь найдены были на поверхности земли въ 6—7 саж. отъ основы кургана остатки тризны и черепки посуды (см. табл. IV, 1, пунктъ *e*, 2—пунктъ *b* въ квадратѣ D). Тутъ же въ насыпи, значительно выше, на глубинѣ 2 арш. отъ поверхности кургана, вырыто было большое количество амфоръ разбитыхъ и цѣлыхъ, расположенныхъ параллельными рядами (ср. табл. V, 1, пунктъ 5).

Другое кострище было найдено тутъ же въ 1868 г.; установлено было, что оно окружено стѣнами изъ сырцоваго кирпича. Къ сожалѣнію остатки краснофигурнаго блюда, найденные здѣсь, были настолько попорчены огнемъ, что установить ихъ технику, стиль и сюжетъ изображенія не представлялось возможнымъ (см. Отчетъ за 1868 г., стр. VIII).

Въ 3 саж. къ сѣверу отъ этого кострища еще до открытія его найдена была въ насыпи каменная гробница изъ известняковыхъ плитъ, крытая такими же известняковыми плитами, оказавшаяся неразграбленною см. (О. И. А. К. 1868 г., стр. V слл.). Среди вещей, найденныхъ въ этой гробницѣ (Стефани, О. И. А. К. 1869 г. Прил. стр. 5 слл.; Атласъ, табл. I—IV), для датировки важна находка краснофигурной вазы съ изображеніемъ варвара, скачущаго на грифонѣ, на одной сторонѣ, и двухъ эфебовъ на другой (воспроизведена на рис. Гросса, приложенномъ къ рукописному журналу 1868 г.[1]).

Раскопки 1883 и 1884 г.г.

Послѣднія раскопки въ курганѣ произведены были въ 1883 и 1884 г.г. Веребрюсовымъ. Недалеко отъ центра кургана (см. табл. XI, 1) найдена была каменная, крытая деревомъ гробница съ богатымъ содержаніемъ[2]). Кромѣ ряда золотыхъ вещей, къ сожалѣнію нигдѣ не изданныхъ, въ гробницѣ найдены были 4 небольшихъ сосуда (нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ): 1) небольшой краснофигурный лекиѳъ позднѣйшаго такъ называемаго керченскаго стиля. На передней сторонѣ его изображены двѣ женскія головы одна противъ другой. Выс. 0,08 м. 2) Маленькая чернолаковая гидрія съ жанровымъ, иллюзіонистически набросаннымъ изображеніемъ въ стилѣ такъ называемыхъ вазъ Гнаѳіи. Лакъ не перваго

[1]) Обращу вниманіе и на остатки найденнаго въ гробницѣ саркофага—золотыя головы грифоновъ, мѣсто прикрѣпленія которыхъ остается неяснымъ. Намъ придется ихъ вспомнить по поводу находокъ въ одномъ изъ Васюринскихъ кургановъ. См. О. И. А. К. 1868 г., V слл. Стефани, О. И. А. К. 1869 г. Прил. стр. 5 слл. и 142; Атласъ, табл. I № 28; Watzinger, Griech. Holzsarkophage, 58; № 47. Всѣхъ головокъ найдено было 9.

[2]) Объ остаткахъ саркофага см. О. И. А. К. 1883/1884 г., стр. XVIII слл.; Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 59, № 50.

качества, но не дурной. В. 0,095 м. 3) Небольшой чернолаковый канѳаръ. В. 0,055 м. 4) Небольшая чернолаковая же лекана. В. 0,04.

Въ насыпи найдены были, кромѣ того, черепки краснофигурной вазы, не изданные и не описанные. Это—фрагменты оксибафа съ изображенiемъ вакхической сцены: на одномъ молодой сатиръ съ тирсомъ въ рукѣ влѣво, на другомъ бородатый увѣнчанный хвостатый сатиръ также влѣво.

Второй склепъ.

Склепъ № 2 среди описаннаго комплекса, какъ увидимъ ниже, почти одновременныхъ гробницъ выдѣляется, какъ наиболѣе тщательно построенный и богато отдѣланный. Не даромъ же онъ былъ ограбленъ, вѣроятно, еще въ древности. Къ сожалѣнiю, склепъ до нашего времени, какъ сказано, не сохранился. Къ счастью, однако, при открытiи его присутствовалъ Гроссъ, неутомимый рисовальщикъ, не только зарисовавшiй роспись склепа въ краскахъ (см. табл. V, 2—4), но давшiй и точные разрѣзы его (табл. VI, 3. 4) и два перспективные вида внутренности дромоса и погребальной камеры въ карандашныхъ рисункахъ (табл. VI, 1, 2). Имъ же сдѣланъ былъ и довольно точный планъ гробницы (см. рис. 3 и 4).

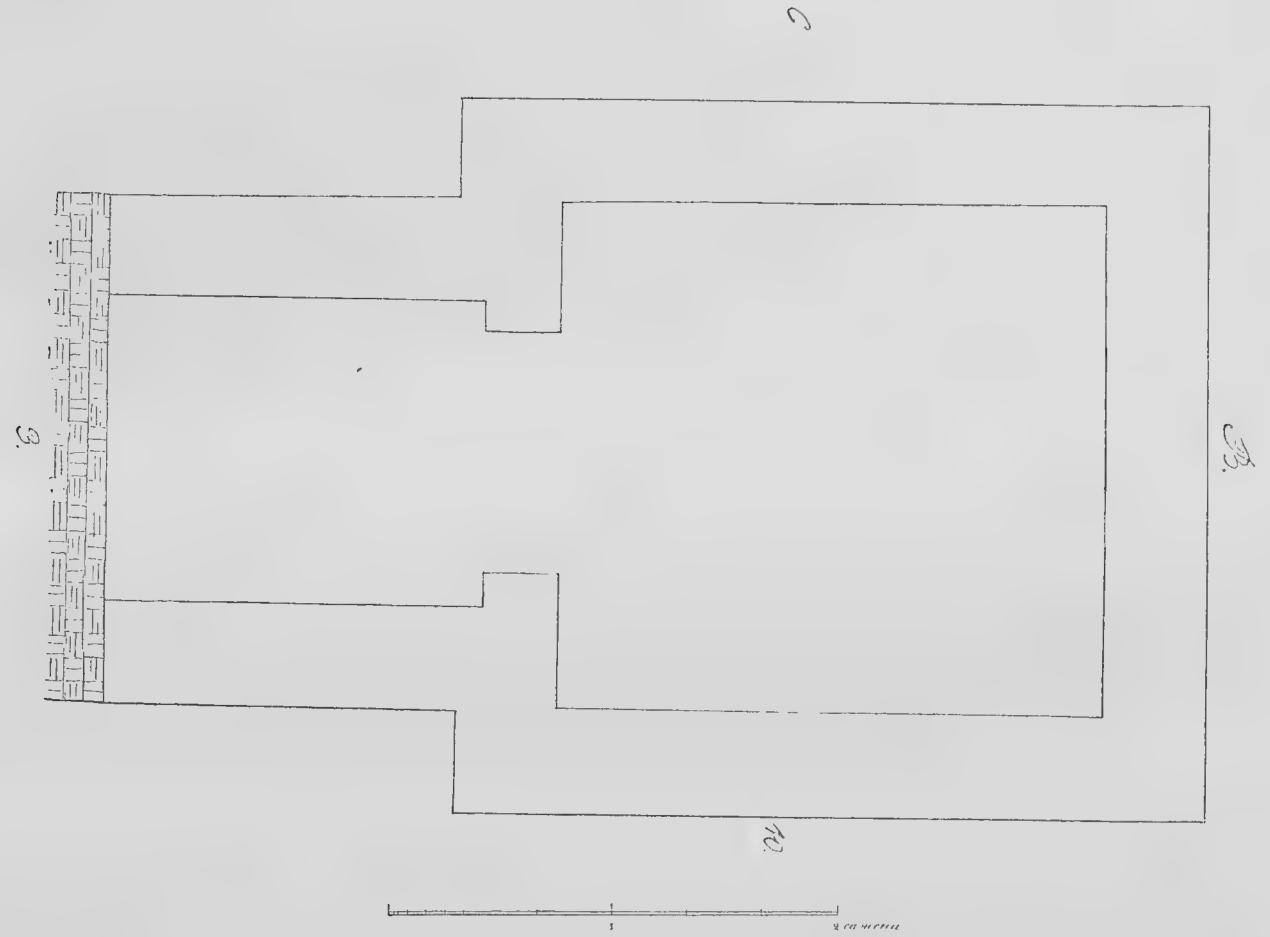


Рис. 3. Планъ второго (расписного) склепа кургана Б. Близницы (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.).

Склепъ, какъ указано выше, былъ первоначально разслѣдованъ минами, и только впослѣдствiи открытъ былъ сводъ его, чтобы вынуть верхнюю замыкающую его плиту, и тогда же очищенъ фронтъ дромоса [1]).

При открытiи склепа было составлено Люценкомъ точное описанiе его, которое я воспроизвожу здѣсь по «Журналу раскопокъ съ 17 авг. по 15 окт. 1864 г. на Таманскомъ полуостровѣ», представленному вмѣстѣ съ рисунками при рапортѣ отъ 26 февраля 1865 г.

[1]) См. Журналъ раскопокъ за 1865 г. «Раскопы F, H и I обнаружили верхъ галлереи и южную стѣнку раззореннаго склепа № 2, открытаго въ прошломъ году».

«Открытый склепъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, заложенныхъ въ материкѣ на глубинѣ не болѣе 9 вершковъ отъ поверхности его, а именно: корридора съ призматическимъ и усыпальницы съ пирамидальнымъ сводами египетской конструкціи. Онъ построенъ изъ тесанныхъ плитъ известковаго камня длиною 28, ш. 14 и толщ. 9 в. Корридоръ дл. 4 арш. 1 в., ш. 2¾ арш. и вышиною отъ пола до потолка 4 арш. заключаетъ въ себѣ съ каждой стороны 5 рядовъ стѣнныхъ камней и 3 ряда сводныхъ, въ томъ числѣ: 1 съ карнизомъ и 2 съ прямыми выступами. Потолокъ, составленный изъ 2 рядовъ поперечныхъ плитъ, лежащихъ одинъ на другомъ, имѣетъ въ нижнемъ ряду пустые промежутки вродѣ метоповъ. Въ концѣ этого корридора находятся два столба или пилястра четвероугольной формы выш. 3¼ арш., шир. и толщ. 4 в., которые съ лежащею на нихъ перемычкою и выдающимся надъ сею послѣднею карнизомъ, украшеннымъ тремя фигурками на подобіе шахматныхъ пѣшекъ, образуютъ впереди его открытый входъ въ усыпальницу. Столбы украшены базами и капителями.

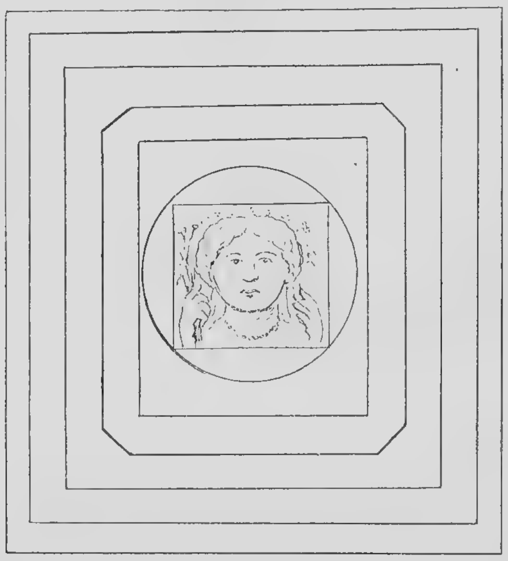


Рис. 4. Потолокъ (уступчатый) камеры второго склепа кургана Б. Близницы (рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.).

Усыпальница дл. 4 арш. 13 верш., шир. 4 арш. 8 верш. и выш. отъ пола до замка 5 арш. 5 верш. имѣетъ съ каждой стороны 5 рядовъ стѣнныхъ камней въ одномъ уровнѣ съ корридоромъ и 6 рядовъ сводныхъ: въ томъ числѣ 1 съ круглымъ и 4 съ прямыми выступами, да 1 съ карнизомъ. Остающійся сверху промежутокъ замкнутъ одною плитою (см. черт. 20 и 21 [т. е. наши рис. 4 и табл. VI, 2—4]). Верхній рядъ стѣнныхъ камней, образующій съ обѣихъ сторонъ корридора и вокругъ усыпальницы подъ карнизными плитами широкій фризъ, украшенъ на протяженіи его живописью, представляющею узоры въ видѣ цвѣтовъ и миртовыхъ вѣтвей, расположенныхъ симметрически между бордюрами изъ шариковъ и ововъ. Послѣдними расписаны также капители столбовъ, о которыхъ упоминается выше. Къ сожалѣнію, живопись эта, сдѣланная акварелью на камнѣ безъ штукатурки, дурно сохранилась и мѣстами разрушена. Вообще склепъ № 2 находится въ состояніи близкомъ къ обрушенію: стѣны его въ трехъ мѣстахъ пробиты насквозь; полъ, высланный кажется сырцовымъ кирпичемъ, опрокинутъ, столбы покосились и лежащая на нихъ перемычка треснула. Грабители спускались въ него вѣроятно чрезъ проломы, сдѣланные ими въ потолкѣ у входа въ корридоръ и въ стѣнѣ усыпальницы съ восточной стороны ея посредствомъ минъ, проложенныхъ въ насыпи сверху.

Но руки ихъ не коснулись плиты длиною 2 арш., шир. 1 арш. 9 вер. и толщ. 5 вер., замыкавшей пирамидальный сводъ усыпальницы, на внутренней сторонѣ которой изображена яркими красками прямолично женская голова колоссальныхъ размѣровъ, съ частью рукъ поднятыхъ кверху; волосы ея убраны цвѣтами, шея—ожерельемъ, а лѣвое ухо—серьгою; въ правой рукѣ у нея находится букетъ изъ цвѣтовъ, въ лѣвой—конецъ повязки или ленты, спускающейся съ головы (см. фот. снимокъ № 7) [1]....

---

[1]) Этотъ снимокъ, присланный въ Коммиссію вмѣстѣ съ рисунками Гросса, мною, несмотря на тщательные поиски, найденъ не былъ. Не имѣется его ни въ бумагахъ Забѣлина, ни въ архивѣ Керченскаго музея древностей. Возможно, что эта фотографія, раскрашенная Гроссомъ, послужила оригиналомъ для репродукціи головы на заглавномъ листѣ О. И. А. К. 1865 г., воспроизводимомъ на табл. VI, 2, и въ типо-литографіи Медвѣдева была затеряна.

Краски ея: голубая, бурая, красная, розовая, желтая и зеленая сохранили свой цвѣтъ, но легко стираются и пристаютъ къ пальцамъ. Чтобы вынуть описанную плиту и положить на ея мѣсто другую, сдѣланъ былъ надъ нею въ курганной насыпи раскопъ Z, съ помощью котораго она была поднята и извлечена изъ кургана; а какъ въ ней оказалась трещина, идущая по діагонали отъ одного конца до другого, то скрѣпили ее полоснымъ желѣзомъ и въ такомъ видѣ привезли въ музей, гдѣ она теперь и находится. Затѣмъ работы въ юго-западной части б. Б. были прекращены».

Къ этому описанію надо еще прибавить, что при началѣ раскопки минами разрушена была стѣнка изъ сырцоваго кирпича, которою заложенъ былъ входъ въ гробницу. Какой-либо лѣстницы, ведущей въ гробницу, при раскопкахъ обнаружено не было.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа, судя по приведенному описанію и рисункамъ Гросса, отличается какъ отъ сосѣднихъ склеповъ, такъ и отъ другихъ извѣстныхъ склеповъ подобной конструкціи. О нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ рѣчь еще будетъ ниже въ особомъ экскурсѣ,—особенно о такъ называемыхъ Тарасовскихъ склепахъ близъ Анапы съ дорическими входами.

Здѣсь укажу прежде всего на конструкцію дромоса. Онъ не открытъ сверху и стѣны его не спускаются уступами, какъ въ остальныхъ двухъ склепахъ, а покрытъ плоской крышей изъ известняковыхъ плитъ, покоящихся на поперечныхъ каменныхъ балкахъ, лежащихъ на стѣнахъ дромоса. Конструкція покрытія грубая: строитель не далъ себѣ труда стесать по краямъ плиты, лежащія на балкахъ, и не позаботился о томъ, чтобы какъ-нибудь замаскировать образовавшіяся вслѣдствіе этого въ стѣнахъ дромоса отверстія или ниши между каждыми двумя балками. Снаружи склепъ былъ открытъ во всю ширину дромоса; судя по отчету о раскопкахъ, входъ въ дромосъ забранъ былъ сырцовымъ кирпичемъ. Верхній профиль стѣнъ дромоса продолжается и на входной стѣнѣ, такъ что по обѣ стороны входа образуются какъ-бы двѣ анты, ограничивающія входъ. Продолжался ли на этомъ фронтѣ гробницы и расписной фризъ, неизвѣстно; Гроссъ его не видѣлъ.

Стѣны дромоса сложены были изъ пяти рядовъ известняковыхъ квадровъ одинаковой толщины. Пятый верхній рядъ квадровъ былъ обработанъ въ видѣ карниза, подъ которымъ во всю длину дромоса развертывался фризъ, обрамленный сверху нарисованнымъ профилемъ, украшеннымъ свѣшивающимися листьями, снизу—профилемъ, украшеннымъ нарисованными же астрагалами. Площадь фриза была окрашена въ голубой цвѣтъ; на этомъ фонѣ нарисованы были натуралистически зеленые побѣги или вѣтви мирта или лавра съ темнокрасными ягодами. Вся живопись и здѣсь, какъ и въ камерѣ, сдѣлана прямо по камню, вѣроятно, а tempera (см. табл. V, 4).

На описанномъ пятомъ слоѣ квадровъ покоится шестой слой; это—выступающій впередъ архитравъ, надъ нимъ же еще одинъ карнизъ того же профиля, что и первый, съ широкимъ надъ нимъ абакомъ (7-й слой). Второй эпистиль и карнизъ не раскрашены.

Такое расположеніе напоминаетъ конструкцію стѣнъ многихъ іоническихъ построекъ, напримѣръ, стѣны съ антами храма Ники на акрополѣ въ Аѳинахъ (Durm, Griech. Arch., 2 изд., 239, рис. 158).

На этомъ верхнемъ слоѣ и покоятся поперечныя балки потолка.

Не было двери и между целлой и дромосомъ. Широкій входъ въ погребальную камеру обрамленъ былъ двумя антами поздне-дорическаго типа съ капителями, украшенными свѣшивающимися нарисованными листьями, и съ простыми базами.

Научная библиотека Уральского Госуниверситета г. Свердловск

Перемычка надъ антами, играющая роль верхняго дверного косяка, судя по рисунку Гросса, профилирована.

На перемычкѣ, профилированной въ видѣ карниза, стояли три вырѣзанныя изъ камня украшенія «вродѣ шахматныхъ пѣшекъ», какъ выражается Люценко, т. е. воспроизведеніе въ камнѣ рѣзныхъ или точеныхъ деревянныхъ балюстровъ, съ которыми мы еще встрѣтимся при описаніи росписи склеповъ Васюринской горы и Анапы (см. табл. VI, 1).

Погребальная камера сложена, какъ и дромосъ, изъ 5 рядовъ известняковыхъ квадровъ равной толщины. Пятый рядъ квадровъ, какъ и въ дромосѣ, играетъ роль фриза, профилированнаго, какъ и въ дромосѣ, снизу и сверху нарисованными профилями. Нижній профиль здѣсь украшенъ нарисованными свѣшивающимися листьями, верхній—нарисованными же астрагалами. Верхъ фриза выступаетъ, образуя вогнутую поверхность. Фризъ окрашенъ въ свѣтлокрасную краску, на фонѣ которой нарисованы побѣги цвѣтущаго аканѳа. Схема этого аканѳа даетъ двѣ обращенныя одна къ другой восьмерки, въ мѣстѣ соединенія которыхъ вырастаютъ, чередуясь, бутоны и распустившіеся цвѣты аканѳа, вѣрнѣе такъ называемыя Araceenblüten, т. е. цвѣты каллы или арума. Распустившіеся цвѣты выходятъ изъ двухъ симметрично расположенныхъ листьевъ. По обѣ стороны бутоновъ отъ верхушекъ восьмерокъ идутъ побѣги, заполняющіе свободное поле между бутонами и цвѣтами аканѳа и кончающіеся попарно то бутонами же, то распустившимися цвѣтами. Внутренность цвѣтковъ и большихъ бутоновъ красная, тѣло ихъ голубое (см. табл. V, 3).

Надъ фризомъ идетъ карнизъ, составляющій вмѣстѣ съ верхнимъ профилемъ фриза шестой рядъ квадровъ (въ дромосѣ значительно болѣе узкій фризъ составляетъ съ карнизомъ одно цѣлое) [1]). Надъ нимъ идутъ пять рядовъ квадровъ, образующихъ уступчатый сводъ, прикрытый сверху большой плитой. Особенностью этого свода, сравнительно съ классическими образцами подобныхъ сводовъ (Куль-оба, Золотой, Царскій и Мелекъ-Чесменскій курганы), является то, что углы второго ряда срѣзаны или, лучше, заполнены, образуя въ сѣченіи не квадратъ, а восьмиугольникъ. Кромѣ того, заключительный рядъ подъ плитой имѣетъ не четыреугольное, а круглое сѣченіе, объясняющееся стремленіемъ заключить живопись заключительной плиты въ круглую рамку (нѣчто подобное наблюдается въ потолкахъ двухъ алъ гробницы Волумніевъ около Перуджіи, гдѣ цѣль та же).

Дѣлать на основаніи этихъ особенностей верхняго покрытія нашего склепа какія-либо заключенія для опредѣленія времени склепа было бы преждевременно. Только сравнительное изученіе многочисленныхъ памятниковъ этого типа, существующихъ или существовавшихъ въ курганахъ южной Россіи, изученіе до сихъ поръ не предпринятое, несмотря на богатство примѣровъ и огромный интересъ самого типа памятниковъ, характернаго для нашего юга, позволило бы придти къ какимъ-нибудь прочнымъ выводамъ [2]).

Голова Коры.

Заключительная плита камеры украшена нарисованною прямо по камню колоссальною головою Деметры или Коры. Голова изображена строго впрямь на густомъ синемъ фонѣ. Густые каштановые волосы обрамляютъ округлое лицо. Большіе каріе

[1]) Количество рядовъ квадровъ разно показано на рисункахъ Гросса: разрѣзъ даетъ 5 рядовъ, общіе виды дромоса и камеры—шесть. Болѣе точны данныя разрѣза, какъ показываетъ описаніе.

[2]) Послѣднее изслѣдованіе такъ называемыхъ купольныхъ гробницъ Durm'а, Die Kuppelgräber von Pantikapaion. *Jahresh. d. oest. Arch. Inst.* X (1907), 230 слл., касается только Золотого, Царскаго и Мелекъ-Чесменскаго кургановъ и исторіи этой формы покрытія на почвѣ нашего юга не даетъ. Такое изслѣдованіе всецѣло лежитъ на обязанности русскихъ археологовъ.

глаза не даютъ еще того типа широко открытыхъ глазъ, который свойственень фаюмскимъ портретамъ. Спускающееся съ головы покрывало репродуцируетъ матерію, отороченную двойной красной полосой. Руки изображены вырастающими изъ за нижней рамки кассеты. Сдѣланы онѣ, судя по рисунку Гросса и фотографіи, не очень тщательно, особенно лѣвая, держащая край покрывала. Уши (или одно лѣвое?) украшены серьгами; форма ихъ, къ сожалѣнію, не была фиксирована Гроссомъ. Ожерелье на нагой шеѣ состоитъ изъ ряда круглыхъ золотыхъ пронизей.

Правая рука держитъ стебель съ нѣсколькими цвѣтами и бутонами, съ длинными острыми листьями. Распустившіеся цвѣты снаружи желтые, внутри красные. Форма ихъ больше всего напоминаетъ цвѣты повилики, но листья и стебли—типа лиліи.

Такіе же цвѣты обрамляютъ пышнымъ вѣнкомъ голову. Вѣнокъ укрѣпленъ на той части прически, томъ узлѣ волосъ, который необходимо предположить на темени. Рядомъ съ цвѣтами описаннаго типа желтокрасной лиліи имѣются бѣлые тоже лиліеобразные цвѣты и красный цвѣтокъ типа мака. Цвѣты натуралистичны, но отнюдь не портретны (см. табл. VII, 2—воспроизведеніе рисунка въ краскахъ на заглавномъ листѣ О. И. А. К. за 1865 г.; ср. табл. VIII, сдѣланную по фотографіи, снятой съ плиты и ретушированной худ. М. В. Фармаковскимъ).

Къ сожалѣнію, плита съ этой головой, привезенная въ Керчь и пролежавшая нѣсколько лѣтъ на дворѣ музея [1]), сильно поблѣднѣла и выцвѣла. Теперь на ней различаются контуры головы, бюста, рукъ и покрывала; цвѣта различаются только въ немногихъ пунктахъ. Не сохранился и оригинальный рисунокъ или раскрашенная фотографія Гросса, присланная въ 1865 г. въ Коммиссію (см. выше стр. 16, пр.). Провѣрка пропорцій сохранившагося контура говоритъ за полную точность передачи головы Гроссомъ (ср. табл. VIII), но неточность красокъ въ другихъ его рисункахъ, о которыхъ намъ еще не разъ придется говорить, заставляетъ сомнѣваться въ правильности передачи колорита. Особенно поражаетъ земляной, зеленоватый колоритъ лица. Явной ошибкой кажется различная форма ушей, объясняющаяся, можетъ быть, плохой сохранностью праваго уха на оригиналѣ (ср. табл. VIII).

Вопросъ о датировкѣ склепа и его живописи разрѣшается сравнительно точно путемъ ряда соображеній. Датировка склепа.

Прежде всего несомнѣнно, что найденные на материкѣ у подножія кургана такъ называемые жженые точки или мѣста тризны одновременны съ построенными въ материкѣ же склепами №№ 1 и 2. Врядъ-ли одинъ изъ нихъ относится къ склепу № 3, такъ какъ этотъ послѣдній, вѣроятно, построенъ былъ послѣ того, какъ мѣста тризны №№ 1 и 2 были уже засыпаны насыпью кургана. Вспомнимъ, что третій склепъ выстроенъ былъ въ насыпи кургана. На этомъ же основаніи надо считать болѣе поздними, чѣмъ первый и второй склепы, и каменныя гробницы 1868 и 1883 годовъ. Между тѣмъ, мѣста тризны №№ 1 и 2 совершенно одновременны и датируются найденными на нихъ блюдами позднѣйшаго краснофигурнаго стиля, того же, что и ваза, найденная въ первомъ склепѣ.

Вазы позднѣйшаго краснофигурнаго стиля датируются теперь, какъ извѣстно, на югѣ Россіи самымъ концомъ IV и первыми годами III в. до Р. Х. Эта датировка, основанная на цѣломъ рядѣ очень убѣдительныхъ соображеній стилистиче-

[1]) Нынѣ находится въ дромосѣ Царскаго кургана.

скаго и историческаго характера, вполнѣ подтверждается и погребеніями нашего кургана [1]).

Уже Люценко, а за нимъ Стефани отмѣтили, что жженый точокъ № 1 старше мѣста сожженія, такъ называемой жженой гробницы, открытой Забѣлинымъ въ самомъ началѣ раскопокъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ мѣсто сожженія находится въ насыпи частью прямо надъ жженымъ точкомъ № 1, т. е. сожженіе на этомъ мѣстѣ могло быть совершено только послѣ того, какъ точокъ или кострище № 1 было засыпано и покрыто насыпью кургана. Между тѣмъ на этомъ мѣстѣ сожженія найдена была монета Александра Великаго превосходной сохранности, чеканенная, вѣроятно, еще при его жизни. Конечно, монеты Александра находились въ обращеніи долгое время спустя послѣ его смерти. Врядъ-ли, однако, въ данномъ случаѣ мы не должны придавать этой находкѣ рѣшающаго значенія. Дѣло въ томъ, что всѣ найденныя въ курганѣ погребенія, мѣста тризнъ и сожженія приблизительно одновременны. Время склепа № 3 опредѣляется находкой въ немъ чернолаковой амфоры съ позолоченными украшеніями, время каменной гробницы 1868 года—находкой въ ней краснофигурной вазы съ изображеніемъ аримаспа на грифонѣ, время гробницы 1883 г. — находкой въ ней краснофигурной и нѣсколькихъ чернолаковыхъ вазочекъ. Всѣ эти погребенія моложе склеповъ и мѣстъ тризны №№ 1 и 2, такъ какъ выстроены въ насыпи кургана, и найденныя въ нихъ вазы, хотя и почти одновременны вазамъ склепа и кострищъ №№ 1 и 2, но все же нѣсколько моложе ихъ, принадлежа частью къ наиболѣе позднимъ продуктамъ краснофигурной техники, частью къ такъ называемымъ Гнаѳійскимъ и просто чернолаковымъ вазамъ съ ухудшающимся лакомъ, но всѣ онѣ тѣмъ не менѣе не могутъ быть датированы временемъ болѣе позднимъ, чѣмъ первыя десятилѣтія III в. до Р. Хр., такъ какъ послѣ этого времени краснофигурныхъ вазъ болѣе не изготовляли.

Все это ведетъ къ тому, чтобы съ несомнѣнностью датировать, по крайней мѣрѣ склепъ № 1, концомъ IV в. до Р. Хр., врядъ-ли первыми годами III в. до Р. Хр.

Несомнѣнно, однако, что склепъ № 2 одновременен склепу № 1. Это доказываетъ связь склеповъ между собою, то, что они оба выстроены въ материкѣ, и наконецъ, связь ихъ съ мѣстами тризны. Не безразлично и то, что алтарь второго кострища былъ расписанъ, вѣроятно, такъ же, какъ капители антъ второго склепа [2]).

Сравнительный анализъ архитектуры и росписи.

Въ полномъ согласіи съ этой датировкой стоятъ и архитектура склепа, и анализъ росписи. Обращу прежде всего вниманіе на то, что самое строеніе склепа — соединеніе дромоса съ прямымъ перекрытіемъ и камеры съ уступчатымъ сводомъ — необычно для классическихъ примѣровъ уступчатыхъ склеповъ, въ большинствѣ случаевъ соединенныхъ со стрѣльчатымъ корридоромъ. Укажу также на нѣкоторыя

[1]) См. литературу этого вопроса въ статьѣ Б. В. Фармаковскаго, «Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ кургановъ Чертомлыцкаго и Ильинецкаго», стр. 23, 3 (Сборникъ въ честь гр. А. А. Бобринскаго, 67, 3); ср. ниже о датѣ сосудовъ, найденныхъ въ Керченскомъ склепикѣ. Надо отмѣтить, что болѣе позднія гробницы 1868 и 1883 г.г. даютъ на ряду съ типичными для Боспора поздними краснофигурными вазами также и чернолаковую посуду и одну вазу такъ называемаго стиля Гнаѳіи.

[2]) Я не сталъ бы, однако, утверждать, что мѣсто тризны № 1 составляетъ одно цѣлое со склепомъ № 1, мѣсто тризны № 2—со склепомъ № 3. Хотя курганъ Б. Близницы и раскопанъ нѣсколько лучше другихъ кургановъ и, благодаря Гроссу, ходъ этихъ раскопокъ графически зафиксированъ, тѣмъ не менѣе даже раскопанныя мѣста кургана разслѣдованы не до конца, и разслѣдованное не достаточно точно промѣрено и нанесено на планъ. Курганъ, несомнѣнно, не дослѣдованъ, и дослѣдованіе его, особенно центра и сѣверной полы, было бы желательно, даже если бы въ смыслѣ находокъ оно дало отрицательные результаты. Положительнымъ результатомъ было бы уже то, что на мѣсто высказанныхъ предположеній стали бы несомнѣнные факты.

особенности въ строеніи уступчатаго покрытія камеры. Не позволяетъ думать затѣмъ о раннемъ четвертомъ вѣкѣ форма карнизовъ камеры и дромоса, а также форма капителей и базъ входныхъ антъ.

Описанная выше роспись склепа также въ высокой степени характерна и можетъ быть датирована почти независимо отъ высказанныхъ выше соображеній на основаніи ея стиля и ея роли въ декоровкѣ.

Отмѣчу на первомъ мѣстѣ, что роспись сдѣлана прямо по камню, безъ предварительнаго покрытія стѣнъ штукатуркой. Я не хочу этимъ сказать, что сама по себѣ роспись прямо по камню старше росписи по стуку. Это было бы завѣдомо невѣрно и непримѣнимо къ памятнику эпохи расцвѣта греческаго искусства. Важно, однако, не это, а то, что эта роспись прямо по камню въ нашемъ склепѣ стоитъ въ противорѣчіи съ характеромъ матеріала, изъ котораго выстроенъ склепъ,—пористаго и негладкаго известняка. Это противорѣчіе показываетъ, что архитекторъ склепа руководился въ выборѣ этого способа раскраски не столько характеромъ памятника, сколько традиціей, выработавшейся въ классическій періодъ греческой архитектуры для построекъ изъ мраморныхъ квадровъ. Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что постройка изъ мрамора давала архитектору возможность обходиться безъ штукатурки, и характеръ матеріала позволялъ ему дѣлать роспись прямо по камню, ограничиваясь при этомъ росписью только заключительныхъ и дѣлящихъ членовъ архитектуры: базъ, капителей, карнизовъ и фризовъ, акротеріевъ, симъ и антефиксовъ. Стѣны изъ квадровъ бѣлаго мрамора, стволы колоннъ и пилястровъ ни въ окраскѣ, ни въ дифференціаціи при посредствѣ краски не нуждались. Этимъ традиціямъ слѣдуетъ и архитекторъ нашего склепа въ полномъ согласіи съ принципами классической архитектуры.

Но, конечно, этотъ пріемъ его для датировки недостаточенъ. Традиція мраморныхъ построекъ не ограничивается только эпохой V и IV в.в. до Р. Хр.

Гораздо доказательнѣе и показательнѣе анализъ орнаментовъ фризовъ корридора и погребальной камеры. Анализъ орнаментовъ.

Въ фризѣ камеры интересно прежде всего соединеніе схематическихъ восьмерокъ базы съ побѣгами аканѳа и цвѣтами каллы или арума, такъ называемыми Araceenblüten.

Схема восьмерокъ — схема старая. Въ большой архитектурѣ она находитъ себѣ широкое примѣненіе прежде всего на симахъ; начиная съ Писистратова храма на Аѳинскомъ акрополѣ и Герэона въ Аргосѣ, мы видимъ соединеніе этихъ восьмерокъ съ мотивомъ цвѣтка (см. Schede, Antikes Traufleistenornament. Strassburg 1909. Taf. II, 13 и III, 18); первоначально это, однако, не типичный для нашего фриза цвѣтокъ каллы. Этотъ цвѣтокъ въ связи съ побѣгами аканѳа, вытѣсняющими схематическія открытыя восьмерки, появляется впервые въ архитектурѣ въ IV в. до Р. Хр. (ѳолосъ въ Эпидаврѣ конца IV в., памятники Самоѳраки, см. Schede, l.l. стр. 51 слл., 66 слл., 86 слл.; для формы цвѣтка характерны Аѳинскіе Пропилеи, см. Jacobsthal, Araceenformen in der Flora des Ornaments. Kaiserlautern 1889. Taf. I, 5) и завоевываетъ акротеріи съ одной стороны, фризы и орнаментальныя полосы всякаго рода съ другой въ эпоху іонійскаго Ренессанса, выросшаго, начиная съ конца IV в., въ городахъ М. Азіи: Пріена, Магнесія на Мэандрѣ, Милетъ—этапы этого развитія (см. Noack, Die Baukunst des Altertums, стр. 37 слл. Taf. 49—64). Но особенно пышныхъ формъ достигаютъ цвѣты каллы въ связи съ побѣгами аканѳа не столько въ большой архитектурѣ, сколько въ прикладныхъ искус-

ствахъ — текстильномъ, рѣзьбѣ по дереву, торевтикѣ [1]). Въ связи съ этимъ стоитъ пышный расцвѣтъ интересующихъ насъ орнаментальныхъ формъ и въ керамикѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ такъ называемыя апулійскія или тарентинскія вазы, гдѣ нашъ орнаментъ пріобрѣтаетъ и въ трактовкѣ побѣговъ, и въ трактовкѣ цвѣтовъ поразительно разнообразныя, богатыя и изящныя формы [2]).

Ближайшія параллели не только одной формѣ цвѣтка, но и всей схемѣ фриза даютъ, однако, не указанные памятники архитектуры и прикладныхъ искусствъ [3]). Типичное соединеніе восьмерки съ побѣгомъ и очень развитымъ цвѣткомъ, играющимъ центральную роль, мы находимъ съ одной стороны въ рельефной керамикѣ, такъ тѣсно связанной съ торевтикой, съ другой—въ росписи деревянныхъ саркофаговъ. Изъ памятниковъ перваго рода укажу на рельефную тарелку греческой работы, находящуюся нынѣ въ Аѳинскомъ музеѣ (см. Pagenstecher, Die Calenische Reliefkeramik, 10 и 21, рис. 4). Здѣсь для насъ любопытны форма и декоративная роль цвѣтковъ двухъ внутреннихъ фризовъ и соединеніе этихъ фризовъ съ внѣшнимъ нарисованнымъ фризомъ края чашки, дающимъ побѣги оливы съ листьями и плодами. Соединеніе восьмерки съ характерными цвѣтами даютъ рядомъ съ этимъ раннія мегарскія чашки, см. Watzinger, *Ath. Mitth.* 1901, 60, 14, ср. 59,7 и 12, а также 61,9.

Въ томъ же кругѣ памятниковъ надо искать аналогій и реалистическимъ побѣгамъ мирта или оливы на фризѣ корридора. Натуралистически изображенная вѣтвь оливы, лавра или мирта принадлежитъ къ характернымъ орнаментальнымъ мотивамъ украшенія полосъ и фризовъ уже въ вазовой живописи V и IV в.в. Отъ нашихъ вѣтвей эти фризы отличаются только тѣмъ, что при всей своей натуралистичности они схематизированы и не подчеркиваютъ раздѣльнаго существованія отдѣльныхъ вѣтвей, давая сплошной симметричный рядъ листьевъ и плодовъ. Отъ этой схематичности эмансипируются впервые золотыя діадемы или погребальные вѣнки, датировка которыхъ, однако, до сихъ поръ не была предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, и стоящія въ несомнѣнной связи съ торевтикой золоченыя вѣтви на горлышкахъ чернолаковыхъ аттическихъ гидрій лучшаго стиля; см., напримѣръ, гидрію Британскаго музея, упомянутую въ ниже приведенной статьѣ Цана; о всей серіи см. Rayet-Collignon, Ceramique grecque, 269, 345; Walters, Hist. of the anc. pott. I, 498; R. Zahn, Amtliche Berichte aus den K. Kunstsammlungen *(Beibl. zu dem Jahrb. d. K. Pr. Kunstsammlungen)*, XXX, 8 (1909), стр. 186 слл. Позднѣйшія эллинистическія вазы, такъ называемыя вазы Гнаѳіи, такъ называемыя вазы Hadra и др. трактуютъ вѣтку иллюзіонистически, не обозначая стебля фрукта. Съ другой стороны настоящее реалистическое изображеніе даетъ только торевтика поздняго эллинизма, лучшими представителями которой являются Гильдесгеймскіе серебряные сосуды.

Наконецъ всю схему нашего фриза въ явной зависимости отъ орнаментаціи симы даетъ расписной саркофагъ изъ Абузира (Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 31 и 74, табл. III и рис. 54), точно датированный однородными находками на пространствѣ всего греческаго Абузирскаго некрополя. Находка здѣсь краснофигурныхъ вазъ поздняго стиля заставляетъ признать этотъ саркофагъ почти вполнѣ современнымъ нашему склепу.

[1]) Объ этомъ болѣе подробно сказано будетъ ниже при разборѣ находокъ въ гробницахъ Васюринской горы.

[2]) См. сопоставленіе нѣсколькихъ мотивовъ у S. Reinach, Rep. d. vases. I, 261, 267, 479. Почти ни одна изъ большихъ и роскошныхъ амфоръ этого стиля не обходится безъ нашихъ орнаментальныхъ мотивовъ. То же наблюдается и въ раннихъ вазахъ Гнаѳіи. Связь между такъ называемыми тарентинскими вазами и Іоніей въ наукѣ, какъ извѣстно, прочно установлена.

[3]) Ср. также Schede, l.l. 101 слл.

Весьма интересную параллель нашему памятнику вообще и фризу съ побѣгами въ частности даетъ и одна гробница въ Ликіи, къ сожалѣнію нигдѣ въ краскахъ не опубликованная (см. Fellows, An account of discoveries in Lycia. London 1841, 197 и таблица, ср. Petersen und Luschan, Reisen in s. w. Kleinasien, II, 31) [1]) и не датированная. Орнаментація ея фриза (побѣги и посрединѣ каждой восьмерки по женщинѣ впрямь съ калаѳомъ на головѣ) живо напоминаетъ орнаментацію нашего, но въ еще большей мѣрѣ орнаментацію двухъ деревянныхъ саркофаговъ. Одинъ изъ нихъ найденъ въ 1868 г. въ каменной гробницѣ, открытой около дороги изъ Тамани въ Тузлу (см. О.И.А.К. 1868 г., X слл., ср. ibid. 1869 г. Прил., 176 слл.; Watzinger, Holzsarkophage, 37, № 13) [2]). Въ фронтонѣ его мы имѣемъ совершенно такую же женскую фигуру среди побѣговъ. Въ томъ же родѣ фронтонъ саркофага изъ Мемфійскаго Серапея (Watzinger, ibid. № 8, стр. 33, рис. 57). Въ керамикѣ параллели этому мотиву даютъ уже названныя апулійскія вазы. Характерно, что и въ упомянутой ликійской гробницѣ роспись покрываетъ прямо по камню только фризъ, капители пилястровъ и розетки. Гамма красокъ бѣднѣе — нѣтъ зеленой, — фонъ голубой (см. Petersen, l.l.). Характерно, что надъ дверью вырѣзанъ рельефъ, изображающій загробную трапезу, также сплошь окрашенный.

Анализъ головы Коры.

Характерной особенностью декоровки нашего склепа является украшеніе заключительной плиты верхняго покрытія монументальной, написанной натуралистически женской головой. Украшеніе рельефной или живописной головой кассетъ плоскихъ покрытій (техническое имя для этого рода живописи есть ἐγκουράδες или κουράς, см. Hesych. s. v. οἱ ἐν ταῖς ὀροφαῖς γραφικοὶ προσώπων πίνακες или ἡ ἐν ταῖς ὀροφαῖς γραφή, Six, *Jahrb. d. Inst.* 1905, 159) ранѣе конца IV в. до Р. Хр. не встрѣчается. Типичными примѣрами являются какъ разъ кассеты гробницъ, украшенныя этимъ способомъ: такъ опубликованныя Six'омъ голова (вѣр. Деметры) въ кассетѣ извѣстнаго памятника Нереидъ въ Ксанѳѣ [3]), головы Гермія и Медузы изъ Ѳессаліи, датировка которыхъ спорна, но врядъ-ли можетъ быть пріурочена ко времени болѣе позднему, чѣмъ конецъ IV в. [4]), наконецъ, головы Деметры (?) и Коры (?) въ алахъ памятника Волумніевъ около Перуджіи, датировка котораго концомъ IV и началомъ III в. до Р. Хр. установлена, на мой взглядъ, G. Körte окончательно (см. табл. IX, 5. 6). Особенно характеренъ для сличенія съ нашей головой примѣръ послѣдній. Если сравнить головы алъ гробницы Волумніевъ съ головами Деметры и Коры на знаменитыхъ золотыхъ пластинкахъ изъ перваго склепа Большой Близницы (см. табл. IX, 1. 2), то мы получимъ рядъ поразительныхъ аналогій: голова впрямь Деметры и поворотъ головы Коры повторяются и въ памятникѣ Волумніевъ, формы серегъ и ожерелья Деметры идентичны на обоихъ памятникахъ, характерно и покрытіе головы [5]).

[1]) Ср. ibid. стр. 30 слѣды нарисованной лесбійской кимы на перемычкѣ двери, замѣченные Petersen'омъ. Очевидно, роспись играла значительную роль въ украшеніи ликійскихъ гробницъ IV—III вѣка до Р. Хр. вообще.

[2]) О датѣ этой гробницы и саркофага см. ниже.

[3]) Six l. l. 157, рис. 3.

[4]) См. Brunn, *Ath. Mitth.* VIII, 96, табл. VII. Датировка его, основанная на изученіи эстампажа, а не оригинала, несомнѣнно слишкомъ высока. Правильнѣе судитъ Heberdey, ibid. XV, 205 слл. и табл. IV, 2, хотя слѣдовало бы, можетъ быть, и его дату нѣсколько понизить; ср. Six, l. l.

[5]) См. G. Körte, Das Volumniergrab bei Perugia. *Abh. der K. Ges. d. W. zu Göttingen. Ph.-hist. Kl.* XII, 1, 10, ср. стр. 9, табл. II, 2—голова Медузы въ центрѣ потолка таблина. Женскія головы алъ ничѣмъ не характеризованы, но сопоставленіе съ нашими пластинками даетъ право назвать ихъ головами Деметры и Коры. Рисунки съ этихъ головъ см. у Conestabile, Dei monumenti di Perugia

Начиная съ IV в. до Р. Хр. украшеніе кассетъ плафоновъ не только надгробныхъ памятниковъ, но и другихъ зданій написанными и пластически моделированными головами сдѣлалось вполнѣ обычнымъ главнымъ образомъ на Востокѣ. Особенно интересны два примѣра изъ Памфиліи и Писидіи: въ Пергѣ, въ нижнемъ городѣ, вмѣстѣ съ другими архитектурными фрагментами, вѣроятно, римскаго времени лежитъ архитравъ, низъ котораго раздѣланъ круглыми и ромбоидальными кассетами; въ круглой изображена голова Артемиды пергейской впрямь, въ ромбоидальной — похищеніе Зевсомъ Ганимеда (см. Städte Pamphyliens und Pisidiens, I, 38, рис. 27, ср. 63, рис. 50) [1]). Въ Термессѣ на одной кассетѣ, принадлежность которой къ храму Зевса Солимскаго вѣроятна, изображена «большая женская голова съ рукой, держащей покрывало»; Petersen толкуетъ ее какъ голову Геры (см. ibid. II, 49). Ср. также рельефы театра въ Аспендѣ (ibid. 112, рис. 89).

Чаще всего кассеты украшались апотропэическими головами Медузъ. Очень характерны въ этомъ отношеніи гробницы, ἡρῷα и другого рода памятники М. Азіи; см. напр. Städte Pamphyliens und Pisidiens, II, 46 и 105, табл. XVII; 106 и 108, рис. 70 и 71 (Термессъ). Любопытна кассета изъ мрамора съ головой Медузы, найденная на Кубани, можетъ быть, остатокъ потолка большого храма, растасканнаго окрестными жителями [2]). Аналогична такая же плита изъ М. Азіи въ Брюссельскомъ музеѣ, гдѣ, однако, изображена не Медуза, а женская голова съ длинными волосами и вѣнкомъ на головѣ (A 1147). Наконецъ, судя по разсказамъ нѣкоторыхъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ раскопкахъ погребальныхъ камеръ некрополя Эль-Тегеня, высѣченныхъ въ скалѣ, въ центрѣ потолка нѣкоторыхъ изъ нихъ изображена была голова Медузы.

Возвратимся, однако, къ головѣ нашего склепа. Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что конецъ IV в. и III в. въ высшей степени увлеченъ былъ задачей изображенія головъ впрямь и въ три четверти: объ этомъ свидѣтельствуетъ и монетное дѣло того времени, и торевтика, и рельефная керамика [3]). Но особенно показательна живопись того времени. Къ числу любимыхъ мотивовъ такъ называемыхъ тарентинскихъ или апулійскихъ вазъ, а за ними и вазъ Гнаѳіи и позднихъ краснофигурныхъ, а также акварельныхъ вазъ нашего юга принадлежитъ изображеніе женской или мужской

---

etrusca e romana ecc. II. Il Sepolcro dei Volumni. Perugia 1855, IV, 1 и 2. Ср. табл. IX, 5. 6 по фотографіямъ Alinari № 21317 и 21318. Съ головами въ гробницѣ Волумніевъ надо сравнить и женскія головы впрямь, украшающія центральныя части верхней орнаментальной полосы (въ формѣ гирлянды) двухъ стѣнъ атрія (надъ дверьми) знаменитой гробницы съ изображеніями изъ цикла легендъ, касающихся Мастарны и Тарквинія, открытой въ 1857 г. извѣстнымъ François; см. Noel des Vergers, L'Etrurie et les Etrusques, III, табл. XXIII и XXVII, ср. *Mon. d. Ist.* VI, 31, 32. О времени этой гробницы (кон. IV в.) см. ниже.

[1]) Ср. женскія головы въ соффитахъ карниза одной фригійской гробницы, находящейся въ Кумбетѣ, см. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art, V, 133, рис. 87; ср. Perrot et Guillaume, Exploration de la Galatie etc., pl. VII. Гробница не можетъ быть, къ сожалѣнію, датирована. Также не поддается датировкѣ женская голова на камнѣ (очевидно, ключевомъ камнѣ свода), нынѣ находящаяся въ музеѣ Александріи. Голова, къ сожалѣнію, плохо сохранившаяся, нарисована впрямь на голубомъ фонѣ. Выс. 0,20 м. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ, что въ свое время она украшала ключевой сводъ гробницы, крытой цилиндрическимъ сводомъ.

[2]) См. О. И. А. К. 1903 г. стр. 78, рис. 162. Другая такая же кассета находится въ музеѣ въ Екатеринодарѣ. Проф. Н. И. Веселовскій въ виду этого и того, что кассета найдена была не въ курганѣ, думаетъ, что обѣ кассеты принадлежали не погребенію, а храму, что вполнѣ возможно.

[3]) Къ области гробничной живописи относятся изображенія головы Медузы на щитѣ и панцырѣ, изображенныхъ на стѣнахъ одной расписной гробницы открытой около Гнаѳіи, см. R. Pagenstecher, *Röm. Mittheil.* XXVII (1912), 109 сл. табл. IV, 2, ср. акварельную александрійскую вазу съ такимъ же изображеніемъ, изданную имъ же ibid. 119, рис. 3.

головы впрямь, въ профиль или въ три четверти. Примѣровъ подобнаго рода головъ можно было бы привести сотни. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ является опубликованная Стефани на заглавномъ листѣ О.И.А.К. 1874 г. голова на днѣ большой тарелки изъ собранія Campana. По стилю и по подробностямъ убора голова эта живо напоминаетъ нашу голову, головы Деметры и Коры на упомянутыхъ золотыхъ пластинкахъ и головы въ гробницѣ Волумніевъ (см. Стефани, О. И. А. К. 1874 г. Прил. стр. 82 и рис. на стр. 83; Каталогъ № 344): характерны здѣсь и нарисованныя золотомъ длинныя серьги, такое же ожерелье и золотая діадема на головѣ изъ волютъ и пальметокъ. Характерна, особенно для сравненія съ нашей головой, и форма глазъ, и трактовка губъ и подбородка. Съ этой головою интересно сравнить и женскую голову на одной изъ акварельныхъ вазъ Эрмитажа и Одесскаго музея, изданіе которыхъ, надо надѣяться, есть дѣло ближайшаго будущаго.

Рис. 5. Ваза, хранящаяся въ склепѣ Волумніевъ въ Перуджіи.

Особенно интересно сравненіе съ такъ наз. тарентинскими вазами тѣмъ, что на нихъ женскія и мужскія головы имѣютъ прежде всего, вѣроятно, прямое отношеніе къ представленіямъ, связаннымъ съ загробною жизнью, главнымъ же образомъ тѣмъ, что и на нихъ, какъ и на нашей плитѣ, головы стоятъ въ теснѣйшей связи съ богато развитыми побѣгами аканѳа, изъ которыхъ онѣ выростаютъ и которые обрамляютъ ихъ пышными цвѣтами каллы или арума. Хѳоническое значеніе этихъ головъ подчеркиваетъ помѣщеніе ихъ и въ фронтонахъ двухъ Абузирскихъ саркофаговъ конца IV и начала III в. до Р. Хр., см. Watzinger, Griechische Holzsarkophage, стр. 28, № 4 рис. 43—48 и табл. I, ср. II, 1; стр. 31, рис. 54 табл. III, ср. стр. 75, гдѣ изображена ваза изъ Ruvo (рис. 128 и 129) и высказываются соображенія о хѳоническомъ значеніи головъ, украшенныхъ цвѣткомъ или модіемъ и фригійской шапкой [1]).

Правда, цвѣты, украшающіе голову Деметры Б. Близницы, и тѣ, что она держитъ въ рукѣ, не есть типичные цвѣты арума или каллы, а скорѣе напоминаютъ лилію или болотные цвѣты этого типа, но не надо забывать, что и эти цвѣты становятся

[1]) Съ этими фигурами на вазахъ я охотно сравнилъ бы изображенія сидящей женщины въ кампанскихъ и самнитскихъ расписныхъ склепахъ; женщины эти держатъ обыкновенно въ рукахъ гранатовое яблоко и цвѣтокъ или зеркало. Весьма вѣроятно, что изображена умершая, но въ образѣ хѳонической богини, скорѣе всего Коры. См. Weege, Oskische Grabmalerei. *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1906 (XXIV), стр. 136, ср. табл. I, XI и XII.

любимымъ орнаментомъ какъ разъ въ IV в. до Р. Хр., одновременно съ такъ наз. Araceenblüten. Можетъ быть, наиболѣе раннимъ примѣромъ появленія этихъ цвѣтовъ въ орнаментикѣ является извѣстный саркофагъ изъ Змѣинаго кургана въ Эрмитажѣ. Здѣсь на одной изъ короткихъ сторонъ между фигурами Аполлона и Геры изображенъ вырѣзанный въ деревѣ и раскрашенный акротерій съ цвѣтами типа лиліи (см. Древн. Босф. Кимм. табл. LXXXI, 6 и 7 и табл. LXXXII). Саркофагъ датируется найденной въ склепѣ пеликой свободнаго, прекраснаго стиля, см. Др. Б. Кимм. табл. LXIII, 1—3; ср. Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 40. Тѣ же цвѣты становятся затѣмъ любимымъ украшеніемъ рельефныхъ полихромныхъ вазъ II в. до Р. Хр. См. Фармаковскій, *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, VII, стр. 31 сл., табл. III, и вазу, хранящуюся въ гробницѣ Волумніевъ, насколько мнѣ извѣстно, издаваемую теперь впервые, см. рис. 5 (проволочная сѣтка, надѣтая на вазу, не антична).

Въ высшей степени интересно сравнить съ нашей головой и терракоттовый торсъ Деметры или Коры изъ собранія Arndt'a, нынѣ въ Мюнхенской Глиптотекѣ (табл. IX, 3 и 4); голова богини и здѣсь украшена широко раскрытыми чашечками лиліеобразныхъ цвѣтовъ. Мюнхенская терракотта врядъ ли можетъ быть датирована временемъ позже первой половины III в. до Р. Хр. Не должно быть считаемо за признакъ болѣе поздняго времени и то, что бюстъ богини изображенъ вмѣстѣ съ руками. Такого рода изображенія встрѣчаются уже на чернофигурныхъ вазахъ, см., напр., S. Reinach, Rep. des vases I, 249, 5, ср. бѣлый лекиѳъ ibid. 461, 1.

Всѣ вышеуказанныя соображенія заставляютъ датировать роспись склепа Б. Близницы послѣдними годами IV или первыми III вѣка до Р. Хр.

Аналогичные расписные склепы.

Конечно, памятниковъ архитектуры, особенно гробничной, покрытыхъ сплошь росписью, мы имѣемъ для этого времени, преимущественно въ Этруріи и Кампаніи, не мало, но большинство этихъ гробницъ по типу росписи сильно отличается отъ нашей, сближаясь съ памятниками, расписанными въ типѣ Керченскаго склепа, датированнаго началомъ III в. до Р. Хр., о которомъ ниже. Нашъ памятникъ среди расписныхъ гробницъ ему современныхъ или нѣсколько болѣе позднихъ стоитъ почти особнякомъ.

Наиболѣе близкой параллелью къ нему могутъ служить главнымъ образомъ памятники монументальной мраморной квадровой архитектуры, полихромія которой теперь сравнительно хорошо изучена. Съ этой росписью отдѣльныхъ частей мраморной архитектуры въ ближайшей связи стоятъ мраморные расписные саркофаги IV в. до Р. Хр., найденные въ Сидонѣ и хранящіеся въ Оттоманскомъ музеѣ. Съ ними надо сравнить расписной же, но не украшенный скульптурами, а только профилированный сверху и расписанный по карнизу мраморный саркофагъ, найденный на Тамани (о немъ см. ниже) [1]).

Среди погребальныхъ сооруженій оштукатуренныхъ и расписанныхъ чрезвычайно близко стоятъ къ нашему нѣсколько расписныхъ каменныхъ гробницъ съ остроконечными двускатными крышами, разрытыхъ еще въ 80-хъ годахъ около города Теана, въ области Сидициновъ, на границѣ между Лаціемъ и Кампаніей, но изданныхъ только недавно (см. Gabrici, Necropoli di età ellenistica a Teano dei Sidicini въ *Mon. ant. publ. per cura d. Acc. dei Lincei* XX, 1 (1910), особенно гробн. 90 и 95, стр. 20, 21 и табл. I, и гробн. 75, стр. 125 сл., рис. 96; нѣкоторыя изъ этихъ

[1]) Ср. также выше стр. 23, указанную гробницу изъ Миры въ Ликіи, гдѣ случайно сохранились не только рельефы, но и орнаментальная роспись.

гробницъ теперь въ Неаполитанскомъ музеѣ) [1]. Гробницы эти датированы найденными въ нихъ вещами тѣмъ же временемъ, что и нашъ склепъ, т. е. концомъ IV в. до Р. Хр. (см. Gabrici l. l. стр. 45 сл.): и здѣсь рядомъ съ позднѣйшими продуктами краснофигурной вазовой индустріи найдено большое количество чернолаковыхъ сосудовъ, частью аттическихъ (гидріи и кратеры съ золочеными гирляндами), частью мѣстныхъ (такъ называемыя вазы Гнаѳійскія) [2].

Схема декоровки за тѣмъ исключеніемъ, что она сдѣлана по сплошной штукатуркѣ, абсолютно идентична со схемой нашего склепа и росписью Абузирскихъ и Керченскихъ саркофаговъ: цоколь выдѣленъ архитектурно выступающими плитами, средняя часть стѣны не окрашена, а только обведена линіей краснаго цвѣта, т. е. какъ бы включена въ рамку, расписаны только фризъ и карнизъ орнаментальными полосами (волны или кима, разводы стилизованные съ цвѣтами, валикъ, какъ бы обвитый двумя полосами желтой и коричневой матеріи, наконецъ листовой орнаментъ на абакѣ или архитравѣ); фронтоны заполнены пальметками, вырастающими изъ двухъ восьмерокъ, по схемѣ напоминающими болѣе всего еще архаическіе памятники греческой архитектуры (напр., симу Писистратовскаго храма на Аѳинскомъ акрополѣ, см. Schede l. l. II, 13, 14). Цвѣта росписи обычны для Греціи со временъ Полигнота (см. ниже); для полноты скалы не хватаетъ только зеленаго.

Много аналогій даютъ и подземныя сводчатыя и купольныя камеры Неаполитанскаго некрополя, группирующагося около Porta S. Gennaro, камеры, содержавшія семейныя погребенія. Сводное ихъ описаніе далъ G. de Petra въ *Monum. d. R. Acad. dei Lincei*, VIII, 2:7 сл. Tav. V—VII. Въ послѣднее время къ числу этихъ гробницъ присоединилась еще одна въ высшей степени интересная и очень роскошная, на стѣнахъ которой нѣсколько разъ повторяется имя Τρέβιος, см. Gabrici, Tomba ellenistica di S. Maria la Nuova in Napoli, *Röm. Mitth.* XXVII (1912), 148 сл. Къ сожалѣнію, гробницы эти, наполненныя надписями на штукатуркѣ и массой разныхъ предметовъ погребальной обстановки, никѣмъ до сихъ поръ систематически не изучены. Ясно одно: врядъ ли всѣ эти камеры одного времени. Не менѣе ясно и то, что одною и тою же камерою пользовались ряды поколѣній. При этомъ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ камеръ найдена была и чернолаковая посуда, даетъ довольно отдаленный хронологическій terminus post quem, можетъ быть, даже III в. до Р. Хр. Характерно въ декоровкѣ нашихъ камеръ то, что стѣны ихъ оставлены безъ росписи и дѣленія на квадры; дѣлятся онѣ только вертикально пилястрами или колоннами (объ этомъ рѣчь будетъ во второй части моей работы), и расписаны только части этихъ колоннъ и чаще іонійскій, рѣже дорійскій антаблементъ. Если даже оказалось бы, что наши камеры и ихъ роспись принадлежатъ сравнительно позднему времени (врядъ-ли, однако, I в. по Р. Хр.), мы въ этомъ должны будемъ усмотрѣть цѣпкую старую традицію, идущую еще отъ IV в. до Р. Хр. Отмѣчу, какъ дериватъ той же традиціи, украшеніе купольнаго колумбарія № 2 (de Petra, l. l. стр. 220) въ центрѣ купола головой Медузы и такое же украшеніе люнетки камеры C въ via dei Cristallini (l. l., стр. 227 и табл. VII).

[1]) Ср. гробницы, разрытыя близъ Allifae въ Самніи: Weege, Oskische Grabmalerei. *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XXIV, 123 сл., особ. № 46, стр. 125.

[2]) Съ вышеназванными гробницами можно сблизить еще гробницу въ зап. некрополѣ Кирены, раздѣленную внутри дорійскими полуколоннами съ расписнымъ антаблементомъ. См. Smith and Porcher, Discoveries at Cyrene London 1864, pl. 37. Особенно же близка по системѣ росписи и гаммѣ красокъ недавно открытая въ Македоніи въ Лангазѣ сводчатая гробница, см. Macridy-bey въ *Jahrb. d. Inst.* 1911, 193 сл. О росписи дромоса ея рѣчь будетъ ниже, здѣсь укажу на роспись колоннъ, антаблемента и фронтона іонійскаго стиля ея входа, см. табл. 4.

Отмѣчу еще, чтобы заключить серію ближайшихъ параллелей, въ высшей степени интересный погребальный склепъ въ курганѣ около Эретріи, опубликованный впервые полно Vollmoeller'омъ въ *Ath. Mitth.* 1901, 333 слл. Помимо того, что эта гробница съ точки зрѣнія архитектуры и погребальнаго обряда входитъ въ серію іонійскихъ памятниковъ погребальной архитектуры М. Азіи, Этруріи, Ѳракіи, Македоніи и юга Россіи [1]), она представляетъ рядъ ближайшихъ пунктовъ сходства съ нашимъ склепомъ Б. Близницы и въ архитектурѣ (спускающіяся уступами переднія стѣны дромоса, какъ въ склепахъ № 1 и 3 въ Б. Близницѣ; парастады у входа въ камеру при отсутствіи двери, здѣсь правда не въ камнѣ, а въ стукѣ), и въ росписи. Къ сожалѣнію, первоначальная роспись склепа не сохранилась (какова она была, объ этомъ рѣчь будетъ ниже), но слѣдуетъ отмѣтить нѣжный тонъ окраски погребальныхъ ложъ и такіе же нѣжные тона окраски сдѣланныхъ изъ стука щитовъ, украшенныхъ чаще всего рельефною расписанною головою впрямь.

Техника росписи.

Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы сказать что-нибудь о техникѣ росписи. Судя по тому, что роспись, какъ указываетъ уже Люценко, сохранилась плохо, особенно на стѣнахъ, и на плитѣ, извлеченной изъ склепа, краски сейчасъ же по вынутіи ея стали осыпаться и теперь сохранились кое-гдѣ только въ порахъ известняка, живопись сдѣлана была клеевыми красками а tempera. Краски на рисункѣ Гросса блѣдны и нѣжны, но были ли онѣ таковы же въ древности, это подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію: на старшихъ Абузирскихъ саркофагахъ того же времени, равно какъ на акварельныхъ вазахъ онѣ значительно болѣе ярки. Достигалъ ли однако красный фонъ фриза погребальной камеры яркости краснаго фона аналогичныхъ полосъ на деревянныхъ саркофагахъ южной Россіи, а синій фриза коридора—яркости фона Абузирскихъ саркофаговъ, или, что вѣроятнѣе, тона и тогда скорѣе подходили къ тонамъ саркофага, найденнаго въ Мемфисскомъ Серапеѣ [2]), рѣшить этого я не берусь. Скала красокъ обычная въ Греціи: къ черной, бѣлой, красной и желтой присоединились голубая и зеленая. Что такое обогащеніе скалы датируется уже временемъ Полигнота и что такимъ образомъ хронологическаго критерія мы отсюда получить не можемъ, съ достаточной ясностью показало извѣстное изслѣдованіе Ф. Винтера [3]).

Связь съ Малой Азіей.

Сопоставленныя выше данныя о расписномъ склепѣ Б. Близницы достаточно ясно свидѣтельствуютъ о времени его возникновенія. Если, однако, присмотрѣться къ этимъ свидѣтельствамъ поближе, то сразу бросится въ глаза тотъ фактъ, что большинство сближеній и для выясненія времени и характера орнаментальной части росписи, и для пониманія ея схемы, и, наконецъ, для толкованія головы, украшающей заключительную плиту уступчатаго покрытія, не говоря уже объ архитектурѣ склепа, привело насъ, за немногими исключеніями, въ области особенно пышнаго расцвѣта іонійскаго искусства—въ М. Азію, Этрурію и южную Италію, отчасти въ области вліянія ѳракійско-македонской культуры. Все это заставляетъ думать, что и въ нашей гробницѣ, какъ это подтверждаетъ и стиль найденныхъ въ сосѣднихъ гробницахъ золотыхъ вещей, мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ какъ іонійской архитектуры,

[1]) Не отмѣтилъ Vollmoeller того, что фундаментъ внутри кургана, служившій, можетъ быть, для постановки на немъ фаллоиднаго σῆμα, если не встрѣчается въ Македоніи, зато обыченъ во Ѳракіи; см. Seure, *Bull. de corr. héll.* 1901 (XXV), 156 слл., который, въ свою очередь, не знаетъ рѣшающихъ вопросъ о центральномъ фундаментѣ мало-азійскихъ приведенныхъ Vollmoeller'омъ параллелей.

[2]) См. Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 32 сл. № 8, рис. 56—59, ср. стр. 77.

[3]) Winter, Das Alexandermosaik. Strassburg 1909; ср. E. Pfuhl, Die Griechische Malerei. *Neue Jahrb. für das kl. Altertum*, XXVII, стр. 8 (отд. отт.).

такъ и іонійской росписи. Объ этомъ, однако, болѣе подробно будетъ сказано во второй части работы.

Литература (о расписномъ склепѣ).

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1864 г., стр. XI.

Стефани, *Отчетъ Имп. Арх. Ком.* за 1865 г. Прил., стр. 14 сл. съ 2 рисунками, сдѣланными съ тѣхъ же оригиналовъ Гросса, что и наша табл. VII, 3, 4. Рисунокъ первый повторенъ, но безъ какого бы то ни было описанія или изслѣдованія, у Толстого и Кондакова, Русскія древности, I, стр. 25, рис. 23. Голова Деметры воспроизведена въ краскахъ на заглавномъ листѣ О. И. А. К. за 1865 г.; съ этого воспроизведенія сдѣлана и наша табл. VII, 2.

К. Герцъ. Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Москва 1870 г. (изъ *Трудовъ Московскаго Арх. Общества. Древности* II), стр. 67; Собраніе сочиненій, вып. 1. Спб. 1898, стр. 81—85, особ. стр. 83.

Подлинный отчетъ А. Е. Люценко, сильно сокращенный въ Отчетѣ И. А. К. за 1864 г., изданъ полностью В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Тавр. Уч. Арх. Коммиссіи*, № 42 (1908), стр. 67—68. О судьбѣ склеповъ Ростовцевъ, газ. «*Страна*» 1906 г. № 177.

О головѣ Деметры довольно подробныя замѣчанія у Six, Pausias. *Jahrbuch d. d. Arch. Inst.* 1905. Отдѣльныя попутныя замѣчанія объ этой головѣ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ сколько-нибудь крупнаго значенія и потому сводка ихъ излишня.

II. Расписной склепъ на Васюринской горѣ.

(Табл. XI, 2, XII—XXV и рис. 6—10).

Мѣстоположеніе.

Васюринская гора (иначе Кирпина гора или Ассодагъ) расположена въ ближайшемъ разстояніи отъ той возвышенности, на которой насыпаны курганы Б. и М. Близницы: раздѣляетъ ихъ лощина шириною версты въ двѣ. Какъ и упомянутая возвышенность Близницъ, Васюринская гора тянется параллельно Таманскому заливу и лиману Цукуру, нѣсколько ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому, верстахъ въ семи-восьми отъ Стеблеевской станицы, на полдорогѣ между Таманью и станціей Сѣнной (см. Герцъ, Археологич. топографія Таманскаго полуострова, стр. 65 (*Собр. соч.* I, стр. 79) и карта № 2). Площадь верхушки и склоны горы въ той части, гдѣ находятся интересующіе насъ памятники, раньше принадлежали къ числу казацкихъ земель, теперь же проданы мѣщ. Черкову и находятся такимъ образомъ въ частномъ владѣніи.

На вершинѣ Васюринской горы, съ которой открывается великолѣпный видъ на весь Таманскій полуостровъ, Керченскій проливъ, Азовское и Черное моря и откуда видны бываютъ и Кавказскія горы, расположенъ рядъ кургановъ большаго и меньшаго размѣра (см. рис. 6, съ карандашнаго рисунка Гросса). Три изъ этихъ кургановъ—одинъ очень крупный, другіе два меньшаго размѣра—содержали въ себѣ однородные и, какъ увидимъ ниже, одновременные погребальные склепы; относительно четвертаго и пятаго точныхъ свѣдѣній не имѣется.

Исторія раскопокъ.

Раскопки произведены были здѣсь въ 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 г.г. бар. Тизенгаузеномъ и Люценкомъ; большой курганъ и находившійся въ немъ склепъ вскрыты были вторично В. В. Шкорпиломъ въ 1907 г. и въ третій разъ въ 1908, для дослѣдованія и точнаго описанія склепа авторомъ этихъ строкъ и снятія копій съ фресокъ худ. М. В. Фармаковскимъ. Нынѣ склепъ большого кургана, отверстія въ которомъ забраны плотно досками, вновь засыпанъ и находится подъ охраной Археологической Коммиссіи.

Первый склепъ.

Въ 1868 и 1869 г. раскопки, начатыя Тизенгаузеномъ, продолженныя Люценкомъ и законченныя Тизенгаузеномъ же, повели къ открытію большого расписаннаго сводчатаго склепа. Открытъ былъ сначала главный корпусъ склепа (въ 1868 г.), а затѣмъ и входъ въ него въ 1869 г. При вторичномъ открытіи въ 1907 г. очищена была отъ земли только главная камера склепа, дромосъ его и корридоръ передъ нимъ не были расчищены, такъ какъ при очисткѣ склепа выяснилось, что стѣны корридора, а также, вѣроятно, входная его стѣна и лѣстница передъ ней были разрушены окрестными жителями, увезшими камень для своихъ построекъ (вѣроятно, для постройки хутора мѣщ. Черкова). Главная камера избѣжала той же участи только потому, что окружающій ее грунтъ очень твердъ, для разборки же ея необходимо было бы обнажить сводъ, что потребовало бы довольно крупныхъ затратъ (см. планъ кургана, гдѣ указаны мѣстоположеніе склепа въ курганѣ и сдѣланныя въ немъ въ 1868 г. работы, табл. XI, 2) [1].

[1] Къ сожалѣнію, ходъ дальнѣйшихъ раскопокъ не иллюстрированъ планами разрытыхъ кургановъ, какъ это сдѣлано было Люценкомъ для кургана Б. Близницы.

Входъ въ склепъ.

Раскопки 1869 года, повѣдшія къ открытію *входа въ склепъ*, описаны, къ сожалѣнію, чрезвычайно суммарно, плана и промѣровъ сдѣлано не было. Для описанія его поэтому приходится довольствоваться нѣсколькими строками въ печатномъ отчетѣ за 1869 г., стр. VIII сл., и рисункомъ, сдѣланнымъ при открытіи бар. М. П. Клодтомъ, замѣнявшимъ въ этомъ году заболѣвшаго Гросса (см. табл. XII, 3 и рис. 7 и 9) [1]).

Къ двери входного корридора склепа вела, судя по этимъ даннымъ, широкая каменная лѣстница въ семь ступеней, охваченная по обѣ стороны высокими каменными стѣнами, доходившими до пяты свода входного корридора. Къ верхнимъ квадрамъ этихъ стѣнъ и къ верхней части фасадной стѣны корридора были пристроены два каменныхъ ящика изъ большихъ плитъ, крытые каждый тремя плитами; ящики

Рис. 6. Васюринская гора на Таманскомъ полуостровѣ. «1) Васюринская гора; 2) большой курганъ, въ которомъ открытъ разоренный склепъ съ фресками; 3) первый средней величины курганъ, въ которомъ открыты разоренный склепъ, желѣзная колесница и обломки отъ статуй изъ бѣлаго мрамора; 4) второй средней величины курганъ, въ коемъ открытъ разбитый на части бронзовый котелъ съ четырьмя литыми бронзовыми ручками» (съ карандашнаго рис. Гросса. Альбомъ И. А. К.) [1]).

эти заключали въ себѣ четыре лошадиныхъ погребенія, изъ которыхъ только одно оказалось нетронутымъ (о вещахъ, найденныхъ въ немъ, рѣчь будетъ ниже). «У нижней ступени лѣстницы, т. е. у самаго входа въ склепъ оказались остовъ собаки и бронзовое кольцо съ обломками бронзовой цѣпочки».

Входное отверстіе въ корридоръ склепа обрамлено было двумя монолитными косяками и увѣнчано монолитной же лопнувшей около середины перемычкой [2]). Вся эта часть при раскопкахъ была обнажена и послѣ раскопокъ, очевидно, не засыпана, въ силу чего весь камень отсюда и изъ корридора былъ расхищенъ.

[1]) Планъ склепа и разрѣзы его (рис. 7—9) сдѣланы студентомъ-архитектуры В. Головымъ на основаніи моихъ промѣровъ главной камеры, рисунка бар. Клодта и плана сдѣланнаго послѣ открытія склепа, но до открытія входа, худ. Гроссомъ. Поэтому на полную точность планъ лѣстницы, входа и конскихъ гробницъ не претендуетъ (къ рисунку бар. Клодта масштабъ, къ сожалѣнію, не приложенъ).

[2]) Закрыто было это входное отверстіе плитой или плитами (см. ниже). Украшенныхъ рельефами каменныхъ дверей и тѣмъ менѣе дверей деревянныхъ, какъ въ македонскихъ склепахъ и особенно въ склепѣ изъ Лангазы (см. ниже), а также въ нѣкоторыхъ мало-азійскихъ склепахъ (интересная группа такихъ дверей, главнымъ образомъ двери изъ Лангазы, составляютъ теперь одно изъ украшеній Оттоманскаго музея), въ склепахъ южно-русскихъ нигдѣ констатировано не было, что несомнѣнно надо считать, какъ и такъ называемую египетскую кладку многихъ склеповъ, старой цѣпко державшейся традиціей, требовавшей закрытія дверей приваленной плитой, ср. ниже.

Корридоръ (дромосъ).

Не сохранившійся до нашего времени *корридоръ склепа* описанъ въ рапортѣ Люценка отъ 15 ноября 1868 г. за № 61 слѣдующимъ образомъ. При раскопкахъ 1868 г. склепъ былъ обнаруженъ при помощи буровыхъ скважинъ не далеко отъ центра упомянутаго выше кургана (высота его опредѣлена въ 5 саж., діаметръ равнялся 16 саж., см. табл. XI, 2). «Разобравъ сверху, говоритъ Люценко, часть стѣны, замыкавшей склепъ съ южной стороны, мы замѣтили, что онъ состоитъ изъ двухъ смежныхъ между собою отдѣленій; когда же спустились по веревкѣ въ первое изъ сихъ отдѣленій, то увидѣли себя въ узкой комнатѣ или корридорѣ дл. отъ З. къ В. въ 5, шириною 3 и вышиною отъ плитового его помоста до ключевыхъ камней свода около 5 арш. Позади насъ былъ входъ въ этотъ корридоръ, заложенный съ южной стороны нетронутыми плитами, впереди—поперечная стѣна съ дверью вышиною въ $2^{1}/_{4}$ арш., ведущею изъ одного отдѣленія въ другое, которая, хотя и была заложена плитами, но въ одномъ мѣстѣ имѣла небольшое отверстіе, очевидно пробитое въ ней грабителями, сквозь которое нетрудно было пролѣзть, причемъ надъ этою дверью замѣтны были въ стѣнѣ четыре скважины съ остатками въ нихъ свинца и желѣза, заставляющими полагать, что въ ней было что-то прикрѣплено, быть можетъ, доска съ надписью».

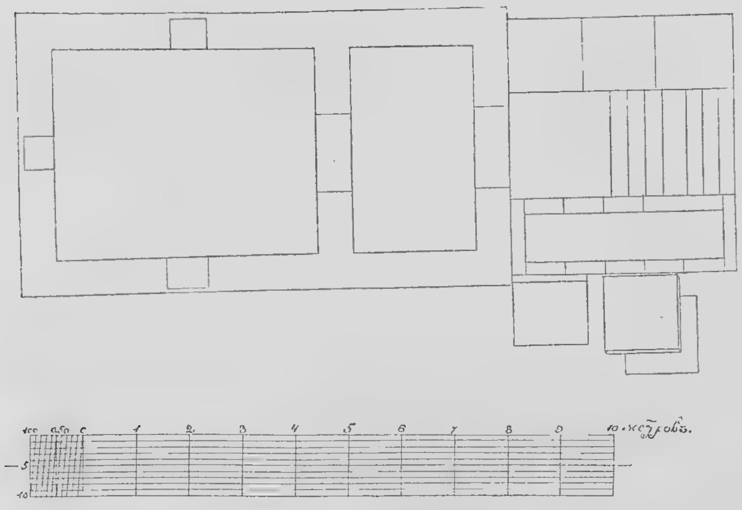


Рис. 7. Планъ склепа перваго кургана Васюринской горы.

Камера.

Точныхъ данныхъ о состояніи погребальной *камеры склепа* въ моментъ ея открытія рапортъ Люценка, къ сожалѣнію, не содержитъ. Указываются только размѣры склепа (дл. $6^{1}/_{2}$ арш., шир. 5 и выше около 5 арш.), упоминается грабительскій проломъ въ задней стѣнѣ подъ самымъ сводомъ и дается суммарное описаніе росписи, какъ и для корридора, безъ указанія степени ея сохранности (рисунки въ краскахъ росписи, сдѣланные Гроссомъ, очень неточны и, несомнѣнно, даютъ не копію, а реставрацію росписи).

О найденныхъ въ склепѣ вещахъ рѣчь будетъ ниже.

Состояніе склепа въ 1907 г.

При новомъ открытіи склепа въ 1907 году оказалось, что кромѣ грабительскаго пролома въ задней стѣнѣ въ новѣйшее время сдѣланъ еще одинъ проломъ въ сводѣ камеры около стѣны, раздѣляющей погребальную камеру отъ корридора, очевидно, съ цѣлью использовать камень свода. Черезъ этотъ проломъ были вытащены всѣ плиты пола, кромѣ тѣхъ, которыя лежали у передней стѣны камеры склепа и на которыхъ покоился толстый слой земли, наплывшей черезъ грабительскій проломъ и не снятой при первомъ открытіи склепа.

Полъ корридора.

Судя по рисункамъ Гросса, при первомъ открытіи склепа всѣ плиты *пола* корридора были цѣлы, въ погребальной же камерѣ не хватало только одной плиты въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась проложенная сюда шедшая снизу грабительская мина, вѣроятно, первая изъ тѣхъ, черезъ которыя склепъ въ свое время былъ ограбленъ.

Конструкція склепа.

Архитектура склепа представилась въ слѣдующемъ видѣ. Склепъ сложенъ изъ большихъ неравной величины плитъ известняковаго камня. Изъ такихъ же плитъ сложенъ и сводъ. Всѣхъ слоевъ въ сводѣ 23—11+1+11. Камни свода связаны между собою огромными желѣзными скобами формы греческой буквы Π съ очень

короткими вертикальными стержнями; скобы залиты были свинцомъ. Плиты свода расположены такъ, что каждое соединеніе двухъ плитъ приходится на срединѣ сосѣдней плиты. Сводъ очень правильный, полуцилиндрическій. Камни свода и стѣнъ сведены безъ помощи известки или цемента.

Размѣры камеры: шир. у входной двери—3,65 м., шир. двери—1,37, толщина входной стѣны—0,60. Длина по сѣв. боковой стѣнѣ—4,65, по южной—4,70. Шир. по задней стѣнѣ—3,73. Высота стѣнъ до пяты свода—1,85, до макушки его 3,38. Въ боковыхъ стѣнахъ и въ задней сдѣлано по нишѣ. Ниши боковыхъ и задней стѣнъ выс. 0,73, глуб. 0,55 (въ задней стѣнѣ—0,52), шир. 0,63—0,65; ниши въ боковыхъ стѣнахъ расположены не въ центрѣ стѣнъ, а на разстояніи 2,13 отъ задней стѣны въ сѣв. стѣнѣ, 2,20 въ южной.

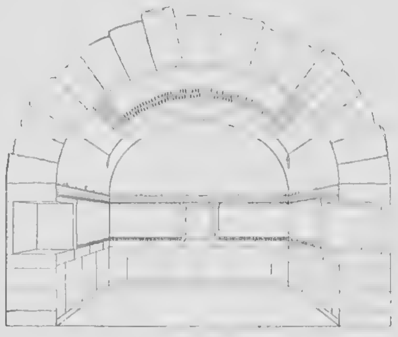


Рис. 8. Поперечный разрѣзъ камеры склепа перваго кургана Васюринской горы.

Склепъ такимъ образомъ представляетъ въ планѣ невполнѣ правильный прямоугольникъ, расширяющійся въ глубину и съ боковыми стѣнами неравной длины. До пяты свода онъ впущенъ въ материкъ. Оріентированъ съ с.-з. на ю.-в.

Склепъ и корридоръ были одной вышины и ширины, лѣстница передъ склепомъ нѣсколько уже корридора.

Роспись корридора.

Какъ уже сказано было выше, корридоръ склепа былъ разобранъ послѣ открытія его фасада. Для описанія *росписи* его мы вынуждены поэтому пользоваться завѣдомо неточнымъ рисункомъ Гросса (описаніе декоровки Люценкомъ ничего не даетъ). Надо думать однако, что простота декоровки корридора не позволила Гроссу впасть въ грубыя ошибки (см. табл. XII, 2).

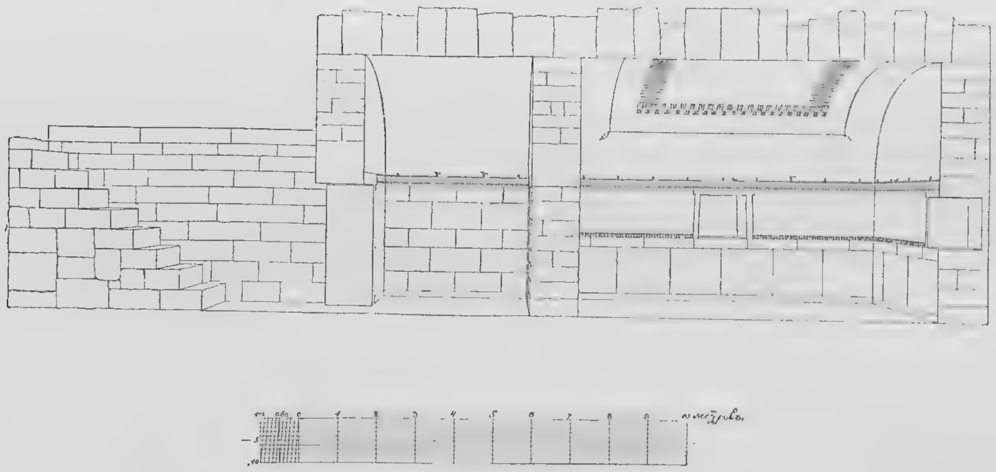


Рис. 9. Продольный разрѣзъ склепа перваго кургана Васюринской горы.

Стѣны корридора были оштукатурены снизу до пяты свода. Былъ ли оштукатуренъ и сводъ и имѣлись ли на немъ какіе-либо рисунки, неизвѣстно. Аналогія съ декоровкой камеры позволяетъ думать, что сводъ былъ оштукатуренъ, но не раскрашенъ. Не знаемъ мы также, были ли оштукатурены косяки входной двери. Рисунокъ Клодта не даетъ штукатурки на внѣшней стѣнѣ фасада, включая косяки и перемычку двери. Продольныя (и поперечныя?) стѣны корридора были разбиты, вѣроятно, вдавленными по свѣжей штукатуркѣ линіями на пять рядовъ квадровъ широкихъ и узкихъ поочередно. Надъ четвертымъ рядомъ написанъ былъ тѣми же красками,

что и въ камерѣ, іонійскій сухарный карнизъ съ симой, который ниже будетъ описанъ подробно. На симѣ между каждой парой львиныхъ головъ стояли нарисованные деревянные точеные коньки — балюстры. На двухъ изъ нихъ сидятъ птички; судя по рисунку Гросса, это стрижи.

Роспись погребальной камеры.

Схема *росписи погребальной камеры* такова (см. табл. XIII и XIV). Надъ узкой черной полосой-панелью, идущей по всему низу надъ самымъ поломъ и отчасти покрытой плитами пола, возвышаются ряды желтоватыхъ орѳостатовъ, отграниченныхъ сверху и снизу и между собою вдавленными черными линіями. Выше орѳостатовъ тянется рядъ лежачихъ прямоугольниковъ, желтыхъ и черныхъ поочередно, раздѣленныхъ между собою, какъ и орѳостаты, вдавленными линіями и отграниченныхъ такими же линіями сверху и снизу. Непосредственно надъ прямоугольниками написанъ профиль (гусекъ), украшенный лесбійскимъ киматіемъ на красномъ фонѣ и производящій впечатлѣніе лѣпного (отдѣльные его лепестки даютъ тѣни). Оссатура лепестковъ — бѣлая на лиловатомъ фонѣ, вверху—бѣлая на темно-зеленомъ или черномъ фонѣ. Профиль заканчивается бѣлой полоской, ограниченной сверху вдавленной линіей. Средняя часть стѣны — одно сплошное ярко-красное поле, заканчивающееся наверху желтой полочкой, началомъ сухарнаго карниза. Выше этой полочки—сухарики, рельефно оттѣненные при посредствѣ бѣлой и черной красокъ съ одной темно-лиловой полочкой надъ ними. Надъ сухариками бѣлая узкая полоска, орнаментированная миніатюрнымъ лесбійскимъ киматіемъ (?), сдѣланнымъ лиловатыми тонами; еще выше—валикъ, украшенный овами (бѣлая, красная и черная краски); наконецъ, надъ всѣмъ этимъ синій профиль симы; рѣзкій рельефъ придаютъ симѣ двѣ темныя полосы сверху и снизу и бѣлая посрединѣ. Сима украшена на равныхъ приблизительно другъ отъ друга разстояніяхъ водостоками въ видѣ львиныхъ головъ темно-синяго цвѣта съ бѣлыми тѣнями. На стѣнѣ, заканчивающейся симой, симметрично между каждыми двумя водостоками разставлены какъ-бы акротеріи (вѣрнѣе Stirnziegel), очевидно, деревянные точеные чернаго или темно-синяго цвѣта, такъ называемые балюстры или балясины. На этихъ акротеріяхъ или на карнизѣ между ними мѣстами не орнаментально-симметрично, а реалистически, въ безпорядкѣ разсажены птички разныхъ породъ (одинъ стрижъ, двѣ другія болѣе пестрыя).

Роспись свода.

Надъ акротеріями идетъ уже пята свода. Сводъ оштукатуренъ, но не выкрашенъ. Весь центръ свода занимаетъ цѣликомъ широкая декоративная композиція (см. табл. XV). Сплошное синее поле охватываетъ кирпично-красный бордюръ. На углахъ его свѣшиваются красныя кисти на такихъ же шнуркахъ, по одной на каждомъ углу. Внутреннія стороны бордюра вырѣзаны рядомъ лацкановъ, такъ называемыми городками. Къ каждому выступу, лацкану или зубцу придѣланы по два шарика на короткихъ шнуркахъ; по два такихъ же прикрѣплены въ промежуткахъ. Короткія стороны бордюра вырѣзаны длинной стрѣльчатой бахромой.

Ниши и двери.

Ниши и двери обрамлены линіями, вдавленными въ штукатурку обычнымъ въ греческой архитектурѣ для оконъ и дверей образомъ, и книзу расширяются. Обрамленіе нишъ и двери или совсѣмъ не окрашено или, можетъ быть, окрашено въ желтоватый цвѣтъ.

Вся декоровка сдѣлана по тонкому слою превосходной штукатурки, положенному непосредственно на камень (отъ $^1/_2$ до 1 сант.). Въ стукѣ большая примѣсь толченаго кирпича. Роспись сдѣлана по этой штукатуркѣ вѣроятно al fresco, во всякомъ случаѣ не чистой темперой, краска прочная и блестящая и впиталась довольно глубоко въ слой стука.

Гвозди.

На всѣхъ стѣнахъ подъ фризомъ вбиты въ стѣну желѣзные гвозди на равныхъ почти одинъ отъ другого разстояніяхъ; ихъ до 10 на длинныхъ, 6—7 на короткой задней и 4 на короткой передней стѣнахъ. На основаніи констатированныхъ Шкорпиломъ потековъ желтаго (въ одномъ случаѣ цвѣтного) воска на лѣвой боковой стѣнѣ по обѣ стороны этихъ гвоздей можно думать, что на нѣкоторыхъ гвоздяхъ укрѣплялось по двѣ свѣчи, можетъ быть, въ особыхъ бра.

Отношенія отдѣльныхъ частей декоровки выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ (беру южную боковую стѣну, см. табл. XIV; тѣ же отношенія, правда съ нѣкоторыми варіантами, повторяются и на другихъ стѣнахъ): нижняя черная полоса видна надъ плитами пола на 0,09 м.; орѳостатовъ—6, высота—0,67 м., ширина каждаго 0,80; лежачихъ прямоугольныхъ квадровъ — 7, фуги не совпадаютъ съ фугами орѳостатовъ; высота—0,16, ширина—0,80; ширина профиля съ киматіемъ—0,0575; высота краснаго поля—0,70; ширина сухариковъ 0,075; полочка вмѣстѣ съ валькомъ—0,04; сима—0,045; разстояніе между балюстрами—0,52—0,50.

Птички видны въ слѣдующихъ мѣстахъ: на южной стѣнѣ—на третьемъ балюстрѣ отъ задней стѣны, стрижъ; на центральной—между вторымъ и третьимъ балюстромъ, пестрая, въ типѣ щегленка (см. табл. XIII); на сѣверной—между вторымъ и третьимъ балюстромъ отъ задней стѣны, пестрая (цвѣта красный, синій и бѣлый); на входной стѣнѣ ни одной птички не сохранилось.

На входной стѣнѣ вся декоровка прерывается у двери, косяки которой оштукатурены; профили двери намѣчены вдавленными линіями. Люнетки камеры оштукатурены, но не окрашены. Оштукатурена и внутренность нишъ. Рамка ниши задней стѣны, можетъ быть, орнаментована была лиловатыми розетками. Ширина ковра 3,12, длина—3,45, ширина бордюра съ бахромой и зубцами—0,74 м.

Сохранилась декоровка неравномѣрно. Гвозди всѣ вырваны вмѣстѣ съ кусками штукатурки; на самой стѣнѣ во многихъ мѣстахъ штукатурка обвалилась, такъ какъ стѣна эта сѣла и лопнула надъ нишей; сѣверная стѣна и особенно передняя сильно пострадали отъ сырости.

Къ основной идеѣ декоровки и главнѣйшимъ параллелямъ къ ней мы еще вернемся, когда будемъ говорить о датировкѣ склепа.

Внутреннее убранство склепа.

Хотя склепъ и найденъ былъ ограбленнымъ, тѣмъ не менѣе, возстановить его *внутреннее убранство* возможно какъ на основаніи находокъ 1868 г., такъ и на основаніи тѣхъ находокъ, которыя сдѣланы были при дослѣдованіи 1907 г. Дѣло въ томъ, что при первомъ открытіи кургана изслѣдователи, найдя его ограбленнымъ, не потрудились очистить его отъ земли и эту землю просѣять. Они оставили поэтому нетронутыми въ обоихъ углахъ главной камеры у входа двѣ кучи обломковъ оружія и посуды, очевидно, сброшенныхъ туда грабителями и затѣмъ заслоившихся землей.

Саркофагъ.

Въ центрѣ погребальной камеры подъ ковромъ, нарисованнымъ въ сводѣ, стоялъ *саркофагъ*, отъ котораго въ 1868 г. найдено 4 обломка (см. табл. XVII, 3—6) [1]). Саркофагъ принадлежалъ, вѣроятно, къ типу саркофаговъ, сдѣланныхъ въ видѣ ящика, а не въ формѣ дома: никакихъ слѣдовъ колонокъ или пилястровъ не сохранилось. По формѣ и орнаментаціи, судя по остаткамъ, саркофагъ ближе всего напоминаетъ саркофагъ изъ Мемфисскаго Серапея (Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 32, № 8, рис. 56) и чрезвычайно близко къ нему стоящій саркофагъ,

[1]) См. Watzinger, Griechische Holzsarkophage, 59 № 48. Онъ даетъ, однако, только цитату изъ О. И. А. К. за 1868 г. и изъ приложенія за 1869 г.; рисунковъ Гросса изъ керченскаго альбома, бывшаго въ его распоряженіи, онъ не использовалъ.

найденный въ томъ же 1868 г. въ каменной гробницѣ кургана, находившагося на дорогѣ изъ Тамани въ Тузлу (О. И. А. К. за 1868 г., стр. X сл.; Стефани въ О. И. А. К. 1869 г. Прил. стр. 176 слл. съ двумя рисунками; Watzinger, Griech. Holzsarkophage, 37, № 13, рис. 65—повтореніе перваго рисунка Приложенія къ отчету 1869 г.). Оба вышеприведенные саркофага, какъ показываетъ хотя бы мотивъ заполненія фронтона и общая схема декоровки, несомнѣнно одновременны. Между тѣмъ, саркофагъ Таманскій датированъ находкой въ немъ краснофигурной вазы позднѣйшаго стиля, на которой изображена битва грека съ бородатымъ варваромъ и амазонкой [1]). Гробница и саркофагъ современны, такимъ образомъ, погребеніямъ и саркофагамъ Б. Близницы и изданнымъ Watzinger'омъ саркофагамъ изъ Абузира [2]).

Какъ и на саркофагѣ изъ Серапея, длинныя и, вѣроятно, короткія стороны нашего саркофага заканчивались фризомъ, заполненнымъ мэандромъ (табл. XVII, 6). Посрединѣ, по крайней мѣрѣ, длинныхъ сторонъ шла вставленная доска, заполненная цвѣточными побѣгами, можетъ быть, въ сочетаніи съ морскими фантастическими животными; доска эта была обрамлена рѣзными полосками, прикрѣпленными шипами. Возможно, однако, предположить, судя по слѣдамъ отъ шиповъ на доскѣ подъ полосой, заполненной побѣгами, что аналогія съ таманскимъ саркофагомъ была еще больше и что побѣги шли сверху и снизу полосы, украшенной рѣзными изъ дерева фигурами, прикрѣпленными къ доскѣ посредствомъ шиповъ (табл. XVII, 4—5). Фигуры эти, вѣроятно, какъ и во фризѣ надъ ними, сочетались съ рѣзными же побѣгами аканѳа. Одинъ такой побѣгъ съ отверстіями для шиповъ сохранился (табл. XVII, 3) [3]).

Отличается нашъ саркофагъ отъ мемфисскаго и таманскаго тѣмъ, что въ первомъ большинство фигурныхъ украшеній было исполнено лѣпкою и раскраскою по стуку, во второмъ—рѣзьбою по дереву (фронтоны) и нашивкой отдѣльно изготовленныхъ рѣзныхъ фигуръ и орнаментовъ, въ нашемъ же и мэандръ и орнаментальная полоса, находившаяся въ центрѣ длинныхъ стѣнокъ саркофага, были орнаментованы деревянной интарсіей или инкрустаціей, т. е. такъ, какъ исполнена была часть украшеній саркофага Павловскаго кургана 1859 года (литература и рядъ изображеній у Watzinger, Holzsarkophage, 45, № 26, рис. 81—85, особ. 82) и украшенія саркофага перваго склепа Б. Близницы. И это указываетъ на сравнительную древность нашего саркофага.

Трапезы. Передъ саркофагомъ стояли найденные на мѣстѣ *столъ* изъ бѣлаго мрамора и скамейка или столъ меньшаго размѣра изъ того же матеріала (см. табл. XVI). Столъ (ножки высотою 0,332, шириною 0,22, толщиною внизу 0,475, вверху 0,305; доска—длиною 1,11, шириною 0,574, толщиною 0,062, безъ рамки 0,038) укрѣпленъ на

---

[1]) Характерны найденные въ этомъ саркофагѣ деревянные сосуды и деревянный ящичекъ съ росписью, которые заслуживали бы изданія. Послѣ того какъ они были вынуты изъ гробницы, они, правда, сильно пострадали, но при самой находкѣ Гроссъ сдѣлалъ съ нихъ точные рисунки (карандашемъ и въ краскахъ), хранящіеся въ альбомахъ керченскихъ рисунковъ въ И. А. К.

[2]) Watzinger, l. l. 75 думаетъ, что саркофагъ изъ Мемфиса позднѣе саркофаговъ изъ Абузира на томъ основаніи, что краски этого саркофага нѣжнѣе красокъ Абузирскаго, датированнаго краснофигурной посудой позднѣйшихъ стилей. Сопоставленіе Мемфисскаго саркофага съ саркофагомъ изъ Тамани и росписи перваго съ росписью вышеописаннаго склепа Б. Близницы доказываетъ неосновательность этихъ соображеній.

[3]) Возможно, конечно, и обратное, т. е. что инкрустированная полоса находилась въ центрѣ, а сверху и снизу шли наложенные рѣзные побѣги. Соединеніе побѣговъ съ морскими животными обычно по крайней мѣрѣ на саркофагахъ позднѣйшаго времени. См. саркофагъ, найденный въ саду Золотарева, О. И. А. К. 1882—1888 г.г., стр. 84; Watzinger, Holzsarkophage, 49, № 32, рис. 96.

двухъ массивныхъ ножкахъ; ножки имѣютъ форму невысокихъ массивныхъ пилястровъ съ каннелированной передней стороной и широкимъ плинтусомъ; передъ пилястромъ на плинтусѣ вырѣзаны львиныя лапы или, лучше, пальцы съ когтями двухъ львиныхъ лапъ. Доска стола богато профилирована, ея поверхность углублена, такъ что она имѣетъ видъ плоскаго и неглубокаго подноса. Съ лѣвой стороны въ ней высѣченъ желобокъ для стока воды. На этой доскѣ отпечатались слѣды стоявшихъ на ней 20 большихъ и малыхъ бронзовыхъ сосудовъ. Передъ столомъ стояла скамейка или другой столъ меньшихъ размѣровъ (ножки шириною 0,46 и 0,502 м., толщиною 0,105, высотою 0,26; доска—длиною 0,72, шириною 0,402, толщиною 0,06); ножки ея сдѣланы въ видѣ двухъ массивныхъ плитъ, украшенныхъ съ фронта львиными лапами. Простая непрофилированная доска разбита на два неравные куска. На доскѣ этой «скамейки» также видны слѣды стоявшихъ на ней бронзовыхъ сосудовъ (діам. донышекъ—0,05; 0,075; 0,12; 0,14 и 0,15). Обѣ трапезы хранятся нынѣ въ Керченскомъ музеѣ древностей. Въ той же комнатѣ въ углу, влѣво отъ входа, сохранился на угловой плитѣ пола круглый слѣдъ довольно большого бронзоваго сосуда, имѣющаго въ діаметрѣ 0,11 м. (на этотъ слѣдъ указалъ мнѣ В. В. Шкорпилъ).

Кромѣ бронзовыхъ сосудовъ, о которыхъ свидѣтельствуютъ ихъ слѣды на столахъ и полу, въ склепѣ находилось не малое количество глиняныхъ сосудовъ, частью греческихъ чернолаковыхъ, частью мѣстныхъ варварскихъ, красной и черноватой глины. Вся посуда найдена въ черепкахъ.

Среди этихъ черепковъ особаго вниманія заслуживаютъ черепки большого чернолаковаго съ золочеными орнаментами, сдѣланными жидкой глиной, сосуда. Черепки этого сосуда, найденные въ 1868 г., доставлены были въ Эрмитажъ. При изслѣдованіи 1907 г. найденъ былъ рядъ новыхъ интересныхъ черепковъ этого сосуда. Нынѣ всѣ черепки находятся въ Имп. Эрмитажѣ и ваза можетъ быть возстановлена въ существенныхъ своихъ частяхъ (см. табл. XVII, 1—2) [1]. Чернолаковая пиксида.

Форма вазы, выясняющаяся путемъ сложенія отдѣльныхъ черепковъ и безъ помощи аналогій, вполнѣ обычна въ греческой и эллинистической керамикѣ; это форма обычной круглой пиксиды—туалетной коробочки, ведущая свое начало, несомнѣнно, либо отъ токарнаго искусства, либо отъ торевтики [2].

Въ общихъ чертахъ форма такова (см. Стефани, Каталогъ вазъ, форма № 53): на невысокій стаканъ, составляющій одно цѣлое съ широкой подставкой, вродѣ плоскаго блюдечка на круглой ножкѣ, надѣвается высокій колпакъ съ вогнутыми боками и плоскимъ выпуклымъ покрытіемъ съ выступающей полоской или карнизомъ. Въ центрѣ этого покрытія, профилированнаго рядомъ концентрическихъ профилей, находится нѣчто вродѣ плоской пуговки одного уровня со всей остальной крышкой; въ нее иногда вдѣлано колечко.

[1]) Возстановленіе сдѣлано по порученію Имп. Археологической Коммиссіи реставраторомъ Имп. Эрмитажа Байкѣевымъ.

[2]) Интересно, что рядъ *деревянныхъ* сосудовъ такой же формы найденъ былъ почти одновременно съ нашей пиксидой въ каменной гробницѣ кургана около Тузлы. Вся находка датирована краснофигурнымъ сосудомъ съ изображеніемъ битвы между грекомъ, «скиѳомъ» и амазонкой. См. О. И. А. К. 1868 г., стр. XI, ср. Watzinger, Die griech. Holzsarkophage, 37 № 13. Ср. другую пиксиду тоже деревянную, найденную на Глинищѣ въ Керчи, опять-таки съ краснофигурнымъ «керченскимъ» сосудомъ. См. Watzinger, l. l. 39, 16. Вся эта серія въ высшей степени интересныхъ и рѣдкихъ произведеній античнаго токарнаго искусства до сихъ поръ не опубликована. Немедленно послѣ открытія они были зарисованы въ натуральную величину Гроссомъ, рисунки котораго хранятся въ керченскихъ альбомахъ за 1867 и 1868 г.г.

Пиксидъ описанной формы имѣется чрезвычайно много. Древнѣйшія относятся къ эпохѣ еще такъ называемаго прото-коринѳскаго стиля (см. Pottier у Daremberg et Saglio, *Dict. d. ant.* s. v. Pyxis).

Отъ всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго времени пиксидъ наша отличается колоссальными по сравненію съ ними размѣрами, богатѣйшимъ развитіемъ профилей и богатствомъ орнаментовки, а также обиліемъ позолоты, которою не только покрыты всѣ орнаменты, но и нѣкоторые профили. Выпуклый верхъ колпака раздѣленъ на рядъ концентрическихъ полосъ. Крайній поясъ (0,10 м.) даетъ широкую орнаментальную полосу (0,046), ограниченную сверху и снизу пунктирными линіями и заполненную рядами переплетающихся между собою параллельныхъ другъ другу схематическихъ побѣговъ. Полоса побѣговъ прерывается въ четырехъ, вѣроятно, мѣстахъ орнаментомъ въ формѣ трапеціи, чѣмъ-то вродѣ ковра. Трапеція эта обрамлена со всѣхъ сторонъ двумя линіями и внутри ихъ линіей пунктира; по угламъ торчатъ пальметки; по двѣ линіи пунктира и посрединѣ ихъ по сплошной линіи пересѣкаютъ поле по діагоналямъ; въ центрѣ во всѣ стороны звѣздообразно расходятся четыре вѣточки или пальметки. Черная концентрическая полоса ограничена извнутри валикомъ, окрашеннымъ въ бѣлую краску и позолоченнымъ; ограничивающее сверху валикъ углубленіе окрашено красной краской (0,025 м.). За валикомъ опять идетъ черная полоса, обломанная въ самомъ началѣ. Такой же валикъ ограничиваетъ черную полосу съ орнаментомъ и снизу, создавая переходъ отъ верхней къ нижней части крышки, прежде всего къ выступающей полочкѣ карниза, къ которой примыкаетъ корпусъ колпака. За валикомъ идетъ прежде всего обратный желобокъ, украшенный цвѣтущей вѣткой лавра или оливы (0,019), за которымъ уже идетъ полочка (вверху 0,025 м., внизу 0,033 шир.), орнаментованная сверху побѣгами плюща. Вогнутый корпусъ крышки также богато орнаментованъ двумя линіями орнаментовъ—сверху вѣтвями лавра или оливы съ цвѣтками, снизу обычнымъ ожерельемъ, ограниченнымъ сверху двумя линіями пунктира. Вѣтви идутъ въ разныхъ направленіяхъ, сходясь у верхушекъ орнаментально трактованныхъ ѳиміатеріевъ попеременно то съ остроконечной пирамидальной, то съ конусообразной крышкой. Внизу колпакъ заканчивается новымъ валикомъ, опять-таки покрытымъ бѣлой краской и позолоченнымъ. Низъ сосуда также богато профилированъ. За небольщой выступающей полочкой, на которой покоился колпакъ, идетъ углубленная вогнутая полоса (0,023) ярко-краснаго цвѣта (этимъ же цвѣтомъ окрашены и другія углубленія отдѣльныхъ профилей), а за ней широкая полочка или карнизъ, орнаментованный сверху полосой богатаго схематическаго побѣга.

Описанной пиксидѣ я посвятилъ подробное спеціальное изслѣдованіе въ *Зап. Одесскаго Общ. ист. и др.* т. XXX (Προπεμπτήρια. Сборникъ статей въ честь Э. Р. фонъ-Штерна. Одесса 1912), 136 слл., гдѣ сопоставилъ весь доступный мнѣ матеріалъ и сдѣлалъ вытекающіе изъ разсмотрѣнія этого матеріала выводы. Изъ этихъ выводовъ для насъ особое значеніе имѣютъ слѣдующіе:

1) Колоссальныя пиксиды нашего типа свойственны эпохѣ эллинизма и ни раньше, ни позже не встрѣчаются. Особенно характерны онѣ для курганныхъ погребеній ранняго эллинизма, какъ въ Македоніи и прилегающихъ мѣстностяхъ, такъ и на югѣ Россіи. Пиксида почти той же формы что и наша, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, датируетъ, напримѣръ, богатыя находки такъ называемаго Александропольскаго кургана (Луговая могила) [1].

[1]) См. указанную выше мою работу, табл. III, рис. 9—10. Ср. Древности Герод. Скиѳіи. Атласъ I, табл. XI, 22. Ср. Vollmoeller, *Ath. Mitth.* 1901, 357, рис. 5.

2) Изслѣдованіе формы и орнаментовъ всей серіи пиксидъ показываетъ, что пиксиды нашего типа, т. е. чернолаковыя съ орнаментами, сдѣланными жидкой глиной, смѣняютъ собою позднѣйшія краснофигурныя пиксиды съ туалетными сценами. Возможно даже, что нѣкоторое время оба типа существуютъ вмѣстѣ. Несомнѣнно одновременны наши пиксиды съ гидріями и амфорами, крытыми чернымъ лакомъ, съ желобчатымъ брюшкомъ и позолоченными орнаментами вокругъ шейки и на плечахъ.

3) Изслѣдованіе обстоятельствъ находки пиксидъ, найденныхъ на югѣ Россіи, показываетъ, что пиксиды лучшаго лака одновременны какъ леканамъ и другимъ формамъ сосудовъ съ красными фигурами и сценами изъ жизни гинекэя, такъ и леканамъ чернолаковымъ съ орнаментами изъ накладной глины. Время ихъ опредѣляется соотвѣтственно этому началомъ III в. до Р. Хр., что вполнѣ подтверждается и монетными находками [1]). Наоборотъ, пиксиды худшаго лака съ краснофигурными вазами не встрѣчаются одновременно и датируются монетами болѣе поздняго времени (посмертными Лисимаха и Перисада II-го, т. е. второй половиной III в. до Р. Хр.) [2]).

Оружіе и другая утварь.

Кромѣ описанныхъ выше черепковъ реконструированной нами пиксиды, въ склепѣ найдены черепки еще двухъ или трехъ чернолаковыхъ сосудовъ. Три небольшихъ черепка изъ числа упомянутыхъ, съ изображенными на нихъ побѣгами винограда, сдѣланными жидкой глиной, даютъ нѣкоторую вогнутость профиля, что позволяетъ думать, что и они составляли часть однородной нашей пиксиды нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Внутренняя сторона упомянутыхъ черепковъ не краснаго цвѣта, какъ на нашей пиксидѣ, а коричневатаго.

Остальные черепки (числомъ 11) чернолаковой посуды принадлежали, несомнѣнно, крышкѣ и корпусу небольшой чернолаковой леканы. Количество черепковъ достаточно, чтобы установить съ точностью профили леканы и ея размѣры. На основаніи этихъ данныхъ она и была возстановлена реставраторомъ Байкѣевымъ, съ дополненіемъ недостающихъ частей въ гипсѣ. На крышкѣ этой леканы изображены разводы плюща, на корпусѣ—вѣтка лавра или оливковаго дерева (см. мою вышеуказанную статью, табл. V, 22). Лакъ буроватый, не первосортный. Какъ я уже указалъ въ указанной выше статьѣ, гдѣ сопоставлены и нѣкоторыя другія леканы нашего типа, интересующій насъ сосудъ врядъ ли одновременъ пиксидѣ и, можетъ быть, принадлежитъ къ утвари одного изъ позднѣйшихъ погребеній нашего фамильнаго склепа (ср. ниже).

Кромѣ упомянутыхъ вазъ внутренность гробницы была украшена, вѣроятно, развѣшанными по стѣнамъ на упомянутыхъ гвоздяхъ оружіемъ и одеждой, какъ это было въ Кульобскомъ склепѣ, въ Чертомлыцкой гробницѣ и въ другихъ погребальныхъ склепахъ (см. ниже о Керченскомъ склепѣ 1908 г.). Множество фрагментовъ этого сплошь желѣзнаго вооруженія найдено было и при первомъ разслѣдованіи склепа и при его дослѣдованіи. Нѣсколько копій, одинъ или нѣсколько мечей, кин-

[1]) Пиксиды Императорскаго Эрмитажа №№ 153b и 153c (см. мою ук. статью, табл. VI) найдены, согласно журналу поступленій въ Имп. Эрмитажъ, въ 1885 г. въ курганѣ около Тузлы, вмѣстѣ съ краснофигурной леканой поздняго стиля съ туалетной сценой, также хранящейся въ Эрмитажѣ.

[2]) Одна изъ нихъ найдена въ извѣстномъ погребеніи Артюховскаго кургана вмѣстѣ съ рядомъ эллинистическихъ вазъ и указанными монетами. См. О. И. А. К. 1880. Прил. табл. къ стр. 12 и стр. 25 сл. О датѣ статеровъ Перисадовъ матеріалъ въ послѣднее время вновь сопоставленъ А. В. Орѣшниковымъ. Монеты Херсонеса Таврическаго и т. д. *Нумизм. Сборн.* II (1912), стр. 37 сл. (отд. отт.). Артюховскій статеръ принадлежитъ ко II-й группѣ, указанной Орѣшниковымъ, т. е. къ наиболѣе ранней. Точныхъ датъ этихъ монетъ мы, къ сожалѣнію, какъ извѣстно, не имѣемъ.

жалъ (?), обломки шлема [1]), можетъ быть обшивка щита, куски панцыря, нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ.

Отыскались при дослѣдованіи и остатки инкрустаціи, можетъ быть ларца изъ кости, также гвозди съ обшивкой (и то и другое изъ бронзы) какого-то деревяннаго предмета.

Тогда же нашелся и кусокъ мраморной плитки, вѣроятно, той, которая укрѣплена была надъ входомъ въ погребальную камеру. Такъ какъ остатковъ буквъ на этой плиткѣ не сохранилось, то естественно думать, что надпись на ней была сдѣлана краской, какъ это часто дѣлалось на надгробныхъ стелахъ ранняго греческаго и эллинистическаго времени и на погребальныхъ урнахъ [2]).

Вещи болѣе поздней даты.

Но кромѣ всѣхъ этихъ вещей, время которыхъ выясняется частью довольно опредѣленно, какъ эпоха не позднѣе середины III в. до Р. Х., частью этой датировкѣ не противорѣчитъ (сомнѣніе можетъ быть относительно оружія, но тутъ мы бродимъ совершенно въ потемкахъ; никому до сихъ поръ не пришло еще въ голову сопоставить богатѣйшій по этому вопросу матеріалъ, найденный на югѣ Россіи) [3]), въ склепѣ найдены еще и притомъ повторно фрагменты стекляннаго желобчатаго сосуда и двѣ амфорныя ручки съ клеймами поздняго времени (О. И. А. К. 1869 г. Прил. 195, 2 и 210, 44; Pridik, IosPE. III, № 463 m[3] и 528 zg; согласно мнѣнію Е. М. Придика, клейма точно не датируются, но времени поздняго). Такъ какъ дата этихъ предметовъ съ датою саркофага и чернолаковой вазы абсолютно несовмѣстима, то придется признать, либо что вещи занесены сюда грабителями, либо что первыми (или даже не первыми?) грабителями были лица, использовавшія склепъ для вторичнаго погребенія въ римское время, либо что въ склепѣ хоронили въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ вѣковъ.

Конскія гробницы.

Вещи, найденныя въ склепѣ и корридорѣ, являются однако не единственнымъ матеріаломъ для датировки склепа. Уже выше было указано, что изъ четырехъ конскихъ гробницъ одна или, лучше сказать, одна четвертая часть совмѣстнаго погребенія четырехъ лошадей (квадрига, везшая погребальную колесницу покойника?) оказалась не разграбленной. Здѣсь найденъ былъ рядъ весьма любопытныхъ частей конскаго убора, до сихъ поръ не изданныхъ. Интересъ этихъ вещей и важность ихъ для датировки погребенія заставляютъ меня издать эти вещи и дать краткое ихъ описаніе.

1) Большая овальная бронзовая позолоченная бляха съ овальнымъ углубленіемъ внутри, формой своей напоминающая овальную тарелочку; въ этомъ углубленіи прикрѣплена была овальная же довольно высокая рамка, плотно прилегавшая къ краямъ углубленія, забранная наверху довольно толстымъ стекломъ. Это стекло, по весьма вѣроятному предположенію Я. И. Смирнова, можетъ быть закрывало собой что-либо прикрѣпленное къ дну овальнаго углубленія. Позолоченный край бляхи

---

[1]) Шлемъ, можетъ быть, былъ чешуйчатый. См. объ этомъ Ленцъ въ *И. И. А. К.* вып. 14, 60; онъ сравниваетъ шлемы фресокъ стасовской гробницы, о которой еще будетъ рѣчь.

[2]) Такая же доска съ надписью была укрѣплена, какъ увидимъ ниже, и надъ входомъ во второй склепъ Васюринской горы, см. также гробницу кургана около Пеллы у Delacoulonche, Berceau de la puissance macédonienne, 76, и Heuzey et Daumet, Mission de Macédoine, 251: «un detail particulier à ce tombeau c'est l'entaille creusée dans le mur pour recevoir une inscription sur une plaque de bronze dont les crampons en fer sont encore en place».

[3]) В. В. Шкорпилъ въ письмѣ отмѣчаетъ, что у меча была деревянная рукоятка, что въ погребеніяхъ V—III вв. до Р. Хр. въ южно-русскихъ некрополяхъ и курганахъ не встрѣчается и указываетъ скорѣе на I в. до и послѣ Р. Хр.

украшенъ двумя рядами кимъ, раздѣленныхъ двумя линіями. В. 0,155 м., шир. 0,12; стекло 0,1—0,06 м. См. табл. XVIII, 1 [1]).

2) Шесть бронзовыхъ выпуклыхъ бляхъ, позолоченныхъ по краямъ и украшенныхъ въ центрѣ накладнымъ слоемъ темнаго стекла, связаннаго съ бронзой бронзовымъ же стержнемъ. Стекло окружено рамкой съ веревочнымъ орнаментомъ. Слѣдующій за этимъ валикъ украшенъ орнаментомъ стоящихъ вверхъ листьевъ; плоскій край—-врѣзанной въ золотую пластинку кимой. Сзади поперечная бронзовая полоса со скобой, которой бляхи прикрѣплялись къ ремню уздечки. Табл. XVIII, 2. Діам. 0,07 [2]).

4) Четыре желѣзныхъ золоченыхъ удила (0,11) съ зубчатыми шариками на концахъ. Къ нимъ, м. б., примыкала пара колецъ съ зажимами (кольца бронзовыя, зажимы серебряные); въ зажимы вставлены были ремни, вѣроятно, поводьевъ или возжей. См. табл. XVIII, 5 и 10.

5) Два желѣзныхъ золоченыхъ языка, верхушка которыхъ украшена головами грифоновъ. Подъ этими головами дырочки, за которыя эти язычки были подвѣшены. Табл. XVIII, 4. В. 0,105 [3]).

6) Три боченкообразныхъ, съ сѣтчатой выпуклой рѣзьбой на поверхности, бляшки тонкаго золота, покрывавшихъ, вѣроятно, какой-нибудь желѣзный или деревянный предметъ той же формы (врядъ ли пронизи). В. 0,021. Табл. XVIII, 8.

7) Три желѣзныхъ, покрытыхъ золотомъ, подвѣски со скобами, орнаментированныя на подобіе раковины (в. 0,036), и одна золоченая же желѣзная чашечка, къ которой, м. б., прикрѣплена была кисть (діам. 0,027). И это обычныя составныя части уздечнаго набора. Табл. XVIII, 9 и 3.

8) Нѣсколько бронзовыхъ пряжекъ отъ ремней, двѣ бронзовыхъ подвѣски, м. б., для кистей, серебряная подвѣска въ видѣ розетки со скобой сзади (табл. XVIII, 7; діам. 0,024), рядъ серебряныхъ бляхъ съ зажимами, вѣроятно, подвѣшенныхъ къ ремнямъ (табл. XVIII, 11), двѣ золоченыя звѣздочки (табл. XVIII, 12; діам. 0,012), и разныхъ типовъ кольца (табл. XVIII, 13 (0,013), 14 (0,04)), все несомнѣнно украшенія ремней нѣсколькихъ конскихъ уздечекъ.

9) Большіе куски бронзовой обивки лошадинаго нашейника съ орнаментами изъ сдѣланныхъ пунктиромъ линій и розетокъ. Къ полосамъ этой обивки были привѣшены на бронзовой проволокѣ бронзовыя пластинки полукруглой формы, перегнутыя посрединѣ и образующія нѣчто вродѣ колокольчиковъ безъ языковъ (шир. полосы 0,155; выс. привѣски—0,09; діам. розетокъ—0,03; въ одномъ мѣстѣ двѣ полосы сшиты бронзовыми гвоздями). Табл. XIX. Бронзовый же налобникъ вверху и внизу болѣе широкій, чѣмъ въ серединѣ, къ которому были привѣшены вмѣсто колокольчиковъ бронзовые небольшіе полумѣсяцы (выс. 0,30; шир. вверху и внизу—0,14, шир. посрединѣ—0,12). Табл. XX, 2. Бронзовый же нащечникъ или наглазникъ снизу съ прямымъ обрѣзомъ, сверху закругленный и съ полукруглымъ выступомъ посрединѣ слѣва (выс. 0,17, наиб. шир. 0,1). Табл. XX, 1.

[1]) Овальныя фалары составляютъ обычный предметъ украшенія конской сбруи, спеціально уздечекъ, по обыкновенно (см. ниже о второмъ склепѣ Васюринской горы) онѣ украшаются рельефомъ. Можетъ быть, и здѣсь надо предположить золотой рельефъ, закрытый застекленной рамкой.

[2]) Въ этихъ бляхахъ, аналогіи которымъ имѣются въ любомъ изъ такъ называемыхъ скиѳскихъ погребеній, интересно украшеніе ихъ стекломъ, чего до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, на подобныхъ бляхахъ констатировано не было.

[3]) Обычные, такъ называемые наносники, аналогіи которымъ будутъ приведены ниже при разборѣ конской гробницы второго склепа.

Весь этотъ наборъ лошадиной утвари очень характеренъ и типиченъ. Рядомъ съ орнаментами и украшеніями чисто греческаго типа (напр. головы грифоновъ и орнаменты круглыхъ бляшекъ) мы имѣемъ большое изобиліе стекла, что обыкновенно считается признакомъ римскаго времени, и типичную галльштадскую обивку съ колокольцами и полумѣсяцами.

Тѣмъ не менѣе я съ полной увѣренностью могу утверждать, что наши конскія гробницы одновременны съ постройкой склепа. Прежде всего въ архитектурномъ отношеніи онѣ необходимая составная часть всего склепа, какъ такія же конскія погребенія при второмъ склепѣ. Затѣмъ, весь стиль и составъ набора, вся техника украшенія конской сбруи, совершенно одинаковы со стилемъ и т. д. конскихъ погребеній Александропольскаго, Чертомлыцкаго, Сѣрогозскихъ и другихъ одновременныхъ кургановъ, датируемыхъ съ достаточной точностью временемъ между второй половиной III в. и началомъ II вѣка до Р. Хр. [1]).

Цѣпочка и остовъ собаки.

Къ тому же времени, въ такомъ случаѣ, надо будетъ отнести и обломки цѣпочки или цѣпочекъ съ кольцами и стержнями (табл. XVIII, 6); стержни эти или крючки укрѣплены были въ стѣнахъ конскихъ гробницъ (одинъ изъ этихъ крючковъ найденъ вмѣстѣ съ кускомъ пористаго известняка, въ который онъ былъ когда-то вбитъ); рядомъ съ одной изъ этихъ цѣпочекъ найденъ былъ около лѣстницы, ведущей въ склепъ, остовъ собаки (кольцо, очевидно, прикрѣплено было къ ея ошейнику). Длина этой цѣпочки была не менѣе метра.

Я затруднился бы привести аналогію погребальному обряду, констатированному этой находкой остова собаки и цѣпочки. Ясно, что собака была привязана у входа въ склепъ, какъ сторожъ погребеннаго покойника. Возможно, что она была убита одновременно съ лошадьми, возможно, однако, что она была привязана около склепа и погибла или отъ голода, или естественной смертью.

Исторія склепа.

Исторія склепа на основаніи приведенныхъ данныхъ будетъ, на мой взглядъ, такова. Склепъ одновременно съ конскими гробницами былъ выстроенъ, вѣроятно, въ первой половинѣ III в. и тогда же покрытъ росписью. Былъ ли тогда же засыпанъ входъ въ него или нѣтъ, это вопросъ, для разрѣшенія котораго данный склепъ не даетъ достаточно матеріала. Къ нему мы еще вернемся. Вторично склепъ былъ использованъ въ римское время и при этомъ, можетъ быть, ограбленъ. Наконецъ, онъ былъ ограбленъ и еще разъ, вѣроятно, еще въ античное время черезъ мину, вышедшую въ склепъ подъ поломъ. Въ третій разъ въ него проникли сверху черезъ заднюю его стѣнку.

Гробница 1870 г.

Вполнѣ подтверждаетъ предложенную исторію и датировку склепа съ росписью анализъ времени и исторіи *остальныхъ изслѣдованныхъ погребеній* на Васюринской горѣ. Приходится поэтому сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Послѣ 1869 года раскопки въ курганахъ Васюринской горы продолжались главнымъ образомъ потому, что въ 1870 г. у подошвы второго кургана, стоящаго ря-

[1]) См. Древн. Геродотовой Скиѳіи, passim, особ. II, 89 и рис. на стр. 85, ср. золотой аналогичный наборъ изъ Александропольскаго кургана, датированнаго, какъ было указано выше, серединой III в. до Р. Хр., см. Древн. Геродотовой Скиѳіи I, 20 и Атласъ табл. XV, 6 и 7. См. также серіи конскихъ наборовъ изъ Приднѣпровья (колл. Ханенко, нынѣ въ Кіевскомъ музеѣ), Древности Приднѣпровья, II, 14—23; III, 40. Налобники совершенно аналогичные нашимъ изъ курганныхъ погребеній, раскопанныхъ Н. И. Веселовскимъ, до сихъ поръ не изданные, хранятся въ Имп. Арх. Коммиссіи. Назначеніе подобнаго рода частей конскаго убора выяснено находками, сдѣланными Н. И. Веселовскимъ въ 1912 г. Вещи этой находки, имѣющей выдающійся интересъ и позволяющей окончательно выяснить назначеніе вещей такъ называемаго Феттерсфельдскаго клада, будутъ въ ближайшемъ будущемъ изданы Б. В. Фармаковскимъ.

домъ съ разслѣдованнымъ въ 1868 и 1869 г., была найдена случайно каменная плитовая гробница съ большимъ количествомъ золотыхъ въ ней вещей (см. О. И. А. К. 1870—1871 г., стр. XVII сл. и Прил., стр. 203 и 213, гдѣ Стефани кольца съ рѣзными камнями, найденныя въ этой гробницѣ, пріурочиваетъ къ IV в. до Р. Хр.).

Находка эта, вещи изъ которой (по большей части до сихъ поръ не изданныя) попали всетаки въ Коммиссію, а затѣмъ и въ Эрмитажъ, заставила Тизенгаузена и Люценко разслѣдовать въ 1871 и 1872 г. и этотъ, и рядомъ лежащіе курганы. Раскопки эти дали, съ нашей точки зрѣнія, богатые и очень интересные результаты, съ точки же зрѣнія изслѣдователей кургана не привели къ открытію достаточно богатыхъ погребеній.

Склепъ 1871 и 1872 г.г.

Курганъ, разслѣдованный въ 1871 и 1872 г. [1]), имѣлъ въ окружности 70 саж., вышина его въ центрѣ равнялась 2 саж., т. е. онъ былъ значительно меньше перваго. Плана его и плана найденнаго въ немъ склепа сдѣлано не было; общее представленіе о немъ даютъ сдѣланные при разслѣдованіи рисунки Гросса и описанія Люценка въ его рапортахъ и журналахъ археологическихъ разысканій за 1871 и 1872 г. Привожу выписки изъ этихъ рапортовъ въ полномъ видѣ (стилистическія сокращенія въ печатныхъ отчетахъ сдѣланы, къ сожалѣнію, такъ, что могутъ дать поводъ къ ряду недоумѣній). У подошвы кургана въ самомъ центрѣ его „на глубинѣ двухъ саж. отъ вершины и $3^1/_2$ арш. отъ основанія или поверхности обнаруженъ съ задней, т. е. сѣверо-западной стороны каменный склепъ, очень похожій на погребъ, открытый въ большомъ Васюринскомъ курганѣ, но значительно меньшихъ размѣровъ и безъ живописи на стѣнахъ (см. опись рисункамъ № 2 [воспроизведенъ табл. XXI, 1]). Къ сожалѣнію, по разобраніи задней стѣны этого склепа съ частью полукруглаго его свода оказалось, что онъ проломанъ въ двухъ мѣстахъ сего послѣдняго и наполненъ землею почти до верха; по очисткѣ же этой земли разграбленіе его сдѣлалось очевиднымъ. Впрочемъ этотъ замѣчательный склепъ—длиною $9^1/_2$ арш., шир. 4 и выш. отъ каменнаго его пола или помоста до замковыхъ клиньевъ свода $5^1/_2$ арш., сложенный изъ большихъ тесаныхъ плитъ известковаго камня и заключающій въ себѣ подобно склепу большого Васюринскаго кургана два отдѣленія (узкій коридоръ и довольно просторную усыпальницу), изъ которыхъ каждое имѣетъ дверь, заложенную плитами,—до разобранія упомянутой задней стѣны его съ частью свода казался совершенно нетронутымъ. Грабители разломали даже каменный помостъ его и не оставили въ немъ мраморной или металлической, вѣроятно, съ надписью, доски, которая была прикрѣплена къ перемычкѣ надъ входомъ въ усыпальницу, какъ должно полагать, судя по уцѣлѣвшимъ на той перемычкѣ остаткамъ желѣзныхъ скобъ. Все что было найдено въ насыпи, наполнявшей этотъ склепъ, ограничилось тремя мраморными ножками отъ стола, нѣсколькими обломками отъ верхней также мраморной доски его и черепками отъ желобчатой глиняной вазы“.

„При центрѣ того же кургана съ юго-восточной стороны его обнаружена въ материкѣ каменная лѣстница или спускъ дл. 3. шир. около $1^1/_2$ и глубиною 1 саж., ведущій къ входу въ вышеописанный раззоренный склепъ (лит. а) съ тремя лошадиными по сторонамъ его гробницами (см. опись рисункамъ № 3 [воспроизведенъ табл. XXI, 2]), изъ которыхъ двѣ каменныя лит. А оказались также раззоренными, а третья земляная лит. С.—нетронутою. Въ этой третьей гробницѣ или ямѣ дл. 4, ш. 2 и гл. около $1^1/_2$ арш., вырытой въ крѣпко-глинистомъ материкѣ..., отрыта при лошадиныхъ костяхъ желѣзная весьма сложной конструкціи колесница, но уже въ

[1]) См. О. И. А. К. 1870—1871 г., стр. XVII сл. и стр. XXXIV сл., ср. 1877 г., стр. IX сл.

обломкахъ сильно проржавленныхъ и обезображенныхъ глиною (см. опись рис. № 4 [воспроизведенъ табл. XII, 1])" [1]).

У подножія этого кургана на поверхности земли найдены были остатки костра съ черепками глиняной посуды, неукрашенной рисунками. Рядомъ въ насыпи кургана три фрагмента мраморной статуи: „нога отъ колѣна до ступни и ступня ноги въ обуви отъ статуи больше человѣческаго роста и часть ноги статуи въ человѣческій ростъ". Дальнѣйшіе фрагменты отъ колоссальной статуи найдены были около центра кургана, а именно сжатая кисть лѣвой руки и „часть головы съ небольшимъ въ серединѣ отверстіемъ, показывающимъ, что часть головы съ лицомъ была приставная". Наконецъ въ 1872 г. въ томъ же курганѣ „въ насыпи у подошвы кургана съ южной стороны найдены двѣ большія мраморныя подставки въ видѣ львиныхъ ногъ вѣр. отъ стола (одна изъ нихъ въ обломкахъ), одна мраморная съ вырѣзками скульптурной работы ножка отъ скамьи или столика совершенно подобная отысканнымъ въ 1871 г. (см. рис. этого года № 5 фиг. 1 [воспроизведенъ табл. XXII, 8]). Еще 4 фрагмента отъ большой и малой мраморныхъ статуй, въ томъ числѣ: часть ноги отъ большой статуи, нѣсколько ниже колѣна, съ замѣтными на ней слѣдами драпировки, часть лица отъ головы малой статуи и два небольшихъ обломка отъ нея же. Кромѣ того двѣ гладкія известковыя плиты отъ жертвенника, изъ коихъ одна лежавшая на материкѣ имѣетъ по серединѣ сквозное четырехугольное отверстіе" [2]).

Другія гробницы второго кургана. Архитектура склепа.

Для исторіи склепа, къ которому, очевидно, относятся и мраморные столъ и скамейка и фрагменты двухъ статуй, интересно, что въ томъ же курганѣ въ $5^1/_2$ саж. отъ подошвы на глубинѣ 5 арш. найдена была каменная гробница съ рядомъ вещей, къ сожалѣнію не изданныхъ, но не дающихъ никакого матеріала для датировки и поэтому здѣсь не издаваемыхъ и, кромѣ того, рядомъ съ этой гробницей, сзади ея, другая гробница въ насыпи, $1^1/_2$ арш. отъ поверхности кургана, очевидно дѣтская, выстроенная изъ 4 базъ известняковыхъ колоннъ, покрытыхъ плитою изъ такого же известняка. Въ этой послѣдней гробницѣ найдены три монеты такъ называемаго Эвбіота, т. е., вѣроятно, Миѳрадата VI Евпатора Великаго (см. Латышевъ, Ποντικά, 93 прим. и 116). Въ высшей степени досадно, что интересующій насъ курганъ, несмотря на кажущуюся полноту изслѣдованія, былъ раскопанъ такъ небрежно, что приходится прибѣгать къ гипотезамъ тамъ, гдѣ нѣсколько бóльшая тщательность и вниманіе не только къ драгоцѣннымъ вещамъ дали бы живую, полную и глубоко интересную картину погребальной архитектуры, обстановки и обрядовъ.

Ясно, что склепъ былъ выстроенъ такъ-же, какъ и склепъ 1868 г., т. е. состоялъ изъ камеры, корридора или дромоса и спускающейся къ нему между двухъ отвѣсныхъ стѣнъ лѣстницы. У этихъ отвѣсныхъ стѣнъ были погребены лошади, очевидно привезшія великолѣпную погребальную колесницу, которую, къ сожалѣнію,

[1]) Рапортъ Люценки отъ 21 января 1872 г., повторенный въ „Журналѣ арх. разысканій за 1871 годъ".

[2]) Только часть этихъ фрагментовъ была своевременно зарисована Гроссомъ. Къ сожалѣнію, даже не всѣ зарисованные Гроссомъ куски статуй могли быть отожествлены съ скульптурными фрагментами, хранящимися въ Керчи и Имп. Эрмитажѣ. Нашлись только воспроизводимые здѣсь: кусокъ ноги съ драпировкой (в. 0,51), кусокъ ноги или руки меньшей статуи (в. 0,17) и неопредѣленный фрагментъ (в. 0,09), кромѣ того описываемая Люценкомъ часть головы (в. 0,38); всѣ эти куски хранятся въ Царскомъ курганѣ въ Керчи (см. табл. XXII, 1 рисунокъ Гросса съ упомянутой головы и XXII, 2 та же часть головы въ профиль (съ фотографіи); остальные фрагменты воспроизведены на табл. XXII, 3, 4 и 7). Въ Имп. Эрмитажѣ хранится только часть правой руки (в. до сгиба пальцевъ—0,17; обхватъ кисти—0,34) (табл. XXII, 5, 6). Остальные куски исчезли, какъ исчезли и ножки трапезъ, и части надгробнаго алтаря.

изслѣдователи даже не попытались возстановить, а просто уничтожили ея желѣзныя и деревянныя части, а сохранили только украшенія, о которыхъ ниже. Не выясненнымъ остается вопросъ, какъ соединялась лѣстница съ дромосомъ, тутъ ли и гдѣ именно стояли двѣ, очевидно, погребальныя мраморныя статуи, фрагменты которыхъ найдены въ насыпи кургана, и, наконецъ, сюда ли и куда именно нужно помѣстить четыре базы колоннъ, употребленныя въ дѣло при погребеніи въ насыпи кургана въ I в. до Р. Хр. ребенка.

Погребальныя статуи.

Для меня почти не подлежитъ сомнѣнію, что фрагменты статуй дѣйствительно принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, къ двумъ погребальнымъ статуямъ, м. б., женскимъ (матери и дочери?) и что онѣ стояли на базахъ (см. фрагментъ ступни), вѣроятно, передъ входомъ въ усыпальницу или, м. б., въ самой усыпальницѣ, какъ это засвидѣтельствовано, напримѣръ, для одного богатаго погребенія римскаго времени въ окрестностяхъ Бѣлграда. Весьма вѣроятно также для меня, что и базы колоннъ взяты отсюда же и составляли портикъ передъ входомъ въ гробницу.

Но еще вѣроятнѣе, м. б., слѣдующія соображенія и аналогіи. Все расположеніе кургановъ Васюринской горы недалеко отъ моря, на высокомъ кряжѣ живо напоминаетъ Гомеровское описаніе кургановъ Ахилла и Патрокла, насыпанныхъ на высокомъ кряжѣ у Геллеспонта (Hom. ω 80 сл.), и повторяется въ рядѣ кургановъ на Юзъ-Оба около Керчи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Не менѣе блестящей аналогіей Гомеровскому описанію являются и курганы Коммагены, тщательно описанные и изслѣдованные Humann'омъ и Пухштейномъ [1]). Между тѣмъ эти курганы, и по строенію своему, и по формѣ находящейся въ нихъ камеры почти ничѣмъ не разнящіеся отъ южнорусскихъ, имѣютъ одну характерную особенность: они богато украшены скульптурами. Я не буду говорить о скульптурахъ двухъ террасъ на склонахъ самаго крупнаго изъ кургановъ Коммагены, погребенія Антіоха III-го. Для насъ гораздо болѣе интересны скульптуры другихъ кургановъ, менѣе богатыхъ, кургановъ въ Сесёнкѣ и Кара-Кушѣ. И тамъ, и здѣсь у подножія кургана, м. б., въ связи съ отдѣльными погребеніями стоятъ и посейчасъ еще въ руинахъ оригинальные памятники.

Въ Сесёнкѣ это (см. Puchstein, l. l., 212 сл., табл. XV и планъ табл. XVIII, 1) три пары колоннъ, гдѣ каждая пара соединена архитравомъ; на этихъ архитравахъ, какъ видно изъ сохранившихся остатковъ, были поставлены статуи сидящихъ мущины и женщины между двумя орлами (см. l. l., 216, 36 и 37). Между двумя изъ этихъ паръ колоннъ сохранился входъ въ завалившуюся камеру, очевидно не бывшій никогда засыпаннымъ. Къ двери камеры ведетъ, какъ и въ нашихъ курганахъ, лѣстница.

Въ Кара-Кушѣ (см. l. l., 217 сл., табл. XV, 2; XVI; XVII и XVIII, 1; ср. Hamdy-bey, Le tumulus du Nemroud-dagh etc., Constantinople, 1883 табл. 5—9) типъ нѣсколько иной. Съ трехъ сторонъ кургана по три колонны; на средней колоннѣ каждой тройки—стела съ рельефомъ (мущина и женщина, подающіе другъ другу руки), на боковыхъ—въ одномъ случаѣ по орлу, въ другомъ—по быку, въ третьемъ—по льву. На средней колоннѣ восточной группы вырѣзана надпись, изъ которой видно, что въ курганѣ погребены три женщины царскаго Коммагенскаго дома (гробница названа ἱεροθέσιον).

Такого рода памятники—не рѣдкость въ античной архитектурѣ, особенно надгробной. Наиболѣе ранними памятниками этого рода являются почетные памятники,

[1]) См. Humann und Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, Berlin 1898; на стр. 213 и 227 сл. Пухштейнъ даетъ сводку свидѣтельствъ о древнихъ курганахъ и указываетъ на часть сохранившихся до нашего времени.

часто сооружавшіеся въ Дельфахъ и другихъ городахъ Греціи и М. Азіи [1]). Этотъ типъ становится затѣмъ обычнымъ въ эпоху эллинизма и удерживается въ Сиріи спеціально для надгробныхъ памятниковъ и въ римское время [2]).

Описанные выше фрагменты колоннъ и статуй, найденные разбросанными въ насыпи кургана Васюринской горы, позволяютъ думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ памятниками того же рода, стоявшими у подножія кургана. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что обычай этотъ, какъ кажется, удержался на Боспорѣ до поздняго времени. Находки погребальныхъ статуй въ курганѣ, разрытомъ около Керчи еще при Ашикѣ (см. ниже), и статуя льва въ курганѣ, разрытомъ тамъ же Думбергомъ (см. ниже, экскурсъ къ описанію памятниковъ римскаго времени), позволяютъ думать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подобнаго же рода сооруженіями. Къ сожалѣнію, однако, данныя отчета о раскопкахъ нашего кургана настолько отрывочны, что не позволяетъ придти къ точнымъ заключеніямъ.

Если бы всѣ поставленные нами выше первостепенной важности вопросы—на мой взглядъ гораздо болѣе важные, чѣмъ находка лишней гробницы съ вещами безъ возможности опредѣлить ея время и отношеніе къ остальнымъ погребеніямъ,—заинтересовали изслѣдователей, то имъ легко было бы довести раскопки дѣйствительно до конца и опредѣлить въ сравнительно хорошо сохранившемся склепѣ, были ли у входа въ гробницу слѣды отъ колоннъ и фрагменты ихъ, равно какъ и слѣды и фрагменты отъ базъ статуй [3]).

Жертвенникъ.

Чрезвычайно интересно и то, что и здѣсь, какъ и въ Б. Близницѣ, у подошвы кургана на *материкѣ*, т. е. очевидно in situ или около того мѣста, гдѣ онѣ лежали искони, найдены были двѣ плиты отъ жертвенника. Къ сожалѣнію, осталось не выясненнымъ, въ какомъ отношеніи (топографическомъ) находятся эти плиты къ кострищу и имѣлся ли подъ ними, какъ въ Б. Близницѣ, соотвѣтственный боѳросъ.

Внутреннее устройство склепа.

Внутреннее устройство склепа, очевидно, было буквально то-же, что и склепа въ большомъ курганѣ. Къ сожалѣнію, найденныя въ склепѣ и около склепа въ насыпи ножки стола и скамейки исчезли (по крайней мѣрѣ ни одной нѣтъ въ Керченскомъ музеѣ), зарисована же была только одна изъ найденныхъ въ самомъ склепѣ. Судя по рукописнымъ отчетамъ Люценка, найдены были двѣ большія ножки отъ стола съ львиными лапами и четыре однородныя (одна зарисована, см. табл. XXII, 8) ножки отъ скамеекъ или меньшихъ столовъ. Возможно было бы предположить, если найдены всѣ ножки меньшаго размѣра, что въ склепѣ стояли двѣ скамейки и, м. б., два стола, и тѣ и другіе съ мраморными досками [4]).

Наконецъ, какъ и въ расписномъ склепѣ, надъ входомъ въ погребальную камеру прикрѣплена была когда-то доска, по всей вѣроятности, съ надписью.

---

[1]) См. Bourguet, Bull. de corr. hell., 1911 (XXXV), 476, ср. 491; Karo, Arch. Anz., 1911, 145, рис. 2 и 1912, 254 сл.; Pomtow, Berl. phil. Woch. 1912, 316, ср. 1398; ср. мою статью «*Ворота тріумфальныя*» въ Новомъ Энц. Слов. Брокгауза и Ефрона.

[2]) См. Rostowzew, Die Hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 131 сл.

[3]) Полное дослѣдованіе и полная раскопка кургана, вѣроятно, позволили бы возстановить и колонны и статуи. Теперь, къ сожалѣнію, базы колоннъ исчезли безслѣдно, изъ фрагментовъ же статуй, часть которыхъ зарисована Гроссомъ, только одинъ (сжатая лѣвая рука) попалъ въ Эрмитажъ, остальные же остались въ Керчи. И теперь, впрочемъ, при дослѣдованіи кургановъ Васюринской горы, несмотря на то, что камень оголеннаго склепа, вѣроятно, до тла расхищенъ, можно было бы надѣяться возстановить не найденное и найти остальные фрагменты архитектуры и скульптуры склепа.

[4]) Не стоитъ ли это въ связи съ двумя статуями, фрагменты которыхъ найдены? Каждый покойникъ имѣлъ свою τράπεζα и свою скамейку.

Тотъ фактъ, что статуи были разбиты, предполагаемыя колонны разобраны, ножки скамеекъ разбросаны, заставляетъ думать, что склепъ, вѣроятно, остававшійся доступнымъ для посѣщенія, съ красивымъ фасадомъ, какъ вырѣзанные въ скалахъ малоазійскіе склепы и, вѣроятно, какъ склепы въ Тарасовскихъ курганахъ около Анапы (см. Экскурсъ) съ ихъ дорическими фронтонами, былъ насильственно разрушенъ и притомъ въ серединѣ I в. до Р. Хр., какъ показываетъ погребеніе, сдѣланное изъ базъ колоннъ склепа съ монетами Миѳрадата Евпатора. Въ это смутное время, когда династы мѣнялись въ Боспорѣ постоянно и Фанагорія то была свободна, то вновь подпадала подъ власть Пантикапея, когда сарматскія племена были приведены въ движеніе политикой Миѳрадата и его сыновей и преемниковъ, такое разрушеніе усыпальницъ крупныхъ фанагорійскихъ владѣтельныхъ родовъ полу-грековъ вполнѣ понятно и естественно даже не со стороны кочевыхъ варваровъ. Понятною теперь становится и исторія склепа большого кургана съ его вторымъ погребеніемъ, вѣроятно относящимся, какъ показываютъ штемпеля ручекъ амфоръ, именно къ этому времени.

Разграбленіе склепа.

Что передъ нами склепы членовъ одного богатаго и знатнаго рода, въ этомъ почти полная идентичность ихъ устройства и внутренней обстановки сомнѣваться не позволяетъ.

Но были ли они выстроены не только для членовъ одного рода, но и въ одно время? Когда былъ выстроенъ второй склепъ?

Въ самомъ склепѣ найденъ только одинъ предметъ, позволяющій гадать о времени, это черепки желобчатой вазы. Но не зная, была ли это ваза чернолаковая, что весьма вѣроятно, и не зная, каковъ лакъ этихъ черепковъ, если она была чернолаковая, сказать о датѣ найденныхъ черепковъ ничего опредѣленнаго нельзя.

Время второго склепа.

Тѣмъ важнѣе то обстоятельство, что вещи, найденныя въ *земляной конской гробницѣ*, приблизительную и притомъ довольно обоснованную датировку допускаютъ, почему я и вынужденъ кратко описать и издать эти превосходные фрагменты, до сихъ поръ точно не описанные и только частью изданные. Не имѣю, однако, возможности одновременно опредѣлить, какое мѣсто на колесницѣ занимала та или другая изъ орнаментальныхъ частей ея убора. Для этого необходимо было бы изучить всѣ обломки подобныхъ колесницъ, каковыхъ на нашемъ югѣ найдено не мало, и только на основаніи такого изученія въ связи съ родственными памятниками попытаться реконструировать нашу колесницу, желѣзныя и деревянныя части которой къ тому же, какъ извѣстно, погибли. Такого изслѣдованія, для изложенія результатовъ котораго потребовался бы, пожалуй, цѣлый томъ, а для написанія по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ никто отъ меня въ этой работѣ не ждетъ.

Вещи конской гробницы.

Укажу, однако, на то, что наша *колесница* врядъ ли принадлежитъ къ обычному типу погребальныхъ колесницъ-балдахиновъ или колесницъ-палатокъ, находимыхъ въ большихъ такъ называемыхъ скиѳскихъ погребеніяхъ юга Россіи. Для серіи этихъ колесницъ-балдахиновъ, начинающейся съ VI в. до Р. Хр. и особенно расцвѣтшей въ эпоху ранняго эллинизма [1]), типично то, что основу ихъ составляютъ длинные

Колесница-палатка.

[1]) Древнѣйшими являются остатки колесницы изъ станицы Улъ Майкопскаго уѣзда, см. Pharmakovsky, Arch. Anz. XXV (1910), 196 слл. Въ высшей степени характерны апотропэи, надѣтые, вѣроятно, на концы осей колесъ по традиціи персидскихъ колесницъ съ серпами (Фармаковскій даетъ другое, на мой взглядъ, менѣе вѣроятное объясненіе). Одновременны, вѣроятно, Келермесскіе остатки колесницы VI в. до Р. Хр., до сихъ поръ не изданные (Pharmakovsky, Arch. Anz. 1905, 57 слл.); ср. дослѣдованіе двухъ кургановъ тамъ же Н. И. Веселовскимъ, О. И. А. К. 1905 г. 86 слл. Изъ раскопокъ того же Н. И. Веселовскаго на Кубани происходятъ въ высшей степени поучитель-

шесты, украшенные сверху желѣзными и бронзовыми, обыкновенно ажурными литыми надставками, въ архаическихъ гробницахъ чаще всего въ видѣ ажурнаго яйца или шара съ шариками внутри. При движеніи эти шарики, ударяясь о стѣнки яйца или шара, звенѣли; этотъ апотропэическій звонъ усиливался многочисленными подвѣшенными къ самимъ шестамъ и другимъ частямъ колесницы колокольцами. Въ болѣе позднихъ гробницахъ надставка давала изображеніе божества или звѣря. Типично, сверхъ того, для этихъ погребальныхъ колесницъ или катафалковъ покрытіе ихъ коврами, бляшки котораго нашлись въ нѣсколькихъ погребеніяхъ рядомъ съ остатками колесницы (въ Б. Близницѣ, см. выше 12 сл., такой катафалкъ, м. б., не на колесницѣ, а переносный, какъ въ Ашиковской гробницѣ, см. ниже гл. XXX, сожженъ былъ передъ погребеніемъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми вещами; такой же обрядъ произведенъ былъ и передъ погребеніемъ покойника въ третьемъ курганѣ Васюринской горы, см. ниже) [1].

ные остатки колесницы съ архаическими надставками шестовъ въ видѣ сквозного яйца съ головой птицы надъ нимъ, ср. Ѳ. И. А. К., 1908, 118, рис. 169. Остатковъ колесницъ нашего типа въ погребеніяхъ V и IV в. до Р. Хр. я не знаю. Слѣдующую серію даютъ погребенія IV—II в. до Р. Хр.: Александропольскаго кургана (см. Др. Гер. Скиѳіи I, 21 слл., съ соотвѣтственными таблицами Атласа, ср. стр. 5 слл.), Краснокутскаго (ibid. II, 44 слл., два катафалка), Слоновской Близницы (ibid., 65 слл., датирована находкой очень поздняго краснофигурнаго килика) и Чертомлыцкаго кургана (ibid., 79 слл.). О курганѣ Карагодеуашхъ см. ниже. Ср. также многочисленные остатки этого рода въ курганахъ Приднѣпровья, Древности Приднѣпровья, II, 11 сл.; III, 43; VI, 1. Въ высшей степени интересно то, что колесницы-катафалки указываемаго типа находятся не только на югѣ Россіи, но и въ Дунайскихъ странахъ. См. J. Smirnoff, Archeologiai Ertesitö, 1894 (XII), 385 слл.; Hampel, ibid. 1893 (XIII), 385 слл.; P. Reinecke, ibid. 1897 (XVII), 1 слл.; Zeitschr. f. Ethnologie 1896 (XXVIII), 1 слл. Остальную литературу и подробное изслѣдованіе всего вопроса см. G. Nagy, A Skythak, Budapest 1909, 48 слл. (гл. V) и 92, 3 (особ. рис. 10 стр. 58 и 11 стр. 60), а также J. Hampel, Ungarisches Nationalmuseum. Führer der Altertumsabteilung; Budapest, 1911, 63.

[1]) Весьма любопытно въ этой связи сдѣланное Карейшей въ 1842 г. открытіе (см. о немъ далеко не точныя данныя въ Древн. Босф. Комм. Введ., стр. XXXI сл., ср. изд. Reinach, стр. 22; даваемое мной извлекаю изъ его рукописнаго отчета). Въ небольшой каменной гробницѣ съ нишами (на Глинищѣ къ зап. за городскимъ садомъ) найденъ былъ «искусной работы красивый деревянный гробъ (л. Д) (этотъ рисунокъ лит. Д воспроизведенъ у Watzinger'a, Holzsarkophage, 47, рис. 86. Ватцингеръ не подозрѣваетъ, что это та же находка, которая имъ упоминается на стр. 18, и ничего не знаетъ о покрывалѣ, лежавшемъ на крышкѣ гроба; въ виду этого выписываю подлинныя слова Карейши), украшенный сверху воткнутыми въ крышу рѣзными вѣтками и листьями. Бока же его были убраны коринѳскими полуколонками съ алебастровыми рѣзными капителями и базами, кои, равно какъ и богатые рѣзные карнизы, были окрашены разными по мѣстамъ красками. У ножекъ же были хорошо выточенныя украшенія. На крышѣ гроба замѣтилъ я *разостланное покрывало*, убранное по краямъ сорока бронзовыми обтянутыми листовымъ золотомъ круглыми, сердцевидными и копытообразными и другими *бляхами*, прикрѣпленными къ кожѣ. Осматривая же вокругъ гроба, я увидѣлъ у ногъ искусной рѣзьбы деревянный треножникъ, на коемъ стояла стеклянная чашка, а подлѣ высокій стаканъ, кверху расширявшійся, и два широкіе стеклянные же сосуды съ широкой ручкой: въ нихъ, повидимому, была жидкость. Далѣе въ разныхъ мѣстахъ гробницы лежали темнозеленаго стекла 12 узкогорлыхъ лекарственныхъ феалъ и крупные монисты изъ бѣлой какой то композиціи, да пять продолговатыхъ зеренъ изъ прозрачнаго свѣтлаго агата. Кромѣ того на помостѣ и гробѣ найдено 24 листовыя золотыя пластинки, украшавшія гробъ. По снятіи крыши гроба внутри лежало подбитое куньимъ мѣхомъ покрывало фіолетовой бархатной ткани... На мѣстѣ головы стояла серебряная урна съ крышкой. Меня крайне удивило, что въ гробѣ, хоть и находились вещи, но костей остова не видно было, притомъ онъ былъ коротокъ и очень узокъ. Когда же урна была мною вскрыта, загадка эта объяснилась. Деревянный гробъ былъ нечто иное, какъ парадный одръ, несенный во время погребальной процессіи, кости же покойника по сожженіи были заключены въ урнѣ, *выложенной* внутри шелковой коричневаго цвѣта матеріей, искусно сотканной». Въ урнѣ оказался рядъ золотыхъ вещей (см. отчетъ Карейши за 1842 г. въ Дѣлѣ о Керч. Др. III, стр. 50 слл., ср. Приложеніе къ дѣлу о Керч. др. I стр. 141 слл; о вещахъ, здѣсь упомянутыхъ, примѣч. Рейнака въ Ant. du Bosph. Cimm., 22). Любопытно сравнить съ этимъ находку въ

Эти колесницы-катафалки являются несомнѣнно дериватомъ восточной іонизированной традиціи, какъ показываетъ сдѣланная вполнѣ по традиціямъ восточнаго іонизма погребальная колесница, описанная Діодоромъ, въ которой везли тѣло Александра Великаго изъ Вавилона въ Мемфисъ. Колесница эта, реконструированная наиболѣе правильно Bulle по даннымъ Діодора, замѣнила наши шесты колоннами, коверъ, покрывавшій ихъ, или протянутый между ними наверху, крышей въ типѣ павильонныхъ крышъ; подъ этимъ шатромъ выстроенъ былъ въ ней второй сѣтчатый шатеръ для гроба, присутствіе котораго въ нашихъ катафалкахъ не наблюдено; но въ общемъ и въ деталяхъ катафалкъ Александра точно слѣдовалъ традиціи іонизма, цѣпко удержанной въ степяхъ и городахъ юга Россіи [1]).

Рис. 10.
Глиняная повозка, найденная въ Керчи въ 1911 г.

Характерно, что никто изъ изслѣдователей, ни K. Müller, ни Bulle, ни Виламовицъ, ни Петерсенъ, совершенно правильно указывая (особенно Булле и Виламовицъ, Jahrbuch XX, 60) на иранскія восточныя параллели для объясненія катафалка Александра, не имѣютъ представленія о богатой серіи памятниковъ нашего иранскаго, т. е. скиѳо-сарматскаго юга. Между тѣмъ, здѣсь мы имѣемъ не только самыя погребальныя колесницы, но и прототипъ погребальной колесницы вообще—крытую колесницу кочевниковъ во всѣхъ ея формахъ. Я имѣю въ виду терракоттовыя погребальныя повозки, находимыя часто въ гробницахъ Керчи; изданы онѣ Беньковскимъ въ Wiener Studien, Bormannsheft 1902, 394 сл., ср. И. И. А. К., вып. IX, 63 сл.; впрочемъ, повозки, изданныя въ Извѣстіяхъ, даютъ типъ обыкновенной грузовой телѣги, а не телѣги-дома, и принадлежатъ несомнѣнно римскому времени. Изъ этихъ формъ терракоттовыхъ повозокъ-жилищъ особенно характерна форма телѣги съ верхомъ въ видѣ камары или цилиндрическаго свода (ср. Herod. I, 199), живо напоминающая форму погребальной колесницы на фризахъ крышки саркофага плакальщицъ въ Константинополѣ (см. Hamdy-bey—Reinach, Necropole de Sidon, табл. IX и XI, 2, ср. K. Müller, Der Leichenwagen,

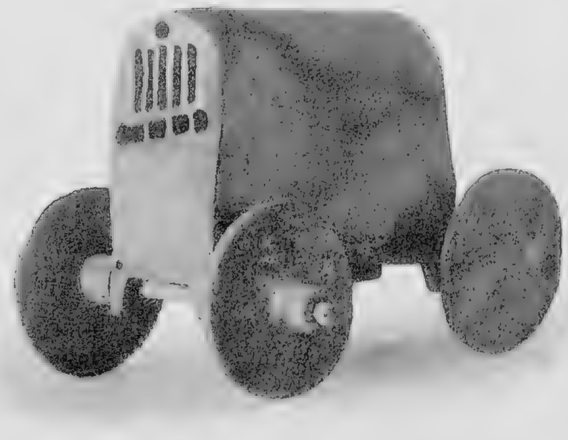


Рис. 11.
Та-же повозка (видъ сзади).

гробу погребальнаго ложа въ курганѣ у Павловской баттареи, см. рапортъ Ашика отъ 26 окт. 1842 г. (Дѣло о древностяхъ находимыхъ въ окрестностяхъ Керчи 1843, стр. 450). Съ найденнымъ Карейшей покрываломъ ср. покрывало на рельефѣ изъ Амитерна, Hülsen, Röm. Mitth. V (1890), 72; Persichetti, ibid. XXIII (1908), 15 табл. IV; Blümner, Römische Privataltertümer, 491, рис. 76. Балдахинъ надъ погребальнымъ ложемъ затянутъ пологомъ. По краямъ полога идетъ фризъ изъ волнъ, по всему полю разбросаны звѣзды, а наверху посрединѣ полумѣсяцъ. Наиболѣе вѣроятно, что звѣзды и полумѣсяцъ не были вотканы, а были нашиты какъ металлическія бляшки.

[1]) Kurt Müller, Der Leichenwagen Alexanders des Grossen, Leipzig, 1905; Bulle, Jahrb. d. d. arch. Inst. XXI (1906), 52 слл., гдѣ указана обширная литература вопроса до 1906 г., ср. Thiersch, ibid. XXV (1910), 55, 1.

18 сл., рис. 3). Новый экземпляръ этой формы, особенно богатый, найденъ недавно въ Керчи (рис. 10 и 11, ср. повозку очень древняго времени, найденную вмѣстѣ съ алабастровыми статуэтками островного типа около станицы Улъ на Кубани, см. Веселовскій, И. И. А. К., вып. 35, 1 слл.; Фармаковскій, Jahrbuch, Arch. Anz. XXV, 196, рис. 1). Весьма возможно, что повозки клались въ гробницы не только какъ дѣтскія игрушки, но и какъ часть погребальнаго реквизита, жилище для покойника въ загробномъ мірѣ.

Любопытно, что кромѣ указанныхъ совпаденій скиѳо-сарматскихъ колесницъ-катафалковъ съ колесницей Александра въ общемъ строеніи мы можемъ указать и на рядъ совпаденій въ деталяхъ: такъ, напримѣръ, покрытіе гроба Александра пурпурнымъ плащемъ (Diod. XVIII, 26, стр. 26 слл. у K. Müller'a, по изданію котораго привожу мѣсто Діодора), съ чѣмъ слѣдуетъ привести въ связь появленіе такого же плаща съ золотымъ вѣнкомъ на крышѣ сооруженія (стр. 90 слл., правда Виламовицъ предлагаетъ читать здѣсь χοινικίς; ему слѣдуетъ Bulle); украшеніе эпистиля катафалка рядомъ колокольчиковъ, подвѣшенныхъ къ кистямъ, а также прикрѣпленіе къ шеямъ лошадей такихъ же колокольцовъ (см. ниже о колоколахъ Васюринскаго склепа); форма колесъ колесницы, наконецъ загадочное до сихъ поръ украшеніе колоннъ или междуколонныхъ пространствъ пальметками аканѳа, что находитъ себѣ соотвѣтствіе опять-таки въ пальметкахъ колесницы Васюриной горы (см. ниже). Все это еще больше укрѣпляетъ насъ въ мысли, что родиной колесницы-катафалка являются иранскія степи, обиталища иранскихъ кочевниковъ, что съ ними колесница-катафалкъ перешла въ М. Азію и оттуда спорадически въ Грецію. Художественную форму парадная колесница живыхъ (см., напримѣръ, извѣстіе о колесницѣ Эвмела, Diod. XX, 25, и о колесницѣ жены Абрадата, Xenoph. Cyrop. VI, 4, 11) и мертвыхъ получила, вѣроятно, первоначально въ Персіи не безъ вліянія Іоніи, а затѣмъ вторично въ М. Азіи въ эпоху ранняго эллинизма подъ вліяніемъ похоронъ Александра. Первая эпоха у насъ на югѣ представлена колесницами-катафалками VI в. до Р. Хр., вторая погребеніями III—II в. до Р. Хр. Позднѣйшихъ прямыхъ свѣдѣній о колесницѣ-катафалкѣ у насъ нѣтъ; мыслимо, что она вышла изъ употребленія и въ городахъ, замѣненная здѣсь бывшимъ и раньше въ употребленіи переноснымъ катафалкомъ, и въ степяхъ, гдѣ съ появленіемъ сарматовъ и особенно второй группы ихъ въ лицѣ аланъ культурный уровень жизни сильно понизился.

Принимая во вниманіе всѣ эти, по необходимости неполныя, попутно сдѣланныя сопоставленія матеріала, полное собираніе котораго никакъ не можетъ входить въ задачи предлагаемаго труда, надо пожалѣть о томъ, что никто изъ изслѣдователей эволюціи іонійской культуры и въ частности іонійскаго погребальнаго обряда до сихъ поръ не далъ себѣ труда внимательно изучить многочисленные остатки колесницъ-катафалковъ и попытаться реконструировать одну изъ нихъ. Такая реконструкція, помимо ея общаго значенія, окончательно выяснила бы многочисленныя неясныя детали въ реконструкціи Александрова катафалка, основанной исключительно на словахъ Діодора [1]).

[1]) Въ высшей степени любопытно сопоставленіе нашихъ колесницъ-балдахиновъ и погребальныхъ балдахиновъ, крытыхъ ковромъ (см. ниже), вообще съ гробницами въ видѣ четырехколонныхъ сѣней или сквозныхъ павильоновъ, сдѣланное Frickenhaus, Ath. Mitth. 1911, 128 слл. Указанныя имъ ἧρῷα (на рельефахъ и вазахъ) повторяютъ типъ обычный и на т. наз. эллинистическихъ рельефахъ и въ помпеянскомъ архитектурномъ пейзажѣ, см. Ростовцевъ, Элл.-римскій архитектурный пейзажъ, стр. 111 и 120 (ср. нѣм. изданіе стр. 113), и несомнѣнно тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ

Не думаю однако, чтобы наша колесница принадлежала къ категоріи этихъ колесницъ-катафалковъ. Ея украшенія ведутъ скорѣе къ типу легкой іонической бѣговой или военной колесницы [1]), тому типу, который сохранили намъ курганы и гробницы Этруріи и Ѳракіи, гдѣ, какъ и на нашемъ югѣ, такъ сильны были традиціи іонизма [2]). Фрагменты колесницы Васюринскаго кургана.

Остатки колесницы, найденные въ нашемъ курганѣ, частью принадлежали къ ея желѣзному остову, частью къ бронзовымъ литымъ, м. б., частью золоченымъ украшеніямъ. Первыя части дошли до насъ только въ бѣгломъ наброскѣ Гросса (см. табл. XII, 1); дошли ли полностью всѣ орнаменты, «съ трудомъ отчищенные отъ приставшихъ къ нимъ остатковъ колесницы», подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію: ѳракійскія и этрусскія колесницы имѣютъ болѣе богатое скульптурное убранство. Сохранилось во всякомъ случаѣ слѣдующее:

1) Бронзовый литой массивный акротерій, сзади не обдѣланный, а плоскій, съ патиной, показывающей, что онъ былъ прислоненъ къ дереву съ желѣзомъ или къ кожѣ съ желѣзомъ. Къ нижней части сходящихся стеблей аканѳа, изъ которыхъ выростаетъ пальметка акротерія, сзади прикрѣпленъ или, лучше, вылитъ изъ одного куска съ акротеріемъ перпендикулярный плоскій стержень съ отверстіемъ на концѣ (см. табл. XXIII, 4). Изъ этого видно, что акротерій прикрѣпленъ былъ вертикально на горизонтальной шедшей подъ нимъ деревянной полосѣ, но притомъ такъ, что за акротеріемъ находилась сплошная стѣнка. Акротерій составляютъ два каннелированныхъ перехваченныхъ внизу толстыхъ сходящихся стебля, изъ которыхъ вправо и влѣво выростаютъ побѣги аканѳа, кончающіеся съ боковъ волютой, цвѣткомъ-розеткой и бутономъ такъ называемой арацеи или каллы. Вверху изъ стебля выростаютъ два цвѣтка арацеи съ характерной сердцевиной и характерными покрывающими листами; эти листы однако въ виду того, что весь цвѣтокъ исполняетъ функціи пальметки, загнуты одинъ вправо, другой влѣво, и каждый листъ разбитъ на 9 языковъ, загнутыхъ вправо и влѣво; три нижніе лепестка справа и слѣва сходятся посрединѣ въ небольшомъ цвѣткѣ арацеи того же типа, изъ котораго выростаетъ еще одинъ въ формѣ лиліи, увѣнчивающій акротерій. Выс. 0,10, наиб. шир. 0,22.

2) Несомнѣнно, въ связи съ этимъ акротеріемъ стоятъ двѣ половинки, лѣвая и правая, такого же акротерія той же работы и того же типа (табл. XXIII, 2, 3). Эти половинки впущены были, какъ показываетъ ихъ вертикальный, а не горизонтальный

надгробными памятниками и героонами. Не безъ вѣроятія доказываетъ Frickenhaus и то, что аѳинское святилище около акрополя, обыкновенно называемое святилищемъ Діониса Лимнэя, на самомъ дѣлѣ есть героонъ Геракла въ Мелитскомъ демѣ. Жертвенникъ этого героона съ каналомъ около него напоминаетъ эсхару и жертвенныя ямы погребеній кургана Б. Близницы и разбираемыхъ погребеній Васюриной горы, см. выше стр. 12 сл. и ниже. Утверждать, однако, что наши павильоны-герооны и гробницы—пелопоннесскаго происхожденія (см. Frickenhaus, l. l. 129), я счелъ бы въ виду приведенной въ моемъ изслѣдованіи серіи памятниковъ по крайней мѣрѣ неосторожнымъ: всѣ указанія ведутъ скорѣе въ область іонизма, откуда берутъ свои архитектурныя формы и павильоны-гробницы юга Италіи.

[1]) Того же типа была, вѣроятно, и колесница кургана Карагодеуашхъ, см. Лаппо-Данилевскій и Мальмбергъ, Матеріалы по арх. Россіи, 13, стр. 49 сл. Впрочемъ, сохранившіеся остатки слишкомъ незначительны, чтобы утверждать это.

[2]) Объ Этруріи см. Nachod, Der Rennwagen bei den Italikern, Leipzig 1905, 5 слл., о Ѳракіи Seure въ Bull. de corr. héll. XXV (1901), 181 слл.; ср. B. Filow, Arch. Anz. XXV (1910), 401 и рис. 11. Послѣдняя гробница, судя по находкамъ около нея Маронейскихъ монетъ позднѣйшаго чекана, принадлежитъ второй половинѣ II в. до Р. Хр. О времени и реконструкціи первой рѣчь еще будетъ ниже.

стержень, въ какую-то, вѣроятно, деревянную полосу, съ которой онѣ сшиты были гвоздемъ или шипомъ. Кромѣ того, низъ стержня былъ прибитъ къ тому фону, на которомъ укрѣплены были наши половинки. Если полный акротерій заполнялъ, очевидно, центръ какого-то поля, то наши половинки, очевидно, помѣщены были въ углахъ того же поля. Выс. со стержнемъ 0,20.

3) Три фрагмента бронзоваго литого большого дракона съ змѣинымъ туловищемъ и рыбьимъ хвостомъ, обращеннаго вправо; длинная пасть съ двумя рядами зубовъ, глубоко посаженные глаза, острыя уши, зубчатая грива на шеѣ, на щекахъ плавники; работа рѣзкая, эффектная; змѣиное тѣло извивается кольцами; хвостъ изъ плавниковъ, какъ у дельфиновъ и гиппокамповъ. Голова, хвостъ и туловище сработаны были отдѣльно; голова сохранилась цѣликомъ, отъ туловища одна половина (?), хвостъ цѣликомъ. Всѣ части прикрѣплены были гвоздями къ плоской прямой поверхности; всѣ онѣ обработаны только съ одной стороны (табл. XXIII, 1). Голова дракона дл. 0,14.

4) Фрагментъ головы и туловища такого же дракона, смотрящаго влѣво.

5) Двѣ бронзовыя литыя каріатиды на базахъ; изъ нихъ только одна сохранилась хорошо, другая изъѣдена ржавчиной. Молодая женщина, одѣтая въ хитонъ и пеплосъ съ прямыми, довольно строгими складками; правая рука, поднятая и согнутая въ локтѣ, какъ бы что-то поддерживаетъ, лѣвая придерживаетъ край пеплоса. На головѣ — калаѳъ [1]) (табл. XXIII, 5, 6). Выс. 0,20.

Реконструкція колесницы.

Вопросъ о томъ, въ какихъ именно мѣстахъ колесницы были прикрѣплены орнаменты и какова была форма колесницы, я, какъ сказано, оставляю открытымъ: прежде всего намъ неизвѣстны наиболѣе важныя части этой колесницы—ея желѣзный костякъ, если можно такъ выразиться. Тѣмъ не менѣе сравненіе съ колесницей Духовой Могилы въ Болгаріи, реконструированной Seure, и нѣкоторыми вазовыми рисунками краснофигурнаго стиля позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя предположенія. Спѣшу однако оговориться, что на реконструкцію Seure, не провѣривъ ея, опираться съ полнымъ убѣжденіемъ я бы не сталъ: его совершенно безпочвенныя фантазіи о датѣ Духовой Могилы [2]) и о какомъ то «скиѳскомъ» населеніи Ѳракіи въ VI в. по Р. Хр.,

[1]) Описанная статуетка вмѣстѣ съ ниже описываемой фаларой, украшенной изображеніемъ орла, похищающаго Ганимеда, одни только сочтены были Стефани заслуживающими изданія, см. О. И. А. К. за 1872 г., Прил. стр. 158; Атласъ, табл. III, 1 и 6. Къ сожалѣнію, Стефани не разобрался въ обстоятельствахъ находки и датируетъ вещи приблизительно доримской эпохой. Стилистическаго анализа нашей статуетки онъ не далъ и не отмѣтилъ ея явной архаистичности, что для III в. до Р. Хр. очень характерно.

[2]) Связь найденныхъ около кургана стѣнъ съ курганными погребеніями и датировка этихъ стѣнъ отнюдь не убѣдительны, а находка монеты Лицинія (безъ точнаго указанія мѣста) не даетъ достаточнаго критерія, стиль же бронзовыхъ частей колесницъ, находящихся въ Петербургѣ, не допускаетъ ихъ датировки IV и посл. вѣками послѣ Р. Хр. Я бы датировалъ эти погребенія, въ связи съ погребеніемъ, описаннымъ Филовымъ, эпохой начала римскаго владычества во Ѳракіи, во всякомъ случаѣ до полной ея романизаціи. Гадать о томъ, для кого выстроенъ былъ курганъ Духовой Могилы и каково значеніе отдѣльныхъ могилъ у его подножія, пока преждевременно. Надо было бы прежде всего разслѣдовать Духовую Могилу цѣликомъ и опредѣлить, дѣйствительно ли въ ней нѣтъ главнаго погребенія—склепа или могилы въ материкѣ; до тѣхъ поръ, пока курганъ весь не снятъ, этого сказать нельзя. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи исторія большого кургана Ольвіи, образцово разслѣдованнаго Фармаковскимъ. Затѣмъ надо было бы систематически раскопать не одинъ, а десятки кургановъ и постараться ихъ датировать при помощи черепковъ посуды и стиля вещей. Тогда только можно было бы говорить объ эволюціи курганныхъ погребеній, а безъ этого нельзя говорить о народности. Только тогда сравненіе съ нашимъ югомъ, съ Этруріей, М. Азіей и, м. б., Галліей дало бы осязательные результаты. Ничего подобнаго, однако, въ Болгаріи не сдѣлано; не сдѣлано, впрочемъ, и половины того, что нужно, и въ Россіи: эволюціи курганныхъ погребеній, различныхъ ихъ типовъ и скрещиванія этихъ типовъ

а также его способъ интерпретаціи текстовъ и манера пользоваться данными нашихъ южно-русскихъ раскопокъ абсолютно не внушаютъ довѣрія къ его научной акрибіи.

Тѣмъ не менѣе, несомнѣнность существованія большого сходства между южно-русскими погребальными колесницами и таковыми же во Ѳракіи, присутствіе среди бронзовыхъ украшеній колесницъ Духовой Могилы, попавшихъ въ Имп. Эрмитажъ изъ раскопокъ русскихъ консуловъ Герова и Вольфа и русскихъ офицеровъ въ 1877 г. [1]), украшеній очень близкихъ къ украшеніямъ нашей колесницы, позволяетъ, несмотря на разницу датъ, пользоваться ѳракійскимъ матеріаломъ для заключеній.

На основаніи указанныхъ аналогій и формы самихъ орнаментальныхъ частей возможно предположить, что акротерій и полуакротерій украшали передокъ кузова колесницы, тритоно-драконы—боковыя стороны этого кузова, спускавшіяся къ заду его, а каріатиды поддерживали рѣшетчатую баллюстраду фронта кузова, все какъ на поздне-краснофигурной вазѣ, изданной у Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. *currus*, стр. 1636, рис. 2208, ср. 1640, рис. 2217 [2]). Къ такой реконструкціи ведетъ, главнымъ образомъ, то, что каріатиды должны были стоять свободно и обработаны съ обѣихъ сторонъ, иначе, чѣмъ статуетка Силена (?) Духовой Могилы (Seure, l.l., 183, рис. 15), тоже обработанная въ формѣ каріатиды, но несомнѣнно прислоненная своей задней стороной къ какой-то части колесницы, приблизительно такъ-же, какъ статуетка (торсъ) тритона изъ числа вещей Духовой Могилы, хранящихся въ Эрмитажѣ.

Впрочемъ, какъ указано было выше, я намѣчаю здѣсь только одну изъ возможностей: вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только формой тѣхъ желѣзныхъ частей, отъ которыхъ наши бронзы были отодраны въ моментъ ихъ находки.

Опредѣленнѣе можетъ быть поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о датировкѣ нашей колесницы, главнымъ образомъ, на основаніи стилистическаго анализа описаннаго выше бронзоваго литого акротерія [3]). Въ этомъ акротеріи характерно органическое соединеніе такъ называемыхъ цвѣтковъ арацеи или каллы съ мясистыми побѣгами аканѳа, причемъ цвѣты всецѣло доминируютъ. О цвѣткахъ каллы въ античной орнаментикѣ я уже говорилъ выше: въ архитектурѣ они являются однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ іоническаго возрожденія III в. до Р. Хр. Но въ торевтикѣ и въ текстильномъ производствѣ, равно какъ и въ рѣзьбѣ по дереву, цвѣтки наши завоевываютъ спеціально форму орнаментаціи въ видѣ акротерія раньше, уже въ IV в. до Р. Хр., и притомъ не скромно въ видѣ придатка, какъ, напр., въ архитектурѣ

Датировка колесницы.

мы до тѣхъ поръ не будемъ знать, пока раскопки кургановъ не будутъ производиться научно съ изслѣдованіемъ всего кургана, и вещи каждаго кургана—и притомъ всѣ—не будутъ опубликованы по отдѣльнымъ курганамъ. Намъ нуженъ Corpus tumulorum, безъ него археологія черноморско-дунайской области будетъ двигаться впередъ черепашьими шагами.

[1]) Въ Имп. Эрмитажѣ находится рядъ бронзовыхъ украшеній отъ колесницы или колесницъ, попавшихъ въ Эрмитажъ изъ Болгаріи, до сихъ поръ не изданныхъ. Они, вѣроятно, происходятъ изъ раскопокъ консула Герова въ шестидесятыхъ годахъ и русскихъ офицеровъ въ 1877—1878 г.г. въ Духовой Могилѣ, но, можетъ быть, и изъ раскопокъ Вольфа въ другихъ курганахъ, см. Братья Шкорпилы, Могили, Пловдивъ 1898, 120 слл.; Seure, *Bull. de corr. hell.* 1901, 170 слл. Было бы очень интересно установить, совмѣстно съ болгарами, происхожденіе хранящейся въ Эрмитажѣ серіи и издать ее всю. Серія несомнѣнно представляетъ очень большой интересъ. Къ сожалѣнію, желѣзныя части колесницъ не сохранились.

[2]) Ср. двухъ дельфиновъ, обращенныхъ другъ къ другу хвостами, на очень характерной четырехколесной повозкѣ рельефа изъ Mariasaal въ Каринтіи, Blümner, Röm. Privataltertümer, 461, рис. 68.

[3]) Характерно сравнить нашъ акротерій съ пальметками, украшающими бронзовую скобу дверей сводчатаго склепа Лангазы въ Македоніи, см. Macridy-bey въ *Jahrb. de Inst.* 1911, 206, рис. 18. Склепъ, какъ указано было выше, датированъ найденной въ немъ пиксидой тѣмъ же временемъ, что и нашъ расписной склепъ Васюринской горы. Стиль пальметокъ Лангазы, насколько можно судить по опубликованной плохой фотографіи, абсолютно тотъ же, что и стиль нашихъ акротеріевъ.

и на надгробныхъ стелахъ въ симахъ и акротеріяхъ, а какъ доминирующій элементъ. Отсюда ихъ взяла и такъ называемая апулійская керамика, а затѣмъ и вся керамика и декоративная живопись эллинистическаго періода.

Драгоцѣннымъ свидѣтелемъ расцвѣта цвѣточнаго орнамента въ текстильномъ искусствѣ являются остатки надгробнаго полога изъ Павловскаго кургана, гдѣ орнаментъ развертывается на лиловомъ пурпурномъ фонѣ (тотъ же фонъ перешелъ отсюда вмѣстѣ съ богатыми побѣгами въ фризы декоровокъ такъ называемаго перваго стиля, см. ниже), см. Стефани, О. И. А. К. 1878—79 г.г., Прил., стр. 112 слл. и Атласъ табл. III, 2—3 (превосходное точное воспроизведеніе въ краскахъ). Въ этомъ памятникѣ, несомнѣнно, IV в. (въ этой гробницѣ найдена извѣстная краснофигурная ваза съ изображеніями изъ элевсинскаго цикла, Стефани, О. И. А. К. 1859 г., Прил., 29—125 и 1865 г., Прил., стр. 20 и 35), характерно органическое соединеніе пальметки акротерія съ цвѣтками каллы и богатѣйшими цвѣтущими побѣгами, преобладаніе ярко характеризованныхъ цвѣтовъ съ ихъ характерной сердцевиной надъ аканѳомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненіе рѣшающей въ общей схемѣ орнамента роли пальметки, не сведенной къ роли простого аксессуара, какъ въ блюдѣ и вазѣ Чертомлыцкаго кургана, и не поглощенной цвѣткомъ, какъ въ нашемъ акротеріи. Еще строже знаменитый шлемъ изъ Акъ-Буруна, датированный панаѳинейской амфорой и монетой Александра Великаго (см. Стефани, О. И. А. К., 1876 г., Прил., 109 сл., Атласъ, табл. II, 1), гдѣ цвѣтокъ, вполнѣ характеризованный, соединенъ съ гладкими, не характеризованными, какъ аканѳъ, волютами.

Нашъ памятникъ, несомнѣнно, моложе этихъ наиболѣе старыхъ примѣровъ богатаго и полнаго развитія цвѣтка каллы, но не на много. Его полными современниками являются акротеріи или акротеріевидные разводы саркофага, найденнаго въ склепѣ около Анапы въ 1882 г. (см. О. И. А. К. 1882 г., 72 и табл., ср. Атласъ, табл. V, 2, 14 и 16) [1]).

Здѣсь мы имѣемъ всѣ особенности нашего памятника: и соединеніе цвѣтка каллы съ розетками, и перехватъ стебля аканѳа передъ выходомъ листа, и всѣ характерныя формы самихъ цвѣтковъ, и еще большую сложность и разнообразіе волютъ. Во многомъ нашъ памятникъ строже, какъ литой въ бронзѣ, а не рѣзанный въ деревѣ (такова же причина большей строгости Акъ-Бурунскаго шлема сравнительно съ тканью Павловскаго кургана); во многомъ разводы саркофага ближе къ такъ называемымъ тарентинскимъ вазамъ, чѣмъ къ нашей бронзѣ. Датируется анапскій саркофагъ эпохой не ранѣе середины III в. найденной въ немъ монетой Лисимаха того же типа, какъ въ Артюховскомъ курганѣ, но лучшаго чекана.

Очень характерно сравнить фризъ этого саркофага съ остатками интарсіоннаго фриза саркофага изъ Павловскаго кургана, отличающагося тѣми же особенностями, что и матерія оттуда же (Watzinger, Griech. Holzsarkophage, 45, № 26, рис. 82), и съ орнаментомъ въ формѣ акротерія саркофага изъ Змѣинаго кургана (Древн. Босф. Кимм., LXXXI, 6 и 7 и LXXXII), датированнаго находкой у ногъ покойника пелики свободнаго прекраснаго стиля (ср. Watzinger, Holzsarkophage, 40). Послѣдній памятникъ особенно интересно сличить съ нашей бронзой, такъ какъ въ немъ уже пальметка, раздѣленная на двѣ полупальметки съ загнутыми къ серединѣ листьями, только обрамляетъ центральный цвѣтокъ. Здѣсь, однако, пальметка еще не соединилась съ цвѣткомъ, какъ на нашей бронзѣ, а сохранила свою первоначальную характеристику.

---

[1]) Ср. Watzinger, Holzsarkophage, 36, № 12 и 78.

Къ сожалѣнію, не датированъ фрагментъ Керченской надгробной стелы (Kieseritzky-Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, № 117, рис. 4), очень похожій на нашу бронзу, но еще болѣе на рельефъ саркофага изъ Змѣинаго кургана.

Если теперь, съ другой стороны, сравнить нашу бронзу съ подобнаго рода орнаментами серебрянаго блюда и большой вазы Чертомлыцкаго кургана, а также съ подобными же орнаментами другихъ вещей того же кургана и кургановъ, ему родственныхъ и одновременныхъ, то мы замѣтимъ довольно рѣзкія отличія, опредѣленно говорящія о пріоритетѣ во времени нашего памятника. Схема остается та же, но разнообразіе и богатство цвѣтовъ и побѣговъ значительно больше; цвѣтки наиболѣе близкой къ природѣ каллы формы получаютъ несвойственные болѣе раннему времени придатки, розетки на блюдѣ брошены для заполненія поля безъ связи съ основными побѣгами, аканѳъ не характеризованъ, какъ таковой, у листьевъ имѣется характерный перехватъ и т. д., и т. д. [1]).

Изъ этихъ сопоставленій съ памятниками, ближе всего стоящими къ нашей бронзѣ, можно вывести съ несомнѣнностью, что орнаменты нашей колесницы восходятъ, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ III в. до Р. Хр., врядъ ли, однако, могутъ быть датированы значительно болѣе раннимъ временемъ.

Стиль каріатидъ и драконо-тритона самостоятельныхъ критеріевъ для опредѣленія времени не даетъ. Отмѣчу только близость нашихъ каріатидъ по строгости складокъ къ изображенію Геры на саркофагѣ изъ Змѣинаго кургана [2]).

Конская упряжь.

Вмѣстѣ съ фрагментами украшенія колесницы въ той же земляной гробницѣ найдены части богатаго, частью посеребреннаго, частью золотого, необычайно изящнаго *набора украшеній конской упряжи* чисто греческаго типа, почти безъ всякихъ слѣдовъ вліянія варварской мѣстной обстановки.

1) Круглый медальонъ съ высокимъ рельефнымъ, покрытымъ серебромъ, женскимъ бюстомъ впрямь съ нѣкоторымъ наклономъ влѣво. Голова покрыта пеплосомъ, въ ушахъ, можетъ быть, серьги въ формѣ розетокъ. Дл. 0,07. Табл. XXIV, 5.

2) Фрагментъ большой, обитой серебромъ, желѣзной овальной бляхи, такъ называемой фалары, съ изображеніемъ орла, похищающаго Ганимеда. Сохранилась лѣвая часть бляхи: правое крыло птицы, заполнявшей весь оваль, голова ея и почти вся фигура женоподобнаго юноши съ длинными волосами влѣво. Голова Ганимеда поднята и повернута къ орлу вправо [3]). Табл. XXIV, 7.

[1]) См. характеристику орнамента, данную Б. В. Фармаковскимъ, Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ, стр. 60 сл. (изъ *Сборника въ честь гр. А. А. Бобринскаго).* Не повторяю его подробныхъ сближеній съ памятниками архитектуры отчасти потому, что они стоятъ въ хвостѣ развитія сравнительно съ живописью (апулійскія вазы), текстильнымъ искусствомъ, торевтикой и рѣзьбой по дереву. Даже такой развитой памятникъ, какъ храмъ Дидимейскаго Аполлона, всего богатства цвѣточнаго орнамента, какъ онъ является, напримѣръ, на южно-русскихъ саркофагахъ, не использовалъ.

[2]) Схема изображенія морского дракона (κῆτος сказаній о Персеѣ и Андромедѣ) обычна уже на краснофигурныхъ вазахъ, правда, позднихъ, см., напр., S. Reinach, Rép. d. vases I, 188, стр. 303. Интересно сопоставить нашего дракона съ дракономъ нашивной бляшки изъ Куль-обскаго склепа, см. Др. Босф. Кимм., табл. XX, 14, и литературу, указанную Рейнакомъ къ данному памятнику. Ср. также «крылатаго гиппокампа» (?) на золотой нашивной бляхѣ изъ Дѣевскаго кургана (группа Сѣрогозскихъ кургановъ) у Спицына, И. И. А. К. 19, 170, № 2, табл. XIII, 28. Для датировки погребенія Дѣевскаго кургана важна такъ называемая діадема съ побѣгами и арацеями типа Чертомлыцкихъ золотыхъ пластинокъ, см. l. l., № 1, рис. 39 и табл. XV.

[3]) Ср. Стефани, О. И. А. К. 1872, Прил., стр. 158; Атласъ III, 6.

3) Четыре желѣзныхъ кружка отъ уздечки со скобами сзади, покрытые серебряной бляхой. По периферіи фризъ изъ волнъ, все поле занято розеткой изъ 11 листьевъ; листья чередуются: листъ тонко гравированнаго аканѳа и плоскіе болѣе короткіе листья безъ гравировки со вставными продолговатыми стеклышками или камешками вишневаго цвѣта. Д. 0,05. Табл. XXIV, 3.

4) Обычнаго типа, но необычайно изящной работы такъ называемый наносникъ накладного серебра. Вверху передняя часть крылатаго льва, положившаго лапы на голову барана, внизу языкъ въ формѣ лотосообразнаго цвѣтка, украшеннаго круглыми гнѣздами, въ которыя, вѣроятно, вставлены были цвѣтные камешки или стеклышки. Выс. 0,09. Табл. XXIV, 4.

5) Двѣ половинки желѣзнаго удила, сплошь покрытаго серебромъ и украшеннаго на концахъ изящными обложенными серебромъ фигурками тритонессъ, рыбьи туловища которыхъ покрыты листьями морскихъ водорослей. Извивы этихъ туловищъ образуютъ самое удило и, вѣроятно, соединялись въ его центрѣ. Изображены тритонессы впрямь и вправо, правыя руки подняты и держатъ какой-то круглый предметъ, лѣвыя уперлись въ бокъ. Удила даютъ рѣдкую картину соединенія усиковъ (псалій) съ самимъ удиломъ; аналогій я въ опубликованномъ матеріалѣ не встрѣчалъ. Выс. фигурки 0,03. Табл. XXIV, 6.

6) Пять золотыхъ круглыхъ накладокъ, вѣроятно, украшавшихъ чолку лошади, со спиральнымъ украшеніемъ, обычнымъ для такъ называемыхъ стленгидъ женскаго убора. Одна двойного размѣра—0,10, остальныя—0,05 въ діаметрѣ. Табл. XXIV, 1,2.

7) Четыре большихъ массивныхъ литыхъ бронзовыхъ колокольчика съ желѣзными языками, орнаментированные параллельными концентрическими линіями. В. 0,145, д. 0,095. Табл. XX, 3.

Всѣ эти украшенія встрѣчаются постоянно въ большинствѣ такъ называемыхъ скиѳскихъ курганныхъ погребеній, но я не знаю ни одного погребенія, гдѣ бы уборы этого рода были выдержаны въ такомъ чисто греческомъ іонійскомъ стилѣ. Особенно яснымъ это становится при сравненіи найденнаго въ нашей гробницѣ такъ называемаго наносника съ таковыми же изъ приднѣпровскихъ, таврическихъ и кубанскихъ кургановъ. Схема двухъ головъ одна надъ другой имѣется, напримѣръ, въ налобникѣ изъ Чмыревой могилы (Браунъ, И. И. А. К., 19, 107, рис. 46, 47 и 47-а, ср. стр. 102), но рѣзкая работа этого налобника далека отъ мягкаго изящества и органической цѣльности нашего; еще грубѣе болѣе близкій по идеѣ налобникъ изъ кург. Огузъ (Спицынъ, ibid. 19, 163, рис. 9) [1]).

Болѣе близкихъ параллелей среди очень большого количества подобныхъ предметовъ убранства по стилю и идеѣ мнѣ найти не удалось. Такая же изящная греческая работа отличаетъ и наносникъ съ головой грифона конской гробницы большого Васюринскаго кургана.

Тѣмъ же изяществомъ отличаются и орнаментальныя бляшки съ розетками, украшенными камешками или стеклышками [2]). И здѣсь опять-таки мы имѣемъ парал-

---

[1]) Типъ грифона-льва—персидскаго происхожденія; особенно популяренъ и распространенъ онъ на югѣ Россіи: въ Пантикапеѣ, греческихъ и скиѳскихъ курганныхъ погребеніяхъ, см. Furtwängler s. v. *Grips* въ Mythol. Lexicon Рошера, стр. 1775 сл. Близкой параллелью спеціально къ нашему налобнику является крылатый левъ-грифонъ въ одномъ изъ памятниковъ архаическаго іонизма Этруріи—люнеткѣ задней стѣны Tomba dei Tori въ Корнето. Левъ здѣсь кладетъ лапы на нижнюю волюту консоля, верхняя часть которой сдѣлана въ видѣ головы барана, обращенной ко льву. См. G. Körte, Antike Denkmäler, II, табл. 41; вспомог. табл. 1—8, стр. 3—7.

[2]) Украшеніе подобнаго рода бляхъ стеклами, отмѣченное нами уже для конскаго убора перваго погребенія (см. выше, стр. 40 сл.), находитъ себѣ аналогію въ одной бляхѣ, найденной въ Верхне-

лели въ каждой почти богатой такъ называемой скиѳской гробницѣ, но вездѣ предметы именно нашего типа грубѣе (наиболѣе близко стоятъ бляшки изъ Краснокутской могилы (Др. Гер. Ск., Атл. II, XXIII, 6) и изъ значительно болѣе поздняго, такъ называемаго, Федуловскаго клада (Спицынъ, И. И. А. К., 29, 41, рис. 51; 42, рис. 52, 53, 57—Таганрогскій кладъ; 44, рис. 59, 60—Старобѣльскій кладъ, ср. 45, рис. 61). Фигурныя, такъ называемыя, фалары находятъ наиболѣе близкія параллели въ такихъ же бляхахъ изъ Чертомлыцкаго кургана (Др. Гер. Ск., табл. XIV, 3 и 5); ср. овальную же бляху изъ Федуловскаго клада (Спицынъ, l. l., 39, рис. 43), значительно болѣе поздняго времени. По стилю наша бляха, кромѣ вещей Чертомлыцкаго кургана, напоминаетъ болѣе всего накладныя бронзовыя фигуры погребальнаго ложа Артюховскаго, одновременнаго нашему, кургана, ср. О. И. А. К. 1888 г., Прил., стр. 92 сл. и Атласъ, табл. IV, 10; тотъ же Артюховскій курганъ даетъ и ближайшую параллель къ нашимъ скульптурнымъ тритонессамъ на удилѣ, см. ibid. Атласъ III, 13; Стефани, О. И. А. К. 1880 г., Прил., стр. 82 (изображеніе Скиллы на оборотной сторонѣ зеркала).

Всѣ эти параллели и стиль описанныхъ выше вещей подтверждаютъ полностью нашъ выводъ о принадлежности всего второго склепа и его погребеній ко времени никакъ не болѣе позднему, чѣмъ вторая половина III в. до Р. Хр.

Склепы обоихъ кургановъ такимъ образомъ не только совершенно одинаковы по своему устройству, но и принадлежатъ, несомнѣнно, одному и тому же времени. Обрядъ погребенія и характеръ вещей позволяютъ думать, что погребены были въ склепахъ лица, хотя и желавшія удержать обрядъ, такъ называемаго, скиѳскаго погребенія, но въ высокой степени эллинизованныя, имѣвшія совершенно греческіе вкусы и привычки. Кто они были, сказать невозможно: мѣстные степные магнаты, зимою жившіе въ Фанагоріи, лѣтомъ въ степи, эллинизованные царьки населявшихъ Таманскій полуостровъ племенъ, или богатые полуварварскіе граждане Фанагоріи, имѣвшіе крупныя земельныя имущества внутри полуострова.

Третій курганъ.

Къ сожалѣнію, главное погребеніе въ *третьемъ курганѣ* той же Васюринской горы оказалось разрушеннымъ; не удалось даже установить, былъ ли это склепъ или просто каменная гробница. И въ этомъ курганѣ, кромѣ остатковъ гробницы, обнаружены были остатки погребальнаго костра, отличающіеся отъ остатковъ того же рода въ двухъ другихъ курганахъ тѣмъ, что здѣсь не только совершено было жертвоприношеніе въ честь покойника съ сожженіемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ предметовъ, какъ на огороженныхъ сырцовымъ кирпичемъ кострищахъ двухъ другихъ кургановъ, но сожжены были, несомнѣнно, катафалкъ, покрывало и рядъ вещей погребеннаго покойника (чрезвычайно много оружія), такъ же, какъ въ первомъ, такъ называемомъ, жженомъ точкѣ Б. Близницы [1]). Въ насыпи кургана, кромѣ того, какъ во многихъ, такъ называемыхъ, скиѳскихъ погребеніяхъ, найденъ былъ большой котелъ съ крышкой и четырьмя ручками. И этотъ котелъ не сохранилъ здѣсь своего обычнаго въ другихъ курганахъ варварскаго облика кагана степныхъ жителей: ручки его оказались украшенными превосходно моделированными головами Силеновъ.

днѣпровскомъ у., Екатеринославской губ. (см. Древности Приднѣпровья. Колл. Ханенко, III, табл. XLI, № 335). Отмѣчу, что украшенная также стеклами пряжка оттуда же (ibid., № 337), вѣроятно, принадлежитъ значительно болѣе позднему времени. Очень близки по идеѣ, но значительно грубѣе по стилю удила конской уздечки оттуда же (ibid., № 335).

[1]) Это доказываетъ находка здѣсь ряда мелкихъ золотыхъ бляшекъ, которыя нашиты были на покрывало, и многочисленныхъ костяныхъ украшеній, вѣроятно, отъ катафалка или погребальнаго ложа (ср. вышеупомянутое ложе Артюховскаго кургана, также найденное внѣ склепа или каменной гробницы).

Въ послѣднихъ двухъ курганахъ той же Васюринской горы найдено было при разслѣдованіи только нѣсколько разграбленныхъ гробницъ [1]).

Обрядъ погребенія.

Погребенія Васюринской горы очень интересны не только отмѣченнымъ выше соединеніемъ греческихъ и варварскихъ погребальныхъ обрядовъ, но и тѣмъ, что даютъ намъ возможность возстановить обрядъ погребенія и обстановку погребальныхъ склеповъ съ большою полнотой. Какъ и въ Б. Близницѣ, мы присутствуемъ здѣсь при транспортированіи покойника на погребальномъ ложѣ или въ погребальной колесницѣ, покрытыхъ тяжелыми, украшенными золотомъ матеріями и богато убранныхъ металломъ и слоновой костью; присутствуемъ при сожженіи этого переноснаго ложа вмѣстѣ съ рядомъ предметовъ, принадлежавшихъ покойнику, или при убіеніи лошадей погребальной колесницы и похоронахъ ихъ передъ входомъ въ гробницу вмѣстѣ съ колесницей во всемъ ихъ богатомъ золотомъ или серебряномъ уборѣ. Послѣ совершенія погребенія, внесенія покойника въ склепъ въ богато украшенномъ гробѣ, послѣ того какъ въ освѣщенномъ цвѣтными свѣчами склепѣ развѣшаны были по стѣнамъ оружіе и одежды, гробъ покрывался тканымъ, усѣяннымъ золотыми бляшками, покрываломъ, въ камерѣ и дромосѣ разставлялись сосуды, частью на мраморныхъ столахъ и скамейкахъ, стоявшихъ передъ гробомъ, частью на землѣ; около кургана, у его подножія, совершалось жертвоприношеніе черезъ всесожженіе, причемъ сосуды тутъ же разбивались, а духу усопшаго совершали возліяніе, можетъ быть, кровью убиваемыхъ животныхъ на особомъ жертвенникѣ, стоявшемъ надъ воронкообразной ямой — βόθρος. Затѣмъ входъ въ склепъ либо засыпался, какъ въ Б. Близницѣ, либо, какъ это, вѣроятно, было со вторымъ склепомъ Васюринской горы, оставлялся открытымъ, а передъ нимъ иногда ставились статуи усопшихъ.

Характерныя черты обряда погребенія.

Не буду останавливаться на большинствѣ этихъ обрядовъ и связанныхъ съ ними подробностяхъ погребальной обстановки, обычныхъ для греческаго погребенія. Нѣкоторыя черты, однако, необходимо выдѣлить, такъ какъ онѣ помогутъ намъ заглянуть въ источники того культурнаго обихода, изъ котораго выросла и постройка, и обстановка, и роспись нашей погребальной камеры.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ наше вниманіе выстраиваемый и въ погребеніяхъ Б. Близницы, и въ погребеніяхъ (по крайней мѣрѣ, одномъ, но надо помнить, что ни одинъ курганъ не дослѣдованъ до конца) Васюринской горы, около мѣста всесожженія, алтарь съ воронкообразной ямой подъ нимъ, на днѣ которой въ Б. Близницѣ найденъ былъ лиловатый осадокъ, вѣроятно, отъ влитой сюда крови. Кровавыя жертвы на могилахъ умершихъ никогда не прекращались въ Греціи (см. Rohde, Psyche I, 243, 1), но наши ямы и алтари говорятъ не только о нихъ. Понятными становятся они только путемъ сравненія съ описанными Гомеромъ тризной въ память Патрокла (Ψ 30 слл.) и особенно съ νεκυομαντεῖον Одиссея (см. Rohde, Psyche I, 55 слл.; Norden въ изд. VI пѣсни Энеиды Вергилія, стр. 196, 1): и здѣсь, и тамъ, такъ же какъ и въ наблюденномъ нами обрядѣ, главное—выпусканіе всей крови изъ животнаго, съ тѣмъ, чтобы ею могъ насладиться покойникъ или его душа [2]). У Гомера это — наслѣдіе эгейской и микенской религіи и

---

[1]) Объ этомъ и разслѣдованіи третьяго кургана см. О. И. А. К. 1871 г., стр. XXXVII и 1872 г., стр. IX сл.

[2]) Stengel, *Hermes*, 1906 (XLI), 234 слл.; Kultusaltertümer, § 80, стр. 128 слл., особ. 131. Нѣчто подобное нашему βόθρος наблюдается въ гробницѣ, раскопанной Edmonds'омъ между Воло и Велестино въ Θессаліи. Гробница находится въ центрѣ кургана; надъ ней колодезь, на днѣ котораго найденъ былъ каменный ящикъ съ скелетомъ барана. Гробница была расписана. Датирована гроб-

культуры, какъ показываютъ остатки гомеровскихъ ϐόθρων и эсхаръ во многихъ гробницахъ микенскаго періода (см. Mau у Pauly-Wissowa, R. E. s. v. *Bestattung*, III, Sp. 333; Stengel, l. l., 235). Наслѣдіе это воспринято было іонизмомъ и сохранилось до поздняго времени на югѣ Россіи [1]).

Принесеніе въ жертву собакъ и лошадей.

Я уже указывалъ на единичность обряда, заключавшагося въ принесеніи въ жертву манамъ умершаго собаки, привязанной какъ сторожъ къ стѣнѣ у входа въ гробницу. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что и здѣсь въ основѣ лежатъ очень старыя представленія о собакѣ, какъ хѳоническомъ животномъ, представленія, почти забытыя въ собственной Греціи. Любопытно, что погребеніе собаки соединено съ погребеніемъ лошадей, какъ лошадь соединяется съ собакой во многихъ изображеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ хѳоническимъ божествамъ и культу героевъ (см., напримѣръ, изображенія ѳракійскаго всадника [2]).

Трапезы.

Въ обстановкѣ погребенія и погребальной камеры, кромѣ колесницы-катафалка, о которой рѣчь уже была выше, обращаютъ на себя вниманіе низкіе и высокіе столы или столы и скамейки въ обоихъ склепахъ Васюринской горы. Такіе же столъ и, вѣроятно, скамейка стояли и въ Ольвійскомъ склепѣ Евресибія и Ареты, раскопанномъ Б. В. Фармаковскимъ (И. И. А. К. 3, 1 сл. и рис. 1 и 2, ср. 9 слл.). На этомъ столѣ вырѣзана была надпись: Εὐρησίβιος Καλλισθένους καὶ Ἀρέτη Παπίου τὸ μνῆμα ζῶντες ἑαυτοῖς κατεσκεύασαν съ приписью болѣе поздняго времени ἐν ἡμέραις ιζ′ (IosPE. IV, 461).

Въ курганѣ Ольвійскомъ τράπεζα является, такимъ образомъ, настоящимъ могильнымъ σῆμα, какъ въ цѣломъ рядѣ греческихъ погребеній, гдѣ на этой τράπεζα кромѣ

ница находкой въ ней чернолаковыхъ сосудовъ съ коричневатымъ лакомъ. См. *Ath. Mitth.* 1899, 90; Edmonds, *Journ. of hell. St.* 1900 (XX), 20 слл. Ср. подобное отверстіе у входа въ одну изъ гробницъ некрополя Миры въ Ликіи, Petersen u. Luschan, Reisen im S.-W. Kleinasien II, 30. О βόθροι, см. еще Pfister, Der Reliquienkult im Altertum (*Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten* V, 2), II, 474; Eitrem въ P.-W., R.-E. VIII, 1 ст. *Heros*, стр. 1124.

[1]) Объ эсхарахъ см. Furtwängler, *Arch. f. Rel.*, VIII, 192 сл., гдѣ указана и литература; Pfister, l. l., 475; Eitrem, l. l., 1123; ср. Milani, *Studi e materiali*, III, 6 слл. (о mundus и lapis manalis).

[2]) Религіозно-историческое значеніе жертвоприношенія собаки прекрасно выяснено Stengel'емъ въ его статьѣ Ἀΐδης κλυτόπωλος въ *Arch. f. Rel.*, VIII, 208 сл. Онъ правильно указалъ на разницу между жертвеннымъ животнымъ, кожа котораго обдирается и мясо съѣдается, и жертвоприношеніемъ коня и собаки, гдѣ все животное сжигается вмѣстѣ съ трупомъ (какъ Il. Ψ 171 слл. при сожженіи Патрокла) или погребается рядомъ съ нимъ, какъ въ южно-русскихъ гробницахъ. Конь и собака должны были и за гробомъ быть спутниками и слугами покойника (Herod. V, 92; Luc., Philops. 27). Чрезвычайно характерно, что въ Греціи обрядъ погребенія лошади и собаки не удержался, а наблюдается исключительно либо на семитическомъ Востокѣ (Pfuhl въ *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XX (1905), 146 (Сидонъ), либо въ М. Азіи (Лидія), либо у насъ на югѣ Россіи (можетъ быть, также во Ѳракіи и Македоніи). Въ высшей степени важно было бы выяснить вопросъ, что̀ въ этомъ обычаѣ надо отнести на счетъ переживаній эгейской культуры въ іонизмѣ, что̀ на счетъ того общаго культурнаго субстрата, который одинаково наблюдается и въ М. Азіи, и во Ѳракіи, и въ Скиѳіи, и который затѣмъ въ IV—III в. до Р. Хр., въ эпоху эллинизма, вновь слился съ усиленнымъ іоническимъ вліяніемъ. Собака и лошадь, какъ спутники почившаго за гробомъ, появляются постоянно какъ на южно-русскихъ надгробныхъ стелахъ съ изображеніемъ выѣзда героя (см., напр., Kieseritzky-Watzinger, 561, 585, 591 и др.), такъ и на восточно-греческихъ эллинистическихъ и затѣмъ зависимыхъ отъ нихъ римскихъ стелахъ съ изображеніемъ такъ называемой загробной трапезы, см. Pfuhl, l. l. 123, рис. 20, ср. 146; B. Schroeder, *Bonner Jahrbücher*, 108, 53; ср. архаическія лаконскія стелы Stengel, l. l., 209 сл. Любопытно, что лошадь какъ жертвенное животное наблюдается въ греческомъ культѣ только хѳоническихъ боговъ (Stengel, l. l. 207) и героевъ; ср. также о хѳоническомъ значеніи собаки R. Herzog въ *Arch. f. Rel.* X, 224 слл.

надписи часто возвышается и сосудъ [1]). Въ нашихъ склепахъ τράπεζα сохранила еще свое первоначальное значеніе стола-жертвенника, на которомъ стояли приношенія покойнику какъ герою, то значеніе, которое сохранилось въ вотивныхъ рельефахъ, изображающихъ такъ называемую загробную трапезу. То-же значеніе имѣла и деревянная трапеза-треножникъ, столь близкая къ такимъ же столамъ-треножникамъ упомянутыхъ вотивныхъ рельефовъ, найденная въ 1842 г. въ курганѣ близь общественнаго сада Керчи, см. Древн. Босф. Комм., стр. LXXIII, табл. LXXXI; на ней стояло нѣсколько стеклянныхъ сосудовъ, ср. Watzinger, Holzsarkophage, 58, № 44, ср. выше стр. 48, 1.

Такую роль трапеза могла играть только въ надгробныхъ памятникахъ или склепахъ, гдѣ мертвый трактовался какъ герой или хѳоническій богъ, а его склепъ—какъ настоящій ἡρῷον. Такимъ ἡρῷον въ чистомъ его видѣ является знаменитый ἡρῷον Трисы—Гьель-Баши, лучшій представитель прототипа всѣхъ погребальныхъ склеповъ съ лежанками М. Азіи, Александріи, Этруріи, Македоніи, Ѳракіи и юга Россіи [2]). Въ немъ τράπεζα является естественнымъ дополненіемъ κλίνη, на которой лежитъ умершій. У насъ на югѣ Россіи въ большинствѣ склеповъ гробъ замѣнилъ собою κλίνη, но іоническое представленіе о покойникѣ, какъ героѣ, сохранилось въ нашихъ столахъ и скамьяхъ, исчезнувшихъ изъ погребеній Македоніи, Александріи и М. Азіи, гдѣ κλίνη сама превратилась въ саркофагъ, т. е. въ хранилище тѣла или хранилище урны съ пепломъ и костями покойника [3]). Основную старо-іоническую связь между κλίνη и τράπεζα сохранили въ сравнительно чистомъ видѣ нѣкоторыя высѣченныя въ скалѣ гробницы или гробничные фасады М. Азіи, такъ напримѣръ эллинистическая гробница, приписываемая Petersen'омъ безъ достаточныхъ основаній извѣстному Алкетѣ, сподвижнику Александра В., въ Термессѣ (см. Städte Pamphyliens und Pisidiens II, 68), и болѣе поздніе гробничные фасады тамъ же (ibid., 71, рис. 22). Сохранили трапезы и болѣе поздніе дериваты этихъ ἡρῷα—мавзолеи въ формѣ надгробныхъ храмовъ [4]).

Статуи. Та же основная идея ἡρῷον лежитъ и въ статуяхъ, которыя стояли, вѣроятно, передъ входомъ въ гробницу, а не на верхушкѣ кургана. Приводить примѣры для обычая ставить статуи усопшихъ въ большихъ гробницахъ типа ἡρῷον я считаю излишнимъ; сошлюсь хотя бы на примѣры, указанные Deonna въ его статьѣ *Statua* у Daremberg et Saglio, Dict. des ant., стр. 1480 сл., ср. M. Collignon, Les statues funéraires dans l'art grec, Paris 1911.

---

[1]) См. Cahen у Daremberg et Saglio, Dict. d. ant. s. v. *Sepulcrum*, стр. 1219 сл.; для эллинистическаго времени Pfuhl, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XX (1905), 91. На такое значеніе нашей трапезы правильно указываетъ ф. Штернъ, *Зап. Одесск. Общ. ист. и древн.*, Протоколъ 323, стр. 6, ср. Deneken, De theoxeniis, Berlin, 1881, 36; Wassner, De heroum apud graecos cultu, Kiel 1883, 13; Benndorf-Niemann, Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa (реставрированный общій видъ героона, рис. 31, стр. 41). Ср. также R. Pagenstecher, Die unteritalischen Grabdenkmäler, Strassburg 1912, 43 сл. и 67.

[2]) См. Benndorf und Niemann, Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa въ *Jahrb. d. Kunsthist. Samml. d. allerh. Kaiserhauses*, IX; Vollmoeller, Griechische Kammergräber mit Totenbetten, Bonn 1901 (дисс.), особ. 49 сл.; Pfuhl, Das Beiwerk auf den ostgriechischen Grabreliefs, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XX (1905), 138 сл.

[3]) Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи не разъ уже упомянутый склепъ Лангазы въ Македоніи, гдѣ вмѣсто клины имѣемъ настоящій саркофагъ. Любопытно, что въ саркофагѣ сдѣланъ былъ тайникъ, какъ во многихъ склепахъ эллинистическаго времени на югѣ Россіи. См. *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1911, 212 сл.

[4]) См. Cahen, l. l., 1227.

Идея декоровки гробницы. Балюстры.

Та же идея ἡρῷον, не покрытаго крышей и окруженнаго сравнительно низкими стѣнами, типа героона Трисы лежитъ и въ основѣ *декоровки* нашей гробницы. На это ясно указываетъ прежде всего то, что на карнизѣ стѣны нарисованы точеные деревянные балюстры, которые, несомнѣнно, замѣняютъ здѣсь собою такъ называемые Stirnziegel обычной симы на краю крышъ греческихъ домовъ и храмовъ. Точно такіе же балюстры украшаютъ верхъ стѣны сада или ἡρῷον на одномъ эллинистическомъ такъ называемомъ живописномъ рельефѣ и на одной помпеянской фрескѣ [1]); точеные изъ дерева балюстры составляютъ довольно обычное украшеніе южно-русскихъ деревянныхъ рѣзныхъ саркофаговъ, замѣняя собою пальметки симы; см. Watzinger, Holzsarkophage, 49 сл., рис. 99, саркофагъ изъ склепа въ саду Золотарева, ср. О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. XXXV. Еще характернѣе балюстры оставшагося неизвѣстнымъ Вацингеру саркофага въ формѣ дома съ колонками, найденнаго въ сентябрѣ 1872 г. въ каменной гробницѣ на восточной сторонѣ пирамидальнаго скалистаго холма на горѣ Митридатѣ; остатки этого саркофага своевременно зарисовалъ Гроссъ (см. О. И. А. К. 1872, стр. XXI, ср. Древн. Гер. Ск., XXXVIII, 13; ниже гл. XVIII). Такой же балюстръ украшаетъ архитравъ балдахина, изображеннаго въ гробн. Ашика, см. ниже гл. XXXI и выше стр. 18.

Откуда ведутъ свое начало наши балюстры, вопросъ трудный и спорный. Появленіе ихъ вмѣсто пальметокъ симы на карнизахъ стѣнъ и дверей [2]) позволяетъ искать ихъ происхожденія въ области іонизма и сблизить ихъ съ тѣми фаллическими циппами, которые стоятъ на перемычкахъ дверей нѣкоторыхъ фригійскихъ гробницъ, см. Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, V, 121, рис. 72, 74 и 123, рис. 75 (гробницы Пышмышъ-калэ и Япулдака). Не надо забывать, что балюстръ въ его характерной для техники точенія въ деревѣ формѣ появляется какъ центръ многихъ эллинистическихъ святилищъ и ἡρῷα [3]).

Птицы.

Важно отмѣтить и то, что на стѣнѣ, изображенной въ гробницѣ, или на балюстрахъ, на ней стоящихъ, сидятъ разнообразныя птички, то тамъ, то здѣсь въ реалистическомъ безпорядкѣ. Связь этихъ птичекъ съ загробнымъ культомъ несомнѣнна (см. Pfuhl, *Jahrbuch d. d. arch. Inst.* XX (1905), 292 и указанныя имъ статьи и памятники; еще полнѣе V. Macchioro, Il simbolismo nelle figurazioni sepolcr. rom., 56 сл. [4]), но не менѣе несомнѣнно и то, что посажены онѣ на карнизъ съ явною цѣлью подчеркнуть то, что передъ нами стѣна открытаго heroon (въ этомъ отношеніи поучительно сравненіе съ перемычкой окна частнаго дома въ Термессѣ, Städte Pamphyliens und Pisidiens II, 102, гдѣ изображена сдѣланная изъ камня сидящая на перемычкѣ ласточка и рядомъ съ нею два конусообразные предмета, врядъ ли гнѣзда, скорѣе священные апотропэическіе конусы или балюстры) [5]).

---

[1]) См. Rodenwaldt, Die Komposition der pompeianischen Wandgemälde, Berlin 1909, 44.

[2]) Ср. аноеміи надъ перемычкой двери гробницы въ Антифеллѣ, Durm, Baukunst der Griechen, 282, рис. 64.

[3]) Ростовцевъ, Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ, Спб. 1908, 116 сл.

[4]) Птицы имѣютъ ближайшее отношеніе спеціально къ героямъ и гробницамъ героевъ, см. свидѣтельства и литературу, указанную въ приведенной статьѣ Маккіоро; ср. птицу, сидящую на погребальной іонической колонкѣ на италійской вазѣ, De-Witte, Elite céramogr. IV, pl. XCIV; Pagenstecher, Unteritalische Grabdenkmäler, 58.

[5]) Въ высшей степени интересно сравнить во всѣхъ отношеніяхъ декоровку нашей гробницы съ такимъ памятникомъ вполнѣ зрѣлаго архаизма іоническаго типа, какимъ является tomba dei Tori въ Корнето. И здѣсь мы имѣемъ низкую стѣну, увѣнчанную сложнымъ карнизомъ. Наверху карниза и здѣсь рядъ вертикальныхъ, правда, сильно стилизованныхъ украшеній, встрѣчающихся и въ современныхъ вазахъ, но въ нашемъ памятникѣ несомнѣнно играющихъ роль нашихъ балюстровъ.

Коверъ.

Та же идея подчеркнута, наконецъ, и тѣмъ, что сводъ склепа не окрашенъ, т. е. нейтраленъ, въ противоположность окрашенной сверху до низу стѣнѣ, посрединѣ же его брошенъ коверъ (см. табл. XIV, XV).

Что передъ нами дѣйствительно коверъ, въ этомъ сомнѣнiй быть не можетъ: слишкомъ характерны и кисти на его углахъ и орнаменты его въ видѣ городковъ и длинныхъ зубцовъ, типичные для ткацкаго производства и специально для тѣхъ ковровъ, которые появляются такъ часто, какъ покрытiя ложа въ этрусскихъ гробницахъ и на греческихъ вазахъ. Тѣ же орнаменты постоянно встрѣчаются на греческихъ вазахъ, преимущественно такъ называемыхъ тарентинскихъ, и на тканыхъ, сплошь покрытыхъ полосами различныхъ орнаментовъ, одеждахъ дѣйствующихъ лицъ изображенныхъ на нихъ сценъ [1]). Наконецъ, эти же орнаменты, особенно такъ называемые зубцы или городки, составляютъ типическую особенность половыхъ мозаикъ, начиная съ эллинистическихъ временъ; особенно интересны въ этомъ отношенiи большiя мозаики Пергама и Делоса [2]). Связь половыхъ мозаикъ съ коврами, замѣстителями которыхъ онѣ, несомнѣнно, являются, подчеркивается этимъ особенно рельефно.

Страннымъ, однако, можетъ показаться на первый взглядъ помѣщенiе ковра на сводѣ, какъ бы висящимъ въ воздухѣ. Для объясненiя этого слѣдуетъ припомнить то, что сказано выше о покрытiи ковромъ тѣхъ погребальныхъ катафалковъ, на которыхъ везли покойника, а также многократно засвидѣтельствованный обычай покрывать саркофаги роскошными коврами. Къ примѣрамъ, приведеннымъ Вацингеромъ [3]), присоединю страннымъ образомъ ускользнувшiй отъ него примѣръ имъ же изданнаго памятника: я имѣю въ виду (см. табл. XLVIII, 2) коверъ, нарисованный на крышкѣ саркофага изъ Магдолы (Watzinger, Holzsarkophage, 33, № 9, рис. 60—62). Не стану описывать этотъ коверъ подробно, одинъ взглядъ на табл. XLVIII, 2, подтвердитъ правильность моего обозначенiя: достаточно взглянуть на языки узкихъ концовъ и на городки одного изъ внутреннихъ поясовъ.

Можно поэтому предположить, что художникъ какъ бы поднялъ коверъ надъ гробомъ, заставивъ его парить въ воздухѣ [4]). Можетъ быть, однако, правильнѣе

Кромѣ того, на карнизѣ, на нейтральномъ бѣломъ фонѣ развертывается нѣсколько сценъ, хотя и обсценнаго, но, вѣроятно, ритуальнаго характера. Наконецъ, что особенно важно и позволяетъ иначе судить о прототипахъ такъ называемаго перваго стиля, чѣмъ это дѣлаетъ Тиршъ (см. ниже), надъ заключительнымъ карнизомъ низкой стѣны,—стѣна, какъ въ Sidi Gaber, продолжается и заключается новымъ карнизомъ. Передъ нами такимъ образомъ настоящiй ἦρῷον совершенно того же типа, что и въ Sidi Gaber въ Александрiи, и въ нашей гробницѣ. Ясно такимъ образомъ, что прототипа и самихъ памятниковъ, и ихъ живописной декоровки надо искать въ области iонiйскаго архаизма, отъ котораго въ одинаковой степени зависятъ и Этрурiя, и Македонiя, и югъ Россiи, и Александрiя. Подробнѣе объ этомъ во второй части.

[1]) Указывать отдѣльные примѣры ковровъ въ этрусскихъ гробницахъ и тканыхъ одеждъ на вазахъ было бы излишне. Сопоставленiе всего матерiала могло бы дать чрезвычайно интересную и важную работу объ исторiи и орнаментикѣ iонiйской текстильной промышленности. О коврахъ на ложахъ и стульяхъ въ Грецiи см. замѣчанiя Лёшке у Vollmoeller, *Ath. Mitth.* 1901, 351; ср. Ransom, Couches and beds, 66 сл.

[2]) См. Bulard, *Monuments Piot*, XIV, табл. XII и XIII (мозаика изъ дома дельфиновъ); Altertümer von Pergamon, VII Text II, 350, № 445 (кусокъ рельефа съ изображенiемъ эллинистическаго ковра); Wiegand-Schrader, Priene, 380 сл.; Ransom, Couches and beds, табл. IV. Большая мозаика изъ Пергама, хранящаяся въ Берлинѣ, къ сожалѣнiю, до сихъ поръ не издана. На ней текстильный характеръ нѣкоторыхъ орнаментовъ особенно ярко выраженъ.

[3]) Watzinger, Holzsarkophage, 18.

[4]) Такъ изображенъ, напр., коверъ на извѣстной вазѣ изъ Дипильскаго некрополя, см., напр., K. Müller, Der Leichenwagen etc., стр. 12, рис. 1.

будетъ вспомнить для объясненія этого паренія ковра въ воздухѣ декоровку плафона главнаго помѣщенія центральной гробницы въ некрополѣ нынѣшняго александрійскаго квартала Anfouchy, къ сожалѣнію, до сихъ поръ только кратко описанную, нигдѣ не изданную и никѣмъ правильно не понятую [1]). Здѣсь долго было бы описывать этотъ плафонъ; это могло бы быть сдѣлано только при изданіи до сихъ поръ неизданной гробницы (см. табл. XXV, 2; общій видъ комнаты съ интересующимъ насъ плафономъ). Укажу только на то, что при повторномъ изученіи этого плафона я убѣдился, что онъ можетъ быть понятъ и объясненъ только при томъ предположеніи, что черныя полосы, раздѣляющія его на квадраты, вмѣстѣ съ центральными вдвое болѣе широкими полосами изображаютъ рѣшетчатый цилиндрическій навѣсъ надъ помѣщеніемъ гробницы, навѣсъ, на который сверху брошенъ богато затканный пестрый коверъ, бордюръ котораго выдѣленъ рядомъ вотканныхъ въ него фигурныхъ изображеній. Это станетъ вполнѣ яснымъ, если обратить вниманіе на то, что линіи, отдѣляющія этотъ бордюръ, не совпадаютъ съ линіями предполагаемой рѣшетки, далѣе, что линіи, обрамляющія красную сплошную середину ковра, также не совпадаютъ съ линіями бесѣдки и, кромѣ того, внѣшній бордюръ этого центра ковра какъ разъ даетъ характерный орнаментъ сложныхъ, поставленныхъ другъ противъ друга городковъ. Схема ковра получается при этомъ такая (см. рис. 12): красная середина, обрамленная тройною каймою, затѣмъ рядъ квадратовъ, украшенныхъ каждый въ центрѣ женскою или мужскою головою и, наконецъ, внѣшній сплошной бордюръ съ иллюзіонистически изображенными сценами того же стиля, который мы знаемъ изъ фризовъ делосскихъ росписей и фриза черной комнаты фарнезинскаго дома въ Римѣ.

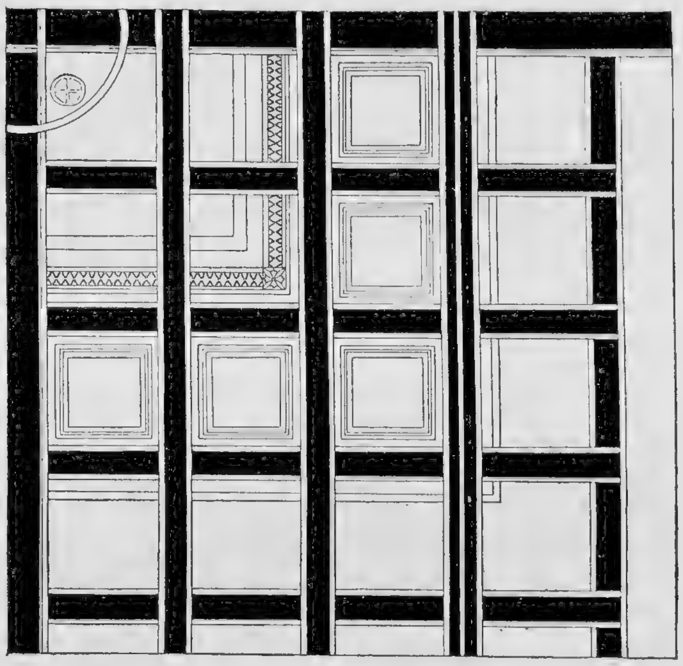


Рис. 12. Схема одной четвертой части плафона главной комнаты гробницы въ Анфуши.

(Съ наброска автора, рис. М. В. Фармаковскаго).

Такой коверъ, брошенный на крышу ажурной бесѣдки надъ гробницей, для всякаго египтолога отнюдь не покажется неожиданностью [2]): египетскія лодки и теперь, какъ и въ древности, покрывались такими бесѣдками, устланными сверху циновками или коврами, лодки же были въ Египтѣ тѣмъ же, чѣмъ были въ Іоніи катафалки, на которыхъ трупъ привозился къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Такія лодки-катафалки, крытыя циновками или коврами, постоянно бываютъ находимы въ гробницахъ фараоновскаго Египта [3]) и показываютъ, что катафалкъ, крытый

---

[1]) См. Schiff, Die Alexandrinischen Dipinti, Berlin 1905, 25, ср. 14, прим. 2 (литература).

[2]) См. три погребальныхъ ложа съ балдахиномъ: одно XIII династіи, другое эллинистическаго времени въ Капрѣ и третье въ Эдинбургѣ. Maspero, L'archéologie égyptienne, Paris 1907, стр. 284 слл., рис. 278 и 279. Балдахинъ въ Эдинбургѣ покрытъ плоско-сводчатой крышей, балдахинъ изъ Ахмима—рѣшеткой, на которой, очевидно, лежалъ коверъ, ср. K. Müller, Der Leichenwagen etc., 2 слл.

[3]) См. Maspero, L'archéologie égyptienne, стр. 290; ср. лодку, изображенную на табл. XXV, 1.

ковромъ, имѣетъ двойное происхожденіе: отъ войлочной или циновочной кибитки кочевника Передней Азіи, съ одной стороны, и отъ крытой ковромъ лодки египтянина съ другой. При такихъ условіяхъ ничего неестественнаго не было изобразить коверъ прямо на сводѣ, какъ это и дѣлали египетскіе мастера, расписывая плафоны: при этомъ они могли либо намѣтить и оссатуру потолка, и въ этомъ случаѣ появлялся такъ называемый плафонъ съ кассетами, или не намѣчать ея, и тогда появлялся на сводѣ рисунокъ, свойственный спеціально ковру, какъ таковому.

Эллинизмъ съ его стремленіемъ къ реализму повторялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эту старую эволюцію, но удержалъ и коверъ и бесѣдку, какъ реальность, не схематизируя и не стилизируя. Естественно было ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ одной изъ составныхъ частей отказаться, опустивъ бесѣдку-трельяжъ или подставки катафалка и оставивъ на плафонѣ коверъ [1]).

Общій характеръ погребальнаго обряда и обстановки.

Описанный и разобранный выше характеръ погребальныхъ обряда, обстановки и росписи курганныхъ погребеній Б. Близницы и Васюринской горы даетъ типичную картину, знакомую намъ по культу героевъ въ исторической Греціи. Всѣ черты совпадаютъ. Сама погребальная постройка носитъ явно выраженный характеръ героона. Въ культѣ героевъ сохранились, какъ мы видѣли, и типичные для нашихъ погребеній боѳръ и эсхара. Въ обрядѣ погребенія мы имѣемъ ясныя указанія на типичныя особенности жертвоприношеній въ честь героевъ: сначала закланіе жертвеннаго животнаго надъ эсхарой и боѳромъ (ἐντέμνειν) и затѣмъ сжиганіе всего жертвеннаго животнаго на такъ называемыхъ въ отчетахъ о раскопкахъ «жженыхъ точкахъ» вмѣстѣ съ погребальнымъ катафалкомъ и рядомъ предметовъ утвари (ἐναγίσματα, ὁλοκαυτώματα, Hesych. и Suid. s. v.; Stengel, *Hermes* XXVII, 61). Характерно присутствіе на этихъ «жженыхъ точкахъ» черепковъ разбитыхъ здѣсь рыбныхъ блюдъ. Это, можетъ быть, стоитъ въ связи съ жертвоприношеніемъ и сжиганіемъ рыбъ въ честь героевъ (Ziehen, Leges Sacrae, 144; Athen. VIII, 334e и 334c). О принесеніи въ жертву собаки уже была рѣчь выше. Характерно, что принесеніе въ жертву лошадей составляетъ одну изъ особенностей культа героевъ (см. Eitrem, P. W., R. E., VIII, I, 1124), равно какъ и наблюденное, напр., въ Куль-обскомъ склепѣ и др. принесеніе въ жертву человѣка (Eitrem, ibid.). Несомнѣнно, что всѣ эти особенности культа героевъ суть пережитки сѣдой старины (см. Eitrem, ibid. 1123 сл., особ. 1126, 55 сл.). Естественнѣе всего было бы поэтому видѣть въ отмѣченныхъ выше особенностяхъ погребенія на югѣ Россіи такіе же пережитки, удержавшіеся на периферіи греческаго міра, вмѣстѣ съ архитектурной формой склепа, воспроизводящаго часто высоко-архаическія постройки Греціи, острововъ и Малой Азіи.

Но противъ этого говоритъ рядъ соображеній, прежде всего то, что вся «героическая» обстановка погребенія, знакомая намъ на югѣ Россіи въ IV и послѣдующихъ вѣкахъ до Р. Х., не наблюдена до сихъ поръ въ погребеніяхъ архаическихъ и какъ будто не имѣетъ на нашемъ югѣ прецедентовъ.

---

[1]) О коврѣ надъ погребальнымъ ложемъ или погребальной колесницей см. выше стр. 48 слл., ср. Pfuhl, Das Beiwerk auf den ostgriechischen Grabreliefs. *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XX (1905), 139 слл. Къ приведеннымъ у него примѣрамъ прибавлю третью камеру большого склепа кургана Султанъ-гора около Анапы. Здѣсь отъ задней стѣны ко входной шли параллельныя перекладины надъ гробомъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что на этихъ перекладинахъ лежалъ коверъ, осѣнявшій стоявшій въ центрѣ камеры гробъ, ср. ниже гл. III о вѣроятности покрытія ковромъ или матеріей стѣнъ склепа (въ нашемъ курганѣ во всѣ стѣны вбиты гвозди). См. О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. XXVIII.

Возможно поэтому думать, что весь этотъ укладъ пришелъ къ намъ извнѣ и укрѣпился у насъ вмѣстѣ съ представленіемъ о покойникѣ, какъ о героѣ, причемъ «геройскій» обрядъ могъ подвергнуться вліянію со стороны мѣстныхъ обычаевъ, какъ они описаны Геродотомъ. Здѣсь не мѣсто входить въ трактовку этихъ проблемъ. Указываю на нихъ только для того, чтобы обратить вниманіе изслѣдователей, раскапывающихъ курганы, на важность полнаго разслѣдованія всего кургана, что одно даетъ возможность выяснить всѣ подробности обряда, и на необходимость точнѣе изслѣдовать обрядъ погребенія архаической эпохи [1]).

Указанныя соображенія даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ понять всю важность результатовъ, добытыхъ тщательнымъ анализомъ нашихъ памятниковъ, какъ для исторіи нашего юга, такъ и для исторіи античнаго міра вообще. Нигдѣ мы не имѣемъ такой полной картины обряда геройскаго погребенія, какъ въ только что описанныхъ гробницахъ и другихъ имъ аналогичныхъ, о которыхъ частью еще будетъ рѣчь. Съ этимъ обрядомъ погребенія и съ лежащими въ основѣ его представленіями стоитъ въ тѣснѣйшей связи и характеръ росписи гробницъ, какъ это было выяснено выше.

Но роспись нашего склепа важна не только съ этой точки зрѣнія. Она представляетъ весьма интересный этапъ въ исторіи декоративной живописи вообще и должна быть поэтому вкратцѣ разсмотрѣна и съ этой точки зрѣнія.

Анализъ росписи.

Способъ декоровки низкой іонической стѣны перибола нашего героона въ значительной степени отличается и отъ способа декоровки гробницы Б. Близницы, и отъ того, который обыкновенно называется первымъ помпеянскимъ декоративнымъ стилемъ. Отъ Б. Близницы его отличаетъ то, что стѣна сплошь раскрашена и очень тщательно дифференцирована горизонтально на рядъ декоративныхъ полосъ, имѣющихъ каждая свою декоративную, а въ оригиналахъ (которыми были, какъ увидимъ во второй части, настоящія стѣны, сложенныя изъ квадровъ) и структивную важность, и соотвѣтственную характеристику; отъ такъ называемаго 1-го стиля наша декоровка отличается тѣмъ, что стѣна надъ панелью, ороостатами и дѣлящимъ ороостаты отъ средней части стѣны поясомъ (т. наз. Deckschicht) не дифференцирована на квадры, а окрашена сплошь въ одну краску, въ данномъ случаѣ ярко красную (декоровку дромоса я пока оставлю въ сторонѣ).

Въ этой схемѣ распредѣленія декорированныхъ частей и ихъ трактовки склепъ Васюринской горы стоитъ далеко не одиноко. Онъ даетъ лишь наиболѣе типичный примѣръ этого способа и вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно важно, впервые даетъ возможность болѣе или менѣе точно датировать эпоху наибольшаго расцвѣта этого прототипа перваго стиля.

Наиболѣе близкую параллель нашей декоровкѣ даетъ декоровка одного жилого дома въ Делосѣ. Домъ этотъ выходитъ на третью и вторую улицы, соединяющія улицу театра съ улицей, идущей отъ нижняго конца улицы театра на востокъ къ театру же (см. планъ въ отчетѣ Chamonard, BCH. 1906 (XXX), pl. IX; декоровка дома не вошла въ большую публикацію Bulard о фрескахъ и мозаикахъ Делоса,

[1]) До сихъ поръ никто изъ изслѣдователей такъ называемыхъ скиоскихъ кургановъ не ставилъ себѣ задачей, главнымъ образомъ, изслѣдованіе обряда погребенія. Съ этой точки зрѣнія ни одинъ изъ раскопанныхъ кургановъ не былъ дослѣдованъ до конца. Поэтому я съ полною увѣренностью могу утверждать, что обряда скиоскаго погребенія мы не знаемъ, и то, что говорится объ этомъ во всѣхъ научныхъ и популярныхъ книгахъ, всегда неполно, а частью неточно. Нельзя говорить о знакомствѣ съ обрядомъ погребенія тамъ, гдѣ не выяснены вопросы ни о хронологіи отдѣльныхъ погребеній, ни о мѣстныхъ особенностяхъ погребеній, тамъ, гдѣ диллетанты копаютъ, какъ хищники, а многіе ученые—какъ диллетанты.

Monuments Piot, XIV). Домъ этотъ выстроенъ очень хорошо въ обычной делосской техникѣ и ничѣмъ не отличается отъ большинства домовъ Делоса. И планъ дома обыченъ. Особенностью его до извѣстной степени являются два входа, ведущіе въ перистиль дома изъ обѣихъ улицъ и сдѣланные не по серединѣ сѣверной и южной стѣнъ, а ближе къ В. Интересующая насъ декоровка находится въ сѣверной изъ двухъ комнатъ, съ В. примыкающихъ къ перистилю.

Декоровка имѣетъ слѣдующую схему: надъ бѣлой панелью или цоколемъ (выс. 0,24), нѣсколько выступающимъ впередъ, идутъ черные орѳостаты, почти квадратные (в. 0,83), выдѣланные рельефно; фуги орѳостатовъ обозначены вдавленными линіями. Надъ орѳостатами идетъ поясъ изъ одного ряда бѣлыхъ прямоугольниковъ съ рельефно выступающей средней частью и фугами въ видѣ вдавленныхъ линій (в. 0,165). Поясъ не орнаментованъ и не обрамленъ снизу и сверху орнаментованными профилями, что является почти правиломъ для обычныхъ делосскихъ декоровокъ. Надъ поясомъ идетъ сплошное карминно-красное поле безъ всякаго дѣленія на квадры, а подъ этимъ полемъ эпистиль. Здѣсь декоровка сбита, но надъ эпистилемъ, конечно, шли фризъ и карнизъ.

Въ стѣнахъ комнаты рядъ нишъ: въ восточной стѣнѣ въ центрѣ краснаго поля симметрично расположены двѣ ниши, кверху онѣ суживаются, заключены, какъ и ниши нашего склепа, въ стуковыя профилированныя рамки; между ними надъ орѳостатами третья того же типа. Въ западной стѣнѣ немедленно надъ поясомъ большое окно въ перистиль, широко открывающееся въ комнату и суживающееся къ перистилю; обрамлено такъ же, какъ и ниши.

Въ перистилѣ первоначально была, какъ кажется, такая же декоровка, покрытая впослѣдствіи другой, отъ которой сохранился только нижній слой грубаго стука. Въ залѣ къ З. отъ перистиля декоровка обычнаго типа, очень простая [1]).

Другую, довольно близкую, аналогію даетъ гробница, открытая около Александріи на берегу моря въ Sidi Gaber, опубликованная Тиршемъ (Thiersch, Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria, Berlin 1904, табл. I—III), особенно такъ называемый атрій, т. е. комната передъ комнатой съ погребальнымъ ложемъ. Надъ голубой скамьею, замѣняющей панель или цоколь, раздѣленной линіями на мелкіе прямоугольники, идутъ окрашенные подъ мраморъ лежачіе орѳостаты двухъ тоновъ, также раздѣленные вдавленными линіями и не профилированные; надъ этимъ сплошная узкая черная выступающая полоса безъ всякаго дѣленія и выше сплошное широкое красное поле, заканчивающееся лѣпнымъ карнизомъ. Пространство надъ этимъ карнизомъ до плоскаго свода заполнено сплошной синей полосой, красной узкой полосой выступающаго фриза, вѣроятно орнаментованнаго побѣгами, и небольшимъ карнизомъ, расписаннымъ лесбійскимъ киматіемъ. За исключеніемъ этого двойного дѣленія верхней части стѣны, остальныя части декоровки въ своихъ пропорціяхъ и распредѣленіи—тѣ же, что и въ склепѣ Васюринской горы; къ этому двойному дѣленію мы еще вернемся. Самая схема, пожалуй, даже проще, чѣмъ въ нашемъ склепѣ: такъ, дѣлящая полоса надъ орѳостатами не характеризована, какъ квадры, карнизъ значительно проще и бѣднѣе.

[1]) Почти та же схема имѣется и въ комнатѣ f дома «Холма» (maison de la Colline) на Делосѣ. Разница только та, что дѣлящій поясъ надъ орѳостатами обрамленъ снизу полосой овъ, сверху полосой плетенія. Надъ нимъ и здѣсь стѣна окрашена въ сплошной красный цвѣтъ безъ дѣленія на квадры, см. Bulard, *Mon. Piot,* XIV, стр. 105, рис. 40. То же наблюдается и въ корридорѣ на в. отъ перистиля въ домѣ Діадумена (BCH. 1895, 509 слл., табл. IV; Bulard, l. l., 109). Къ сожалѣнію, Bulard не далъ себѣ труда прослѣдить, не старше ли эта декоровка, чѣмъ тѣ, которыя вполнѣ обычны для Делоса, т. е. даютъ верхъ стѣны раздѣленнымъ на квадры.

Дальнѣйшія аналогіи даетъ комната съ ложемъ: здѣсь нижняя бѣлая, не расчлененная часть стѣны заканчивается украшеннымъ киматіемъ карнизомъ, на которомъ изображены были лежащими какіе-то предметы: были ли это архитектурныя украшенія вродѣ нашихъ балюстровъ, или предметы, имѣющіе отношеніе къ загробной жизни, какъ гранатовыя яблоки и под. въ вышеуказанныхъ гробницахъ Неаполя, установить этого Тиршу не удалось; мнѣ не пришлось видѣть даже указанныхъ Тиршемъ слѣдовъ. Верхъ стѣны съ его условными колонками, фризомъ и карнизомъ съ подвѣшенными къ нему гирляндами и предметами вооруженія находитъ себѣ аналогію въ гробницѣ Эретріи, о которой ниже; но декоровкѣ склепа Васюринской горы онъ аналогіи не представляетъ. Тѣмъ интереснѣе то, что въ плафонѣ, заполняя весь его центръ, представленъ большой коверъ; онъ изображенъ на голубомъ фонѣ между рядами кассетъ съ боковъ и какъ бы закрываетъ, такимъ образомъ, отверстіе въ потолкѣ погребальной камеры. Основная идея здѣсь, такимъ образомъ, несомнѣнно та же, что и въ погребальной камерѣ Анфуши, и въ нашемъ склепѣ: обнесенный стѣнами ἡρῷον, здѣсь, однако, съ верхней надстройкой и притомъ сквозной, за которой и надъ которой видно голубое небо черезъ сквозной верхъ стѣны и лежащій на немъ трельяжъ; въ большомъ атріи трельяжъ, можетъ быть, покрытъ сплошнымъ ковромъ, въ погребальной камерѣ коверъ закрываетъ только ея бока. Несомнѣнно, однако, что въ Сиди-Габерѣ основное представленіе о героонѣ подъ открытымъ небомъ затемнено и стилизовано: верхніе просвѣты въ главной камерѣ трактованы, какъ настоящая стѣна, окрашенная въ голубой цвѣтъ, въ которой возможно выдолбить нишу; трельяжъ потолка уже превратился въ потолокъ или сводъ, раздѣланный кассетами.

При нынѣшнемъ состояніи декоровки упомянутой выше гробницы въ курганѣ около Эретріи трудно судить, имѣла ли ея первоначальная декоровка больше общаго съ декоровкой нашей камеры и камеры Sidi Gaber, или съ болѣе простыми декоровками стѣнъ македонскихъ и ѳракійскихъ склеповъ; голубой фонъ, на которомъ висѣли сначала настоящіе, а затѣмъ написанные около настоящихъ гвоздей предметы погребальной утвари (на боковыхъ стѣнахъ въ одинъ рядъ у пяты свода, на задней въ два ряда у пяты люнетки и въ самой люнеткѣ), можетъ быть истолкованъ и какъ голубая полоса верха декоровки камеры Сиди-Габеръ, и какъ остатки сплошной окраски стѣны, какъ въ склепахъ Македоніи и Ѳракіи; невыясненнымъ остается и то, были ли вбиты гвозди въ карнизъ, какъ въ ниже разбираемомъ склепѣ Керчи, или прямо въ сплошную окраску стѣны.

Насколько декоровка гробницы въ Сиди-Габеръ сложнѣе декоровки нашей гробницы при всемъ сходствѣ основной схемы обѣихъ, настолько проще обѣихъ — при такомъ же сходствѣ въ основномъ и главномъ — декоровка одной гробницы въ македонской Ѳракіи, открытой въ 1892 г. Kinch'омъ (см. Kinch, Beretning om en archäologiske Reise i Makedonien, Kjobenhavn 1893), до сихъ поръ не опубликованной. Благодаря любезности г-на Kinch'а, я имѣю возможность дать характеристику декоративной системы этой въ высшей степени интересной гробницы. Надъ сѣрой панелью или цоколемъ (в. 0,16) идутъ желтые ороостаты, раздѣленные между собою вдавленными линіями (в. 0,67), затѣмъ широкое (1,18) красное поле и, наконецъ, голубой фризъ (0,20), на которомъ изображены плохо сохранившіеся зеленые побѣги съ красными цвѣтами. Чрезвычайно досадно, что фризъ, въ высшей степени интересный для сравненія съ фризомъ склепа Б. Близницы, такъ плохо сохранился. Въ люнеткѣ сводчатой камеры противъ входа изображено на

бѣломъ фонѣ сраженіе коннаго ѳракійца съ пѣшимъ врагомъ, о которомъ намъ еще придется говорить; вторая люнетка покрыта сплошнымъ бѣлымъ стукомъ.

Аналогія системы декоровки съ декоровкой нашей камеры почти полная: нѣтъ только дѣлящаго пояса изъ узкихъ квадровъ; заключеніе стѣны, кромѣ того, ближе напоминаетъ заключеніе стѣны склепа Б. Близницы, не подчеркивая идеи стѣны безъ крыши, окружающей ἡρῷον.

Болѣе простое украшеніе дромоса склепа кургана Васюринской горы, состоящее только изъ карниза и стѣны, раздѣленной на квадры, находитъ себѣ соотвѣтствіе прежде всего въ ниже публикуемомъ расписномъ склепѣ въ Анапѣ (тамъ же о немъ рѣчь будетъ подробнѣе), а затѣмъ какъ въ Македонскомъ склепѣ Палатицы (см. Heuzey et Daumet, Mission en Macédoine, табл. 18), такъ и въ цѣломъ рядѣ наиболѣе простыхъ декоровокъ Делоса. Разница только та, что, если вѣрить рисунку Гросса, въ дромосѣ совершенно нѣтъ ни панели, ни орѳостатовъ, между тѣмъ какъ въ склепѣ Македоніи и на Делосѣ это вездѣ необходимыя составныя части.

Значеніе росписи.

Значеніе росписи Васюринскаго склепа для исторіи стѣнной декоративной живописи, какъ видно изъ приведенныхъ параллелей, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ этомъ склепѣ мы имѣемъ первый сравнительно точно датированный примѣръ очень распространенной не только въ росписи гробницъ декоративной системы, объясняющій многое въ исторіи декоративной живописи до такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля и позволяющій лучше понять генезисъ послѣднаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наша система декоровки стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ развитіемъ греческой архитектуры и ея декоративныхъ принциповъ. Подробнѣе рѣчь будетъ объ этомъ во второй части моей книги. Здѣсь укажу лишь на то, что уже въ аѳинскихъ Пропилеяхъ въ с.-з. крылѣ, въ такъ называемой Пинакотекѣ, мы имѣемъ ту же систему внутренняго украшенія, что и въ нашей гробницѣ: панель, орѳостаты, два ряда квадровъ, затѣмъ миніатюрный карнизъ изъ элевсинскаго камня, за нимъ сплошное поле стѣны, вѣроятно, покрытое штукатуркой и окрашенное въ сплошной цвѣтъ, и, наконецъ, болѣе массивный карнизъ. Буквально то же наблюдается и въ портикахъ храма Аѳины въ Пергамѣ [1]), а также на главныхъ площадяхъ двухъ эллинистическихъ городовъ М.-Азіи— Магнесіи на Мэандрѣ и Пріены [2]).

Разница между всѣми упомянутыми архитектурными сооруженіями и нашей системой стѣнной декоровки только та, что низы стѣнъ въ Аѳинахъ, Пергамѣ, Пріенѣ и Магнесіи на Мэандрѣ сложены изъ настоящихъ мраморныхъ квадровъ и только верхъ облицованъ штукатуркой и окрашенъ.

---

[1]) Наблюденіе надъ связью между системой росписи склепа Васюринской горы и декоративной системой Пинакотеки сдѣлано было мною уже давно и изложено подробно въ одномъ изъ моихъ докладовъ въ Археологическомъ обществѣ. Отмѣчаю это потому, что недавно Дерпфельдъ, внѣ связи съ памятниками росписи собственной Греціи, далъ очень убѣдительную и полную реконструкцію внутренней декоровки какъ Пинакотеки, такъ и портиковъ храма Аѳины въ Пергамѣ. Изложенныя выше данныя блестяще подтверждаютъ реконструкцію Дерпфельда. См. W. Dörpfeld, *Ath. Mitth.* 1911 (XXXVI), 51 слл. и 87 слл. См. также Bulard въ *Mon. Piot* XIV, 116 слл.

[2]) См. Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, 138, рис. 149, 150; почти то же въ пританеѣ. И здѣсь мы имѣемъ плинтусъ, орѳостаты, полосу квадровъ, карнизъ съ фризомъ и надъ этимъ стѣну изъ известняка, оштукатуренную и окрашенную въ красный цвѣтъ (иногда и эта окрашенная стѣна разбита на квадры, трактованные рельефно). Ср. Wiegand u. Schrader, Priene, 191: надъ цоколемъ и здѣсь орѳостаты (0,59 м.), затѣмъ узкая дѣлящая полоса (0,12 м.) и стѣна, сложенная изъ бута (карниза нѣтъ), оштукатуренная и окрашенная.

Прямой переходъ отъ нашей системы ведетъ къ памятникамъ, украшеннымъ въ такъ называемомъ первомъ помпеянскомъ стилѣ, о чемъ, однако, рѣчь будетъ ниже, при разборѣ декоровки нѣкоторыхъ пантикапейскихъ домовъ эллинистическаго времени [1]).

Литература.

Отчетъ Имп. Археолог. Коммиссіи за 1868 г., стр. XIII сл.; Стефани, Приложеніе къ *Отчету Имп. Арх. Комм.* за 1869 г., стр. 173, 176; Тизенгаузенъ, *Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества* II (1870), стр. 44 сл.: Раскопки на Таманскомъ полуостровѣ; Гёрцъ, Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Москва, 1870, стр. 66 (ср. Собраніе сочиненій I, стр. 79 сл.). Часть рапорта Люценка, содержащая описаніе расписного склепа, опубликована съ примѣчаніями В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Таврич. Уч. Арх. Коммиссіи* 42 (1908), стр. 60 сл. О новомъ открытіи склепа и сдѣланныхъ при этомъ находкахъ — Шкорпилъ въ *Изв. Имп. Арх. Коммиссіи,* 35, стр. 47, ср. онъ же въ *Изв. Таврич. Арх. Коммиссіи* l. l., прим. 33 и 36, и Ростовцевъ, газ. «*Страна*» за 1906 г., 177. Изъ отдѣльныхъ упоминаній въ общей археологической литературѣ отмѣчу Vollmoeller, Griechische Kammergräber mit Totenbetten, Bonn, 1901 (диссертація), 32 сл. и Pfuhl, *Jahrb. d. d. Arch. Inst.*, 1905 (XX), 140 сл.

[1]) Еще ближе, чѣмъ декоровка перваго стиля, стоятъ къ нашимъ нѣкоторыя декоровки 2-го стиля; см. мою работу Hellenistisch-römische Architekturlandschaft (*Röm. Mitth.* 1911), 119 слл.

III. Керченскій расписной склепъ, открытый въ 1908 г.

(Табл. XXVI, XXVII, 5 и XXVIII; рис. 13, 14).

Мѣстонахожденіе и исторія открытія.

Склепъ расположенъ на сѣверномъ склонѣ Митридата внѣ города и его предмѣстій по направленію къ Золотому Кургану (см. планъ табл. I, № 17). Мѣсто это извѣстно, главнымъ образомъ, со времени раскопокъ графа А. А. Бобринскаго 1891 г. (см. О. И. А. К. 1891 г., стр. 26 сл.) тѣмъ, что здѣсь надъ курганнымъ некрополемъ V—IV и послѣдующихъ вѣковъ до Р. Хр. образовалась съ теченіемъ времени, но еще въ древности, глубокая (до 7 метровъ) насыпь: очевидно, это одно изъ мѣстъ, выбранныхъ, вѣроятно, въ римское время для свалокъ жителями Керчи. Склепъ найденъ былъ В. В. Шкорпиломъ на глубинѣ 7,10 м. въ южной полѣ уже разслѣдованнаго гр. Бобринскимъ въ 1891 г. кургана, гдѣ найдено было пять разновременныхъ гробницъ, въ одной изъ которыхъ оказались черно- и краснофигурные сосуды V в. до Р. Хр.

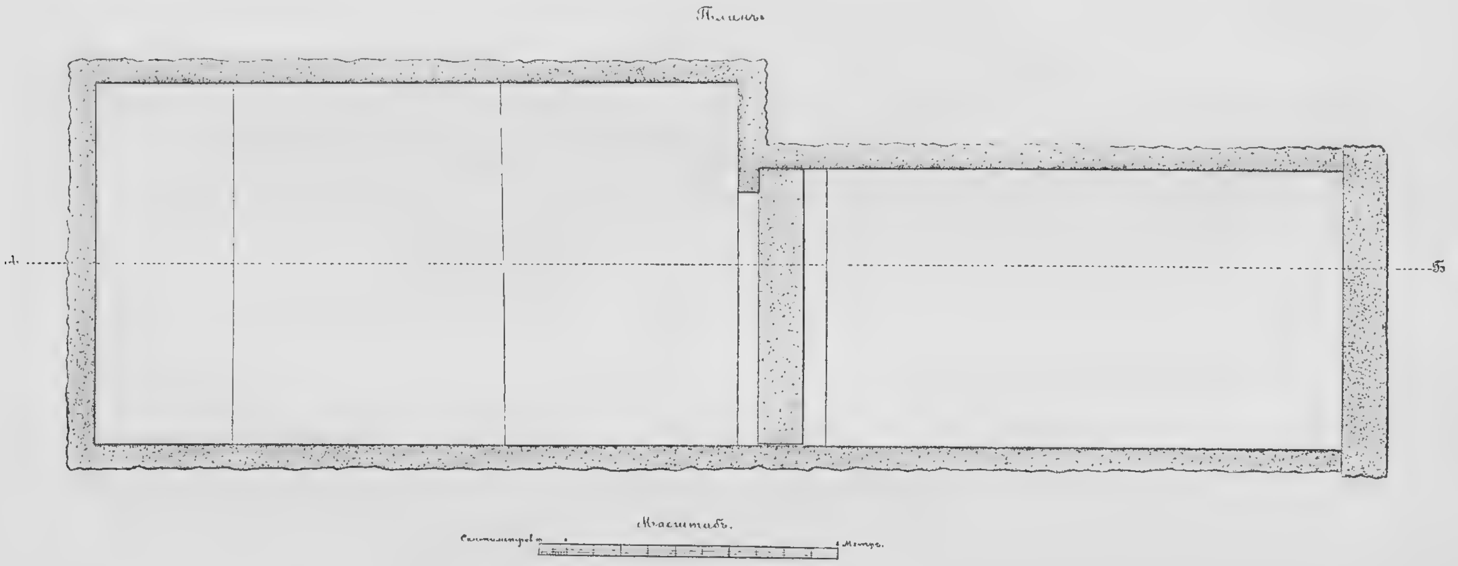


Рис. 13. Планъ склепа 1908 г. (черт. С. Соколова).

Архитектура склепа.

Конструкція склепа чрезвычайно проста и груба. Довольно широкій и длинный дромосъ ведетъ въ нѣсколько болѣе широкую удлиненную погребальную камеру, оріентированную, какъ и дромосъ, съ З. на В. Дромосъ открывался всей своей шириной наружу и былъ заложенъ большой хорошо отесанной плитой крѣпкаго известняка (шир. 1,22 м., выс. 1,32, толщ. 0,16), плотно прилегавшей къ наружнымъ концамъ его стѣнъ. Пространство передъ плитой было завалено глубокимъ и широкимъ слоемъ битаго камня. Стѣнки дромоса сложены изъ пяти рядовъ отесанныхъ плитъ известняка разной толщины: 1-ый рядъ снизу — 0,21, 2-й—0,14, 3-й—0,25, 4-й—0,26, 5-й—0,16; полъ покрытъ каменными плитами, потолокъ сдѣланъ изъ большой хорошо отесанной плиты, положенной прямо на стѣны.

Стѣны дромоса не оштукатурены, въ немъ ничего найдено не было. Длина его 1,88, шир. 1,06, выс. 1,16.

Изъ дромоса въ усыпальницу ведетъ дверное отверстіе съ не профилированными косяками и высокимъ (0,48) порогомъ (толщ. 0,35), шир. отверстія 0,59, выс. 0,60. Дверей не было; отверстіе заложено было хорошо пригнанной снаружи къ косякамъ плитой (шир. 1,01 м., выс. 0,86, толщ. 0,13).

Камера шире и выше дромоса (дл. 2,30, шир. 1,30, выс. 1,38), покрыта тремя неравной величины плитами. Кладка стѣнъ болѣе правильная, чѣмъ въ дромосѣ; сдѣлана, какъ и въ дромосѣ, насухо. Полъ каменный плитный.

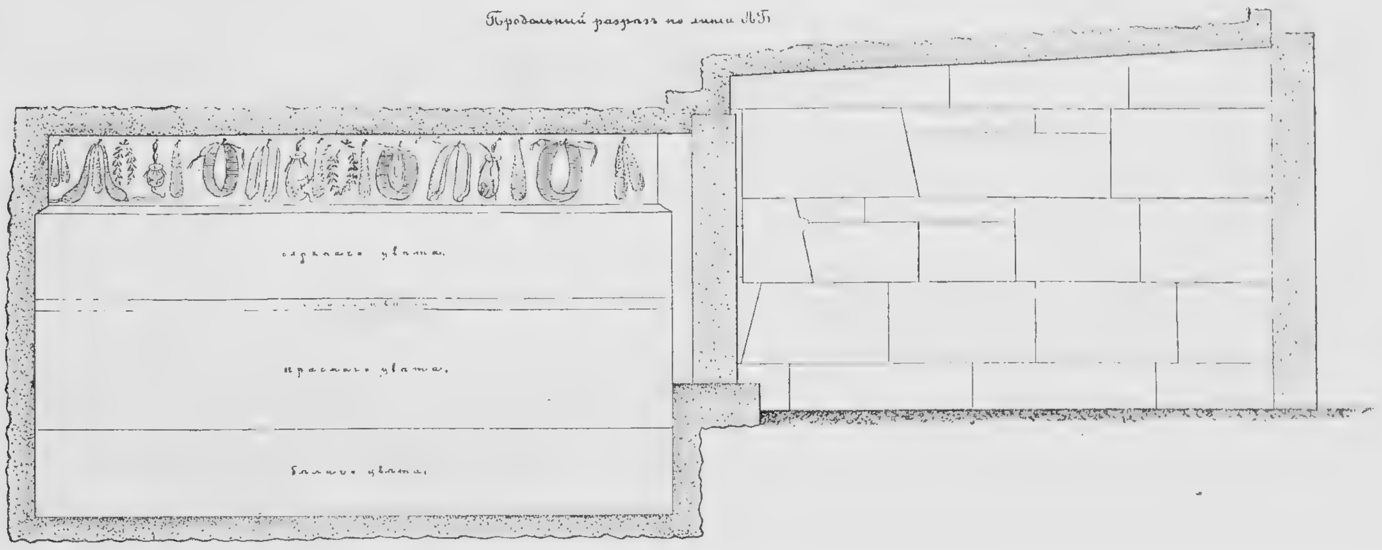


Рис. 14. Разрѣзъ склепа 1908 г. (черт. С. Соколова).

Роспись.

Камера, за исключеніемъ потолка, вся была оштукатурена и расписана. Роспись сдѣлана была отъ руки и на глазъ безъ точныхъ промѣровъ, какъ показываютъ колебанія въ размѣрахъ отдѣльныхъ частей росписи на отдѣльныхъ стѣнахъ камеры, колебанія, достигающія иногда до 5 миллим.

Схема росписи очень проста: надъ цоколемъ, покрытымъ бѣлой, теперь пожелтѣвшей, краской (выс. отъ 0,31 до 0,36) идетъ широкая красная полоса (отъ 0,41 до 0,45), за ней узкая бѣлая какъ бы выступающая прослойка (отъ 0,04 до 0,045) и затѣмъ вплоть до карниза широкая ярко-желтая полоса (отъ 0,32 до 0,34); надъ этой полосой въ камнѣ сдѣланъ большой выступъ, какъ бы примитивный карнизъ съ широкимъ надъ нимъ архитравомъ, трактованнымъ какъ фризъ. Выступъ крытъ желтой краской, фризъ (отъ 0,25 до 0,26)—грязновато-бѣлой (см. табл. XXVI).

Роспись фриза.

На этой бѣлой полосѣ мѣстами изображены очень реально торчащіе въ разныя стороны желѣзные гвозди съ широкими шляпками, на которыхъ подвѣшены различные предметы погребальной утвари (см. табл. XXVI и табл. XXVII, 5).

Предметы эти четырехъ категорій: повязки различныхъ типовъ, вѣнки, сосуды и, въ видѣ исключенія, одинъ разъ стригиль. Особенно богато представлены повязки различныхъ типовъ: 1-ый типъ—одноцвѣтная пурпурная обычнаго типа повязка съ закругленными широкими концами, на которыхъ прикрѣплены пурпурныя же тесемки; сдѣланы эти повязки изъ мягкой матеріи, вѣроятно, шерстяной; 2-ой типъ—пурпуровая твердая и жесткая діадема, затканная узоромъ изъ пальметокъ двухъ типовъ, чередующихся между собой и обрамленныхъ двумя линіями пунктира; пальметки и пунктиръ сдѣланы бѣлой или, вѣрнѣе, лиловато-бѣлой

краской; врядъ ли поэтому здѣсь имѣются въ виду вотканныя золотыя нитки; если вообще думать о металлѣ, то придется предположить серебро; повязка завязана такъ, какъ она прикрѣплялась на головѣ; концы ея круглые, съ тесемкой; подвѣшена она на гвоздь въ томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣланъ узелъ; 3-ій типъ—широкое льняное полотенце бѣлаго цвѣта, сложенное вдвое и подвѣшенное по срединѣ; полотенце украшено параллельными, идущими сверху внизъ, рядами вотканныхъ красныхъ крестиковъ, кружочковъ и точекъ; оборотная сторона иногда имѣетъ голубоватый или желтоватый оттѣнокъ; этимъ мастеръ, вѣроятно, хотѣлъ указать на тѣнь въ складкѣ сложеннаго вдвое толстаго и, можетъ быть, даже накрахмаленнаго полотенца; 4-ый типъ—толстая желтоватая и красноватая повязка, трактованная, несомнѣнно, какъ шерстяная, сдѣланная изъ толстыхъ крученыхъ нитокъ и книзу расширяющаяся тяжелая подвѣска; иногда она является въ видѣ настоящей подвѣски съ кольцомъ на концѣ, иногда въ видѣ настоящей повязки съ расширяющимися концами.

Всѣ вѣнки одного типа: сдѣланы они изъ лавровыхъ вѣтвей, почти всегда съ симметрично разставленными черными плодами; цвѣтъ листьевъ красноватый или желтоватый. Сосуды всѣ одного типа; за исключеніемъ одного, это—продолговатые лекиѳы или арибаллы, глиняные или, скорѣе, кожаные (см. ниже), подвѣшенные на красныхъ тесемкахъ, охватывающихъ горлышко сосуда; тесемки эти украшены звѣздообразно расходящимися и спадающими внизъ красными узкими язычками; верхъ лекиѳовъ бѣлый, нижняя половина—черная, темносѣрая или темнокоричневая. Въ одномъ мѣстѣ арибаллъ сферическій, верхъ его темножелтый, низъ коричневый, подвѣшенъ на одномъ гвоздѣ со стригилемъ.

На отдѣльныхъ стѣнахъ всѣ эти предметы развѣшены поодиночкѣ и попарно безъ какой-либо опредѣленной системы. На задней стѣнѣ слѣва направо: полотенце, пурпурная повязка 1-го типа вмѣстѣ съ шерстяной подвѣской 4-го типа, вѣнокъ безъ плодовъ и арибаллъ, двойная подвѣска 4-го типа, діадема и вѣнокъ съ плодами, полотенце, сзади на другомъ гвоздѣ двойная подвѣска 4-го типа, пурпурная повязка 1-го типа и подъ ней полотенце, густой вѣнокъ съ плодами, арибаллъ. На правой стѣнѣ слѣва направо: небольшая двойная подвѣска 4-го типа, повязка 1-го типа и подвѣска 4-го, вѣнокъ съ плодами, сферическій арибаллъ и стригиль, подвѣска 4-го типа, діадема, полотенце, арибаллъ, подвѣска 4-го типа, вѣнокъ съ плодами, подвѣска 4-го типа, діадема и внутри двойная подвѣска 4-го типа, полотенце, арибаллъ, подвѣска 4-го типа, діадема, двойная подвѣска 4-го типа. Лѣвая стѣна отъ входа слѣва направо: повязка 1-го типа и подвѣска 4-го, небольшая двойная подвѣска 4-го типа, арибаллъ, полотенце, діадема и подвѣска 4-го типа, подвѣска 4-го типа, вѣнокъ безъ плодовъ, подвѣска 4-го типа, арибаллъ, полотенце, подвѣска 4-го типа, діадема и внутри подвѣска 4-го типа, подвѣска 4-го типа, вѣнокъ безъ плодовъ, подвѣска 4-го типа, арибаллъ, частью покрывающій сосѣднюю подвѣску 4-го типа, полотенце, небольшая подвѣска 4-го типа, діадема, вѣнокъ безъ плодовъ между двумя подвѣсками 4-го типа. На входной стѣнѣ направо отъ двери—повязка 1-го типа.

Дата погребенія. Находки въ склепѣ.

Дата погребенія и росписи дается находками, сдѣланными въ склепѣ. Склепъ найденъ былъ не разграбленнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился послѣ послѣдняго въ немъ погребенія. Послѣдній покойникъ былъ положенъ прямо на полъ склепа «головою къ востоку съ малымъ уклономъ къ югу, параллельно къ боковымъ стѣнамъ склепа» [1]).

[1]) Цитую описаніе В. Шкорпила, И. И. А. К., 40, 67.

«Возлѣ лѣвой руки костяка найдены большое точило (0,36 × 0,39 м.) и желѣзный ножъ съ костяной рукояткой и остатками деревянныхъ ноженъ». Для погребенія этого покойника кости четырехъ покойниковъ, лежавшихъ въ склепѣ до него, и вещи, лежавшія около нихъ, были сдвинуты въ кучу у задней стѣны склепа, причемъ часть сосудовъ оказалась перебитой, а одна пелика стояла вверхъ дномъ на порогѣ склепа, непосредственно за плитой, закрывавшей входъ въ склепъ.

На этой пеликѣ поздняго краснофигурнаго стиля изображены, отчасти бѣлой накладной краской на одной сторонѣ крылатый сфинксъ вправо, сидящій на скалѣ (все тѣло написано бѣлой краской). Передъ нимъ сидитъ вправо нагой юноша въ войлочномъ пилосѣ на головѣ; локтемъ правой руки онъ опирается на скалу и держитъ снятый гиматій, лѣвой рукой опирается на копье; голова повернута влѣво къ сфинксу, съ которымъ юноша, очевидно, бесѣдуетъ. Сзади другой юноша, изображенный въ профиль вправо. На немъ петасъ и гиматій съ красной оторачивающей его полосой, застегнутый на правомъ плечѣ; правою рукою юноша оперся въ бокъ, лѣвой опирается на копье съ широкимъ остріемъ (см. табл. XXVIII, 10; И. И. А. К. 40, 67, рис. 4; О. И. А. К. 1908, 112, рис. 148). На другой сторонѣ сосуда обычные на сосудахъ этого рода двое юношей около колонки [1]).

Въ кучѣ костей (среди нихъ четыре черепа) у задней стѣны найдены: краснофигурная пелика съ головами такъ называемыхъ амазонки и лошади (изображеніе вполнѣ обычное на вазахъ, находимыхъ въ Керчи) на одной сторонѣ и двумя обычными фигурами юношей у колонки на другой (табл. XXVIII, 9; И. И. А. К., l. l., рис. 5; О. И. А. К. 1908, 112, рис. 149), фрагментированный чернолаковый киликъ (табл. XXVIII, 1; И. И. А. К., l. l., рис. 6; О. И. А. К. 1908, 114, рис. 153) съ рѣзными, штампованными орнаментами внутри на донышкѣ (табл. XXVIII, 2; И. И. А. К., l. l., рис. 6а; оба сосуда стояли въ лѣвомъ заднемъ углу), одноручный простой глиняный сосудъ (лежалъ на боку возлѣ задней стѣнки), глиняный алабастръ (табл. XXVIII, 6), пять краснофигурныхъ лекиѳиковъ съ пальметками на брюшкѣ (табл. XXVIII, 3 и 5; И. И. А. К., l. l., рис. 7; О. И. А. К. 1908, 113, рис. 151), два такихъ же лекиѳика коричневаго цвѣта, покрытые черной сѣткой и бѣлыми точками (табл. XXVIII, 4, ср. И. И. А. К., l. l., рис. 8), четыре автономныхъ монеты, изъ которыхъ только двѣ, и то съ большимъ трудомъ, удалось опредѣлить (Бурачковъ, XX, 89, ср. табл. XXVIII, 7), и два желѣзныхъ стригиля, сильно попорченныхъ ржавчиной (табл. XXVIII, 8).

Всѣ эти находки и состояніе склепа въ моментъ его открытія позволяютъ думать, что склепъ былъ семейной усыпальницей, въ которой почти одновременно погребены были четыре члена одной и той же семьи. Этотъ семейный склепъ открытъ былъ еще разъ—когда, остается неизвѣстнымъ, но, вѣроятно, значительно позже первыхъ погребеній, какъ показываетъ бѣдность вещей, найденныхъ при пятомъ костякѣ, — причемъ для новаго, пятаго покойника мѣсто было очищено безцеремоннымъ образомъ: кости и вещи прежнихъ покойниковъ были сдвинуты къ задней стѣнѣ; и это говоритъ за то, что пятый покойникъ не принадлежалъ къ членамъ той же семьи. Былъ ли склепъ, однако, при этомъ ограбленъ, т. е. наиболѣе цѣнныя вещи унесены, опредѣленію не поддается; скорѣе нѣтъ, такъ какъ при этомъ что-нибудь, какъ это бываетъ почти всегда въ подобныхъ случаяхъ, было бы забыто или потеряно; подозрительнымъ кажется только то, что

[1]) Изображенія Эдипа, разгадывающаго загадку сфинкса, сопоставлены Höfer'омъ въ Roscher's Myth. Lex. s. v. *Oidipus*, 824, особ. № 60 слл. На нашей вазѣ Эдипъ, по всей вѣроятности,— юноша, сидящій передъ сфинксомъ.

лучшая пелика оказалась на порогѣ, т. е. ее какъ будто хотѣли унести, но потомъ раздумали или забыли. Роспись склепа, конечно, сдѣлана была при его постройкѣ, передъ погребеніемъ первыхъ четырехъ покойниковъ. Время этого погребенія опредѣляется довольно точно вполнѣ однородными вещами, найденными при первыхъ четырехъ костякахъ: всѣ найденныя вазы, несомнѣнно, приблизительно одновременны, т. е. сдѣланы на протяженіи двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ. Время ихъ опредѣляется, во-первыхъ, чернолаковымъ киликомъ прекраснаго блестящаго лака съ пальметкой на днѣ, затѣмъ краснофигурными пеликами поздняго стиля и, наконецъ, отсутствіемъ въ погребеніи вазъ болѣе позднихъ, т. е. типа вазъ Гнаѳіи, и вообще типичныхъ продуктовъ эллинистической керамики. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ думать, что тѣ два-три десятка лѣтъ, въ теченіе которыхъ погребены были первые четыре покойника, падаютъ на послѣднія десятилѣтія IV в. и, можетъ быть, самые первые годы III-го [1]).

Анализъ росписи.

Схема декоровки керченскаго склепа, при всей ея простотѣ, въ высшей степени интересна. Ближайшія параллели къ ней можно прослѣдить, начиная отъ памятниковъ, современныхъ склепу, вплоть до VI в. до Р. Хр. Среди первыхъ наиболѣе близкую параллель даетъ македонская погребальная камера кургана Курино около Пидны (Heuzey et Daumet, Mission en Macédoine, табл. 18). Въ первой передней комнатѣ тройного склепа мы имѣемъ черную панель, сѣрую (?) полосу, затѣмъ синюю дѣлящую узкую полосу и красный верхъ стѣны безъ заключительнаго фриза или карниза. Возможно, впрочемъ, что полоса надъ панелью здѣсь уже была дифференцирована въ подражаніе ороостатамъ, и тогда система будетъ болѣе близка къ системѣ декоровки склепа Васюринской горы [2]).

Еще болѣе близка къ декоровкѣ нашего склепа декоровка дромоса уже не разъ упомянутаго склепа Лангазы въ Македоніи, см. Macridy-bey, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1911, табл. V. Здѣсь мы имѣемъ панель, бѣлое поле, дѣлящую полосу темносѣраго цвѣта, красное поле и надъ нимъ опять бѣлое, заканчивающееся выступающей балкой, надъ которой вбиты гвозди (желѣзные). На этихъ гвоздяхъ, какъ видно по слѣдамъ на штукатуркѣ, подвѣшены были предметы утвари и вооруженія.

Этрусскія гробницы.

Характерно для всей системы декоровки нашего склепа то, что болѣе близкія къ ней параллели мы находимъ не въ памятникахъ III в. до Р. Хр., а въ болѣе древнихъ памятникахъ VI—IV в. до Р. Хр., спеціально въ расписныхъ этрусскихъ гробницахъ.

Гробницы эти съ разными модификаціями въ подробностяхъ даютъ почти постоянно одну и ту же общую схему декоровки, появляющуюся въ выработанномъ видѣ уже въ склепахъ VII—VI вв. до Р. Хр. Система декоровки этрусскихъ гробницъ въ общемъ такова. Стѣна обыкновенно дифференцирована только горизонтально. Она дѣлится на два главныхъ поля, раздѣленныхъ между собою узкой дѣлящей полосой и заключенныхъ сверху не лѣпнымъ, а только написаннымъ фризомъ или карнизомъ.

Такова, напримѣръ, уже схема древнѣйшей расписной гробницы Этруріи, такъ называемой grotta Campana въ Веяхъ [3]). Обѣ половины стѣны здѣсь при-

[1]) См. объ этомъ Б. Фармаковскій, Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ, Спб. 1911 (изъ Сборника въ честь гр. А. А. Бобринскаго), стр. 23.

[2]) Авторы не описываютъ декоровки этой комнаты.

[3]) Сводныя замѣчанія объ отдѣльныхъ расписныхъ гробницахъ Этруріи и ихъ хронологіи съ указаніемъ литературы о каждой гробницѣ и мѣстахъ ея публикаціи можно найти въ добросо-

близительно одинаковой высоты, заключительная и дѣлящая полосы узки, не орнаментованы и не профилированы, панели нѣтъ.

Гораздо болѣе велика дифференціація въ болѣе поздней, но все же еще архаической (по Körte—VI в. до Р. Хр.) гробницѣ dei Tori въ Corneto. Здѣсь на центральной, наиболѣе богато украшенной стѣнѣ главной камеры мы уже имѣемъ и низкую панель, и украшенный деревьями цоколь или нижнюю декорованную часть стѣны, и дѣлящую полосу, украшенную мэандромъ, и вторую верхнюю часть стѣны—главное поле, украшенное изображеніемъ эпизода съ Троиломъ, и, наконецъ, широкій, богато профилированный карнизъ съ орнаментальными эпиѳемами (объ этомъ и о верхней части стѣны, а также о чертахъ сходства въ декоровкѣ этой стѣны и декоровкѣ склепа Васюринской горы см. выше стр. 61, 5).

Богатая дифференціація гробницы dei Tori стоитъ, однако, одиноко среди родственныхъ одновременныхъ и болѣе позднихъ расписныхъ камеръ Этруріи. Преобладаетъ съ различными модификаціями схема гробницы Кампана. Такъ, въ современной tomba dei Tori гробницѣ delle Leonesse въ Корнето панели нѣтъ, а нижняя часть стѣны трактована какъ волны, изъ которыхъ выпрыгиваютъ дельфины. Любопытно, что дѣлящій членъ здѣсь орнаментованъ еще болѣе богато, чѣмъ въ t. dei Tori. Мотивъ волнъ въ нижней части стѣны повторяется въ болѣе позднихъ гробницахъ,—t. del Triclinio, гдѣ, однако, нижняя часть стѣны по своимъ размѣрамъ значительно меньше верхней, какъ и въ t. dei Tori, и играетъ роль цоколя, и tomba del Letto funebre, удерживающей схему t. delle Leonesse [1]).

Въ V в., однако, нижняя часть стѣны рѣдко является мѣстомъ для помѣщенія на ней изображеній, какъ въ t. dei Tori и t. delle Leonesse. Правда, въ t. delle Bighe эта часть украшена деревьями, въ t. detta di Francesca фигурныя изображенія заполняютъ обѣ полосы стѣны и имѣется даже панель, какъ въ t. dei Tori, но обычнымъ является помѣщеніе изображеній только на верхней полосѣ и трактовка низа, какъ не орнаментованнаго цоколя. При этомъ цоколь можетъ быть, какъ въ гробницахъ VI в., одной высоты съ верхней полосой (архаическая t. del Barone въ Corneto, t. d. Scimmia и del Colle въ Chiusi), чаще, однако, онъ значительно ниже (t. dei Auguri, del Cacciatore, d. Vasi dipinti въ Корнето и др.).

Въ нѣкоторыхъ гробницахъ заполняется орнаментомъ и верхняя полоса: такъ, въ упомянутой уже гробницѣ del Letto funebre въ Корнето фризъ заполненъ побѣгами плюща, переходящими и на главное поле, гдѣ изображенъ роскошный садъ, наполненный деревьями и птицами. Старая схема удерживается и въ IV в. Въ t. del Tifone прогрессъ наблюдается только въ томъ отношеніи, что дѣлящая полоса орнаментована триглифами и розетками, вверху же имѣется богато профилированный карнизъ (декоровка центральнаго столба). Характерно также, что старый мотивъ орнаментаціи цоколя—волны и дельфины—перенесенъ здѣсь на верхнюю часть стѣны, гдѣ онъ производитъ очень странное впечатлѣніе. Обычною, однако, является орнаментація верхней полосы только параллельными разноцвѣтными ли-

вѣстной, хотя и компилятивной работѣ F. von Stryk, Studien über die etruskischen Kammergräber, Dorpat 1910 (мюнх. диссертація), къ которой и отсылаю за всѣми подробностями. Тамъ же читатель найдетъ и указанія на то, гдѣ каждая изъ упомянутыхъ мною гробницъ опубликована, и № фотографіи Moscioni. Въ послѣднее время превосходную серію фотографій съ росписей этрусскихъ гробницъ выпустилъ и Алинари.

[1]) Объ этомъ орнаментѣ, его значеніи и его исторіи въ Этруріи см. дѣльное и полное изслѣдованіе Ducati въ *Mon. ant. dei Lincei*, XX, 2, 501 сл., гдѣ указаны и другія гробницы, украшенныя этимъ орнаментомъ.

ніями, причемъ часто къ этой верхней полосѣ подвѣшены гирлянды и повязки, иногда на нарисованныхъ гвоздяхъ, о чемъ ниже подробнѣе [1]).

Ту-же или очень близкую къ этой, особенно же къ древнѣйшимъ стадіямъ декоровки типа Васюринской горы, систему наблюдаемъ мы и въ южно-италійскихъ гробницахъ Кампаніи и Самнія (см. Weege, Oskische Grabmalerei, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XXIV (1909), 127 слл.). И здѣсь мы имѣемъ широкій цоколь, обыкновенно красный, дѣлящій членъ, иногда украшенный орнаментами, среднюю часть стѣны, заполненную изображеніями, обыкновенно на бѣломъ фонѣ, и, наконецъ, рядъ параллельныхъ разноцвѣтныхъ полосъ, какъ въ этрусскихъ гробницахъ, или фризъ съ розетками, мэандрами или вѣтвями, какъ въ гробницѣ изъ Теана Сидицинскаго и въ нашемъ склепѣ Б. Близницы [2]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта система декоровки стоитъ въ прямой зависимости отъ декоровки жилыхъ помѣщеній Іоніи и Греціи того времени. Если апріорная несомнѣнность можетъ показаться неубѣдительной, то сошлюсь на внутреннюю декоровку дома, изображенную на извѣстной вазѣ François въ Флорентійскомъ музеѣ (см. реконструкцію этой росписи у Furtwängler-Reichhold, Griechische Vasenmalerei, стр. 8 слл., ср. Мальмбергъ, Древне-греческія фронтонныя композиціи, стр. 8 слл.). И здѣсь мы имѣемъ цоколь или панель, дѣлящій поясъ изъ ряда узкихъ разноцвѣтныхъ полосъ и главную часть стѣны, разбитую, какъ въ нашемъ склепѣ и нѣкоторыхъ этрусскихъ гробницахъ, дѣлящимъ широкимъ поясомъ на два поля; нѣтъ только верхняго карниза.

Этотъ способъ декоровки стѣны, такой распространенный и повторяющійся вездѣ (въ основныхъ чертахъ та-же система наблюдается и въ Египтѣ съ древнѣйшихъ временъ), несомнѣнно, восходитъ въ своей основѣ къ структивнымъ особенностямъ стѣны такъ же, какъ и болѣе поздняя декоративная система, стоящая въ тѣсной связи со способомъ стройки изъ мраморныхъ квадровъ. Тотъ способъ стройки, который обусловилъ нашу декоровку, несомнѣнно, однако, не тотъ, который вліялъ на декоровку стѣнъ эпохи эллинизма. Отсутствіе орѳостатовъ, сплошной дѣлящій поясъ, отсутствіе характеристики верхней части стѣны, какъ opus isodomum, все это показываетъ, что передъ нами другая структивная система.

Эта структивная система идетъ изъ древнѣйшихъ эпохъ строительства Греціи и Азіи. Намъ извѣстны для этого времени либо сплошь глинобитныя постройки, либо стѣнки, проложенныя для большей крѣпости и связи частей, приблизительно на половинѣ высоты каждой стѣны, деревянными балками и увѣнчанныя надъ стѣнами или деревянными же балками, или связками прутьевъ. Такой родъ постройки мы имѣемъ и теперь еще въ Египтѣ. Улучшеніемъ этого способа постройки является созданіе болѣе крѣпкаго низа изъ бутоваго камня надъ каменнымъ же,

[1]) Та же богатая профилировка верха стѣны съ большимъ количествомъ орнаментальныхъ полосъ и фризомъ, на которыхъ изображены разнообразные звѣри, наблюдается и въ знаменитой гробницѣ съ изображеніями изъ легенды о Тарквиніи въ Вульчи, см. Noël des Vergers, L'Etrurie et les Etrusques, t. III, табл. XXI—XXX; *Mon. d. Inst.* VI, 31, 32, особливо же рѣдкую публикацію R. Garrucci, Tavole fotografiche delle pitture vulcenti ecc. Roma 1866. О времени см. G. Körte, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XII (1897), 61 слл. Богатство орнаментаціи верхнихъ частей стѣнъ атрія гробницы и чисто эллинистическій ихъ характеръ заставляютъ скорѣе думать о концѣ IV в. до Р. Хр., чѣмъ о началѣ его, какъ это дѣлаетъ Körte.

[2]) Осскія гробницы, какъ это доказалъ Weege въ упомянутой статьѣ, датируются наиболѣе ранніе V вѣкомъ до Р. Хр., болѣе поздніе (большинство)—IV в., наиболѣе поздніе—III вѣкомъ до Р. Хр. Датировка эта, какъ и въ южно-русскихъ гробницахъ, основывается на найденныхъ въ гробницахъ вещахъ, преимущественно вазахъ.

нѣсколько выступающимъ изъ земли, фундаментомъ. Появляется, такимъ образомъ, плинтусъ и то, что позднѣе будетъ замѣнено орѳостатами [1]). Связь между бутовымъ низомъ и глинянымъ верхомъ стѣны можетъ быть при этомъ и непосредственной; обычною, однако, является и въ этихъ случаяхъ прокладка верхней части бутоваго низа болѣе крупными тесаными камнями или увѣнчаніе ея деревянной балкой. Возникаетъ такъ называемая Deckschicht, каменная или деревянная. При этомъ не уничтожается необходимость, въ особо высокихъ зданіяхъ, связать между собой и части идущей надъ бутовымъ низомъ глинобитной стѣны прослойкой дерева или тростника. Появляется, такимъ образомъ, тройное или четверное дѣленіе стѣны. Наконецъ, рядомъ съ этимъ болѣе совершеннымъ способомъ стройки мы имѣемъ и способъ стройки, примѣняющій къ дѣлу тесаные камни, изъ которыхъ сооружается низъ стѣны; появляются орѳостаты и каменная Deckschicht. Верхъ, сдѣланный изъ глины или бута, и въ этой стадіи можетъ быть дифференцированъ и связанъ прокладной балкой. Всѣ эти стадіи развитія стѣны сказываются и на росписи.

Наиболѣе простую стадію мы имѣемъ въ сплошной окраскѣ стѣны безъ выдѣленія какихъ-либо частей; эта стадія росписи соотвѣтствуетъ сплошной глинобитной стѣнѣ. Простѣйшія и древнѣйшія этрусскія гробницы даютъ болѣе развитую схему, имитируя или подчеркивая составныя части стѣны изъ бута или глины, раздѣленной на двѣ части, связанныя деревянной балкой; наверху стѣна заканчивается второй балкой.

Третья стадія представлена нашей гробницей: надъ болѣе прочнымъ низомъ возвышается непосредственно глинобитная стѣна, прослоенная балкой; вся стѣна увѣнчана деревяннымъ карнизомъ.

Нѣсколько сложнѣе декоровка дома на вазѣ François. Надъ цоколемъ здѣсь удерживается, отсутствующая въ нашей росписи, Deckschicht.

Наконецъ, росписи типа стѣны Васюринской горы увѣковѣчиваютъ древнѣйшую стадію квадровой постройки, воспроизводя панель, орѳостаты, Deckschicht и глинобитную часть стѣны. И въ этой стадіи, однако, естественными являются не только удержаніе верхняго антаблемента, но и дифференціація стѣны надъ орѳостатами и Deckschicht прокладкой деревянной балки. Получается, такимъ образомъ, наиболѣе сложная схема, о которой рѣчь будетъ ниже при описаніи остатковъ росписи домовъ древняго Пантикапея.

Роспись фриза и ея происхожденіе.

Естественно, что въ глинобитныхъ и бутовыхъ постройкахъ только деревянныя части стѣны могли выдержать тяжесть предметовъ, которые должны были быть развѣшаны по стѣнамъ. Въ нихъ поэтому, и особенно въ верхній антаблементъ, вбивались гвозди и крюки и на нихъ развѣшивалась утварь, оружіе, одежды. Естественно было также, выдвинувъ эти деревянныя части, воспользоваться ими, какъ полками для разстановки на этихъ полкахъ предметовъ обихода и убранства комнаты.

Все это необходимо отражается и на росписи не столько домовъ, сколько гробницъ, являвшихся не настоящимъ домомъ живыхъ, а имитаціей этого дома, полусимволомъ его, назначеннымъ для души покойника.

---

[1]) Такой способъ стройки констатированъ, напримѣръ, во многихъ постройкахъ Богазъ-Кёя въ М. Азіи и, несомнѣнно, имѣлъ широкое распространеніе не только здѣсь. См. Puchstein, Boghas-Këi (*Arch. Anz.* 1909, 489 слл.), ср. S. Müller, Urgeschichte Europas, 67. Ср. Thiersch, Zwei antike Grabanlagen aus Alexandria, 12; Bulard, *Mon. Piot*, XIV, 118 слл., гдѣ указаны архитектурные памятники эгейской и древнѣйшей греческой эпохи. Къ сожалѣнію, ни Thiersch, ни Bulard не различаютъ такъ называемую Deckschicht надъ орѳостатами.

Къ предметамъ обихода здѣсь, конечно, присоединяются и части погребальнаго реквизита, частью совпадающія съ предметами обихода, частью имѣющія специальныя формы и назначеніе.

Понятно поэтому, что въ декоровкѣ, главнымъ образомъ, гробницъ появляются изображенія какъ вбитыхъ въ верхнюю балку гвоздей, такъ и подвѣшенныхъ на этихъ гвоздяхъ предметовъ житейской и погребальной утвари [1]).

Предметы, развѣшенные по стѣнамъ.

Такіе, подвѣшенные на гвоздяхъ, вбитыхъ въ верхнюю часть стѣны, разнообразные предметы, главнымъ образомъ, вѣнки и различнаго рода теніи изображаются постоянно въ этрусскихъ гробницахъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ. Такъ въ t. delle Leonesse надъ возлежащими фигурами погребенныхъ висятъ на нарисованныхъ крюкахъ и гвоздяхъ около одной изъ фигуръ большая пурпурная повязка, около другой двѣ діадемы, или, лучше, тѣ характерные, круглые вѣнкообразные предметы, которые можно видѣть и на шеяхъ и рукахъ фигуръ (t. delle Iscrizioni) и въ рукахъ у возлежащихъ (t. del Vecchio; женщина подноситъ такую гирлянду мужчинѣ). Тѣ же вѣнки висятъ на деревьяхъ и на гвоздяхъ, вбитыхъ въ верхнюю часть декоровки, и въ t. del Cacciatore, и въ t. del Barone, и въ t. della Pulcinella, и во многихъ другихъ. Настоящіе вѣнки изъ вѣтокъ видны въ t. dei Baccanti. Наконецъ, въ t. delle Leonesse на вбитомъ въ стѣну кольцѣ подвѣшенъ кіаѳъ—черпательная ложка для вина рядомъ съ большимъ кратеромъ.

Особенно богата въ этомъ отношеніи этрусская гробница, покрытая рельефными изображеніями, въ Черветри. Здѣсь на стѣнахъ и подпорныхъ столбахъ въ нѣсколько рядовъ висятъ на крюкахъ и гвоздяхъ самые разнообразные предметы оружія и домашней обстановки (см. Noël des Vergers, L'Etrurie et les Etrusques, III, табл. I—III).

Буквально то же наблюдаемъ мы и въ южно-италійскихъ гробницахъ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи одна гробница Пестума (Weege, l. l., № 38, стр. 120 и 121, рис. 10 и 11), гдѣ на вбитыхъ въ верхнюю часть стѣны гвоздяхъ подвѣшены теніи нашего типа 1-го и плоскія чашки съ большими ручками; ср. также гробницу № 39 (стр. 120) въ Albanella (ср. Weege, l. l., 127).

Аналогію даетъ и одна расписная гробница въ Канозѣ, извѣстная, къ сожалѣнію, только по старымъ рисункамъ. Здѣсь въ главной комнатѣ сложнаго погребенія на стѣнѣ, дифференцированной горизонтально на двѣ части, изображены подвѣшенныя въ верхней части стѣны три теніи и ниже вѣнокъ съ подвѣшенной на немъ теніей же (см. V. Macchioro, Curiosità canosine. *Apulia* II, 1911, табл. IV). Фрагментъ такой же росписи изъ одной апулійской гробницы находится нынѣ въ неаполитанскомъ музеѣ. Здѣсь изображены: висящій на гвоздѣ мечъ съ бѣлымъ ремнемъ, щитъ и панцырь (R. Pagenstecher, *Röm. Mitth.*, 1912 (XXVII), 169 сл.).

Не меньше параллелей даютъ памятники другихъ странъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи уже не разъ упомянутая гробница въ курганѣ около Эретріи. Здѣсь на боковыхъ стѣнахъ въ верхнихъ ихъ частяхъ у самой пяты свода, а на короткихъ стѣнахъ на той же высотѣ и выше въ люнеткѣ видны слѣды вбитыхъ настоящихъ гвоздей, на которыхъ, какъ предполагаетъ Vollmoeller (*Ath. Mitth.*

[1]) Важныя аналогіи для обычая вѣшать на стѣнахъ гробницъ и ставить на карнизахъ ихъ предметы утвари и погребальнаго обихода даютъ во множествѣ восточно-греческіе надгробные рельефы, преимущественно эллинистическаго времени; см. много разъ цитированную статью Pfuhl, Das Beiwerk auf den ostgriechischen Grabreliefs, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XX (1905), особенно стр. 123 слл. Имъ приведенъ и рядъ аналогій, которыхъ я въ дальнѣйшемъ не повторяю, см. l. l., 130 слл. и особенно Paralipomena, стр. 144 слл.

1901, 340 слл.), когда-то висѣли настоящія части утвари и вооруженія и около которыхъ затѣмъ были нарисованы такіе же предметы сначала на синемъ, а затѣмъ на бѣломъ фонѣ. Болѣе древнія изображенія не сохранились, позднѣйшія даютъ: на задней стѣнѣ два ряда по четыре вѣнка, состоящихъ изъ красныхъ розетокъ; на западной боковой стѣнѣ такіе же вѣнки, но изъ лавровыхъ вѣтвей; на сѣверной передней изображенія, къ сожалѣнію, плохо сохранились и, можетъ быть, были бы поняты авторомъ описанія, если бы онъ могъ уже воспользоваться матеріаломъ нашей гробницы. Хорошо сохранились три теніи надъ дверью, какъ бы висящія на вбитыхъ здѣсь настоящихъ гвоздяхъ, и, кромѣ того, на двухъ крайнихъ гвоздяхъ по круглой шерстяной крученой повязкѣ (Vollmoeller сравниваетъ *Mon. dei Lincei* VIII, табл. 7) и по гирляндѣ изъ листьевъ и розъ, прямо свѣшивающейся внизъ, на среднихъ — розовая и голубая теніи; наконецъ, на восточной стѣнѣ подвѣшены мечъ и, можетъ быть, щитъ, вѣнокъ и, вѣроятно, алабастръ, наконецъ, три сосуда, изъ которыхъ одинъ имѣетъ форму чашки, другой—канѳара.

Совершенно то же мы наблюдаемъ и на южно-италійскихъ и особенно этрусскихъ сосудахъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны многочисленные колоколообразные грубые сосуды съ надписями, находимые въ большомъ числѣ въ Chiusi, на корпусѣ которыхъ изображены подвѣшенныя на гвоздяхъ вѣтки, вѣнки и теніи. Сосуды эти, какъ пишетъ мнѣ Nogara, врядъ ли могутъ быть старше II в. до Р. X., но во всякомъ случаѣ принадлежатъ еще эпохѣ эллинизма.

Рядомъ съ такими написанными гвоздями мы находимъ какъ въ этрусскихъ, такъ и въ южно-италійскихъ гробницахъ, частью слѣды, частью остатки настоящихъ вбитыхъ въ стѣну гвоздей, на которыхъ, очевидно, подвѣшены были такіе же предметы, какъ тѣ, которые мы видѣли написанными, висящими на написанныхъ же гвоздяхъ (такіе гвозди я видѣлъ въ верхней части стѣны первой комнаты t. del Orco; ср. для южно-италійскихъ гробницъ Weege, l. l., стр. 128, и каменную гробницу, найденную въ Анконѣ, гдѣ внутри вбиты гвозди для подвѣшиванія гирляндъ, см. *Not. d. sc.* 1910, 333 слл.; Delbrueck, *Arch. Anz.* 1911, 164).

Очень интересенъ въ этомъ отношеніи и недавно найденный въ Лангазѣ (въ Македоніи около Салоникъ) расписной склепъ. Здѣсь въ дромосѣ видны остатки большихъ желѣзныхъ, вбитыхъ въ стѣны, гвоздей, на которыхъ были, очевидно, подвѣшены тяжелые предметы вооруженія погребеннаго въ склепѣ покойника. Въ самой погребальной комнатѣ мы имѣемъ, однако, не желѣзные, а небольшие бронзовые гвозди. По совершенно правильному заключенію издателя гробницы— Макриди-бея, на этихъ гвоздяхъ висѣли не предметы утвари и вооруженія, какъ въ дромосѣ, а гирлянды, повязки или ковры (см. Macridy-bey, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1910, 210 [1]).

Не рѣдкость встрѣтить настоящіе гвозди, вбитые въ верхнюю часть стѣны для подвѣшиванія предметовъ утвари, одежды и оружія, и въ курганахъ южной Россіи: такіе

[1]) Ср. расписную аттическую стелу скиоа (?) Геты, Die attischen Grabreliefs, табл. 277, № 1320, гдѣ изображенъ подвѣшенный горитъ съ лукомъ, обвитый теніями двухъ типовъ (съ круглымъ и съ плоско обрѣзаннымъ концомъ), спускающимися по обѣ стороны горита; къ концамъ теній прикрѣплены длинныя тесемки; теніи пурпурнаго цвѣта, ср. № 1324a—1335. Изображеніе вѣнковъ, спеціально изъ оливковыхъ вѣтвей, на аттическихъ стелахъ довольно обычно, см. № 1321—1324 и прим. къ № 1323; обычны и лекиоы и амфоры, иногда въ соединеніи съ алабастрами и теніями, см. № 1336—1411.

гвозди нашлись на задней стѣнѣ Куль-обскаго склепа [1]). Возможно, что эта стѣна, какъ показываетъ масса найденныхъ у ея подножія золотыхъ бляшекъ, была завѣшена расшитымъ золотомъ ковромъ, замѣнявшимъ раскраску стѣнъ; такіе же пологи-ковры предполагаетъ Weege и для задней стѣны нѣкоторыхъ осскихъ гробницъ на основаніи констатированныхъ въ этихъ стѣнахъ бронзовыхъ гвоздей и остатковъ золотыхъ нитокъ у подножія стѣны, см. Weege, l. l., 128; подобный коверъ или пологъ написанъ, какъ увидимъ ниже, въ задней камерѣ расписной керченской гробницы въ усадьбѣ Фельдштейна [2]). Такіе же гвозди констатированы были на всѣхъ стѣнахъ склепа, открытаго въ курганѣ Юзъ-оба въ 1889 г. (см. О. И. А. К. 1889 г., стр. 11 сл.). Наконецъ, мы видѣли уже выше, что гвозди вбиты были и въ карнизъ декоровки склепа Васюринской горы [3]).

Погребальное значеніе предметовъ фриза.

Всѣ предметы, изображенные висящими на гвоздяхъ въ нашемъ склепѣ, имѣютъ ближайшее отношеніе къ погребальной обстановкѣ и къ погребальному культу. Это само собою очевидно уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ для повязокъ типа № 1 и № 2, постоянно встрѣчающихся въ росписи гробницъ, на надгробныхъ лекиѳахъ, гдѣ онѣ украшаютъ надгробныя стелы, и на другихъ погребальныхъ вазахъ (этрусскихъ, южно-италійскихъ и др.) [4]).

Несомнѣнно, къ погребальному убору принадлежатъ и шерстяныя подвѣски и повязки изъ крученой шерсти; нѣчто подобное мы видѣли уже среди предметовъ, украшавшихъ стѣны гробницъ Эретріи и Неаполя; ближайшей аналогіей являются такъ называемыя infulae, которыя были предметомъ жреческаго убора и убора жертвенныхъ животныхъ (см. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. infula).

[1]) Древн. Босф. Кимм., стр. XIX, ср. чертежъ А. Такіе же крючки, на которыхъ, судя по находкамъ, были также повѣшены одежды или матеріи, забранныя золотыми бляшками (кромѣ этихъ бляшекъ найдены были «остатки ткани вродѣ ковра»), найдены были въ ю.-в. отдѣленіи главной гробницы Чертомлыцкаго кургана. См. Древн. Герод. Скиѳіи II, 95, ср. 93 и Атласъ F, I. Обычны гвозди и крючки на стѣнахъ склеповъ и въ курганныхъ погребеніяхъ Приднѣпровья, см. Древности Приднѣпровья, II, 7 (курганы у дер. Волковцы, Полтавской губ., Роменскаго у.); на нихъ развѣшивались одежда и оружіе.

[2]) Ср. также пологи на восточно-греческихъ, главнымъ образомъ, самосскихъ надгробныхъ рельефахъ: Pfuhl, *Jahrd. d. d. arch. Inst* XX (1905), 124 слл., гдѣ приведенъ рядъ аналогій.

[3]) Не датированъ склепъ въ Султанъ-горѣ около Анапы. Въ третьей камерѣ его въ стѣны были вбиты гвозди. Кромѣ того, въ задней и входной стѣнахъ видны были гнѣзда для перекладинъ. На этихъ перекладинахъ, вѣроятно, лежалъ коверъ, осѣнявшій стоявшій посрединѣ комнаты гробъ, остатки перегнившаго дерева котораго были въ ней найдены. Въ первой комнатѣ находилось конское погребеніе, судя по найденнымъ костямъ лошади. Склепъ, несомнѣнно, одновремененъ разбираемымъ нами склепамъ, какъ можно судить и по остаткамъ его убранства, и по способу стройки (уступчатые своды), см. ниже. О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. XXVIII. То-же устройство предполагаетъ В. В. Шкорпилъ (письмо отъ 6 февр. 1913 г.) и для Царскаго кургана на основаніи установленныхъ имъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ склепа у начала свода косыхъ гнѣздъ для балокъ.

[4]) Особенно характерны въ этомъ отношеніи южно-италійскіе сосуды съ изображеніемъ надгробныхъ памятниковъ, сопоставленные у R. Pagenstecher, Unteritalische Grabdenkmäler, Strassburg 1912. Здѣсь мы имѣемъ всѣ типы повязокъ, изображенные въ нашей гробницѣ; ихъ погребальный характеръ здѣсь, какъ и въ нашей гробницѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Особенно распространены повязки съ круглыми широкими концами и пришитыми къ этимъ концамъ тесемками (нашъ типъ № 1). Такъ же часто, какъ и онѣ, встрѣчаются только повязки или ленты, орнаментованныя часто точечнымъ орнаментомъ, прямо обрѣзанные концы которыхъ украшены особенно богато и снабжены бахромой. Интересно, что этотъ, столь распространенный вообще на греческихъ вазахъ, типъ въ нашей гробницѣ не представленъ. Рѣже встрѣчаются повязки нашего типа № 3—накрахмаленныя льняныя полотенца съ орнаментами. Особенно близка съ нашими форма этихъ полотенецъ на вазѣ, изданной у Creuzer, Abh. zur Symbol. und Mythol., табл. XI; Pagenstecher, l. l., 88, 9 a и табл. III e. Еще рѣже — шерстяныя повязки, но и ихъ, правда въ нѣсколько иной трактовкѣ, мы имѣемъ на вазѣ Pagenstecher, l. l., стр. 55, табл. III d: повязка виситъ на букраніи·

Наконецъ, можетъ быть, и льняныя полотенца имѣютъ отношеніе къ загробному культу и служили для обмыванія покойника. Тотъ же орнаментъ, которымъ они украшены, виденъ въ t. della Scimmia въ Chiusi (на кускѣ матеріи, лежащемъ на стулѣ между двумя борцами). Другія аналогіи см. у Daremberg et Saglio, ст. mantele.

Говорить о погребальной роли вѣнковъ излишне [1]). Характерно, что форма и трактовка вѣнковъ совершенно та же, что на эллинистическихъ вазахъ формы бутылокъ или фляжекъ съ росписью по желтоватому фону [2]), такъ называемыхъ вазахъ Гадры изъ Александріи [3]) и въ расписныхъ танагрскихъ гробницахъ, современныхъ обѣимъ категоріямъ вазъ [4]). Любопытно, что какъ первая категорія вазъ, такъ и танагрскія гробницы имѣютъ большое пристрастіе изображать предметы житейской обстановки и загробнаго культа.

Наконецъ, алабастры и стригили находятся въ погребеніяхъ южно-русскихъ и другихъ чуть-ли не при каждомъ покойникѣ. Приводить отдѣльные примѣры и здѣсь не имѣетъ смысла [5]).

Научное значеніе гробницы.

Особое значеніе нашей гробницы и ея декоровки, помимо того, что мы имѣемъ въ ней новый точно датированный памятникъ, заключается въ томъ, что она представляетъ примѣръ несомнѣнно архаической стѣнной росписи, удержавшейся въ чистомъ видѣ вплоть до конца IV в., какъ, впрочемъ, и въ гробницахъ южной Италіи. Помимо архаизма, свойственнаго вообще искусству далекихъ периферій культурнаго міра и загробному обиходу, здѣсь играетъ, несомнѣнно, роль и то, что новая манера декоративной живописи, представительницей которой являются склепъ Васюринской горы, склепы Македоніи и Александріи, въ это время только еще нарождалась, господствовали же либо завѣшиваніе стѣнъ коврами, либо роспись только заключеній стѣны и архитектурныхъ профилей, какъ въ Б. Близницѣ, либо, наконецъ, чуждая каменной стройкѣ роспись полуглинобитныхъ домовъ и храмовъ. Объ еще болѣе примитивной системѣ росписи—сплошной окраскѣ стѣнъ—рѣчь будетъ ниже.

Характерно, что гамма цвѣтовъ нашей гробницы до-Полигнотовская, не обогащенная синимъ и зеленымъ.

---

[1]) Превосходныя, хотя и краткія, замѣчанія объ очистительной роли вѣнковъ изъ оливы или лавра и теній (пурпуровыхъ и шерстяныхъ) см. у Diels, Sibyllinische Blätter, 70, примѣч. и 121 слл., ср. Стефани, О. И. А. К. 1884 г., Прил., 138. См. также Watzinger, Holzsarkophage, 18 и 19; Blümner, Griech. Privataltertühmer, 363, прим. 3 и 8; 245, 4; Rohde, Psyche, I, 220, 2; Siebourg, *Arch. f. Rel.* VIII (1905), 391 слл.

[2]) См. Э. фонъ-Штернъ, Къ вопросу объ эллинистической керамикѣ, *Зап. Одесск. Общ.* XXVII, стр. 12, № 19, табл. III, 9 и рис. въ прим. 1; Sammlung Vogell, Auktionskatalog, № 389 слл., табл. V, 17; Фармаковскій, *Arch. Anz.* 1907, 137 слл., рис. 8, 9. Ср. Watzinger, *Ath. Mitth.* 1901, 80, № 28 рис., гдѣ очень характеренъ способъ трактовки вѣнковъ.

[3]) См. Pagenstecher, *Amer. Journ. of Arch.*, 1909 (XIII); Э. фонъ-Штернъ, l. l., 10, № 5, табл. III, 5; Sammlung Vogell Auktionskatalog, № 395, 396, табл. V, 8 и 12.

[4]) Haussoullier, Quomodo Tanagraei etc., 1884, 64 слл.; O. Rayet, Etudes d'archéologie et d'art, 284 слл.; Brückner-Pernice, *Ath. Mitth.*, 1893, 150 слл.; Rostowzew, Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 123.

[5]) См., напримѣръ, Watzinger, Holzsarkophage, 21 слл. Краска въ изображеніи арибалловъ или лекиѳовъ нашей гробницы позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло не съ глиняными, а съ кожаными сосудами этой формы, см. Loeschcke y Watzinger, l. l., 21, 7. О банныхъ принадлежностяхъ въ могилахъ въ связи съ обычаемъ омыванія покойниковъ см. W. H. Chr. van Esveld, De balneis lavationibusque Graecorum, Amersfortiae 1908, 58 слл. Льняныя полотенца (mantelia), очевидно, для омовенія рукъ постоянно изображаются на плечѣ мальчика-прислужника на надгробныхъ стелахъ въ сценахъ такъ называемой загробной трапезы, см. ниже гл. XVI.

Техника росписи обычная, краски не такъ плотно соединились со штукатуркой, какъ въ склепѣ Васюринской горы, и не даютъ такого блеска, какъ тамъ, имѣя скорѣе матовый оттѣнокъ, но при всемъ этомъ онѣ очень прочны и отъ сырости, а также отъ тренія не сходятъ и не портятся. Положены прямо на очень тонкій слой штукатурки.

Литература.

В. Шкорпилъ, *Извѣстія Имп. Арх. Комм.,* вып. 40, 65 слл., рис. 3—8; Б. Фармаковскій въ *Archäolog. Anzeiger,* 1909 г., стр. 149 сл.; одна стѣна, съ разрѣшенія Имп. Арх. Коммиссіи, опубликована у Цыбульскаго, Tabulae quibus antiquitates graecae et romanae illustrantur (греческій домъ).

IV. Склепъ близъ Анапы, открытый въ 1908 г.

(Табл. XXVII, 1, XXIX—XXXI).

Въ 1908 г. въ юртѣ Анапской станицы въ восьми верстахъ отъ Анапы (др. Горгиппіи), въ довольно значительномъ курганѣ красивой формы открытъ былъ проф. Н. И. Веселовскимъ небольшой, впущенный въ материкъ до пяты свода (на 1,60 м.), склепъ, крытый полуцилиндрическимъ сводомъ съ дромосомъ. Склепъ и дромосъ сложены изъ большихъ бѣлыхъ плитъ мѣстнаго камня, тщательно отесанныхъ и хорошо пригнанныхъ безъ помощи известки или глины, насухо, а также безъ металлическихъ скрѣпъ. Мѣстоположеніе и архитектура склепа.

Сводъ *дромоса* нѣсколько болѣе низкій, чѣмъ сводъ камеры, сведенъ изъ 4 + 1 + 4 камней, сводъ камеры изъ 13 неравной величины камней (см. табл. XXIX, планъ и разрѣзы склепа, чертежи П. П. Покрышкина по промѣрамъ Н. И. Веселовскаго, и табл. XXX, 1 и 4). Стѣны дромоса не связаны со стѣнами камеры, а были къ нимъ только прислонены; въ моментъ открытія, поэтому, стѣны и сводъ дромоса и стѣны и сводъ камеры отстояли другъ отъ друга на довольно значительный промежутокъ. Входъ въ дромосъ, какъ показываютъ два найденныхъ тамъ тесанныхъ камня, былъ, вѣроятно, заложенъ плитой; два найденные здѣсь камня Н. И. Веселовскій (О. И. А. К., 1908, 120 сл.) считаетъ «основаніемъ для четырехгранныхъ столбовъ, къ которымъ приставлялась закрывающая ходъ плита». Не сохранилась и плита, вѣроятно, закрывавшая входъ въ погребальную комнату изъ дромоса. Оріентированъ склепъ съ З. на В. Ширина дромоса 2,04, глубина 1,44 — 1,45, выс. до центра свода — 2,185. Дромосъ не былъ ни оштукатуренъ, ни окрашенъ.

Камера значительно больше и выше дромоса. Дверь въ камеру не профилирована; ее покрываетъ сверху большая монолитная перемычка. Давленіе земли на эту перемычку облегчено надстроенной надъ ней, но не видной изнутри, аркой, болѣе низкой и чѣмъ сводъ дромоса, и чѣмъ сводъ камеры. Ширина входа — 1,32, толщ. дверныхъ косяковъ — 0,47, ширина ихъ въ дромосѣ — 0,44 и 0,28, въ камерѣ — 0,41 и 0,43, высота двери до косяка — 1,49. Размѣры камеры: длина — 3,08, шир. — 2,13 по задней стѣнкѣ, 2,16 по передней. Высота камеры — 2,40. Полъ — материковый, даже не утрамбованный. Стѣны и сводъ камеры оштукатурены и окрашены. Хорошо сохранилась штукатурка и окраска только на правой отъ входа стѣнѣ, декоровка которой и была скопирована М. В. Фармаковскимъ; сдѣланная имъ акварель издается на табл. XXXI. Штукатурка свода сохранилась только въ нѣсколькихъ пунктахъ. Склепъ послѣ его открытія и снятія съ него плана, фотографированія и снятія копій съ росписи былъ разобранъ, перевезенъ въ Анапу и здѣсь вновь выстроенъ въ городскомъ саду (табл. XXX, 5).

Схема *декоровки* очень проста. Ея горизонтальныя и вертикальныя дѣленія предварительно, вѣроятно, передъ окраской, по свѣжей штукатуркѣ намѣчены Роспись склепа.

были веревкой, окрашенной въ красный цвѣтъ. То же мы видѣли и въ склепѣ Васюринской горы, съ тѣмъ же встрѣтимся и при разборѣ росписи Керченскихъ домовъ.

За очень низкой панелью (0,075—0,10 выш.), отдѣленной отъ остальной декоровки только вдавленной линіей, идетъ рядъ большихъ, широкихъ лежачихъ прямоугольниковъ бѣлаго цвѣта (теперь сильно потемнѣлъ), обрамленныхъ съ трехъ сторонъ черными полосами (выс. прямоугольниковъ—0,50, шир., кромѣ угловыхъ,—0,71, шир. полосы—0,04).

Надъ этими квадрами идутъ обрамленные такъ же, какъ и квадры, узкіе лежачіе прямоугольники (выс. 0,145; длина среднихъ—0,71), вертикальныя дѣленія которыхъ не совпадаютъ съ таковыми же нижнихъ плитъ. Выше идетъ еще одинъ рядъ лежачихъ прямоугольниковъ (выс. 0,48, шир. та же, что въ нижнемъ ряду), обрамленныхъ со всѣхъ сторонъ упомянутой черной полосой, и надъ нимъ еще рядъ узкихъ лежачихъ прямоугольниковъ (выс. 0,135), заключенныхъ сверху узенькой бѣлой и нѣсколько болѣе широкой (0,02) коричневато-сѣрой полосой. Надъ ними полоса лесбійскаго киматія на красномъ фонѣ (0,0325), а затѣмъ широкій фризъ (0,1275), обрамленный снизу узенькой сѣрой полоской (0,0275). Фризъ украшенъ написаннымъ синей, бѣлой и красной красками мэандромъ. Надъ фризомъ идетъ сухарный карнизъ на желтомъ фонѣ (0,05), надъ нимъ полоска овъ (0,02) и, наконецъ, узкая (0,01) красная полоска. На этомъ карнизѣ, какъ и въ склепѣ Васюринской горы, стоятъ, на разстояніи 0,395—0,415 другъ отъ друга, балясины нѣсколько иной, чѣмъ въ склепѣ Васюринской горы, копьеобразной формы, окрашенныя въ черный цвѣтъ (выс. 0,055). Балясины эффектно выдѣляются на голубомъ фонѣ штукатурки свода (см. реставрацію фриза табл. XXVII, 1). Въ этотъ голубой цвѣтъ окрашенъ весь сводъ камеры сплошь и ровно безъ какихъ-нибудь орнаментовъ и изображеній.

Гамма цвѣтовъ: бѣлый, черный, красный, синій и желтый. Стукъ хорошій, окраска менѣе блестящая, чѣмъ въ склепѣ Васюринской горы.

Находки въ склепѣ.

Склепъ былъ найденъ разграбленнымъ [1]). Почти никакихъ вещей ни въ немъ, ни въ насыпи около него найдено не было [2]), не нашлось и черепковъ посуды, которые позволили бы датировать склепъ или опредѣлить время насыпки кургана. Не было найдено въ ближайшемъ сосѣдствѣ, поскольку оно было разслѣдовано, и другихъ погребеній. Датировать склепъ приходится поэтому исключительно на основаніи анализа его росписи [3]).

Анализъ росписи.

Прежде всего бросается въ глаза сходство росписи, особенно верхней ея части, съ росписью склепа и дромоса кургана Васюринской горы. Особенно характерны присутствіе балясинъ на сухарномъ карнизѣ и трактовка свода, какъ голубого неба (въ Васюринскомъ склепѣ, какъ нейтральнаго фона). Правда, схема построенія стѣны въ камерѣ нашего склепа иная, чѣмъ въ камерѣ склепа Васюринской горы, но зато почти совершенно такая же, какъ въ дромосѣ этого склепа (иначе нѣсколько трактована только панель или цоколь: въ Васюринскомъ склепѣ она выше и раздѣлена линіями на квадры). Мы замѣчаемъ и тамъ, и здѣсь какъ бы удвоеніе

[1]) Разграбленъ онъ былъ, какъ замѣчаетъ Н. И. Веселовскій (О. И. А. К., 1908, 120), дважды: въ первый разъ черезъ входъ, второй—черезъ проломъ въ сводѣ.

[2]) Единственныя находки въ склепѣ — мелкая стекляная голубая буса, небольшая бочкообразная золотая буса и обломокъ костяного цилиндрическаго украшенія (О. И. А. К. 1908, 121).

[3]) Единственный предметъ, найденный при раскопкахъ кургана, — надгробный циппъ въ видѣ грубой гермы. Принадлежность этого циппа къ нашему погребенію вполнѣ возможна (см. табл. XXX, 3).

оровостатовъ или лежачихъ квадровъ декоровки перваго стиля вмѣстѣ съ узкимъ, лежащимъ надъ ними, рядомъ квадровъ, отдѣляющимъ въ камерѣ Васюринской горы оровостаты отъ верхней части стѣны, окрашенной въ сплошной красный цвѣтъ.

Такое удвоеніе въ извѣстныхъ мнѣ декоровкахъ эпохи эллинизма внѣ нашихъ склеповъ не встрѣчается. Нѣчто подобное имѣемъ мы въ дромосѣ македонскаго склепа Курино (около др. Пидны), Heuzey et Daumet, Mission en Macédoine, табл. 18. Но здѣсь за цоколемъ или панелью идетъ только по одному ряду широкихъ и узкихъ прямоугольниковъ и надъ послѣдними непосредственно фризъ— все одноцвѣтное.

Совершенно иначе трактуется стѣна, даже въ простѣйшихъ декоровкахъ, на Делосѣ и въ другихъ центрахъ эллинистической культуры. Здѣсь всегда надъ панелью, оровостатами и поясомъ изъ длинныхъ квадровъ или дѣлящимъ орнаментованнымъ поясомъ идетъ стѣна, раздѣленная на квадры одинаковой ширины, рядъ узкихъ поясовъ квадровъ безъ повторенія гдѣ бы то ни было во второй разъ полосы широкихъ квадровъ низа [1]).

Описанная структура стѣны нашего склепа вполнѣ, однако, соотвѣтствуетъ традиціи греческой и особенно эллинистической архитектуры. Такъ, напримѣръ, низъ стѣны восточнаго портика главной площади Магнесіи на Мэандрѣ построенъ былъ такъ, что въ немъ чередовались мраморные квадры вышиной въ 0,65 и въ 0,35 м., причемъ верхъ стѣны, вѣроятно, выстроенъ былъ изъ бутоваго камня, оштукатуренъ и окрашенъ (см. Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, 134). Еще характернѣе примѣръ защитительной стѣны (отъ вѣтра) между колоннами южнаго портика агоры въ Пріенѣ. Здѣсь мы имѣемъ: цоколь, на которомъ стоятъ и колонны, затѣмъ дважды чередующіяся узкія и широкія мраморныя плиты; надъ вторымъ рядомъ широкихъ плитъ — фризъ и карнизъ (см. Wiegand u. Schrader, Priene, 131, рис. 184). Самое чередованіе узкихъ и широкихъ рядовъ плитъ въ греческой архитектурѣ обычно [2]). Въ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ, однако, не только это, а спеціально низкую стѣну — балюстраду, играющую въ одномъ случаѣ роль монументальнаго цоколя стѣны.

Зато вполнѣ соотвѣтствуетъ делосской традиціи другой признакъ, который мы наблюдаемъ и въ нашей гробницѣ, и во всѣхъ вышеописанныхъ, т. е. то, что дѣленіе стѣны на квадры обозначено только живописью, а не лѣпкой. Наиболѣе правильнымъ для декоровки, подражающей стѣнѣ, воздвигнутой изъ мраморныхъ квадровъ, было обозначать дѣленіе путемъ вцарапанныхъ въ мягкій еще стукъ линій. Но вытѣсненіе идеи построенной изъ квадровъ стѣны идеей стѣны, обшитой досками или плитами разноцвѣтнаго мрамора, сказывающееся уже въ Васюринской горѣ, повело за собой желаніе обозначить и въ подражаніи стукомъ выступающее полированное зеркало или внѣшнюю поверхность плиты. Сдѣлать это можно было либо живописью, либо лѣпкою. И то, и другое должно было возникнуть одновременно.

При этомъ добиться желаннаго эффекта можно было либо удвоеніемъ дѣлящей вцарапанной линіи, либо болѣе сложнымъ способомъ указанія тѣней, которыя бросаютъ квадры. Наша декоровка, схематизируя послѣднюю идею, дѣлитъ квадры

[1]) Рѣдкимъ упрощеніемъ декоративной структуры стѣны является даже то, чтобы ряды квадровъ слѣдовали непосредственно за оровостатами, см. Bulard, *Mon. Piot* XIV, 93, рис. 31.

[2]) См., напримѣръ, кладку Кимоновой стѣны въ Элевсинѣ, Noack, Die Baukunst des Altertums, табл. 115, стр. 83 (470—460 г. до Р. Хр.).

между собою не только линіями, но и черными полосами, такъ какъ эти черныя полосы рѣзче всякаго другого изъ простыхъ способовъ оттѣняли рельефность мраморной плиты, возвышеніе ея краевъ надъ дѣлящими полосами. Этотъ способъ дѣленія квадровъ между собою, такимъ образомъ, есть только наиболѣе простой способъ имитаціи стѣны, обложенной мраморными плитами, способъ обычный и на Делосѣ (см. Bulard, l. l., 91 сл., особ. 95 и рис. 32), и въ гробницахъ Александріи, даже наиболѣе роскошно расписанныхъ, какъ въ упомянутой уже гробницѣ Анфуши и въ изящной гробницѣ некрополя Сукъ эль Вардіанъ (см. Breccia въ *Musée égyptien,* II, 63 сл., табл. XXX и XXXI).

Уже выше отмѣчено было, что наша гробница удерживаетъ идею героона, окруженнаго низкой стѣной, надъ которой голубое небо. Эта идея и здѣсь рѣзко подчеркивается и балясинами, и голубой краской свода, рѣзче, чѣмъ въ александрійскихъ гробницахъ Анфуши и Сукъ эль Вардіанъ, гдѣ за заключающимъ стѣну фризомъ идетъ немедленно не нейтральный цвѣтъ свода или голубая его окраска, а настоящій плафонъ, только отдаленно связанный съ трельяжами надгробнаго балдахина.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи, 1908, 119 сл., рис. 173, 174.

V. Склепъ кургана Карагодеуашхъ.

Открытъ былъ «верстахъ въ двухъ къ ю.-в. отъ Крымской станицы и приблизительно въ такомъ же разстояніи къ сѣв. отъ ст. Крымской Тихорѣцко-Новороссійской вѣтви желѣзной дороги» Е. Д. Фелицынымъ. По открытіи и очищеніи склепа отъ завалившихъ его камней и земли сдѣланъ былъ довольно точный планъ гробницы, на основаніи тщательныхъ промѣровъ, и одновременно гораздо менѣе точное и не вездѣ понятное описаніе какъ склепа, такъ и находокъ въ немъ. Вещи, найденныя въ гробницѣ, поступили въ Имп. Арх. Коммиссію, а затѣмъ въ Эрмитажъ, самое же сооруженіе, очевидно, брошено было на произволъ судьбы и погибло безслѣдно. Склепъ, со сдѣланными въ немъ находками, суммарно описанный въ отчетѣ Коммиссіи за 1882—1888 г., былъ затѣмъ тщательно изданъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ и В. К. Мальмбергомъ.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой склепа не видѣли и поэтому въ описаніи его внутренняго убранства и росписи могли пользоваться только данными Фелицына. Если эти данныя по вопросу о расположеніи вещей въ склепѣ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ каждая вещь была найдена, очень не точны, а подчасъ и совершенно неудовлетворительны, то тѣмъ менѣе удовлетворительны данныя о росписи склепа, для предохраненія которой отъ уничтоженія и для снятія которой со стѣнъ Фелицынымъ ровно ничего сдѣлано не было. Не сдѣлалъ онъ даже ни попытки зарисовать остатки росписи, ни попытки сфотографировать ихъ. При описаніи этихъ остатковъ росписи приходится поэтому перепечатывать безсвязныя фразы Фелицына и пожалѣть о томъ, что безвозвратно погибъ одинъ изъ интереснѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ гробничной росписи юга Россіи.

Большое погребальное сооруженіе кургана состояло изъ четырехъ помѣщеній съ плоскимъ, очевидно, покрытіемъ: въ первой комнатѣ погребена была колесница и лошади, въ ней же найденъ былъ скелетъ женщины и богатый уборъ ея; во второй, можетъ быть, предназначавшейся быть усыпальницей для женщины, почему-то положенной въ первой комнатѣ, не было найдено никакихъ вещей; слѣдующая за этой комнатой галлерея содержала опять конскія погребенія, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, наиболѣе высокой, найдены были останки и вещи главнаго хозяина погребенія.

Архитектура склепа.

Архитектура сооруженія ясна: передъ нами двѣ погребальныя комнаты съ соотвѣтственными дромосами, механически соединенныя въ одно сооруженіе. Одинъ—передній—склепъ назначенъ для женщины, другой для мужчины. Какъ и въ погребеніяхъ Васюринской горы, погребены были одновременно съ людьми и лошади и, вѣроятно, погребальный катафалкъ, послѣдній вмѣстѣ съ женщиной, во входной комнатѣ всего сооруженія; въ дромосѣ мужского погребенія, очевидно, погребены были верховые скакуны мужчины.

Орнаментація и роспись склепа.

Соотвѣтственно такому, типичному для погребеній IV—III в. до Р. Хр., способу погребенія и назначенію отдѣльныхъ сооруженій, первая половина погребальнаго сооруженія была трактована въ смыслѣ внутренняго убранства бѣднѣе, вторая богаче. Исключеніе составляетъ только входная дверь въ первую половину, единственная изъ всѣхъ дверей склепа, косяки которой вверху были профилированы, т. е. заканчивались чѣмъ-то вродѣ капителей. Дверные косяки эти были тщательно оштукатурены, очевидно, включая и верхніе профиля ихъ (см. Введеніе къ изданію Лаппо-Данилевскаго и Мальмберга, стр. 8). Если такъ, то весьма вѣроятно, что эти верхніе профиля были и окрашены, т. е. на нихъ краской написаны были орнаменты, какъ мы это не разъ отмѣчали выше въ аналогичныхъ случаяхъ какъ на памятникахъ юга Россіи, такъ и въ Македоніи, М. Азіи и Италіи. Были ли оштукатурены стѣны этой комнаты, не вполнѣ ясно. На стр. 8 упомянутаго описанія это отрицается, на стр. 9 утверждается. Судя по контексту, утвержденіе на стр. 9 есть недосмотръ.

Во второй камерѣ, болѣе тщательно сооруженной, чѣмъ первая, стѣны «были прекрасно оштукатурены, а каменный полъ залитъ известью».

Слѣдовавшая за второй камерой галлерея, т. е. дромосъ главнаго погребенія, была не только оштукатурена, но и покрыта росписью. Привожу неясныя слова описанія (стр. 9): «На сохранившейся штукатуркѣ стѣнъ галлереи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались слѣды фресковаго орнамента, которымъ въ видѣ бордюра, полосами отъ верху до низу были обведены верхніе и нижніе края стѣнъ и наружныя поверхности дверей. На правой сторонѣ, немедленно вслѣдъ за производствомъ раскопки, можно было еще усмотрѣть изображеніе пасущагося оленя съ большими вѣтвистыми рогами и опущенною головою. Къ сожалѣнію, во время дальнѣйшихъ работъ, штукатурка тотчасъ же отдѣлялась отъ камней и разсыпалась на мелкіе куски; поэтому предохранить фрески отъ разрушенія не было никакой возможности». Ср. ibid., стр. 83.

Изъ этого описанія нельзя составить себѣ яснаго представленія о системѣ росписи галлереи. Одно только кажется болѣе или менѣе понятнымъ, а именно, что архитектурныя линіи двери были подчеркнуты росписью, какъ это обычно въ одновременныхъ гробницахъ. Особенно досадно то, что совершенно не указано, въ какихъ именно мѣстахъ стѣны шли полосы орнаментовъ. Наиболѣе возможнымъ кажется толкованіе, что полосы эти вѣнчали стѣну и отдѣляли ея цоколь отъ средней части, какъ въ склепѣ Васюринской горы, играя роль верхняго карниза и такъ называемаго дѣлящаго члена такъ называемаго 1-го стиля помпеянской росписи. Досадно, что Фелицынъ не далъ хотя бы грубаго рисунка орнамента или хотя бы опредѣлилъ его какимъ-нибудь изъ ходячихъ и даже нашимъ археологамъ-любителямъ знакомыхъ терминовъ.

Если правильно наше предположеніе, то возможнымъ покажется, что изображеніе оленя занимало гладкую и, можетъ быть, совсѣмъ не окрашенную поверхность средней части стѣны (въ склепѣ Васюринской горы она была окрашена въ сплошной красный цвѣтъ). Къ сожалѣнію, и это предположеніе совершенно недоказуемо, такъ какъ Фелицынъ не потрудился даже указать размѣровъ изображенія оленя, что дало бы намъ возможность опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ мегалографіей въ родѣ нижеописанной Стасовской гробницы съ ея изображеніями звѣрей въ люнеткахъ (ср. гробницу 1891 г.), или съ фризомъ, вродѣ фризовъ делосскихъ росписей, гдѣ изображались не только орнаменты, но и фигуры.

То, что въ данномъ случаѣ приходится гадать, когда возможно было бы знать, и знать точно, особенно досадно потому, что роспись нашего склепа—несомнѣнно, первая по времени роспись на югѣ Россіи, гдѣ кромѣ орнаментальныхъ мотивовъ для украшенія стѣнъ примѣнены были и фигурныя изображенія. Вспомнимъ, что въ позднѣйшихъ керченскихъ росписяхъ фигурами украшаются почти исключительно фризы и люнетки.

Слѣдовавшая за галлереей главная погребальная комната была выше остальныхъ ($3^1/_2$ арш.). «Всѣ стѣны, какъ это можно было заключить по оставшимся кой-гдѣ кускамъ штукатурки, были покрыты фресками, но о содержаніи ихъ нельзя было составить себѣ никакого понятія изъ того немногаго, что сохранилось на камняхъ; возможно было отдѣлить лишь нѣсколько кусковъ штукатурки со слѣдами цвѣтныхъ орнаментовъ и полосъ» (l.l., стр. 10, ср. стр. 83 и рис. 57, 58).

Восемь фрагментовъ штукатурки, изданные частью Лаппо-Данилевскимъ (рис. 57 и 58), сохранились въ Императорскомъ Эрмитажѣ. На двухъ сохранилась краска. Фрагменты эти даютъ желтый кругъ на красномъ фонѣ, окаймленный двумя полосами—внутренней красной (0,006 м.) и внѣшней желтой (0,008 м.). Діаметръ круга, по приблизительному разсчету, не превышалъ 0,2 м. Сохранились, кромѣ того, 6 фрагментовъ бѣлой штукатурки съ углубленными линіями, полученными при помощи тонкой бичевки, вдавленной въ свѣтлую штукатурку. На одномъ фрагментѣ надъ полосой, ограниченной углубленными линіями, имѣются слѣды черной и голубой красокъ, которыми написанъ былъ какой-то нынѣ неопредѣлимый орнаментъ.

Къ сожалѣнію, Фелицынъ не указалъ, на какой высотѣ находились на стѣнахъ камеры снятые имъ фрагменты штукатурки, и тѣмъ лишилъ насъ возможности опредѣлить роль ихъ въ декоровкѣ. Судя по его словамъ, вѣроятно только одно, что всѣ эти фрагменты принадлежатъ главной погребальной комнатѣ.

Проведеніе параллельныхъ линій бичевкой по свѣжему стуку обычно въ южно-русскихъ расписныхъ камерахъ эпохи эллинизма. Такъ поступили мастера въ камерѣ Васюринскаго склепа и въ Анапскомъ погребеніи. Ширина отдѣльныхъ полосъ (отъ 22 до 27 милл.) показываетъ, что мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ нарисованнымъ профилемъ карниза, отдѣльныя части котораго покрыты были, какъ въ карнизѣ росписи Васюринскаго склепа, написанными орнаментами или окрашены въ сплошной цвѣтъ. Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что и въ этой комнатѣ по верху стѣны шелъ написанный карнизъ.

Красный фонъ, на которомъ изображенъ желтый кругъ или дискъ, напоминаетъ намъ затѣмъ красный сплошной фонъ средней части стѣны Васюринской горы. Неясною остается декоративная роль диска. Видѣть въ немъ подражаніе инкрустаціи мраморомъ, какъ мы это наблюдаемъ позднѣе во многихъ керченскихъ гробницахъ, не позволяютъ ни бѣдная гамма красокъ, ни особенно размѣры діаметра круга. Такіе небольшіе диски, какъ заполняющія среднюю часть стѣны круглыя плиты мрамора, немыслимы на стѣнѣ въ $3^1/_2$ аршина общей высоты. Я бы позволилъ себѣ поэтому скорѣе высказать предположеніе, основанное на аналогіи съ вышеописаннымъ склепомъ Эретріи и съ Керченскимъ склепомъ начала III в. до Р. Хр., что и здѣсь изображены были на стѣнѣ, какъ бы подвѣшенные, предметы вооруженія и утвари. До насъ сохранились бы въ такомъ случаѣ остатки мѣднаго или золоченаго щита, скорѣе чѣмъ остатки бронзоваго сосуда. На то, что предметъ былъ металлическій, указываетъ желтый цвѣтъ диска.

Къ сожалѣнію, всѣ эти выводы, какъ основанные сплошь на предположеніяхъ, ни въ коемъ случаѣ на достовѣрность претендовать не могутъ.

Въ виду незначительности остатковъ росписи склепа кургана Карагодеуашхъ я не считаю нужнымъ подробно останавливаться на датировкѣ склепа. Укажу только на то, что находка въ немъ нѣсколькихъ чернолаковыхъ сосудовъ безъ накладныхъ орнаментовъ, но со вдавленными на донышкѣ орнаментальными фигурами, заставляетъ думать о концѣ четвертаго или о III в. до Р. Хр. [1]).

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1882—1888 г., стр. CCXVI—CCXVIII; Лаппо-Данилевскій и Мальмбергъ, *Матеріалы по археологіи Россіи,* № 13. Древности южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ. Спб. 1894.

[1]) См. Лаппо-Данилевскій, l. l. стр. 46 слл. Къ сожалѣнію, ни Лаппо-Данилевскій, ни Мальмбергъ этой характерной керамикой при датировкѣ погребенія не пользуются. Между тѣмъ, эти сравнительно поздніе продукты чернолаковой керамики датируются теперь на основаніи ряда находокъ въ достаточной мѣрѣ точно; см. для еще болѣе поздней стадіи, чѣмъ наша, Б. В. Фармаковскаго въ Сборникѣ, поднес. гр. А. А. Бобринскому (Спб. 1911), стр. 63 слл.

VI. Склепъ, вырѣзанный въ скалѣ, 1867 г.

(Табл. VII, 1; рис. 15—18).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ 17 іюня 1867 года на Митридатѣ тамъ, гдѣ въ 1891 г. находилась усадьба татарина Чаракали (по улицѣ, идущей параллельно гробницамъ Сорака и Стасова) [1]. Послѣ открытія Гроссъ снялъ съ гробницы планъ, сдѣлалъ рядъ разрѣзовъ (см. рис. 16, 17 и 18) и скопировалъ въ краскахъ единственную цвѣтную часть росписи (табл. VII, 1). Въ 1891 г. склепъ, превращенный въ погребъ, посѣщенъ былъ проф. Ю. А. Кулаковскимъ, причемъ онъ не зналъ, что гробница эта уже извѣстна и что съ нея сдѣланы были въ свое время рисунки.

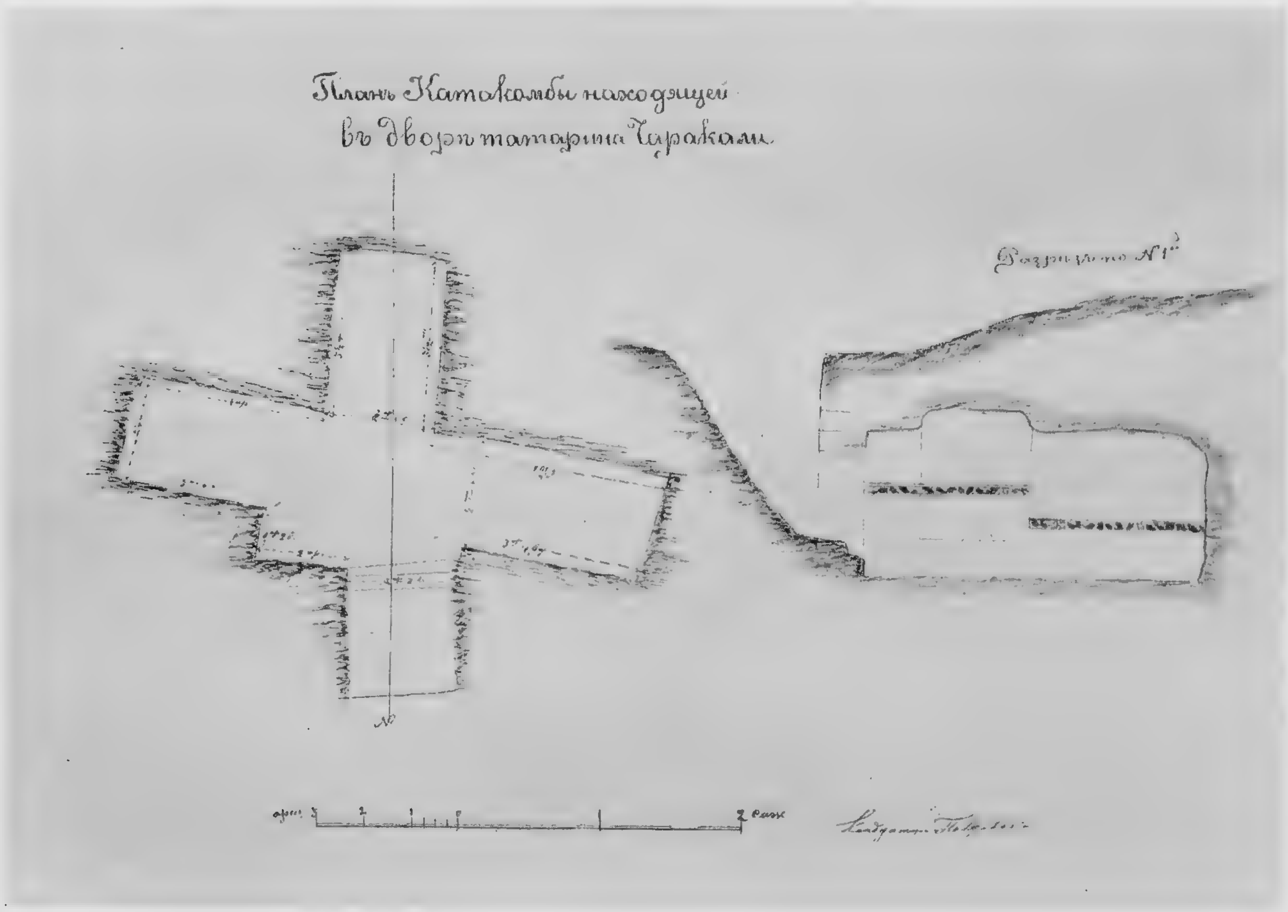


Рис. 15. Планъ и разрѣзъ гробницы 1867 г. (чертежъ конд. Полтавскаго).

По его иниціативѣ кондукторъ Полтавскій сдѣлалъ планъ и разрѣзъ гробницы болѣе точные, чѣмъ планъ и разрѣзы Гросса (см. рис. 15). Роспись, по словамъ Кулаковскаго, въ это время настолько уже пострадала, что думать объ ея копированіи не приходилось.

---

[1]) См. планъ на табл. I, № 15. На планѣ Кулаковскаго, Матеріалы, № 19, обозначенъ лит. g.

Мнѣ въ гробницу проникнуть не удалось за отсутствіемъ хозяина. Къ тому же, судя по разсказамъ, не только роспись, но и архитектура склепа, пока онъ служилъ погребомъ, сильно пострадали.

Архитектура склепа.

Архитектура нашего склепа очень необычна; параллелей къ ней на югѣ Россіи я не знаю. Какъ всегда, ко входу въ склепъ ведетъ колодезь, вырубленный въ скалѣ. Между восточной и западной отвѣсными стѣнами этого колодца, очевидно, при постройкѣ оказалась лощина, заваленная насыпной землей. Въ этой лощинѣ въ насыпи выстроенъ былъ изъ плитъ мѣстнаго камня длинный и высокій корридоръ съ плоскимъ плитовымъ покрытіемъ вплоть до того мѣста, гдѣ опять начинался скалистый материкъ, въ которомъ выстроена вся остальная часть склепа. Стѣны корридора укрѣплены на материкѣ, который отъ колодца къ центру склепа понижается тремя ступенями.

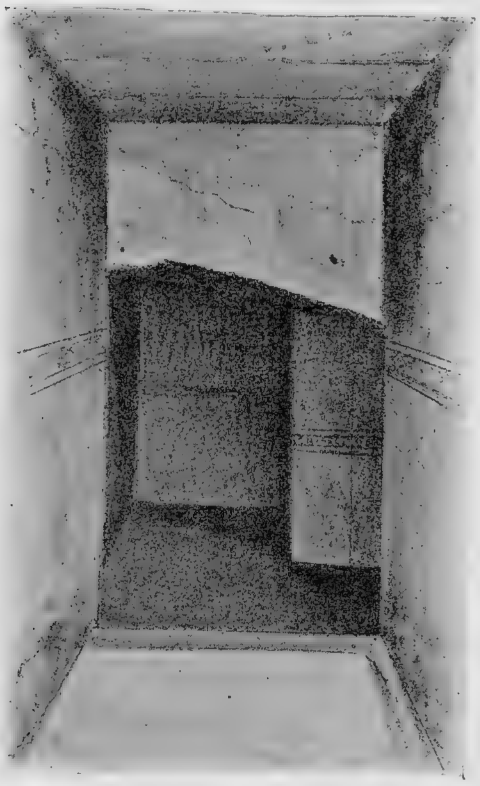


Рис. 16. Входъ въ склепъ, заваленный плитой (рис. Гросса).

Корридоръ ведетъ въ центральную почти квадратную комнату склепа, значительно болѣе низкую, чѣмъ корридоръ. Она расширяется направо и налѣво двумя крыльями, причемъ уровень пола и потолка къ югу повышается, къ сѣверу понижается въ зависимости, очевидно, отъ условій грунта и отъ положенія того пласта, въ которомъ особенно удобно было работать. Продолжается центральная камера и вглубь на сравнительно незначительное протяженіе.

Въ общемъ получается форма неправильнаго креста, совершенно необычная для Пантикапейскихъ вырѣзанныхъ въ скалѣ склеповъ. Впрочемъ, въ другихъ районахъ распространенія склеповъ, вырѣзанныхъ въ скалѣ — въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ — формы, аналогичныя нашей, встрѣчаются довольно часто.

Роспись склепа.

Еще оригинальнѣе *роспись* нашего склепа. Весь склепъ, включая и дромосъ, «тщательно выштукатуренъ въ желто-сѣроватомъ тонѣ» (Кулаковскій). Приблизительно на половинѣ высоты стѣны во всѣхъ частяхъ склепа параллельно полу и потолку идетъ синяя полоса въ двойной—бѣлой и красной—рамкѣ, заполненная изображеніемъ непрерывныхъ побѣговъ какого-то вьющагося растенія (можетъ быть, повилики) съ листьями и розовыми цвѣтами (Кулаковскій говоритъ о «цвѣточномъ орнаментѣ изъ листьевъ и плодовъ», но замѣчаетъ, что «краски не различаются ясно, отчетливѣе выдѣляются черныя, зеленыя и красныя пятна», т. е., очевидно, роспись едва замѣтна была при его посѣщеніи склепа; Гроссъ же ничего не говоритъ о плохой сохранности росписи).

Къ сожалѣнію, я не вижу возможности вполнѣ полагаться на рисунокъ Гросса, но думаю, что въ общемъ роспись зарисована правильно.

Во всякомъ случаѣ, если оригиналенъ планъ склепа, то еще болѣе оригинальна его роспись. Аналогій для такого фриза посрединѣ ничѣмъ не дифференцированной стѣны я не знаю, особенно если принять во вниманіе то, что фризъ этотъ заполненъ натуралистическимъ, почти не стилизованнымъ, изображеніемъ растенія.

Объясненіе такому фризу я находилъ бы только, сопоставляя его съ вышеописаннымъ склепикомъ Керчи и съ любимыми въ такъ называемомъ первомъ

помпеянскомъ стилѣ дѣлящими фризами, заполненными часто орнаментами. Если такое сближеніе правильно, то весьма возможно, что передъ нами памятникъ сравнительно ранняго времени, можетъ быть, на рубежѣ между эллинизмомъ и римскимъ временемъ, во всякомъ случаѣ памятникъ, слѣдующій наиболѣе старой традиціи въ росписи жилыхъ и погребальныхъ помѣщеній.

Рис. 17. Продольный разрѣзъ склепа (рис. Гросса).

Впрочемъ, не имѣя возможности полагаться на точность передачи растительнаго орнамента Гроссомъ, я не считалъ бы возможнымъ на этомъ предположеніи настаивать. Не скрою, что въ передачѣ Гросса цвѣты производятъ на меня впечатлѣніе цвѣтовъ, родственныхъ нѣкоторымъ формамъ тѣхъ цвѣтовъ каллы, о которыхъ была рѣчь при разборѣ склепа Б. Близницы.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1867 г., стр. X, ср. *Отчетъ* за 1891 г., стр. 62. Тожество обѣихъ гробницъ сомнѣнію не подлежитъ.

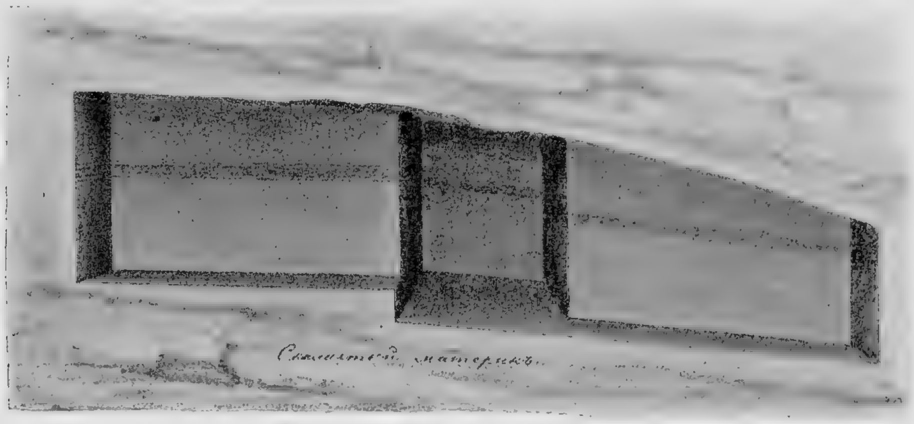


Рис. 18. Поперечный разрѣзъ склепа (рис. Гросса).

VII. Расписной мраморный саркофагъ, найденный въ 1851 г. на Таманскомъ полуостровѣ.

Въ письмѣ къ графу Перовскому отъ 21 сентября 1851 г. Бѣгичевъ (см. К. Герцъ, Историческій обзоръ археологическихъ разслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII стол. до 1859 г., Москва, 1876, стр. 38 сл. Собраніе соч., вып. 2, стр. 46) кратко упоминаетъ о находкѣ мраморнаго расписного саркофага на Таманскомъ полуостровѣ. Подробнѣе онъ говоритъ о немъ же въ своемъ рукописномъ докладѣ подъ заглавіемъ «Археологическія розысканія въ 1852 г. на Таманскомъ полуостровѣ, произведенныя съ 17 апрѣля». Подъ 29 іюня 1852 г. здѣсь стоитъ: «Начата работа по раскопкѣ самаго большого кургана, лежащаго на возвышенности между Босфорскимъ заливомъ и лиманомъ Ахтанизовскимъ (около ст. Сѣнной, какъ говоритъ Герцъ, l. l.)»... (Высказывается предположеніе, что курганъ не былъ разграбленъ). «Предположеніе это тѣмъ болѣе казалось основательнымъ, что въ прошломъ году поблизости этого кургана былъ открытъ мраморный саркофагъ изящной греческой работы, хотя всѣ украшенія его составляли карнизы, разрисованные красною краскою». Герцъ, самъ не видѣвшій саркофага, частью со словъ Леонтьева, видѣвшаго его, частью со словъ мѣстныхъ жителей дополняетъ описаніе росписи (l. l.) слѣдующимъ образомъ: «Мѣстные жители разсказывали намъ, что они (украшенія саркофага) были писаны двумя красками, красною и голубою и золотомъ». Ср. П. В. Беккеръ, *Пропилеи* III, 380 (Беккеръ видѣлъ только крышку саркофага).

Исторію гибели саркофага Бѣгичевъ въ цитированномъ письмѣ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Нельзя, однако, не пожалѣть, что мраморный саркофагъ, найденный въ послѣднее время въ Черноморіи, потерянъ для нашего музеума; за неимѣніемъ необходимыхъ снарядовъ для подъема его изъ кургана, я оставилъ его на мѣстѣ и далъ знать о томъ градоначальнику. Но градоначальникъ по письму моему не сдѣлалъ никакого распоряженія. По возвращеніи въ Керчь, я просилъ его опять лично; но и на этотъ разъ обѣщаніе его не было исполнено. Наконецъ, я обратился самъ къ начальнику адмиралтейства и тотчасъ получилъ все, что нужно, и отправился съ своими рабочими на Сѣнную. Но между этимъ временемъ нашелся какой-то варваръ, который до того побилъ углы и карнизы гробницы, что ее не стоило уже трогать съ мѣста». Ср. Герцъ, l. l., 39.

Оставленный на произволъ судьбы Бѣгичевымъ разбитый саркофагъ, очевидно, былъ растащенъ мѣстными жителями.

Къ сожалѣнію, саркофагъ или обломки его никѣмъ изъ видѣвшихъ не были ни точно описаны, ни измѣрены, ни зарисованы. Поэтому судить объ его времени невозможно. Вѣрить опредѣленію его Леонтьевымъ, какъ принадлежащаго времени Фидія, конечно, не приходится.

Въ свое время саркофагъ былъ, конечно, въ высшей степени цѣннымъ памятникомъ, почти единственнымъ въ своемъ родѣ. Теперь, какъ извѣстно, количество расписныхъ греческихъ саркофаговъ IV и сл. вѣковъ до Р. Хр. съ богатой профилировкой чрезвычайно велико: помимо этрусскихъ, назову хотя бы знаменитый саркофагъ Флорентійскаго музея, извѣстные сидонскіе саркофаги въ Константинополѣ и саркофаги ликійскіе въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Характерно, что всѣ эти памятники принадлежатъ къ сферѣ распространенія іонійскаго искусства.

Литература.

К. Герцъ, Историческій обзоръ археологическихъ разслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII стол. до 1859 г., Москва 1876, стр. 38 сл. (Собраніе соч., вып. 2, стр. 47); П. Беккеръ, *Пропилеи,* III, 380.

VIII. Склепы и гробницы, стѣны которыхъ сплошь окрашены.

Въ заключеніе описанія расписныхъ склеповъ эпохи ранняго эллинизма приведу нѣсколько примѣровъ гробницъ съ чрезвычайно простой декоровкой, имѣющихъ весьма малое значеніе для исторіи развитія стѣнной росписи. Полноты въ этомъ перечисленіи я не добивался.

1) Въ рапортѣ Бѣгичева отъ 19 октября 1853 г. за № 71 (ср. К. Гёрцъ, Истор. обзоръ археолог. изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ, стр. 100 сл.) указано, что при работахъ около ст. Сѣнной «возобновлено было изслѣдованіе кургана, лежащаго на обрывѣ Таманскаго залива» около хутора Артюхова. Въ одномъ изъ угловъ этого кургана «обнаружена каменная гробница съ круглымъ сводомъ, устроенная въ материкѣ на глубинѣ 4-хъ саж. отъ поверхности кургана». «Къ дверямъ гробницы этой примыкала галлерея изъ не жженаго кирпича, покрытая деревянными брусьями». Гробница была расхищена, но все же въ ней найдено было «нѣсколько черепковъ рисованныхъ (т. е., очевидно, краснофигурныхъ) вазъ». «Внутренность гробницы до плечъ свода была оштукатурена и украшена двумя широкими горизонтальными полосками: сверху бѣлой, снизу красной густо-темнаго цвѣта. Сводъ же гробницы, сложенный изъ 12 рядовъ камня, хорошо обтесаннаго, оставленъ въ натуральномъ его видѣ» [1]).

Приведенное описаніе настолько невразумительно, что не даетъ понятія о системѣ росписи. Если верхняя полоса была бѣлая, то какъ она отдѣлялась отъ остальной стѣны, очевидно, тоже бѣлой? Или же передъ нами система росписи, аналогичная системѣ вышеописаннаго Керченскаго склепа, т. е. нижняя часть стѣны была окрашена въ красный, верхняя въ бѣлый цвѣтъ?

Во всякомъ случаѣ, если найденные черепки были дѣйствительно обломками краснофигурной посуды, уцѣлѣвшими отъ грабителей, то передъ нами несомнѣнно памятникъ не позже IV — III в. до Р. Хр.

2) Въ 1869 г. (см. О. И. А. К. 1869 г., стр. XII сл.) на вершинѣ Темиръ-горы ($4^1/_2$—$5^1/_2$ в. отъ Керчи на с.-в., 4 в. на с. отъ Еникале) открытъ былъ «каменный внутри оштукатуренный, окрашенный красною краскою склепъ, который однако же былъ уже расхищенъ въ прежнее время». Датируется этотъ склепъ вещами, найденными на мѣстѣ костра, сожженнаго рядомъ со склепомъ. Часть вещей издана и описана Стефани (см. Атласъ за 1870 — 1871 г., табл. VI, 15, 16 и 17 и О. И. А. К. 1870—1871 г., Прил., стр. 205 сл.), который датируетъ ихъ IV вѣкомъ до Р. Хр.

[1]) Бѣгичевъ, а за нимъ и Герцъ даютъ и размѣры гробницы; дл. 3 арш. 11 в., шир. 2 арш. $^3/_4$ в., выс. 3 арш. $10^1/_2$ в.; длина галлереи — $10^1/_2$ арш., шир. 1 арш. 8 в., толщ. стѣнокъ галлереи 1 арш., выс.—2 арш. 8 в.

3) Въ рукописномъ донесеніи Забѣлина отъ 27 іюля 1869 г. за № 9 [1]) говорится, между прочимъ, о разслѣдованіи большого кургана «съ зап. стороны городища по направленію почтовой дороги отъ Тамани на Сѣнную станцію». «Въ срединѣ его на материкѣ, говоритъ Забѣлинъ, обнаружилась большая каменная гробница, опущенная въ глубину материка на 3 арш. По верху она была закладена большими плитами, а внутри по стѣнамъ нѣкогда была тщательно выштукатурена и расписана золотомъ и красною краскою. По стѣнамъ еще замѣтны были неясные слѣды такихъ украшеній, и мелкія части сусальнаго золота, облетѣвшаго со стѣнъ, попадались повсюду въ слояхъ перерытой земли по всему пространству гробницы. Кромѣ мелкихъ обломковъ бронзовыхъ и желѣзныхъ, это были единственные остатки отъ произведеннаго въ ней давняго раззоренія».

Погребеніе, такимъ образомъ, не датируется. Очевидно, оно самое старшее въ курганѣ, но, къ сожалѣнію, и курганъ датировать не представляется возможности, несмотря на найденные въ немъ обломки чернофигурной вазы.

Характерно, однако, что подобные остатки найдены были Б. В. Фармаковскимъ въ трехъ или четырехъ гробницахъ Ольвіи въ 1896 г., см. О. И. А. К. 1896 г., стр. 205, № 2 (эллинистическаго времени—III—II в. до Р. Хр.?); стр. 206 сл., № 34 (IV—III в. до Р. Хр.); стр. 210, №№ 39 и 41. Всѣ гробницы относятся къ ранне-эллинистическому времени. Позолота врядъ ли украшала стѣны, а скорѣе носилки покойника и другіе предметы гробничной утвари.

Описаніе Забѣлина не позволяетъ съ точностью утверждать, что позолота въ Таманской гробницѣ свалилась именно со стѣнъ, а не съ гроба или носилокъ.

Обычай окрашивать стѣны гробницы или саркофага внутри въ красную краску очень распространенъ въ греческомъ мірѣ; см. примѣры, сопоставленные F. von Duhn, Rot und Tod, *Arch. f. Rel.* IX, 2, ср. Samter, Geburt, Hochzeit und Tod, Leipzig 1911, 191 сл.

[1]) Ср. О. И. А. К. 1869 г., стр. V. Аналогичная, къ сожалѣнію, также не датированная, внутри окрашенная красною краской, каменная гробница, впущенная въ материкъ (надъ ней курганъ), упоминается въ рапортѣ Люценка отъ 20 апр. 1854 г. за № 38 (въ долинѣ между двумя рядами холмовъ, идущихъ къ западу отъ горы Митридатовой и Павловской батареи).

IX. Экскурсъ. О датированныхъ склепахъ ранняго эллинистическаго времени съ цилиндрическимъ или уступчатымъ покрытіемъ.

(Табл. XXXII—XXXVI; рис. 19—22).

Цѣль экскурса.

Уже при разборѣ росписи склеповъ Б. Близницы и Васюринской горы я указывалъ на большое значеніе этихъ сооруженій для исторіи архитектуры вообще и на то характерное для нашего типа погребеній явленіе, что погребенія эти располагаются обыкновенно группами, причемъ всѣ сосѣднія погребенія разныхъ формъ (плитовыя гробницы, склепы съ цилиндрическимъ или уступчатымъ покрытіемъ), находящіяся либо подъ отдѣльными курганами, сгруппированными чаще всего на какой-нибудь возвышенности, либо подъ однимъ особенно большимъ курганомъ, оказываются почти во всѣхъ случаяхъ одновременными, съ колебаніями, въ крайнемъ случаѣ, отъ двухъ до трехъ десятковъ лѣтъ.

Не имѣя возможности входить въ техническій анализъ извѣстныхъ мнѣ склеповъ этого времени, наибольшая часть которыхъ къ тому же безвозвратно погибла, я указываю только еще разъ на несомнѣнную эволюцію, которую пережили склепы съ уступчатымъ покрытіемъ въ теченіе, можетъ быть, одного только IV в. (Золотой и Царскій курганы, вѣроятно, наиболѣе ранніе представители этого типа, къ сожалѣнію, не датированы, но врядъ ли значительно старше нижеупоминаемыхъ кургановъ на хребтѣ Юзъ-оба, сравнительно точно датируемыхъ второй половиной четвертаго вѣка), и на огромную важность систематическаго изученія всѣхъ, еще сохранившихся, памятниковъ этого типа, равно какъ на абсолютную необходимость охранить отъ разрушенія немногіе, оставшіеся цѣлыми, памятники этого типа, главнымъ образомъ, склепы на вершинѣ Юзъ-оба.

Задачей предлагаемаго экскурса является простое сопоставленіе матеріала, съ приблизительной датировкой нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ отдѣльныхъ группъ или гнѣздъ склеповъ интересующаго насъ рода, какъ доказательство однородности ихъ съ группами Б. и М. Близницы и Васюринской, и для подкрѣпленія моего мнѣнія о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одновременной серіей семейныхъ погребеній крупныхъ феодаловъ, царьковъ или олигарховъ Пантикапея, Фанагоріи и окрестностей. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе обряда погребенія, почти во всѣхъ деталяхъ совпадающаго во всѣхъ этихъ гробницахъ и еще болѣе подкрѣпляющаго увѣренность въ одновременности всѣхъ этихъ группъ, выходитъ за предѣлы этой работы. Считаю, однако, необходимымъ указать на то, насколько благодарный матеріалъ даютъ эти погребенія для выясненія вопроса о религіозныхъ взглядахъ и о культурномъ уровнѣ знати Пантикапея, объ ея связи съ Ираномъ и М. Азіей, съ одной стороны, Ѳракіей и Македоніей, съ другой, и, наконецъ, о томъ взаимномъ вліяніи, которое оказали какъ въ культурномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи другъ на друга и, вѣрнѣе, даже на самую М. Азію въ свое время рели-

гіозныя воззрѣнія и культурные навыки іонической Греціи, съ одной стороны, и иранской Скиѳіи, съ другой. Для выясненія послѣдняго вопроса особое значеніе имѣло бы тщательное сравненіе обряда погребенія въ нашей группѣ гробницъ и въ такъ называемыхъ скиѳскихъ погребеніяхъ Кубани, Придонья, Приднѣпровья и Прибужья, серія которыхъ начинается не позже VI в. до Р. Хр.

Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что при всемъ оживленіи археологической работы, наблюдающемся за послѣднее время, мы все еще, очевидно, находимся не въ стадіи разработки и систематизаціи добытаго и добываемаго матеріала, а въ стадіи, по большей части, безсистемнаго добыванія его. Отвлекаясь отъ нѣкоторыхъ спорадическихъ попытокъ въ этомъ направленіи, не приведшихъ пока въ области классической археологіи къ замѣтнымъ результатамъ, укажу, хотя бы, на то явленіе, что до сихъ поръ не сдѣлано, хотя бы попутно, попытки распредѣлить по времени такіе важные архитектурные памятники нашего классическаго юга, какъ склепы нашихъ кургановъ. Благодаря этому, еще недавно такой авторитетный изслѣдователь, какъ Б. В. Фармаковскій, говорилъ о томъ, что склепы съ цилиндрическими сводами не могутъ принадлежать времени болѣе раннему, чѣмъ римская эпоха. Между тѣмъ, сознаніе необходимости хронологическаго, если не разбора, то хотя бы сопоставленія южно-русскихъ погребеній ощущалось уже въ 1850 г. людьми, привыкшими къ хронологической классификаціи матеріала, и ими высказывалось требованіе указаннаго выше сопоставленія, какъ conditio sine qua non научной обработки данныхъ, доставляемыхъ погребеніями юга Россіи. Я имѣю въ виду работу Э. Г. Муральта, Хронологическое обозрѣніе древнихъ могилъ, находящихся по обѣ стороны Босфора Каммерійскаго, *Зап. Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества* II, 1850, 307 слл., гдѣ высказано не только пожеланіе, но дана и очень интересная попытка осуществленія его на основаніи тогда еще почти сплошь рукописнаго матеріала [1]). Хронологическіе критеріи Муральта вполнѣ правильны; на первый планъ онъ ставитъ монеты, вторымъ признакомъ является нахожденіе или ненахожденіе стекла въ могилахъ, третьимъ «стиль вазъ и украшеній, находимыхъ вмѣстѣ съ остатками погребенныхъ».

Къ сожалѣнію, попытка Муральта осталась одинокой, и никто изъ писавшихъ о находимыхъ въ большомъ количествѣ погребальныхъ сооруженіяхъ не считалъ нужнымъ пополнить и обновить матеріалъ Муральта. Не надо прибавлять, что въ настоящее время задача представляется еще болѣе настоятельной, чѣмъ въ 1850 г. Приводимый ниже случайный матеріалъ любопытенъ уже тѣмъ, что показываетъ, какъ много имѣется въ этомъ отношеніи цѣннаго и неиспользованнаго матеріала [2])

I. Группа кургановъ на Юзъ-оба.

История раскопокъ.

Наиболѣе близко и по своему положенію, и по времени къ группѣ кургановъ Васюринскихъ и двухъ Близницъ подходитъ разслѣдованная, главнымъ образомъ, въ 1858—1860 г. группа кургановъ на хребтѣ Юзъ-оба [3]). Часть кур-

[1]) Къ сожалѣнію, цитаты недостаточно точны и не указано, гдѣ хранился рукописный матеріалъ, использованный Муральтомъ, и что обозначаютъ римскія цифры безъ указанія годовъ.

[2]) Не могу сказать, чтобы намѣченный вопросъ сколько-нибудь серьезно поставленъ былъ даже въ такой работѣ, какъ «Русскія древности» гр. Толстого и Кондакова. Между тѣмъ, сколько нибудь вразумительное изложеніе въ первыхъ двухъ выпускахъ только и возможно было бы послѣ совершенія такой работы.

[3]) Послѣ 1860 г. за изслѣдованіе этой группы кургановъ брались только спорадически. Въ Остромъ и смежномъ курганѣ работали въ 1862 г., см. О. И. А. К., 1862 г., стр. V слл., затѣмъ безрезультатно въ 1882 г. (см. ниже). Продолжались работы и въ 1863 г. (см. О. И. А. К., 1863 г.,

гановъ этой группы была подробно разслѣдована и очень хорошо описана Люценкомъ, причемъ превосходную иллюстрацію находокъ и хода раскопокъ даютъ талантливые и для своего времени очень точные рисунки Бѣгичева, помощника Люценка. Къ сожалѣнію, описанія Люценка изданы только въ чрезвычайно краткихъ извлеченіяхъ, а большинство рисунковъ, какъ планы раскопки отдѣльныхъ кургановъ, составленные Люценкомъ, такъ и рисунки Бѣгичева, совсѣмъ не изданы. Поэтому считаю не лишнимъ издать здѣсь наиболѣе важные рисунки, въ текстѣ же упомяну только то, что мнѣ особенно важно для моей цѣли.

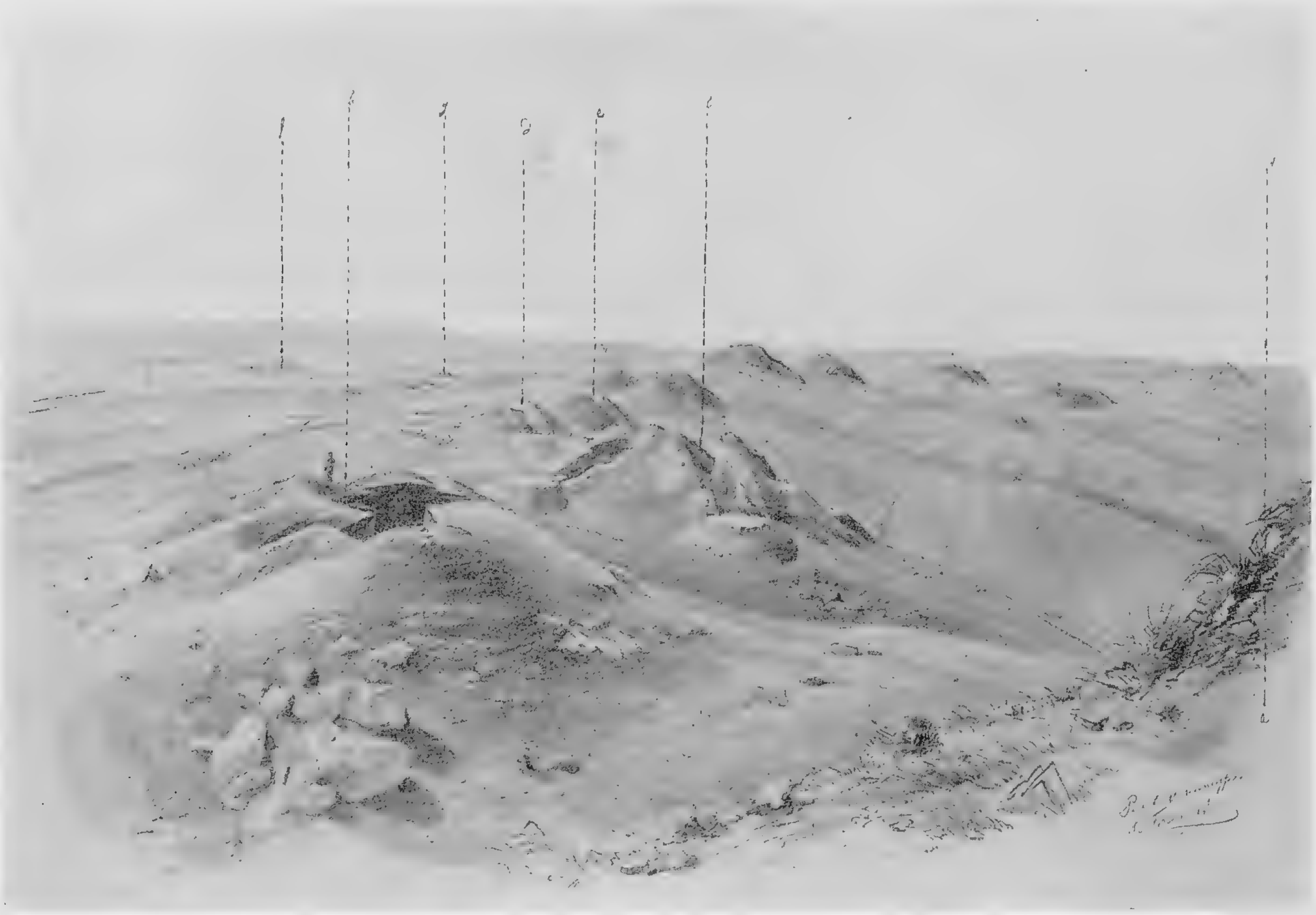


Рис. 19. Видъ кургановъ на хребтѣ Юзъ-оба съ восточной стороны. a. Змѣиный курганъ; b. М. Каменистый курганъ; c. Б. Каменистый курганъ (оба по лѣвую сторону дороги); d. Курганъ і съ гробницей № 50; e. Курганъ к; f. Песчаный курганъ (съ карандашнаго рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.).

Расположеніе кургановъ.

Общее расположеніе кургановъ превосходно охарактеризовано Бѣгичевымъ въ пояснительномъ текстѣ къ его рисункамъ (Дѣло 1859 г., № 12. Приложеніе къ рап. № 11, л. 110). «Курганы (на хребтѣ Юзъ-оба) въ натурѣ расположены почти въ шахматномъ порядкѣ одинъ къ другому и идутъ на различномъ разстояніи, то повышаясь, то понижаясь на излучистой поверхности хребта, рѣдко спускаясь на его покатости. Вообще, какъ замѣтно, курганы эти насыпаны надъ скалистыми пиками, видимыми отчасти наружу на поверхности самихъ кургановъ

стр. X слл.). Послѣ этого работа возобновлена была Кондаковымъ и продолжена графомъ А. А. Бобринскимъ, причемъ сосредоточилась она, главнымъ образомъ, на Змѣиномъ курганѣ, см. О. И. А. К., 1882—1888 г., стр. XXXI слл.; LXXXIII и CCXIII; О. И. А. К. за 1889 г., стр. 11 слл. Небольшія раскопки между Острымъ и Змѣинымъ курганами произведены были и В. В. Шкорпиломъ въ 1909 году, см. И. И. А. К., 47, стр. 37 слл. Выше приведенныя ссылки на Отчеты сообщены мнѣ В. В. Шкорпиломъ.

или же выдающимися особо по хребту, наружный видъ котораго измѣняется по причинѣ ущелій, разъединяющихъ его на извѣстномъ разстояніи и дающихъ ему видъ отдѣльныхъ возвышенностей, имѣющихъ на всемъ протяженіи своемъ скатъ болѣе крутой съ сѣверной стороны, нежели съ южной» (см. рис. 19).

Съ хребта и кургановъ, среди которыхъ у самой Павловской батареи возвышается такъ называемый Павловскій курганъ, разрытый въ 1858 г., а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него группа кургановъ, разрытыхъ въ 1859 и 1860 г., наиболѣе крупнымъ изъ которыхъ является разслѣдованный Ашикомъ, Кондаковымъ и гр. Бобринскимъ Змѣиный курганъ, открывается широкій видъ на проливъ и Тамань съ Близницами и Васюринской горой. Цѣпь кургановъ Юзъ-оба какъ бы соотвѣтствуетъ цѣпи кургановъ Васюринской горы (см. рис. 20) [1].

Рис. 20. Видъ кургановъ на хребтѣ Юзъ-оба съ западной стороны. a. Змѣиный курганъ; b. М. Каменистый курганъ; c. Б. Каменистый курганъ; d. Курганъ i съ гробницей № 50; e. Курганъ к; f. Тузла; = Тамань; || гора Васюринская (съ рис. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.).

Это топографическое соотвѣтствіе, эта любовь къ верхушкамъ горныхъ кряжей очень характерны и примѣчательны. Въ нихъ сказывается общность вкусовъ и традицій.

Одновременность погребеній.

Съ этой точки зрѣнія становится особенно любопытнымъ то наблюденіе, что и по конструкціи, и по способу погребенія группа сохранившихся нетронутыми до ихъ разслѣдованія погребеній въ склепахъ Юзъ-обы представляетъ разительныя аналогіи со склепами Б. Близницы и Васюринской горы. При этомъ чрезвычайно важно и то, что обѣ группы принадлежатъ несомнѣнно, какъ увидимъ ниже, одному времени — эпохѣ наибольшаго расцвѣта Боспора — концу IV—III в. до Р. Хр.

[1]) Рисунки 19 и 20 сдѣланы Бѣгичевымъ. Они, конечно, очень неточны, но тѣмъ не менѣе очень важны для исторіи разслѣдованія первостепенныхъ погребеній на хребтѣ Юзъ-оба. Надо надѣяться, что публикація здѣсь этихъ рисунковъ облегчитъ работу того лица, которое когда-нибудь разслѣдуетъ всю эту серію погребеній съ исторической и археологической точки зрѣнія. Я увѣренъ также, что разслѣдованіе всей этой серіи кургановъ далеко еще не закончено.

Топографически особенно тѣсно связана группа изъ четырехъ кургановъ, въ которыхъ въ каждомъ оказалось по каменному склепу. Выдѣляя изъ этого числа разрушенный большой склепъ такъ называемаго Малаго Каменистаго кургана, остановимся на трехъ остальныхъ, найденныхъ почти нетронутыми.

Склепъ № 50.

Первый изъ этихъ склеповъ былъ открытъ въ 1859 г., 31 іюля, въ курганѣ, обозначенномъ у Люценка буквой I (склепъ № 50). Видъ его при открытіи, два разрѣза и планъ, равно какъ и два плана разслѣдованія кургана, до сихъ поръ не опубликованные, имѣются въ дѣлѣ о разслѣдованіи кургана и въ Альбомѣ рисунковъ 1859 г.; изъ нихъ къ моему краткому описанію склепа прилагаю планъ и разрѣзы склепа. Краткое описаніе склепа опубликовано въ О. И. А. К., 1859 г., стр. IX сл. (см. нашу табл. XXXII, 1—3) [1]).

Архитектура склепа.

Склепъ состоялъ изъ одной только погребальной комнаты безъ дромоса, напоминая этимъ склепы Б. Близницы. Къ камерѣ велъ спускъ, вырубленный въ скалѣ (дл. 1 саж., шир. 1½, глуб. ¾ саж.), и заваленный затѣмъ глыбами дикаря. Входъ въ камеру заложенъ былъ до верха тесаными плитами. Сама погребальная комната была впущена до начала покрытія въ материкъ. Длина ея внутри 1½ саж., шир. 11½ четвертей, высота отъ пола до начала покрытія ¾ саж., отъ начала покрытія до заключительныхъ плитъ 2 аршина. Покрытіе уступчатое изъ трехъ рядовъ тесаныхъ плитъ; сверху замкнуто 6-ю лежащими горизонтально плитами. Нижній уступъ, какъ и въ Б. Близницѣ, срѣзанъ.

Датировка.

Датируется склепъ двумя поздними краснофигурными вазами съ обильной позолотой и многими полихромными элементами въ росписи: это пелика и лекана, вторая съ изображеніемъ туалетной сцены въ гинэкеѣ (см. о нихъ О. И. А. К. 1860 г., Прил., Атласъ табл. I и II и текстъ Стефани). Объ этихъ вазахъ рѣчь была уже выше, и къ ихъ датѣ я возвращаться не стану: наиболѣе вѣроятна ихъ датировка второй половиной IV в. до Р. Хр.

Саркофагъ.

Интересный и очень характерный двойной гробъ подробно описанъ Люценкомъ, описаніе котораго осталось неизвѣстнымъ Вацингеру. Позволяю себѣ въ виду этого привести это описаніе, могущее принести пользу тому, кто возьмется передѣлать и дополнить поверхностныя (по крайней мѣрѣ, по отношенію къ памятникамъ нашего юга) описанія и сопоставленія Вацингера.

«Въ склепѣ стоялъ на 4-хъ ножкахъ, вышиною въ ¾ арш., простой деревянный одръ, въ видѣ ящика, длиною 3½ арш., шир. 1 арш. 13 в. и выс., кромѣ ножекъ, около 1¼ арш. съ досчатымъ поломъ, утвержденнымъ на трехъ плитахъ, лежавшихъ подъ нимъ горизонтально. Внутри же его находился другой деревянный ящикъ дл. 2 арш. 14 в., шир. 1 арш. 7 в. и выш. 1 арш. 2 в., обитый съ боковъ и сверху фіолетовою тканью [2]), отъ коей сохранились на деревѣ едва замѣтные остатки около мѣдныхъ гвоздей. Ящикъ этотъ, не имѣвшій дна, служилъ одру вмѣсто крыши, ибо онъ былъ вымощенъ сверху досками, которыя, подгнивъ, обвалились въ средину его. Изъ наружныхъ украшеній одра и крыши уцѣлѣли только двѣ простыя колонки, одинъ небольшой фрагментъ деревяннаго карниза съ замѣчательною рѣзьбою и 24 пуговки изъ горнаго хрусталя отъ угловыхъ стоекъ».

---

[1]) Два рисунка Бѣгичева опубликовалъ Watzinger, Holzsarkophage, 41, № 20. Не понимаю, какъ можетъ онъ утверждать (прим. 2), что склепъ не изданъ, между тѣмъ какъ вещи, найденныя въ немъ, изданы и подробно описаны Стефани въ Приложеніи къ Отчету за 1860 г., Атласъ, табл. I и II (вазы), табл. IV (золотыя вещи).

[2]) Можетъ быть, только покрытый φοινιχίς, какъ гробъ Александра В., ср. выше, стр. 50.

Изъ этого описанія уже видно, что саркофагъ не принадлежалъ къ чистому типу саркофаговъ-ящиковъ.

Кромѣ вазъ, найденныхъ внутри гробницы, въ насыпи кургана найдены были чрезвычайно изящные черепки посуды съ обильной позолотой, аналогичной съ найденной въ склепѣ [1]).

2) Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ той группой кургановъ, къ которой принадлежитъ курганъ I, находятся тѣ два кургана, въ которыхъ въ 1860 г. найдены два знаменитыхъ нетронутыхъ склепа, особенно извѣстныхъ своими рѣзными камнями. Къ сожалѣнію, находки заслонили собою самыя сооруженія, планы и разрѣзы которыхъ никогда не были опубликованы. Мѣстоположеніе и внѣшній видъ кургановъ иллюстрируются рисункомъ Бѣгичева (см. рис. 21), на которомъ изображена группа изъ пяти кургановъ, непосредственно примыкающая (справа) къ группѣ кургановъ, иллюстрированной рис. 19 и 20. Изъ этихъ пяти кургановъ нетронутые склепы сохранили курганы 5 и 6 (по сплошной нумераціи Люценка отъ начала раскопокъ на этомъ мѣстѣ), обозначенные на рисункѣ 21 поставленными на ихъ верхушкахъ фигурами людей: большой курганъ на первомъ планѣ покрываетъ двойной склепъ съ уступчатымъ покрытіемъ (№ 5), второй, меньшихъ размѣровъ курганъ—склепъ съ полуцилиндрическимъ сводомъ. Краткія свѣдѣнія о склепахъ, опубликованныя въ О. И. А. К. 1860 г., стр. III сл., Атласъ, табл. VI, рис. 1 и 2 даютъ виды обоихъ склеповъ; первый видъ изъ корридора склепа кургана № 6 (склепъ № 47), второй—видъ главной камеры склепа въ курганѣ № 5 (склепъ № 48 по нумераціи Люценка). Присоединяю къ этому планы и разрѣзы обоихъ склеповъ, сдѣланные Бѣгичевымъ (табл. XXXIII и XXXIV), и видъ склепа № 48 со стороны дромоса (рис. 22); въ дѣлѣ 1860 г. имѣются также планы и разрѣзы обоихъ кургановъ. Въ мою задачу не входитъ подробное описаніе обоихъ сохранившихся и въ настоящее время склеповъ. Настойчиво указываю на необходимость новой, точной архитектурной ихъ съемки, такъ какъ въ нихъ мы имѣемъ единственные примѣры вполнѣ точно датированныхъ склеповъ обычнаго для окрестностей Керчи типа и притомъ примѣры сооруженій, по тщательности конструкціи не уступающихъ классическимъ примѣрамъ склеповъ Пантикапея: разрушенному склепу Золотого и сохранившимся склепамъ Царскаго и Мелекъ-Чесменскаго кургановъ [2]). Курганы № 47 и № 48.

Особенно интересна конструкція склепа кургана № 6 (склепъ № 47, табл. XXXIII). Склепъ № 47. Здѣсь бросается въ глаза оригинальное соединеніе камеры съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, обычнаго и притомъ стараго типа, съ дромосомъ, имѣющимъ такъ называемое стрѣльчатое покрытіе, т. е. покрытіе въ видѣ ложнаго стрѣльчатаго свода, харак-

---

1) Изданы Стефани О. И. А. К. 1862 г., Прилож., стр. 5 слл. и Атласъ, табл. I, особ. № 1 и 2. Я уже указывалъ (выше, стр. 37 слл.) на то, что вазы этого стиля съ богатымъ растительнымъ золоченымъ орнасментомъ, связаннымъ съ фигурами, являются прототипами сосудовъ съ золочеными орнаментами, представительницей которыхъ является пиксида склепа Васюринской горы.

2) О печальной судьбѣ дромоса склепа № 6 В. В. Шкорпилъ пишетъ мнѣ слѣдующее (12 февр. 1912 г.). Во время раскопокъ, которыя производилъ В. В. Шкорпилъ въ цѣпи кургановъ Юзъ-оба (см. выше, стр. 100 прим.), склепъ этотъ былъ открытъ. «Я завалилъ, пишетъ В. В. Шкорпилъ, этотъ входъ по распоряженію Коммиссіи въ виду того, что окрестные жители и *еще больше Керченская Городская Управа* предавали этотъ архитектурный памятникъ полному разрушенію... Городская Управа распорядилась, чтобы весь дромосъ былъ разобранъ (сама усыпальница уцѣлѣла по той же причинѣ, какъ и Васюринскій склепъ, такъ какъ опасно было разрушать стѣны, надъ которыми возвышалась насыпь кургана), чтобы изъ большихъ тесаныхъ камней его была устроена дамба ставкá, устроеннаго недалеко отъ Керчи, вправо отъ Чурубашской дороги... Это варварское разрушеніе произошло приблизительно въ то время, когда вся Европа прислушивалась къ извѣстіямъ о раскопкахъ Шлимана въ Троѣ и Микенахъ!»

терное для микенскихъ θόλοι. Опубликованный въ Атласѣ рисунокъ этой особенности не только не подчеркиваетъ, но скорѣе ее затушевываетъ. Къ сожалѣнію, данныя о конструкціи склепа и дромоса настолько скудны и технически невразумительны, что повторять ихъ изъ рукописныхъ донесеній Люценка не представляется полезнымъ.

Не представляется возможнымъ возстановить и обрядъ погребенія, такъ какъ курганъ до конца разслѣдованъ не былъ. Въ журналахъ отъ 10 октября до 8 ноября 1860 г. и отъ 9 ноября по 15 декабря того же года (Дѣло 1860 г. № 6, стр. 106 и 114) указывается только, что «въ насыпи съ восточной стороны центральнаго раскопа, на глубинѣ 3½ арш. отъ поверхности кургана» найденъ былъ «жженый точекъ» «съ черепками изъ обыкновенныхъ алавастридъ и глиняныхъ патеръ безъ рисунковъ».

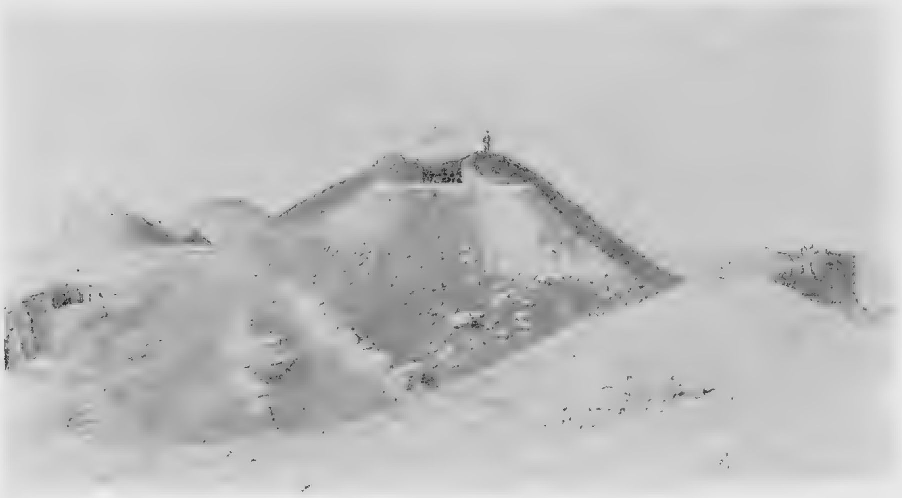


Рис. 21. Видъ кургановъ на Юзъ-оба, съ восточной стороны, въ которыхъ сдѣланы были открытія 14 октября и 14 ноября 1860 г. (съ карандашнаго рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.).

Особенностью нашего склепа, кромѣ конструкціи, является то, что гробъ (разрушившійся), въ которомъ лежалъ покойникъ, стоялъ не посрединѣ погребальной комнаты, а у сѣверной ея стѣны.

Датируется склепъ находкой въ немъ типичныхъ для склеповъ Юзъ-оба чернолаковой желобчатой амфоры съ позолоченной гирляндой и большой краснофигурной съ позолотой леканы (см. Атласъ за 1861 г., табл. I), а также небольшимъ чернолаковымъ блюдечкомъ и автономной серебряной монетой, обыкновенно датируемой второй половиной IV в.

Склепъ № 48. Второй склепъ этого года подъ курганомъ № 5 (склепъ № 48, табл. XXXIV) весьма интересенъ и по конструкціи, и по находкамъ. Объ обрядѣ погребенія, опять-таки, говорить не приходится, такъ какъ и въ этомъ курганѣ полнаго разслѣдованія сдѣлано не было. Укажу только на то, что и здѣсь, какъ въ первомъ изъ упомянутыхъ въ этомъ экскурсѣ погребеній, въ насыпи кургана подъ покрывавшимъ ее слоемъ камня на глубинѣ 1½ арш. отъ поверхности кургана нашли рядъ черепковъ трехъ большихъ глиняныхъ краснофигурныхъ сосудовъ съ обильной позолотой, т. е. типичнаго для всѣхъ этихъ погребеній стиля (см. Атласъ 1861 г., табл. III, IV, V, 1—4) [1].

[1]) Watzinger, Holzsarkophage 35, 10 говоритъ о находкѣ черепковъ конца V в., не указывая на обиліе позолоты. О строеніи нашего склепа онъ вообще мало освѣдомленъ, такъ какъ, говоря о саркофагѣ второй комнаты этого склепа, описываетъ его суммарно и невѣрно и утверждаетъ, что онъ происходитъ «aus einer anderen Kammer desselben Kurgans».

Не буду останавливаться на конструкціи склепа съ его двойной камерой: задней болѣе низкой, передней болѣе высокой и монументальной, съ его монументальнымъ дромосомъ и мастерской планировкой и связью всѣхъ частей. Укажу только на то, что покрытіе всѣхъ частей уступчатое и что углы уступовъ послѣдней камеры срѣзаны, какъ и въ склепѣ кургана I и въ Б. Близницѣ.

Превосходные двойные саркофаги, стоявшіе посреди обѣихъ камеръ, несмотря на публикацію ихъ Вацингеромъ (Holzsarkophage, 35 сл., № 10 и 11), до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не изслѣдованы и не изучены.

Рис. 22. Видъ гробницы № 48, открытой 14 ноября 1860 г. въ курганѣ на Юзъ-оба, со стороны открытаго входа въ галлерею (съ карандашнаго рисунка К. Бѣгичева. Альбомъ И. А. К.).

Датируется склепъ какъ вышеуказанными черепками, такъ и вазами, найденными въ обѣихъ его камерахъ: въ обѣихъ комнатахъ найдены были желобчатыя чернолаковыя амфоры съ золочеными гирляндами, въ первой, кромѣ того, большая краснофигурная лекана уже знакомаго намъ типа (см. Стефани, О. И. А. К. 1861 г., Прил., стр. 5 сл. и Атласъ, табл. II).

Раскопки 1860—1863 г. Дата некрополя.

Дальнѣйшія разысканія въ сосѣднихъ курганахъ, продолжавшіяся въ 1860—1861 гг. и 1862—1863 гг., велись довольно поверхностно и ставили себѣ цѣлью находку нетронутыхъ погребеній; новыхъ склеповъ найдено не было. Отдѣльныя гробницы, найденныя нерасхищенными, давали вещи приблизительно того же времени, что дало поводъ Люценку заключить, что весь некрополь на хребтѣ Юзъ-оба возникъ приблизительно одновременно, во всякомъ случаѣ до эпохи римскаго владычества. Достаточно ли обосновано это заключеніе для всѣхъ погребеній въ этихъ курганахъ, до сихъ поръ представляется не выясненнымъ, но несомнѣннымъ кажется то, что всѣ монументальныя сооруженія въ этихъ курганахъ не только одновременны, но принадлежатъ эпохѣ не болѣе, какъ въ нѣсколько десятилѣтій, что ярко доказывается совершенной однородностью керамики и постоянствомъ типовъ сосудовъ погребальной утвари.

Одновременность, и притомъ тѣсная, погребеній Юзъ-оба подтверждается и слѣдующими наблюденіями.

Змѣиный курганъ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ упомянутыми погребеніями находится такъ называемый Змѣиный курганъ, разрытый впервые въ 1839 г. (см. Древн. Босф. Кимм., Введ., стр. LXXI и карта № 1). О конструкціи склепа этого кургана мы ближайшихъ и точныхъ свѣдѣній не имѣемъ. Характерно, однако, что и въ немъ центральное мѣсто занималъ саркофагъ [1]) и что время его опредѣляется находкой въ немъ пелики поздняго прекраснаго стиля съ позолотой (см. Др. Босф. Кимм., табл. LXIII, 1—3).

Раскопки Кондакова въ этомъ курганѣ, произведенныя въ теченіе 1883 и 1885 гг., выяснили до извѣстной степени и погребальный обрядъ, господствовавшій при погребеніяхъ въ этомъ курганѣ. Онъ живо напоминаетъ выясненный выше погребальный обрядъ кургановъ Б. Близницы и Васюринской горы.

Въ 1883 г. глубоко подъ насыпью кургана, сравнительно близко къ его центру, оказался такъ называемый жженый точекъ съ массой разбитыхъ сосудовъ того же приблизительно времени и той же техники, что и сосуды, найденные въ склепѣ. Характерна находка краснофигурныхъ сосудовъ съ позолотой рядомъ съ чернолаковыми патерами и чашечками съ оттиснутой на днѣ пальметкой и въ то же время рядомъ съ рельефными полихромными сосудами (см. О. И. А. К. 1882—1883 гг., стр. XXXII). Для датировки керамики нашего времени находка эта весьма поучительна и заслуживала бы подробнаго разсмотрѣнія. Въ 1885 г. (ibid., стр. LXXXIII сл.) въ насыпи кургана открытъ былъ рядъ амфоръ, что также составляетъ характерную особенность погребальнаго обряда интересующаго насъ времени. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, былъ ли еще въ цѣлости во время раскопокъ Кондакова склепъ, открытый Ашикомъ. Во всякомъ случаѣ, не этотъ склепъ открытъ былъ въ 1889 г. графомъ А. А. Бобринскимъ, очевидно, въ томъ же курганѣ [2]), такъ какъ невѣроятно, чтобы Ашикъ при открытіи оставилъ въ немъ и части саркофага, и кой-какое золото, и обломки краснофигурнаго сосуда. Склепъ, открытый гр. А. А. Бобринскимъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ тому же типу, что и Ашиковскій, и остальные склепы нашей группы. Приходится пожалѣть, что съ него не были сняты фотографіи, не сдѣлано было ни плана, ни разрѣзовъ [3]). Врядъ ли это можно возстановить теперь, такъ какъ оголенный склепъ, несомнѣнно, былъ тогда же растасканъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что по архитектурѣ склепъ представлялъ высокій интересъ. Судя по описанію (О. И. А. К. 1889 г., стр. 12), онъ былъ сложенъ изъ правильно отесанныхъ громадныхъ размѣровъ камней, сложенныхъ насухо; верхъ сведенъ «куполомъ», оріентированъ съ востока на западъ. «Входъ съ востока имѣетъ видъ такъ называемаго «египетскаго» свода уступами и снаружи задѣланъ особой каменной кладкой. Размѣры склепа: дл. 5 м., шир. $3^1/_2$ м., выс. немного свыше 4 м. Дно его составляетъ грунтовая скала; на немъ расположены были четыре очень большихъ и высокихъ, аккуратно обтесанныхъ камня, на которыхъ, повидимому, нѣкогда стоялъ саркофагъ; отъ послѣдняго еще сохранились разные обломки и, между прочимъ, куски рѣзного дерева со слѣдами красной краски и многочисленными остатками позолоты, позволяющими

[1]) См. Древн. Босф. Кимм., табл. LXXXI 6,7 и LXXXII; Watzinger, Holzsarkophage, 40, 18.

[2]) См. О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. CCXIII, ср. О. И. А. К. 1889 г., стр. 11 слл.; изъ сопоставленія указанныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что графъ А. А. Бобринской продолжалъ начатыя Кондаковымъ раскопки Змѣинаго кургана, такъ какъ неопредѣленно упомянутый въ первомъ мѣстѣ «послѣдній курганъ Юзъ-оба», вѣроятно, и есть курганъ Змѣиный.

[3]) Любезно предоставленныя въ мое распоряженіе гр. А. А. Бобринскимъ фотографіи съ его раскопокъ даютъ, къ сожалѣнію, только внѣшній видъ кургана.

предположить, что саркофагъ этотъ былъ въ свое время очень роскошенъ. Въ стѣнѣ склепа на извѣстной высотѣ вбиты были желѣзные, совершенно поржавѣвшіе гвозди, на которыхъ, можетъ быть, было развѣшено оружіе покойника». Датируется склепъ, кромѣ частей саркофага, къ сожалѣнію, не изданныхъ, и также не изданныхъ обломковъ оружія, обломками поздняго краснофигурнаго кратера, найденными подъ «наружнымъ сводомъ склепа», см. О. И. А. К., l. l., 12, рис. 5. Къ погребальному обряду я отнесъ бы и найденныя въ могилѣ кости козленка и собаки (ср. обрядъ погребенія въ курганахъ Васюринской горы). Еще разъ, такимъ образомъ, приходится пожалѣть, что глубоко интересный рѣдкій примѣръ датированнаго склепа съ такъ называемымъ купольнымъ, т. е., какъ показываютъ фотографіи, снятыя съ этого склепа, полуцилиндрическимъ сводомъ въ типѣ склепа Васюринскаго кургана погибъ, не будучи ни разслѣдованъ, какъ надлежало бы, ни снятъ такъ, какъ это подобаетъ каждому античному сооруженію, не говоря уже о столь рѣдкихъ и важныхъ памятникахъ.

Склепъ мирзы Кекуватскаго.

Въ большомъ отдаленіи отъ описанной группы, составляющей, какъ сказано, одно цѣлое съ Змѣинымъ курганомъ, но въ той же цѣпи кургановъ, расположенъ извѣстный курганъ около хутора мирзы Кекуватскаго (см. Древн. Босф. Кимм., карта I) съ уступчатымъ склепомъ, содержавшимъ роскошный двойной саркофагъ [1]). Склепъ этотъ открытъ былъ въ томъ же 1839 г., что и первый склепъ Змѣинаго кургана. Погребенный въ саркофагѣ былъ окруженъ своей паноплiей чисто греческаго характера. Погребеніе датируется находкой пелики все того же поздняго краснофигурнаго стиля (Др. Босф. Кимм., табл. LVII).

Павловскій склепъ.

Наконецъ, на другомъ концѣ той же цѣпи, у самаго моря, внутри Павловской батареи, открытъ былъ въ 1858 г. извѣстный склепъ, о которомъ я уже упоминалъ по поводу склепа такъ называемой жрицы Деметры Б. Близницы. Это—большое сооруженіе съ уступчатымъ покрытіемъ (см. О. И. А. К. 1859 г., Прил., стр. 5 сл.).

Планъ и разрѣзъ его опубликованы въ Атласѣ къ Отчету 1859 г., табл. V, два вида на табл. VI, вещи на таблицахъ I—IV Атласа того же года. Датируется склепъ находкой въ немъ ряда сосудовъ: большой краснофигурной пелики (знаменитой вазы съ изображеніемъ элевзинскихъ мистерій) съ позолотой, извѣстнаго лекиѳа, въ видѣ полихромно трактованной фигуры юноши или дѣвушки въ плащѣ съ фригійскимъ капюшономъ, и чернолаковой энохои съ желобками, а также одной рѣдкой автономной монеты (Бурачковъ XX, 67, IV); всѣ эти вазы и монета не могутъ относиться ко времени болѣе раннему, чѣмъ вторая половина IV в. Характерно, что покойникъ лежалъ въ роскошномъ деревянномъ саркофагѣ (см. Watzinger, Holzsarkophage, 45, № 26) и что по сосѣдству съ гробницей найдена была масса черепковъ превосходной греческой посуды, т. е., очевидно, мѣсто совершенія поминальнаго обряда.

Къ сожалѣнію, мѣстность около этого кургана осталась не дослѣдованной. Случайная раскопка, однако, выяснила, что курганъ рядомъ покрывалъ собою

[1]) Watzinger, Holzsarkophage, 38, 14; Древн. Босф. Кимм., табл. LXXXIV, 2. Саркофагъ описанъ Карейшей подробно, но этимъ описаніемъ Вацингеръ не воспользовался. Вотъ что пишетъ Карейша: «Посрединѣ гробницы стоялъ деревянный катафалкъ или чахолъ, состоявшій изъ четырехъ ножекъ съ боковыми и поперечными досками изъ кипариса. Четыре стороны чахла украшены между двумя карнизами рельефными, вызолоченными на красномъ поясѣ изображеніями, представляющими лошадей въ разныхъ положеніяхъ, терзаемыхъ грифонами... Посрединѣ катафалка стоялъ каменный помостъ, а на немъ деревянный одръ, на которомъ покоился остовъ воина».

другой такой же склепъ съ уступчатымъ покрытіемъ, на этотъ разъ разграбленный (см. Дѣло 1860 г. № 6, стр. 44)[1]).

Дата монументальныхъ погребеній Юзъ-оба.

Такимъ образомъ, вся группа монументальныхъ погребеній цѣпи Юзъ-оба оказывается въ огромномъ большинствѣ строго одновременной и относится вся ко времени, обнимающему послѣднія десятилѣтія IV в., т. е. непосредственно предшествуетъ погребеніямъ Васюринской горы и почти вполнѣ современна погребеніямъ Б. Близницы. Характерно при этомъ, что преобладающей архитектурной формой этого времени являются склепы съ уступчатыми покрытіями, причемъ наиболѣе обычна прямоугольная, а не круглая, форма покрытія и продолговатыя, а не квадратныя камеры; наблюдается и урѣзываніе дромоса вплоть до сведенія его на нѣтъ и срѣзываніе выдающихся угловъ уступовъ, особенно въ небольшихъ помѣщеніяхъ. Другія особенности архитектуры могъ бы установить только подробный архитектурный сравнительный анализъ всего матеріала. Характерно, что покрытіе стѣнъ штукатуркой въ нашей группѣ не встрѣчается, не констатирована и роспись прямо по камню, какъ въ одномъ изъ склеповъ Б. Близницы[2]). Насколько можно судить, не въ обычаѣ и профилировка дверей и верхнихъ частей стѣнъ.

Рядомъ съ уступчатымъ покрытіемъ только въ двухъ случаяхъ встрѣчается полуцилиндрическій сводъ, но и то, явно, какъ новая форма: дромосъ еще крытъ въ старой манерѣ, только съ нѣкоторымъ приближеніемъ къ новому типу. Мы, очевидно, стоимъ какъ разъ на рубежѣ перехода отъ стараго типа, идущаго еще отъ эгейскихъ временъ, къ новымъ формамъ каменнаго покрытія, возобладавшимъ въ эпоху эллинизма, но заимствованнымъ имъ, несомнѣнно, съ востока. Съ появленіемъ этой формы связанъ, очевидно, и переходъ къ покрытію стѣнъ штукатуркой (вмѣсто матерій) и къ росписи всей стѣны и потолка. Эта традиція, вѣроятно, пришла извнѣ и была вызвана тѣмъ, что на мѣстѣ своего происхожденія стѣны и своды не клались обычно изъ штучныхъ камней, а дѣлались изъ болѣе дешеваго и невиднаго матеріала.

Полученные выводы, конечно, не имѣютъ окончательнаго характера. Для ихъ убѣдительности надо было бы раздвинуть рамки изслѣдованія и ввести въ него и ту линію кургановъ, что идетъ отъ Акъ-Бурунскаго мыса и подгорнаго кордона по направленію къ Куль-обѣ[3]), а, главное, необычайно сложную для изслѣдованія, по обилію и разновременности памятниковъ, цѣпь кургановъ на кряжѣ Митридата и на продолженіи его, связанномъ съ Золотымъ курганомъ. Наконецъ, необходимо было бы включить въ изслѣдованіе и группы кургановъ по направленіямъ къ древнему валу, Катерлесу и Булганаку[4]). Все это, конечно, какъ и

[1]) Впрочемъ, и здѣсь найденъ черепокъ отъ краснофигурной вазы «съ признаками позолоты».

[2]) Относить отсутствіе слѣдовъ полихроміи къ исчезновенію красокъ отъ времени я не рѣшился бы: слѣды остались бы и были бы замѣчены. Отсутствіе полихроміи я ставлю въ связь съ отсутствіемъ архитектурной профилировки. Весь же комплексъ особенностей структуры (сюда же относится и отсутствіе дверей) представляется мнѣ строгимъ удержаніемъ традиціонной архаической архитектуры, напоминающей эгейскую, съ почти полнымъ исключеніемъ всякихъ новшествъ. Это наблюденіе еще болѣе увеличиваетъ цѣнность матеріала.

[3]) Одинъ изъ изслѣдованныхъ на этой линіи кургановъ (см. О. И. А. К. 1887 г., стр. XXII) даетъ иную, болѣе позднюю, картину. Склепъ уступчатый; датируется вазами позднѣйшей упадочной краснофигурной техники (голова женщины и лошади) и акварельными.

[1]) Большое количество кургановъ здѣсь, особенно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ городомъ, принадлежитъ, какъ увидимъ ниже, римскому времени, но имѣются и болѣе ранніе. Къ этимъ болѣе раннимъ принадлежатъ, напримѣръ, три склепа (въ трехъ курганахъ) съ полуцилиндрическими сводами, разрытые Ашикомъ въ 1835 г. (см. Дѣло этого года, рапортъ отъ 20 февр. за № 23);

изслѣдованіе кургановъ въ окрестностяхъ другихъ городовъ Боспорскаго царства, въ особенности, группъ Тузлы, Тамани, Фанагоріи, Горгиппіи и древняго Танаиса, можетъ быть дѣломъ только обширнаго спеціальнаго изслѣдованія [1]).

Изъ всего этого обширнѣйшаго матеріала позволю себѣ выдѣлить только группу склеповъ около Анапы, дающую интереснѣйшую во всѣхъ отношеніяхъ картину, и нѣсколько отдѣльныхъ склеповъ съ полуцилиндрическими сводами на Тамани.

II. Группа кургановъ около Анапы (Горгиппіи).

Курганы около Анапы.

Одинъ изъ горгиппійскихъ склеповъ подробно описанъ уже выше (стр. 83 сл.). Для датировки подобнаго рода погребеній въ данномъ мѣстѣ и для исторіи склепа какъ архитектурной формы, вообще, онъ, однако, не самый характерный. Гораздо интереснѣе другіе, по большей части мало извѣстные склепы этой мѣстности. И здѣсь, опять-таки, я долженъ ограничиться только краткими указаніями, главнымъ же образомъ публикаціей не изданныхъ въ свое время съемокъ.

1) Въ высшей степени интересны три такъ называемыхъ Тарасовскихъ кургана, разслѣдованные въ 1883 г. на землѣ Николаевской станицы бар. Тизенгаузеномъ. Они кратко упомянуты въ О. И. А. К. 1882—1888 г. на стр. XXIX; въ дѣлахъ Коммиссіи болѣе подробныхъ описаній не имѣется. По счастію сохранились (сами склепы, насколько мнѣ извѣстно, больше не существуютъ) производящіе хорошее впечатлѣніе рисунки Гросса, дающіе общее представленіе о монументальности и интересной архитектурной трактовкѣ интересующихъ насъ сооруженій. Ихъ я здѣсь и публикую. Детально склепы, очевидно, разслѣдованы не были; отчетъ упоминаетъ только, что они найдены были разграбленными; сомнительно, однако, чтобы ни въ одномъ изъ трехъ сооруженій не сохранилось ни одного черепка.

Первый Тарасовскій склепъ.

Наиболѣе оригинальна конструкція перваго склепа (табл. XXXV, 2—5). Къ склепу ведетъ длинная открытая галлерея, сложенная изъ хорошо обтесанныхъ плитъ. Изъ галлереи богато трактованный входъ, окаймленный двумя антами и

характерно, что склепы украшены карнизами (какъ въ римское время) и оштукатурены, но не расписаны. Датируются находкой въ нихъ позднѣйшихъ краснофигурныхъ вазъ и вазъ чернолаковыхъ съ позолоченными гирляндами, т. е. временемъ никакъ не раньше III в. до Р. Хр. Еще болѣе позднему, но, очевидно, еще эллинистическому времени принадлежитъ склепъ съ такимъ же покрытіемъ, также оштукатуренный, открытый въ 1885 г. Склепъ найденъ ограбленнымъ, но въ немъ нашлись характерные черепки отъ крышки чернолаковой леканы съ рельефнымъ узоромъ въ видѣ звѣздъ, см. О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. LXXXVIII. Интересный склепъ этотъ переходнаго времени былъ въ свое время тщательно снятъ, см. Альбомъ рисунковъ за 1885 г. Гораздо болѣе раннему времени принадлежатъ три очень интересныхъ склепа съ уступчатыми сводами, найденные тамъ же въ 1874 г. (см. О. И. А. К. 1874 г., стр. XII). Къ сожалѣнію, съемки ихъ сдѣлано не было. Укажу еще попутно одинъ изъ склеповъ Митридата, очень интересной архитектуры (О. И. А. К. 1872 г., стр. XXIV). Хорошая съемка его имѣется въ Альбомѣ Керч. рис. за 1872 г.

[1]) Любопытную картину даетъ разслѣдованный Кондаковымъ Баксинскій склепъ, см. О. И. А. К. 1882 г., стр. V сл. (видъ внутренности склепа въ Керченскомъ альбомѣ этого года). Судя по находкамъ краснофигурной вазы въ самомъ склепѣ и фрагментовъ большого кратера въ насыпи кургана, постройка склепа относится также ко времени не позже IV в. до Р. Хр. Позднѣе, однако (врядъ ли въ римское время, какъ думаетъ Кондаковъ; описанные имъ остатки саркофага принадлежатъ, несомнѣнно, еще эпохѣ эллинизма; картина получается такимъ образомъ та же, что въ расписномъ склепѣ Васюринской горы), склепъ использованъ былъ для второго погребенія воина; обрядъ этого погребенія, судя по убитымъ въ гробницѣ лошадямъ и по палкамъ съ головами быковъ на концахъ, даетъ въ еще болѣе грубой формѣ то же, что обрядъ погребенія въ склепахъ Васюринской горы, приближаясь къ обряду погребенія въ такъ называемыхъ скиоскихъ курганахъ. Смѣна эта какъ разъ характерна для эпохи поздняго эллинизма, когда, главнымъ образомъ, Боспорское царство рѣзко осарматилось.

увѣнчанный дорическимъ фронтономъ, скульптурно только намѣченнымъ, велъ въ небольшой vestibulum значительно болѣе узкій, чѣмъ входная галлерея или дромосъ, и съ плоскимъ покрытіемъ. Входъ въ главную комнату былъ опять-таки обрамленъ двумя приземистыми антами съ базами и капителями. Планъ главной комнаты очень оригиналенъ: это обернутый ко входу длинною стороною прямоугольникъ съ короткими боковыми сторонами. Покрытіе его уступчатое изъ 6 рядовъ выступающихъ плитъ, причемъ у всѣхъ рядовъ кромѣ нижняго выступающіе углы срѣзаны. Стѣны передней и главной комнатъ съ внѣшней стороны обложены толстымъ слоемъ бутоваго камня. Полъ въ обѣихъ комнатахъ каменный плитовой.

Мнѣ представляется невѣроятнымъ, чтобы фронтонъ входа и анты были оставлены безъ росписи, очевидно, особенно по аналогіи со склепомъ Б. Близницы и склепами Македоніи, что суммарная рѣзьба фронтона была дополнена живописью, остатки которой несомнѣнно были бы наблюдены (а, можетъ быть, и были наблюдены, но это не было записано), если бы склепъ былъ разслѣдованъ менѣе поверхностно.

Третій Тарасовскій склепъ.

Тѣ же части, но въ иномъ расположеніи, даетъ и погребеніе третьяго Тарасовскаго кургана (табл. XXXV, 1; XXXVI, 5—8). И здѣсь мы имѣемъ открытый, охваченный съ двухъ сторонъ стѣнами (болѣе низкими, чѣмъ въ первомъ склепѣ) дромосъ, небольшую первую комнату, и, наконецъ, главную погребальную камеру. Но здѣсь всѣ помѣщенія имѣютъ одну ширину и составляютъ какъ бы одинъ длинный корридоръ, раздѣленный двумя парами выступовъ на три части: первую открытую, вторую и третью—крытыя. Характерной разницей является и то, что оба крытыхъ помѣщенія имѣютъ уступчатое покрытіе: передняя комната въ три ряда квадровъ, задняя—въ четыре. Сами уступы трактованы иначе, чѣмъ въ первомъ склепѣ: косо срѣзаны не только углы, но вся выдающаяся внутрь поверхность плиты, такъ что плита имѣетъ видъ какъ бы примитивнаго карниза. И въ этомъ склепѣ оба входа обрамлены антами съ базами и капителями. Надъ антами входа въ переднюю нижняя часть дорическаго фронтона. Къ сожалѣнію, по рисунку нельзя судить, стояла ли надъ этой нижней частью фронтона плита, составлявшая верхнюю его часть. Полъ и здѣсь плитовой каменный.

Второй Тарасовскій склепъ.

Значительно проще архитектура склепа второго Тарасовскаго кургана, напоминающая архитектуру склеповъ Б. Близницы и архитектуру перваго склепа группы Юзъ-оба (табл. XXXVI, 1—4). Мы имѣемъ камеру съ уступчатымъ покрытіемъ и передъ ней небольшой дромосъ съ плоскимъ покрытіемъ. Обрамленіе двери монолитами напоминаетъ входъ въ одинъ изъ склеповъ Васюринской горы.

Фасады склеповъ.

Фасады перваго и третьяго изъ описанныхъ склеповъ Тарасовскихъ кургановъ далеко не стоятъ особнякомъ въ исторіи гробничной архитектуры. Наиболѣе близкую аналогію они находятъ въ склепахъ македонскихъ кургановъ IV—III вв. до Р. Хр., о которыхъ уже нѣсколько разъ говорилось въ предыдущихъ главахъ. Эти же послѣдніе должны быть, несомнѣнно, сближены съ извѣстными фасадами высѣченныхъ въ скалѣ гробницъ, серія которыхъ начинается въ Египтѣ и особенно богато представлена въ М. Азіи, Сиріи и Аравіи (особенно въ Петрѣ). Любопытно, что рядъ очень интересныхъ гробничныхъ фасадовъ мы имѣемъ не только въ Этруріи, но и въ южной Италіи (сопоставлены R. Pagenstecher'омъ въ *Röm. Mitth.* XXVII (1912), 102, ср. V. Macchioro, Curiosità Canosine, *Apulia*, II (1911), табл. II—IV). Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ фасадовъ давалъ теперь, вѣроятно, разрушенный склепъ въ Канозѣ въ Апуліи (см. *Arch. Zeit.*,

1857, 55 слл. и табл. CIV). Особенно интересно то, что и здѣсь, какъ около склепа Васюринской горы, найдены были обломки статуй. Отъ фасадовъ македонскихъ склеповъ наши отличаются какъ меньшей роскошью матеріала, такъ и тѣмъ, что они завершаютъ собой конструкцію склепа съ уступчатымъ покрытіемъ, чего въ Македоніи мы не имѣемъ.

Склепъ въ Султанъ-горѣ.

2) Третій Тарасовскій курганъ очень напоминаетъ склепъ въ Султанъ-курганѣ около Анапы, судя по суммарному описанію послѣдняго (О. И. А. К. 1882—1888 г., стр. XXVIII); рисунковъ, къ сожалѣнію, сдѣлано не было. Здѣсь, однако, открытый дромосъ замѣненъ крытымъ съ уступчатымъ покрытіемъ; за нимъ идетъ маленькая оштукатуренная передняя комната съ уступчатымъ покрытіемъ и, наконецъ, третья комната съ такимъ же покрытіемъ, также оштукатуренная, и съ нишей въ одной изъ стѣнъ. О гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну въ этомъ склепѣ, см. выше стр. 80, 3. Къ сожалѣнію, и въ этомъ склепѣ вещей никакихъ найдено не было.

Склепъ Благовѣщенской станицы.

3) Единственнымъ датированнымъ крупнымъ сооруженіемъ около Анапы является склепъ въ курганѣ на землѣ Благовѣщенской станицы (см. О. И. А. К. 1882 — 1888 г., стр. XIX слл., ср. Прил., рис. на стр. 31 и на стр. 69) къ с. отъ Анапы, въ 1½ в. отъ моря, около дороги, ведущей въ Витязевку. Характерно, что въ этомъ склепѣ съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, кромѣ великолѣпнаго деревяннаго саркофага (см. Watzinger, Holzsarkophage, 36, № 12), найдены были черепки краснофигурной съ золотомъ леканы и монета Лисимаха. Склепъ датируется найденной монетой Лисимаха временемъ не раньше первой половины III в. до Р. Хр. Въ это же время, очевидно, были въ ходу и краснофигурныя съ золотомъ леканы, столь характерныя—правда, въ особо изящныхъ экземплярахъ лучшаго стиля—для серіи погребенія на Юзъ-оба.

Судя по формамъ архитектуры, я думалъ бы, что къ этому же времени относятся и три Тарасовскихъ кургана; о склепѣ въ Султанъ-курганѣ по одному описанію судить не берусь.

III. *Таманскіе склепы.*

Погребенія Артюховскаго кургана.

Упомяну еще, спеціально для сближенія со склепомъ Васюринской горы, уже раньше названныя мною попутно для аналогіи съ вещами изъ Васюринскихъ склеповъ погребенія Артюховскаго кургана на Тамани около Сѣнной. Здѣсь, какъ и въ курганѣ Б. Близницы, найдены были три совершенно одновременныхъ погребенія, изъ нихъ два склепа съ полуцилиндрическимъ сводомъ (первый былъ оштукатуренъ). Кромѣ нихъ рядъ другихъ погребеній иного времени, какъ это было и въ курганахъ Васюринской горы. Первый склепъ (см. О. И. А. К. 1879 г., стр. XLIV и О. И. А. К. 1880 г., Прил., стр. 12: разрѣзъ, планъ, изображеніе входа; въ склепъ, какъ и въ курганахъ Васюринской горы, вела лѣстница)[1]) былъ найденъ не разграбленнымъ и наполненнымъ массой вещей (см. Атласъ 1880 г. и керамику на табл. къ стр. 12 и на нѣсколькихъ политипажахъ). Здѣсь мы уже не находимъ знакомыхъ намъ чернолаковыхъ съ золочеными гирляндами и краснофигурныхъ сосудовъ, а исключительно типичную эллинистическую керамику съ орнаментами изъ накладной глины и съ орнаментами по бѣлому фону. Между тѣмъ здѣсь, какъ и въ погребеніи Благовѣщенской станицы, вмѣстѣ съ вещами найдены были монеты Лисимаха и Перисада, вѣроятно, II-го (см. Латышевъ, Ποντικά, 90 сл.). Мы, очевидно, на рубежѣ конца одного и начала другого стиля въ керамикѣ, и это время, судя по монетамъ, падаетъ на середину III в. до Р. Хр.

[1]) Ср. гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 52 сл.

На это время, такимъ образомъ, падаетъ широкое развитіе постройки склеповъ при помощи коробовыхъ сводовъ, причемъ эти склепы успѣшно конкуррируютъ и постепенно вытѣсняютъ склепы съ уступчатыми покрытіями, которые удерживаются только въ видѣ исключенія въ болѣе позднее время (см. ниже о склепѣ Пигмеевъ). Насколько стары, однако, эти послѣдніе въ Боспорскомъ царствѣ, этого мы въ точности сказать не можемъ. Датированные всѣ относятся ко времени не раньше второй половины IV в. до Р. Хр., и я не знаю, имѣемъ ли мы право не датированные склепы Золотого, Царскаго и Мелекъ-Чесменскаго кургана относить къ значительно болѣе раннему времени, чѣмъ это время наибольшаго развитія Боспорскаго царства.

Склепъ ген. Вандервейде.

Впрочемъ, къ этому вопросу я еще вернусь во второй части этой книги. Упомяну въ заключеніе попутно, что старѣйшій изъ разслѣдованныхъ кургановъ Тамани, курганъ, разрытый генераломъ Вандервейде въ самомъ концѣ XVIII в., содержалъ склепъ интересующаго насъ типа и того же времени. Это доказываетъ находка въ немъ «нѣсколькихъ черныхъ глиняныхъ вазъ, украшенныхъ орнаментами». Съ архитектурной точки зрѣнія интересно обрамленіе входа въ главную комнату двумя антами [1]).

[1]) См. Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, Cambridge 1810, т. I, 396—399 (видъ кургана, разрѣзъ и видъ раскопа на вост. сторонѣ кургана); Pallas, II, 303 слл.; Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase V, 77; Кн. Сибирскій, Catal. d. méd. du Bosphore Cimmerien I, 1, стр. CCXXVII; Герцъ, Ист. обз. арх. изслѣд. и открытій etc., 5 слл.; Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, I, 562.

X. Фрагменты штукатурки со стѣнной росписью, найденные въ древнемъ Пантикапеѣ.

(Табл. XXVII, 2—4; XXXVII—XLIV; рис. 23—26).

История раскопокъ.

Начиная съ 1896 года и до 1899, на восточномъ склонѣ Митридата К. Е. Думбергъ сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ раскопокъ не въ некрополѣ, а на террасахъ древняго города, лѣпившагося по склонамъ Митридата. Раскопки эти увѣнчались успѣхомъ. Думбергу удалось найти частью стѣны, частью фундаменты по крайней мѣрѣ четырехъ античныхъ зданій разныхъ, какъ увидимъ ниже, эпохъ (см. табл. I, α, β).

Къ сожалѣнію, какъ ни тщательно съ технической стороны велись раскопки, работу К. Е. Думберга нельзя считать удовлетворяющей требованіямъ научнаго разслѣдованія руинъ древняго города. Во-первыхъ, вслѣдствіе недостатка средствъ, раскопки остались развѣдками, и ни одна раскопочная площадь, ни одно изъ найденныхъ античныхъ зданій не были обслѣдованы до конца. Во вторыхъ—и это особенно важно,—раскопка велась безъ содѣйствія опытнаго архитектора и привыкшаго къ разслѣдованію античныхъ руинъ археолога. Поэтому наблюденія, сдѣланныя при раскопкахъ, оказались совершенно недостаточными для пониманія найденнаго, отдѣльные слои насыпи и руинъ не были въ достаточной мѣрѣ изслѣдованы каждый въ отдѣльности; поэтому не существуетъ и достаточно точнаго и потому научнаго плана разрытыхъ руинъ (см. планы, снятые Думбергомъ, на рис. 23 и 24).

Въ силу всѣхъ этихъ причинъ разобраться теперь въ открытыхъ руинахъ, т. е. разобраться детально, не представляется возможнымъ. Осуществиться это можетъ только тогда, когда раскопка, что въ высшей степени желательно въ виду большой важности открытаго, будетъ продолжена и, по возможности, доведена до конца. Такъ какъ приходится имѣть дѣло съ весьма труднымъ раскопочнымъ предпріятіемъ, съ руинами города, имѣвшаго многовѣковое существованіе, и притомъ еще расположеннаго не въ равнинѣ и не на плато, а по склонамъ довольно высокаго холма (типъ раскопокъ, такимъ образомъ, будетъ приблизительно тотъ же, что въ Пергамѣ), то успѣха отъ раскопокъ можно ожидать только въ томъ случаѣ, если на раскопки будутъ ассигнованы достаточныя средства и руководить ими будутъ лица вполнѣ компетентныя, подготовленныя и научно, и технически.

Пока же это не будетъ сдѣлано, приходится довольствоваться очень общими опредѣленіями разрытаго. Попытаюсь это сдѣлать, насколько это нужно въ цѣляхъ моей работы.

Римскія бани.

Въ первомъ раскопочномъ полѣ (см. планъ въ О. И. А. К. 1898 г., стр. 13, рис. 7; тамъ же 1896 г., стр. 66 сл.; воспроизвожу его на рис. 23) открыты руины, по крайней мѣрѣ, двухъ зданій. Одно изъ нихъ (I—IV + IX на планѣ Думберга) насъ ближе не интересуетъ: это, какъ правильно опредѣлилъ назна-

ченіе зданія Думбергъ, довольно большія (для Пантикапея) бани римскаго и притомъ довольно поздняго времени (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичная кладка). Бани эти въ позднѣйшее время были застроены поздними постройками, назначенія которыхъ опредѣлить нельзя. Однимъ изъ нихъ является помѣщеніе X, къ которому прилегаетъ поздняя мощеная улица.

Весь комплексъ насъ интересуетъ лишь постольку, поскольку заднія стѣны помѣщеній II и III оштукатурены и расписаны. Впрочемъ роспись настолько проста, что останавливаться на ней не стоитъ: надъ краснымъ цоколемъ идетъ дѣлящая полоса съ розетками изъ красныхъ точекъ и выше бѣлое поле.

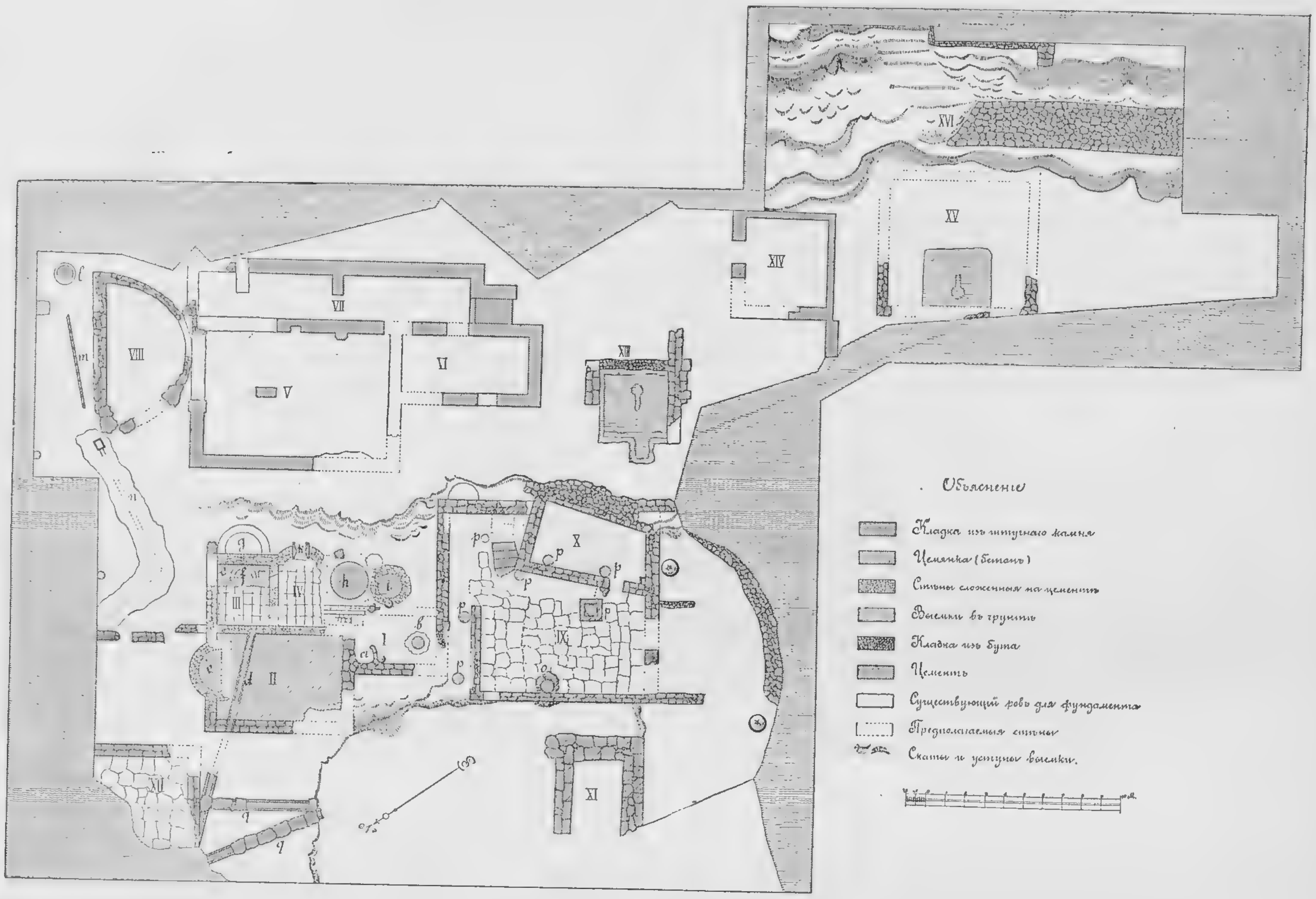


Рис. 23. Планъ раскопокъ 1898 г.

Ранне-эллинистическое зданіе.

Гораздо интереснѣе сосѣднее зданіе или, лучше, часть зданія, такъ какъ зданіе, несомнѣнно, продолжается надъ насыпью (V—VII на планѣ у Думберга). Оно, конечно, ничего общаго съ римскими банями не имѣетъ, находясь выше этого зданія, на слѣдующей террасѣ. Сохранившіяся стѣны въ настоящемъ ихъ видѣ не позволяютъ реконструировать планъ зданія, къ которому онѣ принадлежали. Весьма вѣроятно (при раскопкахъ это не было наблюдено и потому не установимо), что стѣны стараго ранне-эллинистическаго зданія съ добавленіями и перестройками болѣе поздняго времени послужили фундаментомъ для болѣе поздняго, къ сожалѣнію, не наблюденнаго зданія. Какъ бы то ни было, для насъ важно то, что наиболѣе старыя сохранившіяся стѣны (стѣны помѣщенія VII) даютъ типичную для эпохи ранняго эллинизма квадровую кладку, какъ во многихъ, главнымъ образомъ, общественныхъ зданіяхъ Пергама, Пріены, Магнесіи и другихъ

эллинистическихъ городовъ. Не исключена возможность принадлежности этихъ стѣнъ къ IV в. до Р. Хр. (см. табл. XXXVII, 1). Болѣе позднее впечатлѣніе—но все же впечатлѣніе хорошей эллинистической кладки — производятъ стѣны помѣщенія VI и задней части помѣщенія VII (см. табл. XXXII, 5). Здѣсь, какъ разъ въ помѣщеніи VI, были найдены тѣ многочисленные фрагменты облицовки стѣнъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже (см. Думбергъ, О. И. А. К. 1898, стр. 14). Возможно, такимъ образомъ, что найденная штукатурка служила облицовкой стѣнъ этого помѣщенія, или помѣщенія, построеннаго надъ этими стѣнами (возможно, что стѣны II-го періода были только фундаментами выстроеннаго надъ ними зданія).

Допустимо, такимъ образомъ, что на интересующемъ насъ мѣстѣ стояло старое, можетъ быть, общественное зданіе; еще въ эллинистическое время оно было уничтожено, и на его мѣстѣ былъ выстроенъ, можетъ быть, частный домъ. Впрочемъ, все это гаданія; несомнѣнность можетъ дать только продолженіе раскопокъ; тогда же возможно будетъ распредѣлить между различными эпохами тѣ обломки колоннъ (частью оштукатуренныхъ) разныхъ размѣровъ, балюстрады и антаблементовъ, которые были здѣсь найдены и частью лежатъ еще на мѣстѣ. О датѣ зданія II-го періода опредѣленно говорятъ фрагменты штукатурки, о которыхъ намъ еще предстоитъ говорить.

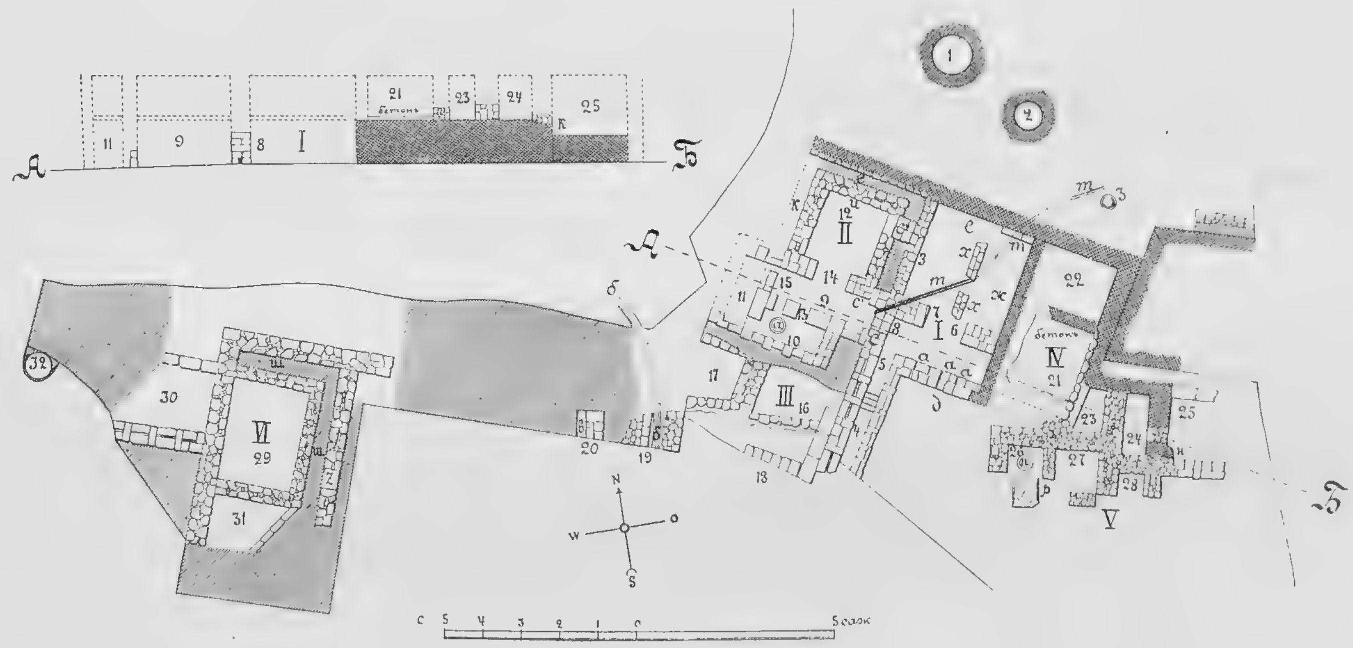


Рис. 24. Планъ раскопокъ 1899 г.

Вторая группа зданій.

Вторая группа построекъ разрыта была на нѣкоторомъ разстояніи къ югу отъ первой. Здѣсь насъ интересуютъ двѣ постройки, изъ которыхъ ни одна не докопана до конца. Особенно интересна группа фундаментовъ I—IV (см. планъ О. И. А. К. 1899 г., стр. 19, рис. 28, который воспроизвожу на рис. 24). Надо очень пожалѣть, что раскопки здѣсь не доведены до конца, и архитектурный матеріалъ лежитъ до сихъ поръ неиспользованнымъ.

Передъ нами, несомнѣнно, фундаменты большого эллинистическаго зданія, что видно уже по кладкѣ (см. табл. XXXVII, 4 — характерный образчикъ кладки и рядъ архитектурныхъ фрагментовъ), вѣроятно, фундаменты частнаго дома. Стѣны дома не сохранились, открыты только фундаменты. Но зато найдены какъ остатки расписной штукатурки помѣщенія надъ сохранившимися фундаментами I—II, такъ

и рядъ архитектурныхъ частей, украшавшихъ это роскошное помѣщеніе. О характерѣ и назначеніи этого помѣщенія судить нельзя, такъ какъ у насъ въ рукахъ только часть матеріала: раскопка должна была бы быть продолжена какъ къ востоку, такъ и, особенно, къ западу отъ разрытыхъ фундаментовъ.

Іоническія колонки.

Изъ найденныхъ архитектурныхъ частей особаго вниманія заслуживаютъ іоническія каннелированныя колонки, составлявшія, какъ это ясно изъ всей ихъ структуры, часть балюстрады или рѣшетки (см. табл. XXXVII 2, 3, 4). Дѣйствительно, только передняя половина ихъ обработана: капители украшены, стволы каннелированы, базы профилированы; задняя часть оставлена гладкой, но все же не была ни впущена въ стѣну, ни прислонена къ ней. На боковыхъ частяхъ каждой колонки и, особенно, каждой капители ясно видна обработка, предназначенная для связыванія колонокъ съ каменной же, вѣроятно, балюстрадой, рѣшеткой или парапетомъ, отъ которой, можетъ быть, сохранились и фундаменты.

Я не могу входить въ подробный анализъ какъ этихъ колонокъ, такъ и другихъ архитектурныхъ частей, найденныхъ въ этомъ домѣ: это отвлекло бы меня слишкомъ далеко отъ моей задачи и потребовало бы спеціальной архитектурной штудіи. Упомяну только, что остатки отдѣльныхъ колонокъ далеко не одинаковы, что лучше всего видно по базамъ. Базы частью сработаны вмѣстѣ со стволомъ, частью отдѣльно. Величина и профилировка ихъ очень разнообразны. Я насчиталъ 5 типовъ отъ 0,12 до 0,20 м. высоты, каждый типъ разной профилировки. Не могу я входить и въ разборъ сохранившихся дорическихъ капителей двухъ типовъ, интереснаго архитрава и еще болѣе интереснаго карниза съ симой, наконецъ, фрагментовъ монументальныхъ колоннъ.

Позволю себѣ только остановиться на упомянутыхъ іоническихъ капителяхъ, очень оригинальныхъ и характерныхъ, дающихъ матеріалъ для нѣкоторыхъ хронологическихъ соображеній.

Всѣхъ капителей сохранилось 4: двѣ находятся въ Имп. Эрмитажѣ, двѣ въ Керченскомъ музеѣ древностей (на табл. XXXVII, 2 и 3 воспроизведены двѣ капители, находящіяся въ Керчи, на табл. LII, 2 и 4—двѣ, находящіяся въ Имп. Эрмитажѣ). Всѣ онѣ однородны, но далеко не одинаковы во всѣхъ деталяхъ. Надъ небольшой подушкой съ пояскомъ наверху раскрывается чашечка изъ листьевъ. Изъ нея къ угламъ капители поднимаются, въ центрѣ каждой стороны капители, двѣ волюты, сходящіяся съ сосѣдними въ углахъ капителей. Между этими волютами, изъ мѣста соединенія ихъ, внизу, выростаетъ роскошный цвѣтокъ каллы, изъ котораго вверху поднимаются вправо и влѣво на стебляхъ по одному бутону съ каждой стороны. На углахъ между завитками по пальметкѣ, надъ всѣмъ этимъ наверху обычный плинтусъ. На боковыхъ сторонахъ та же схема, прерываемая, приблизительно на половинѣ, упомянутой балюстрадой.

Всѣ капители были раскрашены. Слѣды красокъ сохранились особенно хорошо на экземплярахъ, хранящихся въ музеяхъ (см. табл. LII, 2 и 4; на рис. 3 той же таблицы М. В. Фармаковскій, зарисовавшій капители, далъ попытку, неполную за отсутствіемъ данныхъ, реставраціи окраски капителей). Весь фонъ былъ окрашенъ въ синюю краску, остатки которой сохранились во многихъ мѣстахъ. Остатки красной краски сохранились въ центрѣ завитковъ волютъ, въ нижнихъ частяхъ пальметокъ, въ центрѣ главнаго цвѣтка каллы. Чашечка цвѣтка каллы и бутоны, можетъ быть, были позолочены. Какъ были окрашены лепестки цвѣтка каллы и листья пальметокъ, неизвѣстно; весьма вѣроятно, что они были бѣлыми.

Вполнѣ аналогичныхъ капителей я не знаю. Аналогій надо искать, конечно, не въ капителяхъ колоннъ, а въ капителяхъ антъ и пилястровъ коринѳизирующаго стиля. Наиболѣе близки изъ извѣстныхъ мнѣ и изданныхъ капителей этого типа нѣкоторыя капители Пріены III в. до Р. Хр. и, особенно, нѣкоторыя капители Этруріи поздне-эллинистическаго и ранняго римскаго времени. Я имѣю въ виду капитель базы какого-то вотива (нынѣ въ Британскомъ музеѣ; Wiegand u. Shcrader, Priene, 131, рис. 101) и капители мраморныхъ скамеекъ (ibid. 132 сл., рис. 102, 103), изъ которыхъ одна датирована III вѣкомъ до Р. Хр. Особенно близка по всему характеру работы капитель рис. № 102, такой же плоской и нѣжной работы, какъ и наша. Правда, поле здѣсь заполняютъ пальметки и побѣги, а не цвѣтокъ каллы, но это не исключаетъ сравненія и говоритъ, можетъ быть, только за нѣсколько болѣе позднее время нашихъ капителей (цвѣтокъ каллы появляется уже на капители анты храма Аполлона въ Дидимахъ, въ центрѣ акановыхъ побѣговъ, см. Jakobsthal, Araceenformen in der Flora des Ornaments. Kaiserlauten 1889, табл. I, рис. 1)[1]). Еще ближе этрусскіе образцы, какъ, напримѣръ, капитель пилястра одного этрусскаго саркофага въ Берлинѣ (Jakobsthal, ibid., I, рис. 7), гдѣ между двумя волютами площадь капители занимаетъ цвѣтокъ каллы, такая же капитель одного саркофага изъ Chiusi (II в. до Р. Хр.), гдѣ вмѣсто каллы имѣется четырехлепестковый цвѣтокъ (Durm, Handbuch der Arch. II. Die Baukunst der Etrusker, 147, рис. 171) и, несомнѣнно, гораздо болѣе поздній небольшой саркофагъ изъ гробницы Волумніевъ, вѣроятно, августовскаго времени, гдѣ особенное развитіе получилъ вѣнокъ изъ листьевъ, изъ котораго выростаетъ капитель (см. G. Körte, Das Volumniergrab, табл. VII, стр. 31 слл.; Durm, l. l., 172). Характерна также капитель изъ Vulci ранне-эллинистическаго времени, гдѣ вмѣсто цвѣтка появляются головы божествъ (Durm, l. l., 75, рис. 79). Укажу, наконецъ, на капители маленькихъ пилястровъ на Porta Marsia въ Перуджіи, гдѣ и архитектурная роль пилястровъ mutatis mutandis соотвѣтствуетъ, вѣроятно, роли нашихъ колонокъ (Durm, l. l., стр. 37, рис. 37).

Наконецъ, очень интересныя аналогіи даютъ нѣкоторыя александрійскія капители, сопоставленныя Шрейберомъ, см. Th. Schreiber und E. Sieglin, Die Nekropole von Kom-esch-Schukâfa, гл. XIX, стр. 274 слл. Всѣ эти примѣры указываютъ на время болѣе позднее, чѣмъ III в. до Р. Хр., но болѣе раннее, чѣмъ I в. до Р. Хр. Наибольшая доля вѣроятности говоритъ, такимъ образомъ, за II в. до Р. Хр. Съ этимъ согласуется и стиль найденныхъ вмѣстѣ съ капителями скульптуръ, особенно гермы Діониса (см. О. И. А. К. 1899 г., стр. 23, рис. 32 и 33; воспроизвожу ихъ на рис. 25 и 26).

По сосѣдству съ описанными помѣщеніями (гдѣ именно, точно не указано) найденъ второй изъ найденныхъ въ этомъ мѣстѣ комплектъ обломковъ расписной штукатурки, которымъ мы займемся ниже.

Неподалеку отъ описанныхъ фундаментовъ, къ З. отъ нихъ, разрыты были въ томъ же 1899 году фундаменты еще одного зданія (см. О. И. А. К. 1899 г., стр. 19, рис. 28 подъ цифрой VI, нашъ рис. 24). И здѣсь раскопка только начата. Въ фундаментахъ единственнаго разрытаго помѣщенія найденъ былъ богатый под-

[1]) Ср. J. Durm, Handb. d. Arch. I. Die Baukunst der Griechen (3 изд.), 349, рис. 335 (капители колоннъ изъ Дельфъ и Фигаліи) и 324 слл., рис. 308, 309 (о капителяхъ антъ). Среди примѣровъ, имъ приведенныхъ, кромѣ вышеуказанныхъ, имѣется одна очень интересная капитель анты въ музеѣ въ Сиракузахъ изъ Мегары Гиблейской, правда, значительно болѣе древняя, чѣмъ наша. Въ ней мы имѣемъ аналогичное нашимъ изображеніе сигмообразныхъ волютъ.

боръ штукатурныхъ обломковъ иного характера, чѣмъ найденные въ только что упомянутыхъ зданіяхъ. Къ сожалѣнію, ни кладка фундаментовъ, ни найденныя вещи не позволяютъ судить о времени постройки, а незаконченность раскопокъ— о назначеніи зданія.

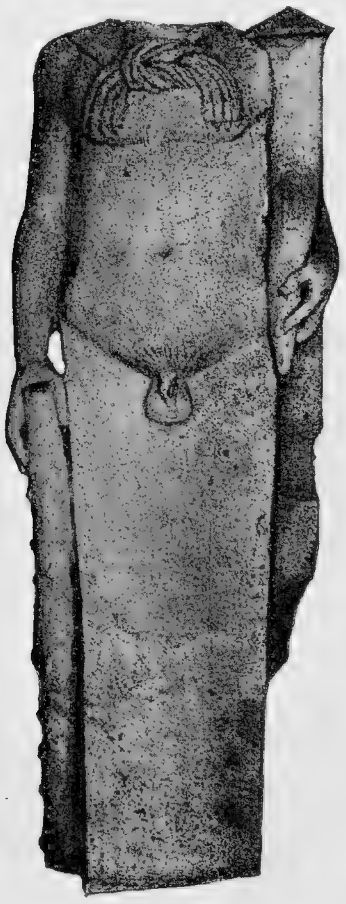


Рис. 25 и 26. Двѣ гермы, найденныя въ 1899 г.

Куски расписной штукатурки.

Перейдемъ теперь къ главной нашей задачѣ, описанію и анализу четырехъ комплектовъ вышеупомянутой расписной штукатурки.

Къ сожалѣнію, послѣ раскопокъ фрагменты штукатурки не были отправлены всѣ въ Петербургъ. Часть ихъ осталась въ Керчи, часть попала въ Одесскій музей Общества Исторіи и Древностей. Въ Петербургъ, все-таки, отправлено было большинство фрагментовъ (всего 286, превратившіеся теперь въ 296), которые и хранятся въ кладовыхъ Императорскаго Эрмитажа.

На мѣстѣ подходящіе другъ къ другу фрагменты были склеены и была сдѣлана даже попытка реставраціи отдѣльныхъ стѣнъ. Сдѣланная безъ знакомства съ аналогичными росписями Помпей, Делоса, Пріены, Магнесіи и др., попытка эта не привела къ пріемлемымъ результатамъ, и проектъ этой реставраціи, хранящійся въ Керченскомъ музеѣ древностей, значенія не имѣетъ.

Тѣмъ не менѣе мы должны быть признательны К. Е. Думбергу какъ за успѣшную склейку подходящихъ фрагментовъ, такъ и за то, что на оборотѣ каждаго фрагмента точно обозначено мѣсто его находки; цифрой 1 обозначены находки 1896 и 1898 г., цифрой 2—находки въ помѣщеніяхъ I и II раскопокъ 1899 г., цифрой 4—находки около этихъ помѣщеній и цифрой 3—находки въ помѣщеніи № VI.

Наиболѣе цѣльное впечатлѣніе производятъ фрагменты № 2, несомнѣнно, принадлежащіе къ декоровкѣ одного роскошнаго помѣщенія и допускающіе поэтому реконструкцію этой декоровки. Болѣе пестръ составъ № 4, хотя и здѣсь значительная часть фрагментовъ, вѣроятно, принадлежитъ одному помѣщенію. Сомнительнѣе принадлежность одному помѣщенію фрагментовъ № 1, но и здѣсь выдѣляется рядъ вполнѣ однородныхъ фрагментовъ, допускающихъ частичную реконструкцію декоровки. Наконецъ, хотя и малочисленны, но, несомнѣнно, происходятъ изъ одного помѣщенія фрагменты № 3.

Такое положеніе дѣла, конечно, увеличиваетъ интересъ къ занимающему насъ матеріалу.

Начнемъ съ обѣщающихъ наиболѣе надежные результаты фрагментовъ №№ 2 и 4. Задача ихъ изслѣдованія облегчается тѣмъ, что кромѣ помпеянскаго сравнительнаго матеріала, который одинъ оставилъ бы темными многіе вопросы, въ нашемъ распоряженіи имѣется теперь богатый матеріалъ делосскихъ домовъ, опубликованный, хотя и неполностью, Bulard'омъ [1]). Опираясь на аналогіи Делоса, роспись домовъ котораго мнѣ пришлось повторно и основательно изучить на мѣстѣ [2]), можно попытаться, даже при незначительности имѣющагося у насъ матеріала, возсоздать, хотя бы частью, схему декоровки керченскихъ домовъ. Субсидіарно можно пользоваться и матеріаломъ Пріены [3]), приведеніемъ въ порядокъ котораго занятъ теперь одинъ изъ реставраторовъ Берлинскаго музея подъ наблюденіемъ маститаго Conze.

Сомнѣній въ томъ, что матеріалъ Делоса, Пріены и Керчи вполнѣ однороденъ и одновременемъ, не допускаетъ даже поверхностный взглядъ на керченскіе фрагменты. Вездѣ мы имѣемъ особый восточный типъ такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля росписи. Это совершенно правильно отмѣтилъ уже Bulard въ упомянутомъ изслѣдованіи, имѣя въ рукахъ фотографіи съ керченскихъ фрагментовъ, предоставленныя мною въ его распоряженіе [4]).

А. Фрагменты штукатурки № II. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ куски штукатурки сосредоточены въ Эрмитажѣ: часть находится въ Одесскомъ музеѣ, часть въ музеѣ древностей въ Керчи. Всѣ фрагменты очень однородны, представляя въ общемъ всего 8 типовъ [5]). Фрагменты № II.

Эта однородность фрагментовъ даетъ надежду на возможность реконструкціи стѣны, къ которой фрагменты принадлежали.

Среди фрагментовъ мы имѣемъ слѣдующіе типы.

1) Фрагментъ чернаго сплошного пояса, 0,165 ширины. Профиль его см. табл. XXXIX, 1 внизу. Плита или поясъ очень сильно выступала надъ стѣною.

2) Фрагменты блѣдно-желтаго поля, раздѣленнаго на части вертикальными вдавленными линіями. Къ этому желтому полю непосредственно примыкаетъ бѣлый простой карнизъ, см. профиль въ реставраціи на табл. XXXIX, 2 [6]).

---

[1]) См. M. Bulard, Peintures murales et mosaiques de Delos. *Monuments et Mémoires Piot* v. XIV, Paris 1908.

[2]) Пользуюсь случаемъ, чтобы печатно высказать мою искреннюю признательность бывшему директору французской школы въ Аѳинахъ г. M. Holleaux за радушное гостепріимство на Делосѣ и за разрѣшеніе использовать богатѣйшій матеріалъ этихъ греческихъ Помпей.

[3]) См. Wiegand und Schrader, Priene, стр. 308 слл.

[4]) Bulard, l. l., 120, 6. Къ сожалѣнію, онъ, по недоразумѣнію, считаетъ наши фрагменты найденными въ гробницахъ.

[5]) Всего фрагментовъ въ Эрмитажѣ имѣется 96.

[6]) Съ этимъ фрагментомъ, можетъ быть, стоитъ въ связи обломокъ штукатурки, гдѣ къ красному полю примыкаетъ узенькая бѣлая полоска, за которой идетъ бѣлое поле.

3) Поясъ чередующихся черныхъ и мраморированныхъ квадровъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга вдавленными чертами. Съ одной стороны простой обрѣзъ, съ другой такъ называемое плетеніе по выпуклой поверхности. См. табл. XXXIX, 4 и табл. XXXVIII, 1; шир. пояса—0,25, съ плетеніемъ—0,31.

4) Очень большое количество фрагментовъ желтой и ярко-красной блестящей штукатурки, раздѣленной на квадры вдавленными линіями; шли-ли эти линіи только вертикально, или также и горизонтально, установленію не поддается (табл. XXXIX, 5, 7 и 8 и табл. XXXVIII, 2 и 4).

5) Сплошной поясъ лиловаго цвѣта съ богатыми покрывающими все поле золотистыми побѣгами, шир. 0,17. См. табл. XXXIX, 6 и табл. XXXVIII, 3.

6) Поясъ нарисованнаго синей и красной краскою мэандра, надъ нимъ такіе же сухарики и къ нимъ примыкающій карнизъ, украшенный овами. Шир. мэандра и сухариковъ—0,32. См. табл. XXXVIII, 5 и табл. XXXIX, 9.

7) Наконецъ, куски простой бѣлой довольно грубой и матовой, а не блестящей штукатурки, по которой шла полоса лесбійскаго киматія. Шир. полосы—0,07. Того же типа грубая мраморировка съ примыкающимъ къ ней карнизомъ съ довольно грубыми матовыми овами (предположительную реставрацію этой части росписи, сдѣланную exempli causa, см. табл. XXXIX, 10 и 11) и два фрагмента двухъ карнизиковъ съ овами съ другими профилями (фрагменты съ овами см. табл. XLII, 6, 7, 8).

Съ полной несомнѣнностью связываются въ одно цѣлое фрагменты 3—6 (табл. XXXVIII). За поясомъ съ черными и мраморированными квадрами слѣдуетъ, несомнѣнно, поясъ ярко-красныхъ квадровъ, примыкающій къ лиловому поясу съ побѣгами. Съ другой стороны къ этому поясу примыкали желтыя квадры, а за ними шелъ мэандровый фризъ и карнизъ.

Беря эту часть отдѣльно (см. табл. XXXVIII, гдѣ ширина желтаго и краснаго полей показана не совсѣмъ правильно: желтое поле было, можетъ быть, шире, красное ýже, ср. табл. XXXIX), мы находимъ разительныя аналогіи съ нѣкоторыми делосскими декоровками, особенно декоровкой комнаты j въ домѣ «Трезубца», см. Bulard, l. l., стр. 108 слл., табл. VI, a. Разница заключается только въ томъ, что въ нашей декоровкѣ поясъ съ побѣгами идетъ надъ полосой одноцвѣтныхъ квадровъ и не ограниченъ профилями, въ домѣ же «Трезубца» онъ играетъ роль дѣлящаго члена, ограниченнаго профилями.

Еще ближе стоитъ декоровка у Bulard, l. l., VI A, a [1]). Здѣсь мы имѣемъ и карнизикъ надъ орѳостатами, и полосу квадровъ надъ орѳостатами, и двойной дѣлящій поясъ, одинъ заполненный мэандромъ и соотвѣтствующій нашему поясу съ побѣгами, другой, состоящій изъ мраморированныхъ квадровъ и увѣнчанный снизу и сверху профилями. У насъ оба пояса отдѣлены другъ отъ друга полосой одноцвѣтныхъ красныхъ квадровъ.

Ясно, что аналогія между возстановленной частью нашей декоровки и упомянутыми стѣнами Делоса чрезвычайно велика. Особенно характеренъ выступающій поясъ съ побѣгами [2]), не идущій, какъ обыкновенно, надъ самымъ цоколемъ,

[1]) См. ibid., стр. 140.

[2]) Такой же выступающій поясъ лиловаго цвѣта съ побѣгами того же цвѣта, что и въ нашихъ фрагментахъ, имѣется въ Помпеяхъ въ домѣ Саллустія дважды: въ таблинѣ надъ рядомъ квадръ, идущихъ надъ большими лежачими квадрами, слѣдующими за цоколемъ, т. е. на томъ же мѣстѣ, что у насъ, см. Mau, Gesch., 23; Mazois, табл. 36; Semper, табл. 15; то же въ комнатѣ налѣво отъ таблина: фризъ надъ карнизомъ, увѣнчивающимъ ту же полосу квадровъ. На томъ же

а раздѣляющій между собою отдѣльныя полосы квадровъ. Въ расположеніи и трактовкѣ этихъ квадровъ наша декоровка уклонялась отъ делосской: наша полоса помѣщена надъ однимъ или двумя рядами квадровъ, и надъ нею шло также не менѣе двухъ рядовъ, за которыми, какъ и въ делосской стѣнѣ, слѣдовалъ мэандръ съ карнизомъ. Это уклоненіе я, однако, существеннымъ не считаю, тѣмъ болѣе, что общее число полосъ средней части стѣны получается одинаковое. Возможно, однако, что это общее число было больше, если вставить между двумя рядами верхнихъ желтыхъ квадровъ еще рядъ красныхъ (какъ на делосской стѣнѣ), на что, однако, никакихъ указаній не имѣется.

Если, такимъ образомъ, реконструкція средней части стѣны несомнѣнна, то болѣе или менѣе сомнительной является реконструкція другихъ частей—верхней и нижней.

Несомнѣнно, что квадры № 3 примыкали, такъ или иначе, къ орѳостатамъ. Фрагментами этихъ орѳостатовъ могутъ быть только куски штукатурки, описанные подъ № 2. По всей вѣроятности, орѳостаты желтаго цвѣта, раздѣленные другъ отъ друга только вертикальными углубленными линіями и увѣнчанные карнизомъ, примыкали такъ или иначе къ черными и мраморированнымъ прямоугольникамъ № 3.

Непосредственно, однако, примыкать обѣ эти части одна къ другой не могли, такъ какъ около карниза видны остатки идущаго за нимъ краснаго матоваго поля. Затрудненіе это, можетъ быть, разрѣшается фрагментомъ, описаннымъ на стр. 119, прим. 6. Характерно, что одна часть этого фрагмента окрашена въ красный матовый цвѣтъ. Полученную такимъ образомъ плоскую полосу надо было бы, въ такомъ случаѣ, толковать какъ часть росписи, игравшую роль профиля c-c^2 на выше указанной делосской росписи. Подобнаго рода профиля, иногда въ видѣ плоскихъ поясовъ, въ Помпеяхъ обычны. Оговариваюсь, однако, что предложенное разрѣшеніе затрудненія мнѣ далеко не кажется несомнѣннымъ [1]).

Наоборотъ, никакихъ сомнѣній не вызываетъ кажущаяся, на первый взглядъ, необычною особенность нашей части росписи, состоящая въ томъ, что орѳостаты увѣнчаны карнизомъ; мы сейчасъ увидимъ несомнѣнный примѣръ такого увѣнчанія въ фрагментахъ № 4, а въ помпеянскихъ декоровкахъ это вполнѣ обычное явленіе [2]).

мѣстѣ находимъ ту же полосу, но съ египтизирующими побѣгами бѣлаго цвѣта на лиловомъ фонѣ въ домѣ Фавна въ комнатѣ налѣво отъ экседры съ мозаикой Александра. На Делосѣ, кромѣ вышеуказаннаго фрагмента, мы имѣемъ полосу съ гирляндой въ перистилѣ дома «Трезубца», декоровка котораго очень близка къ нашей, см. Bulard, l. l., 110. Ср. также Wiegand u. Schrader, Priene, стр. 313, рис. 343. Объясненіе этой полосы см. ниже.

[1]) Другую возможность иллюстрируетъ реконструкція, данная на табл. XXXIX. Реконструкція эта исполнена по моимъ указаніямъ студентомъ арх. В. Головымъ.

[2]) Надъ большими квадрами, слѣдующими за цоколемъ, мы имѣемъ карнизъ, напримѣръ, въ Reg. I, 2, 16 въ одной изъ комнатъ около сада, въ casa del Centauro—кубикулъ направо отъ входа, въ домѣ Саллустія въ атріи, въ алахъ и др. Вообще карнизы надъ отдѣльными рядами квадровъ гораздо болѣе въ ходу въ Помпеяхъ, чѣмъ на Делосѣ. Этому соотвѣтствуетъ большое количество карнизиковъ среди нижеописываемыхъ фрагментовъ № IV и I. Любопытно, что желтый цвѣтъ орѳостатовъ нашей декоровки и декоровки № IV обыченъ для низа стѣны въ Помпеяхъ. Это заставляетъ сомнѣваться въ объясненіи Bulard, l. l., 169, что въ этой желтой полосѣ мы имѣемъ развитіе плинтуса. Скорѣе рѣчь можетъ идти объ упрощеніи орѳостатовъ (недаромъ же надъ этой полосой въ Помпеяхъ всегда Deckschicht), соотвѣтственно ихъ особенно экспонированному положенію. Вообще въ Помпеяхъ основная идея перваго стиля уступила мѣсто соображеніямъ практическимъ и декоративнымъ.

Еще болѣе сомнительна принадлежность чернаго пояса № 1 къ плинтусу или цоколю декоровки. Примѣровъ выступающаго цоколя на Делосѣ мнѣ извѣстно только три (см. Bulard, рис. 41 (домъ «Холма», перистиль), стр. 106; ср. стр. 100 и рис. 34, а и с.).

Зато гораздо болѣе вѣроятна принадлежность фрагментовъ № 7 къ верхней части стѣны. На Делосѣ верхняя часть стѣны, если не украшалась лѣпными архитектурами, то оставлялась сплошнымъ бѣлымъ полемъ. Дифференціація этого поля орнаментальной полосой вполнѣ соотвѣтствуетъ традиціямъ нашего стиля (см. Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, 134). Сомнительнѣе увѣнчаніе этой стѣны грубыми мраморировками, заключенными грубо декорированнымъ карнизомъ.

Полноту картины убранства интересующей насъ комнаты дополняютъ три фрагмента половой выстилки. Эта выстилка сдѣлана изъ толстаго слоя бута на цементѣ и украшена сверху вдавленными въ цементъ гальками бѣлаго и чернаго цвѣтовъ. Взаимоотношеніе между полосами бѣлыхъ и черныхъ галекъ установить невозможно. Аналогичныя половыя выстилки имѣются въ Ольвіи, въ Александріи и другихъ мѣстахъ. Характерно то, что такія выстилки встрѣчаются, главнымъ образомъ, во дворахъ или перистиляхъ [1]). Весьма возможно, какъ позволительно судить по найденнымъ архитектурнымъ частямъ, что и наша декоровка и выстилка принадлежатъ перистилю или αὐλή. Къ этому вполнѣ подходятъ и размѣры декорованной стѣны: безъ верхней части высота декоровки равна приблизительно 4 метрамъ, что, впрочемъ, на Делосѣ обычно; включая верхнюю часть стѣны, мы получимъ не менѣе 5 метровъ вышины.

О мѣстѣ, которое занимаетъ роспись нашей стѣны въ эволюціи такъ называемаго I стиля, рѣчь будетъ еще ниже.

Фрагменты № IV.

В. Фрагменты штукатурки № IV. Гораздо менѣе цѣльное впечатлѣніе производятъ фрагменты № IV, найденные, судя по словамъ Думберга въ описи посланныхъ въ Петербургъ предметовъ, около комплекса фундаментовъ, гдѣ найдены были фрагменты № II. Тѣмъ не менѣе, часть фрагментовъ, несомнѣнно, связана между собою и принадлежность ихъ къ опредѣленнымъ частямъ стѣны болѣе чѣмъ вѣроятна.

Я не стану описывать всѣ 74 куска разнообразной штукатурки и удовольствуюсь только наиболѣе характерными.

1) Очень характерны фрагменты большихъ желтыхъ орѳостатовъ (профиль см. табл. XLII, 13), увѣнчанныхъ карнизомъ, украшеннымъ лесбійской кимой. Я уже говорилъ о рѣдкости подобныхъ орѳостатовъ на Делосѣ. Тѣмъ не менѣе, фактъ увѣнчанія орѳостатовъ карнизомъ въ нашемъ случаѣ несомнѣненъ. Орѳостаты выработаны пластически (реставрацію см. табл. XLII, 12).

2) Интересны и фрагменты пластическаго мэандра съ вѣнчающимъ его карнизомъ, сопоставленные и дополненные художникомъ Раевскимъ на табл. XL, 1. Присутствіе среди фрагментовъ № IV части каннелированной полуколонки изъ стука позволило бы предположить, что наши пластическіе фрагменты принадлежатъ декоровкѣ типа комнаты D дома Діониса на Делосѣ (см. Bulard, l. l., 113 и табл. VI A a) или типа пріенской декоровки Wiegand u. Schrader, Priene, 315, рис. 356. Но единичность этого фрагмента не позволяетъ на этомъ настаивать. Скорѣе мэандръ и карнизъ вѣнчали декоровку средней части стѣны, какъ въ № II.

[1]) См. Б. Фармаковскій, Olbia 1901—1908 въ И. И. А. К. 33, 109, рис. 8—10.

3) Аналогиченъ лиловому поясу декоровки № II такой же поясъ почти того же размѣра (0,165 шир.) изъ черныхъ и мраморированныхъ квадровъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга вертикальными вдавленными линіями. Характерно, что и тутъ выступающій поясъ примыкалъ не непосредственно къ ороостатамъ, а къ желтому полю съ одной, красному съ другой стороны.

4) Сохранилось и большое количество фрагментовъ желтыхъ, красныхъ и бѣлыхъ квадровъ, выработанныхъ пластически. На одномъ фрагментѣ видно, какъ рядъ красныхъ квадровъ примыкалъ къ орнаментованной, не профилированной полосѣ. На другомъ видно, какъ желтое поле отъ краснаго отдѣляется профилемъ, украшеннымъ лесбійскимъ киматіемъ.

5) Аналогична № 3-му фрагментовъ группы II полоса черныхъ и мраморированныхъ квадровъ, обрамленная съ одной стороны выпуклымъ полукруглымъ профилемъ, украшеннымъ плетеніемъ.

6) Весьма интересенъ одинъ небольшой карнизикъ какъ своимъ профилемъ, такъ и орнаментомъ (см. табл. XLII, 11): онъ украшенъ листовымъ орнаментомъ, сдѣланнымъ красной, темнозеленой и черной красками. Вогнутый профиль подъ карнизикомъ окрашенъ въ густой лиловый цвѣтъ и украшенъ золотистыми пальметками [1]).

7) Наконецъ, имѣется рядъ фрагментовъ, аналогичныхъ фрагментамъ верхней части стѣны № II, т. е. по довольно грубой поверхности штукатурки матовыми красками написаны полосы орнаментовъ. Среди нихъ интересны растительный орнаментъ табл. XLII, 9, и сухая эллинистическая прямая гирлянда съ зеленымъ корпусомъ и черными выступающими иглами (см. табл. XLI, 11; ср. ниже въ описаніи склепа 1890 г.) [2]).

На большомъ количествѣ диспаратныхъ фрагментовъ, особенно фрагментахъ различныхъ пластически трактованныхъ карнизиковъ, я останавливаться не стану. Ихъ изданіе врядъ ли можетъ считаться желательнымъ, такъ какъ роль ихъ въ декоровкѣ стѣны неопредѣлима.

Фрагменты № I.

C. Фрагменты штукатурки № 1. Находка всѣхъ этихъ фрагментовъ, числомъ 86, въ одномъ мѣстѣ засвидѣтельствована Думбергомъ. Тѣмъ не менѣе одной комнатѣ всѣ наши фрагменты принадлежать не могутъ; среди отдѣльныхъ фрагментовъ есть такіе, которые, очевидно, въ эту массу попали случайно и стоятъ среди нея совершенно одиноко. Съ другой стороны, среди сохранившихся фрагментовъ совершенно нѣтъ кусковъ нѣкоторыхъ частей стѣны: нѣтъ ни одного, который можно было бы съ вѣроятностью пріурочить къ орѳостатамъ.

Но часть кусковъ принадлежитъ и здѣсь, несомнѣнно, если не одной стѣнѣ, то одной комнатѣ. Судя по сохранившимся остаткамъ, вся декоровка этой комнаты давала рядъ выдающихся оригинальныхъ особенностей и представляла крупный интересъ.

Отмѣчу здѣсь же, прежде всего, необычайное богатство и роскошь мраморировокъ (можно установить, по крайней мѣрѣ, 7 типовъ ихъ), чередовавшихся одна съ другой въ большомъ разнообразіи, даже въ одномъ и томъ же поясѣ (см. табл. XL, 2—4).

---

[1]) Совершенно такой же карнизикъ имѣется на одной стѣнѣ Делоса, именно на уже упомянутой стѣнѣ комн. D въ домѣ Діониса, см. Bulard, l. l., табл. VI A, ae¹ и стр. 118: «il faut seulement noter la disposition spéciale de la moulure e¹ (quart de rond surmonté d'un listel); sur cette moulure est peinte en jaune brun une suite de feuilles d'eau».

[2]) Ср. фрагментъ расписной штукатурки, найденной на Делосѣ, у Bulard l. l., pl. VIII c.

Интересно, затѣмъ, рѣдкое на Делосѣ и въ другихъ нашихъ росписяхъ обиліе блестящей зеленой краски, представленной и въ видѣ сплошныхъ полей, и въ мраморировкахъ, и въ орнаментахъ, которыми украшены отдѣльныя части росписи [1]).

Наконецъ, надо еще отмѣтить любопытную замѣну полосы квадровъ полосой трехугольныхъ или ромбоидальныхъ пластическихъ плитокъ.

Остановимся сначала на частяхъ росписи, представленныхъ большимъ количествомъ кусковъ, роль которыхъ въ общемъ строеніи стѣны можетъ быть сравнительно точно установлена.

1) На первомъ мѣстѣ среди этихъ кусковъ стоятъ фрагменты пластически обработанныхъ квадръ, принадлежащихъ тремъ поясамъ. Ширина квадръ двухъ поясовъ одинакова—0,135, третьяго неопредѣлима; всѣ онѣ обрамлены съ обѣихъ сторонъ: первыя двѣ съ одной стороны выпуклымъ, округленнымъ профилемъ съ плетеніемъ, съ другой стороны карнизообразнымъ профилемъ съ лесбійскимъ киматіемъ (см. табл. XL, 2—4 и XLI, 13), третья такимъ же плетеніемъ и овами (см. табл. XLI, 14). Первыя двѣ разнятся одна отъ другой тѣмъ, что надъ киматіемъ онѣ частью окрашены въ бѣлый цвѣтъ, частью въ цвѣтъ пластически выработанной квадры. Это и заставляетъ меня говорить о возможномъ существованіи двухъ однородныхъ поясовъ.

Квадры имѣются черныя, красныя и шести разнаго типа мраморировокъ, три изъ которыхъ скопированы на табл. XL, 2—4, четвертую см. на табл. XLII, 4; мраморировки эти частью воспроизводятъ обычную пеструю breccia, частью подражаютъ павлиньему хвосту, то въ болѣе темныхъ, то въ болѣе свѣтлыхъ тонахъ. Среди извѣстныхъ мнѣ росписей нашего стиля я такого изобилія и богатства мраморировокъ въ одномъ поясѣ не встрѣчалъ [2]).

2) Не обрамлена была орнаментованными профилями полоса или поясъ той же ширины (0,135), расписанный пестрымъ сплошнымъ мэандромъ, сдѣланнымъ красной, зеленой, бѣлой, желтой и черной красками (см. табл. XLI, 1). Фризъ этотъ могъ составлять одно цѣлое съ только что описаннымъ поясомъ квадровъ, по типу многихъ наиболѣе роскошныхъ делосскихъ декоровокъ (см., напр., Bulard, l. l., табл. VI A, a и b). Мэандръ могъ примыкать одной стороной къ нижнему профилю полосы № 1, сосѣдя съ другой стороны съ красными профилированными квадрами, съ которыми сосѣдятъ многіе фрагменты нашего мэандра. Эти квадры соотвѣтствовали бы тогда Bulard, pl. VI A и D, поясъ мэандра—VI A a, E e^3 e^4, поясъ мраморированныхъ прямоугольниковъ—VI A a, E e^1 e e^2.

3) Характерно, что поясъ № 1 примыкалъ, несомнѣнно, къ зеленому полю (частью, можетъ быть, къ желтому); къ зеленому же и желтому полямъ примыкали многочисленные фрагменты карнизика съ лесбійской кимой, шести разныхъ размѣровъ и профилей, см. табл. XLI, 2—6 и 12. Возможно было бы думать, что эту желтозеленую полосу составляла не полоса квадровъ, а полоса плитъ трехугольныхъ или ромбоидальныхъ, пластически обработанныхъ, фрагменты которыхъ сохранились въ довольно большомъ числѣ (цвѣта—желтый, зеленый, мраморировка типа павлиньяго глаза, см. табл. XLII, 2 и 3 и реконструкція ibid. 1). Сохранившіеся остатки не позволяютъ возстановить съ полною точностью эту полосу

[1]) О роли зеленой краски на Делосѣ см. Bulard, l. l., 126. Въ Помпеяхъ зеленая краска вполнѣ обычна.

[2]) Ср. Wiegand u. Schrader, Priene, 315, рис. 351.

(см. предположительный проектъ реставраціи табл. XLII, 1). Единственной, хотя и далеко не полной, аналогіей является украшеніе одной стѣны въ домѣ Фавна въ Помпеяхъ (см. Mau, Gesch. d. dekor. Wandmalerei, Atlas, табл. I, e.).

Остальные фрагменты нашей росписи далеко не такъ опредѣленны. Отмѣчу: 4) рядъ богато профилированныхъ и украшенныхъ карнизовъ семи типовъ (см. табл. XLI, 7—10 и 15—17); зеленый обрѣзъ одного изъ нихъ позволяетъ заключить, что и онъ примыкалъ къ зеленому полю; 5) далѣе полосу, примыкавшую къ желтому полю съ одной стороны и ограничивавшую съ другой черную профилированную квадру, см. табл. XL, 6; 6) наконецъ, полосу красныхъ волнъ, обрамлявшую бѣлую выступающую квадру (см. табл. XL, 5), и плоскую матовую орнаментованную полосу, табл. XLII, 10. Кромѣ этихъ фрагментовъ имѣются еще пластическіе сухарики отъ двухъ карнизовъ разныхъ размѣровъ и кусокъ пластическаго мэандра.

Особнякомъ стоятъ два фрагмента. Одинъ изъ нихъ, несомнѣнно, принадлежалъ куску стѣны, на которомъ живописью изображены были бѣлыя іоническія колонки съ черными капителями. Другой фрагментъ врядъ ли относится къ росписи жилыхъ помѣщеній вообще. Это—кусокъ грубой штукатурки съ изображеніемъ характернаго для погребеній II в. по Р. Хр. въ Керчи цвѣтка розы или мальвы на зеленомъ стеблѣ (см. табл. XLII, 5).

Въ высшей степени интересенъ фрагментъ половой выстилки одного изъ разсматриваемыхъ помѣщеній (наибольшая дл. 0,36, шир. 0,25, толщ. 0,09). Толстый слой (или нѣсколько слоевъ) цемента покрытъ наверху яркой красной краской. Въ цементъ вдавлены кусочки бѣлаго мрамора неправильной формы. Весьма возможно, что мы имѣемъ здѣсь греческій прототипъ римскаго opus singninum, см. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. *Musivum opus* (Gauckler), 2093. Интересно было бы изслѣдовать нашъ кусокъ химически для опредѣленія, соотвѣтствуетъ ли онъ предписаніямъ Плинія (Plin. Nat. hist., XXXVI, 187).

Анализъ фрагментовъ. Аналогіи.

Изъ описанія фрагментовъ расписной штукатурки и попытокъ опредѣлить мѣсто каждой группы фрагментовъ на расписанной стѣнѣ съ полной ясностью слѣдуетъ, что въ трехъ описанныхъ группахъ фрагментовъ мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ остатками стѣнной росписи такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля, родина котораго находится не въ Помпеяхъ и не въ Александріи, а въ Греціи и М. Азіи. Объ этомъ достаточно опредѣленно говоритъ тотъ фактъ, что стѣнная роспись нашего стиля господствуетъ на всемъ греческомъ малоазійскомъ побережьѣ (слѣды этой росписи установлены вездѣ, гдѣ констатировано присутствіе большого количества остатковъ эллинистическаго времени, особенно много въ такихъ эллинистическихъ городахъ, какъ Пергамъ, Пріена и Магнесія на Мэандрѣ), на многихъ греческихъ островахъ (Делосъ, Ѳера), на побережьѣ Чернаго моря (Пантикапей, Ольвія) и въ самой Греціи (интересный образчикъ даетъ внутренняя декоровка «башни вѣтровъ» въ Аѳинахъ) [1]. Еще важнѣе то, что здѣсь мы имѣемъ совершенно оригинальную форму такъ называемаго перваго стиля, отнюдь не совпадающую съ тѣми формами, которыя принялъ первый стиль въ Помпеяхъ [2].

---

[1]) Болѣе точныя указанія и ссылки читатель можетъ найти частью въ текстѣ этой и предыдущей главъ, частью у Bulard, l. l., 120 сл. и Wiegand u. Schrader, Priene, стр. 316. Подробно обо всѣхъ этихъ центрахъ распространенія перваго стиля рѣчь будетъ во второй части.

[2]) См. очень детальное сравненіе того и другого у Bulard, l. l., 130 сл. Къ сожалѣнію, Bulard не отмѣтилъ ряда египетскихъ вліяній въ первомъ стилѣ Помпей (см. выше), что заставляетъ думать о вліяніи Александріи на развитіе перваго стиля въ Помпеяхъ. Подробнѣе во второй части.

Генезисъ перваго стиля.

Но рѣшающее значеніе имѣетъ даже не это, а то, что только на Востокѣ мы можемъ установить эволюцію этого перваго стиля, его появленіе изъ предшествующихъ ему стадій развитія, его постепенное усложненіе и элементы постепеннаго перехода въ новыя формы. Установленіе этого генезиса перваго стиля совершенно исключаетъ возможность его возникновенія на западѣ, т. е. въ Александріи, гдѣ памятники этого стиля ясно свидѣтельствуютъ о заносномъ его характерѣ и о постепенномъ проникновеніи мѣстными элементами, лишающими его на почвѣ Египта нѣкоторыхъ основныхъ, органически связанныхъ съ его генезисомъ, чертъ.

Если изслѣдованія Августа Мау съ поразительной ясностью опредѣлили основные признаки такъ называемаго перваго стиля и совершенно правильно опредѣлили эпоху его расцвѣта, если эти же необычайно тщательныя штудіи не менѣе ясно показали, когда и чѣмъ смѣняется этотъ стиль въ помпеянской росписи [1]), если рядомъ съ этимъ открытіе малоазійскихъ и, главнымъ образомъ, делосскихъ серій вызвало, съ другой стороны, реакцію противъ теорій Мау объ инкрустаціонномъ характерѣ этого стиля, что почти одновременно было высказано Дёрпфельдомъ, Bulard'омъ и мною [2]) и противопоставило теоріи инкрустаціи теорію подражанія въ росписи структурѣ греческой каменной, главнымъ образомъ, мраморной стѣны, то при всемъ этомъ какъ вопросъ объ отправныхъ пунктахъ этого развитія, о старѣйшихъ схемахъ развитія перваго стиля, такъ и вопросъ объ эволюціи этого стиля и локальныхъ его особенностяхъ до сихъ поръ почти совершенно не были затронуты. Между тѣмъ, именно эти вопросы для разрѣшенія вопроса какъ о мѣстѣ, такъ и о времени происхожденія стиля имѣютъ основное значеніе; установленіе этаповъ эволюціи, кромѣ того, одно только можетъ окончательно выяснить, на чьей сторонѣ окончательная правда въ разрѣшеніи вопроса о характерѣ стиля: родился ли этотъ стиль исключительно въ результатѣ подражанія въ росписи стѣнѣ, построенной изъ мрамора, или играло роль въ его рожденіи и подражаніе стѣнѣ, обложенной драгоцѣнными сортами камня.

Я не могу здѣсь въ изложеніи, которое должно быть только комментаріемъ къ описаннымъ выше пантикапейскимъ расписнымъ стѣнамъ и должно, главнымъ образомъ, освѣтить ихъ положеніе среди другихъ извѣстныхъ намъ одновременныхъ образчиковъ представленнаго ими стиля, дать исторію всего стиля со всѣми необходимыми подробностями и съ приведеніемъ всего надлежащаго матеріала. Все это будетъ мною сдѣлано во второй части работы. Удовольствуюсь поэтому здѣсь только абсолютно необходимымъ.

Разбирая роспись склепа Васюринской горы и Анапскаго съ одной стороны, Керченскаго склепика съ другой, я установилъ, что передъ нами, несмотря на приблизительную одновременность перваго и третьяго памятниковъ, не только два типа, но и двѣ стадіи развитія стѣнной декоративной живописи (въ сторонѣ остается роспись склепа Б. Близницы, дающая третій типъ).

Болѣе древнюю стадію развитія представляетъ Керченскій склепикъ, гдѣ мы имѣемъ роспись древнѣйшаго типа. Надъ массивнымъ цоколемъ изъ большихъ камней идетъ стѣна, сложенная изъ глины или изъ бута; для крѣпости она проложена посрединѣ деревянной балкой, ее вѣнчаетъ деревянный же карнизъ. Все это выражено и въ сплошной окраскѣ оштукатуренной, по необходимости, стѣны: низъ-цоколь окрашенъ въ нейтральный цвѣтъ, первая половина стѣны

[1]) См. A. Mau, Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompei, Berlin 1882.
[2]) См. выше стр. 68, 1.

въ красный, балка въ нейтральный, вторая половина въ желтый, карнизъ имитируетъ дерево. Рядомъ съ этимъ склепъ Васюринской горы подражаетъ въ росписи уже болѣе совершенной кладкѣ стѣны, гдѣ цоколь свелся до минимальныхъ размѣровъ плинтуса, надъ нимъ поднимались ороостаты, такъ называемая Deckschicht и, наконецъ, оштукатуренная и выкрашенная въ сплошной красный цвѣтъ средняя часть стѣны, которую вѣнчаетъ карнизъ.

Послѣдняя стадія развитія представлена не одной только нашей гробницей; параллели приведены выше. Особенно важны для насъ параллели делосскихъ домовъ и портиковъ Пергама, Пріены и Магнесіи [1]). Характерно, что верхняя нейтральная полоса бываетъ или разбита на квадры (пластически или линіями), или оставляется гладкой. Въ Магнесіи поверхность окрашенной въ красный цвѣтъ средней или верхней части стѣны разбита на части продольными линіями орнаментовъ.

Продольныя полосы орнаментовъ.

Въ этихъ продольныхъ линіяхъ орнаментовъ я вижу воспоминаніе о балкахъ, которыми проложена была бутовая или глиняная стѣна; вотъ почему эта полоса орнаментовъ бываетъ обыкновенно сплошной. Въ отличіе отъ нея такъ называемая Deckschicht обыкновенно изображается какъ состоящая изъ квадровъ, причемъ эти квадры особенно выдѣляются какъ полихроміей, такъ и мраморировкой [2]).

Различіе между деревянной прокладкой въ стѣнѣ и такъ называемой Deckschicht рѣдко, однако, рѣзко подчеркивается въ расписныхъ стѣнахъ Делоса, давшаго намъ наибольшее количество образчиковъ нашего стиля; наоборотъ, оба эти дѣлящіе члена имѣютъ на Делосѣ тенденцію сливаться или нагромождаться одинъ на другой. Такое сліяніе я наблюдаю тамъ, гдѣ Deckschicht покрывается сплошнымъ орнаментомъ, напримѣръ, мэандромъ [3]), нагроможденіе тамъ, гдѣ полоса сплошного орнамента, иногда выдающаяся надъ поверхностью поля стѣны, идетъ либо непосредственно надъ раздѣленной на квадры Deckschicht, либо наоборотъ [4]). Часто, кромѣ того, Deckschicht просто удваивается [5]).

Тѣмъ цѣннѣе для насъ тѣ расписныя стѣны, гдѣ оба элемента различаются и занимаютъ каждый соотвѣтственное мѣсто въ расчлененіи стѣны. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны наши фрагменты № II, сопоставленные выше съ соотвѣтственными стѣнами делосскихъ домовъ. Значеніе лиловой полосы съ побѣгами въ нашихъ фрагментахъ особенно ярко оттѣняется тѣмъ, что подъ нею идетъ красное поле, надъ нею желтое, совершенно такъ, какъ мы это видимъ въ керченскомъ склепикѣ. Не безразличнымъ считалъ бы я и то, что дифференцированы оба эти поля только вдавленными, можетъ быть, только вертикальными линіями.

Любопытно также и то, что и въ этой декоровкѣ и въ очень похожей на нее декоровкѣ № IV вѣнчаетъ стѣну, какъ въ анапской гробницѣ, фризъ мэандра съ карнизомъ надъ нимъ, что на Делосѣ наблюдается уже очень рѣдко.

[1]) См. выше стр. 119, прим. 6.

[2]) Въ Помпеяхъ (см. выше) удержаны были во многихъ декоровкахъ оба эти элемента,— одинъ надъ плоскимъ цоколемъ, другой надъ серіей большихъ квадровъ. Это одно уже показываетъ, что врядъ ли правъ Bulard (см. выше), объясняя нижнюю полосу помпеянскихъ декоровъ, какъ плинтусъ. Объясненія сплошнымъ полосамъ орнаментовъ ни онъ, ни Mau не дали. См. Bulard, l. l., 174 слл.

[3]) См. Bulard, l. l., рис. 35, 36, 39; табл. VI b, c, d.

[4]) Bulard, ibid., рис. 42, 43, 45; табл. VI A, a, b. Здѣсь же (въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ), кромѣ того, Deckschicht—дѣлящая полоса отдѣлена отъ цоколя полосой квадровъ, играющей, такимъ образомъ, здѣсь роль Deckschicht и этимъ ее удваивающей.

[5]) См. Bulard l. l., табл. VI A, c и рис. 46.

Полихромія стѣнъ.

Thiersch, а за нимъ Bulard отмѣтили, что красная (и, добавимъ, желтая) краска квадровъ, на которые раздѣлена обыкновенно средняя часть стѣны, можетъ быть объяснена только традиціоннымъ удержаніемъ этихъ цвѣтовъ отъ той эпохи, когда стѣна сплошь окрашивалась въ эти цвѣта. Цвѣта эти изъ подражанія натуральнымъ цвѣтамъ камня никакъ объяснены быть не могутъ [1]).

Возможно, что третій любимый цвѣтъ—черный, чаще всего появляющійся въ орѳостатахъ и дѣлящихъ поясахъ, особенно въ такъ называемой Deckschicht, можетъ быть, находитъ свое объясненіе въ употребленіи при постройкѣ стѣны изъ бѣлаго мрамора для указанной цѣли камня темныхъ цвѣтовъ, въ Аѳинахъ, напримѣръ, элевсинскаго камня.

Я не сталъ бы, конечно, утверждать, что наши куски штукатурки № II и по времени старше тѣхъ росписей, гдѣ уже не замѣчается въ такой мѣрѣ сила традиціи; вполнѣ возможно, что старшая и младшая схемы были въ ходу одновременно, и что старшая, какъ болѣе простая, особенно годилась для менѣе роскошныхъ, хотя и болѣе позднихъ помѣщеній, но тѣмъ не менѣе связь этихъ болѣе простыхъ декоровокъ съ болѣе ранними типами послѣ всего того, что сказано въ предыдущихъ главахъ, для меня внѣ сомнѣній.

Къ типу болѣе сложныхъ расписныхъ стѣнъ всецѣло относится стѣна, часть которой дошла до насъ въ фрагментахъ № I, какъ это видно уже изъ указанныхъ при ея описаніи параллелей. Въ этой стѣнѣ насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, какъ было сказано выше, богатство ея полихроміи, обиліе зеленаго цвѣта и обиліе и богатство мраморировокъ.

Я уже выше отмѣтилъ, что мраморировки и богатая полихромія преимущественно царятъ въ нижней части стѣны, причемъ верхнія имѣютъ явную тенденцію къ исключительному пользованію традиціонными цвѣтами—краснымъ и желтымъ. Это явленіе, конечно, не случайно и находитъ себѣ объясненіе не только въ томъ, что для этихъ частей пользовались въ каменной, особенно бѣломраморной постройкѣ, цвѣтными сортами мрамора [2]).

Генезисъ инкрустаціи мраморами.

Рядомъ съ этимъ, мнѣ кажется, необходимо вспомнить о принципѣ, выставленномъ Mau, именно о подражаніи стѣнамъ не выстроеннымъ, а только обшитымъ цвѣтными сортами мрамора. Этотъ тяжелый способъ декоровки стѣны уже по тяжести своей больше всего пригоденъ былъ для нижнихъ частей стѣны и въ нихъ, напримѣръ, въ Помпеяхъ и Римѣ, чаще всего встрѣчается тогда, когда остальная стѣна только расписана. То же, несомнѣнно, наблюдалось и въ зданіяхъ эпохи ранняго эллинизма. Въ той же мѣрѣ, въ какой самая стройка изъ большихъ квадровъ камня завоевываетъ себѣ прежде всего низъ стѣны—цоколь, орѳостаты и Deckschicht, и обкладка стѣны разноцвѣтными камнями прививается въ зданіяхъ, выстроенныхъ изъ невиднаго матеріала, прежде всего въ тѣхъ же нижнихъ частяхъ стѣны. Это еще не инкрустація, сущность которой состоитъ въ разрисовываніи стѣны или частей стѣны при посредствѣ цвѣтныхъ мраморовъ, преимущественно, геометрическими орнаментами, но во всякомъ случаѣ первый шагъ къ ней.

[1]) См. Bulard, l. l., 129 слл. и 124 слл.; Thiersch, Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria, 13.

[2]) Надо отмѣтить, что въ наиболѣе простыхъ декоровкахъ Делоса, сохранившихъ, какъ уже сказано, особенно цѣпко основныя идеи перваго стиля, на нѣкоторыхъ стѣнахъ, гдѣ дѣленія обозначены только линіями, единственной окрашенной частью является Deckschicht; въ другихъ весь верхъ декоровки бѣлый и только цоколь, орѳостаты, Deckschicht окрашены; см. Bulard, Peintures murales etc., 94, рис. 32.

Подробнѣе обо всемъ этомъ съ приведеніемъ соотвѣтственнаго матеріала рѣчь будетъ во второй части этой книги. Здѣсь я укажу только на то, что самый принципъ мраморировки въ его наиболѣе пестромъ примѣненіи уклоняется отъ подражанія реальнымъ, существующимъ въ дѣйствительности, сортамъ мрамора и приближается къ манерѣ marmoribus pingere. Рядомъ же съ этимъ въ нашихъ фрагментахъ № 1 въ одной ближе не опредѣлимой части стѣны мы имѣемъ и настоящую инкрустацію. Я имѣю въ виду ту полосу, гдѣ чередуются разноцвѣтные (зеленые, желтые и мраморированные) трехугольники и ромбы.

Характерно, что параллелей для этого явленія мы принуждены были искать не столько на Делосѣ, сколько въ Помпеяхъ, гдѣ первый стиль процвѣталъ еще въ I в. до Р. Хр., когда Делосъ уже захирѣлъ [1]). Нашъ примѣръ показываетъ, что эволюція въ этомъ направленіи совершилась не только на Западѣ, но и на Востокѣ. Мы увидимъ ниже, какъ пышно расцвѣлъ принципъ инкрустаціи въ позднѣйшее время именно здѣсь, на Востокѣ, и только отсюда перешелъ на Западъ.

Важно для насъ отмѣтить и то, что въ Помпеяхъ же главнымъ образомъ наблюдаемъ мы и переходъ мраморировокъ съ нижней части стѣны на среднюю.

Верхняя часть стѣны.

Наименѣе матеріала даютъ декоровки Востока для разрѣшенія вопроса о трактовкѣ верхней части стѣны перваго стиля; нѣсколько больше даютъ Помпеи. Какъ извѣстно, мы имѣемъ двѣ системы: либо оставленіе верхней части стѣны, отдѣленной отъ средней карнизомъ, совсѣмъ не окрашенной, либо помѣщеніе въ ней вертикальныхъ, дѣлящихъ архитектурныхъ членовъ со стремленіемъ иногда дать иллюзію если не проломленія стѣны, то архитектурнаго проспекта.

Первое изъ отмѣченныхъ явленій мнѣ кажется вполнѣ понятнымъ. Какъ надъ массивными орѳостатами и Deckschicht нижней части стѣны естественно было строить стѣну изъ болѣе легкаго матеріала, какъ надъ тяжелымъ дифференцированнымъ низомъ глазъ требовалъ сплошныхъ, хотя не очень однообразныхъ полей, такъ тогда, когда квадровый принципъ перешелъ и на верхнюю часть стѣны, естественно было и со структивной, и съ декоративной точки зрѣнія выдѣлить часть стѣны надъ квадрами, которая бы дала спокойный переходъ отъ тяжелой и пестрой квадровой стѣны къ потолку. Съ архитектурной точки зрѣнія нейтральное пространство наверху требовалось для помѣщенія оживлявшихъ его и необходимыхъ для комнаты оконъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ эстетической точки зрѣнія квадрировка стѣны только убила бы дѣйствіе вертикальныхъ и горизонтальныхъ профилей окна. Въ Помпеяхъ мы постоянно наблюдаемъ случаи, когда окна помѣщаются въ комнатахъ 1-го стиля надъ карнизомъ, заключающимъ среднюю квадрированную часть стѣны [2]).

Но самое проникновеніе окна въ домовую архитектуру есть въ греко-римской архитектурѣ явленіе сравнительно позднее. Выдѣленіе верхней части стѣны не можетъ быть связано только со стремленіемъ включить окно въ структуру декорованной стѣны. Рѣшающей и первой по времени причиной выдѣленія верхней части стѣны надо считать поэтому первое изъ указанныхъ явленій. Въ виду этого я

---

[1]) Впрочемъ, приведенный примѣръ не очень характеренъ и свидѣтельствуетъ больше о вліяніи Египта на Помпеи, чѣмъ о настоящей инкрустаціи. Вообще декоровка дома Фавна въ Помпеяхъ изобилуетъ мотивами египетскаго происхожденія и довольно причудлива. См. хотя бы знаменитый игрушечный храмикъ или pronaos въ fauces.

[2]) См. Помпеи Reg. IX, 2, 17, комната около входа; casa del Toro (V, 1, 7), комната направо отъ атрія; домъ Эпидія Руфа, комната направо отъ входа (изящная профилировка двухъ рядомъ сидящихъ оконъ) и др.

считалъ бы безцвѣтную верхнюю часть стѣны старше той же части стѣны, дифференцированной окнами и, особенно, какъ увидимъ ниже, пилястрами и колоннами.

Эту первую стадію развитія сохранили намъ опять-таки болѣе простыя декоровки перваго стиля, по времени своего изготовленія естественно и болѣе раннія. Такихъ декоровокъ въ Помпеяхъ и на Делосѣ имѣется немало. Къ нимъ принадлежитъ и наша декоровка, составленная изъ фрагментовъ штукатурки № II. Въ ней особенно интересно дѣленіе верхняго нейтральнаго поля сплошнымъ поясомъ орнаментовъ, т. е. совершенно то же явленіе, которое мы отмѣтили и для средней части стѣны.

Дифференцированіе верхней части стѣны пилястрами и полуколонками, созданіе тамъ архитектурнаго проспекта засвидѣтельствовано для одной изъ росписей о системѣ которой намъ свидѣтельствуютъ куски штукатурки № IV. На Делосѣ, въ, Пріенѣ и Помпеяхъ такое заключеніе стѣны обычно. Вызвано это дѣленіе опять-таки, вѣроятно, двойнымъ рядомъ соображеній: во-первыхъ, стремленіемъ сдѣлать верхнюю часть сравнительно съ массивной нижней болѣе легкою, болѣе сквозною и дополнить горизонтальный архитектурный ритмъ низа вертикальнымъ ритмомъ верха, во-вторыхъ, создать въ сравнительно низкой комнатѣ иллюзію большого помѣщенія или зала съ верхнимъ свѣтомъ. Вся эллинистическая архитектура, какъ показываютъ римскія виллы, стремилась, въ противоположность замкнутой въ себѣ старой архитектурѣ греческаго дома съ его слѣпыми фасадами, создать новый типъ жилья съ большимъ количествомъ свѣта и даже съ зрячими фасадами. Кромѣ римской виллы, объ этомъ говорятъ и развившіяся въ эпоху эллинизма базилики, и предполагаемый внѣшній видъ дворцовъ, и, наконецъ, крытые театры типа аѳинскаго Периклова Одеона, наконецъ, цѣлый рядъ помпеянскихъ домовъ, фасады верхнихъ этажей которыхъ успѣшно возстанавляются теперь при ихъ разрытіи.

Въ соотвѣтствіи съ пластическимъ характеромъ низа стѣны, и верхъ раздѣлывается пластически, причемъ живопись привлекается только дополнительно для созданія иллюзіи глубины изображеннаго пластически портика. Конечно, отсюда переходъ къ только написаннымъ архитектурамъ верхней части стѣны былъ легокъ и простъ: вѣдь и въ системѣ перваго стиля пластическая выработка квадръ и дѣлящихъ членовъ необязательна и идетъ рядомъ съ дѣленіями стѣны только живописью или при посредствѣ вдавленныхъ линій. Не удивительно поэтому, что среди фрагментовъ № I мы имѣемъ мелкій остатокъ написанной легкой іонической колонки, напоминающей скорѣе архитектуры второго, а не перваго помпеянскаго стиля.

Дата расписныхъ фрагментовъ.

Приведенныя краткія замѣчанія, которыя будутъ дополнены и развиты во второй части, въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ положеніе описанныхъ выше фрагментовъ росписи въ схемѣ эволюціи греческой декоративной живописи вообще.

A priori представляется болѣе вѣроятнымъ, что фрагменты № II и IV старше фрагментовъ № I; но это, какъ я уже неразъ указывалъ, отнюдь не обязательно, такъ какъ простыя и по схемѣ болѣе старыя формы по времени ихъ исполненія могутъ быть одновременны болѣе сложнымъ и по схемѣ болѣе позднимъ стѣнамъ. Точныя даты для отдѣльныхъ стѣнъ дать невозможно. Старшіе по схемѣ фрагменты восходятъ, какъ показалъ анализъ колонокъ, ко времени не ранѣе II в. до Р. Хр. Ту же дату даетъ и анализъ побѣговъ на лиловомъ поясѣ (см. выше стр. 53 сл. то, что сказано о развитіи арацей). Такая дата вполнѣ подходитъ къ полученной выше датѣ склепа Васюринскаго кургана, роспись котораго старше нашихъ стѣнъ

и большинства делосскихъ домовъ. Мы видѣли, что склепъ выстроенъ былъ въ первыя десятилѣтія III в. до Р. Хр. [1]).

Фрагменты № III.

С. Фрагменты штукатурки № III. Совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ обломки расписной штукатурки I, II и III, производятъ куски, найденные въ фундаментахъ № VI въ 1899 г. (см. рис. 24). Если тамъ главную роль играетъ краска, полихромія, и пластически выработанныя части представляютъ исключеніе, причемъ, во всякомъ случаѣ, всѣ пластически выработанныя части трактуются, главнымъ образомъ, какъ поля для орнаментовъ и для полихроміи, то здѣсь мы имѣемъ преимущественно фрагменты пластически выработанныхъ частей стуковаго убранства стѣны съ очень бѣдной полихромiей (можно констатировать остатки одной только красной краски). Если въ вышеразобранныхъ фрагментахъ мы имѣли даже въ пластически выработанныхъ частяхъ убранства стѣны сравнительно плоскіе профиля, то здѣсь передъ нами очень богатая профилировка, выступающая рѣзко впередъ надъ плоскостью стѣны и дѣйствующая не красотою живописнаго орнамента и полихромiей, а игрою свѣта и тѣней глубоко врѣзанныхъ орнаментальныхъ частей, пластически выработанныхъ фризовъ, карнизовъ и т. д.

Наконецъ, и въ техническомъ отношеніи передъ нами нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ разобранныхъ фрагментахъ.

Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы пластическія части убранства стѣны, судя по отзывамъ техниковъ и результатамъ, къ сожалѣнію, довольно поверхностнаго химическаго анализа, есть известка съ примѣсью гипса или, можетъ быть, особый родъ известки, годный для моделированія отъ руки.

Всѣ орнаменты сработаны отъ руки. При этомъ стѣна предварительно покрыта или обшита была пучками тростника, положенными на стѣну горизонтально и вертикально. Оттиски этого тростника наблюдаются на оборотѣ всѣхъ кусковъ штукатурки.

По этому фону штукатуръ работалъ, какъ сказано, отъ руки, накладывая одинъ слой за другимъ или, лучше, набрасывая одинъ на другой лопатками. Самые орнаменты моделированы довольно грубо и довольно свободно.

Фрагментовъ, къ сожалѣнію, сохранилось или, лучше сказать, добыто было во время очень неполныхъ и несистематичныхъ раскопокъ очень мало, да и не все, какъ сказано, попало въ Петербургъ. Точную и вѣроятную реконструкцію стѣны поэтому сдѣлать невозможно. Но анализъ отдѣльныхъ кусковъ всетаки позволяетъ намъ составить себѣ общее представленіе о характерѣ штукатурнаго и расписного убранства стѣны.

Всѣ фрагменты штукатурки распадаются на двѣ категоріи. Къ первой относятся куски сплошного бѣлаго поля, примыкающіе къ сплошному же красному полю, на которыхъ красными линіями сдѣланы были квадраты въ подражаніе облицовкѣ стѣны плитами (табл. XLIV, 7 и 15).

Рядомъ съ этими кусками мы имѣемъ много кусковъ, обработанныхъ пластически. Изъ этихъ кусковъ, прежде всего, выдѣляются вполнѣ понятные куски карниза: внизу идутъ сухарики; подъ ними профиль карниза моделированъ очень оригинальною (см. ниже) комбинацiей изъ овъ и пальметокъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно слѣдуютъ однѣ надъ другими. Къ этому карнизу снизу, можетъ быть, непосредственно примыкалъ астрагалъ одного изъ двухъ сохранившихся профилей (табл. XLIII, 3 и 6).

---

[1]) Вполнѣ подтверждается такимъ образомъ дата Mau, Gesch. d. dec. Wandm., 108.

Одинъ изъ кусковъ нашего карниза показываетъ, что онъ шелъ не все время въ одномъ направленіи. Профиль одного куска ясно показываетъ, что въ одномъ мѣстѣ карнизъ подъ прямымъ угломъ поднимался вверхъ (табл. XLIII, 5).

Совершенно ту же профилировку, что и карнизъ, имѣетъ фрагментъ (табл. XLIII, 1 и 2), который съ перваго взгляда можно было бы принять за капитель. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что это отнюдь не капитель, а выступъ нашего карниза, такъ называемая Verkröpfung, предполагающая подъ этимъ карнизомъ пластически выработанные пилястры или колонки. Незначительный выступъ нашего фрагмента позволяетъ думать, что пилястры или колонки (т. е. полуколонки) не отступали отъ стѣны, а составляли съ нею одно цѣлое. Совершенно понятны также два фрагмента большихъ бычьихъ головъ (сохранились концы морды; см. табл. XLIV, 16).

Къ профилированной рамкѣ какого-то прямоугольнаго поля принадлежалъ фрагментъ съ угломъ астрагала (см. табл. XLIII, 8), можетъ быть, составляющій одно цѣлое съ полосой астрагала табл. XLIII, 7. Пальметки на красномъ фонѣ табл. XLIV, 11—12 и, можетъ быть, 14, составляли, вѣроятно, часть пластически выработаннаго фриза, фонъ котораго окрашенъ былъ въ красный цвѣтъ. Пальметка фрагмента табл. XLIV, 13, можетъ быть, представляетъ часть консоля. Часть карниза, несомнѣнно, составлялъ кусокъ табл. XLIV, 8.

Очень характеренъ фрагментъ табл. XLIV, 10, ср. 9, очевидно, часть моделированной изъ штукатурки арки, внутренняя часть которой была окрашена въ красный цвѣтъ.

Неопредѣленны профилированные фрагменты табл. XLIV 1—6; часть этихъ обломковъ составляетъ низъ плинтуса.

Реконструкція убранства стѣны.

Если детальная реконструкція при такомъ количествѣ данныхъ, конечно, невозможна, то можно все-таки попытаться, какъ сказано, дать общее представленіе объ убранствѣ стѣны.

A priori ясно, что простое бѣлое поле, раздѣленное линіями на квадраты, принадлежитъ низу стѣны, раздѣланному живописью на орѳостаты. Величина квадратовъ иного толкованія не допускаетъ.

Ясно также, что пластически выработанныя части могли находиться только въ верхней части стѣны, такъ какъ вся моделировка разсчитана на зрителя, находящагося въ отдаленіи. Выступы въ карнизѣ показываютъ, кромѣ того, что въ скульптурномъ убранствѣ этой части стѣны играли видную роль пилястры или колонны, а кусокъ арки свидѣтельствуетъ объ украшеніи штукатурной облицовкой не только прямыхъ линій, но и арокъ.

Время фрагментовъ.

Ясно также уже по первому взгляду на стиль нашихъ фрагментовъ и ихъ работу, что они не могутъ быть одновременны вышеописаннымъ стѣннымъ декоровкамъ эллинистическаго времени. Помимо совершенно иной техники, иного характера штукатурки, за это говоритъ прежде всего и раздѣлка низа стѣны съ схематическимъ дѣленіемъ ея на квадры только небрежною живописью и, особенно, какъ весь строй карниза, такъ и исполненіе отдѣльныхъ орнаментальныхъ полосъ.

Ни одного карниза, сколько-нибудь похожаго на нашъ, не дали ни Помпеи, ни Делосъ, ни М. Азія, ни керченскіе фрагменты. Кромѣ того, масштабъ лѣпныхъ фрагментовъ таковъ, что заполнять только верхнюю часть стѣны, какъ въ декоровкахъ перваго стиля, они, конечно, не могли. Соотвѣтственныя карнизу остальныя части лѣпного убранства, несомнѣнно, занимали середину стѣны.

Относить поэтому наши куски къ эллинистическому времени совершенно невозможно. Они относятся, конечно, къ эпохѣ гораздо болѣе поздней. Параллелей, которыя бы уяснили намъ наши остатки, приходится искать, такимъ образомъ, въ памятникахъ императорскаго времени.

Къ сожалѣнію, количество стѣнъ римскаго времени, гдѣ бы хорошо сохранившаяся пластическая декоровка играла главную роль, очень ничтожно. Цѣликомъ сохранились: внутренность башни вѣтровъ [1]) и одна гробница въ Александріи въ саду Антоніадиса [2]). Къ нимъ въ послѣднее время присоединился украшенный въ той же манерѣ храмъ въ Kasr-Firaun, декоровку котораго удалось возстановить Kohl'ю [3]). Но, если количество стѣнъ декорированныхъ въ лѣпной штукатурной работѣ ничтожно, то тѣмъ численнѣе количество общественныхъ зданій и храмовъ съ монументальнымъ каменнымъ и бронзовымъ убранствомъ, особенно въ М. Азіи и Сиріи.

Достаточно бѣгло перелистать публикаціи Ланцкоронскаго о городахъ Памфиліи и Писидіи или путешествія по Сиріи, начиная съ Vogüé, чтобы убѣдиться, что убранство стѣнъ этого времени подсказано, главнымъ образомъ, живописными и монументальными scaenarum frontes, которыя играли такую крупную роль и въ возникновеніи второго и въ развитіи новѣйшихъ помпеянскихъ стилей.

Ниши разнообразныхъ формъ въ одинъ или въ два этажа, двери, монументальныя окна съ богатой профилировкой и убранствомъ дѣлаются декоративными центрами стѣнного убора. И вездѣ рядомъ съ ними играетъ крупнѣйшую роль тяжелый и богатый антаблементъ съ многосложной профилировкой, гдѣ все разсчитано, главнымъ образомъ, на игру свѣта и тѣней, гдѣ вся работа хотя и груба, но очень эффектна и декоративна [4]).

Наиболѣе извѣстными примѣрами построенія декоровки около нишъ и оконъ являются декоровки стѣнъ въ храмахъ Баальбека; но храмы эти стоятъ далеко не одиноко, и декоративные принципы, создавшіе убранство ихъ стѣнъ, ведутъ свое происхожденіе отъ малоазійскихъ, главнымъ образомъ, зданій эпохи эллинизма [5]).

Я не могу здѣсь входить въ подробности и характеризовать все это движеніе и весь этотъ стиль, укажу только на то, что, если этотъ стиль на Западѣ намъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, по подражаніямъ ему въ стѣнной живописи, и примѣровъ репродукціи его въ штукатурной лѣпкѣ мы имѣемъ очень мало, то Востокъ, наоборотъ, рядомъ съ монументальными примѣрами этого стиля, которые репродуцировались на Западѣ (яркими примѣрами могутъ служить храмы въ Нимѣ, Септизоній Септимія Севера и дворецъ Діоклетіана въ Спалато, дающіе три хронологическіе этапа развитія), даетъ вотъ уже второй очень яркій примѣръ украшенія въ этомъ стилѣ стѣнъ лѣпкой, не давъ до сихъ поръ ни одного примѣра живописныхъ декоровокъ второго и послѣдующихъ помпеянскихъ стилей.

Наиболѣе подходящей аналогіей для нашего памятника является, несомнѣнно, Kasr-Firaun въ Петрѣ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что схема нашего убранства

---

[1]) См. J. Stuart and N. Revett, The antiquities of Athens, I, гл. III, табл. 14.

[2]) Thiersch, Zwei antike Grabanlagen bei Alexandria, стр. 6 слл.

[3]) H. Kohl, Kasr Firaun in Petra, Leipzig 1910.

[4]) Литература вопроса, поскольку онъ разобранъ, приведена у Kohl, l. l., стр. 39 слл., особ. стр. 36 слл.

[5]) Въ ближайшемъ будущемъ храмы Баальбека будутъ изданы въ обработкѣ покойнаго Puchstein'a, пересмотрѣнной на мѣстѣ Winnefeld'омъ и Kohl'емъ. Отъ этой обработки мы въ правѣ ожидать разбора всей системы стѣнной декоровки указаннаго стиля.

была, вѣроятно, проще и не такъ близко напоминала фасады знаменитыхъ гробницъ Петры. Но общая система убранства, очевидно, одинакова [1]).

И здѣсь мы имѣемъ ороостаты надъ цоколемъ внизу, и здѣсь карнизъ съ выступами [2]), подъ которыми стояли пилястры. Эти пилястры, которымъ соотвѣтствовали выступы въ карнизахъ, вѣроятно, и въ нашемъ помѣщенiи были увѣнчаны попарно арочными или обычными фронтонами, создавая, такимъ образомъ, рядъ эдикулъ. Головы быковъ нашего стѣнного убора могли, можетъ быть, въ такомъ случаѣ помѣщаться, какъ предполагаемые бюсты Kasr-Firaun'a, на аттикахъ пилястровъ, т. е. на промежуточныхъ кубахъ между выступами карнизовъ и капителями пилястровъ; къ этимъ аттикамъ или къ самимъ стволамъ пилястровъ могутъ принадлежать сохранившiеся куски рамокъ съ астрагалами для прямоугольныхъ полей.

Отличiе композицiи нашего стѣнного убора отъ композицiи арабскаго состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что сплошной карнизъ средней части стѣны въ нашемъ помѣщенiи не даетъ прямой линiи; прямая линiя карниза прерывается въ неизвѣстномъ намъ количествѣ мѣстъ, гдѣ онъ подъ прямымъ угломъ поднимается вверхъ. Къ сожалѣнiю, обломки нашего карниза слишкомъ ничтожны, чтобы на основанiи ихъ сказать, какъ высоко поднимался онъ надъ прямой линiей и каковъ вообще былъ его ходъ. Но и въ данномъ случаѣ намъ помогаютъ аналогiи.

Входная стѣна храма Воскресенiя въ Iерусалимѣ, т. е. одна изъ стѣнъ такъ называемаго атрiя, проложена надъ дверьми и надъ окнами двумя карнизами: верхнiй приспособленъ къ окнамъ, нижнiй дѣлитъ верхнiй и нижнiй этажи. Нельзя не согласиться, какъ это теперь и общепризнано, съ Стржиговскимъ, что оба карниза античны [3]). Хотя, несомнѣнно, стѣна, въ которую они вставлены, и значительно моложе ихъ (Стржиговскiй считаетъ ихъ одновременными) [4]), но тѣмъ не менѣе правъ Стржиговскiй и въ томъ, что выступъ, который дѣлаетъ нижнiй карнизъ приблизительно, но не точно, надъ двойной дверью храма, не есть дѣло рукъ поздняго архитектора, приспособившаго старые куски къ новому назначенiю, а имѣлся и тамъ, откуда этотъ карнизъ былъ взятъ. Если такъ, то мы получаемъ разительную аналогiю нашимъ фрагментамъ, подкрѣпляемую и тѣми двумя аналогiями христiанскихъ базиликъ Сирiи, которыя привелъ Стржиговскiй (Vogüé, La Syrie centrale, pl. 138 141).

Нашъ карнизъ, конечно, значительно старше iерусалимскаго и не даетъ той кружевной работы, которая свойственна сирiйскимъ памятникамъ, начиная съ III—IV вѣка по Р. Хр., но самый мотивъ сломаннаго подъ прямымъ угломъ карниза не долженъ быть необходимо явленiемъ позднимъ. По существу онъ ничѣмъ не отличается отъ того ряда «барóчныхъ» элементовъ, которые характеризуютъ архитектуру М. Азiи и Сирiи, главнымъ образомъ, въ римское императорское время.

Какую роль игралъ выступъ или выступы въ нашемъ уборѣ, этого, конечно, съ точностью сказать нельзя. Возможно предположить, что этотъ выступъ выдѣлялъ центральную часть стѣны, шелъ, можетъ быть, надъ монументальной дверью, которая здѣсь играла бы роль причудливыхъ архитектуръ середины стѣны въ Kasr-Firaun'ѣ; но, конечно, возможны и другiя предположенiя, одинаково недоказуемыя.

[1]) См. Kohl, l. l., стр. 18, рис. 16.
[2]) Kohl, l. l., 19, рис. 17.
[3]) См. J. Strzygowski, Orient oder Rom, Leipzig 1901, стр. 127 слл.
[4]) См. Айналовъ. Сообщенiя Православнаго Палестинскаго Общества, XIII, 2, 1; Н. Кондаковъ, Археологическое путешествiе по Сирiи и Палестинѣ, 209 сл.

Крупнымъ отличіемъ нашихъ фрагментовъ отъ родственныхъ памятниковъ арабскаго эллинизма является орнаментальный составъ карниза. Въ общемъ нашъ карнизъ находитъ себѣ ближайшія аналогіи не въ Аравіи и не въ Сиріи, а въ М. Азіи, хотя и здѣсь я вполнѣ аналогичныхъ формъ не знаю [1]).

Наиболѣе оригинальнымъ въ структурѣ нашего карниза является соединеніе въ одно цѣлое полосы овъ и пальметокъ, обыкновенно орнаментующихъ профиль карниза надъ линіей овъ. Аналогій этому сокращенному пріему орнаментаціи карниза я не знаю. Характерна и форма сухарнаго карниза съ широкими отдѣльными сухариками, благодаря чему карнизъ этотъ теряетъ свою орнаментальную рѣзкость и остроту, становится плоскимъ и тяжелымъ.

Время нашихъ кусковъ, конечно, неопредѣлимо, но какъ аналогія съ Петрой, такъ и сближеніе съ малоазійскими памятниками заставляютъ думать о второмъ вѣкѣ по Р. Хр., скорѣе всего о времени Адріана или первыхъ Антониновъ.

Литература.

Думбергъ, *О. И. А. К.* за 1896 г., 66 слл.; 1898 г., 13 слл.; 1899 г., 19 слл.; А. Половцовъ, Русская Помпея. *Моск. Вѣд.* 1900, № 105, 106.

2.

Кромѣ находокъ 1896—1899 годовъ, заслуживаютъ вниманія болѣе раннія находки 1891 г. Въ этомъ году графъ А. А. Бобринской произвелъ раскопки сзади тогдашняго музея древностей на склонѣ Митридата.

«Въ грудахъ мусора,—говорится въ отчетѣ объ этихъ раскопкахъ,—изъ котораго, какъ выше сказано, состояла насыпь, изслѣдованная гр. Бобринскимъ, попадалось много каменныхъ обломковъ, очевидно принадлежавшихъ къ роскошнымъ постройкамъ. Такъ, въ числѣ прочихъ, попадались во множествѣ небольшія, правильно отточенныя и полированныя плитки мрамора различныхъ формъ и цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго, зеленаго, чернаго, сѣраго и даже пестраго. Есть совершенно круглыя пластинки мрамора, треугольныя, овальныя, которыя въ большинствѣ случаевъ правильно обработаны; попадались обломки мраморныхъ карнизовъ и разныхъ фигуръ, напримѣръ, птичьи лапки, изображенія животныхъ и т. д.».

«Найдены еще въ большомъ количествѣ части стѣнной штукатурки, окрашенной въ красный и желтый цвѣтъ».

Для датировки этихъ остатковъ важно то, что среди предметовъ, найденныхъ въ насыпи, характерныхъ вещей римскаго времени, напримѣръ стекла, почти совсѣмъ не было. Надо чрезвычайно пожалѣть, что раскопки не были ведены систематически и не продолжались дальше послѣ первой попытки. Досадно также, что найденные куски штукатурки не были сохранены.

---

[1]) Аналогій общаго характера привести можно было бы много. Укажу, напримѣръ, на арку Адріана въ Атталіи, Lanckoronski, Städte Pamphyliens und Pisidiens, I, стр. 20 слл., табл. V слл.; нимфей въ Аспендѣ ibid., 98 (табл. XVIII—XIX); театры въ Пергѣ (ibid., 52 слл.), Аспендѣ (ibid., 102 слл., табл. XX слл.), Термессѣ (ibid. II, 92 слл., табл. X слл.), Сагалассѣ (ibid., 152, табл. XXVI слл.); храмы—коринѳскій въ Термессѣ (ibid., 84 слл. и табл. III слл.) и Антонина въ Сагалассѣ (ibid., стр. 145 слл.). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изданы поразительныя архитектурныя части бань и храма въ Афродисіадѣ, выставленныя въ Константинопольскомъ музеѣ; см. предварительныя публикаціи Collignon, *Compte rendu de l'Acad. d. inscr.* 1904, 703 слл.; *Revue de l'art ancien et moderne* 1906, 33 слл.; G. Mendel, *C. r. de l'Acad.* 1906, 158 слл., ср. *Arch. Anz.* 1908, 112 слл. Большинство этихъ построекъ относится къ началу II в. по Р. Хр.

Во всякомъ случаѣ даже изъ приведенныхъ словъ краткаго отчета ясно, что мы имѣемъ передъ собою остатки убранства очень богатаго дома, дворца или общественнаго зданія. Эти остатки пріобрѣли бы особую важность, если бы упомянутые куски штукатурки оказались принадлежащими стѣнной росписи того типа, который занималъ насъ на предыдущихъ страницахъ, и если бы можно было доказать, что остатки мраморнаго убора современны этимъ фрагментамъ. Тогда мы пріобрѣли бы чрезвычайно важное данное для исторіи внутренняго убранства греческихъ построекъ эллинистическаго времени, независимо отъ того, истолковали ли бы мы мраморные фрагменты, какъ половую выстилку, или какъ облицовку, вѣроятно, нижнихъ частей стѣнъ (послѣднее наблюдается въ декоровкахъ императорскаго времени и въ Помпеяхъ, и въ Римѣ).

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣли бы свидѣтельство о примѣненіи мраморной инкрустаціи къ декоровкѣ пола или стѣнъ еще въ эллинистическое время, между тѣмъ какъ въ настоящее время всѣ свидѣтельства объ этомъ не восходятъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ императорскій періодъ.

Къ сожалѣнію, фрагменты штукатурки не сохранились, а куски мрамора вопроса не разрѣшаютъ.

Б. Памятники поздняго эллинизма. Псевдо-исодомная система росписи.

XI. Склепъ, открытый въ 1832 г. (склепъ Пигмеевъ).

(Табл. XLV, 5 и LXXXII, 1, 2; рис. 27).

Мѣстоположеніе и исторія склепа.

Свѣдѣнія объ этомъ склепѣ, первомъ по времени изъ открытыхъ въ Керчи расписныхъ склеповъ, сохранили до насъ два главныхъ источника: отчетъ объ его раскопкахъ, представленный въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ открывшимъ его Карейшей [1]), и описаніе его, сдѣланное присутствовавшимъ при его открытіи извѣстнымъ французскимъ ученымъ и путешественникомъ Dubois de Montpéreux [2]). Такъ какъ оба эти описанія вмѣстѣ съ рисунками, сдѣланными при открытіи склепа Карейшей, и снятымъ имъ въ то же время планомъ (часть рисунковъ повторена Dubois de Montpéreux; планъ см. рис. 27) являются единственными достовѣрными источниками для знакомства съ архитектурой и росписью склепа и притомъ взаимно дополняютъ другъ друга, то считаю себя обязаннымъ выписать здѣсь дословно и то, и другое, причемъ особенно цѣннымъ является описаніе Карейши, никѣмъ до сихъ поръ неиспользованное, съ котораго и начинаю (все, что писано затѣмъ объ этомъ склепѣ, начиная съ описанія Ашика и кончая тѣмъ, что даютъ Кулаковскій и «Русскія древности»

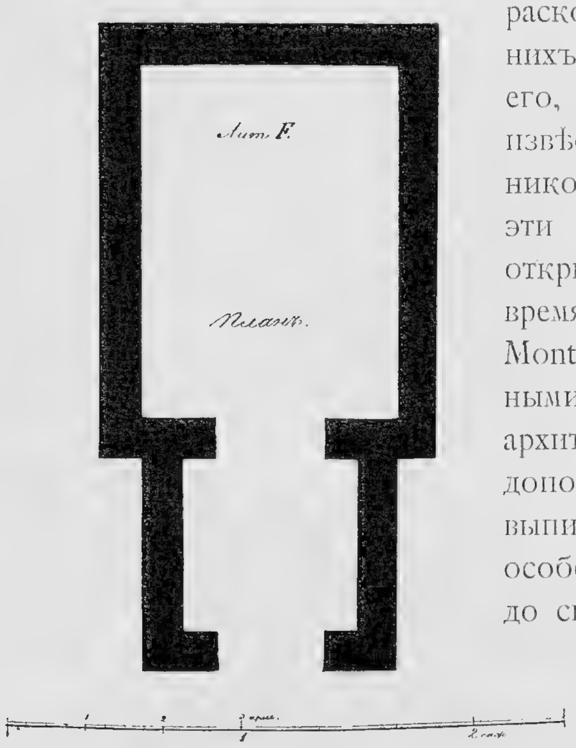


Рис. 27. Планъ склепа, открытаго въ 1832 г.

[1]) Подлинный отчетъ Карейши вмѣстѣ съ представленными имъ рисунками имѣется въ дѣлахъ Эрмитажа, нынѣ переданныхъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію (переплетенный томъ съ оглавленіемъ, стр. 273—288). Копія съ этого отчета помѣщена въ «Приложеніи къ дѣлу о Керченскихъ древностяхъ, содержащемъ въ себѣ копіи съ донесеній объ археологическихъ разысканіяхъ въ курганахъ въ окрестностяхъ Керчи. I». Нынѣ въ Архивѣ Имп. Арх. Коммиссіи. Французскій переводъ донесенія Карейши съ тремя листами рисунковъ (русскія и французскія приписи), сдѣланный для изданія Древностей Босфора Киммерійскаго, хранился до недавняго времени въ Имп. Эрмитажѣ. Нынѣ также въ Архивѣ И. А. К. Другая копія отчета имѣлась въ бумагахъ Оленина, переданныхъ въ Имп. Археологическое Общество и оттуда на разсмотрѣніе покойному профессору И. В. Помяловскому. Этой копіи мнѣ видѣть не удалось. Врядъ ли, однако, она содержитъ въ себѣ что-либо новое и важное.

[2]) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, V, Paris 1843, 181 сл. и Atlas, p. IV, Archéologie, pl., XVIII, fig. 2 и 3 (въ краскахъ).

Толстого и Кондакова основывается исключительно на описанiи и рисункахъ Dubois) [1]).

Описанiе Карейши.

«Послѣ сего,—пишетъ Карейша (стр. 13 вышецитованнаго тома донесенiй),—прекративъ въ семъ мѣстѣ работы [2]), я въ концѣ Октября перенесъ ихъ на огромный каменный курганъ, лежащiй вблизи города на протяженiи горы Митридатъ, который былъ начатъ раскапыванiемъ въ 1817 г. по волѣ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича въ бытность его въ то время въ Керчи. Курганъ сей саженъ около 7 въ вышину, а въ дiаметрѣ при своемъ основанiи около 25 саженъ имѣетъ одну сторону, образованную изъ огромныхъ натуральныхъ скалъ, а другую, нѣсколько болѣе отлогую, изъ насыпи. Съ сей-то стороны начаты работы.

По углубленiи ихъ на $2^1/_2$ саж. стали попадаться куски мягкаго камня, частицы глиняныхъ вещицъ, а потомъ двѣ нѣсколько поврежденныя подъ чернымъ лакомъ вазки красивой формы. Далѣе, на скалистомъ основанiи отыскана небольшая гробница, сложенная изъ плитъ, и, хоть она была найдена въ цѣлости и въ ней деревянный гробъ, но кромѣ его и костей ничего болѣе не оказалось.

Продолжая далѣе поиски, нашли большой глиняный особенной формы кувшинъ почти въ 1 аршинъ вышиною, покрытый вверху крышкою, примазанною гипсомъ. Въ кувшинѣ семъ, обрисованномъ снаружи малиновою краскою, оказались бараньи кости и жертвенное орудiе изъ мѣди, къ концу загнутое полукружiемъ. Послѣ сего отысканъ другой и потомъ еще семь подобныхъ кувшиновъ (см. л. Д.) [3]). На нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи, весьма малоявственныя, и нѣсколько мелкихъ вещицъ, какъ-то: треугольничковъ изъ листового золота, агатовыя зернышки изъ мониста, частичка какой-то вещицы изъ слоновой кости и мѣдныя пряжки. Далѣе кувшиновъ не стало болѣе, почему я приказалъ копать съ восточной стороны, гдѣ, судя по выпуклой покатости кургана, полагалъ существованiе гробницы.

Предположенiя мои оправдались на дѣлѣ: сначала найдены двѣ каменныя плиты (слѣдуетъ описанiе плитъ, см. теперь Ios. P. E. II, 87 и 150 [4]). Затѣмъ вскорѣ показалось преддверiе гробницы [5]) съ продѣланнымъ сверху отверстiемъ, въ которое спустясь, я открылъ дверь въ самую гробницу; но, къ сожалѣнiю, она уже прежде была обыскана и до половины наполнена землею. Гробница, имѣвшая въ длину $1^1/_2$ саж., въ ширину 1 саж. 1 четв., а въ вышину $1^3/_4$ арш., была построена изъ мягкаго камня со сводомъ, образованнымъ только на двѣ стороны уступами, оштукатурена и выкрашена (лит. F, см. табл. XLV, 5 и LXXXII, 1. 2). Надъ самыми дверьми представлена мужская, прекраснаго рисунка, фигура съ корзиною въ рукѣ, наполненною цвѣтами, а на противоположной стѣнѣ въ уровень со сводомъ два павлина, пьющiе изъ вазы; пониже ихъ изображена битва пигмеевъ съ журавлями; на боковыхъ же стѣнахъ птицы на вѣткахъ, а выше ихъ, на уступахъ свода,

---

[1]) См. ниже «Литература».

[2]) До этого Карейша копалъ около урочища Булганакъ, въ $5^1/_2$ верстахъ отъ Керчи.

[3]) Воспроизведены на табл. XLV, 1—4.

[4]) Изданы по рисункамъ Карейши у Kieseritzky-Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, № 342 и 548, рис. 9.

[5]) Этими словами Карейши разрѣшается сомнѣнiе Ватцингера, не принадлежали ли стелы къ камнямъ, закрывавшимъ входъ. Стелы, очевидно, никакого отношенiя къ гробницѣ не имѣютъ и относятся къ другимъ, болѣе позднимъ погребенiямъ.

арабески и цвѣточныя гирлянды. Большая часть рисунковъ сохранилась, но нѣкоторые истребились съ опавшею штукатуркою при поднятіи каменнаго помоста. Гробница сія, по находящимся въ ней рисункамъ, весьма рѣдка и доселѣ подобной еще отыскано не было».

Описаніе Дюбуа.

Въ общемъ и Dubois de Montpéreux сообщаетъ то же, что Карейша, но даетъ при этомъ нѣкоторыя интересныя подробности, почему и считаю нужнымъ привести нѣкоторыя выдержки изъ его описанія.

«En sortant de la porte, qui menait à Dia, пишетъ онъ на стр. 182 сл., et en passant par un col de la montagne de Mithridate on longe le pied d'un grand pic à polypiers, qui fait suite au fauteuil de Mithridate et que sa forme taillée faisait prendre pour une construction antique». Указавъ, затѣмъ, на находку амфоръ, въ которыхъ, по его словамъ, находился пепелъ бѣднаго населенія Керчи, что не совсѣмъ согласно съ данными Карейши, онъ описываетъ склепъ и его декоровку. Въ этомъ описаніи интересно перечисленіе сценъ борьбы пигмеевъ съ журавлями: «ici c'est le pygmée armé de la lance et du bouclier qui lutte avec peine contre la grue menaçante; là il est renversé sous les coups de son ennemi acharné; plus loin il l'attaque par la queue, et la grue se retourne pour punir le téméraire; puis il se sauve devant elle; il est renversé et repousse des pieds et des mains les coups impitoyabes qu'elle lui porte; un autre pygmée lutte corps à corps une grue, qui succombe enfin étouffée par le pygmée qui lui serre le cou».

О судьбѣ склепа онъ сообщаетъ слѣдующее: «Ce tombeau que M. Kareiche fit fermer d'une porte fut bientôt envahi, et le vandalisme, malgré toutes les defenses, l'a rendu si meconnaissable, qu'en Juillet 1834 c'était à peine si l'on distinguait quelques traces des couleurs et des contours. Heureusement M. Kareiche en avait relevé le dessin que je donne ici».

Къ этому Ашикъ въ 1848 г. (Воспорское царство, II, стр. 52) добавляетъ: «нельзя истинно не пожалѣть, что не только не сохранились рисунки этой гробницы, но даже стѣны ея разломаны».

Мѣстоположеніе склепа.

Изъ приведенныхъ данныхъ мѣстоположеніе гробницы опредѣляется сравнительно хорошо, хотя точно оно ни на одномъ современномъ планѣ окрестностей Керчи не указано [1]) и теперь, въ виду ея полнаго разрушенія, съ точностью опредѣлено быть не можетъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что склепъ расположенъ былъ въ той же мѣстности, что и нижеописываемый склепъ 1852 г., т. е. въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ такъ называемой «Сахарной головой», см. табл. I, 18 и табл. II b—c; весьма возможно даже, что расположенъ былъ онъ въ томъ же курганѣ, что и гробница 1852 г.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа изъ описанія Карейши, его плана и разрѣза также въ достаточной степени ясна. Не говоритъ Карейша только о томъ, чѣмъ были заложены входы въ склепъ и въ первую его комнату, и имѣлась ли передъ входомъ въ первую комнату лѣстница: очевидно, входъ въ склепъ не былъ очищенъ и въ склепъ продолжали и послѣ устройства двери въ погребальную камеру проникать черезъ потолокъ первой комнаты.

Болѣе досадно, что Карейша не говоритъ ничего о томъ, былъ ли выстроенъ склепъ въ материкѣ, или въ насыпи. Его слова объ уничтоженіи нѣкоторыхъ рисунковъ «съ опавшею штукатуркой при поднятіи каменнаго помоста» могутъ

---

[1]) Ср. (Карейша), *Одесскій Вѣстникъ,* 1833, № 13, гдѣ говорится, что гробница находилась у стѣнного рва, окружавшаго Пантикапей.

относиться и къ факту, который мы наблюдали въ двухъ склепахъ Б. Близницы, т. е. къ осѣданію стѣнъ, заложенныхъ на насыпи, и къ выпучиванію благодаря этому каменнаго пола, и къ поднятію пола самимъ Карейшей для раскопокъ подъ нимъ.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, что передъ нами архитектурный типъ склепа, обычный въ эллинистическую, но отнюдь не въ римскую эпоху.

Правда, это не настоящій классическій типъ уступчатаго склепа, какъ въ Мелекъ-Чесменскомъ, Царскомъ, Золотомъ, Куль-Обскомъ курганахъ, курганахъ Юзъ-Оба и др., но одна изъ его разновидностей, свидѣтельствующая о нѣкоторомъ вырожденіи, но тѣмъ не менѣе бывшая въ употребленіи одновременно съ типомъ классическимъ. Я имѣю въ виду ту особенность нашего склепа, что уступы поднимаются не со всѣхъ, а только съ длинныхъ сторонъ склепа, оставляя на короткихъ нѣчто вродѣ люнетки,—адаптація или переходъ отъ уступчатаго покрытія къ гораздо болѣе удобной и технически болѣе совершенной формѣ свода цилиндрическаго. Вызванная къ жизни естественно бо́льшими размѣрами помѣщеній въ длину, чѣмъ въ ширину, наша форма издавна примѣнялась къ длиннымъ дромосамъ купольныхъ, т. е. уступчато-купольныхъ камеръ. Съ измѣненіемъ плана склеповъ и переходомъ отъ квадратной камеры къ прямоугольной, отъ длиннаго дромоса къ короткой передней и открытому передъ ней дромосу, уступчатый способъ стройки пытался примѣниться къ новымъ условіямъ, но хорошихъ результатовъ, даже съ эстетической точки зрѣнія, не далъ. Поэтому мы встрѣчаемъ его рѣдко и видимъ, что вскорѣ онъ вытѣсненъ былъ цилиндрическимъ сводомъ, прочно пустившимъ корни уже въ IV в. и особенно расцвѣтшимъ въ III и послѣдующихъ вѣкахъ до Р. Хр.

Для насъ важно то, что гибридная форма нашего склепа въ римское императорское время совершенно не наблюдается. Всѣ мнѣ извѣстные примѣры относятся къ эпохѣ ранняго или поздняго эллинизма. Такъ, склепъ, опубликованный Ашикомъ, Воспорское царство, II, § 36, стр. 44, рис. III. Склепъ датированъ золотой монетой съ головой Пана и на оборотѣ грифономъ, держащимъ во рту конецъ тирса (Бурачковъ табл. XIX, 47), и краснофигурной вазой, т. е. IV—III в. в. до Р. Хр.

Нѣсколько болѣе позднему времени принадлежатъ, судя по находкамъ, два склепа въ курганѣ по дорогѣ въ каменоломню, Ашикъ, l. l., § 39, стр. 47 сл., рис. IV. Тѣмъ же временемъ датируется склепъ, найденный въ 1872 г. (О. И. А. К. 1872 г., стр. XXIV), своеобразной, но аналогичной нашему, конструкціи (см. рисунки—планъ и разрѣзы Гросса въ Альбомѣ рисунковъ Гросса за этотъ годъ, ср. выше стр. 109, прим.); несомнѣнно, что бѣдныя погребенія, вѣроятно, императорскаго времени въ первой комнатѣ есть результатъ вторичнаго его использованія; къ первоначальному погребенію относятся вещи, найденныя во второй камерѣ; среди нихъ имѣются: краснофигурная ваза поздняго стиля и автономныя мѣдныя монеты. Наконецъ, къ тому же времени относится и третій такъ называемый Тарасовскій курганъ около Анапы, о которомъ была рѣчь (выше стр. 110) [1].

Роспись склепа.

Въ высшей степени интересна *роспись* склепа. Къ сожалѣнію, какъ это ни странно, рисунки Дюбуа и Ашика (послѣдній, вѣроятно, есть копія съ перваго)

[1]) Укажу еще на три подобныхъ склепа, найденные въ курганахъ около Карантина по дорогѣ въ Еникале; къ сожалѣнію, одинъ изъ нихъ оказался ограбленнымъ, два содержали вторичныя погребенія. Въ одномъ, однако, подъ поломъ найдены золотыя вещи, несомнѣнно, эллинистическаго времени, см. О. И. А. К. 1884 г., XII сл.

не совпадаютъ съ рисунками (очевидно, оригиналами) [1]) Карейши, нынѣ находящимися въ Императорской Археологической Коммиссіи, по которымъ и сдѣланы прилагаемыя воспроизведенія (табл. LXXXII, 1, 2 и XLV, 5). Судя по рисунку Карейши, схема декоровки задней стѣны склепа была такова. Вся стѣна раздѣлена на четыре ряда плитъ, дающихъ воспроизведеніе въ живописи кладки псевдоисодомнаго типа, причемъ чередованіе начинается внизу съ узкихъ квадровъ, за которыми идутъ широкіе. Ряды широкихъ квадровъ заполняются шестью плитами, узкихъ—пятью длинными и по бокамъ двумя квадратными, что вызывалось необходимостью помѣстить фуги узкихъ квадровъ въ центрѣ широкихъ. Верхній рядъ широкихъ квадровъ заполненъ шестью сценами битвы пигмеевъ съ журавлями.

Между тѣмъ Дюбуа даетъ на рисункѣ въ каждомъ ряду широкихъ квадровъ по 8 квадратныхъ плитъ, а въ ряду узкихъ—по 7 квадратныхъ и по два полуквадратныхъ. Число рядовъ у Дюбуа не 8, а 7, причемъ внизу рядъ широкихъ, а не узкихъ, какъ у Карейши, квадровъ. Рядомъ съ этимъ, однако, въ вышеприведенномъ описаніи Дюбуа описываетъ только шесть сценъ, а не восемь, у него изображенныхъ, причемъ на рисункѣ послѣднія двѣ сцены справа повторяютъ первыя двѣ.

Такое же крупное различіе наблюдается и въ передачѣ рисунка люнетки надъ дверью. На рисункѣ Карейши, воспроизводимомъ здѣсь (табл. LXXXII, 2), крылатый геній, стоящій на базѣ, сдѣланной какъ половина квадры, занимаетъ всю высоту люнетки, причемъ на этой передней сторонѣ надъ дверью оба фриза остальныхъ стѣнъ не продолжаются (вѣнки и разводы), у Дюбуа же геній заполняетъ, какъ и павлины, только пространство двухъ верхнихъ рядовъ кладки, т. е. имѣетъ значительно меньшіе размѣры (приблизительно $^1/_2$ арш. вмѣсто 1 арш.). Кромѣ того, на рисункѣ Дюбуа у генія сохранились оба крыла и обѣ руки, правая рука поднята, но въ ней нѣтъ ничего, на рисункѣ же нашемъ правая рука, правое плечо и правое крыло генія не сохранились, въ лѣвой же рукѣ онъ держитъ круглое блюдо или корзинку съ чѣмъ-то синимъ въ ней.

Не скрою, что рисунокъ, мною воспроизводимый, внушаетъ къ себѣ болѣе довѣрія. Исодомная роспись здѣсь вполнѣ того же типа, что и въ склепѣ 1852 г., вполнѣ логична и структивна, въ сценахъ пигмеевъ нѣтъ повтореній, геній достаточно великъ, чтобы быть ясно видимымъ снизу, и вполнѣ естественно держитъ въ рукѣ корзинку или блюдо, а не странно поддерживаетъ свое второе крыло, выросшее изъ лѣваго же плеча.

Но и въ нашемъ рисункѣ имѣются не вполнѣ ясныя и не внушающія къ нему полнаго довѣрія подробности. Карейша зарисовалъ и часть декоровки боковыхъ стѣнъ (см. табл. XLV, 5). Ширина этого рисунка та-же, что и ширина рисунка, воспроизводящаго заднюю стѣну, а между тѣмъ длина камеры значительно больше ширины ($4^1/_2$ на $3^1/_2$ арш.). Сдѣлавши рисунки одинаковой ширины и имѣя, какъ данное, что верхніе ряды боковыхъ стѣнъ раздѣлены были на 9 квадровъ каждая, онъ принужденъ былъ сдѣлать квадры не въ видѣ прямоугольни-

[1]) Рисунокъ въ упомянутомъ выше дѣлѣ есть, несомнѣнно, оригиналъ Карейши, рисунокъ, приложенный къ переводу, копія съ него; подъ послѣднимъ рукою Жиля написано: dessin de M. Kareischa. Жилемъ же исправленъ рисунокъ въ той части, гдѣ передается конструкція свода. Рисунокъ этотъ, очевидно, долженъ былъ быть опубликованъ въ Др. Босф. Кимм., но въ эту публикацію не вошелъ, такъ какъ Жилю, совершенно справедливо, планъ и рисунки Карейши показались не достаточно точными (см. Др. Босф. Кимм., XL), исправить же ихъ не было возможности въ виду разрушенія памятника.

ковъ, а въ видѣ квадратовъ, что не соотвѣтствуетъ росписи задней стѣны. Между тѣмъ, беря за основанiе приложенный къ его рисунку масштабъ, 9 квадровъ той же ширины, что и на задней стѣнѣ, дадутъ почти точно $4^1/_2$ аршина, т. е. длину боковыхъ стѣнъ.

Надо думать, что рисунки свои Карейша дѣлалъ до́ма на основанiи набросковъ на мѣстѣ, а рисунокъ для Дюбуа—уже послѣ того, какъ первый рисунокъ былъ отосланъ въ Петербургъ, а живопись въ камерѣ почти совершенно исчезла.

На основанiи всѣхъ этихъ соображенiй мнѣ представляется несомнѣннымъ, что декоративная схема всѣхъ стѣнъ была вполнѣ одинакова: подражанiе псевдо-исодомной кладкѣ или облицовкѣ стѣны, какъ и въ склепѣ Анапы, и въ гробницѣ 1852 г. Какъ и въ этой послѣдней (см. ниже), отдѣльныя квадры были отграничены между собою цвѣтными (темносиними) линiями, ихъ выдающаяся полированная часть выдѣлена была красными линiями. Верхнiй рядъ квадровъ трактованъ былъ, какъ нѣчто вродѣ фриза, причемъ стѣна, бросавшаяся зрителю въ глаза при входѣ, была выдѣлена, и въ каждой квадрѣ изображена была сцена битвы пигмеевъ съ журавлями, на боковыхъ же стѣнахъ въ каждой квадрѣ были изображены, какъ въ склепѣ 1852 г., по птичкѣ, сидящей въ живыхъ, свободныхъ и разнообразныхъ позахъ на зеленой вѣткѣ каждая (птички сдѣланы синей и красной красками, стебли вѣтокъ — красные). Только на входной стѣнѣ верхнiй рядъ квадровъ, здѣсь, вѣроятно, дѣйствительно квадратныхъ, никакихъ изображенiй не давалъ.

Сцены битвы пигмеевъ съ журавлями трактованы также очень живо и разнообразно: 1) пигмей, идущiй вправо, повернулъ голову влѣво къ журавлю; въ правой рукѣ его щитъ, въ лѣвой копье или мечъ, которымъ онъ фехтуетъ съ носомъ стоящаго влѣво и отступающаго отъ него журавля; 2) пигмей упалъ навзничь на свой щитъ вправо, журавль всадилъ ему свой клювъ въ животъ; 3) пигмей влѣво ухватилъ за хвостъ журавля и упирается всѣми силами, таща противника; журавль влѣво повернулъ къ пигмею голову, но достать его своимъ носомъ не можетъ; 4) пигмей, идущiй вправо, отбивается отъ журавля, наступающаго слѣва, кулаками, голова его повернута вправо; 5) журавль, распустивъ крылья, въ боевомъ азартѣ клюетъ поверженнаго, какъ кажется, ничкомъ пигмея въ задъ; 6) пигмей вправо ухватилъ журавля за шею, пригнулъ къ землѣ и душитъ изо всѣхъ силъ. Пигмеи вездѣ изображены одной красной краской, у журавлей носы, внутренность крыльевъ и ноги написаны красной, туловище—синей краской.

Надъ верхними рядами квадровъ идетъ узкая синяя полоска, заключенная сверху красной линiей; выше на первомъ, выступающемъ надъ стѣной, рядѣ плитъ свода, срѣзанномъ на боковыхъ сторонахъ, и на первомъ рядѣ плитъ люнетки задней стѣны нарисованы вперемежку синiя и красныя вѣтви лавра, связанныя другъ съ другомъ и подвѣшенныя къ стѣнѣ на подобiе гирляндъ красными тенiями. Слѣдующiй выступающiй рядъ плитъ свода на боковыхъ стѣнахъ и слѣдующiй рядъ камней люнетки задней стѣны заполнены были стилизованнымъ сплошнымъ побѣгомъ аканѳа съ красными стеблями и синими листьями или цвѣтами. Были ли украшены живописью остальные два ряда выступающихъ камней свода и заключительная плита, или онѣ были только оштукатурены, объ этомъ наши источники не говорятъ.

Въ оставшейся свободной части люнетки задней стѣны изображены были два павлина другъ противъ друга, склонившiе головы къ изящной амфорѣ или гидрiи на высокой ножкѣ съ широкимъ верхнимъ отверстiемъ. Сосудъ темносинiй, хвосты, клювы, ноги и центръ крыльевъ павлиновъ—красные.

Всю люнетку надъ входомъ въ камеру, надъ верхней синей полосой, занимаетъ изображеніе нагого генія, стоящаго въ свободной позѣ на низкомъ пьедесталѣ, сдѣланномъ двумя параллельными красными линіями. Геній стоитъ вправо, голова впрямь, крылья влѣво, правая нога—Standbein, лѣвая—Spielbein; въ правой опущенной рукѣ онъ держитъ за ручку плетеный калаѳъ, наполненный цвѣтами и стеблями розъ (правая рука, плечо и крыло не сохранились), лѣвой рукой, поднятой и согнутой въ локтѣ, поддерживаетъ круглую плоскую корзинку или блюдо, гдѣ виднѣется что-то синее.

Была ли расписана первая камера склепа, наши источники не сообщаютъ.

Находки въ насыпи.

Время постройки и росписи нашей камеры, къ сожалѣнію, опредѣляется, главнымъ образомъ, на основаніи соображеній стилистическихъ, чрезвычайно затрудненныхъ выясненною уже неточностью рисунковъ Карейши. Нѣкоторую помощь можетъ оказать намъ исторія открытія склепа. Правда, мы не знаемъ, былъ ли нашъ склепъ главнымъ и основнымъ погребеніемъ кургана, т. е. былъ ли онъ выстроенъ въ материкѣ и надъ нимъ насыпанъ курганъ, что позволило бы использовать данныя раскопокъ насыпи кургана для датировки склепа, но все же, несмотря на отсутствіе точныхъ данныхъ, объ этомъ свидѣтельствующихъ, такая главная роль нашего погребенія въ курганѣ представляется весьма вѣроятной: и архитектура склепа, и его величина, и его роспись, наконецъ, то, что онъ найденъ разграбленнымъ, говорятъ за то, что онъ одновременен самой насыпкѣ кургана, въ которомъ, къ тому же, болѣе раннихъ погребеній найдено не было.

Поэтому пріобрѣтаютъ значеніе найденные въ курганѣ на большой глубинѣ два чернолаковыхъ сосуда безъ фигуръ и орнаментовъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, какого качества былъ лакъ этихъ сосудовъ: въ зависимости отъ этого сосуды можно было бы пріурочить либо къ началу, либо къ концу третьяго в. до Р. Хр. [1]). Другая находка—ряда большихъ амфоръ съ орнаментами и надписями—содержитъ также интересный хронологическій критерій. Урны этой формы находились на югѣ Россіи, главнымъ образомъ, въ Керчи и на Тамани, не разъ. Нѣсколько цѣлыхъ урнъ этого типа (съ тремя или четырьмя ручками) и много фрагментовъ таковыхъ имѣются и въ Эрмитажѣ, и въ Керченскомъ музеѣ древностей, и въ Одесскомъ музеѣ. Собраны и изслѣдованы онѣ никѣмъ до сихъ поръ не были.

Особенно характерны ихъ орнаменты и надписи. Что касается до послѣднихъ, то онѣ до сихъ поръ не объяснены. Любопытно то, что одна и та-же надпись повторяется иногда буквально, иногда съ нѣкоторыми измѣненіями нѣсколько разъ, всегда на сосудахъ одинаковой формы. Такъ, надпись на нашемъ сосудѣ ΔΙΟΝΥ / CHMAIB и подъ ручкою NCH (т. е., вѣроятно, NEH, см. ниже) встрѣчается на двухъ фрагментахъ въ Одесскомъ музеѣ и одномъ въ Эрмитажѣ (см. О. И. А. К. 1868, 125, № 16, гдѣ упомянутъ и нашъ экземпляръ, и 1874, 112); надпись на другомъ сосудѣ ONHCIФOPOY / CH повторяется на сосудѣ изъ коллекціи Фогеля, къ сожалѣнію, въ изданіе этой коллекціи не попавшемъ [2]).

[1]) См. Фармаковскій, Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ (Сборникъ въ честь гр. А. А. Бобринскаго), 23.

[2]) Надпись ONHCIФOPOY / CH Z[и ΛZ. Гдѣ теперь находятся найденныя Карейшей урны, неизвѣстно. Е. М. Придикъ, которому я обязанъ указаніями на вышеприведенный параллельный матеріалъ, этой надписи и сосуда въ Керчи не видалъ. Трудно предполагать, чтобы сосуды 1832 г., хотя бы черезъ посредство англичанъ въ 1854 г., попали въ концѣ концовъ одинъ въ Одессу, другой въ коллекцію Фогелля. Очевидно, это другіе экземпляры.

Не вдаваясь въ толкованіе этихъ надписей, я укажу только на то, что онѣ состоятъ изъ четырехъ частей: имени въ родительномъ падежѣ (Διονυσ(ίου), Ὀνησιφόρ(ο)υ), слова σῆμα (?), въ полномъ или сокращенномъ видѣ, и двухъ цифръ — одной меньшей, другой большей, иногда съ дробями (IB=12; NEH=55 1/2 и т. п.). Какъ истолковать всѣ эти части и особенно то, что иногда надписи повторяются вмѣстѣ съ цифрами, я не знаю. Въ гипотезы пускаться здѣсь не мѣсто [1]).

Для меня важно то, что курсивъ всѣхъ этихъ надписей отнюдь не позволяетъ датировать ихъ позднимъ временемъ. Это письмо II—I в. до Р. Хр. Таково же мнѣніе и Е. М. Придика.

Съ этимъ вполнѣ согласуется и анализъ орнаментовъ и техника живописи этихъ сосудовъ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи сосудъ, орнаменты котораго были зарисованы въ 1853 г. и изданы въ *Всеподданнѣйшемъ отчетѣ о раскопкахъ за 1853 г.*, стр. 185 (надписи изданы въ вышеуказанномъ мѣстѣ Др. Босф. Кимм.). Поясъ побѣговъ, идущій по корпусу сосуда, съ богатыми цвѣтами каллы, не можетъ принадлежать времени болѣе позднему, чѣмъ II—I в. до Р. Хр. То-же нужно сказать, насколько можно судить по рисунку, и о маскѣ Силена, закрывающей сосудъ, съ надписью Διονυσίου (табл. XLV, 3), и о гирляндахъ, нарисованныхъ на другихъ сосудахъ (табл. XLV, 1—4).

И эти находки въ курганѣ датируютъ, такимъ образомъ, насыпь еще эллинистическимъ временемъ. Рѣшающее слово принадлежитъ, однако, не этимъ внѣшнимъ даннымъ: какъ они ни показательны, они все-таки не датируютъ склепа.

Анализъ росписи.

Анализъ росписи склепа уже привелъ насъ къ тѣсному сближенію его со склепомъ 1852 г.: та-же псевдо-исодомная схема декоровки, то-же помѣщеніе изображеній въ люнеткахъ, то-же использованіе верхняго ряда квадровъ для заполненія его изображеніями орнаментальнаго характера (см. нижеслѣдующую главу).

Къ этому присоединяются нѣкоторыя стилистическія наблюденія, насколько ихъ позволяетъ сдѣлать рисунокъ Карейши. Во-первыхъ, чрезвычайно бѣдная гамма красокъ — почти исключительно синяя и красная и очень мало зеленой — напоминаетъ роспись вышеуказаннаго склепа Теана Сидицинскаго и вообще родственныхъ ему памятниковъ живописи, напримѣръ, росписи эллинистическихъ сосудовъ, о которыхъ уже много было говорено выше. Гирлянды лавра и побѣги далеки отъ натурализма и пышности римскаго императорскаго времени, являющагося исключеніемъ въ эллинистическую эпоху; это тотъ же сухой способъ орнаментаціи, тотъ же условный натурализмъ, который мы наблюдаемъ и на сосудахъ, и притомъ только на сосудахъ эллинистическаго времени. То-же мы видимъ и въ первомъ, такъ называемомъ, декоративномъ стилѣ, особенно на Делосѣ (см., напр., фризъ изъ побѣговъ, *Mon. Piot* XIV, табл. VIa; ср. выше о такомъ же фризѣ изъ Керчи, стр. 120); здѣсь тѣ-же сухіе, бѣдные побѣги, сплошь идущіе безъ перерыва по всему фризу, которыхъ не знаетъ ни болѣе раннее, ни болѣе позднее время.

Стиль изображенія птичекъ, пигмеевъ съ журавлями и генія на входной стѣнѣ, несомнѣнно, вѣрно схваченъ Карейшей, хотя и переданъ, очевидно, неумѣло. Это тотъ стиль, о которомъ я говорилъ въ своей книгѣ «Die hellenistisch-römische

[1]) Подобнаго же рода надписи съ другими, частью сокращенными, именами имѣются на цѣломъ рядѣ сосудовъ, см., напримѣръ, Др. Босф. Кимм., надписи, № LVI. Полностью онѣ будутъ изданы въ подготовляющемся Е. М. Придикомъ къ печати третьемъ томѣ Inscr. o. s. P. E. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что урны погребальныя; въ нихъ всегда содержатся кости погребенныхъ. Иного мнѣнія держится Э. фонъ-Штернъ, *Зап. Од. Общ. ист. и др.*, XX, 190 сл. и табл. IV (указаніе В. В. Шкорпила).

Architekturlandschaft,» стр. 124 сл., тотъ эллинистическій иллюзіонизмъ, который нашелъ себѣ широкое примѣненіе и на вазахъ, и на живописныхъ надгробныхъ стелахъ, и въ росписи делосскихъ домовъ, александрійскихъ и палестинскихъ гробницъ, который затѣмъ сдѣлался одной изъ отличительныхъ особенностей декоративныхъ фризовъ такъ называемаго второго помпеянскаго стиля, начало котораго лежитъ, вѣроятно, еще во II в. до Р. Хр., и опредѣлилъ собою впослѣдствіи широкую и важную струю въ исторіи живописи, иллюстрируемую, главнымъ образомъ, жанровыми и бытовыми картинками Помпей, фризами тѣхъ же помпеянскихъ росписей и, особенно, всей живописью ранняго періода римскихъ христіанскихъ катакомбъ.

Въ нашей гробницѣ мы имѣемъ какъ разъ то, что характеризуетъ этотъ стиль: высокое умѣнье схватить и фиксировать въ общей схемѣ движеніе фигуръ, не обращая вниманіе на детали, передача общаго впечатлѣнія отъ фигуры, условность красокъ, далекая отъ какого бы то ни было пленэризма, нейтральность фона, на которомъ стоятъ и дѣйствуютъ фигуры,—словомъ, не пленэристическій, а условный иллюзіонизмъ, для котораго главное — впечатлѣніе отъ контура и движенія, а не моделировка подробностей и игра свѣта и тѣней.

При этомъ, однако, наша гробница даетъ сравнительно ранній, строгій примѣръ этого стиля, какъ мы его встрѣчаемъ на эллинистическихъ вазахъ и на Делосѣ, а не въ такъ называемомъ второмъ помпеянскомъ стилѣ, гдѣ съ нимъ уже началъ сливаться и пленэризмъ, и тѣсно связанный съ этимъ движеніемъ пейзажъ.

Сцены съ пигмеями.

Характерны въ этомъ отношеніи сцены съ пигмеями. Какъ правильно замѣтилъ Waser (Roscher's Mythol. Lexicon, s. v. Pygmaien, III, 3308), наша гробница въ трактовкѣ пигмеевъ и ихъ боя съ журавлями стоитъ гораздо ближе къ вазовой живописи и, спеціально, къ позднимъ краснофигурнымъ вазамъ [1]), чѣмъ къ позднѣйшимъ, стоящимъ подъ вліяніемъ Александріи, многочисленнымъ изображеніямъ пигмеевъ въ живописи Помпей и зависимой отъ этой манеры декоративной живописи, торевтикѣ и т. д. римскаго императорскаго времени. Нѣтъ ни Нильскаго ландшафта, ни утрированной каррикатурности карликовъ, ни подчеркнутой и смакуемой обсценности. Любопытно также разбитіе фриза на отдѣльныя группы безъ взаимной связи отдѣльныхъ сценъ, опять таки, какъ на большинствѣ вазъ. Характерна также, и здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо, условность красокъ, употребленіе исключительно синей и красной красокъ на сѣромъ нейтральномъ фонѣ безъ всякихъ аксессуаровъ.

Геній.

Не менѣе поучителенъ и анализъ генія съ синими крыльями на входной стѣнѣ. Его крупная фигура съ большими, но пропорціональными крыльями, въ основѣ своей отличается и отъ эротовъ на греческихъ краснофигурныхъ вазахъ и отъ амуровъ помпеянскихъ декоровокъ, начиная съ III стиля.

Ближе стоятъ къ нашему изображенію амуры чернолаковой амфоры съ желтыми фигурами изъ собранія Фогеля (нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ), Sammlung Vogell, Auktionskatalog, № 307, рис. 12, 13, табл. VI, 30 и охотящіеся на оленя эроты александрійской гидріи Берлинскаго музея (см. табл. XLV, 6, 7) [2]), но и то, и

[1]) Ср. также чернофигурныя бэотійскія чашки IV в. до Р. Х., не отмѣченныя Waser'омъ. Watzinger, *Ath. Mitth.,* 1901, 55.

[2]) Отмѣчу и на той, и на другой вазѣ соединеніе эротовъ съ орнаментальными иллюзіонистически-натуралистически трактованными птицами: на первой пѣтухами, на второй, что для насъ особенно важно, летящими журавлями (на плечикахъ сосуда). О вазахъ Hadra вообще, см. мою статью въ *Памятникахъ Музея изящныхъ искусствъ имени Александра III,* I—II, 61 сл. (Москва, 1912).

другое изображеніе III в. до Р. Хр. отличаются отъ нашего тѣмъ чисто юношескимъ, отнюдь не дѣтскимъ тѣломъ, которое сближаетъ ихъ съ амурами предшествующаго періода.

Наиболѣе близко, однако, къ нашему эроту или генію стоятъ эроты Делосскаго фриза, изданные Bulard въ *Mon. Piot,* XIV, табл. IX, C. Ихъ поза, трактовка тѣла, занятіе (несутъ корзины формы vannus mystica, наполненныя цвѣтами и фруктами) абсолютно идентичны съ тѣми же основными чертами въ трактовкѣ нашего эрота или генія (ср. Bulard, ibid., табл. къ стр. 142). Характерно также сопоставить краски и стиль фрагмента фриза у Bulard l. l., табл. VIII b, гдѣ такой же красной краской, какъ и у насъ, изображенъ сражающійся юноша. Рядомъ фрагментъ какого-то изображенія, сдѣланнаго голубой краской, т. е. та-же гамма условныхъ красокъ, которая характерна и для нашей гробницы и которая послѣдовательно, хотя и въ другихъ сочетаніяхъ, проведена и на другихъ фризахъ Делоса и на нашихъ такъ называемыхъ акварельныхъ вазахъ.

Способъ трактовки и краски цвѣтовъ, лежащихъ въ корзинкѣ нашего генія, опять таки находятъ себѣ ближайшія аналогіи на Делосѣ въ тѣхъ изображеніяхъ на домашнихъ алтаряхъ и стѣнахъ, главнымъ образомъ, частныхъ домовъ Делоса, которыя имѣютъ такъ много общаго съ изображеніями ларовъ въ помпеянскихъ домахъ. Достаточно взглянуть на таблицы III A, IV, IV A и V указанной публикаціи Bulard, чтобы вполнѣ убѣдиться въ одновременности и принадлежности къ одному стилю изображеній на Делосѣ и въ Керчи. Ближайшимъ дериватомъ этого стиля, но съ явнымъ уже вліяніемъ расцвѣтшаго, главнымъ образомъ, въ Италіи, но на эллинистическихъ основахъ, натурализма являются не столько помпеянскія фрески, сколько росписи римскихъ катакомбъ первыхъ трехъ вѣковъ по Р. Хр.

Павлины.

Противорѣчитъ, какъ будто, всѣмъ этимъ сближеніямъ изображеніе двухъ павлиновъ, стоящихъ около высокаго сосуда въ люнеткѣ задней стѣны. Этотъ орнаментальный мотивъ знакомъ намъ, главнымъ образомъ, изъ живописи катакомбъ и изъ орнаментаціи римскихъ надгробныхъ стелъ [1]).

Но не исключена возможность того, что—онъ происхожденія эллинистическаго и уже въ это время примѣнялся къ украшенію гробницъ. Обращу вниманіе прежде всего на то, что мотивъ двухъ птицъ у сосуда,—несомнѣнно, эллинистическаго происхожденія; впервые онъ упоминается при описаніи извѣстной мозаики Соса, но весьма возможно, что онъ значительно старше этого времени, такъ какъ составляетъ только варіантъ стараго восточнаго мотива двухъ гербообразно поставленныхъ звѣрей. Характерно, что этотъ послѣдній мотивъ особенно прочно привился въ М. Азіи, главнымъ образомъ, во Фригіи и сосѣднихъ странахъ, и здѣсь особенно часто примѣнялся, начиная съ архаическихъ временъ, къ украшенію фронта высѣченныхъ въ скалѣ гробницъ, перейдя отсюда и на саркофаги. Тотъ же мотивъ постоянно встрѣчается и на аттическихъ надгробныхъ стелахъ [2]).

Характерны и нѣкоторыя терракотты, особенно одна терракотта въ Луврѣ, сохранившая свои краски, гдѣ два эрота (красная одежда, голубыя крылья) держатъ калаоъ, на которомъ лежитъ блюдо съ фруктами.

[1]) См. B. Schröder, Studien zu den Grabdenkmälern der römischen Kaiserzeit, *Bonn. Jahrb.*, 108, 54 слл.; Altmann, Die römischen Grabaltäre, 279 слл.; ср. алтари ранняго времени, гдѣ приблизительно ту же декоративную роль играютъ другія птицы, Altmann, ibid., 22 слл. О катакомбахъ v. Sybel, Die christliche Antike, I, 171 слл. Ср. также V. Macchioro, Il simbolismo nelle figurazioni sepolcrali romane, 127 (119).

[2]) См. Die attischen Grabreliefs III, № 1685—1689; Brückner, *Ath. Mitth.*, 1888, 375 слл.

Изъ малоазійскихъ гробницъ назову гробницы около Айазина во Фригіи (Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'ant., V, 110 сл., два льва), гробницу въ Арсланкайа (ibid., 153, рис. 108, ср. рис. 109 и 110, стр. 156 сл., два сфинкса и два льва) и т. д. Особенно важны для насъ два памятника изъ Фригіи (деревня Кумбетъ) и Писидіи (Термессъ), гдѣ левъ и львица стоятъ около высокаго сосуда, формы вполнѣ аналогичной нашему сосуду (см. Perrot et Chipiez, l. l., 128 слл., рис. 83, 84 и Petersen-Niemann, Städte Pamphyliens und Pisidiens, II, 108 слл., рис. 74—78) [1]). Отсюда этотъ мотивъ перешелъ, очевидно, и на саркофаги и стелы римскаго времени. Отмѣчу, кромѣ того, что форма сосуда, около котораго стоятъ павлины, почти во всѣхъ деталяхъ совпадаетъ съ формой большихъ кратеровъ, постоянно появляющихся на восточно-греческихъ изображеніяхъ такъ называемой загробной трапезы (см. Pfuhl, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XX (1905), 123, рис. 20).

Всѣ эти соображенія уже сами по себѣ достаточно убѣдительны, чтобы сдѣлать вполнѣ пріемлемымъ предположеніе, что мотивъ двухъ павлиновъ около сосуда— эллинистическаго происхожденія и могъ быть примѣненъ къ украшенію гробницъ. Но имѣется, можетъ быть, и прямое тому доказательство.

Въ некрополѣ Бетъ-Ибрина въ Палестинѣ Bliss и Macalister среди гробницъ спеціальнаго типа, изъ которыхъ нѣкоторыя не разграбленныя датируются, несомнѣнно, эллинистическимъ временемъ, нашли одну расписную гробницу, на стѣнахъ которой изображено множество очень живо исполненныхъ разнообразныхъ птицъ, среди которыхъ имѣются два павлина. Къ сожалѣнію, Блиссъ зарисовалъ только отдѣльныхъ птицъ, не указавъ, какъ онѣ сгруппированы. Но, судя по его таблицѣ, птицы e и d поставлены гербообразно (обѣ держатъ по вѣткѣ винограда въ клювахъ) [2]). Хотя орнаментальная часть росписи сильно напоминаетъ гораздо болѣе поздніе памятники (см. ниже въ описаніи херсонесскихъ гробницъ), тѣмъ не менѣе я не имѣю основаній сомнѣваться въ правильности датировки издателей гробницы, такъ какъ форма расписной гробницы совершенно та-же, что и форма датированныхъ гробницъ этого некрополя. Укажу также на то, что изображенія павлиновъ на памятникахъ эллинистическаго времени—не рѣдкость [3]). Аналогичную гробницѣ изъ Бетъ-Ибрина роспись даетъ и одна, къ сожалѣнію, не сохранившаяся и не датированная гробница, найденная въ началѣ прошлаго вѣка въ Ruvo [4]).

[1]) Интересно отмѣтить, что саркофагъ изъ Термесса въ своей конструкціи точно репродуцируетъ деревянный саркофагъ формы ящика, на что не обратилъ вниманія Watzinger. Такое же обрамленіе имѣетъ и рельефъ Кумбета. Эта форма саркофага затѣмъ репродуцируется постоянно въ саркофагахъ Мэзіи (такихъ саркофаговъ особенно много въ музеѣ Бѣлграда, главнымъ образомъ, изъ некрополя Виминацiя) и Дакіи (большая серія ихъ издана въ послѣднихъ годахъ «Arch. Ertesitö» въ отчетахъ о новыхъ находкахъ въ Венгріи). Надо помнить, что Дакія послѣ Траяна получила смѣшанное населеніе, главнымъ образомъ, восточныхъ выходцевъ и была, вѣроятно, проводникомъ восточныхъ мотивовъ въ Дунайскія земли, начиная со II в. по Р. Хр.

[2]) См. F. J. Bliss und R. A. Stewart Macalister, Excavations in Palestina during the years 1898—1900, London 1902, 199 слл. и табл. 92.

[3]) См. Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere, 303 слл.; Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., I, 702; *Arch. Anz.*, 1889, 158; Pottier et Reinach, Necr. de Myrina, 336; Benndorf, Griech. und Sicilische Vasenbilder, 115 и табл. LVIII; L. Deubner, *Röm. Mitth.*, 1912 (XXVII), 3, 1.

[4]) Роспись первой комнаты этой гробницы описывается слѣдующимъ образомъ, см. *Bull. d. Ist.*, 1836, 162. «Sul massetto soprapposto a'tufi, che ne formavano le pareti, vi era una fascia rossa intorno intorno, soprapposta ad un'altra di color azzurro: nella parte destra si vedea la dipintura d'un porticato a colonne di ordine corintio e nell mezzo dipinta una conca che posa su di una colonnetta, a cui bevevano due uccelli neri simili a'corvi, ma col rostro e piedi rossi. Sulla parete opposta si ammirarono urcioli, crateri ed anfore». Ср. R. Pagenstecher, *Röm. Mitth.*, XXVII (1912), 104 слл.

Въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ пріобрѣтаетъ особое значеніе то, что чаще и раньше всего въ позднѣйшей живописи мотивъ нашъ использовали катакомбы и притомъ съ очень ранняго времени (см. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. 9 и 12: Домитилла, конецъ I в.; особенно табл. 31: Прэтекстатъ, II в. по Р. Х.; табл. 97 и 109: Петръ и Марцеллинъ и Присцилла, III в.; табл. 30: Домитилла, начало IV в.).

Дата склепа.

Всѣ указанныя выше соображенія, какъ относящіяся къ архитектурѣ склепа, такъ и къ вещамъ, найденнымъ въ насыпи кургана, и, наконецъ, къ системѣ и стилю декоровки склепа заставляютъ меня датировать склепъ и его роспись эпохой поздняго эллинизма, приблизительно II—I в. до Р. Х., т. е. тѣмъ же временемъ, что и склепъ 1852 г. (см. ниже). Псевдо-исодомная система росписи стѣны, очевидно, была одною изъ тѣхъ манеръ, которыя смѣнили старую систему росписи, представленную склепомъ 1908 г. и склепомъ Васюринской горы, причемъ промежуточной, весьма распространенной, но для гробницъ юга Россіи пока не засвидѣтельствованной, системой была система такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля, о которой мы уже говорили по поводу остатковъ декоративной росписи керченскихъ домовъ.

Псевдо-исодомная система, являясь прямымъ наслѣдіемъ стиля IV и III в. до Р. Х., упрощаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сложную схему такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля и, вѣроятно, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, была въ ходу какъ одновременно съ ней, такъ и послѣ нея, когда въ другихъ мѣстахъ ее смѣнилъ такъ называемый второй помпеянскій или архитектурный стиль.

Важность и значеніе, какъ нашего памятника, такъ и склепа 1852 г., а также склепа Анапскаго, и заключается въ томъ, что они даютъ намъ примѣры сравнительно богатой росписи II—I в. до Р. Х. иной системы и иной трактовки, чѣмъ тѣ, которыя до сей поры считались единственными въ это время господствовавшими системами.

Значеніе фигуръ росписи.

Что касается до смысла фигурной части росписи, то о павлинахъ уже была рѣчь. Сложнѣе вопросъ о томъ, не имѣли ли и пигмеи въ ихъ битвѣ съ журавлями какого-нибудь специфически погребальнаго значенія. Возможности этого a priori я не сталъ бы отрицать, но, пока не предложено никакого правдоподобнаго объясненія, проще будетъ объяснить появленіе нашего сюжета съ одной стороны орнаментальными, декоративными соображеніями, съ другой—популярностью этого сюжета вообще въ южной Россіи, сказывающеюся въ томъ, что рядъ мастеровъ поздне-краснофигурныхъ вазъ, можетъ быть, даже мѣстныхъ бралъ, какъ сюжеты для украшенія изготовляемыхъ ими вазъ, именно эпизоды борьбы пигмеевъ съ журавлями [1]).

Весьма вѣроятнымъ кажется мнѣ погребальное значеніе эрота или генія съ цвѣтами. Цвѣты были однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ надгробныхъ украшеній съ древнѣйшихъ временъ, а эроты, какъ погребальные геніи, фигурируютъ на памятникахъ искусства, начиная съ эллинистическаго времени, сливаясь съ богомъ смерти—Θάνατος [2]). Надо, однако, отличать спеціально погребальнаго эрота

[1]) См. Древн. Босф. Кимм., табл. LV; Стефани, Собраніе вазъ, № 1927, ср. 1938, 1939, 1941; О. И. А. К., 1865, Прил., 119 слл. и рис. на стр. 159 и 186; 1868 г., Атласъ, табл. 4, 3, стр. 75 слл.; 1878 г., 12 слл., рис. на стр. 5.

[2]) Вопросъ объ эротѣ, какъ погребальномъ богѣ, мало разработанъ. Общія трактовки эрота, какъ греческаго бога, его мало касаются, а спеціальныхъ работъ почти нѣтъ, см. Fredrich, *Gött. gel. Nachr.*, 1895, 100, 125; Petersen, *Röm. Mitth.*, XVI (1901), 51 слл.; Schröder, *Bonn. Jahrb.*, 108 (1902), 58, 4 и особ. 65 (умершій, изображенный, какъ эротъ); Altmann, Die römischen Grabaltäre, 257 слл., особ. 298 объ извѣстномъ надгробномъ алтарѣ П. Севереана въ Ватиканѣ, ср. 101 сл., гдѣ эроты играютъ уже чисто орнаментальную и декоративную роль.

(съ перевернутымъ факеломъ), обычнаго на погребальныхъ памятникахъ римскаго времени, но созданнаго еще въ эпоху эллинизма, отъ настоящаго обычнаго эрота, погребальныя функціи котораго выясняются только изъ примѣненія его къ украшенію гробницъ; только послѣдніе—и это опять таки характерно—использованы, и притомъ, какъ у насъ, съ цвѣтами и въ цвѣтахъ, въ живописи христіанскихъ катакомбъ, что заставляетъ предположить, что въ эллинистическихъ гробницахъ эротъ съ цвѣтами былъ обычной фигурой, и тѣмъ, кто расписывалъ христіанскія катакомбы, не приходилось вкладывать символическое значеніе въ чисто орнаментальныя фигуры поздняго эллинизма. Въ этомъ смыслѣ наша фигура пріобрѣтаетъ для исторіи символики гробничныхъ изображеній особо важное значеніе [1]). Къ сожалѣнію, количество какъ расписныхъ склеповъ [2]), такъ и саркофаговъ поздняго эллинизма чрезвычайно невелико, послѣдніе, кромѣ того, рѣдко дѣлаются въ мраморѣ и довольствуются чисто орнаментальными мотивами (извѣстны намъ, главнымъ образомъ, въ Александріи); наконецъ, надгробныя стелы держатся въ сторонѣ отъ подобнаго рода изображеній, такъ что матеріалъ для сравненія у насъ чрезвычайно ограниченъ. За нимъ приходится обращаться къ памятникамъ гораздо болѣе поздняго времени и другого культурнаго центра, къ памятникамъ Италіи и итализированныхъ провинцій императорскаго времени.

Литература:

(Карейша) Д., Изъ Керчи. *Одесскій Вѣстникъ*, 1832, 16; 1833, 60; Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, V (1843), 181 слл.; Atlas, IV Archéologie, pl. XVIII, fig. 2, 3; А. Ашикъ, Воспорское царство, II, 51, § 48, р. VIII. (Одесса 1848) [3]); Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, 500 сл.; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 25; Кулаковскій, *Матеріалы по арх. Россіи*, 19, стр. 9; М. Ростовцевъ, Керченская декоративная живопись и т. д. (*Ж. М. Н. Пр.*, 1906, май, 5 сл.).

[1]) Ср. о погребальномъ эротѣ и его символическомъ значеніи, кромѣ выше цитированной литературы, еще и V. Macchioro, Il simbolismo nelle figurazioni sepolcrali romane, 47 (39) слл. См. также его соображенія о роли корзинъ съ цвѣтами, вполнѣ аналогичной, въ смыслѣ погребальной символики, роли корзинъ съ фруктами, l. l., 93 (85).

[2]) Къ сожалѣнію, неопредѣлимо время сицилійской гробницы, изданной въ *Monumenti dell'Ist. di corr. arch.*, II, tav., XLVI, A^1 A^2 A^3 и *Ann.*, 1837, 58, гдѣ въ центрѣ потолка, усѣяннаго цвѣтами мака и гирляндами, парятъ два амура позднѣйшаго типа putti.

[3]) Ср. Древности Босф. Киммерійскаго, Введеніе, стр. XL (выше стр. 141, 1).

XII. Второй склепъ 1832 года.

(Рис. 28 и 29).

Интересный образчикъ гробницы или, вѣрнѣе, склепа, декорованнаго въ псевдописодомномъ стилѣ, открытъ былъ Карейшей въ 1832 году при раскопкахъ около Замостскаго кордона.

Единственныя данныя объ этомъ склепѣ находятся въ рукописной обстоятельной запискѣ о раскапываніи кургановъ въ 1832 году, стр. 11, слл. [1]), подписанной Карейшей (французскій переводъ находится въ дѣлахъ Императорскаго Эрмитажа, нынѣ въ Архивѣ Императорской Археологической Коммиссіи). Здѣсь Карейша сообщаетъ о раскопкѣ имъ небольшого кургана. Въ полѣ его онъ нашелъ «восемь простыхъ бѣдныхъ гробницъ». Среди вещей, найденныхъ въ этихъ гробницахъ, для датировки имѣютъ значеніе слѣдующія: обычная терракоттовая статуетка скиѳа въ фригійской шапкѣ, облокотившагося на щитъ; «вазка съ изображеніемъ женскаго лица»; терракоттовый медальонъ съ изображеніемъ женской головы впрямь. Все вещи, могущія быть отнесенными къ III—II вв. до Р. Хр.

«При углубленіи далѣе работъ,— продолжаетъ Карейша, — въ середину кургана, отыскалъ плиту простого камня съ надписью: ΙΣΣΩΚΡΑΤΗΣ ΚΥΠΡΙΟΣ..., а за оною оказался мусоръ, за которымъ слѣдуя, достигли до каменныхъ плитъ, со-

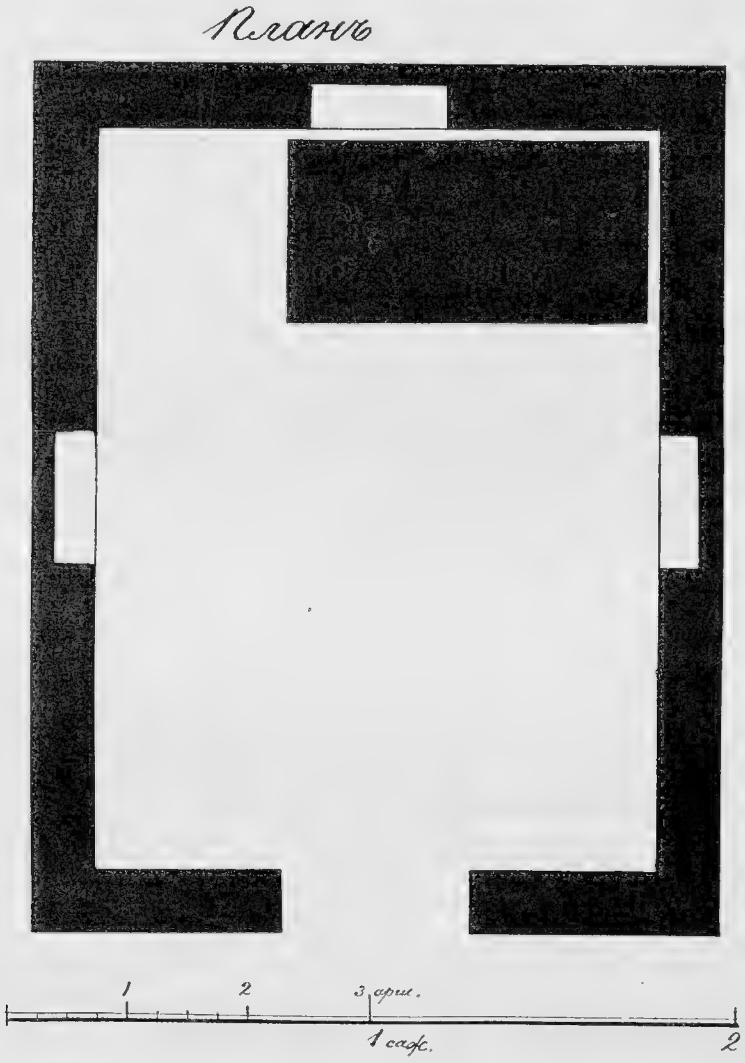


Рис. 28. Планъ второго склепа 1832 г.

---

[1]) Цитирую по рукописи, озаглавленной «Приложеніе къ дѣлу о Керченскихъ древностяхъ, содержащее въ себѣ копіи съ донесеній объ археологическихъ разысканіяхъ въ курганахъ въ окрестностяхъ Керчи I-е». Содержатся донесенія отъ 1829 г. до 1843-го. Хранится въ Архивѣ Имп. Арх. Коммиссіи. Тотъ же отчетъ Карейши и въ вышеуказанномъ сборникѣ дѣлъ изъ Имп. Эрмитажа, нынѣ переданномъ И. А. К., стр. 273—288, съ таблицей рисунковъ, относящихся къ нашему склепу (см. рис. 28 и 29).

ставлявшихъ стѣны гробницы. Проникнувъ въ середину, я нашелъ ее наполненную землею, смѣшанною съ кусками камня и открытою сверху до свода, который былъ разрушенъ совершенно. Гробница имѣла форму параллелограмма, была оштукатурена и покрыта снизу краскою коричневаго цвѣта. Въ одномъ углу ея стоялъ гробъ, сдѣланный изъ цѣльнаго куска твердаго камня, но который при осмотрѣ въ прежнее время былъ разбитъ и находившіяся въ немъ кости разметаны по всей гробницѣ».

Упомянутая въ текстѣ надпись издана Латышевымъ Ios. PE. II, 292 по копіи Dubois, изданной впервые Boeckh'омъ. Она читается: Ἀριστοκράτης Κύπριος. Къ ней Латышевъ замѣчаетъ: «titulum bonae aetatis esse rectissime monuit Boeckh». «Bonae aetatis», т. е., очевидно, не позже эллинистическаго времени. Что касается до архитектуры и росписи склепа, то на приложенномъ рисункѣ (обозначенномъ

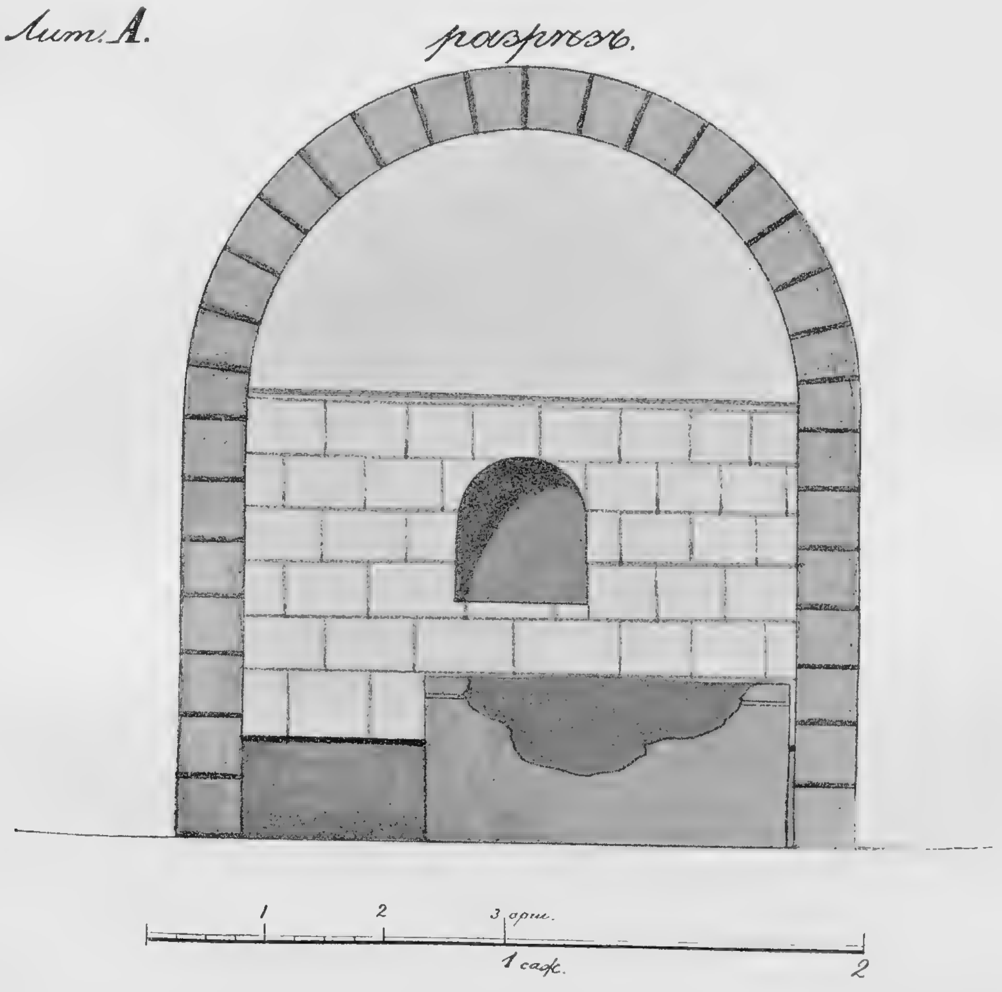


Рис. 29. Разрѣзъ второго склепа 1832 г.

лит. А, см. наши рис. 28 и 29) Карейша даетъ планъ и разрѣзъ его. Это, очевидно, былъ склепъ обычнаго типа съ полуцилиндрическимъ сводомъ. Въ стѣнахъ боковыхъ и задней — по нишѣ. Въ приложенномъ тутъ же Карейшей снимкѣ съ внутренности гробницы (рис. 29) онъ отмѣчаетъ не только цоколь коричневаго цвѣта, но и дѣленіе верхней части стѣны на квадры красными линіями. Внизу идетъ рядъ квадратовъ, далѣе прямоугольники, всего 6 рядовъ, надъ этимъ полоса.

Вся эта декоровка живо напоминаетъ склепъ Пигмеевъ, отчасти склепъ 1852 г. и вообще склепы съ псевдо-исодомной росписью.

О времени нашего склепа мы можемъ только гадать. Въ немъ самомъ, какъ сообщаетъ Карейша, ровно ничего не было найдено. Возможно, однако, привлечь

къ дѣлу утварь восьми гробницъ въ полѣ кургана и свидѣтельство стелы. Получится время не ранѣе IV вѣка до Р. Хр., но не позднѣе II вѣка до Р. Хр. Впрочемъ, не невозможно и то, что дата впускныхъ гробницъ не опредѣляетъ собою даты склепа, который также могъ быть впущенъ въ уже готовый курганъ, что, однако, не представляется особенно вѣроятнымъ.

Возможно, такимъ образомъ, что склепъ нашъ и его роспись относятся еще къ эпохѣ эллинизма.

XIII. Склепъ, открытый въ Керчи въ 1852 г.

(Табл. XLVI. XLVII).

Мѣстонахожденіе склепа и исторія раскопокъ.

4-го апрѣля 1852 года на сѣв. склонѣ Митридата (см. табл. I, 18) шт.-капитаномъ Бѣгичевымъ, исполнявшимъ въ то время обязанности директора Керченскаго музея, въ полѣ очень изрытаго кургана былъ открытъ большой погребальный склепъ. На разработку входа въ этотъ склепъ Бѣгичевъ получилъ отъ градоначальника Керчи князя Гагарина особое ассигнованіе и исполнилъ эту работу въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, но, какъ онъ самъ пишетъ, не вполнѣ. Подробнаго донесенія о своемъ открытіи съ планами и рисунками найденнаго Бѣгичевъ своевременно не представилъ, а ограничился краткимъ донесеніемъ отъ 6-го апрѣля 1852 г. Тщетно требовалъ отъ него этого описанія и рисунковъ кн. Гагаринъ, желая въ свою очередь извѣстить объ открытіи и дать точное описаніе открытаго гр. Перовскому; Бѣгичевъ, уѣхавшій на все лѣто въ Тамань, ограничился представленіемъ только денежнаго отчета [1]).

Описаніе сдѣланнаго имъ открытія было поэтому поручено архитекторскому помощнику Шмакову, который вмѣстѣ съ землемѣромъ Рябовымъ былъ командированъ для производства въ Керчи и окрестностяхъ картографическихъ и архитектурныхъ съемокъ, нужныхъ тогдашнему директору Эрмитажа Жилю для составленія извѣстныхъ Древностей Босфора Киммерійскаго (еще въ 1850 г. имъ былъ поставленъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые послѣдовали послѣ длинной канцелярской переписки лишь въ 1858 г.).

Шмаковъ справился съ своей задачей превосходно, сдѣлавъ прекрасный планъ склепа, рядъ разрѣзовъ, видъ входа въ склепъ и копію въ краскахъ съ сохранившихся наилучше частей росписи склепа (см. табл. XLVI). Не его вина, что къ тому времени, когда начата была имъ работа, живопись склепа успѣла сильно

[1]) Данныя эти извлекаю изъ переписки между Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ княземъ Гагаринымъ и Бѣгичевымъ, хранящейся въ дѣлахъ Керченскаго музея (выписки сообщены мнѣ В. В. Шкорпиломъ; онѣ сдѣланы: изъ предложеній градоначальника отъ 18 апр., 6 и 16 мая и отвѣта Бѣгичева отъ 7 мая; денежный отчетъ представленъ былъ Бѣгичевымъ 29 дек. 1852 г., въ немъ же содержится точная дата открытія склепа—4 апрѣля; рапорта Бѣгичева отъ 6 апр. 1852 г., гдѣ, очевидно, имѣлось только краткое упоминаніе объ открытіи склепа ни въ дѣлахъ Керченскаго музея, ни въ Имп. Арх. Коммиссіи не имѣется). Въ дѣлахъ 1852 г., хранящихся въ Петербургѣ, имѣется журналъ раскопокъ Бѣгичева въ Керчи отъ 4 янв. до 22 марта и на Тамани, начиная съ 17 апр. 1852 г. Отсутствіе описанія Бѣгичева и утеря его рапорта отъ 6 апр. 1852 г. тѣмъ болѣе досадны, что это—единственный источникъ, откуда можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о томъ, найдено ли было что-либо въ насыпи кургана и въ самомъ склепѣ. Упоминаніе хотя бы нѣсколькихъ черепковъ могло бы дать драгоцѣнныя указанія. Несомнѣнно, что Бѣгичевъ подробнаго описанія такъ и не составилъ. Работа, начатая Шмаковымъ и Рябовымъ, о которой ниже, очевидно, сочтена была достаточнымъ отвѣтомъ какъ на вопросъ Жиля, такъ и на требованіе отчета изъ Петербурга.

поблѣднѣть и наиболѣе интересныя части ея почти совершенно погибли: уже въ іюлѣ 1852 г. Беккеръ говоритъ только о скудныхъ остаткахъ росписи [1]).

Свое описаніе склепа и рисунки Шмаковъ представилъ въ Эрмитажъ вмѣстѣ съ отвѣтами на другіе вопросы и съемками Рябова (помѣчено 18 сент. 1853 г.). Отвѣты эти и альбомъ рисунковъ нынѣ хранятся въ Имп. Арх. Коммиссіи и частью были изданы безъ указанія имени авторовъ въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго [2]). Описаніе нашего склепа, рисунки, планы и разрѣзы его, а равно и драгоцѣнный планъ Керчи и окрестностей, гдѣ обозначено мѣсто нахожденія важнѣйшихъ описанныхъ Шмаковымъ подземныхъ камеръ и склеповъ, изданы, однако, не были, и всѣ, кто писалъ объ этомъ склепѣ впослѣдствіи, говорили о немъ со словъ либо Беккера, либо англичанина Макферсона (см. ниже), чѣмъ и объясняется спутанность свѣдѣній, имѣющихся объ этомъ важномъ памятникѣ въ новѣйшей литературѣ [3]).

Черезъ три года послѣ окончанія работы Рябова и Шмакова Керчь была взята союзниками (12-го мая 1855 г.). Весь архивъ музея, лучшія вещи и другое имущество музея были, однако, частью отправлены въ Петербургъ, частью увезены въ ближайшіе къ Керчи города, гдѣ пребывала администрація музея (сначала въ Тамань, а затѣмъ въ Ставрополь). Нашъ склепъ уже раньше, вѣроятно, не спеціально съ цѣлью скрыть его отъ союзниковъ, а просто потому, что съемка его была закончена, былъ засыпанъ землею. Послѣ взятія Керчи онъ былъ вторично раскопанъ, очевидно, по указаніямъ мѣстныхъ жителей Макферсономъ, давшимъ его описаніе въ своей извѣстной книгѣ, снабженной тѣми отчасти фантастическими рисунками, которые до самаго послѣдняго времени оставались загадкою для читателей.

Что склепъ Макферсона и склепъ, открытый Бѣгичевымъ и описанный Беккеромъ и Шмаковымъ, одинъ и тотъ же памятникъ, а не два разные, какъ думаетъ проф. Кулаковскій [4]), ясно уже изъ сличенія данныхъ Макферсона съ описаніемъ Шмакова и, сверхъ того, хотя бы уже потому, что, какъ указалъ мнѣ В. В. Шкорпилъ, при вторичныхъ раскопкахъ входъ въ склепъ найденъ былъ заваленнымъ «a mass of rubble masonry», т. е. мусоромъ, чего ни въ курганахъ, ни въ такъ называемыхъ катакомбахъ никогда не бываетъ. Поэтому для описанія нашего склепа можно пользоваться обоими источниками. Къ сожалѣнію, однако, описаніе Макферсона частью неточно, частью сообщаетъ данныя, гораздо болѣе подробно

[1]) Беккеръ, Керчь и Тамань въ іюлѣ 1852 г. (*Пропилеи*, т. III), 363 слл.; онъ же въ Erman's *Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands* I, 187 слл.

[2]) Отвѣты Рябова и Шмакова раньше хранились въ Эрмитажѣ, теперь вмѣстѣ со всѣми дѣлами, касающимися изданія Древностей Босфора Киммерійскаго, переданы въ Археологическую Коммиссію. Альбомъ хранится въ Библіотекѣ Арх. Коммиссіи.

[3]) Кромѣ упомянутыхъ рисунковъ Рябова и Шмакова, въ дѣлахъ Керченскаго музея имѣется не датированный листъ, подписанный: «рисовалъ В. Жуковъ», дающій гораздо менѣе точный, чѣмъ Шмаковскій, планъ и разрѣзы склепа. Когда и для кого сдѣлалъ эту работу Жуковъ, сказать не могу; можетъ быть, по заказу Бѣгичева. Вѣроятнѣе всего, что рисунокъ Жукова позднѣе рисунка Шмакова, и въ его время склепъ былъ болѣе разрушенъ: этимъ объясняется и то, что дромосъ у Жукова короче, надъ входомъ изъ дромоса въ первую комнату нѣтъ арки, лѣстница показана иначе. Характерно также, что Жуковъ изъ росписи отмѣчаетъ только двухъ всадниковъ, которыхъ онъ видѣлъ хорошо: ни фигуръ у входа надъ антами, ни украшеній верхняго ряда квадровъ онъ не зарисовалъ. Любопытно, что въ указаніи сравнительной высоты первой и второй комнаты онъ сходится съ Макферсономъ и расходится со Шмаковымъ; въ этомъ онъ, вѣроятно, правъ. Правильно показана у него и различная форма нишъ. Въ виду этого считаю полезнымъ опубликовать и его рисунки (см. табл. XLVII).

[4]) *Матеріалы по археологіи въ Россіи*, 19, стр. 5 слл. и 9.

изложенныя у Шмакова. Единственнымъ поэтому документальнымъ источникомъ для возстановленія, вѣроятно, погибшаго безслѣдно памятника [1]) является описаніе Шмакова, которое и привожу поэтому цѣликомъ [2]).

Описаніе Шмакова.

«Гробница № 1 находится въ одномъ изъ боковъ нынѣ совершенно изрытаго большого кургана, она частью находится на природномъ грунтѣ и частью на поверхности земли. Стѣны и сводъ гробницы сложены изъ кусковъ раковистаго известняка, во множествѣ находящагося въ окрестностяхъ..., камни правильно отесаны, но при отескѣ никогда не приводили ихъ въ совершенно одинаковую мѣру по длинѣ и ширинѣ, только толщина рядовъ почти одинакова, и камни одного ряда имѣютъ всѣ одинаковую толщину. На чертежѣ по масштабу показаны видъ, величина и расположеніе камней. Кладка камней произведена на известковомъ растворѣ, швы чрезвычайно тонки. Сводъ и стѣны гробницы покрыты тонкимъ слоемъ известковой штукатурки, толщина слоя штукатурки не превышаетъ полудюйма. Штукатурка очень плотно пристала къ стѣнѣ и ее трудно оторвать, не испортивши камня. По штукатуркѣ обѣ комнаты гробницы были разрисованы красками, такъ, какъ показано на рисункѣ. Отъ вліянія воздуха по открытіи гробницы краски потеряли свою свѣжесть, и теперь едва замѣтны цвѣтъ и очертаніе фигуръ; срисовать ихъ невозможно. На стѣнѣ ef видны двѣ фигуры на лошадяхъ въ платьяхъ розоваго и голубого цвѣта, въ рукахъ фигуръ длинныя палки, грунтъ картины сѣровато-желтый. На стѣнѣ eh виднѣ двѣ стоящія фигуры, рисованныя красною краскою,—очеркъ ихъ едва виденъ, но можно догадаться, что одна изображаетъ мужчину, другая женщину; руками обѣ они указываютъ на входъ. Кругомъ всѣхъ стѣнъ большой камеры идетъ поясокъ шириною 2 вершка, видно, что здѣсь шелъ карнизъ мраморный или другого какого-либо камня, но онъ нынѣ совершенно выломанъ; видны дыры, въ которыя были заложены болты, прикрѣплявшие карнизъ. Ниже этого карниза стѣна расчерчена черными чертами на ряды камней, швы идутъ правильно, но ряды ихъ не равны между собою, видъ и расположеніе рядовъ видно на рисункѣ. Внутри черныхъ линій, раздѣляющихъ камни, очерчены красною краскою линіи имъ параллельныя, образующія тоже квадраты. Въ большой комнатѣ, внутри красныхъ линій 1-го ряда, нарисованы черною краскою сидящія на вѣткахъ птицы изъ породы ласточекъ (стрижи), и нынѣ безпрестанно вьющіяся надъ гробницами. Птицы нарисованы весьма искусно, стебли растеній, на которыхъ онѣ сидятъ, нарисованы красною краскою, листья черною. Второй рядъ пустой, но въ третьемъ ряду, внутри красныхъ линій, нарисованъ искусственный мраморъ смѣсью красокъ голубой, черной и красной; слѣдующіе ряды пустые. Въ передней комнатѣ по всѣмъ стѣнамъ идетъ черный поя-

[1]) Я не сомнѣваюсь въ томъ, что склепъ, оголенный и не засыпанный послѣ вторыхъ раскопокъ, былъ растащенъ, вѣроятно, еще во время пребыванія союзниковъ въ Керчи мѣстными жителями. По сообщенію В. В. Шкорпила, нынѣ на мѣстѣ, гдѣ находился склепъ, имѣется громадная яма, очевидно, результатъ частью англійскихъ раскопокъ, частью расхищенія склепа.

[2]) Mac-Pherson, Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus, London, 1857, IX, стр. 76 сл. Мѣстоположеніе склепа опредѣлено Макферсономъ на общемъ видѣ сѣвернаго склепа Митридата (см. двойную таблицу въ началѣ книги). Холмъ, обозначенный здѣсь именемъ «Golden Mountain», какъ правильно замѣчаетъ Шкорпилъ, есть та гора, отъ которой теперь, послѣ продолжительной ломки камня, осталась такъ называемая «Скалка», расположенная между вторымъ кресломъ Митридата и Сахарной головой или Пирамидальной скалой (см. табл. II b и c). Кромѣ того, Макферсонъ даетъ видъ внѣшней стѣны камеры со входомъ и видъ задней стѣны погребальной камеры, ср. общій видъ раскопокъ и склепа на рис. стр. 81. Общіе виды, данные Макферсономъ, очень неточны, какъ показываетъ ихъ сличеніе съ точнымъ планомъ Рябова, данныя котораго использованы для прилагаемаго плана (см. табл. I).

сокъ шириною въ 2 вершка, а ниже его также стѣна расчерчена на камни черною, а внутри красною краскою. Входъ въ гробницу очень узокъ и съ боковъ огражденъ стѣнами. Дверь была заложена кускомъ цѣльнаго камня. Между стѣнами идутъ ступени, сохранившіяся частью и до нынѣ. Какъ стѣны, такъ и ступени, шли только до поверхности материка, а въ насыпи ихъ не было. На поверхности земли входъ въ гробницу представлялъ продолговатую яму шириною 3, дл. 5, а гл. 4 арш. Отверстіе это по закрытіи дверей гробницы было засыпано землею и отчасти завалено камнями, а потомъ сверху этого былъ насыпанъ курганъ, масса котораго тоже состояла изъ земли, перемѣшанной съ камнемъ. Полъ первой комнаты былъ вымощенъ плитами, очень хорошо притесанными между собою. Полъ второй комнаты не былъ вымощенъ. Въ первой комнатѣ есть въ стѣнахъ ниши, правильно обдѣланныя. Мѣстъ, гдѣ стояли гробы, теперь не видно».

Послѣднее замѣчаніе Шмакова иллюстрируется словами Беккера (l. l. 364): «Въ обѣихъ комнатахъ вмѣстѣ нашли до сорока деревянныхъ гробовъ, которые не заключали въ себѣ ничего, кромѣ праха мертвыхъ, разсыпавшагося при открытіи. Отсутствіе всякихъ древностей въ такомъ большомъ фамильномъ склепѣ могло бы показаться страннымъ, но дѣло объяснилось просто, когда убѣдились, что уже прежде проникали въ склепъ черезъ дѣйствительный входъ, между тѣмъ какъ теперь пробрались въ катакомбу черезъ сводъ».

Архитектура склепа.

Изъ приведенныхъ данныхъ, въ связи съ описаніемъ Макферсона, видно, что *архитектура* склепа чрезвычайно напоминаетъ архитектуру склеповъ въ курганахъ Васюринской горы. И здѣсь двѣ комнаты съ дромосомъ и лѣстницей, и здѣсь склепъ впущенъ частью въ материкъ, и здѣсь цилиндрическій сводъ [1]) въ обѣихъ частяхъ склепа [2]), и здѣсь роспись въ обѣихъ комнатахъ—болѣе простая въ одной, болѣе сложная въ другой, и здѣсь ниши въ трехъ стѣнахъ главной камеры, съ тою, правда, разницей, что въ лѣвой отъ входа стѣнѣ ниша начиналась прямо отъ пола [3]). Существеннымъ отличіемъ является только то, что нашъ склепъ сложенъ не на-сухо, а на тонкомъ слоѣ прекрасной известки. Любопытно также, что входная дверь въ первую комнату крыта прямой перемычкой, вторая же дверь—входъ въ главную комнату—арочная. Судя по рисунку, дверная перемычка входной двери въ первую комнату была профилирована, косяки второй двери имѣли богато профилированныя капители [4]). Неяснымъ въ описаніи Шмакова остается для меня только одна подробность: дѣйствительно ли отверстія въ верхней полосѣ декоровки главной камеры (часть эта въ первой комнатѣ—та же ширина 2 вершка!—выкрашена въ черный цвѣтъ) объясняются тѣмъ, что здѣсь сидѣли болты, на которыхъ укрѣпленъ былъ, вѣроятно, мраморный карнизъ, который еще въ древности, очевидно, былъ вырванъ и унесенъ. Величина отверстій (2 вершка) даетъ болты такой крѣпости, какихъ для укрѣпленія карниза не требуется. Не правильнѣе ли думать,

[1]) Мнѣ непонятно, какъ могъ Беккеръ говорить о покрытіи гробницы такъ называемымъ египетскимъ сводомъ. Разрѣзы Шмакова, Жукова и Макферсона не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что обѣ комнаты были крыты полуцилиндрическимъ сводомъ.

[2]) Въ опредѣленіи сравнительной высоты первой и второй комнатъ склепа Шмаковъ съ одной стороны, Жуковъ и Макферсонъ съ другой расходятся. Жуковъ и Макферсонъ дѣлаютъ первую комнату значительно ниже второй. Возможно, что въ данномъ пунктѣ Жуковъ и Макферсонъ правы.

[3]) И здѣсь Макферсонъ (l. l., 77) расходится со Шмаковымъ, указывая, что и ниша правой стѣны доходила до полу. Судя по плану Шмакова, это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но въ разрѣзѣ Шмаковъ даетъ обычную нишу типа окна, а не двери. Аналогію для этой подробности даетъ нижеописываемый склепъ Алкима.

[4]) То же даетъ и Макферсонъ, подчеркивая эту подробность.

что въ эти отверстія вставлены были деревянныя втулки и въ нихъ либо вбиты крюки или гвозди, на которыхъ висѣли предметы погребальной утвари или бра для свѣчей, какъ въ склепѣ Васюринской горы, либо укрѣпленъ былъ деревянный или штукатурный карнизъ. Изъ двухъ послѣднихъ альтернативъ первая вѣроятнѣе, такъ какъ и въ Васюринской горѣ, и въ аналогично устроенныхъ выше указанныхъ склепахъ гвозди, какъ металлическая, особенно цѣнная часть декоровки, были вырваны, можетъ быть, уже при повторномъ использованіи склепа. Къ сожалѣнію, Шмаковъ не отмѣтилъ, была ли окрашена верхняя полоса между отверстіями, какъ въ первой камерѣ, или нѣтъ [1]).

Архитектура склепа, такимъ образомъ, при всей схожести съ архитектурой склеповъ Васюринской горы, не позволяетъ, однако, считать оба склепа одновременными. Нашъ склепъ, какъ показываетъ кладка, арка надъ дверью [2]) и предполагаемый карнизъ въ главной камерѣ [3]), несомнѣнно, принадлежитъ болѣе позднему времени.

Роспись склепа.

Къ тому же выводу приводитъ насъ и анализъ *декоровки*. Схема ея очень проста: подъ узкимъ фризомъ (2 в.) шло три пары узкихъ и широкихъ лежачихъ прямоугольниковъ по 4 и 12 в. высоты; изъ нихъ узкія квадры второго ряда были мраморированы на подобіе дѣлящей полосы надъ ороостатами декоровки склепа Васюринской горы. Здѣсь, такимъ образомъ, псевдо-исодомная кладка стѣны была въ декоровкѣ проведена еще послѣдовательнѣе, чѣмъ въ склепѣ около Анапы.

Далѣе надо отмѣтить, что архитектурный фризъ и карнизъ склеповъ Васюринской горы и Анапы, антаблементы или фризы склеповъ Анфуши, Сукъ-эль Вардіана и др., выдержанные все-таки въ мотивахъ архитектурной орнаментики, здѣсь замѣнены чисто живописнымъ украшеніемъ верхней полосы узкихъ квадръ въ натуралистическомъ духѣ: вѣтки лавра и на нихъ птички, можетъ быть, стрижи. Тѣхъ же птицъ мы видимъ и въ склепѣ Васюринской горы, но тамъ онѣ прикомпонованы къ декоровкѣ, а не исключительно орнаментальны. Наконецъ, если карнизъ здѣсь, дѣйствительно, былъ каменный, прикомпонованный къ расписной декоровкѣ, то и это поведетъ насъ въ сравнительно позднее время римскихъ расписныхъ склеповъ нашего юга. Любопытно и чисто декоративное, безъ всякаго архитектурнаго значенія, помѣщеніе мраморированнаго ряда квадровъ не надъ первымъ рядомъ большихъ квадровъ, а надъ вторымъ.

Помѣщеніе фигуръ въ люнеткахъ у входа въ камеру надъ дверью и въ люнеткѣ задней стѣны хронологическимъ критеріемъ служить не можетъ. Помѣщеніе фигуръ того же характера въ люнеткѣ задней стѣны мы наблюдаемъ уже въ ѳракійско-македонскомъ склепѣ Кинча, который съ полною вѣроятностью, какъ показываетъ анализъ стиля фигуръ, можетъ быть датированъ III вѣкомъ до Р. Х.

---

[1]) Макферсонъ указанной подробности въ строеніи склепа не отмѣчаетъ. Рисунокъ Жукова подтверждаетъ данныя Шмакова.

[2]) Сама по себѣ арка, какъ еще въ большей мѣрѣ цилиндрическій сводъ, не является хронологическимъ критеріемъ. Но характерно, что, хотя сводъ встрѣчается на югѣ Россіи въ гробницахъ, начиная съ III в. до Р. Хр., постоянно, арочное покрытіе двери и вообще встрѣчается рѣдко, въ раннихъ же гробницахъ наблюдается, насколько мнѣ извѣстно, еще рѣже. Характернымъ примѣромъ превосходнаго склепа съ дорическими антами у двери, арочной дверью и головой быка въ ключѣ арки можетъ служить склепъ, открытый Ашикомъ недалеко отъ сахарнаго завода князя Херхеулидзева. См. Ашикъ, Воспорское царство, Одесса, 1848, ч. II, § 41, стр. 49 и рис. VI. Судя по найденнымъ въ 14 саркофагахъ этого нетронутаго склепа вещамъ, склепъ относится ко II в. по Р. Хр. Думать о вторичномъ погребеніи здѣсь врядъ ли можно, хотя погребенія и очень бѣдны вещами, склепъ же необычно роскошенъ.

[3]) Такой карнизъ характеренъ для склеповъ римскаго времени, см. ниже Экскурсъ гл. XXXV.

Важно, однако, отмѣтить, что количество фигурной росписи очень невелико, изображенныя сцены очень просты. Къ ихъ разбору мы еще вернемся.

Дата склепа. Все это, казалось бы, должно бы было заставить насъ *датировать* склепъ сравнительно позднимъ временемъ, римской эпохой.

Но противъ этого говоритъ рядъ соображеній. Во-первыхъ, всѣ приведенныя черты сходства съ декоровкой и архитектурнымъ строеніемъ склепа Васюринской горы, трудно объяснимыя при разстояніи въ три вѣка, отдѣляющемъ оба памятника другъ отъ друга, и, особенно, сходство общей схемы росписи (псевдо-исодомная роспись) съ росписью склепа около Анапы, который только немногимъ моложе Васюринскаго. Далѣе, бѣдная гамма красокъ въ изображеніи птичекъ и вѣтвей, напоминающая гамму красокъ склепа Теана Сидицинскаго въ Италіи и гамму красокъ эллинистическихъ сосудовъ. Наконецъ, отсутствіе всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ роспись склеповъ римскаго времени въ Керчи: отсутствіе брошенныхъ на стѣну цвѣтовъ и бутоновъ, почти полное отсутствіе, за исключеніемъ самыхъ скромныхъ попытокъ, введенія въ роспись элементовъ мраморной инкрустаціи и т. д.

Важно отмѣтить также большое сходство росписи нашей гробницы съ росписью группы высѣченныхъ въ скалѣ камеръ Алкима, Анѳестерія и 1891 г., о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, сказывающееся какъ въ общей системѣ ихъ псевдо-исодомной росписи, въ одинаковости гаммы красокъ, въ изображеніи фигуръ (розовая и голубая преобладаютъ), наконецъ, въ размѣщеніи и сюжетахъ фигурныхъ композицій, о чемъ ниже. И при всемъ этомъ сходствѣ наша камера, въ сравненіи съ указанной группой, какъ будто нѣсколько архаичнѣе: въ той группѣ сюжеты богаче и разнообразнѣе, гамма красокъ обогащена зеленой, она не вездѣ условна, а мѣстами реалистична, наблюдается въ трактовкѣ сюжетовъ много пейзажныхъ элементовъ, наконецъ, верхній слой квадровъ отнюдь не выдержанъ, какъ фризъ съ правильно расположенными въ немъ изображеніями. Важно также подчеркнуть отмѣченное Шмаковымъ превосходное качество стука нашей гробницы, сказывающееся въ томъ, что стукъ совершенно слился съ камнемъ и могъ быть отодранъ только съ верхнимъ слоемъ самаго камня. О стилѣ фигуръ нашей росписи, къ сожалѣнію, судить невозможно. Надо, наконецъ, обратить вниманіе и на то, что нашъ склепъ по системѣ своей росписи составляетъ исключеніе среди керченскихъ склеповъ, построенныхъ изъ квадровъ; онъ орнаментованъ въ псевдо-исодомной схемѣ; система орнаментовки всѣхъ другихъ иная. Укажу также и на большое сходство нашего склепа со склепомъ, открытымъ въ 1832 г., описаніе и изслѣдованіе котораго дано выше. Все это ведетъ насъ къ тому, чтобы датировать нашъ склепъ предположительно временемъ, хотя и значительно болѣе позднимъ, чѣмъ эпоха ранняго эллинизма, которой принадлежатъ склепы Васюринской горы и Анапы, даже чѣмъ эпоха господства такъ называемаго 1-го стиля на востокѣ, т. е. II в. до Р. Х., но все-таки болѣе раннимъ, чѣмъ I в. по Р. Х., т. е. заставляетъ насъ считать временемъ возникновенія склепа и росписи конецъ I в. до Р. Х. или самое начало I в. по Р. Х.

Съ этимъ согласуется и исторія склепа. Не можетъ быть сомнѣнія, что сорокъ гробовъ, найденные въ немъ, безъ всякихъ вещей при нихъ, не принадлежатъ времени возникновенія нашего богатаго и дорогого склепа. Очевидно, что въ склепѣ уже давно не хоронили, когда его нашли, разграбили и употребили для погребенія бѣдныхъ жителей еще античной Керчи. Къ сожалѣнію, нельзя даже приблизительно сказать, къ какому времени относится это вторичное исполь-

:ованіе склепа. Къ первому, можетъ быть, еще погребенію относятся только находки, сдѣланныя Макферсономъ (l. l., 77.). Проломивъ ниши боковыхъ стѣнъ склепа, онъ нашелъ подъ одной изъ нихъ скелетъ человѣка, подъ другой—скелетъ лошади. Аналогію этому мы имѣемъ въ склепѣ Куль-оба, гдѣ совершенно такъ же погребены были вмѣстѣ съ хозяевами склепа предполагаемый конюхъ и лошадь. Къ сожалѣнію, ни около скелета человѣка, ни около скелета лошади не было найдено вещей, позволяющихъ датировать эти погребенія. У человѣческаго скелета подъ шеей найдены были только «a coarse lachrymatory and something like an incense jar but broken». Къ сожалѣнію, Макферсонъ не отмѣчаетъ, изъ какого матеріала сдѣланы были эти вещи; возможно что и та, и другая были глиняныя.

Толкованіе изображенныхъ въ склепѣ фигуръ.

Фигуры, украшавшія внутреннюю люнетку и входную дверь главной камеры, уже во время съемки склепа Шмаковымъ казались ему сохранившимися настолько плохо, что онъ отказался ихъ зарисовать. Поэтому я не придавалъ бы вѣры рисункамъ Макферсона: львиныя туловища его фигуръ у входа въ склепъ во всякомъ случаѣ плодъ его фантазіи, фигуры въ люнеткѣ задней стѣны, несомнѣнно, реставрированы, хотя, вѣроятно, правильно, на основаніи боспорскихъ надгробныхъ стелъ и монетъ. Несомнѣнно, передъ дверью нарисованы были по обѣ стороны входа двѣ обращенныя ко входу фигуры съ протянутыми впередъ руками, одна, вѣроятно, мужская, другая—женская. Въ рисункѣ Макферсона, можетъ быть, можно довѣрять только крылышкамъ на ногахъ этихъ фигуръ—подробность, которая могла сохраниться до его времени и которую могъ не замѣтить Шмаковъ. Къ значенію этихъ фигуръ мы еще вернемся при разборѣ склеповъ съ аналогичными изображеніями, гдѣ соотвѣтственныя фигуры сохранились лучше.

Не подлежитъ сомнѣнію и толкованіе двухъ фигуръ въ задней люнеткѣ главной камеры. Это—два вооруженные всадника; изъ нихъ одинъ, можетъ быть, хозяинъ, другой—его слуга или кліентъ; послѣдній, можетъ быть, кромѣ копья везетъ и горитъ хозяина съ лукомъ и стрѣлами. Надо отмѣтить, что и у перваго всадника въ рукахъ Шмаковъ усмотрѣлъ нѣчто похожее на копье, то-же даетъ и Жуковъ.

Съ подобнаго рода изображеніями усопшаго и его слуги въ росписи погребальныхъ камеръ мы еще не разъ встрѣтимся. Здѣсь отмѣчу только, что изображеніе двухъ всадниковъ одного за другимъ на спокойно стоящихъ лошадяхъ вполнѣ обычно на пантикапейскихъ надгробныхъ стелахъ. Второй всадникъ обыкновенно изображаетъ оруженосца или дружинника главнаго (см. G. von Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, B. IV с, № 617—646, ср. 647—650). Правда, я не знаю такой стелы, гдѣ бы и господинъ, и слуга были вооружены копьями (только слуга на № 618, только господинъ на № 636). Отмѣчу также, что упомянутый типъ стелъ изображаетъ обыкновенно господина, а не слугу съ подвѣшеннымъ къ сѣдлу горитомъ, къ которому часто привязанъ и длинный мечъ; но имѣется немало случаевъ, гдѣ горитъ везетъ оруженосецъ (см. l. l., № 606 и 619 в.). По датировкѣ Вацингера, основанной на формѣ и орнаментаціи стелъ, большинство стелъ этого типа принадлежитъ I в. по Р. Х., нѣкоторыя же II в. Для датировки росписи нашего склепа это, однако, рѣшающаго значенія имѣть не можетъ.

Литература:

Беккеръ, Керчь и Тамань въ іюлѣ мѣсяцѣ 1852 г., *Пропилеи,* III, 363 сл.; онъ же, въ Erman's, *Archiv für wissenschaftliche Kunde Russlands,* I, 187 сл.; Duncan M-c Pherson, m. a. etc., Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerian Bosphorus etc., London, 1857, 76 слл. Данныя Беккера повторяютъ Neumann, Die Hellenen

im Skythenlande, 501, 1 и Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 26 (не знаю, откуда заимствовали авторы свѣдѣнія о томъ, что въ склепѣ найдены были вещи IV в. до Р. Х.!). Ю. Кулаковскій, Двѣ керченскія катакомбы съ фресками, *Мат. по арх. Россіи,* 19 описываетъ нашъ склепъ на стр. 5 со словъ Беккера, а на стр. 9 со словъ Макферсона, не задаваясь даже вопросомъ о тожествѣ или различіи обѣихъ гробницъ. Краткія замѣчанія о гробницѣ и ея росписи см. М. Ростовцевъ, Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи, *Ж. М. Н. Пр.* 1906, Май, Отд. класс. фил., и отдѣльно Спб. 1906, стр. 6 слл.

XIV. Склепъ Алкима Гегесиппова (1867 г.).

(Табл. XLVIII, 1; XLIX; L; рис. 30).

Местонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ склепъ къ западу отъ Керчи на сѣв. склонѣ Митридата подъ могильною насыпью, нѣсколько выше известковой печи Ничипоренко, между 15 и 23 марта 1867 г. Послѣ открытія и снятія бѣглой копіи съ фресокъ склепъ вновь былъ засыпанъ Люценкомъ и вновь открытъ бар. Тизенгаузеномъ около 20-го іюня 1867 г. За время между первымъ открытіемъ и посѣщеніемъ склепа Тизенгаузеномъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія склепа, «нашлись, какъ говоритъ Люценко въ своемъ рукописномъ отчетѣ, искатели кладовъ или, вѣрнѣе, бродяги, которые ночью спустились въ яму (колодезь, ведшій ко входу въ склепъ), очистили ее отъ земли, сдвинули съ мѣста плиту, которой былъ закрытъ входъ, и, войдя въ катакомбу, разбили на части не только стоявшій въ ней каменный саркофагъ, но проломали полъ и нѣсколько повредили стѣнную ея живопись». Къ этому Тизенгаузенъ въ письмѣ на имя Люценка отъ 20 іюня 1867 г. прибавляетъ, что при его посѣщеніи склепа «плафонъ и находящееся на немъ фресковое изображеніе обезображено написанными на нихъ именами нѣсколькихъ лицъ, которыя, слѣдовательно, позволили себѣ самовольно вскрыть задѣланный вами входъ и повредить означенную гробницу».

Какъ поступилъ послѣ этого Люценко со склепомъ, неизвѣстно. Послѣ посѣщенія склепа Тизенгаузеномъ, насколько мнѣ извѣстно, его никто болѣе не посѣщалъ, и всѣ усилія В. В. Шкорпила вновь найти этотъ въ высшей степени интересный склепъ ни къ какимъ результатамъ не привели.

Приходится, поэтому, при описаніи и датировкѣ склепа и его росписи довольствоваться краткимъ упоминаніемъ о немъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1867 г., краткимъ же описаніемъ его росписи Стефани въ приложеніи къ отчету за 1868 г., а также тѣми двумя рисунками, которые помѣщены въ этомъ приложеніи. Оригиналъ этихъ рисунковъ, несомнѣнно, сдѣланный въ краскахъ, какъ показываетъ описаніе Стефани, къ сожалѣнію, въ Коммиссіи не находится. Вмѣстѣ съ другими оригиналами, переданными въ литографію Медвѣдева для репродукціи, онъ, очевидно, въ Коммиссію возвращенъ не былъ, и послѣ разоренія Медвѣдева былъ проданъ вмѣстѣ съ остальнымъ его имуществомъ букинистамъ Александровскаго рынка.

Данныя этого рисунка пополняются черновыми набросками Гросса, хранящимися въ архивѣ Керченскаго музея, среди которыхъ находится и набросокъ плана гробницы, воспроизводимый на рис. 30, и эскизы съ росписи съ указаніемъ красокъ отдѣльныхъ ея частей, воспроизводимые на табл. XLVIII, 1, XLIX и L. Листовъ съ этими набросками имѣется семь: 1) планъ склепа; 2) южная, восточная и западная стѣны въ развернутомъ видѣ (табл. XLVIII, 1); 3) два наброска сѣверной стѣны со входной дверью (одинъ—табл. L, 2); на оборотѣ одного изъ нихъ

два изображенія головы въ плафонѣ, одно съ указаніемъ красокъ и изображеніемъ всѣхъ окружающихъ голову цвѣтовъ, другое—одно только лицо въ карандашѣ (табл. XLIX, 2); 4) набросокъ съ южной стѣны съ указаніемъ красокъ всѣхъ частей росписи, включая большую композицію (табл. XLIX, 1); 5) детальный рисунокъ съ западной стѣны; на оборотѣ точные промѣры склепа (табл. XLIX, 3); 6) детальный рисунокъ восточной стѣны, особенно ниши саркофага, съ указаніемъ красокъ росписи люнетки (табл. L, 1). На всѣхъ рисункахъ указаны размѣры отдѣльныхъ частей.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа рисуется по сохранившимся даннымъ въ слѣдующемъ видѣ. Склепъ не былъ сложенъ изъ камней, а высѣченъ «на уровнѣ земли въ слоѣ плотной глины». Входъ въ склепъ былъ заложенъ большой плитой; къ нему, вѣроятно, вели съ поверхности земли ступеньки, вырѣзанныя въ грунтѣ. Впрочемъ, объ этомъ Люценко не говоритъ и планъ этой подробности не указываетъ. Потолокъ склепа имѣлъ форму ложнаго коробоваго свода «съ мягкимъ склономъ». Судя по рисункамъ, въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ были сдѣланы широкія ниши во всю высоту стѣны, нѣчто вродѣ алъ въ атріяхъ римскихъ домовъ. Въ лѣвой изъ этихъ нишъ стоялъ «саркофагъ изъ известняка, сдѣланный изъ одного куска, съ цилиндрической крышкой изъ того же матеріала». Стѣна подъ этой нишей, судя по рисунку, была сильно повреждена уже при открытіи.

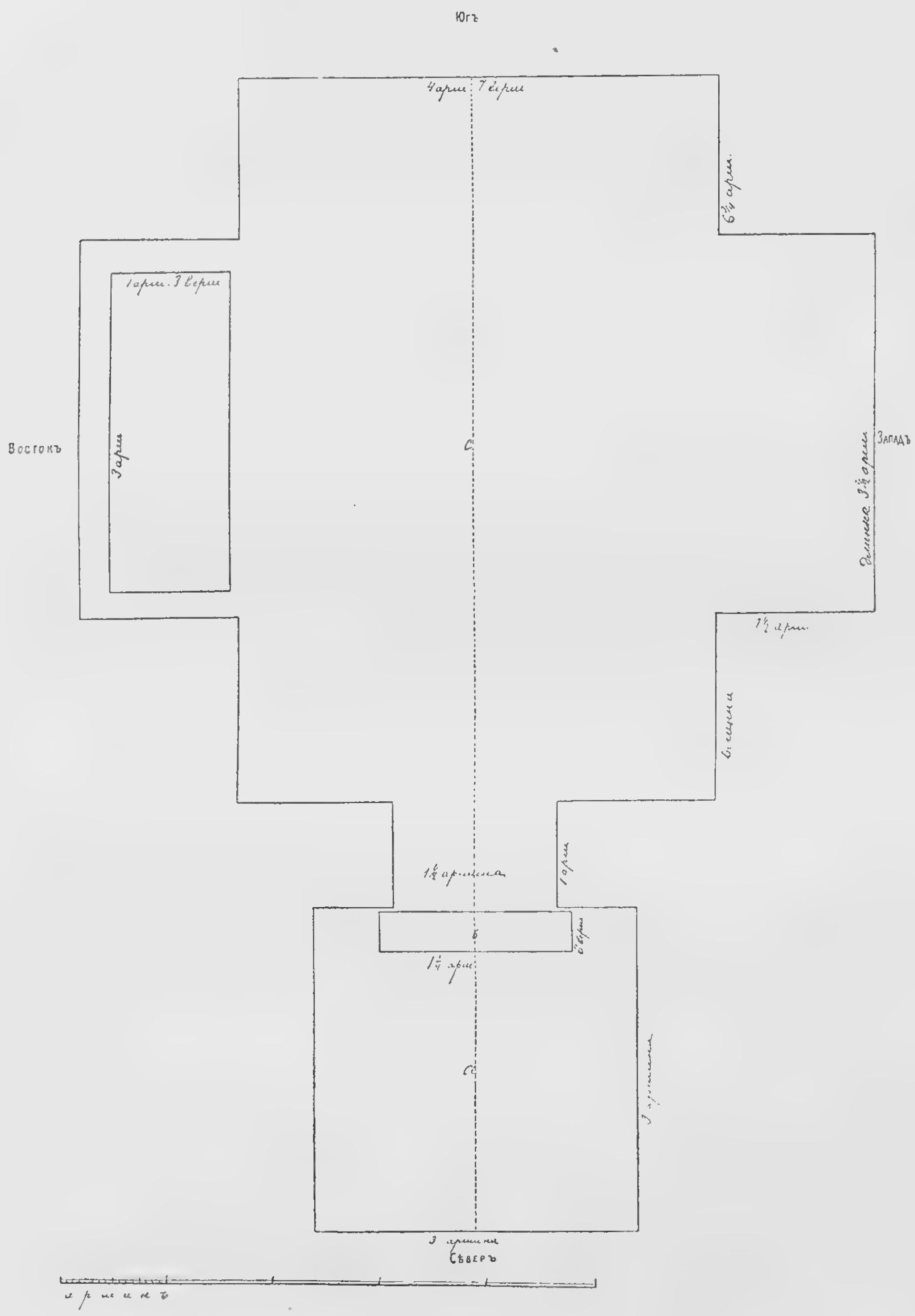


Рис. 30. Планъ склепа Алкима Гегесиппова.

Въ противоположной (правой нишѣ) ничего найдено не было. Возможно, что въ ней стоялъ одинъ или нѣсколько деревянныхъ гробовъ, остатки которыхъ найдены были при открытіи разграбленнаго склепа на полу. Возможно, однако, и то, что эти остатки деревянныхъ гробовъ свидѣтельствуютъ о вторич-

номъ использованіи склепа спустя долгое время послѣ его постройки и росписи, какъ мы это наблюдали въ склепѣ, открытомъ въ 1852 г.

Надъ нишей вырѣзана была въ глинѣ надпись: ΑΛΚΙΜΟΣ ΗΓΗΣΙΠΟΥ (Ios. P. E. II, 120).

Въ тѣхъ же боковыхъ стѣнахъ между входомъ и большими нишами сдѣланы были въ верхней части стѣны небольшія ниши съ плоскосводчатымъ покрытіемъ. Двѣ другія подобныя же ниши, нѣсколько большихъ размѣровъ, вырѣзаны были въ люнеткѣ задней стѣны, причемъ ниши эти прорѣзываютъ фризъ стѣнной декоровки этой части камеры, роспись же люнетки къ нимъ прикомпонована.

На сѣв. стѣнѣ, направо отъ входа, въ глинѣ же вырѣзана была монограмма (см. табл. L, 2) [1]).

Изъ описанія склепа нельзя заключить съ точностью, былъ ли онъ оштукатуренъ или нѣтъ. Изъ него явствуетъ только, что роспись люнетки и свода (?) были сдѣланы прямо по глинѣ.

Роспись склепа.

Схема *декоровки*, судя по описанію и рисункамъ, такова: надъ поломъ идетъ узкая полоса, цвѣтъ которой не засвидѣтельствованъ,—панель; надъ ней довольно низкій цоколь, сплошь мраморированный темными пятнами по коричневому фону и не раздѣленный на квадры; выше цоколя пять рядовъ квадровъ, расположенныхъ по системѣ псевдо-исодомной кладки: чередуются три ряда высокихъ и два ряда сравнительно низкихъ квадровъ одинаковой ширины. Зеркало квадровъ—коричневаго цвѣта, рамка ихъ—черная. Дѣленіе на квадры захватываетъ и стѣны обѣихъ большихъ нишъ.

Надъ послѣднимъ рядомъ квадровъ идетъ широкій фризъ. На южной стѣнѣ его центральная часть между двумя упомянутыми уже нишами заполнена тремя какъ бы подвѣшенными за концы гирляндами. Средняя гирлянда сдѣлана въ типѣ гирляндъ, съ которыми намъ еще часто придется встрѣчаться: ее образуютъ два ряда темнозеленыхъ острыхъ листьевъ, вѣроятно, хвои, сходящіеся въ центрѣ. Были ли въ эту гирлянду вплетены цвѣты и фрукты, какъ въ гробницѣ 1891 г., неизвѣстно: рисунокъ Гросса не говоритъ ни за, ни противъ. На гирляндѣ въ центрѣ сидитъ обычная птица влѣво; туловище ея красное, хвостъ синій.

Двѣ боковыя гирлянды повторяютъ, судя по рисункамъ Гросса, опять-таки знакомый намъ типъ, съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться. Это—гирлянда, составленная изъ розоваго плетенія и перевязанная широкою теніею того же цвѣта, образующею надъ нею богатый стилизованный бантъ.

Однѣми теніями этого типа или, можетъ быть, стилизованными разводами, или побѣгами краснаго цвѣта заполнены части фриза нижней стѣны, между углами и нишами. На боковыхъ стѣнахъ фризъ орнаментованъ тѣмъ же способомъ: чередуются гирлянды изъ хвои темнозеленаго цвѣта и теніи или стилизованные побѣги краснаго цвѣта: по обѣ стороны обѣихъ нишъ помѣщено по одной гирляндѣ и одной теніи. На входной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ двери изображено по одной гирляндѣ между двумя теніями.

Надъ фризомъ, отдѣляя его отъ люнетокъ, идетъ довольно широкая зеленая полоса.

---

[1]) Позволительно думать, что эта монограмма, нацарапанная на росписи, а не связанная съ нею органически, какъ надпись надъ одной изъ большихъ нишъ, не современна росписи и первому погребенію, а связана съ упомянутымъ выше вторымъ погребеніемъ. О гербообразныхъ знакахъ-монограммахъ подобнаго рода рѣчь будетъ ниже при разборѣ росписи Стасовскаго склепа.

Люнетка противъ входа заполнена большой фигурной композиціей. Чисто орнаментальное заполненіе даютъ люнетки боковыхъ стѣнъ, образованныхъ, какъ и въ склепѣ Анѳестерія, и въ склепѣ 1891 г., постепеннымъ пониженіемъ камеры отъ задней стѣны ко входу, благодаря чему люнетка входной стѣны значительно меньше и ниже люнетки задней южной стѣны.

Характеръ орнаментальныхъ картинъ люнетокъ западной и восточной стѣнъ позволяетъ думать, что въ идеѣ художника онѣ продолжали, въ стилизованномъ, чисто орнаментальномъ видѣ, пейзажъ картины центральной люнетки. Къ дереву, изображенному въ восточной части главной картины, примыкаетъ на восточной люнеткѣ изображеніе второго, болѣе низкаго дерева того же типа, что и дерево главной люнетки (см. ниже), затѣмъ идетъ изображеніе двухъ, обращенныхъ одна къ другой, зеленыхъ вѣтокъ, на которыхъ сидятъ гербообразно головами другъ къ другу двѣ птицы, далѣе еще одно низкое дерево и еще одна птичка влѣво, сидящая на вѣткѣ, обращенной своей верхушкой влѣво же. Тотъ же характеръ имѣетъ и картина на западной люнеткѣ. Къ изображенію луга на главной картинѣ примыкаетъ изображеніе развѣсистаго дерева, за нимъ изображеніе сидящей на землѣ птички влѣво, еще одного дерева и, можетъ быть, орнаментальныхъ зеленыхъ вѣтокъ.

Между этими двумя пейзажами или, вѣрнѣе, орнаментальными картинами боковыхъ люнетокъ развертывается богатая композиція люнетки задней стѣны.

Картина главной люнетки.

Начнемъ описаніе съ лѣвой части. Здѣсь, около лѣвой ниши, съ лѣвой ея стороны вырастаетъ большое дерево, стволъ котораго склонился влѣво. На вѣткахъ его, расходящихся во всѣ стороны, судя по рисункамъ Гросса, большія массы зеленой листвы, ничѣмъ не дифференцированной, съ неправильными очертаніями краевъ. Типъ дерева, такимъ образомъ, обычный для ранне-эллинистическаго времени (см. ниже, стр. 168). Надъ нишей, какъ бы въ отдаленіи, далеко за деревомъ изображена красноватой краской небольшая лань, испуганно бѣгущая влѣво. Центръ картины занятъ изображеніемъ четверки гнѣдыхъ лошадей, везущихъ красную колесницу съ синими колесами. На колесницѣ, несущейся влѣво, стоитъ мужчина, только что взошедшій на колесницу, въ сильномъ движеніи влѣво. Голова и корпусъ его изображены впрямь, ноги влѣво, правая рука вытянута, лѣвой онъ держитъ за талію лежащую навзничь женщину. Одѣтъ онъ въ короткій красный хитонъ и развѣвающуюся по воздуху хламиду, цвѣтовъ которой Стефани и рисунокъ Гросса не указываютъ. Схваченная имъ за талію женщина одѣта въ длинный голубой хитонъ. Руками она схватилась за голову; на головѣ, вѣроятно, вѣнокъ, теніи котораго свѣшиваются внизъ.

Надъ колесницей изображенъ нагой юноша, безкрылый, держащій въ лѣвой рукѣ возжи, правой погоняющій бичемъ лошадей. Судя по рисунку, онъ стоитъ на дышлѣ. Аналогичная фигура въ склепѣ Зайцевой витаетъ надъ лошадьми.

Въ рисункѣ поражаетъ отдаленность лошадей отъ колесницы, врядъ ли наблюденная рисовальщикомъ. Вѣроятнѣе думать о недосмотрѣ его: работалъ онъ наскоро. Подъ ногами лошадей видна зеленая поросль луга или лѣсной поляны, на которой разыгрывается сцена похищенія.

Правый уголъ люнетки заполняетъ живая группа изъ четырехъ женщинъ. Первая женщина налѣво стоитъ на колѣняхъ влѣво и собираетъ цвѣты, голова повернута назадъ, въ правой рукѣ сорванные цвѣты. Она, можетъ быть, не замѣтила похищенія, а, можетъ быть, остолбенѣла, застыла въ той позѣ, въ какой похищеніе ее застало, и вопросительно или съ мольбой смотритъ на стоящую

сзади ея женщину. Эта, набросивъ на голову голубой плащъ [1]), бросается въ погоню, очевидно, призывая на помощь.

Аналогичная группа видна далѣе вправо. Женщина вправо стоитъ, нѣсколько наклонившись къ другой; эта, стоя на колѣняхъ — въ той позѣ, въ которой она собирала цвѣты — въ изумленіи отъ совершающагося откинулась назадъ. Одежды обѣихъ (хитоны и пеплосы) окрашены Гроссомъ въ коричневый цвѣтъ.

Толкованіе сюжета.

Опредѣленіе сюжета сцены не подлежитъ никакому сомнѣнію. Передъ нами, несомнѣнно, похищеніе Плутономъ Персефоны, какъ это правильно опредѣлили уже Стефани и за нимъ Ферстеръ [2]). На нѣкоторыя детали, однако, ни тотъ, ни другой не обратили вниманія, и поэтому ихъ толкованіе частностей меня далеко не удовлетворяетъ.

Обращу вниманіе, прежде всего, на обстановку. Если даже деревья на боковыхъ люнеткахъ, примыкающихъ къ главной, являются плодомъ фантазіи рисовальщика, что весьма мало вѣроятно, то, несомнѣнно, подлинны дерево въ лѣвой части люнетки и бѣгущая лань, чѣмъ уже въ достаточной мѣрѣ мѣсто дѣйствія опредѣлено не какъ лугъ, а какъ поляна въ рощѣ. Такое опредѣленіе мѣстности находимъ мы, однако, насколько мнѣ извѣстно, только въ орфической литературѣ, а именно въ Orph. Argon. 1195 сл.: ὧν πέρι μῦθον ἅπαντ' ἔκλυες Μουσαῖε δαΐφρον | ὥς ποτε Φερσεφόνην τέρεν' ἄνθεα χερσὶ δρέπουσαν | ἐξάπαφον συνόμαιμοι ἀν' εὐρύ τε καὶ μέγα ἄλσος; ср. Foerster, l. l., ср. экскурсъ V, стр. 280 сл. Подробность эта въ извѣстныхъ мнѣ изображеніяхъ миѳа не встрѣчается и указываетъ на близкую связь оригинала нашей картины съ орфическими представленіями.

Оригинальна также безкрылая фигура нагого юноши, управляющаго лошадьми, паря надъ колесницею или, можетъ быть, стоя на дышлѣ ея. Она повторяется въ томъ же видѣ, но, несомнѣнно, какъ парящая фигура, въ люнеткѣ такъ называемаго Зайцевскаго склепа, и поэтому никакъ нельзя думать, чтобы крылья или аттрибуты Гермеса были опущены рисовальщикомъ. Ясно, такимъ образомъ, что это не Эросъ позднѣйшихъ саркофаговъ и, несомнѣнно, не Гермесъ, такъ какъ послѣдній безъ аттрибутовъ и нагимъ не изображается, а въ родственныхъ композиціяхъ всегда изображается не въ качествѣ возницы, а въ качествѣ проводника, идущаго передъ лошадьми.

Имени нашему генію я дать не могу, но думаю, что его фигура также должна быть отнесена къ области орфическихъ представленій о загробномъ царствѣ. Это — слуга Плутона, Геній Смерти, помогающій хозяину въ похищеніи души усопшаго, такъ какъ въ гробницахъ такое погребальное значеніе нашего сюжета вообще сомнѣнію подвержено быть не можетъ. Ближе всего къ нему стоитъ женская (?) безкрылая фигура на діадемѣ изъ Куль-оба (Foerster, l. l., 119), съ которой Ферстеръ (l. l., 183) сравниваетъ женскую крылатую фигуру на саркофагѣ Cavaceppi и бѣгущую передъ колесницею Плутона женскую фигуру съ двумя факелами на нижне-италійскихъ вазахъ (ibid., 241 и 244). Всѣ эти существа Foerster считаетъ за служительницу Плутона Алекто, что, однако, врядъ ли можетъ быть доказано [3]).

Всѣ эти особенности, указывающія на связь нашей картины съ орфической поэзіей, позволяютъ, можетъ быть, истолковать и третью особенность въ трактовкѣ

---

[1]) Хитонъ ея, какъ и хитонъ первой женщины, окрашенъ Гроссомъ въ коричневый цвѣтъ.

[2]) См. R. Foerster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, Stuttgart, 1874, 228 слл.

[3]) Ср. рельефъ изъ Эфеса, гдѣ надъ колесницей, запряженной ланями, также паритъ нагой мальчикъ въ хламидѣ и управляетъ ланями, см. *Jahresh. des oest. arch. Inst.*, 1904, *Beibl.*, 54 слл.

нашего сюжета, не встрѣчающуюся на родственныхъ изображеніяхъ, принадлежащихъ въ огромномъ большинствѣ къ императорскому времени.

Я имѣю въ виду группу изъ трехъ женскихъ фигуръ, собирающихъ цвѣты, и изъ женской же фигуры, бѣгущей за похитителемъ. Проще всего было бы истолковать этихъ женщинъ, согласно древнѣйшей, можетъ быть, еще доэлевзинской версіи миѳа, обработанной въ такъ называемомъ Гомеровскомъ гимнѣ, за спутницъ Коры—Океанидъ. Но возможно было бы вмѣстѣ со Стефани видѣть въ трехъ собирающихъ цвѣты фигурахъ подругъ Коры—Артемиду, Аѳину и Афродиту, собиравшихъ, согласно орфической версіи, съ нею цвѣты и не принимавшихъ, согласно той же версіи, никакого участія въ ея похищеніи [1]).

Четвертую бѣгущую фигуру мы тогда должны были бы назвать Деметрой, прибѣжавшей на крики спутницъ Коры и уже начинающей свою πλάνη, какъ это мы видимъ въ гомеровскомъ гимнѣ.

Такому толкованію, впрочемъ, противорѣчитъ отсутствіе у богинь всякихъ аттрибутовъ; за него говоритъ, можетъ быть, только сравнительно безучастное поведеніе трехъ спутницъ и возбужденность одной четвертой.

Во всякомъ случаѣ, и эта группа, стоящая одиноко среди другихъ изображеній миѳа, выдѣляетъ нашу картину изъ серіи родственныхъ изображеній римскаго времени и не даетъ намъ права только на основаніи анализа этой сцены приписать нашу гробницу римской эпохѣ, какъ это дѣлаетъ Ферстеръ.

Роспись потолка.

Кромѣ люнетки задней стѣны и боковыхъ люнетокъ, живописью заполнена только центральная часть потолка: люнетка надъ входомъ, судя по сохранившимся даннымъ, не была заполнена изображеніями. Въ центрѣ же сводчатаго потолка была нарисована голова Деметры или Коры впрямь. Волнистыя коричневыя пряди волосъ окаймляютъ голову съ двухъ сторонъ. Глаза—каріе, лицо—округлое. Фонъ для головы составляютъ окаймляющіе ее со всѣхъ сторонъ цвѣтущіе стебли трехъ типовъ: типа одиночной или двойной лиліи краснаго цвѣта, типа колокольчика или цвѣтка повилики того же цвѣта и типа распустившагося шиповника или розетки синяго цвѣта. Листья стеблей зеленаго цвѣта чередуются съ завитками синяго цвѣта. Въ общемъ, мы имѣемъ далеко не натуралистически точно переданные цвѣты, а ту ихъ форму, которая характерна и для головъ на такъ называемыхъ тарентинскихъ или апулійскихъ вазахъ, и для натуралистическаго цвѣточнаго орнамента до-римскаго эллинизма вообще. Достаточно сравнить нашъ вѣнокъ съ тѣмъ, которымъ украшена голова Цереры на извѣстной помпеянской фрескѣ или на терракоттахъ римскаго времени, чтобы уразумѣть разницу между реализмомъ послѣднихъ и стилизованнымъ натурализмомъ нашего вѣнка.

Дата склепа.

Къ какому же времени принадлежитъ наша гробница и ея живопись? Внѣшнихъ данныхъ для этого мы не имѣемъ никакихъ, такъ какъ находокъ въ гробницѣ сдѣлано не было. Остается особенно трудный въ данномъ случаѣ анализъ росписи и архитектуры. Задача наша нѣсколько облегчается тѣмъ, что, хотя памятникъ и не сохранился, тѣмъ не менѣе сохранившіяся о немъ данныя включаютъ его въ совершенно опредѣленную, очень рѣзко ограниченную, группу расписныхъ гробницъ, частью сохранившихся и могущихъ быть изученными въ оригиналахъ.

Архитектура вырѣзаннаго въ глинѣ склепа, отсутствіе въ немъ лежанокъ, уклонъ свода по направленію ко входу, заполненіе люнетокъ изображеніями, размѣщеніе нишъ меньшаго размѣра, плоскій сводъ покрытія — все это, вплоть до

[1]) См. Foerster, l. l., 42.

размѣровъ склепа, повторяется въ склепахъ Анѳестеріевомъ и открытомъ въ 1891 г. Форма склепа, очевидно, стоитъ подъ вліяніемъ склеповъ, сложенныхъ изъ камня, репродуцируя ихъ съ тѣми модификаціями, которыя вызывались устройствомъ ихъ въ слоѣ твердой глины. Особенность нашего склепа — двѣ большія ниши, напоминающія алы, мы встрѣтили уже въ склепѣ 1852 г., который, какъ и склепъ Пигмеевъ, роднитъ кромѣ того съ только-что указанной группой и система декоровки, и стиль орнаментовъ, и размѣщеніе изображеній, и стиль этихъ изображеній, и, наконецъ, гамма красокъ.

Схема декоровки нашего склепа показана на рисункѣ, какъ представляющая подражаніе настоящей исодомной кладкѣ. И склепъ 1852 г., и склепъ Пигмеевъ, и гробница Анѳестерія, и гробница 1891 г. даютъ, какъ мы видѣли и увидимъ, почти ту же схему, воспрозводя псевдо-исодомную кладку. Мы видѣли, что въ наиболѣе простыхъ формахъ декоровки Делосскихъ домовъ наша система подражанія исодомной или псевдо-исодомной кладкѣ встрѣчается постоянно. Фризъ надъ подражаніемъ псевдо-исодомной кладкѣ ведетъ насъ опять-таки къ той же группѣ декоровокъ, о которой только что была рѣчь, и черезъ нихъ къ декоровкамъ типа склепа Б. Близницы, гдѣ фризъ надъ неоштукатуренной каменной кладкой также заполненъ былъ растительными орнаментальными мотивами. Разница здѣсь та, что къ мотиву побѣга присоединился мотивъ гирлянды, что указываетъ на значительно болѣе позднее время.

Хотя мнѣ и не удалось видѣть рисунка въ краскахъ, который былъ снятъ своевременно съ росписи гробницы и былъ извѣстенъ Стефани, тѣмъ не менѣе даже неполныя свѣдѣнія Стефани и наброски Гросса позволяютъ сказать съ несомнѣнностью, что краски фигурной части росписи, за исключеніемъ деревьевъ и, можетъ быть, цвѣтовъ, были не натуралистичны, а условны, съ преобладаніемъ синяго, краснаго и розоваго, т. е., какъ разъ тѣхъ красокъ, которыя такъ ярко характеризуютъ какъ гамму красокъ склеповъ 1852 г. и Пигмеевъ, такъ особенно, какъ увидимъ ниже, гамму красокъ двухъ родственныхъ нашей и по архитектурѣ камеръ Анѳестерія и 1891 г. Характернымъ признакомъ послѣдней группы, отличающимъ ее отъ первой и свойственнымъ, судя по описанію Стефани, и нашей гробницѣ, является, кромѣ общей всѣмъ гробницамъ условности красокъ, преобладаніе неясныхъ, блѣдныхъ цвѣтовъ: розоваго, голубого, блѣдно-зеленаго.

Со склепами 1852 и 1832 г.г. и черезъ нихъ со склепомъ Б. Близницы роднитъ нашу камеру и размѣщеніе фигурныхъ изображеній въ центрѣ свода и люнеткахъ. Голова Деметры въ центрѣ свода многимъ напоминаетъ такую же голову въ склепѣ Б. Близницы, причемъ обрамляютъ голову цвѣты совершенно тѣхъ же типовъ; разница только та, что голова въ нашемъ склепѣ приближается уже къ типу головы-маски, какъ орнаментальныя головы Медузы, теряя живость и натуралистичность бюста въ склепѣ Б. Близницы. Помѣщеніе же главнаго сюжета въ люнеткѣ задней стѣны сближаетъ нашъ склепъ не только со склепами 1832 и 1852 г.г., но черезъ нихъ и со склепомъ III в. до Р. Хр., открытымъ въ Македонской Ѳракіи Kinch'омъ, гдѣ фигурное изображеніе также помѣщено исключительно только въ люнеткѣ задней стѣны камеры. Разнитъ отъ нашего всѣ три названные склепа только содержаніе изображенія не чисто орнаментальнаго характера, какъ въ склепѣ 1832 г., не реалистически-религіознаго, какъ склепѣ 1852 г., гдѣ покойникъ изображенъ въ героизированномъ видѣ за своими обыденными занятіями, а чисто религіозное съ явными вліяніями орфизированнаго элевсинскаго культа и мистерій Деметры.

То же размѣщеніе фигурныхъ сюжетовъ мы найдемъ и въ гробницахъ Анѳестерія и 1891 г., съ тѣмъ же присоединеніемъ къ люнеткѣ задней стѣны люнетокъ стѣнъ боковыхъ. Наконецъ, насколько можно судить о стилѣ изображеній по сохранившемуся рисунку, онъ идентиченъ со стилемъ вышеуказанныхъ гробницъ. Та же живость реалистической трактовки, то же стремленіе фиксировать движеніе, тотъ же драматизмъ концепціи.

Характерными особенностями нашей картины является, во-первыхъ, подчеркнутый пейзажный элементъ въ видѣ деревьевъ и луга, лани и перспективнаго обозначенія почвы и, кромѣ того, что еще болѣе важно, размѣщеніе фигуръ въ этомъ пейзажѣ перспективно въ нѣсколько плановъ, что даетъ группѣ въ правой сторонѣ картины характеръ большой живости и единства. Характерно при этомъ также, что пейзажъ отнюдь не архитектурный, что элементы его—только земля и деревья [1]).

Принимая во вниманіе всѣ указанныя особенности, а также добытую анализомъ архитектурныхъ, декоративныхъ и живописныхъ формъ датировку склеповъ 1832 и 1852 г.г., мы вправѣ будемъ датировать и декоровку нашего склепа почти тѣмъ же временемъ, что и декоровку упомянутыхъ камеръ. Большее развитіе сюжета и большая нѣжность красокъ, наконецъ, форма буквъ надписи говорятъ, однако, за то, что, будучи въ общемъ одновременною упомянутымъ склепамъ, наша камера, вѣроятно, нѣсколько позднѣе ихъ. Ее можно отнести къ послѣднимъ десятилѣтіямъ до или первымъ по Р. Хр.

Если наша датировка правильна, то роспись камеры пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе не только для исторіи декоративной живописи, но и для исторіи живописи вообще. Помимо того, что мы имѣли бы наиболѣе ранній послѣ вазовой живописи примѣръ трактовки сюжета похищенія Коры въ тѣхъ формахъ, въ какихъ этотъ сюжетъ, очевидно, вылился въ эпоху эллинизма, наша картина важна была бы и какъ рѣдкій примѣръ большой живописной композиціи эпохи поздняго эллинизма, композиціи независимой отъ тѣхъ теченій, которыя возобладали въ I в. до Р. Хр. въ южной Италіи и которыя знакомы намъ по живописи Помпей. Дѣйствительно, съ классицистической манерой большинства картинъ II-го стиля у нашей картины нѣтъ ничего общаго, не родственна она и тому теченію, которое дало пейзажныя картины III-го стиля; передъ нами явный дериватъ общеэллинистической манеры III—II в.в. до Р. Хр., какъ она намъ знакома, главнымъ образомъ, по вазамъ этого времени, та же манера, которую мы видѣли въ склепѣ Пигмеевъ 1832 г. Развитой пейзажъ и размѣщеніе фигуръ въ пространствѣ показываютъ, что и этой манерѣ не чужды были пріобрѣтенія послѣ-Полигнотовской живописи, но большая близость манеры трактовать пейзажъ и перспективу къ такимъ памятникамъ, какъ древнѣйшіе вотивные рельефы, фризъ Телефа, древнѣйшіе живописные рельефы, позднѣйшія краснофигурныя вазы, чѣмъ къ памятникамъ, гдѣ впервые расцвѣтаетъ перспективный архитектурный пейзажъ, позволяетъ намъ вывести нашу картину прямымъ путемъ отъ этихъ древнихъ образцовъ безъ всякаго вліянія тѣхъ теченій, которыя въ декоративной живописи тѣсно связаны съ развитіемъ такъ называемаго второго или архитектурнаго стиля. Какъ въ схемѣ

[1]) Форма деревьевъ, насколько позволяетъ судить рисунокъ, совершенно та же, что и въ склепахъ Анѳестерія и 1891 г., т. е. форма деревьевъ эллинистическихъ, гдѣ листва намѣчена большими массами и главное въ деревѣ, его оссатура—стволъ и вѣтки, см. Rostowzew, Die hell.-röm. Architekturlandschaft, 101 сл. Говорить о породѣ деревьевъ поэтому невозможно. И деревья натуралистичны, но условны. Иное уже въ пейзажѣ такъ называемаго II-го помпеянскаго стиля.

декоровки, такъ и въ фигурной живописи этотъ стиль въ греческихъ колоніяхъ юга Россіи никакихъ слѣдовъ въ занимающее насъ время не оставилъ.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1867 г., стр. VI слл.; Стефани, *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1868 г., *Приложеніе,* стр. 114 слл. и рис. на стр. 114; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 30 (на стр. 29 и 31, рис. 30 и 31 повторены рисунки Отчета); Кулаковскій, *Матеріалы по археологіи Россіи,* 19, стр. 6, рис. 1 и 2 (воспроизводитъ рисунки Отчета); Watzinger, Die griechischen Holzsarkophage, стр. 59, № 55 (датируетъ попутно гробницу эллинистическимъ временемъ). Журналъ раскопки, составленный Люценкомъ, на который имѣются ссылки въ текстѣ, изданъ въ 1912 г. В. В. Шкорпиломъ въ *Извѣстіяхъ Таврической уч. арх. Коммиссіи,* № 47 (Изъ архива Керченскаго музея древностей, VI).

XV. Склепъ Анѳестерія Гегесиппова (1877 г.).

(Табл. LI, рис. 31).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ открытъ 11 іюня 1877 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится дворъ керченскаго мѣщанина Александра Пшеничнаго, на юго-восточномъ углу 1-й Нагорной и 2-й Подгорной улицъ, д. № 8 (см. табл. I, № 11) [1]). Послѣ открытія склепа, снятія плана и изготовленія копій съ фресокъ никакихъ мѣръ къ охранѣ склепа принято не было, участокъ земли, на которомъ онъ находился, перешелъ въ частное владѣніе Власія Ермакова, который, боясь, что изъ-за фресокъ склепа его владѣніе усадьбой подвергнется риску, соскребъ всю живопись желѣзной лопатой, а изъ самого склепа сдѣлалъ себѣ погребъ. Когда лѣтомъ 1891 г. профессоръ Кулаковскій вновь отыскалъ этотъ склепъ, тотъ же Ермаковъ, очевидно, боясь отвѣтственности за порчу живописи, проломилъ сверху сводъ склепа и засыпалъ его землей и мусоромъ. Въ 1908 г. склепъ, по моей просьбѣ, былъ очищенъ В. В. Шкорпиломъ, причемъ снята была фотографія съ надписи, склепъ вновь былъ измѣренъ и провѣрена была по мелкимъ остаткамъ росписи правильность и точность красокъ рисунковъ Гросса, воспроизведенныхъ въ Атласѣ Отчета Коммисіи.

Основными данными для ознакомленія съ архитектурой и росписью склепа являются, такимъ образомъ, сдѣланные при открытіи планъ и разрѣзы склепа, а также копіи съ фресокъ, сдѣланныя Гроссомъ и воспроизведенныя на табл. I Атласа за 1878—79 г.г., рис. 1, 2, 3 и 4 (см. табл. LI, 1,2 и 6) [2]). Планъ (своевременно не опубликованный) и разрѣзы (опубликованъ только одинъ, на заглавномъ листѣ Отчета за 1878—1879 г.) находятся нынѣ въ Альбомѣ рисунковъ Гросса и воспроизводятся здѣсь на табл. LI, 3—5 и рис. 31.

Оригиналы рисунковъ Гросса съ росписи гробницы, къ сожалѣнію, утеряны. Распредѣленіе живописи въ склепѣ, остававшееся неяснымъ вслѣдствіе неточности описаній и разрѣзовъ, выяснилось благодаря находкѣ В. В. Шкорпиломъ въ дѣлахъ Керченскаго музея черновыхъ набросковъ Гросса, только частью использованныхъ послѣднимъ для составленія разрѣзовъ.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа во многомъ напоминаетъ архитектуру склепа Алкима. И здѣсь мы имѣемъ большую продолговатую камеру безъ лежанокъ съ нишами въ двухъ боковыхъ и задней стѣнахъ, и здѣсь камера крыта плоскимъ сводомъ, и здѣсь высота ея уменьшается по направленію отъ задней ко входной стѣнѣ, почему люнетка передней стѣны значительно ниже люнетки задней, и здѣсь, благодаря уклону потолка, на боковыхъ стѣнахъ получается по узкой и длинной треугольной люнеткѣ, и здѣсь, наконецъ, живопись размѣщена, главнымъ образомъ,

[1]) Участокъ № 414а на планѣ Керченской управы.

[2]) Нынѣ отъ фресокъ сохранились только жалкіе остатки: голова послѣдней лошади, синія пятна камзоловъ обоихъ всадниковъ, неясные контуры кибитки и копья, остатки фигуры направо отъ входа (середина тѣла, рука съ кошелемъ и низъ кадуцея).

въ люнеткѣ задней стѣны съ продолженіемъ ея въ люнеткѣ, или, можетъ быть, люнеткахъ боковыхъ стѣнъ. Помѣщеніе нѣкоторыхъ изображеній въ квадрахъ средней части стѣны находитъ себѣ аналогію въ декоровкахъ склеповъ 1832 и 1852 г.г.

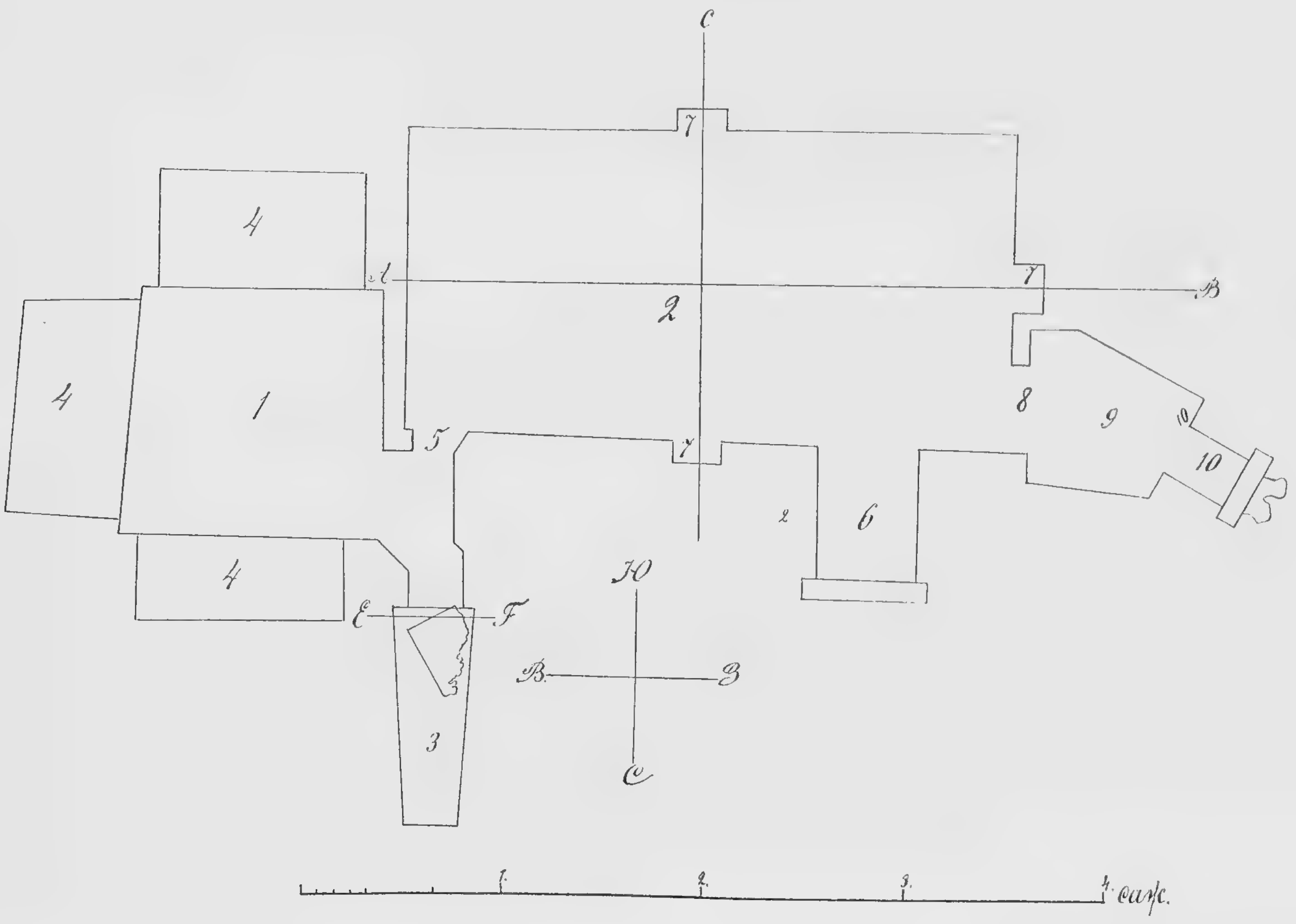


Рис. 31. Планъ склепа Анѳестерія Гегесиппова.

Разнится наша камера отъ камеры Алкима, главнымъ образомъ, тѣмъ, что главный входъ въ нее сдѣланъ не въ одной изъ короткихъ стѣнъ, восточной или западной, а въ одной изъ длинныхъ—въ сѣверной стѣнѣ камеры (№ 6 на планѣ). Сюда, къ этому входу, заваленному, по обыкновенію, плитой, съ поверхности земли вели обычныя ступени.

Кромѣ этого входа, въ камеру ведетъ еще одинъ проходъ (№ 8 на планѣ) неправильной формы, соединяющій нашъ склепъ съ сосѣднимъ маленькимъ, неправильной же формы, склепомъ, къ нему примыкающимъ (№ 9, 10). На мой взглядъ, этотъ входъ въ задней стѣнѣ, уничтожившій часть главной люнетки, несовременenъ постройкѣ и росписи камеры. Это я вывожу какъ изъ неправильной формы самого прохода, такъ и изъ того, что онъ перерѣзываетъ декоровку люнетки, отхвативъ часть квадры и уничтоживъ часть корпуса третьей лошади или жеребенка.

Не скрою, однако, что скульпторы надгробныхъ стелъ въ аналогичныхъ сценахъ при недостаткѣ мѣста часто изображаютъ только половину второй лошади и вообще не стѣсняются изображать только часть фигуры. Въ данномъ случаѣ, однако, нужды въ этомъ абсолютно никакой не было. Если бы дверь существовала тогда, когда расписывали главную люнетку склепа, художнику ничего не стоило бы, придвинувъ двухъ лошадей къ нишѣ и приблизивъ третью къ переднимъ, дать всю лошадь, а не одну только переднюю половину. Сумѣлъ же онъ прекрасно прикомпоновать картину къ центральной нишѣ люнетки. Возможно, поэтому, что

первоначально роспись продолжалась до угла люнетки и, можетъ быть, кончалась деревомъ и съ этой стороны.

Для меня вѣроятно поэтому, что склепъ нашъ былъ въ употребленіи долгое время. Когда въ немъ стало тѣсно, прикупленъ былъ сосѣдній участокъ или готовый склепъ и соединенъ со старымъ широкимъ проходомъ, разрушившимъ часть росписи главной люнетки.

Размѣры склепа, нишъ, дверей и отдѣльныхъ частей декоровки видны изъ плановъ и разрѣзовъ. Сравнительную точность первыхъ промѣровъ подтвердили мои промѣры 1908 г., къ сожалѣнію, неполные, такъ какъ склепъ не стоило очищать цѣликомъ.

Роспись склепа.

Схема росписи, сдѣланной по тонкому слою штукатурки, намъ уже въ достаточной мѣрѣ знакома. Надъ цоколемъ (цвѣтъ его ни въ описаніи, ни въ аквареляхъ Гросса не указанъ; на наброскахъ, хранящихся въ Керченскомъ музеѣ, цоколь восточной стѣны вымазанъ свѣтло-коричневой краской) или панелью идетъ подражаніе псевдо-исодомной кладкѣ на сѣровато-бѣломъ фонѣ, всего четыре ряда квадровъ,—два ряда узкихъ и длинныхъ внизу и, чередуясь съ ними, два ряда широкихъ, почти квадратныхъ, вверху. Между собою квадры раздѣлены черными линіями; зеркало каждой квадры обведено красной линіей. Отъ люнетокъ эту псевдо-исодомную кладку отдѣляетъ широкая коричневая полоса, обрамленная двумя красными линіями; полоса эта замѣняетъ архитравъ или фризъ.

Надъ нишей западной стѣны, люнетка которой украшена живописью, острымъ орудіемъ вырѣзана была, теперь сильно пострадавшая, надпись: ΑΝΘΕϹΤΗΡΙΟϹ ΗΓΗ|ϹΙΠΠΟΥΟΚΑΙ|ΚΤΗϹΑΜΕΝΟϹ—Ἀνθεστήριος Ἡγησίππου ὁ καὶ Κτησαμενός (Латышевъ, Ios. P. E. II, 123), т. е. Анѳестерій Гегесипповъ, онъ же Ктесаменъ (объясненіе Стефани, *Прилож. къ Отчету* за 1878-79 г.г., стр. 5 слл.—«онъ же и пріобрѣвшій», т. е. усыпальницу, отвергнуто Латышевымъ по почину Куманудиса, Ἐφ. ἀρχ., 1884, 126).

Картина въ люнеткѣ.

Главное изображеніе заполняетъ люнетку задней западной стѣны и прикомпоновано къ нишѣ и надписи надъ ней, т. е., несомнѣнно, одновременно обѣимъ, какъ, конечно, и вся декоровка стѣны (табл. LI, 6). Картина, здѣсь написанная, очень искусно и живо составлена изъ мотивовъ обычныхъ для греческихъ надгробныхъ стелъ, спеціально для стелъ Пантикапея, гдѣ онѣ входятъ въ обиходъ, главнымъ образомъ, начиная съ эллинистическаго времени. Это, во-первыхъ, мотивъ такъ называемой загробной трапезы, во-вторыхъ, мотивъ выѣзда всадника со слугою, какъ мы его встрѣтили уже въ гробницѣ 1852 г. Характерно, однако, что въ нашей гробницѣ оба мотива не соединены механически, а слиты органически въ жанровую реалистическую картинку, изображающую, не безъ условности, сцену изъ реальной дѣйствительности, изъ жизни погребеннаго съ цѣлымъ рядомъ бытовыхъ подробностей изъ области, главнымъ образомъ, внѣшней обстановки жизни и костюма изображенныхъ лицъ.

Всецѣло къ условно трактованнымъ частямъ принадлежитъ изображеніе хозяйки дома, сидящей на высокомъ деревянномъ креслѣ-тронѣ со скамеечкой подъ ногами. Кресло врядъ ли правильно скопировано Гроссомъ. Несомнѣнно, что въ оригиналѣ, какъ на всѣхъ надгробныхъ стелахъ съ этимъ сюжетомъ, спинка кресла не сливалась съ ножками сидѣнья, какъ на рисункѣ, а показанъ былъ выступъ сидѣнья и переднія ножки кресла, закрывавшія заднія. Кресло сдѣлано, судя по рисунку, изъ грубыхъ брусьевъ, ножки выточены грубо и къ низу расширяются, спинка выкрашена въ голубой цвѣтъ, дерево выдержано въ натуральномъ желто-коричневатомъ тонѣ. Рама и ножки скамейки также натуральнаго цвѣта дерева.

Женщина, сидящая на этомъ креслѣ впрямь одѣта въ розовый, закрывающій даже ступни ногъ, хитонъ съ двумя параллельными, идущими до низу, полосками-прошивками темно-коричневаго цвѣта. Поверхъ хитона надѣтъ гиматій того же розоваго цвѣта, накинутый и на голову и спускающійся ниже колѣнъ.

Около сидящей женщины слѣва стоитъ сохранившаяся только наполовину фигура дѣвочки или дѣвушки впрямь, одѣтой въ длинный бѣлый хитонъ съ двумя вертикальными черными прошивками и въ голубой гиматій. Справа другая дѣвочка, сохранившаяся цѣликомъ, впрямь, въ длинномъ голубомъ хитонѣ съ двумя вертикальными черными полосами и въ бѣломъ гиматіи, не закрывающемъ ни головы, ни шеи, ни верха груди. Волосы на головѣ распущены и спадаютъ прядями на плечи. Около сидящей женщины слѣва возвышается войлочная, буро-коричневая палатка или кибитка формы двухъ поставленныхъ одна на другую усѣченныхъ пирамидъ. Держится кибитка, какъ усмотрѣлъ уже въ своемъ описаніи Стефани, на деревянномъ остовѣ, главнымъ образомъ, вѣроятно, на четырехъ столбахъ, кончающихся шишками, соединенныхъ вверху поперечными брусьями, образовывавшими, какъ опять-таки замѣтилъ Стефани, отверстіе въ верхней части кибитки, черезъ которое проникалъ свѣтъ и воздухъ, когда дверь кибитки была завѣшена. Изъ отверстія въ верхней части кибитки торчитъ наклонно шестъ съ доской на концѣ. Возможно, что этою доскою прикрывали, какъ думаетъ Стефани, отверстіе въ кибиткѣ во время дождя или палящаго полуденнаго зноя.

Въ кибитку ведетъ полукруглое отверстіе безъ двери, очевидно, затягивавшееся ковромъ. Въ отверстіе виденъ голубой помостъ или возвышеніе, нѣчто вродѣ тахты, на которой сидятъ впрямь двѣ неясныя фигуры въ розовыхъ платьяхъ.

Къ столбамъ и перекладинѣ кибитки прислонено очень длинное копье съ голубымъ наконечникомъ. Древко его упирается въ дерево, на которомъ виситъ на ремнѣ голубой горитъ въ коричневой оправѣ; въ немъ такъ называемый скиѳскій лукъ обычной формы.

Вторая часть картины развертывается направо отъ сидящей женщины. Къ юртѣ и сидящей женщинѣ подъѣзжаетъ на темно-гнѣдой или караковой лошади, съ двумя бѣлыми пятнами на груди и на крупѣ, безбородый, простоволосый всадникъ влѣво. Лошадь взнуздана и осѣдлана. Изъ-подъ задней луки сѣдла свѣшиваются двѣ розовыя ленты [1]).

Всадникъ сидитъ на сѣдлѣ безъ стремянъ, правая нога выдвинута впередъ [2]). Одѣтъ онъ въ мягкіе сапоги натуральнаго цвѣта кожи, вѣроятно, кожаные же штаны и голубой камзолъ, обшитый большими свѣтлыми бляшками. Въ таліи камзолъ подпоясанъ. Онъ, очевидно, служилъ чѣмъ-то вродѣ легкаго панцыря [3]). Въ правой вытянутой рукѣ всадникъ держитъ, вѣроятно, нагайку, въ лѣвой — поводья и, судя по рисунку, нѣсколько загнутую саблю. Уже способъ держать эту «шашку» въ одной рукѣ съ поводьями вызываетъ большія сомнѣнія, еще бóльшія—ея форма. И въ данномъ случаѣ точность рисунка можетъ быть подвергнута основательному сомнѣнію [4]).

---

[1]) О значеніи этихъ лентъ рѣчь будетъ ниже.

[2]) Эта подробность типична и для надгробныхъ стелъ, см. ниже.

[3]) На стелахъ поверхъ камзола обыкновенно развѣвается плащъ, см. ниже. Точность воспроизведенія камзола на рисункѣ Гросса мнѣ, впрочемъ, очень сомнительна.

[4]) На стелахъ всадникъ въ одной рукѣ чаще всего держитъ нагайку или копье, въ другой только поводья. Мечъ и горитъ съ лукомъ обыкновенно прикрѣплены къ сѣдлу (мечъ часто къ гориту). На томъ мѣстѣ, гдѣ у нашего всадника прикрѣплена «шашка», на стелахъ обыкновенно изображается короткій (второй) мечъ или кинжалъ. См. ниже.

Между сидящей женщиной и дѣвушками съ одной стороны и всадникомъ съ другой изображенъ мальчикъ, идущій ему навстрѣчу и держащій въ рукахъ голубую гидрію безъ ручекъ. Одѣтъ онъ, судя по рисунку, въ розовый камзолъ, красные (?) штаны и черные башмаки (?).

За всадникомъ, по другую сторону ниши, изображенъ другой всадникъ на свѣтло-гнѣдой или буланой лошади съ такимъ же сѣдломъ, что и у первой лошади. Одѣтъ всадникъ, какъ и первый, въ голубой камзолъ, мягкіе сапоги и, вѣроятно, штаны; въ правой рукѣ держитъ наперевѣсъ длинное копье съ синимъ наконечникомъ, въ лѣвой, поводья своей и второй, также осѣдланной лошади, которую онъ ведетъ на поводу и къ сѣдлу которой, вѣроятно, прикрѣплены виднѣющіеся между двумя лошадьми концы двухъ повязокъ или ремней. Сзади бѣжитъ еще одна рыжая лошадь или жеребенокъ, изображенная, какъ это часто бываетъ на стелахъ, только на половину, безъ узды и сѣдла.

Къ лѣвой части картины примыкаетъ сцена на лѣвой длинной стѣнѣ противъ входа (табл. LI, 1). Изображены двѣ лошади — зеленая и гнѣдая, безъ сѣделъ и уздечекъ, около дерева. Гнѣдая—влѣво, зеленая — вправо. Дерево, какъ и упомянутое, состоитъ изъ ствола, большой обрубленной вѣтви и трехъ расходящихся въ видѣ вѣера вѣтвей. Листья обозначены условно: это либо большія группы листвы, изображенныя каждая въ видѣ большого листа, либо непомѣрно большіе листья, схематически окаймляющіе вѣтку.

Къ группѣ около юрты принадлежитъ и изображеніе на второй отъ угла квадрѣ. Здѣсь, въ правомъ ея углу, нарисованъ мальчикъ въ свѣтломъ камзолѣ и штанахъ, стоящій вправо, съ глиняной красноватой гидріей въ рукахъ. Передъ нимъ столъ, на немъ два или три сосуда: двѣ голубыхъ кружки разной высоты и, можетъ быть, стаканъ или другой какой-либо предметъ (жертвенное печенье ?) коричневаго цвѣта.

Анализъ картины.

Вся описанная выше картина въ высшей степени интересна. Впервые мы встрѣчаемся здѣсь съ доминирующей ролью въ фигурной росписи гробницы тѣхъ сценъ, которыя, главнымъ образомъ, изображались на надгробныхъ стелахъ и здѣсь вылились въ совершенно опредѣленныя каноническія схемы. Уже въ склепѣ 1852 г. мы имѣли въ главной люнеткѣ одну изъ такихъ сценъ—сцену выѣзда. Здѣсь передъ нами три сцены, и всѣ въ тѣхъ каноническихъ формахъ, въ какихъ мы ихъ встрѣчаемъ и на надгробныхъ стелахъ, главнымъ образомъ, пантикапейскихъ.

Мы имѣемъ, во-первыхъ, сцену сидящей на тронѣ женщины съ прислужницей и, можетъ быть, съ членами семьи, столъ съ прислужникомъ и реквизитами загробной трапезы, отдѣльно и самостоятельно на стелахъ не изображаемый, и, наконецъ, сцену такъ называемаго загробнаго выѣзда или возвращенія.

Но, удержавъ старыя схемы, художникъ, расписавшій нашу гробницу, проявилъ немало самостоятельности и даже творчества, прежде всего тѣмъ, что скомбинировалъ отдѣльныя части схемы или отдѣльныя схемы надгробныхъ стелъ въ одно цѣлое, связалъ ихъ между собою и поставилъ всѣ три сцены въ соотвѣтственный условно-реалистическій пейзажъ, прикомпоновавъ элементы этого архитектурнаго пейзажа къ условнымъ сценамъ выѣзда и сидящей женщины. Пейзажъ этотъ, и особенно архитектура, играютъ во всей картинѣ крупную и важную роль; его элементы до извѣстной степени даютъ тонъ всей картинѣ, и тѣмъ не менѣе они трактованы далеко не перспективно, съ довольно значительнымъ нарушеніемъ пропорцій, вызваннымъ желаніемъ подчеркнуть какъ главную сцену картины, такъ и нѣкоторыя подробности, которыя иначе (напримѣръ, горитъ)

пришлось бы изобразить въ очень маломъ масштабѣ. Характерно и то, что фигуры своей картины мастеръ разставилъ свободно по нейтральному фону, очевидно, слѣдуя привычкѣ размѣщать фигуры не въ одной плоскости, а въ пространствѣ. Умѣнье правильно размѣщать фигуры, соблюдая перспективу, сказывается особенно ярко въ изображеніи фигуръ внутри палатки и въ помѣщеніи двухъ лошадей, одна за другой.

Любопытно, кромѣ всего указаннаго, и то, что реалистичность изображенія не доходитъ до точнаго римскаго натурализма или портретности. Помимо того, что краски сплошь и рядомъ условны (зеленая лошадь!), нѣтъ никакихъ поползновеній къ полной точности изображенія: художникъ, напримѣръ, въ лошади стремится уловить только типъ строенія тѣла, и дѣйствительно улавливаетъ его очень удачно, подчеркивая главное, но вмѣстѣ съ тѣмъ условно утрируя это главное—напримѣръ, перехватъ морды лошади, ея горбоносость, перехватъ въ брюхѣ, указывающій на сухость ея сложенія, схематичность гривы и хвоста.

Условность гаммы красокъ сказывается и въ томъ, что мастеръ для одеждъ и утвари, гдѣ онъ не былъ связанъ желаніемъ передать натуру, прибѣгаетъ съ особою любовью къ двумъ краскамъ—розовой и голубой, совершенно такъ же, какъ мастеръ гробницы Алкима, какъ, впрочемъ, и вся эллинистическая живопись.

Со склепомъ Алкима нашу гробницу роднитъ и многое другое; можно сказать болѣе, всѣ, отмѣченныя при описаніяхъ картинъ обѣихъ гробницъ, особенности стиля и живописи свойственны и тому, и другому мастеру. Невольно напрашивается мысль, что обѣ гробницы расписаны не только одновременно, но, вѣроятно, однимъ и тѣмъ же мастеромъ, можетъ быть, для двухъ братьевъ, какъ показываетъ одинаковость отчества и схожесть формъ буквъ надписей одной и другой гробницы [1]).

Дата росписи.

Особенности стиля и трактовки сюжета ведутъ насъ при ихъ анализѣ, какъ и при разборѣ живописи въ гробницѣ Алкима, во времена поздняго эллинизма. И здѣсь мы замѣчаемъ большую свободу и легкость композиціи, причемъ даны были только ея элементы, сама же композиція была дѣломъ рукъ мастера: мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ временемъ, когда умѣнье скомпоновать картину требовалось отъ каждаго живописца. И здѣсь мы имѣемъ условный, типическій реализмъ, столь свойственный эллинизму, не переходящій въ римскую портретность. Архитектурный пейзажъ не даетъ еще перспективы и plein air'a пейзажей такъ называемаго второго стиля, но уходитъ уже отъ шаблонныхъ типовъ и стремится передать, какъ это было и въ Египтѣ, и въ Малой Азіи, и въ другихъ мѣстахъ, типичныя особенности мѣстной архитектурной обстановки. Юрта нашей картины напоминаетъ съ одной стороны шалашъ на стеклянной пастѣ изъ Пергама [2]), съ другой—тѣ элементы египетской архитектуры, которые нашли себѣ пріютъ въ греческомъ искусствѣ прежде всего въ пейзажѣ со стаффажемъ изъ пигмеевъ [3]).

Типичный реализмъ въ изображеніи обстановки, людей, лошадей доведенъ въ картинѣ нашего мастера до значительной степени совершенства, переходящаго уже въ шаблонъ; съ одной стороны мастеръ далеко пошелъ за предѣлы того реализма, которымъ отличаются, главнымъ образомъ, серебряныя и золотыя издѣлія, найденныя на югѣ Россіи и принадлежащія въ своей массѣ времени никакъ не

[1]) Предположеніе о родствѣ Алкима и Анѳестерія сдѣлано уже Латышевымъ, см. Ios. P. E. II, 123.

[2]) См. Rostowzew, Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 106.

[3]) См. ibid., 152 сл.

болѣе раннему, чѣмъ III в. до Р. Хр. [1]), съ другой, однако,—если вообще позволено сравнивать дорогія произведенія хорошихъ ювелировъ съ ремесленною росписью гробницы—онъ даетъ такую сухость и рѣзкость трактовки, настолько связанъ рядомъ шаблоновъ, что не можетъ быть одновремененъ съ тѣмъ расцвѣтомъ типическаго реализма въ изображеніи экзотическихъ сюжетовъ южно-русскаго быта, который характеризуетъ упомянутыя ювелирныя вещи III в. до Р. Хр.

Въ высшей степени поучительно сравнить нашу картину съ аналогичными рельефами надгробныхъ пантикапейскихъ стелъ, на которыхъ, какъ извѣстно, изображены по одиночкѣ, а часто и попарно, тѣ же шаблонныя сцены, изъ которыхъ скомпонована и наша картина.

Роспись склепа и сюжеты надгробныхъ стелъ.

Ни одна фигура нашей картины для лицъ, знакомыхъ съ типичными фигурами надгробныхъ стелъ, не нова, не новы и отдѣльные элементы одежды и вооруженія фигуръ, абсолютно идентична ихъ художественная трактовка, наконецъ, насколько позволяютъ судить жалкіе остатки красокъ на нѣкоторыхъ стелахъ, одинакова и гамма красокъ съ преобладаніемъ цвѣтовъ розоваго и свѣтлосиняго [2]).

Характерно и то, что и сочетаніе отдѣльныхъ сюжетовъ картины между собою совершенно одинаково съ ихъ же сочетаніемъ, правда, не въ такой полнотѣ, на стелахъ.

Постараюсь подкрѣпить свое утвержденіе ссылками. На доказательство шаблонности и обычности на стелахъ женщины, сидящей на креслѣ между двумя дѣвочками или дѣвушками, не стоитъ тратить времени (см. Kieseritzky-Watzinger, B I c и d, № 212—220); также обычна и вторая составная часть—всадникъ на спокойно стоящей лошади, за которымъ ѣдетъ или стоитъ его оруженосецъ или слуга на лошади же (см. Kieseritzky-Watzinger, B IV c, 617—646); вполнѣ обычно и присоединеніе къ нимъ мальчика съ сосудомъ (см. ibid., 647 — 650); обычно, наконецъ, и соединеніе сцены сидящей женщины со сценой стоящаго всадника съ его оруженосцемъ, съ присоединеніемъ къ нимъ обычныхъ фигуръ дѣвочекъ и мальчиковъ (см. ibid., B IV g, № 653—672).

Мало того, въ трактовкѣ подробностей можно найти на стелахъ аналогіи для всѣхъ деталей нашей картины. Не буду говорить о костюмѣ и вооруженіи, объ упряжи лошадей, сѣдлахъ и трактовкѣ остриженной гривы, торчащей городками. Укажу лишь на одну характерную особенность. Мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ, что двѣ ленты, выходящія изъ-подъ сѣдла перваго всадника и, можетъ быть, изъ-подъ сѣдла второй лошади оруженосца, даютъ изображеніе той же загадочной части лошадинаго убора, которая постоянно встрѣчается и на стелахъ, и, какъ увидимъ, въ Стасовской гробницѣ: я говорю о такъ называемыхъ трехъ или четырехъ прутьяхъ (по Kieseritzky-Watzinger: Pflöcke), которые украшаютъ сѣдла обыкновенно, только конныхъ господъ (см. Kieseritzky-Watzinger, № 599 слл., 619 слл. и др.). По аналогіи съ нашей гробницей я склоненъ былъ

[1]) Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, Чертомлыцкую вазу и серію родственныхъ ей по духу, трактовкѣ и сюжету золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и другихъ произведеній торевтики. Объ ихъ датировкѣ см. Фармаковскій въ Сборникѣ въ честь гр. Бобринскаго, 45 слл. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ полностью всѣ эти интереснѣйшія произведенія древней торевтики нигдѣ не сопоставлены.

[2]) Особенно характерно сопоставленіе со стелой Kieseritzky-Watzinger, № 559, гдѣ сохранились значительные слѣды окраски. Изображенъ скачущій всадникъ съ нагайкой и горитомъ. Фонъ—синій, лошадь—коричневая, плащъ—розовый, горитъ—желтый.

бы эти три прута считать скорѣе за тройной ремень, можетъ быть, согласно предположенію Стасова, опредѣлявшій соціальное положеніе всадника [1]).

Не менѣе характерны и слѣдующія сопоставленія. Какъ и на нашей картинѣ, такъ и на нѣкоторыхъ особенно богатыхъ и тщательно сработанныхъ стелахъ I в. по Р. Хр., рядомъ съ коннымъ господиномъ, чаще всего въ нижнемъ полѣ, помѣщается изображеніе оруженосца, иногда съ копьемъ, съ одной или двумя лошадьми на поводу, см. l.l., № 606: оруженосецъ съ копьемъ и горитомъ, ведущій на поводу одну лошадь, и № 575, гдѣ оруженосецъ въ коническомъ шлемѣ держитъ на поводу двухъ лошадей, изъ которыхъ одна изображена направо (впереди) отъ него, другая налѣво и сзади; первая обозначена сѣдломъ съ тройнымъ ремнемъ, какъ смѣнная лошадь господина; за этой тройкой, какъ и въ нашей картинѣ, сзади свободно бѣжитъ большой жеребенокъ; ср. также 619 b (внизу также всадникъ, ведущій двухъ лошадей; въ рукѣ нагайка, на боку горитъ) [2]). Любопытно, что трактованы лошади во всѣхъ этихъ сценахъ и на другихъ тщательно сработанныхъ стелахъ совершенно такъ же, какъ и на нашей картинѣ.

Отмѣчу, наконецъ, что и мотивъ подвѣшеннаго горита вполнѣ знакомъ стеламъ. На той группѣ стелъ, гдѣ изображенъ юноша-эфебъ въ траурной позѣ у колонки (рядомъ обыкновенно его щитъ и копье), горитъ съ лукомъ этого эфеба часто виситъ на стѣнѣ около юноши на крюкѣ или кольцѣ (см. Kieseritzky-Watzinger, № 454, 455a, 693, 718). Всѣ эти сопоставленія какъ будто говорятъ за то, что наша роспись должна быть одновременна большей части цитованныхъ стелъ, принадлежащихъ въ огромномъ большинствѣ I в. по Р. Хр.

Такое заключеніе я, однако, считалъ бы далеко не вполнѣ убѣдительнымъ. Если фигуры, ихъ композиція, ихъ трактовка и т. д. въ нашей росписи и на стелахъ абсолютно идентичны, то это говоритъ только за то, что и тутъ, и тамъ мы имѣемъ дѣло съ окончательно уже выработавшимися шаблонами, но вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, когда эти шаблоны выработались. Между тѣмъ манера пользоваться шаблономъ отнюдь не одинакова на стелахъ и въ нашей росписи. Въ росписи она гораздо шире и свободнѣе, и не вполнѣ еще бросается тотчасъ же въ глаза печатный трафаретъ. Еще важнѣе, однако, то, что на стелахъ нѣтъ и слѣда тѣхъ элементовъ пейзажа и спеціально архитектурнаго пейзажа, о которыхъ была рѣчь выше. Въ то время, когда откуда-то, скорѣе всего изъ живописи, перенесли на стелы шаблонъ всадника и его коннаго спутника, ко всему, касающемуся пейзажа въ Пантикапеѣ среди заказчиковъ стелъ интереса, очевидно, не было, а, главное, у скульпторовъ не было умѣнья передать пейзажъ живописи въ рельефѣ. И на нашей росписи пейзажъ уже засохъ и сдѣлался шаблономъ, но онъ еще есть, и это его присутствіе говоритъ за то, что наша роспись нѣсколько старше большинства вышеприведенныхъ стелъ.

Нѣтъ надобности указывать на то, что сами шаблоны сценъ нашей росписи и стелъ значительно старше I в. по Р. Хр. Значительно старше этого времени

---

[1]) Нѣчто подобное имѣется на горитахъ скиѳовъ на вновь найденномъ въ Воронежской губерніи серебряномъ золоченомъ сосудѣ. Подробность эта до сихъ поръ для горитовъ не засвидѣтельствована, если отвлечься отъ подобнаго же украшенія на горитѣ одного изъ скиѳовъ золотой пластинки, принадлежащей г-ну Гезе въ Кіевѣ, см. A. Miller, *L'homme préhistorique,* II (1909), № 9.

[2]) Ср. № 562, гдѣ всадникъ съ копьемъ въ рукѣ ведетъ лошадь на поводу, привязанномъ къ его правой рукѣ (характерно, что эта лошадь, какъ и на нашей картинкѣ, изображена за недостаткомъ мѣста только на половину), и 565, гдѣ за такимъ же всадникомъ съ очень длиннымъ копьемъ свободно бѣжитъ вторая лошадь.

не только композиція и отдѣльныя фигуры сценъ, но и соединеніе въ одну сцену двухъ раздѣльно развивающихся сценъ, выѣзда съ одной стороны, загробной трапезы съ другой. Не стану здѣсь подробно говорить о развитіи этихъ сюжетовъ и о томъ, откуда они пришли въ Пантикапей: объ этомъ будетъ рѣчь ниже при описаніи гробницы, разрытой Ашикомъ.

Укажу, однако, уже здѣсь, что ближайшими параллелями и прототипами обѣихъ сценъ нашей росписи надо считать памятники іонійской скульптуры и росписи, сохранившіеся до нашего времени на надгробіяхъ М. Азіи, преимущественно, Ликіи (сохранились, главнымъ образомъ, рельефы, но крупную роль играла и живопись, какъ это видно хотя бы изъ того, что рельефъ памятниковъ очень плоскій и что на цѣломъ рядѣ этихъ рельефовъ сохранились значительные остатки раскраски).

Правда, въ этихъ памятникахъ сцены выѣзда болѣе рѣдки, чѣмъ сцены боя и сами по себѣ и въ соединеніи съ трапезой, но все-же ихъ имѣется нѣкоторое количество, начиная съ архаической эпохи черезъ V—IV в. до Р. Хр. вплоть до позднѣйшихъ временъ и памятниковъ римской скульптуры [1]). Я имѣю въ виду прежде всего сцены выѣзда на колесницѣ, какъ онѣ изображаются на архаическихъ кипрскихъ и ликійскихъ памятникахъ [2]), а затѣмъ на болѣе позднихъ рельефахъ гробницъ и ликійскихъ же саркофагахъ [3]).

Болѣе рѣдки сцены выѣзда на лошади. Въ соединеніи со сценой трапезы я знаю сцену выѣзда въ раннее время только въ гробницѣ Алкеты, описанной Петерсеномъ (Petersen и Niemann, Städte Pamphyliens und Pisidiens, II, 64 сл.). Впрочемъ, и эта сцена отличается какъ отъ сцены нашей гробницы, такъ и отъ соотвѣтствующей сцены большинства пантикапейскихъ стелъ тѣмъ, что лошадь представлена не спокойно стоящей или медленно двигающейся, а поднявшейся на заднихъ ногахъ въ сильномъ движеніи [4]).

Ближе къ нашимъ стеламъ стоятъ вотивные рельефы съ изображеніемъ героя-всадника, серія которыхъ въ Аттикѣ начинается съ V в. до Р. Хр. (см. Furtwängler, Coll. Sabouroff, 38 слл.). Вопросъ о мѣстѣ происхожденія этого типа до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, остается невыясненнымъ. Наиболѣе вѣроятнымъ и мнѣ, вмѣстѣ съ Фуртвенглеромъ, представляется малоазійско-ѳракійское его происхожденіе. Въ позднѣйшее время типъ всадника, иногда въ соединеніи съ трапезой, привился и на надгробныхъ стелахъ М. Азіи, Александріи, Ѳессаліи, Ѳракіи

[1]) Объ эволюціи той же и подобныхъ схемъ въ вазовой живописи, главнымъ образомъ, архаическаго періода, см. H. W. Burkhardt, Reitertypen auf griechischen Vasen, München, 1906 (дисс.), стр. 13 слл., ср. 24 слл.

[2]) См. для первыхъ Perrot et Chipiez, Hist. de l'art, III, 612 и 616; для рельефовъ изъ ликійскаго Ксанѳа C. Smith, Catalogue of greek sculpture in the Br. Mus. I, 75, № 80, гдѣ указана остальная литература.

[3]) См. извѣстный сидонскій саркофагъ сатрапа въ Константинополѣ, S. Reinach, Rép. des reliefs, I, 411 слл. Саркофаги Пайави (Smith, l. l., II, 46, № 950; Reinach, l. l., 488, 489) и Мереги (Smith, l. l. II, 53, № 951; Reinach, l. l., стр. 487) въ Британскомъ музеѣ и саркофагъ Дереймиса и Эсхила въ Вѣнѣ, Benndorf, Das Heroon von Gjölbaschi, 226; ср. этрусскія изображенія того же рода, V. Macchioro, Il simbolismo ecc., 67, 331.

[4]) Этотъ мотивъ сравнительно очень рѣдокъ на пантикапейскихъ стелахъ, см. Kieseritzky-Watzinger, № 613 (погребенный — малоазіецъ или ѳракіецъ), ср. 561 и 617. Значеніе мотива отъ этого не мѣняется: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ покойника въ образѣ героя. Эта героизація подчеркнута помѣщеніемъ всадника на пьедесталѣ (Kieseritzky-Watzinger, 661 и 686), изображеніемъ рядомъ съ нимъ собаки (ibid., 688; эллинистическое время; ср. 561, 585, 591, 604, 661 и др.). Для римскаго императорскаго времени см. B. Schröder, *Bonn. Jahrb.* 108, 51 и

и особенно Бэотіи [1]). Но нигдѣ онъ не достигъ такого расцвѣта и не сохранилъ столько іонійскихъ элементовъ, какъ на югѣ Россіи и, спеціально, въ Пантикапеѣ.

Въ высшей степени характерно, наконецъ, сопоставленіе нашего памятника съ серіей изображеній того же характера изъ гробницъ южной Италіи, главнымъ образомъ, IV в. до Р. Хр. И здѣсь сцена возвращенія героизированнаго покойника, и притомъ послѣ битвы, съ трофеями побѣды, попадается чаще, чѣмъ сцены боя и сцены отправленія въ походъ, причемъ эта сцена возвращенія соединяется, какъ и въ нашей картинѣ, съ изображеніемъ сидящей или стоящей женщины, къ которой направляется возвращающійся герой. Отличаетъ южно-италійскія изображенія отъ нашей сцены только то, что въ нихъ подчеркнуто возвращеніе побѣдителя съ боя, чего въ нашей картинѣ не имѣется (нѣтъ никакого указанія на какіе бы то ни было побѣдные трофеи) [2]). Характерно, что въ южно-италійской живописи наблюдается тотъ же этнографическій реализмъ, который чувствуется уже въ ликійскихъ памятникахъ и такъ ярко проявляется въ трактовкѣ сцены возвращенія въ нашей картинѣ. Весьма вѣроятнымъ представляется поэтому предположеніе объ общемъ первоисточникѣ всѣхъ трехъ серій изображеній, которымъ будетъ, по всей вѣроятности, іонійская живопись, причемъ, однако, серіи сидонская, александрійская и ѳессалійская стоятъ ближе къ аттической переработкѣ прототипа, италійская сохраняетъ многія архаическія черты, ближе же всѣхъ къ Малой Азіи стоитъ наша серія [3]). Гораздо меньшее развитіе получилъ мотивъ выѣзда въ гробницахъ Этруріи.

Чѣмъ вызвано преобладаніе на пантикапейскихъ стелахъ и въ описываемыхъ пантикапейскихъ гробницахъ (о гробницахъ, описанныхъ Стасовымъ и Ашикомъ,

V. Macchioro, Il simbolismo ecc., 122 (114) слл., ср. 68 (60) слл. На стелахъ equites singulares, стоящихъ, вѣроятно, въ связи съ ѳракійскими вотивными рельефами, кромѣ сцены выѣзда со сценой загробной трапезы соединяется и сцена охоты. То-же на малоазійскихъ, спеціально ликійскихъ памятникахъ V и IV в. до Р. Хр.

[1]) См. Furtwängler, Coll. Sabouroff, 42. На южно-русскую серію Furtwängler, къ сожалѣнію, должнаго вниманія не обратилъ. Александрійскія стелы эллинистическаго времени даютъ схожій этнографическій реализмъ, что и картины и стелы нашего юга. Характерно, что и краски этихъ стелъ и характеръ живописи тѣхъ изъ нихъ, которыя украшены только живописью, очень напоминаетъ живопись нашихъ гробницъ, съ которыми ихъ роднитъ и ремесленность исполненія. По живописи, композиціи и экспрессіи александрійскія стелы стоятъ, конечно, гораздо выше, чѣмъ картины южно-русскихъ гробницъ. По трактовкѣ сюжетовъ онѣ сильно отъ нихъ отличаются. Сцена выѣзда даетъ почти всегда поднявшуюся на дыбы лошадь, сидящая женщина стоитъ ближе къ аттическимъ, чѣмъ къ нашимъ, сохраняющимъ рядъ слѣдовъ своего малоазійскаго происхожденія (напр., форма кресла). Чисто мѣстныхъ, бытовыхъ особенностей пантикапейскія стелы даютъ также значительно больше, чѣмъ александрійскія и сидонскія, равно какъ и стелы изъ Пагасъ. Нѣтъ въ этихъ послѣднихъ и того характернаго идиллическаго настроенія, которое царитъ въ Пантикапеѣ. Очевидно, передъ нами не одно, а два теченія. О всей серіи, въ составъ которой входятъ и сидонскія стелы, и отчасти стелы изъ Пагасъ (въ послѣднихъ, однако, преобладаетъ чистая аттическая традиція), поскольку онѣ относятся къ эллинистическому времени, см. литературу въ ст. A. Reinach, Les Galates dans l'art alexandrin. *Mon. Piot,* XVIII, 37 слл. Хорошей публикаціи до сихъ поръ не имѣется. Ср. также мою статью въ *Памятникахъ Музея... имени Имп. Александра III въ Москвѣ* (Москва, 1912), I, II, 69 слл. (табл. XII) и, особенно, E. Breccia, La Necropoli di Sciatbi (*Catalogue général des antiquités égyptiennes (Musée d'Alexandrie),* Le Caire, 1912, стр. 6 слл., № 9—39, табл. XXII—XXXIII.

[2]) См. F. Weege, Oskische Grabmalerei (*Jahrbuch d. d. arch. Inst.,* XXIV 1909), 136 слл.

[3]) Другой сюжетъ тѣхъ же италійскихъ гробницъ—сидящую женщину я склоненъ былъ бы скорѣе считать за изображеніе усопшей въ видѣ хѳонической богини, а не за изображеніе жанровое. На это указываютъ постоянные аттрибуты этихъ фигуръ—гранатовое яблоко и цвѣтокъ, сближающіе эти фигуры съ изображеніеми Коры. Ср. Furtwängler, Coll. Sabouroff, 26 слл. и 45 слл., ср. Ducati въ *Mon. ant.,* XX, 2, 634; тамъ же стр. 681 объ этнографическомъ реализмѣ въ болонскихъ стелахъ, развивающемся, начиная съ IV в. до Р. Хр.

см. ниже) типа всадника на спокойно стоящей или идущей лошади надъ обычнымъ типомъ всадника, бьющагося съ врагомъ,—это вопросъ, полностью выяснить который я не берусь. Возможно, что на это повлiялъ общiй характеръ жизни въ Пантикапеѣ въ I в. по Р. Хр., когда расписаны были наши гробницы и когда окончательно сложился и окаменѣлъ типъ всадника на лошади на пантикапейскихъ надгробныхъ стелахъ. Это время, судя по скуднымъ имѣющимся у насъ свѣдѣнiямъ и по расцвѣту Пантикапея въ эту эпоху, было временемъ мирнаго развитiя помѣщичьяго уклада жизни пантикапейцевъ мало тревожимыхъ безпокойными сосѣдями. Въ это время особенно умѣстны были картины идиллическаго оттѣнка, навѣянныя жизнью пантикапейца помѣщика въ степи среди своихъ табуновъ, картины, особенно близкiя одному изъ теченiй культуры эллинизма, которымъ навѣяны были аналогичныя (mutatis mutandis) картины эллинистически-римскаго пейзажа, т. е. теченiю идиллическому. Иной характеръ, боевой и тревожный, приняла жизнь Пантикапея уже въ концѣ I в. по Р. Хр., когда вновь начались крупныя и опасныя для греческой культуры передвиженiя племенъ въ степяхъ юга Россiи и на Дунаѣ.

Вполнѣ въ духѣ iонiйскаго искусства и то, что въ это время покоя и процвѣтанiя традицiонные, вѣроятно, iонiйскiе же сюжеты обогатились цѣлымъ рядомъ реалистическихъ подробностей, съ которыми, худо ли, хорошо ли, еще справлялись даже въ Пантикапеѣ воспитанные въ традицiяхъ iонiйскаго искусства мѣстные художники. До того совершенства, которое дало развитiе искусства въ этомъ направленiи въ остальныхъ областяхъ эллинистическаго мiра, пантикапейскимъ художникамъ, конечно, далеко: они не въ силахъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ эллинистически-римскомъ пейзажѣ и жанрѣ, претворить старое въ новыя формы и создать новый стиль, они въ рабствѣ у старыхъ традицiонныхъ формъ и сюжетовъ; но путь, по которому они идутъ,—тотъ же, что и въ М. Азiи, Александрiи и Италiи.

Фигуры у дверей склепа.

Кромѣ люнетки западной стѣны, живописью украшены были еще двѣ верхнiя квадры, сосѣднiя съ главной дверью усыпальницы (см. табл. LI, 2). Здѣсь слѣва, на западной стѣнѣ отъ входа, изображена была человѣческая фигура впрямь, низъ которой, къ сожалѣнiю, плохо сохранился. Судя по рисункамъ Гросса—его эскизу и рисунку, воспроизведенному въ Атласѣ,—одѣта была эта фигура въ розоватый хитонъ съ рукавами, подпоясанный въ талiи. Доходилъ ли онъ до ступней ногъ, или кончался около колѣнъ, какъ даетъ эскизъ Гросса, къ сожалѣнiю, установлено быть не можетъ. Въ правой рукѣ фигура держитъ кошель, въ лѣвой—голубой кадуцей. На головѣ у нея торчатъ въ разныя стороны, какъ лучи, три зеленые листика или пера. Соотвѣтственная этой фигура написана на восточной правой стѣнѣ отъ входа. Изображена, несомнѣнно, женщина впрямь въ длинномъ рукавномъ хитонѣ зеленаго цвѣта съ характерными для нашего художника вертикальными прошивками спереди; поверхъ хитона наброшенъ розовый гиматiй, закрывающiй фигуру ниже талiи и до колѣнъ. Правая рука не вытянута (такъ, по крайней мѣрѣ, изображаетъ фигуру Гроссъ), а согнута въ локтѣ и приближена въ груди, въ лѣвой рукѣ зеленый кадуцей. На головѣ эскизъ даетъ зеленый цвѣтокъ или бутонъ, рисунокъ Атласа—тѣ же три листика или три зеленыхъ пера, какъ и у первой фигуры.

Несомнѣнно, что передъ нами фигуры религiознаго значенiя, притомъ, какъ показываетъ кадуцей, изъ области представленiй, связанныхъ съ Гермесомъ. Имѣемъ ли мы, однако, здѣсь Гермеса, конечно, психопомпа, и его женскiй коррелятъ, о которомъ ниже, или двѣ женскiя ипостаси Гермеса, этого рѣшить, на основанiи сохранившихся рисунковъ, къ сожалѣнiю, нельзя.

Подобный нашему головной уборъ въ изображеніяхъ Гермеса и Тихи встрѣчается довольно часто. Если правильнѣе передаетъ оригиналъ набросокъ, а не законченная копія, то головной уборъ второй фигуры также найдетъ себѣ соотвѣтствіе въ головномъ уборѣ нѣкоторыхъ египтизирующихъ изображеній Тихе [1]).

Характерно, что и въ этомъ пунктѣ аналогію нашей гробницѣ даетъ гробница 1852 г., гдѣ подобнаго же рода фигуры также поставлены по обѣ стороны входа. Къ значенію нашихъ фигуръ мы еще вернемся при разборѣ такъ называемой Зайцевской гробницы.

Остальныя стѣны гробницы фигурныхъ росписей не содержали, не былъ расписанъ и потолокъ склепа.

Дата склепа.

При открытіи склепъ найденъ былъ разграбленнымъ, очевидно, черезъ тотъ проломъ, который сдѣланъ былъ въ сѣверной стѣнѣ его изъ сосѣдняго склепа съ лежанками. Грабители унесли изъ склепа все, что имѣлось тамъ цѣннаго, оставивъ въ немъ только «бронзовое украшеніе въ видѣ рельефной головки» и въ одной нишѣ глиняную чашку. Къ сожалѣнію, эти предметы никакихъ критеріевъ для датировки склепа не даютъ. Датировка его возможна поэтому только на основаніи анализа его архитектуры и росписи. Задача облегчается разительнымъ сходствомъ нашего склепа со склепомъ Алкима. Какъ уже сказано, оба склепа, даже помимо предполагаемаго родства погребенныхъ, несомнѣнно, одновременны; не препятствуетъ этому и то, что формы буквъ надписей обоихъ склеповъ, хотя и однородны, но не тожественны: буква σ въ одной имѣетъ начертаніе [, въ другой—C. Тѣмъ не менѣе, склепы все-таки вполнѣ могутъ быть одновременными, такъ какъ обѣ формы σ были въ ходу въ одно время, а формы остальныхъ буквъ обѣихъ надписей очень схожи, насколько, по крайней мѣрѣ, позволяетъ судить бѣглая копія съ надписи Алкима.

Самая форма сигмы не говоритъ о позднемъ времени. Въ письмѣ, приближающемся къ курсиву, а таково по необходимости письмо надписи, вырѣзанной не въ твердомъ, а въ мягкомъ матеріалѣ, обѣ формы сигмы могутъ встрѣчаться уже въ эпоху эллинизма. На Боспорѣ наиболѣе ранній примѣръ надписи съ курсивной сигмой относится къ 14 г. по Р. Хр. (Ios. P. E. IV, 231) [2]). Между тѣмъ, на основаніи ряда стилистическихъ соображеній мы пріурочили склепъ Алкима времени между I в. до Р. Хр. и I в. по Р. Хр.; къ тому же времени надо отнести, вѣроятно, и склепъ Анѳестерія.

Произведенный выше анализъ росписи въ стилистическомъ отношеніи и по отношенію къ композиціи, поскольку онъ не даетъ тѣхъ же особенностей, какія отличаютъ и роспись склепа Алкима, ведетъ насъ все къ тому же времени поздняго эллинизма, куда привелъ насъ и анализъ росписи склепа Алкима. Съ другой стороны, схема декоровки склепа, его роспись въ подражаніе псевдо-исодомной кладкѣ еще ближе, чѣмъ склепъ Алкима, роднитъ нашъ склепъ съ гробницами 1832 и 1852 г.г., которыя мы, на основаніи цѣлаго ряда признаковъ, приписали концу II или I вѣку до Р. Хр.

---

[1]) Я имѣю въ виду тѣ изображенія Гермеса-Тота и Тихи-Исиды, гдѣ головы ихъ украшены однимъ или тремя перьями, головной уборъ, встрѣчающійся позднѣе и у другихъ фигуръ, напримѣръ, нимфъ и под. на саркофагахъ. См. Furtwängler, *Bonner Jahrb.*, 103, 1 слл.; 107, 37 слл.; 108—109, 243; 114—115, 193 слл., гдѣ указаны и другія статьи, трактующія этотъ вопросъ. Цвѣтокъ лотоса на головѣ Изиды-Фортуны обыченъ.

[2]) Сопоставленіе характерныхъ для Черноморья формъ буквъ въ различныя эпохи у Kieseritzky-Watzinger, Griech. Grabreliefs aus Südrussland, VII.

Все это позволяетъ и склепъ Анѳестерія пріурочить къ послѣднимъ десятилѣтіямъ I вѣка до Р. Хр. или первымъ по Р. Хр., во всякомъ случаѣ, не позже середины I в. по Р. Хр. При этомъ вновь надо отмѣтить, что склепъ нашъ носитъ ярко выраженный эллинистическій характеръ безъ всякихъ слѣдовъ вліянія тѣхъ теченій, которыя характерны для Италіи или Галліи, т. е. вообще для всего западнаго эллинизма.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1877 г. стр. XIV; Стефани, *Приложеніе къ Отчету* за 1878—79 г.г. стр. 5 слл.; *Атласъ,* табл. I, рис. 1—4 и виньетка на заглавномъ листѣ Отчета за 1878—79 г.г.; Толстой и Кондаковъ, Русскія Древности, I, 32; ср. II, 62, рис, 45; Кулаковскій, *Матер. по арх. Россіи,* 19, стр. 8; В. Шкорпилъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 40, 80 слл.; Petersen u. Luschan, Reisen im s. w. Kleinasien, II, 172, 1, гдѣ указано на связь типовъ картины съ типами іонійскихъ надгробныхъ стелъ (по поводу двухъ стелъ изъ Косагача). Журналъ археологическихъ разысканій Люценка, трактующій о нашемъ склепѣ, опубликованъ В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, № 47. (Изъ архива Керченскаго музея древностей, VI, № 5).

XVI. Склепъ, открытый въ 1891 г.

(Табл. LII, 1; LIII—LV, рис. 32—34).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ найденъ былъ 6 августа 1891 г. при раскопкахъ, производившихся въ Керчи проф. Ю. А. Кулаковскимъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ гробницей Анѳестерія. Во время раскопокъ мѣсто нахожденія катакомбы было пустыремъ; нынѣ оно, какъ и всѣ сосѣднія мѣста, застроено цѣлымъ кварталомъ съ рядомъ улицъ. Нашъ склепъ находится подъ д. № 21, по 1-ой Нагорной улицѣ (см. табл. I, 10).

Немедленно послѣ открытія склепа съ него снятъ былъ планъ, онъ былъ подробно описанъ проф. Кулаковскимъ и съ росписи его сняты копіи г-жей Васильевой. Изслѣдованіе проф. Кулаковскаго и рисунки г-жи Васильевой изданы въ 1895 г. въ 19 выпускѣ *Матеріаловъ по археологіи Россіи.* Затѣмъ входъ въ склепъ былъ засыпанъ и вновь открытъ въ 1894 г. для дослѣдованія, послѣ чего не посѣщался до 1905 г. За это время рядъ гробницъ съ лежанками, черезъ которыя проникъ въ склепъ проф. Кулаковскій и черезъ которыя проникали туда до послѣдняго времени, былъ превращенъ хозяевами выстроенныхъ надъ ними домовъ въ помойныя ямы и отхожія мѣста. Что эта участь не выпала на долю расписного склепа, объясняется исключительно расположеніемъ его, дѣлавшимъ его для этой цѣли неудобнымъ, а, можетъ быть, и нѣкоторымъ страхомъ передъ возможною, хотя и мало вѣроятною, отвѣтственностью за порчу гробницы.

При новомъ изученіи мною склепа и его росписи въ 1905, а затѣмъ въ 1908 и 1911 гг. оказалось, во-первыхъ, что входъ въ склепъ никогда не былъ разслѣдованъ, во-вторыхъ, что копіи г-жи Васильевой и описанія проф. Кулаковскаго не вездѣ вполнѣ точны. Въ особенности неточными оказались копіи, сдѣланныя, очевидно, безъ достаточно точныхъ промѣровъ. Въ виду этого оказалось необходимымъ не только снять фотографіи со всѣхъ стѣнъ склепа, но и просить М. В. Фармаковскаго сдѣлать съ наиболѣе важныхъ частей росписи новыя копіи въ краскахъ. Все это было сдѣлано въ 1908 г.

Въ томъ же году, благодаря просвѣщенному содѣйствію г-на Цыбульскаго, въ высшей степени интересная гробница поступила вмѣстѣ со стоящимъ надъ ней домомъ въ собственность Императорской Археологической Коммиссіи, и сохранность ея теперь обезпечена.

Наконецъ, въ 1911 г., по моей просьбѣ, склепъ былъ дослѣдованъ В. В. Шкорпиломъ, открытъ былъ колодезь, ведущій въ него, и весь входъ; при этомъ склепъ былъ вновь обмѣренъ, съ него сдѣланъ былъ новый планъ и разрѣзы, причемъ старый планъ оказался очень неточнымъ (см. рис. 32—34).

Архитектура склепа.

Архитектура склепа почти во всѣхъ деталяхъ совпадаетъ съ архитектурой склеповъ Алкима и Анѳестерія. Какъ и въ этихъ послѣднихъ, въ склепѣ 1891 г. нѣтъ лежанокъ; какъ и въ нихъ, склепъ расширяется и повышается къ задней

стѣнѣ, благодаря чему въ послѣдней получается высокая люнетка, продолжающаяся въ видѣ лежачихъ прямоугольныхъ треугольниковъ и на боковыхъ стѣнахъ; какъ и въ нихъ, имѣется большая ниша въ задней стѣнѣ, къ которой прикомпонована декоровка. Въ боковыхъ стѣнахъ нишъ нѣтъ. Уже послѣ росписи склепа сдѣлана была небольшая ниша въ восточной части сѣверной стѣны; это показываетъ, что склепъ нашъ былъ въ употребленіи долгое время.

Входъ въ склепъ былъ заваленъ большой и толстой каменной плитой.

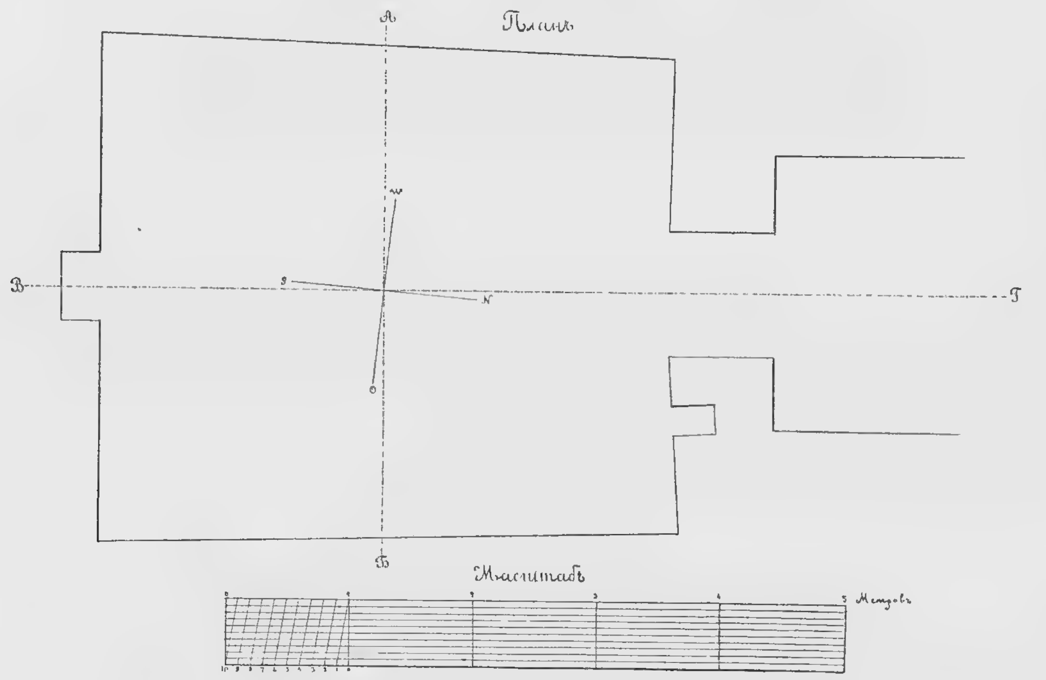


Рис. 32. Планъ склепа 1891 г.

При открытіи склепъ найденъ былъ разграбленнымъ, вѣроятно, черезъ пробоину въ восточной его стѣнѣ, черезъ которую склепъ, очевидно, посѣщался неоднократно; черезъ нее же посѣщали его и изслѣдовавшіе его археологи. Одинъ изъ гробовъ стоялъ, вѣроятно, на двухъ камняхъ, найденныхъ in situ около восточной стѣны въ глубинѣ камеры.

Роспись склепа.

Какъ и въ склепахъ Алкима и Анѳестерія, *роспись* размѣщена, главнымъ образомъ, въ люнеткахъ входной, задней и боковыхъ стѣнъ. Разнитъ нашу камеру отъ выше описанныхъ только то, что надъ нишей задней главной стѣны надписи нѣтъ, и, очевидно, не было, такъ какъ штукатурка сохранилась здѣсь вплоть до свода. Склепъ былъ весь оштукатуренъ и расписанъ. Не расписаннымъ остался только плафонъ.

Схема росписи почти во всѣхъ деталяхъ тожественна съ схемой росписи гробницы Анѳестерія. Надъ пестрымъ мраморированнымъ цоколемъ (выс. 0,35) идетъ подражаніе псевдо-исодомной кладкѣ въ четыре ряда квадровъ — по два ряда узкихъ и длинныхъ внизу (0,44×0,17) и по два ряда широкихъ, почти квадратныхъ вверху (0,44×0,35). Надъ верхнимъ рядомъ квадровъ идетъ широкая полоса темнозеленаго или темнофіолетоваго цвѣта, обрамленная двумя красными линіями. За этой полосой на передней, задней и боковыхъ стѣнахъ начинается сплошное поле люнетокъ (на входной стѣнѣ полоса захватываетъ даже часть люнетки). Квадры декоровки отдѣлены другъ отъ друга черными линіями, зеркало квадровъ обозначено красными линіями (см. табл. LIII и LIV, 3).

Въ верхнихъ частяхъ верхняго ряда квадровъ нарисовано по два расходящихся въ разныя стороны изогнутыхъ крюка (вродѣ тѣхъ, которые нынѣ употребляются

для вѣшалокъ), представленныхъ какъ бы вбитыми въ нижнюю линію полосы, отдѣляющей декоровку стѣны отъ люнетокъ. На этихъ крюкахъ подвѣшены на лентахъ поочередно по вѣнку и по теніи или гирляндѣ-мѣшку; теніи всегда соединены съ зеленой вѣткой лавра или оливы. Вѣнки почти всѣ одинаковы. Висятъ они, какъ и теніи или гирлянды-мѣшки, на лентахъ, завязанныхъ такъ, чтобы образовать петлю и бантъ. Петли укрѣплены за крюки, банты повернуты внутрь квадры и торчатъ, какъ накрахмаленные; концы лентъ симметрично спускаются внизъ, сходясь другъ съ другомъ у нижняго края квадры (см. табл. LII, 1 и LV, 1).

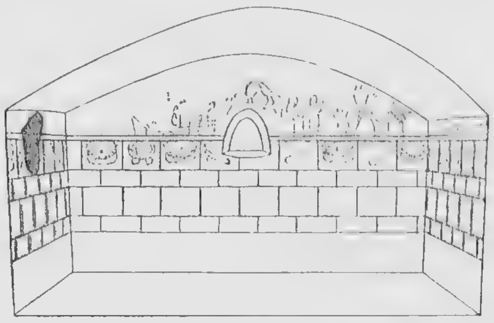


Рис. 33. Поперечный разрѣзъ склепа 1891 г. (Масштабъ тотъ-же, что для плана рис. 32).

Гирлянды состоятъ изъ зелени, плодовъ и цвѣтовъ. Основу составляютъ острые, поочередно черные (т. е. темнозеленые) и свѣтлозеленые листья, симметрично конвергирующіе къ центру гирлянды. Въ гирлянду вплетены, начиная съ концовъ: 1) по одному четырехлистному стилизованному цвѣтку лиловатаго цвѣта, 2) по одной гранатѣ верхушкой по направленію къ центру гирлянды и, наконецъ, 3) по одной кедровой или сосновой шишкѣ. Между бантами ленты въ полѣ квадры изображено по гранатовому плоду.

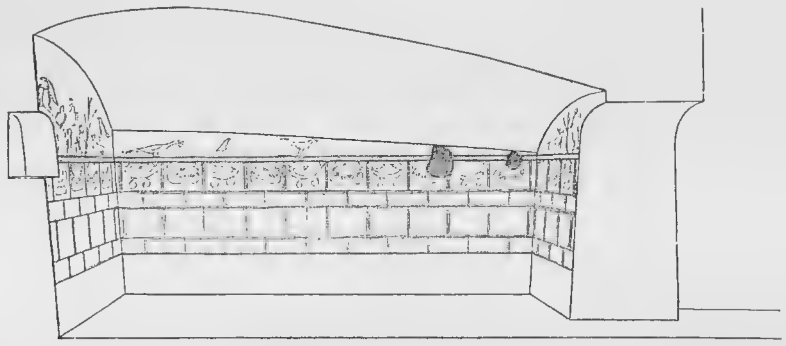


Рис. 34. Продольный разрѣзъ склепа 1891 г. (Масштабъ тотъ-же, что для плана рис. 32).

Теніи или, можетъ быть, скорѣе гирлянды-мѣшки, набитые розовыми или другими благоухающими листьями, всѣ розоваго цвѣта и сохранились въ большинствѣ случаевъ очень плохо [1]). Надъ ними обыкновенно видны, не отмѣченныя на рисункахъ Васильевой и въ описаніи Кулаковскаго, зеленыя лавровыя или, можетъ быть, пальмовыя вѣтки. Въ полѣ надъ ними по три розовыхъ бутона стеблемъ внизъ—первый примѣръ того способа заполнять пустое пространство, который впослѣдствіи, какъ увидимъ, пріобрѣтетъ въ украшеніи пантикапейскихъ гробницъ очень широкое распространеніе.

Отмѣтимъ здѣсь же, какъ novum въ орнаментаціи гробницы, кромѣ появленія натуралистическихъ цвѣтовъ розы и плодовъ для заполненія свободнаго пространства, появленіе гирлянды съ плодами, правда, въ строгой и сухой формѣ, въ связи съ сухой, намъ уже знакомой, стилизованной гирляндой изъ листьевъ, и появленіе, можетъ быть, еще не достаточно ярко характеризованной гирлянды-мѣшка.

[1]) Возможно также думать, что эти гирлянды одного рода съ появляющимися въ видѣ вѣнковъ, сплетенныхъ изъ зелени, можетъ быть, хвои и какихъ-то розовыхъ цвѣтовъ въ гробницахъ Зайцевой и 1873 г. (вторая комната).

Главная картина росписи.

Главная картина декоровки размѣщена, какъ сказано, въ люнеткѣ задней стѣны ниши, къ которой картина или картины прикомпонованы. Изображеніе разбито на двѣ части; къ этимъ двумъ частямъ въ верхнемъ планѣ присоединена еще третья часть. Сверхъ того и сама ниша ея орнаментальнымъ обрамленіемъ введена, какъ органическая, составная часть, въ декоровку люнетки (см. табл. LII, 1; LIII, 1 и LV).

Картина, сохраняя полностью тона, краски и способъ трактовки гробницъ Алкима и Анѳестерія, рѣзко отличается отъ нихъ композиціей. Въ противоположность стройной композиціи первыхъ двухъ, причемъ, какъ мы видѣли, особенно хороша композиція гробницы Анѳестерія, сумѣвшая создать изъ двухъ шаблонныхъ мотивовъ настоящую жанровую картину, наша гробница даетъ механическій наборъ мотивовъ, ремесленно соединяя обычную сцену загробной трапезы наиболѣе полнаго типа въ нѣсколько болѣе подробной реалистической трактовкѣ, чѣмъ обыкновенно, съ шаблоннымъ же и не связаннымъ со сценой трапезы изображеніемъ юрты или кибитки и давая въ дополненіе къ этой сценѣ, хотя и на второмъ планѣ и безъ связи съ ней, сцену выѣзда героя въ сопровожденіи его пѣшей дружины или семьи.

Центръ тяжести въ этой гробницѣ лежитъ не въ композиціи, не въ желаніи связать шаблоны въ одну стройную картину, какъ это дѣлалъ декораторъ гробницы Анѳестерія, а въ подчеркиваніи религіознаго символизма сцены загробной трапезы и въ присоединеніи къ ней такой же символически-религіозной, родственной по содержанію, сцены жертвоприношенія.

Реалистическія подробности въ трактовкѣ первой сцены для художника нашей гробницы уже необходимый шаблонъ, отъ котораго онъ отгораживается, хотя и не можетъ избѣжать его, такъ какъ онъ уже традиція. Это отгораживаніе особенно ярко подчеркнуто, во-первыхъ, размѣрами сцены такъ называемой загробной трапезы по сравненію съ кибиткой и стоящей передъ ней лошадью, во-вторыхъ, тѣмъ, что изображеніе трапезы отдѣлено отъ юрты особой окружающей его рамкой.

Изображеніе выѣзда, какъ менѣе ярко-символическое и болѣе подходящее для настоящей реалистической трактовки, совершенно отдѣлено отъ изображенія трапезы, трактовано очень бѣгло и поставлено на второмъ планѣ и притомъ не надъ сценой трапезы, а надъ сценой жертвоприношенія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ описанію отдѣльныхъ частей росписи люнетокъ.

Сцена загробной трапезы.

Въ лѣвомъ углу люнетки сохранились контуры юрты. Какъ она была трактована въ деталяхъ, установить невозможно. Кажется, что здѣсь, какъ и въ гробницѣ Анѳестерія, она состояла изъ двухъ ярусовъ въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, а надъ верхнимъ виднѣлись концы жердей, на которыхъ укрѣпленъ былъ остовъ кибитки. Входъ въ кибитку, несомнѣнно, былъ такой же, какъ въ склепъ Анѳестерія, т. е. въ формѣ полуовала. Въ свободномъ пространствѣ налѣво отъ кибитки можно предположить дерево или какое-либо иное растеніе — любимый мотивъ нашего художника для заполненія свободныхъ пространствъ. Справа отъ кибитки стоитъ очень бѣгло трактованная рыжая лошадь небольшого размѣра или жеребенокъ влѣво.

Направо, заключенная, какъ сказано, въ рамку изъ красныхъ линій, обильная фигурами сцена такъ называемой загробной трапезы. Ближе къ кибиткѣ сидитъ на высокомъ креслѣ, съ точеными ножками и ручками, съ балюстрами на спинкѣ женщина впрямь. Одѣта она, какъ кажется, въ розовый хитонъ и закинутый на

голову гиматій, который она отводитъ отъ шеи лѣвой рукой; правая рука положена на лѣвое колѣно, причемъ локоть ея опирается на правое; словомъ, традиціонная поза сидящей женщины на огромномъ большинствѣ рельефовъ пантикапейскихъ надгробныхъ стелъ. Подъ ногами ея скамейка, можетъ быть, также на точеныхъ ножкахъ. Налѣво отъ кресла стоитъ дѣвочка-прислужница впрямь, держа въ лѣвой рукѣ цилиндрическую съ конусообразной крышкой обычную туалетную коробочку. Направо отъ кресла, между нимъ и ложемъ, стоитъ еще одна женская фигура, какъ бы сзади кресла и ложа, т. е. въ иной плоскости, чѣмъ остальныя фигуры. На первомъ планѣ, направо отъ кресла, передъ лѣвой передней ножкой ложа, на двухъ брусьяхъ поставлена люлька, въ видѣ корыта или лодочки; въ ней двое дѣтей, лежащихъ вправо, съ головами впрямь, правый постарше въ розовыхъ, лѣвый въ голубыхъ пеленкахъ. Сзади люльки сидитъ дѣвочка съ распущенными волосами впрямь, очевидно нянька, качающая люльку [1]).

Около кресла, справа, возвышается высокое рѣзное богатое ложе, крытое пестрымъ ковромъ или одѣяломъ. Точеныя ножки укрѣплены на высокихъ деревянныхъ шашкахъ, точеная изогнутая спинка кончается волютой, можетъ быть, въ видѣ львиной головы. Коверъ—розовый. Посрединѣ вставлена черная прошивка съ зеленымъ бордюромъ, украшенная побѣгами, можетъ быть, аканѳа. Справа и слѣва, недалеко отъ края ковра, еще по одной прошивкѣ пурпуроваго цвѣта съ голубыми краями. На ложѣ возлежитъ совершенно исчезнувшая, очевидно, мужская фигура въ розовомъ хитонѣ и голубомъ гиматіи.

Передъ ложемъ—деревянный круглый столъ на трехъ ножкахъ, кончающихся львиными лапами. На столѣ—три стеклянныхъ сосуда, живо переданныхъ зеленоватой краской и красными контурами,—одинъ въ формѣ низкой и толстой круглой амфоры, другой—высокаго округленнаго колоколообразнаго стакана съ широкимъ отверстіемъ (напоминаетъ чашку цвѣтка типа лиліи или колокольчика), третій—simpulum или кіаѳъ съ высокой загнутой ручкой. Рядомъ съ ними лежитъ какой-то круглый коричневый предметъ—гранатовое яблоко или печенье.

---

[1]) Это—единственная черта, не обычная на надгробныхъ стелахъ съ изображеніемъ такъ называемой трапезы. Впрочемъ, нѣчто подобное на пантикапейскихъ стелахъ имѣется, хотя и не было еще отмѣчено. Я имѣю въ виду двѣ извѣстныя мнѣ стелы, изъ которыхъ на одной (см. Марти, *Записки Одесскаго Общества*, XXVII, Протоколъ 368 засѣданія отъ 5 сент. 1905 г., стр. 62, № IV) сидящая женщина держитъ на рукахъ спеленатаго ребенка. То-же, на мой взглядъ, изображено и на стелѣ Kieseritzky-Watzinger, № 718, но ни Кулаковскимъ, ни Кизерицкимъ, ни Вацингеромъ не отмѣчено. Характерно, что на этой стелѣ на колѣняхъ мужчины сидитъ маленькій мальчикъ. Указанная подробность реалистическаго характера не является, однако, новшествомъ пантикапейскихъ скульпторовъ; какъ и все остальное,—она есть только воспоминаніе о временахъ расцвѣта іонійскаго искусства, любившаго дѣлать изъ сцены такъ называемой загробной трапезы настоящую реалистическую сцену изъ области семейной жизни. Особенно реалистично трактована семейная сцена въ рельефахъ извѣстной гробницы Кадіанды въ Ликіи, см. Fellows, Lycia, табл. къ стр. 116, особенно южная сторона, гдѣ у одной изъ женщинъ на рукахъ изображенъ грудной ребенокъ (ср. Petersen u. Luschan, Reisen, II, 194, рис. 84, гдѣ дается нынѣшнее печальное состояніе этого интереснѣйшаго рельефа). Ср. также извѣстныя аттическія стелы матерей съ дѣтьми, иногда грудными, охарактеризованныя, между прочимъ, Furtwängler'омъ, Coll. Sabouroff, 43. Этотъ типъ повторяется и въ александрійскихъ расписныхъ надгробныхъ стелахъ, повторяющихъ аттическіе образцы, см. объ нихъ мою статью въ *Памятникахъ Музея... имени Имп. Александра III въ Москвѣ*, I, II, 69 слл., гдѣ указаны публикаціи александрійскихъ стелъ и, особенно, E. Breccia, Le Necropoli di Sciatbi (*Service des Antiquités de l'Egypte. Catalogue gènèral des antiquités égyptiennes*), Le Caire 1912, т. I, стр. 14, № 13 (т. II, табл. XXX, XXXI), ср. стр. 15, № 14 (т. II, табл. XXIX); здѣсь изображены, частью въ краскахъ, нѣсколько стелъ ранне-эллинистическаго времени; особенно интересно реалистическое изображеніе ползущаго къ отцу ребенка на стелѣ табл. XIX.

Направо отъ ложа мальчикъ въ розовыхъ, плотно облегающихъ ноги, штанахъ и обтянутомъ же камзолѣ впрямь; въ правой рукѣ у него кувшинъ, можетъ быть, глиняный; черезъ лѣвое плечо свѣшивается полотенце. Онъ, очевидно, собирается помочь возлежащему совершить омовеніе рукъ—извѣстный очистительный обрядъ передъ всякимъ актомъ религіознаго характера, здѣсь передъ возліяніемъ или передъ принятіемъ этого возліянія [1]).

По другую сторону ниши картина распредѣлена въ двухъ планахъ съ попыткой построить ее перспективно.

Выѣздъ.

На заднемъ планѣ, гдѣ почва, можетъ быть, обозначена извилистыми желтыми линіями на нейтральномъ фонѣ люнетки, мы имѣемъ нѣкоторую модификацію «загробнаго выѣзда» героя-покойника (табл. LII, 1 и LV, 2).. Одно изъ лицъ этой сцены сидитъ на буланой лошади влѣво, голова впрямь, въ правой рукѣ копье, въ лѣвой, можетъ быть, привязанный къ поясу мечъ (?); правая нога, какъ всегда, выставлена впередъ. Передъ лошадью мужчина впрямь, въ красномъ камзолѣ и синихъ штанахъ, можетъ быть, вооруженный, вѣроятно, обычный спутникъ героя-всадника. Сзади лошади три очень плохо сохранившихся фигуры впрямь. Ближайшая къ лошади, можетъ быть, женщина, остальныя, вѣроятно, мужчины. Одежды первыхъ двухъ — розовыя, у третьей, какъ кажется, камзолъ голубой, штаны—розовые. Ближайшая къ лошади фигура стоитъ въ обычной на надгробныхъ стелахъ позѣ: правая рука согнута въ локтѣ, опирающемся на лѣвую руку; она же подпираетъ подбородокъ фигуры [2]).

То, что всѣ фигуры этой сцены изображены en face, не можетъ быть истолковано, какъ указаніе на то, что дѣйствующія лица этой сцены являются зрителями той, которая развертывается на первомъ планѣ. Мастеръ росписи нашей камеры иначе какъ впрямь людей не изображаетъ, что составляетъ правило и на надгробныхъ стелахъ и, можетъ быть, зависитъ не столько отъ привычки мастера и его умѣнья, а также отъ варварскаго архаизма пантикапейскихъ мастеровъ вообще, сколько отъ опредѣленнаго обычая, связаннаго съ загробнымъ культомъ; животныхъ и птицъ тѣ же мастера изображаютъ всегда только въ профиль.

Жертвоприношеніе.

Сцена на первомъ планѣ изображаетъ опять-таки обычную въ культовой жизни древности картину жертвоприношенія божественной пары — мужчины и женщины съ нѣкоторыми не вполнѣ обычными деталями (табл. LII, 1 и LV, 2).

У цилиндрическаго, богато профилированнаго алтаря (верхній карнизъ украшенъ такъ называемыми овами, верхняя полочка нижняго аблауфа также, остальные валики каннелюрами или, можетъ быть, такъ называемымъ, веревочнымъ орнаментомъ), корпусъ котораго обвязанъ розовой ниткой и украшенъ розовой же теніей или гирляндой-мѣшкомъ, стоятъ по обѣ его стороны слѣва женская, справа мужская фигуры. Женская фигура стоитъ впрямь. Голова обрамлена двумя прядями каштановыхъ кудрей, спадающихъ на плечи; на головѣ небольшой πόλος

[1]) См. объ этомъ обычаѣ, о сосудахъ, употреблявшихся при этомъ, и полотенцахъ W. H. Chr. van Esveld, De balneis lavationibusque Graecorum, Amersfortiae, 1908, 128 слл., особ. 136 и 140.

[2]) Изображеніе рядомъ со сценой загробной трапезы не только членовъ семьи, но и дружины покойнаго встрѣчаетъ аналогію въ рельефныхъ украшеніяхъ нѣкоторыхъ гробницъ Ликіи, см. Reisen im sw. Kleinasien, I, 32, рис. 25. Въ Пантикапеѣ помѣщеніе членовъ семьи въ шаблонныхъ схемахъ въ нижнемъ полѣ подъ изображеніемъ трапезы вполнѣ обычно. Среди этихъ фигуръ мы находимъ и вооруженнаго юношу, и юношу съ колонкой, и сидящую женщину, и верхового, иногда со спутникомъ или оруженосцемъ, и дѣтей, см. Kieseritzky-Watzinger, B V, № 687 слл. Очень поучительно сравнить нашу картину со стелой № 271 (типъ сидящей женщины), гдѣ рядомъ съ сидящей женщиной въ двухъ планахъ изображена вся семья ея.

желтаго цвѣта. Одѣта она въ розовый рукавный хитонъ, спускающійся до пятокъ, поверхъ котораго правильными складками спадаетъ ниже колѣнъ розовый же гиматій, накинутый на оба плеча. Правая рука вытянута вправо надъ алтаремъ; къ сожалѣнію, кисть руки не сохранилась; въ лѣвой изображенная женщина держитъ голубой рогъ изобилія, украшенный посрединѣ орнаментальной полосой изъ двухъ линій, двухъ рядовъ точекъ надъ и подъ линіями и свѣшивающейся отъ верхней черты бахромой.

По другую сторону алтаря изображенъ, также впрямь, мужчина съ двумя прядями золотисто-каштановыхъ кудрей, такими же усами и бородкой и желтымъ модіемъ на головѣ. Одѣтъ онъ въ бѣлый хитонъ съ короткими рукавами, можетъ быть, доходящій до колѣнъ, розовый гиматій, перекинутый черезъ лѣвое плечо и проходящій подъ правой рукой, и, можетъ быть, штаны, хотя болѣе вѣроятно, что ноги его отъ колѣнъ ничѣмъ не покрыты. Слѣдовъ обуви на ногахъ не замѣтно. Правая рука его вытянута надъ алтаремъ, въ ней онъ, можетъ быть, держалъ патеру надъ жертвеннымъ печеньемъ или яйцомъ, виднѣющимся посрединѣ алтаря. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ такой же рогъ, какъ и его женскій коррелятъ. Изъ рога не выходятъ цвѣты и плоды, какъ это обычно, главнымъ образомъ, въ искусствѣ римскаго времени; тамъ, гдѣ рогъ сохранился цѣликомъ,—въ рукѣ у женщины—онъ кончается вверху какимъ-то выходящимъ изъ него голубымъ тонкимъ стержнемъ.

Рядомъ съ мужской фигурой женщина меньшаго роста впрямь, танцующая. Одѣта она въ бѣлый хитонъ, руки подняты, надъ головой развѣвается, въ обычной схемѣ пляшущихъ и летящихъ женскихъ фигуръ, розовый плащъ. Рядомъ съ танцовщицей дерево съ желтымъ стволомъ, обрубленной вѣткой и группами листвы, и около него олень, сдѣланный свѣтложелтой краской, влѣво, а за нимъ стебель высокаго и мясистаго темнозеленаго растенія, на которомъ сидитъ влѣво пестрая большая птица съ голубой головой, шеей и грудью, красноватымъ туловищемъ и темносинимъ хвостомъ.

Роспись около ниши.

Раздѣляетъ обѣ половины люнетки одну отъ другой, какъ сказано, большая ниша, современная декоровкѣ: это показываетъ отсутствіе гирляндъ въ тѣхъ двухъ квадрахъ декоровки, часть которыхъ занята низомъ ниши. Ниша имѣетъ и свое обрамленіе въ живописи люнетки (табл. LII, 1). Всю верхнюю часть ниши, поскольку она помѣщена въ люнеткѣ, обрамляетъ стволъ розоваго куста, обсаженный по обѣ стороны распустившимися цвѣтами. На этомъ стволѣ, надъ самой нишей стоитъ большой монументальный канѳаръ безъ ручекъ на низкой ножкѣ и съ профилированнымъ, украшеннымъ овами, краемъ. Съ обѣихъ сторонъ этого канѳара стоитъ по павлину: одинъ поднялъ голову надъ канѳаромъ, другой опустилъ ее и пьетъ изъ сосуда. Передняя часть тѣла павлиновъ окрашена въ розовый цвѣтъ, брюшко отъ ногъ къ хвосту—въ голубой, хвостъ—въ темносиній съ розовыми пятнами, т. е. въ тѣ же цвѣта, что и птица, заполняющая правый уголъ люнетки.

Роспись люнетокъ боковыхъ стѣнъ.

Люнетки боковыхъ стѣнъ (табл. LIV, 3) заполнены исключительно декоративными мотивами разнообразныхъ реалистически-условно изображенныхъ птицъ. На восточной стѣнѣ, начиная отъ входа, изображены: группа мелкихъ желтыхъ птичекъ (болѣе девяти, контуры красные) вокругъ какого-то центральнаго предмета, можетъ быть, кучи зерна, далѣе большая птица желтаго цвѣта (контуры зеленые) влѣво, также клюющая зерно, наконецъ пѣтухъ, сдѣланный желтой и красной красками, бѣгущій влѣво (можетъ быть, пѣтухъ, курица и цыплята). Наконецъ, въ углу около задней люнетки два павлина, стоящіе около большого канѳара на широкой ножкѣ, украшеннаго рѣшетчатымъ орнаментомъ (фонъ желтый, плетеніе

красное); возможно, что это плетеная корзинка—калаоъ. Изъ павлиновъ цѣликомъ сохранился правый; голова и шея голубыя, туловище и ноги—желтыя, хвостъ—темносиній или темнозеленый съ красными крапинами.

На второй западной стѣнѣ первое изображеніе, начиная отъ входа въ камеру, даетъ выводокъ куриный, дрохвиный, стрепетовый или фазаній около кучи зерна. Въ центрѣ большая длинноногая желтая птица, за нею маленькая того же цвѣта и передъ нею двѣ маленькихъ того же цвѣта, всѣ вправо; нѣсколько далѣе справа еще одинъ цыпленокъ влѣво. Далѣе желтая птичка на зеленой вѣткѣ вправо, поднятой головой, клюетъ цвѣтокъ изъ пяти зеленыхъ точекъ. Наконецъ, у самой задней люнетки большая птица вправо клюетъ, вытянувъ шею, вѣточки съ четырьмя продолговатыми лепестками. Хвостъ длинный, какъ у павлина. Цвѣта: контуры, какъ и вездѣ, красные, шея и хвостъ—зеленые, брюшко и ноги голубыя.

Роспись у входа.

Изображеніями заполнена, въ отличіе отъ гробницъ Алкима и Аноестерія, и люнетка входной стѣны (табл. LIII, 2). На западномъ простѣнкѣ изображены: около самой двери статуя Тихи на темнокоричневомъ пьедесталѣ впрямь (табл. LIV, 1). Съ головы ниспадаетъ розовое покрывало, надо лбомъ укрѣплены либо два пера, либо πόλος, либо свойственный Исидѣ головной уборъ. Наиболѣе вѣроятно второе предположеніе. Одѣта статуя въ длинный до пятъ розовый хитонъ съ длинными рукавами и гиматій того же цвѣта съ голубымъ бордюромъ, надѣтый на оба плеча. Правой рукой она опирается на бурое весло, въ лѣвой держитъ голубой рогъ изобилія того же типа и той же орнаментаціи, что рогъ у приносящей жертву пары на люнеткѣ задней стѣны. Около статуи дерево того же типа, что и на задней стѣнѣ, около него олень вправо, щиплющій листву съ дерева.

На восточномъ сегментѣ люнетки мы имѣемъ сохранившуюся только въ верхней части туловища нагую фигуру юноши впрямь (табл. LIV, 2) [1]). Головной уборъ не сохранился [2]), густые каштановые кудри спадаютъ по обѣ стороны округлаго юнаго лица, не доходя, однако, до плечъ. Правая рука вытянута и приопущена; въ ней какой-то овальный предметъ, можетъ быть, кошель, тенія или вѣнокъ. Въ лѣвой — жезлъ или палка съ точенымъ наконечникомъ изъ ряда уменьшающихся кверху кружковъ, типъ оиміатерія или держателя для факеловъ. Низъ фигуры не сохранился; можетъ быть, судя по пропорціямъ, и она стояла на пьедесталѣ. За нашей фигурой также изображено было дерево. Стояло ли за деревомъ животное, какъ на соотвѣтствующемъ сегментѣ по другую сторону двери, неизвѣстно. Если да, то во всякомъ случаѣ изображеніе его уничтожено врѣзанной здѣсь позднѣе небольшой нишей.

Техника росписи.

Вся роспись сдѣлана по очень тонкому слою штукатурки, конечно, не вполнѣ al fresco, а, вѣроятно, клеевыми красками. Штукатурка легко шелушится и падаетъ, краски отъ тренія гибнутъ, отъ сырости же не страдаютъ. Контуры фигуръ первоначально наносились на штукатурку острымъ орудіемъ, затѣмъ обозначались толстыми одноцвѣтными линіями, послѣ чего данная фигура или часть ея заполнялась сплошной краской. Если нужны были двѣ краски, то одна накладывалась на другую. Наибольшее вниманіе художникъ обратилъ на тщательно выписанныя фигуры перваго плана; остальныя трактованы бѣгло и иллюзіонистически.

Работа грубая и варварская, но за ней видна старая школа и тонкое мастерство, грубое подражаніе которымъ мы имѣемъ въ нашей росписи.

[1]) Низъ тѣла, можетъ быть, былъ покрытъ одеждой съ голубымъ бордюромъ, ноги красноватаго цвѣта.

[2]) Видны надъ волосами только остатки голубой краски.

Религіозное значеніе росписи.

О смыслѣ и значеніи отдѣльныхъ картинъ и фигуръ, украшающихъ нашъ склепъ, я подробно говорилъ въ особой статьѣ и потому могу быть краткимъ [1]).

Всѣ изображенія, кромѣ чисто декоративныхъ, о которыхъ ниже, имѣютъ религіозное содержаніе съ ближайшимъ отношеніемъ къ представленіямъ о загробной жизни. О такъ называемой загробной трапезѣ, стоящей въ ближайшей связи съ изображеніями ѳеоксеній хѳоническихъ боговъ, часто встрѣчающимися и на аттическихъ, и на внѣ аттическихъ рельефахъ и другихъ памятникахъ, уже была рѣчь. Покойникъ здѣсь является зрителямъ, какъ хѳоническій богъ или герой, которому оказывается культъ его близкими [2]). Присоединеніе бóльшаго или меньшаго количества реальныхъ подробностей изъ области семейной жизни и т. д. врядъ ли доказываетъ даже ослабленіе основного религіознаго представленія. Въ немъ сказывается просто любовь іонизма и эллинизма къ быту и бытовой идилліи.

Нѣсколько иное значеніе, хотя также связанное съ представленіями объ одной изъ формъ эпифаніи хѳоническаго божества, имѣетъ сцена выѣзда героя. Сравнивать ее надо съ тѣми памятниками культа, главнымъ образомъ, вотивными рельефами, гдѣ хѳоническій богъ или герой появляется на лошади, иногда въ сопровожденіи собаки. Памятники этого рода наиболѣе распространены во Ѳракіи и М. Азіи, но герои этого типа извѣстны уже въ Гомеровской поэзіи (см. P. Perdrizet въ *Ann. de l'Est* (Cultes et mythes du Pangée). Paris-Nancy, 1910 [3]). Любопытно, что и для сцены ѳеоксеніи, и для изображенія хѳоническаго бога коннымъ наибольшее количество памятниковъ, кромѣ Аттики, для перваго сюжета, даютъ области разселенія ѳракійскаго племени, т. е. Балканскій полуостровъ [4]) и нѣкоторыя части М. Азіи. Характерно появленіе, какъ въ памятникахъ загробной трапезы, такъ и въ памятникахъ чистой ѳеоксеніи, значительнаго количества элементовъ Діонисовскаго культа: въ области ѳракійскихъ религіозныхъ представленій Діонисъ прежде всего хѳоническій богъ [5]).

Тотъ же характеръ слiянія покойника съ хѳоническимъ божествомъ имѣетъ и третья сцена — сцена жертвоприношенія бога и богини надъ алтаремъ. И эта сцена обычна въ памятникахъ, посвященныхъ культу хѳоническихъ боговъ, и на почвѣ Ѳракіи, и въ Греціи, и въ М. Азіи. Съ того времени, какъ хѳоническимъ богомъ κατ᾽ ἐξοχήν сдѣлался александрійскій богъ Сераписъ и его египетская спутница Исида—новыя религіозныя формаціи, тѣсно связанныя съ культомъ хѳоническихъ боговъ, преимущественно хѳоническаго Діониса на западномъ побережьи Чернаго моря, главнымъ образомъ, въ Синопѣ [6]),—хѳоническая пара, совершающая

---

[1]) См. М. Ростовцевъ, Роспись Керченской гробницы 1891 г., въ Сборникѣ въ честь графа А. А. Бобринскаго, Спб. 1911, стр. 119 слл.

[2]) О различныхъ толкованіяхъ и наиболѣе правильномъ разрѣшеніи вопроса о такъ называемой загробной трапезѣ см. Кулаковскій, *Мат. по арх. Россіи*, 19, стр. 52—57, ср. Pick въ *Jahrb. d. d. arch. Inst.*,XIII (1899), 145 слл.; Furtwängler, *Sitzungsb. der Münch. Ak.*, 1897, 401 слл.; Harrisson, Prolegomena to the study of the gr. religion, 356 слл.

[3]) См. выше стр. 59, 2.

[4]) См. вышеуказанную статью Pick'a—Thrakische Münzbilder въ *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1899, 145 слл.

[5]) См. литературу вопроса и сводъ нѣкоторыхъ памятниковъ въ моей статьѣ: Святилище ѳракійскихъ боговъ и надписи бенефиціаріевъ въ Ай-Тодорѣ, *И. И. А. К.*, 40, 23 слл.; ср. Б. Филовъ, *Изв. на Българското Арх. Дружество*, 1912 (III), 25 слл., особенно же E. Rohde, Psyche, II², 12, 2.

[6]) См. литературу вопросовъ и мои соображенія о происхожденіи культа Сераписа въ моей упомянутой уже статьѣ въ Сборникѣ въ честь гр. А. А. Бобринскаго, стр. 137 (19) слл. Къ приведенной тамъ литературѣ о культѣ хѳоническихъ боговъ на Дунаѣ надо присоединить статью Kuszinski, Alvilagi istenek Köemlékeken въ *Arch. Ertesitö*, 1907, 119 слл — рядъ вотивныхъ стелъ съ интересными изображеніями Дита и Просерпины.

жертвоприношеніе, иногда появляется на памятникахъ искусства въ видѣ Сераписа и Исиды, причемъ основное представленіе, конечно, остается тѣмъ же. Изображеніе хѳонической пары вмѣстѣ или отдѣльныхъ членовъ ея по одиночкѣ, независимое отъ представленій о Сераписѣ и Исидѣ и стоящее въ связи съ развитіемъ типа хѳоническаго бога и богини вообще, повліявшаго и на типъ самого Сераписа, наиболѣе часто встрѣчается во Ѳракіи, раньше и чаще всего на монетахъ и рельефахъ Одесса, а затѣмъ на огромномъ количествѣ монетъ и рельефовъ другихъ городовъ, причемъ богъ и богиня то характеризованы πόλος'омъ, какъ настоящія хѳоническія божества, то являются въ видѣ Зевса и Геры съ какимъ-нибудь мѣстнымъ прозвищемъ, или, наконецъ, въ типѣ Ἀγαθὸς Δαίμων, Bonus Eventus, Фортуны или Изобилія, причемъ послѣднія почти всегда характеризованы πόλος'омъ, украшающимъ ихъ головы [1]).

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ѳракійскіе типы стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ типами аѳинскихъ и элевсинскихъ хѳоническихъ боговъ: Аида-Плутона, Зевса Филія, Зевса Милихія и другихъ и ихъ женскими ипостасями: Плутонъ-Персефона, θεός-θεά, Нелей-Басиле, Діонисъ-Басилинна, Клименъ-Хѳонія, Трофоній-Геркина и др. [2]); но врядъ ли самъ культъ, а не одно только изображеніе пришло сюда изъ Греціи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что преобладаніе хѳоническихъ боговъ въ ѳракійскихъ религіозныхъ представленіяхъ, какъ мы это знаемъ и изъ литературныхъ свидѣтельствъ и изъ памятниковъ культа, главнымъ образомъ, вотивныхъ рельефовъ, есть исконная особенность ѳракійской религіи, приведшая къ мистической окраскѣ всего ѳракійскаго культа и религіи и повліявшая въ видѣ орфизма съ одной стороны, культа Діониса съ другой на развитіе хѳоническихъ культовъ Греціи и преимущественно Аѳинъ и Элевсина. Шло ли это вліяніе прямо, или, что вѣроятнѣе, при посредствѣ іонійскихъ городовъ М. Азіи, это вопросъ, который долженъ былъ бы быть разобранъ въ особомъ обширномъ изслѣдованіи.

Кромѣ Аѳинъ съ Элевсиномъ и Ѳракіи пара приносящихъ жертву хѳоническихъ боговъ попадается нерѣдко, правда, главнымъ образомъ, въ римское время, и въ другихъ мѣстностяхъ античнаго міра. Мнѣ извѣстны—и я не считаю этого явленія случайностью—такія изображенія, не характеризованныя опредѣленно какъ Сераписъ и Исида, преимущественно въ М. Азіи и на островахъ. Я имѣю въ виду рельефы изъ Ксанѳа (Michaelis, *Journ. of hell. St.*, 1885 (IV), 287 слл. и Атл. pl. LVIII; A. Smith, A Catalogue of sculpture in the... British Museum, II, № 956); изъ Horrea Hadriani (Petersen и Luschan, Reisen in Lykien, II, 42, рис. 31) и изъ Делоса (M. Bulard, *BCH.*, 1907 (XXXI), 525 слл. и рис. 24). Особенно подчеркнутъ хѳоническій характеръ въ послѣднемъ рельефѣ, чрезвычайно напоминающемъ нашъ: въ сооруженіи вродѣ наиска стоитъ посрединѣ ложе съ подушкой, на которой бородатая змѣя вправо—Ἀγαθὸς Δαίμων, изображеніе, стоящее въ несомнѣнной связи съ типомъ ѳеоксеніи хѳоническихъ боговъ; передъ ложемъ налѣво женская фигура въ пóлосѣ и длинной одеждѣ впрямь, въ лѣвой опущенной рукѣ энохоя, въ правой—большой рогъ изобилія; направо—бородатый богъ въ длинномъ одѣяніи впрямь, типа одесскаго бога и его прототиповъ въ греческомъ искусствѣ, въ правой рукѣ у него патера, въ лѣвой—рогъ изобилія.

Надо ли думать вмѣстѣ съ Bulard, что рельефъ изображаетъ александрійскую хѳоническую тріаду Сераписа, Исиды и Агаѳодэмона, или, какъ это болѣе вѣроятно,

---

[1]) См. мою только что указанную статью, стр. 131 (12) слл.
[2]) См. указанную выше статью Фуртвенглера.

въ изображенной тріадѣ слѣдуетъ усмотрѣть обычную хѳоническую тріаду греческаго культа, зависимаго отъ элевсино-орфическихъ представленій, ясно одно, что сходство рельефа съ нашей живописью чрезвычайно велико. При этомъ, однако, если въ делосскомъ рельефѣ кое-какія основанія для идентификаціи приносящихъ жертву боговъ съ Сераписомъ и Исидой и имѣются, то для пары нашей гробницы такая идентификація весьма мало вѣроятна. Ничто въ одеждѣ, позѣ и аттрибутахъ боговъ не заставляетъ думать о Сераписѣ и Исидѣ, все съ другой стороны напоминаетъ хѳоническихъ боговъ западнаго побережья Чернаго моря. Единственное, что могло бы говорить за идентификацію мужского бога съ Сераписомъ, это πόλος на его головѣ. Но не надо забывать, что πόλος—старый аттрибутъ хѳоническихъ боговъ и женскихъ, и мужскихъ, гораздо болѣе старый, чѣмъ Сераписъ, и что πόλος на головѣ нашихъ боговъ совершенно иной, чѣмъ характерный для Сераписа калаѳъ-полосъ съ рельефными его украшеніями [1]).

Еще болѣе укрѣпляетъ меня въ мысли о томъ, что наша пара ничего общаго спеціально съ Сераписомъ и Исидой не имѣетъ, а изображаетъ одну изъ формъ хѳонической пары боговъ, культъ которыхъ создалъ и самого Сераписа,—та обстановка, въ которой дѣйствуетъ наша пара. Характерна прежде всего связь сцены съ изображеніемъ сцены загробной трапезы и сцены выѣзда; на послѣднія, конечно, нѣтъ и не можетъ быть какого бы то ни было александрійскаго вліянія. Особенно же характерно присоединеніе къ приносящей жертву парѣ пляшущей фигуры и помѣщеніе всей сцены въ пейзажъ съ деревьями, животными, птицами и цвѣтами.

Весьма вѣроятно, что вся эта обстановка находится въ тѣснѣйшей связи съ орфическими представленіями о загробной жизни и о загробномъ блаженствѣ божественныхъ, слившихся съ божествомъ мистовъ орфическаго культа. Какъ представленіе объ обожествленіи миста послѣ смерти, такъ и представленіе объ Элисіи, какъ прелестной рощѣ и лугѣ, гдѣ блаженные проводятъ время въ музыкѣ и мистической пляскѣ, и, наконецъ, представленіе о присутствіи въ Элисіи и животныхъ, и птицъ—все это особенности орфическихъ воззрѣній на загробную жизнь. Не стану приводить здѣсь доказательствъ, подтверждающихъ это, и сошлюсь на упомянутую уже много разъ статью мою о росписи нашей гробницы [2]).

Въ тотъ же кругъ орфическихъ представленій о загробной жизни вводятъ насъ и двѣ фигуры по обѣ стороны входа въ гробницу. Ниже, при описаніи склепа Зайцевой, мнѣ еще придется подробнѣе говорить объ этой, уже дважды встрѣчавшейся намъ, парѣ, здѣсь укажу только на то, что передъ нами, несомнѣнно,

---

[1]) См. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant. s. v. *Serapis*, IV, 1250 (Lafaye). Отмѣчу еще двѣ небольшія золотыя фигурки въ Луврѣ (отдѣленіе азіатскихъ древностей), составлявшія часть подвѣски или серьги (найдены въ Финикіи). Изображенъ бородатый богъ съ пóлосомъ на головѣ, въ правой рукѣ патера, въ лѣвой, можетъ быть, рогъ изобилія (обломанъ). Рядомъ женщина съ тѣми же аттрибутами.

[2]) См. стр. 142 (24) слл. Тексты на орфическихъ золотыхъ табличкахъ, найденныхъ въ гробницахъ южной Италіи, Крита и Рима, изданы теперь полностью и по точнымъ копіямъ съ обширнымъ комментаріемъ D. Comparetti, Laminette orfiche, Firenze, 1910. Изображеніе смертныхъ въ видѣ боговъ на надгробныхъ стелахъ и въ убранствѣ гробницъ обычно, см. ту же мою статью, стр. 149 (31). Особенно характерно сопоставленіе нашей картины съ рельефомъ изъ Керчи, гдѣ на надгробной стелѣ въ видѣ храма Деметры изображены просвѣтленные покойники въ видѣ мужского (Зевсъ?) и женскаго (Гера?) божества. Что передъ нами несомнѣнно надгробная, а не вотивная или какая-либо иная стела, показываетъ герма въ правомъ углу рельефа рядомъ съ обожествленнымъ мужчиной. См. Kieseritzky-Watzinger, Griech. Grabrel. aus Südrussland, № 407, табл. XXVIII; мою цит. статью, стр. 149 (31) и табл. III, ср. монеты царя Савромата II, ibid., 150 (32), 1, и виньетку въ концѣ статьи, ср. И. И. А. К., 49, табл. IV, 3.

еще одна хѳоническая пара: налѣво хѳоническая Ἀγαθὴ Τύχη, направо, вѣроятно, хѳоническій Ἀγαθὸς Δαίμων, сближенный, однако, съ одной стороны, типомъ головы и ѳиміатеріемъ или факеломъ съ фигурами элевсинскаго круга — Евбулеемъ, Іакхомъ, Триптолемомъ и вообще элевсинскими дадухами, связанный, рядомъ съ этимъ, можетъ быть, аттрибутомъ кошеля съ хѳоническимъ Гермесомъ [1]). Особенно характеренъ, какъ для нашей гробницы, такъ и для склепа Анѳестерія, этотъ неопредѣленный религіозный синкретизмъ различныхъ мотивовъ и сценъ, имѣющихъ отношеніе къ мистико-орфическимъ представленіямъ о загробной жизни. Доминирующая идея во всей гробницѣ одна: безсмертіе человѣческой души, блаженное существованіе миста въ образѣ героя или бога въ загробной жизни. Соотвѣтственно этому, мѣсто его послѣдняго упокоенія есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, его храмъ, его ἡρῷον, гдѣ встрѣчаютъ его благосклонныя и нѣжныя фигуры элевсинскаго круга—Ἀγαθὸς Δαίμων, Ἀγαθὴ Τύχη, Гермесъ и его женскій коррелятъ.

Тѣ же идеи, правда, менѣе ярко запечатлѣнныя, мы видѣли и въ гробницѣ Анѳестерія, и въ гробницѣ Алкима, о томъ же говорятъ намъ и памятники IV—III в. до Р. Хр. — ἡρῷον Большой Близницы, съ головой Деметры въ ключѣ свода и характернымъ уборомъ погребенныхъ въ сосѣднихъ склепахъ, и открытый героонъ Васюринской горы.

Происхожденіе религіозныхъ представленій росписи.

Эти старыя, давно пустившія корни на югѣ Россіи, представленія о загробной жизни, связанныя съ интенсивнымъ культомъ хѳоническихъ боговъ, прежде всего, Деметры и ея круга [2]), въ города сѣвернаго побережья Чернаго моря пришли, конечно, не изъ Александріи. Пришли ли они, однако, прямо изъ Аѳинъ вмѣстѣ съ аѳинскими купцами, пріѣзжавшими за хлѣбомъ, или, что гораздо болѣе вѣроятно, появились въ Пантикапеѣ и Ольвіи уже съ первыми поселенцами—выходцами изъ Милета, а затѣмъ питались постояннымъ вліяніемъ со стороны городовъ западнаго и юго-западнаго побережья Чернаго моря, главнымъ образомъ, Синопы, большое количество гражданъ которой составляло часть постояннаго населенія Пантикапея, выяснить это пока затруднительно. Любопытно, что въ эпиграммахъ на надгробныхъ стелахъ синопцевъ въ Керчи ярко сказываются орфическія представленія о загробной жизни (см. Ios. P. E. 298 и, особенно, 299), а на пальцѣ скелета одного изъ погребенныхъ въ I в. по Р. Хр. въ Пантикапеѣ синопца найденъ былъ большой перстень съ изображеніемъ головы Сераписа, который въ Синопѣ всегда былъ хѳоническимъ богомъ по преимуществу (см. Шкорпилъ, И. И. А. К., 30, 46, № 161, ср. Латышевъ, ibid., 18, 132, № 49, а также И. И. А. К. 10, 67, № 71—124 г. по Р. Хр.).

За сильное вліяніе Малой Азіи уже въ раннее время и притомъ не только въ области трактовки, но и въ области выбора сюжетовъ, говорятъ, во-первыхъ, уже выше отмѣченныя совпаденія декоративной схемы и трактовки раннихъ курганныхъ ἡρῷα южной Россіи съ такими же въ Ликіи, Ѳракіи, Македоніи, южной Италіи и Этруріи — сферахъ распространенія мало-азійской іонійской культуры, во-вторыхъ, такія же совпаденія въ архитектурѣ склеповъ и, наконецъ, тѣсная родственная связь сюжетовъ росписи гробницы Анѳестерія съ сюжетами росписей и скульптурныхъ украшеній гробницъ вышеперечисленныхъ странъ. Наша гробница въ этомъ отношеніи еще болѣе показательна. Уже выше было отмѣчено, что

---

[1]) См. цитованную мою статью, стр. 150 (35) сл. Ср. керченскую стелу съ изображеніемъ обыкновенной сцены «загробной трапезы» и надписью Ἀγαθὴ Τύχη, см. Kieseritzky-Watzinger, № 732, табл. LIV; Латышевъ, Ios. P. E. II, 314.

[2]) См. ту же мою статью, стр. 120 слл.

жертвоприношеніе хѳонической пары находитъ себѣ параллели, главнымъ образомъ, въ памятникахъ, правда, позднихъ, Малой Азіи и Ѳракіи. Напомню здѣсь же, что и подборъ сюжетовъ гробницы въ цѣломъ сдѣланъ буквально по тому шаблону, который мы застаемъ уже въ ликійскихъ гробницахъ V и IV вв. до Р. Хр. Подробнѣе рѣчь будетъ объ этомъ ниже при описаніи такъ называемаго Зайцевскаго склепа, гдѣ будутъ приведены фригійскія и ликійскія, а также этрусскія параллели къ двумъ фигурамъ у входа, а также и, главнымъ образомъ, при описаніи и разборѣ росписи Ашиковскаго склепа, гдѣ будутъ указаны и поразительныя совпаденія схемы декоративной росписи этой погребальной комнаты съ погребальными комнатами Ликіи IV вѣка.

Здѣсь я обращу вниманіе только на одну, но въ высшей степени характерную подробность. Помимо того, что только въ ликійскихъ гробницахъ вполнѣ обычно характерное для нашей гробницы сопоставленіе двухъ фигуръ у входа съ такъ называемой загробной трапезой, выѣздомъ или боемъ и жертвоприношеніемъ героизованныхъ покойниковъ, разительнымъ является совпаденіе въ трактовкѣ нашего приносящаго жертву просвѣтленнаго миста съ аналогичными фигурами многихъ ликійскихъ гробницъ, главнымъ же образомъ, гробницы Пайава [1]). Мы имѣемъ ту же роскошную шевелюру, спадающую на плечи, тотъ же цвѣтъ волосъ (всѣ фигуры имѣютъ золотистые волосы—ξανθοί, какъ Менелай и другіе герои въ Иліадѣ), ту же короткую золотистую бороду и такіе же усы, тѣ же торжественныя іератическія позы.

Типъ этотъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ обычнымъ каноническимъ типомъ верховнаго хѳоническаго бога, повтореніе котораго мы нашли и во Ѳракіи—на монетахъ и рельефахъ—и, что особенно важно, на одной, вѣроятно, надгробной стелѣ изъ Пантикапея, нынѣ въ Эрмитажѣ.

Весьма поучительно напомнить въ этой связи одинъ въ высшей степени любопытный, стоящій особнякомъ въ Пантикапеѣ, памятникъ. Я имѣю въ виду фигуру, изображенную на керченской стелѣ Kieseritzky-Watzinger, № 450, табл. XXXII (ср. Шкорпилъ, *Зап. Од. Общ. Ист. и др.*, XXI, 186, № IV; Ios. P. E. IV, 340). Отвлекаясь отъ воинской одежды изображеннаго на нашей стелѣ лица, мы имѣемъ передъ нами необычное для Пантикапея изображеніе мужчины съ длинными курчавыми, спадающими на плечи, волосами и съ короткой вьющейся же бородкой, совершенно того же типа, что и нашъ мужской хѳоническій богъ. Необычность типа и необычность костюма объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что стела принадлежитъ еще эллинистическому времени [2]).

Датировка склепа и его росписи возможна, опять-таки, только на основаніи стилистическихъ соображеній и сближеній съ другими склепами того же типа, такъ какъ въ склепѣ при его открытіи ничего найдено не было. Нѣкоторое хронологическое указаніе даетъ только находка въ 1894 г. «при вторичномъ вскрытіи гробницы», «въ землѣ, наполнявшей спускъ въ катакомбу», монеты царя Миѳрадата II-го, современника имп. Клавдія. Къ сожалѣнію, проф. Кулаковскій не указываетъ, гдѣ именно найдена была монета; для меня остается неяснымъ, о ка-

Датировка склепа.

[1]) См. Smith, Catalogue, II, стр. 51, № 6 (pl. X), № 7 (pl. XI) и особ. № 8 (pl. XII), ср. гробницу Миры въ Ликіи, Fellows, Lycia, 198 сл. и три таблицы къ этой страницѣ (особ. третья, гдѣ переданы краски рельефа съ одной изъ интересующихъ насъ фигуръ); Petersen и Luschan, Reisen, II, 31 сл.; ср. гробницу въ Кадіандѣ Fellows, Lycia, табл. къ стр. 118; Benndorf и Niemann, Reisen, I, 141 и табл. XLV и гробницу въ Лимирѣ, Fellows, Lycia, табл. къ стр. 206.

[2]) См. Watzinger, l.l. Щитъ той же формы мы находимъ на стелахъ № 690 и 691.

комъ именно спускѣ въ катакомбу идетъ рѣчь; важно было бы также знать, въ какомъ слоѣ земли, верхнемъ или нижнемъ, была найдена монета [1]).

Уже при описанiи росписи гробницы и оцѣнкѣ композицiи главныхъ изображенiй указаны были пункты сходства и отличiя росписи нашей гробницы и гробницъ Алкима и Анѳестерiя. Напомню, прежде всего, поразительное сходство архитектуры всѣхъ трехъ склеповъ, расположенiя картинъ по люнеткамъ въ нихъ, общей ихъ декоративной схемы; отмѣчу, кромѣ того, разительныя аналогiи въ мелочной и тонкой манерѣ письма; въ гаммѣ красокъ съ предпочтенiемъ нѣжныхъ тоновъ — розоваго, голубого, свѣтлозеленаго, свѣтложелтаго; въ трактовкѣ деревьевъ и животныхъ. Какъ и мастера гробницъ Алкима и Анѳестерiя, и нашъ мастеръ отличается особенностями поздне-эллинистическихъ художниковъ [2]): и онъ распредѣляетъ фигуры въ пространствѣ съ стремленiемъ къ перспективѣ [3]), и онъ любитъ пейзажныя детали, давая пейзажъ даже тамъ, гдѣ онъ неумѣстенъ, и относится всецѣло къ области безразличной обстановки, какъ, напримѣръ, дерево и олень около фигуръ Тихи и Агаѳодэмона, и онъ стремится къ реалистическимъ бытовымъ подробностямъ, какъ, напримѣръ, изображенiе юрты и колыбели съ двумя младенцами и нянькой. Словомъ, тотъ же духъ, та же манера, тѣ же прiемы.

Но многое, однако, и измѣнилось. На разницу во владѣнiи композицiей я уже указалъ: отдѣльныя картины росписи не связаны между собою, какъ въ гробницахъ Алкима и Анѳестерiя, а механически сопоставлены, причемъ выдвинуты, какъ главныя изображенiя, тѣ, религiозное значенiе которыхъ для самаго мастера было вполнѣ ясно. Не менѣе велико и отличiе въ трактовкѣ фигуръ: какъ бы ни были прикрашены копiи Гросса съ росписи гробницъ Анѳестерiя и Алкима, разница между трактовкой, напримѣръ, лошадей гробницы Анѳестерiя и лошади у юрты гробницы 1891 г. колоссальна; въ гробницахъ Анѳестерiя и Алкима нѣтъ той обязательности изображенiя всѣхъ людей впрямь, о которой была рѣчь при описанiи росписи гробницы 1891 г. Словомъ, умѣнье мастера первыхъ двухъ гробницъ и мастера третьей несравнимо, хотя манера и стиль одинаковы. Послѣдняя гробница говоритъ объ явномъ упадкѣ и стиля, и манеры въ рукахъ мастеровъ, не умѣвшихъ передавать находившiеся передъ ихъ глазами оригиналы. Конечно, такое же, если не большее, отличiе надо предположить и для ремесленной работы мастеровъ первыхъ двухъ гробницъ отъ ихъ живописныхъ, чисто греческихъ ори-

---

[1]) При дослѣдованiи гробницы В. В. Шкорпиломъ найдены были кое-какiе фрагменты, но и они никакихъ болѣе точныхъ хронологическихъ критерiевъ не даютъ. Такъ, на полу склепа нашлось большое количество обломковъ стекла, кусокъ желѣзнаго кинжала, нѣсколько кусковъ листового золота, вѣроятно, отъ погребальнаго вѣнца, ничтожные куски глиняной посуды. Въ дромосѣ также найдены были только незначущiе фрагменты: куски грубаго стекла, грубой глиняной посуды и безформенные куски желѣза (гвозди и остатки оружiя?). Всѣ эти предметы, конечно, римскаго времени и притомъ отнюдь не ранняго; но мы уже видѣли, что склепъ, какъ и большинство хорошихъ склеповъ, использованъ былъ для погребенiя (и, можетъ быть, не разъ) долгое время послѣ его постройки.

[2]) Напомню приведенное выше сопоставленiе фигуры мужского хѳоническаго бога нашей росписи съ аналогичной фигурой эллинистической стелы Kieseritzky-Watzinger, № 450.

[3]) Поползновенiя на это имѣютъ и мастера пантикапейскихъ надгробныхъ стелъ, главнымъ образомъ, въ I в. по Р. Хр. Нѣчто подобное нашей картинѣ даетъ уже упомянутая стела Kieseritzky-Watzinger, № 271, ср. № 669,—маленькая женская фигура въ полѣ вверху между двумя главными фигурами. Наверху и сзади, какъ бы въ отдаленiи, часто изображается и конный оруженосецъ коннаго героя-покойника, см. ibid., 617, 626, 628, 629 и т. д.; особенно интересны три фигуры на рельефѣ № 651.

гиналовъ. Любопытныя отличія отъ гробницъ Алкима и Анѳестерія въ деталяхъ наблюдаются и въ схемѣ расчлененія и орнаментаціи стѣнъ гробницы. Хотя схема и повторяетъ въ точности схему гробницы Анѳестерія вплоть до трактовки верхней полосы, тѣмъ не менѣе имѣются и характерныя отличія. Прежде всего, приданіе цоколю характера стѣны, обложенной сплошь пестрымъ мраморомъ, затѣмъ украшеніе верха стѣны гирляндами и теніями или гирляндами - мѣшками, подвѣшенными на крюкахъ. Насколько часты аналогіи для гвоздей, которые были вбиты въ стѣну и на которые повѣшены были разные предметы (см. выше стр. 78 сл.), настолько рѣдки аналогіи для формы крюковъ; укажу изъ памятниковъ, наиболѣе близкихъ нашей гробницѣ, на нѣкоторыя надгробныя стелы, изображающія юношу эфеба у пилястры; вооруженіе юноши либо стоитъ около него, либо подвѣшено тутъ же на стѣнѣ, см. Kieseritzky - Watzinger, № 454, 455a, 693, 718, гдѣ горитъ юноши виситъ на крюкѣ, совершенно подобномъ нашему.

Важнѣе, однако, сама форма гирляндъ, уже выше охарактеризованное соединеніе листьевъ съ цвѣтами и фруктами, свойственное, главнымъ образомъ, сравнительно позднему эллинизму и римскому времени (наиболѣе ранній, можетъ быть, примѣръ—гирлянда одного куска стѣнной декоровки на Делосѣ, см. Bulard, *Mon. Piot*, XIV, табл. XIII, ср. ниже о росписи херсонесскихъ гробницъ), но еще важнѣе заполненіе свободныхъ пространствъ внутри вѣнковъ то плодами граната, то тремя цвѣтками розы той формы, какая до сихъ поръ намъ не встрѣчалась, но будетъ встрѣчаться чѣмъ дальше, тѣмъ чаще въ могилахъ римскаго времени.

Характерно и украшеніе люнетокъ боковыхъ стѣнъ: о связи съ главной сценой въ люнеткѣ задней стѣны не можетъ быть и рѣчи, какъ въ гробницахъ Алкима и Анѳестерія; передъ нами, несомнѣнно, чисто декоративные мотивы ничѣмъ между собою не связанныхъ птицъ.

Въ помѣщеніи этихъ птицъ надъ верхней полосой стѣны, какъ бы на стѣнѣ, видны еще воспоминанія склепа Васюринской горы, но самая трактовка и полная несвязанность птицъ съ архитектурой стѣны сразу бросаются въ глаза. Интересны также, съ одной стороны, реализмъ обстановки въ нѣкоторыхъ группахъ птицъ—цѣлые выводки около кучи зерна, что дѣлаетъ изъ декоративнаго изображенія настоящую жанровую сценку, съ другой—повторное появленіе мотива павлиновъ, пьющихъ изъ канѳара. Въ послѣднемъ мотивѣ замѣтно любопытное совпаденіе съ гробницей 1832 г., гдѣ мы видѣли павлиновъ въ той же декоративной роли, что и въ одномъ изъ случаевъ примѣненія этого мотива въ нашей гробницѣ: и здѣсь, и тамъ мотивъ павлиновъ заполняетъ люнетку, въ гробницѣ 1832 г. самостоятельно, въ нашей—какъ заполненіе центра люнетки надъ нишей. Важно отмѣтить и то, что и въ нашей гробницѣ расцвѣтка павлиновъ условная и совершенно напоминаетъ расцвѣтку ихъ въ склепѣ Пигмеевъ 1832 г. Характерно, наконецъ, то обстоятельство, что павлины сидятъ на цвѣтущей вѣткѣ розы или шиповника: вспомнимъ, что и въ гробницѣ Пигмеевъ въ люнеткѣ противъ люнетки съ павлинами изображенъ былъ геній съ цвѣтами розы въ корзинкѣ.

Всѣ указанныя соображенія стилистическаго характера, въ связи съ находкой монеты Миѳрадата II въ ходѣ, ведшемъ ко входу въ гробницу, позволяютъ думать, что гробница 1891 года, принадлежа въ общемъ тому же времени, что и гробницы Алкима и Анѳестерія, составляетъ, однако, послѣдній этапъ въ развитіи стиля, представителями котораго являются всѣ три гробницы. Если склепъ Пигмеевъ относится, вѣроятно, къ II—I в. до Р. Хр., склепъ 1832 г.—къ концу I в. до Р. Хр. или началу I по Р. Хр., если склепы Алкима и Анѳестерія должны

быть датированы скорѣе всего тѣмъ же временемъ, т. е. послѣдними годами перваго вѣка до Р. Хр. или первыми по Р. Хр., то склепъ 1891 г. будетъ принадлежать нѣсколько болѣе позднему времени, т. е. первой половинѣ I в. по Р. Хр., когда и въ живописи римскихъ христіанскихъ катакомбъ получаютъ преобладаніе тѣ декоративные мотивы, которые въ нашей гробницѣ играютъ немалую роль: я имѣю въ виду мотивъ павлиновъ и значительное пристрастіе къ изображенію цвѣтка розы, какъ способу декорировать отдѣльныя части стѣны.

Въ это время, какъ мы увидимъ ниже, на смѣну чисто эллинистическому стилю послѣднихъ вѣковъ до Р. Хр. явился иной стиль и въ декоровкѣ, и въ трактовкѣ фигуръ.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1891 г., стр. 57 сл.; Ю. Кулаковскій, Двѣ керченскія катакомбы съ фресками. *Матеріалы по арх. Россіи, изд. Имп. Арх. Комм.*, в. 19 (С.-Петербургъ, 1896), гл. IV: Катакомба съ фресками, открытая въ 1891 г., стр. 34—58; В. Шкорпилъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 40, стр. 89; М. Ростовцевъ, Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 г., С.-Петербургъ 1911 (извлечено изъ Сборника въ честь гр. А. А. Бобринскаго, стр. 119 сл.).

XVII. Склепъ, вырѣзанный въ скалѣ, 1878 г.

Открытъ былъ при систематическомъ разслѣдованіи склеповъ этого типа на сѣверныхъ склонахъ такъ называемой «Сахарной головы» и «Долгой скалы». Среди 17 склеповъ верхняго района, изъ которыхъ большинство было съ лежанками, открытъ былъ одинъ, стѣны котораго были расписаны въ подражаніе стѣнѣ, кладеной изъ плитъ. Другихъ данныхъ объ этомъ склепѣ не сохранилось; ни его плана, ни свѣдѣній о находкахъ въ немъ не имѣется.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1878 г., стр. XIV.

B. Памятники римскаго императорскаго времени.
a. Памятники цвѣточнаго стиля.

XVIII. Склепъ, открытый въ 1895 г. во дворѣ мѣщ. Зайцевой на Глинищѣ.

(Табл. LVI—LXII; рис. 35—47).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Найденъ былъ случайно владѣльцами усадьбы Зайцевой, расположенной на такъ называемомъ Глинищѣ по 4-й Продольной улицѣ, д. № 10 (см. табл. III d), неразграбленнымъ. Найденныя въ склепѣ вещи вскорѣ перешли въ собственность Императорскаго Эрмитажа. Роспись склепа была немедленно снята фотографомъ Рубанчикомъ и скопирована въ краскахъ художникомъ-любителемъ шт.-капитаномъ Н. Ридигеромъ, въ то-же время снятъ былъ планъ и сдѣланы разрѣзы архитекторомъ Г. Салтыкевичемъ. Весь матеріалъ долженъ былъ быть опубликованъ членомъ Арх. Комм., завѣдывавшимъ въ то время раскопками, К. Е. Думбергомъ въ *Матеріалахъ по археологіи Россіи*, но публикація эта, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не состоялась. Планъ, снятый въ это время, къ сожалѣнію, ни въ Петербургѣ, ни въ Керчи не находится. Вскорѣ послѣ открытія Имп. Арх. Коммиссія, желая сохранить открытый памятникъ и сдѣлать его доступнымъ для интересующихся, соорудила тяжелую и крѣпкую, постоянно запертую на замокъ, дверь и ведущій въ склепъ прочный, широкій и длинный корридоръ. Мѣры эти оказались вполнѣ цѣлесообразными. Длинный ходъ въ гробницу и тяжелая дверь поддерживаютъ въ склепѣ необходимую для сохранности живописи влажность и, къ счастію, несмотря на частое открываніе склепа для посѣтителей и освѣщеніе его лампой, живопись до настоящаго времени очень мало пострадала и краски почти совсѣмъ не поблѣднѣли. Повторное посѣщеніе склепа, изученіе и описаніе его на мѣстѣ показали мнѣ, что копіи въ краскахъ г-на Ридигера недостаточны точны. Новыя копіи, здѣсь публикуемыя, были сдѣланы въ 1908 г. художникомъ М. В. Фармаковскимъ (см. табл. LVII, LVIII). Въ виду утраты снятаго при открытіи плана, въ 1911 г. сдѣланы были новые планы и разрѣзы, здѣсь публикуемые (рис. 35—37).

О томъ, какія вещи найдены были въ склепѣ и въ какихъ мѣстахъ склепа онѣ находились при его открытіи, освѣдомили меня лица, открывшія склепъ. Показанія ихъ мало чѣмъ отличались одно отъ другого.

Кромѣ названныхъ матеріаловъ, въ рукахъ моихъ при описаніи и изслѣдованіи склепа и его росписи находились еще фотографіи, сдѣланныя фотографомъ-любителемъ, нынѣ покойнымъ, Е. Ѳ. Кеппелемъ. Въ 1908 г., послѣ долгихъ переговоровъ, участокъ со склепомъ былъ купленъ Имп. Археологической Коммиссіей, что навсегда обезпечило сохранность склепа и доступность его для всѣхъ интересующихся.

Въ то-же приблизительно время В. В. Шкорпилъ подробно разслѣдовалъ весь дворъ и установилъ, что склепъ не составлялъ части большого семейнаго

некрополя, а впущенъ былъ въ маленькій холмикъ, въ которомъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ котораго другихъ погребеній не было.

Надо, однако, оговориться, что вообще по сосѣдству погребеній имѣется немало. Все Глинище, какъ извѣстно, есть одинъ сплошной некрополь. Къ сожалѣнію, ближайшія окрестности склепа давно уже раскопаны частными лицами, сосѣдній же съ усадьбой, гдѣ находится склепъ, дворъ никогда систематически разслѣдованъ не былъ.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа не представляетъ какихъ-либо выдающихся особенностей. Установить въ точности способъ кладки стѣнъ и свода мѣшаетъ то обстоятельство, что склепъ при раскопкахъ, къ счастію, не былъ оголенъ сверху, внутри же стѣны его и сводъ сплошь покрыты превосходно сохранившейся штукатуркой.

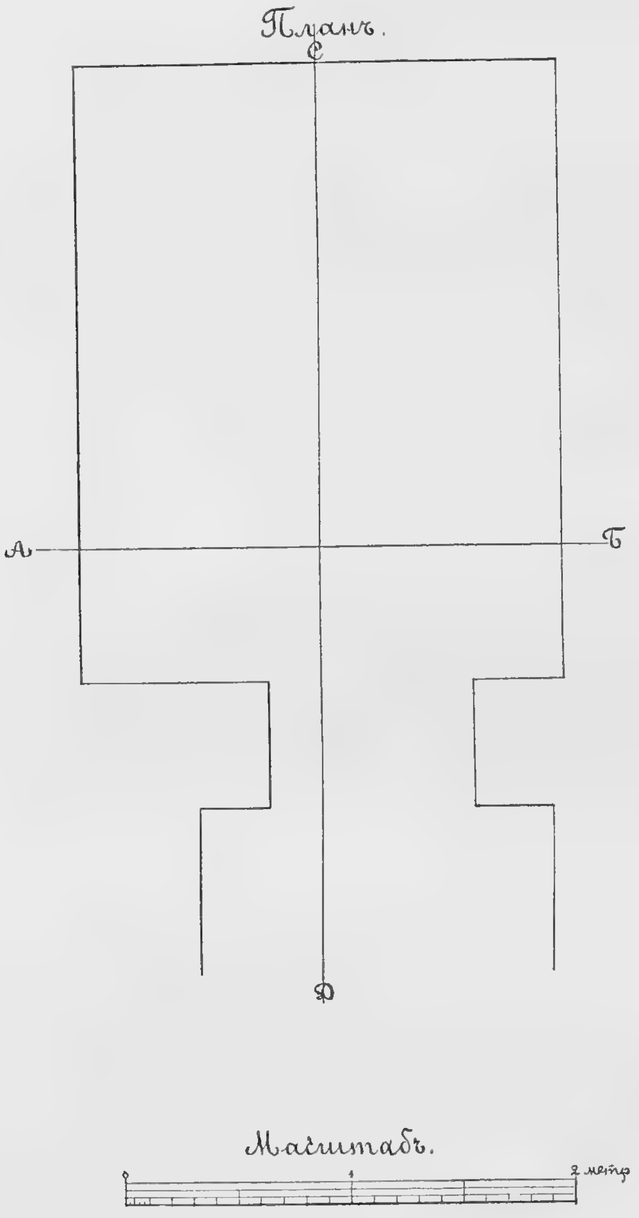


Рис. 35. Планъ склепа 1895 г.

Склепъ состоитъ изъ небольшой погребальной камеры, впущенной въ естественное возвышеніе почвы, маленькій холмикъ (не курганъ!). Комната эта крыта полуцилиндрическимъ сводомъ. Передъ нею находится открытый во всю ширину дромосъ. Къ нему съ поверхности земли вела, судя по разсказамъ и измѣреніямъ лицъ, видѣвшихъ склепъ до постройки упомянутаго выше крытаго входа, довольно пологая рампа въ три уступа; каждый маршъ имѣлъ ширину 1$^1/_2$, высоту — 1 арш.

Оріентированъ склепъ съ сѣвера на югъ. Въ погребальную комнату ведетъ широкая и низкая (шир. 0,91, выс. 1,45 м.) дверь. При открытіи склепа дверь была найдена заложенной. Плита, закрывавшая дверь, оказалась разбитой на двѣ части. На косякахъ двери покоится большая монолитная перемычка (дл. 1,38, шир. 0,39, толщ. 0,56). Надъ этой перемычкой одинъ изъ камней выдается на ширину закладной плиты (дл. 1,025, шир. 0,55), очевидно, съ цѣлью дать закладной плитѣ упоръ вверху.

Открытый дромосъ оштукатуренъ не былъ. Сложенъ онъ, какъ и весь склепъ, изъ хорошо отесанныхъ плитъ Керченскаго камня. Изъ того же камня сложенъ и сводъ камеры.

Во всѣхъ стѣнахъ камеры сдѣлано по нишѣ: въ зап. стѣнѣ — 1,54 м. отъ полу и 0,09 отъ начала свода (выс. ниши 0,375, шир. 0,31, гл. 0,175 м.), въ восточной — 1,585 отъ полу, 0,135 отъ начала свода (выс. ниши 0,10, шир. 0,35, гл. 0,18), въ южной — 0,61 отъ полу, 0,12 отъ начала люнетки (выс. ниши 0,42, шир. 0,35, гл. 0,185 м.). Внутренность нишъ оштукатурена, какъ и стѣны, и выкрашена черной краской; по черному фону сдѣланы бѣлыя пятна, такъ что все имѣетъ видъ примитивнаго opus signinum. Надъ нишей правой для входящаго стѣны, надъ правымъ ея угломъ въ соотвѣтственной плитѣ камня стѣнной кладки вырѣзана выдаю-

щаяся внутрь склепа каменная чашечка, въ которой, по всей вѣроятности, стояла лампочка. Раковина, какъ и вся стѣна, покрыта толстымъ слоемъ штукатурки. Налѣво, надъ той же нишей видны слѣды когда-то вколоченнаго гвоздя. У обѣихъ продольныхъ (вост. и зап.) стѣнъ сдѣланы были примитивныя лежанки, т. е. у каждой стѣны положены двѣ массивныя каменныя плиты перпендикулярно къ стѣнѣ. На этихъ плитахъ, нынѣ не находящихся болѣе in situ, стояли найденные при открытіи въ обломкахъ деревянные гробы.

Сводъ склепа — правильный полуцилиндрическій. Короткія стѣны камеры кверху суживаются (южная внизу 2,19 м. шир., вверху 2,01, сѣв.—внизу 2,20, вверху 2,04 шир.), такъ что площадь основанія свода меньше площади пола. Высота камеры у входа—2,285 м., въ центрѣ—2,33, у южной стѣны—2,24. Въ общемъ склепъ выстроенъ не какъ прямоугольная, почти квадратная камера съ прямыми стѣнами, крытая полуцилиндрическимъ сводомъ, а какъ сводчатый, вырѣзанный въ скалѣ или глинѣ, погребъ, наклонныя стѣны котораго, постепенно сближаясь, образуютъ полуцилиндрическій сводъ. На структуру склепа въ этомъ отношеніи, несомнѣнно,

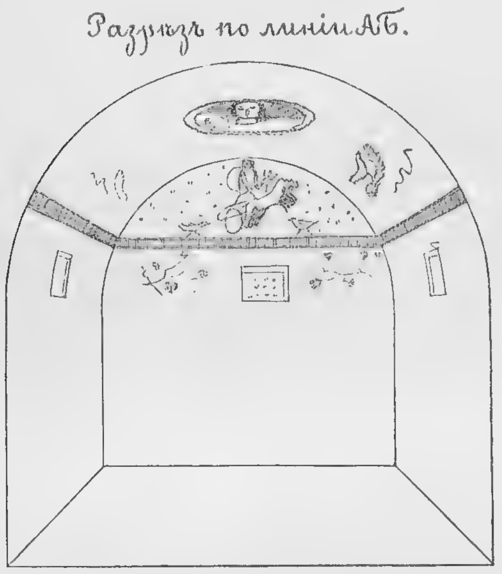


Рис. 36. Поперечный разрѣзъ склепа 1895 г.

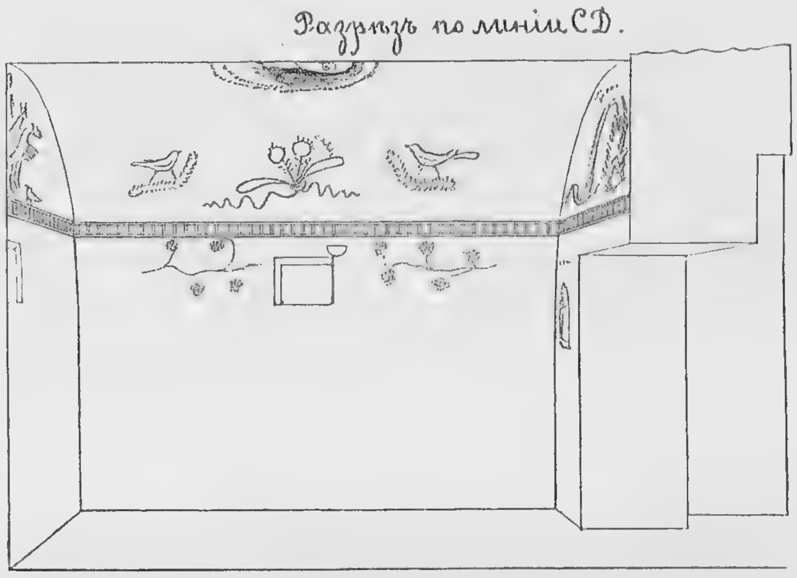


Рис. 37. Продольный разрѣзъ склепа 1895 г.

Масштабъ тотъ же, что на планѣ рис. 35.

повліяли врѣзанныя въ грунтъ подземныя камеры, между тѣмъ какъ обратно на структуру врѣзанныхъ въ грунтъ склеповъ Алкима, Анѳестерія и 1891 г. повліяла структура эллинистическихъ каменныхъ склеповъ типа склепа Васюринской горы. Только плоскій сводъ упомянутыхъ склеповъ объясняется сооруженіемъ ихъ въ грунтѣ, а не изъ плитового камня.

Въ виду такой «погребной» структуры нашего склепа, опредѣлить, гдѣ начинается сводъ, представляется затруднительнымъ, и художникъ, декорировавшій гробницу, опредѣлилъ этотъ пунктъ произвольно, отдѣливъ то, что онъ считалъ сводомъ, отъ того, что онъ считалъ стѣнами, нарисованнымъ сухарнымъ карнизомъ. Всѣ стѣны склепа и внутренніе простѣнки входа покрыты, какъ сказано, прямо по камню толстымъ двойнымъ слоемъ штукатурки. Первый слой бѣлый; онъ же покрываетъ и поверхность свода; и онъ, можетъ быть, состоитъ изъ двухъ наслоеній. Второй, верхній слой отъ значительной примѣси толченаго кирпича получилъ рыжеватый или темно-розовый оттѣнокъ.

По этому розоватому фону и сдѣлана роспись. Иначе трактованы плафонъ и люнетки. Они крыты двойнымъ слоемъ хорошей бѣлой штукатурки съ незна-

чительною лишь примѣсью толченаго кирпича, отчего штукатурка получила лишь легкій розоватый оттѣнокъ. Выравнена и выглажена здѣсь штукатурка, вѣроятно, при посредствѣ щетки; такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе оставляютъ слѣды, видимые на поверхности штукатурки. Стѣны передней, какъ сказано, совсѣмъ не оштукатурены.

Роспись склепа.

Схема декоровки рѣзко отличается отъ схемы декоровки всѣхъ до сихъ поръ описанныхъ гробницъ. Вся стѣна до начала свода и люнетокъ трактована какъ одно сплошное, не дифференцированное ни горизонтально, ни вертикально поле. По всей вѣроятности, насколько позволяетъ судить сохранность штукатурки, даже цоколь или панель ничѣмъ не были выдѣлены.

Только отъ верхней части — люнетокъ и свода — поле стѣнъ отдѣлено очень рельефно нарисованнымъ простымъ сухарнымъ карнизомъ, напоминающимъ сухарный карнизъ склепа Васюринской горы. Рѣзкая рельефность этого карниза является результатомъ подбора красокъ, которыми онъ написанъ: внизу идетъ черная узкая полоска, вверху голубая; освѣщенные лбы отдѣльныхъ сухариковъ сдѣланы бѣлыми, тѣневыя стороны ихъ — желтыми различной густоты; освѣщенные промежутки между отдѣльными сухариками опять-таки бѣлые.

Вся стѣна подъ сухариками до пола ничѣмъ не дифференцирована: нѣтъ и слѣда какого-либо подражанія исо-или псевдоисодомной кладкѣ. Только въ верхней части стѣны на высотѣ нишъ, выдѣляющихся своей черной окраской съ бѣлыми пятнами, къ этимъ нишамъ прикомпонованы на восточной, западной и южной стѣнахъ орнаментально трактованныя довольно сухія, но натуралистическія вѣтки винограда съ листьями и гроздьями, повернутыя на западной и южной стѣнахъ стволами къ угламъ, побѣгами къ нишамъ; на восточной стѣнѣ обѣ вѣтки слѣва направо. Листья сдѣланы черной, зеленой и бѣлой красками, стволы—черной и желтой, усики—черной, ягоды—черной же краской съ бликами.

Живопись размѣщена въ нашей камерѣ, какъ и во всѣхъ вышеописанныхъ склепахъ, главнымъ образомъ, въ люнеткахъ; къ нимъ въ нашемъ склепѣ присоединился еще богато украшенный плафонъ. Сверхъ того, по фигурѣ изображено по обѣ стороны входа, опять-таки такъ же, какъ въ склепахъ 1852 г., Анѳестерія и 1891 г. Характерно, однако, въ нашемъ склепѣ то, что фигуры не помѣщены ни на капителяхъ входныхъ антъ, какъ въ склепѣ 1852 г., ни въ люнеткѣ, какъ въ склепѣ 1891 г., ни въ рамкѣ отдѣльныхъ квадръ, какъ въ камерѣ Анѳестерія, а брошены прямо на стѣну, причемъ художникъ не счелъ даже нужнымъ чѣмъ-либо обозначить почву, на которой стоятъ и движутся фигуры.

Фигуры у входа.

Направо отъ входа, т. е. на зап. простѣнкѣ сѣв. стѣны, изображена около самаго угла, на разстояніи 0,90 м. отъ пола, четырьмя красками (черной, бѣлой, красной и синей; контуры, тѣни и складки сдѣланы толстыми красными и черными линіями, нижній хитонъ синій, верхній пеплосъ бѣлый, волоса черные) женщина впрямь, тѣло повернуто нѣсколько влѣво. Одѣта она въ длинный до пятокъ хитонъ, совершенно закрывающій ноги, поверхъ него накинутъ на голову и на плечи пеплосъ, закрывающій и обѣ руки; конецъ его свѣшивается съ лѣвой руки согнутой въ локтѣ и вытянутой параллельно торсу (табл. LVI, 1 и LIX, 2).

Поза, въ которой стоитъ женщина, канонична для стоящихъ мужскихъ и женскихъ фигуръ на греческихъ и, спеціально, пантикапейскихъ надгробныхъ стелахъ. Канонично и скорбное выраженіе лица. Лѣвая рука, какъ сказано, согнута въ локтѣ и вытянута подъ грудью, кисть опущена внизъ; на кисть лѣвой руки опирается локоть правой, поддерживающій склоненную влѣво голову фигуры. Эта же лѣвая рука, какъ кажется, обычнымъ для женскихъ фигуръ погребаль-

ныхъ стелъ жестомъ держитъ край покрывающаго голову пеплоса. Высота всей фигуры — 0,41 м. Надъ описанной фигурой черной краской сдѣлана надпись: ΚΑΛΥΨΩ — Καλυψώ. Высота буквъ 0,02 м.

На лѣвомъ восточномъ, болѣе широкомъ простѣнкѣ, 0,88 м. надъ поломъ, изображенъ Гермесъ, бѣгущій влѣво, голова впрямь. Гермесъ изображенъ нагимъ, безъ петаса, съ густой шапкой черныхъ волосъ, правая рука вытянута и повернута ладонью съ раскрытыми всѣми пятью пальцами къ зрителю, лѣвая опущена, кисть повернута къ зрителю верхней своей частью, четыре пальца согнуты, большой отставленъ, очевидно съ цѣлью изобразить Гермеса держащимъ въ этой рукѣ кадуцей, но умѣнья для этого не хватило — конецъ кадуцея торчитъ между большимъ и указательнымъ пальцемъ сзади кисти и никакъ съ рукою не связанъ. Кадуцей украшенъ крылышками. Ноги обуты въ сандаліи, надъ сандаліями изъ щиколотки вырастаютъ крылышки. Тѣло не моделировано, мускулатура ничѣмъ не обозначена. Высота фигуры — 0,54 м. Краски одинаковы съ тѣми, которыми сдѣлана женская фигура, съ прибавленіемъ желтой (волоса и тѣневыя стороны тѣла сдѣланы черной краской, ею же кадуцей; крылья и сандаліи на ногахъ синія). Надъ фигурой надпись (выс. буквъ 0,02): ΕΡΜΗΣ—Ἑρμῆς (см. табл. LVI, 1 и LIX, 3).

Роспись входной люнетки.

Входная люнетка украшена по розовато-бѣлому фону чѣмъ-то среднимъ между разводами аканѳа и гирляндой изъ листьевъ или вѣтвей и плодовъ (табл. LVI, 1 и LVII вверху). Все изображеніе условно и орнаментально, нѣкоторыя детали—плоды и нѣкоторыя вѣтки—натуралистичны. Основу составляютъ побѣги какого-то мясистаго растенія въ типѣ аканѳа, расходящіеся волютами въ разныя стороны; растеніе это чисто условное, только до извѣстной степени напоминающее мягкій аканѳъ, схема же его—типичная схема аканѳоваго побѣга. Въ центрѣ люнетки оба стебля сходятся въ густо сплетенной гирляндѣ не то изъ хвои, можетъ быть кипариса, не то изъ пальмовыхъ листьевъ. Гирлянда имѣетъ форму буквы ω и сдѣлана темнозеленой краской. Центральная и боковыя части гирлянды кончаются пышными загнутыми влѣво и вправо розовыми султанами перистыхъ листьевъ. Свободные промежутки центральнаго звена гирлянды заполнены выростающими снизу двумя стилизованными вѣтками съ свѣтлозелеными листьями; вѣтки кончаются цвѣтами или плодами, къ сожалѣнію, стертыми. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ конецъ гирлянды соединяется со стеблемъ, на стеблѣ справа и слѣва сидитъ по птичкѣ, обращенной головкой къ центру люнетки, хвостомъ — къ угламъ. Цвѣтъ и типъ птичекъ неопредѣлимы: весь верхъ люнетки сильно пострадалъ. Побѣги аканѳоваго типа растенія развиваются въ два колѣна. Тамъ, гдѣ въ правой части люнетки кончается первое обычнымъ султаномъ загнутыхъ перистыхъ листьевъ поздне-греческой пальметки, здѣсь розоваго цвѣта, внутрь загибается полукругомъ тонкая сплетенная изъ листьевъ гирлянда, параллельно же ей изгибается стилизованный стебель съ листьями, кончающійся тремя симметрично посаженными на стеблѣ плодами груши, надъ которыми изображенъ еще для заполненія свободнаго пространства, какъ въ подобномъ же орнаментѣ большого Чертомлыцкаго блюда, стилизованный цвѣтокъ въ формѣ розетки съ круглымъ синимъ центромъ и розовыми точками вокругъ, безъ связи съ какимъ-либо стеблемъ и описанной гирляндой. Вѣтка съ листьями, кончающаяся тремя синими круглыми плодами, спускается внизъ отъ конца упомянутой узкой и тонкой гирлянды. Весь стебель перваго колѣна аканѳа обвитъ тонкими побѣгами съ листьями, вѣроятно, кончающимися надъ нимъ цвѣтами, заполняющими верхъ люнетки. Такіе же побѣги обвиваютъ и второе колѣно стебля. Въ мѣстѣ соединенія его съ первымъ, парал-

лельно ему, идутъ вверху и внизу по двѣ обычныя вѣтки, кончающіяся, верхняя—желтымъ яблокомъ, нижняя—крестообразнымъ стилизованнымъ цвѣткомъ. Конецъ стебля выпускаетъ влѣво уже знакомую намъ тонкую лиственную гирлянду и параллельно стебель съ листьями, кончающійся стилизованнымъ раскрытымъ восьмилистнымъ цвѣткомъ съ чередующимися розовыми и зелеными лепестками. Внизъ спускается другой стебель, кончающійся тремя желтыми гранатами, и рядомъ съ нимъ третій, кончающійся тремя синими ягодами и листиками. Совершенно ту же схему съ небольшими модификаціями даетъ и лѣвая часть люнетки. Вполнѣ точнаго механическаго совпаденія, однако, нѣтъ: мастеръ работалъ свободно, безъ шаблона. Къ стилистическому разбору гирлянды мы еще вернемся.

Картина задней люнетки.

На противуположной люнеткѣ южной задней стѣны камеры помѣщена картина, изображающая похищеніе Коры Плутономъ (табл. LVI, 2, LVII вверху и LVIII). Характерно, однако, что пространство фона люнетки, не занятое изображеніемъ, заполнено разбросанными въ полномъ безпорядкѣ блѣднозелеными острыми листьями и блѣднорозовыми цвѣточными лепестками, къ характеристикѣ которыхъ мы еще вернемся. Характерно, что лепестки и листья изображены отдѣльно, безъ связи другъ съ другомъ. Внизу надъ сухарнымъ карнизомъ по обѣ стороны центральной картины нарисовано по птичкѣ головами къ центру люнетки. Птички сдѣланы очень живо и натуралистично условными красками: брюшко—розовой, спинка, голова, крылья и хвостъ—желтовато-голубой.

Центральная картина изображаетъ, какъ сказано, похищеніе Коры Плутономъ. Колесница, на которой стоитъ Плутонъ, состоитъ изъ узкаго и длиннаго деревяннаго розоватаго кузова, украшеннаго по краямъ фризомъ съ точечнымъ орнаментомъ, а въ центрѣ побѣгами (орнаменты сдѣланы грязно-красною краской); кузовъ укрѣпленъ на двухъ черныхъ колесахъ съ 18 спицами каждое. Связь колесъ съ кузовомъ ничѣмъ не обозначена, оси колесъ не видны, второе колесо только намѣчено; очевидно, всякое перспективное изображеніе не подъ силу мастеру. Колесница запряжена четверкой: парой гнѣдыхъ и парой вороныхъ лошадей, скачущихъ передъ колесницей. И тутъ задача изобразить четырехъ лошадей оказалась мастеру не подъ силу: лошади производятъ впечатлѣніе деревянныхъ игрушекъ, съ изображеніемъ ногъ мастеръ совершенно не совладалъ: получились лошади съ одной передней ногой и одна лошадь совсѣмъ безъ заднихъ ногъ. Упряжь совершенно не изображена, не изображено и дышло; связи между лошадьми и колесницей нѣтъ никакой.

Надъ лошадьми схематически, почти безъ связи съ лошадьми изображены вожжи, которыя держитъ въ лѣвой рукѣ парящій надъ лошадьми нагой мальчикъ (судя по фактурѣ тѣла; полъ не обозначенъ), изображенный весьма неумѣло въ профиль вправо. Въ правой рукѣ у него кнутъ, которымъ онъ погоняетъ лошадей. На колесницѣ стоитъ Плутонъ вправо, голова впрямь. Пропорціи тѣла сравнительно съ головой явно ошибочны, равно какъ и пропорціи кисти руки и всей руки; связь руки съ тѣломъ и изображеніе тѣла дѣтски неумѣлы. Деревянна и схематична трактовка развѣвающейся за богомъ его темносиней одежды, очевидно, плаща, закрывающаго всю фигуру за исключеніемъ обнаженной правой половины торса. Но непомѣрно большая голова экспрессивна, хотя и схематически-условна. Такъ, темнорусые волосы и борода составляютъ одно цѣлое, какъ бы волнистую рамку вокругъ лица, усы и губы не связаны другъ съ другомъ, носъ имѣетъ видъ деревяннаго обрубка. Болѣе или менѣе хороши только глаза, большіе и широкооткрытые. Лѣвой руки у бога, какъ будто, нѣтъ совсѣмъ, правой онъ придерживаетъ за жи-

вотъ маленькую женскую куклообразную фигуру въ свѣтломъ хитонѣ впрямь съ русыми волосами, ниспадающими на плечи и симметрично вытянутыми безобразными руками. Надъ головой бога надпись: ΠΛΟΥΤΩΝ—Πλούτων (высота буквъ 0,02 [1]).

Роспись плафона.

Поверхность *плафона* трактована такъ же, какъ и поверхность южной люнетки (табл. LVIII). Весь розоватый фонъ его усѣянъ большимъ количествомъ зеленыхъ листиковъ и розовыхъ лепестковъ сердцевидной формы. Центръ плафона занятъ большимъ круглымъ вѣнкомъ, къ сожалѣнію, сильно поблѣднѣвшимъ. Судя по сохранившимся остаткамъ, онъ состоялъ изъ розоваго плетенія, обрамленнаго изнутри и снаружи остроконечными листьями; врядъ-ли внутри гирлянды находились цвѣты и плоды, какъ въ гирляндахъ того же типа, висящихъ на стѣнахъ погребальной камеры 1891 г. Внизу вѣнокъ перевязанъ лентой, розовые концы которой съ прикрѣпленными къ нимъ тесемками симметрично спускаются внизъ.

Внутренность вѣнка заполнена зеленовато-синей краской. На этомъ фонѣ написанъ женскій бюстъ впрямь, въ той же техникѣ и манерѣ, что и голова Плутона, но съ бо́льшимъ мастерствомъ (табл. LIX, 1). Волнистые каштановые волосы двумя густыми прядями ниспадаютъ на плечи, на шеѣ золотое ожерелье изъ ряда подвѣсокъ на тонкой золотой ниткѣ. Бюстъ закрываетъ синій съ черными складками (тѣни) хитонъ или гиматій, можетъ быть, застегнутый на правомъ плечѣ красной застежкой. Овальные большіе глаза широко раскрыты, смотрятъ серьезно и строго; все лицо худой пожилой женщины имѣетъ сухое, можно сказать, аскетическое выраженіе. Врядъ ли, однако, художникъ желалъ изобразить именно такую голову; получившійся результатъ я склоненъ былъ бы считать случайнымъ, вызваннымъ технической безпомощностью мастера, заставлявшею его рѣзко подчеркивать отдѣльныя линіи лица. Направо и налѣво отъ головы въ кругѣ бѣлой краской сдѣлана надпись. На лѣво сохранилась буква Η, направо ΜΗΤΗΡ, т. е. [Δ]ημήτηρ [2]).

Медальонъ, какъ и весь плафонъ, осыпавшимся верхнимъ слоемъ штукатурки значительно поврежденъ: не сохранились низъ бюста и значительные куски фона направо и налѣво отъ головы. Діаметръ медальона 0,77, ширина вѣнка 0,11, высота буквъ надписи—0,0175 м.

Весь плафонъ, кромѣ описаннаго центральнаго медальона, украшенъ живо и эффектно сдѣланными натуралистически-орнаментальными мотивами птицъ, гирляндъ и плодовъ (ср. табл. LIX, 4). На сѣверъ и на югъ отъ головы, на короткихъ сторонахъ плафона изображено по пучку или букету изъ посаженныхъ въ рядъ шести цвѣтковъ мака, перевязанныхъ большою розовою на одномъ концѣ и голубою на другомъ лентою, орнаментированною рядомъ точекъ съ бантомъ посрединѣ[3]); на симметрично развѣвающихся въ обѣ стороны концахъ ленты прикрѣплены тесемки. На длинныхъ сторонахъ изображены: посрединѣ три вѣтки граната съ однимъ плодомъ на каждой, перевязанныя такой же розовой лентой, какъ и маки, съ такимъ же бантомъ посрединѣ. По обѣ стороны этого гранатоваго букета написано по стилизованной вѣткѣ-гирляндѣ лавра съ ягодкой между каждыми двумя листиками; ягодки, однако, соотвѣтственныхъ стеблей не имѣютъ. Листья гирлянды

[1]) Въ послѣднее время буква Π надписи сбита неосторожнымъ посѣтителемъ склепа.

[2]) Прекрасную параллель къ нашей головѣ, включенной въ сухой лиственный вѣнокъ, даютъ портретные бюсты въ одной недавно открытой Пальмирской гробницѣ, заключенные въ рамку изъ такого же вѣнка, см. Фармаковскій въ *Изв. Конст. Арх. Инст.*, VIII, 3, стр. 20 сл.; Strzygowski, Orient oder Rom, стр. 12 сл., ср. F. Cumont, *Revue de l'hist. d. rel.*, 1910 (62), 143 (о значеніи вѣнковъ и Викторій, подерживающихъ медальоны). Болѣе ранніе примѣры можно найти въ Помпеянской росписи, см. напримѣръ W. Grueneisen, Le portrait, Rome, 1911, стр. 56, fig. 69.

[3]) Упомянутыми продолговатыми точками, можетъ быть, обозначены складки и тѣни на лентѣ.

того же типа, что и листья, покрывающіе фонъ плафона и люнетки. На гирляндахъ сидитъ по птицѣ, сдѣланной очень бойко и натуралистически. Птицы всѣ обращены головами къ центру плафона. Ноги широко разставлены, длинный клювъ открытъ, крылья приподняты. Опереніе брюшка и ногъ всѣхъ птицъ розовое, крыльевъ и головки синее; длинные закругленные хвосты у птицъ, написанныхъ по одну сторону (входную) головы, изображенной въ центрѣ плафона,—синіе съ черными крапинами, по другую—розовые съ такими же крапинами. Хорошо сохранились только птицы восточной стороны плафона. Опредѣлить породу птицъ, конечно, невозможно; скорѣе всего художникъ имѣлъ въ виду семейство соекъ.

Находки въ склепѣ.

Склепъ, какъ сказано, найденъ былъ не разграбленнымъ, но все же, по всей вѣроятности, былъ потревоженъ вторымъ погребеніемъ. На это, по крайней мѣрѣ, указываетъ порядокъ, въ которомъ находились вещи въ склепѣ въ моментъ его открытія. Порядокъ этотъ сдѣлался мнѣ извѣстнымъ со словъ лица, открывшаго склепъ, дававшаго мнѣ, правда, объ этомъ свѣдѣнія почти десять лѣтъ послѣ открытія—въ 1905 году. Въ дѣлахъ Коммиссіи и Керченскаго музея никакихъ данныхъ о распредѣленіи вещей въ моментъ открытія склепа не имѣется [1]).

Судя по словамъ указаннаго лица, вдоль длинныхъ стѣнъ склепа на упомянутыхъ уже камняхъ стояли деревянные саркофаги, хорошо сохранившіеся въ моментъ открытія и разрушенные при собираніи вещей; у каждаго камня лежало по парѣ бронзовыхъ ножекъ, всего восемь. Надъ нишей стѣны противъ входа (?) сбоку висѣла уздечка съ бронзовымъ наборомъ [2]). Остальные предметы найдены въ безпорядкѣ въ разныхъ мѣстахъ склепа. Въ сѣверномъ углу восточной стѣны стоялъ канделябръ, перстни лежали подъ саркофагомъ восточной стѣны—одинъ у ногъ, другой—у головы скелета, въ южномъ углу той же стороны стоялъ синій стеклянный сосудъ. Въ сѣверномъ углу западной стороны лежала куча битаго стекла и второй стеклянный сосудъ зеленоватаго стекла. Около второго саркофага лежали остатки погребальнаго золотого вѣнка и остальное, найденное въ склепѣ, мелкое золото; серебряная раковина лежала рядомъ съ канделябромъ. У входа съ наружной стороны въ западномъ углу лежали два праха, сброшенные въ безпорядкѣ въ кучу.

Все это показываетъ, какъ уже замѣтили лица, произведшія раскопку, что покой склепа былъ потревоженъ уже въ античное время, но не съ цѣлью ограбленія, а съ цѣлью новаго погребенія. Возможно думать, что уже первое погребеніе состоялось въ саркофагахъ, остатки которыхъ найдены на упомянутыхъ перпендикулярныхъ стѣнамъ камняхъ. Новые самозванные претенденты на склепъ, вѣроятно, удовольствовались тѣмъ, что наскоро выгребли два старыхъ праха, можетъ быть, взяли попавшіяся имъ въ руки наиболѣе цѣнныя вещи, при хозяйничаніи въ склепѣ перебили много стеклянной посуды, но въ общемъ оставили склепъ нетронутымъ и только замѣнили въ саркофагахъ старые трупы новыми. Второе погребеніе было, по всей вѣроятности, очень бѣднымъ, къ нему врядъ ли относится хотя бы одна изъ найденныхъ въ склепѣ вещей.

---

1) Объясняется это тѣмъ, что склепъ показанъ былъ впервые спеціалистамъ-археологамъ только черезъ годъ послѣ его открытія, когда вещи уже были проданы Императорскому Эрмитажу, см. В. В. Шкорпилъ, *Зап. Одесскаю Общ. ист. и др.*, XIX. Протоколъ засѣданія 294, стр. 56 сл.

2) Послѣднее, впрочемъ, рѣшительно отрицается однимъ изъ лицъ, открывавшихъ гробницу. То, что въ Эрмитажѣ среди купленныхъ у Зайцева вещей имѣются пряжки, вѣроятно, составлявшія часть уздечки, дѣлаетъ показаніе, приведенное въ текстѣ, возможнымъ. Не исключено, однако, и то, что продавцы присоединили къ вещамъ, найденнымъ въ склепѣ, другія, чтобы сбыть все вмѣстѣ по болѣе дорогой цѣнѣ. Напомню, что при описаніи архитектуры склепа было указано, что около ниши правой стѣны видны слѣды гвоздя.

Такъ какъ вещи, найденныя въ склепѣ, не были изданы, а, между тѣмъ, имѣютъ рѣшающее значеніе для датировки склепа, то я вынужденъ дать здѣсь точное ихъ описаніе и сдѣлать попытку опредѣлить ихъ время.

Бронзовый канделябръ.

1) Бронзовый канделябръ (табл. LX) состоитъ изъ пяти, соединенныхъ по большей части желѣзными стержнями, отдѣльно сработанныхъ частей. Ножка его составлена изъ трехъ, сходящихся къ центру, львиныхъ лапъ (табл. IX, 2, 3, 6). Эти лапы, начиная отъ загиба колѣна, превращаются въ аканѳовые канеллированные стебли. На толстыхъ концахъ этихъ стеблей сверху наложены семилистныя пальметки, выходящія изъ двухъ, связанныхъ между собою, іонійскихъ волютъ, изъ которыхъ въ сторону стержня канделябра выходятъ листики плюща. Волюты ножекъ, продолжаясь, соединяются съ акротеріями, заполняющими углы между каждыми двумя ножками. Форма ихъ почти та же, что и описанныхъ пальметокъ: и здѣсь пара связанныхъ волютъ, и здѣсь семилистная пальметка; разница только та, что между волютой и послѣднимъ листомъ пальметки завивается побѣгъ или волюта, пространство между которымъ и главной волютой заполнено небольшой пальметкой. Какъ и въ пальметкахъ ножекъ, изъ мѣста соединенія стержней двухъ волютъ въ сторону ствола канделябра выходитъ плющевый листъ. Въ мѣстѣ соединенія ножекъ надъ пояскомъ поднимается вверхъ цвѣтокъ или завязь изъ 12 массивныхъ лепестковъ. Изъ нихъ, т. е. изъ образуемой ими чашечки выростаетъ стержень или стволъ канделябра. Высота ножки 0,13.

Стволъ канеллированъ (14 канеллюръ), высота его 1,20 м. На немъ прикрѣплена іонійская капитель, очень схематическая и сухая съ розеткой въ центрѣ плоскихъ сторонъ. На капители, можетъ быть, непосредственно укрѣплена была чашечка въ видѣ лиліеобразнаго цвѣтка или колокольчика (табл. LX, 5). Ножка ея орнаментована листообразными стоящими вверхъ канеллюрами, корпусъ—наложенными одинъ на другой рядами чешуекъ; середина корпуса охвачена пояскомъ, на которомъ инкрустаціей въ серебрѣ изображена масличная или лавровая вѣтвь съ ягодами. Верхній край чашечки украшенъ лесбійскимъ киматіемъ остріями листьевъ вверхъ. Діам. вверху 0,07, высота 0,082 м. На чашечкѣ лежала тарелочка, сохранившаяся только въ обломкахъ, съ загнутымъ внизъ краемъ, украшеннымъ лесбійскимъ киматіемъ (табл. LX, 4). Діам. 0,11 м. На этой тарелочкѣ стояла, вѣроятно, бронзовая не сохранившаяся большая лампа.

Форма, стиль и орнаментація отдѣльныхъ составныхъ частей нашего канделябра хорошо намъ извѣстны. Десятки такихъ канделябровъ найдены въ Помпеяхъ (см. Mau, Pompei im Leben und Kunst, 2 изд., 394, рис. 217 [1]), т. е., очевидно, нашъ сортъ былъ въ большой модѣ въ I в. по Р. Хр. и массами изготовлялся въ одномъ или нѣсколькихъ большихъ промышленныхъ центрахъ (см. о производствѣ канделябровъ Plin., Nat. hist., 64, 6; Francotte, L'industrie etc., стр. 92, ср. о раздѣленіи труда вообще Guiraud, La main d'oeuvre etc., 51 слл.). Болѣе ранніе и болѣе поздніе канделябры значительно отличаются отъ нашего; къ первой категоріи относятся почти всѣ канделябры, до сихъ поръ найденные на югѣ Россіи [2]).

---

[1]) Ср. канделябръ изъ Боскореале, *Arch. Anz.*, 1900, 180 сл. ср.; также, напримѣръ, канделябръ, изданный въ Illustr. Catalogue of anc. greek art. Burlington Club, I, 18, № 23: здѣсь на чашечкѣ тотъ же инкрустированный поясокъ, что и у насъ.

[2]) См. архаическій (?) канделябръ изъ Кубани, Kieseritzky, *Arch. Anz.*, 1903, 81 сл.; О. И. А. К., 1902, 78, рис. 166, 168a-b; канделябры не позже III в. до Р. Хр. изъ Семибратняго кургана, О. И. А. К., 1877, Прил., 12, Атласъ, табл. II, 7 и 8 и III, 17 и 18; ср. О. И. А. К., 1876, VII; изъ Эль-Тегеня, О. И. А. К., 1876, XVIII; изъ д. Мерджаны (Кубанской обл.) И. И. А. К. 49, табл. XII

Исключеніе составляетъ только одинъ, недавно найденный въ Керчи, канделябръ (см. рис. 38). Найденъ былъ этотъ канделябръ въ 1912 г. въ склепѣ, дромосъ котораго выходитъ во дворъ дома № 15 по 5-ой Подгорной улицѣ (по сосѣдству со склепомъ Сорака, ниже гл. XX). Форма канделябра очень напоминаетъ канделябръ нашей гробницы, но работа его менѣе тщательна и затѣйлива (высота ствола — 1,24, чашечки — 0,15; діаметръ чашечки — 0,1 м.): та же база изъ трехъ львиныхъ лапъ съ тремя листочками плюща, тотъ же канеллированный стволъ, та же верхняя чашечка [1]). На чашечкѣ найдена была небольшая краснолаковая лампочка (наибольшая длина — 0,08), очевидно, не сдѣланная спеціально для нашего канделябра. Время канделябра опредѣляется приблизительно остальными, найденными съ нимъ, вещами (онѣ будутъ изданы въ О. И. А. К., 1912 и въ И. И. А. К.), относящимися, вѣроятно, къ концу I, началу II в. по Р. Хр. Напомню, что изображеніе канделябра дважды встрѣчается въ расписной гробницѣ, открытой Ашикомъ (ниже гл. XXXI).

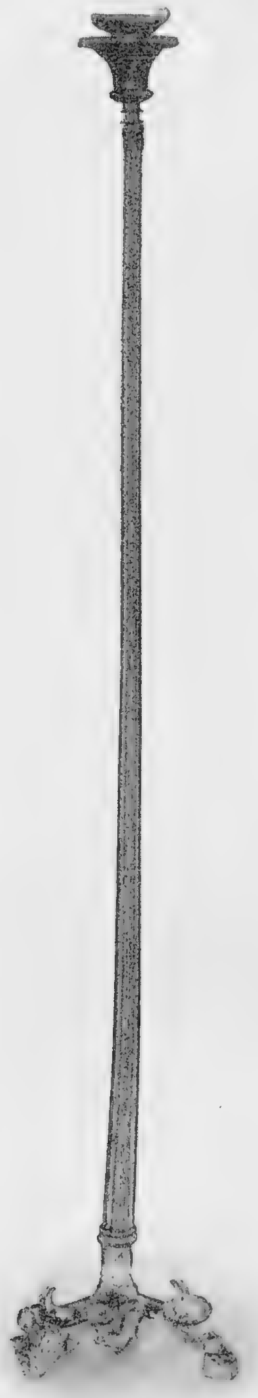


Рис. 38. Канделябръ, найденный въ Керчи въ 1912 г.

2) Я уже указывалъ, что, по сообщенію лица, открывшаго склепъ, въ немъ около гробовъ у каждаго камня найдено было по двѣ бронзовыхъ человѣческихъ ноги, всего восемь (см. табл. LXI, 12). Изъ этого числа только четыре попали въ Эрмитажъ. Всѣ четыре ноги полыя, со слѣдами дерева во втулкахъ, всѣ четыре правыя, но двухъ разныхъ формъ — первая пара ногъ выше, работа лучше, нога безъ сандалій, моделирована и снизу (длина ступни 0,058, высота отъ пятки 0,03); вторая пара ниже, грубѣе, нога какъ бы въ сандаліяхъ (длина 0,056, высота 0,02). Ножки, подобныя нашимъ, находимы были и въ Керчи, и внѣ Керчи не разъ (см., напримѣръ, находку 1902 г., О. И. А. К. 1902 г., стр. 114, гробн. № 225). [2]). Онѣ, несомнѣнно, какъ и обычныя львиныя лапы, заканчивали деревянныя ножки какихъ-либо деревянныхъ предметовъ, но какихъ именно, это, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ установить не удалось. Наиболѣе вѣроятна принадлежность ихъ къ одному или двумъ большимъ туалетнымъ ящичкамъ. Концы ножекъ такого туалетнаго ящичка въ видѣ ногъ дикой козы, также бронзовыя, найдены были въ 1911 г. Б. В. Фармаковскимъ въ одной изъ гробницъ Ольвіи, см. B. Pharmakovsky, *Arch. Anz.*, 1912, 357, рис. 45.

(всѣ эти канделябры одновременны). Вмѣстѣ съ такъ называемыми готскими вещами найденъ былъ въ Керчи канделябръ, украшенный крестомъ, Шкорпилъ, И. И. А. К., 25, 39, № 132. О канделябрахъ вообще и развитіи ихъ формы см. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. Candelabrum и Pauly-Wissowa, R. E. s. eadem v.

[1]) Чашечка массивна и составляетъ одно цѣлое съ верхней тарелочкой; она не инкрустирована и врядъ ли позолочена, какъ думаетъ Шкорпилъ.

[2]) Подобнаго же рода ножки попадаются довольно часто въ западно-европейскихъ музеяхъ, напримѣръ, въ Брюссельскомъ Musée du Cinquantenaire и др. В. В. Шкорпилъ сообщилъ мнѣ, что видѣлъ одну такую ножку у одного изъ торговцевъ древностями Керчи, но самъ таковыхъ въ могилахъ не находилъ. Возможно, что форма ногъ или башмаковъ для ножекъ ящика имѣетъ спеціально погребальное значеніе, см. E. Samter, Geburt, Hochzeit u. Tod., Leipzig 1911, 206 сл.

3) Возможно, что въ нашемъ же склепѣ найдены были остатки бронзовой патеры и соотвѣтственной ручки, заканчивающейся бараньей головой (длина ручки 0,125; табл. LXI, 14), а также фрагменты бронзовой обивки деревяннаго ящика и кусокъ ключа отъ замка этого ящика (табл. LXI, 15).

4) Рядомъ съ канделябромъ найдена была, какъ сказано, серебряная раковина. Длина 0,103, ширина 0,105 (табл. LXI, 4).

5) Можетъ быть, къ вышеупомянутой, подвѣшенной у задней ниши, уздечкѣ (см. табл. LXI, 13) принадлежала бронзовая пряжка съ серебрянымъ концомъ, сдѣланнымъ въ видѣ женскаго крылатаго сфинкса съ львинымъ туловищемъ. Туловище вправо, голова впрямь. Волосы спадаютъ по обѣ стороны головы на рельефно сдѣланныя груди. Высота 0,03, длина 0,048.

6) Изъ золотыхъ вещей, кромѣ большого количества тонкихъ листьевъ золотого лавроваго вѣнка, двухъ круглыхъ золотыхъ бляшекъ, украшенныхъ стилизованными разводами и пунктиромъ по краю (діам. 0,05; кромѣ того, одна поменьше—0,045; табл. LXI, 10, 11, ср. 9), и 15 золотыхъ дутыхъ бусъ, особый интересъ представляютъ двѣ золотыя бляшки съ изображеніемъ на обѣихъ гермы въ типѣ тѣхъ, которыя изображаются на монетахъ, датируемыхъ обыкновенно временемъ Миѳрадата Евпатора I: a) небольшая круглая бляшка, на которой вытиснуто изображеніе низкой итифаллической гермы на базѣ впрямь съ двумя обрубками вмѣсто рукъ; на головѣ пальмовый вѣнокъ, налѣво — пальма, направо — вѣнокъ. Кругомъ пунктиръ. Діам. 0,021 (табл. LXI, 7). b) Значительно бóльшая и значительно грубѣе сработанная круглая золотая бляшка съ схематическимъ выдавленнымъ изображеніемъ гермы на пьедесталѣ; направо—пальмовая вѣтвь, налѣво—монограмма. Діам. 0,04 (табл. LXI, 8).

Бляшки подобнаго рода давно уже извѣстны. Онѣ не рѣдко попадаются въ собраніяхъ пантикапейскихъ монетъ и часто были находимы въ пантикапейскихъ могилахъ [1]). Уже давно замѣчено, что онѣ либо близко напоминаютъ, либо составляютъ прямые оттиски оборота извѣстныхъ монетъ, гдѣ изображена герма подобнаго же типа, пальма и монограмма съ именемъ какого-то царя и годомъ его правленія (отъ третьяго до седьмого) [2]). Къ сожалѣнію, никто не потрудился установить, къ какому времени относятся оттиски съ этихъ и подобныхъ монетъ того же времени, т. е., съ какими вещами эти оттиски бываютъ находимы [3]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о точной датѣ упомянутыхъ выше монетъ [4]), копіями или отраженіями которыхъ являются наши бляшки, мы можемъ конста-

---

[1]) См. Древн. Босф. Киммерійскаго, табл. LXXXV 15 и 17 и соотвѣтственныя мѣста текста. Ср. Стефани, О. И. А. К. за 1875 г. Прил., стр. 29 сл. Характерно, что оттискъ Др. Б. Кимм. LXXXV, 17 принадлежитъ, несомнѣнно, III в. по Р. Хр., см. Стефани l. l., стр. 19. Впрочемъ, онъ еще грубѣе нашихъ и монограммы не имѣетъ. По правильному заключенію Стефани, бляшки составляли части погребальныхъ вѣнковъ.

[2]) См. Oreschnikow, Zur Münzkunde des cimm. Bosporus, 13; Chr. Giel, Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, Moskau, 1886, 25 слл.; Орѣшниковъ, Каталогъ собранія древн. гр. Уварова. VII. Монеты Воспорскаго царства и т. д., № 427.

[3]) См. Бурачковъ, 227, № 39, табл. XXIV, 15 и 328, № 43, табл. XXIV, 26: Podschiwalow, Monnaies des rois du Bosphore Cimmerien, Moscou, 1887, № 20, ср. № 21; О. И. А. К. 1875, 29; Атл. II, 6.

[4]) Датировка этихъ монетъ временемъ Миѳрадата въ послѣднее время подвергнута сомнѣнію; врядъ ли, однако, ихъ можно датировать временемъ болѣе позднимъ, чѣмъ конецъ I в. до Р. Хр.—начало I в. по Р. Хр. См. Орѣшниковъ, Матеріалы по нумизматикѣ Черноморскаго побережья, Москва, 1892; Бертье-Делагардъ, *Записки Одесскаго Общ. ист. и древн.*, 1911 (XXIX), 117 сл., гдѣ и полная литература вопроса.

тировать только то, что бляшки на много лѣтъ пережили монеты, очевидно, потому, что изображеніе на нихъ подходило для погребальныхъ вѣнковъ. Поэтому-то и стиль изображенія становится все грубѣе и грубѣе.

7) Въ высшей степени интересны двѣ стекляныхъ энохои, найденныя въ противоположныхъ углахъ камеры (табл. LXI, 1, 2). Къ сожалѣнію, это единственные сохранившіеся стекляные сосуды изъ большого количества стекла, которое первоначально стояло въ нашемъ склепѣ, какъ показываетъ найденная въ склепѣ куча обломковъ стекляной посуды. Обѣ энохои одинаковы и по размѣрамъ, и по формѣ, и по орнаментаціи. Обѣ одинаково сдѣланы изъ толстаго стекла. Разнятся онѣ одна отъ другой только тѣмъ, что одна энохоя сдѣлана изъ синяго стекла съ бѣлыми пятнами (табл. LXI, 1), другая изъ блѣднозеленаго (табл. LXI, 2). Корпусъ нашихъ сосудовъ довольно изящный, хотя и приземистый, книзу суживающійся; тремя валиками онъ раздѣленъ на три полосы; третій, двойной валикъ отдѣляетъ корпусъ кувшина отъ толстаго невысокаго горлышка съ отверстіемъ въ видѣ клевернаго листа. Ручка—простая, дугообразная, съ небольшимъ возвышеніемъ надъ краемъ. Оба кувшина богато орнаментованы рельефными орнаментами. Низъ ихъ украшенъ листообразными канеллюрами, идущими снизу вверхъ; выше, между двумя валиками, полоса, украшенная орнаментомъ рѣшетки и надъ ней полоса той же ширины съ висящими внизъ пальметками двухъ типовъ, отдѣленными другъ отъ друга побѣгами; наконецъ, горлышки сосудовъ покрыты такими же канеллюрами, какъ и низъ корпуса, только повернутыми внизъ, а не вверхъ. Высота 0,18, діаметръ вверху 0,06, діам. донышка 0,055. Очень похожій сосудъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ и болѣе грубаго стекла синяго же цвѣта съ очень большимъ количествомъ бѣлыхъ пятенъ пріобрѣтенъ Эрмитажемъ изъ коллекціи Вырубова. Похожій миніатюрный амфорискъ зеленаго стекла найденъ въ 1910 г. въ Херсонесѣ въ гробницѣ, составленной изъ двухъ большихъ амфоръ. Подобнаго же рода миніатюрные амфориски имѣются во всѣхъ крупныхъ коллекціяхъ античнаго стекла.

По формѣ, качеству и цвѣту стекла наши сосуды, несомнѣнно, принадлежатъ къ раннимъ продуктамъ императорскаго времени, находимымъ въ гробницахъ вмѣстѣ съ монетами первыхъ императоровъ (см. A. Kisa, Das Glas im Altertume, 266 сл., ср. рис. 36d и 37 на стр. 73). Орнаментація ихъ, однако, позволяетъ опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія еще ближе. Если сравнить наши сосуды съ знаменитымъ амфорискомъ Энніона въ Имп. Эрмитажѣ (см. Др. Босф. Кимм., табл. LXXXVIII; Kisa, Das Glas, 713, плохой рисунокъ на стр. 657, рис. 274), то бросится въ глаза необычайное сходство какъ принципа орнаментаціи съ дѣленіемъ сосуда на горизонтальныя полосы, такъ и самой орнаментаціи отдѣльныхъ полосъ. Еще болѣе разительнымъ станетъ совпаденіе, если привлечь къ сравненію другіе продукты мастерской Энніона, находившейся, вѣроятно, въ Сидонѣ (см. Kisa, l. l., 695 слл., особ. же 716 слл., 718 сл. и рис. 269 на стр. 637). Совершенно иной уже характеръ носятъ кампанскія подражанія (Kisa, l. l., 722 слл.). Если сравнить поближе сосуды со штемпелемъ Энніона и наши, то разница между тѣми и другими будетъ заключаться только въ слѣдующемъ: сосуды со штемпелемъ даютъ бо̀льшее богатство орнаментаціи и сработаны значительно тоньше нашихъ. Особенно тонко исполнены на Энніоновскихъ сервисахъ натуралистическія вѣтви и различнаго рода предметы утвари, подвѣшенные къ краю сосуда. Если первыя напоминаютъ ara Pacis, то вторые приводятъ на мысль не разъ уже упомянутые глиняные эллинистическіе сосуды съ изображеніемъ желтой краской по бѣлому фону сосу-

довъ, музыкальныхъ инструментовъ и т. д., а также лучшія nature morte помпеянской и современной ей живописи [1]).

Время Энніона извѣстно довольно точно. Соображенія стилистическія и находка его сосудовъ съ датированными предметами не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ работалъ въ концѣ I в. до Р. Хр. или въ первыхъ годахъ I в. по Р. Хр. Къ этому же времени ведетъ и форма буквъ, колеблющаяся между круглымъ и прямоугольнымъ эпсилонъ и такой же сигмой.

Отсутствіе клейма на нашихъ сосудахъ, простота и бѣглость орнаментовъ, отсутствіе сложныхъ натуралистическихъ украшеній заставляютъ видѣть въ нашихъ кувшинахъ не первые по качеству и времени продукты мастерской Энніона. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что передъ нами сосуды либо той же, либо близкой по манерѣ мастерской, работавшей въ томъ же мѣстѣ и приблизительно въ то же время, никакъ не позже первой половины I в. по Р. Хр. Врядъ ли позволительно думать, что Энніонъ снабжалъ своими клеймами всѣ свои работы или работы своей мастерской; болѣе вѣроятно, что штемпелевались только особо выдающіеся по исполненію и орнаментаціи сосуды [2]).

8) Подъ лѣвымъ отъ входа гробомъ найдены два массивныхъ золотыхъ кольца съ рѣзными камнями:

a) большое кольцо съ краснымъ рубиномъ; на немъ изображеніе Тихи вправо, въ лѣвой рукѣ рогъ изобилія, въ правой ручка отъ руля, на которомъ она стоитъ; высота овальнаго камня 0,015 (табл. LXI, 5);

b) нѣсколько меньшее золотое кольцо съ маленькимъ зеленымъ рѣзнымъ камнемъ; на камнѣ Аресъ въ шлемѣ вправо, въ правой рукѣ щитъ, на лѣвомъ плечѣ копье; діаметръ камня 0,008 (табл. LXI, 6).

Оба типа встрѣчаются на рѣзныхъ камняхъ довольно рѣдко; типъ Тихи мы находимъ на италійскихъ эллинистическихъ камняхъ III и сл. вв. до Р. Хр. (см. Furtwängler, Katalog der geschn. Steine des Berliner Museums, № 1515—1518; типъ Ареса—на маленькихъ прасахъ эпохи поздняго эллинизма и ранняго императорскаго времени (см. Furtwängler, l. l., 2467).

9) Наконецъ, вѣроятно, въ нашемъ же склепѣ найдены каменное кольцо нижней части рукоятки меча (діам. 1,06) и маленькая цилиндрическая туалетная костяная коробочка (діаметръ 0,03, высота 0,052) съ крышкою въ формѣ пуговицы.

10) Въ высшей степени характерны остатки саркофага или саркофаговъ, долгое время хранившіеся на чердакѣ дома мѣщ. Зайцева, открывшаго гробницу, и, вѣроятно, немало за это время пострадавшіе. Теперь всѣ остатки куплены Керченскимъ музеемъ древностей, гдѣ они и хранятся. На рис. 39—42 публикую наиболѣе характерные обломки.

a) Обломокъ длинной доски (ширина 0,72, высота 0,28, толщина 0,008 м.), вѣроятно, одной изъ длинныхъ сторонъ саркофага. На доскѣ въ равныхъ разстояніяхъ линіями обозначены три полосы 0,108 м. шириной каждая. Въ верхнемъ обрѣзѣ доски видны на разстояніи 0,25 и 0,23 м. одно отъ другого углубленія для шиповъ.

[1]) Объ этихъ и подобныхъ продуктахъ эллинистической керамики см. E. Pottier, Vases hellénistiques à fond blanc, *Monuments Piot,* XX, 163 слл.

[2]) Принадлежность стакана, изображеннаго на табл. LXI, 3, къ вещамъ, найденнымъ въ нашемъ склепѣ, не несомнѣнна. Стаканъ нынѣ въ собраніи Императорскаго Эрмитажа не находится.

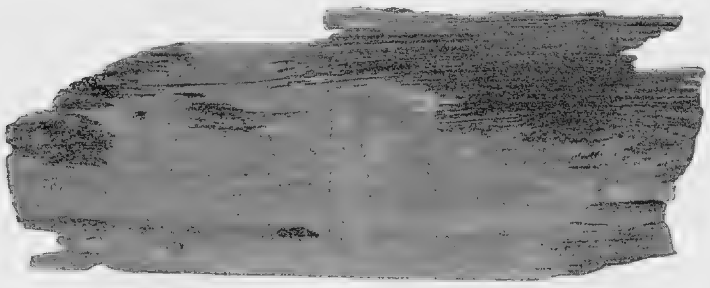


Рис. 39. Обломокъ длинной доски
(одна изъ длинныхъ сторонъ саркофага).

b) Нѣсколько деревянныхъ полукружій (ширина внизу—1,83, ширина между ножками полукружія—1,08, высота—0,102, толщина—0,04 м.).

c) Часть фронтона, очевидно, одной изъ короткихъ сторонъ саркофага (наибольшая ширина — 0,3 м., высота — 0,132 м., толщина — 0,022 м.). Во всѣхъ сохранившихся обрѣзахъ дыры съ остатками деревянныхъ шиповъ.

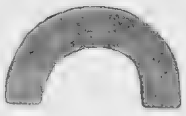


Рис. 40. Деревянное полукружіе.

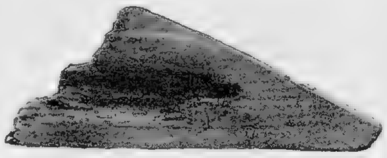


Рис. 41. Часть фронтона одной изъ короткихъ сторонъ саркофага.

d) Части сухарнаго карниза. Наиболѣе крупный фрагментъ (длина—1,61 м., высота—0,13, ширина отдѣльныхъ сухариковъ—0,02 м., толщина доски — 0,04 м.) принадлежалъ, несомнѣнно, длинной боковой сторонѣ саркофага.

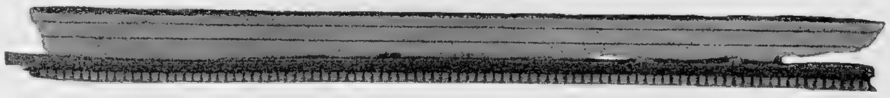


Рис. 42. Обломокъ сухарнаго карниза саркофага.

Какъ ни незначительны эти остатки, они позволяютъ съ полною достовѣрностью возстановить типъ саркофага, къ которому они принадлежали. Въ 1910 г. къ юго-западу отъ Золотого кургана на склонѣ, обращенномъ къ дер. Джерджавѣ, В. В. Шкорпилъ (см. И. И. А. К., 47, 50, № 26 и 51, № 28) нашелъ двѣ каменныя гробницы, въ каждой изъ которыхъ сохранились остатки большихъ деревянныхъ саркофаговъ. Саркофаги сохранились настолько хорошо, что одинъ изъ нихъ удалось возстановить полностью (реставрацію, подъ наблюденіемъ В. В. Шкорпила, произвелъ столярный мастеръ керченской ремесленной школы А. М. Вернигора, см. табл. LXII и И. И. А. К., 47, 51, рис. 1; 52, рис. 2 и 3). Саркофагъ этотъ нынѣ находится въ Имп. Эрмитажѣ.

Передъ нами большой (длина 2,04, ширина — 0,67, высота — 1,43) саркофагъ въ формѣ дома или храма. Покоится саркофагъ на высокомъ подіи, богато профилированномъ снизу. Надъ подіемъ выступаетъ полочка, на которой покоятся пилястры и арки, а также угловыя колонки, расчленяющія длинные и короткіе фасады саркофага. Между угловыми планками помѣщается на длинныхъ сторонахъ по пяти пилястровъ и по шести двойныхъ пилястриковъ, увѣнчанныхъ деревянными арками, на короткихъ—по одному пилястру и по двѣ арки. Базы пилястровъ вмѣстѣ съ базами пилястриковъ составляютъ одинъ сплошной нижній карнизъ,

продолжающійся и въ междупилястріяхъ, причемъ базы пилястриковъ, поддерживающихъ арки, выступаютъ впередъ. Выступаютъ впередъ и капители пилястриковъ (Verkröpfung), причемъ ихъ профиль продолжается и на дѣлящихъ пилястрахъ. У этихъ пилястровъ, кромѣ того, имѣются особыя капители почти того же профиля, что и капители пилястриковъ. На пилястрахъ покоится архитравъ и небольшой, простой карнизикъ. На этомъ архитравѣ укрѣплена высокая крышка саркофага. Двускатная крышка эта лежитъ на сухарномъ карнизѣ, подъ которымъ идетъ поле фриза. Крышка эта не открывалась. Покойникъ лежалъ въ особомъ выдвижномъ гробу, вкатывавшемся на роликахъ въ подіумъ саркофага. Угловыя колонки канеллированы, имѣютъ обычныя поздне-іонійскія базы; капители сдѣланы были, вѣроятно, изъ гипса и не сохранились. Саркофагъ былъ окрашенъ: въ канеллюрахъ колонокъ сохранились слѣды синей краски, на внутреннихъ и внѣшнихъ стѣнкахъ саркофага—слѣды бѣлой краски.

Предоставляя детальное изученіе нашего высоко-интереснаго сооруженія будущему изслѣдователю архитектуры и орнаментики южно-русскихъ саркофаговъ, я приведу здѣсь только слѣдующія соображенія, имѣющія кардинальное значеніе для опредѣленія времени нашего склепа. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что саркофагъ, найденный въ склепѣ, принадлежалъ къ типу только что описанныхъ саркофаговъ, какъ это отмѣтилъ уже Шкорпилъ. Дѣйствительно, ширина отмѣченныхъ на доскахъ полосъ, дѣлящихъ сохранившуюся часть доски на шесть пролетовъ, изъ которыхъ полностью сохранилось три, совпадаетъ съ шириной пространства между ножками полукружій. Изъ этого ясно, что полосы эти соотвѣтствуютъ пространствамъ между пилястриками выше описаннаго саркофага, найденнаго въ 1910 г. Пространство между этими полосами было, вѣроятно, заполнено пилястриками, поддерживавшими полукружія, и большими дѣлящими пилястрами, которые, какъ и въ только что описанномъ саркофагѣ, имѣли, вѣроятно, двойную ширину пилястриковъ (т. е. около 0,07 м.). Къ этому вполнѣ подходитъ и сохранившійся сухарный карнизъ того же профиля, что и въ описанномъ саркофагѣ, и доска фронтона, указывающая на то, что крышка саркофага нашего склепа также была двускатная.

Къ сожалѣнію, дата найденныхъ Шкорпиломъ саркофаговъ съ точностью опредѣлена быть не можетъ. Укажу только на то, что въ обоихъ саркофагахъ (первый принадлежалъ мужчинѣ, второй женщинѣ) найдены были въ изобиліи орѣхи, рожки и каштаны, а въ женской гробницѣ—двѣ туалетныхъ деревянныхъ коробочки, вставленныхъ одна въ другую, изъ которыхъ бóльшая украшена нарисованными гирляндами (см. Шкорпилъ, l. l. 53, рис. 4 и 5) [1]).

Если, такимъ образомъ, наши саркофаги не поддаются точной датировкѣ, то зато хорошо датируются другіе саркофаги, составляющіе съ вышеописанными одну опредѣленно характеризованную группу. Группа эта никѣмъ до сихъ поръ отмѣчена не была. Не отмѣчена она и Вацингеромъ, хотя нѣкоторые представители этой группы имъ изданы и поверхностно описаны. Не входя въ детали, неумѣстныя въ этомъ изслѣдованіи, укажу на типичнѣйшіе, сравнительно точно датированные, экземпляры нашей группы.

Въ 1872 г. на Митридатѣ у подошвы перваго скалистаго холма остроконечной формы (табл. I между Б и В и табл. II между b и c) найденъ былъ рядъ каменныхъ плитовыхъ гробницъ, часть которыхъ, несомнѣнно, составляла одно семей-

[1]) Кромѣ того, въ обоихъ погребеніяхъ найдены стеклянные сосуды.

ное погребеніе. Въ шести изъ этихъ гробницъ найдены были хорошо сохранившіеся саркофаги всѣ одной формы и одного типа орнаментаціи. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ саркофаговъ не былъ спасенъ, ни одинъ не былъ изданъ и ни одинъ не былъ даже точно и подробно описанъ. Въ рукописномъ и печатномъ отчетѣ о раскопкахъ, которыми руководилъ Гроссъ (О. И. А. К. 1872, XXI) имѣются только слѣдующія общія описанія двухъ изъ нихъ: «Деревянный наборной работы гробъ въ видѣ храма съ остроконечною, на два ската, крышею и колонками на продольныхъ бокахъ, соединенныхъ между собою небольшими арками». Такъ описывается саркофагъ, найденный 8 сентября. Нѣсколько больше подробностей сообщается въ рукописномъ журналѣ о саркофагѣ, найденномъ между 3 и 8 іюля: «Множество обломковъ отъ развалившагося деревяннаго гроба съ оставшимися на нихъ слѣдами живописи и прекрасной инкрустаціи». «На одной изъ гробовыхъ досокъ сохранилась еще небольшая часть ткани съ разноцвѣтными узорами, которою былъ обитъ гробъ».

Къ счастію, Гроссъ не удовольствовался этимъ описаніемъ и далъ, кромѣ того, рисунки съ ряда фрагментовъ саркофага, найденнаго между 3 и 8 іюля и съ саркофага, найденнаго 5 сентября 1872 г. (см. Альбомъ рисунковъ 1872 г., л. 6 (обломки саркофага) и 7 (кусокъ ткани) и л. 27 и 28 (обломки саркофага 5 сентября) (см. рис. 43, гдѣ воспроизведены наиболѣе типичные обломки).

Рисунки эти, хотя и не даютъ возможности реконструировать саркофагъ, но совершенно ясно говорятъ, какъ и описанія, о томъ, что типъ строенія саркофаговъ былъ почти буквально тотъ же, что и выше описанныхъ. Наилучшее представленіе объ его общемъ видѣ даетъ терракоттовая модель саркофага Одесскаго музея (Watzinger, Holzsarkophage, 60, рис. 119). Еще ближе подходитъ извѣстный саркофагъ Ніобидовъ, найденный въ 1874 г. (Watzinger, l. l., 54, № 35, рис. 116 и 117). Здѣсь на короткой сторонѣ имѣются и колонки, и арки между ними, покоющіяся на пилястрикахъ, и сверхъ того низъ, забранный инкрустаціонной деревянной работой съ геометрическими мустерами, что засвидѣтельствовано рисунками и описаніями и для саркофаговъ 1872 г. Саркофагъ 1874 г. датированъ оттискомъ монеты Веспасіана, вставленнымъ въ діадему [1]).

Если, такимъ образомъ, типъ всѣхъ сопоставленныхъ саркофаговъ, несомнѣнно, одинъ и тотъ же, то по богатству отдѣлки и разнообразію мустеровъ саркофаги 1872 г., во всякомъ случаѣ, далеко превосходятъ всѣ остальные. Характерно здѣсь сочетаніе живописи съ подражаніемъ инкрустаціи при посредствѣ наклейки на доски саркофага ряда кусочковъ дерева, вырѣзанныхъ въ видѣ геометрическихъ фигуръ, изъ которыхъ составлялись сплошныя полосы, производившія, вѣроятно, впечатлѣніе мозаичныхъ полосъ или любимыхъ въ Римѣ ранняго императорскаго времени полосъ изъ кусочковъ разноцвѣтнаго мрамора (рис. 43, 3, 9, 10, 12, 13). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, на деревянныхъ кругахъ, воспроизводившихъ вѣнки (рис. 43, 1), накладные деревянные орнаменты имѣли форму листьевъ плюща; иногда розетки и другія подобнаго рода украшенія дѣлались изъ тонкихъ стружекъ. Сверхъ всего этого саркофаги украшались изящными точеными балюстрами разныхъ формъ (рис. 43, 4; 5). Интересно отмѣтить, что на короткой сторонѣ саркофага, найденнаго въ іюлѣ, изображенъ бѣлой краской въ нарисованной красною краскою эдикулѣ надгробный памятникъ: постаментъ, на которомъ стоитъ статуя льва (рис. 43, 11).

---

[1]) Остатки саркофага того же типа имѣются въ Парижѣ въ Луврѣ въ залѣ драгоцѣнностей.

Къ стр. 214.

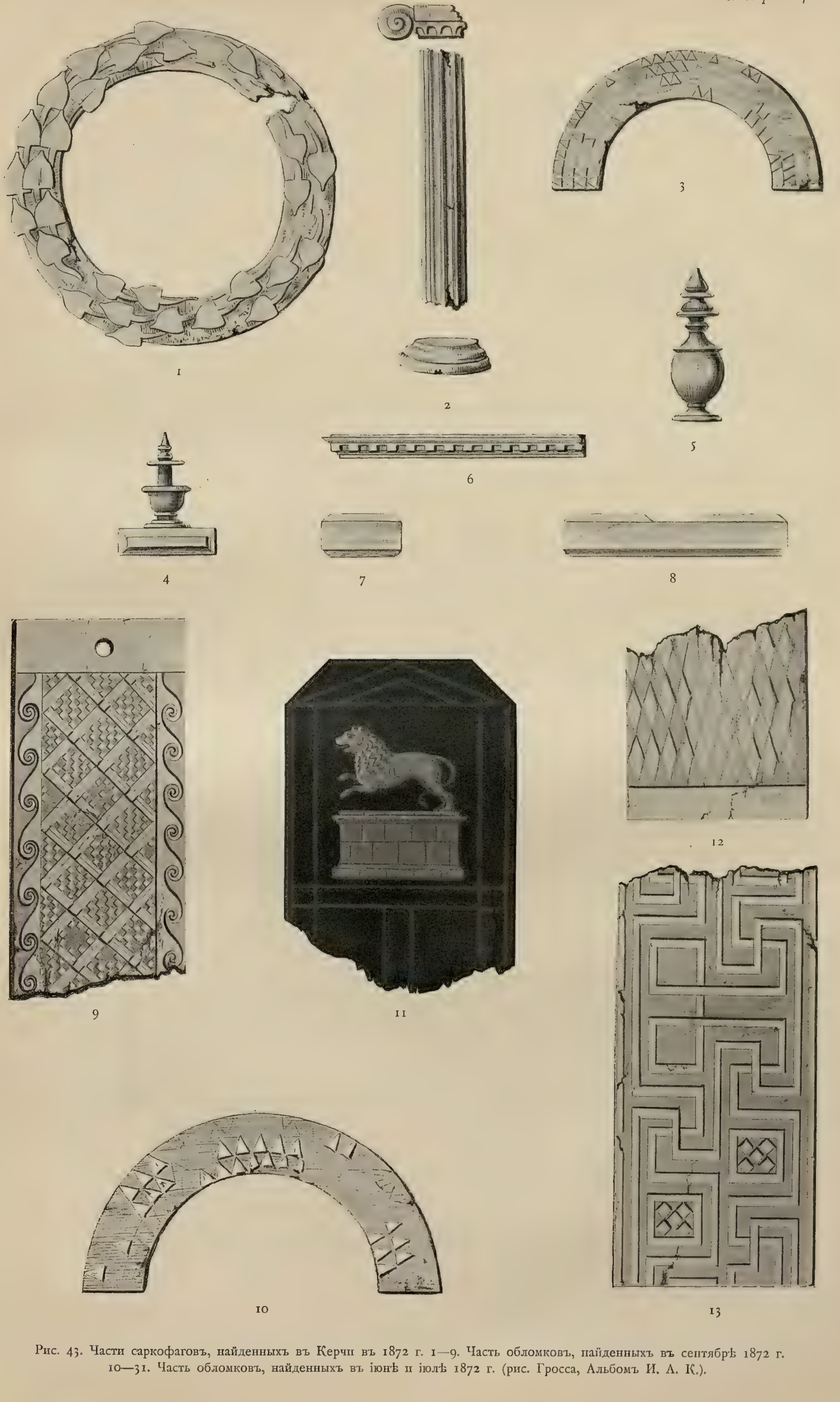


Рис. 43. Части саркофаговъ, найденныхъ въ Керчи въ 1872 г. 1—9. Часть обломковъ, найденныхъ въ сентябрѣ 1872 г. 10—31. Часть обломковъ, найденныхъ въ іюнѣ и юлѣ 1872 г. (рис. Гросса, Альбомъ И. А. К.).

Это богатство орнаментаціи, соединеніе подражанія инкрустаціи съ расчлененіемъ стѣны пилястрами и колонками, наконецъ, характеръ орнаментовъ, стоящихъ въ связи съ любимыми орнаментами эллинизма, заставляютъ a priori заключить, что саркофаги 1872 г., въ общемъ одновременные нашимъ, нѣсколько старше ихъ.

При этихъ условіяхъ датировка ихъ пріобрѣтаетъ особый интересъ. Къ счастію, она вполнѣ возможна.

Большинство саркофаговъ найдено не разграбленными. Обрядъ погребенія и находки въ нихъ оказались вполнѣ однородными и притомъ довольно хорошо датируемыми. Характерно, что и въ нихъ, какъ въ вышеописанныхъ саркофагахъ 1910 г., мы наблюдаемъ то-же обиліе корзинокъ съ орѣхами, каштанами и рожками, ту же любовь къ деревяннымъ туалетнымъ принадлежностямъ. Кромѣ того вездѣ наблюдалось большое изобиліе хорошей стекляной посуды и, что особенно важно, почти на каждомъ остовѣ имѣлся золотой погребальный вѣнокъ на деревянномъ, покрытомъ матеріей, обручѣ съ центральнымъ медальономъ, представлявшимъ оттискъ съ вышеразобранныхъ монетъ, приписывавшихся раньше Евбіоту и относящихся, во всякомъ случаѣ, ко времени около нашей эры (характерно, что въ одной земляной гробницѣ того же некрополя монета такъ называемаго Евбіота найдена вмѣстѣ съ монетой Миѳрадата VII (II)-го) [1]).

Интересно отмѣтить, что совершенно такой же характеръ имѣютъ вещи, найденныя въ 1910 году въ саркофагѣ совершенно того же типа на Глинищѣ (см. Шкорпилъ, И. И. А. К., 47, № 47, стр. 57 слл.) [2]). Богатое содержимое этого саркофага датировано такимъ же оттискомъ монеты эпохи Миѳрадата Евпатора (Евбіота) [3]).

Вся описанная серія колончатыхъ и арочныхъ саркофаговъ съ богатой деревянной инкрустаціей относится, такимъ образомъ, еще къ поздне-эллинистическому времени, къ I в. до Р. Хр. Къ нимъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ наша болѣе простая группа, дающая тотъ же типъ, но въ упрощенномъ видѣ. Одну группу составляютъ и находки въ нашемъ склепѣ и отмѣченной группѣ гробницъ: укажу хотя бы на оттиски или подражанія оттискамъ съ монетъ Миѳрадата Евпатора, причемъ отмѣчу, что эти оттиски въ нашемъ склепѣ уже не даютъ точной репродукціи монетъ, какъ въ вышеописанной группѣ погребеній.

Ясно, что саркофагъ нашего склепа, будучи близокъ къ характеризованной группѣ поздне-элинистическихъ саркофаговъ, тѣмъ не менѣе нѣсколько моложе ихъ. Я уже сказалъ, что наша группа саркофаговъ совершенно не отмѣчена Вацингеромъ. Прибавлю, что, кромѣ отмѣченныхъ выше саркофаговъ, изданныхъ Вацингеромъ, къ ней же принадлежитъ саркофагъ, найденный Карейшей въ 1842 г. (Watzinger, Holzsarkophage, 46, № 27, рис. 86) и болѣе простые саркофаги Watzinger, № 29, стр. 48, рис. 89—91 и № 38, стр. 55 сл., рис. 118. Переходъ отъ этихъ саркофаговъ къ нѣсколько болѣе поздней группѣ, о которой рѣчь будетъ въ гл. XXIV и которая характеризуется накладными гипсовыми раскрашенными украшеніями, составляетъ выше отмѣченный саркофагъ 1874 г. (Watzinger, l. l., 54, № 35, рис. 116 и 117).

---

1) Свѣдѣніе это заимствую изъ рукописнаго журнала Люценка; въ печатный отчетъ оно не попало. Объ этихъ монетахъ см. выше стр. 209 сл.

2) Ср. Pharmakovsky, *Arch. Anz.*, 1911, 198 сл.

3) Ср. также другую гробницу съ остатками саркофага того же типа, Шкорпилъ, И. И. А. К., 47, 53, № 30.

Я не стану указывать на важность нашей группы для исторіи поздне-эллинистической архитектуры и пластической стѣнной декоровки. Укажу только, что въ нихъ мы имѣемъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ соединенія на фасадахъ прямыхъ покрытій съ покрытіями арочными, что такъ характерно для позднѣйшей архитектуры всего восточнаго эллинизма. Примѣръ этого рода въ стѣнной пластической декоровкѣ мы имѣли въ остаткахъ стѣнной декоровки вышеописаннаго Керченскаго дома (см. выше стр. 131 слл.).

Отмѣчу еще разъ и важность соединенія инкрустаціи съ расчлененіемъ стѣны колоннами и арками. Для монументальной декоровки эллинистическаго времени мы имѣемъ только литературныя объ этомъ свидѣтельства. Укажу также на то, что наши памятники являются, вѣроятно, родоначальниками столь характерной для всего нынѣшняго востока деревянной мозаики или интарсіи. Надо надѣяться, что бѣглыя, по необходимости, замѣчанія мои побудятъ кого-нибудь изъ молодыхъ археологовъ заняться нашими саркофагами, а руководителей раскопками въ Керчи—постараться спасти и возстановить остатки саркофаговъ этого типа, которыхъ немало еще въ гробницахъ Пантикапея.

Дата найденныхъ вещей.

Анализъ найденныхъ въ нашемъ склепѣ, частью очень характерныхъ, вещей—канделябра, стекляныхъ сосудовъ, бляшекъ съ оттисками, рѣзныхъ камней въ массивныхъ кольцахъ, саркофага—даетъ намъ опредѣленное указаніе на время перваго погребенія: всѣ указанныя вещи оказываются принадлежащими первымъ десятилѣтіямъ I в. по Р. Хр. Случайнымъ совпаденіемъ это, конечно, быть не можетъ, и поэтому придется признать, что въ первый разъ склепъ былъ использованъ для погребенія въ началѣ римскаго императорскаго времени, никакъ не позже средины I в. по Р. Хр.

Стилистическій анализъ росписи. Фигуры и головы.

Съ этой датировкой какъ будто плохо мирится *стилистическій анализъ* росписи, необычайная грубость фигуръ и композицій которой намъ ярко бросились въ глаза уже при описаніи ея. Тамъ-же я отмѣтилъ и знакомое намъ по гробницѣ 1891 г. стремленіе художника къ изображенію всѣхъ лицъ росписи впрямь, каковъ бы ни былъ поворотъ тѣла; ясно, что мы имѣемъ здѣсь варварскую архаизацію, вызванную привычкой писать лица, можетъ быть, для портретовъ, исключительно впрямь и неумѣньемъ справиться съ поворотами лица. Характерно далѣе полное неумѣнье выдержать пропорціи не только однѣхъ фигуръ по отношенію къ другимъ, но и отдѣльныхъ частей одной и той же фигуры; особенно характерна въ этомъ отношеніи фигура Плутона въ сценѣ похищенія Коры. Писать тѣлъ мастеръ совершенно не умѣетъ: мускулатуры нѣтъ никакой, повороты по-дѣтски грубы; очевидно, онъ никогда и не пробовалъ работать съ натуры.

Перспектива для нашего мастера terra incognita: изобразить четверку лошадей въ профиль для него непосильно, какъ непосильно и изображеніе колесницы. Наконецъ, еще недостижимѣе для него изображеніе движенія, которое удалось недурно мастеру гробницы Алкима въ изображеніи того же сюжета похищенія Коры, если позволительно судить объ его манерѣ писать по бѣглой копіи Гросса. Къ числу признаковъ варварской архаизаціи относится и подчеркиваніе контуровъ фигуръ грубыми и толстыми чертами, наблюдающееся въ гораздо меньшей степени даже въ росписи гробницы 1891 г.

Словомъ, вся трактовка фигуръ и композицій показываетъ огромный регрессъ по сравненію даже съ гробницей 1891 г., которая, въ свою очередь, по сравненію съ гробницами Анѳестерія и Алкима, представляетъ значительный шагъ назадъ. Повстрѣчай мы подобное явленіе рѣзкой варваризаціи въ центрѣ культурной

жизни античнаго міра, мы должны были бы безъ колебаній отнести его на счетъ рѣзкаго культурнаго упадка вообще и датировать памятникъ очень позднимъ временемъ.

Но въ нашемъ случаѣ мы должны быть очень осторожны. Къ этой осторожности должно привести насъ прежде всего сравненіе грубой и дѣтской работы фигуръ съ трактовкой тѣмъ же мастеромъ отдѣльныхъ головъ: Деметры въ сводѣ и Плутона въ люнеткѣ.

Орнаментальная часть росписи.

Какъ ни велики недочеты въ трактовкѣ этихъ головъ, все же ихъ исполненіе неизмѣримо выше всего остального: есть и экспрессія, и правильность пропорцій и контуровъ, и эффектность грубой, но патетической живописи: вѣетъ какъ бы отдаленное и отраженное дуновеніе духа Пергамскаго алтаря.

Если отъ этихъ головъ перейти къ анализу орнаментальной части, то разница окажется еще бо́льшей. Орнаментальная часть гробницы, можно сказать, безупречна. Распредѣленіе букетовъ гранатовыхъ плодовъ, маковъ и гирляндъ съ птичками около центральнаго медальона съ головой Деметры оставляетъ самое благопріятное впечатлѣніе; декоративный эффектъ покрытія всего поля зелеными лепестками и розовыми листиками очень хорошъ; эффектно и заполненіе угловъ стилизованными гирляндами лавра съ птичками на нихъ. Словомъ, композиція, необычная для классическаго плафона, какъ увидимъ ниже, съ декоративной стороны задумана и проведена съ полнымъ успѣхомъ. Хорошо и детальное исполненіе. Если обратить вниманіе на характеръ стиля отдѣльныхъ орнаментовъ, то придется отмѣтить прежде всего значительно больше натурализма, чѣмъ въ группѣ гробницъ Алкима, Анѳестерія и 1891 г.; но по существу это все тотъ же натурализмъ, который мы выше отмѣтили, какъ характерный для всего восточнаго эллинизма.

Особенно ярко сказывается это на гирляндахъ люнетки и плафона. Первая одинаково далека и отъ стилизованныхъ аканѳовыхъ заполненій фронтоновъ и люнетокъ V—III в. до Р. Хр., хотя сохраняетъ принципъ и нѣкоторые мотивы ихъ, и отъ натуралистическихъ пышныхъ гирляндъ съ фруктами, цвѣтами и птицами, характерныхъ для натурализма западнаго эллинизма I в. по Р. Хр., развившагося, главнымъ образомъ, въ Римѣ. То же надо сказать и о лавровыхъ вѣтвяхъ плафона, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ лавровыми вѣтвями эллинистическихъ глиняныхъ сосудовъ и не имѣющихъ ничего общаго съ натурализмомъ лавровыхъ вѣтвей ara Pacis и римскихъ надгробныхъ алтарей I в. по Р. Хр. Въ ту же категорію входитъ и трактовка центральнаго вѣнка, имѣющаго, какъ увидимъ ниже, въ послѣдующемъ развитіи свою длинную, независимую отъ Запада, исторію.

Гирлянды.

Параллели для нашего стилизованнаго натурализма вѣнковъ и гирляндъ, кромѣ продуктовъ эллинистической керамики и торевтики, включая мегарскія чашки, даютъ гирлянды фресокъ и мозаикъ делосскихъ домовъ, см., напримѣръ, гирлянду изъ натуралистическихъ цвѣтовъ и фруктовъ съ перевязями на фрагментѣ стѣнной декоровки одного изъ делосскихъ зданій Bulard, *Mon. Piot,* XIV, pl. VIII, ср. заполненіе круга въ большой мозаикѣ изъ дома дельфиновъ, ibid., pl. XII, XIII. Необходимо отмѣтить, что только что упомянутая мозаика сдѣлана не чистымъ грекомъ, а греко-финикійскимъ мастеромъ Асклепіадомъ изъ Арада, какъ показываетъ надпись на этой мозаикѣ.

Врядъ ли это случайность, такъ какъ, кромѣ упомянутыхъ памятниковъ, ближайшую аналогію заполненію люнетки нашей гробницы даетъ порталъ извѣстной гробницы Судей около Іерусалима (хорошій детальный, хотя и не вполнѣ точный

рисунокъ см. у De-Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte, табл. XXXIV). Здѣсь во фронтонѣ мы имѣемъ тѣ же разводы аканѳа, очень сблизившагося съ хвоею, ту же пальметку въ центрѣ, то же соединеніе съ вѣтвями, несущими фрукты, что и въ люнеткѣ нашей гробницы. Ниже, при разборѣ значительно болѣе позднихъ гробницъ Херсонеса, мы увидимъ, что врядъ ли здѣсь мы имѣемъ дѣло съ случайностью, скорѣе—это опредѣленное свидѣтельство о связи нашего юга съ сирійскимъ эллинизмомъ [1]).

Рис. 44. Черепокъ изъ Пергама.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ памятникахъ античной декоративной живописи особенно характерно сочетаніе натуралистическихъ фруктовъ со стилизованною зеленью и цвѣтами. Интересна и роль птицъ въ декоровкѣ, птицъ, которыя, какъ и въ римское время, имѣютъ исключительно декоративное значеніе наряду съ цвѣтами и гирляндами [2]). Трактовка птицъ, однако, хотя и мастерская, но все же условная: опредѣлить породу птицъ по ихъ изображеніямъ задача настолько же безплодная, какъ сдѣлать это для памятниковъ IV—III в. до Р. Хр.

Принципъ орнаментаціи плафона.

Самый принципъ орнаментаціи и декоровки плафона далеко не подходитъ къ тому, который царитъ въ то же время въ архитектурномъ стилѣ декоровокъ Помпей. О какомъ-либо архитектурномъ дѣленіи плафона, какъ мы это наблюдаемъ въ Римѣ и въ Помпеяхъ въ I в. по Р. Хр., въ нашемъ плафонѣ нѣтъ и рѣчи; не замѣтно и вліянія текстильнаго искусства, которое, можетъ быть, рядомъ съ архитектурнымъ построеніемъ опредѣляетъ характеръ такъ называемыхъ классическихъ помпеянскихъ плафоновъ [3]). Въ нашемъ плафонѣ принципъ исключительно живописный, хотя и съ полнымъ соблюденіемъ

Рис. 45. Черепокъ сосуда изъ Пергама.

---

[1]) Интересно сблизить наши разводы, приближающіеся къ типу хвои, съ натуралистическимъ растеніемъ того же типа, изображеннымъ на одномъ черепкѣ изъ Пергама, нынѣ въ Берлинскомъ Антикваріи, см. рис. 44. Рисунокъ сдѣланъ черной краской на бѣловатомъ грунтѣ. См. объ эллинистическихъ сосудахъ этого типа E. Pottier, *Mon. Piot*, XX, 163 сл.

[2]) Въ высшей степени характерно сближеніе нашихъ птичекъ съ птичками около стилизованныхъ цвѣтковъ, мастерски нацарапанными на одномъ черепкѣ буро-лаковой посуды, найденномъ въ Пергамѣ. См. рис. 45. Ср. выше-приведенную статью E. Pottier. На такъ называемыхъ вазахъ Гнаѳіи натуралистическія птицы встрѣчаются постоянно.

[3]) См. Ronczewski, Gewölbeschmuck im römischen Altertum, Berlin, 1903; E. Petersen, *Ann. d. Ist.*, 1881.

симметріи. Никакихъ дѣлящихъ линій, никакого намека на кассетты; весь плафонъ трактованъ, какъ сплошное поле.

Система нашего плафона не стоитъ одиноко въ древнемъ мірѣ. Укажу на нѣкоторыя параллели, отнюдь не собираясь исчерпать весь матеріалъ. Очень интересна роспись плафона одной эллинистической гробницы въ Петрѣ въ Аравіи. Здѣсь въ центрѣ находился медальонъ съ какимъ то изображеніемъ (нынѣ погибъ); вся площадь полуцилиндрическаго свода была заполнена вѣтвями винограда и цвѣтущаго плюща, между которыми разсажены насѣкомые и птицы; тутъ же эроты въ идиллической трактовкѣ [1]).

Прямыми параллелями къ этому плафону являются многіе плафоны римскихъ катакомбъ, перечислять которые здѣсь не мѣсто [2]). Еще ближе къ нашей гробницѣ и къ болѣе позднимъ плафонамъ керченскихъ склеповъ, о которыхъ еще будетъ рѣчь, стоитъ потолокъ одной сицилійской гробницы, украшенный разбросанными по его поверхности цвѣтами мака, гирляндами-мѣшками и павлинами, сгруппированными около центральнаго медальона, обрамленнаго вѣнкомъ, съ изображеніемъ въ немъ двухъ эротовъ (вѣроятно, погребальныхъ, хѳоническихъ, см. выше стр. 149,2) [3]).

Рис. 46. Гуси плафона погребальной комнаты Ка-гему въ Ассуанѣ (рис. В. С. Голенищева).

Наконецъ, изъ болѣе позднихъ памятниковъ назову плафонъ комнаты одного дома въ Римѣ на Цэліи, гдѣ замѣчается то же преобладаніе цвѣточнаго натуралистическаго орнамента и та же группировка орнаментаціи всего плафона около центральнаго медальона съ изображеніемъ въ немъ портретныхъ головъ членовъ семьи хозяина дома [4]).

Въ прямой связи съ росписями плафоновъ типа вышеуказанной гробницы въ Петрѣ стоитъ и извѣстный, къ сожалѣнію, погибшій плафонъ ц. S. Constanza въ Римѣ [5]).

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало матеріала для того, чтобы съ полною увѣренностью сказать, откуда пришелъ этотъ принципъ и какова его исторія въ греческомъ мірѣ. Но ясно одно: сближать его должно, съ одной стороны, съ несравненно болѣе древними памятниками декоративной живописи Египта, напримѣръ, съ росписью нѣкоторыхъ гробницъ оиванскаго некрополя, а также съ росписью Телль-эль-Амарнскаго дворца и домовъ, съ другой же

[1]) См. Abel, *Revue biblique*, 1906, 587 сл. (рис.), ср. уже упомянутую мозаику въ домѣ «Дельфиновъ» на Делосѣ, Bulard, Peintures etc., табл. XII, XIII.

[2]) См. общую характеристику плафоновъ катакомбъ у L. von Sybel, Die christliche Antike, I, 151 слл.

[3]) См. *Monum. d. Ist.*, II, tab. XLVI, A[1], A[2], A[3]; ср. *Ann. d. Ist.*, 1837, 58; *Записки Русск. Арх. общ. Труды отд. класс., виз. и зап.-евр.*, IX, 2, 295, прим. 2.

[4]) См. Recueil des peintures antiques, Paris, 1737, pl. XVIII—XXV, ср. мою замѣтку въ *Arch. für Religionsw.* X, 506 слл.; Amelung, Di alcuni sarcofagi colossali conservati nei Musei Vaticani, *Atti della Acc. pontificia di Roma*, 1910.

[5]) См. Wickhoff, Römische Kunst (Die Wiener Genesis), Berlin, 1912, 185.

стороны, съ нѣкоторыми одновременными и болѣе ранними, чѣмъ наша роспись, мозаиками и съ рядомъ стекляныхъ сосудовъ и подѣлокъ эллинистическаго времени, гдѣ цвѣточный орнаментъ и натуралистическія птицы такъ-же заполняютъ пространство, какъ и на нашемъ плафонѣ.

Рис. 47. Голуби на плафонѣ гробницы Ка-гему въ Ассуанѣ (рис. В. С. Голенищева).

Напомню изъ области старыхъ египетскихъ прототиповъ плафоны съ летящими птицами одной изъ залъ дворца Аменофиса III въ Мединетъ-абу, одной оиванской и одной ассуанской (см. рис. 46 и 47) гробницы [1]), знаменитую половую роспись Телль-эль-Амарнскаго дворца [2]), недавно открытыя росписи стѣнъ частныхъ домовъ тамъ же [3]), и зеленые изразцы съ изображеніемъ маргаритокъ и другихъ цвѣтовъ, которыми обшиты были стѣны большого портика тамъ же на протяженіи болѣе 200 ф. (см. Flinders-Petrie, Tell el Amarna, стр. 8 сл. и 28, pl. X). Напомню также извѣстный фактъ широкаго развитія изготовленія пластинокъ изъ стекла для украшенія деревянныхъ и ювелирныхъ издѣлій съ натуралистическимъ цвѣточнымъ орнаментомъ въ древнемъ фараоновскомъ Египтѣ (см. Kisa, Das Glas im Altertume, I, 73).

Уже Шрейберъ въ своихъ работахъ объ эллинистическихъ рельефахъ [4]) выяснилъ ту роль, которую играло этого же рода стекло въ украшеніи Птолемеевскихъ

[1]) Плафонъ дворца Аменофиса III-го см. G. Daressy, Le palais d'Aménophis III à Medinet-Abou. *Ann. du service des antiquités,* IV, 165 слл.; Robb de P. Titus, A preliminary Report on the Re-Excavation of the Palace of Amenhetep III, New-York, 1904; Maspero, Egypte *(Ars una)*, 150, рис. 276, ср. 165 (летящіе голуби и бабочки). Плафонъ оиванской гробницы Ei-ma-dua (онъ же Imasib и Aichesi) опубликованъ впервые Champollion, т. IV, табл. 437; затѣмъ въ краскахъ Prisse d'Avennes, Histoire de l'art égyptien (таблицы не номерованы), текстъ стр. 369 сл.; ср. G. Jecquier, L'art décoratif dans l'antiquité. Decoration égyptienne. Plafonds et frises végétales du nouvel empire Thebain (1910—1911), стр. 20; Maspero, l. l., 170 (летящіе гуси и ихъ гнѣзда съ яйцами). Гробница принадлежитъ эпохѣ Рамзеса IX (XX династія). Плафонъ гробницы Ка-гему въ Ассуанѣ (XIX—XX династія) см. *Annales du service des ant.*, IV 60 слл., гробн. № 15, ср. табл. II. Плафонъ одной комнаты этой гробницы покрытъ въ одной части (рис. 47) изображеніями летящихъ голубей среди пучковъ цвѣтущихъ вѣтокъ или кустарниковъ и бабочекъ (голуби—сѣрые съ голубымъ, носики—черные, лапки—красныя), въ другой части (рис. 46) летящими гусями (лапы—черныя, середина тѣла—сѣрая, концы крыльевъ у однихъ красноватые, у другихъ зеленоватые) среди разбросанныхъ въ безпорядкѣ вѣтокъ какого то дерева (вѣтки поочередно красныя и синія). Знакомствомъ съ этой гробницей я обязанъ любезности В. С. Голенищева, предоставившаго въ мое распоряженіе свой карандашный набросокъ обоихъ плафоновъ (рис. 46 и 47). И голуби, и гуси изображены въ полномъ безпорядкѣ, въ необычайно разнообразныхъ и мѣтко схваченныхъ позахъ. Вполнѣ возможно, что старая оиванская традиція—прямой дериватъ изображенія разнообразныхъ птицъ среди тростниковъ Дельты,—нашедшая себѣ такое яркое выраженіе въ знаменитой половой картинѣ изъ Телль-эль-Амарны, не умерла и въ эллинистическое время и черезъ посредство Александріи повліяла на весь остальной эллинистическій міръ, какъ на роспись плафоновъ, такъ и на мозаики. Къ сожалѣнію, промежуточныхъ звеньевъ судьба намъ не сохранила. Связь между старымъ египетскимъ искусствомъ и искусствомъ эллинистической Александріи можетъ быть установлена во многихъ другихъ случаяхъ не только въ области фигурныхъ изображеній, но и въ области орнаментальной. О стекляныхъ декоративныхъ пластинкахъ см. въ текстѣ. То-же явленіе переживанія старыхъ египетскихъ орнаментальныхъ мотивовъ мы наблюдаемъ и въ области эллинистической александрійской керамики. Подробнѣе обо всемъ этомъ будетъ рѣчь во второмъ томѣ.

[2]) Flinders-Petrie, Tell-el-Amarna, London, 1894, pl. II—IV, стр. 12.

[3]) См. Borchardt, *Klio,* 1908 (XIII), 124,

[4]) Th. Schreiber, Die Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani, Leipzig, 1888, 80, прим. 76а.

дворцовъ въ Александріи. Можно съ увѣренностью предположить, что роль эта не ограничилась предѣлами Египта, а проникла и во дворцы Малой Азіи и Сиріи. О томъ, какъ она здѣсь сочеталась съ настоящимъ, такъ называемымъ инкрустаціоннымъ стилемъ, рѣчь будетъ во второй части моей работы. Естественно, что она не миновала и Рима тогда, когда Римъ жадно пересаживалъ къ себѣ всю роскошь царскаго эллинизма.

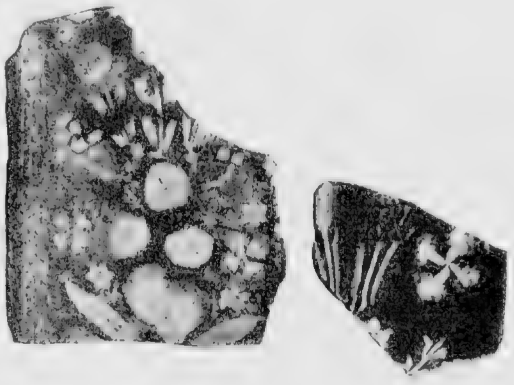


Рис. 48. Стеклянная пластинка Александрійскаго музея.

Отдѣльныя свидѣтельства объ этомъ сопоставилъ Kisa, Das Glas, 366 слл. Каковъ былъ принципъ орнаментаціи этой стеклянной обшивки нѣкоторыхъ частей стѣнъ домовъ и дворцовъ, объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ такъ называемые mille fiori, сосуды и пластинки, которыя въ большомъ количествѣ находятся, главнымъ образомъ, въ Римѣ и такъ цѣнятся любителями и коллекціонерами (см. рис. 48). Принципъ украшенія здѣсь исключительно живописный, безъ всякой связи съ архитектоникой и строеніемъ декорируемаго предмета.

Въ высшей степени характерно, что указанная чисто орнаментальная живописная тенденція вмѣстѣ съ нѣкоторыми категоріями цвѣтовъ, характерныхъ для стекла (напримѣръ, маргаритки), а также съ характерными для эллинизма гирляндами изъ стилизованной зелени нашли себѣ пріютъ и въ декоративной живописи архитектурнаго принципа, въ такъ называемомъ третьемъ помпеянскомъ стилѣ, гдѣ, какъ извѣстно, временно, безъ устраненія, однако, основъ архитектурнаго стиля, орнаментальный и спеціально цвѣточный принципъ проникъ въ его нѣдра, деформировалъ архитектуру, превратилъ колонны въ канделябры и тростники, а архитектурныя дѣленія въ полосы орнаментовъ и грозилъ совершенно подчинить архитектуру орнаменту.

Любопытно, что и половая мозаика, гдѣ въ общемъ въ схемѣ строенія царитъ архитектурно-ковровый принципъ, использовала чисто орнаментальный принципъ украшенія большой площади асимметрично-натуралистически стилизованными плодами, цвѣтами и животными. Я имѣю въ виду знаменитыя мозаики Соса, его голубей, о которыхъ рѣчь уже была выше, и его ἀσάρωτος οἶκος, отраженіемъ котораго являются нѣкоторыя африканскія половыя мозаики [1]).

Проникновенію этого принципа на плафонъ нашей гробницы способствовало, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ то, что полуцилиндрическій плафонъ ея особенно легко могъ эмансипироваться отъ строгой архитектоники греческаго плафона: уже коверъ Васюринской горы свидѣтельствуетъ о такой свободѣ декоровки сводовъ сравнительно съ прямыми покрытіями. Свою роль сыгралъ и загробный символизмъ, то значеніе, которое имѣли цвѣты и плоды въ загробномъ культѣ и загробной обстановкѣ, но, конечно, рѣшающимъ въ способѣ использованія этихъ мотивовъ для декоративныхъ цѣлей культовое значеніе цвѣтовъ и плодовъ быть не могло.

Вполнѣ новъ въ декоровкѣ памятниковъ архитектуры способъ декорировать большія одноцвѣтныя площади не натуралистическими цвѣтами и побѣгами, а

[1]) См. мозаику Суссы *Rev. arch.*, 1897, pl. XII: птицы и животныя (утки и газель) среди разбросанныхъ цвѣтовъ и плодовъ: гроздья винограда, корзины съ фруктами (фиги, виноградъ и т. д.), гранаты, вишни, яблоки, тюльпаны, розы и т. д. Ср. ниже въ отдѣлѣ о Херсонесѣ, гл. LIX.

разсыпанными по нейтральному фону отдѣльными стилизованными листиками и лепестками. Кое-какія указанія на возможность появленія этого способа декоровки дали намъ уже гробницы, разобранныя выше, особенно гробница Пигмеевъ и гробница 1891 г., но въ полномъ своемъ развитіи мы встрѣчаемся съ этимъ новшествомъ здѣсь впервые. Здѣсь пока не мѣсто говорить объ исторіи нашего орнамента и его распространеніи; мы увидимъ, что орнаментъ появляется уже въ ранне-эллинистической керамикѣ, а его декоративное примѣненіе обусловлено, вѣроятно, главнымъ образомъ, культовыми соображеніями. Для насъ важно констатировать связь этого орнамента съ развитіемъ манеры орнаментировать большія сплошныя пространства элементами натуралистическаго растительнаго и животнаго орнамента вообще [1]).

Общая схема декоровки.

Новшествомъ, сравнительно съ декоровкой выше разобранныхъ гробницъ Алкима, Анѳестерія, 1891 г. и еще болѣе древнихъ, является и общая схема декоровки гробницы, отсутствіе архитектурнаго дѣленія стѣны и оставленіе единственнаго дѣлящаго члена—сильно деформированнаго и упрощеннаго сухарнаго карниза. На дѣленіе стѣны на квадры нѣтъ даже намека. Напротивъ, стѣна декорирована по тому же принципу, хотя значительно болѣе скупо, что и плафонъ. Стилизованныя натуралистическія виноградныя лозы, брошенныя прямо на стѣну, составляютъ единственный элементъ этой декораціи. Характерно, что лепестки и листья не покрываютъ стѣнъ, а только плафонъ и одну изъ люнетокъ.

Особенности декоровки склепа.

Въ результатѣ вышеизложеннаго стилистическаго и историческаго анализа, мы можемъ отмѣтить, какъ особенности декоровки нашей гробницы:

1) упрощеніе схемы декоровки до предѣловъ оставленія только одного горизонтальнаго дѣленія—карниза между стѣной и плафономъ;

2) сохраненіе въ общемъ декоративной схемы выше разобранныхъ гробницъ и одинаковое съ ними распредѣленіе по стѣнамъ и люнеткамъ фигурныхъ сюжетовъ;

3) одинаковую, въ общей схемѣ, трактовку этихъ фигурныхъ сюжетовъ и, какъ увидимъ ниже, одинаковый выборъ ихъ;

4) необычайную варварски-архаическую грубость въ трактовкѣ фигурныхъ изображеній, значительно смягченную только въ исполненіи нѣкоторыхъ головъ;

5) большое мастерство въ исполненіи орнаментальныхъ частей декоровки, особенно орнаментаціи плафона и входной люнетки;

6) связь декоративныхъ мотивовъ орнаментаціи, главнымъ образомъ, съ восточно-эллинистическими образцами II—I в. до Р. Х. и отсутствіе какого бы то ни было вліянія западно-эллинистическихъ образцовъ;

7) появленіе въ большомъ количествѣ растеній, плодовъ и птицъ въ орнаментаціи плафона, люнетки и стѣнъ;

8) появленіе принципа свободнаго распредѣленія орнаментальныхъ мотивовъ вокругъ центральнаго медальона;

9) появленіе манеры заполнять большія свободныя пространства брошенными въ безпорядкѣ листьями и лепестками.

Вся совокупность вышеуказанныхъ характерныхъ чертъ декоровки нашего склепа нисколько не противорѣчитъ той датировкѣ, которую даютъ найденныя

---

[1]) Во второй части моей работы я укажу на широкое примѣненіе нашего мотива и въ украшеніи вазъ, и въ декоровкѣ гробницъ, начиная отъ Сиріи и Египта и кончая Италіей и Далмаціей, и, особенно, въ орнаментикѣ матерій. Время всѣхъ указанныхъ памятниковъ распредѣляется между II в. до Р. Хр. и VI в. по Р. Хр., причемъ памятники архитектуры, расписанные въ этой манерѣ, не старше I в. до Р. Хр.

въ склепѣ вещи. Контрастъ между исполненіемъ орнаментальныхъ и фигурныхъ частей декоровки объясняется, конечно, тѣмъ, что мастеръ или мастера, расписывавшіе склепъ, вѣроятно, мѣстные люди, утеряли навыкъ къ писанію цѣлыхъ фигуръ и сюжетовъ, такъ какъ, очевидно, этого умѣнья для росписи домовъ въ то время не требовалось; мастера живописи склепа, конечно, не были художниками, которыхъ не могло быть въ Пантикапеѣ, а простыми, обученными съ опредѣленною цѣлью и въ опредѣленныхъ рамкахъ малярами. Достаточно вспомнить уже описанные выше примѣры фигурной росписи, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько далеко позади современнаго имъ декоративнаго искусства стояли пантикапейскіе мастера вообще, особенно въ изготовленіи головъ и фигуръ, причемъ, однако, они сохраняютъ въ основѣ стиль и пріобрѣтенія своихъ образцовъ; мастеръ нашего склепа, вѣроятно, только нѣсколько болѣе далекъ отъ своихъ образцовъ, чѣмъ мастера склеповъ Пигмеевъ, 1852 г., Анѳестерія и Алкима. Единственно, что еще сохранили эти мастера даже въ Пантикапеѣ, это нѣкоторый навыкъ къ писанію головъ впрямь, навыкъ, стоящій, вѣроятно, въ связи съ культивированіемъ на Боспорѣ мѣстной портретной живописи, о чемъ будетъ свидѣтельствовать намъ найденный въ Керчи расписной саркофагъ, о которомъ ниже. Хорошо обучены были мастера только въ области орнаментальной, и здѣсь нѣтъ и слѣда варварскаго архаизма, проявляющагося въ трактовкѣ фигуръ. Поэтому для датировки живописи мы въ правѣ пользоваться только орнаментальной, а не фигурной частью росписи [1]).

Анализъ этой орнаментальной части росписи достаточно ясно показалъ намъ, что здѣсь въ полной мѣрѣ царятъ традиціи поздняго восточнаго эллинизма и притомъ не въ огрубѣлой или высохшей формѣ, какъ въ позднихъ памятникахъ восточнаго эллинизма, а въ моментъ наивысшаго своего расцвѣта. Мы въ правѣ, можетъ быть, даже были бы сказать, что натуралистическій орнаментъ достигъ въ нашей гробницѣ гораздо большаго развитія, чѣмъ, напримѣръ, въ гробницѣ 1891 г., но не думаю, чтобы это могло быть использовано въ качествѣ хронологическаго критерія. Надо помнить, что передъ нами представители двухъ манеръ: отживающей, въ лицѣ гробницы 1891 г., и новой, выросшей на традиціяхъ старой, но внесшей въ нихъ и нѣчто свое. Это приблизительно то же отношеніе, что и между такъ называемымъ первымъ и вторымъ помпеянскимъ стилемъ. Основа перваго стиля удерживается, но она привита на новый стволъ иной системы и иныхъ представленій. Со вторымъ стилемъ, кромѣ этого общаго сродства, роднитъ нашу гробницу, правда, только очень немногое: наша гробница не знаетъ принципа вертикальнаго дѣленія стѣны, расчлененія ея колоннами, пилястрами, написанными нишами и рамками для картинъ. Въ этомъ отношеніи она только упрощаетъ формы поздняго, такъ называемаго перваго стиля. Общимъ между нею и вторымъ стилемъ въ Помпеяхъ, кромѣ приблизительной одновременности, является только, проявляющаяся и въ раннихъ декоровкахъ второго стиля, любовь къ натуралистическимъ плодамъ, цвѣтамъ и гирляндамъ, которые этотъ стиль любитъ соединять съ птицами. Правда, манера трактовать эти гирлянды во второмъ стилѣ иная, болѣе сочная, болѣе пышная, болѣе натуралистичная и реалистичная, съ большою любовью къ свѣтотѣни — все черты, свойственныя западному

[1]) Характерно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что вся поздняя античность, какъ обычное явленіе, знаетъ только либо мастеровъ-декораторовъ, либо портретистовъ, см. ed. Diocl. VII, 8, гдѣ различаются и называются только pictores parietarii—τοιχο]γράφοι и pictores imaginarii—εἰκονο]γράφοι ср. Marquardt—Mau, Privatleben, 634, 9; ниже гл. XXXII.

и чуждыя восточному эллинизму; въ этомъ отношенiи характерныя черты восточнаго эллинизма воспроизводитъ не второй, а почти одновременный и ему, и нашей гробницѣ уже упомянутый выше третiй помпеянскiй стиль. Ясно, такимъ образомъ, что орнаментальная часть нашей росписи не только не противорѣчитъ датировкѣ ея первой половиной I в. по Р. Х., сдѣланной на основанiи разбора найденныхъ въ гробницѣ вещей, но всецѣло подтверждаетъ ее.

Религiозное значенiе фигуръ росписи.

Въ полномъ согласiи съ этой датировкой стоитъ и анализъ тѣхъ религiозныхъ представленiй, которыя лежатъ въ основѣ фигурныхъ изображенiй нашего склепа.

Представленiя о загробномъ царствѣ, сказывающiяся въ нашей росписи, тѣсно связаны съ культомъ Деметры, съ элевсинскими священными дѣйствами, гдѣ такую крупную роль играло похищенiе Коры Плутономъ. Правда, сама сцена похищенiя трактована гораздо болѣе суммарно, чѣмъ въ гробницѣ Алкима, такъ что объ орфическихъ или иныхъ какихъ элементахъ не можетъ быть и рѣчи, но характерно, что и въ нашемъ изображенiи появляется управляющiй лошадьми безкрылый парящiй генiй. Не думаю, чтобы случайнымъ было и чередованiе двухъ черныхъ и двухъ ярко-гнѣдыхъ лошадей.

Но наиболѣе характерной особенностью нашей гробницы является не только украшенiе входа въ гробницу двумя фигурами и, притомъ, внутри гробницы, какъ мы это уже наблюдали въ цѣломъ рядѣ гробницъ [1]), но и обозначенiе этихъ фигуръ именами. Если имя Гермесъ ясно уже изъ изображенiя, то тѣмъ характернѣе имя Калипсо, требующее объясненiя.

Аналогичныя нашимъ фигуры по обѣ стороны отъ входа я знаю въ Малой Азiи и въ Этрурiи. Въ Малой Азiи такiя фигуры стоятъ по обѣ стороны входа въ гробницу, находящуюся нынѣ около дер. Kumbet въ окрестностяхъ древней Наколеи. Фигуры очень повреждены и время гробницы неопредѣлимо [2]). Гермесъ и, можетъ быть, его женская ипостась, правда, не въ связи со входомъ въ гробницу, изображены и въ извѣстной гробницѣ, считаемой гробницей Алкеты около Термесса (см. Städte Pamphyliens und Pisidiens, II, 64 сл.).

Наконецъ, двѣ танцующiе мужскiя или женскiя фигуры стоятъ по обѣ стороны входа (съ внутренней стороны) въ героонъ Гьёлъ-Баши, причемъ на архитравѣ подъ ними изображено восемь, вѣроятно, апотропэическихъ Бесовъ-Кабировъ [3]). Танцовщики повторяютъ въ позѣ и въ головномъ уборѣ (расширяющiйся кверху polos съ вогнутой боковой поверхностью) такихъ же плясуновъ на золотыхъ бляшкахъ описанной выше гробницы Б. Близницы [4]). Сопоставить можно было бы эти пляшущiя фигуры и съ плясуньей гробницы 1891 г. (см. выше стр. 189).

Въ Этрурiи мы встрѣчаемъ нашу пару, стоящую около входа въ гробницу, и въ гробницѣ Волумнiевъ около Перуджiи (обѣ фигуры, къ сожалѣнiю, сбиты) [5]),

[1]) Къ этимъ фигурамъ мы еще вернемся, когда будетъ рѣчь о погребальной камерѣ, открытой Ашикомъ.

[2]) См. Ramsay, *Journ. of hell. St.* 1882, pl. XXVII: Phrygia, 7 и стр. 262 слл.; Perrot et Chipiez, Hist de l'art, V, 130 слл.

[3]) См. Benndorf-Niemann, Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa, 71, гдѣ указаны параллели (гробница въ Кадiандѣ, о которой еще будетъ рѣчь, и гробница въ Антифеллѣ—всѣ изъ области распространенiя iонiйской культуры). Ср. также фрагментъ саркофага самого героона Benndorf, l. l., 221, табл. XXIX и Petersen и Luschan, Reisen in s.-w. Kleinasien, II, 6, рис. 4 (саркофагъ изъ Ксаноа).

[4]) См. Стефани, О. И. А. К., 1865, прил., 27.

[5]) См. Körte, въ *Abh. der K. Ges. der Wiss. zu Göttingen,* XII, 1 (1909), 7.

и въ tomba del Orco въ Корнето (обѣ фигуры мужскія, около каждой по змѣѣ; фигуры эти, вырѣзанныя въ скалѣ, какъ и фигуры въ гробницѣ Волумніевъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не были сфотографированы и опубликованы) [1]), и на погребальной урнѣ изъ той же гробницы Волумніевъ, гдѣ двѣ женскія фигуры стоятъ по обѣ стороны отъ входа или двери въ подземное царство, откуда выглядываютъ тѣни, встрѣчающія новаго пришельца въ загробное царство (см. Körte, l.l., 18).

Нигдѣ, однако, въ этихъ памятникахъ фигуры, стоящія около входа въ гробницу, не характеризованы, какъ Гермесъ и какая-либо женская фигура, какъ мы это видимъ въ нашихъ гробницахъ. Ближе въ этомъ отношеніи къ фигурамъ нашей гробницы, чѣмъ демоны-стражи входа въ гробницу этрусскихъ погребальныхъ камеръ, стоятъ изображенія въ извѣстной гробницѣ поклонницы Сабазія—Вибіи, открытой въ Римѣ въ началѣ Аппіевой дороги за porta S. Sebastiano [2]); здѣсь Вибію (имя приписано къ фигурѣ) ведутъ къ трону Dispater'a и Эракуры кромѣ Mercurius nuntius, какъ гласитъ припись, еще и Алкестида, также обозначенная приписью. Фигуры эти и по одеждѣ, и по позѣ очень напоминаютъ фигуры Гермеса и Калипсо въ нашей гробницѣ. Сближаетъ обѣ гробницы и то, что необычность и непонятность изображенія заставили художника обозначить фигуры приписями.

Необычность изображенія заключается не въ томъ, что у входа въ гробницу или загробное царство душу встрѣчаетъ Гермесъ-психопомпъ; такое представленіе, конечно, обычно, см. Rohde, Psyche, II, 388 [3]); необычно и характерно то, что у Гермеса появляется спутница—въ одномъ случаѣ Алкестида, въ другомъ хѳоническая Ἀγαθὴ Τύχη, въ третьемъ Калипсо.

Связь представленія о встрѣчѣ и проводахъ души Гермесомъ и какимъ нибудь женскимъ существомъ съ орфикой отмѣчена была уже Maass'омъ, Orpheus, 227 и 241 слл. Характерно, однако, то никѣмъ не отмѣченное обстоятельство, что во всѣхъ перечисленныхъ изображеніяхъ, связь одного изъ которыхъ съ орфикой есть фактъ, въ достаточной мѣрѣ установленный (я имѣю въ виду гробницу Вибіи), рядомъ съ Гермесомъ появляется всегда его хѳоническій женскій коррелятъ, женское хѳоническое божество, первоначально царица преисподней, низведенная развитіемъ греческой религіи на степень одной изъ многочисленныхъ фигуръ, связанныхъ съ подземной царицей Персефоной.

Для Алкестиды это доказалъ Виламовицъ [4]), для Калипсо старался доказать это я въ моей много разъ уже цитованной статьѣ [5]). Καλυψώ, покрывающая покрываломъ смерти, несомнѣнно, первоначально была такая же царица Аида, какъ и Алкестида и др.

---

[1]) См. Dasti, Notizie storiche-archeologiche di Tarquinia e Corneto, 1878, 332; Körte, l. l., 7, прим. 2.

[2]) См. Maass, Orpheus, 219, табл. II, ср. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. 132, 133.

[3]) На южно-русскихъ надгробныхъ стелахъ Гермесъ психопомпъ изображается довольно часто; такъ, напримѣръ, на стелѣ эллинистическаго времени (I в. до Р. Хр.), Ios. P. E. IV, 383; И. И. А. К., 14, 137, ср. Ios. P. E. II, 19; Толстой и Кондаковъ, Русскія др., I, 27, рис. 25 и Kieseritzky-Watzinger, № 263; на одной найденной въ 1912 г. стелѣ двухъ братьевъ Аполлонія и Сократа Гермесъ-психопомпъ изображенъ вмѣстѣ съ двумя погребенными братьями (стела будетъ опубликована В. В. Шкорпиломъ въ ближайшемъ выпускѣ И. И. А. К.); бюстъ Гермеса психопомпа изображенъ на обломкѣ одной стелы хорошей работы во фронтонѣ ея; стела эта будетъ издана въ О. И. А. К. за 1909 г.

[4]) U. von Wilamowitz-Moellendorf, Homerische Untersuchungen, 115 сл.

[5]) Сборникъ статей въ честь гр. А. А. Бобринскаго, 150 сл.

Какъ и всѣ хѳоническіе боги, Гермесъ, царь преисподней, имѣетъ всегда свой женскій коррелятъ, носящій самыя разнообразныя имена: Hestia, Brimo въ Ѳессаліи, Персефона на Самоѳракѣ, Лара, мать Ларовъ и мать Мановъ, dea Tacita, dea Muta и др. въ Этруріи и Римѣ [1]).

Когда Гермесъ изъ царя преисподней сдѣлался простымъ проводникомъ душъ, къ нему въ томъ же качествѣ присоединилась и его женская ипостась, продолжавшая жить, главнымъ образомъ, въ литературной и культовой традиціи орфиковъ, правда, въ служебныхъ роляхъ. Такъ, Калипсо является не только въ пятой пѣснѣ Одиссеи, но и въ гимнѣ къ Деметрѣ, 423, какъ спутница Персефоны.

Какъ видимъ, выборъ сюжетовъ росписи нашей гробницы держится всецѣло въ кругѣ тѣхъ представленій, которыя характерны для Пантикапея конца I в. до Р. Хр. и начала I в. по Р. Хр. Ближе всѣхъ стоитъ наша гробница къ гробницѣ Алкима: и здѣсь, и тамъ царитъ культъ Деметры, ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ изображеній, связанныхъ съ покойникомъ, какъ героемъ. Новое доказательство приблизительной одновременности обѣихъ гробницъ, дѣлающее нашу гробницу тѣмъ болѣе интересной для исторіи декоративной живописи: не забудемъ, что система ея росписи во многомъ принципіально разнится отъ системы росписи гробницъ того стиля, однимъ изъ представителей котораго является роспись гробницы Алкима.

Литература. В. Шкорпилъ въ *Зап. Одесскаго Общ. исторіи и древн.*, XIX (1896), протоколъ 294 засѣданія, стр. 66 сл.; *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 66; М. Ростовцевъ, Керченская декоративная живопись и т. д., стр. 10 сл.

[1]) См. Eitrem, Hermes und die Toten, 9.

XIX. Двойной склепъ, открытый въ 1873 г.

(Табл. LXIII; LXIV, 1 — 3; LXV, 1 — 3; рис. 49 — 52).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ въ 1873 году на томъ же сѣв. склонѣ Митридата, гдѣ и остальныя вышеописанныя гробницы, недалеко отъ склепа, описаннаго Стасовымъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже (гл. XXX). Мѣсто это (табл. I, 13) [1]), бывшее пустыремъ еще въ 1891 г., когда гробница вновь была открыта проф. Ю. А. Кулаковскимъ, теперь постепенно застраивается и недалеко то время, когда въ высшей степени интересная гробница съ очень оригинальной росписью окажется въ частномъ владѣніи и погибнетъ, какъ ея старшія сотоварки.

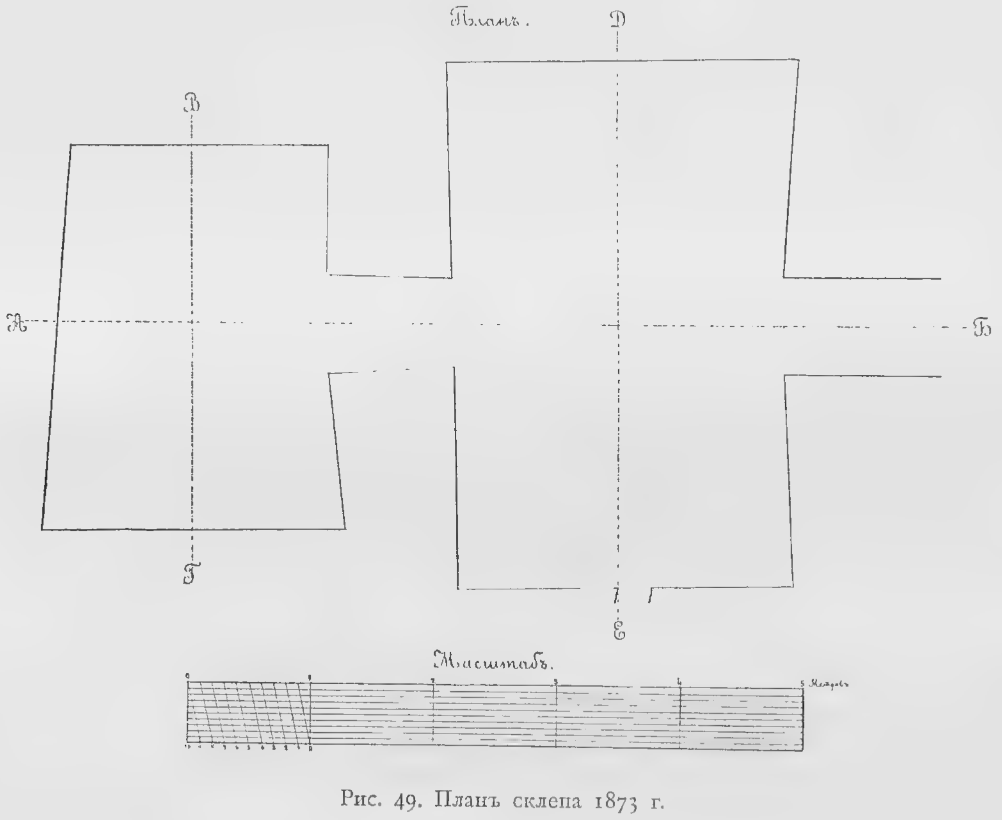


Рис. 49. Планъ склепа 1873 г.

Немедленно послѣ открытія сдѣланы были планы, разрѣзы и копіи съ росписи въ краскахъ худ. Гроссомъ, частью изданные въ Приложеніи къ О. И. А. К. за 1874 г. Послѣ этого гробница была засыпана и оставлена на произволъ судьбы.

[1]) Теперь она находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дворомъ мѣщ. Лопатина, частью даже подъ нимъ, т. е. въ его владѣніи. Гробница нуждается въ постоянномъ наблюденіи. При ея открытіи она была найдена совершенно заплывшей грязью, то же тогда, когда по моей просьбѣ она вновь была открыта въ 1911 г. для снятія новыхъ копій съ росписи. Стѣны пришлось очень усердно и долго отмывать.

Въ 1891 г., какъ сказано выше, ее посѣтилъ проф. Ф. А. Кулаковскій и вскорѣ послѣ этого, по инициативѣ Б. В. Фармаковскаго, съ нѣкоторыхъ частей росписи ея сняты были копіи въ краскахъ; въ это же время вся роспись снята была фотографически фот. Рубанчикомъ. Въ 1905 г. гробница была мною вновь тщательно измѣрена и описана; посѣщалъ я ее и въ слѣдующіе годы во время неоднократныхъ поѣздокъ моихъ въ Керчь.

Въ 1911 г. худ. М. В. Фармаковскій сдѣлалъ новыя копіи съ наиболѣе интересныхъ частей росписи (см. табл. LXIII; LXIV, 1—3); въ то же время сняты были съ нѣкоторыхъ частей росписи новыя фотографіи фот. Рѣзниковымъ и сдѣланы новые болѣе точные планъ и разрѣзы гробницы (см. рис. 49—52).

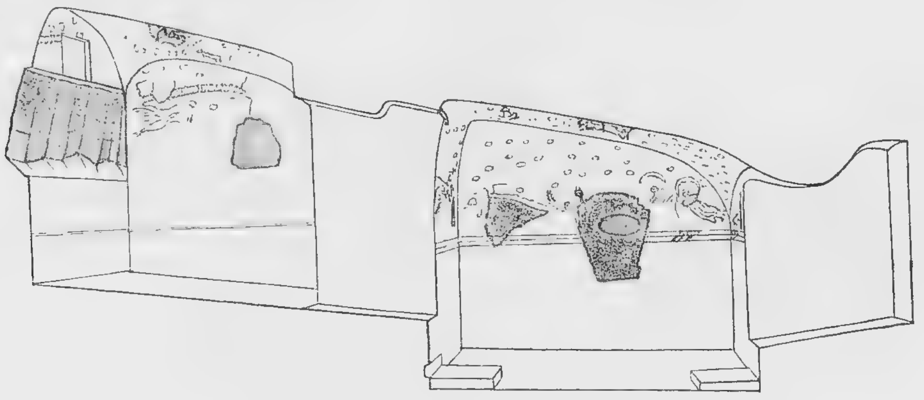


Рис. 50. Продольный разрѣзъ склепа 1875 г. по линіи А—Б.
Масштабъ тотъ же, что на рис. 49.

Архитектура склепа.

Архитектура гробницы только немногимъ разнится отъ архитектуры вышеописанныхъ склеповъ. Впервые встрѣчаемся мы здѣсь съ типомъ двойной, а не одиночной, погребальной камеры и съ типомъ камеры, гдѣ лежанки не приставлены къ стѣнамъ, какъ въ склепахъ 1891 г. и 1895 г., а врѣзаны въ видѣ большихъ нишъ въ стѣны камеры — типъ, сдѣлавшійся почти каноническимъ для позднихъ склеповъ Пантикапея.

Въ склепъ ведетъ снаружи съ сѣв. (склепъ оріентированъ почти точно съ сѣв. на югъ) небольшой дромосъ (дл. 1,30 по западной, 1,40 м. по восточной стѣнѣ, шир. 0,85, выс. 1,565). Изъ него мы попадаемъ въ продолговатую камеру (сѣв. стѣна 4,34 м., южн. 4,33 м., вост. 2,71, зап. 2,69), уровень пола которой ниже уровня пола дромоса на столько, что около порога въ концѣ дромоса (выс. отъ пола камеры 0,41) вырѣзана была уже въ древности въ материкѣ ступенька (выс. 0,17).

Съ сѣв. на югъ камера сильно повышается; высота ея отъ пола до потолка у двери—1,78 м. ,посрединѣ—2,14, у южной стѣны—2,39. Потолокъ камеры сдѣланъ въ видѣ очень плоскаго свода, сведеннаго очень не симметрично: въ зап. углу сѣв. стѣны высота отъ пола до начала свода равняется 1,26 м., въ вост. углу той же стѣны—1,34.

Благодаря такому строенію камеры, въ ней, какъ и въ вышеописанныхъ гробницахъ, на южной стѣнѣ по обѣ стороны отъ двери во вторую камеру получается высокая люнетка; соотвѣтствующей же люнетки на сѣверной стѣнѣ почти совершенно не имѣется; зато имѣются длинныя люнетки въ формѣ, до извѣстной степени, прямоугольныхъ треугольниковъ со срѣзанными вершинами или закругленными острыми углами на боковыхъ стѣнахъ; болѣе высокая на западной, болѣе низкая на восточной стѣнѣ.

Въ сѣв. и южн. стѣнахъ камеры имѣется по нишѣ, въ зап. частяхъ этихъ стѣнъ. Ниша у входной двери (0,15 м. отъ нея) имѣетъ выс. 0,34, шир. внизу—0,34, глуб.—0,20 м.; ниша южн. стѣны (0,28 отъ зап. угла) имѣетъ 0,44 выш., 0,42 шир. и 0,33 глуб.

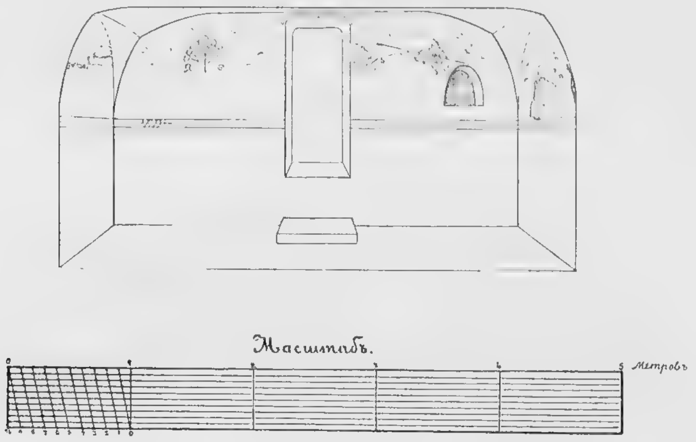


Рис. 51. Поперечный разрѣзъ первой комнаты склепа 1873 г. по линіи Д—Е съ дверью, ведущей во вторую комнату.

Аналогично первой комнатѣ и строеніе второй. Съ первой она искони соединена была дверью или короткимъ дромосомъ. Совершенно неправильно, несомнѣнно, мнѣніе проф. Кулаковскаго, будто первая камера соединена со второй позднимъ грабительскимъ проломомъ. Что это совершенно невѣрно, видно уже изъ того, что арка входа въ дромосъ декорована со стороны первой комнаты, расписаны также и внутреннія стѣны дромоса въ той же манерѣ, что и вся остальная гробница.

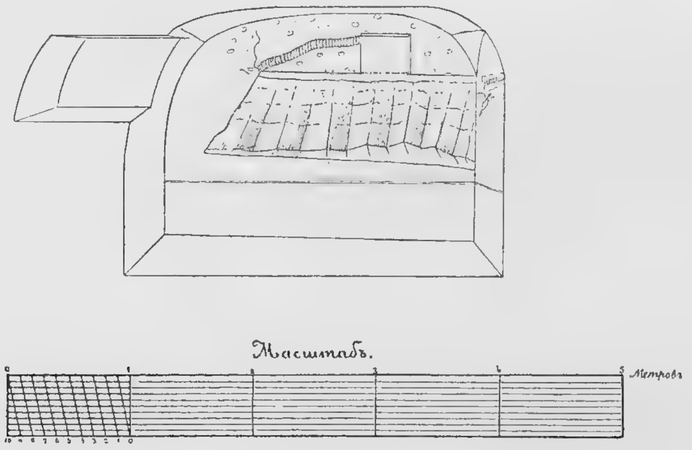


Рис. 52. Поперечный разрѣзъ второй комнаты склепа 1873 г. по линіи В—Г.

Полъ второй комнаты и полъ ея дромоса значительно выше пола первой комнаты (на 0,58 м.). У входа въ дромосъ со стороны первой комнаты положена поэтому, вѣроятно, еще въ древности ступенька (0,20 м. выс.).

Дромосъ второй комнаты такъ же широкъ, какъ и дромосъ первой; онъ расширяется по мѣрѣ приближенія ко второй комнатѣ отъ 0,70 при входѣ изъ первой комнаты до 0,85 на порогѣ второй; длина его 0,97 м. Форма камеры неправильная: длина сѣв. стѣны—3,01, южн.—3,15, вост.—2,56, зап.—2,67. Потолокъ

къ югу повышается менѣе рѣзко, чѣмъ въ первой камерѣ (выс. камеры у двери—2,035, посрединѣ—2,24, у задней стѣны—2,32); нѣтъ и такого рѣзкаго пониженія съ востока на западъ (въ вост. углу входной стѣны выс.—1,72, въ зап.—1,70; около задней стѣны разница гораздо болѣе значительна—2,075 и 2,215).

Въ вост. стѣну на высотѣ 0,83 м. около входа и 1,35 м. у задней стѣны врѣзана вплоть до потолка лежанка (выс. 0,69 м. по сѣв. стѣнѣ, 0,79 посрединѣ, 0,68 по южной стѣнѣ; длина снаружи внизу 1,42, вверху—1,23; внутри у задней стѣны внизу—1,58, вверху—1,28; глуб. въ сѣв. части—0,73, посрединѣ—0,88, въ южной—0,97).

Обѣ комнаты, включая и дромосы, оштукатурены толстымъ слоемъ штукатурки; стѣны камеръ, кромѣ того, расписаны.

Общая характеристика росписи склепа.

Распредѣленіе росписи и система декоровки почти тѣ же, что и въ вышеописанномъ склепѣ въ усадьбѣ Зайцевой, но, въ общемъ, значительно грубѣе. И здѣсь стѣны дифференцированы только грубо написаннымъ сухарнымъ карнизомъ, вѣнчающимъ стѣну у начала люнетокъ. Карнизъ этотъ сдѣланъ черною, желтою и бѣлою красками (шир. 0,11 м.; отъ полу отстоитъ на сѣв. стѣнѣ на 1,18—1,20; на зап.—на 1,18; на вост.—на 1,20; на южн. на 1,18—1,28); лучше всего онъ сохранился на входной стѣнѣ.

И въ нашемъ склепѣ, какъ и въ камерѣ 1895 г., цоколь или панель не выдѣлены; цвѣтъ штукатурки стѣнъ и здѣсь иной, чѣмъ цвѣтъ фона люнетокъ и плафона: цвѣтъ стѣнъ желтоватый, плафона и люнетокъ—бѣлый; и здѣсь картины размѣщены, главнымъ образомъ, въ люнеткахъ.

Въ общемъ одинаковъ и принципъ декоровки, хотя тонкость орнаментальной отдѣлки и декоративной концепціи почти совершенно утратилась, орнаментъ огрубѣлъ и исчезли послѣдніе слѣды симметрическаго распредѣленія декоративныхъ мотивовъ по имѣвшемуся въ распоряженіи декоратора свободному пространству. Особенно ярко сказывается это въ декоровкѣ плафона второй камеры, гдѣ вся роспись сгруппирована около занимающей центръ плафона головы въ медальонѣ.

Основной принципъ декоровки состоитъ въ украшеніи полей люнетокъ и плафоновъ сплошь зелеными листьями и розовыми лепестками. Форма лепестковъ и листьевъ въ нашей гробницѣ, однако, уже измѣнилась сравнительно съ Зайцевскимъ склепомъ. Лепестки пріобрѣли очень рѣзко очерченную сердцевидную форму съ болѣе темно окрашеннымъ верхомъ и свѣтло-розовымъ остріемъ, листья почти всегда соединяются попарно на одномъ стеблѣ и этотъ стебель часто сочетается съ розовымъ лепесткомъ. Наконецъ, правда, сравнительно рѣдко, появляется рядомъ съ лепесткомъ цѣлый розовый цвѣтокъ или бутонъ на стеблѣ съ обрамляющими его листьями. Къ этимъ мотивамъ присоединяется еще особаго типа гирлянда, встрѣчающаяся уже въ декоровкѣ египетскихъ и архаическихъ этрусскихъ гробницъ и затѣмъ обычная въ античномъ мірѣ. Имѣетъ она форму длиннаго мѣшка или сѣтки, перевязаннаго или стянутаго тесемками поперекъ много разъ сверху до низу, благодаря чему мѣшокъ или сѣтка, набитый лепестками цвѣтовъ, какими-либо благоухающими травами или даже цѣлыми цвѣтами, получаетъ форму кольчатаго червя. Съ обоихъ концовъ гирлянды свѣшиваются тесемки, очевидно тѣ, которыя, проходя черезъ всю ея покрышку, стягиваютъ ее, когда она наполнена цвѣтами или чѣмъ-либо другимъ, и придаютъ ей этимъ характерную для нея форму кольчатаго червя. Изъ концовъ гирлянды торчатъ, свѣшиваясь по обѣ стороны, какъ султаны, длинные зеленые листья, зеленые же листья группами по три листика въ каждой въ видѣ пальметокъ какъ бы вылѣзаютъ изъ каждаго кольца червя. Это послѣднее, если оно воспроизводитъ дѣйствительность, а не

является только орнаментальнымъ мотивомъ, позволяетъ думать, что основу гирлянды составляетъ не мѣшокъ, а сѣтка или во всякомъ случаѣ только перетянутый, а не плотно закрытый чахолъ съ большимъ количествомъ отверстій [1]).

Всѣ эти орнаменты, натуралистическіе въ своей основѣ, но сильно стилизованные, и притомъ иначе, чѣмъ это дѣлалось въ греческомъ мірѣ, густо заполняютъ фонъ люнетокъ и плафона, не захватывая однако стѣнъ отъ пола до сухарнаго карниза. На плафонахъ къ цвѣтамъ присоединяются гирлянды и птицы, на люнеткахъ, гдѣ развертываются фигурныя изображенія, фонъ покрывается одними только листьями и лепестками.

Фигурныя композиціи имѣются только въ люнеткахъ первой комнаты. Всего изображены три сцены религіознаго значенія, съ прямымъ отношеніемъ къ представленіямъ о загробной жизни, и одна чисто орнаментальная. Первая религіозная сцена занимаетъ западную люнетку, включая прилегающую часть свода и часть люнетки входной стѣны; вторая — люнетку южной стѣны направо, т. е. къ западу отъ входа во вторую комнату, третья — ту-же люнетку налѣво, т. е. къ востоку отъ входа, и, наконецъ, четвертая—орнаментальная—всю люнетку восточной стѣны.

Сохранность живописи мѣстами очень плохая. Особенно досадно то, что послѣ открытія гробницы до вторичнаго ея открытія проф. Кулаковскимъ въ нее проникли грабители, которые вырѣзали часть сцены на задней стѣнѣ направо отъ входа (голову второго всадника) и пытались вырѣзать нѣсколько фигуръ на западной стѣнѣ, что имъ, къ счастью, не вполнѣ удалось. Вырѣзанная голова была продана антикваромъ Запорожскимъ Московскому Историческому музею, гдѣ находится и нынѣ (табл. LXIV, 2). Во второй комнатѣ грабители вырѣзали большой кусокъ въ задней стѣнѣ съ кускомъ большой гирлянды и птицей на немъ. Куда попалъ этотъ кусокъ, я не знаю.

Картина съ изображеніемъ возвращенія Коры.

Наиболѣе богата фигурами и интересна по содержанію картина, развертывающаяся на западной стѣнѣ отъ самаго входа до люнетки задней стѣны. Начнемъ описаніе отдѣльныхъ фигуръ съ лѣваго южнаго угла западной люнетки (см. табл. LXIII).

Къ сожалѣнію, роспись этой части гробницы очень плохо сохранилась. Живопись въ лѣвомъ углу почти совершенно стерлась и захвачена большой выбоиной, центръ сцены исчезъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ грабители до открытія камеры сдѣлали проломъ въ сосѣднюю камеру; повреждена штукатурка и въ правой части, особенно первая изъ двухъ летящихъ фигуръ, что, несомнѣнно, является дѣломъ рукъ послѣдняго вора росписи, который пробовалъ вырѣзать и эту фигуру, но неудачно.

Первая слѣва фигура всей композиціи изображаетъ сидящую, по всей вѣроятности, женщину вправо; сохранились голова съ ниспадающими на плечи каштановыми волосами въ профиль, кусокъ плаща, развѣвающагося за плечами фигуры, затѣмъ вытянутыя впередъ руки; плащъ и остатки одежды сохранили слѣды желтой и зеленой красокъ, складки сдѣланы красными линіями. Описанная фигура стоитъ, судя по сохранившимся контурамъ, на колесницѣ, остатки кузова и колесъ которой различаются довольно опредѣленно. Контуры колесницы сдѣланы толстыми красными линіями. Передъ кузовомъ колесницы, нѣсколько выше

[1]) Объ этихъ гирляндахъ говоритъ подробно Стасовъ, О. И. А. К. за 1872 г., стр. 313 сл. Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ такой гирлянды на греческой почвѣ даетъ tomba della Pulcella въ Корнето. Здѣсь гирлянды висятъ по обѣ стороны погребальной ниши. О гробницѣ и ея росписи см. von Stryk, Studien über die etruskischen Kammergräber, 92, гдѣ литература и публикаціи.

вытянутыхъ рукъ сидящей фигуры, почти на высотѣ ея плаща, изображено два крыла, можетъ быть, голубого цвѣта съ рѣзкими красными контурами одно за другимъ и подъ ними, вѣроятно, изгибъ тѣла большой змѣи; къ сожалѣнію, выбоина уничтожила переднюю часть изображенія, очевидно, крылатаго дракона или крылатыхъ драконовъ, впряженныхъ въ колесницу. Надъ драконами или дракономъ рѣетъ въ воздухѣ женская фигура, голова впрямь, туловище влѣво; одѣта она въ зеленый развѣвающійся гиматій, лѣвый конецъ котораго развѣвается надъ головою сидящей на колесницѣ фигуры, правый — направо отъ головы летящей. Руки парящей женщины распростерты въ обѣ стороны и вытянуты вверхъ, въ правой рукѣ видны еще остатки кнута, въ лѣвой, можетъ быть, факелъ.

За довольно большой выбоиной въ скалѣ, поглотившей, какъ сказано, переднюю часть запряжки колесницы и нижнюю часть описанной парящей женщины [1]), сохранились надъ проломомъ въ сосѣднюю камеру остатки верхней части тѣла еще одной женской тоже парящей фигуры. Летитъ она влѣво, лицо и фигура изображены въ профиль. Контуръ лица грубо обведенъ черной чертой, волосы—толстымъ черным извилистымъ штрихомъ; одежда (рукавный хитонъ) желтая, складки намѣчены темно-красными штрихами. Руки распростерты въ обѣ стороны и вытянуты вверхъ; въ правой она держитъ большой колосъ, въ лѣвой — рогъ изобилія, изъ котораго выростаетъ пальметка красныхъ листьевъ. Низъ фигуры, очевидно, вытянутый влѣво, поглощенъ упомянутой уже пробоиной въ сосѣднюю гробницу.

На пространствѣ, занятомъ пробоиной, могла бы помѣститься еще одна фигура того же типа, что только что описанная, т. е. плоско и низко летящая влѣво. Къ сожалѣнію, отъ нея абсолютно никакихъ слѣдовъ не сохранилось. Правый уголъ люнетки заполняютъ еще двѣ парящихъ фигуры. Первая летитъ влѣво, лицо и верхъ тѣла впрямь, ноги подогнуты и вытянуты влѣво. Обѣими руками она держитъ надъ головой развѣвающійся плащъ, свѣтлозеленый съ чернымъ контуромъ и черными складками. Одежда—длинный хитонъ, судя по рисунку Гросса, краснаго цвѣта. Плащъ, въ обычной для античныхъ фигуръ схемѣ, образуетъ надъ головой полукругъ. Слѣдомъ за описанной летитъ влѣво вторая женская же фигура. Тѣло и лицо въ профиль, волосы свѣтло-каштановые, подъ головой, какъ у первой, удерживаемый обѣими руками плащъ желтоватаго цвѣта. Одѣта въ хитонъ; верхъ его бѣлый съ коричневыми складками, низъ зеленый съ черными складками. На голыхъ рукахъ браслеты.

Къ этой группѣ справа примыкаетъ на сосѣдней стѣнѣ изображеніе вепря или свиньи, идущей влѣво же. Хвостъ животнаго крючкомъ, все тѣло сдѣлано бурой краской съ красными бликами.

Несомнѣнно, связаны съ летящими фигурами люнетки летящія же фигуры плафона, изображенныя въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ описанной сценой въ правомъ отъ входа углу свода или, вѣрнѣе, ложнаго свода камеры. Обѣ фигуры—женскія.

Ближайшая къ углу изображена поперекъ праваго задняго угла камеры головой къ задней стѣнѣ, ногами къ правой боковой, въ профиль. Летитъ вправо. Одѣта она въ хитонъ съ короткими рукавами, подпоясанный; складки хитона обозначены толстыми черными линіями, вверху и внизу по зеленому, посрединѣ по розовому

[1]) Была ли тутъ еще одна фигура, сказать трудно. Возможность присутствія фигуры, стоящей или лежащей на землѣ, исключена сохранившейся внизу частью штукатурки, присутствіе еще одной парящей женщины возможно, но очень сомнительно: мы бы ждали найти остатки отъ ея головы на сохранившейся штукатуркѣ.

фону. Низъ образуетъ рядъ врлановъ или бордюра изъ толстыхъ жесткихъ складокъ. Руки распростерты и подняты вверхъ; какъ и у фигуры люнетки, въ рукахъ изображенной женщины развѣвающійся въ видѣ полукруга плащъ зеленаго цвѣта съ черными контурами.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ этой фигуры по направленію ко входу написана другая такая же фигура, также летящая вправо. Одежда, какъ кажется, внизу зеленая, наверху коричневая. Въ рукахъ у этой второй женской фигуры плаща нѣтъ; правая рука приподнята и вытянута влѣво, лѣвая вытянута вправо; голова повернута вправо.

Обѣ фигуры включены, какъ кажется, въ особые медальоны тщательно выглаженной штукатурки. Подъ ногами второй фигуры изображены на плафонѣ двѣ птицы—одна парящая надъ зрителемъ, другая въ профиль.

Наконецъ, третья подобная же фигура изображена на плафонѣ противъ двери. Головой повернута она ко входу во вторую камеру, ногами къ входнымъ дверямъ первой. Голова ея изображена впрямь, руки вытянуты, за плечами крылья. Крылья и одежда зеленоватаго цвѣта. Подъ ея ногами — пестрая птица (цвѣта зеленый, красный, желтый, контуры черные). Около этой фигуры, по направленію къ лѣвой стѣнѣ, неясныя и сомнительныя очертанія головы и туловища змѣи.

Къ детальному объясненію всей этой картины мы еще вернемся.

Роспись восточной боковой люнетки.

На восточной боковой стѣнѣ живописью заполнена вся расширяющаяся къ югу люнетка; на восточной части входной стѣны люнетки, собственно говоря, совсѣмъ не имѣется: немедленно за сухарнымъ карнизомъ начинается декоровка потолка.

Живопись восточной люнетки (см. табл. LXIV, 3) чисто орнаментальна и во многомъ напоминаетъ живопись въ центрѣ главной люнетки склепа 1891 г. и живопись боковыхъ люнетокъ того же склепа. Все поле люнетки усѣяно двойными зелеными листьями и сердцевидными розовыми лепестками. Приблизительно въ центрѣ люнетки, немедленно надъ сухарнымъ карнизомъ, виденъ верхъ круглой желтовато-красной чашки, вѣроятно, на ножкѣ (низъ погибъ), за которой выростаетъ розовый кустъ съ тремя вѣтвями, покрытыми листьями; каждая изъ этихъ вѣтвей кончается большимъ бутономъ розы (опубликованный рисунокъ Гросса въ данномъ пунктѣ совершенно невѣренъ). На краяхъ чашки слѣва и справа сидятъ двѣ птички: одна — лѣвая пьетъ, другая только собирается. Хвостъ птицъ розовый, контуры крыльевъ красные, оперенье зеленое. Порода неопредѣлима. По обѣ стороны отъ центральнаго розоваго куста идутъ вправо и влѣво брошенныя извивающіяся гирлянды-мѣшки, о которыхъ уже была рѣчь. Характерно въ нихъ богатство связывающихъ ихъ тесемокъ и уже упомянутыя зеленыя украшенія въ видѣ пальметокъ, симметрично разставленныя вверху и внизу по корпусу гирлянды. Оба конца петли тесемки, стягивающей гирлянду, на правой части стѣны, въ лѣвой ея половинѣ, кончаются шариками съ тремя усиками. Обращенные къ центру люнетки концы тесемокъ описанныхъ гирляндъ держатъ въ клювахъ павлины, симметрично стоящіе по обѣ стороны сосуда и розоваго куста подъ гирляндами. Тѣла ихъ повернуты къ центру люнетки вправо и влѣво, головы на длинныхъ шеяхъ смотрятъ въ обратную туловищамъ сторону. Длинные хвосты окрашены въ розовый цвѣтъ, крылья сдѣланы темно-красными линіями по зеленому фону, остальное опереніе и круги на хвостѣ—зеленые.

Дверьми, ведущими во вторую камеру, люнетка южной стѣны раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ каждая украшена особой картиной (см. табл. LXIV, 1).

Плоская арка двери обрамлена сверху родомъ схематической гирлянды, состоящей изъ двухъ широкихъ красныхъ полосъ; оба конца этой гирлянды украшены загнутыми султанами или кистями [1]).

Роспись люнетки южной стѣны. Бой всадниковъ.

На западной части этой люнетки, между описанной выше нишей и входной дверью, не непосредственно надъ сухарнымъ карнизомъ, а приблизительно посрединѣ свободнаго поля, изображена сцена битвы двухъ всадниковъ. Корпусъ ближайшаго къ двери изъ этихъ двухъ всадниковъ былъ, какъ сказано выше, вырѣзанъ грабителями, уже послѣ того какъ сдѣланы были копіи Гросса. Отъ этого вырѣзаннаго куска сохранилась только голова (см. выше, ср. табл. LXIV, 2), тѣло же безслѣдно пропало. Описываю картину въ томъ видѣ, въ какомъ она была при открытіи гробницы.

Всадникъ, изображенный около ниши, — побѣдитель несется во весь опоръ влѣво на сухой жилистой бѣлой лошади, обозначенной одними контурами, сдѣланными красной краской. Той же краской сдѣлана и вся сбруя, т. е. уздечка, поводья, нагрудникъ въ видѣ ленты, охватывающей низъ шеи, и сѣдло. Подъ сѣдломъ черной линіей обозначенъ, какъ кажется, чепракъ. Грива сдѣлана схематически въ видѣ болѣе или менѣе широкихъ зубцовъ. Поводья всадникъ не держитъ въ рукахъ; вѣроятно, они какъ-нибудь прикрѣплены были къ сѣдлу.

Всадникъ изображенъ лицомъ въ профиль, тѣломъ впрямь. Контуры головы сдѣланы были отдѣльно, длинные волосы спадаютъ на плечи. Послѣ того какъ голова всадника была написана, къ ней пририсованъ былъ коническій шлемъ. Контуры его сдѣланы черными линіями, фонъ зеленоватый, по фону сверху внизъ идутъ три ряда черныхъ точекъ. Шлемъ, такимъ образомъ, очевидно рѣшетчатый. Рѣшетка склепана съ его основой гвоздями. На тѣлѣ у всадника надѣтъ рукавчатый казакинъ красновато-бураго цвѣта; рукава плотно облегаютъ руки и доходятъ до кистей; воротникъ высокій, стоячій. Поверхъ казакина надѣтъ широкій панцырь. Контуръ его обозначенъ черной краской и сдѣланъ зигзагами; фонъ панцыря зеленоватый, какъ и у шлема. Чешуйки его обозначены черными прямыми и луннообразными линіями. На ногахъ красновато-бурые штаны, складки которыхъ обозначены красными линіями. Поверхъ штановъ надѣты высокіе сапоги; контуръ ихъ обозначенъ красной линіей. Обѣими руками всадникъ держитъ чрезвычайно длинное копье (1,05 м., между тѣмъ какъ высота всей фигуры только 0,45 м.) съ огромнымъ наконечникомъ.

Подъ ногами скачущей лошади побѣдителя два убитыхъ врага, тѣла которыхъ (сохранились ноги) обозначены красными линіями; убитые, очевидно, составляли свиту или дружину главнаго коннаго врага, скачущаго на встрѣчу побѣдителю вправо. Одѣтъ этотъ второй всадникъ, судя по рисунку Гросса, врядъ ли однако правильному, не въ панцырь, а въ длинную рукавную подпоясанную въ таліи рубашку, зеленоватые штаны и бѣлые сапоги (штаны и сапоги сохранились). На головѣ высокій коническій шлемъ нѣсколько иной формы, чѣмъ у побѣдителя, подвязанный подъ подбородкомъ. Эта повязка подъ подбородкомъ очень напоминаетъ башлыки на изображеніяхъ персовъ, напримѣръ, на мозаикѣ Александра и Дарія въ Неаполѣ (объ этихъ башлыкахъ см. Dalton, The treasure of the Oxus. London 1905, 48 сл.). Шлемъ трактованъ такъ же, какъ и шлемъ побѣдителя; онъ, очевидно, тоже рѣшетчатый. Изображенъ всадникъ пораженнымъ на смерть. Голова его (впрямь) склонилась на правое плечо, лѣвая рука поднята,

[1]) На рисункѣ М. В. Фармаковскаго не переданы.

правая опущена; изъ рукъ вывалилось сломавшееся копье такихъ же размѣровъ и того же типа, что и копье побѣдителя.

Ниже побѣжденнаго всадника, около двери во вторую камеру, надъ красной линіей, параллельной сухарному карнизу, изображена сохранившаяся только въ жалкихъ фрагментахъ сцена. Около большого кратера съ двумя высокими ручками слѣва видны остатки птичьей головы и львиныхъ лапъ лежащаго грифона; имѣлась ли соотвѣтственная фигура справа, какъ это обычно въ фронтонахъ фригійскихъ гробницъ и затѣмъ на римскихъ стелахъ и саркофагахъ, неизвѣстно: камень и штукатурка въ этомъ мѣстѣ выломаны [1]).

Картина съ деревомъ.

Очень плохо сохранилась и сцена, изображенная на востокъ отъ двери во второй части большой люнетки южной стѣны (см. таб. LXIV, 1). Недалеко отъ двери, прямо надъ сухарнымъ карнизомъ изображено высокое дерево, верхушкой достигающее почти до плафона. Дерево изображено иначе, чѣмъ въ выше описанныхъ гробницахъ: отъ ствола въ видѣ вѣера симметрично расходятся вѣтви; на концѣ каждой вѣтки представлена вѣерообразная группа листвы, на которой схематично красными точками изображены плоды. Между каждой парой вѣтвей изъ ствола дерева выростаетъ по продолговатому языку листвы съ плодами на нихъ, изображенными такими же красными точками.

Къ дереву приближается слѣва сдѣланная желтыми тонами фигура, голова впрямь, корпусъ вправо. Лѣвая рука поднята; можетъ быть, ею она срываетъ плодъ съ дерева. Вся фигура, какъ кажется, съ головой, окутана въ гиматій. Направо такая же фигура влѣво, голова впрямь. Правой рукой она срываетъ плодъ съ дерева. На рисункѣ Гросса у ногъ первой фигуры сидитъ впрямь третья. Слѣдовъ ея на оригиналѣ я не видѣлъ.

Роспись потолка.

Потолокъ камеры трактованъ, какъ одно поле, ничѣмъ не расчлененное, по которому, кромѣ описанныхъ летящихъ фигуръ, изображены брошенные въ безпорядкѣ зеленые листья и розовые лепестки, гирлянды и сидящія или летящія птицы. Птицы разныхъ типовъ изображены: 1) надъ второй летящей фигурой: одна паритъ надъ зрителемъ, другая сидитъ влѣво (краски—зеленая, красная, черная); 2) недалеко отъ входа въ камеру, налѣво отъ входящаго; летитъ надъ зрителемъ; сдѣлана однѣми только зелеными линіями; 3) подъ третьей летящей фигурой (описана выше). Гирлянды обычнаго типа въ видѣ мѣшковъ изображены одна надъ входомъ, обрамляя арку входа, другая на правой западной сторонѣ плафона.

Роспись второй комнаты.

Входъ во *вторую камеру* украшенъ былъ (теперь эти орнаменты почти совершенно исчезли) внутри по бѣлому фону лепестками розы и зелеными листьями. Такой же чисто орнаментальный характеръ носитъ и декоровка всей камеры. Стѣны и плафонъ здѣсь составляютъ одно орнаментальное цѣлое; онѣ отдѣлены отъ пола только высокимъ цоколемъ, окрашеннымъ въ желтый цвѣтъ и обрамленнымъ сверху черной полосой; высота его на входной стѣнѣ направо отъ входа 0,55, налѣво отъ входа 0,60, на задней южной — 0,59, на западной — 0,55, на восточной, гдѣ лежанка,—0,45 м. За цоколемъ и черной полосой на трехъ стѣнахъ начинается бѣлый фонъ стѣнъ, украшенный исключительно листьями и лепестками розы, гирляндами описаннаго выше типа и птицами. Роспись эта, къ сожалѣнію, сохранилась очень плохо. На стѣнѣ противъ входа можно различить наверху во всю ширину стѣны огромную гирлянду мѣшечнаго типа (средняя часть ея теперь выломана). Посрединѣ

[1]) Аналогію двумъ грифонамъ около чаши даетъ извѣстная золотая пластина отъ женскаго головного убора изъ кургана Карогодеуашхъ, см. Лаппо-Данилевскій и Мальмбергъ, *Мат. по арх. Росс.* 13, табл. III, 1.

стѣны подъ гирляндой видны головки двухъ змѣекъ, можетъ быть, остатки головы Медузы. У лѣвого конца гирлянды, можетъ быть, остатки птички. Весь низъ этой части стѣны выломанъ уже въ древности. Судя по характеру выбоины, можно думать, что здѣсь хотѣли сдѣлать вторую лежанку, но работа не была закончена. На западной стѣнѣ такая же гирлянда; надъ ней около грабительскаго пролома двѣ большія птицы другъ противъ друга, можетъ быть клюющія помѣщенный между ними цвѣтокъ. Лѣвая, повернутая вправо съ распущенными крыльями и открытымъ клювомъ сохранилась цѣликомъ. Отъ правой осталась только голова. Цвѣта обычные—черный, зеленый, розовый (см. табл. LXV, 1). На входной стѣнѣ, сильно заплывшей грязью, кромѣ лепестковъ и листьевъ, никакихъ другихъ изображеній не видно, то-же на внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнахъ лежанки.

Роспись потолка второй комнаты.

Лучше всего сохранился потолокъ камеры. Онъ весь усѣянъ лепестками розы, бутонами на стебляхъ и листьями. Посрединѣ, какъ бы въ ключѣ свода, въ медальонѣ (діам. 0,59 м.), обрамленномъ гирляндой (шир. 0,10 м.), того же типа, что въ склепѣ 1895 г. (по сторонамъ зеленые острые листья, внутри розовое заполненіе) изображена голова Медузы впрямь. Отъ нея сохранились: верхъ, глаза, лѣвая часть лица. Типъ изображенія обычный: широко открытые глаза, курчавые волосы (черные контуры по красному фону), зеленыя крылья надъ лбомъ, поставленныя симметрично въ разныя стороны, двѣ змѣи (головки ихъ зеленыя) (см. табл. LXV, 2).

Къ западу отъ головы Медузы почти у правой западной стѣны изображено черными контурами съ желтовато-краснымъ заполненіемъ небольшое хищное животное кошачьей породы — левъ или пантера. Повернуто животное влѣво, лѣвая передняя лапа поднята, длинный хвостъ поджатъ, пасть раскрыта. Животное очевидно рычитъ (см. табл. LXV, 3).

Толкованіе картинъ.

Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію времени и стилистическому анализу нашей росписи, намъ необходимо выяснить сюжеты отдѣльныхъ описанныхъ картинъ, до сихъ поръ непонятые, главнымъ образомъ, потому, что многое частью совсѣмъ не было замѣчено при копированіи и описаніи (напримѣръ, вся лѣвая часть картины на западной стѣнѣ), частью было неправильно истолковано, такъ какъ разсматривалось внѣ связи съ росписями остальныхъ расписныхъ гробницъ Керчи.

Возвращеніе Коры.

Уже изъ описанія ясно, что сюжетъ картины въ люнеткѣ западной стѣны первой камеры миѳологическій. Женская или мужская юношеская фигура на колесницѣ, запряженной крылатыми змѣями, сопровождаемая и встрѣчаемая летящими фигурами, частью съ аттрибутами, частью безъ оныхъ, не можетъ быть, конечно, изображеніемъ изъ реальной бытовой дѣйствительности. Если теперь вспомнить ту исключительную роль, которую играютъ въ пантикапейскихъ, до сихъ поръ разобранныхъ, гробницахъ изображенія изъ области миѳа о Деметрѣ, главнымъ образомъ, изъ области сказанія о похищеніи Коры, то станетъ очевиднымъ, что ключъ къ пониманію нашего сюжета надо искать въ области сказаній о Деметрѣ и Корѣ.

Главная фигура, стоящая или сидящая на колесницѣ, запряженной крылатыми змѣями, дѣлаетъ возможными три толкованія: изображенъ либо извѣстный выѣздъ Триптолема, либо πλάνη Деметры, либо ἄνοδος Коры. За первое толкованіе говоритъ исключительно только фигура парящей женщины съ рогомъ и колосомъ, которую можно было бы считать Деметрой, предполагая въ выбоинѣ фигуру Коры. Но, во-первыхъ, такое изображеніе Деметры было бы абсолютно необычнымъ и, во-вторыхъ, при такомъ толкованіи нельзя было бы понять присутствія идущей на встрѣчу

выѣзжающему свиньи и парящей надъ змѣями женщины съ кнутомъ и факеломъ—несомнѣнно Гекаты. Въ миѳѣ о Триптолемѣ Геката никакой роли не играетъ, а толковать присутствіе свиньи, какъ символическое указаніе на то, что, по орфической версіи миѳа, Евбулей и Триптолемъ пасли свиней на мѣстѣ похищенія и вслѣдствіе провала ихъ въ землю могли указать мѣсто похищенія Деметрѣ, было бы слишкомъ натянуто [1]).

Остается πλάνη Деметры или ἄνοδος Коры. И то, и другое толкованіе имѣетъ за себя многое.

Наибольшее вѣроятіе имѣетъ за себя толкованіе нашего изображенія, какъ ἄνοδος Κόρης, согласно орфической версіи миѳа. По этой версіи, которую мы извлекаемъ изъ Hymn. Orph., XLIII, XLVIII и XLIX, приказаніе отпустить Кору Плутонъ получаетъ отъ Гекаты; она сама и уводитъ Кору, ей идутъ на встрѣчу Мойры и Хариты; въ Элевсинъ она въѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной бѣлыми лошадьми; ее встрѣчаютъ Деметра и Горы (см. Foerster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, 46). Въ молодой женской фигурѣ на колесницѣ, которую можно было бы принять и за юношу, мы въ этомъ случаѣ усмотрѣли бы Кору, сопровождаемую Гекатой [2]), въ фигурѣ вылетающей ей на встрѣчу Деметру (колосъ и рогъ изобилія въ рукахъ символизировали бы возвращеніе Деметрой плодородія землѣ), въ летящихъ за Деметрой фигурахъ, которыхъ первоначально было три, спутницъ Деметры Горъ. Остальныя три летящія фигуры на потолкѣ могутъ изображать спутницъ Коры Мойръ (можетъ быть, фигура съ крыльями) и Харитъ [3]). Вся сцена живо напомнила бы слова Hymn. Orph., XLIII, 5 слл.: Ὧραι ἀειθαλέες περικύκλαδες ἡδυπρόσωποι πέπλους ἐννύμεναι δροσεροὺς ἀνθῶν πολυθρέπτων | ἁγνῆς Περσεφόνης συνπαίκτορες, εὖτέ ἑ Μοῖραι | καὶ Χάριτες κυκλίοισι χοροῖς ποτὶ φῶς ἀνάγωσι | Ζηνὶ χαριζόμεναι καὶ μητέρι καρποδοτείρῃ.

Предложенному толкованію противорѣчитъ, однако, прежде всего, то, что по орфической версіи Кора въѣзжаетъ въ Элевсинъ на бѣлыхъ лошадяхъ, а не на крылатыхъ змѣяхъ—запряжкѣ Деметры. Такая вольность, однако, вполнѣ допустима, если вспомнить общеизвѣстное хѳоническое значеніе драконовъ и спеціально крылатыхъ драконовъ.

Кромѣ того, при объясненіи нашей картины, какъ изображенія ἄνοδος Коры, неяснымъ остается появленіе свиньи, идущей на встрѣчу Корѣ. Въ орфической версіи миѳа (см. особ. Berl. Klassikertexte V, 1, 7 слл.—новая парафраза орфической поэмы о похищеніи Коры, изданная Buecheler и Diels, ср. Diels, Fragmente der Vorsokratiker II, 2 изд., 478; Clemens Alex., Protr., 17; Schol. ad Luc., Rohde, *Rhein. Mus.*, 1870, 549; Kleine Schriften, II, 355 слл.) [4]), свиньи играютъ крупную

---

[1]) Укажу, однако, что на ониксовой вазѣ изъ Брауншвейга надъ колесницей Триптолема (въ его видѣ, можетъ быть, изображенъ императоръ) летитъ крылатая фигура, которую, однако, за Гекату принимать было бы трудно. Характерно также, что передъ колесницей стоятъ три Горы. Нѣсколько странно, что Деметра изображена сзади колесницы, какъ второстепенная фигура. См. Furtwängler, Ant. Gemmen I, 339, рис. 185, 186; S. Reinach, Rép. d. rel., II, 55, 1. У Фуртвенглера сопоставлена литература о памятникѣ.

[2]) О Гекатѣ при ἄνοδος Коры см. Reitzenstein, Ind. lect. Rostock, 1892/3 и Schol. ad Apoll. Rhod., III, 467; Malten, Altorphische Demetersage, *Arch. für Religionsw.*, XII, 439.

[3]) О хѳоническомъ значеніи Мойръ и Харитъ см. Wilamowitz, Griech. Tragödie, II, 220 сл.; Malten, Altorphische Demetersage, *Arch. f. Religionsw.*, XII, 421. Онѣ присутствуютъ при похищеніи Коры на алтарѣ Гіакинѳа въ Амиклахъ и какъ бы сопровождаютъ Гіакинѳа и Полибэю на небо, Malten, l. l., 425.

[4]) Всѣ эти тексты, къ сожалѣнію, такъ кратки и такъ фрагментарны, что точнаго представленія о роли свиней при похищеніи и возвращеніи Коры не даютъ.

роль какъ въ исторіи похищенія Коры, такъ и въ исторіи ея возвращенія. При похищеніи онѣ, какъ кажется, проваливаются сквозь землю и играютъ какую-то роль въ защитѣ Зевсомъ похищающаго отъ Аѳины и Артемиды, въ исторіи возвращенія онѣ указываютъ мѣсто исчезновенія не то Евбулею, не то самой Деметрѣ (объ этомъ будетъ еще рѣчь при разборѣ картинъ гробницы, открытой Ашикомъ). Возможно, что и въ нашей росписи онѣ обозначаютъ средство, при помощи котораго сдѣлалось возможнымъ возвращеніе Коры, и мѣсто, гдѣ возвращеніе совершилось, т. е. символизуютъ Элевсинъ, какъ мѣсто ἄνοδος Коры, что вполнѣ соотвѣтствуетъ элевсино-орфической локализаціи миѳа.

Гораздо менѣе вѣроятно недавно мною же предложенное толкованіе росписи, какъ изображенія πλάνη Деметры (см. не разъ цитованную статью въ «Сборникѣ въ честь гр. А. А. Бобринскаго», стр. 124). Хотя при этомъ толкованіи появленіе Гекаты надъ колесницей, обычное въ изображеніяхъ πλάνη, объясняется такъ же хорошо, какъ и при предложенномъ выше толкованіи, а появленіе свиньи, указывающей мѣсто исчезновенія, еще лучше, хотя колесница, запряженная драконами, и болѣе подходитъ къ Деметрѣ, чѣмъ къ Корѣ, но затруднительнымъ представляется и самое изображеніе Деметры, какъ молодой дѣвушки, и, особенно, появленіе фигуры съ рогомъ и колосомъ, толковать которую, какъ Γῆ - Землю, обычно лежащую передъ колесницей Деметры на изображеніяхъ πλάνη, затруднительно, такъ какъ летѣть Землѣ совсѣмъ не подобаетъ. Наконецъ, необъяснимо и то, что, какъ земля, такъ и три женщины съ пеплосами надъ головами не сопровождаютъ Деметру, а летятъ ей на встрѣчу. Непонятными явились бы при толкованіи, какъ πλάνη, и три фигуры на потолкѣ, несомнѣнно, стоящія въ связи со сценой, изображенной въ люнеткѣ.

Наша трактовка миѳа о Деметрѣ и Корѣ, независимо отъ того, какъ толковать изображенную въ нашей гробницѣ сцену, какъ изображеніе ли πλάνη Деметры, или какъ ἄνοδος Коры, стоитъ совершенно особнякомъ среди другихъ изображеній изъ того же миѳологическаго цикла. Ближе всего подходитъ къ ней до сихъ поръ полностью не истолкованное изображеніе на саркофагѣ изъ Wilton House (см. Foerster, l. l., 263; Müller-Wieseler-Wernicke, Antike Denkmäler, II², табл. XIX, стр. 234 сл.), гдѣ съ изображеніемъ πλάνη (?) также связаны Горы, и притомъ не только на крышкѣ саркофага. Другихъ сколько-нибудь убѣдительныхъ параллелей я не знаю, что при толкованіи изображенія какъ ἄνοδος Коры вполнѣ понятно, такъ какъ, за исключеніемъ одной краснофигурной вазы, дающей фигуры Персефоны, Гермеса, Гекаты и Деметры, ни одного несомнѣннаго изображенія этой сцены мы не имѣемъ [1]).

Наряду съ этимъ, наша картина особенно интересна тѣмъ, что даетъ намъ представленіе о томъ, какъ широко распространились орфическія представленія о загробной жизни и какъ глубоко они внѣдрились въ міросозерцаніе грековъ и полугрековъ даже на далекихъ периферіяхъ греческаго міра. Вмѣстѣ съ гробницей 1891 г. и гробницей Алкима, а также съ гробницей, открытой Ашикомъ, о которой рѣчь будетъ ниже, наша гробница показываетъ, что своею популярностью миѳъ о похищеніи Коры обязанъ вліянію Элевсина и орфики, благодаря которымъ великая трагедія смерти представлялась вѣрующимъ въ загробную жизнь въ формѣ похищенія души Плутономъ, а безсмертіе души аллегорически выяснялось путемъ

[1]) Толкованіе Фёрстера сцены на саркофагѣ изъ Wilton House, какъ сцены ἄνοδος, подвергнуто теперь сомнѣнію, см. Wernicke въ Müller-Wieseler, Ant. Denkm., l. l.; ср. Hartwig, *Röm. Mitth.*, XII (1897), 89 слл.

изображенія возвращенія Коры и, рядомъ съ этимъ, путемъ изображенія покойниковъ въ видѣ героевъ или хѳоническихъ божествъ.

Тѣми же мыслями и идеями полны и надгробныя эпиграммы не только Пантикапея, но и всего античнаго міра. Нигдѣ, однако, въ памятникахъ изобразительнаго искусства вліяніе орфики не сказалось такъ ярко, какъ въ гробницахъ Керчи, можетъ быть, потому что варварскій архаизмъ окраинъ и въ этомъ пунктѣ удержалъ въ чистотѣ представленія, которыя въ остальномъ, болѣе культурномъ мірѣ уже успѣли смѣшаться съ другими и утратить свою первоначальную ясность и чистоту. Особенно яснымъ станетъ этотъ выводъ, если сравнить наши росписи съ росписями римскихъ языческихъ гробницъ, гдѣ самые разнообразные религіозные, декоративные и чисто живописные мотивы причудливо сочетаются въ одинъ сложный конгломератъ. Характерна, въ особенности, въ этомъ отношеніи расписанная чисто религіозными сюжетами гробница сабазіастки Вибіи на via Appia. Орфизмъ, какъ показалъ Maass, здѣсь насыщаетъ всю живопись, но онъ уже слился съ восточными элементами, съ культомъ и мистеріями Сабазія и утерялъ свой исключительно элевсинскій характеръ. Этотъ характеръ почти въ полной чистотѣ удержали керченскія погребенія, и въ этомъ ихъ особое значеніе и исключительная важность.

Въ люнеткѣ задней стѣны первой комнаты помѣщены, какъ сказано, два изображенія по обѣ стороны двери, ведущей во вторую комнату. Первая изъ описанныхъ выше сценъ, изображенныхъ на задней люнеткѣ, раньше намъ не встрѣчалась. Не трудно, однако, замѣтить, что это только модификація военнаго выѣзда или выѣзда героя, изображающая его за его главнымъ геройскимъ дѣломъ — войной или сраженіемъ. Въ такихъ сценахъ герой-погребенный всегда, конечно, побѣдитель, а не павшій, не побѣжденный; герою быть побѣжденнымъ не подобаетъ. Сцена боя.

Схема, изображающая героя-побѣдителя въ бою съ врагомъ, упавшимъ или съ трудомъ защищающимся, такъ же стара, какъ и схема выѣзда. На надгробныхъ стелахъ она, однако, встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ мирныя сцены выѣзда и трапезы; въ Пантикапеѣ, напримѣръ, боевыхъ сценъ на надгробныхъ рельефахъ не имѣется вовсе. Обычнымъ здѣсь является, какъ указано было выше, изображеніе сцены мирнаго выѣзда, причемъ лошадь или медленно и торжественно ступаетъ впередъ, или спокойно стоитъ, а всадникъ или совсѣмъ не вооруженъ, или изображенъ, во всякомъ случаѣ, не въ боевой одеждѣ (см. выше, стр. 176 слл.).

Изображенія же даже просто скачущаго всадника, размахивающаго копьемъ, но безъ противника передъ нимъ, крайне рѣдки. Одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ (Kieseritzky-Watzinger, № 558) относится къ IV в. до Р. Хр. и, вѣроятно, импортированъ изъ Аттики (мраморъ), другой (ibid., № 560) стоитъ почти совершенно одиноко, хотя по трактовкѣ очень напоминаетъ всадника нашей гробницы и родственныхъ ему всадниковъ Ашиковскаго и Стасовскаго склеповъ: та же трактовка лошади съ остриженной гривой, та же фронтальность лица и верхней части фигуры, тотъ же костюмъ, тотъ же сзади развѣвающійся плащъ; нѣтъ, однако, ни панцыря, ни шлема, а, главное, нѣтъ, какъ сказано, врага.

Описанная стела относится, по датировкѣ Вацингера, къ I в. до Р. Хр. Къ тому же времени восходитъ и единственная настоящая къ ней параллель, стела Перигена Асклепіадова (Kieseritzky-Watzinger, № 559). Общій характеръ скачущаго всадника здѣсь тотъ же, но вмѣсто копья въ правой его рукѣ нагайка, на лѣвомъ боку виситъ горитъ съ лукомъ и стрѣлами; ни панцыря, ни шлема, ни, конечно, врага здѣсь нѣтъ.

Этимъ серія всадниковъ на скачущихъ лошадяхъ исчерпана. №№ 561 и 617 даютъ совершенно другой костюмъ и выше были поставлены мною въ связь съ изображеніемъ ѳракійскаго героя-всадника. Характерно, что по датировкѣ Вацингера оба эти рельефа значительно позже предыдущихъ; они относятся, вѣроятно, ко II в. по Р. Хр. Такимъ образомъ, на стелахъ скачущій и сражающійся всадникъ въ Пантикапеѣ не встрѣчается. Напомню, что и роспись гробницъ, которыя можно пріурочить къ I в. по Р. Хр., также знаетъ только спокойно стоящаго всадника не въ боевомъ вооруженіи.

На стелахъ другихъ городовъ греческаго міра, равно какъ и въ росписи гробницъ, сцена боя всадника обыкновенно съ пѣшимъ врагомъ, въ схемѣ извѣстной стелы Дексилея, встрѣчается довольно часто, начиная съ довольно ранняго времени, особенно часто въ области распространенія іонійскаго искусства. Объ исторіи этого мотива и о судьбахъ его на югѣ Россіи будетъ, однако, подробно сказано въ гл. XXX при разборѣ склепа, описаннаго В. В. Стасовымъ.

Здѣсь укажу только на то, что нашъ памятникъ даетъ очень поздній примѣръ композиціи, сопоставляющей двухъ сражающихся всадниковъ При этомъ схема и краски сохранены старыя, свойственныя восточно-греческому искусству, но стиль изображенія грубый и шаблонный, лошадь далека отъ классическихъ образцовъ лошадей ликійскихъ памятниковъ и ближе всего стоитъ къ поздне-эллинистическимъ лошадямъ нашего юга: это та-же степная, сухая лошадь, что и на надгробныхъ стелахъ Керчи, и въ гробницѣ Анѳестерія; у всадника типичная варварски-архаическая фронтальность корпуса, но всѣ детали костюма переданы въ типической полнотѣ, той же, которая встрѣчается и на стелахъ и повторяется тамъ съ подчасъ утомительнымъ однообразіемъ. Длинныя копья, камзолъ, штаны и сапоги намъ уже знакомы по гробницѣ Анѳестерія и 1891 г.; новы шлемъ на головѣ и панцырь, но они повторяются на многихъ пантикапейскихъ стелахъ. Характерно, что у сражающихся нѣтъ ни лука, ни горита, ни меча, ни ножа, что почти всегда изображается на надгробныхъ стелахъ съ изображеніемъ всадниковъ [1]). Для характеристики варваризованнаго типическаго реализма эллинистическаго времени интересны мотивы сломаннаго копья и закинутой головы пораженнаго и побѣжденнаго коннаго врага.

Любопытенъ самый фактъ замѣны мирной сцены выѣзда боевой сценой. Такъ какъ шаблоны обѣихъ сценъ были въ рукахъ у мастеровъ, то появленіе только одной изъ нихъ и въ гробницахъ, и на стелахъ тогда, когда шаблонъ укладывался въ формы окончательно и надолго, не можетъ быть случайнымъ и, вѣроятно, свидѣтельствуетъ о мирной жизни пантикапейцевъ, и о достаточности одной только военной готовности для охраны своихъ полей и юртъ. Появленіе боевыхъ сценъ, вѣроятно, стоитъ въ связи съ измѣненіемъ характера жизни, съ появленіемъ необходимости постоянно бороться съ набѣгами враговъ, близкихъ пантикапейцамъ и по

[1]) Въ панцырѣ и шлемѣ конные воины пантикапейскихъ стелъ не изображаются никогда. Единственный примѣръ всадника въ шлемѣ (безъ панцыря и копья) Kieseritzky-Watzinger, № 575, можетъ быть, дѣйствительно слѣдуетъ исключить и видѣть съ Кизерицкимъ и Вацингеромъ въ предполагаемомъ шлемѣ надѣтый на голову башлыкъ. Такое отсутствіе боевого оборонительнаго вооруженія и главнаго наступательнаго очень тяжелаго оружія—копья у господъ въ мирной сценѣ выѣзда вполнѣ понятно. Тѣмъ характернѣе, что оруженосцы, и конные, и пѣшіе, очень часто изображаются и съ копьемъ, и въ шлемѣ, и въ панцырѣ, см. ниже въ описаніи Стасовскаго склепа. Впрочемъ, вооруженные копьемъ (но безъ шлема и панцыря) всадники на пантикапейскихъ стелахъ изрѣдка попадаются, см. Kieseritzky-Watzinger, № 565, 635, ср. 636

вооруженію, и по образу жизни, и по культурѣ. Впрочемъ, объ исторической реальной основѣ нашей сцены рѣчь будетъ еще въ гл. XXX.

Сцена около дерева.

Если сцена направо отъ входа во вторую камеру намъ понятна во всѣхъ своихъ деталяхъ, изображая рядомъ съ сюжетомъ миѳологическимъ, говорящимъ о загробной жизни и безсмертіи души вообще, покойника, какъ героя въ бою съ врагомъ, то тѣмъ менѣе вразумительна сцена слѣва отъ входа.

Естественнѣе всего, согласно выясненному уже обычаю керченскихъ мастеровъ, расписывавшихъ гробницы, было бы ожидать здѣсь изображенія такъ называемой загробной трапезы, можетъ быть, въ реальной обстановкѣ степного жилья. Для такого изображенія влѣво отъ дерева на той части люнетки, гдѣ живопись безнадежно стерлась, мѣста имѣется достаточно. Нашлось бы мѣсто и для помѣщенія обычной сидящей женщины. Но такъ реставрировать картину, добавляя, можетъ быть, фигуры и направо отъ дерева, мы врядъ ли имѣемъ право. Надо принять во вниманіе полное отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ подобнаго изображенія на сохранившейся, хотя и совершенно вывѣтрившейся, штукатуркѣ.

Возможно было бы дополнить картину, опять-таки по аналогіи съ гробницей 1891 г., парой приносящихъ жертву просвѣтленныхъ усопшихъ и толковать дерево и стоящія около него фигуры, какъ изображеніе Элисія; но и это съ методологической стороны врядъ ли было бы правильно. Помимо отсутствія какихъ бы то ни было слѣдовъ на штукатуркѣ, я не съумѣлъ бы указать на аналогичныя изображенія Элисія и не помню текстовъ, которые такъ рисовали бы жизнь въ загробномъ царствѣ.

Правильнѣе поэтому, можетъ быть, было бы попытаться истолковать изображеніе, не пытаясь его дополнить. Но, къ сожалѣнію, никакого болѣе или менѣе вѣроятнаго толкованія я предложить не могу. Скажу только, что я предпочелъ бы толкованіе жанровое толкованію символическому и миѳологическому, напримѣръ, какъ Геракла въ саду Гесперидъ; этому послѣднему противорѣчитъ какъ помѣщеніе изображенія въ люнеткѣ рядомъ со сценой боя, такъ и отсутствіе какихъ бы то ни было аттрибутовъ у какой-либо изъ трехъ фигуръ сцены и, наконецъ, то, что не одна, а двѣ фигуры заняты срываніемъ плодовъ.

Анализъ орнаментальной части росписи.

Изображенія во второй боковой люнеткѣ, какъ и вообще вся декоровка гробницы 1873 г., болѣе всего напоминаетъ орнаментальную часть украшенія гробницы 1891 г. и, главнымъ образомъ, роспись боковыхъ люнетокъ этой гробницы. Характерно, что здѣсь павлины съ гирляндами поставлены въ связь съ весьма грубой реминисценціей о знаменитой мозаикѣ Соса, изображавшей двухъ пьющихъ изъ сосуда голубей. Это вполнѣ подтверждаетъ высказанныя выше соображенія о времени появленія мотива павлиновъ и о связи этого мотива съ дѣятельностью художниковъ-декораторовъ эпохи эллинизма [1]).

Несомнѣнно, однако, что при всемъ сходствѣ роспись гробницы 1873 г. сдѣлана гораздо болѣе грубо, чѣмъ роспись гробницы 1891 г., и декоративный шаблонъ проявляется въ ней еще болѣе ярко. Это сказывается съ одной стороны и въ грубыхъ контурахъ фигуръ, и въ полномъ неумѣньи писать фигуры и лица, и въ отсутствіи элементарнаго навыка связать одежду и вооруженіе съ фигурой (особенно ясно на изображеніи шлема всадника-побѣдителя); съ другой стороны, птицы второй продольной люнетки не даютъ тѣхъ реалистическихъ мотивовъ, какъ въ гробницѣ 1891 г.

[1]) О значеніи этого изображенія въ связи съ представленіями о загробной жизни, см. Macchioro, Il simbolismo nelle figurazioni sepolcrali romane, Napoli, 1909, стр. 78 сл. (70 сл.).

Трактовка плафона, хотя и напоминаетъ въ общихъ чертахъ трактовку плафона Зайцевскаго склепа, но по существу совершенно иная. Въ Зайцевскомъ склепѣ лепестки и листья являются только фономъ, главное же голова въ центрѣ плафона и сгруппированныя около нея вѣтви, букеты и птицы, здѣсь главное— лепестки, вѣтки съ бутонами и листья розы, одни заполняющіе весь плафонъ и дающіе ему тонъ.

Только второстепенную роль играютъ гирлянды и птицы, но нигдѣ не видно даже намека на какое-либо распредѣленіе этихъ элементовъ, на какую-либо симметрію или какое-либо архитектурное или орнаментальное дѣленіе плафона.

Это особенно ясно видно во второй комнатѣ, гдѣ даже помѣщеніе въ центрѣ потолка головы Медузы въ медальонѣ не вызываетъ какого-либо координированія около центральнаго медальона остальныхъ мотивовъ декоровки. Совершенно внѣ связи съ центральнымъ медальономъ стоитъ и вторая фигура потолка — фигура пантеры или льва, брошенная на поверхность его на первомъ попавшемся мѣстѣ.

Дата росписи.

Всѣ приведенныя выше соображенія позволяютъ, за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ болѣе точныхъ данныхъ, сказать о времени росписи первой камеры только одно: она, несомнѣнно, значительно позднѣе и росписи склепа Зайцевой, и росписи склепа 1891 г. Примѣнить для опредѣленія времени стилистическій анализъ отдѣльныхъ фигуръ по сравненію ихъ съ другими памятниками живописи античнаго міра было бы совершенно неправильно. Я уже не разъ указывалъ, что по исполненію фигуръ росписи о времени живописи судить не приходится — такъ низко стоитъ уровень умѣнья керченскихъ мастеровъ въ этомъ отношеніи сравнительно съ умѣньемъ мастеровъ болѣе культурныхъ частей античнаго міра.

Сказать поэтому что-либо опредѣленное о времени нашей росписи я бы не рѣшился. Это можетъ быть и конецъ I в. по Р. Хр. и весь II вѣкъ. Врядъ ли, однако, позволительно было бы пойти еще ниже. Во-первыхъ, мало вѣроятно, чтобы мода покрытія потолковъ и люнетокъ цвѣтами и лепестками розы могла существовать долѣе, чѣмъ въ теченіе двухъ столѣтій подрядъ, во-вторыхъ, уже стиль керченскихъ монетъ показываетъ, какъ глубоко было культурное и экономическое паденіе Боспора въ III в. по Р. Хр.; врядъ ли поэтому позволительно думать, что въ это время глубокаго паденія нашлись въ Керчи и достаточно богатые люди, чтобы заказать всетаки богатую и сложную роспись нашей гробницы, и достаточно хорошіе мастера, которые находили бы достаточно заказовъ, чтобы имъ стоило жить въ бѣднѣвшемъ и опасномъ Пантикапеѣ; между тѣмъ роспись нашей гробницы, несомнѣнно, всетаки свидѣтельствуетъ о бойкости письма и извѣстной выучкѣ мастера.

Близость схемы декоровки къ Зайцевскому склепу, а распредѣленія картинъ и выбора сюжетовъ къ гробницамъ Зайцевской, Алкима, Анѳестерія и 1891 г. заставили бы меня даже предпочесть болѣе раннюю датировку болѣе поздней и, несмотря на большую грубость работы, счесть нашъ склепъ одновременнымъ и, можетъ быть, даже болѣе раннимъ, чѣмъ склепы Стасова и Ашика.

Подтверждаютъ эту датировку и предположенную одновременность склеповъ нашего, Стасовскаго и Ашиковскаго и слѣдующія соображенія. Вацингеръ во введеніи къ изданію южно-русскихъ надгробныхъ стелъ правильно указалъ на то, что большинство пантикапейскихъ стелъ относится, несмотря на грубость работы, къ I в. по Р. Хр. (ср. Шкорпилъ, *Listy filologické*, XXXVI (1909), 374; И. И. А. К., 37, стр. 3 и 35), очень немногія ко II в.; во II в. производство ихъ прекращается.

Безпомощностью скульпторовъ объясняется то обстоятельство, что, какъ указано было выше, они не съумѣли обогатить запасъ обычныхъ мотивовъ хотя бы однимъ новымъ. Этимъ объясняется то, что при далеко идущемъ совпаденіи между сюжетами гробничной росписи и скульптуры надгробныхъ стелъ, главнымъ образомъ, въ такъ называемыхъ сценахъ изъ реальной жизни, въ скульптурѣ мы не находимъ ни одного случая примѣненія столь любимой въ живописи сцены боя, хотя она есть ничто иное, какъ модификація сцены выѣзда.

Понятнымъ это станетъ намъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что сцена боя вошла въ обиходъ въ живописи тогда, когда скульптура уже переживала глубокое паденіе, т. е. въ концѣ I в. по Р. Хр. При всемъ желаніи скульпторы не могли поспѣть за живописцами и не включили поэтому сцены боя въ свой обиходъ. Сцена эта всецѣло осталась достояніемъ живописи.

Мы вправѣ поэтому датировать наиболѣе ранніе памятники со сценою боя концомъ I в. по Р. Хр., но отнюдь не болѣе раннимъ временемъ, съ другой же стороны, въ силу указанныхъ выше соображеній, не имѣемъ права спускаться и значительно ниже, никакъ не ниже средины II в. по Р. Хр.

Въ этихъ рамкахъ пріоритетъ нашей гробницы передъ Стасовской и Ашиковской останется, конечно, спорнымъ.

За пріоритетъ нашей говорятъ высказанныя выше соображенія, за пріоритетъ двухъ другихъ бóльшее совершенство исполненія ихъ и, можетъ быть, тотъ фактъ, что въ нихъ совершенно отсутствуетъ апотропэическій элементъ, столь богато представленный во второй камерѣ нашей гробницы.

Роспись второй комнаты гробницы особыхъ объясненій не требуетъ. Ясно, что и голова Медузы (а не Гермеса, какъ думаетъ Стефани) въ центрѣ плафона, и рычащій звѣрь, на немъ изображенный, имѣютъ исключительно апотропэическое значеніе — первые примѣры элементовъ росписи этого характера, съ которыми намъ приходится встрѣчаться на почвѣ Пантикапея. Это обстоятельство, затѣмъ полное отсутствіе апотропэическихъ элементовъ въ первой комнатѣ и, наконецъ, исключительно орнаментальный характеръ росписи люнетокъ второй комнаты нашей гробницы дѣлаютъ для меня, какъ было сказано выше, вѣроятнымъ, что наша камера и присоединена къ первой, и расписана уже послѣ окончанія росписи первой комнаты.

Характерно, что стремленіе къ нагроможденію апотропэевъ сказывается въ Керчи въ наиболѣе грубыхъ памятникахъ декоративной росписи и скульптуры, напримѣръ, въ гробницѣ Сорака и украшенной скульптурами гробницѣ, открытой въ Эль-Тегенѣ.

Къ роли апотропэическихъ изображеній въ декоровкѣ гробницъ вообще мы еще вернемся.

См. *Отчетъ И. А. К.* за 1873 г., стр. X; Стефани, *Отчетъ И. А. К.* за 1874 г., Прил., стр. 112 слл.; соотвѣтственное мѣсто изъ «Журнала арх. разысканій» Люценка опубликовано В. Шкорпиломъ въ *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.,* № 47 (Изъ архива Керченскаго музея древностей, VI, № 3). Два слова у гр. Толстого и Кондакова, Русскія древности, I, стр. 30 (ср. рис. 32 и 33 на стр. 31, рис. 34 и 35 на стр. 32 и рис. 36 на стр. 33 — повтореніе рисунковъ Гросса, опубликованныхъ Стефани). Въ текстѣ «Древностей» допущена, однако, ошибка: вторая комната гробницы считается самостоятельной гробницей, открытой въ томъ же году. Ср. также Кулаковскій, *Матеріалы по археологіи Россіи,* № 19, стр. 7.

XX. Склепъ Сорака Соракова.

(Табл. LXV, 4; рис. 53).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Расположенъ склепъ все на томъ же сѣв. склонѣ Митридата, «выше Татарской слободки, почти по прямой линіи къ югу отъ мечети» (см. табл. I, 16); открытъ впервые въ 1890 г. проф. Ю. А Кулаковскимъ и найденъ разграбленнымъ. Мѣсто и теперь еще представляетъ пустырь, къ которому, однако, строенія подошли уже довольно близко. Послѣ открытія сдѣланы были планъ и разрѣзъ склепа и скопирована почти полностью г-жей Васильевой его роспись. Планъ этотъ, разрѣзъ и копіи г-жи Васильевой изданы были затѣмъ проф. Кулаковскимъ въ его публикаціи гробницы. Вскорѣ послѣ открытія въ склепѣ побывалъ Я. И. Смирновъ, сдѣлавшій точные его промѣры и снявшій прекрасныя, частью здѣсь публикуемыя, фотографіи съ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ частей росписи (табл. LXV, 4). Надпись снята была фотографически Рубанчикомъ. Описаніе проф. Кулаковскаго и рисунки г-жи Васильевой были провѣрены мной на мѣстѣ въ 1905 году, причемъ оказалось, что послѣднія достаточно хороши и точны и нѣтъ надобности дѣлать новыя копіи съ грубой и довольно шаблонной росписи. Въ виду этого я и публикую здѣсь только фотографическіе снимки, отсылая читателей къ копіямъ въ краскахъ, изданнымъ проф. Кулаковскимъ.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа (см. рис. 53) при всѣхъ ея кажущихся особенностяхъ, очень напоминаетъ архитектуру обычныхъ пантикапейскихъ склеповъ съ лежанками въ формѣ большихъ нишъ и, особенно, склепъ Стасова, гдѣ, такъ-же какъ и въ нашемъ, главную роль играетъ одна ниша-лежанка, около которой сосредоточена вся декоровка склепа, какъ около центра. И тамъ, и здѣсь мы имѣемъ нишу-лежанку только въ одной стѣнѣ и, кромѣ того, двѣ лежанки въ видѣ большихъ скамей вдоль другихъ стѣнъ.

Разница между той и другой погребальной камерой въ архитектурномъ отношеніи та, что въ склепѣ Стасова ниша находится въ центрѣ задней, главной стѣны, здѣсь же въ восточной стѣнѣ; тамъ она широко открыта внутрь камеры, здѣсь отдѣлена отъ нея столбомъ и стѣнкой.

Вызваны были эти аномаліи и уклоненія отъ обычнаго типа, представленнаго склепомъ Стасова, очевидно, во-первыхъ, тѣмъ, что въ распоряженіи строителя имѣлся участокъ опредѣленной формы и величины—длинный и узкій корридоръ, во-вторыхъ, тѣмъ, что почва, въ которой пришлось дѣлать камеру, оказалась очень неблагопріятной для строительныхъ цѣлей владѣльца: пласты глины здѣсь чередуются съ пластами мягкаго камня, причемъ и тѣ, и другія легко осыпаются.

Помѣщеніе ниши, такимъ образомъ, не въ задней, а въ восточной стѣнѣ было вызвано формой погребальнаго участка; тѣмъ же и непрочностью грунта была вызвана постройка, приблизительно въ центрѣ камеры, двухъ подпорныхъ столбовъ,

которые должны были поддержать отдѣлявшійся пластами потолокъ камеры и одинъ изъ которыхъ отдѣлилъ главную нишу отъ склепа. Наконецъ, той же непрочностью грунта объясняется и то обстоятельство, что только часть сѣверной стѣны склепа и всѣ стѣны ниши были сработаны подъ отвѣсъ, стѣны же остальной части склепа и весь потолокъ имѣли и имѣютъ видъ натуральнаго или искусственнаго грота.

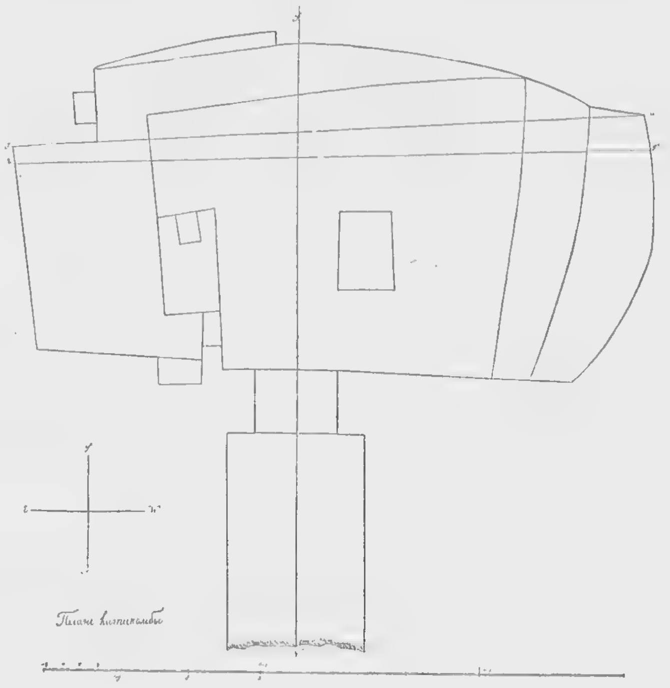


Рис. 53. Планъ склепа Сорака.

Какъ и въ другихъ Пантикапейскихъ склепахъ, ко входу въ склепъ съ поверхности земли спускается входной колодезь съ лѣстницей. Этотъ входной колодезь, въ виду непрочности грунта, сверху до низу выложенъ былъ съ трехъ сторонъ большими плитами тесанаго камня. Какой видъ имѣла занимавшая одну сторону этого колодца обычная входная лѣстница, раскопками установлено не было.

Изъ большихъ каменныхъ плитъ сложенъ былъ или, лучше, былъ ими обложенъ и входной корридоръ склепа. Изъ этого входного корридора посѣтитель попадаетъ прямо въ камеру, имѣющую, какъ уже было сказано, видъ узкаго и длиннаго корридора, расположеннаго перпендикулярно ко входу. Потолокъ этого корридора поддерживается двумя массивными столбами, сложенными изъ штучнаго камня. Одинъ изъ этихъ столбовъ находится немедленно направо отъ входа, другой налѣво, отдѣляя собою восточную нишу-лежанку отъ остальной камеры.

Оба эти столба, такимъ образомъ, какъ бы продолжаютъ входной корридоръ. Иллюзія эта подкрѣплена была строителемъ еще и тѣмъ, что первый восточный столбъ былъ соединенъ имъ тонкой стѣнкой съ сѣверной стѣной камеры, чѣмъ восточная ниша была совершенно отрѣзана отъ остальной камеры. Но въ этой стѣнкѣ, для того, очевидно, чтобы сразу показать входящему, гдѣ находится покойникъ, на высотѣ человѣческаго роста сдѣлано было небольшое окно, черезъ которое можно было видѣть сѣверную часть восточной ниши.

Войти же въ главную восточную нишу можно было, только обогнувъ столбъ и впрыгнувъ на ея полъ, составлявшій какъ бы продолженіе верхней поверхности двухъ вырѣзанныхъ въ грунтѣ лежанокъ, идущихъ вдоль южной и западной стѣнъ. Лежанка западной стѣны при этомъ выдѣлена была еще тѣмъ, что надъ первымъ ея уступомъ, одинаковымъ по высотѣ съ лежанкой южной стѣны и поломъ восточной ниши-лежанки, сдѣланъ былъ еще второй, той же приблизительно вышины. Съуживающаяся къ востоку форма южной лежанки объясняется, конечно, тѣмъ, что она какъ бы спрямляла уклонъ къ ю.-з. части южной стѣны, вызванный либо формой участка, либо характеромъ грунта.

Расположеніе, величина и форма восточной ниши-лежанки сразу даютъ понять, что она—главная часть камеры. На то-же указываетъ и сосредоточеніе всей декоровки отчасти на пути къ ней, отчасти въ ней самой, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

То-же подчеркиваетъ въ архитектурѣ склепа и распредѣленіе нишъ по стѣнамъ склепа: всѣ онѣ размѣщены около восточной ниши-лежанки: одна въ сѣвер-

ной стѣнѣ самой ниши-лежанки, другая въ южной стѣнѣ столба, ограничивающаго нишу, третья въ той части восточной стѣны, что не занята нишей. Въ нишахъ, очевидно, стояли, какъ всегда, сосуды и свѣтильники.

Роспись склепа.

Въ описанномъ склепѣ сплошной штукатуркой и густой росписью покрыты были далеко не всѣ стѣны. Сплошь оштукатурены были только части, сложенныя изъ штучнаго камня, на нихъ же находится и наиболѣе богатая роспись. Остальныя стѣны, вырѣзанныя въ материкѣ, даже стѣны восточной ниши, равно какъ и плафонъ, покрыты были штукатуркой только оазисами тамъ, гдѣ хотѣли написать болѣе или менѣе сложную и большую композицію. Наиболѣе же значительная часть площади стѣнъ и потолка никогда оштукатурена не была, роспись же сдѣлана была во многихъ мѣстахъ прямо по глинѣ.

Почти цѣликомъ сохранилась штукатурка и роспись, главнымъ образомъ, на частяхъ склепа, сложенныхъ изъ штучнаго камня. Штукатурка, наложенная на стѣны склепа и потолокъ, сохранилась сравнительно хорошо только въ главной восточной нишѣ, съ остальныхъ стѣнъ и почти со всего потолка она осыпалась вмѣстѣ съ значительными кусками декорированныхъ и недекорированныхъ верхнихъ пластовъ глины. Много ли ея осыпалось, сказать трудно, такъ какъ, кромѣ осыпи, роспись пострадала и отъ того, что тамъ, гдѣ она нанесена была прямо на глину, она очень поблѣднѣла, частью же почти совсѣмъ исчезла.

Схема росписи.

Схема росписи, въ общемъ, близко напоминаетъ схему росписи склеповъ Зайцевой и 1873 г., но имѣетъ и свои отличія. Прежде всего, нижняя часть стѣны вездѣ трактована, какъ выступающій цоколь, надъ которымъ идетъ собственно стѣна.

Цоколь вездѣ сдѣланъ красною краской, выступъ его обозначенъ приподнятыми треугольниками на углахъ и параллельною цоколю красной линіей, идущей надъ нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Въ углахъ подъ и надъ этой красной линіей изображено по розеткѣ изъ пяти точекъ.

Вторымъ отличіемъ является то, что, благодаря архитектурному строенію камеры, люнетокъ въ ней совсѣмъ не имѣется ни на входной, ни на задней, ни на боковыхъ стѣнахъ. Надъ цоколемъ, поэтому, въ большинствѣ случаевъ идетъ сплошное поле стѣны, сливающееся съ полемъ плафона и ничѣмъ отъ него не отдѣленное. Только двѣ стороны западнаго столба и одна восточнаго дифференцированы, кромѣ цоколя, еще идущей, приблизительно на $^2/_3$ высоты столба, полосой деформированнаго сухарнаго карниза, взятаго мастеромъ, очевидно, изъ образцовъ Зайцевской гробницы или гробницы 1873 г. Только сравнивая нашу полосу съ этими гробницами, можно убѣдиться, что передъ нами дѣйствительно сухарный карнизъ. Фонъ карниза—красный, зубцы—зеленые, обведенные бѣлой линіей, на этихъ зубцахъ и чередующихся съ ними клиньяхъ краснаго фона изображено по розеткѣ изъ 6 бѣлыхъ точекъ каждая. Съ мэандромъ, о которомъ думаетъ Кулаковскій, нашъ орнаментъ ничего общаго не имѣетъ.

Сплошное поле стѣны, идущее надъ цоколемъ (приближается къ этому типу, собственно говоря, уже вторая комната гробницы 1873 г.), составляющее одно цѣлое съ плафономъ, трактовано такъ-же, какъ въ гробницахъ типа Зайцевской и 1873 г. трактованы люнетки и плафонъ, т. е. усѣяно сплошь листьями и лепестками розы. Къ этимъ листьямъ и лепесткамъ, въ особо выдѣленныхъ выше упомянутыхъ частяхъ камеры, присоединяются уже извѣстные намъ элементы декоровки, здѣсь размѣщенные симметрично по типу плафона Зайцевской гробницы; я имѣю въ виду: бутоны и цвѣтки розы на стебляхъ, по одному и группами или букетами, гирлянды уже описаннаго типа гирляндъ-мѣшковъ или сѣтокъ, напол-

ненныхъ цвѣтами розы, и симметрично разставленныя птицы въ связи съ цвѣтами и гирляндами.

Въ своей публикаціи склепа проф. Кулаковскій, къ сожалѣнію, не далъ описанія отдѣльныхъ комплексовъ декоровки, а далъ только общую ея характеристику. Между тѣмъ только такое описаніе можетъ дать представленіе о системѣ росписи и ея декоративномъ смыслѣ.

Роспись входа.

Роспись начинается немедленно у входа: надъ входомъ и на верхнихъ частяхъ внутреннихъ стѣнъ входа [1]) изображено по двѣ скрещивающіяся вѣтки условныхъ цвѣтовъ—одна темно- и свѣтлозеленая съ черными тѣнями, другая свѣтло- и темнокоричневая съ розовымъ оттѣнкомъ; каждая пара перевязана красной лентой. Весьма вѣроятно, что, какъ это предположилъ проф. Кулаковскій, передъ нами стилизованныя вѣтви какого-нибудь хвойнаго дерева, вѣрнѣе всего кипариса, погребальное значеніе котораго въ достаточной степени извѣстно. Стилизація и краски уже знакомы намъ: первая — сухая и преслѣдующая типичное, вторыя чисто условныя; и то, и другое мы отмѣтили какъ характерную черту эллинистической стилизаціи растительнаго орнамента.

Внутри камеры входъ орнаментованъ въ высшей степени характерно. Надъ входомъ во всю его ширину вытянута большая розовая, обычнаго типа, гирляндамѣшокъ. Такія же гирлянды свѣшиваются перпендикулярно къ полу по обѣ стороны входа, какъ бы привѣшенныя къ косякамъ несуществующей двери.

Гирлянды здѣсь, такимъ образомъ, уже не висятъ натуралистически на тѣхъ архитектурныхъ частяхъ, которыя онѣ украшаютъ, а чисто условно подчеркиваютъ собою главныя архитектурныя линіи постройки, мотивъ, особенно богато развитый впослѣдствіи въ орнаментаціи гробницъ варварскаго геометрическаго стиля.

Роспись западнаго столба.

Первое, что бросалось въ глаза посѣтителю камеры, прошедшему черезъ входной корридоръ, это сѣверная сторона западнаго столба. Архитектурно площадь этого столба совсѣмъ не дифференцирована; прямо надъ цоколемъ (выс. 0,44 м.) густо набросаны обычнаго типа листья и лепестки розы (выс. столба надъ цоколемъ—1,61 м.). Среди нихъ изображена, къ сожалѣнію, плохо сохранившаяся (не сохранились ноги и верхняя часть головы), обычная въ сферѣ эллинизма, фигура нагого пляшущаго пигмея (выс. сохранившейся части 0,40), вѣроятно иѳифаллическаго или съ характернымъ большимъ фаллосомъ, отброшеннымъ назадъ и ущемленнымъ между ногами [2]); пигмей изображенъ въ профиль, влѣво, голова съ большими ушами и глазами впрямь; въ правой поднятой и лѣвой отброшенной влѣво рукѣ онъ держитъ по парѣ скрещенныхъ палокъ съ шарами на концахъ, о которыхъ намъ придется еще говорить, когда рѣчь будетъ о расписанномъ внутри керченскомъ саркофагѣ. Палки эти, встрѣчающіяся въ египтскихъ рельефахъ и росписи уже съ древнѣйшихъ временъ, служили, вѣроятно, чѣмъ-то вродѣ кастаньетъ и маневрированіе ими всегда сопровождаетъ танецъ. Контуры фигуры сдѣланы довольно толстыми красными линіями.

Идя дальше, посѣтитель гробницы прежде всего направо отъ себя видѣлъ восточную стѣну того же западнаго столба. Всю верхнюю часть этого столба занимаетъ воспроизведенная въ живописи tabella ansata, въ двойной красной и желтой рамкѣ, съ надписью на ней. Фонъ tabella сѣровато-коричневый. Сверху эту tabella

[1]) Сохранились только жалкіе остатки внутри входа, надъ входомъ никакихъ слѣдовъ росписи нынѣ не замѣтно.

[2]) При открытіи фаллосъ, какъ мнѣ сообщаетъ В. В. Шкорпилъ, былъ въ полной сохранности; его сбили проникшіе въ склепъ татарки, считая—по этому признаку—фигуру пигмея за «шайтана».

обрамляетъ дугою большая гирлянда-мѣшокъ съ обычными тесемками или лентами. На ansae нашей tabella изображено по листу плюща. Листья плюща заполняютъ и свободныя пространства направо и налѣво отъ первыхъ словъ надписи въ первой строкѣ; кончается надпись такимъ же листикомъ плюща. Надпись написана, какъ это часто дѣлалось въ многострочныхъ надписяхъ, начиная съ сравнительно ранняго времени (одну такую надпись мнѣ недавно пришлось видѣть въ Херсонесѣ), построчно черными и красными буквами, что значительно облегчаетъ чтеніе. Она звучитъ (ср. Латышевъ, Ios. P. E. IV, 342): Ἀγαθῇ τύχῃ. | Σωρακὸς β δικῶν πράκτωρ | οἰκοδομήσας τὸ ἱερῷον | τοῦτο ἐκχ θεμελίων καινὸν | καὶ μηδέναν ἔξο βαλὼν ἕτερον ὀστέον τινός. Ἐνθάδε κατοικῶν|τα με μηδείς μοι παρυβρίσει μη|δέ μοί τις σκυλεῖ τὰ ὀστέα · ὡς ἂν | δέ μοί τις παρυβρίσει αἲ σκυλεῖ τὰ ὀστέ|α αἲ ἔξω βαλεῖ, μήτε ἐγ γῆς καρπὸν | λάβοιτο, μήτε ἐχ θαλάσης μήτε | θανὼν εἰς Ἅδου χωρήσοιτο.

Подъ tabella (выс. 0,43), очевидно, мыслящейся вставленной въ стѣну, какъ надписи въ склепахъ Васюринской горы, на фонѣ зеленыхъ листьевъ и розовыхъ лепестковъ изображены два парящіе генія или эрота съ крыльями (сѣрыя съ черными контурами), тѣла влѣво и вправо, головы, обрамленныя длинными курчавыми, падающими на плечи, волосами, впрямь. На тѣло каждаго накинутъ бѣлый плащъ съ черными складками; концы плаща развѣваются по обѣ стороны фигуръ, на рукахъ и на ногахъ черные браслеты. Въ правой вытянутой рукѣ каждый изъ эротовъ держитъ конецъ тесемки висящей между ними гирлянды-мѣшка, лѣвыя руки опущены. Контуры тѣлъ сдѣланы красной краской, крыльевъ и плащей—черной. Эроты занимаютъ только верхнюю часть площади столба подъ tabella, низъ весь, вплоть до цоколя (выс. 0,49), украшенъ обычными листьями и лепестками.

Остальныя, менѣе бросающіяся въ глаза, стороны столба декорованы одинаково. Надъ обычнымъ цоколемъ (выс. 0,44) идетъ средняя часть стѣны (выс. 0,88), снизу заполненная листьями и лепестками, вверху свѣшивающейся отъ уже описанной полосы съ сухарнымъ карнизомъ гирляндой, подвѣшенной на обычныхъ тесемкахъ. Поле внутри гирлянды занято богатой вѣтвью розы съ цвѣтами. Верхняя часть столба (выс. 0,71) надъ сухарнымъ карнизомъ (шир. 0,07) занята уже описанными скрещивающимися вѣтками кипариса, обвязанными теніями съ бантомъ вверху, надъ которымъ написана вѣтка розы съ двумя лепестками. Лѣвый и правый треугольники, образуемые вѣтвями, заполнены каждый длинной вѣткой розы съ бутономъ, нижній—тремя поставленными въ видѣ розетки лепестками розы, окруженными зеленью.

Роспись стѣны налѣво отъ входа.

Стѣна и столбъ налѣво отъ входа украшены по тому же принципу, но съ нѣкоторыми новыми мотивами. Декоровка здѣсь сосредоточена, во-первыхъ, около уже упомянутаго квадратнаго окошка, ведущаго въ восточную нишу-лежанку, во-вторыхъ, около большой фигуры, занимающей центръ столба. Окошко декоровано такъ же, какъ входныя двери: сверху и по обѣ стороны написаны обычныя гирлянды, параллельно краямъ окошка. Снизу, подъ окошкомъ, брошена вѣтка розы съ тремя бутонами. Центръ столба надъ цоколемъ занятъ статуей Гермеса, стоящей на пьедесталѣ или базѣ (красные грубые контуры, желтое заполненіе—очевидно дерево (выс. 1,04). Голова Гермеса сохранилась только частью—самый верхъ съ частью петаса. Тѣло влѣво; хламида укрѣплена на правомъ плечѣ и спускается внизъ до щиколотки. Контуры тѣла, плаща и аттрибутовъ сдѣланы грубыми красными линіями. Въ правой рукѣ кошель, въ лѣвой—кадуцей, на ногахъ высокіе башмаки или, лучше, вплоть до щиколотокъ подвязанныя ремнями сандаліи. Все поле вокругъ Гермеса до потолка усѣяно обычными листьями и

лепестками. Изъ остальной декоровки выдѣленъ, однако, верхъ стѣны: здѣсь надъ головой Гермеса на двухъ вѣтвяхъ розы сидятъ другъ противъ друга двѣ птички условныхъ цвѣтовъ (лѣвая—желтыя крылья, остальное опереніе зеленое, контуры, лапки и глаза сдѣланы черными линіями; правая—зеленыя крылья, тѣло и хвостъ желтые, контуры черные). Въ клювахъ онѣ держатъ гирлянду обычнаго типа за концевыя тесемки. Тесемки эти въ выгибѣ гирлянды сходятся двумя бантами, между которыми нарисована розетка. Надъ птичками брошены вверху стѣны двѣ гирлянды, образующія вмѣстѣ съ птичками какъ бы заключительный орнаментальный треугольникъ.

Узкая сторона столба орнаментована такъ-же богато, но безъ фигуръ. Надъ цоколемъ (0,28) невысокое поле, заполненное листьями и лепестками; далѣе темная дѣлящая полоса; затѣмъ, около длинной высокой ниши, по вѣткѣ розы съ тремя бутонами; наконецъ, надъ нишей, заполняя верхъ стѣны, система изъ четырехъ гирляндъ: первая виситъ поперекъ столба, къ ней спускаются, почти сходясь нижними концами, двѣ другія, висящія вертикально, наверху еще одна горизонтальная, изъ-за которой выростаетъ розовая вѣтка съ тремя бутонами.

Роспись восточной ниши.

Уже изъ описанія видно, что декораторъ очень внимательно отнесся къ росписи передней части комнаты. Значительное вниманіе удѣлилъ онъ и стѣнамъ восточной ниши. По верху всѣхъ стѣнъ ея онъ пустилъ, прежде всего, по большой многоколѣнной обычнаго типа гирляндѣ. Далѣе, на одной изъ стѣнъ этой ниши, той, которая вмѣстѣ съ тѣмъ является и восточной стѣной восточнаго столба, написана посрединѣ стѣны обычная сцена такъ называемой загробной трапезы. Налѣво, на высокомъ креслѣ со спинкой, украшенной фронтономъ съ акротеріями, сидитъ женщина въ зеленомъ хитонѣ и желтомъ пеплосѣ, закрывающемъ ея голову. Рядомъ съ нею на высокомъ ложѣ съ точеными ножками и скамейкой подъ нимъ возлежитъ бородатый мужчина влѣво, голова впрямь; въ рукахъ его лира [1]), на которой онъ играетъ. Весь онъ закутанъ въ желтый гиматій съ черными складками [2]). Къ нему приближается необычно большой юноша или мальчикъ-прислужникъ вправо, голова впрямь; въ правой рукѣ у него стаканъ, въ лѣвой бутылка. Одѣтъ въ бѣлую подпоясанную рубаху, штаны и высокіе сапоги. Голова обрамлена густыми курчавыми черными волосами. Сзади юноши массивный деревянный столъ на трехъ точеныхъ ножкахъ, на которомъ 6 стеклянныхъ стакановъ двухъ величинъ и два кувшина или энохои. Рядомъ на полу стоитъ третій кувшинъ не красноватаго, какъ остальные, а чернаго цвѣта.

Кромѣ описанной картины и болѣе обильнаго, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ камеры, покрытія стѣнъ и плафона листьями, лепестками и цвѣтами розы, восточная ниша-лежанка выдѣлена изъ состава декоровки остального склепа еще и тѣмъ, что, соотвѣтственно фигурѣ Гермеса, украшающей лѣвую стѣну, на правой части восточной стѣны камеры, не занятой нишей-лежанкой, какъ бы встрѣчая направляющихся къ ней посѣтителей, написана почти подъ самымъ

[1]) Изображеніе киѳары въ рукахъ главнаго лица въ сценахъ загробной трапезы на пантикапейскихъ стелахъ, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается. Kieseritzky-Watzinger, № 459, табл. XXXIII даетъ изображеніе стоящаго на базѣ юноши съ киѳарой въ рукахъ.

[2]) Врядъ ли позволительно сказать, какъ дѣлаетъ проф. Кулаковскій, что лежащему мужчинѣ мастеръ придалъ портретныя черты. Лицо сдѣлано, какъ и остальныя лица сцены, по обычному трафарету. Контуры бороды и глазъ сдѣланы черной, остальные коричневой краской; въ изображеніи лиры и всей фигуры, равно какъ и фигуры винодара, всѣ контуры сдѣланы красной краской; въ фигурѣ женщины часть контуровъ сдѣлана красной, часть черной краской.

плафономъ надъ нишей (нѣсколько влѣво отъ нея) [1]) большая безобразная голова впрямь, изображающая, несомнѣнно, сатира или пигмея. Къ сожалѣнію, сохранилась она только частью (шир. головы отъ уха до уха 0,25, высота неопредѣлима): верхъ съ кокомъ посрединѣ, большой лѣвый глазъ, большое лѣвое ухо. Голова эта изображена была отдѣльно, туловища при ней, какъ показываютъ уже ея размѣры и разстояніе отъ верха восточной ниши, никогда никакого не было.

Остальныя стѣны и плафонъ.

Значительно проще орнаментованы остальныя стѣны и плафонъ камеры. Здѣсь вездѣ надъ цоколемъ, идущимъ или надъ поломъ камеры (сѣв. стѣна), или надъ лежанками (южн. и зап. стѣны), стѣна и плафонъ заполнены либо обычными то густо, то рѣдко посѣянными, написанными то по оазисамъ штукатурки, то по глинѣ, листьями и лепестками розы, либо, отъ времени до времени, обычной розовой гирляндой. Въ одномъ мѣстѣ южной стѣны, почти какъ разъ противъ входа, сохранились остатки изображенія довольно большой птицы.

Особенности росписи.

Какъ видно изъ приведеннаго описанія, распредѣленіе отдѣльныхъ фигуръ по отдѣльнымъ частямъ гробницы совершенно иное, чѣмъ во всѣхъ вышеописанныхъ гробницахъ, хотя сами изображенія принадлежатъ всецѣло къ знакомымъ намъ категоріямъ. Не новъ для насъ Гермесъ-психопомпъ и его мѣсто въ декоровкѣ; не нова и сцена героической загробной трапезы, написанная въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ гробомъ или саркофагомъ, гдѣ лежалъ покойникъ; знакомы мы уже и съ обычаемъ помѣщать надпись, называющую имя погребеннаго, на доскѣ, помѣщенной внутри гробницы [2]).

Болѣе интересно то, что, рядомъ съ этими обычными изображеніями, изъ числа сюжетовъ религіознаго содержанія помѣщаются только такіе, которымъ свойственъ апотропэическій характеръ. Его имѣетъ, несомнѣнно, фигура пляшущаго безбородаго пигмея; его предполагаемый фаллосъ, его карикатурность, наконецъ, самая манера его шумной пляски придаютъ ему, несомнѣнно, характеръ изображенія, цѣлью котораго было отвращеніе дурного глаза. Того же характера изображенія въ гробничной росписи, напримѣръ, въ половыхъ мозаикахъ, встрѣчались не разъ въ погребеніяхъ Рима и провинцій. Впрочемъ, объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Тотъ же характеръ апотропэя носитъ и безобразная голова сатира, бросавшаяся въ глаза посѣтителю гробницы, лишь только онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ гробу. Голова эта ярко напоминаетъ скульптурныя головы Пана и Силена, о которыхъ будетъ рѣчь при описаніи одного изъ склеповъ Эль-Тегеня.

Уклоненіе отъ обычной схемы размѣщенія сюжетовъ вызвано, конечно, прежде всего тѣмъ, что архитектура гробницы значительно разнится отъ архитектуры другихъ описанныхъ склеповъ. За неимѣніемъ люнетокъ пришлось размѣстить изображенія по стѣнамъ. Характерно при этомъ, однако, то, что размѣщены и помѣщены эти изображенія такъ-же, какъ фигура рычащаго звѣря во второй комнатѣ гробницы 1873 г. Хотя мѣсто въ комнатѣ для фигуръ выбрано вполнѣ

[1]) Ниша внутри украшена обычными изображеніями цвѣтовъ, листьевъ и лепестковъ розы.

[2]) См. выше стр. 32, 40, 43, 46 (склепы Васюринской горы), ср. надписи въ склепахъ Алкима (стр. 163) и Анѳестерія (стр. 172), а также склепъ 1853 г. (стр. 258), склепъ Алкима Асклова (стр. 256) и упоминаемый ниже склепъ Ульпіевъ. Хорошую параллель дастъ и надпись Ios. P. E., II, 297, ср. стр. 308, гдѣ надпись, сдѣланная на плитѣ красной краской, найдена была внутри склепа у входа въ гробницу; ср. И. И. А. К., 10, стр 65, № 68 (140 г. по Р. Хр.) и 30, стр. 46 № 161=18, стр. 132, № 49.

сознательно и съ разсчетомъ — прежде всего бросается въ глаза апотропэй, затѣмъ окошко, въ которое виденъ саркофагъ, и рядомъ Гермесъ-психопомпъ, по другую сторону имя усопшаго, далѣе у входа въ погребальную комнату опять апотропэй и, наконецъ, ἐν μυχῷ гробницы у самаго гроба изображеніе трапезы, — тѣмъ не менѣе фигуры брошены на стѣну совершенно такъ-же, какъ цвѣты, внѣ всякой обстановки, безъ указанія почвы, на которой онѣ стоятъ, и т. д., т. е. совершенно иначе, чѣмъ въ группѣ гробницъ, родственныхъ гробницѣ Алкима. Такая система помѣщенія фигуръ тѣсно связана съ самимъ принципомъ украшенія стѣнъ брошенными цвѣтами; начало ея мы видимъ уже въ фигурахъ Гермеса и Калипсо въ склепѣ Зайцевой; старый принципъ еще держится въ гробницѣ 1873 г.; здѣсь, въ гробницѣ Сорака, всѣ фигуры размѣщены исключительно по этому новому принципу, безъ связи съ опредѣленными архитектурными частями гробницы и безъ всякой пейзажной обстановки.

Интересно отмѣтить также явленіе, съ которымъ мы познакомились впервые на примѣрѣ второй комнаты гробницы 1873 г., а именно не только присутствіе, но и преобладаніе въ фигурной росписи сюжетовъ апотропэическаго характера. Ничего подобнаго въ гробницахъ эллинистическаго и ранне-императорскаго времени мы не видѣли.

Наконецъ, отмѣчу еще примѣненіе гирляндъ для подчеркиванія архитектурныхъ линій, мотивъ, который царитъ затѣмъ въ самыхъ грубыхъ и самыхъ позднихъ гробницахъ Керчи.

Дата росписи.

Все это болѣе, чѣмъ грубость росписи, грубость въ трактовкѣ фигуръ, какъ я уже говорилъ, хронологическимъ критеріемъ служить не можетъ, а въ орнаментальной части гробница сдѣлана не грубѣе первой камеры гробницы 1873 г. заставляетъ меня приписать нашу гробницу болѣе позднему времени, чѣмъ первую комнату гробницы 1873 г., которая, какъ мы помнимъ, оказалась, согласно стилистическому анализу ея росписи, значительно болѣе поздней, чѣмъ гробница Зайцевой.

Больше этого анализъ росписи дать не можетъ. Мы не можемъ сказать, совпадаетъ ли это болѣе позднее время съ концомъ второго вѣка или съ третьимъ. Не помогаетъ намъ и надпись на западномъ столбѣ. Форма буквъ курсивнаго письма надписи не даетъ чего-либо характернаго для II или III в. по Р. Хр.: формы Є, С, M и Y обычны въ курсивномъ и полукурсивномъ письмѣ даже надписей на камнѣ съ начала I в. по Р. Хр. Орѳографія надписи также обычная, большой варваризаціи стиля не замѣтно; надпись написана обыденнымъ языкомъ, на которомъ говорили въ Пантикапеѣ, несомнѣнно, съ очень давнихъ поръ и очень долго.

Не даетъ точнаго хронологическаго критерія и терракоттовая рельефная голова Деметры, найденная въ землѣ, въ гробницѣ (см. Кулаковскій, стр. 17, рис. 8). Хотя хронологія терракоттъ Пантикапея совершенно еще не выяснена; но грубость работы головы далеко не столь велика, чтобы надо было приписать ее непремѣнно времени болѣе позднему чѣмъ вторая половина второго вѣка по Р. Хр.

Наконецъ, найденная въ колодцѣ серебряная пряжка отъ пояса со вставнымъ хрисопрасомъ (см. Кулаковскій, l. l., 18, рис. 9) далеко не принадлежитъ къ числу типичныхъ, такъ называемыхъ, готскихъ вещей, и дата ея также съ точностью опредѣлена быть не можетъ.

Невозможность опредѣлить точную дату нашей росписи тѣмъ болѣе досадна, что передъ нами, несомнѣнно, самый поздній представитель той декоративной

манеры, которую я склоненъ былъ бы назвать цвѣточнымъ стилемъ, манеры, первое появленіе которой мы имѣли возможность опредѣлить хронологически довольно точно: появилась она не раньше, но и не позже начала I в. по Р. Хр. Мы, поэтому, пока не въ состояніи утверждать, продержалась ли эта манера вплоть до конца III в. или уже раньше деформировалась въ варварскій геометрическій стиль многихъ погребеній Керчи, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Литература.

Хр. Ящуржинскій, Вновь открытая греческая катакомба въ г. Керчи, *Изв. Тавр. уч. Арх. Комиссіи*, вып. 10 (1890), стр. 111 сл. Ю. А. Кулаковскій, Двѣ Керченскія катакомбы съ фресками, Спб. 1896 (*Матеріалы по археологіи Россіи*, № 19). II. Катакомба Сорака, стр. 16—33, рис. 7—9 и табл. I—VII.

XXI. Склепъ, разрытый Бларамбергомъ въ 1829 г.

(Табл. LXIV, 4).

Свѣдѣнія о раскопкѣ этого, очевидно, богатаго склепа, найденнаго уже разрушеннымъ, я имѣю исключительно изъ собственноручной приписи Бларамберга къ сдѣланному имъ акварельному снимку съ одной изъ плитъ этого склепа, украшенной росписью.

Рисунокъ нынѣ находится въ одномъ изъ альбомовъ Одесскаго общества исторіи и древностей (см. Одесское общество исторіи и древностей. Альбомъ IV/109. Сборникъ плановъ, чертежей etc. археолога И. П. Бларамберга съ примѣчаніями (собственноручными) 1817—1830 годовъ).

Подпись подъ рисункомъ гласитъ: «Michel de Blaramberg del., 1829». Внизу написано карандашемъ: «Fouilles d'un grand tumulus sur le chemin de Kertsch à Yeni-Kalé». «Partie inférieure d'une peinture à fresque sur un moellon de la longueur d'une archine 10 verchoks. Cette pièce couverte d'un enduit de mortier d'environ un $^1/_4$ de pouce d'épaisseur faisait partie d'un caveau devasté et retombé depuis».

Плита въ верхней своей полосѣ содержитъ низъ центральной части изображенія похищенія Коры Плутономъ. Нижняя полоса плиты отдѣлена отъ верхней черной линіей и не занята изображеніемъ. Стукъ, которымъ покрыта плита, бѣлый. По этому бѣлому стуку разбросаны и тамъ, гдѣ развертывается изображеніе, и внизу, розовыя пятна, очевидно, остатки розовыхъ лепестковъ, характернаго орнамента керченскихъ гробницъ. Форма этихъ пятенъ и ихъ цвѣтъ позволяютъ думать, что лепестки скорѣе походили на лепестки Зайцевской гробницы, чѣмъ на лепестки и цвѣты позднѣйшихъ склеповъ.

Отъ картины, изображающей, какъ это ясно съ перваго же взгляда, похищеніе Коры Плутономъ, сохранились только нижнія части четверки лошадей и часть колесницы. Лошади скачутъ вправо; двѣ изъ нихъ (крайняя справа и третья) — бѣлыя, остальныя двѣ — черныя; то же, приблизительно, чередованіе мы наблюдали и въ Зайцевскомъ склепѣ. Сбруя лошадей красная. Колесница, форма которой неопредѣлима, — красная, колеса—зеленоватыя. Одно колесо изображено болѣе или менѣе правильно въ профиль, другое, страннымъ образомъ, поставлено поперекъ подъ ногами скачущихъ лошадей.

Стиль изображенія напоминаетъ стиль большой картины Зайцевскаго склепа: та-же деревянная фактура лошадей, тѣ-же густые и толстые контуры, та-же безпомощность въ перспективномъ изображеніи четверки, особенно тамъ, гдѣ пришлось изобразить четыре пары заднихъ ногъ. Въ общемъ, однако, замѣчается бо́льшая умѣлость и живость: въ тѣлѣ лошадей больше лѣпки, переднія ноги менѣе схематичны и изображены болѣе или менѣе правильно, причемъ даютъ даже падающія вправо тѣни.

Особенно безпомощенъ оказался нашъ мастеръ въ борьбѣ съ перспективой при изображеніи колесъ колесницы, если только слѣдуетъ вѣрить рисунку Бларамберга. Второе колесо колесницы поставлено совершенно безсмысленно подъ ногами лошадей, очевидно, только для того, чтобы вообще показать, что оно существуетъ, и дать одновременно ширину кузова колесницы.

Къ сожалѣнію, на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ (журналъ раскопокъ Бларамберга, существованіе котораго засвидѣтельствовано, мною не могъ быть использованъ, такъ какъ мнѣ неизвѣстно, гдѣ онъ находится), я не могу опредѣлить, какое мѣсто въ декоровкѣ, очевидно, сводчатаго, построеннаго изъ тесаныхъ плитъ, склепа занимала наша картина. Вѣроятнѣе всего думать о люнеткѣ задней стѣны, но доказать это предположеніе невозможно. Во всякомъ случаѣ, подъ изображеніемъ шла покрытая сплошнымъ стукомъ стѣна, ничѣмъ не дифференцированная и украшенная только разбросанными по ней розовыми лепестками.

Это, а также сходство стиля изображенія колесницы на нашемъ фрагментѣ со стилемъ изображенія похищенія Коры въ Зайцевскомъ склепѣ, позволяетъ гадать о томъ, что и тотъ склепъ, часть котораго составляла наша плита, былъ расписанъ приблизительно такъ же, какъ и склепъ Зайцевой, т. е. въ цвѣточномъ стилѣ. О времени ничтожность данныхъ не позволяетъ даже гадать.

Гдѣ находится нынѣ описанная плита и существуетъ ли она еще вообще, мнѣ неизвѣстно.

XXII. Склепъ Алкима Асклова.

Склепъ найденъ былъ совершенно разрушеннымъ подъ насыпью кургана, расположеннаго по дорогѣ изъ Керчи къ фонтану Скасси, въ саду дома Волошкевича. Курганъ разрытъ былъ до основанія въ 1894 и 1895 г. завѣдывавшимъ въ то время раскопками въ Керчи К. Думбергомъ, представившимъ объ этомъ своемъ разслѣдованіи подробный отчетъ въ Имп. Арх. Коммиссію, къ сожалѣнію, не напечатанный даже въ извлеченіяхъ [1]).

Поводомъ къ разслѣдованію кургана была находка въ этомъ курганѣ въ 1894 г. мраморнаго изображенія льва, прикрытаго и окруженнаго нѣсколькими плитами и частями дорическаго антаблемента изъ инкерманскаго (?) песчаника.

По близости отъ этого льва найденъ былъ въ 1895 г. большой склепъ, частью убранства котораго и были, очевидно, левъ и дорическій антаблементъ, найденные въ 1894 г. Плиты же съ вырѣзанными на нихъ письменными знаками, о которыхъ намъ придется еще говорить, когда рѣчь будетъ о Стасовскомъ склепѣ, очевидно, закрывали входъ въ него.

Даю описаніе склепа со словъ упомянутаго отчета Думберга, поскольку это необходимо для моихъ цѣлей.

«Весь склепъ имѣлъ первоначально форму длиннаго (10 саж.) и узкаго (1 саж.) корридора, раздѣленнаго на двѣ неровныя части. Переднее отдѣленіе (а), имѣвшее въ длину не болѣе двухъ арш. при ширинѣ въ $3^1/_2$ арш. было соединено съ собственною усыпальницею дверью, образованною двумя (разоренными) выступами (x.x), слѣды которыхъ ясно были видны на низенькомъ каменномъ порогѣ (в), возвышающемся надъ поломъ передней на 2, а надъ поломъ усыпальницы на 5 вершковъ» [2]). «Полъ передней состоялъ изъ каменныхъ плитъ толщиною въ 4 в. Вышина передней отъ пола до уровня материка простиралась до $2^1/_4$ арш.».

«Собственно усыпальница (с) была также снабжена каменнымъ поломъ, сохранившимся на протяженіи $2^1/_2$ саж. (о) и отстоявшимъ отъ уровня материка на $2^1/_2$ арш. Полъ былъ, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ, первоначально покрытъ штукатуркою. Въ западномъ концѣ склепа нашлось, надъ уровнемъ пола, продолго-

[1]) Полностью отчетъ этотъ напечатанъ быть не можетъ, такъ какъ содержитъ въ себѣ рядъ произвольныхъ выводовъ и фантастическихъ построеній. Но фактическая его часть вполнѣ заслуживала бы быть обнародованной, такъ какъ въ анналахъ археологическаго разслѣдованія Керчи очень рѣдко встрѣчаются случаи полнаго снесенія цѣлаго кургана съ тщательнымъ наблюденіемъ надъ составомъ насыпи и точной регистраціей всѣхъ погребеній.

[2]) Здѣсь Думбергъ прибавляетъ «противоположная двери восточная поперечная стѣнка (n) была совершенно разорена». Очень сомнѣваюсь, чтобы таковая когда-либо существовала. Почти несомнѣнно, что передъ склепомъ былъ выстроенъ короткій дромосъ или pronaos спереди открытый, какъ это было, напримѣръ, въ склепѣ Зайцевой. Въ этотъ pronaos, вѣроятно, вела не наблюденная Думбергомъ лѣстница или рампа. Буквы, которыми Думбергъ обозначаетъ части склепа, соотвѣтствуютъ буквамъ, поставленнымъ Думбергомъ на его общемъ планѣ раскопаннаго кургана, приложенномъ къ отчету.

ватое углубленіе (y), въ немъ стояла нижняя часть каменнаго саркофага (s), сдѣланнаго изъ цѣльнаго куска мелкаго песчаника. Часть его крышки была отыскана въ первой половинѣ склепа. Саркофагъ былъ отесанъ только сверху и внутри, наружныя же его стороны были оставлены необработанными... Въ длину онъ имѣлъ (внутри) $2^3/_4$ арш., въ ширину и глубину по 11 вершк. Крышка была сдѣлана въ два ската и украшена по обѣимъ сторонамъ фронтона акротеріями».

«Стѣны (склепа), имѣвшія въ толщину 1 арш., были выстроены изъ грубо отесанныхъ кусковъ мягкаго раковистаго керченскаго известняка разной величины и изъ мелкаго бутоваго камня, связанныхъ растворомъ изъ извести и раковистаго песку, съ примѣсью, кажется, толченаго кирпича или черепковъ, отчего и весь растворъ получилъ розовый цвѣтъ. Неровная внутренняя поверхность стѣны была сперва замазана толстымъ слоемъ, мѣстами до 1 вершка, этого же раствора, а потомъ покрыта штукатуркою изъ извести и раковистаго песку. Склепъ былъ внутри расписанъ фресками, о чемъ свидѣтельствуетъ маленькій кусокъ штукатурки съ остатками на немъ живописи».

Данныхъ для опредѣленія системы покрытія склепа не сохранилось. По нѣкоторымъ фрагментамъ штукатурки, «имѣющимъ закругленую форму», архитекторъ Солтыкевичъ заключилъ, что склепъ былъ крытъ бутовымъ цилиндрическимъ сводомъ.

Въ склепѣ («на полу склепа между разными камнями», т. е., очевидно, въ склепѣ, а не въ дромосѣ) найдена была разбитая на 4 куска надпись на плитѣ песчаника, дл. 15, шир. 7, толщ. 2—$2^1/_2$ в. Надпись гласитъ: *Ἄλκιμος Ἀσκλᾶ | καὶ [ἡ] αὐτοῦ γυνὴ Φιλοπάτρα | θυγάτηρ Ἀλκίου οἰ|κοδόμησαν [τ]ὸ μ[νῆ]μα ἐν τῷ· αιτ' [ἔτ]ει*, т. е. въ 14 г. по Р. Хр. (см. Ios. P. E. IV, 231).

Буквы надписи очень напоминаютъ своимъ курсивнымъ характеромъ (C Є M Ш) буквы надписей склепа Аноестерія (надпись въ склепѣ Алкима даетъ формы буквъ болѣе старыя).

Находка въ склепѣ этой надписи придаетъ ему и его росписи особый интересъ. Было бы очень важно постараться реконструировать склепъ на основаніи данныхъ, добытыхъ Думбергомъ (реставрація, предложенная имъ и исполненная Солтыкевичемъ, приложенная къ отчету, не выдерживаетъ критики). При этомъ надо было бы имѣть въ виду, что левъ, по всей вѣроятности, составлялъ часть *σῆμα*, т. е. надгробнаго памятника, сооруженнаго либо недалеко отъ входа (вѣроятно, засыпаннаго) въ склепъ, либо на курганѣ, насыпанномъ надъ нимъ, что дорическій антаблементъ можетъ принадлежать не только входу въ дромосъ или въ усыпальницу (ср. выше стр. 109 слл. о такъ называемыхъ Тарасовскихъ курганахъ), но и постаменту надгробнаго памятника [1]), наконецъ, что покрытіе склепа цилиндрическимъ сводомъ, при незначительной его ширинѣ, мало вѣроятно; болѣе же допустимымъ представляется покрытіе выступающими другъ надъ другомъ плитами (ср. склепъ того же корридорнаго типа, найденный въ 1872 г., 3 окт. на Митридатѣ, на восточномъ склонѣ Скалистаго или Пирамидальнаго холма) [2]).

---

[1]) Постаментъ этотъ можно представлять себѣ либо въ видѣ массивнаго постамента надгробнаго льва, изображеннаго на фрагментѣ деревяннаго саркофага, опубликованнаго мною выше (см. рис. 43 къ стр. 214), либо въ видѣ высокой базы на двухъ колоннахъ, о которой рѣчь была выше (см. стр. 45 слл.).

[2]) Хорошая съемка его имѣется въ Альбомѣ керченскихъ рисунковъ за 1872 г., ср. О. И. А. К., 1872, XXIV. Склепъ датированъ раннимъ эллинистическимъ временемъ находкой въ немъ позднихъ краснофигурныхъ вазъ и автономныхъ монетъ.

Впрочемъ, вопросъ о реконструкціи архитектуры склепа не входитъ въ нашу задачу. Важнѣе было бы имѣть возможность реконструировать декоровку его стѣнъ: мы имѣли бы въ такомъ случаѣ единственный точно датированный расписной склепъ и очень солидную базу для датировки другихъ расписныхъ склеповъ.

Къ сожалѣнію, единственный наблюденный и сохраненный (нынѣ въ Керченскомъ музеѣ) фрагментъ штукатурки со слѣдами росписи не позволяетъ мечтать о реконструкціи всей росписи. Судя по остаткамъ живописи на фрагментѣ, на немъ изображены были зеленые листья и, можетъ быть, розовый цвѣтокъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что, покрытыя бѣлой штукатуркой, стѣны склепа были расписаны разбросанными цвѣтами по типу склепа Зайцевой?

XXIII. Склепъ 1853 г.

Единственныя данныя объ этомъ склепѣ сохранены намъ описаніемъ его, сдѣланнымъ А. Ст. Линевичемъ въ *Пропилеяхъ,* т. IV, 541 сл.; нѣсколько словъ о склепѣ имѣется и въ рукописномъ донесеніи Люценка отъ 5 ноября 1853 г.

Согласно этимъ даннымъ, склепъ открытъ былъ «во время производства лѣтомъ и осенью 1853 г. раскопокъ на з. оконечности горы Митридата на подошвахъ и скатахъ первыхъ четырехъ скалистыхъ возвышеній, которыя тянутся отъ горы Митридата къ з.», точнѣе между первымъ и вторымъ изъ этихъ скалистыхъ возвышеній (Линевичъ), т. е. приблизительно тамъ же, гдѣ былъ открытъ и склепъ 1852 г.

Найденъ былъ склепъ полуразрушеннымъ и разграбленнымъ, и, конечно, охраненъ не былъ, какъ не были охранены и склепы Пигмеевъ и 1852 г.

О степени сохранности склепа, его архитектурѣ и декоровкѣ Линевичъ сообщаетъ слѣдующее. «Сѣверная стѣна его, въ которой, вѣроятно, былъ входъ, и противоположная ей стѣна были разобраны; но, судя по толщинѣ остальныхъ двухъ стѣнъ, разстоянію между ними и уцѣлѣвшимъ тремъ сводным камнямъ», Линевичъ думалъ, что склепъ имѣлъ ту-же архитектуру, что и склепъ 1852 г., описанный Беккеромъ.

Изъ этихъ словъ и заключеній Линевича ясно, что склепъ былъ сложенъ изъ плитъ, крытъ полуцилиндрическимъ сводомъ и оріентированъ либо съ с. на ю., либо съ ю. на с., какъ большинство склеповъ римскаго времени.

«Склепъ этотъ, продолжаетъ Линевичъ, внутри былъ оштукатуренъ. Верхняя часть его окрашена бѣлою краскою, на которой видны мѣстами красноватыя пятна, образовавшіяся какъ будто отъ брызгъ, а нижняя — темно-красною; узкая черная каемка раздѣляетъ два цвѣта.

Подъ карнизомъ з. стѣны была надпись краснаго цвѣта. Такъ какъ штукатурка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбита, то начала ея разобрать нельзя, передаю ее такъ, какъ она есть:

ΘЄCI‿ϹϹ‿ΠΑΤΕΙΙΡΙΗΚΙΠΟC

Продолженія нѣтъ, потому что слѣдующіе камни были разобраны и не найдены».

Изъ этого описанія декоровки съ ясностью вытекаетъ, что склепъ былъ расписанъ въ обычной схемѣ цвѣточнаго стиля: красный цоколь, черная дѣлящая полоса и остальная часть стѣны, усыпанная, очевидно, лепестками и листьями розы.

Къ сожалѣнію, о датѣ склепа мы можемъ только гадать, главнымъ образомъ, на основаніи надписи. Надпись сохранилась плохо, переиздана она у Латышева Ios. P. E. II, 278, который, исходя изъ указанія Линевича о неразборчивости начала надписи, считаетъ, что начало ея не сохранилось. Поэтому онъ

предлагаетъ читать... θέ[ου] υἱοῦ Πάτει πρί[ν]κιπος, т. е. «... θеся сына Патеи принкипа». Но я не увѣренъ, что слова Линевича должны быть истолкованы именно такъ; можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду невозможность связнаго чтенія первыхъ списанныхъ имъ буквъ, а не исчезновеніе начала надписи. Тогда возможно было бы чтеніе: θέσι[ς] ...πατει πρίνκιπος, т. е. «погребеніе (слѣдуетъ личное имя) принкипа». Если же начало надписи дѣйствительно пропало, то въ первыхъ буквахъ надписи можно было бы видѣть конецъ мужского или женскаго имени въ именительномъ падежѣ и затѣмъ τ]οῦ Πάτει πρίνκιπος, т. е. имя отца въ родительномъ падеждѣ (ср. Ios. P. E., II, 28: *Χρηστίων β' τοῦ Σαλᾶ πρίνκιπο[ς]*, 243 г. по Р. Хр.). То или иное дополненіе надписи имѣетъ, однако, для насъ второстепенное значеніе. Важенъ для хронологіи титулъ πρίνκιψ, т. е. лат. princeps. Онъ встрѣчается въ пантикапейскихъ надписяхъ еще трижды: въ уже приведенной надписи III в. по Р. Хр.—Ios. P. E. II, 28, затѣмъ въ надгробной надписи IV в. по Р. Хр.—Ios. P. E., II 182[2] (p. 303, 304) и, наконецъ, въ извѣстной надписи солдата-оракійца второго или третьяго вѣка по Р. Хр., гдѣ терминъ princeps равнозначущъ термину centurio, Ios. P. E. II, 290. Сравнивать нашу надпись, конечно, приходится съ первыми двумя и видѣть въ титулѣ princeps обозначеніе должности гражданскаго officium, перешедшее на востокъ въ этой формѣ въ сравнительно позднее время [1]).

Если наши выводы правильны, то мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ гробницей III в. по Р. Хр.; съ этимъ вполнѣ согласуется перерожденіе листьевъ и лепестковъ въ простыя красныя пятна, отмѣченныя Линевичемъ, а также бѣдность декоровки вообще. Нѣчто подобное мы увидимъ въ тѣхъ позднихъ расписныхъ гробницахъ, которыя я называю гробницами геометрическаго стиля.

Приходится пожалѣть, что объ этомъ позднемъ образчикѣ цвѣточнаго стиля мы знаемъ такъ мало.

Литература. А. Ст. Линевичъ, *Пропилеи*, т. IV, 541 сл.; Latyschev, Ios. P. E., II, 278.

[1]) Военное значеніе, на мой взглядъ, исключается, такъ какъ одного princeps безъ указанія корпуса войскъ для обозначенія солдата римской арміи мало. Исключается и муниципальное значеніе этого термина для Пантикапея, не имѣвшаго муниципальной организаціи. Остается обозначеніе чина въ какомъ-либо offcium Боспорскаго царя, которыя въ поздне-римское время въ Пантикапеѣ организованы были, вѣроятно, по-римски. См. Hahn, Rom und Romanismus im gr.-röm. Osten, 228, 5, ср. 227, 8; Magie, De Romanorum juris publici sacrique vocabulis sollemnibus etc., Lipsiae, 1905, 128, 129, 135, ср. 61.

b. Памятники чистаго инкрустаціоннаго стиля.

XXIV. Склепъ, открытый въ 1905 г. въ усадьбѣ нотаріуса Фельдштейна.

(Табл. LXVI—LXX).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

При случайныхъ раскопкахъ, начавшихся осенью 1900 г. въ предѣлахъ большого некрополя, занимающаго почти все нынѣшнее Глинище, недалеко отъ того мѣста, гдѣ найденъ былъ расписной саркофагъ 1900 г. (по другую сторону Карантиннаго шоссе) [1]), наткнулись какъ на цѣлый рядъ гробницъ типа каменныхъ ящиковъ безъ каменнаго дна (объ одной изъ нихъ рѣчь будетъ еще ниже), такъ и на большой каменный склепъ или, лучше, развалины большого каменнаго склепа, стѣны и потолокъ котораго были покрыты богатой росписью. Къ открытію этого склепа и семи находившихся подъ тою же насыпью гробницъ привело снесеніе большого насыпаннаго надъ нимъ и надъ упомянутыми гробницами кургана, размѣры и типъ котораго, къ сожалѣнію, установлены не были [2]).

Объ упомянутой случайной находкѣ сообщено было В. В. Шкорпилу; съ любезнаго разрѣшенія владѣльца земли, нотаріуса Фельдштейна, за счетъ котораго велись прежнія случайныя кладоискательскія раскопки, В. В. Шкорпилъ въ іюлѣ 1905 года въ моемъ присутствіи произвелъ систематическое разслѣдованіе склепа и почти цѣликомъ очистилъ его руины отъ завалившей ихъ земли. Тогда же мною и женой моей С. М. Ростовцевой произведенъ былъ точный обмѣръ развалинъ склепа, на основаніи котораго составленъ былъ планъ склепа, здѣсь публикуемые геометрическіе рисунки декоровки отдѣльныхъ стѣнъ (табл. LXVIII и LXVII, 4) и копія въ краскахъ съ части росписи одной изъ стѣнъ главной комнаты склепа (табл. LXIX, 1). Въ то же время С. М. Ростовцева сняла фотографіи со склепа и его декоровки,

[1]) Дача нотаріуса Фельдштейна, гдѣ произведены были раскопки, находится «на продолженіи Карантинной ул., д. № 8 и 9, влѣво отъ Карантиннаго шоссе, проходящаго вдоль берега Карантинной бухты и соединяющаго городъ Керчь съ Новымъ Карантиномъ» (изъ письма В. В. Шкорпила отъ 22-го декабря 1904 г.), см. табл. III, е.

[2]) Курганъ былъ разслѣдованъ, судя по словамъ В. В. Шкорпила, уже раньше однимъ изъ прежнихъ директоровъ Керченскаго музея, но когда и кѣмъ, этого мнѣ установить не удалось. Во всякомъ случаѣ въ 1900, какъ указываетъ руководившій въ это время раскопками Петренко, ясно замѣтны были слѣды двухъ старыхъ «казенныхъ» раскопокъ на сѣверной и южной сторонахъ. О раскопкахъ 1900 г., поскольку онѣ касаются интересующаго насъ склепа, В. В. Шкорпилъ, со словъ упомянутаго Петренка, сообщаетъ слѣдующее (письмо отъ 23 мая 1912 г.): «Уже въ 1900 г. былъ обнаруженъ склепъ съ фресками и сдѣлана большая развѣдка, при которой достигли каменнаго саркофага, стоящаго въ заднемъ лѣвомъ углу самой большой комнаты. Костяки найдены были разбросанными вокругъ саркофага или каменнаго ложа. Среди костей попадались обломки простой глиняной посуды, обломки стеклянныхъ шарообразныхъ сосудовъ безъ ручекъ, бронзовый ключъ, золотые листики отъ погребальнаго вѣнка. По сообщенію Петренка, краски на стѣнахъ отличались при открытіи склепа яркостью и сохранностью, особенно корзина съ плодами, изображенная на лѣвой стѣнѣ склепа. Тогдашній арендаторъ Непомнящій соскабливалъ со стѣнъ красную краску и, разбавляя ее въ водѣ, красилъ баркасъ».

часть которыхъ здѣсь публикуется (табл. LXVI и LXIX, 3). Послѣ этого склепъ былъ оставленъ на произволъ судьбы, но разрушенъ не былъ; къ сожалѣнію, владѣлецъ, охранившій руины склепа отъ полнаго разрушенія, не предпринялъ ничего для охраны его росписи; поэтому роспись за истекшія восемь лѣтъ значительно пострадала; нѣсколько защитило ее только то, что внутренность склепа быстро заросла ежевикой и другою порослью, до извѣстной степени предохранившей роспись отъ дождя и солнца. Въ это время со склепа сняты были недурныя фотографіи фотографомъ-любителемъ Ретгеромъ.

Предвидя, однако, что при продажѣ участка какому-нибудь новому владѣльцу, пожелающему на немъ строиться, склепъ, несомнѣнно, будетъ разрушенъ, и не видя никакой возможности отчудить и сохранить его при отсутствіи средствъ на это у Археологической Коммиссіи, я считалъ необходимымъ, не довольствуясь сдѣланными въ 1905 г. копіями росписи и планомъ, повторно скопировать роспись и сдѣлать новый еще болѣе точный планъ и разрѣзы. Копіи съ росписи исполнены были съ обычными мастерствомъ и точностью М. В. Фармаковскимъ (табл. LXIX, 2 и LXX), планъ и разрѣзы технологомъ Соколовымъ (табл. LXVII). Эти копіи, планъ и разрѣзы здѣсь и публикуются. Для составленія точнаго плана пришлось произвести дополнительныя раскопки, при которыхъ открыто было преддверіе гробницы.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа типична для большихъ курганныхъ погребеній эпохи расцвѣта Керчи въ римское время. Ниже будетъ указано на наиболѣе интересныя и важныя параллели. Состоитъ склепъ изъ небольшого преддверія, небольшой первой комнаты, входъ въ которую изъ преддверія заваленъ былъ огромною тяжелою плитою, большого центральнаго помѣщенія, въ которое изъ первой комнаты вела, обрамленная съ внѣшней стороны антами, арочная дверь и въ которомъ у лѣвой (для входящаго) стѣны стоялъ большой бутовой кладки саркофагъ, наконецъ, изъ небольшой комнаты съ такимъ же саркофагомъ у правой стѣны (см. снимки руинъ табл. LXVI, планъ и разрѣзы склепа табл. LXVII, 1-3). Крытъ былъ склепъ полуцилиндрическимъ сводомъ, части котораго сохранились въ центральномъ помѣщеніи. Начало свода отъ стѣнъ камеры въ этомъ помѣщеніи отдѣляетъ сохранившійся въ задней части комнаты простой каменный карнизъ.

Весь склепъ тщательно выложенъ изъ большихъ плитъ неодинаковыхъ размѣровъ; кладка на извести. Сводъ также былъ каменный изъ такихъ же массивныхъ плитъ, не связанныхъ между собою скобами. Оріентированъ склепъ почти точно съ ю.-з. на с.-в. Сохранность различныхъ частей его не одинакова.

Преддверіе.

Преддверіе, окончательно расчищенное В. В. Шкорпиломъ въ 1912 г., описывается имъ слѣдующимъ образомъ (письмо отъ 23 мая 1912 г.): «Боковыя стѣны преддверія хорошо сохранились, но стѣна, съ которой оно начинается, почти вся разрушена. Только влѣво сохранился уголъ; по вырѣзкѣ, въ которой находились фундаменты этой стѣны, и по отсутствію всякихъ слѣдовъ порога или лѣстницы можно думать, что вновь открытое преддверіе представляло собой простой колодезь, какъ-то видимъ у нѣкоторыхъ керченскихъ «катакомбъ», безъ всякихъ ступеней съ передней стороны. Этотъ колодезь или комната безъ лѣстницы засыпалась, вѣроятно, всякій разъ послѣ похоронъ и расчищалась снова, когда нужно было хоронить новаго покойника». Съ этими наблюденіями согласуется то, что преддверіе, очевидно, крытымъ не было и что никакихъ слѣдовъ росписи на стѣнахъ не имѣется.

Первая комната.

Изъ дромоса въ *первую комнату* погребальнаго сооруженія вела дверь, заваленная съ внѣшней стороны большой толстой плитой (выш. 2,05 м., шир. 1,37,

толщ. 0,20). Для прочной установки этой плиты въ косякахъ двери, съ внѣшней стороны ея, сдѣланы были углубленія. Найдена была плита полуотваленной внутрь корридора. Наверху входное отверстіе, заваленное описанной плитой, было сведено аркой en plein cintre; внизу имѣется невысокій (0,12 м.) каменный порогъ.

Боковыя стѣны сохранились на высоту 1,875 м. и 1,865. Весьма вѣроятно, что верхній рядъ камней, за которымъ слѣдовали камни пяты свода, не сохранился и что, такимъ образомъ, первая комната имѣла ту-же высоту, что и вторая, главная комната сооруженія. Былъ ли и здѣсь каменный карнизъ, отдѣлявшій стѣну отъ свода, неизвѣстно. Вся комната была оштукатурена и расписана (см. ниже). На косякахъ входной двери роспись покрыта слоемъ бѣлой штукатурки.

Вторая комната.

Вторая, главная, наиболѣе широкая и длинная, комната погребенія съ наиболѣе богатой росписью стѣнъ и потолка (см. ниже) выдѣлена особо монументальнымъ входомъ въ нее, обрамленнымъ двумя массивными антами. Къ сожалѣнію, отъ этого входа сохранились только монументальный порогъ (выс. 0,21 м.), выдающійся внутрь первой комнаты, и двѣ лежащія на этомъ порогѣ и также выступающія внутрь первой комнаты богато профилированныя базы антъ. Профили этихъ антъ разработаны только со стороны первой комнаты и внутри дверного отверстія. Передняя входная стѣна второй комнаты съ описаннымъ двернымъ отверстіемъ сохранилась также только въ нижнихъ своихъ частяхъ.

Гораздо лучше, хотя и неравномѣрно, сохранились боковыя стѣны главной комнаты. Части ихъ, ближайшія къ первой комнатѣ, разобраны въ верхнихъ своихъ частяхъ до начала нишъ, части же стѣнъ, сосѣднія съ третьей комнатой, сохранились цѣликомъ, даже включая нижній рядъ камней полуцилиндрическаго свода. Въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ, въ верхнихъ ихъ частяхъ, сдѣланы одна противъ другой по двѣ ниши глубиною отъ 0,24 до 0,27 м. съ плоскимъ покрытіемъ. Отъ начала свода стѣны отдѣлены каменнымъ тщательно профилированнымъ карнизомъ.

Въ сѣверо-западномъ углу комнаты выстроенъ былъ монументальный каменный саркофагъ, отъ котораго сохранилась только нижняя часть; выстроенъ саркофагъ изъ каменныхъ плитъ на известкѣ, оштукатуренъ и внутри и снаружи; о росписи рѣчь будетъ ниже.

Задняя стѣна второй комнаты со входомъ въ третью сохранилась плохо; она такъ-же основательно разобрана, какъ и передняя: сохранились только нижніе слои каменной кладки.

Третья комната.

Третья комната погребальнаго сооруженія значительно уже и менѣе глубока, чѣмъ вторая, хотя не уступаетъ ей по богатству убранства и росписи. Въ нее ведетъ широкое дверное отверстіе съ низкимъ порогомъ. Боковыя и задняя стѣны сохранились лучше передней, вплоть до камней, покрывавшихъ ниши. Между тѣмъ, судя по одному изъ камней ряда надъ нишами, сохранившемуся на восточной стѣнѣ, этотъ рядъ камней былъ нижнимъ рядомъ плитъ свода. Если это такъ, то третья камера была также крыта полуцилиндрическимъ сводомъ и была при этомъ значительно ниже второй. Во всѣхъ трехъ стѣнахъ описываемой комнаты расположены довольно не симметрично ниши той же формы и глубины, что и во второй комнатѣ. Вдоль восточной стѣны комнаты сохранился низъ саркофага каменной кладки, оштукатуреннаго внутри и снаружи. На днѣ его имѣются углубленія, вѣроятно, для прочной установки въ нихъ ножекъ деревяннаго гроба или погребальнаго ложа.

Полъ всѣхъ трехъ комнатъ сдѣланъ былъ изъ толстаго слоя водонепроницаемаго цемента съ значительной примѣсью толченаго кирпича и выкрашенъ былъ,

какъ кажется, въ красную краску. Этимъ же цементомъ покрытъ и порогъ дверного отверстія, ведущаго изъ второй комнаты въ третью.

Декоровка склепа сохранилась неравномѣрно: сравнительно хорошо во второй комнатѣ, очень плохо въ первой и третьей. Сдѣлана она вся по сравнительно толстому слою штукатурки. Любопытно, что зеленая краска вездѣ, гдѣ она встрѣчается, положена отдѣльно густымъ слоемъ. Отъ декоровки плафона сохранились незначительные остатки во второй комнатѣ. Роспись склепа.

Наиболѣе проста схема декоровки *первой комнаты* (см. табл. LXVII, 4). Надъ краснымъ цоколемъ идетъ узкая черная полоса; надъ нею стѣна раздѣлена нарисованными линіями на квадры въ схемѣ, напоминающей псевдо-исодомную кладку: нижній рядъ квадровъ — узкій, второй — значительно шире, третій и четвертый — опять узкіе. Чѣмъ кончалась эта система квадровъ, то-есть вѣнчалъ ли ее карнизъ, неизвѣстно. Роспись первой комнаты.

Гораздо богаче декоровка *второй главной комнаты.* Хуже другихъ сохранилась входная стѣна, единственная, гдѣ имѣлись фигурные сюжеты. Здѣсь роспись имѣется, до извѣстной степени, только на восточномъ простѣнкѣ (см. табл. LXIX, 3): надъ краснымъ цоколемъ и обычной черной полоской сохранились остатки переднихъ ногъ, корпуса и, можетъ быть, головы лошади, спокойно стоящей вправо. Написана была только эта передняя часть лошади, какъ это обычно на стелахъ и въ гробничной росписи. Контуръ лошади сдѣланъ красными линіями, ими же обозначена и почва подъ ея ногами. Передъ лошадью видны ноги мужчины, обращеннаго влѣво, то-есть къ лошади; на правой ногѣ покоится тѣло, лѣвая нѣсколько согнута въ колѣнѣ. Подъ ногами почва обозначена особой красной линіей; уровень выше, чѣмъ тотъ, на которомъ стоитъ лошадь. На ногахъ мужчины желтые мягкіе сапоги и зеленые штаны; у лѣвой ноги виденъ конецъ меча. Сзади описанныхъ остатковъ фигуры что-то обведенное чернымъ контуромъ, и еще дальше на высотѣ этого контура остатки ногъ второй фигуры, также въ зеленыхъ штанахъ и мягкихъ красноватыхъ башмакахъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что передъ нами остатки обычной сцены, изображающей юношу, держащаго свою лошадь подъ уздцы. Къ какой сценѣ принадлежатъ остатки второй фигуры, опредѣлить невозможно; можетъ быть, это мальчикъ-прислужникъ. Роспись второй комнаты.

Декоровка боковыхъ стѣнъ главной комнаты даетъ типичнѣйшій изъ сохранившихся до нашего времени образцовъ декоративной живописи такъ называемаго инкрустаціоннаго жанра (см. табл. LXVIII, LXIX, 1,2 и LXX, 3). Надъ темнокраснымъ обычнымъ цоколемъ или панелью идетъ сплошная узкая черная полоса. Надъ ней сплошная бѣлая стѣна представлена разбитой на отдѣленія зелеными тирсами, перевязанными посрединѣ зелеными же бантами. Пространство между этими тирсами заполнено какъ бы вставленными въ бѣлую стѣну большими стоячими, сборными изъ разныхъ сортовъ мрамора, плитами. Обыкновенно плита одноцвѣтнаго мрамора вставлена въ узкую рамку другого цвѣта; въ эту плиту очень часто вписанъ ромбъ иного, чѣмъ плита, мрамора, а въ него, въ свою очередь, кругъ, иногда въ пестрой зубчатой рамкѣ, часто же въ иномъ обрамленіи. Эта декоровка занимаетъ всю среднюю часть стѣны вплоть до послѣдняго ряда квадровъ надъ нишами.

На этомъ рядѣ написанъ довольно оригинальный фризъ. Вся полоса раздѣлена на рядъ чередующихся квадратовъ и прямоугольниковъ. Въ каждомъ прямоугольникѣ написана на бѣломъ фонѣ, подвѣшенная за концы, розовая гирлянда, изображенная условно и схематически. Въ каждый квадратъ, окрашенный

въ розовый цвѣтъ, вписаны попеременно кругъ или ромбъ бѣлаго цвѣта. Надъ всѣмъ этимъ тянется неоштукатуренный и неокрашенный каменный карнизъ, за которымъ идетъ сводъ комнаты.

Если во фризѣ правильно чередуются указанные элементы декоровки, то въ средней части стѣны отдѣльныя инкрустированныя мраморныя плиты трактованы очень разнообразно, частью въ зависимости отъ размѣщенія по стѣнамъ нишъ, къ которымъ декоровка прикомпонована, надо сказать, очень неловко и безвкусно. Исполнявшій декоровку мастеръ, очевидно, не обладалъ ни вкусомъ, ни умѣньемъ.

Охарактеризую украшеніе отдѣльныхъ полей боковыхъ стѣнъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная каждый разъ съ сѣверной части стѣны, наилучше сохранившейся.

A. Западная стѣна (табл. LXVIII, 1, LXIX, 1 и LXX, 3): 1) красная рамка, желтая мраморировка, красный ромбъ, бѣлая круглая рамка съ вписанными въ нее сѣрыми зубцами, внутри красное круглое поле, въ верхнемъ сегментѣ этого круга темно-красная гирлянда; 2) темно-зеленая рамка, красное поле, въ него въ верхней части вписанъ красный же кругъ въ красной рамкѣ; въ верхней части этого круга изображена желтая плетеная корзинка, въ которой лежатъ черные гроздья винограда, черныя смоквы, два яблока и груша; 3) верхній лѣвый уголъ занятъ частью ниши; красная рамка, желтая мраморировка, въ нижней части подъ нишей красный кругъ, въ который вписанъ черный ромбъ; въ него, въ свою очередь, вписанъ красный кругъ въ двойной бѣлой рамкѣ; въ верхней части зеленый бантъ; 4) правый верхній уголъ занятъ частью ниши; зеленая рамка, красное поле; въ нижней части вписанъ кругъ, въ него шестиугольникъ съ вогнутыми сторонами, а въ послѣдній еще одинъ кругъ; цвѣта этихъ частей не сохранились; 5) красная рамка, остальные цвѣта не сохранились; схема см. на табл. LXVIII, 1; 6) въ лѣвомъ углу остатки желтой рамки, почти не сохранившейся; кругъ вписанъ былъ, вѣроятно, въ нижнюю часть поля, такъ какъ часть верхняго занята нишей; 7) та же схема; фонъ поля красный, въ него вписанъ красный же кругъ въ черной рамкѣ съ бѣлыми зубцами; 8) роспись не сохранилась.

B. Восточная стѣна (табл. LXVIII, 2 и LXIX, 2): 1) красная рамка, сплошная мраморировка безъ инкрустаціи; мраморировка сдѣлана на желтомъ фонѣ параллельными коричневыми зубчатыми линіями, расположенными въ схемѣ ромба; 2) красный фонъ, ромбъ и кругъ въ рамкѣ съ черными зубцами; 3) верхняя часть поля занята нишей, роспись не сохранилась; 4) зеленая рамка, красное поле (?), красный ромбъ и красный кругъ въ бѣлой рамкѣ съ черными зубцами; 5) какъ 1; 6) красное поле; правая верхняя часть занята нишей; 7) желтая рамка, остальное какъ 4; 8) красная рамка, черное (?) поле.

C. Въ той же схемѣ декорована была и задняя стѣна съ дверью въ третью комнату; отъ декоровки сохранился только цоколь и черная полоса; кромѣ того, въ восточной части стѣны обрамленное поле и въ западной остатки круга съ вписаннымъ въ него ромбомъ.

Характе́рно отмѣтить здѣсь же, что, если на западной стѣнѣ видна извѣстная система въ трактовкѣ отдѣльныхъ полей, т. е. ниша помѣщается между двумя полями, низъ которыхъ инкрустируется, то на восточной стѣнѣ этого совершенно не видно, равно какъ и не замѣтно правильнаго чередованія инкрустированныхъ и неинкрустированныхъ полей.

Роспись *третьей комнаты* сохранилась очень плохо. Кое-что видно только на восточной боковой (табл. LXX, 2) и на задней стѣнѣ. И здѣсь роспись прикомпонована къ нишамъ, размѣщеннымъ, какъ сказано, по одной въ каждой стѣнѣ. Общая схема росписи обычна. Надъ краснымъ цоколемъ черная полоска. Затѣмъ на всѣхъ стѣнахъ подъ нишей цвѣтное (можетъ быть, красное) поле, въ которое вписано два концентрическихъ круга или кругъ въ рамкѣ.

Роспись третьей комнаты.

Какъ была расписана стѣна направо и налѣво отъ ниши, можно установить только на восточной стѣнѣ. Весьма вѣроятно, однако, что тотъ же мотивъ повторенъ былъ и на другихъ стѣнахъ. Несомнѣнно, что всю ширину простѣнковъ, расположенныхъ около ниши, занималъ подвѣшенный за два конца богатый пурпуровый пологъ, можетъ быть, съ бахромой. Направо отъ ниши, гдѣ пологъ сохранился сравнительно хорошо, можно замѣтить въ лѣвой части около ниши остатки какой-то подпорки, ножки или колонки, стоящей въ несомнѣнной связи съ пологомъ. Имѣемъ ли мы, однако, въ нашей росписи изображеніе стѣны, завѣшенной пологомъ или ковромъ, или остатки изображенія покрытаго ковромъ ложа, выяснить это на основаніи сохранившихся остатковъ невозможно.

Плафонъ въ нашемъ склепѣ былъ расписанъ, можетъ быть, только во второй главной комнатѣ. Остатки этой росписи сохранились на двухъ камняхъ разрушеннаго свода. По этимъ остаткамъ видно, что плафонъ разбитъ былъ на квадратныя касетты, въ каждую изъ которыхъ вписанъ былъ второй квадратъ. Получившаяся такимъ образомъ вокругъ внутренняго квадрата рамка была окрашена въ голубой цвѣтъ. На одной изъ сохранившихся касеттъ во внутренній квадратъ вписанъ былъ кругъ и въ него восьмилистная розетка, на другой (табл. LXX, 1) въ тотъ же квадратъ (красный) вписанъ былъ ромбъ и въ немъ на бѣломъ фонѣ написана пестрая птичка съ зеленымъ опереніемъ, красными крыльями, зеленой и красной головкой, вправо.

Роспись плафона.

Простую роспись имѣли и *саркофаги*, поставленные около стѣнъ уже послѣ того какъ стѣны были расписаны. Нижняя ихъ часть—цоколь—была окрашена въ красный цвѣтъ, красной же краской окрашены были и углы.

Роспись саркофаговъ.

Склепъ, какъ уже сказано, найденъ былъ ограбленнымъ и наполовину разрушеннымъ. При его расчисткѣ, однако, найдены были нѣкоторые, правда, очень незначительные предметы: 1) небольшая бронзовая пряжка отъ ремня; 2) астрагалъ; 3) головка обычной терракоттовой куклы съ подвижными членами и съ головнымъ уборомъ въ видѣ лепестковаго нимба (пять обрамляющихъ голову плоскихъ лепестковъ); 4) фрагменты другой такой же куклы или гротеска, 5) двѣ простыя глиняныя лампочки безъ клеймъ и штемпелей, одна продолговатой формы съ широкой канеллированной ручкой и вздернутымъ носикомъ съ широкимъ отверстіемъ; верхъ ея около широкаго центральнаго отверстія украшенъ выпуклыми линіями. Вещи эти [1]) допускаютъ только приблизительную датировку эпохой не ранѣе II в. по. Р. Хр.

Находки въ склепѣ.

Гораздо важнѣе для опредѣленія времени впущеннаго въ материкъ склепа то, что, судя по упомянутымъ выше случайнымъ раскопкамъ, журнала которымъ не велось и плана которыхъ не существуетъ, въ насыпи кургана, покрывавшаго склепъ, найдено было семь гробницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя съ вещами. Вещи эти, часть которыхъ находится и сейчасъ у владѣльца кургана нот. Фельдштейна, часть

Находки въ другихъ погребеніяхъ кургана.

[1]) Ср. также выше стр. 260, 2 сообщенія о находкахъ въ склепѣ около саркофага или ложа главной комнаты, сдѣланныхъ въ 1900 г.

поднесена была имъ Его И. В. Вел. Кн. Александру Михаиловичу, никогда не были опубликованы. Надо полагать, что склепъ нашъ, а слѣдовательно и его роспись, либо одновременен съ впущенными въ курганъ погребеніями нашего курганнаго кладбища, либо даже старше ихъ, такъ что приведеніе данныхъ объ этихъ погребеніяхъ, насколько они мнѣ извѣстны, представляется не лишеннымъ интереса.

Вещи найденныя въ первой гробницѣ кургана.

Данныя о *первой*, наиболѣе богатой изъ гробницъ, сообщаю согласно описанію, отправленному владѣльцемъ вмѣстѣ съ вещами Вел. Кн. Александру Михаиловичу [1]), дополняя его двумя сообщеніями В. В. Шкорпила Е. М. Придику въ письмахъ отъ 22 декабря 1904 г. и 18 января 1905 г. (сообщенія составлены на основаніи разсказовъ опытнаго надсмотрщика С. Петренка, открывавшаго гробницу).

«Всѣ вещи, говорится въ описаніи, найдены въ каменной гробницѣ [2]), впущенной въ насыпь кургана. Гробница была построена изъ плитъ керченскаго известняка и имѣла: въ длину—3 арш. 8 в., ширину—1 арш. 8 в. и глубину—2 арш. 8 в.; полъ былъ земляной. Во всѣхъ четырехъ стѣнахъ вырублено было по одной нишѣ. Совершенно истлѣвшій скелетъ лежалъ головой на ю.-в. въ деревянномъ саркофагѣ рѣзной работы, сильно пострадавшемъ отъ сырости. Въ нишѣ за головой ничего не было; въ правой боковой нишѣ лежала бронзовая коробочка, костяной кругъ въ видѣ набалдашника (!?), монета, бронзовый ключъ, остатки желѣзнаго замка и разная желѣзная утварь (кольца, мундштуки, стригиль и пр.) [3]). Въ лѣвой нишѣ стояли два стекляныхъ графина и стаканъ; въ нишѣ надъ ногами стояла глиняная лампочка. Самъ покойникъ былъ положенъ въ саркофагъ на слоѣ лавровыхъ листьевъ [4]) и, повидимому, покрытъ какою-то матеріей, осыпанной листовымъ золотомъ. На правой рукѣ [5]) нашелся золотой браслетъ изъ двухъ частей, на лѣвой—кольцо золотое съ рѣзнымъ камнемъ [6]), около лѣваго бедра лежалъ мечъ, а около праваго—ножъ и позолоченная пуговка [7]). Въ ногахъ лежали: шесть слезницъ [8]), пряжка, серебряныя полукруглыя и продолговатыя пластиночки. Гипсовыя украшенія (фигуры Ніобидовъ) лежали вокругъ всего саркофага».

Саркофагъ.

Рѣзныя части *саркофага*, отправленныя Вел. Кн. Александру Михаиловичу, были имъ пожертвованы въ Эрмитажъ и опубликованы Вацингеромъ (Watzinger, Griech. Holzs., 50 сл., № 33, рис. 108—111). Саркофагъ — очень типичный для юга Россіи—съ колонками позднѣйшаго періода, особенно сильно напоминаетъ саркофагъ гробницы, найденной въ 1883 г. (Watzinger, l. l., 49 сл., № 52) приблизительно въ той же мѣстности (О. И. А. К., 1882—1888 г., стр. 35 сл.). Вещи, найденныя въ этомъ саркофагѣ, и обрядъ погребенія почти тожественны съ вещами и обрядомъ нашего; время ихъ точно опредѣлено быть не можетъ; во всякомъ случаѣ, онѣ не позже первой половины II в. Тотъ же, приблизительно, типъ даетъ и саркофагъ 1874 такъ же, какъ и нашъ, украшенный гипсовыми фи-

[1]) Составлено въ ноябрѣ 1900 г.

[2]) Эту гробницу я видѣлъ и данныя объ ея архитектурѣ провѣрилъ.

[3]) Вѣроятно, уздечка лошади, какъ часто въ гробницахъ римскаго времени, см. выше о Зайцевскомъ склепѣ.

[4]) Судя по письму Шкорпила, листья лежали только подъ изголовьемъ, подъ остальнымъ тѣломъ слой почернѣвшей и истлѣвшей травы.

[5]) Выше локтя (Шкорпилъ).

[6]) Сердоликъ, изображенъ бюстъ (Шкорпилъ).

[7]) На тазовой кости; повидимому, отъ пояса (Шкорпилъ).

[8]) Четыре стекляныя, двѣ глиняныя той же формы и величины (Шкорпилъ).

гурами Ніобидовъ (см. О. И. А. К., 1874 г., IX; 1875, 6 слл.; С. Жебелевъ, Пантикапейскіе Ніобиды (*Матеріалы по арх. Россіи*, 24), 18 сл.; Watzinger, Holzsark., 54, № 35) и саркофагъ съ такими же фигурами, найденный въ 1902 г. (Шкорпилъ, И. И. А. К., 9, 163 слл.). Изъ этихъ саркофаговъ датируется саркофагъ 1874 г., въ которомъ найдена діадема съ такъ называемой индикаціей, оттискомъ монеты имп. Веспасіана (Стефани, О. И. А. К., 1875, табл. II, 1; А. К. Марковъ у Watzinger'а, l. l., 54, 1)[1]. О томъ, къ какой группѣ деревянныхъ саркофаговъ примыкаетъ только что отмѣченная, рѣчь была выше (стр. 215 слл.). Старшимъ саркофагомъ нашей группы, тѣсно примыкающимъ къ группѣ саркофаговъ I в. до Р. Хр. и I в. по Р. Хр., о которой я говорилъ въ только что указанномъ мѣстѣ, несомнѣнно надо считать указанный саркофагъ 1874 г., составляющій соединительное звено между обѣими группами. Весьма вѣроятно поэтому, что нашу группу надо датировать либо самимъ концомъ I в. по Р. Хр., либо началомъ II в. по Р. Хр. Съ этимъ согласуется опредѣленіе монеты, найденной въ нашей гробницѣ, сдѣланное К. Е. Думбергомъ, признавшимъ ее, какъ кажется, монетой Савромата I-го (93—123 г. по Р. Хр.)[2].

Вещи остальныхъ гробницъ кургана.

Совершенно тотъ же характеръ имѣютъ вещи, найденныя въ остальныхъ гробницахъ нашего кургана. Выписываю данныя о нихъ изъ перваго изъ указанныхъ выше писемъ В. В. Шкорпила.

«*Другая* гробница, находившаяся въ насыпи того же кургана, была тоже каменная, но меньшихъ размѣровъ. Оріентировка всѣхъ семи гробницъ была одинакова; всѣ костяки лежали головами на ю.-в. Въ стѣнахъ этой второй гробницы, какъ и пяти остальныхъ, нишъ не оказалось. Деревянный саркофагъ былъ гладокъ, безъ всякихъ украшеній. На правой рукѣ костяка найденъ такой же дутый золотой браслетъ, какъ и въ первой гробницѣ, но меньшихъ размѣровъ; надѣтъ былъ на руку ниже локтя. На лѣвой рукѣ былъ золотой перстень съ рѣзнымъ сердоликомъ, украшеннымъ изображеніемъ какой-то стоящей фигуры. За гробомъ, въ ногахъ костяка, стояли два стекляныхъ бальзамарія и одноручный стекляный сосудъ. Тутъ же находился еще стекляный стаканъ, но онъ былъ раздавленъ упавшей доской саркофага. *Третья* гробница найдена ограбленной[3])...

Въ *четвертой* каменной гробницѣ, въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу найдено: на головѣ костяка нѣсколько кусочковъ листового золота отъ погребальнаго вѣнка и крученыя золотыя сережки, на лѣвой рукѣ гладкое золотое кольцо, въ ногахъ стекляный шарообразный сосудъ безъ ручекъ.

Въ *пятой* каменной гробницѣ лежалъ дѣтскій костякъ. На груди его найдены четыре золотыхъ медальона, кажется, съ изображеніемъ головы Медузы, на шеѣ бусы и разныя подвѣсочки изъ голубой египетской пасты, имѣющія форму львовъ, лягушекъ, жуковъ и пр. Часть бусъ была сдѣлана изъ сердолика и халцедона. Въ ногахъ костяка оказались двѣ терракоттовыя фигурки, одна безъ головы. На головѣ костяка найдены золотыя звѣздочки, не менѣе 10 экземпляровъ». О содержаніи двухъ остальныхъ гробницъ свѣдѣній не имѣется.

---

[1]) Композиція фигуръ Ніобидовъ, какъ доказалъ С. А. Жебелевъ, по времени своего происхожденія относится къ гораздо болѣе раннему времени (IV вѣкъ до Р. Хр.). И въ этомъ, такимъ образомъ, какъ и въ новомъ расцвѣтѣ колончатыхъ саркофаговъ, мы имѣемъ возобновленіе старой, можетъ быть, временно заглохшей традиціи.

[2]) Шкорпилъ, Письмо отъ 18 января 1905 г.

[3]) В. В. Шкорпилъ считаетъ возможнымъ, что это единственная гробница, открытая при прежнихъ раскопкахъ Керченскаго музея.

Я уже говорилъ, что значительная часть вещей, указанныхъ въ приведенныхъ описаніяхъ, главнымъ образомъ, вещи первой гробницы (за исключеніемъ рѣзного саркофага) поступили въ собраніе Вел. Кн. Александра Михаиловича, но многое и посейчасъ еще находится у владѣльца участка нот. Фельдштейна, который любезно разрѣшилъ мнѣ воспользоваться снятыми съ нихъ фотографіями. Хотя означенныя вещи прямого отношенія къ расписному склепу не имѣютъ, я все-таки для полноты моего изложенія и опредѣленія характера и времени позволяю себѣ сказать о нихъ нѣсколько словъ, присоединяя краткое описаніе отдѣльныхъ вещей. Укажу здѣсь же, что часть вещей, очевидно, найдена въ 5-й дѣтской гробницѣ, остальныя либо въ 6-й и 7-й, либо въ другихъ гробницахъ, описанія находокъ въ которыхъ въ моемъ распоряженіи не имѣется.

Всѣ вещи по стилю и по времени чрезвычайно однородны; старшія изъ нихъ не могутъ восходить ко времени болѣе раннему, чѣмъ вторая половина I в. по Р. Хр.

Таковы, прежде всего сосуды: два красной глины, три обычныхъ стеклянныхъ. Таковы и гипсовыя украшенія саркофаговъ; 5 головъ Медузы на четыреугольныхъ пластинкахъ, двѣ головы Медузы (разныхъ штамповъ), сработанныя отдѣльно, три амура на дельфинахъ и 4 пегаса, взлетающихъ съ земли. Вполнѣ обычны и золотыя вещи. Изъ нихъ характерны для II в. по Р. Хр. двѣ бляшки-подвѣски съ двумя ушками съ изображеніемъ Афродиты съ Эротомъ на нихъ (см. Marshall, Catalogue of the jewellery. British Mus., London, 1911, № 2883—2888, особенно 2886 изъ Ольвіи, ср. О. И. А. К. 1866, табл. II, 35, стр. 78; 1873, табл. III, 13, 56 и др. и 2888) [1]) и три пары серегъ (ср. Marshall, ibid., 2473, 2486 и 2569, ср. 2464, найденную съ монетами императорскаго времени не позже Адріана).

Очень интересны серія печатей (такъ называемыхъ пронизей) и серія амулетовъ для ожерелья изъ египетской пасты (изъ 5-й гробницы). Всѣхъ печатей четыре: 1) Скарабеовидный халцедонъ со сквознымъ отверстіемъ въ длину. Мѣдное кольцо. Два борющихся эрота впрямь. 0,027—0,022. 2) Такой же халцедонъ. Мѣдное кольцо Стоящій быкъ вправо. 0,027—0,021. 3) Синяя египетская паста. Обѣ стороны выпуклыя. Форма овальная. Въ отверстіи слѣды серебряной проволоки. На одной сторонѣ: Тиха вправо съ рогомъ и рулемъ; на другой—Паллада вправо, въ шлемѣ, со щитомъ и копьемъ. 0,03—0,027. 4) Такая же изъ стекла малиноваго цвѣта. На одной сторонѣ—эротъ влѣво, доящій козу, на другой—эротъ-охотникъ влѣво, достающій стрѣлу (?); передъ нимъ собака.

Среди десяти подвѣсокъ изъ египетской пасты, вполнѣ обычныхъ и особаго описанія не заслуживающихъ, отмѣчу медальонъ съ бюстомъ Сераписа довольно экспрессивной работы [2]). Не заслуживаютъ особаго описанія и нѣсколько десятковъ бусъ и подвѣсокъ изъ сердолика, горнаго хрусталя, халцедона, аметиста, янтаря, египетской пасты, лигнита, разноцвѣтной композиціи, стекла и перламутра.

Вся полученная до сихъ поръ однородная картина некрополя II в. по Р. Хр. нарушается только находкой около склепа чернолаковой желобчатой пелики съ золоченымъ ожерельемъ на шеѣ IV—III в. до Р. Хр. Если пелика дѣйствительно найдена тамъ, то гробница, въ которой она стояла, вѣроятно, выстроена была задолго до насыпки кургана.

---

[1]) Ср. Ростовцевъ, И. И. А. К., 49, 27, 1. Древнѣйшія медальоны этого типа относятся, впрочемъ, еще къ ранне-эллинистическому времени, см. О. И. А. К., 1879, XLIV сл.; 1880, 6; Русск. Др., 54 слл.; Minns, Scythians and Greeks, 430 слл. (Артюховскій курганъ).

[2]) О находкахъ этого рода на югѣ Россіи см. B. Touraieff, *Rev. arch.*, 1911, II, 32 слл.

Хронологіи всего некрополя не противорѣчатъ и упомянутыя выше вещи, найденныя въ самомъ склепѣ. Не противорѣчитъ указанной датировкѣ и анализъ росписи.

Анализъ росписи.

Переходя теперь къ *анализу росписи*, я долженъ прежде всего замѣтить, что рѣчь о датѣ и распространеніи инкрустаціоннаго стиля вообще будетъ во второй части моей работы, гдѣ сопоставлены будутъ всѣ относящіяся къ этому вопросу данныя [1]). Здѣсь я отмѣчу только особенности данной гробницы. Въ ней, прежде всего, важно то, что мы имѣемъ передъ собою первый примѣръ чисто инкрустраціоннаго стиля безъ примѣси стиля цвѣточнаго (можетъ быть, только въ одной изъ нишъ имѣются слѣды разбросанныхъ по бѣлой штукатуркѣ лепестковъ) и только съ небольшимъ количествомъ фигурныхъ сюжетовъ (только у входа во вторую камеру). Конечно, не исключена возможность того, что изображенія фигурныя помѣщены были въ несохранившихся люнеткахъ.

Въ связи съ этимъ очень важно, что роспись сохранилась до самой пяты свода и даетъ обычное тройное дѣленіе стѣны, причемъ верхній фризъ орнаментованъ по тому же принципу инкрустаціи, что и средняя часть стѣны, съ присоединеніемъ къ этому мотиву мотива схематической гирлянды. Возможно, впрочемъ, что и гирлянду нужно представлять себѣ въ оригиналахъ подобнаго рода росписей не написанной или подвѣшенной, а инкрустированной въ мраморную основу фриза.

Интересно соединеніе въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ въ одной бѣдной росписи псевдо-исодомнаго типа, въ другой богатой инкрустаціонной. Ясно, что такъ называемая псевдо-исодомная роспись сама по себѣ для датировки служить не можетъ: вспомнимъ примѣры такой росписи изъ III в. до Р. Хр. въ болѣе бѣдныхъ помѣщеніяхъ расписныхъ склеповъ.

Наконецъ, очень любопытенъ способъ дѣленія отдѣльныхъ инкрустированныхъ полей средней части стѣны второй комнаты натуралистическими зелеными тирсами вмѣсто тѣхъ массивныхъ колоннъ, которыя мы будемъ наблюдать и въ Ашиковской, и въ Стасовской гробницахъ, и въ саркофагѣ 1900 г. Сама собою напрашивается параллель изъ области развитія архитектурной росписи, главнымъ образомъ, въ Италіи и на Западѣ вообще. Въ такъ называемомъ третьемъ стилѣ помпеянской росписи мы имѣемъ, какъ извѣстно, тенденцію къ замѣнѣ колоннъ и пилястровъ легкими канделябрами и другими аналогичными мотивами. Спеціально тирсы дѣлятъ, напримѣръ, декоровку на части въ женскомъ отдѣленіи Стабійскихъ термъ въ Помпеяхъ (въ тепидаріи). Переживаніемъ архитектурнаго стиля являются и легкія пальмовыя колонки съ перевязями въ декоровкѣ надгробнаго памятника въ Адамклиси (см. Studniczka, Tropaeum Traiani, 10, рис. 2 и 68, рис. 34, ср. приведенныя имъ параллели), и, можетъ быть, горизонтально положенные тирсы въ видѣ фриза въ одной недавно открытой расписной комнатѣ около via Sacra на римскомъ форумѣ. Самая форма тирса съ перевязью посрединѣ вполнѣ обычна, см., напримѣръ, Alt. von Pergamon, VII, Skulptur, Text 2, стр. 343 сл., № 435; ср. *Ath. Mitth.*, XXXII (1907), 399; Svoronos, Skulpt. des Ath. Nat.-Mus., табл. LXXX, 3, 6.

[1]) Здѣсь укажу только на одну ближайшую параллель къ росписи нашей гробницы. Это недавно открытая расписная гробница около села Брестовица въ Сербіи недалеко отъ Бѣлграда, см. М. Валтровичъ и М. Васичъ, *Старинаръ*, 1906, 128 слл. Здѣсь мы имѣемъ и инкрустированныя стѣны надъ цоколемъ, причемъ отдѣльныя инкрустированныя стоячія квадры отдѣлены другъ отъ друга узкими квадрами же съ изображенными въ нихъ тирсами, и инкрустированный двойной фризъ надъ средней частью стѣны, и потолокъ изъ касеттъ. Словомъ, полное совпаденіе почти до мелочей. Подробнѣе объ этой гробницѣ, заслуживающей лучшаго изданія, во второй части.

Единственнымъ отклоненіемъ отъ выдержанной инкрустаціонной системы росписи въ нашей комнатѣ является изображеніе на одномъ изъ полей западной стѣны натуралистической корзинки съ фруктами. Несомнѣнно, что появленіе этого изображенія объясняется не столько декоративными, сколько культовыми соображеніями. Напомню, что какъ разъ въ гробницахъ юга Россіи вполнѣ обычнымъ явленіемъ, начиная съ IV в. до Р. Хр., оказывается присоединеніе къ гробничной утвари какъ фруктовъ, главнымъ образомъ, орѣховъ, разбрасываемыхъ въ гробу, такъ и особыхъ плоскихъ плетеныхъ корзинокъ, наполненныхъ фруктами, см., напримѣръ, отчетъ Бѣгичева за 1848 г. (извлеченіе изъ него помѣщено въ Др. Босф. Кимм., 136, № 24) — орѣхи, миндаль, каштаны; О. И. А. К. 1859 г., 12 (саркофагъ Павловскаго кургана); 1873, стр. XVI (Тузла); 1882—1888, стр. XXXVI: двѣ корзинки съ орѣхами, каштанами и миндалемъ [1]). Часто находятъ въ гробницахъ и терракоттовыя изображенія разныхъ фруктовъ, см., напримѣръ, Шкорпилъ, И. И. А. К., 30, 74, № 70. Не знаю правъ ли Э. Р. фонъ-Штернъ (Сборникъ арх. ст., подн. гр. А. А. Бобринскому, 25, табл. III), видя въ блюдѣ, на которомъ лежатъ разнообразные глиняные фрукты и вокругъ котораго сидятъ три фигуры въ позахъ женщинъ на погребальныхъ рельефахъ, дѣтскую игрушку. Мнѣ думалось бы, что мы имѣемъ дѣло съ изображеніями сепулькральнаго характера.

Съ этими находками на югѣ Россіи стоитъ въ тѣснѣйшей связи обычай изображать корзины съ фруктами частью какъ ἐπιθέματα пилястровъ на южно-италійскихъ вазахъ, частью какъ украшеніе гробницъ, частью въ рукахъ лицъ, совершающихъ надгробный культъ (см. примѣры сопоставленные у Pfuhl'я, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, 1905 (XX), 63 сл., ср. R. Pagenstecher, Unteritalische Grabdenkmäler, 121 слл., то же на саркофагахъ, см., напримѣръ, саркофагъ Авреліи Экстрикаты въ Капитолійскомъ музеѣ и др.).

Остается сказать нѣсколько словъ о росписи послѣдней комнаты нашего склепа. Двѣ возможности истолкованія занавѣса, покрывающаго простѣнки и повѣшеннаго между двумя нарисованными колонками (?), казались намъ вѣроятными: представлены могли быть либо по два ложа около каждой ниши, покрытыя каждое пурпурными коврами (какъ въ саркофагѣ изъ Кандіи, гдѣ на ложѣ, покрытомъ ковромъ, можетъ быть, лежала фигура покойника, составлявшая крышку саркофага, см. Altmann, Die Architektur und Ornamentik der ant. Sarkophage, 39 слл., и на безконечномъ количествѣ подобныхъ же изображеній на стѣнахъ гробницъ, стелахъ и саркофагахъ), либо просто простѣнки, обрамленные колоннами и завѣшенные коврами. Первое объясненіе мало вѣроятно, такъ какъ для фигуры въ декоровкѣ нѣтъ мѣста, коверъ же именно свѣшивается, а не покрываетъ что-либо со всѣхъ сторонъ, и, наконецъ, ложе имѣло бы и необычную для Пантикапея форму, и слишкомъ большую высоту. Послѣднее толкованіе, напротивъ, кажется вполнѣ пріемлемымъ, если мы вспомнимъ, что подвѣшенный коверъ является обычнымъ фономъ для большой группы восточно-греческихъ надгробныхъ рельефовъ, а также для ряда греческихъ рельефовъ вотивнаго характера (см. Pfuhl, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1905 (XX), 123 сл.), и примемъ во вниманіе ту роль, которую играетъ коверъ въ помпеянскихъ декоровкахъ, какъ орнаментальный мотивъ, и въ эллинистическихъ пейзажахъ, какъ натуралистическая, характерная для античности, черта.

---

[1]) Особенно часто встрѣчаются этого рода корзинки въ гробницахъ поздне-эллинистическаго и ранняго римскаго времени, см. выше гл. XVIII, стр. 213 слл.

Литература.

М. Ростовцевъ, Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1906, май, отд. класс. фил.), стр. 12. E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, 318.

XXV. Склепъ 1902 г.

(Табл. LXXI; рис. 54).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Превосходную аналогію большому и роскошному склепу въ усадьбѣ нот. Фельдштейна даетъ небольшой склепъ, открытый на Глинищѣ 2 окт. 1902 г. (см. табл. III, i). Къ сожалѣнію, склепъ не сохранился и точнаго плана его, равно какъ и разрѣза при открытіи сдѣлано не было. Роспись также скопирована была не цѣликомъ—снята была только роспись входной плиты и саркофаговъ, роспись же стѣнъ не была ни зарисована, ни снята фотографически. Въ виду этого я могу только повторить подробное описаніе склепа, сдѣланное В. В. Шкорпиломъ, и изданные имъ рисунки (см. табл. LXXI и рис. 54).

Архитектура и роспись склепа.

Въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 9, стр. 150 слл. В. В. Шкорпилъ даетъ слѣдующее описаніе склепа.

«№ 427 (239). За полотномъ желѣзной дороги, влѣво отъ Катерлесскаго моста, на глубинѣ 1,49 м. отъ поверхности земли 2 окт. открыты 4 стѣны каменнаго склепа, сводъ котораго былъ разрушенъ еще въ древнее время. Земля, наполнявшая весь склепъ, была перемѣшана съ множествомъ обломковъ того же мягкаго известняка, изъ котораго была сооружена вся усыпальница. Верхняя часть сводчатыхъ дверей, обращенныхъ на В., тоже оказалась разрушенною и снесенною. Западная стѣна склепа и часть южной на одинъ рядъ камней ниже двухъ другихъ стѣнъ.

На стѣнахъ кое-гдѣ сохранились ничтожные остатки фресковой росписи въ видѣ неправильныхъ четыреугольниковъ (sic!) и круговъ, раскрашенныхъ темно-коричневой и зеленой красками. Въ сѣверной стѣнѣ, направо отъ входа, сдѣлана небольшая ниша.

Склепъ имѣетъ форму четыреугольника, длиною (по сѣв. и юж. стѣнамъ) 3,62 м., шир. (по вост. и зап. стѣнамъ) 2,98 м.; вышина стѣнъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сохранился верхній рядъ камней, 1,92 м. Плиты, изъ которыхъ построены южная и сѣверная стѣны, имѣютъ 0,53 м. толщины, плиты же другихъ двухъ стѣнъ—0,44.

Ко входу ведетъ съ вост. стороны, отъ полотна желѣзной дороги, широкій корридоръ, имѣющій 1,24 м. длины и 1,92 ширины; построенъ онъ изъ плитъ толщиною въ 0,53 м.

Входъ въ склепъ съ внутренней стороны былъ закрытъ плитою изъ плотнаго известняка вышиною 2,07 м., шириною 1,25, толщиною 0,17; вся сторона плиты, обращенная къ склепу, была покрыта бѣлой штукатуркой, образующей большое бѣлое поле, изъ середины котораго глядѣлъ въ склепъ страшный ликъ Медузы съ крыльями на головѣ и змѣями подъ подбородкомъ; штукатурка отвалилась во многихъ мѣстахъ, но сохранилась, къ счастью, какъ разъ тамъ, гдѣ древній живописецъ написалъ Медузу (см. табл. LXXI, 1).

На полу склепа стояли 4 саркофага изъ мягкаго известняка; изъ нихъ три, стоявшіе параллельно сѣверной и южной сторонамъ, были приблизительно одной величины, именно 2,28 м. длины, 0,72 ширины и 0,75 высоты; толщина стѣнокъ саркофаговъ—0,135 м. Въ правомъ углу возлѣ входа стоялъ дѣтскій саркофагъ шириною 0,64 м., длиною 1,06, вышиною 0,75.

Въ склепѣ стояли первоначально только два большіе саркофага, помѣщенные вдоль сѣверной и южной стѣнъ; средній и дѣтскій поставлены позже. Къ такому выводу можно придти на основаніи слѣдующихъ соображеній: первые два саркофага поставлены на низкихъ подставкахъ, тщательно сложенныхъ изъ плитокъ мягкаго известняка и оштукатуренныхъ по краямъ точно такъ же, какъ и стѣны склепа и весь полъ, который состоялъ тоже изъ правильныхъ плитокъ и былъ выкрашенъ

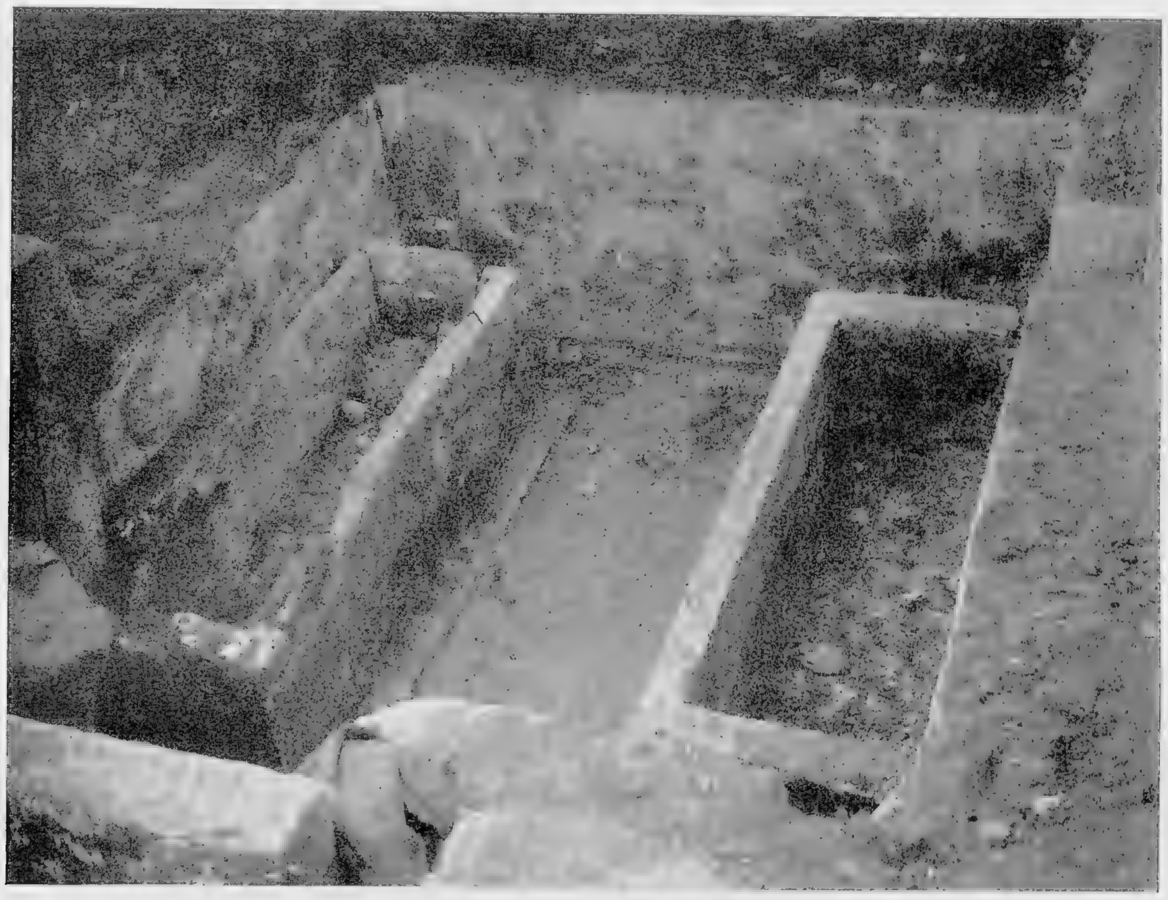


Рис. 54. Видъ склепа съ расписными саркофагами.

въ ярко-красный цвѣтъ; средній и дѣтскій саркофаги плохо обтесаны, не оштукатурены и поставлены прямо безъ всякихъ подставокъ на выкрашенный полъ.

Красота отдѣлки боковыхъ саркофаговъ увеличивается еще тѣмъ, что вся передняя сторона ихъ украшена виноградными лозами, чернымъ карнизомъ и цоколемъ, состоящимъ изъ красноватой и черной полосокъ (см. табл. LXXI, 2). Отъ украшенія саркофага, стоящаго влѣво отъ входа, сохранились самые незначительные остатки. Въ склепѣ оказалась только одна разбитая крышка отъ саркофага, лежавшая между среднимъ и южнымъ саркофагомъ.

Влѣво отъ входа, подъ поломъ, оказалась дѣтская гробница или, можетъ быть, тайникъ длиною 0,74 м., шириною 0,42, глубиною 0,43 м. Странно, что это углубленіе было наполнено землею, смѣшанной съ осколками известняка и закрыто плитами, поверхность которыхъ была тщательно оштукатурена точно такъ же, какъ и весь полъ.

Вещи, найденныя въ склепѣ.

Въ склепѣ найдены слѣдующія вещи, забытыя древними грабителями:

1) бронзовая монета царя Котиса II-го (123—131 г. по Р. Хр.); Бурачковъ, XXIX, 176;

2) серебряный перстень съ рѣзнымъ сердоликомъ въ позолоченной оправѣ, на которомъ изображенъ римскій воинъ, шагающій влѣво;

3) медальонъ, состоящій изъ рѣзного камня съ изображеніемъ воина, обращеннаго вправо, въ золотой оправѣ;

4) три дутыя золотыя бусы (двѣ раздавлены) и одна разноцвѣтная;

5) золотыя привѣски, бляшки и остатки золотого вѣнка;

6) стекляный бальзамарій съ красивою окисью;

7) четыре бронзовые предмета: пряжечка, колокольчикъ, кольцо и вещица неизвѣстнаго назначенія.

Не раздавленная золотая буса лежала подъ плитой пола въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дѣтскій саркофагъ, а бальзамарій—между южной стѣной склепа и задней стѣной саркофага, поставленнаго возлѣ этой стѣны. Промежутокъ надъ ними (между ними?) былъ наполненъ бутомъ и тщательно оштукатуренъ».

Отъ этой гробницы нынѣ сохранились только входная плита съ головой Медузы и плита съ изображеніемъ виноградной лозы одного изъ саркофаговъ. Обѣ плиты помѣщены въ лапидаріи Царскаго кургана.

Анализъ архитектуры и росписи склепа.

Уже изъ описанія видно, что передъ нами и въ смыслѣ постройки, и въ смыслѣ росписи Фельдштейновскій склепъ въ миніатюрѣ. Къ сожалѣнію, стѣны нигдѣ не сохранились до пяты свода, такъ что не представляется возможнымъ сказать, вѣнчалъ ли и здѣсь стѣны столь характерный для склеповъ римскаго времени карнизъ.

Очень надо пожалѣть о томъ, что не сдѣлано было попытки зарисовать хотя бы схему росписи стѣнъ. Вышеприведенное суммарное описаніе, правда, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что передъ нами типичный образчикъ инкрустаціонной росписи съ вписанными въ имитированныя живописью мраморныя плиты кругами и ромбами. Ромбы, какъ и въ склепѣ Фельдштейна, имѣютъ частью квадратную, частью удлиненную форму. Но неяснымъ остается общее распредѣленіе декоровки. Судя по тому, что обѣ длинныя стороны склепа занимали плотно примкнутые къ стѣнамъ саркофаги, можно думать, что эти саркофаги со своею богатою росписью составляли какъ бы цоколь этихъ стѣнъ, надъ которымъ шли средняя и верхняя части, первая съ инкрустаціонной росписью вышиною, по крайней мѣрѣ, въ 1,17 м. Не скрою, однако, что на этихъ стѣнахъ цоколь получается очень высокій, въ 1½ раза выше цоколя Фельдштейновскаго склепа и что поэтому на задней стѣнѣ, гдѣ роспись не была стѣснена саркофагами, отношенія, вѣроятно, были иныя. Весьма вѣроятно также, что надъ средней частью стѣны шла еще и верхняя полоса, такъ какъ въ Фельдштейновской монументальной гробницѣ средняя часть стѣны имѣетъ вышину около одного метра.

Къ сожалѣнію, обо всемъ этомъ приходится гадать, тогда какъ измѣреніе сохранившихся круговъ и остальныхъ сохранившихся частей росписи не оставило бы никакого сомнѣнія въ системѣ распредѣленія росписи.

Установленная выше ближайшая аналогія архитектуры, а также ближайшее сходство всего внутренняго убранства и икрустаціонной геометрической росписи нашего и Фельдштейновскаго склеповъ особенно важны потому, что подтверждаетъ выше установленную датировку Фельдштейновскаго склепа. Находка въ нашемъ склепѣ монеты Котиса II-го вмѣстѣ съ вещами, живо напоминающими

вещи Фельдштейновскаго склепа, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что оба склепа одновременны и принадлежатъ первой половинѣ II в.

Голова Медузы и виноградная лоза.

Останавливаетъ затѣмъ на себѣ вниманіе роспись входной плиты и внѣшнихъ стѣнокъ саркофаговъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что бойко, хотя и грубо, написанная голова Медузы имѣетъ апотропэическое значеніе. Въ этомъ отношеніи она играетъ ту же роль въ нашей гробницѣ, что голова Медузы въ центрѣ свода гробницы 1873 г. и голова Силена въ склепѣ Сорака, а также многочисленныя изображенія дурного глаза на половыхъ мозаикахъ гробницъ и зданій Италіи и римскихъ провинцій (объ этомъ подробнѣе во второй части) [1]. Характерно въ нашей гробницѣ то, что голова Медузы повернута внутрь могилы, т. е. что апотропэй направленъ не противъ входящаго въ могилу, а противъ покойника. Передъ нами апотропэй, преграждающій покойнику выходъ изъ гробницы, охраняющій отъ него живыхъ.

Изображеніе виноградной лозы на внѣшней стѣнкѣ саркофага надо, конечно, поставить въ связь съ достаточно хорошо извѣстнымъ погребальнымъ значеніемъ Діонисовскихъ аттрибутовъ. Лоза здѣсь имѣетъ то-же значеніе, что лоза, осѣняющая изображеніе такъ называемой загробной трапезы въ склепѣ, открытомъ Ашикомъ.

Для оцѣнки умѣнья мастера, расписывавшаго гробницу, укажу на живость и декоративное мастерство изображенія виноградной лозы, очень эффектно заполняющей предоставленное ей поле. Это мастерство сближаетъ нашего художника съ тѣмъ, который расписывалъ Зайцевскій склепъ, и отдѣляетъ его отъ тѣхъ, которые дѣлали плафоны гробницъ Стасовской и 1873 г. [2]). Съ мастеромъ Зайцевскаго склепа сближаетъ нашего и эффектная грубость головы Медузы, напоминающая, до извѣстной степени, голову Деметры въ Зайцевскомъ склепѣ. Упомяну еще, что роспись въ нашемъ склепѣ, какъ и въ Фельдштейновскомъ, сдѣлана несомнѣнно не темперой, а либо al fresco, либо при помощи другой болѣе прочной, чѣмъ темпера, процедуры, что отличаетъ ее отъ росписи гробницъ, вырѣзанныхъ въ скалѣ, и сближаетъ съ росписью склепа Васюринской горы и керченскихъ эллинистическихъ домовъ. Правда, роспись нашихъ склеповъ I—II в. по Р. Хр. не имѣетъ того блеска и глянцовитости, который отличаетъ

[1]) См. среди многочисленныхъ примѣровъ апотропэическихъ головъ Медузы въ гробницахъ интересный примѣръ головы Медузы (бородатой) на двери гробницы изъ Целейи (Cilli) въ Норикѣ, Catalogo della Mostra arch. nelle Terme di Diocleziano, Roma, 1911, 55, ср. Strong, *Journ. of Rom. St.* I, 19 сл. Вообще на саркофагахъ и надгробныхъ стелахъ, алтаряхъ и урнахъ римскаго времени голова Медузы вполнѣ обычна. Примѣры можно найти въ любой публикаціи, см. хотя бы S. Reinach, Rep. d. rel., II, passim. О головѣ Медузы, какъ апотропэѣ, литература колоссальна. По замѣчанію Вольтерса, *Bonner Jahrb.*, 118 (1909), 262, 3 Tuchman въ оставшейся мнѣ неизвѣстной статьѣ «La fascination», помѣщенной въ сборникѣ *Melusine* (Recueil publié par H. Gaidoz), IX (1898—1899) заполнилъ одними именами авторовъ и заглавіями статей 10 столбцовъ. Для облегченія быстрой оріентировки во всей этой массѣ назову новѣйшія работы по вопросу о дурномъ глазѣ и апотропэяхъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ голова Медузы. См. Gruppe, Gr. Myth., 1906, 902, 3; Kropatschek, De amuletorum usu apud antiquos (1907), особ. 27, 5; Seligmann, Der böse Blick und Verwandtes, Berlin 1910; Pauly-Wissowa, R. E., s. v. Fascinum (Kuhnert); Hastings, Encycl. of Religion and Ethics, ст. Charms and amulets (Deubner — Греція, Wünsch — Римъ), III, стр. 435.

[2]) Поразительно сходство нашей виноградной лозы съ такой же въ извѣстной катакомбѣ Домитиллы въ Римѣ (см. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. I), роспись которой приписывается Вильпертомъ еще I в. по Р. Хр. По бравурности письма виноградная лоза нашей гробницы ничѣмъ не ниже лозы катакомбы Домитиллы; исполненіе, однако, нѣсколько тяжелѣе и грубѣе.

вышеупомянутые памятники III в. до Р. Хр., но тѣмъ не менѣе краска очень прочно соединилась съ штукатуркой, не осыпается подъ вліяніемъ сухого воздуха и не смывается даже обильными потоками воды, которыми чуть ли не ежедневно окатываетъ наши росписи сторожъ Царскаго кургана, желая оживить краски для посѣтителей лапидарія.

Было бы очень желательно предпринять научный техническій анализъ различныхъ памятниковъ живописи въ Керчи: и живописи III в. до Р. Хр. по штукатуркѣ и по камню, и живописи, вырѣзанныхъ въ скалѣ погребальныхъ комнатъ, и живописи нашихъ склеповъ римскаго времени [1]).

Литература.

В. В. Шкорпилъ, *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 9, 150—152, № 427 (289), табл. IX—XI; *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1902 г., стр. 50.

[1]) Впрочемъ, о техникѣ живописи въ гробницахъ Боспорскаго царства и Херсонеса рѣчь будетъ еще во второй части этого труда.

XXVI. Склепъ 1901 г.

(Рис. 55, 56).

Найденъ былъ склепъ 25 іюля 1901 г. на площади такъ называемаго Собачьяго кургана возлѣ сада Антонія ди Пасквале. Послѣ снятія плана и разрѣза, а также послѣ фотографированія его росписи сохраненъ не былъ; нынѣ, вѣроятно, разрушенъ. Точное описаніе склепа дано было В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* вып. 7, стр. 75 слл., которое частью и воспроизвожу, равно какъ и приложенные рисунки (см. рис. 55, 56). Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Найденъ былъ склепъ разрушеннымъ и ограбленнымъ, оріентированъ съ сѣвера на югъ. «Весь потолокъ и почти вся сѣверная (т. е. задняя) стѣна, за исключеніемъ цоколя, уничтожены. Съ западной стороны сохранился весь цоколь и часть стѣны длиною въ 2,66 м.». Надъ частью этой стѣны сохранился выступъ (0,07—0,08 м. выс.) въ видѣ широкой полосы, шир. 0,24 м. Часть стѣны съ выступомъ сохранилась и на восточной сторонѣ. Отъ южной стѣны, въ которой былъ сдѣланъ входъ, сохранилась только восточная часть съ кускомъ упомянутаго уже выступа (дл. 0,43) и съ кускомъ свода въ юго-восточномъ углу (в. 0,23, шир. 0,88). Архитектура склепа.

Склепъ, такимъ образомъ, представлялъ собою небольшую погребальную комнату безъ дромоса съ дверью, вѣроятно, заваленной плитой, въ южной стѣнѣ. Крытъ онъ былъ полуцилиндрическимъ, довольно плоскимъ сводомъ. Сложены были какъ стѣны, такъ и сводъ, изъ тщательно отесанныхъ плитъ мѣстнаго известняка. Высота склепа отъ основанія свода до поверхности земли — 2,20 м., высота стѣнъ — 1,53, длина западной и восточной стѣны—3,37, сѣверной и южной—3,17.

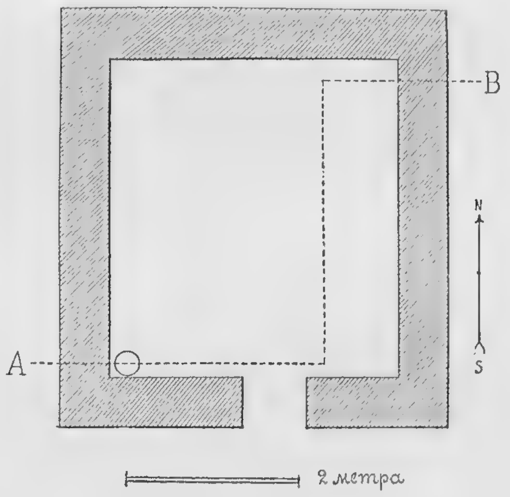


Рис. 55. Планъ склепа 1901 г.

Характерной особенностью архитектуры нашего склепа является описанная уже выступающая полоса, проходящая не подъ самымъ началомъ свода, а на нѣкоторомъ отъ него разстояніи и не играющая поэтому роли карниза. Можно было бы думать, что наша полоса поддерживала деревянный досчатый потолокъ [1]), но это мало вѣроятно, какъ въ виду сравнительной незначительности выступа, такъ особенно въ виду того, что потолокъ закрывалъ бы роспись свода, несомнѣнно, существовавшую.

[1]) Нѣчто подобное существовало, какъ извѣстно, въ части Куль-обскаго склепа, но тамъ это имѣло совсѣмъ особый смыслъ.

Въ виду этого приходится думать, что выступъ относится не столько къ архитектурѣ, сколько къ декоровкѣ склепа, хотя слѣдовъ росписи на немъ не сохранилось.

Роспись склепа.

Весь склепъ, включая и сводъ, былъ оштукатуренъ и расписанъ. *Роспись* стѣнъ сдѣлана въ чистомъ инкрустаціонномъ стилѣ сравнительно грубо и примитивно. Надъ цоколемъ, цвѣтъ котораго въ описаніи Шкорпила не указанъ, идетъ средняя часть стѣны, разбитая на рядъ четыреугольниковъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга сплошными полосками. Такихъ четыреугольниковъ на западной и восточной сторонахъ было по четыре (сохранилось на западной два цѣлыхъ и кусокъ третьяго, на восточной—одинъ цѣлый и три неполныхъ), на южной входной — три, изъ которыхъ одинъ (сохранившійся) налѣво отъ дверей, два—направо. На задней стѣнѣ сохранился только цоколь.

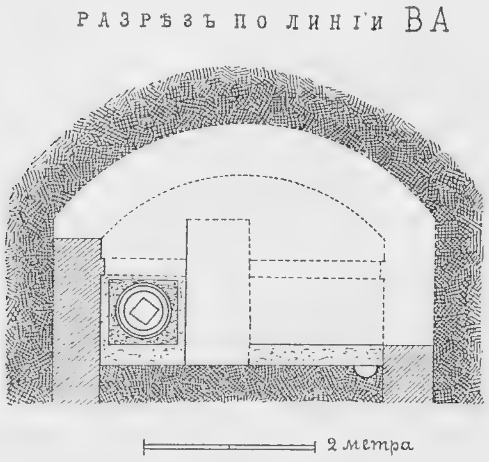


Рис. 56. Разрѣзъ склепа 1901 г.

Четыреугольники всѣ приблизительно одинаковой величины (шир. 1,03—1,10 м., выш. 0,89—0,99) и одинаково орнаментованы. Въ каждый вписано по три концентрическихъ круга, а въ наименьшій изъ этихъ круговъ по ромбу. Діаметръ наибольшаго круга равенъ 0,85 м., второго—0,77, третьяго—0,45. Каждый четыреугольникъ обведенъ красною линіей, отдѣляющей его отъ цоколя и дѣлящихъ полосокъ. Фонъ его мраморированъ красными линіями по желтому фону, дѣлящія полосы также мраморированы красными линіями по зеленому фону. Фонъ круговъ — красный, дѣленія между отдѣльными кругами, намѣченныя циркулемъ, и рамки ромбовъ сдѣланы бѣлыми линіями. Отъ декоровки сводовъ сохранились незначительные остатки на кускахъ штукатурки, найденныхъ на полу склепа. Судя по словамъ Шкорпила, «сводъ склепа былъ украшенъ фресковыми изображеніями разныхъ цвѣтовъ и фруктовъ; остатковъ обычныхъ въ катакомбахъ украшеній, представляющихъ птицъ и другихъ животныхъ, на штукатуркѣ не оказалось». Указанія эти, къ сожалѣнію, настолько неопредѣленны, что не даютъ возможности съ точностью сказать, имѣемъ ли мы передъ собой роспись типа Зайцевскаго склепа или роспись типа склеповъ Стасовскаго, 1873 г. и под.

Былъ ли окрашенъ полъ или нѣтъ, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось. Любопытна, однако, слѣдующая особенность склепа. «Въ лѣвомъ углу отъ входа обнаруженъ ограбленный «потайникъ», засыпанный пескомъ; «потайникъ» представляетъ воронкообразное углубленіе, стѣнки котораго были покрыты слоемъ извести (т. е. штукатурки?) съ раскрашенными пятнами, подобными тѣмъ, которыми украшены стѣны». Врядъ ли, конечно, можно считать это оштукатуренное и расписанное подъ мраморъ воронкообразное отверстіе «потайникомъ». Отверстіе это напоминаетъ мнѣ такой же «потайникъ» въ склепѣ 1902 г., особенно же описанные выше βόθροι около склеповъ Б. Близницы и Васюринской горы. Весьма вѣроятно, что передъ нами отверстіе для совершенія возліяній во время или послѣ похоронъ, возліяній, можетъ быть, кровавыхъ.

Система декоровки нашей гробницы намъ въ достаточной мѣрѣ знакома. Новымъ элементомъ является только выступающая полоса, отдѣляющая среднюю часть стѣны отъ недекорированной верхней. Мнѣ думается, что въ этой выступающей полосѣ мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ тѣхъ дѣлящихъ полосъ, укра-

шенныхъ орнаментами и выступающихъ надъ поверхностью стѣны, которыя такъ характерны для восточнаго ранняго аспекта такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля, прямымъ развитіемъ котораго, минуя такъ называемый архитектурный стиль декоровки, является, какъ увидимъ во второй части, нашъ инкрустаціонный стиль. Въ Фельдштейновскомъ склепѣ мы имѣемъ нѣчто подобное въ дѣлящей черной полоскѣ, раздѣляющей какъ цоколь отъ средней части стѣны, такъ и среднюю часть отъ верхней, т. е. помѣщенной какъ разъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ такъ называемомъ первомъ стилѣ мы имѣемъ широкіе дѣлящіе пояса.

Трудно, однако, предположить, чтобы наша выступающая полоса или полочка была исключительно только декоративнымъ пережиткомъ. Весьма вѣроятно, что она имѣла, какъ это, вѣроятно, было и въ монументальныхъ прототипахъ такъ называемаго перваго стиля, практическое назначеніе. Скорѣе всего здѣсь, какъ въ эллинистическихъ гробницахъ Неаполя, полочка замѣняла собою ниши: на ней разставлена была погребальная утварь, главнымъ образомъ, стеклянные сосуды и глиняныя лампы. Толщина выступа (0,08) для этого вполнѣ достаточна. Этимъ объясняется и то, что надъ полочкой идетъ еще вертикальная часть стѣны и только надъ этой частью стѣны начинается сводъ.

Вещи, найденныя въ склепѣ и дата склепа.

Въ склепѣ, судя по найденнымъ восьми черепамъ, схороненъ былъ послѣдовательно рядъ покойниковъ. Уцѣлѣвшія отъ разграбленія вещи показываютъ, что погребенія были сравнительно богаты. Шкорпилъ перечисляетъ слѣдующія находки: «1) двѣ продолговатыя золотыя бусы и кусочекъ листового золота; 2) четыре бусы изъ синяго стекла и пять изъ разноцвѣтной пасты; 3) обломки серебрянаго браслета; 4) пять бронзовыхъ браслетовъ разной величины; 5) двѣ бронзовыя пряжки простой формы; 6) разломанная бронзовая фибула; 7) бронзовая серьга съ многограннымъ концомъ; 8) разломанное бронзовое зеркало (д. 0,045): 9) кусочки истлѣвшаго дерева съ бронзовыми гвоздями; 10) два стеклянныхъ бальзамарія и маленькая ручка стеклянаго сосудика; 11) костяныя пластинки и украшенія шкатулки; 12) гипсовыя украшенія отъ саркофага».

Утварь, такимъ образомъ, типичная для погребеній II в. по Р. Хр. съ характернымъ саркофагомъ, покрытымъ гипсовыми украшеніями, типичными туалетными шкатулками, украшенными костяными пластинками и бронзовыми гвоздями, съ обычными конскими уздечками и обиліемъ стекляной посуды. Погребены были здѣсь, судя по этимъ остаткамъ утвари, и женщины, и мужчины.

Къ сожалѣнію, на основаніи этихъ находокъ, болѣе или менѣе точной даты все-таки установить нельзя.

Литература.

В. В. Шкорпилъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 7, стр. 75, № 9, *Отчетъ Имп. Арх. Комм.* за 1901 г., стр. 57 сл.

XXVII. Склепъ 1884 г.

(Табл. LXIIX).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ склепъ 27 іюня 1884 г. случайно на южной покатости Митридата близъ известковыхъ печей Змаги. Какъ и большинство склеповъ этого типа, оказался разоренным и разграбленнымъ. По очисткѣ, со склепа снятъ былъ художникомъ Гроссомъ планъ, сдѣланъ продольный разрѣзъ и скопирована въ краскахъ роспись. Эти рисунки опубликованы не были, въ отчетѣ же за 1884 г. помѣщено было лишь нѣсколько словъ объ открытомъ сооруженіи и его росписи. Послѣ открытія склепъ, какъ водится, былъ брошенъ на произволъ судьбы, и камни, изъ которыхъ онъ былъ сложенъ, были растасканы. В. В. Шкорпилъ, осматривавшій курганъ, гдѣ открытъ былъ склепъ, не нашелъ отъ него ни малѣйшаго слѣда. Къ сожалѣнію, и съемка Гросса оставляетъ рядъ сомнѣній. Такъ, не вполнѣ ясно, на какую высоту сохранились стѣны склепа. Если приложенный масштабъ относится и къ разрѣзу, что вѣроятно, и если онъ выдержанъ и для высоты стѣнъ, то стѣны окажутся сохранившимися не болѣе, чѣмъ на $1^{1}/_{2}$ м.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа обычная. Передъ нами большое погребальное помѣщеніе изъ двухъ почти одинаковыхъ комнатъ, вѣроятно, крытыхъ полуцилиндрическимъ сводомъ. Въ склепъ ведетъ дромосъ, къ которому спускаются три ступеньки. Дромосъ былъ, вѣроятно, открытымъ. Входъ изъ него въ первую погребальную комнату былъ заваленъ массивной плитой. Оріентированъ былъ склепъ съ сѣвера на югъ.

Роспись склепа.

Роспись сохранилась только на боковыхъ стѣнахъ первой комнаты. Гроссъ опредѣленно отмѣчаетъ, что во второй комнатѣ роспись тоже была, но не сохранилась. Съемка Гроссомъ росписи первой комнаты даетъ разныя схемы ея для восточной и западной боковыхъ стѣнъ; это врядъ ли объясняется тѣмъ, что въ восточной стѣнѣ этой комнаты имѣлась ниша. Впрочемъ, эта особенность росписи сомнѣній не вызываетъ, такъ какъ то же явленіе наблюдено было нами въ склепѣ Фельдштейна.

Гораздо важнѣе другое недоумѣніе, а именно то, что подъ росписью инкрустаціоннаго типа Гроссъ не отмѣчаетъ цоколя, давая только узенькую полоску чернаго цвѣта. Между тѣмъ, цоколь имѣется во всѣхъ аналогичныхъ росписяхъ и составляетъ необходимую составную часть декоровки этого типа. Нельзя предположить и того, что вся, зарисованная Гроссомъ, роспись представляетъ собою одинъ только цоколь; этому противорѣчитъ то, что на восточной стѣнѣ Гроссъ зарисовалъ нишу, а ниши вездѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются, помѣщаются въ средней или верхней части стѣны. Остается думать, что склепъ не былъ очищенъ до пола; это сочтено было излишнимъ, такъ какъ при раскопкѣ выяснилось, что онъ былъ разграбленъ при посредствѣ трехъ, отмѣченныхъ на планѣ, грабительскихъ минъ.

Поэтому ничего намъ не сообщается и о находкѣ въ склепѣ какихъ-либо вещей, оставленныхъ или брошенныхъ грабителями.

Рисунки, данные Гроссомъ, несомнѣнно, до извѣстной степени, реконструируютъ и фигуры, и краски росписи. Въ этой реконструкціи не очень убѣдительно возстановленіе схемы орнаментаціи узкихъ дѣлящихъ полей.

Въ общемъ мы имѣемъ обычную схему инкрустаціоннаго типа безъ дѣлящихъ колоннъ или подобнаго рода вертикальныхъ декоративныхъ мотивовъ (табл. LXXII, 3 и 4). Декоровка разбита на прямоугольники, отдѣленные другъ отъ друга узкими вертикальными полями. Рисунокъ этихъ полей у Гросса таковъ: на западной стѣнѣ мы имѣемъ плиты желтаго и краснаго цвѣтовъ, отдѣленныя одна отъ другой и цоколя полосами (табл. LXXII, 3), на восточной два квадратныхъ поля, одно, нижнее — чернаго цвѣта, другое верхнее — желтаго, одно надъ другимъ, и надъ ними нишу; отъ цоколя эти поля отдѣлены бѣлой полоской; другъ отъ друга они не отдѣлены ничѣмъ (табл. LXXII, 4).

Прямоугольники, на которые разбита западная стѣна (табл. LXXII, 3), заполнены одинъ темнокраснымъ цвѣтомъ, другой, узкій — бѣлымъ. Оба включены въ рамки, первый—зеленую, второй—красную. Въ широкій почти квадратный прямоугольникъ вписанъ мраморированный (зеленыя пятна на свѣтло-красномъ фонѣ) ромбъ, въ него черный кругъ, а въ этотъ послѣдній еще одинъ кругъ синяго цвѣта, окруженный десятью зубцами или лучами звѣзды бѣлаго цвѣта. Во второй узкій прямоугольникъ бѣлаго цвѣта вписанъ удлиненный ромбъ, поставленный вертикально на одинъ изъ острыхъ угловъ и раздѣленный пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ линіями на четыре сходящіеся прямыми углами треугольника. Лѣвый нижній и правый верхній треугольники мраморированы по красному фону, остальные—по желтому.

На восточной стѣнѣ (табл. LXXII, 4) мы имѣемъ два почти квадратныхъ поля, заключенныхъ въ зеленыя рамки. Первое поле темнозеленаго цвѣта заполнено въ центрѣ большимъ мраморированнымъ (желтая съ зеленымъ мраморировка) кругомъ, въ центрѣ котораго вписанъ свѣтлокрасный мраморированный чернымъ ромбъ, отъ каждой стороны котораго къ периферіи круга идутъ по два прямоугольныхъ треугольника, обращенныхъ другъ къ другу нижними острыми углами, бѣлаго цвѣта. То же и во второмъ прямоугольникѣ; только здѣсь кругъ мраморированъ по свѣтлокрасному фону, ромбъ по желтому [1]).

По типу конструкціи и по росписи склепъ, несомнѣнно, одновременъ вышеописанной серіи. Другихъ болѣе точныхъ хронологическихъ указаній онъ не даетъ.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1882—1888 г., стр. XLI сл.

[1]) Передаю здѣсь цвѣта такъ, какъ они показаны у Гросса. Въ точности ихъ передачи сильно сомнѣваюсь и поэтому росписи въ краскахъ не репродуцирую.

XXVIII. Фрагментъ 1905 г.

Среди вещей, хранящихся въ музеѣ Одесскаго общества Исторіи и Древностей, помѣщающемся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, имѣется плита, покрытая росписью. Плита эта найдена была на Глинищѣ въ Школьномъ переулкѣ, въ усадьбѣ неизвѣстнаго мнѣ лица (куплена у торговца Головлева) и составляла часть небольшого склепа, который цѣликомъ очищенъ не былъ, несмотря на убѣжденія вышеназваннаго торговца древностями, изъ-за боязни владѣльца повредить свою хату [1]).

Склепъ, несомнѣнно, былъ каменный, вѣроятно, вродѣ склеповъ 1901 и 1902 г., т. е. типичной для Глинищенскаго некрополя формы. Плита при выламываніи ея изъ стѣны склепа разбита была на двѣ части. Длина ея—0,91 м., шир.—0,34 м., толщ.—0,15-0,19. Она вся покрыта штукатуркой, по которой сдѣлана роспись.

Роспись даетъ слѣдующую схему. Въ центрѣ красными линіями отграниченъ прямоугольникъ (0,19 м. дл., 0,12 шир.), заполненный черной и красной краской. Красною краскою заполнены полосы вверху и внизу прямоугольника, черною—квадратъ посрединѣ его. Въ этомъ квадратѣ нарисованъ красной краской четырехлепестковый раскрытый цвѣтокъ розы, мака или шиповника съ листиками между каждыми двумя лепестками; цвѣтокъ этотъ является исходнымъ пунктомъ для всѣхъ тѣхъ орнаментальныхъ лепестковъ, что заполняютъ собой потолки и стѣны керченскихъ склеповъ римскаго времени (см. объ этомъ во второй части). Отъ угловъ прямоугольника идутъ діагонали, продолжавшіяся, очевидно, и на сосѣднихъ плитахъ; эти діагонали образуютъ четыре поля въ формѣ усѣченныхъ треугольниковъ съ острыми и тупыми углами вверху. Первые заполнены мраморировкой по розовому фону черными линіями, вторые—мраморировкой по желтому фону розовыми линіями.

Въ общемъ получается схема, довольно обычная для инкрустаціоннаго стиля. Характерно то, что дополненіе только частью сохранившагося поля даетъ несомнѣнный удлиненный прямоугольникъ ширины не менѣе 1,20, высоты же не менѣе полуметра. Ширина высотою быть не можетъ, такъ какъ плиты въ Керченскихъ гробницахъ кладутся всегда горизонтально. Весьма возможно поэтому, что мы имѣемъ предъ собою либо часть цоколя гробницы, либо кусокъ средней части довольно низкой стѣны.

---

[2]) Данныя эти сообщены мнѣ хранителемъ Мелекъ-Чесменскаго музея Ю. Марти въ письмѣ отъ 22 сентября 1908 г. и В. В. Шкорпиломъ въ письмѣ отъ 30 октября 1908 г. Г-нъ Марти доставилъ мнѣ и фотографію плиты.

c. Памятники смѣшаннаго инкрустаціонно-цвѣточнаго стиля.

XXIX. Склепъ 1875 года.

(Табл. LXXIII—LXXV; рис. 57).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Точное мѣстонахожденіе склепа въ отчетѣ объ его находкѣ не указано и ни на какой планъ при открытіи занесено не было. Сказано только, что склепъ найденъ былъ въ сплошныхъ могильныхъ насыпяхъ, лежащихъ у подошвы «другого» холма остроконечной формы, извѣстнаго подъ названіемъ «Пирамидальнаго» (см. О. И. А. К., 1875 г., стр. XXIV, ср. табл. I, В и табл. II, с), и ниже имѣется указаніе на то, что склепъ находился у известковыхъ печей (см. табл. I, № 4).

Такъ какъ склепъ послѣ его открытія былъ, вѣроятно, вновь засыпанъ, то мѣстонахожденіе его, несмотря на то, что открытъ онъ сравнительно недавно, основательно забыто, и В. В. Шкорпилу, несмотря на поиски, найти его вновь не удалось. Поэтому и здѣсь мы не можемъ сказать съ точностью, сохранился ли склепъ до нашего времени или нѣтъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что склепъ довольно точно датируется и принадлежитъ къ наиболѣе интересной группѣ склеповъ римскаго времени, въ которую входятъ и склепы Ашика и Стасова. Возможность поэтому болѣе точно ознакомиться со стилемъ и настоящими красками этой росписи имѣла бы, при его хорошей сохранности, большое значеніе.

Краткое описаніе склепа, помѣщенное въ О. И. А. К. за 1875 г., XXIV слл., и не менѣе краткія данныя о его росписи въ Приложеніи къ О. И. А. К. 1876 г., 218 слл., равно какъ пять мелкихъ штриховыхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ эти описанія, не даютъ намъ возможности составить себѣ о склепѣ и его росписи точнаго понятія. Къ счастью, кромѣ этого опубликованнаго матеріала, до насъ сохранились подлинные рисунки Гросса (числомъ 13), частью въ краскахъ, частью штриховые, послѣдніе въ натуральную величину (оригиналомъ ихъ, скорѣе всего, были кальки). Часть этихъ рисунковъ воспроизведена на табл. LXXIII—LXXV. Среди нихъ находятся и планъ (рис. 57), и разрѣзы склепа съ точнымъ указаніемъ распредѣленія росписи по отдѣльнымъ простѣнкамъ (см. табл. LXXIII, 1.2). Къ сожалѣнію, на точность плана и разрѣзовъ положиться нельзя, какъ показываетъ провѣрка на мѣстѣ всѣхъ остальныхъ плановъ, сдѣланныхъ Гроссомъ: всѣ эти планы сдѣланы безъ точныхъ промѣровъ и даютъ только приблизительное представленіе о формѣ и архитектурѣ соотвѣтственныхъ склеповъ.

Вещи, найденныя въ склепѣ.

Склепъ найденъ былъ разграбленнымъ, но кое-какія вещи въ немъ были оставлены или забыты. Очевидно, добыча грабителей изъ тайника (см. ниже) была настолько велика, что мелочи изъ самой погребальной комнаты не были взяты. Эти мелочи, однако, для датировки склепа имѣютъ рѣшающее значеніе. По всей комнатѣ лежали разбросанныя кости остововъ. Къ сожалѣнію, не сказано, принадлежали ли кости одному или нѣсколькимъ покойникамъ и сколькимъ именно, а также были ли найдены какіе-либо остатки гробовъ. Среди костей найдены были:

1) небольшой сосудикъ изъ черной глины весьма грубой работы; 2) терракоттовая статуетка сидящей хѳонической богини съ калаѳомъ на головѣ, которую у насъ на югѣ принято называть Астартой (см. мою статью въ Сборникѣ археол. статей поднесенныхъ гр. А. А. Бобринскому, стр. 122)[1]); правой рукой она держитъ патеру, лѣвой итифаллическую герму; послѣднимъ ея хѳоническій характеръ подчеркивается, мнѣ кажется, особенно опредѣленно; работа суммарная, грубая[2]); 3) простая каменная буса; 4) три глиняныя лампочки обыкновенной формы; 5) двѣ стекляныя «слезницы» и 6) двѣ мѣдныя монеты—одна Реметалка (131—153 г. по Р. Хр.), другая Евпатора (154—170 г. по Р. Хр.).

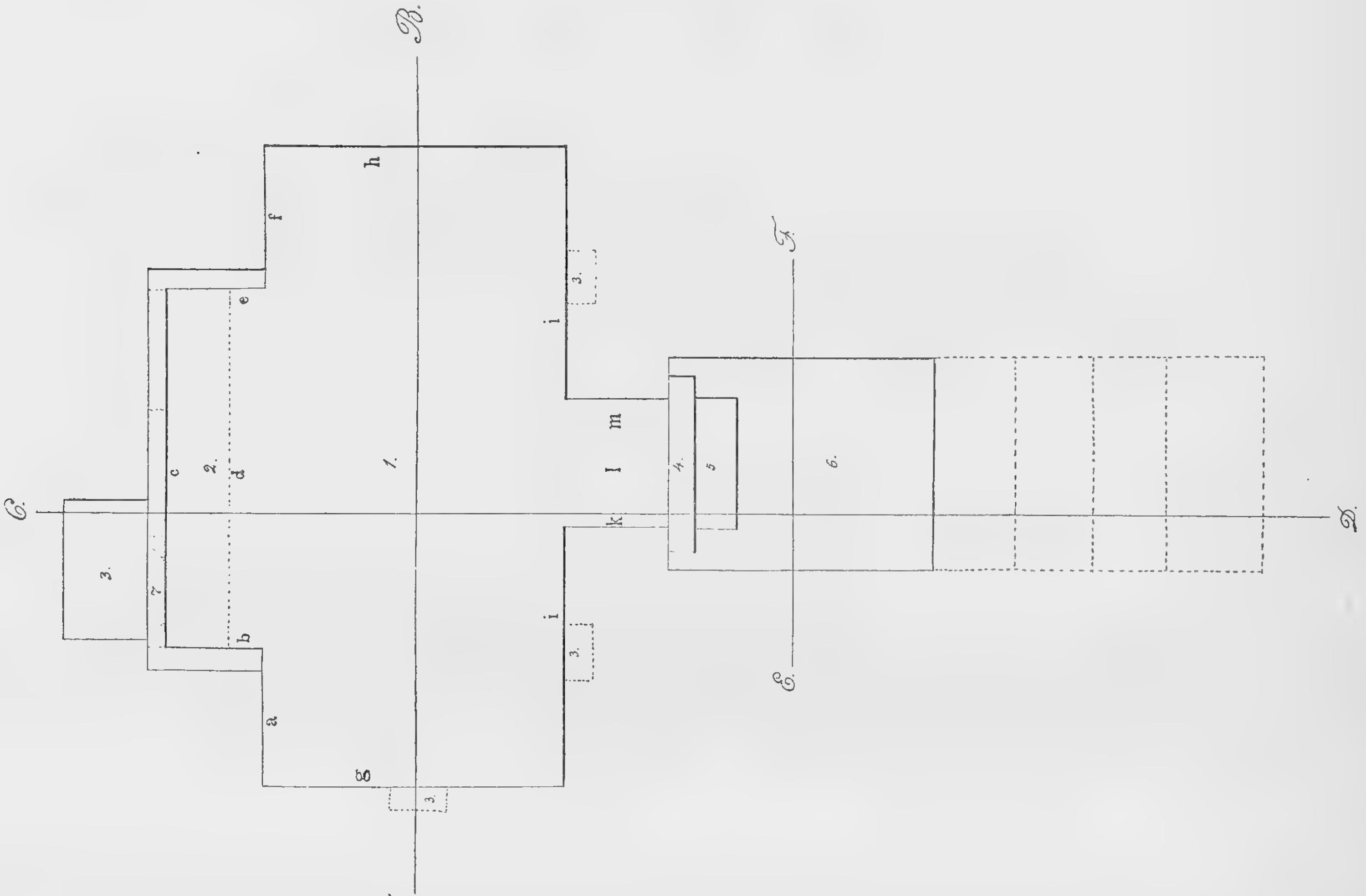


Рис. 57. Планъ склепа, открытаго въ 1875 г.

Множественность остововъ показываетъ, что мы въ семейной усыпальницѣ, можетъ быть, даже въ усыпальницѣ, использованной для погребенія повторно, значительно позже ея построенія. Для времени ея постройки и росписи поэтому доказательна была бы дата вещей, найденныхъ въ тайникѣ. Во всякомъ случаѣ, изъ найденныхъ монетъ наиболѣе ранняя, очевидно, одна только показательна, какъ terminus ante quem построенія гробницы. Впрочемъ, къ вопросу о датировкѣ мы еще вернемся.

Архитектура склепа.

По своей *архитектурѣ* склепъ даетъ поразительныя аналогіи со склепомъ, открытымъ Стасовымъ (гл. XXX). Эти аналогіи были бы, конечно, еще болѣе доказательны, если бы мы имѣли хотя приблизительно точные планъ и разрѣзы склепа.

[1]) Объ этой богинѣ и ея исторіи мнѣ придется говорить подробно въ другомъ мѣстѣ.

[2]) См. О. И. А. К. 1876, Приложеніе, стр. 208 сл. Атласъ, табл. VI, 10. Стефани считаетъ изображенную богиню за Матерь боговъ — Рею, не приводя никакихъ доказательствъ. Аналогичныхъ изображеній Кибелы я не знаю.

Входъ въ склепъ былъ обыченъ. Изъ колодца (6 на планѣ рис. 57), куда вела лѣстница въ нѣсколько ступенекъ, открывался входъ въ погребальную комнату. Входъ былъ заваленъ плитой (№ 4 на разрѣзахъ табл. LXXIII, 1,2); плиту поддерживалъ въ вертикальномъ положеніи большой тесаный камень (5 на планѣ), приваленный къ ея основанію снаружи. Стѣны и плафонъ входа были, какъ и вся остальная камера, оштукатурены и расписаны.

Планъ камеры живо напоминаетъ планъ Стасовскаго склепа: такой же центральный квадратъ (1 на планѣ) съ боковыми, очевидно, неправильной формы крыльями (были ли эти крылья выдѣлены, какъ въ Стасовской гробницѣ, особой трактовкой плафона надъ ними, остается неяснымъ, такъ какъ роспись потолка погребальной комнаты не сохранилась) и съ центральной большой нишей въ задней стѣнѣ (2 на планѣ), напоминающей не столько нишу Стасовскаго склепа, сколько боковыя ниши склепа Алкима. Отъ Стасовской ниши наша отличается тѣмъ, что начинается почти на уровнѣ пола, но зато не доходитъ вверху до потолка камеры, даже въ задней, наиболѣе глубокой, своей части (см. разрѣзы на табл. LXXIII, 1,2).

Задняя стѣна этой ниши, очевидно (объ этомъ въ отчетѣ не говорится, но такъ это показано на рисункѣ разрѣза камеры), была забрана особой плитой такъ-же, какъ лежанки Стасовской гробницы, причемъ плита эта была украшена и росписью особаго типа, аналогичной росписи переднихъ стѣнъ лежанокъ Стасовской камеры.

Эта плита составляла переднюю глухую внѣшнюю стѣнку второй задней ниши съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, которая, очевидно, какъ и ниша въ стѣнѣ за лежанкой Стасовской гробницы, служила тайникомъ, гдѣ спрятаны были наиболѣе цѣнныя вещи, погребенныя вмѣстѣ съ первымъ владѣльцемъ этой усыпальницы. Къ сожалѣнію, ниша эта черезъ проломъ въ плитѣ (7 на планѣ) была разграблена.

Какъ и въ Стасовской гробницѣ, по обѣ стороны отъ входа въ обоихъ простѣнкахъ сдѣлано было по небольшой нишѣ обычнаго типа (3 на планѣ). Такая же ниша устроена была приблизительно въ центрѣ лѣвой отъ входа (для входящаго) боковой стѣны (3 на планѣ).

Плафонъ камеры отъ входа къ задней стѣнѣ довольно рѣзко подымается, образуя по направленію къ боковымъ стѣнамъ нѣчто вродѣ очень плоскаго ложного свода. Благодаря этому, какъ и во всѣхъ до сихъ поръ изученныхъ нами склепахъ, вырубленныхъ въ скалѣ, на задней и на боковыхъ стѣнахъ получаются обширныя люнетки. Люнетка задней стѣны, раздѣленная центральной нишей на рядъ отдѣльныхъ полей, заполнена рядомъ фигурныхъ сюжетовъ. Эти фигурные сюжеты на стѣнахъ ниши не продолжаются, какъ въ Стасовскомъ склепѣ, въ силу того, что ниша находится не надъ стѣной, составляя часть люнетки, какъ въ Стасовскомъ склепѣ, а подъ люнеткой, составляя одно цѣлое со стѣнами и ихъ декоровкой и расширяя самую камеру. Люнетки боковыхъ стѣнъ склепа заполнены исключительно орнаментальными мотивами.

Изъ общей схемы *декоровки* гробницы, сплошь оштукатуренной и расписанной, выдѣляются особой системой и схемой росписи боковыя стѣны входа вмѣстѣ съ плафономъ его и задняя стѣна ниши. Въ остальной камерѣ мы имѣемъ характерное для Стасовской гробницы соединеніе тяжелаго инкрустаціоннаго стиля на стѣнахъ съ легкимъ цвѣточнымъ въ люнеткахъ. Роспись плафона, когда-то, несомнѣнно, существовавшая, по увѣренію открывшихъ гробницу, не сохранилась. Роспись склепа.

Двѣ стѣны входа были расписаны не вполнѣ одинаково (см. табл. LXXV, 1,2; k и m на планѣ). Схема росписи на обѣихъ стѣнахъ та-же, но верхнія части Роспись входа.

заполнены разными образчиками. Надъ низкимъ пурпуровымъ цоколемъ идетъ средняя часть стѣны сѣроватаго цвѣта, не покрытая орнаментомъ. Верхняя часть на правой для входящаго стѣнѣ (табл. LXXV, 2) расписана въ инкрустаціонномъ стилѣ: она разбита на квадратики, имитирующіе плитки разноцвѣтныхъ мраморовъ (зеленаго, краснаго, розоваго, желтаго и синяго), въ которыя инкрустированы круги или диски, также разноцвѣтныхъ мраморовъ, иного, однако, чѣмъ плитка цвѣта; новыхъ, сравнительно съ плитками, цвѣтовъ диски не даютъ.

Еще болѣе пестра верхняя часть второй лѣвой стѣны входа (табл. LXXV, 1). Здѣсь мы имѣемъ настоящую мозаику изъ мраморныхъ крустъ. Такого характера мозаики, начиная съ ранняго императорскаго времени, постоянно примѣняются для половыхъ выстилокъ. Все поле стѣны разбито на рядъ квадратовъ. Центръ каждаго поля или квадрата занимаютъ ромбы бѣлаго, желтаго, синяго, зеленаго, розоваго и краснаго мраморовъ; углы заполнены цвѣтными треугольниками двухъ цвѣтовъ около каждаго ромба, причемъ противолежащіе другъ другу треугольники всегда одноцвѣтны.

Въ общемъ это та же система, которую мы имѣемъ въ плафонѣ ниши Стасовской гробницы и mutatis mutandis въ плафонахъ надъ лежанками той же гробницы.

Плоско сводчатый потолокъ входа раздѣленъ на прямоугольныя касетты (Гроссъ ихъ зарисовалъ четыре), сгруппированныя попарно; желтая и зеленая кассетты въ темно-красной рамкѣ, розовая и синяя въ желтой (см. табл. LXXV, 3).

Роспись стѣнъ погребальной комнаты.

Всѣ стѣны камеры расписаны въ одной манерѣ за исключеніемъ, какъ сказано, задней стѣны ниши. Схема росписи та же, что и въ Стасовской гробницѣ, т. е. инкрустированная стѣна, раздѣленная колоннами, но есть и отличія (см. табл. LXXIV, 1 и LXXV, 4).

Прежде всего, строже выдержана основная схема стѣны, выложенной мраморомъ, какъ мы ее знаемъ по склепу Васюринской горы и другимъ ему современнымъ. И здѣсь мы имѣемъ довольно высокій красный цоколь, и здѣсь ряды лежащихъ узкихъ мраморированныхъ (розовымъ по желтому) прямоугольниковъ, такъ называемую Deckschicht. На этихъ прямоугольникахъ, какъ—mutatis mutandis—во второмъ помпеянскомъ стилѣ, представлены стоящими іонійскіе пилястры совершенно того же типа, что и въ Стасовской гробницѣ. Разница, если можно вѣрить рисунку Гросса, который для Стасовской гробницы, тщательно Гроссомъ зарисованной, оказался очень неточнымъ, только въ формѣ капители и въ томъ, что надъ пилястрами нѣтъ сухарнаго карниза.

Пространство между пилястрами заполнено типичной мраморной инкрустаціей: въ каждомъ интерколюмніи написана большая мраморированная плита (розовая, сѣрая, желтая мраморировки), включенная въ одноцвѣтную рамку; въ эту плиту вписанъ ромбъ иного цвѣта, также мраморированный или окрашенный въ сплошной цвѣтъ, въ ромбъ включенъ кругъ, опять-таки сплошного цвѣта, и въ него второй мраморированный кругъ съ лучами, окрашенными въ сплошной цвѣтъ; словомъ, абсолютно то же, что въ Стасовскомъ склепѣ.

Роспись стѣнъ ниши.

Стѣны ниши повторяютъ ту же схему въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (см. табл. LXXIV, 2). Здѣсь инкрустированная стѣна идетъ прямо надъ цоколемъ, дѣленія стѣнъ пилястрами нѣтъ, ромбы вписаны въ квадраты, въ ромбахъ вписанныхъ круговъ нѣтъ. Въ ромбахъ чередуются: бѣлая, розовая и желтая мраморировки и сплошной синій цвѣтъ. Треугольники, отдѣленные вписанными ромбами отъ квадратовъ, окрашены въ различные цвѣта: синій, зеленый, красный и разнаго типа мра-

морировки; лежащіе другъ противъ друга треугольники всегда одноцвѣтны. Въ сосѣднихъ одинъ и тотъ же цвѣтъ никогда не повторяется [1]).

Роспись люнетокъ.

Роспись люнетокъ сохранилась хорошо. Боковыя люнетки заполнены обычными вѣтками, лепестками и листьями розъ, на задней же стѣнѣ мы имѣемъ нѣсколько картинъ: одну на части люнетки, нависшей надъ нишей (нижняя часть этого сегмента составляетъ плафонъ ниши, d на планѣ), другія двѣ на частяхъ люнетки вправо и влѣво отъ центральной ниши (a и f на планѣ) съ продолженіемъ на тѣхъ выступахъ (b и e на планѣ), которые составляютъ переходъ отъ этихъ частей стѣны къ люнеткѣ, нависшей надъ нишей. Картины боковыхъ сегментовъ около ниши намъ и по сюжету, и по трактовкѣ въ достаточной мѣрѣ знакомы: налѣво мы имѣемъ сцену трапезы, направо сцену выѣзда.

Сцена трапезы.

Сцена трапезы (табл. LXXV, 4) сама по себѣ не даетъ новыхъ характерныхъ мотивовъ и скопирована къ тому же Гросомъ, очевидно, довольно плохо. На обычномъ ложѣ съ точеными ножками и со спинкой, украшенной головой токарной работы или литой металлической, какъ часто на другихъ ложахъ (изображена ли голова животнаго или человѣка, различить невозможно), полулежитъ мужчина влѣво, одѣтый въ хитонъ и гиматій, можетъ быть, одного цвѣта (на рисункѣ Гросса зеленые); изображенъ онъ въ профиль, правая рука поднята, лѣвая покоится на ложѣ. Ложе покрыто ковромъ того же типа, что въ гробницѣ 1891 г.: большія полосы желтой матеріи съ синими прошивками, въ центрѣ каждой изъ которыхъ идетъ болѣе узкая зеленая полоса. Передъ ложемъ обычный круглый столъ типа треножника, на немъ, судя по рисунку, голубая посуда (стеклянная): нѣсколько чашекъ и большой кратеръ. Налѣво отъ ложа на точеномъ креслѣ сидитъ въ три четверти женщина въ голубомъ или синемъ хитонѣ и розовомъ пеплосѣ; поза ея обычная: лѣвая рука подъ пеплосомъ; правой, согнутой въ локтѣ, женщина держитъ пеплосъ, наброшенный на голову, у края. Рядомъ съ ней дѣвушка впрямь въ розовомъ хитонѣ и синемъ пеплосѣ; руки спрятаны подъ пеплосомъ. Направо отъ ложа обычный мальчикъ впрямь и влѣво протягиваетъ возлежащему стаканъ, держа въ лѣвой опущенной рукѣ бутылку. Не вполнѣ обычно въ нашей картинѣ только то, что направо и налѣво отъ ложа, обрамляя сцену, стоятъ два дерева. Изъ нихъ лѣвое, если вѣрить рисунку Гросса, съ вѣерообразными группами листвы, правое—обычнаго типа, знакомаго намъ по группѣ гробницъ, примыкающихъ къ склепу Анѳестерія.

Еще болѣе характерно то, что на простѣнкѣ, сосѣдящемъ съ нашей картиной справа, изображена, какъ бы составляя продолженіе нашей картины, живая сценка (см. табл. LXXIII, 3): на дерево или, вѣрнѣе, на толстую лозу съ листьями вѣерообразнаго типа, если вѣрить рисунку Гросса, лѣзутъ двое мальчиковъ; третій уже качается наверху на вѣткѣ. Эта сцена напоминаетъ намъ прежде всего сцену около дерева въ гробницѣ 1873 г. и подкрѣпляетъ высказанное при ея описаніи предположеніе, что и тамъ на несохранившейся части штукатурки изображена была такъ называемая загробная трапеза. Гроссъ изобразилъ мальчиковъ одѣтыми; такъ ли это или нѣтъ, рѣшить не берусь: вѣдь превратилъ же Гроссъ нагихъ геніевъ Стасовской гробницы въ одѣтыхъ (см. ниже гл. XXX). Если же мальчики наги, то ничто не препятствуетъ видѣть въ этомъ изображеніи обычную Діонисовскую сцену сатирятъ или амуровъ, играющихъ на виноградной лозѣ. Лоза

[1]) Опубликованный въ О. И. А. К. 1876, Прил., стр. 218 рисунокъ въ данномъ пунктѣ расходится съ подлинными рисунками Гросса: онъ даетъ вписанные въ ромбы круги, чего нѣтъ ни на разрѣзахъ Гросса, ни въ рисункѣ, спеціально репродуцирующемъ нашу стѣну.

осѣняетъ ложе загробной трапезы въ одновременной нашей гробницѣ, открытой Ашикомъ. На вотивныхъ и надгробныхъ рельефахъ, равно какъ на саркофагахъ, мотивъ сатирятъ или амуровъ на лозѣ, какъ извѣстно, вполнѣ обыченъ (ср. И. И. А. К., 40, стр. 31 сл.).

Сцена выѣзда.

Pendant къ описанной сценѣ трапезы справа отъ ниши (для входящаго) составляетъ, опять-таки вполнѣ обычная для гробницъ типа гробницы Анѳестерія, сцена такъ называемаго загробнаго выѣзда, сохранившаяся только частью; не сохранилось и продолженіе ея на простѣнкѣ, составляющемъ переходъ къ центральной части люнетки (см. табл. LXXIII, 4). Изображенъ всадникъ влѣво на розовато-рыжей лошади, весь одѣтый въ зеленое (казакинъ, штаны, плащъ); въ лѣвой рукѣ поводья, правая приподнята; у сѣдла—неясно, справа или слѣва—горитъ и лукъ. Къ всаднику приближается обычный мальчикъ, также одѣтый, судя по рисунку Гросса, въ зеленое, со стаканомъ въ правой опущенной рукѣ и съ кувшиномъ въ лѣвой поднятой. Отъ части сцены влѣво отъ всадника сохранилась только женская голова влѣво, вѣроятно, голова прислужницы, стоящей передъ несохранившейся женщиной, сидящей въ креслѣ. По аналогіи съ гробницами типа склепа Анѳестерія можно было бы думать, что за изображеніемъ женщины съ прислужницей на упомянутомъ сосѣднемъ простѣнкѣ изображено было обычное степное жилище — кибитка или юрта.

Главная картина склепа.

Гораздо болѣе интересенъ и оригиналенъ сюжетъ главной картины гробницы, помѣщенной въ люнеткѣ надъ главной нишей (табл. LXXIII, 5). Здѣсь изображены въ гербообразномъ сопоставленіи двѣ фигуры: направо—безбородый мужчина вправо, лицо и голова впрямь, длинные волосы закрываютъ уши; одѣтъ онъ въ длинный, доходящій до пятъ, зеленый хитонъ; сидитъ верхомъ на сѣромъ грифонѣ съ орлиной головой, между его крыльями; грифонъ движется влѣво; правой рукой юноша поддерживаетъ на колѣнѣ правой подогнутой ноги лиру, лѣвой бряцаетъ по струнамъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что изображенъ Аполлонъ. Противъ него на рыжемъ быкѣ, скачущемъ вправо, сидитъ, наполовину только сохранившаяся, вѣроятно, женская фигура. Торсъ ея, какъ и торсъ Аполлона, изображенъ впрямь, ноги вытянуты влѣво и положены одна на другую. Верхъ тѣла обнаженъ, низъ прикрытъ зеленымъ пеплосомъ, развѣвающимся за ея плечами. Стефани назвалъ эту фигуру Артемидой Ταυροπόλος.

Весь фонъ и этой, и остальныхъ двухъ картинъ усѣянъ цвѣтами, листьями и лепестками розы.

Очень досадно, что съ этой картины не сохранилось механической репродукціи. Опущеніе Гроссомъ на главной картинѣ гробницы 1873 г. сравнительно хорошо сохранившейся главной фигуры позволяетъ думать, что и здѣсь женская фигура могла бы быть зарисована полнѣе.

Анализъ картины.

Сопоставленіе миѳологическаго сюжета съ изображеніями такъ называемой загробной трапезы и загробнаго выѣзда мы уже встрѣчали и въ гробницѣ 1873 г., и въ склепѣ 1891 г., гдѣ мы обратили вниманіе и на сильное, сказывающееся въ миѳологическихъ изображеніяхъ, вліяніе орфизма. Особенно близко стоитъ къ нашей гробницѣ по характеру сопоставленныхъ сюжетовъ гробница 1891 г.: и въ ней мы имѣемъ два божества — мужское и женское, сопоставленныя въ сценѣ загробно-религіознаго содержанія, и рядомъ съ этой основной сценой въ той же главной люнеткѣ сцены выѣзда и трапезы.

Религіозное значеніе сцены съ двумя божествами въ гробницѣ 1891 г. было выяснено выше: передъ нами идея сліянія покойника съ хѳонической божествен-

ной парой въ обстановкѣ Елисейскихъ полей. Весьма вѣроятно, что и въ нашей гробницѣ mutatis mutandis изображено то же.

Изображеніе пары боговъ—Аполлона и Артемиды—на ихъ звѣряхъ [1]), несомнѣнно, въ актѣ полета ввысь, на что указываетъ крылатый звѣрь Аполлона и развѣвающійся по вѣтру пеплосъ Артемиды, приводитъ прежде всего на мысль обычныя въ античномъ, главнымъ образомъ, восточномъ, а затѣмъ римскомъ искусствѣ изображенія апоѳеоза, связанныя теперь въ мастерскомъ этюдѣ Cumont съ солярными религіями Востока [2]).

Среди тѣхъ птицъ и звѣрей, которые переносятъ покойника или душу его къ солнцу, кромѣ орла, играютъ важную роль крылатый конь, обыкновенно называемый Пегасомъ [3]), и Аполлоновскій крылатый грифонъ, изображающійся и какъ верховой конь, и запряженнымъ четверкою въ колесницу [4]). Въ извѣстномъ центральномъ медальонѣ одной изъ гробницъ Латинской дороги около Рима грифонъ уноситъ обожествленнаго покойника къ солнечнымъ высямъ [5]); тотъ же грифонъ тѣсно связывается въ сирійскихъ областяхъ съ солнечными богами [6]).

Еще болѣе характерно слѣдующее сопоставленіе. На многихъ монетахъ Халкедона, не цитованныхъ Cumont и мною уже указанныхъ въ моей, не разъ уже приведенной, статьѣ «Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 г.» (см. стр. 30), мы имѣемъ изображеніе Аполлона съ лирой въ рукахъ, уносимаго ввысь лебедемъ (см. Babelon-Reinach, Recueil etc., I, 2, № 58, 64, 69, 70, 75, 79, 93, 99, 108—отъ Траяна до Северовъ, ср. табл. XLVII, 11, 16, 23, 24, ср. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, 123, 1 и 1076, 6) [7]).

---

1) Объ Артемидѣ на быкѣ см. Стефани О. И. А. К. 1866 г., Прил., стр. 102 и ibid. 1876 г., Прил., стр. 220, ср. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, II, 1293, 1; объ Аполлонѣ на грифонѣ см. Стефани, О. И. А. К., 1864 г., Прил., стр. 91 сл. и 1874 г., стр. 39, а также статьи Gryps въ словаряхъ Рошера, Daremberg et Saglio и Pauly-Wissowa.

2) См. F. Cumont, L'aigle funéraire des Syriens et l'apothéose des empereures. *Révue de l'histoire des réligions*, 62 (1910), 119 слл., ср. L. Deubner, *Röm. Mitth.* 1912 (XXVII), 1 слл. Весьма возможно, что роль слоновъ, впрягаемыхъ исключительно въ колесницы императоровъ и притомъ императоровъ обожествленныхъ, особенно же ихъ роль при изображеніи апоѳеоза императора (его изображеніе везется на колесницѣ, запряженной четырьмя африканскими слонами, на диптихѣ, изображающемъ апоѳеозъ Констанція Хлора, см. H. Graeven, Heidnische Diptychen. *Röm. Mitth.*, XXVIII (1913), 275 слл. и табл. VI, VII) объясняется религіозными представленіями, связанными съ этими животными. Слоны, какъ и грифоны, были слугами Солнца.

3) См. Cumont, l. l., 152; Deubner, l. l., 12, 7. Очень интересно для сравненія съ нашей фигурой Аполлона изображеніе Солнца или императора на обломкѣ рельефа изъ Corstopitum въ Британіи (Corbridge на Tyne), см. Cumont, l. l., 152 рис. 21. Весьма вѣроятно, что подобно двумъ Діоскурамъ, помѣщеннымъ въ храмѣ, два изображенія поставлены были и по обѣ стороны храма; изъ нихъ сохранилось, однако, только одно—изображеніе Солнца на колесницѣ.

4) О старомъ происхожденіи мотива грифоновъ, запряженныхъ въ колесницу, см. указанія у Deubner'a, l. l., 12 (саркофагъ изъ Haghia Triada на Критѣ). Совершенно правильно указываетъ Wilamowitz, *Sitzungsb. d. Berl. Akad.*, 1912, 533, 3, что въ новомъ стихотвореніи Каллимаха на смерть Арсиноя (см. Wilamowitz, ibid., 528, v. 5 слл.) нѣтъ рѣчи объ апоѳеозѣ Арсинои, а только сказывается распространенное въ античности представленіе о переселеніи усопшихъ въ звѣздный міръ.

5) См. *Mon. d. Ist.*, VI, табл. 43, 44; Petersen, *Annali*, 1860, 348 слл.

6) См. Cumont, l. l., 154, ср. 138.

7) Типъ Аполлона на лебедѣ, несомнѣнно, и въ Халкедонѣ старше римскаго времени, которому принадлежатъ вышеприведенныя монеты, и въ Боспорскомъ царствѣ извѣстенъ былъ еще въ эллинистическое время. Я заключаю это изъ того, что на памятникѣ, поставленномъ оіасотами въ честь Перисада IV (?) и Камасаріи (ср. О. И. А. К., 1877, 246; Ios. P. E. II, 19, Керчь), въ фронтонѣ стелы изображена Афродита Уранія летящей на лебедѣ. Афродита на Боспорѣ, особенно въ раннее время, тѣсно связана съ оффиціальнымъ богомъ милетскихъ колоній Аполлономъ. Какъ его женскій коррелятъ, изображается на лебедѣ и она. Въ этомъ изображеніи подчеркнуто не только ея значеніе, какъ

Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ въ томъ же Халкедонѣ очень интересный монетный типъ, который Babelon-Reinach, Rec. I, 2, № 62 (ср. табл. XLVII, 14) описываютъ слѣдующимъ образомъ: Ἀντίνοος ἥρως. Buste d'Antinoüs, la poitrine nue, à g. Rv. Καλχαδονίοις, à l'exergue Ἵππων. Antinoüs, le buste nu, la main dr. lévée au dessus de la tête, enlevé par un griffon qui s'envole à dr.

Передъ нами, такимъ образомъ, новая форма обожествленія Антиноя рядомъ съ тою, которая разобрана въ статьѣ W. Weber, Drei Untersuchungen zur ägyptisch-griechischen Religion, Heidelberg, 1911 (Habilitationsschrift), 23 слл., т. е. съ обожествленіемъ Антиноя въ видѣ греко-египетскаго Гермеса - Тота, сливающагося съ Паномъ на монетахъ Мантинеи. Мы видимъ Антиноя пріобщеннаго, такъ же какъ императоры, къ кругу солярныхъ боговъ, спеціально къ кругу особо почитавшагося въ Халкедонѣ Аполлона, священный звѣрь котораго уноситъ Антиноя, какъ героя, въ солнечныя выси. Рельефъ латинской гробницы и наша монета включаютъ Аполлона въ кругъ хѳоническихъ боговъ; происходитъ сліяніе обратное тому, которое мы видимъ въ Сераписѣ, сдѣлавшемся постепенно изъ хѳоническаго бога богомъ солярнымъ.

Хѳоническая роль Аполлона на греческой почвѣ происхожденія давняго и стоитъ, конечно, въ связи съ рано проникающимъ въ Грецію представленіемъ о солнцѣ, какъ источникѣ и послѣднемъ мѣстѣ упокоенія человѣческой души. Его хѳоническое значеніе тѣсно связано съ миѳами о гипербореяхъ и съ идеей Аполлоновой религіи, по которой Аполлонъ похищаетъ праведныхъ въ свой рай, надгорную страну гипербореевъ (см. Bacchyl., Epin. III, 53 слл.; Зѣлинскій, Вакхилидъ (Изъ міра идей, I, 74 слл.); Jebb въ его изданіи Вакхилида, ad l. и особый экскурсъ о гипербореяхъ; Schroeder, *Arch. f. Rel.*, VIII, 69 слл. и A. Körte, ibid., X, 152 сл.; Schroeder и Körte приходятъ въ этихъ статьяхъ къ тѣмъ же выводамъ, которые раньше ихъ сдѣлалъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій)[1]).

Какъ у хѳоническаго бога, у Аполлона долженъ былъ быть женскій коррелятъ, женская ипостась. Это стремленіе сочетать Аполлона съ женскимъ хѳоническимъ божествомъ сказывается, напримѣръ, и въ приведенномъ Роде (Psyche, II, 388, 2) чрезвычайно интересномъ мѣстѣ изъ Флегонта (Phleg., Mirab. 3, p. 130, 16 слл. West.): Φοῖβος Ἀπόλλων Πύθιός μοι ἐὸν κρατερὸν θεράποντ' ἐπιπέμψας ἤγαγεν εἰς μακάρων τε δόμους καὶ Περσεφονείης. Здѣсь страна гипербореевъ (μακάρων δόμοι), гдѣ царствуетъ Аполлонъ, слилась съ Елисіемъ, гдѣ царитъ Персефона. Но, конечно, наиболѣе естественной женской ипостасью для хѳоническаго Аполлона является Артемида, такое же божество свѣта, какъ Аполлонъ, но съ опредѣленными качествами хѳоническихъ боговъ[2]).

Въ римское время хѳоническое значеніе Аполлона и его звѣрей, равно и другихъ аттрибутовъ, вошло въ полный обиходъ (см. Altmann, Die römischen Grabaltäre, 274 слл.).

небесной богини, но и ея роль, какъ владыки водной стихіи, на что указываетъ изображеніе рядомъ съ ней носовъ кораблей съ Никами и позднѣйшій культъ ея, какъ Афродиты Навархиды. То же, несомнѣнно, относится и къ Аполлону.

[1]) Ср. L. Malten, *Arch. f. Rel.*, XII, 292.

[2]) Укажу также на сочетаніе Аполлона съ Герой или Деметрой (можетъ быть, Афродитой?) на извѣстномъ деревянномъ саркофагѣ изъ Змѣинаго кургана, нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ. См. Древн. Босф. Кимм., табл. LXXXI, LXXXII; Watzinger, Griech. Holzsark., 40, № 18; Fredrich, Sarkophagstudien *Gött. gel. Nachr.*, 1895), 90; тамъ же о хѳоническомъ значеніи Аполлона вообще. Ср. выше объ Аполлонѣ и Афродитѣ. Боспорская Афродита, несомнѣнно, также становится съ теченіемъ времени великой хѳонической богиней, см. мою статью «Роспись Керченской гробницы и т. д.», стр. 12 (отд. отт.), табл. III.

Ясно изъ сказаннаго, что изображеніе Аполлона и Артемиды въ нашей гробницѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ о проникновеніи вѣрованій указаннаго характера и въ Боспорское царство.

Встрѣтить въ Пантикапеѣ именно Аполлона, какъ хѳоническаго бога, тѣмъ болѣе естественно, что миѳъ о гипербореяхъ и объ Аполлоновыхъ грифонахъ тѣсно связанъ, какъ извѣстно, со Скиѳіей, и грифоны являются, какъ увидимъ ниже, однимъ изъ любимыхъ изображеній на произведеніяхъ мѣстнаго искусства— на поздне-краснофигурныхъ вазахъ и на вещахъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, см. Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, указатель подъ сл. Griffins.

Религіозное значеніе я склоненъ былъ бы придавать, какъ указано было выше, и сценѣ мальчиковъ на деревѣ или на лозѣ. Хотя въ колумбаріи виллы Памфили встрѣчается подобное чисто реалистическое изображеніе (сборъ финиковъ, см. Mau, *Röm. Mitth.*, IX (1894, 170), но тамъ вся декоровка носитъ совершенно иной египтизирующій характеръ, въ большинствѣ случаевъ чисто декоративнаго значенія. Въ нашихъ же гробницахъ такого чистаго реализма сценъ безъ отношенія къ загробной жизни мы до сихъ поръ не встрѣчали. Нѣтъ основанія отнести изображеніе и на счетъ этнографическаго реализма, такъ какъ врядъ ли лазаніе по деревьямъ типично для обстановки жизни въ степномъ Пантикапеѣ.

Дата гробницы.

Что касается до датировки нашей гробницы, то анализъ ея росписи даетъ для этого кое-какой матеріалъ. Не случайно, думается мнѣ, то, что рядомъ съ деревьями типа Стасовскаго склепа и склепа 1873 г. встрѣчаются деревья типа деревьевъ поздне-эллинистическихъ гробницъ. Съ этимъ согласуется и выборъ сюжетовъ: сочетаніе религіознаго элемента со сценами трапезы и выѣзда, отсутствіе сценъ изъ боевой жизни, сходство трактовки сцены трапезы и выѣзда съ трактовкой тѣхъ же сценъ въ гробницѣ 1891 г.

Съ другой стороны, соединеніе инкрустаціоннаго и цвѣточнаго принципа, трактовка инкрустаціоннаго стиля, сходство архитектурнаго строенія сближаютъ нашу гробницу съ Стасовской гробницей, а сцена съ деревомъ ведетъ насъ къ гробницѣ 1873 г.

Все это заставляетъ признать, что передъ нами соединительное звено между первымъ и вторымъ типами, т. е. гробница начала или, лучше, первой половины II в. по Р. Хр.

Этому не противорѣчатъ и монеты, такъ какъ обстоятельства ихъ находки показываютъ, что нѣтъ никакого основанія считать ихъ появленіе въ склепѣ одновременнымъ съ его постройкой и росписью. Болѣе вѣроятно, что въ склепѣ нашлись вещи и монеты, относящіяся къ болѣе позднимъ, вторичнымъ погребеніямъ нашего семейнаго склепа. Во всякомъ случаѣ, монеты доказываютъ, что склепъ былъ построенъ, несомнѣнно, до второй половины II в. по Р. Хр.

Къ тому же результату ведетъ и сличеніе съ надгробными стелами и, наконецъ, анализъ исторіи инкрустаціоннаго стиля въ гробницахъ Пантикапея, о которомъ, однако, была уже рѣчь и подробнѣе будетъ сказано во второй части.

Здѣсь позволю себѣ замѣтить только слѣдующее, поскольку это касается особенностей спеціально нашей гробницы. Чрезвычайно интересно то, какъ тѣсно примыкаетъ декоровка нашего склепа въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ къ декоровкамъ такъ называемаго перваго стиля и составляющимъ ихъ продолженіе декоровкамъ псевдо-исодомнымъ. Интересно, прежде всего, отмѣтить превращеніе цоколя и орѳостатовъ делосскихъ домовъ и нашихъ гробницъ въ одинъ сравни-

тельно невысокій цоколь. Надъ этимъ цоколемъ удержана Deckschicht и надъ нею идутъ большія квадры. Характерно, что это какъ разъ то явленіе, которое отличаетъ Помпеянскія декоровки перваго стиля отъ восточныхъ. Разница только та, что инкрустаціи въ этихъ квадрахъ въ Помпеяхъ нигдѣ не имѣется. Только въ концѣ I в. по Р. Хр. она появляется впервые, но исключительно въ цоколяхъ. Изъ этого наблюденія мы по необходимости должны заключить, что инкрустаціонный стиль стоитъ въ тѣснѣйшей генетической связи съ поздними формами такъ называемаго перваго стиля, извѣстными намъ только изъ Помпей.

Любопытно также отмѣтить, что сплошное заполненіе стѣны надъ цоколемъ и средней одноцвѣтной частью стѣны кружками въ квадратахъ и ромбами въ квадратахъ наблюдалось нами (см. выше стр. 125 и 129), правда, въ нѣсколько иныхъ формахъ, и въ Помпеяхъ, гдѣ мы считали это египетскимъ вліяніемъ.

Итересно также сблизить характерную декоровку внутренней стѣнки главной ниши съ ея квадратами и ромбами съ тѣми разноцвѣтными треугольниками или ромбами, которые мы констатировали въ поздней декоровкѣ перваго стиля въ Керчи (выше стр. 125).

Очень поучительно, наконецъ, указать и еще на одинъ моментъ близости нашихъ росписей съ росписями перваго и ранняго второго стиля въ Помпеяхъ. Если Делосъ почти совершенно не знаетъ въ средней части стѣны, наряду съ ея горизонтальнымъ дѣленіемъ, и дѣленія вертикальнаго, предоставляя этотъ мотивъ всецѣло верхнимъ частямъ стѣны, то тѣмъ чаще пользуется этимъ вертикальнымъ дѣленіемъ наряду съ горизонтальнымъ и для среднихъ частей стѣны помпеянская роспись, слѣдуя въ этомъ традиціи, пустившей глубокіе корни и въ Александріи (см. E. Breccia, La necropoli di Sciatbi, Le Caire, 1912 и мою статью A proposito di una tomba dipinta di Canosa въ *Neapolis*, I (1913), 1 слл.). Чуть что не правиломъ дѣлается это въ наиболѣе раннихъ декоровкахъ второго стиля. Очень важно поэтому констатировать, что наша роспись, а также роспись Стасовскаго и Ашиковскаго склепа, неизмѣнно повторяютъ мотивъ вертикальнаго дѣленія средней части стѣны массивными іонійскими пилястрами.

Въ нашей росписи, такимъ образомъ, мы имѣемъ прямое и опредѣленное продолженіе перваго стиля, строго держащееся его основныхъ принциповъ и не дѣлающее никакихъ уступокъ развитой архитектурной структурѣ второго и послѣдующихъ стилей эллинистическихъ росписей запада. Оно одно, какъ мы видимъ, вмѣстѣ съ такимъ же дериватомъ перваго стиля—псевдо-исодомной росписью всецѣло доминируетъ въ Пантикапеѣ, совершенно незнакомомъ съ такъ называемымъ архитектурнымъ стилемъ.

Литература.

О. И. А. К. 1875 г., стр. XXIV сл. Стефани, *О. И. А. К.* 1876 г., *Прил.*, стр. 218 слл. Ничего новаго не дастъ рукописный краткій отчетъ Люценка, напечатанный В. Шкорпиломъ въ *Извѣстіяхъ Тавр. Уч. арх. Комм.*, № 47, 4. Ср. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 31 и рис. 37—39 на стр. 34, рис. 142 на стр. 113 (повтореніе рисунковъ, опубликованныхъ Стефани). Ю. Кулаковскій, *Мат. по арх. Россіи*, вып. 19, стр. 7 сл., рис. 5 и 6 (тѣ же рисунки, что у Стефани). Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, 318, рис. 229 (одинъ изъ тѣхъ же рисунковъ).

XXX. Склепъ, открытый въ 1872 году и описанный В. В. Стасовымъ.

(Табл. LXXVI—LXXXI, LXXXII 3, 4, LXXXIII—LXXXVI; рис. 58—64).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ открытъ былъ 4 іюля 1872 г. на сѣверной покатости г. Митридата около дороги, ведущей къ Золотому кургану, на незастроенномъ еще и теперь мѣстѣ, недалеко отъ вышеописанной гробницы Сорака (см. табл. I, 14).

Немедленно послѣ открытія склепа, которымъ руководилъ худ. Гроссъ, съ него сняты были планы и сдѣланы разрѣзы. Роспись его была скалькирована въ натуральную величину худ. Гроссомъ, кальки же раскрашены по оригиналамъ. Кальки эти нынѣ переданы Имп. Археологической Коммиссіей Московскому Румянцевскому Музею.

Изданіе росписей поручено было извѣстному художественному критику и историку искусства В. В. Стасову, который и исполнилъ взятыя на себя обязательства, опубликовавъ обширное изслѣдованіе о росписи нашего склепа въ О. И. А. К. за 1872 г. (Приложеніе). Для своего изданія В. В. Стасовъ побывалъ въ Керчи, гдѣ свѣрялъ на мѣстѣ рисунки Гросса и занимался вопросомъ о возможности выпилить наиболѣе важныя части росписи и перевезти ихъ въ Петербургъ. Для выясненія вопроса о возможности этого онъ выпилилъ два небольшихъ куска росписи (изъ орнаментальной ея части) и увезъ ихъ съ собою въ Петербургъ.

Къ счастью, планъ В. В. Стасова, о которомъ онъ много говорилъ съ извѣстными спеціалистами за границей, куда былъ командированъ со спеціальной цѣлью собрать матеріалъ для своего изслѣдованія, не осуществился. Говорю «къ счастью», такъ какъ увѣренъ, что роспись Керченскихъ склеповъ поздне-эллинистическихъ и римскихъ временъ отъ такой операціи неминуемо должна погибнуть: поддерживаетъ ее въ сравнительно хорошемъ состояніи лишь постоянная сырость и отсутствіе въ склепахъ притока свѣжаго воздуха; при иныхъ условіяхъ штукатурка и роспись неминуемо осыпятся, и я не знаю средствъ, которыя могли бы это предотвратить. Кромѣ того, въ высшей степени трудно предохранить большіе пласты материка разнородной формаціи, въ которыхъ вырѣзаны склепы, отъ растрескиванія и крошенія. Иное дѣло каменные склепы ранняго времени, гдѣ и штукатурка неизмѣримо лучше, и составъ красокъ, и техника ихъ примѣненія, очевидно, совершенно иныя.

Послѣ изданія склепа онъ былъ вновь засыпанъ и мѣсто его нахожденія основательно забыто. Только въ 1899 г. гр. А. А. Бобринскому удалось вновь найти его. Къ сожалѣнію, состояніе росписи склепа при второмъ его открытіи было далеко не блестящимъ. Уже вскорѣ послѣ перваго его открытія онъ былъ залитъ водою, сильно попортившею нижнія части росписи. Затѣмъ, послѣ его окончательной засыпки, его посѣтили грабители, которые въ дребезги разбили весьма характерныя лежанки, стоявшія по обѣ стороны камеры въ моментъ ея открытія,

уничтожили каменную обкладку спуска въ гробницу и сильно попортили роспись во многихъ мѣстахъ. Весь камень, добытый въ гробницѣ, они унесли съ собой, такъ что отъ лежанокъ теперь не сохранилось ни одного фрагмента.

Несмотря на эти злоключенія, роспись склепа сохранилась и сейчасъ довольно хорошо. Мои занятія ею лѣтомъ 1905 г. и въ послѣдующіе годы показали мнѣ прежде всего, что рисунки Гросса, за точность которыхъ ручается Стасовъ, и въ оригиналахъ, и особенно въ воспроизведеніи въ О. И. А. К. далеко не точны не только въ смыслѣ стиля, но и въ смыслѣ вѣрности передачи въ краскахъ и рисункѣ какъ орнаментальныхъ частей росписи, такъ и отдѣльныхъ фигуръ ея. Недостатки копій не исправляются текстомъ В. В. Стасова, составленнымъ не передъ оригиналами, а по рисункамъ Гросса.

Поэтому я счелъ необходимымъ не только ходатайствовать передъ Арх. Коммиссіей о съемкѣ при посредствѣ фотографіи всѣхъ частей склепа, но и о снятіи новыхъ копій въ краскахъ съ росписи. Первое осуществлено въ 1905 г. фот. Рубанчикомъ (къ сожалѣнію, фотографіи эти очень далеки отъ совершенства), второе въ 1909 г. худ. М. В. Фармаковскимъ. Эти фотографіи и копіи здѣсь и публикуются. Необходимымъ оказалось и снятіе новаго плана съ соотвѣтственными разрѣзами; планъ Гросса оказался чрезвычайно неточнымъ.

Въ заключеніе этого обзора исторіи склепа прибавлю, что нѣтъ болѣе настоятельной и не терпящей отлагательства задачи у учрежденія, завѣдующаго памятниками Керчи, какъ отчудить участокъ съ занимающимъ насъ памятникомъ первостепенной важности и охранить склепъ отъ дальнѣйшаго разрушенія. Осуществить и то, и другое нетрудно.

Архитектура склепа.

Архитектура склепа даетъ знакомый уже намъ типъ съ нѣкоторыми модификаціями. Планъ склепа (рис. 58) тотъ же, что и планъ выше разобранныхъ склеповъ Алкима, Анѳестерія, 1891 г., 1873 г., 1875 г. и др.: мы имѣемъ входной спускъ передъ входнымъ въ камеру корридоромъ, самый корридоръ, заваленный плитой, и, наконецъ, камеру съ нишами и лежанками; задняя стѣна камеры болѣе высока и широка, входная — болѣе узка и низка.

Особенностью входнаго спуска или колодца является, отмѣченное нами уже въ гробницѣ Сорака, укрѣпленіе плитами верхняго слоя почвы, въ которой вырытъ былъ спускъ. Объясняется это, конечно, большей неустойчивостью и осыпаемостью этого верхняго слоя.

Плита, которой закрывался входной коридоръ, оказалась разбитой на двѣ части, что, очевидно, сдѣлано было при одномъ изъ ограбленій склепа.

Повышеніе склепа къ задней стѣнѣ, а также выгнутость покрывающаго склепъ потолка весьма значительны: высота камеры у входной стѣны — 1,80 м., по срединѣ—2,04, у задней стѣны—2,17. Высота входной стѣны у лѣв. вост. угла—1,26, по срединѣ—1,80, у праваго зап. угла — 1,43. Высота задней стѣны въ тѣхъ же пунктахъ — 1,91; 2,17; 1,64 [1]). Ширина передней стѣны — 5,01, задней — 6,30.

Ниши.

Во всѣхъ стѣнахъ склепа сдѣланы *ниши*; небольшія, почти квадратныя, во входной стѣнѣ почти у входного корридора, нѣсколько бóльшія въ вост. и зап. стѣнахъ и, наконецъ, большая ниша типа, приближающагося къ типу ниши-лежанки, въ задней стѣнѣ. По обѣ стороны двери съ внутренней стороны видны слѣды вбитыхъ когда-то двухъ гвоздей. Такіе же гвозди замѣтны и надъ отвер-

[1]) Надо, однако, принять во вниманіе, что полъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли лежанки, очень, и притомъ неравномѣрно, поднятъ, такъ что приведенныя цифры настоящей высоты камеры въ этихъ мѣстахъ, т. е. отъ уровня пола склепа, не даютъ.

стіемъ главной ниши. Весьма возможно, что и то, и другое завѣшивалось пологомъ (см. роспись Фельдштейновскаго склепа, стр. 265).

Лежанки.

Вдоль боковыхъ стѣнъ склепа стояли при открытіи склепа двѣ лежанки, составленныя изъ большой стоймя поставленной плиты перекрытой другой спереди профилированной плитой. Предположеніе Стасова, что лежанки пристроены впослѣдствіи, т. е., очевидно, послѣ окончательнаго устройства склепа, для новыхъ погребеній несомнѣнно неправильно.

Рис. 58. Планъ склепа, описаннаго Стасовымъ.

Одинъ взглядъ на продольный разрѣзъ склепа (рис. 60) покажетъ съ ясностью, что лежанки прикомпонованы къ декоровкѣ стѣны: только средняя часть задней стѣны покрыта росписью сплошь и расчленена написанными колоннами; на боковыхъ стѣнахъ и тѣхъ частяхъ задней, которыя закрыты были лежанками, росписью покрыты только верхнія части стѣнъ, причемъ эта роспись строго прикомпонована

къ лежанкамъ. Кромѣ того, роспись боковыхъ стѣнъ и частью закрытыхъ лежанками кусковъ задней стѣны носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ роспись средней части задней стѣны (см. ниже).

Тайники.

Кромѣ своего прямого назначенія служить мѣстомъ для упокоенія скончавшихся, лежанки имѣли и другое назначеніе. Онѣ закрывали, сдѣланныя подъ нишами боковыхъ стѣнъ, большія ниши, вырѣзанныя въ тѣхъ же боковыхъ стѣнахъ склепа на высотѣ пола. Въ этихъ, замаскированныхъ лежанками, нишахъ хранился, вѣроятно, не прахъ покойника или покойниковъ, а наиболѣе цѣнныя изъ вещей, положенныхъ вмѣстѣ съ покойникомъ въ гробницу.

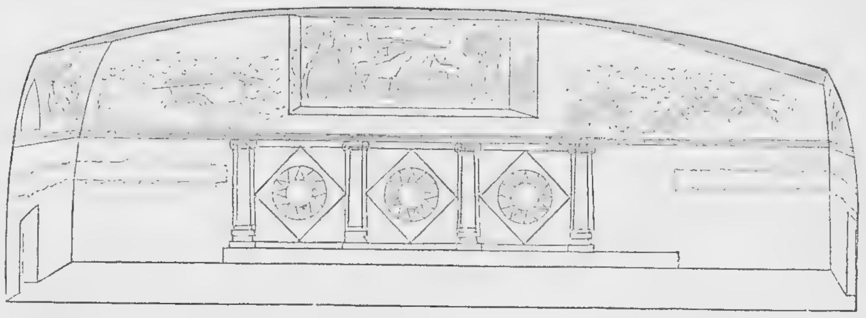


Рис. 59. Разрѣзъ склепа, описаннаго Стасовымъ, по линіи А—Б.

Фактъ устройства въ гробницѣ двухъ тайниковъ не остался неизвѣстнымъ современнымъ погребенію грабителямъ. Вѣроятно, вскорѣ послѣ окончательнаго закрытія склепа, въ него проникли воры, хорошо знавшіе топографію гробницы и взломали верхнія плиты ложъ, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сдѣланы были ниши-тайники.

Вещи, найденныя въ склепѣ.

Менѣе цѣнныя вещи и, очевидно, лампы и свѣтильники стояли въ небольшихъ нишахъ входной и боковыхъ стѣнъ. Въ нишѣ восточной стѣны при открытіи гробницы найдены были два стекляные сосуда обычныхъ формъ: небольшая бутылка съ невысокимъ горлышкомъ и круглымъ тѣломъ и обычная такъ называемая слезница съ высокимъ толстымъ горломъ и низкимъ, неширокимъ и плоскимъ основаніемъ (см. Стасовъ, табл. V)[1].

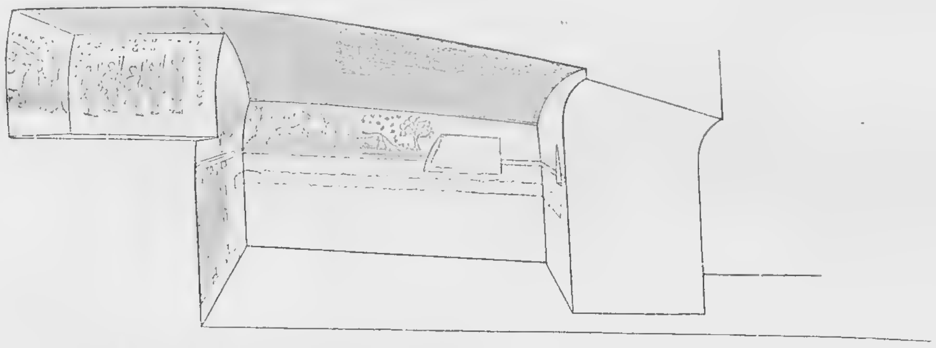


Рис. 60. Разрѣзъ склепа, описаннаго Стасовымъ, по линіи В—Г.

Особенности архитектуры склепа.

Характерными особенностями нашего склепа (см. рис. 59 и 60) являются, прежде всего, присутствіе въ немъ ложъ - саркофаговъ по боковымъ сторонамъ— явленіе обычное въ склепахъ съ лежанками, главнымъ образомъ, сложенныхъ изъ плитъ, а не вырѣзанныхъ въ скалѣ; въ склепахъ, сложенныхъ изъ плитъ и покрытыхъ насыпью кургана, мы наблюдаемъ это явленіе уже въ ранне-эллинистическое время въ Македоніи и другихъ мѣстахъ (см. Vollmoeller, Griechische Kammergräber mit Totenbetten, Bonn, 1901)[2]), а затѣмъ въ эпоху, современную времени нашей гробницы во многихъ Пантикапейскихъ склепахъ (см. выше о Фельдштейновскомъ склепѣ). Характерны и тайники внутри описанныхъ ложъ, уже наблюденные нами въ нѣкоторыхъ гробницахъ юга Россіи (ср. тайники въ гробницѣ

[1]) Впрочемъ, не исключена возможность, что склепъ, какъ большинство богатыхъ погребеній Керчи, былъ использованъ вторично въ позднее время и что сосуды современны этому вторичному использованію.

[2]) Въ послѣднее время памятники и литература вопроса сопоставлены E. Breccia, La necropoli di Sciatbi, *Catalogue général des antiquités, Musée d'Alexandrie,* Le Caire 1912.

1875 г.). Особенно же любопытна въ устройствѣ нашего склепа та роль, которую играетъ рядомъ съ лежанками-саркофагами ниша задней стѣны (рис. 59), опредѣляющая не только архитектуру, но и декоровку склепа. Ничего подобнаго мы до сихъ поръ въ гробницахъ болѣе старыхъ, чѣмъ наша, не наблюдали; то-же явленіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ мы имѣли въ почти современной, какъ увидимъ ниже, нашему склепу гробницѣ 1875 г. Въ болѣе позднихъ нѣчто подобное мы констатировали только въ склепѣ Сорака и, можетъ быть, во второй камерѣ склепа 1873 г. Изъ болѣе раннихъ, нѣкоторыя аналогіи, правда, довольно отдаленныя, даютъ, кромѣ склепа 1875 г., только склепы Алкима и 1852 г. съ ихъ боковыми нишами, гдѣ находились саркофаги и тайники. Я уже указывалъ на то, что типъ этихъ склеповъ стоитъ въ прямой связи со склепами курганныхъ погребеній, сложенными изъ плитъ.

Размѣры ниши (длина 2,14 м., глубина 1,24, высота 0,94 у задней стѣны) значительно превышаютъ размѣры обычныхъ нишъ, назначенныхъ для помѣщенія вещей, и вполнѣ достаточны для того, чтобы помѣстить здѣсь гробъ и даже саркофагъ, не говоря уже о томъ, что мѣста въ нишѣ болѣе чѣмъ довольно, чтобы прямо въ нее положить покойника. Такимъ образомъ, наша ниша, несомнѣнно, могла быть мѣстомъ, гдѣ положенъ былъ въ гробу или безъ него покойникъ, т. е. нишей-лежанкой обычнаго въ Керчи типа, но нѣсколько необычной формы. Такимъ назначеніемъ ниши объясняется и ея архитектурная роль центра всего склепа и ея роль въ декоровкѣ склепа, выразившаяся не только въ богатомъ убранствѣ стѣнъ ниши и ея потолка, но и въ болѣе богатомъ украшеніи какъ стѣны ея фронта или цоколя, сравнительно съ остальными частями склепа, такъ и той части плафона склепа, который составляетъ продолженіе плафона ниши.

Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что типичнымъ для Пантикапея склепомъ, вырѣзаннымъ въ грунтѣ, является склепъ съ тремя лежанками — одной въ задней и двумя въ боковыхъ стѣнахъ. Склепы эти, насколько они находятся неразграбленными, даютъ обыкновенно вещи, не могущія быть датированными временемъ, болѣе раннимъ, чѣмъ II в. по Р. Хр. Весьма вѣроятнымъ кажется мнѣ поэтому, что склепы типа нашего, Сораковскаго и второй комнаты склепа 1873 г., являющіеся прямымъ развитіемъ склеповъ типа склепа Алкима и 1854 г., могутъ быть признаны прототипами позднѣйшихъ склеповъ съ тремя нишами-лежанками. Возможно, однако, и то, что склепы съ вырѣзанными въ стѣнахъ лежанками и склепы съ приставными лежанками существовали одновременно, какъ два разныхъ типа, и что склепы въ типѣ нашего склепа являются попыткой слить оба типа въ одно цѣлое.

Здѣсь не мѣсто вести сложное, хотя и сравнительно легкое по обилію матеріала, изслѣдованіе вопроса о большей правильности одной изъ этихъ возможностей. Спеціальный изслѣдователь вопроса о погребальныхъ склепахъ съ лежанками Vollmoeller съ южно-русскимъ матеріаломъ знакомъ не былъ. Думаю, однако, что вопросъ такого спеціальнаго изслѣдованія вполнѣ заслуживаетъ. Каковы бы, однако, ни были результаты этого изслѣдованія, ясно одно, что, если бы даже оказались въ Керчи склепы съ тремя нишами-лежанками болѣе ранняго времени, чѣмъ II в. по Р. Хр., примѣры такихъ склеповъ насчитывались бы единицами. Несомнѣнно поэтому, что, при принятіи любой изъ выше намѣченныхъ альтернативъ, архитектура нашего склепа будетъ свидѣтельствовать о томъ, что построенъ онъ былъ позже, чѣмъ большинство склеповъ безъ нишъ-лежанокъ, и раньше, чѣмъ опять-таки большинство склеповъ съ тремя и двумя нишами-лежанками, склеповъ, которые въ Керчи принято называть катакомбами.

Оригинальное и богатое устройство нашей гробницы съ ея ложами и центральной нишей заставляетъ съ особою силою сожалѣть, что она найдена была разграбленной настолько основательно, что не было никакой возможности съ несомнѣнностью отвѣтить на вопросы о томъ, дѣйствительно ли лежали на ложахъ и въ нишахъ покойники, или все это было сдѣлано только для того, чтобы замаскировать истинное мѣсто упокоенія усопшихъ, можетъ быть, внутренность ложъ-саркофаговъ, рядомъ съ нишами-тайниками.

Роспись склепа.

Весь склепъ, равно какъ и переднія стороны ложъ-саркофаговъ, были оштукатурены и богато расписаны. Характерно то, что былъ оштукатуренъ и покрытъ росписью и входной корридоръ, причемъ, однако, вѣроятно, еще до покрытія склепа штукатуркой здѣсь на обѣихъ стѣнахъ были нацарапаны нѣсколько рядовъ, очевидно, письменныхъ знаковъ того же характера, что и на знаменитомъ Ольвійскомъ львѣ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ, найденныхъ въ Керчи (см. табл. LXXXIII).

Надписи на стѣнахъ корридора.

Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о томъ, имѣемъ ли мы въ этихъ знакахъ дѣйствительно зачатки мѣстного письма. Не могу, однако, не указать на то, что помѣщеніе знаковъ при входѣ въ гробницу подъ штукатуркой, помѣщеніе ихъ, кромѣ того, на львѣ, найденномъ въ Ольвіи и стоявшемъ, несомнѣнно, у входа въ гробницу, наводитъ на мысль о томъ, что на указанныхъ памятникахъ знаки имѣютъ профилактическое, магическое значеніе. Имѣли ли, однако, это профилактическое значеніе сами знаки, или написанные при нихъ посредствѣ тексты, это—вопросъ, врядъ ли поддающійся разрѣшенію при современномъ состояніи нашихъ знаній [1]).

Осложняется вопросъ еще тѣмъ, что у многихъ, можетъ быть, даже у всѣхъ боспорскихъ царей II и III в. по Р. Хр., имѣлись очень схожіе съ нашими знаками монограммы или тамги. Одинъ такой знакъ мы видѣли на одной изъ стѣнъ склепа Алкима. Вполнѣ возможно, какъ думаетъ В. В. Шкорпилъ, что эти тамги были не индивидуальны, а обозначали принадлежность къ извѣстному роду. Вѣроятно и то, что эти монограммы или знаки служили иногда въ боспорской эпиграфикѣ II — III в. по Р. Хр. чѣмъ-то въ родѣ даты, знакомъ, которымъ опредѣлялась принадлежность памятника, носящаго знакъ, опредѣленному лицу или, можетъ быть, группѣ лицъ.

Для насъ важно то, что тщательное сопоставленіе части матеріала В. В. Шкорпиломъ (И. И. А. К., 37, стр. 23 слл.), собирающимся дополнить это свое изслѣдованіе публикаціей факсимиле всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ этого типа, доказало, что всѣ могущіе быть датированными памятники, носящіе интересующіе насъ знаки, принадлежатъ времени отъ конца I в. по Р. Хр. до средины III в. по Р. Хр. Къ тѣмъ же выводамъ пришелъ и M. Ebert, *Praehistorische Zeitschrift*, I (1909), 69 слл., опубликовавшій рядъ памятниковъ Берлинскаго этнографическаго музея, украшенныхъ интересующими насъ знаками [2]).

[1]) Знаки нашей гробницы изданы отдѣльно Бурачковымъ въ *Зап. Од. общ. ист. и др.*, IX, стр. 191 слл. и табл. XIV (статья эта указана мнѣ В. В. Шкорпиломъ), ср. объ этихъ знакахъ вообще въ послѣднее время В. Шкорпилъ, И. И. А. К., 37, стр. 23—35, ср. ibid. 40, 112 слл.; Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, 319 слл.

[2]) Интересно отмѣтить, что монограммами интересующаго насъ типа украшались, главнымъ образомъ, пряжки поясовъ и ремней конскаго убора, притомъ почти всегда ажурной работы. Ту же технику, вѣроятно, восточнаго происхожденія мы наблюдаемъ на рядѣ солдатскихъ поясовъ II и III в., находимыхъ по всему лицу римской имперіи, см. мою статью въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1908, Апрѣль, 129—136, ср. A. von Domaszewski, *Römisch-germanisches Korrespondenzblatt*, 1910 (IV), 1, 9 сл.;

Схема росписи.

Декоративная схема росписи и способъ размѣщенія картинъ на стѣнахъ склепа намъ уже въ достаточной степени знакомы.

И здѣсь роспись гробницы распадается на декоровку стѣнъ, люнетокъ и плафона, и здѣсь декоровка стѣнъ отъ декоровки люнетокъ отдѣлена на задней особо богато декорированной стѣнѣ нарисованнымъ сухарнымъ карнизомъ, на боковыхъ — узкой черной полосой; и здѣсь картины съ фигурами помѣщены исключительно въ люнеткахъ, плафонъ же и стѣны имѣютъ свою особую чисто орнаментальную роспись.

Отличается наша гробница какъ отъ гробницъ поздне-эллинистическихъ псевдо-исодомнаго типа, такъ и отъ римскихъ гробницъ типа склепа Зайцевой тѣмъ, что стѣны ея не разбиты на квадраты и прямоугольники въ типѣ псевдо-исодомной декоровки, равно и не оставлены не дифференцированными, какъ въ гробницахъ цвѣточнаго стиля, а расписаны по принципу подражанія въ живописи настоящей инкрустаціи въ мраморѣ, какъ въ гробницахъ типа Фельдштейновскаго склепа. Этотъ способъ декоровки стѣнъ сближаетъ, конечно, нашъ и ему подобные склепы болѣе всего съ памятниками, декорированными въ такъ называемомъ первомъ помпеянскомъ стилѣ, а также съ памятниками, расписанными по псевдо-исодомной системѣ, но зато способъ украшенія центральной части потолка и заполненіе фона люнетокъ листьями, лепестками, цвѣтами и гирляндами розъ находятъ себѣ ближайшую аналогію только въ гробницахъ цвѣточнаго стиля.

Но прежде чѣмъ заняться подробнымъ анализомъ какъ схемы росписи, такъ и стиля ея, необходимо, отчасти въ виду того, что это своевременно не было сдѣлано Стасовымъ, дать подробное описаніе росписи отдѣльныхъ стѣнъ, которое одно можетъ позволить намъ произвести стилистическій ея анализъ, а также опредѣлить значеніе и смыслъ отдѣльныхъ картинъ.

Техника росписи.

Весь склепъ, какъ сказано, покрытъ однимъ толстымъ слоемъ довольно грубой штукатурки. Прямо по этому слою штукатурки сдѣлана роспись, по всей вѣроятности, не вполнѣ al fresco, такъ какъ слои краски легко отваливаются и краска при треніи сходитъ. Гамма красокъ обычная, ихъ химическій составъ и вѣроятная примѣсь какого-нибудь органическаго связывающаго вещества могли бы быть выяснены только путемъ тщательнаго химическаго анализа, для успѣшности котораго нужны были бы, однако, большія количества краски. Отдѣлить ихъ отъ стѣнъ безъ ущерба для росписи мнѣ не казалось возможнымъ.

Роспись стѣнъ входного коридора.

Стѣны *входного коридора* (выс. 1,24 м., шир. внизу у входа снаружи—0,81, внутри—1,08) расписаны нѣсколько иначе, чѣмъ самый склепъ, въ чистомъ цвѣтномъ стилѣ. Надъ пурпурно-краснымъ цоколемъ, точная высота котораго здѣсь неопредѣлима, идетъ бѣлое поле средней части стѣны, украшенное листьями, лепестками, цвѣтами и гирляндами, заканчивающееся узкой красной полосой, за которой начинается украшенный тѣми же цвѣточными орнаментами ложно-сводчатый потолокъ. Гирлянды — обычныя гирлянды-мѣшки — обрамляли извнутри самый входъ въ склепъ, свѣшиваясь перпендикулярно, вѣроятно, по обѣ его стороны. По аналогіи съ гробницей Сорака и гробницей 1873 г. можно было бы

V. Abramic, *Jahresh. des Oest. Arch. Inst.*, *Beiblatt*, XII (1909), 113 слл. Несомнѣнно, что всѣ вышеуказанныя явленія свидѣтельствуютъ о рѣзкой сарматизаціи какъ правящей династіи Боспора, такъ и всего населенія Боспорскаго царства. Въ связи съ этимъ вырабатываются и начатки самостоятельнаго письма. Этому развитію, о которомъ ниже придется еще говорить, положенъ былъ предѣлъ нашествіями готовъ и гунновъ, нанесшими смертельный ударъ, если не существованію, то расцвѣту Боспорскаго царства.

предположить, что такая же гирлянда изображена была на потолкѣ входного корридора надъ входомъ, но слѣдовъ ея здѣсь не сохранилось [1]).

Какъ уже было сказано выше, на обѣихъ стѣнахъ входного корридора, по всей вѣроятности, до покрытія его штукатуркой было нацарапано нѣсколько рядовъ непонятныхъ намъ знаковъ.

Роспись задней стѣны.

По обѣ стороны отъ входа, всѣ стѣны камеры отъ цоколя вплоть до вышеупомянутаго сухарнаго нарисованнаго карниза были расписаны въ подражаніе стѣнѣ, обложенной плитами разноцвѣтнаго мрамора, частью инкрустированными мраморами другихъ цвѣтовъ. При этомъ части стѣнъ, занятыя лежанками, были трактованы иначе, чѣмъ тѣ, гдѣ лежанокъ не было, т. е. выдѣлены были два простѣнка по обѣ стороны отъ входа и средняя часть задней стѣны, не занятая короткими сторонами лежанокъ. Наиболѣе богато раздѣлана была только что упомянутая часть задней стѣны, составляющая до нѣкоторой степени фасадъ или цоколь большой ниши и прежде всего бросающаяся въ глаза входящему въ гробницу (табл. LXXVIII, 1 и LXXIX) [2]).

Здѣсь надъ темно-пурпуровымъ цоколемъ (выс. 0,16) стоятъ четыре колонки обычнаго поздне-іонійскаго типа. Боковыя стоятъ у самаго края короткихъ сторонъ лежанокъ. Колонны сдѣланы рѣзкими черными и желтыми толстыми линіями; базы и капители написаны грубо и суммарно. Капители колоннъ поддерживаютъ упомянутый сухарный карнизъ, написанный бѣлой, желтой и черной красками, съ намѣреніемъ дать иллюзію скульптурнаго карниза. Пространство между колоннами заполнено живописью, имитирующей стѣну, обложенную разноцвѣтными мраморами и инкрустированную мраморами другихъ цвѣтовъ въ схемѣ обычной геометрической орнаментаціи.

Каждый интерколюмній составляетъ одну большую квадру (выс. 0,95 м., шир. 1,09), вставленную въ красную или въ темно-розовую рамку (шир. 0,02); въ квадратъ внутри этой рамки вдѣланъ ромбъ изъ мрамора другого цвѣта, въ который въ свою очередь вписано два концентрическихъ круга разныхъ цвѣтовъ; отъ внутренняго круга во всѣ стороны расходятся десять (или девять) лучей, почти доходящихъ до периферіи внѣшняго круга (діам. внѣшняго круга 0,44, внутренняго 0,25). Цвѣта этой пестрой декоровки грубые и рѣзкіе. Въ боковыхъ поляхъ они чередуются слѣдующимъ образомъ: квадратъ внутри рамки—темносѣрый съ черными жилками и красными бликами; ромбъ—темнорозовый съ темнокрасными жилками и сѣровато-красными бликами; внѣшній кругъ, вѣроятно, былъ темнозеленымъ (теперь черный), зубцы звѣзды—бѣлые съ желтыми краями, внутренній кругъ свѣтложелтый съ темнокрасными жилками и сѣровато-красными бликами. Тѣ же цвѣта, но въ иномъ распредѣленіи, и въ центральномъ полѣ: первый квадратъ—свѣтложелтая мраморировка, ромбъ—сѣрая, первый кругъ—сѣроватый, зубцы—темнозеленые, второй кругъ—желтая мраморировка.

Роспись боковыхъ стѣнъ.

На боковыхъ стѣнахъ и на частяхъ задней и входной стѣны, закрытыхъ лежанками, декоровка иная. Верхъ стѣны надъ лежанками занятъ длинными и невысокими квадратами. Судя по заполненію всего поля между крайними колонками задней стѣны и лежанкой мелкой мраморировкой, продолжающейся и надъ лежанкой, можно было бы думать, что надъ лежанкой видны только верхушки большихъ нарисованныхъ мраморныхъ плитъ, какъ бы покрывавшихъ стѣну до цоколя; но противъ этого говоритъ способъ декоровки простѣнковъ

[1]) Сохранилась эта часть росписи настолько плохо, что для ея описанія приходится пользоваться почти исключительно рисунками Гросса, см. продольный разрѣзъ и табл. XVI.

[2]) Сохранилась сравнительно хорошо только часть этой росписи—лѣвая квадра съ ея колонками.

входной стѣны, о которомъ ниже. Надъ лежанкой чередуются, такимъ образомъ, узкія разноцвѣтныя какъ бы мраморныя квадры, но безъ инкрустаціи. Цвѣта этихъ квадръ теперь трудно опредѣлить; передъ нами по большей части крупныя и мелкія мраморировки по розовому или желтому фону и какой-то (можетъ быть, зеленый или синій) сплошной цвѣтъ [1]).

Роспись входной стѣны.

Болѣе роскошно расписана только незанятая лежанкой часть входной стѣны направо отъ входа (табл. LXXX, 2). Здѣсь надъ краснымъ цоколемъ (выс. 0,30 м.) идутъ двѣ квадры, одна, заполненная мраморировкой на розовомъ фонѣ (лѣвая, выс. 0,46, шир. 0,56), другая, окрашенная въ сплошной синій или зеленый цвѣтъ (шир. 0,58); надъ ними двѣ квадры почти одинаковой ширины (прибл. 0,57, выс. 0,52) съ вписанными внутри ихъ небольшими прямоугольниками, отъ угловъ которыхъ къ угламъ квадры идутъ черныя линіи; внутренній прямоугольникъ заполненъ мраморировкой на розовомъ фонѣ; усѣченные треугольники, на которые раздѣлена каждая квадра, — попеременно и хіастически, розовой мраморировкой или сплошнымъ синимъ или зеленымъ цвѣтомъ [2]).

Роспись лежанокъ.

Иначе декорированы были переднія доски лежанокъ, надъ которыми лежалъ профиль верхней доски. Къ сожалѣнію, доски эти теперь исчезли, а рисунки Гросса на двухъ разрѣзахъ не совпадаютъ одинъ съ другимъ. Несомнѣнно только одно, что доски эти были расписаны приблизительно такъ же, какъ средняя часть задней стѣны, т. е. представлены какъ бы обложенными разноцвѣтными мраморными инкрустированными плитами; разница между декоровкой этихъ досокъ и декоровкой задней стѣны та, что дѣлящихъ колонокъ на доскахъ изображено не было. Какова была схема инкрустаціи, вписаны ли были въ прямоугольники ромбы (это даетъ поперечный разрѣзъ) или круги (такъ на продольномъ разрѣзѣ), каковы были цвѣта отдѣльныхъ частей декоровки, обо всемъ этомъ рисунки Гросса, изданные Стасовымъ, представленія не даютъ.

Роспись люнетокъ.

Важнѣйшей частью всей декоровки камеры, мѣстомъ, гдѣ помѣщены всѣ картины ея, являются, какъ въ большинствѣ вышеописанныхъ склеповъ, боковыя и задняя люнетки. Продолженіемъ стѣнъ задней люнетки служатъ въ нашемъ склепѣ стѣны большой ниши-лежанки задней стѣны, и вообще декорированной, какъ сказано, наиболѣе богато. Люнетка входной стѣны, благодаря упомянутому уже повышенію камеры къ задней ея стѣнѣ, настолько низка, что помѣстить на ней какія-либо фигуры было бы невозможно. Поэтому она сплошь заполнена листьями и лепестками розы, обычныхъ, намъ уже достаточно знакомыхъ, формъ. Среди этихъ формъ обращу вниманіе на одну, которая является характернымъ

[1]) Чередованіе плитъ направо отъ центральной ниши таково; на задней стѣнѣ: 1) грубая мелкая мраморировка красными линіями по свѣтло-желтому фону (шир. 0,72) въ черной рамкѣ; 2) сплошная зеленая квадра (0,71 до угла); на правой стѣнѣ: 3) грубая крупная мраморировка по темнорозовому фону (0,71); 4) сплошное зеленое поле (0,74); 5) мелкая желтая мраморировка (0,62); 6) крупная розовая (0,74); 7) зеленое поле (0,51); на входной стѣнѣ: 8) мелкая мраморировка на желтомъ фонѣ (0,88). Гораздо менѣе богато расписана была нижняя часть стѣнъ камеры налѣво отъ центральной ниши. Часть задней стѣны, не закрытая лежанкой, сплошь покрыта была обычной мраморировкой по свѣтло-желтому фону, соотвѣтственная часть лѣвой стѣны окрашена была въ сплошной, можетъ быть, зеленый цвѣтъ и не была дифференцирована на отдѣльныя квадры, наконецъ, соотвѣтственная часть входной стѣны была опять-таки, какъ и лѣвая часть задней, покрыта мелкой мраморировкой на свѣтло-желтомъ фонѣ. Такая простота росписи лѣвой части камеры объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что эта часть склепа и меньше, и ниже, чѣмъ соотвѣтственная правая часть.

[2]) Рисунокъ Гросса на разрѣзѣ въ данномъ мѣстѣ неправиленъ; правильно зарисована эта часть декоровки Гроссомъ на его эскизахъ и большихъ калькахъ.

примѣромъ постепенной стилизаціи этого по существу натуралистическаго орнамента. Рядомъ съ отдѣльными лепестками и отдѣльно нарисованными листьями, рядомъ съ вѣткой розы, кончающейся однимъ или нѣсколькими бутонами, мы имѣемъ здѣсь стебли и листья розовыхъ вѣтокъ, на концѣ которыхъ помѣщены не цѣлые бутоны, а обычные серцевидные лепестки, охваченные стилизованными усиками, обрамляющими обыкновенно бутоны розы.

По количеству люнетокъ и простѣнковъ получаются поля для семи отдѣльныхъ картинъ: двухъ въ боковыхъ люнеткахъ, по одной на задней направо и налѣво отъ центральной ниши и, наконецъ, по одной на трехъ стѣнахъ большой центральной ниши. Вся площадь этихъ полей, независимо отъ изображеннаго сюжета, покрыта, главнымъ образомъ, въ верхнихъ частяхъ полей только что названнымъ орнаментомъ листьевъ, лепестковъ, бутоновъ и цвѣтовъ розы. Упомяну тутъ же, что этимъ же орнаментомъ покрыты и стѣнки нишъ входной и боковыхъ стѣнъ.

Изъ семи отмѣченныхъ картинъ, по сюжету и трактовкѣ, одно цѣлое составляютъ картины люнетокъ боковыхъ стѣнъ и картины южной и восточной стѣнъ большой ниши; другую группу составляютъ картины двухъ частей задней люнетки и примыкающая къ картинѣ правой западной части ея картина западной стѣны большой ниши-лежанки.

Картина восточной боковой люнетки.

Картина на восточной боковой (табл. LXXX, 1) люнеткѣ прикомпонована къ нишѣ этой стѣны [1]). По всему низу картины на сѣроватомъ фонѣ штукатурки изображена высокая не натуралистическая, а условная трава или поросль зеленаго и желтаго цвѣтовъ. Листья этой травы всѣ одного типа: болѣе или менѣе высокіе, ланцетообразные, мясистые, врядъ ли передающіе натуралистично какую либо породу степной травы. Говорить поэтому о натуралистическомъ изображеніи степи здѣсь и на всѣхъ остальныхъ картинахъ не приходится. Степь изображена, но условно.

Трава заполняетъ низъ всей люнетки; болѣе густой и высокой изображена она ближе къ южному ея концу. Здѣсь по обѣ стороны ниши нарисовано по пятнистому рыжему звѣрю, вѣроятно, пантерѣ. Звѣрь налѣво изображенъ вправо, голова поднята, лѣвая передняя лапа тоже, хвостъ опущенъ; пасть пріоткрыта: звѣрь, вѣроятно, рычитъ. По другую сторону ниши стоитъ такой же звѣрь влѣво, правая передняя лапа поднята, хвостъ опущенъ и заброшенъ за правую заднюю лапу.

Изображеніе и расцвѣтка звѣрей чисто условныя, ихъ помѣщеніе по обѣ стороны ниши напоминаетъ не разъ уже упомянутую гербообразную разстановку птицъ, звѣрей и фантастическихъ чудовищъ, которая составляетъ особенность какъ восточнаго, такъ и греческаго оріентализирующаго искусства.

Сзади праваго звѣря, недалеко отъ угла люнетки, поставлено дерево, продолжающееся на сосѣдней задней стѣнѣ, гдѣ изображенъ бой коннаго и пѣшаго воина. На толстомъ коричневомъ стволѣ, отъ котораго расходятся въ обѣ стороны вѣтки, выростаетъ на концѣ каждой вѣтки по зонтику зеленой листвы, ничѣмъ, какъ кажется, не дифференцированной. Къ этому способу изображенія листвы и деревьевъ мы еще вернемся.

Надъ тѣмъ же правымъ звѣремъ изображенъ крылатый нагой мальчикъ впрямь [2]). На головѣ курчавые русые волосы. Обѣ руки вытянуты. Всѣ контуры

[1]) Сохранились хорошо только лѣвый звѣрь и геній надъ правымъ, правый звѣрь почти совсѣмъ стерся. Ср. Стасовъ, табл. V.

[2]) Гроссъ изображаетъ нашего крылатаго эрота или генія одѣтымъ въ обычный пантикапейскій костюмъ: рукавный подпоясанный кафтанчикъ и штаны. Врядъ ли это правильно. Предполагаемые

фигуры сдѣланы грубыми красными линіями, заполнены они желтовато-коричневой краской. Крылья сѣрыя съ черными контурами. Въ обѣихъ рукахъ геній держитъ по большой слѣва прямой и справа изогнутой гирляндѣ-мѣшку; концы этихъ гирляндъ украшены, какъ обыкновенно, вылѣзающими загнутыми въ обѣ стороны пучками зелени.

Какъ звѣри и дерево, такъ и нашъ геній имѣетъ, очевидно, главнымъ образомъ, орнаментальное значеніе и съ остальными частями изображенія ничѣмъ не связанъ. О возможномъ религіозномъ толкованіи его рѣчь будетъ ниже.

Картина западной боковой люнетки.

Иначе расположено изображеніе на западной боковой люнеткѣ (табл. LXXVIII 2), родственное описанному [1]). Вся изображенная сцена помѣщена здѣсь къ югу отъ ниши, которая къ тому же либо не дала мѣста, либо перерѣзала часть листвы одного изъ деревьевъ. Все поле направо, т. е. къ сѣверу отъ ниши, занято только листьями и лепестками розы, а снизу травой; налѣво отъ нея, кромѣ травы и заполняющихъ фонъ листьевъ и лепестковъ, почти на равныхъ разстояніяхъ одно отъ другого, разставлены три дерева приблизительно того же типа, что и вышеописанное. Разница та, что группы листвы здѣсь шаттированы волнистыми линіями [2]). Любопытно еще и то, что у двухъ изъ изображенныхъ деревьевъ, кромѣ вѣтвей съ шапкой листвы, имѣются еще сухія или обрубленныя вѣтки; эти вѣтви являются постоянной особенностью деревьевъ иного типа, изображенныхъ въ росписи гробницъ Анѳестерія и 1891 г. Къ среднему дереву съ обѣихъ сторонъ бѣгутъ два животныхъ: слѣва—олень вправо, изображенный натуралистически, но сплошь одной краской. Тѣло не моделлировано; сдѣланъ только густой толстый контуръ и закрашенъ рыжей краской. Навстрѣчу оленю, по правую сторону отъ дерева, бѣжитъ большая черная собака, изъ породы борзыхъ, влѣво. И она изображена натуралистически, но безъ моделлировки и сплошь одною краской. Собака не изображена бѣгущей по травѣ, которая, какъ и на правой картинѣ, покрываетъ весь низъ люнетки, а нѣсколько выше ея прямо на фонѣ картины; при этомъ, однако, художникъ врядъ ли задавался цѣлью изобразить прыжекъ звѣря.

Разстановка звѣрей съ поднятыми передними ногами около центральнаго дерева и здѣсь, несмотря на натурализмъ изображенія и натурализмъ обстановки, даетъ ту же гербообразную схему, которую мы видѣли и въ изображеніи двухъ пантеръ на восточной люнеткѣ.

Картины южной и восточной стѣнъ ниши.

Къ описаннымъ двумъ картинамъ по сюжету и манерѣ трактовки примыкаютъ южная и восточная стѣны центральной ниши-лежанки (табл. LXXVI и LXXVII) [3]). На всѣхъ стѣнахъ ниши картины размѣщены надъ низкимъ желтымъ цоколемъ на бѣломъ фонѣ. На восточной короткой стѣнѣ (табл. LXXVI, 1 и LXXVII, 1, ср. Стасовъ, табл. VIII), внизу надъ упомянутымъ цоколемъ изображена такая же трава, какъ и на боковыхъ люнеткахъ, только значительно выше и гуще. Въ этой травѣ стоитъ левъ влѣво, изображенный тѣми же красками и такъ же схематично и условно, какъ и пантеры восточной люнетки. Поза льва та же, что

контуры одежды кажутся мнѣ послѣ повторнаго внимательнаго изученія оригинала обычными грубо подчеркнутыми контурами тѣла. Противъ Гросса говоритъ и тѣлесный цвѣтъ всей предполагаемой одежды, и аналогія съ амуромъ или геніемъ, изображеннымъ на лѣвой стѣнѣ ниши.

[1]) Сохранилось хорошо и теперь, кромѣ собаки. Ср. Стасовъ, табл. XI.

[2]) Волнистыя линіи контуровъ отдѣльныхъ группъ листвы на рисункахъ Гросса принадлежатъ къ числу многочисленныхъ его отсебятинъ.

[3]) Сохранились всѣ картины ниши хорошо и теперь. Хуже другихъ исполнена картина, гдѣ мастеру пришлось имѣть дѣло съ человѣческими фигурами, то-есть картина съ изображеніемъ дружины (см. ниже).

у правой пантеры люнетки. Правая передняя лапа поднята, пасть открыта, хвостъ заброшенъ за правую заднюю ногу. Одинакова вполнѣ и манера живописи: толстые контуры и сплошное заполненіе темно-желтой краской. Въ мысли мастера или въ его образцахъ этому льву, несомнѣнно, соотвѣтствовалъ другой, стоявшій противъ него. Другъ отъ друга ихъ долженъ былъ отдѣлять большой кустъ розы съ многочисленными цвѣтами-лепестками вышеописаннаго типа.

Мальчику или генію надъ пантерой восточной люнетки, обращенной влѣво, соотвѣтствуетъ такой же крылатый геній направо отъ льва. Изображенъ онъ впрямь, ноги влѣво. Волосы и крылья темно-коричневаго цвѣта съ черной шаттировкой. На плечахъ укрѣпленъ красный плащъ со складками, переданными черными же линіями. Кромѣ плаща никакой другой одежды нѣтъ. Какъ съ геніемъ восточной люнетки поставлены въ связь двѣ орнаментальныя гирлянды, такъ съ крылатымъ мальчикомъ нашей картины связаны двѣ птички, одна изъ которыхъ стоитъ налѣво отъ мальчика влѣво; надъ ней геній вытянулъ свою правую руку; другая птица представлена какъ бы сидящей на его лѣвой рукѣ внизу. Контуры птицъ черные, тѣло—желто-коричневое.

Сценой того же характера заполнена и южная главная стѣна центральной ниши-лежанки (табл. LXXVI, 2 и LXXVII, 2) [1]. И здѣсь весь низъ надъ желтымъ цоколемъ занятъ изображеніемъ высокой и густой травы, и здѣсь мы имѣемъ симметричное гербообразное изображеніе на этотъ разъ трехъ звѣрей между двумя деревьями.

Деревья стоятъ по обѣ стороны центральнаго изображенія. Лѣвое съ обрубленнымъ сукомъ слѣва напоминаетъ деревья гробницъ Анѳестерія и 1891 г.; группы листвы этого дерева оттѣнены зеленой шаттировкой по зеленовато-желтому фону, стволъ—бурой шаттировкой по темножелтому фону. Отдѣльныя группы листвы здѣсь, несомнѣнно, ограничены волнообразными линіями. Правое дерево не изогнуто, какъ лѣвое, а стоитъ прямо; каждая вѣтка кончается группой листвы. Листва этого дерева окрашена въ болѣе яркій зеленый цвѣтъ, чѣмъ листва перваго дерева. Каждая группа листвы раздѣлена на части вѣерообразно расходящимися прямыми линіями, на подобіе пальмоваго листа; тѣневыя стороны на нашемъ деревѣ темными линіями не обозначены.

Между этими деревьями другъ противъ друга стоятъ натуралистически изображенные звѣри: слѣва дикій кабанъ вправо, справа медвѣдь влѣво. Оба звѣря сдѣланы натуралистически, даже пропорціи, можетъ быть, выдержаны, если имѣется въ виду маленькій горный медвѣдь и большой кабанъ кавказскаго побережья. Тѣло звѣрей довольно тщательно шаттировано, сравнительно хорошо передана лохматая и косматая шерсть обоихъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи изображеніе описанныхъ двухъ животныхъ стоитъ значительно выше реалистическаго же изображенія оленя и собаки на западной боковой люнеткѣ. Немало общихъ чертъ роднитъ, однако, нашихъ реалистически трактованныхъ звѣрей съ условными изображеніями хищныхъ животныхъ въ восточной люнеткѣ и на восточной стѣнѣ ниши: голова медвѣдя, напримѣръ, мало чѣмъ отличается, кромѣ цвѣта, отъ головы пантеры и льва, даже пасть такъ же приоткрыта, какъ у этихъ послѣднихъ.

Надъ звѣрями, до извѣстной степени, между ними изображенъ орнаментальный, окрашенный въ условные цвѣта павлинъ. Посаженный надъ группой гербообразно поставленныхъ звѣрей, онъ даетъ всей группѣ треугольное построеніе, обычное для гербообразно расположенныхъ животныхъ. Въ общемъ павлинъ въ нашей

---

[1]) Стасовъ, табл. VIII.

сценѣ играетъ mutatis mutandis ту же роль, что крылатый геній на восточной стѣнѣ ниши и въ восточной люнеткѣ.

Изображенъ павлинъ стоящимъ влѣво, голова вправо; туловище—синее съ черной шаттировкой, на головѣ синій султанъ, крылья красныя съ синей шаттировкой, хвостъ красный съ синимъ. Около него налѣво большая гирлянда-мѣшокъ. По цвѣтамъ и манерѣ трактовки павлинъ нашей картины родной братъ павлиновъ, которые играютъ такую крупную роль въ рядѣ вышеописанныхъ гробницъ, начиная съ гробницы Пигмеевъ.

Картина восточной части люнетки задней стѣны.

Вторую, однородную по содержанію и манерѣ исполненія группу картинъ составляютъ, какъ сказано, картины люнетки задней стѣны по обѣ стороны ниши-лежанки. Къ правой западной части этой люнетки примыкаетъ и по содержанію, и топографически группа пѣшихъ воиновъ на западной стѣнѣ ниши-лежанки.

Всѣ картины даютъ изображенія боевыхъ сценъ, сценъ сраженія героя-всадника со своими конными и пѣшими противниками.

Налѣво, т. е. на востокъ отъ ниши, на полѣ, усѣянномъ обычными лепестками и листьями розы, изображенъ бой коннаго воина съ пѣшимъ (табл. LXXVIII, 1)[1]). Въ лѣвомъ углу люнетки продолжается дерево, изображенное частью на сосѣдней боковой стѣнѣ. Почва, по крайней мѣрѣ, мѣстами, представлена поросшей обычною для нашей гробницы травой. Передъ деревомъ, въ полной съ нимъ диспропорціи, стоитъ вправо въ профиль въ позѣ обороняющагося пѣшій воинъ безъ шлема съ длинными волосами, усами и торчащей впередъ бородой темно-русаго цвѣта. Одѣтъ онъ въ плотно облегающій тѣло короткій казакинъ съ рукавами краснаго цвѣта и въ штаны чернаго цвѣта. На ногахъ, какъ кажется, мягкіе желтые сапоги. Въ правой рукѣ у него короткій черный мечъ, въ лѣвой—щитъ въ формѣ ромба, украшенный по краю и внутри двумя концентрическими бурыми полосами [2]).

На воина наскакиваетъ всадникъ влѣво, одѣтый и вооруженный такъ же, какъ пантикапейскій рыцарь, съ которымъ мы уже познакомились по гробницѣ 1873 г. Лошадь его, уже знакомая намъ, сухопарая степная гнѣдая лошадь съ длиннымъ хвостомъ и гривой городками. На ней уздечка со свѣшивающейся подъ мордой лошади большой черной кистью и обычное округленное сѣдло. Уздечка, вѣроятно, привязана къ сѣдлу, такъ какъ обѣими руками всадникъ держитъ длинное копье, остріе котораго не сохранилось [3]). Вооруженіе всадника состоитъ изъ обычнаго яйцеобразнаго рѣшетчатаго шлема и, вѣроятно, чешуйчатаго панцыря, надѣтаго, какъ кажется, на кафтанъ. На ногахъ красные штаны и бѣлые мягкіе сапоги. Ноги въ профиль, тѣло и голова впрямь. На плечахъ укрѣпленъ развѣвающійся сзади красный плащъ съ круглыми кистями на его концахъ. Изъ-подъ сѣдла свѣшивается обычный для пантикапейскихъ рыцарей тройной или четверной ремень. Скачетъ всадникъ не непосредственно надъ сухарнымъ карнизомъ, а выше. Почва подъ задними ногами лошади обозначена желтымъ пятномъ. Оставшееся свободнымъ пространство направо отъ всадника, кромѣ листьевъ и лепестковъ, заполнено двумя, нынѣ почти совершенно исчезнувшими, птичками. Одна—верхняя сидитъ влѣво, другая—нижняя вправо. У птичекъ туловище сдѣлано коричневатой, крылья темно-коричневой, черной и бѣлой красками. Птички, конечно, ни въ

---

1) Сохранилась теперь эта картина очень неважно, особенно пѣшій воинъ и правая орнаментальная ея часть, ср. Стасовъ, табл. VI.

2) Вооруженіе сохранилось теперь только въ слабыхъ очертаніяхъ.

3) Конецъ правой руки воина съ кистью не додѣланъ и кажется поэтому скрытымъ за шеей лошади, а не держащимъ копье.

какой связи съ изображенной сценой не стоятъ и имѣютъ чисто орнаментальное заполняющее значенiе и назначенiе.

Картина западной части люнетки.

Сцена, изображенная на западной правой части люнетки (табл. LXXIX)[1]), гораздо богаче фигурами и заполняетъ все свободное пространство. Основу и здѣсь составляетъ бой двухъ наскакивающихъ другъ на друга противниковъ; здѣсь оба противника конные. Осложнена сцена, какъ и въ гробницѣ 1873 г., изображенiемъ дружины главнаго борца и тѣлъ двухъ убитыхъ воиновъ и одной лошади.

Главная фигура сцены—пантикапейскiй рыцарь, скачущiй на караковой лошади вправо. Поза его, одежда, вооруженiе, лошадиный уборъ тѣ-же, что у только что описаннаго: яйцевидной формы рѣшетчатый шлемъ, чешуйчатый панцырь—оба синяго цвѣта, камзолъ съ длинными рукавами (коричневый), синiе штаны, кожаные коричневые мягкiе сапоги, за плечами красноватый развѣвающiйся плащъ, въ обѣихъ рукахъ длинное копье. Уборъ коня: уздечка съ кистью подъ мордой лошади, привязанная къ сѣдлу, круглое коричневое сѣдло съ тремя ремнями, грива городками[2]).

Сзади всадника, какъ часто на надгробныхъ стелахъ, пѣшая дружина. Здѣсь два пѣшихъ воина, одѣтыхъ совершенно такъ же, какъ конный ихъ господинъ: яйцевидный рѣшетчатый шлемъ, чешуйчатый панцырь[3]), оба синяго цвѣта, короткiй камзолъ съ длинными рукавами коричневаго цвѣта, штаны—у одного красные, у другого синiе, мягкiе сапоги. Вооруженiе наступательное нѣсколько иного характера, чѣмъ вооруженiе всадника: короткое копье и круглый деревянный или, вѣрнѣе, кожаный щитъ бѣлаго цвѣта съ обшивкой по краю коричневаго цвѣта и коричневымъ umbo. Оба пѣшихъ воина изображены идущими вправо, но тѣла и головы ихъ повернуты впрямь.

Къ дружинѣ главнаго всадника принадлежитъ и тотъ всадникъ, что наскакиваетъ на врага сзади, двигаясь отъ праваго угла картины влѣво. Его вооруженiе, одежда, поза, уборъ лошади во всемъ совпадаютъ съ вооруженiемъ, одеждой и т. д. только что описаннаго главнаго всадника. Разнятся только цвѣта: буланая лошадь, коричневый камзолъ, свѣтло-коричневые штаны. Характерно, что панцырь покрываетъ у этого воина руки до кистей и что съ сѣдла не свѣшивается ремней. Это, однако, могло бы объясняться и тѣмъ, что нашъ всадникъ повернутъ къ зрителю лѣвой стороной.

Главнымъ противникомъ пантикапейскаго рыцаря и его дружины является конный же всадникъ, изображенный скачущимъ влѣво на бѣлой лошади. Одѣтъ онъ, посаженъ и вооруженъ совершенно иначе, чѣмъ пантикапейскiе всадники. Не только тѣло, но и голова его повернуты въ профиль. Голову покрываютъ только густые прямые волосы. На тѣлѣ коричневый камзолъ, синiе штаны и очень низкiе сапоги, за плечами синiй плащъ, обѣими руками онъ натягиваетъ небольшой лукъ, собираясь пустить стрѣлу; на лѣвомъ его боку довольно длинный мечъ въ ножнахъ. Зато уборъ лошади совпадаетъ съ уборомъ лошадей пантикапейцевъ. Узда также привязана къ сѣдлу, той же формы; отъ него свѣшиваются три ремня; грива городками; не хватаетъ только кисти подъ мордой лошади.

---

[1]) Сохранилась очень неважно, особенно въ центральной части, гдѣ изображены павшiе, ср. Стасовъ, табл. X.

[2]) Почва подъ задними ногами лошади обозначена такимъ же желтымъ пятномъ, какъ и подъ ногами лошади всадника только что описанной картины.

[3]) Виденъ только на лѣвомъ воинѣ; верхняя часть тѣла праваго закрыта щитомъ лѣваго; возможно, что у него панцыря не было, а одѣтъ былъ онъ только въ казакинъ и штаны.

Между двумя наскакивающими другъ на друга противниками лежатъ убитые враги: всадникъ и пѣшій, очевидно, части дружины главныхъ персонажей. Лошадь всадника поражена въ лѣвое плечо копьемъ, снабженнымъ amentum [1]) и сломавшимся при ударѣ; изъ раны течетъ кровь, изъ морды тоже; изображена лошадь въ моментъ паденія, когда подогнулись заднія ноги и вытянулись впередъ переднія. На лошади богатое сѣдло, крытое зеленымъ, подъ нимъ красный чепракъ; отъ сѣдла свѣшиваются обычные три ремня. Всадникъ, сидѣвшій, вѣроятно, на этой лошади, лежитъ теперь обезглавленный и безоружный у ея ногъ. Голова отдѣлена отъ туловища; изъ обоихъ концовъ шеи льется кровь. Отсѣченная голова лежитъ впрямь, шлема нѣтъ, волосы такіе же, какъ у живого только что описаннаго всадника. Одѣтъ въ коричневый камзолъ, синіе штаны и бѣлые башмаки.

Кѣмъ и какъ убитъ этотъ воинъ—остается неяснымъ. Короткое копье съ amentum пустилъ не главный всадникъ, сражающійся длиннымъ копьемъ, и не пѣшіе, копья которыхъ amentum не имѣютъ. Не главный всадникъ и обезглавилъ мертваго: ни въ рукахъ его, ни на его боку меча не видно; нѣтъ меча и у пѣхотинцевъ [2]). Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что конный всадникъ принадлежалъ къ дружинѣ противника пантикапейскаго рыцаря; за это говоритъ, главнымъ образомъ, отсутствіе шлема въ составѣ его вооруженія.

Другой поверженный врагъ лежитъ у самыхъ ногъ лошади пантикапейскаго рыцаря. Онъ, очевидно, былъ пѣшимъ. Пораженъ онъ въ сердце короткимъ, также сломавшимся, копьемъ съ amentum. Лежитъ на правомъ боку; простоволосая голова впрямь. Камзолъ или панцырь синій, штаны коричневые, сапоги бѣлые. Подъ нимъ кровь. Вполнѣ возможно, что это одинъ изъ воиновъ пантикапейской дружины.

Отмѣчу уже здѣсь, что само описаніе даетъ намъ понять, изъ какихъ элементовъ сложилась сцена. Это, прежде всего, составныя части сцены выѣзда: рыцарь, его конный и пѣшій спутники; тѣ же элементы въ изображеніи врага. Нѣкоторую самостоятельность мастеръ проявилъ только въ группировкѣ. Позы и типъ изображенія убитыхъ тоже несомнѣнно взяты изъ шаблона: иначе непонятно было бы, какъ можно связать врага съ отсѣченной головой съ побѣдителемъ безъ меча и лицъ, пораженныхъ дротиками съ amentum, съ побѣдителями, этого оружія не имѣющими.

Картина западной стѣны главной ниши.

Къ двумъ пѣшимъ дружинникамъ пантикапейскаго рыцаря тѣсно примыкаетъ, какъ сказано, изображеніе ряда такихъ же воиновъ на западной стѣнѣ центральной ниши-лежанки, воиновъ, предводительствуемыхъ знаменоносцемъ (табл. LXXXI, 2) [3]).

Всѣхъ воиновъ пять: два тяжело вооруженные и три легко. Всѣ они движутся вправо, но тѣла и лица повернуты впрямь. У перваго тяжеловооруженнаго на головѣ обычный шлемъ, на тѣлѣ панцырь, подъ нимъ красноватый кафтанъ съ длинными рукавами и зеленые штаны, на ногахъ мягкая бѣлая обувь. Въ обѣихъ рукахъ онъ держитъ древко копья, на которое насаженъ типичный для римскихъ вспомогательныхъ войскъ vexillum. Сзади этого воина, налѣво, торчитъ конецъ какого-то древка или, можетъ быть, ножны меча. Такъ-же изображенъ второй панцырникъ. Только штаны его не зеленые, а красноватые. Въ лѣвой рукѣ онъ

[1]) Amentum зарисованъ Гроссомъ, но нынѣ не виденъ.

[2]) Впрочемъ, изображеніе всѣхъ павшихъ теперь настолько плохо сохранилось, что ни за одну изъ подробностей на рисункѣ Гросса я не ручаюсь, даже за то, что голова воина дѣйствительно отдѣлена отъ туловища.

[3]) Ср. Стасовъ, табл. IX.

держитъ круглый, уже знакомый намъ, щитъ и, можетъ быть, два копья, которыя, однако, могли быть и привязаны за его спиной. Слѣва торчитъ такой же конецъ древка или ножны меча. Правая рука уперта въ бокъ около пояса, стягивающаго панцырь.

Слѣдующіе три воина не имѣютъ ни шлемовъ, ни панцырей. Одѣты они— первый и третій—въ обычные кафтаны розоватаго цвѣта, подпоясанные въ таліи, съ расходящимися ниже таліи полами, зеленые штаны и бѣлые башмаки, второй въ ту же одежду, но кафтанъ зеленаго, а штаны красноватаго цвѣта. У всѣхъ въ лѣвой рукѣ овальные щиты и по два копья. У всѣхъ слѣва сбоку торчатъ по два конца какихъ-то древковъ или по концу меча; врядъ ли эти концы имѣютъ какое бы то ни было отношеніе къ парѣ описанныхъ копій. Всѣ воины простоволосые, съ болѣе или менѣе густой шевелюрой. Крайній отличается отъ среднихъ тѣмъ, что правая рука его не уперлась въ бокъ, а приближена къ груди.

Какъ и въ примыкающей части задней люнетки, и здѣсь внизу видны остатки когда-то написанной травы обычнаго типа.

Плафонъ камеры.

Плафонъ всей камеры разбитъ на четыре части: плафонъ упомянутой ниши-лежанки, плафонъ надъ среднею частью склепа и плафоны надъ лежанками боковыхъ частей его.

Плафоны надъ лежанками и плафонъ главной ниши трактованы одинаково: части потолка пересѣкающимися полосами разбиты на отдѣльные квадраты, какъ въ шахматной доскѣ; затѣмъ отдѣльные квадраты инкрустированы разноцвѣтными мраморами. Свободныя пространства, остающіяся отъ этого геометрическаго раздѣленія плафона, заполнены зеленовато-синей краской, полосами того же цвѣта плафоны съ кассетами отдѣлены отъ центральнаго плафона.

Плафонъ центральной ниши (табл. LXXXII, 3) разбитъ на 28 квадратовъ въ 4 продольныхъ и 7 поперечныхъ рядахъ. Дѣлящія полосы—бѣлаго цвѣта; ограничены онѣ красными линіями. Въ каждый квадратъ вписано циркулемъ по два круга; круги заполнены одинаковой мраморировкой попеременно темной и свѣтлой. Цвѣтъ угловъ попеременно синій (?) или зеленый (?) и красноватый (?). Въ двухъ крайнихъ полосахъ налѣво вокругъ внутренняго круга сдѣланы зубцы, окрашенные въ бѣлый (?) цвѣтъ. Въ остальныхъ рядахъ контуры зубцовъ циркулемъ намѣчены, но расписать ихъ красками мастеръ не нашелъ нужнымъ, а попросту заполнилъ ихъ мраморировкой того же цвѣта, что и во внутреннемъ кругѣ.

Ту же систему раскраски даютъ и плафоны надъ боковыми лежанками. Направо отъ входящаго, въ западной части плафона имѣется 22 кассетки въ 4 продольныхъ и 6 поперечныхъ рядахъ, раздѣленныхъ между собою желтыми полосами съ обрамленіемъ изъ красныхъ линій и съ красной линіей посрединѣ каждой полосы. На мѣстахъ пересѣченія образующійся квадратикъ иногда оставленъ бѣлымъ. Схема заполненія отдѣльныхъ кассетокъ та же, что и въ плафонѣ центральной ниши: въ одноцвѣтные бѣлые квадраты вписаны по два концентрическихъ круга; внутренній заполненъ мраморировкой, попеременно темной и свѣтлой, между внутреннимъ и внѣшнимъ нарисованы лучи звѣздъ (отъ 7 до 14 лучей, чаще всего 9, почти никогда 12). Цвѣтъ лучей обозначенъ Гроссомъ, какъ попеременно голубой и бѣлый. Въ настоящее время всѣ лучи бѣлые. Въ углахъ квадратовъ помѣщены сдѣланныя красной краской пальметки одинаковой во всѣхъ кассетахъ формы. Только въ одной кассетѣ описываемой стороны (средняя въ первомъ ряду) пальметка обычной формы замѣнена стилизованной лиліеобразной пальметкой.

Восточная часть плафона (табл. LXXXII, 4) раздѣлена на 13 кассетъ въ трехъ продольныхъ и 5 поперечныхъ рядахъ (въ четырехъ поперечныхъ рядахъ по 3 кассеты, въ одномъ — одна). Система заполненія кассетъ та же, что и въ западной части плафона.

Средняя часть плафона выдѣлена прежде всего особымъ обрамленіемъ; она окружена сплошной линіей такъ называемыхъ астрагаловъ; система ея орнаментаціи въ корнѣ отлична отъ системы орнаментаціи боковыхъ частей плафона. Здѣсь поле сплошь заполнено листьями, лепестками и тѣми стилизованными цвѣтами розы, о которыхъ была рѣчь выше. Между этими цвѣтами въ безпорядкѣ брошены четыре гирлянды-мѣшка (двѣ сѣрыя — одна изъ нихъ съ красными точками на ней—и двѣ коричневыя) и 9 птицъ разнообразныхъ цвѣтовъ, формъ и позъ. Одна изъ птицъ представлена летящей надъ зрителемъ, другая садящейся (въ профиль), двѣ клюютъ конецъ гирлянды и ссорятся, остальныя сидятъ спокойно, иногда повернувъ голову въ сторону противоположную тѣлу; иногда птицы изображены съ поднятой головой и раскрытымъ клювомъ.

Техническія особенности росписи.

Что касается техническихъ особенностей всей описанной росписи, то прежде всего бросаются въ глаза уже не разъ отмѣченные толстые густые черные контуры всѣхъ фигуръ. Эти контуры въ фигурной части росписи покрываютъ вдавленныя или нацарапанныя линіи, которыя, очевидно, прежде всего сдѣланы были въ свѣжей еще шкукатуркѣ. Отмѣчу также рѣзкую штатировку отдѣльныхъ частей каждой фигуры, подготовляющую переходъ отъ одной яркой краски къ другой.

Анализъ сценъ съ изображеніемъ боя.

Перехожу теперь къ анализу отдѣльныхъ частей и общей схемы росписи. Наибольшій интересъ представляютъ въ нашей гробницѣ, несомнѣнно, сцены съ изображеніемъ боя. На нихъ мы прежде всего и остановимся.

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза то, что мы не разъ отмѣчали и для другихъ реалистическихъ сюжетовъ въ аналогичныхъ гробницахъ. Въ сценахъ боя мы наблюдаемъ съ одной стороны подчеркнутый этнографическій, главнымъ образомъ, обстановочный реализмъ, сказывающійся въ костюмѣ, вооруженіи, уборѣ лошади, прическѣ, и рядомъ съ этимъ художественную безпомощность и полную зависимость отъ гдѣ-то внѣ художника сложившихся шаблонныхъ мотивовъ, которые онъ воспринялъ готовыми и сопоставилъ въ различныхъ комбинаціяхъ.

Если въ чемъ сказывается умѣнье художника, то, главнымъ образомъ, въ умѣломъ сопоставленіи этихъ мотивовъ и въ передачѣ движенія, которымъ полны эти сцены. Въ этомъ отношеніи художникъ показалъ себя хорошимъ и талантливымъ мастеромъ, совершенно иного типа, чѣмъ мастеръ склепа Зайцевой, гдѣ художнику именно движеніе и композиція совершенно не удались, но зато удалась экспрессія лицъ, совершенно чуждая мастеру нашего склепа. Въ этомъ отношеніи нашъ мастеръ продолжаетъ традицію мастера склепа Алкима и Анѳестерія.

Характерно для нашего мастера и то, что ему, какъ и мастеру склепа Анѳестерія, гораздо лучше удались животныя, чѣмъ люди: лошади въ сценахъ боя стоятъ значительно выше, чѣмъ люди, особенно пѣшіе.

Указанныя выше характерныя черты трактовки сценъ боя въ описываемомъ склепѣ заставляютъ обратить особое вниманіе, съ одной стороны, на анализъ общей композиціи и отдѣльныхъ мотивовъ картинъ боя въ нашей гробницѣ, съ другой—на отдѣльныя черты этнографическаго реализма, которыя частью анализированы были уже выше при разборѣ росписей склепа Анѳестерія и 1873 г.

Фигуры скачущихъ и сражающихся всадниковъ на южно-русскихъ памятникахъ.

Отмѣчу прежде всего или лучше повторю уже разъ сдѣланное замѣчаніе о томъ, что сцены боя нашей гробницы не находятъ себѣ соотвѣтствія среди пантикапейскихъ надгробныхъ памятниковъ. На единичные примѣры скачущихъ всадниковъ на надгробныхъ стелахъ было уже указано выше (стр. 239 сл.); дополню сдѣланныя выше сопоставленія указаніемъ на то, что скачущія фигуры воиновъ, живо напоминающія фигуры нашихъ фресокъ, встрѣчаются спорадически и на пантикапейскихъ монетахъ. Я имѣю въ виду всадника ѳракійскаго типа серебряной монеты Гигіенонта, которая недавно была вновь опубликована В. Шкорпиломъ (см. Сборникъ, подн. гр. А. А. Бобринскому, стр. 37, табл. № 2) [1]). Всадникъ этотъ повторяется почти во всѣхъ деталяхъ на извѣстныхъ монетахъ Рескупорида I, Савромата I, Котиса II и Савромата II (см. Бурачковъ, XXVII, 130; XXIX, 173 сл.; XXXI, 250), съ тою разницею, что на монетѣ Гигіенонта онъ въ шлемѣ (можетъ быть, яйцевидномъ), на позднѣйшихъ простоволосъ. Во всѣхъ случаяхъ всадники изображены вскачь, въ бурномъ движеніи; правой рукой они потрясаютъ копьемъ.

Называю типъ ѳракійскимъ, такъ какъ, съ одной стороны, монеты Гигіенонта, такъ-же какъ и его современниковъ, являются копіями ѳракійскихъ монетъ Лисимаха и монетъ, подражающихъ монетамъ Лисимаха, съ другой же стороны типъ скачущаго всадника, потрясающаго копьемъ, обыченъ на монетахъ ѳракійскихъ династовъ, начиная съ Севѳа (около 430 г.); особенно близки къ нашей монетѣ монеты Деметрія (см. Head-Svoronos, I, 358) и, что особенно любопытно, монета Котиса V, Рескупорида III и Антоніи Трифэны, недавно опубликованная Бертье-Делагардомъ (*Зап. Од. общ.* XXIX (1911), 106, № 10). Характерно, что послѣдніе правители Ѳракіи, несомнѣнно, стоятъ въ связи съ водвореніемъ ѳракійской династіи на Боспорѣ, какъ это показалъ А. Л. Бертье-Делагардъ въ только что цитованной статьѣ [2]), и что поэтому типы монетъ Рескупорида I, Савромата I, Котиса II и т. д., несомнѣнно, находятся въ генетической связи съ упомянутыми ѳракійскими монетами [3]).

Для насъ въ данной связи особенно интересно то, что подъ мордой лошади на монетѣ Гигіенонта виситъ такая же большая кисть, какъ подъ мордой лошади главнаго лица въ обѣихъ сценахъ нашего склепа. Становится очевиднымъ, что размѣрами кисти или самой кистью обозначался высокій рангъ изображеннаго лица [4]).

Характерно, что, за исключеніемъ упомянутыхъ монетъ, изображеніе скачущаго всадника, особенно всадника въ боевомъ мѣстномъ вооруженіи, сражающагося съ

[1]) О датѣ см. теперь А. Орѣшниковъ, Монеты Херсонеса Таврическаго и т. д., *Нумизм. Сборн.*, II (1912), стр. 41 (отд. отт.).

[2]) Въ общемъ А. Л. Бертье-Делагардъ несомнѣнно правъ, но въ деталяхъ его рѣшеніе вопроса нуждается въ поправкахъ, какъ несогласное съ несомнѣнными эпиграфическими свидѣтельствами.

[3]) Этимъ устраняются соображенія Стасова (О. И. А. К. за 1872 г., стр. 309) о родственности изображенныхъ на этихъ монетахъ варваровъ, противниковъ боспорскихъ царей, конному противнику погребенныхъ въ нашемъ склепѣ. На монетахъ изображены, конечно, не варвары, а сами цари. Что касается до костюма и посадки, то объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

[4]) Очень интересны огромные размѣры кисти. Они приводятъ на память серію загадочныхъ до сихъ поръ необъясненныхъ предметовъ утвари, находимыхъ въ южно-русскихъ курганныхъ погребеніяхъ IV—III вв. до Р. Хр. Я имѣю въ виду золотые колоколообразные предметы съ круглымъ отверстіемъ въ донышкѣ. Истолковать ихъ какъ футляры для нижнихъ частей кистей препятствовали до сихъ поръ значительные размѣры многихъ изъ этихъ колоколообразныхъ предметовъ. Эти значительные размѣры находятъ себѣ объясненіе въ нашихъ картинахъ, а предложенное толкованіе кистей, какъ знаковъ ранга, объясняетъ ихъ драгоцѣнную массивную оправу. Иногда эти футляры украшаются бытовыми изображеніями, см. О. И. А. К. 1895, 62, рис. 140. Изображеніе на этомъ памятникѣ Minns (Scythians and Greeks, 223) остроумно сближаетъ съ разсказомъ Геродота о принесеніи скиѳами царю головъ убитыхъ враговъ (Herod. IV, 64).

пѣшимъ или коннымъ же противникомъ, на памятникахъ эпохи эллинизма въ южной Россіи встрѣчается сравнительно рѣдко. Рѣдкость эта, однако, не свидѣтельствуетъ о малой распространенности мотива и должна быть признана случайной. Для боя коннаго съ пѣшимъ наиболѣе интереснымъ памятникомъ является недавно впервые полностью изданный серебряный ритонъ, найденный на Кубани, о которомъ еще будетъ рѣчь. Здѣсь всадникъ - сарматъ сражается съ пѣшимъ грекомъ [1]). Тотъ же мотивъ въ варварской передачѣ, но на памятникѣ одновременномъ ритону мы находимъ на бляхѣ Геремесовскаго кургана (табл. LXXXV, 2) [2]).

Вѣроятно, приблизительно одновременна съ этими памятниками желѣзная обитая золотомъ пряжка отъ пояса, нынѣ находящаяся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ (см. табл. LXXXV, 3 и 3а) [3]). На этой пряжкѣ, застежка которой имѣетъ форму лежащаго дикаго кабана, мы видимъ двухъ сражающихся конныхъ противниковъ; направо бородатый длинноволосый сарматъ влѣво, въ обычной сарматской одеждѣ, съ горитомъ на лѣвомъ боку, съ копьемъ къ правой рукѣ направляетъ это копье на своего коннаго же противника; противникъ безбородъ, одѣтъ въ короткую подпоясанную рубаху и штаны, на шеѣ, можетъ быть, пара torques, волосы короткіе, не развѣвающіеся, какъ у сармата; вооруженъ копьемъ; не исключена возможность, что и на этомъ памятникѣ, какъ и на Кубанскомъ ритонѣ, изображается столкновеніе сарматскихъ племенъ съ кельтами или ѳракійцами, надвигавшимися съ Балканскаго полуострова [4]).

Исторія мотива коннаго боя.

Приведенныя аналогіи, къ тому же, вѣроятно, далеко не полныя, вопроса объ исторіи и происхожденіи композиціи всѣхъ интересующихъ насъ сценъ боя и, особенно, главной, однако, не разрѣшаютъ.

О мотивѣ двухъ сражающихся всадниковъ рѣчь была уже выше при разборѣ изображеній гробницы 1873 г. (стр. 239 сл.). Наше изображеніе, однако, сложнѣе и

[1]) См. Е. Придикъ, Προπεμπτήρια. Сборникъ статей... въ честь... Э. Р. фонъ-Штерна. *Зап. Од. общ. ист. и древн.*, XXX (1912), табл. IV.

[2]) См. Древн. Герод. Скиѳіи, табл. 22; Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, II, 101 сл., рис. 90.

[3]) В. А. Городцовъ, Обзоръ важнѣйшихъ памятниковъ Историческаго Музея. Доисторическій отдѣлъ, Москва, 1912, стр. 19, рис. 14 (изъ Мелитопольскаго у., с. Нижніе Сѣрогозы).

[4]) Правильность высказанныхъ выше соображеній о случайности рѣдкаго появленія мотива коннаго боя въ памятникахъ ранне-эллинистическаго времени, находимыхъ въ погребеніяхъ юга Россіи, блестяще подтверждается недавней находкой проф. Н. И. Веселовскаго въ царскомъ погребеніи кургана Солоха (около с. Б. Знаменки, Мелитопольскаго уѣзда). Объ этой находкѣ я освѣдомленъ въ данный моментъ только изъ предварительнаго сообщенія графа А. А. Бобринскаго «Вновь открытая могила скиѳскаго царя», *Новое Время* 1913, № 13416 (ср. о находкахъ 1912 г. Н. И. Веселовскій, «Къ вопросу о техникѣ золотыхъ рельефныхъ украшеній въ греческомъ искусствѣ», И. И. А. К., 47, 96 слл.). Изъ вещей этой богатѣйшей находки насъ въ данной связи преимущественно интересуетъ большой золотой гребень, особенно верхняя его часть. Привожу описаніе ея, данное графомъ А. А. Бобринскимъ: «Верхняя часть гребня представляетъ сцену сраженія, въ которомъ участвуютъ три воина при двухъ лошадяхъ. Композиція эта артистически расположена, на манеръ лицевыхъ украшеній фронтоновъ древнихъ храмовъ, т. е. возвышаясь посрединѣ и опускаясь по наклонной плоскости по обѣимъ сторонамъ. Центральная фигура представляетъ коннаго скиѳа, на котораго съ двухъ сторонъ нападаютъ скиѳы же пѣшіе. На землѣ, ногами кверху, лежитъ раненая лошадь. Трудно передать словами все изящество этихъ изваяній. Всѣ эти воины и лошади вылѣплены въ формѣ маленькихъ статуетокъ, высотою отъ 1 до 2 вершковъ. Два изъ сражающихся носятъ греческіе шлемы. Движеніе лошадей поразительно реально»... Уже изъ этого суммарнаго описанія видно, насколько близко стоитъ описываемая сцена къ сценамъ боя пантикапейскихъ росписей. Характерна и раненая лошадь. Особенно же интересна фронтонная композиція, типичная для многихъ изъ нижеразбираемыхъ памятниковъ и указывающая, можетъ быть, на происхожденіе изолированной группы сражающихся всадниковъ изъ большой храмовой греческой скульптуры.

вмѣстѣ съ тѣмъ лучше сохранилось, чѣмъ сцена въ склепѣ 1873 г. Изображеніе осложнено слѣдующими новыми мотивами: противникъ окруженъ конными врагами съ обѣихъ сторонъ, кромѣ убитыхъ пѣшихъ погибъ и одинъ конный врагъ, лошадь котораго въ живо схваченной позѣ осѣла на заднія ноги и медленно падаетъ; закинутой назадъ головѣ побѣжденнаго всадника гробницы 1873 г. соотвѣтствуетъ отрубленная голова убитаго всадника нашей гробницы, сломанному копью въ его рукахъ тамъ—два сломанныхъ копья здѣсь: одно, которымъ поражена лошадь, другое, которымъ пораженъ пѣшій воинъ подъ ногами лошади побѣдителя; наконецъ, въ нашей гробницѣ значительно больше подчеркнуто кровопролитіе, чѣмъ въ склепѣ 1873 г.: потоки крови льются и изъ лошади, и изъ ранъ убитыхъ враговъ.

Ассирійское искусство.

Значительная часть этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и, прежде всего, самый мотивъ боя всадника съ пѣшимъ врагомъ и двухъ всадниковъ между собою является уже достояніемъ ассирійскаго искусства, по крайней мѣрѣ, съ VIII в. до Р. Хр. Не буду перечислять здѣсь отдѣльныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ эволюціи этого мотива въ Ассиріи. Разница между ними и нашими изображеніями, главнымъ образомъ, та, что въ нашихъ картинахъ мы имѣемъ дѣло не съ массовой сценой боя, а съ отдѣльными шаблонными и притомъ гербообразно-симметрическими сценами, гдѣ справа и слѣва подымаются вверхъ въ сильномъ движеніи двѣ конныя фигуры, между которыми лежитъ нейтральное пространство, заполненное тѣлами павшихъ.

Греческія вазы. Этрусскія стелы.

Въ такомъ выдѣленіи мы этого мотива въ ассирійскомъ искусствѣ не находимъ [1]). Встрѣчаемся мы съ нимъ впервые въ Греціи, и притомъ въ сферѣ вліянія іонійскаго искусства. Не входя въ подробности, укажу на разобранныя Лёшке композиціи нашего типа, главнымъ образомъ, на черно-фигурныхъ вазахъ, гдѣ уже имѣется и рядъ чертъ, правда, условнаго этнографическаго реализма [2]), и на примыкающія къ нимъ изображенія на этрусскихъ надгробныхъ стелахъ, гдѣ въ концѣ развитія наблюдаются, опять-таки, въ трактовкѣ сюжета яркія черты этнографическаго реализма [3]). Гораздо болѣе рѣдкимъ становится нашъ мотивъ въ классическій періодъ вазовой живописи [4]); чаще попадается онъ на южно-италійскихъ вазахъ, гдѣ возрождается и тенденція къ этнографическому реализму [5]).

Малоазійская скульптура и живопись.

Характерно, что въ это же время мы застаемъ широкое распространеніе нашего мотива, и притомъ не въ прикладномъ, а въ монументальномъ искусствѣ, въ одномъ изъ центровъ развитія іонійскаго искусства, въ Ликіи. Отмѣчу, прежде всего, сцены боя коннаго съ пѣшимъ врагомъ, чтобы указать, главнымъ образомъ, на подчеркнутый этнографическій реализмъ этихъ сценъ. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи рельефъ на сѣверной стѣнѣ одной ликійской гробницы въ Кадіандѣ, гдѣ изображенъ галоппирующій всадникъ вправо, въ фригійской шапкѣ съ султаномъ; подъ его лошадью лежитъ убитый врагъ [6]). Подобное изображеніе

[1]) Въ массовой сценѣ подобнаго рода мотивъ имѣется въ зарисованной Layard'омъ сценѣ массоваго боя ассирійской конницы съ пѣшими врагами (Layard, Mon. of Nin., II, 38; Assyr. sculpt., табл. 108—109), ср. Maspero, Hist. anc. de l'Orient, III, 7 слл.

[2]) Loeschke, Bildliche Tradition, *Bonner Studien R. Kekule gewidmet,* 248 слл.; H. W. Burkhardt, Reitertypen auf griechischen Vasen, München, 1906, 30 сл.

[3]) Ducati, Le pietre funerarie felsinee, *Mon. ant. d. R. Acc. dei Lincei,* XX, 2 (1912), 473 сл., ср. ibid. I, tav. VIII, 1.

[4]) Ср. P. Gardner, *Journ. of hell. St.,* 1897, 294 слл.

[5]) См., напримѣръ, Studniczka, *Jahresh. des oest. arch. Instituts,* VI, 140, рис. 85.

[6]) См. Fellows, Lycia, табл. къ стр. 118; Benndorf-Niemann, Reisen im S. W. Kleinasien, I, 141, табл. XLV.

имѣется и на одной изъ боковыхъ стѣнъ pronaos'а ликійской гробницы въ Гьёльбаши; и здѣсь конный воинъ одѣтъ въ фригійскій шлемъ [1]). То же даетъ и главная люнетка не разъ уже упоминавшейся гробницы конца IV или начала III вв. до Р. Хр., открытой Kinch'омъ въ македонской Ѳракіи. Характерно, что изображенный здѣсь всадникъ живо напоминаетъ всадника упомянутыхъ выше ѳракійскихъ и боспорскихъ монетъ (см. рис. 61).

Нерѣдко встрѣчается и изображеніе двухъ гербообразно поставленныхъ всадниковъ, охотящихся или сражающихся. Особенно часто наблюдается сцена охоты, гдѣ середину между двумя всадниками занимаетъ пораженный обоими всадниками звѣрь [2]). Встрѣчается, однако, и сцена боя. Наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи извѣстная гробница Изразы въ Тлосѣ. На верхней плитѣ этой гробницы, имѣвшей форму ступенчатой пирамиды, Израза изображенъ на одной сторонѣ плиты сражающимся съ коннымъ же противникомъ; на другой сторонѣ Израза, пѣшій, поразилъ на смерть упавшаго на крупъ своей лошади назадъ коннаго врага [3]).

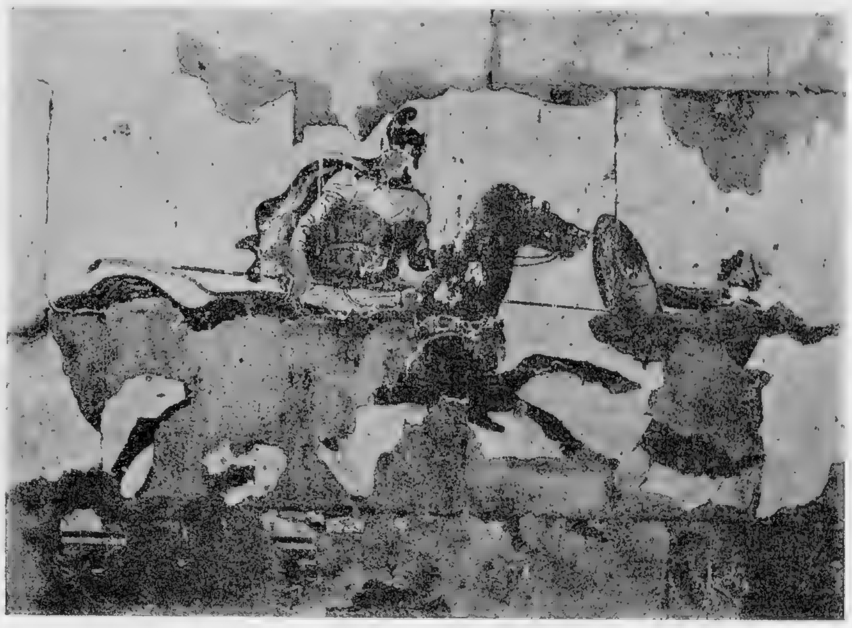


Рис. 61. Картина главной люнетки склепа, открытаго Kinch'омъ въ македонской Ѳракіи.

Въ массовой композиціи тотъ же мотивъ съ цѣлымъ рядомъ важныхъ для насъ подробностей повторенъ въ геніальномъ претвореніи большого художника ранняго малоазійскаго эллинизма въ извѣстной мозаичной картинѣ, изображающей битву Александра и Дарія, найденной въ Помпеяхъ (см. F. Winter, Das Alexandermosaik aus Pompei, Strassburg, 1909): основами картины являются съ одной стороны Александръ, въ бурномъ натискѣ приближающійся къ Дарію, и Дарій, повернувшійся къ Александру на своей колесницѣ; онъ озабоченъ судьбою своего павшаго защитника и вмѣстѣ съ тѣмъ собирается сѣсть для бѣгства на подведеннаго ему коня; между Александромъ и Даріемъ—нейтральное пространство, заполненное падающимъ вмѣстѣ съ конемъ знатнымъ защитникомъ Дарія, пораженнымъ копьемъ Александра. Это центръ и основа картины, все остальное—фонъ и аксессуары.

---

[1]) Benndorf und Niemann, l. l., I, 137, рис. 80, 81.

[2]) Такія группы мы имѣемъ на третьемъ фризѣ памятника Нереидъ, на такъ называемомъ ликійскомъ саркофагѣ Сидонскаго некрополя, на сидонскомъ же саркофагѣ Сатрапа, на такъ называемомъ саркофагѣ Александра и на нижнемъ фризѣ саркофага плакальщицъ (всѣ эти памятники сопоставлены у Reinach, Rép. d. rel. II; саркофагъ Александра, кромѣ указанныхъ Рейнакомъ публикацій, изданъ теперь въ краскахъ Винтеромъ), ср. также саркофагъ изъ Лимиры (Petersen und Luschan, Reisen, II, 72 сл., рис. 49, 50). Такія же группы часты и на позднихъ чернофигурныхъ аттическихъ вазахъ, что указываетъ на іонійское происхожденіе мотива, см. Burkhardt, Reitertypen (München 1906), 21.

[3]) См. Benndorf und Niemann, Reisen, I, 140, рис. 85, 86 на стр. 144; Smith, Catalogue of sculpt. in the Brit. Mus. II, 58, № 955. Подобныя сцены имѣются на памятникѣ Нереидъ (см. Smith, l. l., II, № 894).

Принципъ композиціи мозаики Александра, сдѣлавшійся въ міровомъ искусствѣ каноническимъ для конныхъ битвъ и турнировъ (см. F. Winter, l. l.), взятъ художникомъ Александровой мозаики, конечно, не непосредственно съ Востока. Онъ въ полной мѣрѣ использованъ былъ, какъ мы видѣли, греческимъ искусствомъ, главнымъ образомъ, на почвѣ Малой Азіи столько же въ сценахъ боя, сколько, и главнымъ образомъ, въ сценахъ охоты.

Римское искусство.

Важно отмѣтить, что въ римскомъ искусствѣ и провинціальномъ искусствѣ Запада вообще и мотивъ коннаго боя, и мотивъ сопоставленія двухъ всадниковъ, насколько мнѣ извѣстно, использованъ былъ очень мало. Для мотива коннаго боя я могу указать только на отдѣльныя сцены въ массовыхъ бояхъ тріумфальной арки Оранжа (Arausio), см. Reinach, l. l., 200—201 и мавзолея Юліевъ въ S. Remy, ibid., стр. 385 сл., на зависимость которыхъ отъ Востока не разъ указывалось [1]). Еще болѣе ясна зависимость отъ Востока арки Галерія въ Салоникахъ, см. Kinch, L'arc de triomphe de Salonique, Paris, 1890, табл. VI и VIII; Reinach, l. l., 390 и 392; къ этой аркѣ мы еще вернемся. Тѣмъ характернѣе, что въ колоссальныхъ композиціяхъ Траяновой и Авреліевой колонны, арки Септимія Севера и Константина мотивъ боя двухъ конныхъ, случай къ чему представлялся не разъ, совсѣмъ не использованъ.

Сасанидское искусство.

Зато широко пользуется нашимъ мотивомъ искусство Сасанидской Персіи, на связь котораго съ нашими гробницами совершенно правильно указалъ уже Стасовъ. Здѣсь мотивъ боя двухъ всадниковъ со всѣми его мало-азійскими особенностями, и притомъ, какъ въ нашихъ гробницахъ, совершенно отдѣльно, внѣ связи съ большой боевой сценой, использованъ въ полной мѣрѣ. Насколько близко совпаденіе, особенно съ гробницей 1873 года, покажетъ нижеслѣдующее детальное сравненіе, имѣющее большое значеніе не только для вопроса о характерѣ и исторіи пантикапейской декоративной живописи.

Сцена боя двухъ конныхъ противниковъ на сасанидскихъ рельефахъ появляется въ раннее время трижды въ Накшъ-и-Рустемѣ (рельефы Шапура (383—389) и Варахрана IV (389—399) и одинъ разъ въ позднее время въ Фирузъ-Абадѣ. На первомъ рельефѣ Шапура изъ Накшъ-и-Рустема (см. Sarre-Herzfeld, Iranische Felsreliefs, табл. VI и стр. 74 сл., ср. Flandin et Coste, pl. 183) изображенъ бой царя и его противника, обоихъ въ тяжеломъ вооруженіи. Вытянутый карьеръ лошади живо напоминаетъ карьеръ лошадей гробницы 1873 г., хотя строеніе лошади иное, болѣе тяжелое, и уборъ лошади, какъ и одежда всадниковъ, иные. Впрочемъ, объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Особенно характеренъ для сравненія противникъ. Его лошадь осѣла на заднія ноги, въ той же схемѣ, какъ и лошадь убитаго врага въ нашей гробницѣ. Мотивъ этотъ органически вытекаетъ изъ всей обстановки боя: копье царя съ страшной силой пронзило шею лошади и шею врага; поэтому тяжело раненая лошадь осѣла на заднія ноги и поднялась на переднихъ (тотъ же мотивъ мы имѣемъ и на Александровомъ саркофагѣ).

Мотивъ сломаннаго копья.

Изъ отдѣльныхъ совпадающихъ мотивовъ остановлюсь на одномъ, особенно характерномъ, на мотивѣ копья, засѣвшаго въ тѣлѣ пораженнаго человѣка или животнаго и сломившагося. Его мы имѣемъ и въ гробницѣ 1873 г., и въ первомъ рельефѣ Шапура. Но происхожденія его надо искать въ гораздо болѣе древнихъ памятникахъ. Наиболѣе ранній, мнѣ извѣстный, памятникъ, дающій подобный мотивъ,

[1]) См. Loeschke, Berl. phil. Woch., 1893, 220; M-rs A. Arthur Strong, *Journ. of Rom. Stud.*, II (1911), 23.

это стела бэотійца Саугена, убитаго въ 424 г. при Деліонѣ, сдѣланная въ специфической чисто живописной техникѣ, той же, что и стела Метродора и рядъ бэотійскихъ стелъ V в., двѣ изъ которыхъ опубликованы Vollgraf омъ (*Bull. de corr. hell.*, 1912, табл. 7, 8, ср. Rodenwaldt, *Arch. Anz.*, 1913, 63 сл.). У ногъ убиваемаго копьемъ и камнями Саугена лежитъ его сломанное копье, см. *Arch. Anz.*, 1911, 123. Большое количество пейзажныхъ элементовъ и здѣсь, и на стелѣ Метродора указываютъ на несомнѣнное малоазійское вліяніе (см. мою Hellenistisch-römische Architekturlandschaft, стр. 111, 125). Характерно, что такое же сломанное пополамъ копье лежитъ на землѣ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ другого оружія, на первомъ планѣ Александровой мозаики. Совершенно то-же видимъ мы и на знаменитомъ саркофагѣ Александра, гдѣ всѣ эти и подобныя детали сдѣлались ясны только послѣ новѣйшей публикаціи этого саркофага въ краскахъ, сдѣланной Винтеромъ [1]). Большое количество сломаннаго оружія мы имѣемъ и въ сценахъ боя (см. Winter, табл. 2 и 8), и, особенно, въ одномъ изъ фронтоновъ (ibid., табл. 13, 14), гдѣ одно изъ сломанныхъ копій снабжено, какъ и на нашей фрескѣ, amentum. Поучительно сравнить это, лежащее на землѣ, оружіе мозаики и саркофага съ тѣмъ оружіемъ, что лежитъ у ногъ сражающихся конныхъ скиѳовъ и пѣшихъ грековъ на серебряномъ ритонѣ III в. до Р. Хр., найденномъ на Кубани въ 1888 г. [2]).

Ясно, такимъ образомъ, что въ сценахъ боя мотивъ разбросаннаго по землѣ поломаннаго оружія получилъ широкое развитіе впервые въ памятникахъ искусства, возникшихъ въ М. Азіи, главнымъ образомъ, въ эпоху ранняго эллинизма. То же нужно сказать и спеціально о мотивѣ копья, засѣвшаго въ тѣлѣ противника, причемъ древко его отъ тяжести сломалось. Его я могу указать, прежде всего, на архаическомъ умбонѣ щита Аму-Дарьинскаго клада, гдѣ въ сценѣ охоты копье, брошенное въ одного изъ чубарыхъ оленей и застрявшее въ его спинѣ, сломалось (см. гр. Толстой и Кондаковъ, Русск. др., II, стр. 128, рис. 110). Того же характера мотивъ использованъ на одномъ изъ рельефовъ Гьёль-Баши въ сценѣ боя подъ Троей: одинъ изъ сражающихся схватываетъ копье противника рукою и ломаетъ его (см. Benndorf, Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa, 143, рельефъ B, 6). Рядомъ съ этимъ мотивъ копья, застрявшаго въ животномъ или человѣкѣ, но не сломавшагося, настолько обыченъ, что памятниковъ можно было бы привести десятки. Укажу хотя бы на нѣкоторыя вазы [3]) и на обычность мотива на Александровомъ саркофагѣ [4]).

Другіе мотивы.

Чрезвычайно поучительно установить кромѣ указаннаго мотива (ср. также блюдо Хозроя въ Парижской Національной Библіотекѣ) [5]) еще цѣлый рядъ другихъ, предположительно того же происхожденія, наблюдаемыхъ и въ картинахъ нашихъ гробницъ, и въ сасанидскихъ рельефахъ. Цѣлый рядъ совпаденій имѣемъ мы, напримѣръ, на двухъ рельефахъ царя Варахрана IV изъ Накшъ-и-Рустема [6]). Изъ интересующихъ насъ мотивовъ здѣсь представлены: а) убитый врагъ подъ

---

[1]) См. Winter, Der Alexandersarkophag aus Sidon, Strassburg, 1912.

[2]) См. о немъ Е. Придикъ, Προπεμπτήρια. Сборникъ статей... въ честь. Э. Р. фонъ-Штерна. *Зап. Од. общ. Ист. и Древн.*, XXX (1912), стр. 167 сл., табл. IV.

[3]) Löschke, *Bonner Studien*, 256, рис. 6; Burkhardt, Reitertypen auf griechischen Vasen, 21 (Reinach, Rép. d. vases I, 116).

[4]) См. Winter, l. l., табл. 11, 12.

[5]) См. Я. И. Смирновъ, Восточное серебро, табл. XXXI; Sarre-Herzfeld, l. l., 211, рис. 99; Стасовъ, стр. 302, 303.

[6]) См. Sarre-Herzfeld, l. l., табл. VIII и LI; Flandin et Coste, табл. 174 и 184, стр. 183; Sarre даетъ второй рельефъ только частью, Flandin и Coste видѣли его цѣликомъ.

ногами лошади царя; b) на первомъ изъ рельефовъ голова раненаго въ шею врага закинута назадъ совершенно такъ, какъ въ гробницѣ 1873 г.; c) лошадь противника на первомъ рельефѣ рѣзко напоминаетъ общей схемой трактовки лошадь въ Стасовскомъ склепѣ (на второмъ рельефѣ она представлена на полномъ скаку); d) копье противника на обоихъ рельефахъ изображено не сломаннымъ, а, очевидно, только скользнувшимъ по панцырю противника и поднявшимся вверхъ.

Все тѣ же мотивы повторяетъ и поздній рельефъ изъ Фирузъ-Абада (см. Flandin et Coste, 43, ср. текстъ I, 348 сл.; Dieulafoy, V, fig. 111 bis, ср. Sarre-Herzfeld, l. l., 248). Обѣ пары здѣсь, очевидно, даютъ ту же схему, что и описанные выше рельефы; такъ лошадь противника въ первой парѣ, очевидно, осѣла на заднія ноги, всадникъ же пораженъ въ бокъ, а копье его поднялось въ воздухъ (рисунокъ, данный у Flandin и Coste, очевидно, неправиленъ).

Характерно, что на всѣхъ этихъ рельефахъ царя сопровождаетъ вооруженный знаменоносецъ, соотвѣтствующій обычнымъ спутникамъ всадниковъ на ассирійскихъ рельефахъ и спутникамъ или оруженосцамъ нашихъ фресокъ и надгробныхъ боспорскихъ стелъ.

Пантикапейскія росписи и сасанидскіе рельефы.

Совпаденіе между разбираемыми картинами пантикапейскихъ росписей и сасанидскими рельефами оказывается, такимъ образомъ, поразительнымъ, доходя до мелочей. Важнѣе всего то, что только въ сасанидскомъ искусствѣ, да въ нашихъ фрескахъ, мотивъ использованъ, какъ нѣчто самостоятельное, самодовлѣющее, чего мы не видимъ ни въ одномъ изъ памятниковъ римскаго искусства, зато наблюдаемъ на греческихъ вазахъ и въ мало-азійскомъ искусствѣ IV в. до Р. Хр. При этомъ, однако, ни одинъ изъ памятниковъ греческаго и, спеціально, малоазійскаго искусства не даетъ такого совпаденія съ нашими памятниками во всѣхъ деталяхъ, какъ сасанидскіе рельефы, хотя почти каждая деталь и находитъ себѣ сама по себѣ прецеденты въ греческомъ искусствѣ.

Эти интереснѣйшіе факты требуютъ объясненія. Надо, однако, отмѣтить, что при указанномъ полномъ совпаденіи мотивовъ приходится констатировать почти полную разницу стилей, не говоря уже о разницѣ въ этнографической обстановкѣ, характерно подчеркнутой и въ Пантикапеѣ, и въ Персіи. Если стиль персидскихъ рельефовъ — стиль монументальный, тяжелый, даже грубый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно экспрессивный; если онъ мало считается съ законами перспективы и съ пропорціональностью фигуръ, и въ этомъ какъ бы отрицаетъ пріобрѣтенія греческаго и римскаго искусства, восходя вновь къ старымъ восточнымъ ахеменидскимъ и до-ахеменидскимъ оригиналамъ, то, съ другой стороны, изображеніе боя двухъ всадниковъ съ массой движенія и съ рядомъ характерныхъ подробностей въ структурѣ лошади и даже человѣка (особенно лица) находитъ себѣ прецеденты только въ греческомъ искусствѣ и изъ него только и можетъ быть объяснено.

Такую же связь съ греческимъ искусствомъ и съ эволюціей его на почвѣ Пантикапея имѣютъ и изображенія нашихъ гробницъ. Стиль ихъ, однако, иной, непохожій на стиль сасанидскихъ рельефовъ: нѣтъ той грузности, того тяжелаго могучаго напора, той тяжеловѣсной экспрессивности, что наблюдается въ памятникахъ сасанидскихъ; наоборотъ, та же сухость трактовки, что и въ болѣе раннихъ памятникахъ Боспора, та же контурность образовъ безъ всякой лѣпки, та же нѣсколько кукольная передача движенія, что и въ миѳологическихъ сюжетахъ гробницы Зайцевской и Алкима. Мы ясно видимъ здѣсь, какъ и на стелахъ, высохшую эллинистическую традицію, оперирующую со старыми мотивами.

Характерно уже вышеотмѣченное стремленіе къ реализму не только бытовому, стремленіе подчеркнутое и утрированное, но, тѣмъ не менѣе, не связанное органически съ композиціей. Я обращу, напримѣръ, вниманіе на отмѣченное уже обиліе пролитой крови; мотивъ этотъ, вѣроятно, восточный, воспринятый вполнѣ іонизмомъ, какъ это особенно ясно на сохранившемъ краску саркофагѣ Александра и на не разъ уже упомянутой мозаикѣ Александра [1]); въ послѣдней особенно характерна лошадь, изъ морды которой, какъ и на нашемъ памятникѣ, струится кровь; но въ обоихъ приведенныхъ памятникахъ кровь только подробность, умѣренно подчеркнутая реалистическая черта, способствующая красочной характеристикѣ всей композиціи; въ нашей фрескѣ она утрирована, какъ утрирована и отсѣченная голова убитаго всадника.

Всѣхъ указанныхъ особенностей нѣтъ въ сасанидскихъ рельефахъ. Они въ стилистическомъ отношеніи—не пережитокъ стараго, а нѣчто новое, живущее своей жизнью. Это не мумія, а живое тѣло.

Отмѣчу рядомъ съ этимъ еще разъ, что въ композиціи большой картины нашей гробницы нѣтъ настоящаго единства и полнаго внутренняго соотвѣтствія однихъ мотивовъ другимъ (безучастность пѣшихъ, вопросъ объ убитыхъ), нѣтъ и внутренней экспрессивности въ отдѣльныхъ фигурахъ и группахъ; все это—какъ единство композиціи, такъ и экспрессивность—имѣется въ полной мѣрѣ въ рельефахъ Накшъ-и-Рустема.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что въ памятникахъ Боспора мы имѣемъ остатки стиля умирающаго, въ рельефахъ сасанидскихъ памятники того же стиля, но въ періодѣ его возрожденія.

Что же это за стиль, вымиравшій въ Керчи приблизительно, какъ увидимъ ниже, во II в. по Р. Хр., возродившійся въ Персіи въ III—IV в.?

Возможность отвѣтить на этотъ очень трудный вопросъ нѣсколько облегчаютъ слѣдующія характерныя наблюденія.

Генезисъ стиля пантикапейскихъ росписей.

Въ высшей степени интересно, что на боспорскихъ царскихъ монетахъ мы имѣемъ аналогію къ сценѣ коннаго боя въ нашихъ гробницахъ только на монетахъ Рескупорида II (211—223 по Р. Хр.). Я имѣю въ виду монеты у Бурачкова, табл. XXVI, 277 двухъ типовъ. На одномъ изображенъ всадникъ вправо на тяжелой лошади, осаженной имъ на полномъ скаку, въ обычной боспорской одеждѣ безъ шлема, но не съ развѣвающимися волосами и съ поднятымъ копьемъ, какъ на монетахъ ѳракійскаго типа Рескупорида I и другихъ, а съ волосами, прилегающими къ головѣ, и съ длиннымъ копьемъ, направленнымъ внизъ. На другомъ типѣ изображеніе осложнено: такой же всадникъ, скачущій вправо, изображенъ въ бою съ другимъ всадникомъ; этотъ второй всадникъ, однако, не нашелъ себѣ надлежащаго мѣста на монетѣ, а изображенъ въ миніатюрномъ видѣ подъ ногами лошади. Внимательное изученіе изображенія показываетъ, что второй всадникъ задуманъ не какъ лежащій, пораженный врагъ, а какъ пораженный, но еще сражающійся противникъ на падающей, но еще не упавшей, лошади съ корпусомъ и головой, откинутыми назадъ; на головѣ, насколько можно судить, типичный боспорскій или сарматскій яйцевидный шлемъ или той же формы пилосъ (см. М. Ростовцевъ, Представленія о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ, И. И. А. К., 49, табл. IV, 11).

---

[1]) См. изданія и того, и другого памятника, сдѣланныя Winter'омъ. Особенно поразительно обиліе крови на Александровомъ саркофагѣ, гдѣ она, какъ и на нашихъ фрескахъ, потоками льется изъ ранъ.

При этомъ стиль изображенія стоитъ гораздо ближе къ сасанидскимъ рельефамъ, чѣмъ къ керченскимъ, описываемымъ нами, картинамъ: лошадь уже не та, что на монетахъ Рескупорида I и другихъ, а иная, болѣе тяжелая и грузная, болѣе монументальная. Положеніе копья объясняется, конечно, миніатюрнымъ изображеніемъ противника.

Характерна безпомощность рѣзчика при разрѣшеніи вопроса о помѣщеніи на монетѣ обычнаго, очевидно, сюжета двухъ сражающихся всадниковъ. Хотя помѣщеніе побѣжденнаго противника въ миніатюрномъ видѣ подъ ногами лошади побѣдителя и является традиціоннымъ, но въ данномъ случаѣ взята не обычная схема уже лежащаго врага, а традиція использована для иныхъ цѣлей, для того, чтобы помѣстить на монетѣ двухъ сражающихся еще противниковъ, и притомъ такъ, чтобы фигура одного изъ нихъ была видна во всѣхъ деталяхъ.

Второе наблюденіе даетъ намъ еще болѣе яркую иллюстрацію того же процесса, который мы установили и въ художественной эволюціи мотива коннаго боя.

Такъ какъ весь матеріалъ, связанный съ этимъ вторымъ наблюденіемъ, былъ мною подробно обработанъ въ особой статьѣ, то я могу здѣсь только вкратцѣ изложить результаты этого изслѣдованія [1]).

Въ упомянутой статьѣ я указалъ на цѣлый рядъ памятниковъ IV—III в. до Р. Хр., на которыхъ изображены сцены, несомнѣнно, религіознаго значенія. Одна изъ наиболѣе характерныхъ и часто повторяющихся сценъ—это сцена полученія царемъ инсигній его власти (ритонъ и скипетръ) изъ рукъ божества мужескаго или женскаго пола. Женское божество появляется чаще, мужское рѣже. Женское изображается всегда сидящимъ на тронѣ, мужское, какъ мы его видимъ на сценѣ, украшающей ритонъ, найденный въ курганѣ Карагодеуашхъ, коннымъ, дарующимъ власть конному же царю [2]). Одинъ разъ мы имѣемъ сопоставленіе коннаго царя съ великой богиней, сидящей на тронѣ [3]). Обыкновенно получающій ритонъ отъ богини царь изображается пѣшимъ.

Для насъ особенно важна сцена на ритонѣ изъ Карагодеуашха, изображающая двухъ гербообразно сопоставленныхъ всадниковъ, изъ которыхъ одинъ подымаетъ правую руку въ жестѣ адораціи, другой держитъ скипетръ и ритонъ (подъ ногами лошадей и того, и другого лежитъ по убитому или, скорѣе, побѣжденному врагу). Будемъ ли мы толковать нашу сцену, какъ сцену инвеституры царя богомъ, или какъ сцену адораціи царя подданнымъ, несомнѣннымъ остается каноническое и сакральное значеніе этой сцены и чрезвычайно характерной геральдичность и строгая торжественность всей композиціи. Въ высшей степени типиченъ также развитой этнографическій реализмъ, характеризующій нашу сцену и ставящій ее въ одинъ рядъ съ знаменитыми изображеніями скиѳовъ или сарматовъ на такихъ шедеврахъ греческаго искусства, какъ Чертомлыцкая серебряная ваза, электровая ваза изъ Куль-обы и серебряная, золоченая изъ Воронежскаго кургана. Одно цѣлое съ этими памятниками составляетъ нашъ ритонъ и въ стилистическомъ отношеніи. Въ наукѣ нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что всѣ, указанные выше,

---

1) См. М. Ростовцевъ, Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ, И. И. А. К., 49, 1—62 и табл. I—VII, ср. Дополненіе, тамъ же, стр. 133—140 и табл. X—XII.

2) См. Ростовцевъ, ук. соч., табл. I и II.

3) См. Ростовцевъ, И. И. А. К., 49, табл. X. XI. Добавлю къ сказанному тамъ о культѣ этой женской богини указаніе на то, что жертвоприношенія лошадей, засвидѣтельствованныя на изданномъ ритонѣ столбомъ, къ которому прикрѣпленъ черепъ лошади, упоминаются какъ характерная черта религіи и быта скиѳовъ Геродотомъ (IV, 60, 62), быта сарматовъ Павсаніемъ I, 21, 6: ταύταις [ἵπποις] οὐκ ἐς πόλεμον χρῶνται μόνον, ἀλλὰ καὶ θεοῖς θύουσιν ἐπιχωρίοις καὶ ἄλλως σιτοῦνται.

шедевры являются произведеніями греческихъ, мало-азійскихъ торевтовъ, работавшихъ по заказу царьковъ и династовъ отдѣльныхъ скиоо-сарматскихъ государствъ юга Россіи въ IV—III вв. до Р. Хр. [1]).

Любопытно отмѣтить, что та же сцена или, лучше сказать, тѣ же конныя фигуры нашей сцены, какъ мы это видѣли и для сцены коннаго боя, воскресаютъ вновь къ жизни въ значительно болѣе позднее время, во II—III в. по Р. Хр. Фигуру бога, взятую отдѣльно, и фигуру царя, также взятую отдѣльно, мы находимъ на двухъ золотыхъ пластинкахъ, украшающихъ діадемы, найденныя въ 1837 г. и въ 1841 г. въ двухъ одновременныхъ гробницахъ около Керчи (см. мою ук. ст., табл. V). Гробницы эти, несомнѣнно, содержали останки если не самого Рескупорида II и его жены, то, во всякомъ случаѣ, лицъ его семьи [2]).

Необычайно близкая по стилю, трактовкѣ и инсигніямъ фигура коннаго царя характерна и для монетъ Боспора того же приблизительно времени, т. е. для монетъ Савромата II, Рескупорида II и Котиса III. Какъ ни толковать жестъ коннаго царя, какъ жестъ адораціи или жестъ аллокуціи, тѣсная связь самой фигуры съ конными фигурами упомянутыхъ выше памятниковъ стоитъ внѣ сомнѣнія. Поразительны, какъ совпаденія въ стилѣ и композиціи, такъ и въ костюмѣ и, особенно, въ аттрибутахъ власти (см. ук. ст., табл. IV, 6 и 9).

Вся перечисленная серія изображеній не находитъ себѣ аналогій въ произведеніяхъ чисто-греческаго искусства. Единственная серія, гдѣ имѣется подобное же гербообразное сопоставленіе двухъ конныхъ фигуръ съ побѣжденными врагами подъ ногами у лошадей,—серія свинцовыхъ и каменныхъ вотивныхъ табличекъ, находимыхъ въ большомъ количествѣ въ Дунайскихъ провинціяхъ, тѣснѣйшимъ образомъ связана, какъ я доказалъ въ много разъ упомянутой статьѣ, съ мало-азійскими иранизирующими религіозными представленіями и съ запасомъ формъ, выработанныхъ въ Малой Азіи для передачи въ живописи и скульптурѣ этихъ представленій (см. ук. ст., стр. 30 сля., табл. VI, VII).

Ближайшія аналогіи находитъ себѣ весь этотъ комплексъ формъ и представленій, тѣсно связанныхъ съ Малой Азіей, въ раннемъ сасанидскомъ искусствѣ. Здѣсь, начиная со времени перваго царя династіи Ардашира (224 г. по Р. Хр.), появляется на монументальныхъ рельефахъ, вырѣзанныхъ на скалахъ, и на рѣзныхъ камняхъ сцена, почти во всѣхъ деталяхъ совпадающая съ только что описанными памятниками III в. до Р. Хр. и II—III вв. по Р. Хр. Это сцена пожалованія Ормуздомъ царю инсигній царской власти [3]). Все, кромѣ этнографическихъ признаковъ и нѣкоторыхъ особенностей стиля, совпадаетъ здѣсь съ описанными сценами на боспорскихъ памятникахъ: и положеніе всадниковъ въ ихъ гербообразной торжественности, и жестъ руки получающаго власть, и тѣла убитыхъ враговъ подъ ногами лошадей.

Мы стоимъ, такимъ образомъ, передъ любопытнѣйшимъ явленіемъ. Сцена, характерная для III в. до Р. Хр., повторяется буквально, какъ это мы видѣли и для коннаго боя, въ памятникахъ II—III вв. по Р. Хр., причемъ это явленіе наблюдается не только на югѣ Россіи, но и въ сасанидской Персіи.

[1]) Въ эту же серію входятъ, очевидно, и серебряные сосуды, недавно открытые проф. Н. И. Веселовскимъ въ упомянутомъ выше огромномъ курганѣ Солоха (см. графъ А. А. Бобринской, *Новое Время*, 1913, № 13416).

[2]) Къ сказанному объ этомъ въ вышеназванной моей статьѣ прибавлю, что и В. В. Шкорпилъ, И. И. А. К., 37, стр. 32 сл. совершенно такъ же, какъ и я, датируетъ оба погребенія.

[3]) См. Sarre und Herzfeld, Iranische Felsreliefs, табл. V, ср. табл. XIII и др., текстъ стр. 245 слл. Ср. мою указанную статью И. И. А. К., 49, стр. 3 сл., рис. 1 и 2 и табл. I.

При этомъ какъ въ ту, такъ и въ другую эпоху на югѣ Россіи наблюдается подъемъ національной культуры и оживленіе мѣстныхъ религіозныхъ традицій, что́ рѣзкимъ образомъ сказывается и на монетахъ, гдѣ старыми типами религіозно-политическаго характера вытѣсняются какъ типы, свойственные всей нумизматикѣ западной части Черноморскаго побережья, такъ и типы, спеціально свидѣтельствующіе о зависимости и вассальности Боспора по отношенію къ Риму. Этому возобновленію старыхъ традицій предшествуетъ, начиная съ I в. по Р. Хр. (со времени Рескупорида I), опредѣленная любовь монетныхъ рѣзчиковъ къ этнографическому реализму (см., напримѣръ, фигуру царя рядомъ съ трофеемъ, царя, окруженнаго побѣжденными, ворота города съ конной статуей царя на аттикѣ, ворота города и дерево, царь, сидящій на курульномъ креслѣ, инсигніи царской власти, дарованныя Римомъ и т. д.). Сказывается это движеніе и въ чередованіи именъ ѳракійскихъ и мѣстныхъ у носителей царской власти.

Сцена пожалованія богомъ власти царю, инвеституры царя божьей милостью, конечно, не мѣстнаго происхожденія. Та орнаментальная обстановка, въ которой она появляется, указываетъ на греческое, спеціально мало-азійское происхожденіе (Мальмбергъ, *Мат. по арх. Россіи*, 13, 162 слл.). Весьма вѣроятно, что и мотивъ инвеституры попалъ на Боспоръ въ греческой переработкѣ, но весьма сомнительно, чтобы онъ былъ греческаго происхожденія.

Самая идея съ одной стороны, художественная форма съ другой,—происхожденія восточнаго и спеціально иранскаго. Монархія божьей милостью, а не монархъ-богъ, какъ Селевкиды въ Сиріи, и не монархъ, сынъ бога, какъ Птолемеи въ Египтѣ, это идея иранская, общая, очевидно, всѣмъ родственнымъ персамъ племенамъ. Царь, почти равноправный богу, получаетъ, однако, свое равноправіе отъ него; отъ него, какъ отъ высшаго получаетъ онъ и свою власть.

Эту идею переработала на греческій ладъ, какъ многое для Персіи, іонійская Греція и отсюда этотъ мотивъ перешелъ и на Боспоръ тогда, когда силы мѣстныхъ иранскихъ идей вышли, какъ когда-то въ скиѳо-сарматскихъ государствахъ IV—III в. до Р. Хр., вновь на поверхность.

И мотивъ инвеституры переживаетъ, такимъ образомъ, ту же эволюцію, что и мотивъ коннаго боя. Старые іонійскіе мотивы восприняты цѣликомъ, но стиль ихъ художественнаго выраженія рѣзко измѣнился. При этомъ въ мотивѣ коннаго боя изящный стиль IV—III в. до Р. Хр. смѣнился сухимъ, характернымъ для всей живописи и скульптуры Пантикапея I—II в. по Р. Хр.; въ мотивѣ инвеституры на памятникахъ III в. по Р. Хр. онъ принялъ болѣе тяжелыя и грубыя формы, сдѣлался болѣе грузнымъ и монументальнымъ, напоминая современный ему стиль сасанидскихъ скульптуръ, гдѣ какъ разъ въ данное время въ переработкѣ тѣхъ же мотивовъ начинается настоящій Ренессансъ, зарождается стиль, въ которомъ изъ греческихъ элементовъ и элементовъ восточныхъ родилось нѣчто монументальное, тяжелое, грузное, но сочное и здоровое, полное жизни, важности и серьезности.

Какъ объяснить этотъ комплексъ явленій?

Для Боспора это можно было бы объяснить двояко. Весьма возможно, что въ смутныя времена II и I в. до Р. Хр. мотивы, воспринятые въ IV в. изъ мало-азійскаго Ренессанса этого времени, продолжали вести скрытую жизнь, намъ малоизвѣстную за недостаткомъ памятниковъ. Когда вновь наступилъ расцвѣтъ и вновь поднялась національная волна, насытившая въ свое время, подъ вліяніемъ расцвѣта мѣстныхъ элементовъ, эллинизованную культуру степныхъ сарматскихъ царствъ IV—III в. до Р. Хр., старые іонійско-восточные мотивы вновь возродились въ

сарматизованномъ Боспорскомъ царствѣ сначала въ видѣ наиболѣе эллинизованныхъ шаблоновъ (трапеза, выѣздъ) въ формахъ эллинистическаго стиля, затѣмъ въ видѣ другихъ, болѣе восточныхъ, болѣе близкихъ мѣстнымъ людямъ мотивовъ (бой всадниковъ, звѣри), наконецъ, въ видѣ старыхъ завѣтныхъ мотивовъ, отражающихъ существо религіознаго и политическаго міровоззрѣнія сарматизованнаго населенія. Съ послѣдними сюжетами соединяется и новый стиль, далеко ушедшій отъ эллинистическаго и вновь сблизившійся съ восточнымъ, какъ это было въ VII—VI вв. до Р. Хр., когда создался такъ называемый звѣриный стиль, возродившійся вторично въ IV—III в. до Р. Хр. и въ третій разъ въ такъ называемомъ готскомъ стилѣ, начало котораго восходитъ какъ разъ ко II—III в. по Р. Хр., къ вещамъ того же стиля, что и большинство предметовъ, найденныхъ въ гробницахъ 1837 и 1841 гг., вмѣстѣ съ охарактеризованными выше діадемами Рескупорида II. Характерно, что въ это же время возрождается и сарматская внѣшность царей, и царскій обиходъ давнихъ временъ, и архаическій обрядъ погребенія (золотая маска на лицѣ покойника).

При этомъ, однако, сближеніе съ сасанидскими памятниками открываетъ нѣсколько иныя перспективы и позволяетъ дополнить данное объясненіе еще однимъ соображеніемъ.

Сасанидскіе рельефы показываютъ, что іонійско-восточный стиль жилъ не только на Боспорѣ, но и на всемъ иранскомъ Востокѣ. Иначе возрожденія восточныхъ мотивовъ въ іонійской формѣ въ сасанидской Персіи не объяснить. И, можетъ быть, здѣсь, т. е. въ Парѳіи, Арменіи, Грузіи, Албаніи онъ пустилъ наиболѣе глубокіе корни и подвергся наименѣе сильному эллинистическому вліянію, такъ что и нѣкоторые мотивы, и новый стиль именно отсюда, какъ, можетъ быть, и въ первый разъ въ VII—VI в., вновь пришли на Боспоръ.

Мотивъ инвеституры и коннаго боя, во всякомъ случаѣ, Парѳія сохранила, какъ показываетъ, къ сожалѣнію, плохо сохранившійся рельефъ изъ Бисутуна съ надписью, упоминающей имя Готарза и поэтому обыкновенно относимой къ эпохѣ пораженія Красса (см. Flandin et Coste, pl. 19; Sarre-Herzfeld, l.l., 243; надпись Dittenberger, Or. inscr., 431).

Но на Боспорѣ стиль фигурныхъ изображеній, къ сожалѣнію, засохъ, зато старый звѣриный и новый геометрическій дали здоровые ростки; въ сасанидской же Персіи пышно расцвѣло и то, и другое.

Прежде чѣмъ перейти теперь къ намѣченному выше изслѣдованію объ этнографической характеристикѣ лицъ, изображенныхъ въ сценахъ боя нашего склепа, скажу еще нѣсколько словъ объ изображеніи звѣрей, играющихъ такую крупную роль въ живописномъ уборѣ нашей гробницы.

Изображенія звѣрей.

Я уже обратилъ вниманіе на гербообразное распредѣленіе звѣрей по отдѣльнымъ простѣнкамъ, такое же, какое мы констатировали и для изображеній боя. Аналогіи такому распредѣленію звѣрей, притомъ стилизованныхъ и около стилизованнаго центра, мы находимъ вездѣ въ сферахъ распространенія восточнаго греческаго искусства. Приводить эти аналогіи было бы излишне. Въ гробничномъ искусствѣ такія изображенія особенно часты во всей М. Азіи, главнымъ образомъ, во Фригіи. Характерной особенностью живописи нашей гробницы является то, что въ ней звѣри частью изображены вполнѣ реалистично, частью, хотя и стилизованы, но въ незначительной степени, и размѣщены притомъ среди пейзажныхъ элементовъ, хотя и не вполнѣ натуралистическихъ, но съ явною склонностью къ натурализму.

Если искать аналогій для подобнаго рода гербообразнаго распредѣленія полунатуралистическихъ звѣрей въ полу-натуралистическомъ пейзажѣ, то прежде всего

придется отбросить одновременные или почти одновременные памятники греческаго и римскаго искусства. Такія натуралистическія картины, какъ изображенія звѣрей въ адэкватномъ пейзажѣ, каковыя мы часто встрѣчаемъ въ Помпеяхъ и въ росписи римскихъ гробницъ, имѣютъ съ нашими картинами мало общаго и по стилю изображенія звѣрей, и по характеру пейзажныхъ элементовъ [1]). Такъ же далеко стоитъ и извѣстная верхняя часть мозаичной картины въ Палестринѣ, гдѣ дается родъ каталога звѣрей Египта въ родномъ имъ горномъ пейзажѣ ливійской и аравійской пустыни [2]), и извѣстный иллюстрированный каталогъ звѣрей въ эллинистической гробницѣ Мариссы [3]).

Всѣ эти и родственные имъ по трактовкѣ, композиціи и стилю памятники, главнымъ образомъ, римскаго времени тѣсно связаны, вѣроятно, съ развитіемъ живописи въ Египтѣ въ эллинистическую эпоху. За это говорятъ аналогичные мотивы въ аналогичной трактовкѣ на нѣсколькихъ (весьма рѣдкихъ) стекляныхъ расписныхъ сосудахъ эллинистическаго времени. На этихъ сосудахъ мы имѣемъ изображенія птицъ и звѣрей въ натуралистической трактовкѣ среди растеній и цвѣтовъ. Стиль и композиція изображеній говорятъ за связь ихъ со старымъ египетскимъ искусствомъ. Впрочемъ, объ этихъ сосудахъ подробнѣе сказано будетъ особо [4]).

Гораздо ближе къ изображеніямъ въ нашей гробницѣ по стилю и композиціи стоятъ памятники іонійскаго и персидскаго искусства.

Въ нашихъ фрескахъ мы видимъ сочетаніе двухъ рядовъ изображеній развивающихся въ восточномъ и іонійскомъ искусствѣ самостоятельно. Я имѣю въ виду, съ одной стороны, изображенія охотъ и загоновъ въ искусствѣ Ассиріи и затѣмъ въ искусствѣ сасанидской Персіи (см. Sarre und Herzfeld, Iranische Felsreliefs, табл. XXVIII сл., ср. стр. 209, 1) [5]), съ другой—изображенія звѣрей на памятникахъ какъ стараго іонійскаго искусства, такъ и эпохи его возрожденія въ IV — III в. до Р. Хр. Соединительнымъ звеномъ между первыми и изображеніями въ нашихъ гробницахъ является одинъ, до сихъ поръ не опубликованный, памятникъ (золотая пластинка) изъ колл. Романченка, фотографія съ котораго имѣется въ Имп. Арх. Комиссіи (см. рис. 62). Здѣсь изображенъ дикій кабанъ, бѣгущій среди зарослей. Стиль изображенія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ указанными восточными памятниками и рѣзко отличается какъ отъ памятниковъ іонійскаго стиля, такъ и отъ позднѣйшихъ греко-римскихъ изображеній. Въ под-

[1]) См. Helbig, Die campanische Wandmalerei, 92 слл.; 306 слл. То, на что жалуется Helbig, т. е., что для исторіи картинъ съ изображеніемъ животныхъ ничего не сдѣлано, остается въ силѣ посейчасъ. Генезисъ этого рода картинъ и до сихъ поръ невыясненъ. Связь съ римскимъ амфитеатромъ, о которой думаетъ Helbig, возможна, но имѣетъ второстепенное значеніе. Мотивъ, какъ таковой, идетъ изъ египетскаго и ассирійскаго искусства, гдѣ такъ любятъ изображать коллекціи рѣдкихъ звѣрей, причемъ и въ Ассиріи, и въ Египтѣ одновременно изображается и подходящій пейзажъ.

[2]) См. о ней послѣднюю по времени работу O. Marucchi, *Bull. com.* 1904, 233, гдѣ перечислена и литература о памятникѣ.

[3]) P. Peeters und H. Thiersch, Painted tombs in the Necropolis of Marissa, London 1905; H. Thiersch, *Arch. Anz.* 1908, 408 сл.

[4]) Съ этимъ рядомъ изображеній звѣрей въ тѣснѣйшей связи стоятъ нѣкоторыя изображенія на бэотійскихъ вазахъ изъ Кабиріона. См. особенно изображеніе приключеній Кадма на одной бэотійской вазѣ, изданной мною (Die helleinistsch-römische Architekturlandschaft, стр. 124, рис. 60). Ср. двѣ извѣстныя бэотійскія вазы Императорскаго Эрмитажа, изданныя M. Heinemann, Landschaftliche Elemente in der griechischen Kunst bis Polygnot, Bonn 1910, стр. 75, рис. 13 и стр. 76, рис. 14.

[5]) Изъ сасанидскихъ блюдъ наиболѣе характерно блюдо Парижской Національной Библіотеки, Смирновъ, Вост. серебро, XXXI.

линности публикуемой пластинки я не сомнѣваюсь [1]). Характеренъ также одинъ персидскій рѣзной камень Лувра, гдѣ левъ и кабанъ изображены около дерева. Типъ дерева и звѣрей тотъ же, что и въ нашей гробницѣ.

Еще больше сходства между нашими фресками и памятниками іонійскаго искусства, украшенными изображеніями гербообразно расположенныхъ болѣе или менѣе стилизованныхъ звѣрей. Я не могу здѣсь входить въ разборъ исторической эволюціи этихъ изображеній, начиная съ древнѣйшихъ временъ [2]). Въ связи съ изображеніями въ нашей гробницѣ, меня болѣе всего интересуютъ памятники, гдѣ съ гербообразно сопоставленными звѣрьми соединились пейзажные элементы. Наиболѣе ранніе примѣры такого соединенія даютъ памятники IV—III вв. до Р. Хр., найденные на югѣ Россіи. На первомъ мѣстѣ надо назвать второй серебряный ритонъ изъ склепа кургана Карагодеуашхъ, гдѣ въ верхнемъ фризѣ изображены группы львовъ и пантеръ, терзающихъ жвачныхъ животныхъ. Полностью сохранилась группа пантеръ, терзающихъ чубараго оленя (см. Мальмбергъ, *Матеріалы*, 13, стр. 140, рис. 16).

Рис. 62. Кабанъ, бѣгущій среди зарослей. Золотая обивка пряжки пояса (колл. Романченка).

Помимо обычнаго гербообразнаго сопоставленія дикихъ звѣрей у трупа оленя, здѣсь характерны пейзажные элементы: два дерева, стоящія сзади обѣихъ пантеръ. Не говоря уже о сходствѣ съ нашими картинами этого сопоставленія звѣрей и деревьевъ самого по себѣ, особенно важно то, что деревья, въ противность обычному ихъ изображенію на большинствѣ греческихъ памятниковъ, представлены здѣсь въ видѣ толстыхъ стволовъ, отъ которыхъ въ обѣ стороны расходятся сравнительно тонкія вѣтви, каждая кончающаяся условнымъ изображаніемъ группы листвы въ видѣ большого листа съ ребромъ посрединѣ и съ зубцами по краямъ. Деревья.

Въ высшей степени интересно, что такія же деревья обрамляютъ и изображенія въ верхней полосѣ перваго ритона того же кургана, о которомъ рѣчь была выше. Разница между деревьями перваго ритона, обрамляющими ритуальную сцену двухъ, стоящихъ другъ противъ друга, всадниковъ, и деревьями второго ритона состоитъ исключительно въ томъ, что деревья перваго ритона имѣютъ болѣе расчлененныя вѣтви, изъ коихъ каждая кончается характернѣйшей вѣерообразной группой листвы.

Думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пальмовыми деревьями, и видѣть въ группахъ листвы натуралистическое изображеніе вѣерообразныхъ листьевъ финиковой пальмы запрещаетъ форма ствола и общее строеніе деревьевъ обоихъ ритоновъ.

[1]) Время ея, къ сожалѣнію, неопредѣлимо. Я думалъ бы, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ еще до-римской эпохи.

[2]) Укажу на классическое изслѣдованіе этого вопроса въ работѣ Фуртвенглера, Der Goldfund von Vettersfelde, Kleine Schriften, I, 485 слл. Наиболѣе раннимъ памятникомъ, гдѣ изображеніе звѣрей сочеталось съ пейзажными элементами, является серебряный сосудъ изъ Майконскаго кургана (Веселовскій, О. И. А. К., 1897, стр. 7, рис. 26). О позднѣйшихъ изображеніяхъ того же характера въ іонійской керамикѣ см. M. Heinemann, Landschaftliche Elemente in der griechischen Kunst bis Polygnot, особ. стр. 43, рис. 2.

Я не сомнѣваюсь, что такое изображенiе деревьевъ ведетъ свое начало отъ ранне-эллинистическихъ изображенiй деревьевъ на группѣ такъ называемыхъ эллинистическихъ рельефовъ старшаго типа, т. е. IV—III в. до Р. Хр. [1]), на одновременныхъ этой группѣ вотивныхъ рельефахъ и на нѣкоторыхъ продуктахъ малоазiйской эллинистической рельефной керамики [2]).

Схематизацiя этого иллюзiонистическаго способа изображенiя листвы, перешедшаго затѣмъ въ натуралистическое изображенiе отдѣльныхъ листьевъ разныхъ породъ деревьевъ въ позднемъ эллинизмѣ, дала на нашемъ серебряномъ ритонѣ только что описанный характерный типъ дерева.

Между тѣмъ, этотъ именно типъ родилъ ту характерную форму дерева и листвы, которую мы имѣемъ и въ нашей гробницѣ, и въ гробницѣ 1873 г. Въ изображенiи ствола эта форма совпадаетъ съ деревьями въ гробницахъ Алкима, Анѳестерiя, 1891 г., но въ изображенiи листвы рѣзко отъ нихъ отличается. Стволы и листва деревьевъ этого типа обычны и ничѣмъ не отличаются отъ деревьевъ на фризѣ Телефа и т. д., но тѣмъ необычнѣе казались Стасову деревья нашего типа, аналогiю которымъ онъ для своего времени правильно находилъ исключительно только въ памятникахъ поздне-персидской живописи.

Теперь въ указанныхъ памятникахъ IV—III в. мы имѣемъ прототипъ, а въ ритонѣ склепа Карагодеуашхъ и посредствующее звено. Дѣйствительно, часть деревьевъ въ нашемъ склепѣ имѣетъ такой же вѣерообразный видъ, что и деревья на ритонахъ, съ такими же рубцами и такою же осью. Въ другихъ развитiе пошло дальше, и листва приняла видъ вѣеровъ не съ зубчатыми, а съ округлыми контурами [3]).

Характерно, однако, что между III в. до Р. Хр. и II в. по Р. Хр. я и въ данномъ случаѣ посредствующаго звена не нахожу. Однимъ изъ немногихъ, мнѣ извѣстныхъ, памятниковъ римскаго времени съ подобнымъ же изображенiемъ дерева является изображенiе дерева на одной изъ мозаикъ виллы Адрiана въ Тибурѣ, гдѣ, кромѣ общей формы, имѣется и характерная для нашего памятника шатировка: внутренняя часть листвы темнѣе, внѣшняя — свѣтлѣе (см. B. Nogara, I mosaici antichi del Vaticano e del Laterano, стр. 18 и 21, таб. LXXIII и рис. 8); но и этотъ памятникъ современенъ нашему склепу.

По всей вѣроятности, однако, этотъ пробѣлъ случаенъ и зависитъ отъ малаго количества дошедшихъ до насъ памятниковъ живописи, гдѣ этому типу легче всего было развиться [4]). Такъ же случаенъ затѣмъ и пробѣлъ между нашей гробницей и персидской поздней живописью или, лучше сказать, между нашей живописью и прототипомъ персидскихъ деревьевъ въ живописи византiйской. Не имѣя намѣренiя исчерпать матерiалъ, укажу, напримѣръ, на то, что въ миніатюрахъ

---

[1]) См. Sieveking въ Brunn-Bruckmann, Denkmäler der griechischen Skulptur, № 621—630, особенно его замѣчанiя въ концѣ описанiя всей серiи.

[2]) См. M. Rostowzew, Hellenistisch-römische Architekturlandschaft, стр. 114 сл., табл. XI, 2.

[3]) Родоначальниками этого типа деревьевъ въ отдаленномъ прошломъ являются нѣкоторыя деревья микенской металлургiи. Я имѣю въ виду деревья на золотомъ кубкѣ изъ Вафiо, см., напримѣръ, Springer-Michaelis (9 изд.), стр. 104, рис. 230a, и деревья фрагмента одного серебрянаго кубка изъ Микенъ, гдѣ изображено извѣстное взятiе крѣпости въ реалистическомъ пейзажѣ, см. ibid, стр. 106, рис. 231.

[4]) Вполнѣ вѣроятно, что болѣе подробное изслѣдованiе этого вопроса дастъ большее количество изображенiй интересующаго насъ типа, чѣмъ то, которое мнѣ удалось найти и сопоставить. Нѣкоторыя аналогiи можно было бы указать и на мозаикахъ сѣверной Африки, гдѣ пейзажные элементы и, особенно, деревья играютъ видную роль.

иллюстрированныхъ рукописей въ наиболѣе раннее время преобладаетъ, правда, типъ иллюзіонистически-натуралистическаго дерева, хорошо знакомый намъ по помпеянскимъ пейзажамъ [1]) и, вѣроятно, вытѣснившій изъ живописи Италіи и Запада типъ деревьевъ, приближающійся къ нашему, чѣмъ и объясняется ихъ рѣдкость; но позднѣе, напримѣръ, въ Ашбурнгэмскомъ пятикнижіи (VI—VII в. по Р. Хр.) и въ Вѣнской рукописи Бытія—рядомъ съ деревьями помпеянскаго типа появляются и деревья иного характера, правда, не всегда въ видѣ вѣера, а чаще въ видѣ зонтика, расширяющагося надъ одной или нѣсколькими вѣтвями дерева, которое само часто изображается съ обрѣзанными нижними сучьями, какъ въ нашихъ гробницахъ [2]).

Характерно, что рядомъ съ этимъ деревомъ воскресаетъ и дерево старо-греческаго схематическаго типа, какъ въ гробницѣ Анѳестерія и др. (см., напр., Wiener Genesis, XXII). Въ одномъ случаѣ зонтикообразная листва превращается въ Вѣнской рукописи въ листву, распредѣленную вѣерообразными группами, ср. Ashb. Pentateuch, табл. XIII.

Эти зонтикообразныя деревья типичны для всѣхъ раннихъ византійскихъ иллюстрированныхъ рукописей и оттуда переходятъ въ рукописи болѣе позднія, включая и славянскія. Характерно, что, кромѣ обычнаго типа (два зонтика одинъ подъ другимъ на верхушкѣ ствола и посрединѣ его), встрѣчается довольно часто и типъ, очень близкій къ деревьямъ Стасовской гробницы (см., напримѣръ, Bibl. Nat., Evangiles avec peintures byzantines du XI s. (Cod. Paris. graec. 74), т. I, табл. 14, 24; II, табл. 127—дерево съ плодами, какъ въ гробницѣ 1873 г.). Характерно также, что и здѣсь типъ греческаго дерева удерживается рядомъ съ описанными, но зато исчезаетъ типъ дерева, знакомаго намъ по Помпеямъ.

Я привелъ этотъ случайный и неполный матеріалъ не для того, чтобы дать исторію типа дерева въ христіанской живописи, а для того, чтобы показать, какъ цѣпко, вѣроятно, держались старые типы въ живописи антика. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что зонтикообразная и вѣерообразная листва всегда жили, по крайней мѣрѣ, на Востокѣ, и что византійская живопись не изобрѣла всѣ эти типы, а взяла ихъ, какъ типы обычные и традиціонные. Чрезвычайно любопытно было бы прослѣдить въ этой связи, не является ли дерево помпеянскаго типа признакомъ западнаго, деревья съ зонтико- и вѣерообразною листвою признакомъ восточнаго происхожденія соотвѣтственныхъ памятниковъ. Разрѣшать, однако, этого вопроса я не берусь: въ первую голову здѣсь надо было бы привлечь къ дѣлу матеріалъ монументальной живописи отъ катакомбъ до росписей византійскихъ, славянскихъ и русскихъ церквей. Замѣчу только, что живопись катакомбъ въ этомъ отношеніи представляетъ почти полную аналогію съ живописью Помпей и съ вышеприведенными рукописями Ватиканскихъ Вергиліевъ [3]).

Возвращаясь къ изображенію реалистически-условныхъ звѣрей въ гербообразномъ сопоставленіи, замѣчу, что ритонъ Карагодеуашха стоитъ далеко не одинъ. Гербообразные звѣри.

[1]) Такъ въ свиткѣ Іисуса Навина, въ иллюстраціяхъ къ рукописямъ Вергилія, Cod. Vat. 3225 и Cod. Vat. 3868 (V—VI в. по Р. Хр.) (изданы обѣ Ватиканской Библіотекой).

[2]) См. Hartel-Wickhoff, Wiener Genesis, табл. VIII, XIV, XVII и др.; The miniatures of the Ashburnham Pentateuch by O. von Gebhardt, London, 1883, табл. III и XIII.

[3]) Отмѣчу кромѣ того, что въ Бавитѣ въ Египтѣ мы встрѣчаемъ деревья, трактованныя очень похоже на деревья нашей гробницы, съ тѣмъ же типомъ листвы и съ такими же плодами, какъ, напримѣръ, въ нашей гробницѣ 1873 г. См. Clédat, Le monastère et la nécropole de Baouit (*Mém. de l'Inst. fr. d'arch. orient.* XII), табл. 37 (chapelle XII). Тамъ же повсюду мы находимъ изображеніе фигуръ среди цвѣтущей поросли. Сцена табл. 37 и по трактовкѣ льва очень близка къ нашей гробницѣ.

Какъ на одну изъ наиболѣе поразительныхъ параллелей, укажу на обивки налучій изъ Чертомлыка и Ильинца, гдѣ, кромѣ сцены терзанія животнаго двумя хищниками, не разъ встрѣчается и гербообразное сопоставленіе двухъ звѣрей (см. Б. Фармаковскій, Сборникъ статей, подн. гр. А. А. Бобринскому, 102 слл.). Въ малоазійскомъ происхожденіи и ритона, и обивокъ теперь никто не сомнѣвается (см. Мальмбергъ, l.l., съ указаніемъ литературы; Фармаковскій, l.l.).

Отмѣчу попутно, что соединеніе звѣрей съ деревомъ повторяется въ предѣлахъ вліянія восточнаго греческаго искусства [1]), и притомъ въ видѣ отдѣльныхъ группъ, только на варваризированныхъ дериватахъ архаическаго греко-восточнаго искусства на почвѣ Скиѳіи—на діадемѣ Новочеркасскаго клада (см. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. II, стр. 133, рис. 152 и 153) и на такъ называемыхъ сибирскихъ пластинахъ (ibid, стр. 43 слл., особенно рис. 66, 67, 69, 70, 71).

И здѣсь мы, такимъ образомъ, вращаемся все въ той же сферѣ мотивовъ мало-азійской старины, и здѣсь мы не видимъ въ позднѣйшемъ эллинизмѣ, пошедшемъ по другимъ путямъ, посредствующихъ звеньевъ. Передъ нами ярко намѣчается какое-то особое архаизирующее теченіе, во многихъ пунктахъ не находящее себѣ непосредственныхъ прецедентовъ въ предѣлахъ доступнаго нашему наблюденію восточно-греческаго эллинизма.

Этнографическій реализмъ боевыхъ сценъ.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ объ этнографическомъ реализмѣ нашихъ сценъ и постараться опредѣлить ту среду, въ которой вращается культурный обиходъ лицъ, изображенныхъ на стѣнахъ нашей гробницы.

Наиболѣе характерны и показательны для интересующихъ насъ вопросовъ не столько типъ лица,—условный и малохарактерный,—сколько костюмъ и вооруженіе. Къ сожалѣнію, какъ я уже указывалъ, серьезной и тщательной работы о мѣстныхъ костюмахъ на памятникахъ древности юга Россіи до сихъ поръ не имѣется. Въ томъ, что по этому поводу написано Стасовымъ, Забѣлинымъ, Лаппо-Данилевскимъ, даже Толстымъ и Кондаковымъ [2]), въ одну кучу свалены и памятники греческаго условнаго изображенія варваровъ, и памятники персидскаго стилизованнаго реализма, и памятники возрожденной Іоніи начала эллинизма и, наконецъ, памятники римскаго времени, насъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересующіе.

Я, конечно, полнаго изслѣдованія всего матеріала дать не могу, чтобы не загромождать и безъ того разросшееся изслѣдованіе, но кое-какія сопоставленія абсолютно необходимы.

Костюмъ.

Прежде всего, совершенно ясно, что, по крайней мѣрѣ, въ эпоху поздняго эллинизма и въ римское время, въ греческихъ колоніяхъ сѣвернаго побережья Чернаго Моря (Херсонесъ я исключаю, какъ не дающій достаточнаго матеріала

[1]) Римскіе памятники II и сл. вѣковъ не могутъ служить объектомъ сравненія, такъ какъ они вышли частью изъ совершенно другихъ источниковъ, частью повторяютъ старую іонійскую схему съ большими или меньшими измѣненіями; послѣдніе—особенно, поскольку они появляются въ провинціяхъ,—представляли бы для насъ большой интересъ, но требуютъ предварительнаго широкаго собиранія матеріала и углубленнаго его изученія.

[2]) Стасовъ говорилъ объ этомъ въ изданіи нашей гробницы, Толстой и Кондаковъ въ Русскихъ древностяхъ вып. I и II. Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, Спб. 1887. (*Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.; слав.-русск. отд.*, IV); Забѣлинъ, Исторія русской жизни, I (второе изданіе). Не свободна отъ того же упрека и новѣйшая трактовка этого вопроса у Minns'a, Scythians and Greeks, 53 слл. Уже иллюстрація данныхъ Геродота предметами изъ гробницъ IV—III в. до Р. Хр. служитъ тому опредѣленнымъ доказательствомъ.

для изслѣдованія) [1]) и въ сферѣ вліянія Ольвіи, и въ Боспорскомъ царствѣ, и даже въ городахъ тавроскиѳскаго царства (см. ниже, особенно же стелу Kieseritzky-Watzinger, № 557) былъ въ ходу одинъ и тотъ же костюмъ: это доказываетъ сличеніе описанія Діона Хрисостома и изображеній на немногихъ ольвійскихъ стелахъ (см. Dio Chrys., Borysth. (or. XXXVI), 7, ed. Arnim) [2]) съ многочисленными боспорскими стелами, гдѣ костюмъ изображеннаго переданъ реалистически, а не въ обще-греческомъ шаблонѣ. Костюмъ этотъ повторяютъ и наши гробницы, особенно детально гробница Анѳестерія, изображающая всадниковъ, какъ и надгробныя стелы, въ обычномъ гражданскомъ, а не военномъ костюмѣ.

Этотъ костюмъ отнюдь не греческій, но и далеко не тотъ, который носятъ скиѳы или сарматы на памятникахъ IV—III вв. до Р. Хр. [3]). Если къ нему присмотрѣться, то намъ станетъ ясно, что передъ нами созданная практикой и климатическими условіями комбинація того и другого. Рядомъ съ обще-греческимъ костюмомъ, на боспорскихъ стелахъ встрѣчаются двѣ мѣстныя его разновидности, первая рѣже, вторая чаще. Мнѣ думается, что первая изъ этихъ разновидностей объясняетъ вторую. Въ ней (см. стелы Kieseritzky-Watzinger, № 436, 500, 540, 541, ср. 460 и 703; №№ 361 и 362 къ этой серіи не принадлежатъ) главную роль играютъ обычный греческій хитонъ и хламида; имѣетъ ли хитонъ рукава или нѣтъ, опредѣлить нельзя. Но этотъ обще-греческій костюмъ осложненъ тѣмъ, что на ноги надѣты, вѣроятно, шерстяные штаны, а на верхнюю часть тѣла особый камзолъ или жакетка косого покроя съ длинными до кисти рукавами, застегнутая на груди въ одномъ только мѣстѣ и часто оторoченная мѣхомъ. На ногахъ обыкновенно надѣты мягкіе кожаные башмаки, въ которые входятъ упомянутые узкіе, облегающіе ногу, штаны.

Тотъ же костюмъ въ нѣкоторой модификаціи даетъ стела Kieseritzky-Watzinger, № 450, гдѣ, судя по вооруженію, изображенъ не боспоранецъ, хотя имя онъ носитъ чисто греческое [4]) (на не боспорское происхожденіе указываетъ, собственно говоря, только необычной формы колчанъ за его плечами). Здѣсь хитонъ укороченъ (не покрываетъ полностью бедеръ), кафтанъ же сдѣланъ одинаковой длины съ хитономъ; на ногахъ обычные мягкіе штаны, дѣлающіе складки (такъ же, какъ, напримѣръ, на рельефѣ № 494 и особенно 529: ясно, что такія складки можетъ дать только шерстяная матерія), и мягкіе сапоги (штрипокъ вмѣстѣ съ Вацингеромъ я, при всемъ желаніи, не вижу).

---

[1]) На херсонесскихъ надгробныхъ стелахъ граждане Херсонеса одѣты обыкновенно въ обще-греческій костюмъ, что, конечно, еще не говоритъ въ пользу того, чтобы исключительно этотъ костюмъ носили и въ обыденной жизни граждане этого города. Возможно, однако, и это, такъ какъ одинъ только Херсонесъ изъ всѣхъ греческихъ колоній юга Россіи сохранилъ и въ римское время свой греческій обликъ. Къ сожалѣнію, сопоставленіе отдѣльныхъ группъ надгробныхъ стелъ по мѣстностямъ сильно затруднено изданіемъ Вацингера, гдѣ не только не выдѣлены отдѣльныя группы, но даже нѣтъ указателя, облегчающаго обзоръ мѣстнаго матеріала, распредѣленнаго имъ по группамъ по формальнымъ признакамъ (форма стелъ и характеръ изображенія).

[2]) Изъ ольвійскихъ стелъ для костюма гражданъ особенно показательны стелы Радамисона и Стратона, см. Kieseritzky-Watzinger, № 716 и 688. На немногочисленныхъ остальныхъ ольвійскихъ стелахъ костюмъ, какъ и на многихъ боспорскихъ, шаблонно-греческій. Отсутствіе большого количества стелъ римскаго времени въ Ольвіи и Херсонесѣ объясняется, конечно, главнымъ образомъ, тѣмъ, что эти города не испытали того вторичнаго расцвѣта въ императорское время, который такъ характеренъ для Пантикапея.

[3]) Шаблонно-варварскій костюмъ скиѳовъ греческихъ вазъ я исключаю, какъ явно условный.

[4]) Στάφυλος Γλαυκίου; сомнѣнія Watzinger'а въ чтеніи имени отца ни на чемъ не основаны; Γαυκίου абсолютно невозможно.

Отсюда прямой переходъ къ обычному костюму боспорцевъ: короткому, очевидно, шерстяному хитону (см., напримѣръ, складки его на № 529), плащу, штанамъ и мягкимъ сапогамъ, костюму, который носитъ и Анѳестерій. Казакинъ или кафтанъ съ этимъ костюмомъ обыкновенно не комбинируется.

Ясно, такимъ образомъ, что греческая часть костюма: хитонъ и хламида измѣнились соотвѣтственно климату и обычаямъ народной жизни: хитонъ укоротился, чтобы быть годнымъ для верховой ѣзды, хламиду прикрѣпляли такъ, чтобы она не мѣшала при ѣздѣ верхомъ (застегивали ее обыкновенно на правомъ плечѣ) и давали ей соотвѣтственный покрой.

Рядомъ съ этимъ, однако, взяли отъ скиѳовъ или сарматовъ ихъ мѣховой кафтанъ, сдѣлавъ его болѣе удобнымъ и элегантнымъ, и узкіе, облегающіе ноги, штаны, не кожаные, какъ, можетъ быть, у скиѳовъ, а шерстяные [1]). Наконецъ, надо думать, что и обувь перешла къ боспорцамъ отъ скиѳовъ же, правда, не безъ модификацій.

Благодаря этимъ измѣненіямъ, общій обликъ костюма получился совсѣмъ не греческій, хотя греческое его происхожденіе послѣ сказаннаго врядъ ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

Когда выработался этотъ костюмъ и когда онъ вошелъ въ общій обиходъ, сказать трудно: можетъ быть, непозже II в. до Р. Хр. (вѣроятно, однако, еще раньше), какъ показываетъ ольвійская стела Kieseritzky-Watzinger, № 688.

Если мы теперь, отвлекаясь отъ вооруженія, присмотримся къ костюму лицъ, изображенныхъ въ нашей гробницѣ, то увидимъ, знакомый уже намъ, цвѣтной, вѣроятно, шерстяной или кожаный кафтанъ, расходящійся спереди и подпоясанный; доходитъ онъ почти до колѣнъ фигуръ; затѣмъ мягкіе шерстяные штаны и, наконецъ, высокіе мягкіе сапоги, въ которые впущены штаны. Кафтаны— обычнаго косого покроя, всѣ подпоясаны.

Эта одежда, очевидно, есть одежда походная и поэтому нѣсколько отличается отъ мирной одежды, въ которой изображены почившіе на стелахъ; подъ кафтаномъ надо, конечно, предполагать короткій хитонъ. Характерно, что эта военная одежда еще ближе подходитъ къ старымъ скиѳскимъ образцамъ, чѣмъ одежда, изображенная на стелахъ; особенно близокъ къ скиѳскому верхній кафтанъ, иногда надѣваемый самостоятельно, иногда подъ латы.

То же можно сказать и о высокихъ мягкихъ сапогахъ, въ которые впущены штаны; на стелахъ въ мирной одеждѣ они значительно ниже.

Вооруженіе. Что касается вооруженія, то наиболѣе характерными его чертами являются части оборонительныя: шлемъ и панцырь у всадниковъ и пѣхотинцевъ, щитъ только у пѣхотинцевъ.

Изъ этихъ частей изображеніе панцыря встрѣчается только въ гробницахъ 1873 г. и нашей (склепъ Ашика зарисованъ настолько неточно, что для знакомства съ костюмомъ и вооруженіемъ надежныхъ данныхъ не содержитъ). Изображеніе шлема и щита даютъ какъ гробницы, такъ и стелы. Это же касается и всѣхъ предметовъ наступательнаго вооруженія, коллекція которыхъ на стелахъ полнѣе, чѣмъ въ росписяхъ склеповъ.

Къ сожалѣнію, какъ я уже указывалъ, несмотря на довольно частыя находки оружія въ погребеніяхъ, начиная съ древнѣйшаго времени, попытокъ къ рекон-

[1]) Не стану останавливаться на общеизвѣстномъ фактѣ существованія въ костюмахъ скиѳовъ какъ широкихъ шароваръ персидскаго типа, такъ и узкихъ панталонъ: для коннаго народа одинаково пригодны оба покроя—казацкій и драгунскій.

струкціи оборонительнаго вооруженія сдѣлано очень мало (цѣлыхъ панцырей и щитовъ, конечно, не найдено, шлемовъ же найдено очень мало и притомъ большинство чисто греческаго типа въ гробницахъ ранняго времени), а наступательное оружіе въ его эволюціи, съ точки зрѣнія историко-военной, совершенно не изучено.

Въ виду такого положенія вопроса, я вынужденъ ограничиться нѣсколькими замѣчаніями по поводу вооруженія оборонительнаго.

Шлемъ и панцырь.

Вышеописанныя картины склеповъ 1873 г. и нашего даютъ ясное указаніе на то, что для изображенныхъ на нихъ воиновъ типичнымъ вооруженіемъ, какъ для всадниковъ, такъ и для пѣхотинцевъ, были, съ одной стороны, шлемъ, съ другой панцырь, причемъ всадники щитовъ не имѣютъ, пѣхотинцы же ими всегда снабжены.

Форма шлема постоянна и въ высшей степени характерна и оригинальна. Это— коническая или яйцевидная металлическая шапка, основу которой составляютъ нѣсколько вертикальныхъ реберъ, сходящихся вверху и кончающихся металлическимъ же шарикомъ или пуговицей. Къ этимъ ребрамъ прибиты гвоздями металлическія пластинки шлема (особенно ясно это видно на шлемахъ гробницы 1873 г.); внизу ребра прикрѣплены къ металлическому же нижнему ободку. Для большей связи реберъ между собою, они соединены, кромѣ нижняго ободка, двумя поперечными обручами, почему шлемъ имѣетъ видъ не ребристаго, а чешуйчатаго [1]). Наушники или нащечники на нашихъ картинахъ не различаются, но предположить ихъ необходимо, хотя бы въ видѣ ремня, завязаннаго подъ подбородкомъ: иначе подобнаго рода шлема на головѣ не удержишь.

Панцырь вездѣ чешуйчатый такой же длины, что и кафтанъ, и также съ расходящимися внизу полами; въ таліи онъ подпоясанъ.

Шлемъ и панцырь на надгробныхъ стелахъ.

Несмотря на то, что надгробныя стелы одѣваютъ почившихъ не въ военный, а въ гражданскій костюмъ, хотя и обвѣшиваютъ ихъ наступательнымъ оружіемъ (горитъ и лукъ, копье, кинжалъ на правомъ бедрѣ, мечъ), иногда и на нихъ мы находимъ какъ изображеніе шлема, такъ и изображеніе панцыря. Правда, въ это оборонительное вооруженіе одѣты не почившіе, а тѣ ихъ, уже упомянутые, слуги или оруженосцы, въ сопровожденіи которыхъ постоянно изображаются конные ихъ господа (оруженосцы бываютъ и конными, и пѣшими; въ послѣднемъ случаѣ всегда со щитами). Почти вездѣ въ этихъ изображеніяхъ шлемъ имѣетъ ту же форму, что въ нашихъ склепахъ, панцырь, гдѣ онъ встрѣчается то же, см. Kieseritzky-Watzinger, 575, 593, 594, 599, 618, 619, 619b.

Изъ этихъ рельефовъ № 593 и 594 представляютъ коннаго господина и пѣшаго оруженосца. Особенно характеренъ № 593, гдѣ оруженосецъ виденъ цѣликомъ и стоитъ впрямь: здѣсь на яйцевидномъ шлемѣ явно обозначены продольныя и поперечные ребра, а также нащечники, связанные подъ подбородкомъ; на оруженосцѣ или дружинникѣ различается и панцырь той же формы и той же величины, что и на фрескахъ (закрыты только начало рукъ и самый верхъ ногъ), но безъ характернаго для фресокъ разрѣза спереди. Правой рукой дружинникъ опирается на длинное копье, лѣвой, можетъ быть, на поставленный въ профиль щитъ (см. табл. LXXXIV, 4). На № 594 также хорошо различается шлемъ съ нащечниками; лѣвой рукой дружинникъ держитъ овальный, закрывающій корпусъ, щитъ, ср. № 599.

[1]) Только продольныя ребра даетъ шлемъ, въ который одѣтъ мужчина-воинъ, изображенный на терракоттѣ, изданной у Стасова, табл. XVII, 5. Судя по формѣ щита, передъ нами, вѣроятно, не боспоранецъ, а варваръ, можетъ быть, сарматъ, см. ниже.

Другой классъ стелъ, гдѣ оруженосецъ или дружинникъ носитъ на головѣ шлемъ, представленъ стелами № 618, 619, 619b, 622, ср. 620, 623, 624, и, особенно хорошо, стелой О. И. А. К. 1891 г., стр. 64 (см. табл. LXXXIV, 1, 2). Здѣсь за коннымъ господиномъ стоитъ конный же слуга. Шлемъ и здѣсь обычный; на послѣдней стелѣ хорошо видна верхняя кнопка и нащечники. Къ сожалѣнію, ни объ одномъ изъ этихъ рельефовъ нельзя сказать съ достовѣрностью, имѣется ли на дружинникахъ и панцырь. На № 618 дружинникъ держитъ въ рукахъ длинное копье.

Характерно, что на всѣхъ рельефахъ второго класса (но не перваго, съ пѣшими дружинниками), за исключеніемъ № 599, къ сѣдлу всадниковъ-господъ прикрѣпленъ типичный для нихъ свѣшивающійся тройной ремень.

Наконецъ, на обломанной очень интересной стелѣ № 575, гдѣ сохранилось только нижнее поле, дружинникъ со шлемомъ на головѣ и въ панцырѣ (?) держитъ на поводу лошадь своего господина.

На стелахъ другихъ типовъ, хотя и встрѣчается дружинникъ, но никогда онъ не бываетъ въ описанномъ вооруженіи. Между тѣмъ, мы видѣли выше, что стелы описанныхъ типовъ составляютъ особенность эпохи поздняго эллинизма и ранняго императорскаго времени.

Иную форму шлема даетъ стела № 613, гдѣ противъ всадника стоитъ иначе вооруженный пѣхотинецъ: на головѣ его обычный эллинистическій шлемъ въ формѣ горшка, на лѣвой рукѣ огромный, закрывающій все тѣло, овальный щитъ. Такой же шлемъ съ характерными нащечниками иного, чѣмъ на нашихъ, типа изображенъ въ рукахъ мальчика-прислужника на стелѣ № 494 (стела принадлежитъ къ типу стелъ, гдѣ погребенный изображается опирающимся на стоящій передъ нимъ столбикъ или колонку). Эти стелы даютъ опредѣленное указаніе на то, что рядомъ съ типичнымъ для Боспора вооруженіемъ сохранилось въ обиходѣ и вооруженіе обще-греческаго образца: характерный примѣръ двойственности боспорской культуры и государственности.

Рельефъ Трифона.

Тотъ же типъ вооруженія даетъ и одинъ не пантикапейскій памятникъ, мало использованная до сихъ поръ, хотя и не разъ изданная, стела изъ Танаиды. Я имѣю въ виду, найденную въ 1853 г. и находящуюся нынѣ въ Эрмитажѣ, посвятительную стелу Трифона (надпись: Τρύφων Ἀνδρομένου ἀνέθηκα), на которой, вѣроятно, посвящающій изобразилъ самого себя [1]). Считаю нужнымъ воспроизвести здѣсь этотъ важный памятникъ (см. табл. LXXXIV, 3), такъ какъ рисунки, съ него сдѣланные и много разъ опубликованные, совершенно искажаютъ памятникъ во многихъ основныхъ пунктахъ [2]).

Изображенъ всадникъ, скачущій вправо. Лошадь осѣдлана и взнуздана, поводья, какъ и у многихъ всадниковъ, изображенныхъ въ нашихъ склепахъ, лежатъ на шеѣ лошади. Одѣтъ всадникъ въ рукавный хитонъ, штаны, дѣлающіе рядъ складокъ подъ колѣномъ, и невысокіе мягкіе сапоги, въ которые впущены штаны. Поверхъ хитона надѣтъ длинный, доходящій почти до колѣнъ, чешуйчатый панцырь, подпоясанный въ таліи широкимъ поясомъ, съ короткими рукавами, позволяющими видѣть рукава исподняго хитона. Черезъ лѣвое плечо перекинутъ развѣвающійся сзади плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ. На головѣ типичный

[1]) Стасовъ, О. И. А. К. 1872, 301, считаетъ нашу стелу за надгробную.

[2]) См. Леонтьевъ, *Пропилеи*, IV, 416; Древн. Босф. Кимм. I, 278, ср. II, № LXXVI; *Извлеч. изъ всеподд. отчета объ археолоич. разысканіяхъ въ 1853 г.*, 77, № 38; гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 14. Надпись издана въ Ios. P. E., II, 424.

конусообразный шлемъ съ ободкомъ внизу; этотъ ободокъ, расширяясь, образуетъ въ задней части шлема назатыльникъ. Верхъ шлема сливается съ краемъ или рамкой рельефа. Ребра шлема или отсутствуютъ, или не обозначены. Въ обѣихъ рукахъ всадникъ держитъ огромное копье, занимающее всю длину рельефа и теряющееся за правымъ верхнимъ угломъ рамки. Къ сѣдлу прикрѣпленъ обычный тройной ремень, столь типичный для керченскихъ стелъ и картинъ въ гробницахъ.

Дата рельефа, неправильно указанная Толстымъ и Кондаковымъ (I в. по Р. Хр.), правильно опредѣлена Латышевымъ. Имя Трифона мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ посвященій θεὸς ὕψιστος, въ которыхъ принимали участіе обыкновенно одни только граждане-дружинники городовъ Боспорскаго царства (см. ниже). Посвященіе это (Ios. P. E. II, 445, ср. 443) относится къ эпохѣ Савромата II, т. е. какъ разъ къ тому времени, когда, какъ мы увидимъ, и на монетахъ Боспора царь изображается въ видѣ тяжеловооруженнаго рыцаря [1]).

Монеты.

Характерно, что единственныя, одновременныя нашимъ картинамъ, изображенія всадниковъ высшаго класса даютъ монеты [2]). Мы уже упоминали объ изображеніяхъ скачущаго всадника (конечно, самого царя) на монетахъ Рескупорида I, Савромата I и т. д. [3]). Изображенъ онъ всегда въ панцырѣ, но этотъ панцырь не есть характерный панцырь нашихъ всадниковъ, а, доходящій до таліи, панцырь римской вспомогательной конницы. Такъ ли дѣйствительно одѣвались цари I и II в. по Р. Хр.—это вопросъ сомнительный. Не надо забывать того, что сказано было выше о ѳракійскомъ происхожденіи монетнаго типа. Ничего, однако, невѣроятнаго нѣтъ и въ томъ, что цари-ѳракійцы вмѣстѣ съ именами сохранили и вооруженіе, цари-вассалы Рима носили и римскую военную форму.

Иное наблюдаемъ мы на монетахъ, начиная съ Савромата II, особенно на монетахъ Рескупорида II (Бурачковъ, XXXI, 271—276) [4]). На этихъ монетахъ съ изображеніемъ коннаго царя царь одѣтъ иногда въ панцырь, и этотъ панцырь у него такой же національный, какъ національна и гладкая прическа, въ противоположность развѣвающимся по вѣтру волосамъ ѳракійскаго типа, и длинный скипетръ, который онъ держитъ въ рукѣ.

Памятники не боспорскіе

Внѣ Боспора мы также встрѣчаемъ наше вооруженіе и при томъ въ очень характерной обстановкѣ, дающей намъ указаніе на его происхожденіе.

Мы знаемъ изъ литературныхъ и эпиграфическихъ источниковъ, что боспорцы, какъ вассалы Рима, ставили римскому войску вспомогательные отряды. Среди этихъ вспомогательныхъ отрядовъ намъ извѣстны одинъ конный полкъ (ala, см. Cicho-

[1]) Соблазнительно, однако, предположеніе, что нашъ Трифонъ скорѣе идентиченъ съ Трифономъ, легатомъ Евпатора, возстановившимъ стѣны Тананды въ 163 году (Ios. P. E., IV, 447). За это говоритъ и стиль скульптуры, и то, что рельефъ скорѣе всего былъ вставленъ, какъ предположилъ уже Леонтьевъ, въ стѣну, т. е. свидѣтельствовалъ о возстановленіи стѣны Трифономъ. Только при такомъ предположеніи дѣлается понятнымъ посвященіе Трифономъ своего собственнаго изображенія. Появленіе въ стѣнѣ такого камня напоминаетъ обычаи боспорскихъ царей вставлять въ выстроенныя ими сооруженія камни со своимъ родовымъ знакомъ и соотвѣтственными изображеніями, см. какъ только что приведенный камень Трифона (Ios. P. E., IV, 447), такъ и И. И. А. К. 37, 23 слл., ср. ibid. 40, 112 слл., № 28. Надо помнить, что имена Трифонъ и Андроменъ постоянно повторяются въ номенклатурѣ одного выдающагося Танаидскаго рода. Посвященія своего собственнаго имени или изображенія на память потомству безъ указанія опредѣленнаго божества обычны на Востокѣ (въ меньшей мѣрѣ въ Греціи) съ древнѣйшихъ временъ, см. E. Meyer, *Jahrb. d. d. arch. Inst., Arch. Anz.*, 1913, 77 слл.

[2]) О памятникахъ IV—III вѣковъ до Р. Хр. рѣчь будетъ ниже.

[3]) См. мою не разъ упомянутую статью И. И. А. К., 49, табл. IV, 4, 7.

[4]) См. И. И. А. К., 49, табл. IV, 6, 9.

rius, P. W., R. E. I, 1234) и два пѣшихъ (cohortes, Cichorius, ibid. IV, 255 сл.). Если одинъ изъ нихъ упоминается Appiаномъ въ ἔκταξις κατ' Ἀλανῶν, 3 и 18 (см. Ritterling, *Wiener Studien* 1902 (XXIV), 363, ср. Chapot, La frontière rom. d'Euphrate, 99 и 103), то эти боспорцы были лучниками и копейщиками (см. 3 сл.: ὅσοι τοξόται и 18: οἱ πεζοὶ τοξόται).

Солдаты упомянутыхъ боспорскихъ когортъ, а именно пѣшіе лучники, изображены, если только насъ не обманываетъ поразительное сходство вооруженія, на Траяновой колоннѣ (см. Cichorius, Trajansäule, табл. XLVII) въ изображеніи одного изъ авангардныхъ боевъ римскихъ вспомогательныхъ войскъ съ даками передъ римскимъ лагеремъ, защищаемымъ легіонерами (Cichorius, текстъ, т. II, стр. 305 и 310).

Передъ самою крѣпостью въ верхнемъ ряду, т. е. на заднемъ планѣ, изображены среди деревьевъ до половины корпуса четыре безбородыхъ, длинноволосыхъ, съ прямо спадающими волосами лучника (см. табл. LXXXV, 5). Одѣты они въ чешуйчатые панцыри, изъ-подъ которыхъ у шеи виднѣются складки хитона; насколько длинны эти панцыри и какъ далеко они покрываютъ руки, не видно. На головѣ у нихъ яйцевидные шлемы съ нащечниками, сходящимися подъ подбородкомъ. Основу шлемовъ составляютъ нижній обручъ и идущіе отъ него вверхъ шесть или четыре ребра, сходящіеся вверху. Посрединѣ шлема эти ребра перехвачены однимъ поперечнымъ обручемъ. Сегменты между ребрами забраны металломъ. Нижній ободъ густо утыканъ гвоздями.

Шлемъ этотъ настолько похожъ на боспорскіе шлемы того же типа и настолько необыченъ (шлемы пальмирскихъ стрѣлковъ на Траяновой колоннѣ, равно какъ и все ихъ оборонительное вооруженіе, имѣютъ совершенно иную форму), что заставляетъ признать вмѣстѣ съ Цихоріусомъ въ нашихъ солдатахъ когорту боспорскихъ пѣшихъ стрѣлковъ. Къ этому вполнѣ подходитъ и типъ лица этихъ солдатъ [1]).

Шлемъ нашего типа стоитъ, однако, на Траяновой колоннѣ не одиноко. Онъ повторяется на ней трижды. Дважды въ изображеніи конныхъ катафрактаріевъ, принадлежащихъ къ числу противниковъ римлянъ, и затѣмъ еще разъ среди оружія, украшающаго римскій трофей, въ изображеніи, которое раздѣляетъ описаніе первой экспедиціи Траяна отъ описанія второй (см. Cichorius, табл. XXIII и XXVIII, а также табл. LVII, 206). И здѣсь шлемъ имѣетъ ту же яйцевидную форму. Отличается онъ отъ шлема боспоранской когорты только тѣмъ, что количество поперечныхъ обручей здѣсь, какъ и на шлемахъ керченскихъ памятниковъ, больше.

Кто такіе изображенные всадники, закованные въ чешуйчатые брони съ ногъ до головы, включая лошадей, сказать съ опредѣленностью нельзя, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, видѣть въ нихъ вмѣстѣ съ Цихоріусомъ (текстъ II, 150 слл. и 179 слл.) сарматовъ [2]).

---

[1]) Интересно, однако, отмѣтить, что это типичное вооруженіе боспорскихъ союзниковъ Рима во II в. по Р. Хр. нельзя считать типичнымъ и для ранне-римскаго времени. Во время войны Котиса и Миѳрадата II (VII) боспорскія войска, сражавшіяся вмѣстѣ съ римскими подъ начальствомъ Юлія Аквилы, противопоставляются Тацитомъ (ann. XII, 16) сарматскимъ союзникамъ Рима и Котиса—аорсамъ, какъ сражавшіяся «nostris (т. е. римскихъ) in armis». Это вполнѣ подходитъ къ указанному выше вооруженію боспорскихъ царей I в. по Р. Хр.

[2]) Интересны шлемы на двухъ всадникахъ-лучникахъ шелковой матеріи изъ Кёльна, несомнѣнно, сдѣланной по сасанидской модели, см. Diehl, Manuel de l'art byz. 255, рис. 130. Къ сожалѣнію, въ ткани намѣчены только продольныя ребра шлемовъ, такъ что въ ихъ принадлежности къ сарматскому типу можно сомнѣваться.

Это подтверждается и слѣдующимъ, до сихъ поръ никѣмъ еще не сдѣланнымъ, наблюденіемъ. На тріумфальной аркѣ Галерія въ Салоникахъ, впервые хорошо изданной Kinch'омъ (K. F. Kinch, L'arc de triomphe de Salonique, Paris 1890) и правильно отнесенной имъ къ персидской войнѣ Галерія 296 года [1]), на первомъ верхнемъ рельефѣ ю. в. стороны ю. з. пилона изображена allocutio императора къ войскамъ (Kinch, табл. IV, 1). Войска состоятъ изъ совершенно однородныхъ солдатъ, частью спѣшившихся всадниковъ, частью пѣшихъ (большинство). Вооруженіе ихъ состоитъ изъ: 1) шлема яйцевидной формы съ продольными ребрами, сходящимися въ круглой кнопкѣ на маковкѣ, съ нижнимъ ободкомъ и нащечниками, застегнутыми подъ подбородкомъ; 2) чешуйчатаго панцыря, доходящаго почти до колѣнъ, подпоясаннаго въ таліи и покрывающаго руку до локтя; 3) круглаго щита съ изображеніями на немъ либо орла на молніи, либо льва, либо Геркулеса и 4) большихъ и толстыхъ копей. Значками этого отряда являются четыре дракона и четыре vexilla (см. табл. LXXXVI, 1. 2). Кромѣ вооруженія, на нихъ надѣты, плотно облегающіе ноги, вѣроятно, шерстяные штаны и мягкіе сапоги до щиколотки.

Въ такомъ вооруженіи солдаты встрѣчаются только на этомъ рельефѣ арки. На остальныхъ, сохраняя шлемы, копья и щиты нашего рельефа, они одѣты въ болѣе короткіе панцыри, доходящіе только до пояса, и въ выходящія изъ-подъ панцыря туники, см. Kinch, табл. VII, 2, 3; табл. VIII, 1; IX, 2.

Намъ извѣстно, что войско Галерія состояло изъ варваровъ, жившихъ въ Иллирикѣ и М. Азіи (см. Aur. Vict., de Caes. 39, 34; Ruf. Fest., 25: reparato de limitaneis Daciae exercitu; Eutr., IX, 25: per Illyricum Moesiamque contractis copiis). Въ виду этого Kinch считаетъ нашихъ солдатъ даками. Къ этому, однако, совершенно не подходитъ ихъ вооруженіе, почти буквально совпадающее съ вооруженіемъ боспоранцевъ и не имѣющее ничего общаго съ хорошо намъ извѣстнымъ по Траяновой и Авреліевой колоннѣ вооруженіемъ даковъ.

Если при этомъ вспомнить, что Галерій, по словамъ Лактанція (Lact., de mort. pers., 38 ad f.), окружалъ себя исключительно побѣжденными имъ и Максиміаномъ варварами, т. е. сарматами (см. Schiller, Gesch. d. röm Kaiserzeit, III, 138), которыхъ онъ особенно цѣнилъ, испытавъ ихъ храбрость на дѣлѣ, и имѣть въ виду тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Моммзенъ, говоря о составѣ Palatini (см. Ges. Schr. VI, 206 слл. и 238 слл.), то станетъ весьма вѣроятнымъ, что для своего похода въ Персію, послѣ испытанной имъ неудачи, Галерій набралъ своихъ palatini (легіоны или auxilia, а также кавалерійскія vexillationes) скорѣе всего изъ сарматовъ. Судя по ἐπισήματα на ихъ щитахъ, это и были Jovii и Herculei (Mommsen l.l. 234, 3; Kinch, 19), съ помощью которыхъ онъ побѣдилъ персовъ (длинныя копья не указываютъ ли на lanciarii, см. Mommsen, l.l., 234, 4). Что эти войска были вооружены по своему, притомъ такъ, какъ это давно знакомо было римлянамъ, это въ высшей степени характерно для организаціи войска того времени, всецѣло перестроеннаго на варварскій ладъ [2]).

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что оборонительное вооруженіе боспорцевъ совпадаетъ съ вооруженіемъ сарматовъ, какъ мы его знаемъ по памятникамъ римскаго императорскаго времени.

---

[1]) Любезной предупредительности Kinch'a я обязанъ разрѣшеніемъ опубликовать здѣсь двѣ его фотографіи даннаго рельефа, нигдѣ до сихъ поръ не изданныя (см. табл. LXXXVI, 1. 2).

[2]) Vexillum, который держитъ въ нашей гробницѣ одинъ изъ пѣшихъ воиновъ, не характеренъ. Что этотъ значекъ вполнѣ обыченъ и для варварскихъ войскъ, такъ же какъ и драконы, на это указалъ Стасовъ. Наиболѣе яркіе примѣры на колоннѣ Траяна и на аркѣ Галерія въ Салоникахъ.

Происхожденіе вооруженія боспорской милиціи.

Насколько стара традиція этого вооруженія, и гдѣ искать его происхожденіе? Отвѣтъ на это даютъ опять-таки памятники нашего юга, на этотъ разъ не памятники греческихъ городовъ, а такъ называемые скиѳо-сарматскіе.

Къ сожалѣнію, памятники этой эпохи, дающіе намъ картины изъ жизни населенія степей этого періода, не воспроизводятъ почти никогда оборонительнаго вооруженія, за исключеніемъ щитовъ, а ограничиваются изображеніемъ довольно полной коллекціи наступательнаго оружія. Даже тамъ, гдѣ эти памятники изображаютъ скиѳо-сарматовъ сражающимися, какъ на ритонѣ съ Кубани, изданномъ Е. М. Придикомъ, одежда ихъ остается той же, что и на электровой чашкѣ и золотыхъ пластинкахъ изъ Куль-Обы, на серебряной золоченой чашкѣ изъ Воронежа, на знаменитой вазѣ и пластинкахъ Чертомлыка, на пластинкахъ Карагодеуашха, Сѣрогозъ и др.

Единственнымъ памятникомъ, дающимъ изображеніе мѣстныхъ степныхъ жителей, вооруженныхъ панцырями, является воспроизведенная на табл. LXXXV, 2 золотая пластинка изъ Геремесовскаго кургана. Здѣсь оба противника—и пѣшій, и конный—одѣты въ чешуйчатыя панцырныя рубашки, не доходящія до колѣнъ (панцырь всадника, какъ кажется, нѣсколько длиннѣе), т. е. въ тѣ же панцырныя рубашки, которыя такъ характерны для нашихъ картинъ. Врядъ ли, однако, Геремесовскую пластину, несмотря на грубость стиля, можно считать значительно болѣе поздней, чѣмъ большинство вышеупомянутыхъ великолѣпныхъ памятниковъ греческаго искусства. Во всякомъ случаѣ, она не позже вышеупомянутой пряжки Московскаго Историческаго Музея, дающей изображеніе двухъ сражающихся конныхъ степняковъ (см. табл. LXXXV, 3). Между тѣмъ, на послѣдней оба всадника одѣты въ типичную и для вышеупомянутыхъ шедевровъ скиѳо-сарматскую одежду [1]).

Находки въ курганахъ Придонья, Прибужья и, особенно, Приднѣпровья показали, однако, что Геремесовская пластинка даетъ совершенно точное изображеніе дѣйствительности и что панцырь является характерною частью вооруженія, по крайней мѣрѣ, наиболѣе богатыхъ и знатныхъ жителей нашихъ степей.

Въ очень многихъ курганахъ всего района распространенія такъ называемой скиѳо-сарматской культуры констатированы были при раскопкахъ иногда очень значительные остатки чешуйчатыхъ панцырей.

---

[1]) Мнѣ извѣстна, правда, одна серія памятниковъ, дающая изображенія скиѳо-сарматовъ въ полномъ вооруженіи, въ броняхъ и типичныхъ чешуйчатыхъ панцыряхъ, о которыхъ ниже, но, къ сожалѣнію, подлинность большинства вещей этой серіи для меня болѣе чѣмъ сомнительна. Я говорю о золотыхъ вещахъ изъ коллекціи покойнаго Романченка, гальванопластическія слѣпки съ которыхъ имѣются въ Имп. Эрмитажѣ, а хорошія фотографіи въ Имп. Арх. Коммиссіи. Стиль этихъ вещей настолько страненъ, мотивы настолько напоминаютъ мотивы коннаго боя нашей гробницы, что приходится отказаться отъ использованія изображеній, находящихся на этихъ предметахъ. Впрочемъ, упомянутый уже выше золотой гребень изъ кургана Солоха, который я имѣлъ случай увидѣть только теперь, въ послѣднюю минуту, даетъ группу двухъ сражающихся всадниковъ, вооруженныхъ и оборонительнымъ, и наступательнымъ оружіемъ. Не предвосхищая публикаціи этого шедевра, укажу только на то, что главная фигура сцены боя вооружена греческимъ шлемомъ и греческими кнемидами, но одѣта въ скиѳскую одежду, поверхъ которой детально изображенъ чешуйчатый подпоясанный панцырь, точка въ точку совпадающій съ реконструкціей Бранденбурга (рис. 64). Мѣстной работы, несомнѣнно, и плетеный щитъ всадника. Противникъ главнаго персонажа защищенъ греческимъ панцыремъ и шлемомъ ѳракійскаго типа. Надо надѣяться, что блескъ выдающихся находокъ въ этой могилѣ не помѣшалъ отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ скромнымъ остаткамъ вооруженія, которые при желаніи и умѣніи, конечно, позволили бы возстановить полностью фигуру вооруженнаго царя реальной дѣйствительности и сличить ее съ фигурой сражающагося царя, какъ себѣ ее представляли греческіе художники, работавшіе для скиѳовъ.

Наиболѣе часто попадались панцыри въ Кіевской и Полтавской губ., особенно въ интереснѣйшей группѣ кургановъ Роменскаго уѣзда на берегахъ Сулы у дер. Волковцы и Аксютинцы, раскопанной цѣлымъ рядомъ изслѣдователей [1]).

Въ двухъ случаяхъ удалось установить и форму панцыря на основаніи расположенія его чешуекъ. Если рисунокъ, приложенный къ I т. кургановъ гр. Бобринского (табл. XXIV, № 22) и дающій панцырю форму короткорукавной рубашки, при сличеніи съ нимъ описанія Бобринского, и можетъ показаться примѣрнымъ, то полный вѣсъ имѣютъ заключенія такого осторожнаго изслѣдователя, какъ Н. Е. Бранденбургъ. Говоря въ своемъ «Журналѣ раскопокъ» (стр. 132, № 216) о находкѣ въ курганѣ близъ Мокіевки Черкасскаго уѣзда, онъ сообщаетъ слѣдующее:

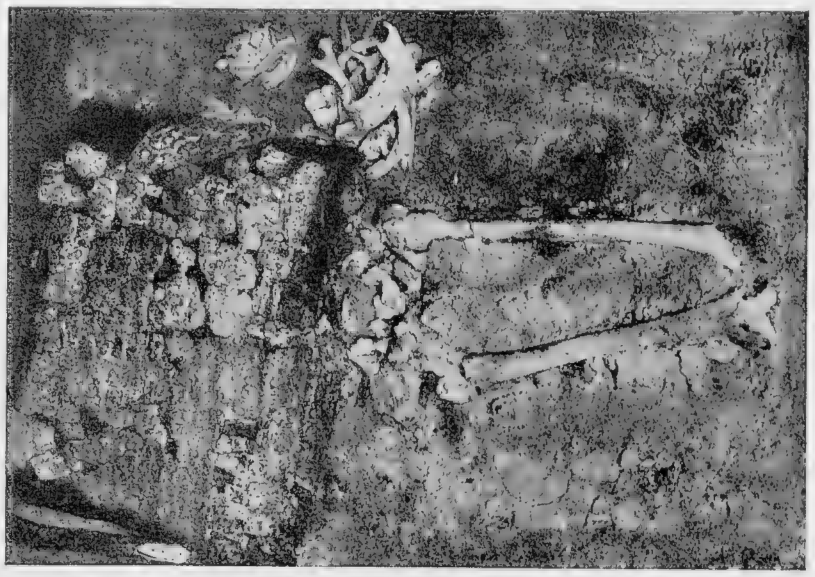


Рис. 63. Скелетъ, покрытый панцырной рубашкой (Артиллерійскій музей, раск. Н. Е. Бранденбурга).

«На скелетѣ былъ надѣтъ скипѣвшійся желѣзный чешуйчатый панцырь, но сильно поврежденъ грабителями, такъ что многіе куски его разбросаны въ безпорядкѣ, хотя онъ до этого, видимо, былъ весь въ цѣлости. Почти цѣлыми сохранились спина и часть панцыря на груди и животѣ, но и то невполнѣ, прочее же найдено въ безпорядкѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи уцѣлѣвшихъ или сохранившихъ приблизительно свое первоначальное положеніе фрагментовъ панцыря и по подборѣ къ нимъ прочихъ разбросанныхъ обломковъ, видно, что онъ имѣлъ видъ короткой безрукавной рубашки; на поверхности нѣкоторыхъ фрагментовъ замѣтны слѣды ткани, а на внутренней сторонѣ ихъ же остатки чего то желтаго (можетъ быть, кожи)».

[1]) См. находки Самоквасова въ Старшой могилѣ: *Прав. Вѣстн.* 26 іюля 1890 г.; *Труды VIII арх. Съѣзда*, IV, Москва, 1897, 154 слл.; *Кіевская Стар.*, августъ 1886 768; графъ А. А. Бобринской, Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы, II, 165; III, 60 сл.; его же находки въ другихъ погребеніяхъ Бобринской, l. l. II, 167 слл. Нѣсколько панцырей нашелъ тамъ же и Мазараки; см. гр. Бобринской, ibid. II, 162; III, 60; 83, воспроизведены они Б. И. и В. И. Ханенко, Древности Приднѣпровья, II, табл. VII, № 155—160 и 214—216. Немало нашелъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ и самъ гр. Бобринской, см. ibid. I, стр. 102 (кург. около Гуляй-Города), стр. 117 и табл. XXIV, № 22; III, 109 (Бобрицкой могильникъ), ср. III, 133 сл. раскопки Абазы у урочища Дарьевка (табл. XV, 1); И. И. А. К., 14, 1—43 (въ Чигиринскомъ у.) и др. Часто упоминается объ ихъ находкѣ и въ журналѣ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга 1888—1902, Спб. 1908, см. стр. 132, № 216 (с. Мокіевка, Черкасскаго у.); 134, 217, тамъ же; 126 (Чигиринскій у. около с. Пастырскаго—упомянута находка, сдѣланная Хвойко); 143, № 22 (Пирятинскій у., село Кулешовка); 154, № 252 (около Роменъ, с. Басовка); № 254 (с. Плавинцы). Въ бассейнѣ Дона укажу на находки А. А. Миллера, И. И. А. К., 35, 114, ср. 97 сл. и рис. 4 на стр. 94 (около Танаиды) и Н. Макаренки, И. И. А. К., 43, 69 сл., № 48, ср. 55, рис. 60. Изъ болѣе старыхъ находокъ напомню находку около Керчи, Др. Босф. Кимм. табл. XXVII, 4—6, ср. 3 (изъ Куль-обы) и части панцыря, попавшія въ Оксфордъ (*Journ. of hell. Stud.*, 1884, 66 и табл. XLVI, 3), а также находки въ Александропольскомъ курганѣ, Семибратнихъ, Акбурунскомъ и въ одномъ курганѣ Кубанской области (И. И. А. К., 4, 126 слл.). Ср. Minns, Scythians and Greeks, указатель, s. v. armour.

Вся находка, въ виду особаго ея интереса, была перевезена цѣликомъ въ Петербургъ въ Артиллерійскій музей, гдѣ и находится (см. рис. 63). Благодаря исключительной любезности Н. М. Печенкина, помощника хранителя этого музея, я имѣю возможность дать здѣсь на рис. 63 фотографію съ этой гробницы, а на рис. 64 возстановленіе панцырной рубашки изъ древнихъ чешуекъ, результатъ кропотливой работы неутомимаго, мало оцѣненнаго, ген. Н. Е. Бранденбурга, первая попытка точнаго возстановленія сарматскаго панцыря III в. до Р. Хр. (размѣры— выш. 0,45, крупныя чешуйки низа - выш. 0,10). Панцырь доходилъ до низа живота.

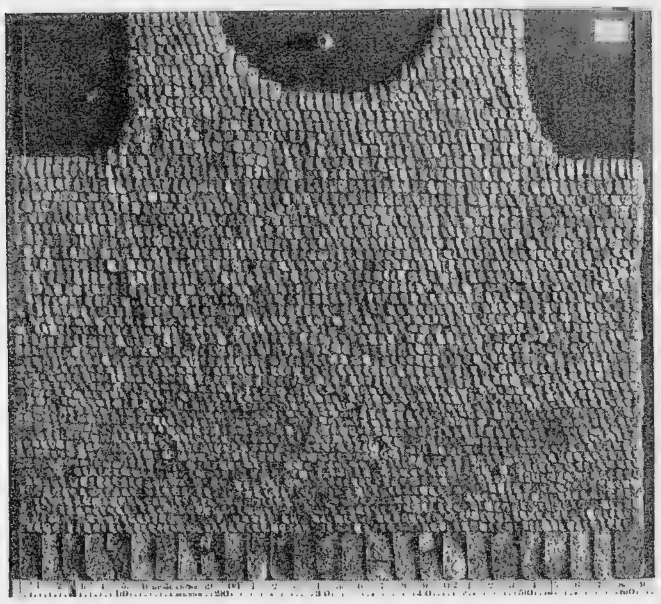


Рис. 64. Реконструкція панцыря, найденнаго при раскопкахъ Н. Е. Бранденбурга.

Къ сожалѣнію, попытка Н. Е. Бранденбурга, несмотря на цѣлый рядъ сдѣланныхъ находокъ, остается одинокой и никѣмъ до сихъ поръ не провѣренной. Нѣчто подобное попытался сдѣлать Э. Э. Ленцъ (И. И. А. К. 14, стр. 54 слл.). Надо надѣяться, что подобнаго же рода возстановленіе дастъ намъ въ ближайшемъ будущемъ А. А. Миллеръ, которому удалось найти около Тананды почти не потревоженный панцырь.

Но уже на основаніи указаннаго матеріала ясно, во-первыхъ, что форма чешуйчатыхъ панцырей вездѣ однородна, ясно также, что всѣ находки одновременны. Всѣ онѣ датируются тѣмъ же временемъ, что и памятники съ изображеніями скиѳо-сарматовъ, т. е. временемъ, начиная съ конца IV в. до конца III в. до Р. Хр., по крайней мѣрѣ. Дата дается какъ керамическими находками, такъ и нѣкоторыми находками монетными.

На основаніи расположенія чешуекъ въ могилахъ, а также на основаніи наблюденій Бранденбурга и другихъ, можно также съ увѣренностью сказать, что панцырь всегда имѣлъ форму доходившей приблизительно до колѣнъ, желѣзной безрукавной рубашки, причемъ желѣзныя чешуйки нашивались на кожу. Наблюденіе Бранденбурга позволяетъ думать, что поверхъ рубашки накидывался плащъ.

Любопытно, что вмѣстѣ съ бронею часто находились и кнемиды и шлемы, но почти всегда греческой работы, между тѣмъ, какъ брони, какъ правильно думаетъ Ленцъ, врядъ ли могутъ считаться импортомъ. Я знаю только два случая, когда и набедренники, и наголенники состояли также изъ желѣзныхъ пластинокъ; это— находка Самоквасова въ курганѣ около дер. Аксютинцы (см. гр. Бобринской, Курганы, III, 167 сл.) и извѣстная находка въ Куль-обѣ (Древности Босф. Кимм., табл. XXVIII, 9). Иногда и панцырь имѣетъ иную форму, напоминающую греческіе панцыри (см., напримѣръ, Бранденбургъ, l. l., стр. 139, № 227; ср. Ханенко, Древн. Придн., VI, табл. III). Отмѣчу еще, что въ одномъ изъ Полтавскихъ кургановъ найдены были остатки брони не изъ желѣза, а изъ кости [1]).

[1]) См. графъ Бобринской, Курганы, II, 168 (раскопки у хут. Поповка), ср. 173, ср. III, 83; Ханенко, Древн. Придн., II, табл. XXIX.

И въ IV—III в. до Р. Хр. мы наблюдаемъ, такимъ образомъ, ту же двойственность, которую мы установили для Боспора римскаго императорскаго времени. Мы имѣемъ, съ одной стороны, чисто греческіе продукты: панцыри, шлемы, кнемиды—очевидно, предметы роскоши, доступные только немногимъ. Чаще, однако, хотя и далеко не во всѣхъ и даже не въ большинствѣ гробницъ, мы находимъ рядомъ съ наступательнымъ оружіемъ панцыри не греческаго типа и не греческаго производства. Панцыри эти имѣютъ ту же форму и то же строеніе, что и панцыри рыцарей Боспорскаго царства императорскаго времени, и панцыри, которые мы нашли на рядѣ памятниковъ, несомнѣнно изображающихъ сарматовъ.

Если это сопоставить съ отсутствіемъ оборонительнаго вооруженія на греческихъ изображеніяхъ жителей нашихъ степей, то не покажется, можетъ быть, смѣлой гипотеза, что желѣзные чешуйчатые панцыри принесены были на берега Чернаго моря и низовья нашихъ великихъ рѣкъ тѣми сарматами, которые уже въ третьемъ вѣкѣ наслояются на прежнее населеніе, которое мы привыкли называть скиѳами и которыхъ изображали, главнымъ образомъ, греческіе художники. Отсюда сравнительно малая распространенность панцырей, отсюда и ихъ грубая, явно не греческая работа.

Подтверждаютъ этотъ выводъ и нѣкоторыя литературныя свидѣтельства, въ сопоставленіи ихъ съ разобранными памятниками.

Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что отличительной особенностью вооруженія какъ парѳянъ, такъ и иберовъ, албанцевъ, сарматовъ и армянъ является то, что ихъ конница сражалась либо совсѣмъ закованной въ желѣзо, включая и коня, либо одѣтой въ длинный чешуйчатый панцырь. Римляне называли такихъ всадниковъ, постепенно проникшихъ и въ составъ римскаго вспомогательнаго войска, катафрактами resp. катафрактаріями или клибанаріями. Свѣдѣнія объ этого рода вооруженіи, тѣсно связанномъ съ соціальнымъ строемъ упомянутыхъ народовъ, сравнительно многочисленны, такъ какъ именно эта національная особенность рѣзко бросалась въ глаза постороннему наблюдателю [1]). Не разъ эти свѣдѣнія и сопоставляемы бывали въ ученой литературѣ [2]). Нѣкоторыя указанія особенно характерны. Они приведены были уже издателями Древностей Босфора Киммерійскаго. Я имѣю въ виду свидѣтельства Амміана и Павсанія о костяныхъ или сдѣланныхъ изъ копытъ пластинкахъ, изъ которыхъ состояли панцыри сарматовъ (Амміанъ называетъ сарматовъ и квадовъ) [3]).

---

[1]) См. Strabo, XI, 14, 9 (530 C): о пароянахъ, армянахъ и албанцахъ; Tac. Ann. VI, 34: объ иберахъ, албанцахъ и сарматахъ (ср. Tac. Hist. I, 79: о роксаланахъ); Sall. Hist. 64—66 (Maurenbrecher): объ армянахъ и Just., XLI, 2: о парѳянахъ. Для эпохи сасанидовъ Amm. Marc. XXIII, 6, 83; XXIV, 6, 8; XXV, 1, 12 (о персахъ); XVIII, 9, 4 (объ армянахъ, ср. ниже разобранное мѣсто Arr. ἔκταξις κατ᾽Ἀλανῶν 12 и 29).

[2]) V. Chapot, La frontière romaine d'Euphrate, 41, 49 и 138; A. Müller, *Philologus*, LIV (1905), 586 сл.; Mommsen, Gesamm. Schr., VI, 280; гр. Толстой и Кондаковъ, Русск. др., III, 23; особенно же ст. cataphracti (von Domaszewski) и clibanarii (Fiebiger) въ Pauly-Wissowa, R. E. и cataphracti (Saglio) въ Daremberg et Saglio, Dict. d. ant.

[3]) Amm. Marc. XVII, 12, 2 (ed. Clark): quibus (т. e. Sarmatis et Quadis) ad latrocinia magis quam aperto habilibus Marti hastae sunt longiores et loricae ex cornibus rasis et levigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae; Paus. I, 21, 5, слл.: подробное описаніе сарматскаго панцыря, посвященнаго въ храмѣ Асклепія въ Аѳинахъ. Подробности этого описанія и неправильное утвержденіе, что сарматы не знаютъ желѣза (впрочемъ, обращаю вниманіе на обиліе костяныхъ подѣлокъ въ Приднѣпровскихъ курганахъ и, особенно, на частое примѣненіе кости для изготовленія псалій уздечекъ), показываютъ, насколько необычнымъ казался греку панцырь не только по своему матеріалу, но и по своему типу.

Помимо того, что оба эти писателя разнаго времени описываютъ совершенно одинаковые панцыри какъ разъ того типа, который мы застали въ нашихъ гробницахъ III в. до Р. Хр., мы должны отмѣтить, что только югъ Россіи далъ подобнаго рода предметы оборонительнаго вооруженія. Остатки подобнаго панцыря въ Неаполитанскомъ музеѣ (Mus. Borb. V, табл. XXIX) скорѣе всего принадлежатъ вооруженію не воина, а гладіатора [1]).

Кромѣ того, слова Амміана и Павсанія позволяютъ думать, что какъ разъ сарматы не были обыкновенно покрыты броней съ ногъ до головы, какъ другіе катафрактаріи, а носили, какъ главный предметъ вооруженія, только панцырь, что подтверждаютъ и вышеприведенные памятники: колонна Траяна и арка Галерія.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ литературныхъ и археологическихъ данныхъ ставитъ внѣ всякого сомнѣнія, что броня того типа, который изображаютъ наши картины и который составляетъ отличительную особенность скиѳо-сарматскихъ погребеній IV в. до Р. Хр., характерна какъ для всѣхъ народовъ, воспринявшихъ иранскую культуру въ позднѣйшей ея стадіи, такъ особенно для сарматовъ. Особенностью панцыря, изображеннаго на картинахъ нашей гробницы, является только то, что панцырная рубашка боспорцевъ, подобно скиѳскому кафтану-сисирнѣ, спереди имѣетъ разрѣзъ, что ни для панцырей III в. до Р. Хр., ни на позднѣйшихъ памятникахъ не засвидѣтельствовано, но вполнѣ естественно для панцыря коннаго рыцаря. Этой подробности нѣтъ, однако, ни на рельефѣ Трифона, ни на картинѣ, гробницы 1873 г.

Шлемъ Если, такимъ образомъ, вопросъ о панцырѣ и его происхожденіи ясенъ, то гораздо труднѣе вопросъ о шлемѣ. Форма шлема керченскихъ фресокъ и стелъ очень оригинальна. Формъ шлема, точно совпадающихъ съ этой, я на другихъ памятникахъ не знаю. Форма персидскаго шлема (какъ старо-персидскаго, такъ и сасанидскаго), насколько мы можемъ судить по памятникамъ, иная.

Ближе всего къ нашимъ шлемамъ стоятъ, конечно, такъ называемые Spangenhelme, число которыхъ не велико и которые въ послѣднее время часто и подробно обсуждались [1]). Но если типъ всѣхъ этихъ шлемовъ тотъ же, что и шлемовъ въ нашихъ гробницахъ, то въ подробностяхъ Spangenhelme какъ между собою, такъ и по сравненію съ керченскими шлемами очень разнятся.

Я не могу здѣсь входить въ подробное техническое обсужденіе вопроса, тѣмъ болѣе, что Spangenhelme я въ оригиналахъ не изучалъ, но мнѣ представляется все-таки весьма вѣроятнымъ, что у обѣихъ категорій шлемовъ, какъ керченскихъ, такъ и Spangenhelme имѣется, вѣроятно, одинъ общій неизвѣстный намъ родоначальникъ.

При этомъ характерно, что скиѳо-сарматскія гробницы не дали до сихъ поръ ни одного шлема интересующаго насъ типа. Я уже говорилъ, что шлемы, найденные въ этихъ гробницахъ, всѣ греческихъ типовъ и греческаго происхожденія. Ни одного шлема типа Spangenhelme, ни одного даже ребра шлемовъ этого типа

---

[1]) Ср. вооруженнаго по-сарматски гладіатора, изображеннаго на одномъ рельефѣ Museo Torlonia. Къ сожалѣнію, самого рельефа (Henzen, Explicatio musivi in villa Burghesiana asservati etc., Roma 1845, tav. XXXVIII; *Mon. dell'Ist.* III, tav. XXXVIII; *Ann.*, 1842, 12 слл.; ср. G. Lafaye ст. Gladiator въ Daremberg et Saglio, Dict. d. ant. II, 1588 и прим. 7) мнѣ видѣть не пришлось. Не пришлось мнѣ видѣть и части египетскаго панцыря, опубликованной въ *Rev. arch.*, II, стр. 735.

[1]) См. R. Henning, Der Helm von Baldenheim, Strassburg, 1907, 59 слл.; M. Ebert, *Prähistor. Zeitschrift*, I (1909), 63 слл.; V. Hoffiler, Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva, Zagreb, 1911—1912, 82 слл.

въ скиѳо-сарматскихъ погребеніяхъ найдено не было. Указанная Э. Э. Ленцомъ (И. И. А. К., 14, 61) возможность предположить на основаніи незначительныхъ остатковъ существованіе пластинчатыхъ шлемовъ и ему самому представляется мало вѣроятной.

Если, такимъ образомъ, азіатскій панцырь рано пріобрѣлъ права гражданства на югѣ Россіи, причемъ онъ, вѣроятно, принесенъ былъ съ собою сарматами еще въ IV—III в. до Р. Хр., то мы не въ правѣ предположить того же для шлемовъ съ ребрами.

Несомнѣнно, однако, что шлемы этого типа все-таки были усвоены сарматами, и въ императорское время составляли характерную особенность ихъ вооруженія. Вполнѣ возможно поэтому, что въ западную Европу шлемы нашего типа попали, если не черезъ посредство Пантикапея, какъ думаетъ Эбертъ, то черезъ посредство сарматовъ, отъ которыхъ ихъ, вѣроятно, заимствовали сами боспорцы [1]). При несомнѣнныхъ, однако, отличіяхъ такъ называемыхъ ребристыхъ шлемовъ западной Европы отъ сарматскихъ и боспорскихъ, не исключена возможность и того, что ребристый шлемъ и въ западную Европу и къ сарматамъ попалъ изъ одного общаго, намъ неизвѣстнаго, центра.

Наступательное вооруженіе.

Входить въ разборъ исторіи наступательнаго оружія, какъ оно изображается на нашихъ картинахъ и стелахъ, я не въ силахъ. Это должно было бы быть предметомъ большой спеціальной работы [2]). Укажу только на то, что, какъ находки въ гробницахъ IV—III в. до Р. Хр., такъ и вышеприведенныя изображенія сарматовъ на памятникахъ римскаго времени, равно какъ и литературныя свидѣтельства и изображенія въ боспорскихъ гробницахъ согласно свидѣтельствуютъ, какъ объ особенности сарматскаго вооруженія, о чрезвычайно длинныхъ рыцарскихъ тяжелыхъ копьяхъ съ деревянными древками и большимъ желѣзнымъ остріемъ.

Посадка всадниковъ.

Въ связи съ вопросомъ о вооруженіи важно обратить вниманіе и на оригинальную посадку всадниковъ на нашихъ картинахъ, на ихъ фронтальность не только въ лицѣ и головѣ, но и во всемъ корпусѣ. Естественнѣе всего объяснить это стремленіемъ къ фронтальности всякаго архаическаго и варваризирующагося искусства, но въ данномъ случаѣ это врядъ-ли будетъ правильно. Дѣло въ томъ, что тутъ же въ изображеніяхъ противниковъ боспорцевъ мастеръ, расписывавшій склепъ, далъ намъ вполнѣ приличныя и даже живыя изображенія въ профиль; на стелахъ же, гдѣ скульптура, конечно, больше связывала мастера, чѣмъ живопись, въ изображеніяхъ всадниковъ рѣзкой фронтальности всего корпуса

[1]) Впрочемъ, если правильно то, что я говорю ниже о противникахъ боспорцевъ на нашихъ картинахъ, то придется признать, что новая волна сарматовъ, именно аланы, не носила шлемовъ. Надо думать поэтому, что шлемы нашей формы не были принесены сарматами съ ихъ родины, а усвоены ими уже въ степяхъ юга Россіи, но отнюдь не отъ того населенія, на которое они здѣсь наслоились.

[2]) Къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, эта работа еле-еле начата. Большое количество оружія, найденное въ погребеніяхъ юга Россіи, до сихъ поръ ни сопоставлено, ни изучено не было. Больше всего сдѣлано для лука (въ извѣстной работѣ Анучина) и стрѣлъ, но шлемы, копья, топоры, мечи до сихъ поръ являются грудой сырого неиспользованнаго матеріала. Указывать на отдѣльныя работы, гдѣ даются попытки классификаціи (Стасова, Фуртвенглера, Лаппо-Данилевскаго, гр. Бобринскаго, Ленца, Н. И. Веселовскаго, Фармаковскаго и др.) здѣсь не мѣсто. Обращу, однако, вниманіе на то, что внимательное изученіе вопроса и здѣсь, несомнѣнно, откроетъ рядъ поразительныхъ совпаденій въ вооруженіи IV—III в. до Р. Хр. съ вооруженіемъ боспорскаго войска римскаго императорскаго времени, какъ мы его знаемъ по изображеніямъ на стелахъ и картинахъ склеповъ и по находкамъ въ гробницахъ. Это—новое указаніе на постепенное рѣзкое сарматизированіе всего уклада жизни въ Боспорскомъ царствѣ, о которомъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ.

нѣтъ, а соотвѣтственно повороту лица впрямь корпусъ обыкновенно дается въ три четверти, что на спокойно стоящей лошади вполнѣ естественно.

Въ виду этого я склоненъ былъ бы видѣть въ этой фронтальности во время боя новое указаніе на этнографическій реализмъ изображенія, т. е. на фиксированіе положенія всадника въ бою, положенія, если не вызваннаго даннымъ моментомъ, то вообще типичнаго.

Укажу для доказательства этого положенія на то, что Арріанъ въ τέχνη τακτική придаетъ фронтальному повороту для метанія копій и другихъ военныхъ операцій значеніе одного изъ важнѣйшихъ маневровъ; между тѣмъ онъ же указываетъ, что эти маневры были существенной частью тактики варварской и спеціально сарматской конницы, вліявшей на римскую; см. Arr., τέχνη τακτ., 44: ταῦτα μὲν τοῖς Ῥωμαίοις ἱππεῦσι τὰ ξυνήθη τε καὶ ἐκ παλαιοῦ ἀσκούμενα. βασιλεὺς δὲ προσεξεῦρεν καὶ τὰ βαρβαρικὰ ἐκμελετᾶν αὐτούς, ὅσα τε ἢ Παρθυαίων ἢ Ἀρμενίων ἱπποτοξόται ἐπασκοῦσι καὶ ὅσας οἱ Σαυροματῶν ἢ Κελτῶν κοντοφόροι ἐπιστροφάς τε καὶ ἀποστροφὰς τῶν ἱππέων ἐν μέρει ἐπελαυνόντων καὶ ἀκροβολισμοὺς ἐν τούτῳ πολυειδεῖς καὶ πολυτρόπους ἐς τὰς μάχας ὠφελίμους καὶ ἀλαλαγμοὺς πατρίους ἑκάστῳ γένει и т. д. Конечно, въ ἀποστροφή и ἐπιστροφή надо видѣть не столько повороты корпуса всадника, сколько маневрированіе лошадью, но, очевидно, что и то и другое тѣсно связано, и акты этого рода римской конницы находили себѣ соотвѣтствіе въ варварскихъ копейщикахъ и лучникахъ, сила которыхъ состояла въ умѣніи пользоваться своимъ метательнымъ оружіемъ при всякомъ положеніи подвижного, хотя и закованнаго въ панцырь, корпуса.

Противники боспорцевъ.

Если, такимъ образомъ, вопросъ объ одеждѣ и вооруженіи боспорцевъ разрѣшается просто и сравнительно легко, то гораздо сложнѣе вопросъ о томъ, къ какимъ племенамъ принадлежатъ противники боспорцевъ—пѣшій противникъ въ первой сценѣ, конный во второй. И по отношенію къ нимъ художникъ проявилъ опредѣленное стремленіе къ этнографическому реализму и, несомнѣнно, изобразилъ опредѣленнаго противника, а не противника вообще.

Къ сожалѣнію, сравнительный матеріалъ, имѣющійся въ нашихъ рукахъ, настолько ничтоженъ, что вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія вопроса не допускаетъ, но вѣроятный отвѣтъ всетаки возможенъ.

Съ первой сценой возможно сравнить извѣстный надгробный рельефъ изъ Симферополя, нынѣ въ Одесскомъ музеѣ (см. табл. LXXXV, 1), гдѣ въ верхнемъ полѣ изображенъ пѣшій, въ нижнемъ конный тавръ, см. гр. Уваровъ, Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и т. д., Спб., 1851, Атласъ, табл. XXXVI, 5; Kieseritzky-Watzinger, № 442, табл. XXXII (плохой снимокъ и плохая репродукція)[1]). Фигура пѣшаго тавра почти во всѣхъ деталяхъ совпадаетъ съ нашимъ пѣшимъ воиномъ: тотъ же типъ головы съ богатой шевелюрой, острой бородой и усами, та же диспропорція головы и туловища, та же поза присѣдающаго на корточки во время боя человѣка, наконецъ, тотъ же костюмъ: подпоясанная довольно длинная рубаха, вверху плотно облегающая тѣло, внизу спадающая складками, облегающіе штаны, сапоги, то-же отсутствіе шлема. Вооруженіе разнится: у нашего въ рукахъ мечъ, на стелѣ—копье, у нашего щитъ ромбовидный, на стелѣ — круглый. Но разница эта несущественна, тѣмъ болѣе, что щитъ, несмотря на разницу въ формѣ, по структурѣ, очевидно, одинаковъ: это легкій деревянный или кожаный щитъ, безъ металлическихъ частей.

---

[1]) Напрашивающееся само собою предположеніе о томъ, что на стелѣ изображенъ тавръ впервые высказано было покойнымъ Г. Е. Кизерицкимъ. Для всадника см. K. W., № 557.

При указанныхъ далеко идущихъ совпаденіяхъ я склоненъ былъ бы и въ пѣшемъ противникѣ боспорца нашей гробницы видѣть тавра: сцена иллюстрируетъ защиту боспорцемъ южныхъ границъ боспорской территоріи, гдѣ разбойничьи нападенія горныхъ и бѣдныхъ тавровъ на богатыя поля, а на морѣ на проходившіе корабли принадлежали издревле къ обычнымъ явленіямъ. Не даромъ же для острастки этихъ племенъ римлянамъ пришлось помѣстить въ сердцѣ горнаго побережья большую крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ — Χάραξ, теперь Ай-Тодорскій мысъ.

Что касается до коннаго врага второй сцены, то прежде всего надо отмѣтить, что дѣло здѣсь идетъ не о грабительскомъ набѣгѣ, какъ въ первой сценѣ, а о регулярномъ сраженіи двухъ отрядовъ, почти совершенно такъ, какъ въ имѣющей быть описанною сценѣ въ склепѣ Ашика. Дѣло идетъ, очевидно, о болѣе серьезномъ противникѣ, вожди котораго стояли на равной ногѣ съ конными рыцарями Боспора. Тотъ же характеръ турнира носитъ и сцена боя въ гробницѣ 1873 г., гдѣ оба противника не отличаются другъ отъ друга и оружіемъ. Характерно, кромѣ того, отмѣтить, что противникъ въ нашей гробницѣ, очевидно, тотъ же, что противникъ въ склепѣ Ашика: по крайней мѣрѣ, и тамъ мы имѣемъ рядъ простоволосыхъ безбородыхъ всадниковъ, сражающихся съ отрядомъ панцырныхъ рыцарей въ рѣшетчатыхъ шлемахъ. Къ сожалѣнію, однако, на детали рисунковъ Стефанскаго, особенно на детали въ изображеніи одежды, никакъ нельзя положиться, какъ это будетъ показано ниже.

Кто же эти противники, столь похожіе на боспорцевъ? Послѣ всего того, что сказано о костюмѣ и вооруженіи боспорцевъ, заключеніе напрашивается само собою. Очевидно, что передъ нами тѣ или иныя сарматскія племена: въ гробницѣ 1873 г. это, можетъ быть, кто-нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей, въ гробницахъ Стасова и Ашика—какой-то большой и сильный степной конный народъ, сильно тревожившій границы Боспорскаго царства.

Характерно, что сарматы, какъ противники грековъ и кельтовъ, можетъ быть, выступаютъ на памятникахъ искусства рядомъ съ такъ называемыми скиѳами уже въ III—II в. до Р. Хр., какъ на то указываетъ уже не разъ упомянутый ритонъ изъ Кубанской области, гдѣ въ верхней части изображены конные скиѳы въ борьбѣ съ греками, внизу пѣшіе, можетъ быть, сарматы за тѣмъ же занятіемъ. За такое обозначеніе пѣшаго варварскаго воина ритона (см. табл. LXXXV, 4), предложенное впервые Толстымъ и Кондаковымъ (Русскія др. II, 58, рис. 42), говоритъ то, что костюмъ этого варвара нѣсколько отличается отъ костюма скиѳовъ какъ разъ въ тѣхъ частяхъ, которыя характерны и для костюма боспорцевъ: короткій, развѣвающійся плащъ, короткій подпоясанный казакинъ съ длинными рукавами, плотно облегающіе ноги штаны [1]).

[1]) Не надо, однако, забывать и того, что между изображеніемъ конныхъ и пѣшихъ бойцовъ въ ихъ типѣ и костюмѣ имѣется очень много общаго, и разница можетъ объясняться тѣмъ, что одному изъ бойцовъ приходится сражаться пѣшимъ. Въ высшей степени интересно было бы прослѣдить нѣкоторыя различія въ костюмѣ и вооруженіи мѣстныхъ жителей, изображавшихся греческими мастерами на памятникахъ искусства IV—III в. до Р. Хр. Можетъ быть, удалось бы установить два типа, во многомъ, однако, схожіе одинъ съ другимъ. Менѣе показательны памятники мѣстнаго искусства, подражающіе греческимъ, какъ, напримѣръ, пластинка Геремесовскаго кургана (табл. LXXXV, 2) и пряжка Московскаго Ист. музея (табл. LXXXV, 3). И здѣсь, однако, надо отмѣтить, что сражающіеся противники вооружены и одѣты почти одинаково (на пряжкѣ, напримѣръ, разница состоитъ только въ томъ, что одинъ противникъ бородатъ, другой безбородъ; нѣсколько разнится также и трактовка волосъ).

Если дѣйствительно мы правы, усматривая въ противникахъ боспорцевъ въ нашей и Ашиковской гробницѣ сарматовъ, то, по всей вѣроятности, этихъ сарматовъ придется признать либо за аланъ, то сильное сарматское племя, которое надвинулось на степи юга Россіи какъ разъ въ I в. по Р. Хр. [1]), либо за болѣе близкихъ Боспору сосѣдей—сарматскихъ сираховъ или аорсовъ. Недаромъ же нѣсколько позднѣе на службѣ боспорскихъ царей-вассаловъ Рима и даже въ самомъ Римѣ имѣлся цѣлый штатъ переводчиковъ спеціально для дипломатическихъ сношеній съ аланами и сарматами вообще [2]).

Не противорѣчитъ такому опредѣленію и то, что мы знаемъ изъ литературныхъ источниковъ того времени о вооруженіи аланъ. Единственное мнѣ извѣстное современное свѣдѣніе имѣется у Арріана въ ἐκτ. κατ᾽ Ἀλανῶν. Яснымъ, однако, это свѣдѣніе назвать нельзя, такъ какъ въ двухъ мѣстахъ Арріанъ говоритъ разное: въ главѣ 17 аланы представляются какъ будто всадники-катафрактаріи — οἱ δευτεροστάται δὲ καὶ οἱ τῆς τρίτης καὶ τετάρτης τάξεως εἰς ἀκοντισμὸν προβεβλήσθων τοὺς κοντοὺς ὅπου τύχοιεν καὶ ἵππους τρώσοντες καὶ ἱππότην κατακανοῦντες ἢ θυρεῷ καὶ καταφράκτῳ θώρακι ἐμπαγέντος τοῦ κοντοῦ καὶ διὰ μαλακότητα τοῦ σιδήρου ἐπικαμφθέντος (характерно, что это почти мотивъ вонзившагося и сломаннаго копья) ἀχρεῖον τὸν ἀναβάτην ποιήσοντες, но дальше въ гл. 31, гдѣ рѣчь идетъ о боѣ, говорится: οἱ δὲ Σκύθαι γυμνοί τε ὄντες καὶ τοὺς ἵππους γυμνοὺς ἔχοντες. Остается думать, что Арріанъ или не былъ достаточно освѣдомленъ спеціально объ аланахъ и судилъ по аналогіи съ иранцами, съ одной стороны, и кочевниками-всадниками съ другой, или, предполагая освѣдомленность военачальника, придется думать, что одѣтые въ панцырь катафрактаріи составляли только часть войска, можетъ быть, первые только ряды, за которыми слѣдовали не панцырные всадники. Щиты у катафрактаріевъ напоминаютъ вышеописанную сарматскую кавалерію на аркѣ Галерія.

Блестящее подтвержденіе всѣхъ вышеизложенныхъ выводовъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ случайно сохраненныхъ намъ историческихъ свидѣтельствахъ. Среди тѣхъ эксцерптовъ изъ анналъ крупнаго историка Рима—продолжателя Тацита, которые сохранили намъ такъ называемые Scriptores historiae Augustae въ жизнеописаніяхъ римскихъ императоровъ отъ Адріана до Элагабала или Александра Севера, мы находимъ въ біографіи Антонина Пія слѣдующія, хотя и обрывочныя, но въ высшей степени интересныя указанія. Въ началѣ біографіи (Scr. h. Aug., Ant. Pius 5, 5) говорится: Alanos molientis saepe refrenavit (ср. 22, 1, гдѣ среди народовъ, поднявшихся противъ Рима, упоминаются и Halani). Затѣмъ въ обзорѣ отношеній Антонина Пія къ черноморскому побережью послѣ упоминанія о дарованіи Антониномъ царя Лазамъ и о его дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ боспорскія дѣла говорится (9, 6 слл.): Olbiopolitis contra Tauroscythas in Pontum auxilia misit et Tauroscythas usque ad dandos Olbiopolitis obsides vicit.

Весь комплексъ отрывковъ, касающихся побережья Чернаго моря, показываетъ, во-первыхъ, что Антонинъ усердно занимался дѣлами Черноморья, оберегая себя отъ того, съ чѣмъ пришлось бороться на Дунаѣ его преемнику, т. е. съ крупнымъ и опаснымъ для дунайскихъ провинцій передвиженіемъ племенъ на югѣ Россіи,

---

[1]) Новѣйшія работы объ аланахъ, гдѣ указана и прежняя литература: Ю. Кулаковскій, Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей, Кіевъ, 1899; Täubler, Zur Geschichte der Alanen, *Klio*, 1909, 14 слл.

[2]) См. недавно найденную надпись 208 г. по Р. Хр.: Δι᾽ ἐπιμελείας Ἡρα|κᾶ Ποντικοῦ ἀρχερ|μηνέως Ἀλανῶν| ἐ[ν τῷ] εφ′; ср. ἑρμηνεὺς Σαρματῶν Ios. P. E. 86a IL (стр. 296) и C. II, VI, 5207: Ἀσποῦργος Βωμάσου υἱὸς ἑρμηνεὺς Σαρματῶν Βωσπορανός.

во-вторыхъ, что объ этихъ его дѣйствіяхъ прекрасно освѣдомленъ былъ его историкъ—источникъ автора біографіи Антонина Пія въ сборникѣ Scr. hist. Aug. [1]).

Если такъ—а этотъ выводъ несомнѣненъ,—то яснымъ становится, что въ эпоху Антонина Боспорскому царству и даже Ольвіи грозили два врага—тавроскиѳы съ одной стороны, съ юга, и аланы—съ другой, съ востока. Смѣшивать и тѣхъ, и другихъ въ одну кучу, какъ это дѣлаетъ Täubler [2]), несомнѣнно ошибочно: хорошо освѣдомленный историкъ Антонина рѣзко отличаетъ тавро-скиѳовъ отъ аланъ. Между тѣмъ такой подъемъ тавро-скиѳовъ не долженъ насъ удивлять. Уже при Неронѣ эти же крымскіе скиѳы грозили Херсонесу, который отбили отъ нихъ только римскія войска (см. CIL. XIV, 3608; Dessau 986, надпись Тиб. Плавтія Сильвана); а появленіе на границѣ боспорскаго царства и области Херсонеса сильной Ай-Тодорской крѣпости (см. выше), вѣроятно при Веспасіанѣ, показываетъ, какъ серьезно римляне сознавали опасность таврскихъ и скиѳскихъ набѣговъ [3]).

Съ этимъ вполнѣ совпадаетъ и то, что мы знаемъ объ исторіи нашего юга при преемникѣ Антонина Маркѣ Авреліи [4]). Весьма вѣроятно, что около 170 г. римляне не въ силахъ были удержать, какъ это было при Антонинѣ, напора степныхъ племенъ, среди которыхъ главную роль играли костобоки, и принуждены были предоставить Боспоръ своимъ силамъ и сосредоточить защиту предѣловъ римскаго государства, какъ раньше въ эпоху Домиціана, въ сѣверной части Балканскаго полуострова.

Какъ разъ на это время падаетъ та усиленная сарматизація Боспора, которую мы уже нѣсколько разъ отмѣчали, а также прекращеніе монетныхъ типовъ, особенно сильно подчеркивающихъ вассальность Боспора Риму, и появленіе типовъ, свидѣтельствующихъ о взглядѣ царей на свою власть, какъ дарованную имъ божьею милостью [5]).

Несомнѣнно, что въ это время положеніе Боспора было особенно трудно и ему особенно усиленно пришлось бороться съ сосѣдями. Съ опасностью удалось справиться преемнику Евпатора (на правленіе Евпатора падаетъ движеніе костобоковъ) Тиб. Юлію Савромату [6]). Его надпись (Ios. P. E. II, 423—490 г., т. е. 193 г. по Р. Хр.) говоритъ намъ какъ разъ объ его побѣдѣ надъ обоими противниками, т. е. надъ сирахами съ одной стороны [7]) и скиѳами, т. е., вѣроятно, тавро-скиѳами, съ другой; она же говоритъ о присоединеніи Таврики и объ очисткѣ моря отъ пиратовъ (вспомнимъ, что походъ костобоковъ и другихъ на западъ состоялся, вѣроятно, по морю).

И здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, побѣдоносную борьбу съ восточными сарматами и съ таврами, борьбу, которая велась почти исключительно собственными силами боспорскихъ царей. Вполнѣ возможно, что критическій моментъ въ исторіи римской имперіи и въ исторіи тѣсно связаннаго съ нею Боспорскаго царства сопровождался и смѣной династіи. Почти полное измѣненіе типовъ оборотовъ мѣдныхъ монетъ Боспора, начиная съ Евпатора, легче всего объяснить, если мы

1) Cp. O. Th. Schulz, Das Kaiserhaus der Antonine, 33 слл.

2) Täubler, *Klio*, 1909, 26.

3) О судьбахъ скиѳскаго царства въ Крыму, послѣднемъ оплотѣ скиѳовъ на югѣ Россіи, я говорю подробнѣе въ другомъ мѣстѣ.

4) Свѣдѣнія объ этомъ сопоставлены и освѣщены недавно A. von Premerstein'омъ, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus, II, *Klio* XII (1912), 143 слл., особенно, 145.

5) См. И. И. А. К., 49, 23 слл.

6) См. о немъ Латышевъ, Исторія Боспорскаго царства, Ποντικά, 116 сл.

7) О сирахахъ или сиракахъ см. Латышевъ, тамъ же, 68.

примемъ, что съ Евпаторомъ полу-ѳракійскую династію смѣнила другая—сарматская. Недаромъ же мы не знаемъ имени отца Евпатора и имѣемъ сравнительно темное свидѣтельство о какихъ-то непорядкахъ на Боспорѣ въ правленіе предшественника Евпаторова Реметалка. Дѣло, какъ извѣстно, дошло до императора (Scr. hist. Aug., v. Ant., 9) [1]).

Историческія свидѣтельства говорятъ намъ, такимъ образомъ, какъ разъ то же, что и наши памятники. Боспору, начиная съ конца I в. по Р. Хр., приходится бороться, главнымъ образомъ, съ таврами и скиѳами съ одной стороны, съ аланами и другими сарматами съ другой. Критическимъ моментомъ была средина II в., т. е. та дата, ниже которой, какъ мы увидимъ, росписи нашихъ гробницъ датировать нельзя.

Этимъ я кончаю анализъ въ высшей степени интересныхъ фигурныхъ изображеній нашей гробницы.

Смыслъ росписи гробницы.

Остается сказать нѣсколько словъ о смыслѣ сопоставленія охарактеризованныхъ разнообразныхъ сценъ въ одной гробницѣ. Героическій, хотя и ослабленный реалистической концепціей, характеръ военныхъ сценъ выясненъ былъ уже выше. Остаются картины, изображающія звѣрей. Имѣютъ ли онѣ чисто орнаментально-реалистическое или, можетъ быть, и религіозное значеніе?

Объ орнаментальномъ ихъ характерѣ была уже рѣчь выше; онъ подверженъ быть сомнѣнію не можетъ. Но врядъ ли этимъ вопросъ исчерпывается. Не правильнѣе ли было бы всетаки видѣть въ этомъ обиліи звѣрей въ пейзажѣ вліяніе столь распространенныхъ персидскихъ, парѳянскихъ, армянскихъ и т. д. парадизовъ, гдѣ проводили значительную часть своего времени персидскіе и персизирующіе аристократы? Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ Боспорскомъ царствѣ также были парадизы—хотя и это не невозможно,—но воспринятіе типа изъ іонизирующаго восточнаго искусства стоитъ [2]), несомнѣнно, въ связи съ парадизами.

И кто знаетъ, можетъ быть, лица болѣе меня знакомыя съ иранской религіей могли бы указать мнѣ на связь между земными парадизами и представленіями о загробномъ царствѣ. По крайней мѣрѣ, геніевъ нашей гробницы, столь похожихъ по стилю и по трактовкѣ на геніевъ многихъ сасанидскихъ памятниковъ искусства, я толковать иначе, какъ геніевъ смерти, не рѣшился бы. Во всякомъ случаѣ они ближе къ ангеламъ, чѣмъ къ эротамъ [3]).

Окончательное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ возможно было бы, однако, только при гораздо болѣе детальномъ знакомствѣ съ укладомъ жизни и религіей парѳянской Персіи, далеко недостаточно еще изученной даже въ предѣлахъ имѣющагося матеріала. Кромѣ того, и самый матеріалъ чрезвычайно скуденъ.

Орнаментальная часть росписи и дата гробницы.

Что касается до орнаментальной и декоративной части, то объ этомъ рѣчь будетъ во второй части въ общей связи. Вновь напоминаю о главной въ этомъ отношеніи особенности нашей гробницы—соединеніи и въ декоровкѣ стѣнъ, и въ декоровкѣ потолка элементовъ легкаго цвѣточнаго, ковроваго стиля съ одной стороны и тяжелаго блестящаго инкрустаціоннаго съ другой. Эта особенность,

[1]) Впрочемъ, обо всемъ этомъ рѣчь будетъ подробнѣе въ особой книгѣ, гдѣ будутъ сопоставлены всѣ свидѣтельства о политической исторіи Боспора въ императорское время.

[2]) См. A. Christensen, L'empire des Sassanides, København, 1907, 14 (въ парѳянскую эпоху); ср. Philostr. I, 38 и 101 (въ эпоху Сасанидовъ); см. также Amm. Marc. XXIV, 5, 2.

[3]) На рельефахъ геній есть, несомнѣнно, дериватъ Ники, см. Flandin et Coste, I, pl. 49; ibid. pl. 53, ср. Sarre-Herzfeld, табл. XLIII и рис. на стр. 220; Смирновъ, Восточное серебро, табл. CXXIII, № 309; характерно сравнить жестъ обезьяны, держащей птицу, на блюдѣ изъ собранія гр. Строганова (Смирновъ, ibid., табл. LXXXIX, № 160) съ жестомъ нашего генія, летящаго надъ львомъ (ср. реплику блюда изъ собранія гр. А. Бобринского, Смирновъ, ibid., № 161).

сближающая нашу гробницу съ Ашиковской и гробницей 1875 г., съ одной стороны, и съ гробницами чисто инкрустаціоннаго стиля, съ другой, даетъ намъ возможность датировать нашу гробницу. Получаемая этимъ путемъ дата—не позже середины II в. по Р. Хр.—вполнѣ подтверждается и тѣми сближеніями, которыя мы сдѣлали для росписи гробницы со стелами, и совпаденіемъ мотивовъ скачущаго всадника въ нашей гробницѣ и на монетахъ Рескупорида II и др., и тѣмъ, что было раньше сказано о памятникахъ цвѣточнаго стиля, и, наконецъ, общимъ политическимъ положеніемъ Боспора въ это время, когда жизнь вновь стала тревожна на Боспорѣ и все время приходилось думать о защитѣ границъ.

Пойти нѣсколько дальше внизъ позволила бы, можетъ быть, только довольно рѣзкая національная струя, сказывающаяся и въ мотивахъ, и въ стилѣ изображеній, особенно звѣрей, и соотвѣтствующая явленіямъ на монетахъ царей, начиная съ конца II в. по Р. Хр.; далѣе—полное отсутствіе чисто религіозныхъ сюжетовъ. Но полной увѣренности это все таки дать не можетъ. Заманчиво было бы это и въ виду того, что такимъ путемъ мы болѣе приблизили бы хронологически нашу гробницу къ сасанидскимъ рельефамъ, съ которыми въ стилѣ росписи, какъ замѣтилъ уже Стасовъ, наша гробница имѣетъ немало общаго. Наша гробница тогда была бы ступенью отъ іонизма къ возрожденному иранизму.

Съ этою датою согласуется и то, что въ орнаментальной цвѣточной части росписи царитъ тотъ же духъ, что и въ склепахъ 1873 г., 1875 г. и Сораковомъ: грубое нагроможденіе цвѣтовъ, птицъ и гирляндъ безъ слѣда той строгости композиціи, изящества рисунка и нѣжности красокъ, которыя отмѣчаютъ орнаментальную часть росписи склепа Зайцевой. Нашъ мастеръ съ легкимъ сердцемъ заключаетъ ковровую среднюю часть плафона въ чисто архитектурную рамку и дополняетъ ее мраморными инкрустированными кассеттами надъ нишей и лежанками. Его вкусу соотвѣтствуетъ и заполненіе полей съ фигурными изображеніями не нѣжными лепестками и листьями, какъ въ Зайцевской гробницѣ, а большими ярко-красными и ярко-зелеными листьями и стилизованными цвѣтками.

Литература.

Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1872 г., стр. XVIII, и *Приложеніе* къ Отчету, стр. 238 сля.: Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близъ Керчи и описанная Владиміромъ Стасовымъ (XVIII таблицъ); ср. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 30 и II, 66, рис. 49; 67, рис. 50; 70, рис. 53 и 71, рис. 54 (рисунки взяты изъ публикаціи Стасова); Ю. Кулаковскій, *Мат. по арх. Россіи*, 19, стр. 6 слл.; E. H. Minns, Scythians and Greeks, стр. 315 сл., рис. 225 и 227. О томъ, какъ склепъ случайно найденъ былъ вновь, разсказываетъ А. Половцовъ, Русская Помпея, *Московскія Вѣд.* 1900, № 105, 106 (два фельетона; въ первомъ изъ нихъ о Стасовскомъ склепѣ).

XXXI. Склепъ, открытый Ашикомъ.

(Табл. LXXXVII—XCI; рис. 65, 66).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Точное мѣстоположеніе склепа, открытаго въ 1841 году Ашикомъ, имъ нигдѣ ни въ рукописныхъ его донесеніяхъ, ни въ печатныхъ работахъ не указывается. Въ своемъ печатномъ описаніи гробницы Ашикъ говоритъ только, что съ 1834 г. разслѣдовалъ могильныя насыпи на сѣверо-западѣ покатости горы Митридата и послѣ открытія ряда склеповъ или «гробничныхъ пещеръ», вырѣзанныхъ въ скалѣ «известково-раковиннаго свойства третьей формаціи» и находящихся «ниже горизонта нынѣшней дороги на полторы, на двѣ, а иногда и болѣе саженей» (Ашикъ, Керченскія древности, 1 и 3), которыя всѣ были разграблены и не украшены живописью, онъ, наконецъ, въ 1841 г. раскрылъ нѣсколько катакомбъ и «нашелъ катакомбу о двухъ отдѣленіяхъ, стѣны которой покрыты живописью» [1]).

Нѣсколько подробнѣе говоритъ Ашикъ о томъ же въ рукописномъ «Отчетѣ о разысканіяхъ древностей, произведенныхъ въ Керчи съ 1821 по 1842 г.», помѣченномъ 1843 годомъ. Здѣсь на стр. 213 стоитъ: «Отсюда перевелъ я работы къ сѣверной покатости горы Митридата въ $1^1/_2$ верстѣ отъ города, къ тому мѣсту, гдѣ находится множество устроенныхъ рядами пантикапейскихъ катакомбъ и сверхъ ихъ обыкновенныя гробницы. Я открылъ четырнадцать катакомбъ, прежде уже посѣщенныхъ; наконецъ, пятнадцатая вполнѣ вознаградила труды мои».

Указаніе разстоянія отъ города, содержащееся въ этомъ мѣстѣ отчета, настолько неопредѣленно, что не даетъ возможности даже приблизительно опредѣлить мѣстонахожденіе склепа. Не содержитъ болѣе точныхъ указаній и переписка Ашика, вся мною просмотрѣнная; только въ одномъ письмѣ къ Жилю отъ 3 марта 1842 г. я нашелъ краткое упоминаніе о нашемъ склепѣ, а изъ письма, написаннаго изъ Вѣны 17/29 іюля того же года, видно, что Ашикъ работалъ надъ изданіемъ гробницы въ Италіи, гдѣ сдѣланы были и литографіи.

Дальнѣйшая судьба склепа намъ плохо извѣстна. Несомнѣнно, что въ первое время послѣ открытія склепа дѣлались попытки къ его охраненію. Такъ, въ сообщенномъ мнѣ В. В. Шкорпиломъ распоряженіи отъ 18 марта 1842 г. за № 2246 Керченскій градоначальникъ князь Херхеулидзевъ пишетъ Ашику, что склепомъ заинтересовался Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ и далъ распоряженіе озаботиться сохраненіемъ этого памятника древности; въ виду этого градоначальникъ и предписываетъ Ашику принять соотвѣтственныя мѣры. Очень интересенъ отвѣтъ Ашика градоначальнику отъ того же 18 марта, сохранившійся въ черновикѣ въ архивѣ Керченскаго музея (сообщеніе В. В. Шкор-

---

[1]) Точная дата открытія не установлена. Въ томъ же описаніи на стр. III предисловія Ашикъ говоритъ, что гробница была открыта въ 1842 г. То-же, какъ будто, подтверждаетъ и ниже приведенное письмо отъ 3 марта 1842 г.

пила). Изъ него видно, что и тогда, какъ, къ сожалѣнію, и теперь, въ рукахъ завѣдующаго музеемъ и раскопками были только средства добывать, а не охранять памятники. Вотъ что пишетъ Ашикъ. «Объ открытой катакомбѣ съ фресками я доводилъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства словесно. Зная, что здѣсь ничто не можетъ уцѣлѣть отъ хищныхъ поисковъ искателей золота, я держалъ тамъ сторожа на мой счетъ въ теченіе двухъ недѣль, пока сняты были съ фресковъ рисунки. Съ тѣхъ поръ катакомба была уже посѣщаема разрушителями и рисунки уже во многихъ мѣстахъ сильно повреждены. Сберечь ихъ я не имѣю никакой возможности; нужно имѣть тамъ постояннаго сторожа или устроить двери съ желѣзными укрѣпленіями. Если бы мы имѣли объѣздчиковъ, то они бы успѣли бы предупредить разрушеніе многихъ памятниковъ древности, но директоръ Музеума безъ помощниковъ и безъ средствъ ничего сдѣлать не можетъ».

Ясно, что при такихъ условіяхъ охраняться памятникъ въ теченіе долгаго времени не могъ. Можетъ быть, однако, онъ былъ доступенъ для посѣщенія еще въ слѣдующемъ 1843 г., если только къ нашему склепу относится расходъ въ 5 р. 20 коп., уплаченныхъ «за очистку ходовъ въ двухъ гробницахъ и катакомбахъ на Митридатѣ, завалившихся во время зимы».

Въ ближайшіе годы склепъ, можетъ быть, или былъ разрушенъ, или ходъ въ него завалился окончательно. По крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, что Ашикъ его болѣе не посѣщалъ и не охранялъ, и самъ думалъ, что онъ погибъ. Такъ и въ печатномъ сочиненіи, и въ упомянутомъ отчетѣ, и въ *Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ* за 1845 г., ч. X, 407, Ашикъ жалуется, что на другой же день послѣ открытія появилась на стѣнахъ сырость, краски начали блѣднѣть и штукатурка падать. Рядомъ съ этимъ, какъ показываетъ вышеприведенное донесеніе градоначальнику, разрушали живопись и посѣтители открытаго склепа. По этой причинѣ, вѣроятно, у Ашика сложилось въ 1845 г. убѣжденіе, что склепъ погибъ, какъ погибъ и склепъ Пигмеевъ. О такомъ мнѣніи Ашика можно заключить на основаніи его донесенія Керченскому градоначальнику отъ 16 декабря 1845 г., гдѣ Ашикъ, говоря о своей археологической дѣятельности вообще и перечисляя роды открывавшихся имъ погребеній, говоритъ слѣдующее: «В. катакомбы, высѣченныя въ скалѣ. На стѣнахъ одной изъ нихъ были фрески, о которыхъ я издаю особое сочиненіе; кромѣ этихъ фресокъ была также открыта гробница, на стѣнахъ которой изображенъ былъ эпизодъ изъ извѣстной войны пигмеевъ съ журавлями, но все это рѣшительно истреблено,—теперь трудно было бы даже найти слѣды этихъ памятниковъ». Контекстъ заставляетъ думать, что разрушеніе постигло не только склепъ Пигмеевъ, но и гробницу 1841 года.

Было ли, однако, правильно убѣжденіе Ашика въ гибели или, лучше, въ неизбѣжности гибели росписи отъ стихійныхъ ли условій, или отъ рукъ человѣка, я не знаю. Возможно, что склепъ просто былъ брошенъ, дромосъ засыпался, а вскорѣ было забыто и мѣсто, гдѣ когда-то находился склепъ. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что послѣ Ашика и его рисовальщика Стефанскаго никто склепа въ оригиналѣ не видѣлъ, несмотря на то, что Керчь посѣщало не мало людей, интересовавшихся археологіей. Не видѣли склепа ни Беккеръ, ни Леонтьевъ, которые посѣтили Керчь до Крымской войны и древней живописью очень интересовались, не видѣлъ его Макферсонъ во время Крымской кампаніи, хотя и пишетъ о склепѣ подробно (см. Antiquities of Kertch, стр. 36 слл.), но не на основаніи автопсіи, а со словъ Winter Jones въ *Archaeological Journal* за 1849 г., въ статьѣ котораго сообщается содержаніе книги Ашика. Все это заставляетъ

думать, что, во всякомъ случаѣ, послѣ смерти Ашика (впрочемъ, и въ послѣдніе годы службы Ашикъ рѣдко жилъ въ Керчи и дѣлами занимался очень мало) мѣстоположеніе склепа было основательно забыто; да и при жизни Ашика склепъ, очевидно, послѣ перваго открытія его болѣе не открывался. При такихъ условіяхъ понятно, что керченскіе старожилы уже въ семидесятыхъ годахъ не помнили склепа и не могли указать его искавшимъ его археологамъ. Такъ, напрасно искалъ его Кондаковъ въ 1878 г., см. О. И. К. А. за 1878 г., стр. XVI, и затѣмъ опять въ 1882 г. (О. И. А. К. за 1882—1888 г., стр. IX), и это тогда, когда мѣстность по сѣверо-западному склону Митридата не была еще застроена.

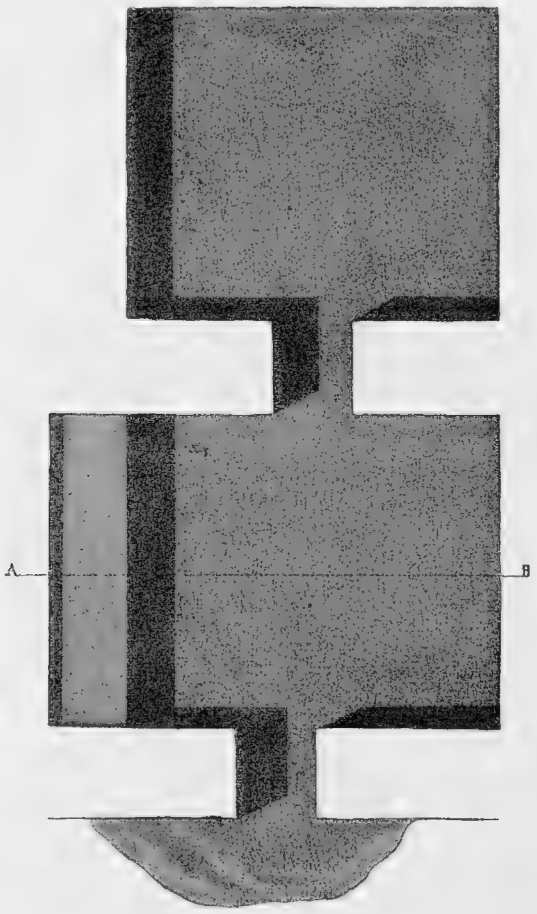


Рис. 65. Планъ склепа, открытаго Ашикомъ.

Теперь, когда прежде пустыя мѣста сплошь застроены, мѣстоположеніе гробницы можетъ быть открыто только случайно; такъ думаетъ по крайней мѣрѣ В. В. Шкорпилъ, повторно и одинаково безуспѣшно искавшій нашу гробницу при посредствѣ ряда систематическихъ раскопокъ [1]).

Это тѣмъ болѣе досадно, что рисунки Ашика и Стефанскаго въ противоположность обыкновенно очень точнымъ рисункамъ Бѣгичева и сравнительно точнымъ Гросса, хотя въ общемъ и даютъ правильное распредѣленіе отдѣльныхъ фигуръ и сюжетовъ, но въ цѣломъ рядѣ подробностей несомнѣнно интерполированы и дополнены. На это указалъ при открытіи Кёне въ рецензіи, напечатанной по-французски въ *Mém. de la société d'arch. et de numism. de St.-Pétérsbourg,* I, 201—207, по-русски въ *Финскомъ Вѣстникѣ* за 1847 г., іюль, № 7, стр. 27 слл. Съ этими интерполяціями при разборѣ росписи придется намъ считаться не разъ. Вопросомъ остается только то, не интерполировалъ ли Ашикъ даже цѣлыхъ картинъ и фигуръ; но тамъ, гдѣ контроль возможенъ, это не кажется особенно вѣроятнымъ.

Архитектура склепа.

Приложенный Ашикомъ къ его труду планъ склепа (см. рис. 65) и разрѣзъ его вмѣстѣ съ насыпью (рис. 66) даетъ хорошее, хотя и очень приблизительное, представленіе объ его *архитектурѣ*. Склепъ находился подъ невысокой насыпью въ формѣ плоскаго кургана (высота насыпи въ центрѣ до потолка гробницы 1 саж. 2 арш. 7 вершк.). Входъ въ склепъ сдѣланъ былъ въ обычномъ колодцѣ (о ступеняхъ, ведшихъ въ него, Ашикъ не упоминаетъ); онъ былъ заваленъ плитой, а колодезь засыпанъ мусоромъ, «въ которомъ находились куски амфоръ, обломки расписныхъ вазъ и стклянокъ» (см. Ашикъ стр. 18). Для датировки эти находки значенія не имѣютъ.

Входъ въ склепъ имѣлъ вышину въ $2^1/_2$ аршина, ширину въ 1 аршинъ. Самъ склепъ состоялъ изъ двухъ комнатъ: первая—длиною «безъ малаго» 2 сажени,

[1]) Впрочемъ, не исключена и печальная возможность дѣйствительно полнаго разрушенія гробницы, можетъ быть, еще при Ашикѣ. Если это такъ, то врядъ ли этому виною проникшій воздухъ, а скорѣе люди, за которыми не усмотрѣлъ Ашикъ. Отъ ихъ же рукъ погибъ, вѣроятно, и склепъ Пигмеевъ.

шириною 4 аршина 6 вершковъ, вышиною 2 аршина 11 вершковъ; вторая—длиною 5 аршинъ «безъ нѣсколькихъ вершковъ», шириною 4 аршина $2^3/_4$ вершка, вышиною 2 аршина 11 вершковъ.

Склепъ найденъ былъ ограбленнымъ, но тѣмъ не менѣе «въ обоихъ отдѣленіяхъ найдены обломки вазъ, амфоръ и стклянокъ». Къ сожалѣнію, Ашикъ не говоритъ, что̀ надо понимать подъ словомъ «вазъ», и не даетъ изображенія ни одного изъ найденныхъ обломковъ, что̀, можетъ быть, позволило бы дать хотя бы приблизительную датировку.

Изъ приведеннаго описанія, плана и разрѣза гробницы ясно видно, что передъ нами обычный склепъ изъ двухъ комнатъ равной величины, причемъ одна изъ этихъ комнатъ въ лѣвой стѣнѣ расширена большой нишей съ сводчатымъ покрытіемъ. Въ этомъ отношеніи планъ склепа поразительно напоминаетъ планъ гробницы 1873 года.

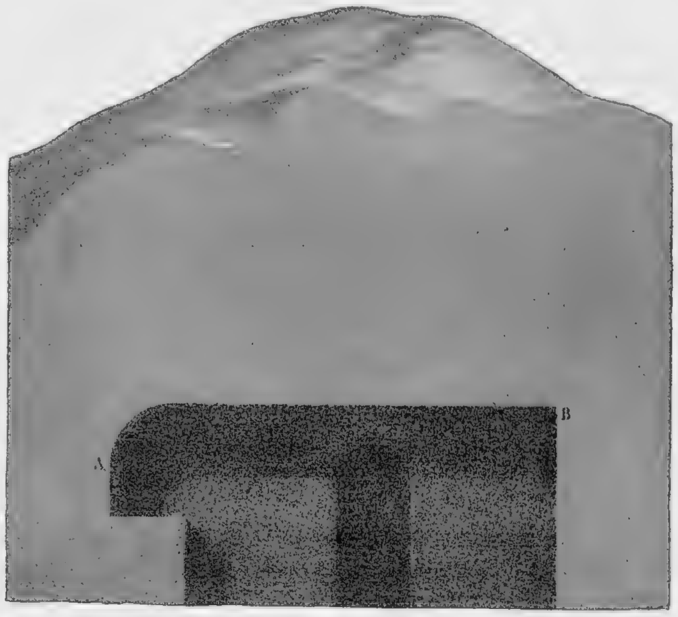


Рис. 66. Разрѣзъ первой комнаты склепа, описаннаго Ашикомъ (по линіи А—Б).

Кромѣ этой ниши, въ первой камерѣ другихъ нишъ болѣе мелкихъ не имѣется вовсе; во второй камерѣ, по обѣ стороны отъ входа, въ верхней части стѣны помѣщено по нишѣ небольшихъ размѣровъ обычнаго типа.

Наиболѣе рѣзко разнится архитектура нашего склепа отъ всѣхъ до сихъ поръ изученныхъ тѣмъ, что, судя по рисункамъ Стефанскаго, потолокъ склепа, въ противность тому, что мы наблюдали во всѣхъ склепахъ, вырѣзанныхъ въ скалѣ, не повышается отъ входа къ задней стѣнѣ и не имѣетъ формы ложнаго свода, а идетъ ровно и плоско отъ передней стѣны къ задней въ обѣихъ комнатахъ. Благодаря этому, люнетокъ въ склепѣ не образуется и распредѣленіе декоративныхъ частей получается иное, чѣмъ въ вышеописанныхъ склепахъ.

Роспись склепа.

Весь склепъ былъ оштукатуренъ и расписанъ, включая и стѣны и потолокъ ниши. Копіи Стефанскаго сдѣланы были въ краскахъ; во всякомъ случаѣ, въ рядѣ поступившихъ въ продажу экземпляровъ (но далеко не во всѣхъ) таблицы раскрашены отъ руки, вездѣ болѣе или менѣе одинаково. По одному изъ такихъ раскрашенныхъ экземпляровъ я и описываю гробницу и воспроизвожу отдѣльныя сцены на таблицахъ.

Первая комната. Общая схема росписи.

А. Общая схема декоровки въ *первой комнатѣ* нѣсколько иная, чѣмъ во второй. Надъ краснымъ цоколемъ ($5^1/_2$ в.) на входной стѣнѣ идетъ два ряда изображеній: первый—надъ самымъ цоколемъ, второй—въ верхней части стѣны. Изображенія сдѣланы по штукатуркѣ сѣроватаго цвѣта. Вверху стѣна заканчивается нарисованнымъ пестрымъ іонійскимъ карнизомъ, украшеннымъ овами на нижней части (шир. $3^1/_2$ в.).

На лѣвой боковой стѣнѣ, гдѣ ниша, мы имѣемъ тотъ же красный цоколь (6 в.) и надъ нимъ большую картину; вторая картина заполняетъ заднюю стѣну ниши, особое изображеніе находится и на лѣвой боковой стѣнѣ ниши; правая боковая стѣна пуста. Карниза здѣсь нѣтъ, а надъ второй картиной непосредственно

начинается потолокъ ниши, украшенный расписнымъ плафономъ изъ кассеттъ, сливающимся съ плафономъ камеры (шир. $8^1/_2$ в.).

Правая боковая стѣна, равно какъ и задняя, расчленены надъ цоколемъ на отдѣльныя поля неканнелированными іонійскими колоннами съ капителями, но, страннымъ образомъ, безъ базъ; эти колонны несутъ все тотъ же карнизъ, внизу украшенный овами[1]). Поля между колоннами заняты отдѣльными картинами въ два ряда, причемъ верхній рядъ отъ нижняго отдѣленъ желтоватой полосой.

Та же схема и на задней стѣнѣ, гдѣ центральныя колонны фланкируютъ двери во вторую погребальную комнату.

При описаніи отдѣльныхъ сценъ я не буду считаться съ описаніями Ашика, указывая только цвѣта по его даннымъ. Описывалъ онъ гробницу, несомнѣнно, не на мѣстѣ, а по раскрашеннымъ рисункамъ Стефанскаго, которые до насъ не дошли. Только нѣкоторыя измѣренія были, вѣроятно, сдѣланы на мѣстѣ.

Входная стѣна. Верхній ярусъ.

I. На входной стѣнѣ въ верхнемъ ряду мы имѣемъ слѣдующія изображенія (табл. LXXXVIII, 1).

1) Налѣво отъ двери, ближе къ углу, сидящая женщина влѣво, одѣтая въ красный хитонъ и зеленый пеплосъ. Въ правой вытянутой рукѣ у нея чаша (аттрибутъ весьма сомнителенъ, какъ большинство аттрибутовъ на рисункахъ Стефанскаго, не имѣвшаго понятія объ античныхъ памятникахъ). Пеплосъ покрываетъ и голову. Слѣва къ ней приближается женщина, двигающаяся вправо; обѣ руки ея протянуты; одѣта въ розовый хитонъ и зеленый пеплосъ, охватывающій верхъ и низъ ея тѣла. Справа къ той же женщинѣ подходитъ Гермесъ съ кадуцеемъ, въ крылатомъ петасѣ и съ крылышками на ногахъ; на чреслахъ зеленый гиматій; крылышкамъ на ногахъ и на петасѣ можно вѣрить вполнѣ, такъ какъ значенія фигуры Ашикъ не понялъ; форма петаса и кадуцея, конечно, интерполированы.

Къ объясненію сцены мы еще вернемся.

2) Вторая сцена изображаетъ трехъ музыкантовъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы костюмы были переданы вѣрно, т. е. чтобы у первой фигуры имѣлся только зеленый гиматій на чреслахъ, вторая же и третья фигуры были одѣты въ сѣрый хитонъ, подпоясанный на второй фигурѣ, не подпоясанный на третьей. Правильнѣе, вѣроятно, переданъ поворотъ фигуръ: средняя впрямь, боковыя вправо, хотя по аналогіи со сценой на расписномъ саркофагѣ изъ Керчи (гл. XXXII), о которой будетъ сказано сейчасъ, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что лѣвый боковой музыкантъ повернутъ былъ влѣво. Вся сцена живо напоминаетъ по композиціи и характеристикѣ сцену трехъ музыкантовъ на только что упомянутомъ саркофагѣ (см. ниже гл. XXXII, табл. XCII, 2). По аналогіи съ этой сценой я увѣренъ, что музыканты играютъ не на трубахъ и свирѣли, какъ изображаетъ Стефанскій, а на обычныхъ инструментахъ тогдашнихъ оркестровъ—двойныхъ флейтахъ и органѣ (о нихъ ниже при описаніи упомянутаго саркофага). Трубы на рисункѣ Стефанскаго, равно какъ и свирѣль, имѣютъ къ тому же совершенно не античныя формы[2]).

3) Третья сцена, расположенная уже направо отъ двери, даетъ вполнѣ вѣроятное изображеніе слуги, стоящаго у канделября, на которомъ помѣщается

[1]) Карнизъ, несомнѣнно, производилъ впечатлѣніе скульптурнаго или лѣпного, не переданное, однако, неумѣлымъ рисовальщикомъ. Характерно, что карнизъ не сухарный, обычный для другихъ гробницъ, начиная съ наиболѣе ранняго времени.

[2]) Появленіе трубъ здѣсь и въ изображеніи погребальнаго кортежа въ рисункахъ Стефанскаго объясняется неправильно понятой передачей обычнаго погребальнаго инструмента—двойной флейты.

зажженная лампа. Слуга одѣтъ, судя по рисунку, въ сѣрый хитонъ и зеленый гиматій. Не исключена и возможность того, что слуга дѣйствительно занятъ былъ наполненіемъ свѣтильника масломъ.

4) Четвертую сцену, изображающую мужскую и женскую фигуры (женская capite velato) сидящими у круглаго стола, уставленнаго сосудами, причемъ сзади женщины торчитъ колосъ, я считаю интерполированной до неузнаваемости. О возможныхъ ея объясненіяхъ рѣчь будетъ ниже.

5) Относить ли сюда же или связать съ главнымъ изображеніемъ ниши слѣдующую сцену—мужчину влѣво, голова вправо, въ подпоясанномъ рукавномъ бѣломъ хитонѣ, желтыхъ штанахъ и сапогахъ, ведущаго на поводу осѣдланную лошадь и держащаго въ правой рукѣ нагайку,—для меня не вполнѣ ясно. Изображеніе находитъ себѣ аналогію въ одной изъ сценъ расписного керченскаго саркофага (см. табл. XCIII, 1) и связывается болѣе естественнымъ образомъ по своему положенію на стѣнѣ ниши съ изображенной тамъ такъ называемой загробной трапезой.

Входная стѣна. Нижній ярусъ.

6 и 7) Въ нижнемъ ярусѣ надъ цоколемъ находится знаменитое, постоянно приводимое, изображеніе погребальной процессіи. Копія этой картины, сдѣланная Стефанскимъ, производитъ въ основныхъ своихъ частяхъ впечатлѣніе въ достаточной мѣрѣ достовѣрное, особенно въ той части, гдѣ изображается балдахинъ и лежащій на немъ покойникъ. Недостовѣрными мнѣ представляются трубы идущихъ передъ балдахиномъ музыкантовъ (по всей вѣроятности, флейты), очень сомнительна правильность передачи деталей костюма; не вполнѣ увѣренъ я и въ правильности передачи числа персонажей.

Главныя составныя части сцены слѣдующія: а) Налѣво отъ двери. Впереди четыре музыканта, вѣроятно, флейтщика, въ обычномъ мѣстномъ костюмѣ. За ними два ряда (изображенъ только одинъ) въ семь человѣкъ каждый, въ такихъ же костюмахъ; они несутъ на жердяхъ, проходящихъ черезъ основаніе сооруженія, на которомъ укрѣпленъ погребальный балдахинъ, лежащаго подъ балдахиномъ покойника.

Балдахинъ состоитъ изъ досчатаго низа въ видѣ большого ящика, черезъ который проходятъ жерди носильщиковъ. На этомъ ящикѣ укрѣплены четыре іонійскихъ колонны (безъ базъ!), между которыми висятъ, вѣроятно, не цвѣточныя гирлянды, а шерстяныя толстыя повязки, какія мы видѣли въ керченскомъ склепѣ 1908 г. На колоннахъ покоится антаблементъ и на немъ полуцилиндрическая крыша, можетъ быть, досчатая. Въ передней люнеткѣ балдахина, очевидно, ничѣмъ не забранной, стоитъ большой монументальный балюстръ, о погребальномъ значеніи котораго рѣчь была выше.

Покойникъ лежитъ ногами впередъ, скорѣе всего на деревянномъ ложѣ, спинка котораго находится у него подъ головою. Ложе это на рисункѣ Стефанскаго нарисовано, какъ деревянный ящикъ (гробъ, говоритъ Ашикъ). Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что весь корпусъ ложа, какъ на всѣхъ почти сценахъ такъ называемой загробной трапезы, закрытъ былъ спускающимся ковромъ. Покойникъ завернутъ въ саванъ, голова открыта. У головы его стоитъ женщина въ хитонѣ и пеплосѣ, наброшенномъ на голову, у ногъ—мужчина или мальчикъ. За катафалкомъ идетъ погребальный кортежъ: восемь мужчинъ въ обычной, какъ кажется, боспорской одеждѣ.

в) По правую сторону отъ двери изображенъ, можетъ быть, моментъ появленія катафалка передъ дверьми гробницы. Вывожу я это изъ того, что катафалкъ

изображенъ здѣсь влѣво, направляющимся къ дверямъ гробницы, между тѣмъ какъ флейтщики не предшествуютъ ему, какъ на другой сторонѣ отъ двери, а какъ бы встрѣчаютъ его, остановившись передъ дверьми гробницы и повернувшись лицомъ къ катафалку. Самъ катафалкъ и несущіе его, покойникъ и его спутники совершенно идентичны по обѣ стороны отъ двери.

Роспись стѣнъ и плафона ниши.

II. Сцены на стѣнѣ, занятой нишей, распредѣлены, какъ сказано, на фасадной стѣнѣ ниши и на задней стѣнѣ ея (см. табл. LXXXVIII, 2).

1) На задней стѣнѣ ниши изображена обычная сцена такъ называемой загробной трапезы. Детали изображенія имѣютъ мало значенія и потому могутъ остаться безъ описанія. Отличаетъ нашу сцену отъ подобныхъ, во-первыхъ, то, что надъ всей сценой вьется виноградная нѣсколько стилизованная лоза съ листьями, гроздьями и завитками; затѣмъ то, что возлежащій на ложѣ держитъ въ правой рукѣ гроздъ винограда; наконецъ то, что рядомъ съ ложемъ слѣва изображены три сидящихъ и пять стоящихъ женщинъ, причемъ въ особую группу выдѣлена первая сидящая женщина обычными стоящими около нея двумя прислужницами, между тѣмъ какъ слѣдующія двѣ сидящія фигуры прислужницъ совсѣмъ не имѣютъ, и только сзади ихъ стоятъ въ рядъ три женщины нѣсколько меньшаго роста, но въ той же одеждѣ, что и сидящія женщины. Соотвѣтственно тремъ сидящимъ и тремъ стоящимъ женщинамъ налѣво отъ ложа, направо отъ него, кромѣ обычнаго прислужника, изображены еще трое стоящихъ мужчинъ. Костюмы всѣхъ изображенныхъ—обычные для этого рода сценъ: у возлежащаго—розовый хитонъ и желтый гиматій; женщины всѣ (относительно прислужницъ правильность передачи этой подробности Стефанскимъ сомнительна) capitibus velatis (преобладающіе цвѣта одеждъ—зеленый, желтый и бѣлый); мужчины—въ обычной боспорской мѣстной одеждѣ (цвѣта тѣ же). Въ правой части картины, около угла, Стефанскимъ зарисована лавровая вѣтвь; думаю, что это обычное въ подобнаго рода сценахъ дерево; ему соотвѣтствуетъ на входной стѣнѣ другое, которое Стефанскій зарисовалъ, какъ колосъ, вѣроятно, потому, что листья этого дерева имѣли вѣерообразную форму. Если это наблюденіе правильно, то сцены на задней и одной изъ боковыхъ стѣнъ ниши (на второй боковой стѣнѣ живописи нѣтъ), несомнѣнно, составятъ одно цѣлое, обрамленное, какъ это мы замѣтили и въ гробницахъ 1873, 1875 г. и въ Стасовской, съ обѣихъ сторонъ деревьями. Дерево между боковой стѣной ниши и входной стѣной комнаты подчеркиваетъ выдѣленіе сценъ на стѣнахъ ниши изъ ряда сценъ на входной стѣнѣ.

2) Плафонъ ниши, о которомъ была уже рѣчь (см. таб. LXXXVII, 1 и LXXXVIII, 2), состоитъ изъ десяти кассеттъ. Въ первомъ ряду мы имѣемъ въ центральной кассеттѣ маску (трагическую?), въ двухъ сосѣднихъ—вѣтку розы обычнаго типа, въ двухъ крайнихъ—двухъ павлиновъ; во второмъ ряду посрединѣ—вѣтку розы, направо и налѣво—головы Пана впрямь, по краямъ—головы сатировъ или силеновъ (?) также впрямь.

3) На нижней стѣнѣ ниши изображена не менѣе знаменитая, чѣмъ сцена погребенія, сцена коннаго боя. И здѣсь, несомнѣнно, общая композиція сцены зарисована правильно, но детали посадки, костюма и вооруженія интерполированы неточнымъ и невѣжественнымъ рисовальщикомъ. Такъ, несомнѣнной фальсификаціей или интерполяціей является женская посадка и доходящій до низа ногъ панцырь-кафтанъ двухъ сражающихся рыцарей на правой части стѣны. Шлемы съ обозначенными продольными и поперечными ребрами и панцыри ясно показываютъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обычнымъ изображеніемъ боспорскихъ всадниковъ въ яйцевидныхъ рѣшетчатыхъ шлемахъ и длинныхъ чешуйчатыхъ

панцыряхъ. Эти панцыри и обычное изображеніе у сидящихъ на лошади всадниковъ лѣвой ноги выдвинутою впередъ, а правой, по ту сторону лошади, отброшенною нѣсколько назадъ, повели къ фантастической реконструкціи, вѣроятно, нѣсколько поврежденнаго оригинала.

Привлекая къ дѣлу аналогичные памятники, главнымъ образомъ, Стасовскую гробницу, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что и на нашей стѣнѣ изображена была сцена сраженія тяжело-вооруженныхъ боспорскихъ всадниковъ съ коннымъ строемъ такъ называемыхъ варваровъ, которыхъ мы сочли предположительно за аланъ. Между обѣими группами враждебныхъ всадниковъ лежатъ пораженные лошади и воины. Поза лошадей, особенно средней, возможна; вполнѣ возможна и поза сидящаго на ней всадника. Менѣе убѣдителенъ рисунокъ второй лошади и убитаго всадника. Деталь лежащаго на землѣ шлема вполнѣ вѣроятна.

Сколько было людей и лошадей въ каждой группѣ въ оригиналѣ, съ котораго рисовалъ Стефанскій, я не знаю: интерполяція нѣсколькихъ лишнихъ всадниковъ на той и другой сторонѣ вполнѣ возможна.

На детали въ костюмѣ и на краски полагаться нельзя: ихъ надо возстановить по гробницѣ 1873 г. и по Стасовскому склепу.

Роспись правой боковой стѣны.

III. На правой боковой стѣнѣ три верхнихъ половинки трехъ интерколюмніевъ заняты обычными миѳологическими картинами изъ области миѳа о Персефонѣ (см. табл. LXXXIX, 1). Къ сожалѣнію, ученые, изучавшіе эту гробницу (главнымъ образомъ, Ферстеръ), не считались съ непониманіемъ и интерполяціями Стефанскаго и Ашика, и потому картины истолкованы ими неправильно.

1) Въ правомъ интерколюмніи мы имѣемъ, несомнѣнно, изображеніе момента, когда Деметра, ищущая дочь ночью (факелъ въ рукѣ!), приходитъ къ тому мѣсту, гдѣ свиньи указываютъ ей мѣсто похищенія Персефоны (см. объ этомъ ниже). 2) Слѣдующая, средняя картина изображаетъ обычный для пантикапейскихъ гробницъ сюжетъ похищенія Плутономъ Персефоны на четвернѣ. Колесница несется вправо, позы Плутона и Персефоны обычны, въ лѣвой рукѣ Плутонъ держитъ, кромѣ вожжей, если вѣрить рисунку, скипетръ. 3) Третья картина, конечно, неправильно истолкована и Ашикомъ, и его рисовальщикомъ, и Ферстеромъ, какъ самый актъ похищенія. На невозможность такого толкованія указываетъ то, что Плутонъ въ этой сценѣ изображенъ безбородымъ, рядомъ же — бородатымъ. Сравненіе съ гробницей Алкима ясно говоритъ за то, что двѣ изображенныя въ этомъ интерколюмніи фигуры—не женщина и мужчина, а двѣ женщины, испуганныя и бѣгущія, двѣ спутницы Персефоны, которыя были заняты вмѣстѣ съ нею собираніемъ цвѣтовъ, что характеризовано лежащими на землѣ калаѳами съ цвѣтами (а не горшками съ какими-то растеніями, какъ зарисовалъ Стефанскій). Позы ихъ тѣ же, что и въ гробницѣ Алкима: одна бѣжитъ влѣво, оборачиваясь, надъ головой ея развѣвается плащъ; другая бѣжитъ туда же, вытянувъ правую руку и какъ бы зовя на помощь. 4, 5, 6) Сцены въ нижнихъ интерколюмніяхъ изображаютъ конныхъ охотниковъ, поражающихъ различныхъ звѣрей. Въ первомъ интерколюмніи всадникъ вправо (безъ оборонительнаго вооруженія, въ варварскомъ костюмѣ, какъ и всѣ остальные) поражаетъ копьемъ, которое держитъ въ обѣихъ рукахъ, ставшаго на заднія лапы и идущаго на него медвѣдя. Во второмъ такой же всадникъ вправо копьемъ въ правой рукѣ поражаетъ бѣгущаго передъ нимъ оленя. Въ третьемъ всадникъ влѣво обѣими руками вонзаетъ копье въ грудь бѣгущему на него звѣрю, котораго Толстой и Кондаковъ называютъ волкомъ, но который можетъ быть только ка-

баномъ (такова его поза, структура тѣла; рисунокъ Стефанскаго, несомнѣнно, интерполированъ).

Роспись задней стѣны.

IV. На задней, противоположной входу стѣнѣ въ верхнемъ ряду мы имѣемъ двѣ сцены (см. табл. LXXXIX, 2).

1) Налѣво изображена сцена такъ называемой загробной трапезы: на ложѣ покоится мужчина, передъ нимъ круглый столъ и скамейка; у ногъ его сидитъ на спинкѣ ложа небольшая женская фигура capite velato. Сзади ложа обычный прислужникъ; передъ нимъ обычная женщина въ креслѣ, сзади которой служанка съ круглой туалетной пиксидой.

2) Направо—повтореніе первой изъ вышеописанныхъ сценъ входной стѣны: сидящая вправо женщина capite velato, передъ ней другая, протягивающая къ ней правую руку, и сзади Гермесъ того же вида, что и на правой картинѣ, но безъ кадуцея, и съ плащемъ, развѣвающимся за плечами.

3, 4) Въ нижнемъ ряду опять двѣ сцены охоты. Всадникъ, скачущій вправо и поражающій стрѣлой ставшаго передъ нимъ на дыбы грифона, и всадникъ, скачущій влѣво и поражающій копьемъ, которое держитъ обѣими руками, какого-то звѣря, опредѣлить породу котораго я не берусь (по его позѣ—поднялся на заднія ноги—это несомнѣнно хищникъ, можетъ быть, пантера; рисунокъ, очевидно, интерполированъ).

Роспись плафона первой комнаты.

V. Плафонъ описываемой первой комнаты (см. табл. LXXXVII, 1) усѣянъ, какъ въ гробницѣ 1873 г. и Стасовской, лепестками и листьями розы. Если вѣрить рисунку Стефанскаго, то придется признать, что еще ближе, чѣмъ къ гробницѣ 1873 г., нашъ плафонъ подходитъ къ склепу Зайцевой. Общей особенностью обѣихъ гробницъ было бы раздѣленіе листьевъ розы отъ ея лепестковъ съ одной стороны и симметричное распланированіе плафона съ другой, т. е. помѣщеніе посрединѣ изображенія летящаго гуся или лебедя, по обѣ его стороны по обычной кольчатой гирляндѣ-мѣшку, свернутой въ видѣ вѣнка, и, наконецъ, помѣщеніе симметрично къ центру четырехъ птичекъ: двухъ побольше и двухъ поменьше.

Но я не рѣшился бы строить на этой симметріи рисунка какое-либо заключеніе. Рисунокъ явно неточенъ и симметрія могла быть внесена рисовальщикомъ. Элементы же декораціи—какъ разъ тѣ, что и въ гробницѣ 1873 г.: цвѣты, гирлянды-мѣшки, птицы сидящія и летящія. Гусь въ самомъ центрѣ потолка мнѣ также очень подозрителенъ.

Не рѣшился бы я строить какихъ-либо заключеній и на томъ, что на рисункахъ Стефанскаго не разбросаны на стѣнахъ цвѣты и лепестки розы. Интерполировавшій рисовальщикъ, который хотѣлъ дать рядъ полностью сохранившихся и ясныхъ картинъ, могъ сознательно опустить эту особенность.

Общая характеристика росписи первой комнаты.

Суммируя предварительно описаніе росписи первой погребальной комнаты, мы можемъ теперь же выдѣлить одну характерную особенность. Картины верхняго ряда всѣ носятъ либо миѳологическій, либо культовой характеръ: это—либо сцены трапезы съ аксессуарами, либо сцены миѳологическія. Картины нижняго ряда: погребеніе, охоты и бой, хотя и обычны въ живописномъ убранствѣ гробницъ, но разнятся отъ картинъ верхняго ряда подчеркнутымъ реалистческимъ и бытовымъ характеромъ.

Общая схема росписи второй комнаты.

В. Роспись *второй комнаты* склепа во многомъ разнится отъ росписи первой комнаты.

Общая схема та-же: красный цоколь, затѣмъ стѣна, раздѣленная горизонтально на два регистра, вертикально—іонійскими колоннами—на рядъ интерколюмніевъ; наконецъ, по верху стѣны карнизъ, въ этой комнатѣ болѣе сложный; подъ вали-

комъ съ овами идетъ еще узкій фризъ или полоска киматія. Но есть и особенности: на всѣхъ стѣнахъ, кромѣ задней и двухъ нижнихъ интерколюмніевъ передней, нижній рядъ занятъ не фигурными сюжетами, а изображенъ обложеннымъ разноцвѣтными мраморными плитами, инкрустированными ромбами и кругами краснаго, зеленаго и синяго цвѣтовъ, т. е. совершенно та-же схема, что и въ Стасовской гробницѣ и въ склепѣ 1875 г., гдѣ нижняя часть стѣны заполнена декоровкой этого типа, люнетки—фигурными сюжетами. Разница, однако, въ томъ, что только на входной стѣнѣ іонійскія колонки поддерживаютъ не верхній карнизъ, а раздѣляющую два ряда полосу, т. е. только одна входная стѣна повторяетъ схему Стасовской гробницы и склепа 1875 г., остальныя стѣны, какъ и въ первой комнатѣ, сверху до низу расчленены колоннами, стоящими на цоколѣ и поддерживающими карнизъ: на боковыхъ стѣнахъ ихъ по двѣ въ серединѣ и по двѣ по угламъ (не полныя), на задней—три посрединѣ и по угламъ.

Приближеніе росписи передней стѣны склепа къ типу росписи Стасовской гробницы вызвано, очевидно, тѣмъ уже отмѣченнымъ фактомъ, что въ верхней части этой стѣны, по обѣ стороны входа, помѣщены двѣ ниши.

Фигурныя изображенія въ этой комнатѣ, какъ кажется, еще болѣе интерполированы, чѣмъ въ первой: очевидно, что роспись этой комнаты сохранилась хуже, чѣмъ роспись первой камеры, вѣроятно, главной. Прежде всего мы должны помнить и при описаніи этой комнаты, т. е. при выдѣленіи достовѣрнаго отъ недостовѣрнаго, что роспись керченскихъ склеповъ, какъ показалъ анализъ ряда уже разсмотрѣнныхъ гробницъ, цѣпко держится традиціи и въ существѣ повторяетъ рядъ мотивовъ, укрѣпившихся въ надгробной живописи и скульптурѣ того времени. Въ живописи первой комнаты въ верхнемъ ряду мы не встрѣтили почти ни одного незнакомаго намъ сюжета: вездѣ либо сцены миѳологическія, либо сцены связанныя со сценой такъ называемой загробной трапезы. Нѣсколько бóльшую гибкость мы видѣли въ нижнемъ ряду; но какъ будетъ выяснено ниже, и здѣсь всѣ сюжеты традиціонны и постоянно встрѣчаются въ греческомъ, главнымъ образомъ, іонійскомъ искусствѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній перехожу къ описанію отдѣльныхъ сценъ на стѣнахъ второй комнаты.

Роспись входной стѣны.

I. На входной стѣнѣ мы имѣемъ изображенія и вверху и внизу (табл. XC, 1).

1) Вверху, направо отъ двери, стоитъ низкій канделябръ съ горящей лампой на немъ и далѣе вправо за нишей обычная фигура прислужника влѣво, держащаго въ правой вытянутой рукѣ кувшинъ.

2) Тамъ же, налѣво отъ двери, такая же фигура прислужника, несущаго полотенце, переброшенное черезъ правую руку, и въ лѣвой, можетъ быть, мягкій кожаный лекиѳъ. За это толкованіе предметовъ, изображенныхъ Стефанскимъ, я, впрочемъ, отнюдь не ручаюсь.

Вполнѣ возможна слѣдующая группа, налѣво за нишей. Изображенъ нагой бестіарій вправо, поражающій трезубцемъ пантеру или тигра, на него наскакивающаго. Съ этимъ изображеніемъ можно сравнить деревянный ажурный рельефъ фриза саркофага, найденнаго въ склепѣ 1905 г. на землѣ Фельдштейна [1]). И тамъ мы имѣемъ нагого бестіарія, поражающаго трезубцемъ льва. На близкомъ къ этому саркофагу саркофагѣ изъ гробницы въ саду Золотарева мы находимъ ту же сцену въ томъ же декоративномъ примѣненіи. Вмѣсто льва здѣсь, можетъ быть, изобра-

[1]) См. Watzinger, Griech. Holzsark., 52, № 33, рис. 110.

женъ медвѣдь [1]). Эти параллели доказываютъ, что фигура бестіарія такъ же принадлежитъ къ изображеніямъ изъ цикла погребальнаго искусства, какъ и другія вышеразобранныя.

3) Въ нижнемъ ярусѣ той же стѣны по обѣ стороны отъ входа изображена пара сражающихся гладіаторовъ, по одному справа и слѣва отъ двери. Одѣты и вооружены оба гладіатора одинаково. На тѣлѣ надѣтъ только subligaculum, перевязь на чреслахъ, синяго цвѣта; на ногахъ только fasciae; нѣтъ ни панцыря, ни поножей (ocreae). Въ одной рукѣ у обоихъ короткій, можетъ быть, нѣсколько кривой мечъ, въ другой небольшой прямоугольный щитъ, вѣроятно, не изъ металла, а изъ дерева; щитъ охваченъ розовой полосой, посрединѣ umbo въ видѣ ромба. На головѣ высокій остроконечный коническій шлемъ синяго цвѣта. Не надо удивляться тому, что правый гладіаторъ держитъ щитъ въ правой рукѣ, мечъ въ лѣвой. Объясняется это тѣмъ, что живописецъ, расписывавшій нашъ склепъ, желая сопоставить двѣ одинаковыя фигуры, смотрящія въ разныя стороны, не сумѣлъ соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить положеніе оружія въ рукахъ у гладіатора, обращеннаго влѣво. То же явленіе мы увидимъ въ двухъ другихъ парахъ гладіаторовъ той же гробницы.

Фигуры гладіаторовъ зарисованы, по всей вѣроятности, правильно. Ихъ вооруженіе даетъ типичныя особенности такъ называемаго легкаго гладіаторскаго оружія: шлемъ, легкій щитъ, короткій мечъ, subligaculum, fasciae.

Труднѣе опредѣлить принадлежность изображенныхъ гладіаторовъ къ опредѣленному классу бойцовъ. Наиболѣе близко стоятъ они къ изображеніямъ одного изъ наиболѣе спорныхъ родовъ гладіаторскаго вооруженія—къ murmillones [2]). Разнятъ нашихъ бойцовъ отъ двухъ хорошо засвидѣтельствованныхъ изображеній мурмиллоновъ только формы щита и шлема. Но на двухъ другихъ парахъ гладіаторовъ нашей гробницы (см. ниже) форма шлема мѣняется: коническій шлемъ замѣняется обыкновеннымъ легкимъ металлическимъ шлемомъ, встрѣчающимся и на изображеніяхъ мурмиллоновъ. Если только Стефанскій правильно зарисовалъ форму шлемовъ нашей пары, то придется признать, что передъ нами разновидность мурмиллоновъ, принявшая характерную для Боспора форму коническихъ шлемовъ (выше стр. 338 сл.).

Появленіе изображенія сражающихся гладіаторовъ въ росписи гробницы не должно насъ удивлять. Извѣстно, что въ эпоху имперіи гладіаторскія игры въ полной мѣрѣ восприняты были и Востокомъ, причемъ рядъ упоминаній о нихъ мы имѣемъ и на понтійскомъ побережьи Чернаго моря и, особенно часто, на ѳракійскомъ [3]). Ѳракія, какъ извѣстно, съ большимъ увлеченіемъ культивировала

---

1) Watzinger, l. l., 50, № 32, рис. 102. Бестіарій здѣсь сохранился полностью. Звѣря, по рисунку Гросса, можно было бы принять и за льва.

2) См. Lafaye y Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., II, 1587 сл., рис. 3585, 3586. Обозначеніе рода оружія содержится въ надписи второго изъ этихъ памятниковъ—надгробнаго рельефа, найденнаго въ Адріанополѣ и нынѣ находящагося въ Имп. Эрмитажѣ. См. Кизерицкій, Имп. Эрмитажъ. Музей древней скульптуры, № 90к. Къ сожалѣнію, рельефъ настолько сбитъ, что установить детали костюма и вооруженія невозможно. Весьма вѣроятно, что въ правой рукѣ его не мечъ, а палка. Мурмиллоны изображены, вѣроятно, и на рельефѣ, въ одномъ изъ бойцовъ котораго узнали упоминаемаго въ литературѣ димахера. Два типичныхъ для мурмиллоновъ меча въ рукахъ одного гладіатора объясняются, на мой взглядъ, тѣмъ, что гладіаторъ-побѣдитель захватилъ наступательное оружіе побѣжденнаго. Послѣднее воспроизведеніе памятника—F. Cumont, Catalogue d. sculptures etc. des Musées du Cinquantenaire, N. 80, стр. 102 слл.

3) См. F. Cumont, Gladiateurs et acteurs dans le Pont, Hirschfeld's Festschrift (Berlin 1903) 270 сл.; ср. Studia Pontica, III, стр. 7, № 2.

гладіаторскіе бои. Характерно, что изъ двухъ изображеній мурмиллоновъ одно найдено на остр. Өасосѣ, другое въ Адріанополѣ [1]); характерно также, что мурмиллоны обыкновенно являются противниками гладіаторовъ-өракійцевъ [2]). Возможно, что мурмиллоны ведутъ свое происхожденіе не отъ кельтовъ Галліи, а отъ кельтовъ Дунайскихъ [3]). Вполнѣ возможно, что вмѣстѣ съ өракійской династіей и съ өракійской аристократіей, өракійской одеждой и өракійскимъ вооруженіемъ царей пришли на Боспоръ уже въ I в. по Р. Хр. и гладіаторскія игры [4]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ на стѣнахъ нашей гробницы либо воспоминанія о погребальныхъ играхъ, либо, что вѣроятнѣе, встрѣчаемое часто на надгробныхъ памятникахъ и читаемое на надгробныхъ надписяхъ воспоминаніе о данныхъ погребеннымъ большихъ гладіаторскихъ играхъ, можетъ быть, однѣхъ изъ первыхъ въ столицѣ Боспорскаго царства. Это вполнѣ подходило бы къ политикѣ өракійскихъ царей Боспора, вѣрныхъ вассаловъ Рима, воспринявшихъ, чтобы подчеркнуть эту лояльность, чуждыя Востоку и спеціально полу-иранскому Боспору кровавыя зрѣлища Запада [5]). Художественнымъ образцомъ для нашего мастера, вѣроятно, были надгробныя стелы гладіаторовъ, на которыхъ постоянно изображались они сами въ типичномъ для нихъ вооруженіи. Ближайшимъ образцомъ могла послужить стела какого-нибудь погибшаго въ Пантикапеѣ привезеннаго изъ Өракіи мурмиллона.

Роспись лѣвой боковой стѣны.

II. На сосѣдней, вѣроятно, лѣвой стѣнѣ отъ входа мы имѣемъ три сцены въ трехъ интерколюмніяхъ сверху (низъ мраморированъ) (табл. XC, 2).

1.2) Двѣ изъ этихъ сценъ вполнѣ обычны и на стелахъ. Первая даетъ обычное соединеніе сидящей женщины съ прислужницей (держитъ туалетную пиксиду) и спутницей и стоящаго мужчины въ обычномъ боспорскомъ костюмѣ, сзади котораго изображенъ прислужникъ, держащій въ правой рукѣ кувшинъ и на плечѣ полотенце. Обозначаетъ ли корзина или сосудъ между этими двумя группами жертвенный столъ или неправильно понятый щитъ мужчины, или, наконецъ, туалетный калаөъ женщины, какъ иногда на малоазійскихъ стелахъ, я рѣшить не берусь. Во всякомъ случаѣ сцена наша воспроизводитъ сцену типа Kieseritzky-Watzinger, 232 слл., ср. особенно 269 сл.

Дублетомъ этой сцены является картина второго интерколюмнія. И здѣсь изображены сидящая женщина съ прислужницей и стоящій мужчина со слугой противъ нея. Поза мужчины съ невозможной палкой въ рукѣ, нужной Ашику для его нелѣпаго объясненія, напоминаетъ позу юношей, облокотившихся на пилястръ; фигуры такихъ юношей постоянно встрѣчаются вмѣстѣ съ сидящими женщинами.

На это повтореніе почти буквально одной и той же сцены въ двухъ сосѣднихъ поляхъ я обращаю особое вниманіе: передъ нами, несомнѣнно, повтореніе однихъ и тѣхъ же шаблоновъ, главнымъ образомъ, шаблоновъ надгробныхъ стелъ.

---

1) См. Cagnat, Inscr. gr. ad res Rom. pert. I, 480, 1504 (Өасосъ); 773 (Адріанополь; одно изъ упомянутыхъ выше изображеній мурмиллона, нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ, см. выше).

2) См. Lafaye, l. l.

3) Объ этомъ вопросѣ см. Lafaye l. l. Не объясняется ли этимъ и ихъ смѣшеніе съ cruppellarii—гладіаторами-катафрактаріями (ср. выше стр. 338, 1 и Lafaye, l. l.).

4) Такое же проникновеніе гладіаторскихъ игръ мы должны предположить и для Понта, ср. Cumont, Hirschfelds Festschrift, 272.

5) Вполнѣ возможно было бы идти и дальше и поставить въ связь съ гладіаторскими играми постепенно прививавшійся и въ Пантикапеѣ культъ римскихъ императоровъ. Связь гладіаторскихъ игръ съ культомъ императоровъ установлена для М. Азіи Ramsay, Cities and bishoprics of Phrygia, I, 76; Cumont, l. l., 271 сл.

Необходимость заполнить всѣ интерколюмніи фигурными изображеніями заставляла мастера, въ распоряженіи котораго имѣлся только ограниченный запасъ шаблонныхъ сценъ, повторять эти сцены съ самыми незначительными варіаціями. Своего, новаго, мастеръ выдумать никакъ не могъ, можетъ быть, связанный и желаніями заказчика.

3) Третій интерколюмній на разбираемой стѣнѣ заполненъ изображеніемъ двухъ сражающихся гладіаторовъ. Онъ примыкалъ, вѣроятно, къ входной стѣнѣ такъ же, какъ и третій интерколюмній правой отъ входа стѣны, гдѣ также изображены два сражающихся гладіатора. Такимъ образомъ вся передняя часть комнаты была заполнена сценами изъ какихъ-то большихъ гладіаторскихъ игръ: изображены три пары гладіаторовъ, съ которыми въ несомнѣнной связи стоитъ и изображеніе бестіарія на входной стѣнѣ. Къ этому же циклу, можетъ быть, принадлежитъ и одиночный гладіаторъ-ретіарій во второмъ интерколюмніи правой стѣны, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Гладіаторы описываемаго интерколюмнія изображены, какъ было уже указано выше, совершенно такъ же, какъ и гладіаторы по обѣ стороны входа. Разнятся они отъ нихъ только формою шлема.

Роспись правой боковой стѣны.

III. 1) Объ одной изъ сценъ правой для входящаго стѣны второй комнаты (табл. XCI, 1) была уже рѣчь выше. Это—повтореніе сцены боя двухъ гладіаторовъ противолежащаго интерколюмнія лѣвой стѣны.

2) Менѣе понятно изображеніе въ среднемъ интерколюмніи: представленъ нагой юноша въ шлемѣ, одѣтый только въ subligaculum, безъ fasciae на ногахъ. Въ обѣихъ рукахъ онъ держитъ, балансируя, фигурный, очень вычурный, весьма мало вѣроятный трезубецъ. Само по себѣ изображеніе ретіарія въ связи съ мурмиллонами вполнѣ возможно и вѣроятно. Но, принимая во вниманіе, что обѣ сцены vis-à-vis на лѣвой стѣнѣ рядомъ съ изображеніемъ сражающихся гладіаторовъ входятъ въ серію совсѣмъ иныхъ изображеній, тѣсно связанныхъ съ изображеніями надгробныхъ стелъ и съ представленіями о загробной жизни, и что сосѣдняя сцена налѣво, какъ мы увидимъ сейчасъ, не имѣетъ ничего общаго съ гладіаторами, мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что и изображеніе второго интерколюмнія Стефанскимъ интерполировано. Что здѣсь было изображено на самомъ дѣлѣ, я не знаю. Возможно, что здѣсь находилось плохо сохранившееся обычное изображеніе спокойно стоящаго вооруженнаго боспорца (см. Kieseritzky-Watzinger, № 450) или воина въ актѣ нападенія, какъ на стелѣ тавра, Kieseritzky-Watzinger, № 442 (ср. выше, табл. LXXXV, 1) или на стелѣ № 449. Типъ этотъ на аттическихъ надгробныхъ стелахъ обыченъ. Впрочемъ, на этомъ объясненіи я отнюдь не настаиваю.

3 Несомнѣнно интерполировано изображеніе въ третьемъ интерколюмніи правой стѣны. Ашикъ интерпретировалъ зарисованныя Стефанскимъ двѣ фигуры, какъ изображеніе раненаго гладіатора, но съ этимъ не вяжется ни поза вооруженнаго юноши, ни странный сквозной щитъ направо, ни столъ-треножникъ налѣво.

Всѣ эти особенности сцены находятъ себѣ простое и исчерпывающее объясненіе, если предположить, что изображенъ обычный юноша пантикапейскихъ стелъ впрямь съ головою вправо, облокотившійся локтемъ правой руки на столбикъ, около котораго съ одной стороны стоитъ прислоненный къ стѣнѣ щитъ, съ другой, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, слуга. Такія стелы встрѣчаются въ Керчи десятками, см. K.-W., 454, 455, 514, 529, 693, 718, 725 и др. Не невозможнымъ въ такой сценѣ мнѣ представляется и обычный въ сценахъ трапезы и сидящей женщины столъ на трехъ ножкахъ.

При такомъ объясненіи сцена третьяго интерколюмнія правой стѣны тѣсно примкнетъ какъ къ противолежащимъ сценамъ лѣвой стѣны, такъ и къ сценамъ задней стѣны.

Роспись задней стѣны.

IV. Всѣ четыре верхнихъ и четыре нижнихъ поля интерколюмніевъ задней стѣны заняты знакомыми намъ по надгробнымъ стеламъ сценами (табл. XCI, 2).

1) Два всадника одинъ противъ другого; одинъ, вѣроятно, господинъ, другой слуга. Изображены ли были лошади дѣйствительно вскачь и всадники сражающимися, какъ представляетъ себѣ это Ашикъ, весьма сомнительно. Аналогій на стелахъ имѣется много, но вездѣ всадники спокойно стоятъ одинъ противъ другого, см. K.-W., 639 и 680 слл. Что одинъ изъ всадниковъ имѣетъ на себѣ панцырь и шлемъ, а другой—нѣтъ, это, какъ мы уже видѣли, возможно и даже обычно. Изображеніе лошадей не цѣликомъ также обычно на стелахъ, главнымъ образомъ, тѣхъ, гдѣ слуга стоитъ сзади, а не противъ господина.

2) Вполнѣ обычны также и двѣ сидящія одна противъ другой на креслахъ женщины съ стоящими сзади каждой изъ нихъ женщинами меньшаго размѣра, см. K.-W., 273 слл.

3) Третья сцена, очевидно, изображаетъ обычную сцену выѣзда всадника, десятки разъ встрѣчающуюся на стелахъ и хорошо намъ знакомую по нашимъ гробницамъ. Скачущая лошадь всадника здѣсь, несомнѣнно, интерполяція.

4) Вполнѣ возможна и сцена жертвоприношенія у алтаря. Напомню пока только жертвоприношеніе въ гробницѣ 1891 г.

5—8) Наконецъ, не внушаютъ сомнѣнія и 8 женскихъ фигуръ capitibus velatis вправо въ двухъ интерколюмніяхъ нижняго регистра налѣво и 8 мужскихъ фигуръ вправо въ двухъ остальныхъ интерколюмніяхъ того же нижняго ряда.

Плафонъ второй комнаты.

V. Плафонъ нашей комнаты отличается отъ плафона первой только тѣмъ, что двѣ изъ птицъ, окружающихъ летящаго гуся (?),—павлины и что отсутствуютъ гирлянды-мѣшки, завитые въ вѣнки (табл. LXXXVII, 2).

Общая композиція фигурной части.

Если мы теперь посмотримъ на декоровку всей нашей комнаты въ цѣломъ, за исключеніемъ сценъ гладіаторскаго боя, то увидимъ, что она сплошь составлена изъ фигуръ и сценъ, которыми украшались надгробныя стелы боспорскаго царства. Въ этомъ отношеніи ближайшую аналогію росписи нашей комнаты и вообще всей гробницы, а также и въ отношеніи общей распланировки всей декоровки, даетъ не разъ уже упомянутый издаваемый ниже керченскій саркофагъ, гдѣ мы имѣемъ въ отдѣльныхъ интерколюмніяхъ и сцену трапезы, и стоящаго у колонки юношу съ лошадью, и двухъ всадниковъ другъ противъ друга, и сидящую женщину съ прислужницами, и сцену надгробной музыки, и надгробно-жанровую сцену писанія портрета, и цвѣточный плафонъ съ павлиномъ.

Въ этомъ отношеніи композиція росписи первой комнаты мало чѣмъ отличается отъ композиціи второй. Мы видимъ то же соединеніе шаблонныхъ сценъ надгробныхъ стелъ съ болѣе реалистическими изображеніями изъ того же цикла: въ первой комнатѣ сцены погребенія, боя и охоты, во второй—сцены гладіаторскихъ боевъ. Разнитъ вторую комнату отъ первой только полное отсутствіе во второй миѳологическихъ сюжетовъ. Связь съ надгробными стелами разительна. Даже распредѣленіе на два поля, одно надъ другимъ, обычно въ надгробныхъ стелахъ боспорскаго типа. Но богатство и разнообразіе примѣненныхъ шаблоновъ въ нашей гробницѣ является единственнымъ въ своемъ родѣ, и поэтому позволительно спросить, гдѣ мы найдемъ ближайшія къ этому аналогіи.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ этому главному вопросу, мы должны выяснить связь между собою отдѣльныхъ картинъ или серій картинъ первой комнаты и значеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя мы оставили не объясненными.

Миѳологическія картины. Миѳъ Деметры.

Вся сторона гробницы направо отъ входа, отъ входной двери до двери во вторую комнату занята серіей миѳологическихъ картинъ, изъ которыхъ три среднія на правой боковой стѣнѣ относятся, какъ это видно на первый взглядъ, къ миѳу Деметры и Персефоны, а двѣ крайнія повторяютъ съ нѣкоторыми модификаціями одну и ту же сцену изъ трехъ фигуръ.

Первая картина давно уже извѣстна и оцѣнена (см. Foerster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, 229 слл. и табл. I). Несомнѣнно, какъ я уже сказалъ выше, что изображены здѣсь, или, лучше, намѣчены три главныя сцены миѳа: ἀνθολογία—двумя испуганными спутницами (см. выше) Персефоны (толкованіе, какъ похищеніе, я считаю невозможнымъ), ἁρπαγή—изображеніемъ увоза Плутономъ Персефоны въ простѣйшемъ видѣ и канонической формѣ безъ всякихъ дополнительныхъ фигуръ и, наконецъ, съ одной стороны πλάνη—фигурой Деметры съ факеломъ [1]), съ другой—результатъ этой πλάνη, согласно орфической версіи миѳа, сокращеннымъ изображеніемъ стада свиней Евбулея. На послѣднемъ моментѣ, какъ не выясненномъ еще при разборѣ склепа 1873 г., я долженъ остановиться здѣсь на нѣкоторое время. Кромѣ имѣющихся у Ферстера и имъ разобранныхъ изображеній, я знаю изображеніе свиньи въ сценѣ πλάνη Деметры только въ нашей, извѣстной и Ферстеру, гробницѣ и въ гробницѣ 1873 г., оставшейся ему еще неизвѣстною (см. выше стр. 237). Наконецъ, та же свинья появляется и на одной каленской чашкѣ (см. Pagenstecher, Die calenische Reliefkeramik, 74, № 114, рис. 34), передъ выѣзжающей Деметрой.

Свинью въ исторіи нахожденія Персефоны Деметрой знаетъ только орфическая версія миѳа. Согласно этой версіи, свидѣтелями похищенія Коры были сыновья Дисавла—Евбулей и Триптолемъ, пасшіе по близости свои стада свиней. Эти стада, при нисхожденіи Коры, похищенной Плутономъ, провалились вмѣстѣ съ богиней въ преисподнюю. См. Clem. Al., Protr., § 17 (ed. Stählin): βούλει καὶ τὰ Φερεφάττης ἀνθολόγια διηγήσωμαί σοι καὶ τὸν κάλαθον καὶ τὴν ἁρπαγὴν τὴν ὑπὸ Ἀιδωνέως καὶ τὸ χάσμα τῆς γῆς καὶ τὰς ὗς τὰς Εὐβουλέως τὰς συγκαταποθείσας ταῖν θεαῖν..., ср. схолію къ Лукіану, Rhode, Kl. Schr., II, 355 слл.; Lobeck, Aglaoph. 829. Отъ Евбулея, можетъ быть, Деметра узнала о провалившихся свиньяхъ, а, увидавъ свиней около χάσμα γῆς, узнала и какъ проникнуть къ дочери. Такой ходъ дѣла по орфической версіи заставляетъ предположить свидѣтельство Овидія, Fast. IV 465 (ср. Foerster, l.l. 45), согласно которому Деметра узнала о мѣстопребываніи дочери отъ Евбулея и Триптолема; подтверждаютъ это толкованіе обрывки изъ пересказа орфической версіи, сохранившіеся на папирусѣ и изданные Бюхелеромъ и Дильсомъ (см. Berl. Klassikertexte, V, 1, Pap. 44, стр. 7 слл., ср. Diels, Fragm. der Vorsokratiker, II, 478, 15a): здѣсь сначала (col. 3, 6 слл.) говорится объ исчезновеніи съ похитителемъ черныхъ свиней и разсказывается что-то объ одной свиньѣ, можетъ быть, оставшейся на землѣ. Затѣмъ Деметра (col. 7, 15) въ разговорѣ съ Келеемъ упоминаетъ—εἶ[δεν] τὰ[ς μ]ελαίνα[ς]. Какъ, однако, ни толковать всѣ эти довольно темныя свидѣтельства, ясно одно, что передъ нами въ нашихъ гробницахъ иллюстрація къ орфической версіи: изображена Деметра при ея нисхожденіи за дочерью черезъ χάσμα или σχίσμα γῆς, указанное ей свиньею.

---

[1]) См. Apoll. I, 5; Ovid., Fast., IV, 417—629, ср. Foerster, l. l., 56.

Картины, изображающія приводъ и уводъ умершей.

Такимъ образомъ, всѣ три сцены на правой боковой стѣнѣ посвящены миѳу о Персефонѣ; между тѣмъ, двѣ примыкающія къ нимъ картины на входной и задней стѣнахъ, несомнѣнно, связаны съ этими тремя сценами и по композиціи, и по содержанію. Миѳологическое ихъ значеніе опредѣленно подчеркнуто фигурой Гермеса.

Дать ключъ къ пониманію этихъ сценъ могутъ лучше всего римскіе саркофаги, такъ часто изображающіе миѳъ Деметры и Персефоны въ томъ же подборѣ сценъ, что и наши гробницы. На этихъ саркофагахъ часто встрѣчается на одной изъ короткихъ сторонъ изображеніе увода Гермесомъ Персефоны отъ Плутона (см. Foerster, l. l., 144; 155 сл., 19 (27); 163 сл.; 185; 194; 196; 201); Ферстеръ совершенно правильно даже въ сокращенныхъ изображеніяхъ этого рода отказывается видѣть приводъ Персефоны, а не ея уводъ. Но въ сценѣ увода Плутонъ необходимъ, а его на нашихъ картинахъ нѣтъ; поэтому врядъ ли на нихъ изображенъ этотъ эпизодъ миѳа [1]).

Кромѣ сцены увода Персефоны изъ подземнаго царства, на одномъ или двухъ саркофагахъ, изображающихъ миѳъ Персефоны, имѣются на короткихъ сторонахъ сцены аналогичнаго содержанія, а именно, двѣ сцены привода Алкестиды въ преисподнюю Гермесомъ и ея увода Геракломъ [2]).

Такое толкованіе подходило бы и къ нашимъ двумъ картинамъ—вводной и заключительной, — но препятствіемъ къ этому является отсутствіе Геракла въ заключительной сценѣ.

Поэтому я считаю наиболѣе правильнымъ толкованіе, предложенное мною уже раньше въ Сборникѣ статей, подн. гр. А. А. Бобринскому, стр. 150 сл. (33).

Изображенія всѣхъ миѳологическихъ сценъ увода изъ преисподней имѣютъ, конечно, символическое значеніе: они должны свидѣтельствовать о безсмертіи души, согласно орфическимъ представленіямъ. Это опредѣленно выражено въ извѣстной гробницѣ Вибіи на Аппіевой дорогѣ, гдѣ рядомъ съ другими изображеніями, и спеціально изображеніемъ похищенія Вибіи, какъ Персефоны (см. мою только что указанную статью, стр. 124), мы имѣемъ картину, изображающую приводъ Вибіи Mercurius nuntius и Alcestis къ трону Dispater и Aeracura (см. Maass, Orpheus 219 и табл. II) [3]).

Ту же картину привода умершей въ Аидъ и увода ея оттуда все тѣмъ же Гермесомъ имѣемъ мы, по моему мнѣнію, и въ нашей гробницѣ. При этомъ отдѣльныя фигуры нашихъ сценъ можно было бы толковать двояко. Во-первыхъ, можно было бы видѣть въ стоящей фигурѣ съ непокрытой головой тѣнь, а въ сидящей—царицу подземнаго царства Персефону. Въ такомъ случаѣ первая сцена

[1]) Ср. еще ту же сцену въ гробницѣ Насоніевъ около Рима у Michaelis, *Jahrb. d. Inst.* 1910 (XXV), Beil. 3, VIII и Beil. 5, VIIIa, стр. 104 слл.; въ той же гробницѣ, какъ извѣстно, изображено въ верхнемъ ряду картинъ и похищеніе Персефоны, ibid., Beil. 4, XII.

[2]) Ср. ту-же гробницу Насоніевъ, ibid., Beil. 3, X; тамъ же и сцена привода Гермесомъ Орфею Евридики, ibid., Beil. 3, V и 5, Va; изъ этого видно, что сцены подобнаго характера были столь же популярны въ гробничной живописи, какъ и сцены различныхъ похищеній. См. Michaelis, l. l., 107 сл., ср. Malten, *Arch. für Religionsw.* XII, 309; Fredrich, Sarkophagst., *Gött. gel. Nachr.* 1895, 84. О провинціальныхъ надгробныхъ памятникахъ съ тѣми же сюжетами см. Heckler, *Jahresh. d. oest. arch. Inst.*, XV (1913), 180, рис. 118 (Орфей и Евридика); 182, рис. 120 (Гераклъ и Алкестида); 184, рис. 123 (похищеніе Коры); ср. 185, прим. 16.

[3]) См. Garrucci, St. d. arte cr. VI, 171, tav. 493; Tre sepolcri etc., Napoli 1852, табл. 1; Foerster, l. l., 231 сл.; Maass, Orpheus, München 1895, къ стр. 218; Wendland, Die hellenistisch-römische Kultur, 2 изд., Tübingen 1912, 426 сл. Новые снимки даетъ Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. 132, 133.

изображала бы приводъ тѣни Гермесомъ въ преисподнюю и пріобщеніе ея смерти Персефоной, вторая — уводъ тѣни Гермесомъ въ присутствіи Персефоны. Если желательно миѳологическое имя, то тѣнь можно было бы назвать Алкестидой, Евридикой и т. под. Или, во-вторыхъ, можно было бы толковать сидящую фигуру, какъ тѣнь, а стоящую—какъ женскій коррелятъ Гермеса, причемъ въ первой сценѣ эта фигура изображена встрѣчающею тѣнь, а во второй—дающею ею разрѣшеніе уйти (подобный жестъ часто дѣлаетъ Плутонъ въ сценахъ увода Персефоны).

Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ затрудненіемъ было бы то, что одна изъ фигуръ изображена съ непокрытой головой, что необычно (см. Altmann, Die römischen Grabaltäre, 225). Возможно, что въ данномъ случаѣ передъ нами ошибка рисовальщика, хотя я и не считаю обѣ сцены въ существѣ интерполированными, такъ какъ Ашикъ смысла сценъ не понялъ и ихъ не толкуетъ. Искажены только аттрибуты Гермеса.

При предложенномъ толкованіи мы получаемъ законченный циклъ миѳологическихъ картинъ, такой же циклъ, какъ на рядѣ саркофаговъ II — III в. по Р. Хр. Отъ изображеній того же характера во многихъ изъ описанныхъ нами уже выше гробницъ нашъ циклъ отличается бóльшей полнотою, цѣльностью и законченностью. Совпаденіе нашего цикла съ цикломъ саркофаговъ очень характерно, потому что указываетъ намъ на какой-то общій источникъ для Рима и Пантикапея, источникъ, во всякомъ случаѣ, не находящійся въ предѣлахъ западнаго эллинизма и тѣсно связанный съ широкимъ распространеніемъ орфическихъ идей о загробной жизни въ эпоху римской имперіи какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Распространенность монетъ съ изображеніемъ миѳа Деметры въ М. Азіи въ императорскую эпоху даетъ, можетъ быть, возможность считать этимъ предполагаемымъ центромъ малоазіатскій эллинизмъ.

Погребальныя картины. Геройскій циклъ.

Иной характеръ носитъ вся правая сторона верхняго регистра комнаты. Я склоненъ былъ бы считать сцены погребальной музыки и зажженія канделябра стоящими въ связи съ изображеніемъ въ нижнемъ ряду погребальной процессіи— это то, что ждало покойника въ гробницѣ, когда кортежъ къ ней приблизится,— но объ этой сценѣ рѣчь будетъ еще ниже. Со сценой рядомъ съ канделябромъ начинается, однако, уже новый рядъ.

Это циклъ изображеній, связанныхъ съ представленіемъ объ умершемъ какъ о героѣ, циклъ шаблонныхъ картинъ, повторявшихся десятки разъ на стелахъ, тотъ же циклъ, которымъ заполненъ весь верхній рядъ сосѣдней второй комнаты. Начинается этотъ циклъ, можетъ быть, обычнымъ изображеніемъ сидящей женщины передъ обычнымъ столомъ, рядомъ съ которымъ стоитъ мужчина. Но возможно и то, что здѣсь изображается нѣчто связанное съ погребеніемъ, аналогичное музыкѣ и зажженію канделябра: приготовленіе стола въ самой гробницѣ (о столѣ въ гробницахъ см. выше, стр. 59 сл.) для покойника; аналогію этому мы найдемъ ниже въ ликійскихъ памятникахъ IV в. до Р. Хр. Помѣщеніе послѣ этой группы дерева дѣлаетъ предложенное толкованіе еще болѣе вѣроятнымъ.

Во всякомъ случаѣ, рядъ шаблонныхъ погребальныхъ картинъ начинается съ изображенія обычной сцены лошади и стоящаго мужчины, продолжается изображеніемъ большой загробной трапезы съ рядомъ фигуръ подъ виноградной лозой и заканчивается вторымъ такимъ же, хотя и сокращеннымъ, изображеніемъ на противоположной входу стѣнѣ. Характерно, что въ сосѣдней комнатѣ представлены всѣ остальные виды сценъ изъ области представленій о героизаціи покойника, кромѣ одной только сцены, такъ называемой, загробной трапезы.

Входить въ разсмотрѣніе вопроса объ этихъ представленіяхъ и вообще о героизаціи умершаго, а также въ выясненіе Діонисовскаго элемента въ этихъ представленіяхъ, послѣ всего, что объ этомъ написано, я считаю излишнимъ. Наша гробница не даетъ новаго матеріала для разрѣшенія этого вопроса, такъ какъ рабски повторяетъ старые шаблоны.

Отмѣченное появленіе изображенія сцены такъ называемой загробной трапезы только въ комнатѣ, гдѣ находилась погребальная ниша, и притомъ дважды—въ нишѣ и на стѣнѣ у входа во вторую комнату—очень характерно. Мнѣ думается, что и этимъ подчеркнутъ характеръ первой комнаты, какъ главнаго средоточія культа умершаго.

Сцена погребальной процессіи.

Изображенія нижняго регистра первой комнаты, какъ уже выяснено, держась въ рамкахъ представленій о покойномъ, какъ о героѣ, носятъ опредѣленный реалистическій характеръ. Отвлекаясь отъ сцены боя, о которой уже была рѣчь [1]), остановимся на новой для насъ вполнѣ реалистической сценѣ погребенія.

Я не стану слѣдить за исторіей художественныхъ мотивовъ, связанныхъ съ совершеніемъ различныхъ погребальныхъ обрядовъ и спеціально съ обрядомъ погребенія. На почвѣ Греціи эволюція, какъ извѣстно, начинается съ эгейской культуры, съ знаменитаго саркофага изъ Ἁγία Τριάδα [2]). Всѣмъ извѣстно, какъ часто трактовались различные моменты самого погребенія и обрядовъ, связанныхъ съ культомъ мертвыхъ, въ греческой вазовой живописи, начиная съ древнѣйшихъ періодовъ [3]); спеціально для момента перенесенія или перевезенія покойника матеріалъ сопоставленъ былъ въ послѣднее время K. Müller'омъ въ не разъ упомянутой его работѣ Der Leichenwagen Alexanders d. Gr. Leipzig 1905; ср. матеріалъ въ выше цитированной статьѣ Lecrivain въ словарѣ Daremberg et Saglio.

По подробности трактовки изображенія и торжественности ритуала сцену въ нашей гробницѣ ближе всего напоминаютъ три памятника: ваза—надгробный памятникъ Дипильскаго некрополя, фризъ сидонскаго саркофага такъ называемыхъ плакальщицъ и рельефъ надгробнаго памятника изъ Амитерна.

Послѣдніе два памятника я уже упоминалъ попутно выше. Здѣсь отмѣчу нѣкоторыя интересныя и для нашего памятника черты. Наиболѣе торжественный, наиболѣе помпезный и героически-условный характеръ носитъ изображеніе на саркофагѣ. Передъ погребальной колесницей идетъ плакальщица, ведутъ лошадей, ѣдетъ боевая колесница четверней, сзади опять-таки ведутъ лошадь. Все это живо напоминаетъ намъ ритуалъ погребенія въ Боспорскомъ царствѣ въ IV—III вв. до

---

[1]) Если дѣйствительно на стѣнѣ нашей гробницы имѣется сцена массоваго коннаго боя, то прецедентомъ такового являются памятники, начиная съ знаменитой Александровой мозаики. Съ этой послѣдней и по времени, и по трактовкѣ тѣсно связана великолѣпная сцена массоваго коннаго боя скиѳовъ на только что найденномъ горитѣ изъ не разъ уже упомянутаго кургана Солоха. До этого времени бой, несмотря на попытки, напримѣръ, на памятникѣ Нереидъ, дать впечатлѣніе массы, состоитъ главнымъ образомъ изъ сопоставленія отдѣльныхъ сценъ сраженія двухъ или трехъ воиновъ. Въ обиходъ входитъ мотивъ массоваго боя въ римское время, главнымъ образомъ, на саркофагахъ; см., хотя бы, знаменитый капитолійскій саркофагъ, изданный, напримѣръ, у Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. Sarcophagus (Cahen), 1073, рис. 6113; укажу также на не разъ упомянутую арку Галерія въ Салоникахъ.

[2]) Послѣднія работы о немъ Paribeni въ *Mon. d. Lincei,* XIX; v. Duhn, *Arch. f. Rel.*, XII, 161 слл.; Sitte, *Jahresh. d. oest. Inst.*, XII, 305 слл.

[3]) Наиболѣе полно сопоставленъ относящійся сюда матеріалъ въ очень устарѣвшей и для своего времени далеко не полной статьѣ Funus въ словарѣ Daremberg et Saglio (Lecrivain), ср. P. W., R. E. ст. Begräbniss (Mau); C. Fredrich, Sarkophagstudien (*Gött. gel. Nachr.* 1895), 78, 34. Хорошую сводку матеріала и попытку его классификаціи даетъ и A. della Seta, Religione ed arte figurata, Roma, 1912, см. особ. стр. 108 слл., 158 слл. и рис. 107—111, 176 сл., ср. также 199 сл.

Р. Хр. и подчеркиваетъ спеціально рыцарскій характеръ погребенія знатнаго лица [1]). На реалистическія детали обращено мало вниманія, взято только главное и характерное.

Иного характера рельефъ изъ Амитерна, принадлежащій значительно болѣе позднему времени, хотя, вѣроятно, еще I в. до Р. Хр., т. е. эпохѣ поздняго эллинизма [2]). Въ общей схемѣ и деталяхъ рельефъ почти повторяетъ изображеніе нашей гробницы.

И здѣсь впереди идутъ музыканты: четыре tibicines, два cornicines и одинъ liticen или siticen (всѣ изображенія въ двухъ ярусахъ). Передъ катафалкомъ двѣ praeficae. Самъ катафалкъ изображенъ весьма реалистично: онъ сооруженъ на носилкахъ, которыя несутъ 8 носильщиковъ (изображены всѣ восемь; носильщики по ту сторону отъ зрителя изображены условно-перспективно, т. е. меньшихъ размѣровъ, чѣмъ первый рядъ). Покойникъ лежитъ на ложѣ съ знаками своего ранга; надъ нимъ балдахинъ, покрытый тканымъ золотомъ или украшеннымъ золотыми бляшками ковромъ (см. выше, стр. 62 слл.). Сзади—распредѣленные въ четырехъ полосахъ провожающіе, по большей части женщины.

Ясно, что общая композиція та же, что и въ нашей гробницѣ. Изъ деталей характерно, что музыканты идутъ передъ гробомъ, между тѣмъ какъ на греческихъ вазахъ они изображаются всегда сзади гроба.

Но, если мотивъ одинаковъ, если одинакова и схема, если, такимъ образомъ, въ этихъ пунктахъ мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-то традиціоннымъ, то разница въ трактовкѣ разительна.

Въ италійскомъ памятникѣ мы имѣемъ, несмотря на неумѣлость и провинціализмъ скульптора, живую прекрасно скомпонованную сцену съ рядомъ выхваченныхъ изъ жизни деталей (praeficae, designator, носильщики, нѣкоторые музыканты); передъ нами, несомнѣнно, творческая работа; въ нашей же картинѣ мы встрѣчаемся съ чистымъ шаблономъ, съ ремесленной копіей оригинала, какъ и во всѣхъ остальныхъ сценахъ, съ рядомъ однообразныхъ однотонныхъ фигуръ безъ жизни и безъ движенія. Врядъ ли даже единственная характерная подробность—женщина у изголовья и слуга у ногъ подъ катафалкомъ—соотвѣтствуетъ пантикапейской и только пантикапейской реальности: это тѣ же фигуры, которыя мы встрѣчаемъ на всѣхъ такъ называемыхъ героическихъ рельефахъ сопровождающими главныя фигуры [3]). Передъ нами, явно, конецъ развитія, а не начало новаго, выростающаго изъ традиціонной схемы, какъ, несомнѣнно, въ рельефѣ изъ Амитерна, открывающемъ рядомъ съ другими памятниками того же времени новую страницу—италійско-римскую—въ исторіи эллинистическаго искусства.

Въ этомъ смыслѣ наша картина ближе примыкаетъ къ рельефу на саркофагѣ плакальщицъ, чѣмъ къ болѣе близкому ему по времени, но чуждому по духу рельефу изъ Амитерна.

---

[1]) См. Hamdy-bey и Reinach, Une nécropole royale à Sidon, Paris, 1892, табл. 9; S. Reinach, Rép. de rel. I, 406. Напомню, что въ іонійскомъ искусствѣ, главнымъ образомъ, архаическомъ, сцены погребенія традиціонны, см. памятникъ Гарпій, Smith, Catalogue I, 49, № 86, ср. 87, 88, и кипрскій саркофагъ изъ Амаѳунта, Cesnola, Cyprus, pl. 14.

[2]) См. *Not. d. Sc.* 1879, 145; Hülsen, *Röm. Mitth.* V. (1890), 72; Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., s. v. Funus, II 1392, fig. 3361; Persichetti, *Röm. Mitth.* 1908 (XXIII), 15 слл. и табл. IV (главная публикація); Blümner, Römische Privataltertümer, 492, рис. 76.

[3]) Ср. двѣ сидящія у изголовья мертвеца фигуры въ изображеніи πρόθεσις на рельефѣ, украшавшемъ памятникъ Гатеріевъ, см. *Mon. d. Ist.*, V, табл. VI, ср. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant., II, 1389, fig. 3360.

Я уже говорилъ о томъ, что группы верхней полосы, помѣщенныя по обѣ стороны двери надъ погребальной процессіей, т. е. группу музыкантовъ и группу слуги у канделябра, естественнѣе всего отнести не къ ряду изображеній изъ области героическаго цикла, помѣщенныхъ въ нишѣ и на лѣвой стѣнѣ, а къ самой погребальной процессіи. По существу это, однако, вопросъ праздный, такъ какъ и эти группы шаблонны и существуютъ сами по себѣ какъ шаблонное цѣлое. Для группы двухъ флейтщиковъ и играющаго на ручномъ органѣ это ясно уже изъ сдѣланнаго выше сопоставленія съ саркофагомъ, найденнымъ въ Керчи въ 1900 г. Отмѣчу здѣсь же, что флейтисты и играющіе на киѳарѣ музыканты, особенно первые, характерны для всѣхъ сценъ, изображающихъ отдѣльные акты похоронъ и погребальнаго культа, и притомъ начиная съ саркофага изъ Haghia Triada (см. v. Duhn, *Arch. f. Rel.* XII, 170), продолжая аттическими вазами и этрусскими гробницами и кончая памятниками римскаго времени. Въ росписи гробницъ совершенно самостоятельно выступаютъ музыканты, напримѣръ, во второй гробницѣ Мариссы, гдѣ они одѣты въ костюмъ актеровъ и стоятъ рядомъ съ канделябрами по обѣ стороны главнаго loculus [1]). Эти музыканты живо напоминаютъ извѣстную сцену, написанную на стѣнѣ одной изъ гробницъ Кирены, гдѣ, можетъ быть, изображено театральное состязаніе, хотя рисункамъ, изданнымъ у Pacho, врядъ-ли можно вполнѣ довѣрять (см. Pacho, Voyage dans la Marmarique, la Cyrénaique etc., Paris, 1827, pl. XLIX). Наиболѣе характерно, однако, сравненіе съ одной сценой героона Гёль-баши, точное мѣсто которой, къ сожалѣнію, не извѣстно (см. Benndorf, Das Heroon von Gjöl-baschi, табл. XXVIII, Ostwand, 8 и табл. XVIII, 8). Здѣсь около стола съ сосудомъ изображены два музыканта въ длинныхъ одеждахъ; одинъ играетъ на флейтѣ, другой на киѳарѣ. Объ этомъ, однако, будетъ рѣчь еще ниже [2]).

Группа музыкантовъ.

Шаблонна и сцена подливанія масла въ зажженную лампу. Я не стану распространяться объ обычаѣ зажигать огни при погребеніяхъ [3]). Достаточно вспомнить рядъ найденныхъ въ гробницахъ канделябровъ и лампъ (см. выше стр. 207 о канделябрахъ, найденныхъ на югѣ Россіи) и указать на наблюденія, сдѣланныя хотя бы на югѣ Россіи, изъ которыхъ слѣдуетъ, что лампы въ гробницахъ, несомнѣнно, горѣли, и подолгу [4]). Насъ здѣсь интересуетъ не это, а характерное изображеніе зажженнаго свѣтильника, въ который подливаютъ масло. Шаблонность этого изображенія доказывается извѣстной сценой памятника Гатеріевъ [5]), гдѣ рядомъ съ

Канделябръ и лампа.

---

1) См. J. P. Peters and H. Thiersch, Painted tombs in the Necropolis of Marissa, London 1905, pl. и стр. 87, ср. Thiersch, *Arch. Anz.* 1908, 411, 65. Такіе же зажженные канделябры-факелы, хотя иной формы, изображены стоящими на особыхъ треножникахъ и на пилястрахъ, обрамляющихъ главную нишу первой гробницы. Для датировки важны двѣ амфоры панаѳинейскаго типа, нарисованныя по обѣ стороны loculus главной ниши; объ ихъ времени см. Rostowzew, Hell.-röm. Architekturlandschaft, 133, и табл. къ стр. 126.

2) Ср. также извѣстную гробницу, открытую около Руво и принадлежащую, вѣроятно, еще къ V в. до Р. Хр., гдѣ во главѣ ряда танцующихъ погребальный танецъ идутъ хорегъ и киѳаредъ, см. Weege, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XXIV (1909), 125; R. Pagenstecher, *Röm. Mitth.* XXVII (1912), 104; Raoul-Rochette, Peintures inedites, табл. XV.

3) См. объ этомъ E. Samter, Antike und moderne Totengebräuche, *Neue Jahrb. f. cl. Phil.*, 1905, 34 слл.; Sartori, Feuer und Licht im Totengebrauche, *Zeitschr. des Vereins für Volkskunde,* XVII (1907), 361 слл.; Samter, Geburt, Hochzeit und Tod, Leipzig 1911, 76 слл. и въ выше цитированныхъ словаряхъ; о свѣчахъ въ Васюринскомъ склепѣ см. выше стр. 35.

4) См. выше о Зайцевскомъ склепѣ, стр. 207 слл.; ср., напримѣръ, для Керчи И. И. А. К. 30, стр. 17, № 64; стр. 25; стр. 54, № 176 и чаще; для Ольвіи Фармаковскій, О. И. А. К. за 1907 г., стр. 24; для Херсонеса О. И. А. К. за 1903 г.; И. И. А. К. 16, 101, № 1500 и т. д.

5) См. *Mon. d. Ist.*, V, табл. VI.

зажженными факелами и θиміатеріями въ сценѣ expositio въ обоихъ углахъ стоитъ по канделябру съ возженной на нихъ лампой, рядомъ съ которыми или на которыхъ стоятъ женскія фигуры съ кувшинами въ рукахъ. Приведенная аналогія показываетъ, можетъ быть, что и въ нашей гробницѣ мальчикъ-слуга стоялъ рядомъ съ канделябромъ и отнюдь не наливалъ въ горящій свѣтильникъ масла. Вспомнимъ, что во второй комнатѣ такой же мальчикъ изображенъ только рядомъ съ канделябромъ, безъ всякой связи съ нимъ. Но на этомъ я не сталъ бы настаивать. Для меня достаточно того, что сопоставленіе горящей лампы съ человѣческой фигурой, держащей кувшинъ, шаблонно и традиціонно [1]).

Столъ.

Труднѣе говорить о сценѣ, которая по моему предположенію есть сцена приготовленія жертвеннаго стола, такъ какъ въ такомъ толкованіи несомнѣнно интерполированнаго рисунка я далеко не увѣренъ. Если бы мое толкованіе было правильно, то и тутъ пришлось бы привести аналогіи, главнымъ образомъ, изъ области памятниковъ іонійской скульптуры изъ М. Азіи. Кромѣ уже указаннаго рельефа изъ Гёль-баши укажу на подобный же рельефъ оттуда же, Benndorf, табл. XXI, 6, гдѣ приготовленіе стола стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изображенными надъ нимъ рядами пирующихъ въ сценѣ такъ называемой загробной трапезы. Можетъ быть, и на приведенной уже картинѣ изъ одной киренейской гробницы (Pacho, l. l., табл. XLIX) двое слугъ приготовляютъ не призовой, а жертвенный столъ.

Сцены охоты.

Остаются сцены охоты. О нихъ я уже говорилъ попутно выше, приводя наиболѣе важные памятники. Здѣсь укажу только на то, что какъ выборъ звѣрей, такъ и сопоставленіе ихъ съ конными всадниками попарно, повтореніе одного сюжета съ небольшими варіаціями пять разъ, гербообразность большинства сценъ, наконецъ, помѣщеніе сценъ какъ бы въ видѣ цѣлаго нижняго фриза и сопоставленіе ихъ съ другими сценами—все это находитъ себѣ ближайшую аналогію только въ одномъ рядѣ памятниковъ, откуда мы уже столько разъ черпали аналогіи для картинъ нашихъ гробницъ,—въ малоазійскихъ скульптурахъ гробницъ и саркофаговъ. Наиболѣе близко стоитъ опять-таки Гёль-баши, его сѣверная внутренняя стѣна (см. Benndorf, табл. XXVII—XXVIII), гдѣ надъ изображеніемъ кентавромахіи имѣется длинный рядъ сценъ, главнымъ образомъ, конной охоты. Но этотъ памятникъ стоитъ далеко неодиноко. Напомню хотя бы (изображеніе памятниковъ читатель легко найдетъ въ Rép. d. reliefs Рейнака) гробницу Пайавы изъ Ксанθа, саркофагъ плакальщицъ, такъ называемый ликійскій саркофагъ изъ Сидонскаго некрополя, саркофагъ сатрапа, саркофагъ Александра, саркофагъ изъ Лимиры (см. Petersen u. Luschan, II, 72 сл., рис. 59—50) и, наконецъ, лучшая параллель къ Гёль-баши—памятникъ Нереидъ (третій фризъ).

Стоитъ сравнить эти памятники съ нашей гробницей, чтобы убѣдиться, что передъ нами одна традиція: все тотъ же рядъ отдѣльныхъ сценъ въ непрерывномъ сопоставленіи и въ гербообразной схемѣ. Конечно, и болѣе поздніе памятники даютъ сцены охоты, но и общая ихъ концепція, и трактовка въ деталяхъ, и ком-

[1]) Отмѣчу здѣсь же, что вообще въ рельефахъ памятника Гатеріевъ рядомъ съ живыми сценами и сценами съ большой выдумкою и наблюдательностью имѣется рядъ механически сопоставленныхъ шаблоновъ, и что авторъ этого памятника стоитъ гораздо ниже автора памятника изъ Амитерна. Къ сожалѣнію, памятникъ до сихъ поръ ни по отношенію къ стилю, ни съ формальной стороны принадлежности (спорной) всѣхъ рельефовъ къ одному памятнику, ни съ точки зрѣнія реалій, не въ отдѣльныхъ частяхъ, а въ цѣломъ, не изученъ, см. замѣчанія W. Altmann, Römische Grabaltäre, 24 слл. Къ опредѣленнымъ выводамъ Altmann не приходитъ. Между тѣмъ, этотъ памятникъ есть одинъ изъ немногихъ такихъ, гдѣ можно хорошо прослѣдить стремленіе римскаго искусства къ претворенію старыхъ шаблоновъ.

позиція, особенно въ римскихъ памятникахъ, иныя, хотя источникъ и здѣсь, очевидно, тотъ же.

Сцены жертвоприношенія.

Въ живописномъ украшеніи второй комнаты, среди обычныхъ шаблонныхъ сюжетовъ, для насъ осталась не вполнѣ ясной или, лучше, не подтвержденной аналогіями послѣдняя сцена задней стѣны—сцена жертвоприношенія.

Сцена жертвоприношенія въ соединеніи съ цикломъ шаблонныхъ сценъ геройскаго типа, главнымъ образомъ, въ соединеніи со сценой трапезы, вполнѣ обычна все въ томъ же кругѣ изображеній—въ рельефахъ малоазійскихъ гробницъ. Если въ Гёль-баши сцена эта не сохранилась, то зато она дошла до насъ полностью на памятникѣ Нереидъ (*Mon. d. Inst.*, X, 18, 1 и 2; Smith, Catal., II, 904a, 905; Reinach, Rép., 484, 1 и 2) и частью на гробницѣ изъ Кадіанды (Fellows, Lycia, табл. къ стр. 116; Petersen und Luschan, II, 193, Fig. 84, ср. Benndorf, Das Heroon von Gjöl-baschi, стр. 176). Въ нашей гробницѣ и эта сцена, какъ и всѣ остальныя, конечно, сокращена и лишена той яркой жизненности, которую она имѣетъ на памятникахъ М. Азіи цвѣтущаго періода.

Происхожденіе системы росписи.

Послѣ этого разбора отдѣльныхъ мотивовъ фигурной росписи нашей гробницы вернемся къ тому кардинальному вопросу, который былъ поставленъ выше: откуда идетъ вся система росписи, имѣются ли прецеденты этой системы, прецеденты сопоставленія въ одинъ непрерывный рядъ серіи болѣе или менѣе шаблонныхъ сюжетовъ «героическаго» типа, представленныхъ въ такой исчерпывающей полнотѣ, причемъ въ эту же серію включены и сцены боя, и сцены охоты, и изображеніе самаго похороннаго обряда со всей его обстановкой.

Этотъ вопросъ былъ уже мною частично поставленъ не разъ: и по поводу сопоставленія сцены трапезы и выѣзда, и по поводу генезиса сцены коннаго боя. Здѣсь на него предстоитъ дать болѣе полный отвѣтъ, такъ какъ въ нашей гробницѣ мы впервые встрѣчаемся не съ отдѣльными сценами, а съ продуманной росписью всей камеры, выдержанною въ одномъ типѣ. Серію миѳологическую я пока оставляю въ сторонѣ; къ ней мы еще вернемся.

Большинство сближеній, которыя приходилось дѣлать до сихъ поръ для объясненія того или иного мотива или сопоставленія, вело насъ почти всегда въ одну сторону—въ сторону малоазійскаго іонійскаго искусства, какъ архаическаго, такъ и эпохи расцвѣта — IV-III вв. до Р. Хр. Туда же ведетъ насъ и анализъ всей системы росписи; только здѣсь она находитъ себѣ настоящія, исчерпывающія, а не частичныя и случайныя аналогіи.

Для того, чтобы доказать это положеніе, я долженъ остановиться на скульптурно-живописной декораціи внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнъ нѣкоторыхъ ликійскихъ гробницъ, не входя въ подробности и выясняя вездѣ только схему, особенно для насъ важную. Укажу здѣсь же, что подобнаго рода сопоставленіе сдѣлано было уже Петерсеномъ въ Petersen und Luschan, Reisen, II, 193 слл. [1]).

---

[1]) Рельефы ликійскихъ гробницъ изданы, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, въ трехъ публикаціяхъ: Ch. Fellows, An account of discoveries in Lycia, London, 1841; Reisen in S. W. Kleinasien, I (1884; Benndorf u. Niemann); II (1889; Petersen u. Luschan), Wien; Smith, A catalogue of greek sculpture in the Department of greek and roman antiquites, British Museum, London, I (1892); II (1900); III (1904). Часть изданныхъ здѣсь памятниковъ переиздана S. Reinach, Répertoire des reliefs grecs et romains I, Paris, 1909. Heroon Гёль-баши изданъ Benndorf u. Niemann, Das Heroon von Gjöl-baschi—Trysa, Wien, 1889; памятникъ Нереидъ Michaelis, *Ann. d. Ist.* 1874, 216 слл.; 1875, 68 слл. и *Monumenti* X, 11—18. На эти публикаціи я и буду ссылаться. Полная библіографія каждаго памятника у Smith'а и Reinach'а. О сидонскихъ саркофагахъ уже была рѣчь.

Характерною особенностью ликійскихъ гробницъ является то, что въ ихъ декоровкѣ, иногда покрывающей всю стѣну и раздѣленной на два или на три пояса, всецѣло царятъ сюжеты «геройскаго» цикла. Преобладаетъ сцена такъ называемой трапезы, затѣмъ сцена выѣзда на колесницѣ, и постоянно повторяется сцена сидящихъ мужчинъ или женщинъ въ гіератическихъ позахъ, иногда другъ противъ друга. Со всѣми этими сценами соединяется изображеніе ряда стоящихъ мужчинъ и женщинъ, иногда въ однѣхъ и тѣхъ же, иногда въ разныхъ позахъ.

Эти традиціонные сюжеты оживляются часто, какъ это замѣчается и на аттическихъ стелахъ того же времени, внесеніемъ въ изображеніе реалистическихъ чертъ и превращеніемъ условнаго гіератическаго сюжета въ оживленную сцену пира или семейной жизни. Особенно прелестна знаменитая сцена въ гробницѣ Кадіанды, гдѣ изображены матери съ дѣтьми (см. Fellows, Lycia, заглавная таблица и табл. къ стр. 116; Petersen u. Luschan, Reisen, II, 193; Smith, I, 351, № 765, 766). Обиліе фигуръ въ изображеніяхъ правильно истолковывается какъ свидѣтельство о родовомъ строѣ ликійцевъ, сохранившемся даже при проникновеніи къ нимъ и насыщеніи ихъ греческой культурой.

Въ цѣлыя картины съ большимъ разнообразіемъ составныхъ элементовъ превращаются иногда и сцены трапезы. Ложа съ пирующими появляются иной разъ не поодиночкѣ, а цѣлыми рядами [1]); приготовленіями къ пиру занятъ цѣлый штатъ слугъ, они же услуживаютъ возлежащимъ; обычной является сопровождающая пиршество сцена жертвоприношенія и сцены пляски подъ разнообразный аккомпаниментъ передъ ложами пирующихъ. Совершается пиршество обыкновенно въ присутствіи цѣлаго ряда созерцающихъ его лицъ, совершенно независимо отъ занятыхъ при пиршествѣ слугъ.

Схема пиршества примѣняется и къ нѣкоторымъ миѳологическимъ или эпическимъ сюжетамъ, напримѣръ, въ Гёль-баши—Одиссей и женихи и отчасти похищеніе Левкиппидъ (см. Benndorf, Das Heroon, внутреннія, сѣверная и южная стѣны, табл. XXV—XXVIII).

Сцены трапезы и изображенія сидящихъ мужчинъ и женщинъ доминируютъ въ большинствѣ гробницъ и на большинствѣ саркофаговъ. Рядомъ съ ними, однако, большое распространеніе имѣютъ сцены боевыя, то изображающія бой одиночный, одинъ на одинъ, то групповыя и массовыя сраженія, конныя и пѣшія. И сюда привносится элементъ реалистическій, и здѣсь царитъ иногда большое оживленіе; сражающіеся группируются въ поразительно живыя, иногда художественныя, сочетанія. Характеренъ и нѣкоторый этнографическій реализмъ [2]). Въ большихъ памятникахъ—какъ въ Гёль-баши и на памятникѣ Нереидъ—эти сцены превращаются въ разсказъ о цѣломъ циклѣ событій, иногда историко-реалистическихъ (памятникъ Нереидъ), причемъ въ трактовкѣ послѣднихъ ярко сказывается вліяніе современной большой живописи, живописи Полигнота и его школы.

Рядомъ со сценами боя обычны, какъ уже сказано выше, сцены охоты, очень популярныя въ Ликіи и внѣ ея; менѣе обычны сцены различныхъ игръ и сцены боевъ и турнировъ, можетъ быть, игрового сакральнаго характера. Какъ уже выше указано, къ этому циклу изображеній присоединяются иногда, особенно въ архаическихъ памятникахъ, сцены изъ области погребальнаго обряда.

---

[1]) Такъ въ памятникѣ Нереидъ (четвертый фризъ) *Monum.* X, 18 и въ героонѣ Гёль-баши, гдѣ эти сцены составляютъ декоровку особаго павильона; другіе примѣры будутъ указаны ниже.

[2]) См. объ этомъ выше, стр. 312 слл.

Сценъ миѳологическаго характера, кромѣ упомянутыхъ цикловъ, иллюстрирующихъ эпосъ, кромѣ изображеній боевъ съ кентаврами и амазонками, и нѣкоторыхъ специфическихъ сюжетовъ въ родѣ Беллерофонта и химеры, мы въ нашихъ гробницахъ не имѣемъ. Ничего подобнаго циклу изображеній изъ круга орфическихъ идей о загробной жизни, который такъ характеренъ для нашихъ боспорскихъ гробницъ, въ Ликіи нѣтъ. Господствующее представленіе о загробной жизни это — представленіе о покойникѣ, какъ о героѣ.

Характерно, что тотъ же циклъ представленій, какъ уже было указано выше, господствуетъ въ IV—III в. до Р. Хр. не только въ М. Азіи, но и въ Этруріи, и въ южной Италіи (Кампаніи, Луканіи, Самніи и Апуліи), причемъ въ первой больше разнообразія въ трактовкѣ отдѣльныхъ мотивовъ и особенно развитъ мотивъ игръ, танцевъ и состязаній, во второй разнообразія меньше, но зато очень видное мѣсто занимаетъ мотивъ выѣзда коннаго героя и отчасти мотивъ боя [1]).

Миѳологическіе сюжеты и здѣсь отсутствуютъ почти совершенно, появляясь въ Этруріи только очень поздно (напримѣръ въ tomba del'Orco въ Корнето и въ нѣкоторыхъ гробницахъ Орвіето) [2]). Приблизительно тотъ же циклъ имѣемъ мы и на греческихъ саркофагахъ; и на стелахъ той же эпохи. Разнообразные миѳологическіе сюжеты проникаютъ въ украшенія гробницъ, саркофаговъ и стелъ въ большомъ количествѣ только начиная съ сравнительно позднихъ этрусскихъ урнъ [3]).

Самое распредѣленіе изображеній по стѣнамъ во всѣхъ названныхъ группахъ памятниковъ одинаково. Такъ, въ гробницѣ Пинары, въ Ликіи, въ pronaos надъ цоколемъ идутъ одинъ надъ другимъ два квадрата, отдѣленные другъ отъ друга парой выступающихъ концовъ балокъ; квадраты эти заполняютъ всю стѣну [4]). То же наблюдается на внѣшней стѣнѣ гробницы въ Тлосѣ, гдѣ двѣ сцены боя одна надъ другой заполняютъ всю стѣну [5]), и на внутреннихъ стѣнахъ pronaos гробницы въ Кё-баши [6]). Характерно, что въ двухъ поляхъ каждой стѣны, расположенныхъ одно надъ другимъ, изображены боевыя сцены, во фризѣ надъ этими

---

1) Такое господство во всѣхъ указанныхъ серіяхъ памятниковъ представленія о покойникѣ, какъ о героѣ, отрицаетъ A. della Seta въ уже указанной книгѣ Religione ed arte figurata, Roma 1912, въ главахъ, посвященныхъ разбору погребальнаго искусства. Я рѣшительно не считаю возможнымъ отдѣлять этрусскую серію (объ южно-италійской d. Seta не говоритъ) отъ малоазійской и объяснять обѣ серіи различно. Кромѣ того, генезисъ сценъ боя изъ представленія о покойникѣ, какъ о героѣ, для меня несомнѣненъ. Изъ этого источника, т. е. изъ представленія о покойникѣ, какъ о побѣдоносномъ героѣ, подъ вліяніемъ восточнаго тріумфальнаго искусства, отдѣльныя сцены развиваются въ цѣлый разсказъ, гдѣ подчеркиваются черты индивидуальныя и этнографическія. Но основой все таки является бой побѣдоноснаго героя съ побѣжденнымъ врагомъ. Среди миѳологическихъ изображеній d. Seta не отличаетъ серіи тѣхъ, которыя созданы подъ вліяніемъ Элевсина и орфики, вѣры въ безсмертіе души, отъ тѣхъ, которыя примыкаютъ къ представленію о покойникѣ, какъ о героѣ, и имѣютъ исключительно иллюстративную, отнюдь не символическую задачу. Въ римскомъ искусствѣ происходитъ сліяніе обоихъ теченій.

2) Не имѣя возможности входить въ подробности, сошлюсь на не разъ уже упомянутую книгу von Stryk'a, Studien über die etruskischen Kammergräber, Dorpat 1910, гдѣ сопоставленъ этрусскій матеріалъ; для южной Италіи и Апуліи—на также не разъ уже цитованныя статьи Weege, Oskische Grabmalerei въ *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XXIV (1909), 99 слл. и Pagenstecher'a, *Röm. Mitth.* 1912 (XXVII), 101 слл.

3) См. Daremberg et Saglio, Dict. d. ant. s. v. Sarcophagus (Cahen), 1071.

4) См. Fellows, Lycia, къ стр. 141 и 142; Michaelis, *Ann. d. Ist.* 1875, 117 сл.; Benndorf-Niemann, Reisen, I, 53 сл., табл. XIX и рис. 36, 37; Smith, I, 350, № 761—764.

5) См. Fellows, Lycia, къ 135 стр.; Benndorf-Niemann, Reisen, I, табл. 139, XLIII.

6) См. Benndorf u. Niemann, Reisen, I, 137, рис. 80, 81 и таблица, приложенная къ этой страницѣ.

полями—сцены такъ называемой трапезы. Характерно также, что на внѣшней стѣнѣ pronaos изображеніями заполнены только верхніе квадраты, какъ во второй комнатѣ нашей гробницы.

По той же системѣ, но только съ высокимъ цоколемъ, распредѣлены изображенія и въ гробницѣ Хойрана [1]), гдѣ въ двухъ поляхъ боковой внѣшней стѣны представлены сцены сидящихъ мужчинъ и женщинъ. Здѣсь, однако, мы видимъ уже нѣкоторое сближеніе съ двойнымъ фризомъ, каковымъ полосы съ изображеніями почти всецѣло являются въ героонѣ Гёль-баши.

Та же система лежитъ и въ основѣ декоровки надгробныхъ стелъ, когда надъ цоколемъ одно надъ другимъ громоздятся два поля съ двумя изображеніями, на нихъ помѣщенными. Ясно для всѣхъ, кто знакомъ съ древнѣйшими памятниками стѣнной росписи, особенно въ Этруріи и въ южной Италіи, а также съ памятниками Македоніи и юга Россіи (см. выше), что передъ нами обычная схема древнѣйшей стѣнной росписи съ заполненіемъ обоихъ отдѣленій стѣны фигурами или безъ него.

Ту же систему, только съ вертикальнымъ дѣленіемъ стѣны колоннами, обычными въ греческомъ искусствѣ, начиная съ древнѣйшаго времени (см. ниже), мы имѣемъ и въ нашей гробницѣ. Этимъ она разнится отъ всѣхъ остальныхъ склеповъ, составляющихъ дериватъ эллинистической системы росписи стѣнъ, гдѣ фигурнымъ сюжетамъ предоставлено лишь очень ограниченное мѣсто на фризахъ и дѣлящихъ членахъ. Кромѣ указанныхъ частей стѣны — фризовъ и дѣлящихъ членовъ—единственнымъ остававшимся свободнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было бы помѣстить фигурные сюжеты, была въ комнатахъ съ плоскимъ покрытіемъ верхняя часть стѣны надъ заключительнымъ карнизомъ средней (на Делосѣ эта часть стѣны часто заполняется архитектурами, составляющими развитіе наблюдаемаго въ Помпеяхъ архитектурнаго обрамленія оконъ), въ помѣщеніяхъ съ полуцилиндрическимъ или приближающимся къ нему покрытіемъ—люнетки: здѣсь распредѣлены изображенія въ склепахъ 1832 и 1895 годовъ, здѣсь развернулись фигурныя композиціи и во всѣхъ до сихъ поръ нами разобранныхъ гробницахъ, высѣченныхъ въ скалѣ, потолокъ которыхъ воспроизводитъ ложный плоскій сводъ.

Ашиковская гробница возвращается, такимъ образомъ, къ старымъ образцамъ. Ложно-сводчатаго покрытія здѣсь нѣтъ, нѣтъ поэтому и люнетокъ, но зато для фигурныхъ изображеній открыта вся раздѣленная на два яруса стѣна надъ низкимъ цоколемъ. Уступка эллинистическому принципу дѣлается лишь постольку, поскольку на нѣкоторыхъ стѣнахъ второй комнаты нижняя половина стѣны украшается не фигурными сюжетами, а прямымъ дериватомъ такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля—инкрустаціей стѣны пестрыми мраморами, гдѣ греческій архитектоническій структивный принципъ декоровки стѣны замѣненъ былъ принципомъ живописнымъ, мраморною живописью.

Въ выборѣ сюжетовъ мы замѣчаемъ ту-же двойственность, но съ явнымъ предпочтеніемъ архаизму, старымъ традиціямъ до-эллинистическаго времени. Если введеніе миѳологическаго цикла является уступкой новымъ орфическимъ вѣяніямъ, зато всѣ остальные сюжеты строго держатся въ рамкахъ іонійской восточно-греческой геройской традиціи [2]). При этомъ попытки, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Petersen u. Luschan, II, 23, рис. 16; ср. Benndorf u. Niemann, I, 32.

[2]) Бой гладіаторовъ есть только модернизація старыхъ изображеній игръ и турнировъ на стѣнахъ ликійскихъ гробницъ въ духѣ этнографическаго реализма.

гробницахъ Боспора, оживить традиціонный сюжетъ, сдѣлать изъ него или изъ соединенія нѣсколькихъ сюжстовъ жанровую сценку идиллическаго типа, окончательно оставлены, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ мотивамъ выѣзда, трапезы и сидящихъ фигуръ. Нѣкоторая жизнь сквозитъ еще только въ особенно любимыхъ сюжетахъ изъ военной жизни; но и здѣсь все сводится исключительно къ повторенію шаблонныхъ мотивовъ, причемъ мѣстное творчество сказывается только въ этнографическомъ реализмѣ изображенія сражающихся. Тотъ же этнографическій реализмъ отличаетъ до извѣстной степени и остальные сюжеты героическаго цикла, мало, однако, ихъ оживляя: это residuum того эллинистическаго реализма, который такъ ярко проявился въ гробницѣ Анѳестерія и отчасти 1891 г., а также на нѣкоторыхъ очень немногихъ надгробныхъ стелахъ, реализмъ, являющійся прямымъ дериватомъ той переработки традиціонныхъ сюжетовъ въ реалистическомъ духѣ, начало которой мы наблюдаемъ въ V и IV вв. до Р. Хр., какъ въ Аттикѣ, такъ, особенно, въ М. Азіи.

Возвратившись къ старому до-эллинистическому подбору сюжетовъ, подбору, совпадающему почти во всѣхъ деталяхъ съ подборомъ сюжетовъ въ ликійскихъ гробницахъ (трапеза, сцены сидящихъ и стоящихъ мужскихъ и женскихъ фигуръ, герой съ конемъ и на конѣ, жертвоприношеніе, конный бой, охота, похороны, игры), наша гробница архаизируетъ и въ трактовкѣ этихъ сюжетовъ. Все живое, что такъ поражаетъ въ ликійскихъ памятникахъ, испарилось; осталась только сухая схема, сухой шаблонъ, ряды однообразныхъ фигуръ, которыя, воспринятыя какъ традиціонный элементъ, такъ усиленно пытается оживить малоазійское греческое искусство. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно сравнить знаменитыя семейныя сцены гробницы въ Кадіандѣ, ряды фигуръ и сцену трапезы въ гробницахъ Миры въ Ликіи [1]), а также, правда, довольно сухія уже, но все же еще оживленныя сцены трапезы въ Гёль-баши (Benndorf, Das Heroon, таб. XXV—XXVI 1—7, южная стѣна внутри) съ нашими сценами такъ называемой загробной трапезы, особенно главной, и съ тѣми рядами мужчинъ и женщинъ, которыя заполняютъ собой низъ задней стѣны второй комнаты.

Ясно изъ всего сказаннаго, что въ нашей гробницѣ вновь возродилась старая іонійская традиція гробничной росписи, на время вытѣсненная эллинистическимъ развитіемъ, но никогда не терявшая своей силы и своей жизненности. Но возрожденіе это было печальное. Не духъ іонизма ожилъ, ожилъ только его скелетъ, не формы возродились къ новой жизни, а шаблоны. Востокъ того времени въ своихъ наиболѣе эллинизованныхъ частяхъ на настоящее возрожденіе не былъ способенъ; оно суждено было менѣе эллинизованнымъ частямъ—сасанидской Персіи.

Гробница Насоніевъ въ Римѣ.

Совершенно иную картину представляетъ въ этомъ отношеніи Западъ, гдѣ исходной точкой развитія сдѣлался эллинизмъ, но въ иномъ его аспектѣ, чѣмъ на Востокѣ. Говорить объ этомъ здѣсь, конечно, не мѣсто. Намекнулъ я на это потому, что какъ разъ Западъ даетъ намъ очень интересную, почти современную нашей гробницѣ аналогію сплошь расписанной фигурными сюжетами гробницы. Я имѣю въ виду извѣстную гробницу Насоніевъ, расположенную недалеко отъ знаменитой виллы Ливіи ad Gallinas albas въ окрестностяхъ Рима [2]). Гробница эта характерна тѣмъ, что, сохраняя принципы типичнаго для Италіи и

[1]) См. Fellows, Lycia, 197 сл. и таблицы къ стр. 198, а также табл. къ стр. 200, ср. Petersen u. Luschan, Reisen, II, 30 сл. и табл. X.

[2]) См. Bartoli e Bellori, Le pitture antiche del sepolcro dei Nasonii ecc. (было нѣсколько изданій); A. Michaelis, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XXV (1910), 101 слл.

западныхъ провинцій архитектурнаго стиля декоровки, она, въ соотвѣтствіи со своимъ временемъ, возвращается къ болѣе простымъ традиціямъ этого стиля, достигшаго въ такъ называемомъ четвертомъ помпеянскомъ стилѣ апогея своего декоративнаго развитія.

Наиболѣе простыя формы этого архитектурнаго стиля въ началѣ его развитія тѣсно связаны съ греческой и спеціально іонійской традиціей стѣны, раздѣленной на части колоннами или пилястрами, при чемъ интерколюмніи средней части стѣны заполняются иногда большими фигурными композиціями. Эта традиція вытѣсняется, однако, доминирующей ролью, которую начинаетъ играть въ этомъ стилѣ ниша съ картиной или статуей въ центрѣ. Отдѣльныя фигуры и сцены, распредѣленныя между колоннами, находятъ себѣ пріютъ и въ верхней части стѣны, также разбитой на части колоннами и пилястрами, согласно традиціи такъ называемаго 1-го стиля.

Еще болѣе позднія стадіи архитектурнаго стиля, упрощая его архитектурную конструкцію, возрождаютъ старыя традиціи фигурной росписи, расположенной въ обоихъ ярусахъ архитектурно расчлененной стѣны. Памятникомъ, свидѣтельствующимъ о возрожденіи этой традиціи и примыкающимъ, такимъ образомъ, къ памятникамъ іонійскимъ, является гробница Насоніевъ. Нижняя часть стѣны здѣсь слѣдуетъ простѣйшимъ формамъ такъ называемаго 2-го стиля, расчленяя стѣну на рядъ нишъ или аркосоліевъ, раздѣленныхъ двуколонными эдикулами. Въ каждой нишѣ помѣщено по большой картинѣ. Верхъ стѣны расчлененъ такими же двуколонными эдикулами на рядъ полей, изъ коихъ каждое опять таки заполнено большой фигурной композиціей. Получается такимъ образомъ схема, очень напоминающая mutatis mutandis схему нашей Ашиковской гробницы.

Нѣчто общее имѣется и въ выборѣ сюжетовъ для картинъ. Правда, традиціонные іонійскіе сюжеты героическаго цикла исчезли въ нашей гробницѣ безслѣдно, но зато пышный расцвѣтъ получили сцены миѳологическія, главнымъ образомъ, изъ цикла любимаго и нашими гробницами символическаго изображенія похищенія человѣка смертью и его возвращенія къ вѣчной жизни (похищеніе Гиласа, Просерпины, Европы, съ одной стороны, исторія Алкестиды, Просерпины, Евридики, можетъ быть, Ѳесея и Пириѳоя (Michaelis, Beil. 4, XVI и XVIa) съ другой), какъ это наблюдается и на цѣломъ рядѣ другихъ римскихъ гробницъ Италіи и провинцій. Эти изображенія, конечно, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ ученіями орфиковъ, пустившими глубокіе корни и въ Италіи; но гдѣ былъ центръ, откуда декоровка этими сюжетами пришла и на Востокъ, и на Западъ, это для меня пока неясно.

Рядомъ съ миѳологическими сюжетами, однако, мы имѣемъ картины и другого характера, возвращающія насъ въ основахъ своихъ къ іонизму,—это картины, изображающія звѣрей и охоты, какъ на стѣнахъ, такъ, главнымъ образомъ, на плафонѣ. Но и эти картины подверглись основательной переработкѣ въ духѣ перехода отъ шаблоновъ къ пейзажной и зоологической реальности въ изображеніяхъ звѣрей, въ духѣ возвращенія къ традиціямъ чистаго оріентализма въ изображеніи охотъ. Картины со звѣрями совпадаютъ съ трактовкой этихъ сюжетовъ въ Помпеяхъ, источникъ которой до сихъ поръ не выясненъ, картины охоты живо напоминаютъ mutatis mutandis ассирійскіе и сасанидскіе загоны, конечно, съ соотвѣтственной переработкой въ духѣ пейзажной и бытовой реальности [1]).

[1]) Интересныя аналогіи этимъ сценамъ охоты даютъ нѣкоторыя африканскія мозаики, особенно, одна мозаика изъ Карѳагена (Gauckler, Inventaire d. mosaiques de la Gaule et d'Afrique, II, № 607;

Возвратимся, однако, отъ этого поучительнаго сравненія, показывающаго намъ, насколько неизмѣримо дальше отъ нашей гробницы стоятъ современные ей памятники Запада по сравненію съ гораздо болѣе ранними памятниками іонизма, отдѣленными отъ нея, по крайней мѣрѣ, четырьмя, а то и пятью и шестью вѣками,— возвратимся, говорю я, къ изучаемой нами гробницѣ.

Причина особаго богатства росписи.

По сравненію съ другими вышеразобранными гробницами склепъ Ашика поражаетъ прежде всего необычайнымъ богатствомъ росписи, необычайной ея пышностью и торжественностью. Даже по сравненію съ богато расписанною Стасовскою гробницею онъ представляется еще болѣе пышнымъ и богатымъ. Въ реалистическихъ сценахъ поражаетъ ихъ массовый, а не одиночный характеръ: въ сценѣ боя сталкиваются цѣлые отряды, въ сценѣ похоронъ указана многочисленность провожающихъ и какъ бы продолженіемъ этой процессіи являются шестнадцать фигуръ въ нижнемъ ярусѣ задней стѣны второй комнаты склепа. Какъ подобныя явленія въ ликійскихъ гробницахъ IV—III в. до Р. Хр. объясняются тѣмъ, что въ нихъ схоронены были представители правящихъ родовъ, высшей аристократіи, царей и князей, такъ и здѣсь такое объясненіе напрашивается само собою.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, имѣется еще одна показательная частность. Я имѣю въ виду изображеніе сценъ гладіаторскаго боя на входной стѣнѣ второй комнаты, соотвѣтствующее изображенію погребальной процессіи на входной стѣнѣ первой комнаты.

Разбирая эти сцены, я указалъ на двѣ возможности ихъ толкованія. Либо мы имѣемъ дѣло съ тѣми играми, которыя должны были сопровождать погребеніе покойника, либо здѣсь, какъ и въ сценѣ боя, и въ сценахъ охоты, вспоминаются выдающіяся типичныя черты его жизни, дающія ему право на званіе и на почести, довлѣющія герою. Долженъ сказать, что послѣдняя альтернатива мнѣ представляется болѣе вѣроятной, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ традиціи почетныхъ и надгробныхъ надписей. Надо помнить, что всякая почетная надпись близка къ вотиву, и объектъ ея выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ. Если правильна вторая альтернатива, то становится весьма вѣроятнымъ, что погребенное лицо дало одинъ разъ или давало вообще гладіаторскія игры въ древнемъ Пантикапеѣ.

Выше я уже указалъ на то, что на Востокѣ гладіаторскіе бои представляютъ необычное явленіе и стоятъ чаще всего въ связи съ императорскимъ культомъ, подчеркивая лойяльность провинціи и преданность ея Риму и императору. Носителемъ тяготы этихъ игръ былъ фламинъ провинціи, на Востокѣ ея архіерей (я не имѣю здѣсь основанія входить въ контроверсу объ идентичности асіарха и архіерея Азіи и т. д., или объ ихъ раздѣльномъ существованіи), религіозный представитель провинціанальнаго собранія провинціи.

Культъ императоровъ утвердился на Боспорѣ особенно прочно во второй половинѣ перваго и во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., въ эпоху правленія ѳракійской династіи. Мы слышимъ о существованіи Καισάρειον въ Фанагоріи (Латышевъ И. И. А. К., 10, 93; Cagnat, Inscr. gr. ad res Rom. pert., 904). Но мы знаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

Catalogue du Musée Alaoui, Suppl. № 171, табл. I) съ рядомъ охотничьихъ сценъ, вплоть до сцены ловли дикаго звѣря въ ловушку и сценъ охотничьяго культа передъ эдикулой Діаны и Аполлона. Послѣдней особенностью мозаика напоминаетъ извѣстные охотничьи рельефы-медальоны арки Константина. Также богата по композиціи мозаика изъ др. Ѳисдра (Эль-Джемъ), см. Gauckler, Invent., № 64; Catal. du Musée Alaoui, Suppl. № 288, табл. XIII, 1.

что на Боспорѣ, которому одно время грозила участь сдѣлаться римской провинціей, во главѣ культа императоровъ стояли не выдающіеся и богатые граждане города, а, какъ кажется, исключительно самъ царь. Въ титулѣ царей, начиная съ эпохи Нерона и вплоть до эпохи Каракаллы наряду съ эпитетами φιλοσέβαστος и φιλορώμαιος стоитъ и титулъ ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου [1]).

Если культъ римскихъ императоровъ лежалъ, такимъ образомъ, на обязанности царя, то естественно, что цари несли и тяготы этого культа, т. е. что они же давали и гладіаторскія игры, давно уже привившіяся во Ѳракіи. Врядъ ли можно думать, что при такихъ условіяхъ частныя лица могли давать на Боспорѣ гладіаторскія игры. Помимо ихъ дороговизны, это едва ли не было бы посягательствомъ на прерогативы царя.

Весьма вѣроятно поэтому, что въ нашемъ склепѣ погребенъ былъ одинъ изъ царей Боспора перваго (второй половины) или второго вѣка по Р. Хр. Съ такимъ предположеніемъ вполнѣ вяжутся всѣ вышеуказанныя особенности росписи склепа. Напомню и то, что сказано было выше о дѣятельности царей Боспора въ борьбѣ съ надвигавшимися Аланами.

Дата склепа.

Послѣдній вопросъ, который приходится поставить,—это вопросъ о времени гробницы и ея росписи. Къ сожалѣнію, внѣшнихъ данныхъ для датировки склепа не имѣется, такъ какъ найденные въ немъ обломки посуды не были зарисованы и не сохранились. Находка черепковъ стекла показываетъ, что̀, впрочемъ, понятно и само собой, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ римскаго времени.

Нѣсколько больше даетъ сравнительный анализъ росписи гробницы. Общая схема декоровки, а также и характеръ фигурныхъ композицій сближаютъ нашу гробницу болѣе всего со склепомъ 1875 г.; нѣсколько болѣе позднему времени принадлежитъ гробница Стасовская. Наконецъ, современною указаннымъ тремъ склепамъ является группа гробницъ съ инкрустаціонной росписью.

Отношеніе къ группѣ гробницъ псевдоисодомнаго стиля опредѣляется сравненіемъ съ гробницей Анѳестерія. Не можетъ быть сомнѣнія, что наша гробница позже ея и вообще позже всей той группы гробницъ, въ которую входитъ склепъ Анѳестерія. Что касается гробницъ цвѣточнаго стиля, то тутъ рѣшающимъ явились бы сравнительный анализъ плафоновъ и отсутствіе цвѣтовъ, брошенныхъ на стѣны. Но мы видѣли, что довѣрять точности рисунковъ Ашика и Стефанскаго какъ по отношенію къ композиціи плафона, такъ и по отношенію къ отсутствію листьевъ и лепестковъ на стѣнахъ чрезвычайно трудно.

Во всякомъ случаѣ, если бы оказалось, что плафоны зарисованы сравнительно точно, т. е., что они болѣе симметрично распланированы, чѣмъ въ гробницахъ 1873 г. и Стасовской, если бы оказалось, что правильно и отсутствіе среди листьевъ и лепестковъ цѣлыхъ стеблей съ стилизованными цвѣтами и усиками,—все признаки, сближающіе наши плафоны съ датированнымъ плафономъ Зайцевскаго склепа,—то, съ другой стороны, присутствіе гирляндъ-мѣшковъ и меньшая строгость композиціи, равно какъ и меньшее богатство растительныхъ мотивовъ говорили бы

[1]) См. Ios. P. E., II, 32; Cagnat, Inscr. gr. ad. r. Rom. pert., 876 (Котисъ, сынъ Аспурга); Ios. P. E. II, 39, 352, 358; I. gr. ad r. R. p., 883, 898, 907 (Савроматъ I; 94—124 г.); И. И. А. К., 10, 30, № 22; I. gr. etc., 885 (Евпаторъ ?); Ios. P. E., II, 41; I. gr., 886 (Рескупоридъ II; 212—229 г.). Ср. также упоминаніе о Καίσαρος βωμοὶ на Танаисѣ (ὑπὸ δὲ τὴν ἐπιστροφὴν τοῦ Τανάιδος ποταμοῦ) у Ptol. III, 5, 12. Ихъ, вѣроятно, надо сравнивать съ алтарями римлянъ на Рейнѣ и Эльбѣ, какъ символами подчиненія новой власти и средоточіемъ культа императоровъ.

за то, что плафоны наши позже Зайцевскаго [1]), но раньше плафоновъ склепа 1873 г. и склепа Стасовскаго и, можетъ быть, даже раньше плафона склепа 1875 г. [2]).

Всѣ приведенныя соображенія позволяютъ, мнѣ кажется, довольно точно указать мѣсто Ашиковскаго склепа и въ своей серіи гробницъ, и по отношенію къ родственнымъ серіямъ. Въ своей серіи смѣшаннаго цвѣточнаго и инкрустаціоннаго стиля онъ, вѣроятно, занимаетъ первое мѣсто, будучи старше двухъ другихъ склеповъ того же типа. Въ серіи цвѣточной онъ стоитъ между склепомъ Зайцевскимъ и склепомъ 1873 г. Въ серіи инкрустаціонной онъ либо старше, либо одновременен Фельдштейновскому склепу. Наконецъ, по отношенію къ серіи псевдо-исодомной онъ, вѣроятно, моложе самыхъ позднихъ памятниковъ этого стиля или одновременен имъ.

Все это вмѣстѣ взятое: анализъ росписи, архитектуры, сличеніе со стелами позволяетъ датировать нашъ склепъ эпохой расцвѣта боспорскихъ надгробныхъ стелъ, съ которыми у него такъ много общаго, т. е. второй половиной I в. по Р. Хр., причемъ крайнимъ временемъ внизъ было бы начало II в. по Р. Хр.

Литература.

А. Ашикъ, Керченскія древности. О Пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками. Одесса, 1845; ср. замѣтки объ открытіи Ашика и его работѣ Köhne, *Mém. de la société d'arch. et de numismatique de St. Pétersbourg*, I, 201—207; *Финскій Вѣстникъ*, 1847, іюль № 7, стр. 27 слл.; Winter Jones въ *Archaeological Journal*, 1849; Macpherson, Antiquities of Kertch, 36 слл. Часть упомянутой выше «Записки» Ашика напечатана подъ заглавіемъ «Керченскія катакомбы» въ *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ*, 1845, 10, 406 слл. Отчетъ о раскопкѣ склепа съ фресками напечатанъ здѣсь почти цѣликомъ. См. также Neumann., Die Hellenen im Skythenlande, 502; Foerster, Der Raub und die Rückkehr der Persephone, 229 сл. и табл. I; тамъ же мнѣніе Стефани о времени гробницы (датируетъ на основаніи появленія гладіаторовъ); Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, I, 29 сл. и II, 68 сл., рис. 51, 52; Ellis H. Minns, Scythians and Greeks, Lond. 1913, 314, рис. 224; ср. О. И. А. К. за 1878 г., стр. XVI, и О. И. А. К. за 1882—1888 г., стр. IX о поискахъ гробницы, предпринятыхъ Кондаковымъ.

---

[1]) Я не думаю, чтобы вѣнки изъ мѣшковъ-гирляндъ первой комнаты обрамляли собою какіе либо медальоны, такъ какъ трудно предположить, что изображенія въ этихъ медальонахъ исчезли безслѣдно.

[2]) Очень жалко, что не сохранился плафонъ склепа 1875 г. Съ сохранившимися частями его надо сравнить плафонъ ниши Ашиковскаго склепа. Характерно, однако, что этотъ послѣдній декорованъ богаче, съ привлеченіемъ къ дѣлу цвѣточныхъ мотивовъ и мотивовъ орнаментальныхъ (маска, головы).

d. Расписные саркофаги.

XXXII. Расписной саркофагъ, найденный въ 1900 г.

(Табл. XCII—XCV; рис. 67—69).

Мѣстонахожденіе и исторія саркофага.

Этотъ большой саркофагъ, вырѣзанный изъ глыбы известняка и сплошь расписанный внутри,—настоящая погребальная камера въ миніатюрѣ—найденъ былъ въ 1900 г. на Глинищѣ на площади между бойней и тюрьмой не вполнѣ разграбленнымъ (Думбергъ, И. И. А. К. 2, 40, № 2, ср. О. И. А. К. за 1900 г., 27) [1]). О вещахъ, найденныхъ въ немъ, и о некрополѣ, часть котораго онъ составлялъ и въ который входитъ также и Фельдштейновскій склепъ (см. табл. III, 1), рѣчь будетъ ниже при датировкѣ саркофага. Въ томъ же 1900 г. саркофагъ былъ перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и находится нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ, въ такъ называемомъ Керченскомъ залѣ.

Форма саркофага очень характерна. Снаружи это большая почти неотесанная, еле оболваненная глыба известняка, болѣе широкая въ одномъ концѣ, болѣе узкая въ другомъ (см. рис. 67). Въ этой глыбѣ выдолблена настоящая погребальная камера, покрытая внутри тонкимъ слоемъ штукатурки и по немъ расписанная. Длина саркофага 2,15 м.; ширина 0,92 въ одномъ концѣ, 0,88 въ другомъ; высота безъ крышки—0,81; ширина стѣнокъ—0,18; глубина саркофага—0,57 м. Крышка сдѣлана изъ особаго куска камня и сверху также не отесана. Извнутри она выдолблена, такъ что даетъ типичное покрытіе склеповъ, вырѣзанныхъ въ скалѣ,—плоскій ложный сводъ.

Роспись саркофага.

Живопись внутри саркофага сохранилась недурно. Только мѣстами штукатурка сбита (вѣроятно, при перевозкѣ); въ большинствѣ мѣстъ, гдѣ живопись не сохранилась, штукатурка отшелушилась при высыханіи. Этотъ процессъ опаданія штукатурки продолжается и сейчасъ.

Схема декоровки саркофага очень проста. Внутри по всѣмъ сторонамъ идетъ невысокій цоколь (0,17 шир.) киноварно-краснаго цвѣта. Вся остальная штукатурка имѣетъ розоватый цвѣтъ, можетъ быть, какъ въ Зайцевскомъ склепѣ, отъ примѣси толченаго кирпича.

Надъ цоколемъ на длинныхъ сторонахъ написаны каннелированныя колонны, съ базами и коринѳскими капителями. Надъ колоннами антаблемента нѣтъ.

На каждой длинной сторонѣ имѣется по четыре колонны, изъ нихъ двѣ въ углахъ, такъ что на каждой изъ этихъ сторонъ образуется по три интерколюмнія и по одному интерколюмнію на короткихъ сторонахъ. Всего такимъ образомъ

[1]) Ср. Шкорпилъ, О. И. А. К. за 1905 г., 58, 1. Согласно указаніямъ Шкорпила, саркофагъ, въ противность словамъ Думберга, найденъ не при раскопкахъ, а кладоискателями, которыми и былъ разграбленъ. Вещи, яко бы найденныя въ немъ Думбергомъ, на самомъ дѣлѣ были куплены, «причемъ происхожденіе вещей продавцомъ точно не указывалось».

получается восемь полей, изъ которыхъ семь заполнены фигурными и одно орнаментальнымъ изображеніями. Всѣ поля усѣяны обычными лепестками и листьями розы. Кое-гдѣ густая краска нижней части лепестка дала натеки.

Рис. 67. Общій видъ расписного саркофага 1900 г.

Размѣры интерколюмніевъ не одинаковы. Высота ихъ вездѣ=0,35 м., но ширина колеблется. Начиная съ той короткой стороны, которая болѣе широка и къ которой, очевидно, была повернута голова покойника (на ней изображена гирлянда), мы имѣемъ: I. Короткая сторона—0,57 м. II. Длинная сторона направо отъ короткой: 1) 0,67 м.—отъ угла до середины второй колонки (трапеза); 2) 0,60—отъ середины второй колонки до середины третьей (художникъ); 3) 0,60—отъ угла до средины третьей колонки (стоящій юноша съ лошадью). III. Вторая короткая сторона (пляшущіе пигмеи)—0,35. IV. Вторая длинная сторона: 1) отъ угла до центра второй колонки—0,72 (сидящая женщина); 2) отъ центра второй до центра третьей колонки—0,55 (два всадника); 3) отъ центра третьей колонки до угла—0,57 (музыканты).

Описаніе отдѣльныхъ картинъ. Гирлянда.

I (табл. XCV, 3). Все поле покрыто рѣдко разбросанными розовыми лепестками. Съ угловъ къ центру поля свѣшивается полукругомъ знакомая уже намъ гирлянда-мѣшокъ или гирлянда-сѣтка. Отдѣльныя кольца этой гирлянды обозначены черными линіями. На концахъ—завязанныя углами теніи. Петли этихъ теній симметрично торчатъ внутрь гирлянды, концы частью торчатъ вверхъ, частью симметрично спускаются внизъ, какъ бы ломаются, и поворачиваютъ вправо (resp. влѣво), скрываясь на нѣкоторое время въ гирляндѣ; затѣмъ, не доходя до центра ея, онѣ вновь выходятъ наружу, свободно свѣшиваясь внизъ. Эти теніи, вѣроятно, составляютъ одно цѣлое съ остовомъ гирлянды—мѣшкомъ или сѣткой. Когда гирлянда наполнялась розами, сѣтка стягивалась за концы, и эти концы веревки или повязки туго завязывались фигурными узлами. Какъ и въ другихъ примѣрахъ такихъ же гирляндъ, и здѣсь изъ корпуса ея въ трехъ мѣстахъ другъ противъ друга торчатъ по три зеленыхъ лепестка въ схемѣ французской лиліи. Въ центрѣ гирлянды внутри такіе листья замѣнены большимъ торчащимъ вверхъ цвѣткомъ: изъ зеленой чашечки на стеблѣ того же цвѣта выходятъ три красныхъ лепестка; между ними два зеленыхъ; надъ среднимъ краснымъ лепесткомъ торчатъ еще три зеленыхъ круглыхъ листика.

Трапеза.

II, 1 (табл. XCII, 1). Обычная сцена такъ называемой загробной трапезы. Изображено ложе съ загнутой спинкой, кончающейся вмѣсто волюты обычной маской; ложе покрыто до пола ковромъ съ тремя поперечными прошивками, украшенными рядомъ точекъ. На ложѣ покоится мужчина влѣво съ вьющимися волосами и короткой курчавой бородой. Въ правой нѣсколько приподнятой рукѣ онъ держитъ гроздъ винограда, въ лѣвой канѳаръ. Одѣтъ въ обычный рукавный хитонъ и въ гиматій, укрѣпленный на лѣвомъ плечѣ и покрывающій все тѣло, включая ноги.

У изголовья ложа стоитъ мальчикъ, отъ котораго сохранились только ноги и очертанія головы. На ногахъ штаны и башмаки. Передъ ложемъ обычный круглый столъ на трехъ изогнутыхъ ножкахъ, кончающихся львиными лапами. Обычныхъ сосудовъ на столѣ нѣтъ [1]).

У ногъ возлежащаго сидитъ женщина вправо, голова впрямь. Одѣта въ обычный хитонъ до пятъ и пеплосъ, закрывающій голову, оба плеча и всю фигуру вплоть до щиколотокъ, кромѣ груди. Положеніе рукъ, вѣроятно, обычно; лѣвой не видно, правая лежитъ на правомъ колѣнѣ. Женщина сидитъ на низкомъ креслѣ съ четырьмя точеными ножками; спинка кресла не видна, низкія ручки сдѣланы въ видѣ двухъ арокъ; подъ ногами женщины скамейка. Около женщины, почти у самой колонны, раздѣляющей сосѣднія сцены, стоитъ дѣвочка вправо, голова впрямь съ спускающимися на плечи прядями волосъ; одѣта она въ обычный хитонъ и пеплосъ; обѣими руками держитъ большую круглую пиксиду съ конусообразной крышкой.

Мастерская художника.

2 (табл. XCII, 1). Все поле густо усѣяно листьями и лепестками розы. Изображена мастерская художника-портретиста. Слѣва на кругломъ стулѣ съ низкой выгнутой спинкой сидитъ длинноволосый безбородый юноша вправо, одѣтый въ обычный боспорскій костюмъ: рукавный хитонъ или казакинъ, штаны, мягкіе сапоги, плащъ. На стулѣ, какъ будто, подушка. Правая нога сидящаго юноши выдвинута, лѣвая подогнута, лѣвой рукой онъ упирается въ правое колѣно. Подъ лѣвую руку просунута правая, въ которой юноша держитъ небольшой продолговатый инструментъ, можетъ быть, пинцетъ или κέστρον (см. ниже). Этотъ инструментъ юноша согрѣваетъ на огнѣ, тлѣющемъ въ высокой цилиндрической жаровнѣ, имѣющей видъ колонки на широкой базѣ (множество такихъ жаровень находится во всѣхъ греко-римскихъ городахъ, преимущественно въ эллинистическое время). Странное положеніе рукъ юноши врядъ ли случайно; оно объясняется, вѣроятно, характеромъ акта, за исполненіемъ котораго юноша изображенъ.

Передъ юношей слѣва поставленъ на невысокой колонкѣ-подставкѣ, не имѣющей, однако, формы настоящаго столика, большой ящикъ съ двустворчатой крышкой. Этотъ ящикъ внутри раздѣленъ на 20 квадратиковъ—очевидно отдѣленій—въ видѣ шахматной доски. Четыре изъ этихъ отдѣленій окрашены въ красный цвѣтъ. Открытыя дверцы ящика раздѣлены, приблизительно посрединѣ, прямой горизонтальной линіей на двѣ части. Передъ нами, очевидно, ящикъ-палитра; каждое отдѣленіе содержитъ особую краску; дверцы служатъ палитрой и могутъ быть открываемы частями.

Еще далѣе, у самой колонны, раздѣляющей сцены, стоитъ мольбертъ на трехъ ногахъ, связанныхъ вверху ремнемъ, концы котораго свободно висятъ. Задняя

[1]) Это обстоятельство въ связи съ подобнымъ же явленіемъ на противолежащей картинѣ II, 1, гдѣ, однако, къ столу идетъ дѣвушка, несущая посуду на блюдѣ, позволяетъ, можетъ быть, предположить, что и на нашей картинѣ несохранившійся мальчикъ несъ къ столу недостающіе сосуды.

жердь мольберта отставлена, переднія выдвинуты впередъ; на нихъ, приблизительно посрединѣ, укрѣплены палочки, на которыхъ стоитъ подрамокъ изъ четырехъ скрѣпленныхъ между собою планокъ; въ подрамокъ вставлена квадратная доска или квадратный кусокъ какого-нибудь другого матеріала, на которомъ можно было писать. Описанная разстановка предметовъ вызвана, конечно, неумѣніемъ мастера, писавшаго картину, справиться съ перспективой: ящикъ съ красками, конечно, надо представлять себѣ стоящимъ рядомъ съ художникомъ, а мольбертъ съ подрамкомъ—стоящимъ передъ нимъ. Тѣмъ же неумѣніемъ вызвано, конечно, и изображеніе ящика-палитры въ вертикальномъ, а не въ горизонтальномъ положеніи. Цѣлью мастера было показать во что бы то ни стало всѣ характерныя особенности предмета, чего при горизонтальномъ положеніи его онъ бы сдѣлать не могъ. Въ этомъ сказывается уже не разъ отмѣченное своеобразное возвращеніе къ архаическимъ пріемамъ.

На стѣнѣ висятъ три уже готовыхъ портрета, изъ нихъ средній еще въ подрамникѣ, два крайніе уже въ хорошихъ расписныхъ или рѣзныхъ деревянныхъ круглыхъ рамкахъ. На всѣхъ портретахъ изображены мужскіе безбородые поясные бюсты впрямь, задрапированные въ гиматіи. Одна изъ рамокъ, въ которыя вставлены портреты, украшена овами, другая—внутри штриховымъ орнаментомъ, по внѣшнему же кругу разводами.

Интерпретація нашей картины будетъ дана ниже.

Юноша съ лошадью.

3 (табл. XCIII, 1). Въ слѣдующемъ интерколюмніи, въ центрѣ, изображенъ юноша впрямь. Головая его склонена на лѣвую, согнутую въ локтѣ, руку, которою онъ опирается на невысокую колонку съ базой и круглой доской вмѣсто капители. Въ правой рукѣ, также согнутой въ локтѣ, юноша держитъ, касаясь верха колонки, нагайку съ массивной круглой точеной ручкой и поводъ стоящей съ нимъ рядомъ вправо лошади. Все тѣло юноши покоится на правой ногѣ, лѣвая полусогнута въ колѣнѣ и заложена за правую. Одѣтъ юноша въ обычный боспорскій костюмъ: облегающіе штаны, мягкіе сапоги, рукавный камзолъ-хитонъ и плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, образующій sinus на груди и прямо спадающій спереди, закрывая всю середину фигуры. Лошадь сдѣлана очень неумѣло и грубо, ростомъ она почти вдвое меньше юноши. Направо отъ юноши на стѣнѣ подвѣшенъ на крюкѣ на длинномъ ремнѣ горитъ съ лукомъ и стрѣлами.

Танецъ пигмеевъ.

III (табл. XCV, 2). На второй короткой сторонѣ мы имѣемъ очень любопытную сцену сакральнаго погребальнаго апотропэическаго танца. Все поле и здѣсь покрыто цвѣтами и листьями. Въ лѣвой части картины изображенъ обычный круглый столъ на трехъ ножкахъ, кончающихся львиными лапами. На столѣ стоитъ 5 сосудовъ, именно, считая справа налѣво: высокій кверху расширяющійся бокалъ на круглой ножкѣ, кіаѳъ (черпательная ложка), большой кратеръ съ двумя (?) ручками, какъ кажется, ведрообразный и безъ ножки; далѣе сохранился только конусообразный верхъ какого-то предмета, можетъ быть, сосуда или жертвеннаго печенья и, наконецъ, небольшая круглая чашка на круглой же ножкѣ. Всѣ сосуды за исключеніемъ кіаѳа, вѣроятно, стеклянные. Формы ихъ обычны для продуктовъ римской стекляной техники. Подъ столомъ видны контуры большого кувшина съ ручкой.

Правую сторону картины занимаютъ два пляшущихъ нагихъ карикатурныхъ пигмея. У лѣваго, обращеннаго вправо, голова, съ огромными носомъ и ушами, закинута вверхъ и повернута назадъ, правая рука вытянута, согнута въ локтѣ и пріопущена, лѣвая вытянута, согнута и поднята; въ обѣихъ рукахъ по парѣ длинныхъ

кроталовъ. На встрѣчу первому пигмею выплясываетъ второй влѣво; голова его пріопущена, носъ такой же колоссальный, какъ и у перваго, съ шишкой на концѣ. Руки растянуты и подняты; въ нихъ кроталы. Между ногъ торчитъ огромный фаллъ.

Сидящая женщина. IV, 1 (табл. XCII, 2). Посрединѣ картины на высокомъ, изображенномъ въ профиль, креслѣ съ высокой, нѣсколько загнутой вверху назадъ спинкой и съ ручками въ видѣ трехъ арокъ сидитъ женщина вправо, голова впрямь. Одѣта такъ же, какъ женщина на I, 1. Подъ ногами ея скамейка. На рукахъ она держитъ сидящаго вправо довольно большого младенца въ рубашонкѣ; голова его повернута впрямь; правая рука не сохранилась, въ лѣвой держитъ гроздъ винограда. Сзади кресла служанка впрямь, въ обычной одеждѣ; предметъ, который она держала въ рукахъ, не сохранился. Передъ сидящей женщиной круглый столъ на трехъ ножкахъ, но безъ сосудовъ на немъ. Къ этому столу приближается дѣвушка въ обычной одеждѣ влѣво, голова впрямь. Въ обѣихъ рукахъ она держитъ большое блюдо съ тремя или четырьмя сосудами въ немъ; сосуды еле набросаны и потому форма ихъ неопредѣлима.

Два всадника. 2 (табл. XCIII, 2). Два всадника, стоящіе одинъ противъ другого. Картина въ нижнихъ частяхъ сильно пострадала отчасти отъ сырости, отчасти отъ шелушенія штукатурки. Лѣвый всадникъ изображенъ цѣликомъ и въ болѣе крупномъ масштабѣ: онъ, очевидно, главная фигура картины. Сидитъ онъ вправо на спокойно стоящей лошади буро-краснаго цвѣта съ поднятымъ трубою хвостомъ. Всадникъ безоруженъ; одѣтъ въ обычный костюмъ; плащъ застегнутъ на правомъ плечѣ. Тѣло вправо, голова въ три четверти. Правой рукой держитъ поводъ. Противъ него другой всадникъ влѣво. Голова не сохранилась. Одѣтъ въ обычную одежду. Въ правой поднятой рукѣ нагайка съ толстой ручкой, лѣвой держитъ поводья. У сѣдла на лѣвой сторонѣ лошади—горитъ съ лукомъ и стрѣлами.

Музыканты. 3 (табл. XCIV, 2). Фонъ, какъ на другихъ картинахъ. Вся картина очень поблѣднѣла, низъ ея почти весь погибъ. Изображена группа изъ трехъ музыкантовъ (см. выше стр. 350). Посрединѣ, на креслѣ со спинкой изъ трехъ перекрещивающихся брусьевъ сидитъ юноша впрямь, ступни ногъ повернуты вправо. Во что онъ одѣтъ, нельзя опредѣлить, такъ какъ верхняя часть его туловища закрыта музыкальнымъ инструментомъ, а нижняя не сохранилась. Вѣроятнѣе всего, что на немъ надѣтъ, какъ и на его сосѣдяхъ, рукавный хитонъ или казакинъ безъ плаща. Обѣими руками юноша придерживаетъ большой музыкальный инструментъ, можетъ быть, покоящійся нижней своей частью на колѣняхъ. Это—ручной органъ, главныя составныя части котораго составляютъ рядъ свирѣльныхъ дудокъ внизу и камера наверху. Фронтъ нижней части камеры даетъ три арки, въ верхней части, можетъ быть, киматій или веревочный орнаментъ. Пальцами музыкантъ, какъ кажется, перебираетъ клавиши. Направо и налѣво отъ этого игрока на гидравлѣ стоятъ (а не сидятъ, какъ кажется на первый взглядъ) два флейтиста, играющіе на двойной флейтѣ каждый. Корпусъ и ноги лѣваго повернуты влѣво, голова впрямь; корпусъ и ноги праваго вправо, голова тоже впрямь. Одѣты, какъ сказано, въ рукавные хитоны или камзолы безъ плащей.

V (табл. XCV, 1). Плафонъ или крышка. Составлена изъ двухъ частей. Въ массивномъ кускѣ известняка выдолблено подобіе плоскаго коробоваго свода. На немъ разбросаны безъ какой-либо симметріи зеленыя вѣтки и отдѣльные листья, красные лепестки и большія вѣтки съ гранатовыми плодами. Среди этого растительнаго царства стоитъ вправо, параллельно длиннымъ сторонамъ крышки, павлинъ

или, лучше, пава съ поднятой лѣвой ногой. Клювъ ея какъ разъ приходится около одной вѣточки изъ трехъ листьевъ, такъ что кажется, что она эту вѣточку держитъ въ клювѣ. Выше другая птица, можетъ быть, той же породы (сильно стерлась).

Общая схема декоровки.

Таковы картины, украшающія внутренность нашей миніатюрной камеры. Прежде чѣмъ перейти къ толкованію отдѣльныхъ картинъ, остановлюсь на общей схемѣ декоровки и на ея особенностяхъ.

Расписанные внутри саркофаги представляютъ явленіе исключительное. Правда, нѣчто подобное мы имѣемъ въ Египтѣ и отчасти на Критѣ (см. Fredrich, Sarkophagstudien, *Gött. gel. Nachr.* 1895, 73, пр. 15), но эти памятники ничего общаго съ саркофагами нашего типа не имѣютъ. Исключить надо и саркофаги клазоменскіе, такъ какъ ихъ роспись объясняется ихъ вертикальнымъ положеніемъ во время πρόθεσις (см. Meurer, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1902, 65) [1]). Болѣе близкія аналогіи даютъ гробницы въ формѣ каменныхъ ящиковъ, которыя, какъ было указано выше, иногда украшаются росписью внутри [2]). Особенно поучительны эллинистическія гробницы Танагры въ Бэотіи, о которыхъ попутно была уже рѣчь выше (стр. 81, 4). Но нашъ саркофагъ характеренъ тѣмъ, что онъ даетъ полную и притомъ архитектурную декорацію погребальной комнаты—съ цоколемъ, колоннами, дѣлящими стѣну, и плафономъ. Перенесенная наружу, эта декоровка (за исключеніемъ плафона) дала бы типичную форму стѣны саркофага такъ называемаго храмового типа (Altmann).

Единственную настоящую аналогію нашему памятнику даютъ нѣкоторые саркофаги, найденные въ послѣднее время въ Сициліи. Одинъ изъ этихъ саркофаговъ подробно описанъ Orsi (*Mon. ant. d. Lincei* XVII (1907), 384, рис. 284—287 и табл. XLVI). Сдѣланъ онъ изъ известняка, оштукатуренъ тонкимъ слоемъ штукатурки извнѣ и изнутри. Извнѣ саркофагъ имѣлъ скульптурный цоколь и такой же богатый карнизъ; внутри, по всѣмъ четыремъ угламъ, стояли четыре іонійскія богато расписанныя колонки. Стѣны саркофага внутри были окрашены въ лиловый цвѣтъ съ голубой полоской на верхней полочкѣ. Датируется саркофагъ находкой двухъ краснофигурныхъ лекиѳовъ (см. Orsi, l. l., tav. XVII и XVIII) V в. до Р. Хр. Три капители этого же типа изъ Сициліи, очевидно, части такого же саркофага, находятся нынѣ въ мюнхенской Глиптотекѣ среди вещей собранія Арндта, временно тамъ выставленныхъ (витрина К).

Саркофагъ въ цѣломъ даетъ, такимъ образомъ, настоящую копію дома съ внѣшней и внутренней стороны, и является цѣннѣйшимъ свидѣтелемъ системы домовой росписи V в. до Р. Хр. Къ этому, однако, намъ придется вернуться во второй части. Здѣсь отмѣчу, во-первыхъ, то, что сицилійскій саркофагъ ясно говоритъ о расчлененіи стѣнъ дома во внутреннихъ помѣщеніяхъ уже въ V в. до Р. Хр. колоннами (о чемъ ниже); во-вторыхъ, то, что декоровка комнаты здѣсь цѣликомъ воспроизведена внутри саркофага.

Въ керченскомъ саркофагѣ мы имѣемъ то же. Воспроизведена здѣсь, однако, не домовая декоровка, а декоровка гробницы, одной изъ многочисленныхъ погребальныхъ камеръ Керчи, высѣченныхъ въ склонахъ холма [3]). Самая

[1]) Роднитъ нашъ саркофагъ съ саркофагами клазоменскими только то, что онъ, подобно клазоменскимъ, у головы шире, чѣмъ у ногъ,—residuum антропоидныхъ саркофаговъ.

[2]) См. Fredrich, l. l.; Altmann, Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage, Berlin, 1902, 28.

[3]) Возможно было бы, конечно, предположить то-же и для сицилійскихъ саркофаговъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстна одна древняя гробница, гдѣ лиловая краска въ окраскѣ стѣны играетъ

система стѣнной росписи и схема размѣщенія картинъ ея болѣе всего напоминаютъ систему декоровки первой комнаты Ашиковскаго склепа и родственныхъ ему гробницъ. И здѣсь мы имѣемъ стѣну, раздѣленную колоннами, стоящими на цоколѣ, и здѣсь фигуры размѣщены въ интерколюмніяхъ; разница только та, что въ Ашиковской гробницѣ онѣ размѣщены въ два ряда одинъ подъ другимъ, въ нашемъ саркофагѣ—въ одинъ.

Я уже указывалъ на то, что архитектурное расчлененіе стѣны колоннами свойственно архитектурному стилю стѣнной декоровки, обычно называемому вторымъ помпеянскимъ. На обычность такого же вертикальнаго дѣленія стѣны какъ въ эпоху процвѣтанія системы горизонтальнаго дѣленія, такъ и въ болѣе раннее время я указалъ попутно въ своей книгѣ Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 120 слл., и здѣсь къ этому возвращаться не буду [1]). Прибавлю къ указаннымъ тамъ примѣрамъ еще два. Во-первыхъ, одну, къ сожалѣнію, не сохранившуюся и плохо описанную гробницу въ три комнаты изъ Руво [2]). Изъ описанія этой гробницы ясно только одно, что одна стѣна первой и всѣ (?) стѣны двухъ остальныхъ комнатъ были расчленены колоннами. О датѣ гробницы можно было бы гадать на основаніи слѣдующихъ особенностей росписи. Судя по описанію, на одной изъ стѣнъ изображены были двѣ птицы на краю сосуда съ высокой ножкой въ видѣ колонки. Кромѣ того, двѣ комнаты гробницы были покрыты полуцилиндрическимъ сводомъ. Наконецъ, весьма вѣроятно, что простѣнки между колоннами въ двухъ послѣднихъ комнатахъ были украшены подражаніемъ инкрустаціи въ мраморѣ (упоминаются разноцвѣтные круги въ два palmi діаметра; можетъ быть, впрочемъ, въ этихъ кругахъ надо видѣть изображеніе подвѣшенныхъ щитовъ). Все это позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ почти одновременнымъ нашему, несмотря на то, что большинство расписныхъ гробницъ въ Руво принадлежитъ гораздо болѣе раннему времени.

Несомнѣнно, къ этому значительно болѣе раннему времени принадлежитъ другая италійская гробница съ той же системой росписи, основнымъ признакомъ которой является расчлененіе стѣны написанными колоннами. Это — одна гробница изъ окрестностей Канозы, недавно переизданная V. Macchioro [3]). На ея необычайное сходство съ одной недавно опубликованной ранне-эллинистической гробницей изъ окрестностей Александріи [4]) и на значеніе, которое обѣ гробницы имѣютъ для исторіи возникновенія такъ называемаго второго помпеянскаго стиля, я указалъ недавно въ особой замѣткѣ [5]).

Несомнѣнно, что и нашъ саркофагъ, и гробницы Ашика, Стасовская и 1875 г. въ основномъ принципѣ совпадаютъ какъ съ указанными примѣрами росписи ранняго эллинизма, такъ и со вторымъ помпеянскимъ стилемъ. Тѣмъ не менѣе между вторымъ помпеянскимъ стилемъ и системой пантикапейскихъ расписныхъ гробницъ имѣется коренная разница. Наша и указанныя выше пантикапейскія гробницы цѣликомъ сохранили тяжеловѣсность и монументальность подготовительныхъ стадій

значительную роль (см. Ross, Arch. Aufs. I, 5 слл., табл. III). Впрочемъ, стѣны въ этой гробницѣ уже разбиты на квадры.

[1]) Объ этомъ будетъ еще рѣчь во второй части.

[2]) См. *Bull. d. Ist.* 1836, 162 слл.; отсюда Weege, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XXIV (1909), 48; Pagenstecher, *Röm. Mitth.* XXVII (1912), 104 сл.

[3]) V. Macchioro, Curiosità Canosine, *Apulia* II (1911), ср. *Arch. Anz.* XXVII (1912), 311.

[4]) См. E. Breccia, La necropoli di Sciatbi (Service des antiquités. Catalogue général des monuments du Musée d'Alexandrie), табл. I—V, стр. XXXII слл.

[5]) См. M. Rostowzew, A proposito di una tomba dipinta de Canosa. *Neapolis*, I (1913), 1 слл.

второго помпеянскаго стиля, ихъ архитектурность, которой такъ недостаетъ колоннамъ и пилястрамъ даже наиболѣе раннихъ росписей второго стиля. Сохранили они отъ этого періода и размѣщеніе между колоннами фигуръ почти одинаковой высоты съ колоннами, принципъ, сохраняющійся въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ декоровкахъ второго стиля (см., напримѣръ, декоровку villa Item около Помпей, *Not. d. Sc.* 1910, 139 слл., табл. I—XX) и возрождающійся въ болѣе позднихъ росписяхъ II в. по Р. Хр. (напримѣръ, домъ подъ церковью S. Giovanni e Paolo въ Римѣ, домъ на склонѣ Палатина по направленію къ цирку), хотя и тамъ, и здѣсь архитектура сложнѣе и схема гораздо менѣе строга [1]).

Возрожденіе архаическихъ мотивовъ и архаической схемы, несомнѣнно, наблюдается и на интересующемъ насъ саркофагѣ. На то-же явленіе я не разъ уже указывалъ при разборѣ Ашиковской гробницы. Нашъ саркофагъ, пожалуй, даже строже Ашиковскаго склепа, такъ какъ въ немъ мы не видимъ типичнаго для Ашиковскаго склепа сочетанія цвѣточнаго и инкрустаціоннаго стилей.

Характерный примѣръ возобновленія старыхъ традицій въ сравнительно позднее время даетъ намъ и цѣлая группа колончатыхъ саркофаговъ, воскрешающая въ эпоху поздняго эллинизма и въ римское императорское время традицію ранняго эллинизма IV—III в. до Р. Хр. (см. выше, стр. 219 слл., 266 слл.). Характерно, что и на фасадахъ этихъ саркофаговъ, расчлененныхъ колоннами и пилястрами, мастера любятъ заполнять интерколюмніи либо отдѣльными фигурами, либо группами ихъ, обыкновенно, изъ цикла Ніобы и Ніобидовъ. Интересно, что эти фигуры репродуцируютъ гораздо болѣе ранніе оригиналы совершенно такъ же, какъ схема расположенія фигуръ въ интерколюмніяхъ репродуцируетъ традицію, хорошимъ, хотя, можетъ быть, и сравнительно позднимъ, представителемъ которой является извѣстный сидонскій саркофагъ такъ называемыхъ «Плакальщицъ».

Любопытно, что явленіе, подобное наблюденному для деревянныхъ саркофаговъ, мы видимъ и въ исторіи саркофаговъ каменныхъ. Типъ саркофага съ колоннами послѣ саркофага «Плакальщицъ» возобновляется впервые въ I в. по Р. Хр., а затѣмъ съ особой силой въ эпоху Антониновъ [2]). Если для деревянныхъ саркофаговъ мы, можетъ быть, имѣемъ намеки на непрерывное развитіе, то для мраморныхъ даже такихъ намековъ не имѣется. Мы стоимъ, несомнѣнно, передъ фактомъ внезапнаго возобновленія старой, казалось, заглохшей традиціи. Такихъ фактовъ исторія декоративнаго искусства античности знаетъ немало [3]).

Поразительно совпаденіе нашего саркофага съ вышеупомянутой гробницей, открытой Ашикомъ, и по отношенію къ выбору сюжетовъ для фигурной росписи. И въ этомъ отношеніи нашъ саркофагъ еще цѣльнѣе, строже и значительно грубѣе. Сюжеты картинъ.

Изголовье покойника украшаетъ монументальная гирлянда-сѣтка съ цвѣткомъ посрединѣ; у ногъ его мы видимъ символическій столъ съ сосудами и апотропэическую пляску пигмеевъ. На длинныхъ сторонахъ размѣщены исключительно сюжеты героическаго цикла съ присоединеніемъ двухъ, взятыхъ изъ области

[1]) См. P. Germano di S. Stanislao, La casa Celimontana, ecc., Roma 1894, и для палатинскаго дома Marchetti, *Not. d. sc.* 1893, 94 сл.; Hülsen, *Röm. Mitth.* 1893, 289 слл.; ср. цѣлый рядъ другихъ примѣровъ, хотя бы не разъ указанную выше гробницу Насоніевъ на via Aurelia около Рима.

[2]) См. Altmann, Die Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage, 52 слл.; Watzinger, Die griechischen Holzsarkophage, 89 слл.

[3]) См. выше въ главѣ о склепѣ 1895 г. стр. 219 слл. Здѣсь я указалъ на возрожденіе въ эллинизмѣ, а затѣмъ въ римское время традицій, которыя праздновали свой расцвѣтъ въ Египтѣ еще въ эпоху XIX и XX династій, причемъ сюда онѣ, по всей вѣроятности, пришли извнѣ.

актовъ, сопровождавшихъ погребеніе (см. ниже). Такъ, у самого изголовья мы видимъ такъ называемую трапезу мужчины въ присутствіи женщины и противъ нея трапезу женщины одной; обѣ эти картины, очевидно, имѣютъ торжественное погребальное значеніе. Затѣмъ такой же героическій характеръ и такое же погребальное значеніе имѣютъ картины, изображающія юношу верхомъ и юношу съ лошадью у колонки. Помѣщены же онѣ не одна противъ другой, можетъ быть, потому что художникъ хотѣлъ связать сцену музыки со сценой пляски пигмеевъ короткой стороны.

Наконецъ, изъ области погребальнаго обряда взяты уже знакомыя намъ сцена трехъ музыкантовъ и сцена изготовленія погребальнаго портрета (на этихъ сценахъ остановлюсь ниже подробно).

Особенности первыхъ четырехъ сценъ.

Что касается первыхъ четырехъ сценъ, то въ нихъ интересны нѣкоторыя, по большей части уже знакомыя намъ детали.

Отсутствіе посуды на столѣ во II, 1 и IV, 1, объясненное выше, какъ изображеніе приготовленія къ трапезѣ (см. выше), на южно-русскихъ стелахъ необычно, но вполнѣ обычно въ другихъ областяхъ древняго міра, гдѣ приготовленія къ такъ называемой трапезѣ постоянно соединяются съ изображеніемъ возлежащихъ. Это — residua реализма болѣе ранняго времени, чуждаго іератичной архаики и мертвенности южно-русскихъ стелъ.

Такимъ же residuum является и ребенокъ на рукахъ сидящей женщины, какъ въ гробницѣ 1891 г. (см. выше, стр. 187). Гроздъ въ рукахъ возлежащаго мальчика напоминаетъ Сораковскій склепъ и рядъ стелъ, а также Ашиковскую гробницу. Это—элементы, напоминающіе о связи загробной жизни съ Діонисовскими представленіями. Для двухъ послѣднихъ чертъ интересно сравнить нашъ саркофагъ съ извѣстной стелой Стратона изъ Ольвіи (K.-W., № 688). Здѣсь на колѣняхъ у матери сидитъ дѣвочка, которая тянется къ протягиваемому ей возлежащимъ мужчиной грозду винограда (II в. до Р. Хр.?), ср. K.-W., 689, 690, 691, 692, 693.

Отмѣчу еще необычность соединенія юноши съ колонкой и лошади (о подвѣшенномъ на стѣнѣ горитѣ см. выше, стр. 177) и укажу на то, что изъ двухъ стоящихъ другъ противъ друга всадниковъ (см. выше, стр. 176) безоружный, конечно, господинъ, а держащій плетку—слуга.

Сцена писанія портрета.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ сценахъ реалистически-погребальнаго характера, изображенныхъ на нашемъ саркофагѣ. При этомъ, однако, я не имѣю въ виду входить въ детальный разборъ изображеннаго съ точки зрѣнія антикварной и удовольствуюсь въ этомъ отношеніи нѣсколькими необходимыми для пониманія замѣчаніями.

Мнѣ было бы трудно доказать, что сцена писанія портрета относится, какъ и сцена музыки, къ области той реалистики, которая связана съ похоронными обрядами, такъ какъ подобнаго рода изображеній я въ сферѣ погребальнаго искусства не знаю. Всѣ извѣстныя мнѣ изображенія художника за работой принадлежатъ свѣтской декоративной, иногда карикатурной живописи, нѣкоторыя относятся къ области книжныхъ иллюстрацій [1]).

Но смыслъ всѣхъ изображеній, помѣщенныхъ на стѣнахъ нашего саркофага, съ одной стороны, обычность въ античномъ мірѣ изготовленія погребальнаго портрета для положенія его въ гробъ усопшаго съ другой, позволяютъ мнѣ и

[1]) Собраны въ довольно большомъ количествѣ у Blümner, Technologie und Terminologie der Gewerbe u. Künste, IV, 459 слл., ср. ст. Pictura (P. Girard) у Daremberg et Saglio, Dict. d. ant. IV, 464 сл.

наше изображенiе мастерской художника истолковать, какъ изображенiе одного изъ актовъ, связанныхъ съ погребенiемъ.

Дѣйствительно, не приходится напоминать о такъ называемыхъ фаюмскихъ портретахъ, изготовлявшихся для погребальныхъ цѣлей. Еще интереснѣе то, что портреты усопшихъ клались въ Египтѣ въ гробы и отдѣльно, безъ связи съ муміей; таковъ очень характерный, хотя и очень грубый, портретъ дѣвочки въ школьномъ возрастѣ и съ аттрибутами школьной жизни, изображенный вставленнымъ въ деревянную рамку совершенно той же формы, какъ и наша, и помѣщеннымъ въ эдикулѣ [1]) совершенно такъ же, какъ въ нишахъ и эдикулахъ греко-римскихъ египетскихъ домовъ помѣщались картины и портреты, частью написанные на штукатуркѣ, частью на деревянныхъ доскахъ, вставленныхъ въ рамку и вдѣланныхъ въ нишу [2]). Характерно и то, что портреты въ рамкахъ постоянно украшаютъ надгробные памятники римскаго императорскаго времени какъ снаружи, такъ и извнутри [3]).

Съ антикварной точки зрѣнія наша картина чрезвычайно интересна. Мы имѣемъ здѣсь первое несомнѣнное, а, можетъ быть, и единственное изображенiе энкавстической портретной живописи, вѣроятно, на деревянныхъ доскахъ [4]). Что передъ нами энкавстика, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнiя изображенiе согрѣванiя металлическаго инструмента (кавтерiя) надъ переносной жаровней, какъ важнѣйшаго, очевидно, наиболѣе характернаго акта всей процедуры. Къ сожалѣнiю, единственный памятникъ, на которомъ, можетъ быть, также представленъ художникъ, работающiй въ энкавстической техникѣ надъ портретомъ,—извѣстная каррикатура изъ Помпей [5]) далеко не всѣми толкуется одинаково (см. Rossbach въ P.-W., R. E., V, 2576).

Я не имѣю возможности входить здѣсь въ разсмотрѣнiе сложнаго и запутаннаго вопроса объ энкавстикѣ вообще, объ ея техникѣ и о томъ, какiе инструменты употреблялись живописцами, работавшими въ этой техникѣ. Укажу только на то, что имѣетъ прямое отношенiе къ толкованiю нашей картины. Уже Donner (*Beil. z. Münch. Allg. Zeitung*, 1880, № 180; цитату беру изъ указанной выше статьи Rossbach'а) отмѣтилъ, что, по крайней мѣрѣ, часть египетскихъ погребальныхъ портретовъ, сдѣланныхъ на доскахъ, исполнена въ энкавстической техникѣ, что̀ и по-

---

[1]) См. Edgar, *Catalogue général des antiquités égyptiennes* (Musée du Caire). Graeco-egyptian coffins, masks, portraits, № 33269, pl. XLIII; *Le Musée égyptien*, II (1904), pl. XIX, p. 49 слл.

[2]) Rubensohn, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XX (1905), 1 слл.

[3]) См., напримѣръ, неразъ уже указанную расписную гробницу въ Пальмирѣ, Фармаковскiй, *Изв. Конст. Арх. Инст.*, VIII, табл. III—VI; Strzygowski, Orient oder Rom, 30 сл. Портреты здѣсь изображены вставленными въ круглыя деревянныя рамки того же типа, какъ и наши. Портретъ въ круглой рамкѣ изображенъ и Секундинiями на видномъ мѣстѣ ихъ надгробнаго памятника около Трира (Igelsäule), см. Strong, *Journ. of rom. St.*, I, 24 слл., pl. VI, ср. S. Reinach, Rép. d. rel., I, 167—169. Количество примѣровъ можно было бы значительно умножить.

[4]) Къ сожалѣнiю, наша картина до сихъ поръ лицами, занимавшимися вопросомъ объ энкавстикѣ, не использована. Первый ее упомянувшiй — Кизерицкiй въ своей публикацiи этого памятника не отмѣтилъ, что представленъ художникъ, работающiй въ энкавстической техникѣ. Не упоминаетъ нашего саркофага и Д. В. Айналовъ въ своей замѣткѣ «Къ вопросу о техникѣ восковой живописи» *Ж. М. Н. Пр.*, 1908, апрѣль, класс. отд., 193 слл., хотя для его цѣли изображенiя переноснаго очага и нагрѣваемаго кавтерiя имѣютъ большое значенiе и требовали бы тщательнаго разбора.

[5]) См. Mazois, Maison de Scaurus, 118, табл. 7; Ruines, II, 68; ср. Zahn, Die schönsten Ornamente, I, табл. 86; O. Jahn, *Abh. d. Sächs. Ges.*, V, табл. IV, 6 и 6a; P. Girard, Daremberg et Saglio, Dict., s. v. Pictura, IIa, 469, рис. 5661.

нятно для живописи, которая должна была быть предана землѣ вмѣстѣ съ муміей. Для портретовъ на деревѣ, такимъ образомъ, наша техника засвидѣтельствована [1]).

Къ сожалѣнію, нельзя съ точностью сказать, какой инструментъ держитъ въ рукахъ нашъ художникъ и что̀ онъ собирается дѣлать имъ, послѣ того какъ онъ въ достаточной мѣрѣ согрѣется,—имѣемъ ли мы здѣсь знаменитый, давшій поводъ къ столькимъ контроверсамъ κέστρον, или одинъ изъ тѣхъ инструментовъ, которыми согрѣвали уже сдѣланную кистью живопись [2]). Во всякомъ случаѣ, нашъ инструментъ совершенно не похожъ на длинныя металлическія палочки съ ложечкой на концѣ, которыя найдены въ знаменитой могилѣ St. Médard des Près [3]). Зато ящикъ нашъ очень напоминаетъ ящикъ, найденный среди упомянутыхъ инструментовъ, въ особенности же ящикъ, описанный Варрономъ (de r. r. III, 17, 4: Pausias et ceteri pictores eiusdem generis loculatas magnas habent arculas, ubi discolores sint cerae, ср. Seneca, epist., 121,5); наша картина подчеркиваетъ и величину ящика и то, что въ немъ помѣщены краски различныхъ цвѣтовъ.

Характерна и поза, и положеніе рукъ художника,—очевидно, обычная поза, типичная для мастеровъ его профессіи. Въ другія детали вдаваться не буду. Надо надѣяться, что картина наша теперь послѣ достодолжной ея публикаціи будетъ использована тѣми, кто спеціально занимается вопросами живописной техники.

Сцена музыкантовъ.

Съ антикварной точки зрѣнія интересна и сцена съ музыкантами, главнымъ образомъ постольку, поскольку она даетъ изображеніе переноснаго органа-гидравла. Не стану и здѣсь вдаваться въ подробности, требующія особыхъ техническихъ знаній, и отсылаю за ними къ спеціальной литературѣ [4]).

Любопытно, однако, что два органа приблизительно тѣхъ же размѣровъ, что и изображенный на нашемъ саркофагѣ, и совершенно той же внѣшности, т. е., очевидно, и той же конструкціи найдены были въ Помпеяхъ, одинъ въ 1876 г. въ casa del Toro (Неапол. муз., инв. № 111055) [5]), другой въ 1898 г. за стѣнами города [6]). Въ первомъ количество трубокъ 9 (какъ въ нашемъ), во второмъ 11. Низъ того и другого (сохранилась только бронзовая обшивка) украшенъ по сторонамъ эдикулами изъ двухъ колоннъ каждая и въ центрѣ тетрастильнымъ фасадомъ, т. е. декорированъ по той же приблизительно системѣ, что и нашъ [7]).

Такіе же переносные органы, можетъ быть, не гидравлическіе, а только пневматическіе, упоминаются и въ нашемъ литературномъ преданіи (Pollux, IV, 70, см. Degering, l. l., 52) и изображаются иногда на памятникахъ искусства и художественной промышленности.

Таковъ фрагментъ дна глиняной чашки изъ Оранжа (Degering, l. l., стр. 84 сл., табл. VIII, 2) и конторніатъ съ надписью Petroni placeas (Sabatier, Descr.

---

[1]) Въ той же техникѣ, очевидно, укрѣпившейся въ портретной живописи, написаны и извѣстныя синайскія иконы восковой живописи Кіевскаго музея, см. Айналовъ, *Виз. Врем.*, 1898 (V) и 1902 (IX); Grueneisen, Le portrait, Rome 1911; ср. Айналовъ, *Ж. М. Н. Пр.* класс. отд. 1908, апрѣль, 196.

[2]) См. о нихъ и вообще объ инструментахъ энкавстической техники H. Cros и Ch. Henry, L'encaustique et les autres procédés de peinture chez les anciens, Paris, 1884, 28 слл.

[3]) См. Fillon, Description de la ville et du tombeau d'une femme artiste gallo-romaine découverts à St. M., Fontenay, 1849; P. Girard, l. l., 465, рис. 5655.

[4]) См. ст. Ruelle въ Darembetg et Saglio, Dict., IIIa, 312 слл., гдѣ дана обширная библіографія; ср. H. Degering, Die Orgel etc., Münster, 1905.

[5]) См. *Bull. d. Ist.* 1878, 99; ср. Gusman, Pompei, p. 194.

[6]) Инв. № 128, 887; *Not. d. sc.* 1899, 442, ср. 444, fig. 6.

[7]) Къ сожалѣнію, Degering помпеянскихъ памятниковъ не знаетъ и поэтому съ этими единственными дошедшими до насъ оригиналами не считается.

gén., pl. X, 4; Degering, l. l., 80 сл., табл. VII, 4) [1]). Послѣдній памятникъ особенно характеренъ и для насъ важенъ, такъ какъ изображаетъ группу, чрезвычайно напоминающую группу нашего саркофага и особенно Ашиковской гробницы, давая такое же сочетаніе трехъ лицъ, изъ которыхъ среднее играетъ на органѣ, а, по крайней мѣрѣ, одно изъ боковыхъ—на флейтѣ. Расположеніе фигуръ по отношенію другъ къ другу на всѣхъ трехъ памятникахъ почти одинаково. Характерное для нашихъ памятниковъ сочетаніе музыкантовъ двухъ категорій напоминаетъ также нѣкоторыя изображенія настоящаго гидравла, не переноснаго, такъ, напримѣръ, древнѣйшее изображеніе гидравла—александрійскую терракотту изъ Лувра (Degering, табл. II), гдѣ рядомъ съ гидравломъ изображенъ пигмей, играющій на прямой трубѣ, и мозаику изъ Nennig'a, гдѣ около гидравла стоитъ cornicen. Послѣднія два изображенія позволили бы, можетъ быть, усомниться въ правильности моего истолкованія боковыхъ фигуръ Ашиковской гробницы, какъ флейтщиковъ, и давали бы возможность толковать ихъ какъ трубачей. Но аналогія съ нашимъ саркофагомъ для меня болѣе убѣдительна.

Большинство античныхъ памятниковъ даетъ, однако, изображеніе не переносныхъ органовъ, а большихъ инструментовъ, стоящихъ на постаментахъ. Изъ этихъ изображеній для насъ болѣе всего интересны изображенія на саркофагахъ, см. два саркофага изъ Арля, Degering, l. l., 77 сл., табл. V, 2 и VII, 1. Здѣсь изображеніе музыкальныхъ инструментовъ, вѣроятно, имѣетъ отношеніе къ музыкѣ, сопровождавшей обрядъ погребенія. То же нужно сказать и объ изображеніи на одной надгробной стелѣ изъ Албаніи, оставшейся неизвѣстною Дегерингу, см. C. Patsch, Das Sandjak Berat in Albanien, *Schriften der Balkankommission*, Ant. Abt., III, 165, № 22; ср. такой же надгробный рельефъ изъ Дунапентеле въ *Arch. Ertesitö* 1910, 319, рис. 5.

Сцена съ пигмеями.

Остановлюсь еще на нѣкоторое время на танцующихъ пигмеяхъ съ кроталами въ рукахъ (ср. выше стр. 250). Типъ танцующаго пигмея, несомнѣнно, египетскаго происхожденія, и танецъ всегда носитъ экстатическій, отчасти карикатурный характеръ. Такъ, на одномъ египетскомъ рельефѣ XIX династіи въ Каирскомъ музеѣ (№ 375 или 173) два такихъ маленькихъ танцовщика пляшутъ другъ противъ друга; ихъ окружаетъ съ одной стороны группа мужчинъ, съ другой—женщинъ съ тамбуринами въ рукахъ, исполняющихъ священную пляску. Въ рукахъ этихъ «пигмеевъ» по кроталу, составленному изъ двухъ обрѣзковъ тростника [2]). Такая же группа имѣется въ одномъ помѣщеніи храма въ Деиръ-эль-Бахари около Ѳивъ въ сценѣ военной процессіи (опять экстатическій танецъ, исполняемый двумя лицами).

Въ Александріи пляшущіе карлики превратились въ каррикатурныхъ пигмеевъ; они сохранили свой египетскій оттѣнокъ вплоть до римскаго времени, когда нашли себѣ особенно широкое распространеніе. Изъ александрійскихъ памятниковъ назову серебрянную вазу, найденную въ Египтѣ (Rubensohn, *Arch. Anz.*, 1905, 70), и нѣкоторыя лампы въ Александрійскомъ музеѣ (ср. изображеніе κρόταλα среди аттрибутовъ египетскаго культа въ Помпеяхъ въ casa degli amorini dorati, *Not. d. Sc.*

[1]) Укажу еще на одинъ памятникъ, оставшійся неизвѣстнымъ Дегерингу. Это мозаика, опубликованная въ Catalogue du Musée Alaoui (Supplément), Paris, 1910, pl. IV. Въ рукахъ музыканта здѣсь переносный органъ-свирѣль, въ который онъ, какъ кажется, дудитъ, перебирая руками клавиши, ср. P. Gauckler, Inventaire des mosaiques de l'Afrique (Paris, 1910), № 806 (Карѳагенъ); тамъ же литература.

[2]) См. Maspero, Egypte *(Ars una)*, стр. 200 слл., рис. 371 (гробн. Гармину).

1907, 555, рис. 6) [1]). Въ большихъ картинахъ, изображающихъ пигмеевъ, пигмеи, танцующіе подъ звукъ кроталовъ, обычны (см., напримѣръ, Sybel, Weltgeschichte der Kunst [2], 348, ср. *Arch. Anz.* 1892, 52, 80). Къ эллинистическому времени относится и, можетъ быть, принадлежитъ къ александрійскимъ фабрикатамъ рельефная чаша, изданная (изображеніе, однако, не понято), Pagenstecher'омъ, Die calenische Reliefkeramik, 63, 79 (табл. 11), и нѣкоторыя изъ приведенныхъ имъ для объясненія чаши лампъ.

Въ римское императорское время описываемая сцена встрѣчается постоянно на самыхъ разнообразныхъ предметахъ [2]). Особенно интересенъ одинъ алтарь изъ музея въ Орвіето [3]). Въ серіи погребальныхъ изображеній назову еще мозаику, изданную у Bartoli, Sepolcri, tav. 18, ср. *Arch. Anz.* 1899, 68.

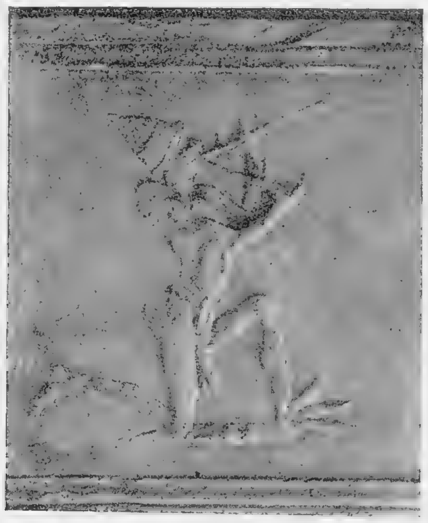


Рис. 68. Пигмей на алтарѣ музея въ Орвіето.

Рис. 69. Пигмей на алтарѣ музея въ Орвіето.

Сцены танцующихъ уродцевъ-пигмеевъ взяты, несомнѣнно, изъ дѣйствительности. Лукіанъ, Symp. 432, упоминаетъ такихъ каррикатурныхъ танцовщиковъ,

[1]) Ср. такое же изображеніе κρόταλα на одномъ амфорискѣ Энніона изъ Нью-Іорка, Kisa, Das Glas, 652, рис. 273 и 263a, ср. Froehner, La verrerie antique, XXVIII, 114. Указанная серебрянная ваза и ей подобныя являются, несомнѣнно, прототипомъ ниже публикуемаго рельефа изъ музея въ Орвіето. Изъ того же источника вышли и изображенія скелетовъ на металлическихъ и глиняныхъ глазированныхъ сосудахъ. Рядъ такихъ сосудовъ найденъ на югѣ Россіи, см. Pharmakovsky, *Arch. Anz.*, 1911, 228 и рис. 37; Minns, Scythians and Greeks, 355 сл., рис. 262.

[2]) См. O. Jahn, Arch. Beitr., 431, 71; Schreiber, *Ath. Mitth.* X, 392.

[3]) Насколько мнѣ извѣстно, этотъ алтарь не изданъ. Рельефы алтаря, несомнѣнно, судя по техникѣ и характеру плоскаго рельефа, являются подражаніемъ александрійскимъ торевтическимъ образцамъ. На всѣхъ четырехъ сторонахъ алтаря изображены каррикатурные, нагіе, худые уродцы въ типичныхъ для александрійскихъ каррикатурныхъ и длиннофаллическихъ уродцевъ—прототиповъ пигмеевъ — коническихъ шапкахъ. Одинъ съ кастаньетами въ рукахъ (можетъ быть, въ данномъ случаѣ, каждый инструментъ сработанъ изъ одного, расщепленнаго на одномъ концѣ куска тростника) пляшетъ разнузданный танецъ (рис. 69), другой, стоя на правомъ колѣнѣ, играетъ на двойной флейтѣ (рис. 68), третій несетъ два какихъ-то ящика или корзины на коромыслѣ, четвертый удитъ рыбу. Съ этимъ памятникомъ римскаго времени и, вѣроятно, италійской работы интересно сравнить одну африканскую, также сработанную на мѣстѣ, но по александрійскимъ образцамъ, мозаику эллиптической формы, изображающую пирушку. Мозаика, вѣроятно, принадлежитъ сравнительно позднему, можетъ быть, даже византійскому времени. На ней изображены вокругъ пирующіе, сидящіе на диванахъ. Въ центрѣ представлена пляска двухъ одѣтыхъ въ длинные балахоны танцоровъ съ интересующими насъ палками-кастаньетами въ рукахъ; пляшутъ они подъ звуки ручного органа-свирѣли, на которомъ играетъ бородатый музыкантъ. По другую сторону отъ музыканта еще одинъ танцоръ, но безъ кастаньетъ. См. Catalogue du Musée Alaoui (Supplément) Paris, 1910, pl. IV; P. Gauckler, Inventaire des mosaiques de l'Afrique (Paris, 1910), № 806 (IV в. по Р. Хр.?).

которые не скрывали своего египетскаго происхожденія. Въ нашей картинѣ, какъ и въ гробницѣ Сорака, они носятъ, однако, несомнѣнно апотропэическій характеръ [1]).

Дата саркофага.

Попытаемся теперь на основаніи сказаннаго, а также анализа найденныхъ въ саркофагѣ вещей и сопоставленія ихъ съ содержимымъ сосѣднихъ гробницъ, опредѣлить время нашего саркофага.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ саркофагѣ найдены были остатки погребальной утвари. Кромѣ трехъ круглыхъ золотыхъ пластинокъ, трехъ пластинокъ листового золота и нѣсколькихъ золотыхъ листьевъ апія, остатковъ отъ погребальной діадемы (мѣстонахожденіе ихъ мнѣ неизвѣстно), въ саркофагѣ найденъ былъ большой золотой перстень съ рѣзнымъ камнемъ. На этомъ камнѣ изображенъ нагой юноша впрямь, въ правой рукѣ мечъ, лѣвой опирается на копье; около него колонка, на ней, можетъ быть, герма; у колонки база или алтарь, на которомъ стоитъ круглый щитъ, прислоненный къ колонкѣ. Типъ этотъ обыченъ, исполненіе бѣглое, но не позднѣе конца I, начала II вѣка по Р. Хр. [2]).

Съ этимъ согласуется то, что произведенное разслѣдованіе всего некрополя, въ который входитъ и склепъ Фельдштейна, дало очень однородные въ хронологическомъ отношеніи результаты (см. Шкорпилъ, И. И. А. К., 30, 2). Всѣ найденныя здѣсь монеты распредѣляются между правленіями: Миѳрадата II, Котиса I, Рескупорида I, Савромата I, Котиса II и Евпатора, т. е. временемъ отъ сороковыхъ годовъ I в. по Р. Хр. до 170—1 г. по Р. Хр. Наиболѣе часты погребенія конца I и начала II в. по Р. Хр.

Вспомнимъ теперь, что далъ намъ анализъ росписи. Огромное сходство съ гробницей Ашика, полное развитіе цвѣточнаго стиля, но болѣе простыя, чѣмъ въ Стасовской гробницѣ, формы цвѣточнаго орнамента (отмѣчу присутствіе гранатовыхъ плодовъ, какъ въ Зайцевскомъ склепѣ), однородность сценъ, взятыхъ почти исключительно изъ цикла изображеній на надгробныхъ стелахъ, наконецъ, нѣкоторыя черты сходства съ гробницей 1891 г.,—все это заставляетъ насъ и здѣсь думать скорѣе о концѣ I в. по Р. Хр., чѣмъ о началѣ II в. Этотъ результатъ согласенъ съ опредѣленіемъ Кизерицкаго, сдѣланнымъ, очевидно, на основаніи сличенія съ нагробными стелами.

Литература.

Думбергъ, *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 2, стр. 40, № 2; *Отчетъ И. А. К.* за 1900 г., стр. 27, ср. Шкорпилъ, *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 30, стр. 2; *Отчетъ И. А. К.* за 1905 г., стр. 58; G. Kieseritzky, *Archaeologischer Anzeiger* XVI (1901), 57; А. Половцовъ, Русская Помпея, *Московскія Вѣд.* 1900, № 106.

---

[1]) Экстатическій танецъ пигмеевъ мы находимъ иногда и на памятникахъ, связанныхъ съ восточными мистеріями Сабазія-Діониса, см. выше стр. 193 и, особенно, стелу изъ Панорма около Кизика въ *BCH.* 1893 (XVII), 267: M. Murray, *Rev. arch.* 1891 (XVII), 11; Cumont, "Ὕψιστος, *Rev. de l'instr. publ. en Belgique* 1897, табл. (стр. 12 отд. отт.; изображеніе Cumont'омъ не понято; пигмей пляшетъ тотъ же экстатическій танецъ, что и нагая женщина, ср. Perdrizet въ *Bull. de corr. hell.* XXIII (1899), табл. IV и стр. 592; Perdrizet, исправляя Cumont'a, самъ впадаетъ въ ошибку, видя въ нашемъ эллинистическомъ пигмеѣ италійскаго мима).

[2]) Впрочемъ, находка всѣхъ этихъ вещей именно въ нашемъ саркофагѣ послѣ указаній В. В. Шкорпила (О. И. А. К. 1905 г., 58, ср. выше, стр. 376, 1) должна считаться сомнительной.

XXXIII. Куски гипсовой облицовки съ росписью.

(Рис. 70).

Мѣстонахожденіе и исторія памятниковъ.

Въ 1907 г. на южномъ склонѣ Митридата, въ одной такъ называемой хлѣбной ямѣ найденъ былъ рядъ кусковъ тонкой гипсовой облицовки, покрытой росписью на одной сторонѣ. На другой сторонѣ ясно видны слѣды прикрѣпленія облицовки на деревянной доскѣ или доскахъ, причемъ точно усматривается, что гипсъ на эти доски или на эту доску намазанъ былъ въ свѣжемъ состояніи.

Рядъ кусковъ отъ краевъ этой гипсовой облицовки показываетъ, что вся облицовка или, скорѣе, отдѣльныя части ея были намазаны на доски, заключенныя въ деревянныя же рамки. При этомъ дырочки въ нѣкоторыхъ кускахъ позволяютъ думать, что гипсовый слой прикрѣпленъ былъ, кромѣ того, металлическими или деревянными шпиньками.

Рис. 70. Обломокъ расписной гипсовой облицовки.

Всѣхъ фрагментовъ съ росписью или безъ нея оказалось болѣе пятидесяти; всѣ они нынѣ хранятся въ Эрмитажѣ. Кромѣ этихъ кусковъ, имѣющихъ очень небольшіе размѣры, найденъ былъ и довольно большой фрагментъ, разбитый на два куска. Фрагментъ этотъ опубликованъ былъ Шкорпиломъ (см. рис. 70). Онъ — единственный, дающій возможность составить себѣ представленіе о росписи облицовки. Этого фрагмента въ Эрмитажѣ нѣтъ. Гдѣ онъ находится, я не знаю.

Роспись.

Роспись вся исполнена отдѣльными довольно толстыми штрихами, сдѣланными красной, черной и желтой красками. Иногда тою же краской покрытъ и фонъ между отдѣльными штрихами. Въ общемъ получается нѣчто среднее между обычнымъ типомъ росписи нашихъ гробницъ и типомъ росписи, характернымъ для гробницъ, украшенныхъ только штриховыми рисунками.

Судя по сохранившимся остаткамъ, на гипсовой поверхности изображенъ былъ рядъ эдикулъ съ плоско-арочнымъ покрытіемъ, причемъ каждая эдикула вмазана была въ особое охваченное рамкой поле. Пространство надъ аркой, какъ бы ключевой камень арки, выдѣлено параллельными двойными или тройными линіями и заполнено черной (?) краской. Остальная часть поверхности арки до пяты свода (?) заштрихована красными линіями, образующими родъ трельяжа. Къ этой аркѣ подвѣшены, а частью разбросаны въ полѣ между аркой и центральной фигурой какіе-то предметы, нарисованные красными линіями,—нѣчто въ родѣ кошельковъ или гроздьевъ винограда.

Все пространство каждой арочной эдикулы занято изображеніемъ человѣческой фигуры впрямь. Сохранилась одна цѣлая голова съ частью бюста, одна половина другой головы, куски съ изображеніемъ шеи съ ожерельемъ и бюста, можетъ

быть, куски съ изображенiемъ одежды и одинъ кусокъ съ изображенiемъ части нагой ноги выше и ниже колѣна. Типъ головъ женскiй, но фрагментъ ноги, можетъ быть, показываетъ, что имѣлись и мужскiя фигуры. Въ головахъ характерны большiе широко раскрытые глаза и удлиненный овалъ лица, нѣсколько напоминающiй головы константиновскаго времени.

Около обѣихъ сохранившихся головъ, на одномъ фрагментѣ слѣва, на другомъ справа, изображены красными штрихами птицы съ большими головами, первая вправо, вторая влѣво; отъ послѣдней, можетъ быть, сохранился и фрагментъ съ изображенiемъ лапокъ.

Сидѣли ли фигуры или стояли, не вполнѣ ясно. Отсутствiе фрагментовъ, на которыхъ были бы изображены части кресла, а также предполагаемое изображенiе ноги, позволяютъ думать, что фигуры были изображены стоящими. Заключенiя, которыя позволительно сдѣлать о размѣрѣ каждаго гипсоваго поля (ширина не болѣе 0,16 м.), скорѣе ведутъ, однако, къ предположенiю о сидящей фигурѣ, т. е. опредѣляютъ высоту не болѣе 0,30 м.; стоящая фигура потребовала бы слишкомъ большой высоты для сравнительно узкаго поля (около 0,50).

Изъ описанiя фрагментовъ видно, что мы имѣемъ передъ собою остатки облицовки, вѣроятно, довольно большого деревяннаго ящика, стѣны котораго были раздѣлены на отдѣльныя прямоугольныя поля, заполненныя гипсомъ, по которому затѣмъ сдѣлана была роспись. Роспись даетъ обычную для позднеримскихъ саркофаговъ и другихъ предметовъ схему поверхности, раздѣленной на рядъ эдикулъ со стоящими или сидящими въ нихъ фигурами.

Саркофагъ или ларецъ?

Имѣемъ ли мы, однако, въ данномъ случаѣ дѣло съ облицовкой внѣшнихъ или внутреннихъ стѣнъ саркофага, или внѣшнихъ стѣнъ ларца, съ точностью установлено быть не можетъ. Размѣры отдѣльныхъ эдикулъ говорятъ скорѣе за ларецъ. Аналогiи имѣются и для саркофаговъ, и для ларцовъ. Такъ, обмазанный снаружи гипсомъ саркофагъ найденъ былъ въ 1904 г. на Аджимушкайской ул. въ гробницѣ № 192 (см. Шкорпилъ, И. И. А. К., 25, стр. 60), ср. И. И. А. К., 17, стр. 12, № 43 (1903 г.), гдѣ гипсъ, которымъ обмазанъ былъ гробъ, выкрашенъ былъ въ синюю краску; ср. также О. И. А. К. за 1891 г., стр. 36, И. И. А. К., 9, 173, № 526, и, кромѣ того, И. И. А. К., 47, № 98 (Отчетъ о раскопкахъ за 1909 г.); найденный въ земляной гробницѣ около дер. Капканы деревянный саркофагъ былъ обмазанъ внутри гипсомъ, а снаружи украшенъ обычными окрашенными гипсовыми «прилѣпами».

Еще характернѣе примѣры ларцовъ, покрытыхъ гипсомъ. Объ одномъ изъ нихъ Шкорпилъ (И. И. А. К., 17, стр. 14, № 44—земляная гробница) говоритъ слѣдующее: «Въ ногахъ оказался большой четыреугольный кусокъ сплошного гипса величиною въ полъ-листа писчей бумаги, а подъ нимъ костяное веретено, разломанное на три части, и три обломка четырехугольнаго бронзоваго зеркала, покрытаго съ обѣихъ сторонъ тонкимъ слоемъ гипса, на которомъ виднѣлись слѣды истлѣвшаго дерева. Зеркало и веретено были, по всей вѣроятности, положены въ деревянный ларецъ, наружныя стѣнки котораго были покрыты гипсомъ, можетъ быть, съ рельефными украшенiями». Найденными вещами гробница датируется I—II вѣками по Р. Хр.

Расписные ларцы эллинистическаго времени.

Обычай украшать живописью ларцы, какъ извѣстно, засвидѣтельствованъ нѣсколькими находками, сдѣланными на югѣ Россiи. Три извѣстные мнѣ ларца съ росписью найдены всѣ въ гробницахъ ранняго эллинистическаго времени и до сихъ поръ не опубликованы. Я имѣю въ виду, прежде всего, два ларца, найденные въ

1868 г. въ Тузлѣ на Тамани въ богатой каменной гробницѣ; лежали они въ рѣзномъ, уже упоминавшемся мною саркофагѣ (Watzinger, Die gr. Holzsarkophage, 37, № 13) вмѣстѣ съ рядомъ очень интересныхъ деревянныхъ сосудовъ и вазой такъ называемаго керченскаго производства, на которой изображена «красными (sic) и бѣлыми красками по черному фону битва грека съ бородатымъ варваромъ и амазонкой». Оба ларца (одинъ побольше, другой поменьше) очень интересны. Бока ихъ въ обоихъ случаяхъ покрыты орнаментами, на крышкахъ фигурныя изображенія,—на первой двѣ музицирующія, на второй три пляшущія женщины въ очень интересной орнаментальной рамкѣ (см. О. И. А. К. за 1868 г., стр. XI). Въ высшей степени характерны краски обѣихъ крышекъ, рѣзко разнящіяся на каждой изъ нихъ: на первой употреблены въ дѣло исключительно синяя и черная краски, на второй богатая гамма красокъ, напоминающая отчасти аттическіе лекиѳы, отчасти произведенія эллинистической живописи (рисунки Гросса имѣются въ Керченскомъ альбомѣ за 1869 г.).

Почти такой же ящичекъ найденъ былъ въ 1867 г. на Глинищѣ въ Керчи въ каменной гробницѣ, опять-таки вмѣстѣ съ краснофигурной вазой керченскаго стиля, десятью чернолаковыми сосудиками [1]), рядомъ золотыхъ вещей и терракоттъ [2]). Характерно, что тутъ же найдены гипсовая туалетная круглая пиксида, покрытая орнаментами, и такая же деревянная пиксида безъ орнаментовъ. Ящичекъ [3]) сдѣланъ въ той же техникѣ и тѣми же красками, что и первый изъ ящичковъ 1868 г. И здѣсь на боковыхъ сторонахъ орнаменты, на крышкѣ въ орнаментальной рамкѣ изображены синей, черной и бѣлой красками сидящая женщина и передъ нею стоящій Эротъ.

Я не имѣю возможности входить въ подробный анализъ этихъ поразительно интересныхъ памятниковъ ранняго эллинизма, до сихъ поръ не использованныхъ для исторіи древней живописи. Для этого мнѣ пришлось бы прежде всего вновь опубликовать всю серію одновременныхъ нашимъ ларцамъ рѣзныхъ и расписныхъ деревянныхъ саркофаговъ, найденныхъ на югѣ Россіи и почти не затронутыхъ съ этой точки зрѣнія поверхностнымъ изслѣдованіемъ Вацингера, не дающимъ даже каталога извѣстныхъ памятниковъ. И серію саркофаговъ, и серію ларцевъ пришлось бы затѣмъ сопоставить съ стилистической точки зрѣнія съ одновременными имъ памятниками; серію ларцовъ—спеціально съ произведеніями античной керамики, украшенными сценами изъ жизни гинекея. Но не могу не высказать пожеланія, чтобы эта моя работа въ области исторіи стѣнной росписи была дополнена въ ближайшемъ будущемъ нашими историками античнаго искусства изслѣдованіемъ какъ только-что названныхъ серій памятниковъ, такъ и богатѣйшей серіи такъ называемыхъ акварельныхъ вазъ.

Возвращаюсь, однако, къ выше опубликованнымъ фрагментамъ облицовки деревяннаго ларца.

---

[1]) Изъ нихъ часть съ пестрыми рисунками, изображающими дѣтей, играющихъ съ птицами, см. Стефани, О. И. А. К. за 1868 г. Прил., стр. 77 и Атласъ, табл. IV, 7—9. Рисунки, частью въ краскахъ, съ этихъ вещей, а также съ остатковъ инкрустированнаго саркофага, найденнаго въ той же гробницѣ, имѣются въ альбомѣ керченскихъ-рисунковъ за 1867 г., см. Watzinger, Griech. Holzsark., стр. 39, № 16.

[2]) См. Стефани, О. И. А. К. за 1868 г., Прил., стр. 57, Атласъ за 1868 г., табл. I, 18, ср. стр. 56 и табл. I, 15.

[3]) До сихъ поръ не опубликованъ. Рисунокъ въ краскахъ въ упомянутомъ Керченскомъ альбомѣ 1867 г.

Дата гипсовой облицовки.

Къ сожалѣнію, состояніе, въ которомъ до насъ дошли фрагменты росписи, не позволяетъ опредѣлить, изображены ли смертныя женщины, или богини, а также изображены ли въ каждой эдикулѣ одна или двѣ фигуры. Жалкіе фрагменты не даютъ также возможности опредѣлить время нашего памятника.

Ясно одно, что онъ, конечно, не можетъ быть одновременемъ туалетнымъ ящичкамъ ранняго эллинизма, о которыхъ рѣчь была выше. Гораздо больше напоминаетъ онъ и по схемѣ декоровки, и по трактовкѣ фигуръ выше описанный саркофагъ 1900 г. Я не имѣю, однако, никакихъ данныхъ утверждать, что оба памятника одновременны. Наши фрагменты производятъ скорѣе впечатлѣніе памятника еще болѣе поздняго.

Литература.

Шкорпилъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 35, стр. 29, рис. 15; *Отчетъ И. А. К.* за 1907 г., стр. 83, рис. 83.

е. Склепъ, украшенный скульптурой.

XXXIV. Склепъ, украшенный скульптурами, открытый въ Эль-Тегенѣ.

(Табл. XCVI, рис. 71).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Въ 1899 году при разслѣдованіи или, правильнѣе, хищническомъ разграбленіи богатаго Эль-Тегенскаго некрополя найденъ былъ рядъ подземныхъ вырѣзанныхъ въ грунтѣ склеповъ, по большей части разграбленныхъ. Немедленно послѣ находки всѣ эти склепы были засыпаны, причемъ ни общаго плана всего некрополя, ни плановъ отдѣльныхъ гробницъ сдѣлано не было; не велось при этомъ, конечно, и никакихъ записей.

Въ одной изъ открытыхъ въ это время гробницъ оказались рельефныя украшенія, до сихъ поръ не опубликованныя. Вкратцѣ говоритъ о нихъ только А. В. Половцовъ, видѣвшій склепъ вскорѣ послѣ его открытія.

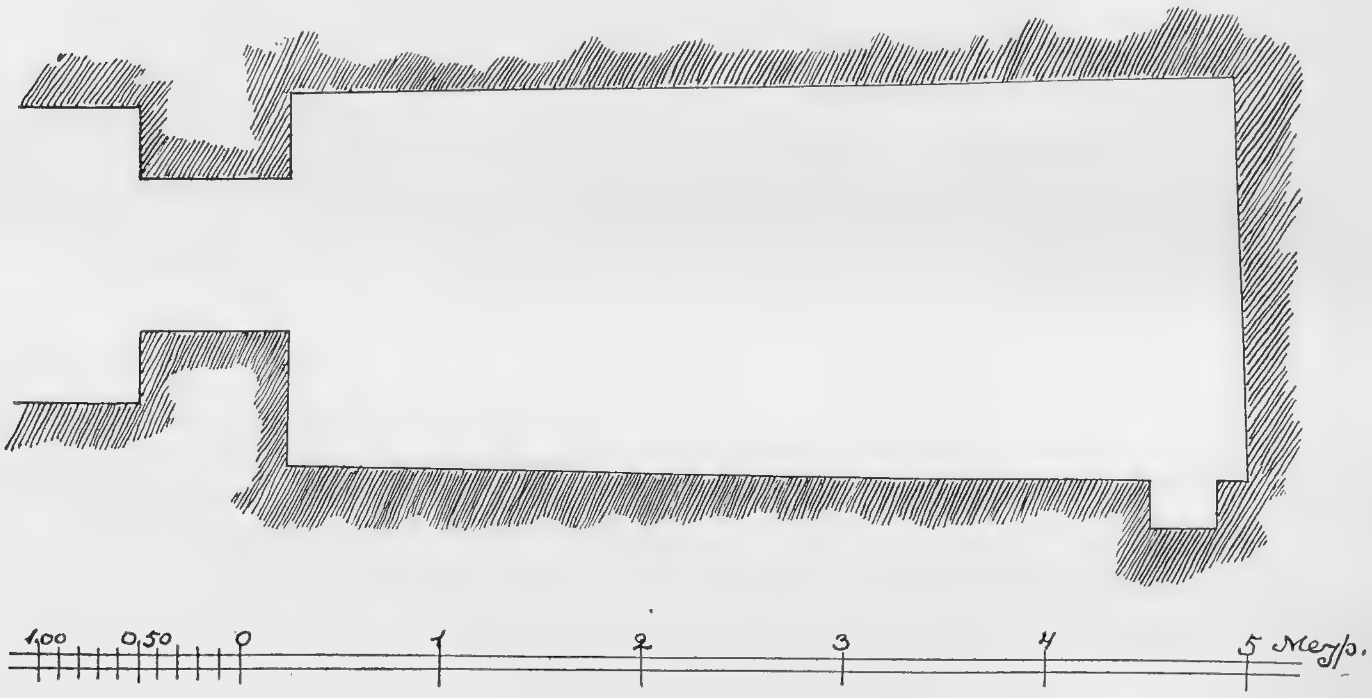


Рис. 71. Планъ украшеннаго скульптурами склепа въ Эль-Тегенѣ.

Въ 1905 году съ любезнаго разрѣшенія А. В. Новикова, владѣльца земли, склепъ былъ вновь открытъ для меня. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи не было архитектора, и поэтому мнѣ пришлось удовольствоваться съемкой сравнительно неточнаго плана, который здѣсь и публикуется (см. рис. 71). Въ то же время фотографомъ Рубанчикомъ сняты были большія фотографіи со скульптуръ склепа, издаваемыя на табл. XCVI.

Архитектура.

Въ архитектурномъ отношеніи склепъ интереса не представляетъ. Ведетъ въ него колодезь въ 4,50 м. глубины. Обычная дверь соединяетъ этотъ колодезь съ

продолговатой прямоугольной комнатой, оріентированной на с.-з. Высота двери— 1,20 м. Камера къ задней стѣнѣ расширяется и потолокъ ея повышается (высота камеры у двери—1,60 м., у задней стѣны—1,87). Лежанокъ въ камерѣ нѣтъ, ниша имѣется только одна, въ самомъ концѣ длинной ю.-з. стѣны (высота 0,48 м., шир. 0,33, глуб. 0,22).

Скульптуры склепа.

Единственный интересъ, представляемый камерой, заключается въ скульптурахъ, которыми украшена входная стѣна склепа. Одна изъ нихъ помѣщена надъ входомъ съ внутренней стороны, двѣ другія—въ западномъ и восточномъ углахъ камеры, между входной и боковыми стѣнами. Всѣ скульптуры сдѣланы на мѣстѣ въ мягкомъ известнякѣ, въ которомъ вырѣзана камера.

Надъ дверью въ арочной эдикулѣ, состоящей изъ двухъ пилястровъ, покоящихся на невысокомъ подіи, изображенъ поясной бюстъ Аѳины впрямь. Вся фигура богини нѣсколько наклонена влѣво; голова сдѣлана въ значительно бо́льшемъ масштабѣ, чѣмъ туловище, особенно же нижняя его часть. Очень рѣзка непропорціональность между головой Медузы, висящей на груди богини, и аттрибутами, которые она держитъ въ рукахъ. Аѳина, какъ сказано, изображена впрямь; на головѣ шлемъ; на плечи свѣшиваются двѣ широкія теніи, вплетенныя въ волоса. На шеѣ виситъ на ремнѣ или на цѣпочкѣ, спускаясь на грудь богини, голова Медузы. Одѣта богиня въ хитонъ съ короткими рукавами. Правая рука согнута въ локтѣ; въ ней какой-то предметъ, изображенный въ сокращенномъ видѣ, можетъ быть, ножъ или мечъ, или сокращенное изображеніе копья [1]). Въ другой рукѣ опять-таки сокращенное изображеніе щита. Работа необычайно грубая. Характерно скуластое лицо Аѳины съ плоскимъ носомъ (табл. XCVI, 2). Высота всей эдикулы—0,59 м., ширина—0,45.

Въ западномъ углу изображенъ бюстъ Пана впрямь. На головѣ близко другъ къ другу сидящіе загнутые внутрь рожки, волосы спадаютъ по обѣ стороны лица двумя правильными прядями, усы опущены, борода узкая, но не клинообразная. Высота 0,42 м., ширина 0,29 (табл. XCVI, 1).

Наконецъ, въ сѣверномъ углу изображенъ бюстъ Силена впрямь. Лысая голова, полузвѣриныя уши, скуластое лицо, раскосые глаза, толстыя губы, усы и довольно жидкая борода. Высота 0,28 м., ширина у ушей—0,22 (табл. XCVI, 3).

Выборъ изображеній, которыми украшена гробница, вполнѣ понятенъ. Господствуютъ, несомнѣнно, двѣ основныя точки зрѣнія. Съ одной стороны намъ уже знакомо погребальное значеніе фигуръ Діонисовскаго цикла, къ которымъ принадлежатъ Панъ и Силенъ. Нѣсколько менѣе ясно значеніе изображенія Аѳины. Весьма возможно, что эта, отнюдь не хѳоническая, богиня помѣщена здѣсь, какъ богиня-покровительница Нимфея—старой аѳинской колоніи [2]).

Но рядомъ съ этимъ выборъ обусловленъ былъ и другою цѣлью: недаромъ же изображенія размѣщены по обѣ стороны отъ входа и надъ нимъ, на входной

[1]) Нѣчто подобное нашему мечу или дротику мы видимъ на одномъ рельефѣ Брюссельскаго музея, найденномъ въ Сиріи. Здѣсь сокращенный дротикъ или скипетръ держитъ въ рукахъ богиня Симія, въ надписи названная Аѳиной. См. F. Cumont, Catal. d. sculpt. etc. des Musées royaux du Cinquantenaire, Bruxelles, 1913, № 55 (A. 17).

[2]) Впрочемъ, возможно, что Аѳина и какъ таковая имѣла хѳоническое значеніе; см. примѣры появленія головы Аѳины на саркофагахъ, сопоставленные у Fredrich, Sarkophagstudien, 44. Фредрихъ, между прочимъ, ссылается и на памятники юга Россіи, гдѣ голова Аѳины встрѣчается въ числѣ орнаментовъ на саркофагѣ Нереидъ и часто фигурируетъ на золотыхъ бляшкахъ, пашитыхъ на одежды погребенныхъ, см. О. И. А. К. за 1882—1888 г., стр. 74. Настаивать на такомъ значеніи головы Аѳины на этихъ памятникахъ греческаго искусства я, однако, не рѣшился бы.

стѣнѣ, какъ бы охраняя входъ въ гробницу. Мы уже видѣли, разсматривая роспись Соракова склепа и склепа 1884 г., какую большую роль начинаютъ играть въ росписи болѣе позднихъ гробницъ апотропэическіе элементы. Несомнѣнно, что и въ нашей гробницѣ изваянныя въ ней фигуры кромѣ хѳоническаго значенія имѣютъ и значеніе апотропэическое: рога и безобразіе Пана, безобразная рожа Силена, наконецъ, голова Медузы на груди Аѳины и, можетъ быть, копье или мечъ въ правой рукѣ ея играютъ, несомнѣнно, роль апотропэевъ, отвратителей дурного глаза. Недаромъ же голова Медузы такъ несоразмѣрно велика.

Дата склепа. Аналогіи.

Время гробницы внѣшними признаками не опредѣляется: гробница найдена была разграбленною. Но характеръ скульптуръ, необычайно грубая, варварская работа, ихъ полное неумѣніе мастера справиться съ пропорціями въ фигурѣ Аѳины — все это говоритъ за поздне-римское время, не ранѣе II в. по Р. Хр. Впрочемъ, при опредѣленіи времени не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ работой мѣстнаго мастера въ одномъ изъ захолустьевъ далекой окраины греческаго міра.

Интересна наша гробница, какъ сказано, исключительно тѣмъ, что даетъ единственный на югѣ Россіи примѣръ гробницы, украшенной скульптурами на внутреннихъ стѣнахъ (украшеніе скульптурами внѣшней стѣны у входа въ гробницу мы имѣемъ въ двухъ случаяхъ въ Херсонесѣ).

И внѣ Россіи украшеніе гробницъ скульптурами извнутри далеко не представляетъ распространеннаго явленія. Въ греко-римское время мы имѣемъ такого рода гробницы исключительно только въ Малой Азіи, сѣверной Сиріи и единичные примѣры въ Этруріи.

Выше (стр. 224 сл.) я уже указывалъ на тѣ гробницы Малой Азіи и Этруріи, гдѣ вырѣзанныя въ скалѣ фигуры поставлены по обѣ стороны входа въ гробницу съ внутренней стороны. Тамъ же (ср. стр. 194) была рѣчь и о предполагаемомъ значеніи этихъ фигуръ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, апотропэическомъ. Здѣсь укажу только на то, что украшеніе скульптурами внутреннихъ стѣнъ гробницы получило какъ разъ въ интересующее насъ время особое распространеніе въ сѣверной Сиріи, вѣроятно, не безъ вліянія со стороны сосѣдней Малой Азіи.

Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи гробницы, вырѣзанныя въ скалѣ, около древней Zeugma (Балкисъ на берегу Евфрата). Въ дромосѣ одной большой гробницы F. Cumont отмѣтилъ рядъ скульптурныхъ бюстовъ, орловъ съ гирляндами и корзинокъ (cistae mysticae); гробница, какъ показываетъ кирпичный сводъ ея, принадлежитъ, несомнѣнно, къ сравнительно позднему римскому времени. Всѣ бюсты, какъ и въ нашей гробницѣ, изображены впрямь [1]). Тамъ же находится и другая подобная гробница. Къ сожалѣнію, всѣ бюсты мѣстнымъ арабскимъ населеніемъ изуродованы до неузнаваемости.

Еще интереснѣе большая гробница, вырѣзанная въ скалѣ въ Frikya [2]). Здѣсь скульптурами украшена не только арка надъ входомъ (Ника, вѣнчающая бюстъ, и голова Солнца, напоминающая головы въ группѣ гробницъ Сабазіастовъ въ Керчи, см. ниже) и задняя часть алтаря, стоящаго посрединѣ входа (три музыканта, какъ въ Ашиковскомъ склепѣ и на саркофагѣ 1901 г.), но и стѣны самой гробницы

---

[1]) См. F. Cumont, *Revue de l'hist. des rèligions,* 1910 (62), 123 сл., рис. 3—5.

[2]) См. *Publications of an amer. arch. expedition to Syria,* II. Butler, Architecture and other arts, 280 слл.; о фасадѣ ср. Cumont, l. l.

внутри, особенно ниши около саркофага въ задней стѣнѣ. Здѣсь влѣво отъ саркофага высѣчены: женская неопредѣлимая фигура, фигуры Аѳины и Гермія, вправо—Діонисъ и какая-то сидящая фигура. Надъ саркофагомъ, на задней стѣнѣ гробницы, изображены голова Гелія и Селены. Наконецъ, на правой стѣнѣ, недалеко отъ входа имѣемъ грубо изваянный бюстъ, можетъ быть, Афродиты.

Сходство духа орнаментаціи этой гробницы и нашей бросается въ глаза [1]).

Дальше отъ нашей гробницы и ближе къ малоазійскимъ прототипамъ, а также къ гробницамъ Ашика и подобнымъ, стоитъ уже упомянутая выше другая гробница въ той же Frikya [2]). Здѣсь скульптуры размѣщены по обѣимъ стѣнамъ дромоса и частью снабжены надписями. На правой стѣнѣ дромоса мы имѣемъ сцену такъ называемой загробной трапезы и надъ ней фризъ изъ стоящихъ и сидящихъ фигуръ, на другой сторонѣ десять бюстовъ врядъ, всѣ впрямь, съ надписями надъ ними. Кромѣ того, бюсты въ медальонахъ съ надписями имѣются и на аркосоліи.

Наконецъ, скульптурныя украшенія имѣются и въ рядѣ другихъ гробницъ сѣверной Сиріи, менѣе для насъ интересныхъ (см. *Public.* etc., III, стр. 149, № 144: kefr-Ambil; II, 281, ср. III, 231, 278; II, 64).

Отмѣчу, кромѣ указанныхъ сирійскихъ гробницъ, одну очень интересную гробницу въ Галилеѣ въ Schefa-'Amr. Здѣсь богато и густо украшены скульптурами внѣшняя входная стѣна гробницы и стѣны ведущаго въ нее короткаго дромоса. На боковыхъ стѣнахъ — изображенія апотропэическія: голова Медузы (издатели называютъ ее головой Солнца), левъ и шакалъ. Арочную рамку входа обрамляютъ двѣ, выходящія изъ сосудовъ, лозы винограда, конвергирующія къ богатой розеткѣ надъ центромъ входа. Пространство, не занятое дверью, въ арочной рамкѣ входа занято изображеніями птицъ и надъ самымъ входомъ—креста съ буквами A—Ω, см. ниже о Херсонесскихъ склепахъ. Kasteren, *Zeitschr. d. d. Palästina-Vereines*, XII, 28, ср. Schuhmacher, *Pal. Expl. Fund*, *Quart. Stat.*, 1889, 188 (рис.), ср. *Pal. Expl. Fund*, Memoirs, I, 340, 343.

Всѣ эти сопоставленія ясно указываютъ, что родина гробницъ, украшенныхъ скульптурами,—несомнѣнно Малая Азія, откуда этотъ родъ гробницъ распространился и въ Сиріи, зашелъ и къ намъ въ Боспорское царство.

Литература.

А. Половцовъ, Русская Помпея, *Моск. Вѣдомости*, 1905, № 106.

---

[1]) Съ этой гробницей имѣетъ очень близкое сходство другая, также богато украшенная скульптурами, въ Dêhes. См. *Public. etc.*, II. Arch. and other arts, 274. Butler опредѣляетъ время скульптуръ II—III в. по Р. Хр.

[2]) См. *Publications of an amer. exp. to Syria in 1899—1900*, III. W. K. Prentice, Greek and latin inscriptious, 204 слл., № 241—247, ср. ibid., II, 278 слл. и *Princeton University Bulletin*, 1904 (XV), 224 слл.

f. Склепы, характеръ росписи которыхъ не извѣстенъ.

XXXV. Расписные склепы римскаго времени, характеръ росписи которыхъ не извѣстенъ.

(Рис. 72).

Среди большого количества разрушенныхъ и полуразрушенныхъ большихъ и роскошныхъ склеповъ римскаго времени, открытыхъ главнымъ образомъ на Глинищѣ, имѣется нѣсколько такихъ, о существованіи росписи въ которыхъ есть только упоминанія, безъ всякихъ указаній на то, каковъ былъ характеръ этой росписи. Въ большинствѣ случаевъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что мы имѣемъ дѣло съ росписью инкрустаціоннаго типа, особенно характерной для большихъ плитовыхъ склеповъ II—III вв. по Р. Хр. Перечислю здѣсь нѣкоторые изъ такихъ склеповъ.

Склепъ 1850 г.

1. Знаменитый склепъ 1850 г., открытый на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ № 21 по 2-ой Продольной улицѣ (на Глинищѣ). Склепъ этотъ извѣстенъ тѣмъ, что около него найдены были двѣ мраморныя статуи мужчины и женщины, находящіяся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Къ сожалѣнію, о склепѣ и планѣ его почти ничего не извѣстно: онъ не былъ никогда раскопанъ до конца. Извѣстно что открытыя стѣны его сохранились только въ нижней своей части, были оштукатурены и окрашены въ красную краску. Очевидно, это былъ цоколь декоровки склепа. Дослѣдованіе этого склепа и всего кургана могло бы быть очень цѣнно, такъ какъ дало бы возможность такъ или иначе выяснить вѣроятную a priori принадлежность склепу или одному изъ склеповъ кургана двухъ упомянутыхъ статуй.

Не исключена возможность, что статуи принадлежали къ памятнику того типа, который мы предположили для склеповъ Васюринской горы и который типиченъ для одной категоріи почетныхъ памятниковъ ранняго эллинизма, ср. выше стр. 45 сл. См. статью Люценка «О находкѣ двухъ древнихъ статуй въ 1850 г.», опубликованную съ примѣчаніями В. В. Шкорпиломъ въ *Изв. Тавр. Уч. Арх. Комм.* № 42 (1908), стр. 56—72, особ. стр. 57 и 61; ср. Köhne въ *Bull. de la Société Imp. d'archéologie de S. Pétérsbourg*, 1851, стр. 44; Becker въ *Arch. f. wiss. Kunde Russlands*, X, 319—322; Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, 492.

Склепъ Ульпіевъ.

2. Не менѣе интересенъ сравнительно точно датированный надписями склепъ семьи Ульпіевъ въ большомъ курганѣ около арестантской казармы, разрытомъ въ 1860 и 1861 гг. [1]) Къ сожалѣнію, планъ со склепа снятъ не былъ и не было даже выяснено, принадлежатъ ли два найденныя въ курганѣ сооруженія, одно съ полу-

[1]) Данныя о немъ заимствованы изъ рукописныхъ рапортовъ Люценка: 1) о раскопкахъ съ 24 сентября по 1 октября 1860 г.; 2) о раскопкахъ съ 20 февраля по 12 марта; 3) отъ 13 января 1861 г. и 4) о раскопкахъ съ 18 по 25 марта 1861 г.

цилиндрическимъ, другое съ уступчатымъ покрытіемъ, одному склепу, или двумъ разнымъ постройкамъ. Неясно также, были ли соединены оба сооруженія дверью или грабительскимъ проломомъ.

Люценко въ рукописномъ донесеніи о раскопкахъ съ 20 февраля по 12 марта 1861 г. говоритъ объ этомъ довольно неопредѣленно. Упомянувъ о разрытіи имъ центральной части глинянаго кургана съ цѣлью достать изъ руинъ склепа открытый тамъ въ прошломъ году саркофагъ съ надписью, онъ говоритъ о находкѣ въ насыпи «обвалившихся круглыхъ сводовъ» и въ материкѣ «полуразрушенныхъ стѣнъ большого разореннаго склепа», затѣмъ объ открытіи саркофага, «позади коего нашли въ стѣнѣ большой проломъ, ведущій въ другой склепъ съ египетскимъ сводомъ, который оказался также расхищеннымъ и заваленнымъ землей и каменьями».

Несомнѣнно, однако, что и саркофагъ съ надписью, скрѣпленный скобами со стѣнками склепа съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, и другія двѣ надписи, найденныя тамъ же, имѣютъ ближайшее отношеніе, главнымъ образомъ, къ камерѣ съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, точно ее датируя.

Дѣйствительно, одна изъ этихъ надписей, очевидно, укрѣпленная надъ входомъ въ склепъ, Ios. P. E. II, 254, гласитъ слѣдующее: Οὔλπ[ιο]ς υἱὸς Μαστοῦ |Ἀντ[ί-μ]αχος ὁ ἐπὶ τῆς |νήσου Οὐλπίᾳ Καλλισθε[νείᾳ τῇ συμβίῳ τὸ |μνῆ[μ]α ἐν τῷ γυʹ ἔτει, (403 г. понтійской эры—107 г. по Р. Хр.). Неясно отношеніе этой надписи ко второй, почти того же содержанія; эта послѣдняя свидѣтельствуетъ о постройкѣ склепа другимъ братомъ для себя и потомковъ (можетъ быть, она относится ко второму только что упомянутому склепу?). Надпись (Ios. P. E. II, 187) съ дополненіями В. В. Латышева читается слѣдующимъ образомъ Οὔλπ[ιος υἱὸς... |Παρθε[νοκλῆς ὁ ἐπὶ τῆς] |βασιλε[ίας ἑαυτῷ καὶ τοῖς ἐκ]γό|νοις τ[ὸ μνημεῖον κατεσκεύασεν] |ἐν τ[ῷ... ἔτ]ει. Третья надпись на саркофагѣ стоитъ въ ближайшей связи съ первой: саркофагъ былъ мѣстомъ упокоенія самого Антимаха, см. Ios. P. E. II, 124.

Если принять во вниманіе, что упомянутые два брата прославились своей побѣдой надъ скиѳами (см. Ios. P. E. II, 26) и что третій братъ былъ близокъ къ царю Савромату I (см. Ios. P. E. II, 38; годъ 97 по Р. Хр.), т. е. что въ нашемъ курганѣ мы имѣемъ усыпальницу одного изъ самыхъ видныхъ родовъ Пантикапея I—II в. по Р. Хр., приходится особенно усиленно пожалѣть, что для разслѣдованія кургана сдѣлано было такъ мало и раскопка его не была доведена до конца. Врядъ-ли упущенное тогда можно было бы наверстать теперь [1]).

Съ нашей точки зрѣнія особенно досадно то, что Люценко (въ рукописномъ отчетѣ, въ печатномъ и это упоминаніе исчезло), описывая склепъ, только вскользь упоминаетъ, что на стѣнахъ его имѣлись «остатки внутренней штукатурки и окраски». Я не сомнѣваюсь, что болѣе внимательное наблюденіе или хотя бы указаніе красокъ дали бы возможность опредѣлить систему росписи. Теперь же и объ этомъ, какъ и объ архитектурѣ склепа или склеповъ, мы можемъ только гадать. См. *Отчетъ И. А. К.* за 1860 г., стр. VI; *Отчетъ И. А. К.* за 1861 г., стр. IV.

Склепъ въ усадьбѣ Ѳ. Ботаченка.

3. Позднему времени принадлежитъ примитивно расписанный склепъ съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, открытый въ 1907 г. въ усадьбѣ Ѳ. Ботаченка по 2-ой Булганакской улицѣ на Глинищѣ (рис. 72). Склепъ этотъ интересенъ и съ исторической точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что въ порогъ, лежавшій передъ входомъ

[1]) Образчикомъ такого семейнаго погребенія, каковымъ является и весь Фельдштейновскій курганъ, можетъ считаться серія погребеній, открытая въ 1863 г. въ усадьбѣ Шевелькевича. Здѣсь мы имѣемъ рядъ одновременныхъ погребеній I в. по Р. Хр., среди нихъ одинъ каменный склепъ. См. О. И. А. К. за 1863 г., стр. XII.

въ склепъ, застроены были двѣ плиты съ рельефами и надписями (Латышевъ, И. И. А. К., 18, стр. 129 сл., № 45 и 46), двѣ другія найдены были въ ближайшихъ окрестностяхъ (Латышевъ, ibid., 14, № 45 и 47). Судя по нѣкоторымъ признакамъ (повтореніе именъ), можно думать, что увѣковѣченныя на стелахъ лица принадлежали къ одной и той же семьѣ, курганъ же, въ которомъ найденъ склепъ, былъ насыпью надъ семейнымъ погребеніемъ. Это семейное погребеніе, судя по формамъ буквъ и рельефамъ, относится ко времени никакъ не позже конца II, начала III в. по Р. Хр.

Къ сожалѣнію, однако, остается не выясненнымъ, построенъ ли склепъ, или только перестроенъ въ III в. по Р. Хр. Положеніе порога передъ входомъ (см. планъ рис. 72) говоритъ скорѣе за второе изъ высказанныхъ предположеній.

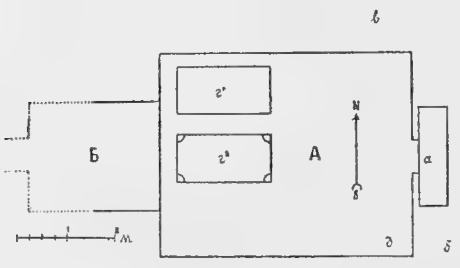


Рис. 72. Планъ склепа во дворѣ Ѳ. Ботаченка.

а. Порогъ изъ двухъ надгробныхъ стелъ; г¹ и г². Саркофагъ и сброшенная съ него крышка; д. Уцѣлѣвшій уголъ склепа.

Декоровка склепа очень примитивна. Надъ цоколемъ (искрошившимся) изъ грубой штукатурки вся стѣна покрыта тонкимъ слоемъ хорошей штукатурки, выкрашенной (?), по мнѣнію Шкорпила, въ бѣлый цвѣтъ. Для III в. по Р. Хр. примитивность росписи была бы весьма характерна. См. В. В. Шкорпилъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 35, стр. 43, № 116, рис. 25, ср. *Отчетъ И. А. К.* за 1907 г., стр. 77, рис. 65.

Склепъ 1842 г.

4. Почти никакихъ свѣдѣній не имѣемъ мы и о большомъ и богатомъ, къ сожалѣнію, полуразрушенномъ склепѣ, найденномъ въ 1842 г. въ извѣстной усадьбѣ князя Херхеулидзева [1]). Карейша въ рапортѣ отъ 6 апрѣля 1843 г. о находкахъ въ 1842 г. (Дѣло о керченскихъ древностяхъ, III, стр. 45) сообщаетъ о немъ только нѣсколько словъ: «За нею, говоритъ онъ, открытъ большой прекрасный склепъ, украшенный штукатуркою и карнизами, къ сожалѣнію, разбитый въ давнее время». Возможно, что въ этомъ склепѣ и совсѣмъ не было росписи, какъ, кажется, не было росписи и въ превосходномъ образчикѣ римскаго роскошнаго склепа, открытомъ въ огромномъ курганѣ неподалеку отъ сахарнаго завода князя Херхеулидзева Ашикомъ. Въ этомъ склепѣ особенно примѣчательна богатая архитектурная профилировка входныхъ антъ обѣихъ арочныхъ дверей и характерный для римскихъ склеповъ съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ карнизъ, отдѣляющій стѣны отъ свода. Склепъ этотъ датированъ оттискомъ съ монеты М. Аврелія 173 г., вставленнымъ въ погребальный золотой вѣнецъ. См. Др. Босф. Кимм., табл. III, 1 и стр. 25; Ашикъ, Боспорское царство, II, стр. 49 сл., § 41, рис. VI; Муральтъ, *Зап. арх. общ.*, II, 317.

5. Наконецъ, упомяну еще склепъ, открытый 19 авг. 1900 г. около бойни. Намъ онъ интересенъ тѣмъ, что является образчикомъ уже знакомыхъ намъ для болѣе ранняго времени склеповъ, стѣны которыхъ окрашены въ сплошной красный цвѣтъ [2]). См. Думбергъ, *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 2, стр. 52, № 64.

---

[1]) См. Др. Босф. Кимм., карта № 1.

[2]) Сравнительно рѣдкимъ примѣромъ хорошо датированнаго склепа поздняго времени является склепъ, открытый въ Керчи въ 1853 г., на сѣв. склонѣ такъ называемаго Пирамидальнаго холма. Въ немъ найденъ рядъ вещей и среди нихъ монета Рескупорида VII съ датою 262 г. по Р. Хр. См. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ арх. разысканіяхъ въ 1853 г., Спб. 1855, стр. 178.

g. Склепы съ росписью геометрическаго стиля.

Девять склеповъ, расписанныхъ въ геометрическомъ или геометризирующемъ стилѣ, открыты были въ Керчи, начиная отъ 1873 г. до 1912 г. Всѣ эти склепы и по ихъ мѣстоположенію, и по архитектурѣ, и по характеру росписи, и по времени, и по сказывающимся въ росписи религіознымъ представленіямъ настолько тѣсно связаны между собою, что изслѣдованіе всей этой группы склеповъ съ орнаментальной и религіозной точекъ зрѣнія можетъ быть сдѣлано только послѣ детальнаго описанія каждаго изъ девяти склеповъ въ отдѣльности. Описаніе нѣсколько затрудняется примитивностью и варварскимъ характеромъ изображеній, сдѣланныхъ въ самой простой техникѣ: либо красными или черными линіями, либо сплошной окраской отдѣльныхъ изображеній въ красный или черный цвѣтъ; при этомъ роспись сдѣлана въ большинствѣ случаевъ прямо по грунту скалы, безъ всякой облицовки штукатуркой. Эта примитивность изображеній не есть, однако, случайность, вызванная неумѣньемъ плохихъ мастеровъ, а признакъ эпохи и совершенно опредѣленнаго стиля, создающагося на развалинахъ стиля классическаго. Общія замѣчанія.

XXXVI. Склепъ 1873 г.

(Табл. XCIX, 2 и рис. 73—75).

Открытъ былъ дважды: въ 1873 и 1907 гг. Находится противъ склепа Анѳестерія, т. е. противъ угла 1-ой Нагорной и 2-ой Подгорной улицъ (см. табл. I, 12). Въ 1873 г. склепъ былъ измѣренъ Гроссомъ, сдѣланы были его планъ, разрѣзы и копіи въ краскахъ съ росписи. Весь этотъ матеріалъ опубликованъ не былъ. Въ 1907 г. В. В. Шкорпилъ открылъ склепъ вторично, снялъ планъ и одну—довольно неудачную—фотографію съ росписи. Тожество открытаго имъ склепа со склепомъ 1873 г. В. В. Шкорпилъ установилъ уже послѣ опубликованія имъ склепа въ Извѣстіяхъ и Отчетѣ [1]). Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ, оріентированный съ сѣв. на югъ, вырѣзанъ въ глинистомъ материкѣ подъ первой скалой. Планъ его обыченъ. Колодезь съ лѣстницей, ведущей ко входу въ склепъ, вырѣзанъ въ скалѣ на глубину 2,55 м. Арочный входъ ведетъ въ неболь- Архитектура.

[1]) См. В. В. Шкорпилъ, И. И. А. К., в. 35, стр. 34 сл., № 79, рис. 22, 23; О. И. А. К. за 1907 г., 76.

шую комнату съ почти плоскимъ потолкомъ и одной лежанкой въ задней стѣнѣ. Эта лежанка занимаетъ не всю стѣну, а только восточную ея половину. Въ западной половинѣ, рядомъ съ лежанкой, сдѣлана ниша. Двѣ другія ниши того же типа находятся во входной стѣнѣ направо и налѣво отъ входа (см. рис. 73—75) [1]).

Роспись. Расписана только задняя (южная) стѣна, причемъ роспись группируется не столько около лежанки, сколько около ниши (табл. XCIX, 2). Высѣчена лежанка на высотѣ 0,77 м. надъ поломъ, длина ея 2,08 м., шир. 1,19, выс. 1,08.

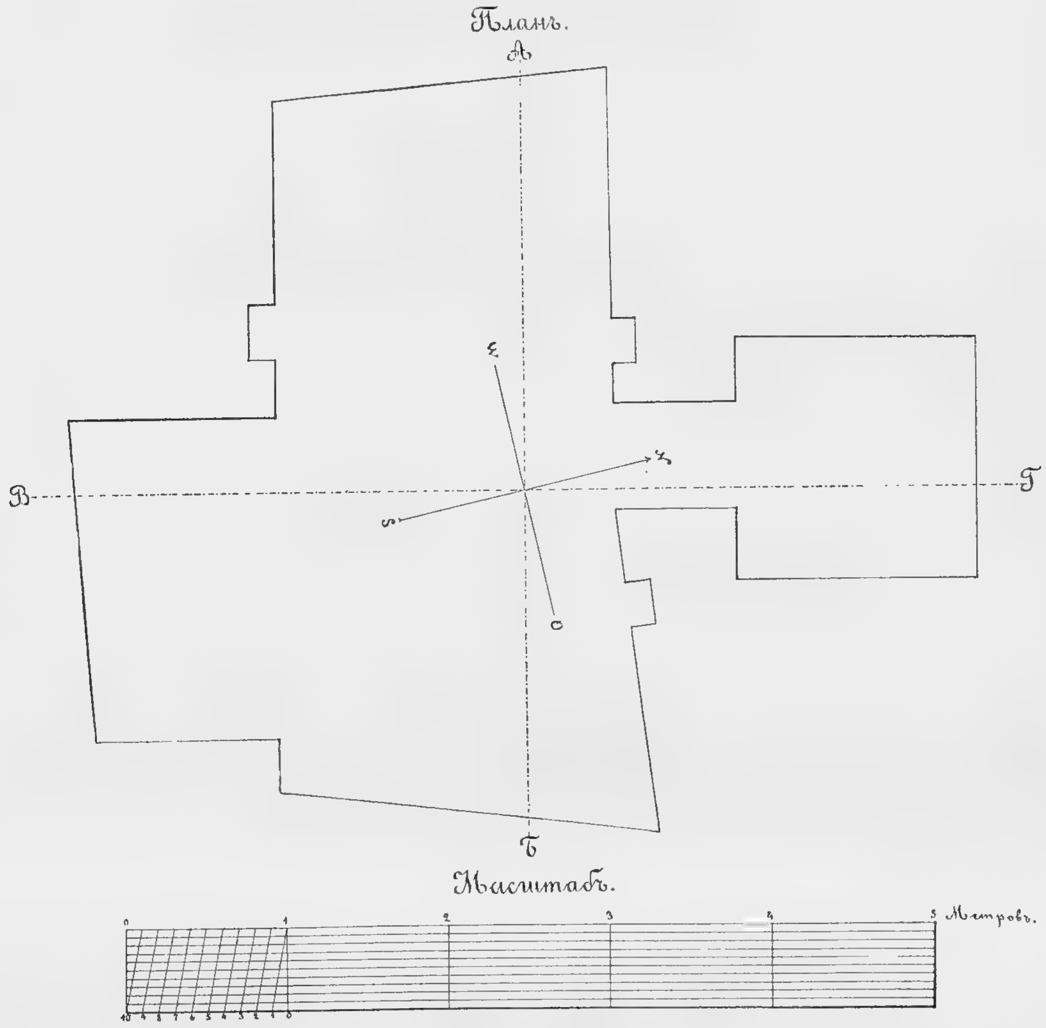


Рис. 73. Планъ склепа 1873 г.

Разстояніе ея отъ восточнаго задняго угла комнаты — 0,33 м., отъ западнаго — 1,95 м. Ниша задней стѣны вырѣзана на высотѣ 1,13 м. надъ поломъ; выс. 0,41, шир. 036, глуб. 0,19 м.

Роспись исполнена синей и красной красками прямо по стѣнѣ, не покрытой штукатуркой. Сохранилась она неважно; нѣкоторыя части, которыя различались еще въ 1873 г., къ 1907 году оказались стертыми, вѣроятно, намѣренно какимъ-нибудь сравнительно острымъ орудіемъ, можетъ быть, камнемъ. Но и въ 1873 г. сохранность росписи была сравнительно плохой. Къ сожалѣнію, сравненіе рисунка Гросса съ оригиналомъ показываетъ, что рисунокъ этотъ очень неточенъ. Главный его недостатокъ тотъ, что онъ сдѣланъ на глазъ, безъ промѣровъ, и еще болѣе схематизируетъ и безъ того уже схематическую роспись.

1) Разрѣзы склепа (рис. 74 и 75) сдѣланы въ одинаковомъ масштабѣ съ планомъ (рис. 73).

Орнаментальная часть росписи состоитъ изъ полосъ, обрамляющихъ лежанку и нишу. Полоса около лежанки ограничена двумя параллельными линіями—красной и синей—и заполнена треугольниками, сдѣланными такими же чередующимися красными и синими линіями; внутри каждаго треугольника по синей точкѣ. Надъ верхними концами бордюра красной краской сдѣлано по птичкѣ (лѣвая вправо, правая влѣво). Бордюръ около ниши имѣетъ ту же схему; всѣ линіи его красныя, только точки синія. Съ нижнихъ концовъ этого бордюра свѣшиваются по три частью загнутыя полоски, о значеніи которыхъ еще будетъ рѣчь.

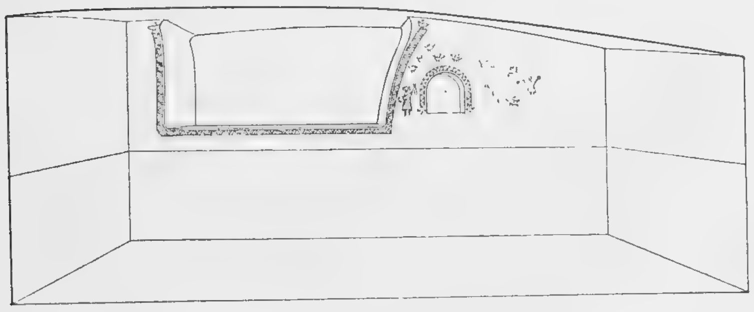


Рис. 74. Разрѣзъ склепа 1873 г. по линіи А—Б.

Надъ нишей красной краской изображены три птицы, всѣ три влѣво, всѣ съ приподнятыми крыльями; послѣдняя, можетъ быть, изображена летящею.

Налѣво отъ ниши, между нею и бордюромъ лежанки, той же красной краской изображена цѣлая сцена. Главное мѣсто занимаетъ фигура колоссальныхъ размѣровъ сравнительно съ остальными изображеніями. Къ сожалѣнію, низъ фигуры либо не сохранился, либо никогда не былъ написанъ. Врядъ ли ее видѣлъ полностью и Гроссъ, хотя и зарисовываетъ ее цѣликомъ. Не довѣряю я рисунку Гросса потому, что сохранившуюся часть фигуры онъ зарисовалъ очень неточно: сдѣлалъ какія то складки на тѣлѣ фигуры, покрытомъ, поскольку оно сохранилось, сплошной красной краской. Я думаю поэтому, что Гроссъ и здѣсь дополнилъ несохранившуюся фигуру, и притомъ произвольно, пририсовавъ ноги и дополнивъ глаза, носъ и ротъ.

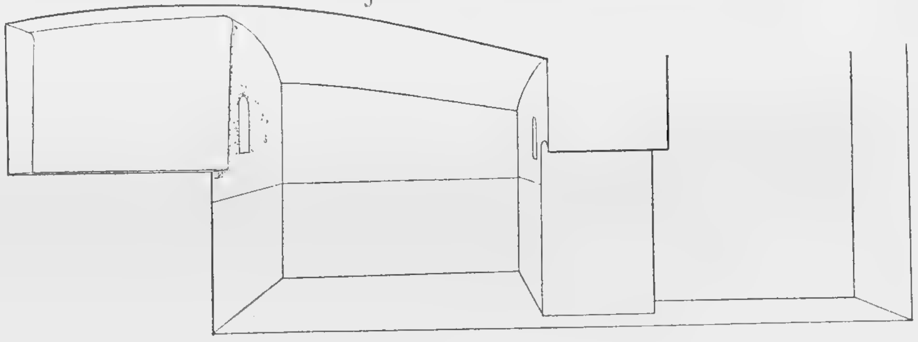


Рис. 75. Разрѣзъ склепа 1873 г. по линіи В—Г.

Положеніе фигуры не позволяетъ сказать, была ли она изображена впрямь или влѣво; неясно также, была ли она бородата или безборода, и, наконецъ, изображены ли были на головѣ ея двѣ пряди волосъ, или какой-нибудь головной уборъ. Несомнѣнно только, что правая рука фигуры вытянута впередъ горизонтально, лѣвая же поднята и либо опирается на высокую палку, низъ которой стертъ, либо высоко поднимаетъ вверхъ палку, величиной приблизительно въ половину своего роста. Въ правой вытянутой рукѣ фигура держитъ неясный мнѣ предметъ, скорѣе всего, судя по величинѣ и формѣ, либо гроздъ винограда, либо пиніеву или кедровую шишку. Подъ этой шишкой на уровнѣ несохранившихся ногъ фигуры изображена сучковатая вѣтка съ листьями и, можетъ быть, плодами. Не исключена возможность того, что вѣтка первоначально достигала до вытянутой руки фигуры и составляла одно цѣлое съ тѣмъ загадочнымъ предметомъ, который въ ней находился.

Прямо надъ головой описанной фигуры изображена красными линіями одна голова или одинъ ликъ впрямь съ еле намѣченными глазами, носомъ и губами. Влѣво отъ этого лика написана птичка влѣво. Другая птичка, также влѣво, написана надъ упомянутымъ ликомъ.

Направо отъ ниши роспись сохранилась еще хуже. Видны только двѣ человѣческія фигуры впрямь, гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ только-что описанная. Изъ этихъ только намѣченныхъ схематическихъ фигуръ ближайшая къ нишѣ держитъ въ правой рукѣ какой-то небольшой круглый предметъ, въ лѣвой, судя по сохранившимся остаткамъ, палку. У второй фигуры въ правой рукѣ палка съ двумя круглыми наконечниками, въ лѣвой—большой круглый предметъ, густо закрашенный синей краской. Всѣ остальныя части росписи сдѣланы и здѣсь красной краской.

Между обѣими фигурами изображены двѣ обычныхъ птицы: обѣ сохранились очень плохо, но, какъ кажется, и онѣ изображены съ поднятыми крыльями влѣво.

На остальныхъ стѣнахъ погребальной комнаты и на потолкѣ росписи нѣтъ.

XXXVII. Склепы 1890 г.

(Табл. C, 2, 4; CI, 2).

Группа склеповъ, къ которой принадлежатъ гробницы 1890 г.

Оба склепа составляютъ часть многочисленной группы однородныхъ склеповъ, вырытыхъ на одномъ уровнѣ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Очевидно, передъ нами цѣлый некрополь людей, чѣмъ-либо между собою связанныхъ.

Двѣ нижеописываемыя гробницы — первая съ росписью красною, вторая съ черною—отдѣлены одна отъ другой только однимъ склепомъ точно такого же архитектурнаго типа, но безъ росписи. Первая гробница соединена съ нимъ пробоиной въ лѣвой, вторая—пробоиной въ правой стѣнѣ.

Вообще вся группа гробницъ связана между собой пробоинами, такъ что нынѣ представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ катакомбъ. Но пробоины эти, конечно, позднѣйшаго происхожденія; первоначально топографически связанныя между собою камеры имѣли каждая раздѣльное существованіе.

Первый склепъ 1890 г. Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Первый склепъ открытъ былъ въ 1890 г. проф. Ю. А. Кулаковскимъ на Митридатѣ, около печей Ростовскаго, въ усадьбѣ бывшей Сердюковой [1]), и описанъ имъ въ двухъ словахъ въ О. И. А. К. за 1890 г., стр. 28. Послѣ него склепъ посѣтилъ Я. И. Смирновъ, набросавшій его планъ и снявшій фотографію съ его росписи. Затѣмъ склепъ вновь былъ открытъ въ 1912 г., по моей просьбѣ, В. В. Шкорпиломъ, вновь описавшимъ его и снявшимъ двѣ публикуемыя здѣсь фотографіи (табл. C, 2, 4).

Архитектура.

Архитектура склепа обычная. Съ поверхности земли къ нему ведетъ дромосъ, глубиною въ 7,12 м., шир. въ 1,32 м., уходящій въ материкъ болѣе чѣмъ на 2 м. Арочный входъ выс. 1,41 м., дл. 0,77 м., шир. 0,76 м., заставленный плитою, ведетъ въ небольшую камеру [2]) съ двумя лежанками, изъ коихъ одна сдѣлана въ стѣнѣ противъ входа (надъ поломъ 0,96; 1,69 шир., 1,21 дл., 0,86 в.), другая въ стѣнѣ направо отъ входящаго (надъ поломъ 0,96; 1,61 шир., 0,66 глуб. и выс.). По обѣ стороны отъ входа сдѣлано по нишѣ обычнаго типа [3]). Другія двѣ ниши сдѣланы въ задней стѣнѣ: одна въ задней стѣнѣ лежанки, другая направо отъ нея [4]).

Роспись.

Роспись размѣщена, какъ и въ склепѣ 1873 г., около главной лежанки и ниши задней стѣны. Сдѣлана она красной краской прямо по глинѣ безъ штукатурки. На простѣнкѣ, отдѣляющемъ главную лежанку отъ ниши (табл. C, 2), изображенъ предметъ не сразу понятный, кажущійся на первый взглядъ алтаремъ или жа-

---

[1]) См. на планѣ Кулаковскаго въ *Мат. по арх. Росс.*, 13, табл. I, h. Нынѣ склепъ находится на 1-ой Подгорной ул. подъ д. № 15, принадлежащимъ мѣщ. Евгеніи Юрьевичъ, см. табл. I, 4.

[2]) Отъ входа до задней стѣны 1,97 м., отъ правой боковой стѣны до лѣвой 4,81, выс. 1,73 въ срединѣ камеры.

[3]) Ниша направо отъ входа—отъ арки входа 0, 37 м., отъ пола 1 м.—имѣетъ 0,34 м. шир., 0,29 выс., 0,18 глуб.; ниша налѣво—0,41 отъ арки, 0,99 отъ пола—0,33 шир., 0,30 выс., 0,17 глуб.

[4]) Первая на выс. 0,67 отъ пола и 0,04 отъ потолка лежанки; шир. 0,27, выс. 0,215, глуб. 0,11; вторая на выс. 1,32 отъ пола и 0,11 отъ потолка; 0,38 шир., 0,33 выс., 0,22 глуб.

ровней, на самомъ же дѣлѣ схематически изображающій обычную въ гробницахъ Керчи гирлянду-мѣшокъ со спускающимися отъ нея въ обѣ стороны теніями; на немъ сидитъ большая птица на пальмовой вѣткѣ влѣво. Отъ гирлянды вправо тянется тенія или тесемка, зигзагами обрамляющая нишу. Подъ нишей внизу изображены два круга съ вписанными въ нихъ грубыми розетками или крестами (выс. 0,212, шир. 0,24). Кромѣ того лѣвый край главной лежанки украшенъ краснымъ бордюромъ, изображающимъ опять-таки обычную гирлянду (табл. C, 4), стянутую на концахъ свисающими теніями (0,64 дл., 0,18—0,21 шир.).

Второй склепъ 1890 г. Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Второй склепъ 1890 г. чрезвычайно напоминаетъ и по архитектурѣ, и по росписи склепъ 1873 г. Открытъ проф. Кулаковскимъ тамъ же, гдѣ и предыдущій (см. табл. I, 3), и имъ же суммарно описанъ (О. И. А. К. 1890, стр. 28). Въ то же время видѣлъ его Я. И. Смирновъ, набросавшій въ своей записной книжкѣ планъ склепа и схему его росписи. Вновь открытъ былъ, по моей просьбѣ, въ 1912 г. В. В. Шкорпиломъ, сдѣлавшимъ новое его описаніе и промѣры, а также снявшимъ издаваемую здѣсь фотографію съ его росписи (табл. CI, 2).

Архитектура.

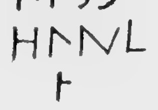
Входъ въ склепъ (глуб. 7,12, шир. 1,37) идетъ съ с.-з. Входная арка (1,07 выс., 0,93 шир., 0,70 глуб.) ведетъ въ небольшую камеру, полъ которой ниже пола арки на 0,15 м. Глубина склепа 2,24 м., шир. 5,81, выс. въ рединѣ комнаты 1,69. Потолокъ повышается къ задней стѣнѣ и отъ лѣвой стѣны къ правой (выс. у лѣвой стѣны 1,29 м., у правой 2 м.). Въ склепѣ имѣются одна лежанка, въ лѣвой части задней стѣны, и три ниши: одна какъ разъ противъ входа въ задней стѣнѣ, двѣ другихъ по обѣ стороны отъ входа. Лежанка высѣчена на выс. 0,86 м. надъ поломъ, шир. 2,20, глуб. 1,32, выс. 0,83. Ниша противъ входа находится на выс. 1,16 м. надъ поломъ, 0,28 отъ потолка; выс. 0,42, шир. 0,40, глуб. 0,21. Размѣры нишъ около входной арки нѣсколько меньше [1]).

Роспись.

Роспись расположена, какъ и въ вышеописанныхъ склепахъ, почти исключительно на задней стѣнѣ, преимущественно, около ниши. Сдѣлана она вся черной краской прямо на глинѣ.

Около лежанки написанъ бордюръ того же характера, что и въ гробницѣ 1873 г., можетъ быть, болѣе простой, безъ заполняющихъ треугольниковъ [2]). Надъ нишей, какъ въ первой гробницѣ 1890 г., обрамляющая ее ломаная линія.

Фигуры всѣ расположены надъ и подъ нишей и направо отъ нея; между нишей и лежанкой мѣста для фигуръ не было (см. табл. CI, 2). Надъ нишей нѣсколько вправо у самаго потолка помѣщена сдѣланная черной краской надпись въ двѣ строки, которую Я. И. Смирновъ и В. В. Шкорпилъ скопировали, нѣсколько отклоняясь одинъ отъ другого; на фотографіи я усматриваю слѣдующее:



Подъ этой надписью—два человѣчка или двѣ схемы человѣчковъ, держащихъ въ одной рукѣ уже знакомый намъ круглый предметъ, въ другой сравнительно короткую палку. Налѣво отъ нихъ надъ самой нишей вверху птица, изображенная

¹) Первая—направо отъ арки (0,30): выс. 0,29 м., шир. 0,27, глуб. 0,15, отъ пола 0,99; вторая—налѣво отъ арки (0,36): выс. 0,29, шир. 0,28, глуб. 0,16; разстояніе отъ пола 0,92.

²) В. В. Шкорпилъ этого бордюра въ своемъ описаніи не упоминаетъ. Видѣлъ его и зарисовалъ Я. И. Смирновъ.

обычнымъ образомъ съ поднятыми крыльями, клювомъ внизъ. Подъ ней другая, плохо сохранившаяся. Подъ первой парой людей вторая, въ тѣхъ же позахъ и съ тѣми же аттрибутами; надъ ними, можетъ быть, птица. Всѣ фигуры изображены въ сильномъ движенiи, очевидно, въ пляскѣ.

Подъ нишей двѣ фигуры. Одна впрямь съ двумя круглыми предметами въ поднятыхъ рукахъ (такъ же зарисовалъ Гроссъ одну изъ фигуръ въ склепѣ 1873 г.); рядомъ набросокъ всадника вправо, также съ обѣими поднятыми руками. Подъ этими фигурами черта и подъ ней какiя-то пятна краски, остатки какихъ-то изображенiй.

Направо отъ этихъ миніатюрныхъ изображенiй въ сторонѣ отъ нихъ написана колоссальная по сравненiю съ ними фигура бородатаго человѣка, идущаго влѣво. Борода острая, торчитъ впередъ; былъ ли на головѣ какой-нибудь головной уборъ, нельзя опредѣлить. Одѣта фигура въ длинный (но выше колѣнъ) подпоясанный хитонъ съ рукавами; на ногахъ, вѣроятно, штаны. Въ рукахъ огромный лукъ, изъ котораго фигура пускаетъ стрѣлу.

Вся живопись сильно повреждена ударами кирки.

Въ мусорѣ на полу склепа найдены черепки глинянаго чернаго кувшина и стеклянаго сосуда.

XXXVIII. Склепъ 1894 г.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ 1894 г. расположенъ подъ стѣною двора мѣщ. Максима Шматова, на 1-й Нагорной ул., д. № 3 (см. табл. I, 9). Впервые открытъ былъ проф. Ю. А. Кулаковскимъ (см. О. И. А. К. за 1894 г., стр. 7; подробнѣе стр. 88 и рис. 148). Описаніе проф. Кулаковскаго, однако, содержитъ рядъ ошибокъ и очень неточно и неполно. Вторично склепъ былъ открытъ по моей просьбѣ В. В. Шкорпиломъ въ 1909 г. и подробно имъ описанъ [1]); въ то же время фотографъ Рѣзниковъ сдѣлалъ съ росписи фотографическіе снимки; къ сожалѣнію, въ виду небольшихъ размѣровъ камеры, снять всю роспись задней стѣны не удалось.

Архитектура.

Архитектура склепа и система росписи совершенно тѣ же, что въ камерѣ 1873 г. Небольшая погребальная комната вырѣзана въ глинистомъ материкѣ съ арочнымъ входомъ и плоско-сводчатымъ потолкомъ, повышающимся къ задней стѣнѣ. Лежанка въ камерѣ одна — въ задней стѣнѣ, и притомъ амфикефальная (проф. Кулаковскій говоритъ о томъ, что она имѣетъ форму корабля, что врядъ ли правильно; амфикефальныя лежанки въ Керчи обычны); по обѣ стороны имѣются простѣнки, украшенные живописью. Въ простѣнкѣ направо отъ лежанки сдѣлана ниша необычной формы: на прямоугольномъ основаніи болѣе узкій полукупольный верхъ. Вторая ниша обычной формы сдѣлана въ правой боковой стѣнѣ и также составляетъ центръ росписи.

Роспись.

Вся *роспись* очень примитивна и сдѣлана одной красной краской прямо по грунту, какъ это наблюдается во всѣхъ склепахъ нашей группы. Какъ и въ остальныхъ, уже описанныхъ, склепахъ центральная лежанка окаймлена орнаментальнымъ бордюромъ—полосой, заполненной красными треугольниками. Отъ праваго конца этого бордюра идутъ три ломаныя зигзагами линіи, какъ бы три теніи. Налѣво отъ лежанки, на простѣнкѣ задней стѣны, изображенъ въ линейномъ рисункѣ корабль вправо съ плоскимъ носомъ и высокой кормой, у которой однако руля не видно. Въ центрѣ корабля укрѣплена одна (а не три, какъ пишетъ проф. Кулаковскій) высокая мачта съ реей, прикрѣпленной вверху двумя канатами. Отъ концовъ идутъ къ носу и кормѣ обычные перекрещивающіеся канаты. Человѣческихъ фигуръ на кораблѣ нѣтъ.

Ниша направо отъ лежанки орнаментована обычнымъ образомъ. Надъ ея куполомъ идетъ бордюръ изъ ряда треугольниковъ на общей базѣ. Подъ нишей, параллельно ея полу, написана четыреугольная полоса, внутри раздѣленная треугольниками, отъ концовъ которой вверхъ, влѣво и вправо идутъ продолженія: влѣво, къ бордюру лежанки, нѣчто вродѣ гирлянды (двѣ почти параллельныя линіи, пространство между которыми заполнено двумя параллельными волнообразными линіями), вправо, къ потолку, три параллельныя ломаныя зигзагообразныя линіи.

[1]) См. В. В. Шкорпилъ, И. И. А. К., в. 47, 16 сл., № 49.

Ниша на правой боковой стѣнѣ обрамлена уже знакомой намъ, заполненной треугольниками, полосой, отъ концовъ которой идутъ обычныя зигзагообразныя линіи. По обѣ стороны ниши стоитъ по дереву, нарисованному схематически однѣми линіями; дерево изображено вырваннымъ изъ земли съ корнями.

Подъ нишей одинъ изъ бывшихъ рабочихъ Коммиссіи, «счастливчикъ» по профессіи, Вас. Вехтюкъ, уже по роду занятій обладающій острыми глазами, видѣлъ человѣческую голову впрямь, что по аналогіи съ другими гробницами возможно. Отъ этой головы, однако, въ настоящее время слѣдовъ почти не сохранилось; не видѣлъ ихъ, по крайней мѣрѣ, В. В. Шкорпилъ, тщательно осмотрѣвшій всю гробницу и спеціально интересующее насъ мѣсто ея.

На остальныхъ стѣнахъ и потолкѣ никакихъ слѣдовъ росписи не имѣется.

XXXIX. Склепъ 1897 года.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ находится во 2-мъ Эспланадномъ переулкѣ, д. № 2, во дворѣ мѣщанки Т. Заверзиловой, нынѣ Осипа Чернокозова (табл. I, 2). Открытъ былъ впервые въ 1897 г. К. Е. Думбергомъ, но не опубликованъ; сдѣлана была только копія въ краскахъ съ незначительной части росписи. Вторично открытъ былъ въ моемъ присутствіи и для меня 22 іюля 1905 г. Тогда склепъ былъ мною измѣренъ, сдѣланъ былъ набросокъ плана и описана роспись.

Архитектура.

Оріентированъ склепъ съ ю.-в. на с.-з. Изъ обычнаго колодца обычный арочный входъ (глуб. 0,61 м., шир. 0,80), заваленный плитой (выш. входа 1,22), ведетъ въ комнату съ тремя лежанками [1]), каждая почти во всю стѣну. Полъ комнаты—ниже пола входа, потолокъ къ задней стѣнѣ поднимается (въ центрѣ высота камеры 1,50, у задней стѣны 1,75). Кромѣ лежанокъ, во входной и задней стѣнахъ имѣется по двѣ ниши: во входной по обѣ стороны отъ входа [2]), въ задней по обѣ стороны лежанки въ свободныхъ простѣнкахъ. Изъ нишъ задней стѣны находящаяся направо отъ лежанки больше (шир. 0,45 м., глуб. 0,23, выс. 0,47), другая поменьше (0,31—0,14—0,30). Лежанки боковыхъ стѣнъ занимаютъ почти всю стѣну и со стороны входной стѣны врѣзываются довольно глубоко въ материкъ, но въ общемъ очень неглубоки [3]). Лежанка задней стѣны занимаетъ не всю стѣну (2,15 по фронту, 2,12 по задней стѣнѣ), но зато значительно глубже (1,25 м.).

Роспись.

Роспись и въ этомъ склепѣ сосредоточена почти исключительно у амфикефальной лежанки центральной стѣны, группируясь около нишъ, находящихся по обѣ стороны этой лежанки. Къ сожалѣнію, и на этой стѣнѣ роспись сохранилась далеко не вездѣ.

Наиболѣе богато расписанъ простѣнокъ направо (на ю.-з.) отъ центральной лежанки. Низъ стѣны здѣсь трактованъ какъ цоколь, по фону котораго разсыпаны красныя точки. Затѣмъ идетъ дѣлящая красная полоса на высотѣ пола лежанки; надъ нею фонъ опять покрытъ красными точками. Декоровка почти сплошь орнаментальна. Параллельно спинкѣ центральной лежанки и здѣсь идетъ полоса, орнаментованная треугольниками, попеременно красными и желтыми, причемъ въ каждомъ желтомъ треугольникѣ видны три красныя точки. Надъ нишей изображены красной краской большая пальмовая вѣтвь съ загнутымъ спирально однимъ концомъ и на ней птица влѣво. Направо отъ этой птицы, на той же высотѣ, другая такая же, также влѣво, сидящая, какъ и въ склепѣ 1890 г. (1), на толстой гирляндѣ, раздѣланной треугольниками, съ двумя бантами на одномъ и тремя на другомъ концѣ.

---

[1]) Размѣры: входная стѣна—3,28 м., боковая—2,24, задняя—3,77.

[2]) Направо отъ входа—шир. 0,40, глуб. 0,20, выс. 0,29; налѣво—шир. и глуб. та же, выс. 0,31.

[3]) По задней стѣнѣ: правая—2,16 м., лѣвая—2,18 м.; по передней внутри камеры: первая—2,12, вторая—1,93; глуб. первой—0,65, второй—0,60.

Весь простѣнокъ между нишей и началомъ правой боковой лежанки заполненъ двумя вѣтками стилизованнаго винограда, расходящимися влѣво, вверхъ и вправо почти горизонтально. Обѣ вѣтки вырастаютъ изъ большой толстой гидріи или канѳара съ двумя ручками. Правая вѣтка какъ бы осѣняетъ нишу, лѣвая заходитъ на простѣнокъ правой стѣны. Вдоль спинки правой лежанки изображена фигура впрямь въ видѣ гермы, сдѣланная грубо геометрически. Голову этой гермы полукругомъ охватываетъ нимбъ. База гермы стоитъ на упомянутой красной полосѣ, идущей на уровнѣ пола лежанокъ.

Внутри ниша, около которой группируется описанная роспись, украшена тѣми же красными точками, что и остальная стѣна.

Гораздо бѣднѣе роспись налѣво отъ центральной лежанки. Ниша, находящаяся въ этомъ простѣнкѣ, обрамлена чѣмъ-то въ родѣ гирлянды изъ рядовъ красныхъ густо посаженныхъ точекъ. Наконецъ, на стѣнѣ подъ центральной лежанкой видны контуры, можетъ быть, какого-нибудь полулежащаго рогатаго животнаго.

На боковыхъ стѣнахъ, кромѣ уже описаннаго простѣнка правой стѣны, сосѣдящаго съ центральной стѣной, никакой росписи нѣтъ.

XL. Склепъ 1901 года.

(Табл. XCVII, XCVIII; рис. 76—78).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа. Склепъ расположенъ на 1-й Подгорной улицѣ, противъ калитки д. № 16, подъ улицей (табл. I, 5). Послѣ перваго открытія склепъ изданъ не былъ, сдѣланы были только очень хорошія фотографіи съ росписи фот. Рубанчикомъ (часть ихъ публикуется здѣсь на табл. XCVIII). 4 іюля 1905 г. склепъ былъ тщательно измѣренъ, описанъ и осмотрѣнъ мною. Въ 1909 г. наиболѣе важныя части росписи были скопированы въ краскахъ В. М. Фармаковскимъ (см. табл. XCVII). Въ 1912 г. С. К. Соколовъ сдѣлалъ новые промѣры и точную съемку склепа (см. рис. 76—78).

Архитектура. *Архитектура* склепа обычная. Ко входу въ него ведетъ колодезь, книзу суживающійся (внизу сторона квадрата—1,19 м.); выкопанъ онъ на 0,72 м. въ насыпи и на 3,98 м. въ скалѣ. Въ погребальную комнату ведетъ обычный арочный входъ, заложенный плитой (шир. 1,10 м., выс. 1,19, толщ. 0, 17). Входное отверстіе, по мѣрѣ приближенія къ камерѣ, расширяется (0,72 м. шир. при входѣ, 0,79 по порогу, все внизу) и повышается (1,01 м. при входѣ, 1,25 въ концѣ); полъ входа кончается порогомъ или уступомъ (выш. 0,08); длина входа—0,95. Комната даетъ въ поперечномъ разрѣзѣ неправильный лежачій прямоугольникъ: входная стѣна—3,35 м., лѣвая боковая—2,12, правая—2,20, задняя—3,32. Потолокъ обычнаго плоско- и ложно - сводчатаго типа повышается къ задней стѣнѣ (1,44 м. у входа, 1,76 въ серединѣ, 1,99 у задней лежанки).

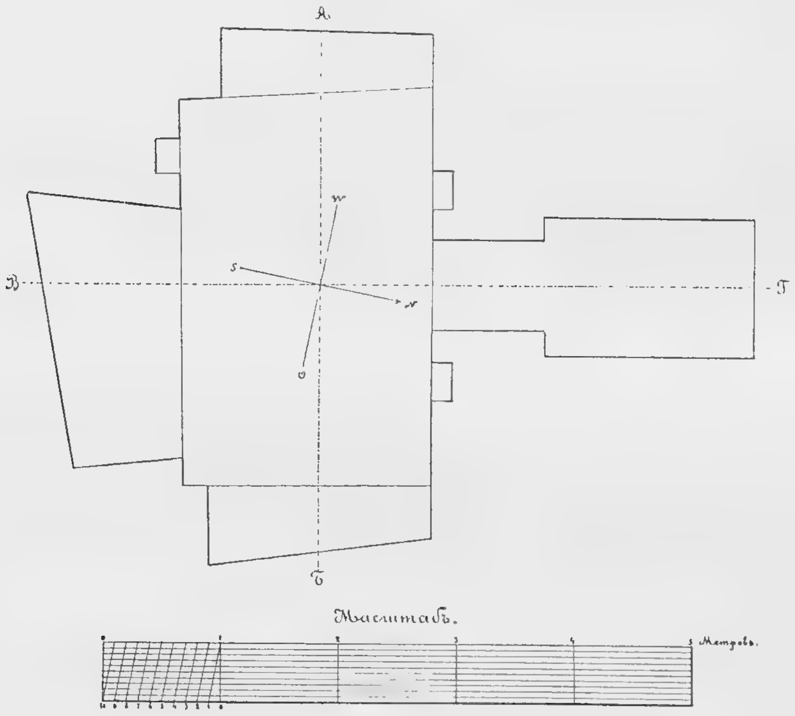


Рис. 76. Планъ склепа 1901 г.

Въ каждой стѣнѣ вырѣзано по лежанкѣ, изъ нихъ центральная амфикефальная, боковыя монокефальныя. Центральная лежанка занимаетъ не всю стѣну; съ обѣихъ сторонъ ея имѣются простѣнки: большой съ нишей направо отъ лежанки (ниша 0,32 м. выс., 0,32 шир. и 0,20 глуб.) и небольшой налѣво. Лежанка имѣетъ дл. 2,13 м. по фронту, 2,28 по задней стѣнѣ; глуб. въ лѣвомъ концѣ—0,93, посрединѣ—1,15, въ правомъ концѣ—1,36; выс. въ лѣвомъ концѣ 0,80—0,95, посрединѣ 0,97—1,04, въ правомъ концѣ 0,86—0,94, т. е. потолокъ ея такой же пло-

ско-сводчатый, повышающійся къ серединѣ и къ задней стѣнѣ, какъ и потолокъ камеры; выс. отъ пола 0,94. Каждая изъ боковыхъ лежанокъ занимаетъ почти всю стѣну, оставляя простѣнки только у задней стѣны, гдѣ свободное для росписи поле стѣны, такимъ образомъ, значительно увеличивается. Форма боковыхъ лежанокъ та же, что и центральной [1]). Во входной стѣнѣ по обѣ стороны отъ входа вырѣзано по нишѣ обычнаго типа [2]).

Вся *роспись* сдѣлана красной краской, прямо по грунту, безъ штукатурки. Роспись. Наиболѣе богато расписаны центральная лежанка и простѣнки около нея; не остались безъ росписи, однако, и боковыя стѣны, и стѣна входная.

На входной стѣнѣ входное отверстіе включено въ рамку изъ красныхъ линій, пространство между которыми заполнено ломаной линіей, образующей рядъ треугольниковъ; на углахъ посажено по кругу; каждый уголъ раздѣленъ прямой вертикальной линіей на двѣ части. Такимъ же бордюромъ оторочены и ниши. Ниша направо отъ входа (табл. XCVIII, 2) обрамлена сверху и съ боковъ обычной полосой треугольниковъ, съ которой свѣшиваются по двѣ тесемки. Цоколь ниши оторочен такою же полосою, причемъ однако въ центрѣ каждаго треугольника поставлено по точкѣ.

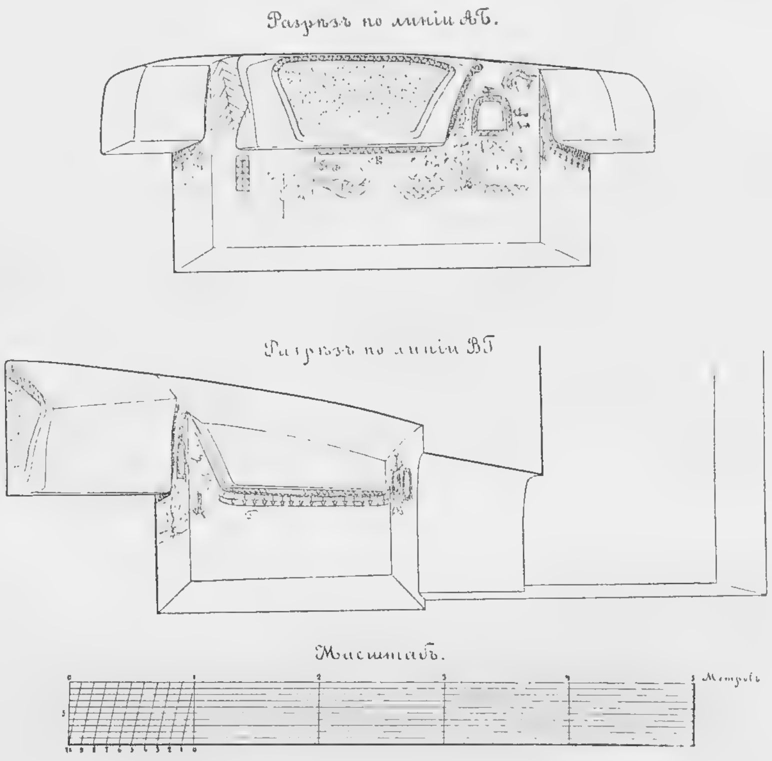


Рис. 77 и 78. Разрѣзы склепа 1901 г.

Подъ самой нишей посажены гербообразно двѣ птицы влѣво и вправо; каждая изображена сидящею на вѣткѣ; между ними цѣлое дерево съ 8 вѣтками, кончающееся кругомъ, отъ котораго во всѣ стороны расходится семь лучей (корни?). Подъ правой птицей стоятъ на заднихъ ногахъ два козла другъ противъ друга. Направо отъ нихъ и отъ группы гербообразныхъ птицъ изображена еще одна большая птица на большой пальмовой вѣткѣ влѣво. Надъ нею посажены гербообразно одна противъ другой еще двѣ птицы иного, болѣе грубаго и массивнаго типа, а направо отъ нихъ, на той же высотѣ, еще одна птица обычнаго типа на пальмовой вѣткѣ влѣво. Всѣ изображенія сдѣланы сплошной красной краской; для обозначенія тѣней на хвостахъ и крыльяхъ, а также глазъ птицъ оставлены незакрашенными частицы фона. Ниша налѣво отъ входа орнаментована такъ же, какъ ея pendant направо отъ него (XCVIII, 1). Здѣсь только во всѣхъ треугольникахъ полосы, охватывающей нишу сверху и съ боковъ, поставлено по точкѣ, а нижняя полоса сдѣлана въ видѣ фестона изъ полукруговъ, въ центрѣ каждаго изъ которыхъ поставлено по точкѣ. Надъ и подъ лѣвой частью бордюра

[1]) Размѣры: лѣвая—1,90 дл. 0,45—0,58—0,66 глуб., 0,42 — 0,76 — 0,86 выс., отъ пола — 0,95; правая—1,82 дл., 0,46—0,50,—0,60 глуб. 0,36—0,70—0,75 выс.; отъ пола—0,89.

[2]) Размѣры: лѣвая — 0,28 м. выс., 0,34 шир., 0,17 глуб.; отъ пола — 0,95; правая — 0,32 выс. и шир., 0,20 глуб.; отъ пола—0,88.

ниши изображены какіе-то предметы неяснаго назначенія: наверху нѣчто вродѣ усѣченной призмы съ веревочной или ременной ручкой (колоколъ?), внизу предметъ, болѣе всего напоминающій колокольчикъ или одну чашку цимбалъ.

Поле между нишей и боковой стѣной заполнено наверху довольно детальнымъ изображеніемъ, вѣроятно, грузового корабля съ экипажемъ. Корабль изображенъ плывущимъ на парусѣ вправо. У кормы два руля, въ передней части корабля лежатъ два якоря; одинъ изъ нихъ, бóльшій, привязанъ къ длинному канату или цѣпи, которую, можетъ быть, держитъ одинъ изъ стоящихъ на нижней реѣ матросовъ. Въ центрѣ корабля укрѣплена большая мачта съ двумя реями. На нижней реѣ, по обѣ стороны мачты, стоятъ два матроса. Къ верхней прикрѣпленъ распущенный парусъ, нижнимъ концомъ привязанный къ носу. Отъ реи къ носу и кормѣ идутъ обычные канаты. Отъ кормового каната отдѣляется другой, болѣе тонкій, связывающій первый канатъ съ мачтой. На кормовомъ канатѣ сидитъ человѣкъ и рядомъ съ нимъ, у верхней реи, другой, оба съ огромными головами. За кормой корабля прикрѣплена небольшая лодка. Внутри корабля видны еще двѣ фигуры, одна побольше, другая поменьше. Первая стоитъ около какого-то похожаго на улей предмета; это — либо тюкъ съ товарами, либо шалашъ-каюта. Все изображеніе корабля сдѣлано очень грубо, но съ стремленіемъ къ передачѣ реалистическихъ деталей оснастки и снаряженія корабля. Особенно примитивно сдѣланы человѣческія фигуры: тѣло намѣчено двумя — тремя линіями (иногда только ноги, иногда ноги и туловище, иногда еще и руки), голова несоразмѣрно велика и всегда изображена впрямь; на ней обозначены только глаза и носъ.

Подъ кораблемъ изображены рядомъ двѣ головы впрямь, одна побольше, другая поменьше. Красными линіями обведены только головы и шеи; одной линіей въ видѣ Y сдѣланы носъ и глаза, кромѣ того, на меньшей головѣ прямой чертой обозначенъ ротъ. Особенно важно то, что вокругъ обѣихъ головъ изображены нимбы, состоящіе изъ ряда лучей между двумя охватывающими голову линіями; лучи эти рѣже и больше около большей головы, чаще и меньше около меньшей. Сзади нимбовъ видны еще линіи, связанныя съ ними; значеніе ихъ для меня неясно: можетъ быть, мастеръ пытался изобразить особенно пышный двойной нимбъ. Несмотря на грубость изображенія, большая голова производитъ впечатлѣніе мужской, меньшая—женской.

Боковыя лежанки орнаментованы въ общемъ одинаково (табл. XCVIII 3, 4). По всему внѣшнему краю правой лежанки (табл. XCVIII, 4) идетъ обычный бордюръ изъ треугольниковъ, подъ нимъ второй бордюръ изъ сегментовъ круга; отъ этого второго бордюра мѣстами свѣшиваются сначала крупные, а затѣмъ болѣе мелкіе гроздья винограда, обрамленные опять-таки снизу красной чертой. Подъ этими гроздьями, приблизительно подъ центромъ лежанки, изображенъ дискъ, раздѣленный на 8 частей двумя прямыми линіями, перекрещивающимися подъ прямыми углами, и двумя зигзагообразными. Направо отъ диска изображена сѣнь виноградной лозы съ переплетающимися вѣтками, листьями, гроздьями и усиками, брошенная на стѣну. Надъ этой сѣнью въ простѣнкѣ между спинкой лежанки и правымъ угломъ нарисована птица влѣво.

Лѣвая боковая лежанка (табл. XCVIII, 3) обрамлена совершенно такими-же бордюрами изъ треугольниковъ, сегментовъ круга и стилизованныхъ виноградныхъ гроздьевъ. Простѣнокъ между спинкой лежанки и задней стѣной заполненъ здѣсь сначала стилизованной, брошенной вертикально гирляндой въ видѣ прямоугольника съ треугольниками на двухъ концахъ; отъ концовъ этого прямоугольника идутъ

вверхъ и внизъ по четыре зигзагообразныхъ линіи (стилизованныя теніи). Самый корпусъ гирлянды раздѣленъ на двѣ части продольной линіей, причемъ каждая половина украшена рядомъ точекъ. Надъ гирляндой изображена фигура человѣка съ большой головой впрямь, вытянувшаго правую руку (въ ней, можетъ быть, палка); лѣвой, (если только мы не имѣемъ дѣла съ игрой случая) онъ держитъ какой-то предметъ съ звѣздообразнымъ наконечникомъ. Подъ нимъ изображена птица вправо, можетъ быть, клюющая одинъ изъ гроздьевъ бордюра лежанки.

Подъ лѣвой частью лежанки видно довольно сильно стертое изображеніе большого корабля безъ мачтъ вправо. Корпусъ корабля украшенъ волнообразными параллельными линіями. Надъ нимъ идетъ бордюръ, какъ бы бортъ корабля: обычная полоса, украшенная треугольниками. На кормѣ корабля два руля и, можетъ быть, флагъ. Надъ бортомъ корабля виденъ цѣлый рядъ линій, но какихъ-нибудь вразумительныхъ изображеній комбинаціи этихъ линій не даютъ. Надъ серединой корабля, ближе къ бордюру лежанки, изображенъ дискъ, раздѣленный прямыми линіями на восемь частей; въ каждой изъ нихъ поставлено по точкѣ. Направо отъ корабля изображенъ, можетъ быть, миніатюрный всадникъ влѣво.

Наиболѣе богато украшена центральная лежанка, особенно стѣна надъ ней и простѣнокъ съ нишей справа (табл. XCVII). Лѣвый узкій простѣнокъ расписанъ менѣе богато.

По всему краю амфикефальной лежанки изображенъ обычный бордюръ. На задней стѣнѣ лежанки изображенъ въ раккурсѣ, соотвѣтственно контурамъ самой стѣны, большой коверъ, окруженный бордюромъ. Бордюръ верхней части ковра заполненъ киматіемъ, боковые бордюры оставлены пустыми. Самый коверъ покрытъ густо разбросанными красными пятнами, производя впечатлѣніе ковра изъ лоскутковъ—центона.

Верхняя часть лѣваго простѣнка между ложемъ и лѣвой боковой стѣной, и безъ того узкая, стала еще уже отъ того, что лѣвая спинка лежанки выломана. Какъ была она орнаментована, неизвѣстно; вѣроятно, такъ же, какъ и правая. Но декоровка самого простѣнка сохранилась; это рядъ ломаныхъ линій одна надъ другой, въ общемъ дающихъ впечатлѣніе рѣшетки. Низъ простѣнка ничѣмъ не орнаментованъ, отъ лѣваго же угла лежанки свѣшивается внизъ уже знакомая намъ большая стилизованная гирлянда, украшенная геометрическимъ орнаментомъ (квадраты, ромбы и точки). На концахъ стилизованной гирлянды обычныя теніи.

Сильно пострадала, къ сожалѣнію, нижняя часть росписи стѣны подъ лежанкой. Нѣсколько лучше была ея сохранность тогда, когда снята была фотографія. Причиною этому является вода, временами проникающая въ склепъ. Но врядъ ли можно думать, что исчезло много. Роспись едва-ли доходила до самаго пола.

Центральное мѣсто въ росписи этой части камеры занимаетъ изображеніе большого, очень живо написаннаго орла, сидящаго на пальмовой вѣтви. Изображенъ орелъ вправо, правое крыло распущено, лѣвое подогнуто, голова съ могучимъ клювомъ повернута влѣво. По обѣ стороны головы орла—по кругу или диску. Каждый дискъ состоитъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ центральный раздѣленъ двумя прямыми линіями на четыре сегмента, въ каждомъ изъ которыхъ по точкѣ. Рядомъ съ кругами—по обычной, здѣсь особенно сильно стилизованной, прямоугольной гирляндѣ. Подъ крыльями орла видны, можетъ быть, листья плюща или винограда.

По обѣ стороны орла стоятъ двѣ фигуры одна противъ другой, лѣвая пониже, правая повыше, ближе къ краю лежанки; къ сожалѣнію, правая фигура

сохранилась очень плохо. Изображены два мужа въ профиль, одинъ вправо, другой влѣво, съ остроконечными бородами во фригійскихъ, свѣшивающихся впередъ, шапкахъ. Сохранились только верхнія части тѣлъ, но видно, что одѣты они были въ рукавные хитоны. Каждый изъ нихъ держитъ—одинъ въ правой, другой въ лѣвой рукѣ — огромную жердь или скипетръ, доходящую до самаго борта лежанки и отгораживающую изображеніе орла отъ сосѣднихъ.

Налѣво отъ лѣвой фигуры изображено высокое вѣтвистое дерево, на сучьяхъ котораго висятъ трехугольные плоды. Во всякомъ случаѣ это не виноградная лоза, а скорѣе всего хвойное дерево съ висящими на немъ шишками,—кедръ или пинія.

Правая фигура какъ бы стоитъ за низкой рѣшеткой съ квадратными гнѣздами, на верхнихъ углахъ которой изображено по завитку. Къ этой рѣшеткѣ справа примыкаетъ другая, болѣе высокая, чешуйчатая. Между нею и другою съ ромбоидальными гнѣздами стоитъ роскошный сосудъ съ двумя ручками—большая гидрія или канѳаръ, горлышко котораго украшено вертикальными параллельными зигзагообразными линіями, брюшко — прямыми, между которыми ряды точекъ. Изъ этой гидріи вырастаетъ роскошная сѣнь винограда, заполняющая весь низъ праваго простѣнка и одной своею вѣтвью обрамляющая лѣвую сторону ниши праваго простѣнка.

Ниша, находящаяся какъ разъ надъ виноградным кустомъ, украшена обычнымъ, уже много разъ описаннымъ бордюромъ изъ треугольниковъ и точекъ. Надъ ней изображены двѣ птицы влѣво; одна сидитъ на предметѣ, который мы могли бы принять за алтарь, если бы не имѣли уже раньше изображеній птицъ, сидящихъ на сокращенныхъ и стилизованныхъ гирляндахъ. Вторая птица изображена частью сзади описанной гирлянды. Направо отъ ниши вверху вѣнокъ, плотно обвязанный теніями. Наконецъ, ниже схематически изображенный всадникъ влѣво, можетъ быть, съ копьемъ; подъ нимъ, вѣроятно, олень съ вѣтвистыми рогами влѣво же.

Потолокъ склепа, какъ кажется, расписанъ не былъ.

XLI. Склепъ 1904 года.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Находится по 2-му Кладбищенскому переулку противъ усадьбы Стринго (или, иначе, за угломъ дома № 12, отдѣляющаго Госпитальную улицу отъ ея продолженія; табл. I, 1). Послѣ открытія кратко описанъ В. В. Шкорпиломъ, въ *И. И. А. К.* в. 25, стр. 45, № 157—161 [1]). Вторично описанъ былъ мною въ іюлѣ 1905 г.

Архитектура.

Архитектура склепа, оріентированнаго на с.-з., отличается отъ обычной тѣмъ, что всѣ стѣны, кромѣ входной, заняты тремя большими лежанками, такъ что свободныхъ простѣнковъ почти не остается. Ниши поэтому во входной стѣнѣ помѣщены обычнымъ образомъ, въ стѣнахъ же, занятыхъ лежанками, — либо въ стѣнахъ лежанки, либо подъ лежанкой. Такъ, въ центральной стѣнѣ одна ниша помѣщена въ правой короткой стѣнѣ лежанки, другая подъ лежанкой; въ лѣвой лежанкѣ ниша вырѣзана въ задней стѣнѣ. Склепъ отъ входа (шир. 0,74 м., глуб. 1,05, выс. 0,94 до порога) вглубь сильно расширяется (входная стѣна 1,35 м., задняя—2,18); боковыя его стѣны имѣютъ, кромѣ того, неодинаковые размѣры (правая — 2,28 м., лѣвая — 2,52); весь склепъ поэтому имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, приближающагося къ формѣ трапеціи. Лежанки всѣ длиннѣе соотвѣтственныхъ стѣнъ. Такъ, центральная лежанка по фронту имѣетъ 1,87 м., т. е. оставляетъ еще незначительные простѣнки справа и слѣва, по задней же стѣнкѣ 2,52 м. (глуб. въ правомъ концѣ 1,34 м., въ лѣвомъ 1,25); то же отношеніе мы имѣемъ и въ лежанкахъ правой (1,97—2,87; глуб. 0,58 и 0,76) и лѣвой (2,37—2,80; 0,74—1,09) стѣнъ. Ниши обычной формы и обычныхъ размѣровъ [2]). Какъ и во всѣхъ остальныхъ описанныхъ склепахъ, потолокъ повышается отъ входа къ задней стѣнѣ (1,50 и 1,86) и отъ боковъ къ центру.

Роспись.

Вся *роспись* расположена около центральной лежанки, захватывая и часть потолка. Остальныя лежанки, входная стѣна и потолокъ не были расписаны. Обрамлена центральная лежанка уже знакомымъ намъ образомъ. Съ боковъ и сверху ее охватываетъ красная ломаная линія; отъ каждаго угла этой линіи вправо и влѣво торчатъ стилизованныя кисти винограда, сдѣланныя черной краской на красномъ стеблѣ. На одной изъ этихъ кистей, наверху надъ центромъ лежанки, изображена черной краской птица. Рядъ птицъ (8) изображенъ и по правому борту или стѣнкѣ лѣвой лежанки одна надъ другой; всѣ онѣ сдѣланы также черной краской. Такія же три птицы размѣщены тѣмъ же способомъ на лѣвомъ борту или стѣнкѣ правой лежанки.

---

[1]) Ср. О. И. А. К. за 1904 г., стр. 70; И. И. А. К. 25, стр. 45, № 161; B. Pharmakowsky, *Jahrb. d. d. Arch. Inst.*, *Arch. Anz.*, 1905, стр. 60.

[2]) Налѣво отъ входа: выс. 0,17, м., шир. 0,26, глуб. 0,11; направо отъ входа: 0,22—0,27,—0,13; въ лѣвой лежанкѣ: 0,28—0,25—0,15; подъ центральной лежанкой: 0,34—0,29—0,16; въ центральной лежанкѣ: 0,32—0,34—0,19.

XLII. Склепъ 1905 года.

(Табл. XCIX, 1, рис. 79—81).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ бывшимъ рабочимъ Археологической Коммиссіи Вас. Ивановымъ (по прозвищу Вехтюкъ или Косарь) еще въ 1901 г., какъ кажется, не разграбленнымъ или невполнѣ разграбленнымъ (табл. I, 5). Къ сожалѣнію, установить, какія вещи здѣсь были найдены, невозможно. Въ нишахъ еще и теперь много битаго стекла. Особенно досадно то, что всѣ найденныя здѣсь монеты не были опредѣлены и затерялись въ торговлѣ древностями. Въ 1905 г. склепъ тѣмъ же Вехтюкомъ указанъ былъ за вознагражденіе В. В. Шкорпилу и мнѣ. Тогда же склепъ былъ мною измѣренъ и описанъ, съ росписи же сняты были фотографомъ М. Рубанчикомъ хорошіе снимки. Планъ снятъ былъ позднѣе С. К. Соколовымъ (см. рис. 79—81).

Архитектура.

Архитектура склепа, оріентированнаго на с.-з., обычна. Форма камеры напоминаетъ трапецію, обращенную впередъ своей наиболѣе длинной стороной. Дѣйствительно, входная стѣна имѣетъ 4,46 м. длины (ширина входа 0,70), между тѣмъ какъ задняя—только 4,16, а боковыя—правая 2,29, лѣвая—2,33. Потолокъ, какъ обыкновенно, къ задней стѣнѣ значительно повышается (у входа 1,50 м., въ центрѣ 1,78, у задней стѣны 1,90). Лежанки имѣются въ двухъ боковыхъ и въ задней стѣнахъ, причемъ занимаютъ не всю стѣну каждая, оставляя довольно большіе свободные простѣнки даже на боковыхъ стѣнахъ (дл. лѣвой лежанки 1,77, правой—1,60). Особенно велики простѣнки по обѣ стороны лежанки, вырѣзанной въ задней стѣнѣ, причемъ правый простѣнокъ больше лѣваго. Самая лежанка имѣетъ по фронту 2,10 м., по задней стѣнѣ 2,23; глуб. слѣва—1,06, въ серединѣ 1,21, справа 1,31; выс. слѣва 0,76, посрединѣ—0,88, справа—0,89; отъ пола до края лежанки—0,99. Всѣ лежанки амфикефальныя. Ниши имѣются направо и налѣво отъ входа, а также направо и налѣво отъ центральной лежанки (лѣвая—в. 0,35 м., ш. 0.30, глуб. 0,16; правая—0,38—0,32—0,20). Всѣ онѣ имѣютъ обычную форму.

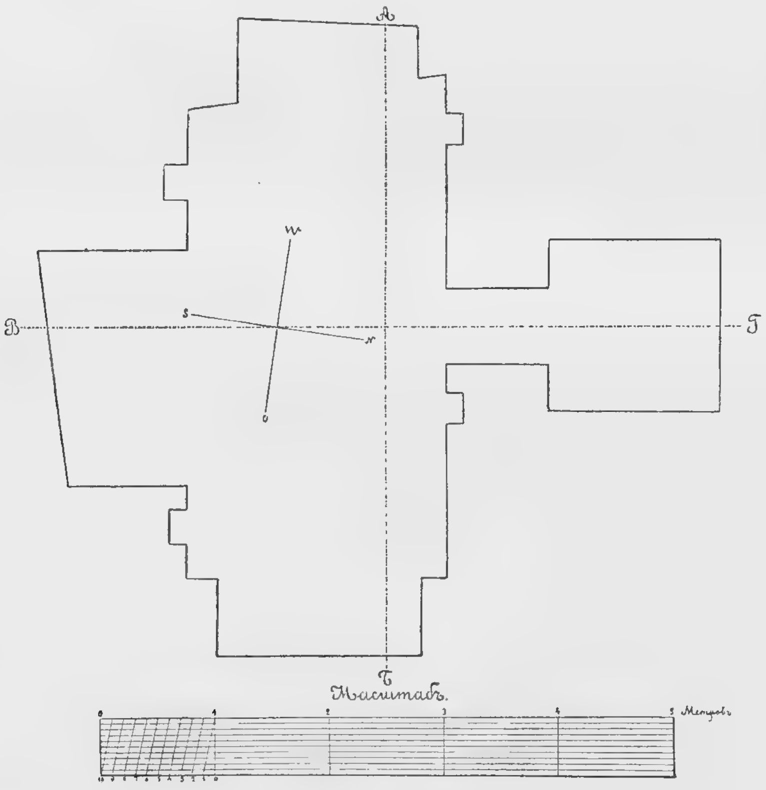


Рис. 79. Планъ склепа 1905 г.

Роспись.

Роспись сдѣлана одной черной краской прямо по грунту. Вся фигурная часть ея сосредоточена около центральной лежанки. Въ другихъ частяхъ комнаты роспись только подчеркиваетъ главныя архитектурныя линіи.

Такъ, на входной стѣнѣ орнаментованы, главнымъ образомъ, ниши. Ниша налѣво отъ входа оторочена сверху и по бокамъ обычной полосой съ треугольниками, заполненными черной краской, и теніями. Отъ низа правой части ниши идетъ полоса, орнаментованная треугольниками, не заполненными черной краской, къ лѣвой лежанкѣ. Ниша направо отъ входа орнаментована сверху и по бокамъ простой полосой треугольниковъ безъ теній. Обычной полосой треугольниковъ оторочена и лѣвая лежанка. Отъ праваго нижняго угла орнаментальной полосы и отъ верхушки спинки идутъ теніи. Въ правомъ простѣнкѣ между спинкой лежанки и задней стѣной написаны одна надъ другой три фигуры: внизу—схематическій человѣчекъ съ бочкообразнымъ туловищемъ и птичьей головой впрямь съ поднятыми руками, изъ которыхъ въ одной палка, въ другой—круглый предметъ; выше—летящая вправо птица; еще выше—такая же фигура съ поднятыми руками безъ аттрибутовъ.

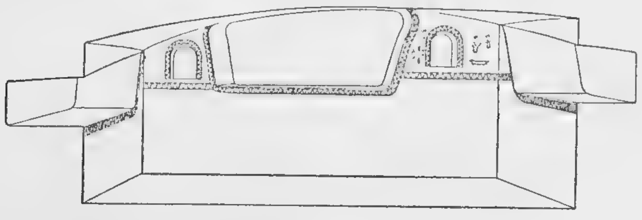


Рис. 80. Разрѣзъ склепа 1905 г. по линіи А—Б. Масштабъ тотъ-же, что на рис. 79.

На правой лежанкѣ орнаментальная полоса треугольниковъ имѣется только на спинкѣ.

Такой же полосой оторочена и центральная лежанка. Полоса, обрамлявшая низъ ея, продолжается и направо и налѣво, перерѣзывая подъ самыми нишами простѣнки задней стѣны вплоть до угловъ. Направо отъ лежанки треугольники заполнены черной краской, налѣво не заполнены. Обычной полосой треугольниковъ обрамлены и обѣ ниши направо и налѣво отъ лежанокъ.

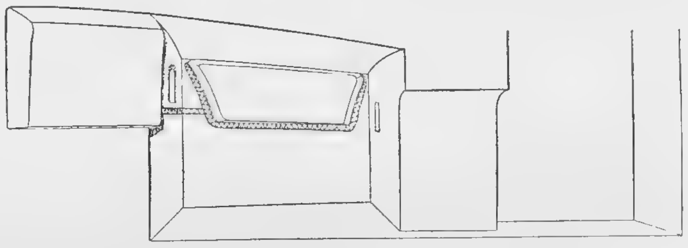


Рис. 81. Разрѣзъ склепа 1905 г. по линіи В—Г. Масштабъ тотъ-же, что на рис. 79.

Простѣнокъ налѣво отъ центральной лежанки, кромѣ указанныхъ орнаментальныхъ полосъ, никакой росписи не имѣетъ. Тѣмъ богаче расписанъ правый простѣнокъ, причемъ роспись группируется около ниши (табл. XCIX, 1). Налѣво отъ ниши изображены четыре человѣческихъ фигуры одна надъ другою. Наибольшіе размѣры имѣетъ крайняя фигура налѣво. Схема ея обычна, но въ поднятыхъ рукахъ она держитъ какой-то узкій и длинный предметъ, образующій надъ головой ея родъ плоской арки. Судя по лѣвому концу этого предмета, гдѣ я различаю продолговатое утолщеніе, мастеръ имѣлъ въ виду изобразить змѣю. Описанная фигура выдѣлена изъ всѣхъ остальныхъ не только ростомъ и аттрибутомъ, но и тѣмъ, что она поставлена въ сторонѣ, внѣ сосѣдняго ряда стоящихъ одна надъ другой аналогичныхъ фигуръ.

Всѣ эти фигуры, числомъ три, изображены въ одной и той же схемѣ. Всѣ онѣ стоятъ впрямь, имѣютъ тонкія ноги и руки, сдѣланныя каждая одной линіей, колоколообразное туловище и голову, напоминающую птичью; въ правой рукѣ у каждой изъ нихъ сравнительно короткая палка, въ лѣвой—сравнительно небольшой круглый предметъ. Направо отъ этой группы четырехъ людей изображены четыре

птицы: двѣ внизу влѣво съ поднятыми крыльями, двѣ вверху головами внизъ, также съ поднятыми крыльями. Направо отъ ниши вверху написаны еще двѣ аналогичныя человѣческія фигуры меньшихъ размѣровъ и надъ ними по птицѣ, летящей влѣво. Первая изъ этихъ фигуръ держитъ въ вытянутыхъ рукахъ по обычному большому круглому предмету, вторая не имѣетъ аттрибутовъ, обѣ ея руки подняты. Подъ этой парой видны слѣды черной краски, можетъ быть, остатки еще двухъ такихъ же фигуръ. Наконецъ, еще ниже изображена бѣгущая влѣво лошадь, сзади которой видны еще остатки черной краски. На потолкѣ ни орнаментовъ, ни фигуръ я не замѣтилъ.

XLIII. Склепъ 1912 года.

(Табл. С, 1, 3; рис. 82—84).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ 13 іюня 1912 г. по указаніямъ вышеупомянутаго В. Иванова на 1-й Подгорной ул., противъ угловъ 1-й Нагорной ул. на мѣстѣ бывшихъ известковыхъ печей Ростовскаго (табл. I, 8). Немедленно послѣ находки склепъ былъ

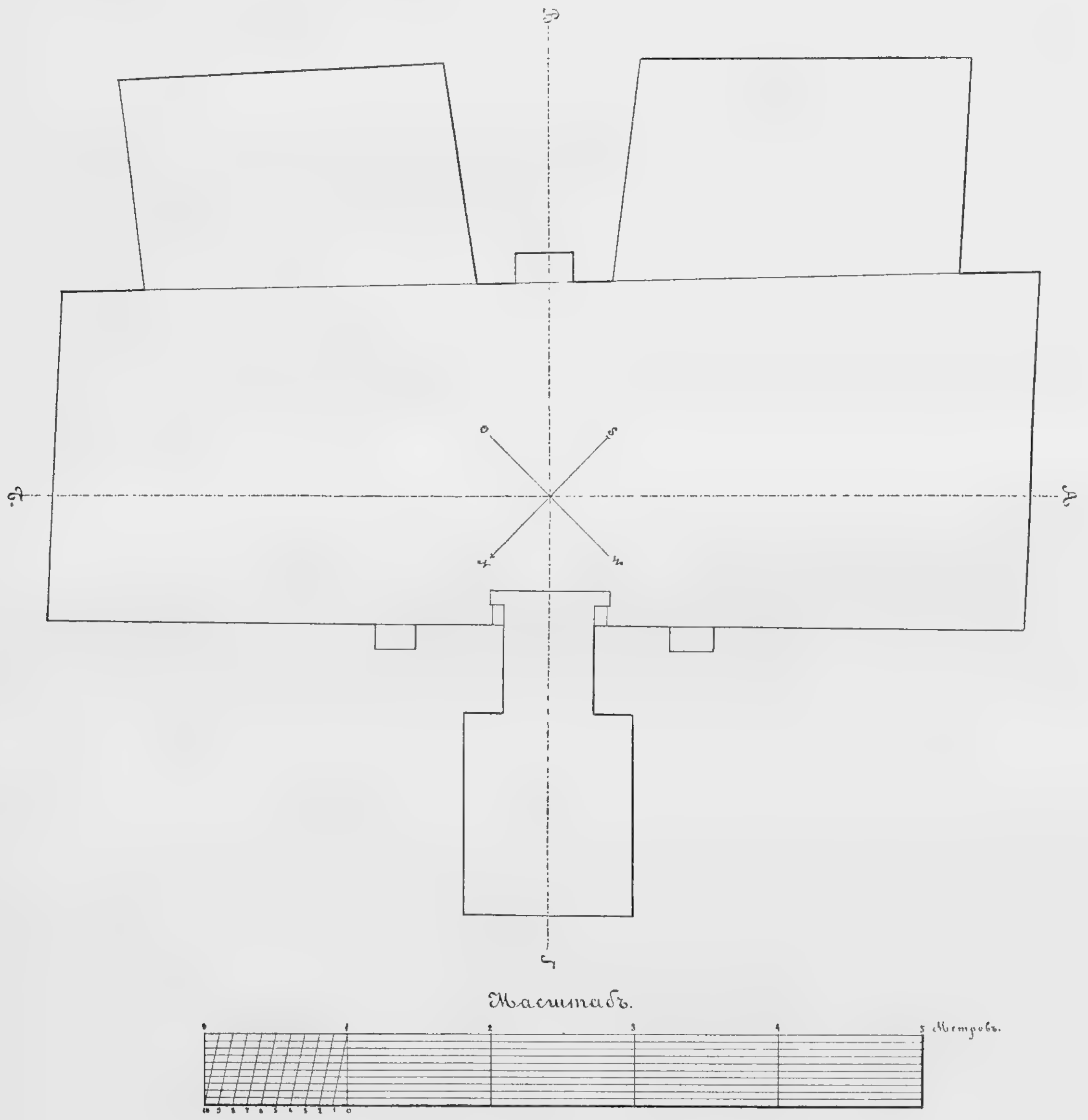


Рис. 82. Планъ склепа 1912 г.

описанъ В. В. Шкорпиломъ, предоставившимъ свое описаніе въ мое распоряженіе. Съ росписи сняты были фотографіи (табл. С, 1, 3), склепъ былъ измѣренъ и нанесенъ на планъ С. К. Соколовымъ (см. рис. 82—84).

Архитектура.

Архитектура живо напоминаетъ архитектуру многихъ изъ вышеописанныхъ склеповъ [1]). Характеренъ удлиненный планъ склепа, почти прямоугольный, что не вполнѣ обычно въ нашей серіи; еще болѣе характерны двѣ лежанки въ задней стѣнѣ и отсутствіе лежанокъ въ боковыхъ, съ чѣмъ мы, впрочемъ, уже встрѣчались. Обычно и помѣщеніе ниши для утвари и свѣтильниковъ въ задней стѣнѣ между обѣими лежанками прямо противъ входа и помѣщеніе двухъ такихъ же нишъ по обѣ стороны двери. Обычно и сильное повышеніе потолка отъ входа къ задней стѣнѣ. Интересную, хотя и не новую, подробность даетъ ступенька, ведущая отъ входа внизъ въ погребальную комнату.

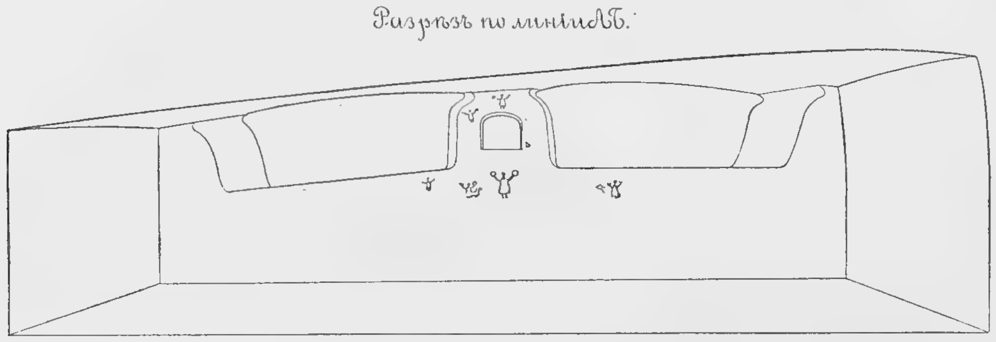


Рис. 83. Разрѣзъ склепа 1912 г. по линіи А—Б.
Масштабъ тотъ-же, что на рис. 82.

Роспись.

Роспись, какъ это обычно въ склепахъ нашего типа, расположена почти исключительно около ниши главной задней стѣны [2]), отчасти же надъ лежанками и около ниши налѣво отъ входа. Исполнена она красной и черной красками прямо по грунту.

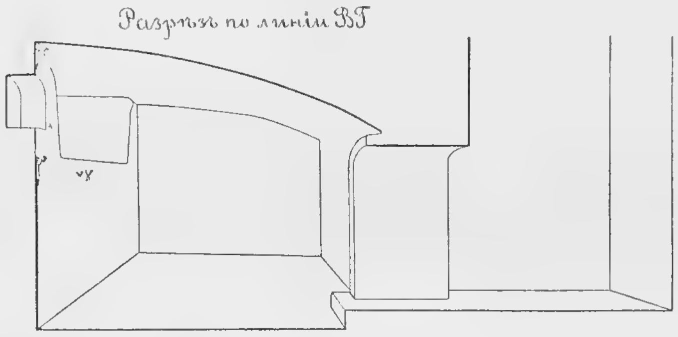


Рис. 84. Разрѣзъ склепа 1912 г. по линіи В—Г.
Масштабъ тотъ-же, что на рис. 82.

Въ росписи около ниши задней стѣны (табл. С, 5) особенно выдѣлена фигура, стоящая подъ нишей, сдѣланная красной краской (контуры ея предварительно намѣчены были острымъ орудіемъ). Ея размѣры почти втрое больше остальныхъ подобныхъ пѣшихъ фигуръ и почти вдвое больше фигуръ всадниковъ. Трактована она въ обычной схемѣ, т. е. съ колоколообразнымъ тѣломъ, ногами вправо, птицеобразной головой, повернутой клювомъ вверхъ и влѣво, поднятыми обѣими руками. Въ рукахъ у нея не обычные палка и круглый дискъ, а два круглыхъ предмета, больше всего напоминающіе вѣнки съ торчащими вокругъ листьями или стеблями. Но не исключена возможность и того, что мы имѣемъ дѣло съ музыкальнымъ инструментомъ, среднимъ между тамбуриномъ и кастаньетами, и что торчащія палочки при движеніи производили звонъ, какъ это мы знаемъ, напримѣръ, для систровъ.

На одномъ уровнѣ съ этой большой фигурой, въ ближайшемъ съ нею сосѣдствѣ, изображенъ всадникъ вправо, также сдѣланный красной краской. Фигура всадника обычна для нашихъ гробницъ; это—фигура человѣка съ колоколообразнымъ туловищемъ и «птичьей» головой. Лошадь сдѣлана очень грубо и непро-

[1]) Ведущій къ склепу колодезь имѣетъ 6,70 м. шир. и 1,17 шир.

[2]) Ниша находится отъ пола на высотѣ 1,38 м.; лежанки: правая на высотѣ 1,17, лѣвая на высотѣ 1,10 отъ пола.

порціонально всаднику. Въ нашемъ случаѣ несомнѣнно, что дѣйствіе всадника то же, что дѣйствіе пѣшихъ фигуръ: въ рукахъ онъ держитъ тѣ же палку и дискъ поднятыми вверхъ.

Влѣво отъ этого всадника подъ лежанкой другой всадникъ съ палкой и дискомъ; и лошадь, и всадникъ сдѣланы красной краской; вправо, въ нѣкоторомъ отдаленіи, подъ другой лежанкой еще одна фигура всадника влѣво съ тѣми же аттрибутами; всадникъ сдѣланъ красной, лошадь черной краской.

Около самой ниши группируется еще рядъ фигуръ. У праваго нижняго угла ниши—птица влѣво; соотвѣтственное мѣсто влѣво отъ ниши выбито. Затѣмъ, по обѣ стороны ниши скала повреждена—справа меньше, слѣва больше. Наконецъ, надъ самой нишей изображена обычная колоколообразная пѣшая фигура и влѣво отъ нея въ верхней части простѣнка между нишей и лежанкой другая такая же нѣсколько меньшихъ размѣровъ: первая сдѣлана красной, вторая черной краской.

Обычнаго типа всадникъ влѣво изображенъ (черной краской) и подъ нишей налѣво отъ входа (табл. С, 1). Еще болѣе интересно то, что здѣсь же влѣво отъ ниши изображенъ рядъ знаковъ, изъ которыхъ цѣликомъ сохранился только одинъ, имѣющій форму перевернутой буквы ω. Рядомъ съ нимъ, однако, имѣются остатки другого знака и выше слѣды краски — остатки, можетъ быть, двухъ рядовъ знаковъ. Мы въ правѣ предположить поэтому, что первоначально здѣсь находилась цѣлая надпись. Знаки надо сравнить со знаками во второй изъ гробницъ, открытыхъ въ 1890 году.

XLIV. Общая характеристика склеповъ геометрическаго стиля.

Техника росписи.

Въ описанныхъ девяти гробницахъ мы прежде всего отмѣчаемъ полное единство техники и стиля, если о стилѣ вообще можно говорить въ примѣненіи къ этимъ примитивно-упадочнымъ произведеніямъ. Въ смыслѣ техники роспись всѣхъ гробницъ исполнена одинаково: прямо по стѣнѣ, не покрытой штукатуркой, одной или въ рѣдкихъ случаяхъ двумя красками, причемъ преобладаютъ краски черная и красная (синяя встрѣчается только въ одной гробницѣ). Въ большинствѣ случаевъ фигуры и орнаменты сдѣланы линіями, причемъ фонъ фигуры или орнамента краской не заполняется, иногда же фонъ заполненъ тою же краскою, которою сдѣланъ и контуръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ тѣни обозначены незаполненіемъ краской нѣкоторыхъ частей фона.

Орнаменты.

Орнаментальные мотивы очень просты и повторяются регулярно во всѣхъ гробницахъ. Основнымъ принципомъ орнаментаціи является подчеркиваніе архитектурныхъ линій орнаментальными полосами, съ одной стороны, и сплошное заполненіе орнаментомъ большихъ сплошныхъ пространствъ, съ другой. Въ первомъ случаѣ пользуются полосами, раздѣленными на треугольники, или стилизованнымъ растительнымъ орнаментомъ, во второмъ—побѣгами стилизованной виноградной лозы, фигурами животныхъ и людей и, наконецъ, точечнымъ орнаментомъ.

Всѣ изображенія и орнаменты являются продуктомъ стилизаціи, въ большинствѣ случаевъ, опредѣленныхъ составныхъ частей обычной орнаментаціи керченскихъ гробницъ болѣе ранняго времени. Такъ, обрамленіе нишъ, дверей и лежанокъ полосами съ треугольниками, какъ показываетъ, главнымъ образомъ, сравненіе съ Сораковскимъ склепомъ, ведетъ свое происхожденіе отъ гирляндъ-мѣшковъ, обрамляющихъ въ Сораковскомъ склепѣ, склепѣ 1873 г. и другихъ двери и ниши. На такое происхожденіе этихъ орнаментальныхъ полосъ опредѣленно указываютъ регулярно появляющіяся на ихъ концахъ переживанія теніи, которыя только такимъ образомъ и могутъ быть объяснены.

То же явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ частяхъ античнаго міра. Интересную параллель даетъ прежде всего Аравія (указаніе Я. И. Смирнова). Здѣсь, въ Hirbet 'Abde, въ одной гробницѣ мы имѣемъ точно такое же обрамленіе ниши и дверей (см. A. Musil, Arabia Petraea II; Edom (Wien 1907), рис. 117, стр. 146). Ту же эволюцію сдѣлала гирлянда и на позднихъ малоазійскихъ стелахъ, дающихъ вообще много любопытныхъ аналогій для нашихъ гробницъ. Къ типу этихъ позднихъ стелъ принадлежатъ и многія позднія стелы ѳракійскихъ провинцій сѣверной части Балканскаго полуострова. Большое количество первыхъ опубликовано было недавно г-жей A. Margaret Ramsay въ статьѣ Isaurian and East-Phrygian Art in the third and fourth centuries after Christ (въ публикаціи W. M. Ramsay, *Studies in the history and art of the eastern provinces of the Roman Empire,* London, 1906, стр. 3 слл.) [1]).

[1]) Ср. она же, Preliminary Report to the Wilson trustees for the year 1909, Aberdeen, fig. 1—5.

Къ сожалѣнію, г-жа Ramsay не привлекла параллельнаго матеріала, котораго, впрочемъ, опубликовано пока только самое незначительное количество, такъ какъ интересующая насъ «варварская» орнаментика — продуктъ перестилизаціи классическихъ мотивовъ—никѣмъ, въ сущности говоря, не изучена, несмотря на то, что для средневѣковаго искусства она имѣетъ то же значеніе, какое для классическаго имѣетъ такъ называемая геометрическая эпоха греческаго искусства. Кое-что публикуется въ самое послѣднее время благодаря похвальному обыкновенію, утверждающемуся съ легкой руки австрійскаго Археологическаго Института, публиковать не только надгробныя надписи, но и всю стелу, на которой эти надписи стоятъ.

Прекрасной параллелью къ нашимъ гирляндамъ-полосамъ, заполненнымъ треугольниками, можетъ явиться, напримѣръ, вѣнокъ съ двумя схематическими теніями и заполненіемъ треугольниками на стелѣ изъ Дорлы (Ramsay, l. l., стр. 35, № 13, рис. 13A; ср. стелу оттуда же, ibid 37, № 14, рис. 14), гдѣ вообще имѣется богатый расцвѣтъ геометрическихъ мотивовъ, и стелу изъ Алкарана (ibid., 53, № 31, рис. 31), гдѣ этимъ же способомъ раздѣланъ фризъ. Любопытно отмѣтить, что на этихъ же стелахъ мы замѣчаемъ и рядъ элементовъ инкрустаціоннаго стиля: такъ, въ только-что упомянутой стелѣ изъ Алкарана заполненіе пространства между арками подражаніемъ мраморировкѣ, заполненіе полей между колонками на стелѣ ibid. 51, рис. 28, многочисленныя розетки на стелахъ того же типа; при этомъ стелы ibid. 46, рис. 24 и 47, рис. 25, живо напоминая нѣкоторые саркофаги, найденные въ Сербіи, позволяютъ думать, что, можетъ быть, имѣется въ виду не мраморная инкрустація, а интарсія въ деревѣ, какъ на южно-русскихъ саркофагахъ (выше стр. 213 сл., рис. 43); ср. также ibid., 38, рис. 14. Съ точки зрѣнія раздѣлки полосъ пересѣкающимися подъ прямыми углами прямыми линіями интересна трактовка свастики на неоднакратно уже упомянутой стелѣ ibid., стр. 37, № 14, рис. 14. Постепенный переходъ отъ натуралистической къ чисто геометрической трактовкѣ гирляндъ на интересующихъ насъ стелахъ превосходно иллюстрируетъ сравненіе стелы изъ Дорлы (ibid. 22, № 7, табл. V и рис. 7A) со стелами изъ Алкарана (часъ ѣзды отъ Дорлы) и изъ самой Дорлы ibid. 29, № 8, рис. 8 и 31, № 10, рис. 10.

Вполнѣ обычна и стилизація второго любимаго орнаментальнаго мотива нашихъ гробницъ—виноградной лозы, причемъ геометризируются и листья, и гроздья. Примѣровъ такой геометризаціи можно привести много, хотя бы изъ области тѣхъ же малоазійскихъ или балканскихъ стелъ (см., напримѣръ, M. Ramsay, l. l., 44, № 12, рис. 22A; 17, № 25, рис. 35 и др.). Интереснѣе то, что и заполненіе сплошныхъ полей побѣгами стилизованной лозы обычно въ декоративномъ искусствѣ поздне-римскаго времени. Кромѣ уже указанной стелы Ramsay, 47, № 25, рис. 25, отмѣчу Бѣлградскую стелу CIL. III 8155; *Jahresh. d. oest. arch. Inst.*, IV, *Beibl.* 128, гдѣ выростающая изъ гидріи лоза заполняетъ цѣлое поле большой надгробной стелы. Количество примѣровъ подобнаго рода можно было бы увеличить по желанію. Ко всему вопросу мы еще вернемся во второй части работы [1]).

Наконецъ, геометризація человѣческой фигуры начинается на надгробныхъ памятникахъ съ сравнительно ранняго времени, особенно въ М. Азіи. Чрезвычайно

[1]) Стилизованная виноградная лоза, заполняющая пространство и трактованная въ той же сухой геометрической манерѣ, играетъ огромную роль въ орнаментикѣ палестинскихъ и сирійскихъ гробницъ, домовъ и церквей. Примѣры имѣются на каждомъ шагу и указывать каждый въ отдѣльности не представляется необходимымъ. Въ живописи очень характерные примѣры дастъ Багаватъ въ Египтѣ, см. Бокъ-Смирновъ, Матеріалы по христ. археологіи Египта (Спб. 1901), 31, рис. 35 и Атласъ, табл. IX слл.

интересна въ этомъ отношеніи группа фригійскихъ стелъ, гдѣ геометризація фигуръ принимаетъ совершенно тѣ же формы, что и въ нашихъ гробницахъ (см. Ramsay, l. l., стр. 69 слл., гдѣ на различныхъ стелахъ имѣются разныя стадіи указанной геометризаціи) [1]).

Значеніе фигурной части росписи.

Не менѣе груба, чѣмъ орнаментальная часть росписи, но гораздо интереснѣе ея, фигурная часть декоровки гробницы. И здѣсь мы замѣчаемъ поразительное постоянство въ выборѣ и трактовкѣ сюжетовъ. Дѣйствительно, во всѣхъ почти нашихъ гробницахъ мы постоянно встрѣчаемъ сопоставленіе фигуръ двухъ типовъ: съ одной стороны, большія бородатыя фигуры, иногда во фригійскомъ колпакѣ, которыя художникъ, несмотря на свою полную неумѣлость, стремится охарактеризовать рядомъ деталей: бородой, шапкой, аттрибутами, варварскимъ костюмомъ; съ другой стороны, миніатюрныя, по сравненію съ фигурами первой категоріи, человѣческія фигурки, играющія, очевидно, по отношенію къ нимъ роль подчиненную. Эти фигурки характеризованы только движеніемъ и аттрибутами: движеніе всегда сильное, часто опредѣленно плясовое, аттрибутами являются всегда либо палка и дискъ, либо два диска; при этомъ всегда фигурки держатъ эти аттрибуты въ высоко поднятыхъ рукахъ; другихъ какихъ-либо деталей не замѣтно нигдѣ; очевидно, движенія и указанныхъ аттрибутовъ для характеристики фигуръ было достаточно. Иногда фигурка съ двумя дисками (о нихъ см. ниже) имѣетъ нѣсколько бо̀льшіе размѣры, чѣмъ фигуры съ палками и дисками. Особенностью фигурокъ надо считать и то, что головы ихъ почти всегда имѣютъ форму птичьихъ головъ и почти всегда повернуты кверху. Въ типѣ маленькихъ пляшущихъ фигурокъ изображаются иногда и всадники, причемъ въ одномъ случаѣ рядомъ съ всадникомъ изображенъ олень. Всадники обыкновенно никакихъ аттрибутовъ не имѣютъ, если же имѣютъ, то тѣ же, что и пѣшія фигуры. Кромѣ этихъ полныхъ фигуръ, мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ либо гермы, либо головы съ нимбами или лучистыми вѣнцами, причемъ однажды двѣ головы— одна побольше, другая поменьше—написаны рядомъ.

Очень крупную роль среди фигурныхъ изображеній играютъ птицы. Одинъ разъ мы имѣемъ, несомнѣнно, орла, выдѣленнаго въ качествѣ главнаго изображенія и величиной, и тщательностью трактовки, чаще же это—птицы, болѣе всего напоминающія голубей, причемъ изображаются онѣ неоднократно сидящими на вѣткахъ или гирляндахъ. Почти всегда птицы находятся въ явной связи съ маленькими пѣшими фигурками; въ этихъ случаяхъ онѣ изображаются не спокойно сидящими, а летящими. Несомнѣнно, не одну только орнаментальную роль играютъ и побѣги виноградной лозы, и изображенія деревьевъ, частью вырванныхъ съ корнемъ. Въ двухъ гробницахъ встрѣчается и изображеніе реалистическихъ кораблей съ экипажемъ или безъ него.

Толкованіе всѣхъ этихъ изображеній представляетъ особыя трудности, главнымъ образомъ, въ виду бѣглости и варварскаго характера всѣхъ изображеній и почти полнаго отсутствія деталей и аттрибутовъ у фигуръ, что̀ обыкновенно даетъ возможность такъ или иначе истолковывать подобнаго рода изображенія. Поэтому ниже изложенныя соображенія я даю только какъ возможную попытку толкованія, отнюдь же не какъ несомнѣнное и единственно возможное объясненіе значенія нашихъ росписей.

---

[1]) Такую же геометризацію мы наблюдаемъ и въ другихъ частяхъ античнаго міра въ то же и въ болѣе позднее время. Характерно, однако, сличить съ вышеразобранными памятниками росписи гробницъ стелы и посуду коптскаго Египта, чтобы убѣдиться, что одинаковые процессы ведутъ въ разныхъ областяхъ къ совершенно разнымъ, въ стилистическомъ отношеніи, результатамъ.

Исхожу я при этомъ изъ слѣдующихъ наблюденій. Постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же элементовъ фигурной росписи, и притомъ всегда въ приблизительно одинаковомъ расположеніи, т. е. обыкновенно по сосѣдству съ главной лежанкой и около главной ниши, заставляетъ думать, что роспись имѣетъ не чисто орнаментальное значеніе, а содержитъ въ себѣ извѣстный опредѣленный смыслъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ погребенію и погребенному. Отношеніе это можетъ быть, судя по аналогіямъ, двоякимъ: изображенія могутъ быть либо религіозно-сакральными, либо реалистическими.

Естественнѣе всего было бы видѣть въ изображенныхъ сценахъ дегенерацію и схематизацію обычныхъ въ пантикапейскихъ могилахъ фигурныхъ сюжетовъ, какъ это мы установили выше для орнаментальной части росписи. Попытка такого толкованія, однако, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Ничего общаго ни со сценами геройски-реалистическими, ни со сценами религіозными, извѣстными намъ изъ Пантикапея, наши изображенія не имѣютъ и какъ ихъ стилизація и схематизація объяснены быть не могутъ. Это, несомнѣнно, нѣчто новое, въ Пантикапеѣ не наблюдавшееся, какія-то новыя представленія и идеи.

Отвлекаясь отъ пантикапейскихъ традицій, наиболѣе простымъ представлялось бы толковать наши сцены какъ сцены жанровыя, связанныя съ чисто-орнаментальными мотивами. Но попытки такого толкованія не приводятъ къ положительнымъ результатамъ.

На другой путь толкаютъ наблюденія, извлеченныя изъ внимательнаго и детальнаго изученія росписи, правда, примитивной, но все же повторяющей извѣстныя опредѣленныя сочетанія.

Остановлюсь прежде всего на двухъ гробницахъ: а) 1874 г. и б) 1890, 1. Въ обѣихъ мы имѣемъ въ высшей степени характерныя сочетанія фигуръ. Рядомъ съ нѣсколькими мелкими фигурами, которыя всѣ изображены въ сильномъ, по всей видимости, плясовомъ движеніи съ одними и тѣми же аттрибутами, мы имѣемъ и тамъ, и здѣсь по одной фигурѣ колоссальныхъ сравнительно съ упомянутыми фигурками размѣровъ и съ совершенно иными аттрибутами. Эти фигуры выдѣлены изъ ряда остальныхъ, противопоставлены имъ, и позы ихъ совершенно иныя: нѣтъ и намека на сильное плясовое движеніе. Аттрибутами въ одномъ случаѣ является лукъ, въ другомъ—посохъ, виноградный гроздъ и вѣтка. Постоянные аттрибуты мелкихъ фигурокъ могутъ быть истолкованы либо какъ копье и щитъ, либо какъ какой-либо музыкальный инструментъ; часто у пляшущихъ два круглыхъ предмета, т. е. либо два диска, либо два вѣнка. Крупная фигура гробницы 1874 г., кромѣ указанныхъ уже аттрибутовъ, выдѣлена изображеніемъ надъ нею большой головы впрямь.

Такое рѣзкое выдѣленіе каждый разъ одной только фигуры и сочетаніе ея съ мелкими фигурками, имъ, очевидно, подчиненными, заставляютъ видѣть въ выдѣленныхъ фигурахъ нашихъ росписей не человѣка, а бога, въ мелкихъ же фигуркахъ—людей, совершающихъ въ честь этого бога какое-либо культовое дѣйство.

Опредѣленнѣе всего характеризованы мелкія фигурки пляшущихъ людей въ гробницѣ 1905 г. Особенно ясно выдѣленъ здѣсь человѣкъ, какъ бы зачинающій дѣйство, держащій въ обѣихъ рукахъ то, что мы могли объяснить съ наибольшею вѣроятностью какъ змѣю [1]); охарактеризованы здѣсь аттрибутами и остальныя фи-

[1]) Такой же главной фигурой является въ гробницѣ 1912 г. фигура съ двумя вѣнками или двумя тамбуринами-кастаньетами въ рукахъ; то же въ гробницѣ 1890 г., 2.

гуры. Совершенно очевидно, что во всей изображенной группѣ мы имѣемъ дѣло съ пляшущими людьми, аккомпанирующими своей пляскѣ ударами копій по щитамъ или ударами палокъ по тамбуринамъ. Ярко выдѣлено въ той же гробницѣ ближайшее отношеніе летящихъ птицъ къ пляшущимъ фигурамъ, по одной птицѣ на человѣка.

Сличеніе гробницы 1905 г. съ гробницами 1874 г. и 1890 г., 1 не оставляетъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ изображеніе экстатическаго танца подъ аккомпаниментъ тамбуриновъ или оружія, танца, аналогичнаго танцу корибантовъ или служителей одного изъ малоазійскихъ или ѳракійскихъ божествъ родственныхъ Великой Матери боговъ. Летящихъ птицъ я тогда истолковалъ бы какъ символъ экстаза, олицетвореніе находящихся въ экстазѣ душъ миста.

Кто же тотъ богъ, въ честь котораго совершается изображенное мистическое дѣйство? Кромѣ двухъ, уже упомянутыхъ, гробницъ этотъ богъ изображенъ, и притомъ дважды, подъ главной лежанкой гробницы 1901 г. по обѣ стороны монументальнаго орла, занимающаго центральное мѣсто. Богъ и здѣсь, какъ и въ двухъ упомянутыхъ гробницахъ, изображенъ съ большою острою бородой, на головѣ его фригійская шапка, въ одной рукѣ, какъ кажется, большой жезлъ. Обѣ фигуры связаны съ побѣгами виноградной лозы и съ какимъ-то хвойнымъ деревомъ, вѣроятнѣе всего, кедромъ.

Сабазій. Фригійская шапка даетъ намъ совершенно опредѣленное указаніе на то, въ какой сферѣ искать бога, чтимаго мистическимъ плясомъ. Это, несомнѣнно, богъ малоазійскій или ѳракійско-малоазійскій. Въ серіи этихъ боговъ единственный, изображающійся бородатымъ,—это Сабазій, мистеріи котораго издавна были популярны не только въ Малой Азіи.

Матеріалъ, который характеризуетъ намъ божественную сущность и культъ Сабазія или Себазія, сравнительно незначителенъ. Для ранняго времени это, главнымъ образомъ, рѣчь Демосѳена «о вѣнкѣ», 259 слл., для эпохи Римской имперіи, кромѣ нѣсколькихъ текстовъ,—главнымъ образомъ, памятники археологическіе: одна или двѣ расписныя гробницы въ Римѣ, одинъ (сомнительный) храмъ въ Остіи, нѣсколько (также сомнительныхъ) храмовъ въ провинціяхъ, довольно много надписей, особенно же изображенія бога на вотивныхъ бронзовыхъ рукахъ и нагрудныхъ бляхахъ жрецовъ бога [1]).

Не стану повторять то, что изложено въ указанныхъ въ примѣчаніи статьяхъ о культѣ Сабазія. Укажу на тѣ подробности, которыя дѣлаютъ вѣроятнымъ отожествленіе бога нашихъ гробницъ съ ѳракійско-малоазійскимъ Сабазіемъ.

Характерно прежде всего то, что внѣшній видъ бога на нашихъ изображеніяхъ и на другихъ памятникахъ его культа одинаковъ: богъ всегда бородатъ, на головѣ его всегда фригійская шапка, одѣтъ онъ всегда въ восточную варварскую одежду, опирается на скипетръ.

---

[1]) Наиболѣе полно собранъ археологическій матеріалъ въ ст. Chr. Blinkenberg, Darstellungen des Sebazius und Denkmäler seines Kultes въ книгѣ Archaeologische Studien, Kopenhagen 1904, 66 слл.; подробно сопоставленъ весь матеріалъ и вся старая литература въ статьѣ Eisele въ Рошеровскомъ миѳологическомъ лексиконѣ, ср. F. Cumont, Die orientalischen Religionen (пер. Gehrich'a со 2-го фр. изданія), 77 слл., и въ статьѣ Sabazios въ Daremberg et Saglio, Dict. d. ant.; ср. также Г. Кацаровъ, Приносъ къмъ старата история на София, 56. Совсѣмъ недавно въ Ampurias въ Испаніи найденъ еще одинъ нагрудный знакъ Сабазія съ характерными изображеніями, см. Adquisicions del Museo de Girona (*Anuari*, 1908, 569, рис. 28, ср. P. Paris, *Arch. Anz.* 1912, 454 сл., рис. 50). Ни первый издатель, ни P. Paris не распознали настоящаго характера памятника и толкуютъ о связи нашей таблицы съ культомъ Миѳры.

Мистическій плясъ.

Характеристика мистическаго служенія Сабазію вполнѣ подходитъ къ изображенію мистовъ въ нашихъ гробницахъ. Предводитель ѳіаса характеризуется Демосѳеномъ, de cor. 259 сл., какъ: τοὺς ὄφεις τοὺς παρείας θλίβων καὶ ὑπὲρ τῆς κεφαλῆς αἰωρῶν; процессіи сопровождаются плясомъ и шумной музыкой, гдѣ тимпаны и кимвалы играютъ основную роль рядомъ съ флейтами, см. Arist., fr., 478; Lysistr., 388: χὠ τυμπανισμὸς χοἰ πυκνοὶ Σαβάζιοι; ср. Clem. Alex., Protr. II, 15; Firm. Mat., de err. prof. rel., 18; ps. Jambl., de myst, 3, 9. Все это, впрочемъ, конечно, характерно и для другихъ экстатическихъ культовъ Малой Азіи, напримѣръ, для культа Великой Матери боговъ и Аттиса.

Орелъ.

Что касается аттрибутовъ бога въ нашихъ гробницахъ, то наиболѣе характерно соединеніе его съ орломъ въ гробницѣ 1901 г. Хотя Eisele (l. l., стр. 242) и утверждаетъ, что орелъ при Сабазіи есть явленіе единичное, мы тѣмъ не менѣе видимъ сопоставленіе Сабазія съ орломъ какъ разъ на наиболѣе характерныхъ памятникахъ культа Сабазія, причемъ орелъ изображается крупнѣе другихъ аттрибутовъ и въ болѣе тѣсной связи съ богомъ. Такъ, на рельефѣ изъ Κολοηνῶν κατοικία (Eisele, l. l., 244, № 2, рис. 3), на нагрудныхъ знакахъ жрецовъ въ Берлинскомъ музеѣ [1]) и въ Копенгагенѣ [2]). У ногъ бога сидитъ орелъ на серебряныхъ табличкахъ изъ Vichy [3]), на плечѣ его—на бронзовомъ рельефѣ Ватиканскаго музея [4]). Семь разъ встрѣчается орелъ и на бронзовыхъ рукахъ, посвященныхъ Сабазію, см. Blinkenberg, стр. 82 сл. [5]).

Солнце и Луна.

Сочетаніе бога въ нашихъ гробницахъ съ ликами и бюстами, которые могутъ имѣть только солнечное значеніе, а въ гробницѣ 1901 г., несомнѣнно, изображаютъ Солнце и Луну, весьма характерно и для памятниковъ культа Сабазія. Уже Alexander Polyhistor (Macr. Sat. I, 18, 11) идентифицируетъ ѳракійскаго Сабазія одновременно съ Діонисомъ и съ Солнцемъ, описывая съ послѣдней точки зрѣнія его храмъ in colle Gilmisso. Это же подтверждается и надписью изъ Никополя (*Arch.-ep. Mitth. aus Oest.*, X, 241, 6; Seure, *BCH.*, 1908, 43, № 45): [Θεᾶς] Ἰδείας μεγάλης | [μητρ]ὸ[ς] Διὶ Ἡλίῳ μεγά[λῳ | κυρί]ῳ Σεβαζίῳ ἁγ[ίῳ | Ἀρσιλη]νῷ и т. д. Наконецъ, ту же связь мы видимъ на копенгагенской бляхѣ Blinkenberg, табл. II, на бляхѣ Берлинской и на бляхѣ изъ Ампуріады (*Arch. Anz.* 1912, 458, рис. 50). Нѣтъ сомнѣнія, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ явленій солярнаго генотеизма (ср. Perdrizet, *BCH.*, 1896, 101 и Eisele, l. l., стр. 255).

Виноградная лоза.

Вполнѣ понятно и сочетаніе Сабазія съ виноградной лозой. Уже выше было указано, что рѣзкой грани между ѳракійскимъ Діонисомъ и Сабазіемъ малоазійскій и ѳракійскій культы не знаютъ. Особенно ярко подчеркнуто это родство на упомянутомъ жреческомъ нагрудномъ знакѣ изъ Ампуріады. Здѣсь по правую руку отъ Сабазія, опирающагося лѣвой рукой на обычный жезлъ, правой же поднятой дѣлающаго обычный жестъ благословенія, изображено высокое дерево съ листьями и цвѣтами плюща, изъ листвы котораго вырастаетъ бюстъ Діониса съ плющевымъ вѣнкомъ на головѣ. На стволѣ дерева привѣшены скрещенные тирсъ, тимпанъ и кимвалы. Въ этомъ изображеніи ясно подчеркнута діонисов-

---

[1]) См. *Arch. Anz.* 1892, 111, № 15; Blinkenberg, l. l., рис. 40; Eisele, l. l., № 16, стр. 248.

[2]) Blinkenberg, табл. II; Eisele, № 17, рис. 8. Въ первомъ случаѣ орелъ сидитъ на лошадяхъ, везущихъ Сабазія, во второмъ онъ изображенъ на фронтонѣ, въ третьемъ сидитъ на стволѣ дерева рядомъ съ богомъ.

[3]) Bertrand, *Bull. de la soc. d'émulation d'Allier,* 1891, 185; Eisele, № 5, стр. 245.

[4]) *Rev. arch.* 1892, 1, 189 слл., табл. X; Cumont, Textes et monuments relatifs au culte de Mithra, 97, 98; Blinkenberg, 97; Eisele, № 24, стр. 249.

[5]) Руки эти были наконечниками жезловъ бога или его жрецовъ.

ская природа Сабазія и притомъ тѣсная его связь съ Діонисомъ и спеціально съ Διόνυσος δενδρίτης [1]), та же связь, на которую указываетъ виноградная лоза въ гробницахъ 1897 г. и особенно 1901 г. и, можетъ быть, гроздъ въ гробницѣ 1873 г. Совершенно такъ же, какъ на нагрудномъ знакѣ изъ Ампуріады, и въ гробницѣ 1901 года по лѣвую руку отъ бога, составляя pendant къ діонисовскимъ символамъ, стоитъ символъ мало-азіатской сущности бога, связывающій его съ великою матерью боговъ и съ Аттисомъ; я имѣю въ виду изображеніе кедра или пиніи, обвѣшанной шишками.

Этотъ главный символъ бога въ сокращенномъ видѣ, т. е. въ видѣ шишки кедра или пиніи встрѣчается на предметахъ Сабазіева культа постоянно; цѣлое дерево, кромѣ бляхи изъ Ампуріады, встрѣчается еще только на бляхѣ Копенгагенскаго музея (см. Blinkenberg, l. l.).

Не случайно, можетъ быть, и то, что виноградная лоза въ обѣихъ упомянутыхъ гробницахъ изображена вырастающею изъ большого кратера или гидріи. Хотя это и обычный орнаментальный мотивъ діонисовскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе характерно, что большой кратеръ — одинъ изъ постоянныхъ аттрибутовъ Сабазіева культа, имѣющихся почти на каждомъ памятникѣ.

Любопытное изображеніе дерева съ корнями и вѣтокъ въ гробницахъ, гдѣ главную роль играетъ Сабазій, кромѣ сказаннаго выше, естественнѣе всего объясняется также той близостью, которая существовала между культами Сабазія и Аттиса съ одной стороны, Сабазія и Діониса съ другой [2]). Сліяніе Аттиса съ Сабазіемъ—фактъ общеизвѣстный [3]).

Птицы. Характерно также и изобиліе изображенныхъ въ нашихъ гробницахъ птицъ, больше всего напоминающихъ голубей. Это же явленіе мы наблюдаемъ и на нѣкоторыхъ памятникахъ культа Сабазія (см. Blinkenberg, 82 сл.), и на памятникахъ культа Аттиса (Hepding, Attis, 88, № 34, особ. CIL.VI 505—295 г. по Р. Хр.), и, наконецъ, въ культовой жизни всей передней Азіи [4]).

Лукъ. Не выясненнымъ и не подкрѣпленнымъ аналогіями въ числѣ аттрибутовъ бога, идентифицируемаго мною съ Сабазіемъ, остается только аттрибутъ его въ гробницѣ 1890 г.—лукъ, изъ котораго онъ, несомнѣнно, стрѣляетъ. Передъ нами какъ будто богъ охоты, какимъ мы, въ сущности говоря, Сабазія до сихъ поръ не знали. Въ связи съ этимъ стоитъ и то, что въ гробницѣ 1901 г. подъ изображеніемъ коннаго миста мы имѣемъ изображеніе оленя.

Въ послѣднее время, однако, въ двухъ очень интересныхъ статьяхъ Н. Я. Марръ указалъ на существованіе имени божества, этимологически равнаго ѳракійско-фригійскому Σαβάζιος, въ армянскомъ языкѣ, а также на то, что терминъ, этимологически равный армянскому, въ сванскомъ языкѣ обозначаетъ бога покровителя на охотѣ, бога охоты [5]).

---

[1]) Это,—можетъ быть, древнѣйшая ѳракійская форма культа Діониса. Видѣть въ появленіи бюста Діониса изъ листвы плюща указаніе на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ Діонисомъ Κισσός и съ легендой о Діонисѣ περικιόνιος, т. е. о рожденіи Діониса, необязательно; но возможно, конечно, и такое толкованіе, см. H. Heydemann, Dionysos' Geburt und Kindheit, Halle, 1885; ср. Kern, Pauly-Wissowa, R. E. V, 1016. Подробнѣе разбирать всѣ эти вопросы здѣсь не мѣсто.

[2]) См. Hepding, Attis, 149 слл. и 214, ср. Kern въ Pauly-Wissowa, R. E., s. v. Baumkultus III, 157.

[3]) См. F. Cumont, Die orientalischen Religionen, 59; Hepding, Attis, 103, 1; 127, 192, особ. 214.

[4]) Hepding, Attis, 157; W. Robertson-Smith, Religion der Semiten, 116, 167, прим. 223, 322, ср. Cumont, Die or. Rel., 138 и P. W., R. E., IV, 2242.

[5]) См. *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, 1911, 759 слл.; 1912, 827 слл.

Если бы мое толкованіе разсматриваемыхъ изображеній оказалось правильнымъ, оно блестящимъ образомъ подтвердило бы выводы Н. Я. Марра, причемъ сравнительно второстепенное значеніе имѣло бы разрѣшеніе вопроса, есть ли и Сабазій-охотникъ импортъ изъ Өракіи и М. Азіи, или въ немъ мы имѣемъ вліяніе распространенныхъ среди кавказскихъ племенъ воззрѣній на этого бога, принесенныхъ въ Пантикапей сарматами.

Для исторіи өракійской религіи прочное установленіе какъ присутствія Сабазія среди исконныхъ боговъ армянъ, такъ и, особенно, установленіе его характера, какъ бога охоты, имѣло бы огромное значеніе. Это установленіе, съ одной стороны, помогло бы выяснить вопросъ о происхожденіи өракійцевъ, съ другой стороны, дало бы намъ ключъ къ пониманію извѣстнаго бога-всадника өракійцевъ, героя-охотника, который оказался бы при этихъ условіяхъ только одной изъ ипостасей основного бога өракійской религіи, одно изъ именъ котораго было Сабазій [1]). При этихъ условіяхъ стало бы понятнымъ и появленіе во Өракіи коннаго Діониса въ типѣ героя-охотника, о которомъ я говорилъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ [2]). Не случайность, что у свановъ ихъ Сабазій очень близокъ къ св. Георгію; во Өракіи культъ героя-охотника, какъ извѣстно, обусловилъ собою популярность культа св. Георгія.

Богъ растительнаго царства и богъ-охотникъ ведутъ насъ прямо къ Сабазію, какъ великому хөоническому божеству.

Сабазій, какъ хөоническое божество.

Въ нашихъ гробницахъ появленіе Сабазія можно объяснить, конечно, только постольку, поскольку Сабазій въ вѣрованіяхъ мистовъ былъ богомъ, дававшимъ надежду на вѣчную загробную жизнь. Такой характеръ бога вытекаетъ изъ цѣлаго ряда явленій, связанныхъ съ его культомъ (особенно характерны изображенія загробной жизни въ гробницѣ сабазіастки Вибіи въ Римѣ) [3]), и въ достаточной мѣрѣ подчеркнутъ въ современной литературѣ (см. Hepding, Attis, 214; F. Cumont, Die orient. Rel., 72 слл.) [4]). Самая связь Сабазія съ солярнымъ культомъ вполнѣ подходитъ и въ этомъ отношеніи къ вѣрованіямъ того времени, согласно которымъ душа въ конечной стадіи сливается съ Солнцемъ (см. Cumont, Die orient. Rel., 148). Этими вѣрованіями объясняется и появленіе на главномъ мѣстѣ въ гробницѣ 1901 г. орла, фигурирующаго, какъ птица посвященная Солнцу, и на цѣломъ рядѣ сирійскихъ и малоазійскихъ надгробныхъ стелъ и среди скульптуръ многихъ сирійскихъ гробницъ [5]).

Θεὸς ὕψιστος

То же изображеніе орла въ гробницѣ 1901 г. позволяетъ намъ поставить наши гробницы и ихъ изображенія въ связь съ цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ явленій въ жизни Боспорскаго царства. Совершенно такой же орелъ изображенъ

---

[1]) См. объ этомъ мои статьи «Святилище өракійскихъ боговъ и надписи бенефиціаріевъ въ Ай-Тодорѣ», *И. И. А. К.*, 40, 19 слл., и «Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 г.» *Сборн. статей, поднесенныхъ графу А. А. Бобринскому*, 130 слл., ср. G. Kazarow, Zalmoxis, *Klio*, XII (1912), 358 сл. (рельефъ коннаго бородатаго хөоническаго — рогъ изобилія — бога-охотника), ср. Г. Кацаровъ, *Изв. на Българското арх. дружество*, III (1912), 125 слл.

[2]) См. *И. И. А. К.*, 40, 26 сл. и рис. 29; ср. P. Perdrizet, Cultes et mythes du Pangée, Paris, 1910, 21 и pl. II.

[3]) См. кромѣ выше цитованныхъ работъ о Сабазіи еще Wissowa, Religion u. Kultus der Römer, 2 изд., 376; ср. также изображеніе Меркурія и его кадуцея на бляхѣ изъ Ампуріады и на цѣломъ рядѣ Сабазіевыхъ рукъ.

[4]) О рельефѣ, изданномъ Becker'омъ въ *Neujahrsblatt des Vereins f. Gesch. u. Altertumsk. in Frankfurt a. M.* 1862, 23, я говорю въ другой связи и въ другомъ мѣстѣ (*И. И. А. К.*, 49, 30 слл.).

[5]) См. F. Cumont, *Revue de l'hist. de rel.* 1910 (62), 119 слл.; Deubner, *Röm. Mitth.* 1912 (27), 1 слл.

во фронтонахъ ряда танаидскихъ стелъ, посвященныхъ θεὸς ὕψιστος ἐπήκοος (Ios. P. E. II, 437 слл., ср. О. И. А. К., 1870—71, стр. 231 сл.), ср. надписи Горгиппіи Ios. P. E. II, 401; IV, 430. Между тѣмъ, какъ это впервые было установлено В. В. Латышевымъ, Ios. P. E. II, 246 и никѣмъ теперь не оспаривается, сличеніе этихъ надписей съ надписью изъ Пирота въ Болгаріи [1]) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что θεὸς ὕψιστος нашихъ надписей находится въ тѣснѣйшей связи съ Сабазіемъ.

Въ культѣ θεὸς ὕψιστος Танаида и Горгиппіи мы имѣемъ такимъ образомъ, несомнѣнно, культъ Сабазія, въ значительной степени измѣненный и углубленный не только при посредствѣ сліянія его съ идеями солярнаго генотеизма, но и съ идеями іудейскаго монотеизма. Это въ достаточной мѣрѣ выяснено Шюреромъ въ его статьѣ объ южно-русскихъ надписяхъ высшаго бога [2]). Такое же сліяніе культа θεὸς ὕψιστος съ малоазійскими мистическими культами мы наблюдаемъ и въ культѣ Аттиса (см. Cumont, Die orient. Relig., 75; Hepding, Attis, 82, № 15 и 84); съ другой стороны и θεὸς ὕψιστος не остается внѣ сферы вліянія солярнаго генотеизма (см. Inschr. von Perg., II, № 330).

Коллегіи сабазіастовъ.

Въ высшей степени интересно при этомъ, что культъ θεὸς ὕψιστος въ Танаидѣ, несомнѣнно, имѣетъ почти офиціальный характеръ; весь tenor каждой надписи, упоминаніе въ каждой изъ нихъ правящаго царя, позволяетъ думать, что коллегій гипсистаріевъ-сабазіастовъ въ Танаидѣ, а, вѣроятно, и въ Горгиппіи является офиціальнымъ или, во всякомъ случаѣ, признаннымъ государствомъ религіознымъ сообществомъ. Между тѣмъ организація этой ассоціаціи или этихъ ассоціацій совершенно идентична съ организаціей анонимной σύνοδος [3]) или анонимныхъ σύνοδοι въ Пантикапеѣ, отличаясь во многихъ пунктахъ отъ организацій обычныхъ греческихъ обществъ (напримѣръ, магистраты этой ассоціаціи—φιλάγαθος и παραφιλάγαθος и др.).

Все это позволяетъ намъ думать, что σύνοδος или σύνοδοι Пантикапея и таковые же Горгиппіи и Фанагоріи такъ же, какъ и общества Танаида, имѣли съ одной стороны офиціальный, съ другой—религіозный характеръ. При этомъ, если правильно первое, то божество, около культа котораго объединялось офиціальное братство, по всей вѣроятности, должно было быть божествомъ, признаннымъ государствомъ, культъ котораго поддерживался, вѣроятно, и съ высоты престола.

Естественнѣе всего видѣть въ этомъ божествѣ, имя котораго ни въ одной изъ пантикапейскихъ надписей не названо, того же танаидскаго Сабазія—θεὸς ὕψιστος,

---

[1]) *Arch.-ep. Mitth. aus Oest.*, X, 238, № 2. Удивительно, что эта первостепенная по важности надпись не попала въ Inscr. Graecae ad r. R. pert. I; ср. надписи, посвященныя Сабазію, I. gr. ad r. R. p., I, 678, 676, и надпись, посвященную θεὸς ὕψιστος, ibid. 777. Орла Танаидскихъ надписей поставилъ въ связь съ культомъ Сабазія уже Cumont, *Rev. de l'instruction publ. de Belgique* 1897, 6, ср. Wagener, *Mém. de l'Académie de Bruxelles*, XXX (1861), 9; Heuzey, *C. R. de l'Ac. d. inscr.*, 1895, 51.

[2]) См. Schürer, *Sitzungsb. d. Berl. Akad.* 1897, стр. 200—225, ср. F. Cumont, *Revue de l'instr. publ. de Belg.*, 1897; *C. R. de l'Acad. d. inscr.*, 1906, 63 слл.; *Musée belge*, 1910, 55 слл. О культѣ θεὸς ὕψιστος и о литературѣ вопроса см. E. Schürer, Gesch. d. jüd. Volkes im Zeitalter Jesu-Christi, III, 4 (1909), 174, 75.

[3]) См. надписи этихъ коллегіевъ: въ Пантикапеѣ—Ios. P. E. II, 60—65; IV, 207—212 и 469, ср. В. Латышевъ, *И. И. А. К.*, 10, стр. 31 слл.; 14, стр. 116 сл.; Шкорпилъ, *И. И. А. К.*, 27, стр. 42 слл.; 33, стр. 22 сл.; 37, стр. 1 слл.; 40, стр. 104 сл., № 18; Ю. Марти, *Зап. од. общ. ист. и др.*, XXVI (1906), Проток. 362 зас., стр. 60 сл.; ibid. XXVII, Проток. 366 зас., стр. 18; въ Горгиппіи—Ios. P. E. II 437—58; въ Фанагоріи—ibid. II, 365, ср. IV, 421. О φιλάγαθοι и παραφιλάγαθοι см. Poland, Griechisches Vereinswesen, 413. Въ *И. И. А. К.*, 27, 42 слл. В. В. Шкорпилъ, сопоставляя извѣстныя ему надписи ѳіасотовъ, совершенно правильно подчеркиваетъ, что особенностями ѳіасотовъ Пантикапея являются: 1) исключеніе изъ ихъ среды женщинъ (то же въ культѣ Миоры) и 2) участіе въ нихъ только воиновъ. Новыя данныя для ѳіасовъ Горгиппіи заключаетъ въ себѣ Горгиппійская надпись ѳіаса навклеровъ, почитателей бога Посидона, см. о ней В. В. Латышевъ, *И. И. А. К.* 37, 38 слл.

слившагося, вѣроятно, въ Боспорскомъ царствѣ съ тѣми главными солярными божествами иранскаго происхожденія, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше играли основную роль въ религіи и культѣ Пантикапея и другихъ частей Боспорскаго царства.

Впрочемъ, обо всемъ этомъ я говорилъ подробно въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь укажу только на то, что мистическій восточный характеръ нашихъ обществъ подтверждается цѣлымъ рядомъ особенностей въ ихъ структурѣ, чуждыхъ греческимъ обществамъ и союзамъ.

Я имѣю въ виду прежде всего, кромѣ указанныхъ особенностей въ управленіи, то, что члены ассоціаціи какъ въ Танаидѣ, такъ и въ Пантикапеѣ называются по отношенію другъ къ другу братьями (см. Шкорпилъ, *И. И. А. К.*, 40, 104, № 18). Обозначеніе членовъ коллегія именемъ «братья» греческимъ коллегіямъ чуждо, но зато весьма употребительно въ мистическихъ общинахъ восточныхъ культовъ (см. Cumont, Die orient. Rel., 183, 331, 299, прим. 82) [2]).

Въ высшей степени характеренъ и правильно наблюденный Шкорпиломъ (выше стр. 302, прим. 3) исключительно мужской и исключительно военный характеръ обществъ. И это находитъ себѣ аналогію въ восточныхъ общинахъ, спеціально, какъ указано выше, въ культѣ Миѳры, гдѣ такую видную роль играетъ и терминъ miles. Если вспомнить при этомъ тѣсную связь религіи и культовъ Боспора съ культомъ доримскаго Миѳры, о чемъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [3]), то наши выводы о религіозномъ и офиціальномъ характерѣ пантикапейскихъ коллегіевъ станутъ еще болѣе вѣроятными.

Огромная роль, которую я, такимъ образомъ, приписываю культу θεὸς ὕψιστος въ Пантикапейскомъ царствѣ въ эпоху римской имперіи, не должна насъ удивлять. Происхожденіе новаго культа, какъ и многихъ культовъ, вліявшихъ на Боспоръ, ѳракійско-малоазійское. Офиціальное признаніе онъ могъ найти себѣ прежде всего и издавна въ самомъ царскомъ домѣ, правившемъ Боспоромъ. Вспомнимъ, что родоначальница полу-ѳракійской династіи Боспора Пиѳодорида стояла въ тѣснѣйшей связи съ культомъ θεὸς ὕψιστος, см. I. gr. ad. r. R. p. I, 477: θεῷ ἁγίῳ ὑψίστῳ ὑπὲρ τῆς Ῥοιμητάλκου καὶ υθοδωρίδος ἐκ τοῦ κατὰ τὸν Κοιλαλητικὸν πόλεμον κινδύνου σωτηρίας εὐξάμενος καὶ ἐπιτυχὼν Γάιος Ἰούλιος Πρόκος (sic!). Вспомнимъ также, что малоазійско-ѳракійскія династіи вообще были привержены къ восточнымъ культамъ, что доказывается, напримѣръ, и преданіемъ о христіанствѣ Антоніи Трифэны [4]).

Принадлежность склеповъ сабазіастамъ.

Если правильны выше предложенныя соображенія и сближенія, то группа интересующихъ насъ гробницъ пріобрѣтаетъ особо важное значеніе, и не представится удивительнымъ исключительное ея господство, смѣнившее разнообразіе, царившее до этого времени въ религіозныхъ и полурелигіозныхъ сюжетахъ гробничной росписи Пантикапея.

Подтвержденіемъ высказанному выше предположенію о принадлежности погребенныхъ въ нашихъ гробницахъ гражданъ Пантикапея не только къ культу Сабазія — θεὸς ὕψιστος, но и къ часто засвидѣтельствованному намъ σύνοδος или однороднымъ

[1]) См. *И. И. А. К.*, 49, 1 слл.

[2]) Любопытно, что терминъ ἀδελφοὶ въ культѣ θεὸς ὕψιστος встрѣчается и въ Синопѣ; см. Poland, Vereinswesen, 55.

[3]) *И. И. А. К.*, 49, 1 слл.

[4]) См. S. Reinach, Conférences faites au Musée Guimet, *Ann. du Musée Guimet,* XXXV, 103 слл. (объ извѣстныхъ актахъ св. Ѳеклы). См. также извѣстный переходъ въ іудейство около 20 г. по Р. Хр. царскаго дома Адіабены, парѳянскихъ вассаловъ, H. Graetz, Gesch. der Juden, III, 4, 403 слл.

σύνοδοι (какъ бы частямъ одного σύνοδος) Пантикапея можетъ служить то обстоятельство, что и въ изображеніяхъ нашихъ гробницъ, какъ и въ спискахъ σύνοδος, женщины отсутствуютъ, мужчины же всѣ, вѣроятно, являются вооруженными, причемъ, однако, вооруженіемъ они пользуются для культовыхъ, а не военныхъ цѣлей. Еще характернѣе то, что среди мистовъ имѣются и всадники, играющіе рядомъ съ пѣшими такую крупную роль и на болѣе раннихъ пантикапейскихъ надгробныхъ стелахъ.

При моемъ толкованіи въ серіи изображеній, украшающихъ наши гробницы, останутся непонятными только изображенія торговыхъ и военныхъ (?) кораблей съ экипажемъ и безъ онаго въ гробницахъ 1894 и 1901 года. Толкованіе этихъ кораблей возможно двоякое. Или они характеризуютъ, такъ же, какъ лошадь и вооруженіе мистовъ, ихъ обычныя занятія — морскую торговлю и службу на военныхъ корабляхъ, либо и они принадлежатъ къ символическимъ частямъ росписи. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о какомъ-нибудь спеціальномъ значеніи корабля въ сферѣ религіозныхъ представленій сабазіастовъ и родственныхъ имъ адептовъ мистическихъ культовъ, но надо помнить, что мы вообще знаемъ объ этихъ представленіяхъ чрезвычайно мало. Напомню, впрочемъ, что какъ разъ въ мистическихъ религіяхъ, какъ позднѣе въ христіанствѣ, представленіе о странѣ блаженныхъ за океаномъ и о путешествіи туда на кораблѣ очень распространено [1]).

Связь съ іудействомъ и христіанствомъ.

Что касается до вопроса о томъ, насколько въ росписи нашей гробницы и, главнымъ образомъ, въ орнаментикѣ (птицы, вѣтви) сказалось вліяніе іудейства и христіанства, то я предпочитаю вопроса этого не касаться.

Не могу, однако, не указать на то, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашей группой гробницъ найдена была первая въ Керчи христіанская гробница съ символическими изображеніями. Найденныя раньше христіанскія гробницы Керчи украшены только религіозными текстами [2]).

Къ сожалѣнію, дата нашей группы гробницъ точному опредѣленію не поддается, тѣмъ менѣе дата вновь найденной христіанской гробницы. Нельзя поэтому опредѣленно сказать, имѣется ли между ними опредѣленная преемственность во времени. Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ архитектурномъ отношеніи новая христіанская гробница отнюдь не представляетъ дальнѣйшаго развитія мотивовъ архитектуры гробницъ Сабазіастовъ, а скорѣе составляетъ одно цѣлое съ открытыми до сего времени въ Керчи христіанскими склепами. Не придаю я значенія и тому факту, что около креста сгруппировано нѣсколько птицъ, что̀ какъ будто бы сближаетъ христіанскую гробницу съ гробницами сабазіастовъ. Это наблюденіе могло бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать одновременность гробницы христіанской и гробницъ сабазіастовъ.

---

[1]) См. C. Fredrich, Sarkophagstudien, *Gött. gel. Nachr.* 1895, 106 слл.
[2]) См. Ю. Кулаковскій, *Мат. по арх. Россіи*, 6 и 19, стр. 59 слл. (Приложеніе).

Приложеніе.

XLV. Христіанская гробница, открытая въ 1912 г.

(Табл. CI, 1 и рис. 85).

Найдена 13 іюня 1912 г. на 1-й Подгорной улицѣ противъ угловъ 1-й Нагорной (табл. I, 7). Мѣстоположеніе было указано упомянутымъ, уже В. Ивановымъ. Архитектура интересна постольку, поскольку даетъ примѣръ грубо построенной камеры съ четырьмя лежанками довольно неправильной формы. Планъ склепа безъ лежанокъ имѣетъ форму неправильной трапеціи, включая лежанки, довольно опредѣленно напоминаетъ форму равноконечнаго креста. Имѣемъ ли мы здѣсь намѣреніе строителя или простую случайность, рѣшить не берусь. Какъ это обычно во многихъ склепахъ Пантикапея, потолокъ камеры въ формѣ плоскаго свода къ задней стѣнѣ склепа значительно повышается.

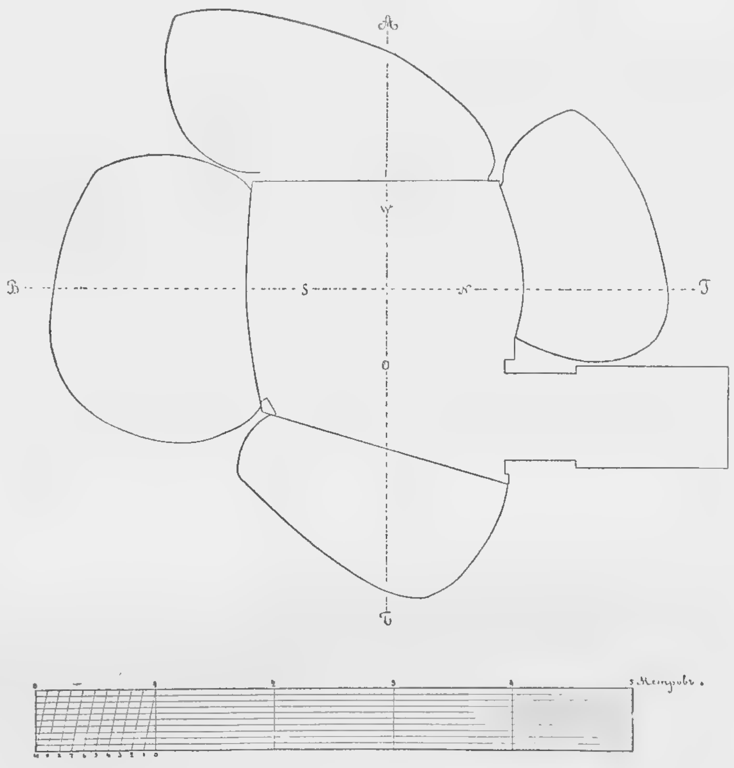


Рис. 85. Планъ христіанскаго склепа 1912 г.

Интересно въ описываемомъ христіанскомъ склепѣ [1]) то, что надъ входомъ въ него, съ внутренней стороны, вырѣзанъ въ скалѣ родъ фронтона, въ центрѣ котораго надъ самой дверью рельефно изображенъ равноконечный крестъ съ расширенными концами. На поперечныхъ лопастяхъ креста сидятъ одна противъ другой двѣ нацарапанныя птицы. Такія же птицы, нѣсколько большаго размѣра, стоятъ одна противъ другой у подножія креста [2]).

[1]) Остальные христіанскіе склепы Керчи, опубликованные Ю. А. Кулаковскимъ, хотя и даютъ кое-какіе элементы декоративной росписи, но съ этой точки зрѣнія интереса не представляютъ. Отмѣчу, что и въ нихъ написанные красной краской кресты играютъ видную роль. См. Ю. Кулаковскій, *Матеріалы по арх. Россіи,* № 6 (1891). Керченская христіанская катакомба 491 г. и онъ же, тамъ же, № 19. Приложеніе. Христіанская катакомба, открытая въ 1895 г. (1896), стр. 59 слл. и табл. XII, XIII.

[2]) Ср. христіанскія гробницы въ Петрейской Аравіи, A. Musil, Arabia Petraea, II. Edom (Wien 1907), стр. 143 слл. и рис. 114 (гробницы въ Hirbet 'Abde).

ЧАСТЬ II.

Ольвія и Херсонесъ.

А. Ольвія.

XLVI. Остатки росписи ольвійскихъ домовъ и гробницъ.

Остатки росписи домовъ.

Въ Ольвіи, въ противоположность Пантикапею, количество памятниковъ, сохранившихъ слѣды росписи, и количество остатковъ росписи, найденныхъ въ развалинахъ разрушенныхъ зданій, чрезвычайно ничтожно, несмотря на то, что тамъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, производятся систематическія и очень тщательныя раскопки, ведущіяся какъ въ развалинахъ города, такъ и въ некрополѣ. Очевидно, что въ Ольвіи не было въ обычаѣ ни въ эллинистическое, ни въ римское время расписывать сложенные изъ камня склепы, ольвійскіе же дома настолько разрушены, что не могли сохранить хрупкихъ остатковъ штукатурки.

Довольно большое число фрагментовъ расписной штукатурки найдено было Б. В. Фармаковскимъ при тщательномъ разслѣдованіи большого кургана римскаго времени, находящагося за стѣнами римскаго города, и тѣхъ болѣе раннихъ зданій, которыя были имъ покрыты. Особенно тщательно разслѣдованъ былъ одинъ большой эллинистическій домъ, гдѣ, между прочимъ, найденъ былъ и рядъ кусковъ расписной шукатурки того же стиля, который намъ уже знакомъ по домамъ Пантикапея. Обстоятельства находки этихъ кусковъ тщательно наблюдены Б. В. Фармаковскимъ въ его превосходномъ отчетѣ о раскопкахъ этого дома, и мнѣ остается поэтому только повторить его слова, относящіяся къ интересующимъ насъ фрагментамъ росписи.

«На южной, обращенной внутрь зданія, сторонѣ стѣны OR, говоритъ Б. В. Фармаковскій (см. ниже Литература), всюду замѣтны слѣды пожара (перегорѣлые куски глины и облицовочной штукатурки, копоть, красноватыя пятна на известнякѣ). Нѣсколько кусковъ штукатурки на стѣнѣ OR найдено было еще in situ. Штукатурка прикрѣплялась къ стѣнѣ на особыхъ штифтахъ. Довольно значительное количество штукатурки валялось на площадкѣ къ югу отъ стѣны. Найденные куски штукатурки (по описи 1902 г. № 696, и 1903, № 177, 232, 239, 569) имѣютъ различную окраску. Окраска воспроизводитъ различные сорта цвѣтныхъ камней. Есть куски, подражающіе бѣлому мрамору, мрамору съ разноцвѣтными жилами [1]), камнямъ желтаго и краснаго цвѣта. На нѣкоторыхъ кускахъ штукатурки сохранились рельефные выступы, какіе дѣлались у мраморныхъ и каменныхъ облицовочныхъ плитъ, на другихъ—нацарапанныя линіи. Возстановить, въ какомъ порядкѣ найденные куски штукатурки приходились нѣкогда на стѣнахъ, не представляется

[1]) На однихъ кускахъ видны желтыя, красныя, синія и бѣлыя (иногда вмѣсто бѣлыхъ коричневыя) жилы, на другихъ синія и желтыя.

возможнымъ. Куски штукатурки найдены были не въ томъ положеніи, которое они занимали тотчасъ послѣ того, какъ отвалились со стѣнъ. При сооруженіи кургана они были разбросаны въ разныя стороны. Много кусковъ такой точно штукатурки найдено было въ разнообразныхъ слояхъ кургана, въ насыпи и, между прочимъ, на самомъ верху кургана. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти куски относились къ облицовкѣ зданія, которое засыпано было курганомъ. Но какъ бы то ни было, совершенно ясно, что стѣны помѣщенія (№ 1), находившагося сейчасъ же за сѣнями (простадой), были отдѣланы такъ, что воспроизводили плитную облицовку изъ разноцвѣтныхъ цѣнныхъ камней, какая устраивалась часто въ роскошныхъ зданіяхъ эллинистической эпохи».

«Въ помѣщеніи № 1 найдено было и много кусковъ штукатурки, отдѣланныхъ рельефнымъ лесбійскимъ киматіемъ (по описи 1902 г. № 695 и 1903 г. №№ 109, 494; см. рис. 34). Рельефъ выдается на красномъ фонѣ. Почти идентичные куски штукатурки съ такимъ киматіемъ найдены были въ Пріенѣ (ср. особенно Wiegand-Schrader, Priene, 308, 310, 315). Какъ и тамъ, въ ольвійскомъ зданіи киматій заканчивалъ скорѣе всего отдѣлку стѣнъ наверху».

Остатки штукатурки найдены были и въ другомъ помѣщеніи того же дома. «Къ востоку отъ стѣны qt, говоритъ Фармаковскій, находилась комната № 23. Стѣны ея были оштукатурены, какъ въ помѣщеніи № 1. Въ углу ogr, на восточной сторонѣ стѣны gs сохранилась штукатурка внизу каменной стѣны in situ. Частью она выкрашена въ красный цвѣтъ, частью по бѣлому фону изображены разбросанные красные и розовые лепестки».

Въ той же манерѣ, что и комната № 1 перваго дома, расписаны были комнаты второго дома, находившагося подъ южной полóй кургана и оставшагося не разслѣдованнымъ. Это видно изъ того, что, по словамъ Фармаковскаго, «около пашенной ямы въ насыпи попадалось много кусковъ стѣнной штукатурки, выкрашенной въ красный цвѣтъ, принадлежавшей находившимся здѣсь помѣщеніямъ. Не мало кусковъ такой штукатурки, воспроизводящей узоры цвѣтныхъ мраморовъ и камней, попадалось и въ курганной насыпи въ южной части кургана».

Роспись помѣщенія № 1 Фармаковскій съ полнымъ правомъ сравниваетъ съ росписью домовъ Делоса и Помпей.

Къ сказанному Б. В. Фармаковскимъ мнѣ остается прибавить очень немного. Судя по полному отсутствію кусковъ штукатурки съ орнаментами въ помѣщеніи № 1 и по преобладанію кусковъ, окрашенныхъ въ красный и желтый цвѣта, можно думать, что роспись этого помѣщенія принадлежала къ типу простѣйшихъ росписей, что вполнѣ гармонировало бы съ датой зданія, предложенной Фармаковскимъ (III в. до Р. Хр.) [1]. Мраморированныя квадры въ такомъ случаѣ слѣдовало бы считать принадлежащими нижнимъ частямъ стѣны.

Было бы въ высшей степени интересно, если бы возможно было доказать, что остатки цоколя въ помѣщеніи № 23 одновременны съ остальными остатками росписи, найденными подъ курганомъ и въ насыпи кургана. Мы тогда имѣли бы одинъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ примѣненія принципа, названнаго нами «цвѣточнымъ» къ домовымъ росписямъ. Къ сожалѣнію, въ этой части дома кусковъ профилированной штукатурки найдено не было, и не представляется невѣроятнымъ, что передъ нами остатки облицовки значительно болѣе поздняго времени. Впрочемъ, не невозможно, что Б. В. Фармаковскій принялъ за лепестки

[1]) Ср. Фармаковскій, *Изв. И. А. К.*, 33 (1908), 109.

такъ называемые mouchetures, т. е. разбросанные по одноцвѣтному полю пятна, что довольно часто встрѣчается на плинтусахъ болѣе грубыхъ декоровокъ 1-го стиля.

См. Б. В. Фармаковскій, Раскопки въ Ольвіи въ 1902—1903 годахъ. *Изв. И. А. К.*, в. 13 и отдѣльно Спб. 1906, особенно стр. 62, 80 и 81, откуда взяты приведенныя выше выписки; тамъ же и подробные планы помѣщеній, гдѣ найдена была штукатурка, ср. онъ же, Olbia 1901—1908, въ *Изв. И. А. К.*, 33, стр. 109, и мою рецензію на первую работу *Журн. Мин. Н. Пр.* 1907, Май, 212 слл.

Остатки росписи въ склепѣ 1902 г.

Весьма незначительные остатки монохромной росписи найдены были въ томъ же 1902 г. Б. В. Фармаковскимъ въ великолѣпномъ склепѣ II в. по Р. Хр., надъ которымъ насыпанъ былъ уже упомянутый выше величественный курганъ. Склепъ этотъ детально изслѣдованъ и превосходно изданъ Б. В. Фармаковскимъ. Не ускользнула отъ его вниманія и роспись склепа, которую онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ.

«На стѣнѣ, отдѣляющей сѣни отъ усыпальницы, по обѣимъ сторонамъ большой плиты, приходящейся непосредственно надъ аркою двери (рис. 15), сохранились, хотя и очень блѣдно, рисунки, исполненные кистью краской красно-кирпичнаго цвѣта (рис. 16). Лѣвый рисунокъ (на плитѣ, примыкающей къ своду потолка) представляетъ змѣю, а правый (на плитахъ, прямо примыкающихъ къ большой плитѣ)—итифаллическую фигуру весьма грубаго тяжелаго варварскаго характера». Оба рисунка Б. В. Фармаковскій считаетъ изображеніями апотропэическаго характера, ссылаясь на свое изслѣдованіе «Живопись въ Пальмирѣ», *Изв. Русск. Арх. И. въ Константинополь,* VIII (1903), 193 слл. Характерно, что въ расписной гробницѣ, составляющей объектъ упомянутаго изслѣдованія, круги съ апотропэическими изображеніями помѣщены на двухъ пилястрахъ передъ входомъ въ самую гробницу.

Въ своемъ признаніи фигуръ ольвійскаго склепа апотропэическими Фармаковскій, вѣроятно, правъ, такъ какъ змѣя постоянно встрѣчается въ циклѣ тѣхъ изображеній, которыя окружаютъ такъ называемый malocchio. Но не надо забывать и того, что только въ этихъ изображеніяхъ змѣя имѣетъ апотропэическое значеніе, хѳоническое же значеніе ея общеизвѣстно. Объ итифаллической фигурѣ ср. сказанное выше стр. 387 сл.

Б. Херсонесъ.

XLVII. Предварительныя замѣчанія.

Группа расписныхъ гробницъ Херсонесскаго некрополя гораздо менѣе численна и гораздо менѣе разнообразна, чѣмъ только что разобранная группа гробницъ Боспорскаго царства. Это, повидимому, стоитъ въ связи съ исторіей способовъ погребенія въ Херсонесѣ, до сихъ поръ никѣмъ еще не прослѣженной и не написанной, несмотря на то, что матеріалъ накопился огромный и разнообразный [1]).

Форма курганнаго погребенія, давшая на Боспорѣ наибольшее количество расписныхъ погребальныхъ комнатъ ранняго времени, въ Херсонесѣ почти совершенно отсутствуетъ. Рядомъ съ этимъ форма погребенія въ высѣченныхъ въ скалѣ комнатахъ съ лежанками и безъ оныхъ, хотя и появляется сравнительно рано, тѣмъ не менѣе общеупотребительною дѣлается только въ сравнительно позднее римское время. Впрочемъ, ни исторія этой формы погребенія, ни архитектура погребальныхъ комнатъ никѣмъ до сихъ поръ изучены не были, какъ не изучена до сихъ поръ надлежащимъ образомъ и аналогичная форма погребенія въ Пантикапеѣ и окрестностяхъ, давшая намъ такое большое количество памятниковъ декоративной росписи.

Одно можно сказать съ несомнѣнностью: и форма погребенія, и архитектура херсонесскихъ подземныхъ камеръ съ лежанками и безъ нихъ далеко не одинаковы съ тѣмъ, что мы наблюдали въ Боспорскомъ царствѣ. Зависитъ это, вѣроятно, не только отъ разницы грунта и конфигураціи мѣстности окрестностей Херсонеса и Керчи, но, главнымъ образомъ, отъ разницы того культурнаго уклада и тѣхъ культурныхъ вліяній, которыя мы наблюдаемъ въ обоихъ греческихъ городахъ нашего Крыма [2]).

---

[1]) Кое-какія попытки имѣются, но всѣ онѣ не могутъ насъ удовлетворить, главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ нѣтъ архитектурнаго анализа сооруженій съ точки зрѣнія исторической эволюціи. Я не говорю уже о томъ, что никто не попытался выйти за предѣлы Херсонеса и поставить вопросъ о происхожденіи тѣхъ или иныхъ формъ, объ ихъ родинѣ. Тѣмъ не менѣе и за сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки мы должны быть благодарны, тѣмъ болѣе что онѣ исходятъ отъ мѣстныхъ дѣятелей, не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи всего необходимаго сравнительнаго научнаго аппарата, но зато вполнѣ владѣющихъ мѣстнымъ матеріаломъ, см. М. И. Скубетовъ, Римскій фамильный склепъ II—IV в. по Р. Хр., открытый въ Херсонесѣ въ 1907 г., *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, № 45 (1911), 38 слл.; Д. Н. Косцюшко-Валюжиничъ, Некрополь у крестовиднаго храма въ Херсонесѣ, тамъ же, 47 (1912), 124 слл. Наименѣе удовлетворительна чисто-диллетантская попытка суммировать состояніе изслѣдованія въ работѣ Е. Э. Иванова, Херсонесъ Таврическій, Симферополь, 1912, стр. 303—324 (*Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, 46). Автору, къ сожалѣнію, пришлось самостоятельно (несмотря на существованіе обширной, но по большей части также диллетантской литературы) продѣлать работу систематизаціи, для которой у него не хватило научной подготовки. О литературѣ, касающейся спеціально расписныхъ склеповъ, рѣчь будетъ ниже.

[2]) Нѣкоторыя отличія читатель самъ отмѣтитъ при знакомствѣ съ нижеслѣдующимъ описаніемъ. Здѣсь укажу на нѣсколько кардинальныхъ пунктовъ: 1) входъ въ погребальныя камеры Херсонеса устраивается обыкновенно съ земли, иногда при помощи маленькаго дромоса со ступеньками, но

Я не могу входить здѣсь въ детальное архитектурное изслѣдованіе высѣченныхъ въ скалѣ погребальныхъ комнатъ Херсонеса, какъ не входилъ въ него и при разборѣ подземныхъ комнатъ Боспорскаго царства. Укажу только на нѣкоторыя общія явленія, имѣющія ближайшее отношеніе къ моей задачѣ. И на Боспорѣ, какъ мы видѣли, расписныя погребальныя комнаты, вырѣзанныя въ скалѣ, представляютъ среди общей массы погребальныхъ камеръ этого типа сравнительную рѣдкость. Каково точное отношеніе расписныхъ и нерасписанныхъ камеръ на Боспорѣ, мы, конечно, не знаемъ, да и знать это въ точности затруднительно, такъ какъ первымъ условіемъ правильнаго подсчета была бы возможность точно или хотя бы съ приближеніемъ до одного вѣка датировать каждое погребеніе. Но, тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ утверждать, что расписные погребальные склепы, какъ вырѣзанные въ скалѣ, такъ и, добавлю, встроенные въ курганы, представляютъ на Боспорѣ сравнительно рѣдкое явленіе.

Несмотря, однако, на такую сравнительную рѣдкость сохранившихся склеповъ, мы все-таки можемъ сказать что расписныя камеры на Боспорѣ гораздо болѣе распространены, чѣмъ въ Херсонесѣ. Дѣйствительно, въ Пантикапейскомъ некрополѣ мы имѣемъ рядъ расписныхъ погребальныхъ комнатъ разныхъ типовъ и разныхъ временъ, расписанныхъ въ разныхъ стиляхъ: и камеру съ цвѣточнымъ фризомъ, и рядъ камеръ съ псевдо-исодомной росписью, и рядъ камеръ съ росписью цвѣточной и инкрустаціонной. Два вѣка, по крайней мѣрѣ, царилъ обычай расписывать погребальныя комнаты на Боспорѣ. Тѣмъ же способомъ трактовались до этого времени, а также одновременно съ погребальными комнатами, вырѣзанными въ скалѣ, сложенные изъ камня склепы курганныхъ погребеній. Передъ нами, очевидно, старая и цѣпкая традиція, прочно укоренившійся обычай, осуществлявшійся, разъ только на это были средства.

Иное мы видимъ въ Херсонесѣ. На сотни открытыхъ въ разныхъ некрополяхъ Херсонеса погребальныхъ комнатъ мы имѣемъ лишь одну расписанную камеру съ языческою росписью, и, кромѣ нея, только очень небольшую, но тѣсно сплоченную группу расписныхъ христіанскихъ погребеній (до сихъ поръ мы имѣемъ только 9 почти совершенно однородныхъ склеповъ). То, что въ Пантикапеѣ было, очевидно, прочнымъ чисто мѣстнымъ обычаемъ, можетъ быть, связаннымъ съ самой архитектурной формой гробничной постройки уже на ея предполагаемой родинѣ, то, несомнѣнно, въ Херсонесѣ было явленіемъ наноснымъ и чуждымъ, не вызывавшимся ни традиціей мѣстнаго культурнаго уклада, ни тра-

---

почти всегда безъ помощи глубокаго колодца, обычнаго въ Керчи. 2) Входное отверстіе имѣетъ форму, напоминающую окно, а не дверь. 3) Типичное для Керчи расширеніе камеръ вглубь и ихъ повышеніе въ томъ же направленіи, а также пониженіе потолка къ боковымъ стѣнамъ, вообще приближеніе потолка къ плоскому своду въ Херсонесѣ не наблюдаются. 4) Типичныя лежанки въ Херсонесѣ почти не встрѣчаются; вообще не видно опредѣленнаго вліянія камеры съ лежанками; преобладаютъ loculus и аркосолій. Уже эти отличія показываютъ, что передъ нами два разныхъ архитектурныхъ типа, изъ которыхъ, конечно, ни одинъ не можетъ считаться типомъ мѣстнымъ и чистымъ. Оба, несомнѣнно, заимствованы, и притомъ уже въ сложномъ и переработанномъ видѣ. Откуда и какимъ путемъ пришелъ каждый изъ намѣченныхъ типовъ, это могли бы выяснить только отдѣльныя спеціальныя изслѣдованія погребеній комнатнаго типа, не только отмѣчающія главныя и типичныя черты погребальной постройки (это отчасти уже сдѣлано), а выдѣляющія всѣ подробности структуры. Тогда только можно было бы возстановить исторію типа и опредѣлить родину отдѣльныхъ его разновидностей. До этихъ же поръ, въ виду колоссальной распространенности типа гробницы-подземной комнаты и безконечно длинной его исторіи, мы по необходимости будемъ обречены на завѣдомо невѣрные или недоказуемые выводы, неизбѣжные при разборѣ одной какой-либо серіи или небольшой группы однородныхъ погребеній.

дицiей даннаго архитектурнаго типа. Совершенно случайно появляется одна языческая гробница, а затѣмъ роспись дѣлается особенностью серiи ранне-христiанскихъ погребенiй, причемъ она держится совершенно опредѣленныхъ формъ, извѣстнаго выработаннаго шаблона. Ясно, что роспись этой группы христiанскихъ погребенiй не могла возникнуть въ Херсонесѣ и развиться изъ мѣстной традицiи, что возможно было бы предположить для Боспора, а была заносной и заимствованной.

Этотъ фактъ имѣетъ кардинальное значенiе для оцѣнки христiанскихъ росписей Херсонеса. Мы увидимъ, что всѣ онѣ датируются сравнительно очень раннимъ временемъ; ихъ прототипы поэтому въ мѣстахъ, откуда онѣ перенесены въ Херсонесъ, относятся, очевидно, къ очень раннимъ временамъ жизни христiанства и развитiя христiанскаго искусства. Ясно, такимъ образомъ, что не только въ Римѣ, а съ первыхъ же временъ развитiя христiанства и на Востокѣ, самое понятiе христiанскаго погребенiя тѣсно связывалось съ представленiемъ объ украшенiи его росписью, для чего созданы были и адэкватныя формы.

Все это я говорю для того, чтобы опредѣленно указать на ту разницу, которая существуетъ между серiей боспорскихъ и серiей херсонесскихъ расписныхъ гробницъ: однѣ подчеркиваютъ характерныя черты эволюцiи культурной жизни Боспора во всѣ моменты ея развитiя, другiя приходятъ въ Херсонесъ извнѣ, наслояются на мѣстный культурный укладъ и затѣмъ, можетъ быть, исчезаютъ; возможно, конечно, что онѣ развиваются и дальше, но для того, чтобы судить объ этомъ, мы должны были бы имѣть въ рукахъ большее количество памятниковъ.

Перехожу теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчанiй, къ описанiю отдѣльныхъ памятниковъ. Долженъ заранѣе указать на то, что христiанскiя росписи никогда не были предметомъ моего спецiальнаго изученiя и поэтому здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, я смотрю на свою задачу только какъ на задачу опубликованiя матерiала, до сихъ поръ никѣмъ не затронутаго [1]).

[1]) Ввелъ я и херсонесскiй матерiалъ въ рамки этого изданiя, главнымъ образомъ, потому, что не имѣю надежды на скорое опубликованiе болѣе компетентнымъ лицомъ интереснѣйшаго и гибнущаго матерiала, стоящаго въ тѣснѣйшей связи съ античною (въ узкомъ смыслѣ этого слова) росписью.

XLVIII. Склепъ съ языческой росписью 1894 г.

(Табл. CIII).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Въ 1894 году во время спѣшныхъ раскопокъ, производившихся въ юго-западной части города, около оборонительной стѣны и, главнымъ образомъ, около главныхъ воротъ города (спѣшность вызвана была тѣмъ, что на этомъ мѣстѣ инженернымъ вѣдомствомъ наскоро сооружались баттареи), въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ круглой фланговою башнею у воротъ (см. планъ въ книгѣ Иванова, Херсонесъ Таврическій, Симферополь, 1912, пунктъ обозначенный № 56—ворота) открыта была подземная расписная комната съ очень интересною фигурною росписью (см. табл. CII, 1).

Къ сожалѣнію, немедленно послѣ открытія гробница должна была быть засыпана землей и мелкимъ камнемъ, такъ какъ «расположена была на полосѣ земли, предназначенной для проведенія шоссе военно-инженернымъ вѣдомствомъ». Точное мѣстоположеніе гробницы подъ этимъ шоссе неизвѣстно; приблизительное указано на табл. CII, 1. К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, открывшій эту гробницу, пишетъ, что гробница была найдена «въ нѣсколькихъ саженяхъ» отъ круглой фланговой башни, и прибавляетъ: «точное разстояніе опредѣлить невозможно, такъ какъ башня срыта для сооруженія баттареи»[1]).

Въ виду спѣшности работы, съ фресокъ гробницы сдѣланы были лишь бѣглыя копіи въ карандашѣ, врядъ ли передающія въ точности всѣ детали (всѣ они воспроизведены на табл. CIII; неизвѣстенъ, къ сожалѣнію, и авторъ рисунковъ); планъ гробницы также не былъ сдѣланъ, а только нѣчто въ родѣ разрѣза или развернутаго изображенія входной и одной изъ боковыхъ стѣнъ (табл. CIII, 1); не сдѣлано было и фотографій, которыя могли бы дать средство провѣрки и контроля рисунковъ.

При такихъ условіяхъ вторичное открытіе гробницы, сохранившейся, вѣроятно, въ томъ же видѣ, какъ и въ моментъ ея находки, было бы очень желательно. Къ сожалѣнію, оно врядъ ли осуществимо въ виду принадлежности шоссе и баттареи къ сооруженіямъ военнаго вѣдомства, а, главнымъ образомъ, въ виду того, что, какъ указано выше, точное мѣстоположеніе гробницы неизвѣстно.

Архитектура.

Приходится поэтому удовольствоваться подробнымъ описаніемъ гробницы, составленнымъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ, и неизвѣстно кѣмъ сдѣланными рисунками съ росписи.

«Катакомба, пишетъ К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, имѣетъ внутри слѣдующіе размѣры: шир. отъ сѣверо-востока къ юго-западу 10′ 10″ (3,30 м.), дл. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку 12′ 4″ (3,66 м.), выс. отъ подошвы до штукатурки потолка 5′ 5″ (1,65 м.). Противъ входа (2′ 2″ шир., (0,66 м.) и 1′ 10″ выс. (0,56 м.),

[1]) Баттареи № 12 по сообщенію М. И. Скубетова.

вырубленнаго подъ потолкомъ, въ задней стѣнѣ высѣчена глубокая ниша, обычнаго въ херсонесскихъ катакомбахъ типа, 6′ 3″ дл. (1,90 м.), 3′ 5″ (1,04 м.) выс. и 3′ 6″ (1,07 м.) глуб.; такія же ниши-койки выдолблены и въ двухъ боковыхъ отъ входа стѣнахъ: въ правой 7′ (2,13 м.) дл., 1′ 7″ (0,48 м.) выс. и 1′ 6″ (0,46 м.) гл. и въ лѣвой 6′ 3″ (1,90 м.) дл., 2′ 1″ выс. (0,64 м.), 2′ 1″ (0,64 м.) гл.».

Изъ этого описанія видно, что передъ нами типичная для Херсонеса погребальная камера, вырѣзанная въ скалѣ. Въ ней типичный входъ въ видѣ небольшого окошка въ верхней части входной стѣны и три ниши или, лучше, loculi подъ самымъ потолкомъ, далеко не доходящія даже до середины стѣны и не могущія поэтому претендовать на имя «ложа», какъ подобныя сооруженія на сѣверномъ склонѣ горы Митридата въ Керчи. Комната очень помѣстительна, просторна и достаточно высока, т. е. и по своей архитектурѣ свидѣтельствуетъ о сравнительной зажиточности строившихъ ее херсонесцевъ.

О томъ же свидѣтельствуетъ и то необычное въ Херсонесѣ обстоятельство, что вся гробница—и стѣны, и потолокъ—была оштукатурена [1]) и расписана. Къ сожалѣнію, штукатурка осталась на мѣстѣ далеко не вездѣ: частью она обвалилась отъ дѣйствія сырости, частью была сбита острымъ орудіемъ лицами, проникшими въ гробницу и ограбившими ее. Въ отчетѣ не сказано, замѣтны ли были на обвалившихся кускахъ штукатурки остатки красокъ и сдѣлано ли было что-нибудь, чтобы на основаніи этихъ остатковъ получить представленіе о недостающихъ частяхъ росписи. Роспись.

Описаніе фресокъ, сохранившихся на стѣнѣ, даю словами отчета, дополняющаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приложенные къ нему рисунки [2]). «Слѣды фресокъ сохранились: по обѣ стороны входа на передней стѣнѣ; на правой боковой стѣнѣ между нишей и южнымъ угломъ и снизу ниши; въ сѣверномъ углу ниши лѣвой боковой стѣны, снизу ниши и между нишей и сѣвернымъ угломъ.

I. Съ правой стороны отъ входа изображена женщина, повернувшаяся спиной, обнаженная почти до колѣнъ. Лѣвая рука граціозно придерживаетъ приподнятый край одежды, правая опущена, слегка согнута и удерживаетъ драпировку съ другой стороны. Волосы собраны узлами (sic!), лицо и спина сильно повреждены ударами остраго орудія. Высота фигуры около $1^1/_2$ арш.; краска—свѣтлая мумія, причемъ фонъ блѣдный, а очертанія темныя (см. табл. CIII, 3) [3]).

II. Съ лѣвой стороны отъ входа изображены двѣ обнаженныя человѣческія фигуры съ крыльями и вѣнцами на головѣ, лежащія рядомъ, съ наклоненными внизъ ногами—быть можетъ, аллегорическое изображеніе уносящихся въ лучшій міръ двухъ близкихъ существъ. Краска — свѣтлая мумія, причемъ фонъ блѣдный, а очертанія темныя. Листья вѣнка и вѣтви, разбросанныя по тѣлу, писаны мокрою кистью безъ контуровъ (см. табл. CIII, 2) [4]). Рисунки I и II сдѣланы умѣло, но небрежно.

III. На правой стѣнѣ между угломъ и нишей изображенъ растительный орнаментъ въ видѣ вьющагося краснаго стебля и круглыхъ на немъ плодовъ чернаго

[1]) Штукатурка состояла изъ извести, соломы и незначительнаго количества древеснаго угля. По штукатуркѣ сдѣлана была побѣлка и по ней роспись (Скубетовъ).

[2]) Позволяю себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнять слова и выраженія отчета для приданія большей ясности описанію.

[3]) Контуры — темно-коричневые; на фонѣ фигуры бѣлые блики для приданія фигурѣ рельефности (Скубетовъ).

[4]) Цвѣтъ—блѣдно-зеленый съ коричневыми тѣнями (Скубетовъ).

цвѣта; листья отсутствуютъ. Работа очень поспѣшная. Снизу ниши нарисованы два круга, 2′, 2½″ въ діаметрѣ, очень плохой сохранности, состоящіе изъ тройной каймы и звѣздообразной розетки краснаго цвѣта. Мелко вырѣзанные лепестки розетки даютъ право думать, что она не имѣла гладкаго однообразнаго вида, но была снабжена посрединѣ какимъ-либо украшеніемъ (табл. CIII, 1).

IV. Въ сѣверо-восточномъ углу ниши сохранились: хвостъ, нога и незначительная часть туловища птицы, небрежно сдѣланной черной краской, и, наконецъ, между той же нишей и сѣвернымъ угломъ уцѣлѣло нѣсколько листьевъ изъ растительнаго орнамента чернаго цвѣта».

Былъ ли расписанъ и потолокъ, Косцюшко утверждать не рѣшается, такъ какъ бо́льшая часть штукатурки потолка осыпалась. Никакихъ вещей въ гробницѣ найдено не было. Первые ея посѣтители хозяйничали настолько тщательно, что собрали весь мелкій камень въ ниши, а землю просѣяли [1]).

Система росписи.

Въ характерѣ общей системы росписи приведенное описаніе и переиздаваемые рисунки никакихъ сомнѣній не оставляютъ. Двѣ боковыя стѣны, равно какъ, вѣроятно, и задняя, были расписаны въ такъ называемой инкрустаціонной схемѣ, т. е. надъ плинтусомъ стѣна раздѣлена была на орѳостаты и въ каждый орѳостатъ вписанъ былъ кругъ съ звѣздою въ его центрѣ. Эту звѣзду Косцюшко принялъ за розетку и соотвѣтственно этому придалъ лучамъ звѣзды видъ лепестковъ розетки. Въ нишахъ, судя по остаткамъ въ лѣвой изъ нихъ, изображены были птицы и, можетъ быть, растительный орнаментъ. Во всякомъ случаѣ, простѣнки между углами комнаты и нишами, гдѣ стѣна давала сплошное поле, были заполнены стилизованными побѣгами съ завитками обычнаго въ античной орнаментикѣ типа.

Гораздо менѣе ясно для меня, какова была схема росписи входной стѣны. Въ описаніи и на рисункахъ нигдѣ не указано, гдѣ именно помѣщены были фигуры: вверху ли, около входного отверстія, или посрединѣ стѣны. Если правильно первое, то фигуры занимали приблизительно то же мѣсто въ росписи, что и ниши на другихъ стѣнахъ, и тогда возможно было бы думать, что низъ стѣны трактованъ былъ такъ же, какъ на боковыхъ стѣнахъ, т. е. въ предположенномъ мною инкрустаціонномъ стилѣ. Если дѣйствительно общій видъ росписи былъ таковъ, какъ мнѣ это представляется, то мы получаемъ схему, вполнѣ аналогичную схемѣ росписи христіанскихъ гробницъ Херсонеса и сильно отличающуюся, если не въ принципѣ, то въ подробностяхъ, отъ аналогичныхъ росписей Боспора.

И въ христіанскихъ гробницахъ, какъ и въ нашей, мы найдемъ соединеніе инкрустаціоннаго принципа въ нижнихъ частяхъ стѣны съ цвѣточнымъ въ верхнихъ и на внутреннихъ стѣнахъ нишъ; и тамъ и здѣсь мы видимъ любовь къ фигурамъ, размѣщеннымъ въ верхнихъ частяхъ стѣны, и притомъ почти въ человѣческій ростъ, и тамъ и здѣсь потолокъ включенъ въ систему росписи, если только дѣйствительно расписанъ былъ въ нашей камерѣ и потолокъ. И тамъ и здѣсь, наконецъ, растенія и цвѣты появляются въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ мы успѣли привыкнуть въ боспорскихъ росписяхъ.

[1]) Не позволяетъ ли это думать, что гробница въ первый разъ открыта была не грабителями, а археологами. Но въ такомъ случаѣ удивительно, что роспись ея либо не была замѣчена, либо не была отмѣчена и опубликована раскапывателями. Возможно, впрочемъ, что въ архивахъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей и имѣются на этотъ счетъ какія-либо данныя. Переработать этотъ архивъ для цѣлей моего изданія я не имѣлъ времени. Поврежденіе росписи тогда пришлось бы поставить на счетъ позднѣйшихъ посѣтителей гробницы.

Къ анализу схемы росписи херсонесскихъ гробницъ и къ сравненію этой схемы со схемой боспорскихъ склеповъ того же, приблизительно, времени мы, однако, еще вернемся послѣ описанія всѣхъ найденныхъ до настоящаго времени расписныхъ херсонесскихъ гробницъ.

Если схема росписи не даетъ намъ ничего новаго, если орнаментальная ея часть, хотя и однородна такимъ же частямъ другихъ херсонесскихъ гробницъ, но гораздо бѣднѣе и менѣе полна, чѣмъ онѣ, то тѣмъ интереснѣе и оригинальнѣе, даже по сравненію съ боспорскими склепами, фигурная часть росписи. Правда, какъ разъ въ этомъ пунктѣ особенно желательно было бы провѣрить описанія и рисунки Косцюшко, оставляющіе рядъ сомнѣній. Фигуры.

Любопытно прежде всего самое расположеніе фигуръ по обѣ стороны отъ входа, напоминающее такое же расположеніе въ рядѣ боспорскихъ склеповъ. Эти фигуры какъ бы встрѣчаютъ входящаго или вносимаго въ свое вѣчное жилище покойника.

Но значеніе фигуръ, изображенныхъ у входа, въ нашей гробницѣ совершенно иное, чѣмъ на Боспорѣ. Въ стоящей нагой фигурѣ направо отъ входа мы легко узнаемъ обычную на надгробныхъ памятникахъ римскаго времени пляшущую вакханку. Пляской объясняется и поворотъ ея тѣла, и положеніе рукъ, и охватывающее нижнюю часть ея тѣла покрывало. Примѣры подобнаго рода фигуръ сопоставлены были не разъ, послѣдній разъ мною въ моей статьѣ въ «Сборникѣ статей въ честь гр. А. А. Бобринскаго», стр. 146 [1]). Напомню здѣсь только фигуру, особенно похожую на нашу, украшающую потолокъ аркосолія, расположеннаго противъ многократно уже упомянутой гробницы сабазіастки Вибіи въ катакомбахъ, находящихся около Аппіевой дороги въ Римѣ. Здѣсь на плафонѣ аркосолія изображена нагая женщина въ той же позѣ, что и наша, такъ же повернутая задомъ къ зрителю и такъ же придерживающая обѣими руками сброшенный плащъ. Ея принадлежность къ вакхическому кругу врядъ ли можетъ быть подвергнута сомнѣнію [2]). Нагая женская фигура.

Но еще болѣе интересно въ херсонесской гробницѣ изображеніе по другую сторону отъ двери. К. К. Косцюшко-Валюжиничъ описываетъ его особенно невразумительно. Рисунокъ также даетъ поводъ къ ряду сомнѣній. Ясно и изъ рисунка и изъ описанія одно: передъ нами двѣ полулежащія фигуры, очевидно, парящія въ воздухѣ. Но тутъ-то и начинаются недоумѣнія. Косцюшко говоритъ о двухъ крылатыхъ нагихъ фигурахъ. Между тѣмъ на рисункѣ крылья — могучія большія птичьи крылья — явно принадлежатъ оба одной, задней фигурѣ. Затѣмъ на рисункѣ видна одна только рука, принадлежащая передней фигурѣ и какъ-то странно вытянутая. Наконецъ, упоминаемыя Косцюшко вѣтви на тѣлѣ передней фигуры зарисованы какъ обычныя складки одежды; врядъ ли поэтому правъ Косцюшко, говоря, что фигура эта изображена нагою. Мнѣ, судя по рисунку, изображенная сцена представляется совершенно въ другомъ видѣ. Крылатый геній съ вѣнкомъ на головѣ, тѣло котораго окрашено въ темный цвѣтъ (это, по крайней мѣрѣ, даетъ рисунокъ), лѣвой рукой поддерживаетъ вытянутое такъ же, какъ и тѣло генія, тѣло юноши или дѣвушки, одѣтое Летящія фигуры.

[1]) Особенно интересны фигуры этого типа на солдатскихъ надгробіяхъ въ рейнскихъ провинціяхъ, толкуемыя С. Рейнакомъ, какъ гуріи, ожидающія солдатъ въ загробной жизни; см. *Westd. Zeitschr., Corr.-Blatt*, 1903, 65; S. Reinach, Rep. d. rel. II, 52, 6 (стела Дасмена изъ Ремагена); ср. ibid., 72, 2 (Майнцъ); 123, 4 (менада въ Будапештѣ).

[2]) См. R. Garrucci, Tre sepolcri con pitture ed iscrizioni... scoperte in un braccio del cimiterro di Pretestato in Roma, Napoli, 1852, tav. VI, стр. 48 и 58 слл.

въ свѣтлый саванъ. Саванъ покрываетъ и руки поддерживаемой геніемъ фигуры, почему эти руки и не видны. Не исключена возможность того, что на тѣло безкрылаго юноши брошена одна или двѣ пальмовыя вѣтки. Голова этого поддерживаемаго юноши такъ же, какъ и голова крылатаго генія, поставлена перпендикулярно къ тѣлу; на ней пышный, вѣроятно, лавровый вѣнокъ. Глаза у обѣихъ фигуръ, какъ кажется, закрыты.

Нельзя не пожалѣть, что въ описаніи этой интереснѣйшей группы приходится лишь догадываться о рядѣ основныхъ вопросовъ. Я увѣренъ, что будь, передъ нашими глазами оригиналъ или фотографическій снимокъ, количество недоумѣній уменьшилось бы значительно.

Но каковы бы ни были сомнѣнія въ отдѣльныхъ деталяхъ, общій смыслъ изображенія ясенъ. Передъ нами крылатая фигура, уносящая ввысь другую, безкрылую. Будь дѣйствительно обѣ фигуры крылаты, мы врядъ ли стали бы сомнѣваться въ ихъ значеніи при томъ сходствѣ ихъ лицъ, которое наблюдается на нашей картинѣ. Мы бы ихъ назвали братьями Ὕπνος и Θάνατος, Сонъ и Смерть, сыновьями Ночи, которая на Кипселовомъ ларцѣ несла ихъ на своихъ рукахъ. Съ этимъ согласно было бы и то, что тѣло одного — темное, другого — свѣтлое; то же засвидѣтельствовано и для Кипселова ларца [1]).

Но рисунокъ даетъ крылья только одной фигурѣ, и съ этимъ приходится считаться. Если рисовальщикъ болѣе правъ, чѣмъ описывавшій фигуры археологъ, то придется признать, что мы имѣемъ дѣло со сценой уноса ввысь, очевидно, въ надзвѣздный міръ, юноши-покойника крылатымъ геніемъ. Сцены похищенія крылатымъ существомъ человѣка въ античной миѳологіи и искусствѣ довольно часты; часто онѣ символизуютъ послѣднее путешествіе покойника въ загробный міръ. Наиболѣе близко къ нашей сценѣ стоитъ извѣстная сцена на архаическомъ памятникѣ Ксанѳа, гдѣ изображены Гарпіи, уносящія души покойныхъ. Но композиція здѣсь совершенно иная: большая Гарпія несетъ маленькую душу, очевидно, такъ же, какъ Ночь на ларцѣ Кипсела уносила своихъ дѣтей. На другихъ памятникахъ Гарпій замѣняютъ сфинксы; иногда въ роли похитителей появляются боги вѣтровъ: крылатый Борей похищаетъ Ориѳію, крылатая Эосъ похищаетъ Кефала или уноситъ Мемнона [2]); наконецъ, въ сценахъ апоѳеоза умершаго уносятъ звѣри, птицы или боги [3]).

Всѣ эти сцены, конечно, родились изъ одной идеи—идеи похищенія человѣка смертью и перенесенія его въ другой міръ, иногда надзвѣздный, но ни одно изъ

[1]) См. объ этомъ J. Lessing, De mortis apud veteres figura, 34 слл.; Robert, Thanatos *(39 Winckelmannsprogramm)*, Berlin 1879, 6 слл. Робертъ считаетъ, что чернымъ цвѣтомъ отличенъ былъ Ὕπνος. Нѣсколько новыхъ вазовыхъ рисунковъ къ извѣстнымъ ранѣе изображеніямъ Сна и Смерти, несущихъ тѣло, присоединилъ Pottier, Etude sur les lecythes blancs attiques, Paris, 1883, 23 слл., ср. A. Fairbanks, Athenian Lecythoi, New-York, 1907, 257 слл. (CVI 2, 3), ср. 358. Разбирать контроверсу о томъ, кого полагаютъ въ гробницу Сонъ и Смерть, не входитъ въ мою задачу. Ср. ст. Hypnos въ словарѣ Roscher'a и Mors у Daremberg et Saglio.

[2]) Ср. изображеніе переноса тѣла крылатой фигурой на расписной плиткѣ изъ Цэре (въ Луврѣ), A. della Seta, Religione ed arte figurata, Roma 1912, 175 слл., fig. 134. Дать опредѣленное имя этой крылатой фигурѣ невозможно. Ср. сводку типовъ аналогичныхъ изображеній у Fredrich, Sarkophagstudien, 83 сл., ср. 88, прим. 72. Характеризовать каждую изъ этихъ сценъ и давать исторію ея изображенія въ древнемъ искусствѣ значило бы загромождать мою работу балластомъ, оказавшимся при переработкѣ мной матеріала, къ сожалѣнію, ненужнымъ. Очень интересны и близки по времени къ нашимъ фигуры Сна и Смерти, уносящія усопшаго, на диптихѣ, изображающемъ апоѳеозъ Констанція Хлора, см. посмертную работу H. Graeven'a, Heidnische Diptychen, *Röm. Mittheil.*, 1913 (XXVIII), 286 слл., табл. VII.

[3]) Объ этомъ см. выше стр. 289 сл.

изображеній, главнымъ образомъ, вазовой живописи не даетъ сцены и композиціи, вполнѣ аналогичной нашимъ [1]). Ни одно изъ вышеперечисленныхъ миѳологическихъ именъ не подходитъ, кромѣ того, къ нашей крылатой юношеской фигурѣ. Ближе всего эта фигура стоитъ къ изображенію генія Сна (Ὕπνος) на архаическихъ вазахъ и аттическихъ лекиѳахъ [2]), а также въ болѣе позднихъ памятникахъ искусства, гдѣ его обыкновенно называютъ геніемъ Смерти. Къ этому опредѣленію подходятъ и закрытые глаза, и темный цвѣтъ тѣла, и могучія крылья, и вѣтви — если онѣ дѣйствительно имѣются — на тѣлѣ уносимаго [3]). Не скрою, однако, что и при этомъ объясненіи отсутствіе параллелей не позволяетъ выйти за предѣлы вѣроятности [4]).

Мало вѣроятной мнѣ представляется попытка истолковать наше изображеніе, какъ сюжетъ христіанскій: крылатую фигуру, какъ ангела смерти, женскую нагую, какъ символъ рая. Самая форма изображеній и аналогіи съ другими памятниками ранне-христіанскаго искусства врядъ ли допускаютъ возможность подобнаго толкованія [5]).

Не скрою, однако, что въ выборѣ изображеній для нашей гробницы я не склоненъ былъ бы усматривать только одну чисто греческую традицію. Наиболѣе близкую параллель къ росписи нашей гробницы даютъ, какъ мнѣ кажется, не столько склепы Керчи или расписные склепы правовѣрнаго Рима, сколько такіе памятники, какъ уже упомянутая мною гробница Вибіи и лежащій противъ нея аркосолій, роспись котораго до сихъ поръ никѣмъ не объяснена, но гдѣ, несомнѣнно, какъ и въ росписи гробницы Вибіи, даже надъ греческими орфическими элементами преобладаютъ элементы восточныхъ религіозныхъ представленій. Среди этихъ восточныхъ элементовъ внимательное изученіе, можетъ быть, нашло бы и вліяніе христіанства и іудейства. Между тѣмъ какъ разъ эту загадочную гробницу такъ опредѣленно сближаетъ съ нашей нагая женская фигура, стоящая задомъ къ зрителю и уже не пляшущая, какъ ея прототипъ—вакханка, а застывшая въ своей соблазнительно-странной позѣ, имѣющей, очевидно, не орнаментально-чувственное, а религіозно-символическое значеніе. Въ высшей степени досадно, что росписи

---

[1]) См. выше стр. 446, прим. 1 и 2.

[2]) См. выше стр. 446, прим. 1.

[3]) Въ большой пластикѣ типъ Сна развивается иначе, чѣмъ на вазахъ, сл. Winnefeld, Hypnos, Berlin, 1888, и даетъ иную фигуру, чѣмъ наша. О распространенности изображенія Сна на надгробныхъ памятникахъ римскаго времени см. Fredrich, Sarkophagstudien, 101; V. Macchioro Il Simbolismo, 124, (116), ср. 52 сл. (44 сл.). Любопытно, что здѣсь подъ видомъ Hypnos иногда изображается самъ погребенный. Я уже отмѣчалъ, что и въ нашей картинѣ, если только правильно мое толкованіе, покойникъ изображенъ почти такъ же, какъ и несущій его геній.

[4]) Нѣкоторую аналогію можно было бы, можетъ быть, найти въ одной южно-русской терракоттѣ, изданной Стефани (*О. И. А. К.,* 1873, Прил., 9 слл.; Атласъ, табл. I, 2, ср. Winter., Typenkatalog der gr. Terrakotten, II, 225, 9). Здѣсь большой эротъ-юноша обнимаетъ женщину съ калаѳомъ на головѣ. Необходимо ли видѣть въ женской фигурѣ Афродиту, и нельзя ли было бы усмотрѣть въ эротѣ генія смерти, а въ женской фигурѣ—усопшую въ видѣ хѳонической богини? Я не сталъ бы, однако, на этомъ предположеніи настаивать.

[5]) Не могу не указать, однако, на одно интересное сближеніе, къ сожалѣнію, гипотетическое въ виду малой изслѣдованности сближаемаго памятника. Въ сѣверной Месопотаміи въ Дега, среди гробницъ, время которыхъ до сихъ поръ никѣмъ не опредѣлено, имѣется одна гробница съ богатымъ фасадомъ. На этомъ фасадѣ, по лѣвую сторону отъ двери, изображенъ, согласно толкованію издателя, ангелъ смерти, несущій душу умершаго. Надъ нимъ ангелы, справа указующая рука Бога, внизу черепъ и кости (?). См. С. Preusser, Nordmesopotamische Baudenkmäler altchristlicher und islamicher Zeit, Leipzig, 1911, табл. 61 и стр. 47 слл. Къ сожалѣнію, рельефъ настолько сбитъ, что толкованіе Прейсера требуетъ еще большой провѣрки.

аркосолія, находящагося противъ гробницы Вибіи, никѣмъ серьезно не изслѣдованы и даже изданы только въ плохихъ рисункахъ Гарруччи (см. выше).

Дата. Остается скорѣе поставить, чѣмъ разрѣшить вопросъ о времени нашей гробницы. Мы видѣли уже, что никакихъ внѣшнихъ критеріевъ сама гробница не даетъ. Архитектура ея съ характерными loculi говоритъ скорѣе за сравнительно позднее происхожденіе; но вопросъ о времени появленія этой формы склеповъ въ Херсонесѣ никѣмъ до сихъ поръ не выясненъ. За то же сравнительно позднее происхожденіе говоритъ и система росписи, о совпаденіи основныхъ принциповъ которой съ росписью христіанскихъ гробницъ Херсонеса, датируемыхъ, какъ увидимъ ниже, IV вѣкомъ по Р. Хр., уже была рѣчь. Все это не позволяетъ, на мой взглядъ, подняться выше III в. по Р. Хр.

Литература.

О. И. А. К., 1894, стр. 4 (краткое упоминаніе); подробное описаніе К. К. Косцюшко-Валюжинича, ibid., стр. 71 слл., рис. 103 и 104, гробн. № 511; ср. онъ-же, Археологическія раскопки въ Херсонесѣ въ 1894 г., Севастополь 1895, стр. 20 сл. (извлечено изъ *Крымскаго Вѣстника*, 1895, № 64 и 65; на эту брошюру указалъ мнѣ В. В. Шкорпилъ). Кромѣ того, я пользовался, благодаря любезности М. И. Скубетова, его записями, сдѣланными при открытіи гробницы.

XLIX. Склепъ 1903 года.

(Табл. CXI, 2; CXII).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Къ ю.-в. отъ извѣстнаго крестовиднаго храма, выстроеннаго среди обширнаго, главнымъ образомъ, врѣзаннаго въ скалу, языческаго и христіанскаго некрополя[1]), на разстояніи 8,08 м. отъ стѣны придѣла храма и 3,86 м. отъ древней дороги (см. табл. CII, II), въ 1903 году, среди другихъ склеповъ некрополя, случайно открыта была гробница, которая оказалась внутри оштукатуренной и расписанной[2]).

Архитектура.

Архитектура склепа (см. табл. CXI, 2) вполнѣ обычна для Херсонеса и мало чѣмъ отличается отъ архитектуры вышеописаннаго языческаго склепа. Склепъ въ планѣ имѣетъ видъ трапеціи съ болѣе широкой передней стороной и болѣе узкой задней. Ко входу въ него ведетъ неглубокій дромосъ съ тремя ступеньками. Входъ обычный, въ формѣ квадратнаго окна или люка. Найденъ онъ былъ заложеннымъ плитою, примазанной къ скалѣ известкою. Подъ нимъ двѣ ступеньки ведутъ вглубь склепа. Размѣры: 3,21 м. глуб., 2,79—2,71 м. шир. и 1,69 м. выс., ходъ 0,57 × 0,59. Оріентированъ на с.-з. Въ трехъ стѣнахъ кромѣ, передней, подъ самымъ потолкомъ ниши-койки, какъ ихъ называетъ отчетъ, т. е. большіе loculi[3]).

---

[1]) Вопросъ о томъ, былъ ли некрополь первоначально языческимъ и только затѣмъ отдѣльныя гробницы были использованы христіанами, какъ извѣстно, споренъ. Перваго мнѣнія держался К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, второе очень рѣзко и опредѣленно высказалъ А. Л. Бертье-Делагардъ (*И. И. А. К.*, 21, 56 слл.). На мой взглядъ, въ данномъ мѣстѣ хоронили давно, но, по сравнительной отдаленности отъ города, рѣдко и спорадически (см. находки гробницъ, содержавшихъ урны съ пепломъ почившихъ; старшая изъ этихъ гробницъ относится еще къ IV в. до Р. Хр.; сопоставленіе этихъ находокъ даетъ Д. Косцюшко-Валюжиничъ, *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, 47, 129 сл.). Чаще стали хоронить здѣсь въ сравнительно болѣе позднее время, конечно, почти исключительно язычники. Отнюдь не исключена возможность того, что въ то же время облюбовали себѣ это мѣсто для погребенія и христіане, опять таки въ силу его сравнительной отдаленности отъ города. Въ IV в., какъ показываетъ статистика монетныхъ находокъ, составленная А. Л. Бертье-Делагардомъ, кладбище быстро увеличивается, и такъ какъ черезъ нѣкоторое время на немъ выстроенъ былъ христіанскій храмъ, то весьма вѣроятно, что хоронили въ IV в. на этомъ кладбищѣ, можетъ быть, исключительно, а, можетъ быть, главнымъ образомъ христіанъ. При этомъ, конечно, много гробницъ христіане строили для себя вновь (напримѣръ, нѣкоторые расписные склепы), но несомнѣнно, что они въ то же время пользовались и старыми языческими погребеніями и даже хоронили своихъ покойниковъ въ однихъ склепахъ съ язычниками. Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ и это было вполнѣ въ обычаѣ первыхъ христіанъ, постоянно пользовавшихся для своихъ погребеній языческими саркофагами. Примѣровъ и на христіанскомъ Востокѣ, и на христіанскомъ Западѣ, особенно въ Римѣ и Салонахъ (Спалато), можно подыскать сколько угодно.

[2]) Точное мѣстоположеніе склепа указано на планѣ, приложенномъ къ отчету о раскопкахъ въ Херсонесѣ за 1903 г., см. *И. И. А. К.* 16, табл. V, склепъ № 1494. На этомъ общемъ планѣ даны и планы отдѣльныхъ гробницъ, между прочимъ, и нашей. См. табл. CII, II; CXI, 2.

[3]) Размѣры: правый 2 м.—1,78 м. дл., 0,78 м. шир., отъ пола—0,87 м.; лѣвый—1,84—1,74 дл., 0,62 шир., отъ пола—0,94; задній—1,92—1,90 м. дл., 0,86 шир., отъ пола—0,93.

Всѣ стѣны склепа и грубо сработанный потолокъ, стѣны локуловъ и входное отверстіе были оштукатурены красной цемянкой, поверхъ цемянки была наложена штукатурка, тщательно выглаженная, и по ней сдѣлана побѣлка. Побѣлка потолка сдѣлана была въ свѣтло-голубомъ тонѣ. По этой штукатуркѣ и побѣлкѣ сдѣлана роспись склепа.

Роспись. *Роспись* сохранилась очень плохо. Бòльшая часть штукатурки стѣнъ и почти вся штукатурка плафона обвалились и лежали грудами внутри склепа. Немедленно послѣ открытія склепа М. И. Скубетовъ со свойственной ему тщательностью и вниманіемъ зарисовалъ въ краскахъ остатки росписи и попытался въ рисункѣ восполнить недостающее (см. табл. CXII). Въ то время, когда мнѣ впервые (въ 1907 году) удалось изучать на мѣстѣ херсонесскіе расписные склепы, многаго изъ того, что видѣлъ Скубетовъ, видѣть было уже нельзя, но въ общемъ можно было констатировать достаточную точность его съемки. Подъ большимъ сомнѣніемъ остаются только деревья или вѣтви безъ листьевъ въ центрѣ инкрустированныхъ квадръ, но и ихъ я не считаю невозможными при той общей любви къ изображенію вѣтвей, которая царитъ во всѣхъ расписныхъ склепахъ Херсонеса.

Схема росписи уже достаточно намъ знакома. Главнымъ полемъ ея былъ низъ стѣнъ надъ нишами. Живописью, кромѣ того, были заполнены и верхнія части угловыхъ простѣнковъ между нишами задней и боковыхъ стѣнъ. Отъ живописи на входной стѣнѣ никакихъ остатковъ, очевидно, не осталось.

Сравнительно хорошо сохранилась только роспись правой боковой стѣны. Здѣсь на высотѣ отъ пола 0,15 м. написаны три прямоугольника; изъ нихъ два крайнихъ бòльшихъ, средній меньшихъ размѣровъ. Въ первомъ отъ входной стѣны прямоугольникѣ (шир. 0,99, выс. 0,66 м.) написана прежде всего охватывающая его со всѣхъ сторонъ рамка изъ трехъ полосъ (черная, сѣрая, черная, каждая шир. 0,05 м.). Внутри рамки вписанъ ромбъ, также въ тройной рамкѣ (черная—0,01 м., бѣлая—0,022, черная—0,01). Въ этотъ ромбъ вписанъ концентрическій кругъ также въ тройной рамкѣ (діам. 0,28; красная полоса—0,011 м., бѣлая—0,022, красная—0,011 м.). Углы прямоугольника, равно какъ и части ромба, не занятыя кругомъ, заполнены довольно грубо сдѣланной мраморировкой. Въ углахъ прямоугольника мраморировка сдѣлана красной, желтой и коричневой красками по бѣлому фону; въ углахъ ромба—коричневою и желтою красками по желтому фону. Въ мраморировкѣ преобладаетъ коричневый тонъ. Внутренность круга заполнена желтою краскою, и на этомъ фонѣ коричневою краскою написано схематическое деревцо съ вѣтками.

Средній прямоугольникъ отстоитъ отъ боковыхъ на 0,55 м. (выс. 0,66 м., шир. 0,47). Прямоугольникъ этотъ включенъ въ рамку тѣхъ же цвѣтовъ, что и описанный. Въ него вписанъ кругъ (діам. 0,29 м.) въ черной рамкѣ (0,017 м.). На желтомъ фонѣ круга написано черной краскою деревцо съ коричневыми листиками. Не занятое кругомъ поле прямоугольника заполнено мраморировкою уже описаннаго типа на бѣломъ фонѣ. Третій прямоугольникъ повторяетъ первый съ тою разницею, что средина рамки прямоугольника здѣсь красная, равно какъ и крайнія полоски рамки круга. Мраморировка болѣе свѣтлаго тона, съ преобладаніемъ желтой и сѣрой красокъ.

Ту же систему росписи цоколя имѣемъ мы и на остальныхъ стѣнахъ. Нѣкоторую варіацію даетъ только лѣвая часть задней стѣны. Верхнюю часть написаннаго здѣсь прямоугольника Скубетовъ видѣлъ еще въ хорошей сохранности. Углы прямоугольника заполнены здѣсь не мраморировкой, а окрашены въ сплошной

желтый цвѣтъ. Въ каждый изъ этихъ угловъ вписаны прямоугольные треугольники красными и черными линіями. По гипотенузамъ треугольниковъ внутри нарисованы стилизованные побѣги. Инымъ образомъ трактовано и заполненіе круга въ этомъ прямоугольникѣ; фонъ круга свѣтло-желтый, на этой поверхности распредѣлены симметрично овалы мраморировки, сдѣланные черной и свѣтло-голубой красками.

Угловыя поля заполнены: 1) между задней и правой стѣной (табл. CXII, A) на высотѣ ниши желтой профилированной рамкой выдѣлена продолговатая стоячая плита, въ которой на бѣломъ фонѣ, приблизительно въ серединѣ, стоитъ птица влѣво, голова вправо, въ клювѣ оливковая вѣтка; расцвѣтка птицы—очевидно, голубя—условная: желтые съ красными тѣнями хвостъ, крылья и голова, лилово-синее брюшко, красныя ноги; надъ нею другая птичка меньшихъ размѣровъ влѣво: контуры черные, заполненіе синее; 2) между задней и лѣвой стѣной такая же нарисованная плита въ профилированной рамкѣ (табл. CXII, B); на этой плитѣ нарисована вѣтка (а не деревцо, какъ зарисовалъ Скубетовъ), можетъ быть, безъ листьевъ, на которой сидитъ птица, обращенная влѣво, голова вправо, въ типѣ голубя той же условной расцвѣтки, что и птица съ вѣтвью въ клювѣ.

Роспись плафона М. И. Скубетову возстановить, къ сожалѣнію, не удалось. Мы уже отмѣтили голубоватый тонъ штукатурки потолка. Кромѣ этого, удалось установить только присутствіе въ лѣвомъ углу остатковъ красной рамки, которою, очевидно, обведенъ былъ весь потолокъ. Не сохранилась роспись, хотя и сохранилась штукатурка, на входной стѣнѣ.

Датируется склепъ и его роспись довольно точно находкой въ двухъ мѣстахъ (на полу и на правой койкѣ) нѣсколькихъ монетъ Валентиніана I-го и, вѣроятно, сыновей Константина, т. е. срединой и второй половиной IV в. по Р. Хр.[1]). Дата.

Аналогія со склепами, описаніе которыхъ слѣдуетъ, не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что роспись христіанская, а обстоятельства находки,—что склепъ былъ выстроенъ и расписанъ одновременно.

Литература.

(К. К. Косцюшко-Валюжиничъ), *И. И. А. К.*, 16 (1905), 98, № 1494; *О. И. А. К.*, 1903, 38. При описаніи я пользовался и подробнымъ рукописнымъ описаніемъ, составленнымъ М. И. Скубетовымъ.

---

[1]) О другихъ вещахъ, найденныхъ въ гробницѣ, но не содержащихъ точныхъ хронологическихъ критеріевъ, см. ниже указываемый отчетъ о раскопкѣ гробницы въ *И. И. А. К.* 16, 98 сл.

L. Склепъ 1904 (1853) года.

(Табл. CIV, 2; CV, 3; CVI; рис. 86).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Склепъ этотъ впервые былъ открытъ графомъ Уваровымъ въ 1853 г., затѣмъ, очевидно, никогда не закрывался и былъ вторично расчищенъ и болѣе тщательно описанъ по просьбѣ М. И. Скубетова К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ въ 1904 г. Находится онъ въ томъ же некрополѣ около крестовиднаго храма къ сѣверо-востоку отъ него (см. табл. CII, IV)[1]).

Исторія склепа очень поучительна. Съ 1853 г. по 1895 входъ въ склепъ почти совершенно затянуло землею, такъ что пробраться въ него было очень трудно. Затянуло землей и часть внутренности склепа. За это время живопись склепа, конечно, должна была сильно пострадать. Живопись плафона, напримѣръ, судя по словамъ В. А. Росновскаго, была при открытіи склепа въ полной сохранности.

Въ этомъ видѣ посѣтилъ склепъ въ 1895 г. М. И. Скубетовъ. При этомъ посѣщеніи онъ видѣлъ всѣ пять расписныхъ плитъ, закрывавшихъ въ свое время наглухо главный локулъ, въ полной сохранности. Одна была еще in situ, вторая лежала, разбитая на двѣ части, внутри локула, третья стояла въ заднемъ углу правой стѣны, двѣ остальныя торчали изъ земли у передней стѣны склепа (см. рис. 86, fig. д—з). Въ 1897 г., при вторичномъ посѣщеніи склепа М. И. Скубетовымъ, плиты, стоявшей у задней стѣны, уже не было, равно какъ и плиты, лежавшей въ локулѣ. Послѣ разрытія склепа въ 1904 г. найдены были, кромѣ плиты, оставшейся на своемъ мѣстѣ, только двѣ плиты, которыя лежали, покрытыя землею, у передней стѣны, но и онѣ въ 1907 г. уже не оказались на мѣстѣ. Изъ пяти плитъ, такимъ образомъ, осталась только одна, стоящая и сейчасъ на своемъ мѣстѣ.

Изъ этого видно, что склепъ никогда не охранялся, какъ не охраняется и сейчасъ, и что роспись его не была окончательно разрушена только потому, что этого никто не захотѣлъ сдѣлать.

Архитектура.

Архитектура склепа—обычная, съ нѣкоторыми только модификаціями. Планъ его имѣетъ форму трапеціи съ выгнутой наружу болѣе широкой передней стороной и прямой болѣе узкой задней[2]). Потолокъ ложносводчатый, повышающійся отъ боковъ къ центру. Входъ (0,63×0,80) обычный. Къ нему ведетъ небольшой спускъ съ одной ступенькой; внутри отъ входного отверстія внизъ сдѣланы три

[1]) Мѣстоположеніе обозначено на планѣ *И. И. А. К.* 25 (1907), табл. II, № 2114. Объ открытіи гр. Уваровымъ см. ниже приведенный Всеподданнѣйшій отчетъ 1853 г. Въ идентичности обѣихъ гробницъ не можетъ быть сомнѣнія. Совпадаютъ: видѣнная Уваровымъ хрисма, явно семейный характеръ погребенія съ пятью локулами; характерно, наконецъ, и то, что изслѣдователи 1905 г. отмѣчаютъ, что гробница долгое время стояла открытой. Наконецъ, согласно указанію М. И. Скубетова, мѣстоположеніе склепа было ему указано В. А. Росновскимъ, присутствовавшимъ при раскопкахъ гр. Уварова и составившимъ приложенный къ отчету гр. Уварова планъ.

[2]) Размѣры: 3,24 м. глуб., 3,21—2,79 шир., 1,88—1,62 выш.

ступеньки. Оріентированъ на NNO. По стѣнамъ—локулы: въ лѣвой и задней стѣнахъ по два—одинъ надъ другимъ[1]), въ правой—одинъ. Послѣдній выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ какъ своей архитектурой, такъ и росписью. Ниже будетъ указано, что только та стѣнка, гдѣ находится этотъ локулъ, была сплошь и богато расписана. Кромѣ того, одинъ онъ былъ наглухо заложенъ пятью плитами, исторія которыхъ разсказана выше. Наконецъ, и архитектурная форма его иная, чѣмъ форма остальныхъ локуловъ. Локулъ этотъ былъ трактованъ, можетъ быть, не при самой постройкѣ склепа, а впослѣдствіи, совершенно особымъ образомъ. Обычный локулъ въ верхней части одной изъ боковыхъ стѣнъ былъ углубленъ, т. е. изъ него сдѣлано было нѣчто вродѣ аркосолія: въ дно локула впущено было нѣчто, напоминающее саркофагъ, переднюю стѣну котораго составила часть скалы, не удаленная при углубленіи дна локула (см. CIV, 2, 5, ср. 1)[2]).

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что локулу правой стѣны придавали особое значеніе. При этомъ характерно, что этотъ главный локулъ помѣстили не въ стѣнѣ противъ входа, какъ это было естественно и какъ это сдѣлано было въ склепѣ 1905 г., а въ одной изъ боковыхъ, причемъ весьма вѣроятно, что форму свою онъ получилъ не при постройкѣ склепа, а путемъ передѣлки обычнаго локула, помѣщеннаго, какъ и остальные, въ верхней части стѣны. О томъ, какое значеніе это имѣетъ для исторіи склепа и толкованія его росписи, рѣчь будетъ ниже.

Всѣ стѣны склепа, равно какъ и стѣнки локуловъ, а также ступеньки были оштукатурены; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неровности стѣнъ и потолка были заполнены розовой цемянкой съ крупными зернами битаго кирпича. Штукатурка состоитъ изъ извести, соломы, кусковъ древеснаго угля и песка, т. е. тотъ же составъ, что и въ склепѣ 1905 г., и въ склепѣ западнаго некрополя 1909 г. Штукатурка была тщательно выглажена и отполирована, и поверхъ ея произведена была роспись, вѣроятно, на не вполнѣ просохшей еще штукатуркѣ, т. е. al fresco.

Роспись немедленно по вторичномъ открытіи склепа (при первомъ открытіи роспись склепа только упомянута; врядъ ли съ нея въ то время сдѣланъ былъ рисунокъ) была скопирована и дополнена М. И. Скубетовымъ; вторично скопирована она была безъ всякихъ попытокъ къ реставраціи М. В. Фармаковскимъ въ 1911 г.[3]); кромѣ того, имѣются еще кальки съ росписи, сдѣланныя поручикомъ Ротомъ въ краскахъ. Роспись.

Сохранилась роспись, главнымъ образомъ, на потолкѣ, на входной стѣнѣ, на правой стѣнѣ и на упомянутыхъ уже плитахъ, закрывавшихъ главный локулъ склепа, равно какъ и на внутреннихъ стѣнахъ этого локула. Стѣны лѣвая и задняя, хотя и были оштукатурены, но ихъ локулы оставлены были, несомнѣнно, сознательно безъ всякой росписи. Единственный элементъ росписи на этихъ стѣнахъ, это красныя линіи, которыми отдѣлена была панель, красныя же вертикальныя линіи въ углахъ камеры и, наконецъ, такія же горизонтальныя по краямъ лежанокъ. Въ красную полосу включенъ былъ и плафонъ.

Роспись плафона остановила на себѣ уже вниманіе графа Уварова. Сообщаетъ онъ, однако, о ней, къ сожалѣнію, весьма кратко: «Въ другомъ склепѣ, говоритъ

---

[1]) Размѣры: лѣвый верхній—1,87—1,77 дл., 0,99 шир., отъ пола—1,03; нижній—1,94—1,86 дл., 0,44 шир.; задній верхній—1,96 дл., 0,76 шир., отъ пола—0,98; нижній - 2,17 - 2,14 дл., 1 м. шир.

[2]) Размѣры: 1,79—1,70 дл., 0,76—0,86 шир., 0,42—0,55 глуб. при толщинѣ стѣнокъ 0,13—0,22 м.

[3]) См. табл. CV, 3 и CVI.

онъ, принадлежащемъ христіанскому семейству, потолокъ и стѣны расписаны аль-фреско; на серединѣ потолка изображена монограмма Христа въ томъ видѣ, какъ она встрѣчается въ римскихъ катакомбахъ». Это свидѣтельство, несомнѣнно, говорящее о нашемъ склепѣ, цѣнно уже потому, что упоминаетъ безъ всякихъ колебаній о хрисмѣ въ потолкѣ, присутствіе которой на этомъ мѣстѣ нѣкоторыми лицами, видѣвшими нашу гробницу, заподозривалось, впрочемъ, безъ достаточныхъ основаній, такъ какъ сохранилась монограмма Христа достаточно хорошо.

Потолокъ.

Потолокъ склепа (табл. CV, 3) трактованъ такъ, какъ его часто трактуютъ въ катакомбахъ Рима и въ другихъ памятникахъ римскаго времени. Центромъ его является круглый медальонъ, отъ котораго расходятся радіусы къ четыремъ угламъ склепа, образуя въ плафонѣ четыре сегмента. Не безъ основанія такое строеніе росписи потолка ставятъ въ связь съ желаніемъ орнаментально создать иллюзію крестоваго свода. Центральный медальонъ, впрочемъ, обыченъ не только для такихъ потолковъ, имитирующихъ крестовый сводъ, но и какъ центръ плафона другихъ системъ росписи.

Вполнѣ обычно и то, что дѣленія плафона осуществлены при посредствѣ цвѣточныхъ мотивовъ. Здѣсь мы имѣемъ четыре прямыхъ гирлянды, вытянутыя въ прямую линію и сходящіяся къ центральному круглому вѣнку, составленному изъ того же плетенія.

Самая гирлянда—наша старая знакомая, съ которой мы встрѣтились впервые уже въ такъ называемомъ Зайцевскомъ склепѣ (1895 г.). Это—плотная сухая гирлянда изъ жесткихъ сѣровато-зеленыхъ листьевъ, скорѣе всего лавра, объ эллинистическомъ происхожденіи которой уже была рѣчь и которая, благодаря своей орнаментальности, сжатости и строгости контура, а также твердости формы особенно годилась для обрамленій и орнаментальныхъ дѣленій и поэтому пользовалась большимъ распространеніемъ, главнымъ образомъ, въ римскую и особенно поздне-римскую эпоху. Прямыя линіи гирляндъ-радіусовъ перехвачены посрединѣ туго стягивающими ихъ лентами: красной, лиловатой и еще разъ красной [1]). Тамъ, гдѣ гирлянды соединяются съ вѣнкомъ, онѣ еще разъ перехвачены красной лентой. Въ этихъ мѣстахъ, т. е. четырежды, и вѣнокъ перехваченъ той же тройной лентой тѣхъ же цвѣтовъ.

Заканчиваются прямыя гирлянды въ углахъ обычными теніями, многажды завязанными петлями и узлами. Правъ ли М. И. Скубетовъ, утверждая, что въ переднихъ углахъ банты имѣютъ форму аканѳа, а въ заднихъ пальметки, я рѣшить не берусь. То, что сохранилось въ одномъ углу, ни на аканѳъ, ни на пальметку не похоже, но такая стилизація теній вполнѣ возможна. Контуры вѣнка и гирляндъ нацарапаны были до наложенія красокъ по мягкой еще штукатуркѣ.

Въ поле, окруженное вѣнкомъ (шир. 0,10 м.), вписана была желтой краской съ красными бордюрами монограмма Христа (0,49 м. выш., 0,29 шир.). Налѣво отъ нея стояла не сохранившаяся А, направо частью сохранившаяся Ω (выш. 0,075—0,073).

Человѣческая фигура направо отъ входа.

Вниманіе входящаго въ склепъ черезъ входное отверстіе по ступенькамъ прежде всего останавливаетъ на себѣ большое во всю стѣну изображеніе человѣческой фигуры на правомъ простѣнкѣ входной стѣны (выс. 1,02, отъ пола на 0,32 м.). Стѣна надъ ней и слѣва отъ нея обрамлена красной полосой. По другую сторону двери штукатурка хорошо сохранилась. Сохранилась и красная полоса по краямъ простѣнка,

[1]) На краяхъ этихъ лентъ видны зубцы: желтые на красныхъ, бѣлые на лиловыхъ.

но слѣдовъ росписи не имѣется и таковой, очевидно, не было. Къ сожалѣнію, фигура цѣликомъ не сохранилась: исчезла, можетъ быть, нарочно выбитая или вырѣзанная голова, стерся низъ ногъ и осыпалась правая верхняя часть фигуры. Но композиція фигуры тѣмъ не менѣе ясна (см. табл. CVI). Изображенъ стоящій мужчина вправо, нѣсколько выступающій лѣвой ногой. Одежда его вполнѣ ясна. На ногахъ у него плотно облегающіе ноги желтоватые штаны; на краяхъ этотъ желтый цвѣтъ переходитъ въ красный; вообще всѣ контуры этой фигуры и всѣ складки сдѣланы красными толстыми линіями. На тѣлѣ надѣта желтая туника съ длинными рукавами, не доходящая до колѣнъ и подпоясанная въ таліи. На рукавахъ тройные красные обшлага. Внизу туники черныя вставки (segmenta) [1]). Обѣ руки мужчины вытянуты; въ нихъ онъ держитъ либо большой горизонтальный предметъ, напримѣръ, блюдо, либо въ каждой рукѣ по какому-либо предмету меньшихъ размѣровъ. Аналогія съ гробницей 1909 г. и гробницей 1905 г. говоритъ за двѣ свѣчи.

Локулъ правой стѣны прямо примыкаетъ къ передней стѣнѣ, т. е. къ описанной фигурѣ, прямое отношеніе которой къ локулу несомнѣнно. Между нимъ и задней стѣной имѣется простѣнокъ. Какъ уже сказано, вся правая ниша забрана была наглухо пятью каменными плитами.

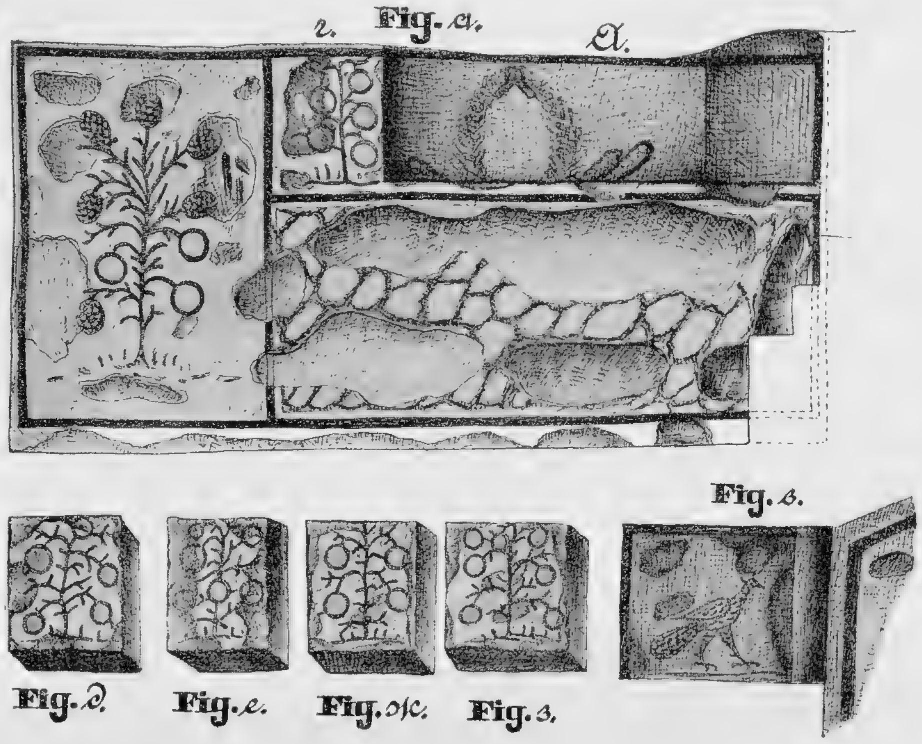


Рис. 86. Роспись правой боковой стѣны, локула и закладныхъ плитъ склепа 1904 (1853) г. (рис. М. И. Скубетова).

Роспись этой стѣны вполнѣ аналогична росписи выше описанныхъ гробницъ 1894 и 1903 г. (табл. CVI). И здѣсь мы имѣемъ низкую сплошную панель, отдѣленную сверху красной линіей. Простѣнокъ между задней стѣной и нишей правой стѣны трактованъ, какъ одно поле. Все это поле заполнено изображеніемъ могучей виноградной лозы съ гроздьями, сдѣланнымъ красной краской по бѣлому фону [2]).

Роспись правой боковой стѣны.

Низъ правой стѣны подъ локуломъ трактованъ, какъ и въ вышеописанной гробницѣ 1903 г., инкрустаціонно. Скубетовъ видѣлъ здѣсь «панель подъ мраморъ съ

[1]) Типъ одежды нашей фигуры, т. е. туники съ узкими рукавами (tunica manicata), украшенной вставками (segmenta), характеренъ для IV в. по Р. Хр. См. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, 126; ср. Kanzler, *Nuovo Bull. di arch. cristiana*, XVII (1911), 203 сл.

[2]) Эту лозу М. И. Скубетовъ считаетъ за «деревцо съ шишками и круглыми плодами краснаго и желтаго цвѣта». М. В. Фармаковскій зарисовалъ то, что, какъ мнѣ казалось, видѣлъ и я, т. е. виноградную лозу. Но ручаться за полную достовѣрность его толкованія я не могу: на спорномъ простѣнкѣ въ настоящее время видны только незначительные остатки краски и контуры изображеній. Несомнѣнно только то, что изображено было въ этомъ простѣнкѣ одно или нѣсколько растеній. Въ виду этого и того, что М. И. Скубетовъ тщательно изучалъ роспись немедленно послѣ открытія, я публикую здѣсь рисунокъ Скубетова, сдѣланный при этомъ изученіи (см. рис. 86, fig. a).

красными разводами по желтому полю» (выс. 0,72 м.), но, вѣроятно, роспись была сложнѣе. Впрочемъ, схема ея строенія значенія не имѣетъ; важно установить самый принципъ—инкрустаціонный.

Верхъ стѣны надъ инкрустированной стѣной составлялъ закладъ локула, состоявшій изъ 5 плитъ. Всѣ эти плиты были оштукатурены, и на каждой (сохранилось въ 1904 г. три) нарисовано по деревцу съ круглыми плодами (фонъ плодовъ—желтый, ободокъ—красный). Вся роспись пяти плитъ была выдѣлена красной полосой, обрамлявшей ихъ сверху, снизу и съ боковъ (табл. CVI и рис. 86, г—з).

Несмотря на то, что локулъ былъ забранъ плитами, невидныя никому его стѣны были расписаны. На задней стѣнѣ мы имѣемъ остатокъ вѣнка того же типа, что и въ плафонѣ, но, какъ кажется, болѣе пышнаго и сплетеннаго не только изъ лавра, но и изъ цвѣтовъ и, можетъ быть, шишекъ (см. табл. CVI и рис. 86, а). На правой узкой стѣнѣ ниши около входной стѣны изображена была красной и желтой краской (Скубетовъ прибавляетъ еще коричневую) птица вправо, можетъ быть, на зеленой вѣткѣ; возможно, однако, что четырьмя параллельными линіями (верхняя—красная, три нижнія черныя) просто обозначена земля. Очень можетъ быть, что изображенную птицу Скубетовъ правильно называетъ павлиномъ. За это говорятъ сохранившіяся большія и крѣпкія лапы птицы съ большими пальцами, а также пестрое (желтое съ краснымъ) опереніе сохранившейся части туловища. Для хвоста на простѣнкѣ имѣется достаточно мѣста (табл. CVI и рис.86, b).

Эта роспись локула внутри въ высшей степени характерна. Она назначена была не для посѣтителей, а только для усопшаго. И поневолѣ при взглядѣ на вѣнокъ на задней стѣнѣ локула приходитъ на мысль «вѣнецъ мученичества».

Находки въ склепѣ.

При вторичномъ открытіи въ могилѣ найденъ былъ обломокъ гипсоваго кружка (0,075 діам., 0,025 толщ.), на которомъ изображены были рельефно кресты съ расширенными концами лопастей; въ центрѣ кружка имѣлось отверстіе въ 0,04 діам., вѣроятно, для насаживанія кружка на древко. Уваровъ свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ въ ней «слезницу изъ синеватаго стекла и двѣ серебряныя пряжки». Очевидно, уже до него гробница была разграблена.

О времени гробницы приходится такимъ образомъ судить исключительно по росписи. Но роспись эта настолько близка по всей своей трактовкѣ ко всѣмъ остальнымъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ полной одновременности всей группы.

Исторія склепа и его росписи.

Охарактеризованная выше архитектура и роспись склепа позволяютъ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ это сдѣлано было мною при описаніи склепа, формулировать его исторію и характеръ того погребенія, которое онъ содержалъ.

Архитектурный анализъ склепа показалъ намъ, что первоначально склепъ по своему архитектурному строенію ничѣмъ не отличался отъ другихъ склеповъ того же типа. Несомнѣнно, первоначально въ немъ были сдѣланы только три обычныя ниши или, лучше, локула подъ самымъ потолкомъ склепа. Дѣйствительно, если бы при самой постройкѣ думали сдѣлать въ каждой стѣнѣ по два локула, то не было бы никакого основанія дѣлать нижніе локулы въ лѣвой и задней стѣнѣ и не дѣлать таковаго въ правой. Ясно, такимъ образомъ, что локулы нижнихъ частей стѣны прибавлены были впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ въ нихъ появлялась нужда. На это болѣе позднее появленіе указываетъ и менѣе тщательная работа этихъ нижнихъ локуловъ.

Прибавлены были, однако, эти локулы до того времени, когда расписана была вся камера. Роспись, несомнѣнно, имѣетъ въ виду и нижніе локулы; между тѣмъ,

роспись всѣхъ стѣнъ, очевидно, сдѣлана была одновременно: вездѣ одинъ и тотъ же стукъ, одна и та же техника.

Появляется роспись въ склепѣ послѣ того, какъ въ немъ погребаютъ покойника, похороненнаго въ локулѣ правой стѣны. Для этого покойника уже не выдалбливаютъ простую нишу въ нижней части правой стѣны; для него передѣлываютъ локулъ правой стѣны, можетъ быть, устраняя того, кто до него лежалъ въ этомъ локулѣ. Передѣлка локула состояла въ томъ, что его превратили въ саркофагъ, выдолбивши въ днѣ локула углубленіе для положенія въ него тѣла новаго усопшаго.

Этому новому усопшему оказывается особое вниманіе. Его локулъ забираютъ плитами и закрываютъ его ими наглухо. Послѣ положенія его тѣла, сразу ли или впослѣдствіи, штукатурятъ и расписываютъ всю камеру, причемъ, однако, роспись сосредоточивается только на той стѣнѣ, гдѣ находится его локулъ, и на той части входной стѣны, которая къ этому локулу примыкаетъ. Вся декоровка склепа не только конвергируетъ къ его локулу, но самый локулъ расписывается извнутри. Между тѣмъ, всѣ остальные локулы не только не расписываются, но и остаются открытыми.

При такихъ условіяхъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что съ появленіемъ или послѣ появленія въ склепѣ новаго покойника изъ склепа должны были выселиться всѣ старые его обладатели и отнынѣ въ немъ долженъ былъ пребывать и чтиться онъ одинъ.

Этотъ вновь погребенный покойникъ былъ, несомнѣнно, христіанинъ и, очевидно, христіанинъ, особо чтившійся и особо уважаемый. Тѣмъ не менѣе, для него особаго склепа не построили, а только приспособили старый. Будь это иначе и будь нашъ склепъ выстроенъ для него и для его семьи, его погребеніе, несомнѣнно, какъ въ склепѣ 1905 г., заняло бы главную заднюю стѣну и было бы болѣе рѣзко выдѣлено въ архитектурномъ отношеніи.

Очевидно, особо чтимаго покойника похоронили наскоро и наспѣхъ въ старомъ склепѣ, въ старомъ семейномъ обычномъ погребеніи, и это сдѣлано было до того, какъ склепъ былъ расписанъ. А расписанъ былъ склепъ, какъ покажетъ анализъ его росписи и исторія остальныхъ, подобнымъ же образомъ расписанныхъ, склеповъ, не позже IV в. по Р. Хр.

Если это такъ, то особое значеніе пріобрѣтаетъ роспись внутреннихъ стѣнъ локула и ея символическія изображенія, среди которыхъ главную роль играетъ, занимающій почти всю стѣну, большой и пышный вѣнокъ. Я уже указалъ на то, что вѣнокъ этотъ приводитъ на память «вѣнецъ мученичества». Я не забываю при этомъ, что вѣнокъ самъ по себѣ ни въ язычествѣ, ни въ христіанствѣ не есть спеціально символъ мученичества, а принадлежитъ къ обычной символикѣ античныхъ погребеній вообще [1]). Но въ данномъ случаѣ и исторія склепа, и размѣшеніе росписи, и эмблема Христа въ потолкѣ, и фигура со свѣчой передъ локуломъ [2]), особенно же помѣщеніе вѣнка тамъ, гдѣ его никто не могъ видѣть или, лучше, гдѣ его могли видѣть только въ моментъ погребенія, все это говоритъ за то, что едва ли въ нашемъ склепѣ не былъ погребенъ муче-

[1]) См. F. Cumont, *Revue de l'hist. d. rél.*, 62 (1910), 144 слл.; Kraus, Realencycl. d. chr. Altertums, I, 133 s. v. Corona; P. Dörfler, Die Anfänge der Heiligenverehrung nach den römischen Inschriften und Bildwerken, München 1913 (*Veröffentlichungen aus dem Kirchenh. Sem. München,* IV, 2), стр. 55 слл. Ср. то, что будетъ сказано ниже объ африканскихъ надгробныхъ мозаикахъ.

[2]) О ней ниже въ главѣ LVIII, стр. 448 слл.

никъ, гробница котораго была предметомъ почитанія и объектомъ культа для цѣлаго ряда поколѣній [1]).

Ниже, при разборѣ росписи всѣхъ херсонесскихъ гробницъ, мы увидимъ, что наше предположеніе вполнѣ подходитъ и къ датѣ склепа, и къ тому, что мы знаемъ объ исторіи ранняго христіанства въ Херсонесѣ.

Былъ ли склепъ, въ которомъ похоронили нашего христіанина, первоначально склепомъ языческой семьи или семьи христіанской, опредѣленію не поддается. Болѣе вѣроятнымъ представляется второе. Вполнѣ понятно, что христіанская семья уступила свое семейное погребеніе мученику, между тѣмъ какъ захватъ христіанами чужого, хотя бы и брошеннаго, языческаго погребенія a priori невѣроятенъ.

Литература.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 г. Спб. 1855, стр. 156 (отчетъ графа Уварова объ его раскопкахъ въ Херсонесѣ). (К. К. Косцюшко-Валюжиничъ), *И. И. А. К.*, 25 (1907): Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ въ 1905 г., стр. 123 сл., № 2114, ср. *О. И. А. К.* 1905, 56 сл. и М. И. Скубетовъ, *И. И. А. К.*, 25 (1907), 168 сл.: Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2114. См. также Д. Косцюшко-Валюжиничъ, Древне-христіанскіе склепы съ декоративной фресковой росписью, открытые въ Херсонесѣ, *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, 45 (1911), 50 сл. (пересказъ вышеуказанныхъ описаній К. К. Косцюшко и М. И. Скубетова ихъ же словами). При описаніи склепа въ моихъ рукахъ было, кромѣ этой печатной литературы, подробное рукописное описаніе склепа М. И. Скубетова.

[1]) Правда, надъ его могилой не была сооружена церковь, какъ это обычно, но не надо забывать, что въ нашемъ некрополѣ погребенъ былъ не одинъ, а рядъ мучениковъ. Такъ называемый крестовый храмъ, построенный въ предѣлахъ интересующаго насъ некрополя, объединялъ, вѣроятно, культъ всѣхъ мучениковъ и могъ быть созданъ надъ гробницами другихъ мучениковъ, погребенныхъ въ данномъ некрополѣ. Былъ ли сооруженъ алтарь надъ нашей гробницей, опредѣленію не поддается. Если бы онъ даже былъ поставленъ, то врядъ ли бы онъ могъ сохраниться до нашего времени. Укажу здѣсь же, что не характеръ росписи и выборъ изображеній, а вся совокупность фактовъ говоритъ за погребеніе въ описанной гробницѣ особо почитаемаго христіанина, вѣроятно, мученика. Я вполнѣ согласенъ съ Дёрфлеромъ (P. Dörfler, l. l., I, A, стр. 36 слл., особ. 47), что мученики погребались совершенно такъ-же, какъ и остальные христіане, причемъ никакого особаго цикла изображеній для гробницъ мучениковъ выработано не было. То-же мы видимъ въ нашей гробницѣ. Подборъ изображеній обычный, тотъ-же, что и въ другихъ гробницахъ. Только сочетаніе ихъ и исторія склепа заставляютъ думать о погребеніи здѣсь не простого смертнаго.

LI. Склепъ 1905 года.

(Табл. CIV, 1; CVII; CVIII).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Найденъ былъ въ томъ же 1905 г. въ томъ же некрополѣ около крестовиднаго храма (на ю.-з. отъ него, около дороги, идущей изъ Севастополя) на небольшомъ разстояніи (около 50 м.) къ югу отъ склепа № 2114 (см. табл. CII, III).

Архитектура.

Архитектура этого склепа (см. табл. CIV, 1) нѣсколько разнится отъ архитектуры склепа № 2114. Планъ склепа и здѣсь, и тамъ приблизительно тотъ же: передъ нами трапеція, на этотъ разъ съ болѣе широкой задней стѣной; потолокъ склепа здѣсь прямой и плоскій. Размѣры: 3,32 м. глуб., 2,94—3,42 м. шир., 1,68—1,70 м. выс. Входъ (0,53×0,62, съ ю.-з. стороны) обычнаго типа съ небольшимъ спускомъ къ нему снаружи и съ двумя ступенями внутри[1]).

Разница между нашимъ склепомъ и предыдущимъ та, что въ нашемъ склепѣ и формой, и росписью выдѣлена, какъ главная, ниша задней стѣны, вырѣзанная въ формѣ настоящаго аркосолія. Съ этой главной нишей-аркосоліемъ связана, вѣроятно, и примыкающая къ задней стѣнѣ небольшая раковинообразная ниша правой стѣны, назначенная, вѣроятно, для свѣтильниковъ[2]). Выдѣлена ниша-аркосолій[3]) не только своей архитектурой, но и богатой росписью, которою покрыты какъ всѣ стѣны самого аркосолія, такъ и примыкающія къ аркосолію части задней стѣны. Второстепенную роль играютъ локулы боковыхъ стѣнъ, по два—одинъ надъ другимъ—въ каждой стѣнѣ[4]). Правда, роспись имѣется и здѣсь, но гораздо болѣе скромная и менѣе обильная.

Весь склепъ былъ оштукатуренъ тѣмъ же способомъ, что и вышеописанный склепъ 1853—1904 г. и склепъ 1909 г. (гл. LIV). Штукатурка состоитъ изъ извести хорошаго качества, песку и соломы. Поверхность штукатурки тщательно выглажена и почти отполирована. По этой штукатуркѣ сдѣлана роспись.

Роспись.

Роспись при открытіи склепа сохранилась сравнительно хорошо на всѣхъ стѣнахъ, особенно на задней. Хуже выдержалъ вліяніе сырости потолокъ, почти весь осыпавшійся. Лучшая сравнительно съ № 2114 сохранность росписи объясняется, конечно, тѣмъ, что въ 1905 г. склепъ открытъ былъ впервые. Этимъ же объясняется и то, что со времени открытія склепъ нашъ значительно болѣе

[1]) Въ верхній край спуска вложенъ фрагментъ греческой надгробной стелы съ двумя розетками, но безъ надписи (надпись, можетъ быть, стесана нарочно).

[2]) По сообщенію М. И. Скубетова, при открытіи склепа ниша найдена была закопченной; на днѣ ея лежалъ слой земли, въ которомъ видны были отпечатки донышекъ нѣсколькихъ свѣтильниковъ. Размѣры ниши: 0,23 шир., 0,011 гл. и 0,44 выс., отъ пола—0,97 м.

[3]) Размѣры: по задней стѣнѣ 2,32—2,06 шир., 1,02 гл., 1,11 выс., дно углублено на 0,06; отъ пола—0,48 м.

[4]) Размѣры: верхнія правая и лѣвая—отъ пола 1,02 м.; верхняя лѣвая 2,02—1,86 шир., 0,75 глуб., верхняя правая—2,08—1,82 шир., 0,82 глуб.; нижнія—0,23 отъ пола; нижняя лѣвая—1,95—1,77 шир., 0,64 глуб., нижняя правая—2,06—1,92 шир., 0,54 глуб.

пострадалъ, чѣмъ склепъ № 2114. Сейчасъ же послѣ открытія подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха всѣ менѣе устойчивыя части погибли; остались, какъ и въ склепѣ № 2114, только болѣе устойчивыя.

Немедленно послѣ открытія съ росписи склепа сняты были поручикомъ В. Н. Ротомъ цвѣтныя кальки; въ то же время М. И. Скубетовымъ сдѣланъ былъ проектъ реставраціи росписи склепа (см. табл. CVII, CVIII); наконецъ, съ росписи аркосолія снята была фотографія. Нынѣ роспись склепа, которую я изучалъ повторно, начиная съ 1907 г., находится въ довольно печальномъ состояніи, такъ что уже въ 1911 г., когда въ Херсонесѣ работалъ М. В. Фармаковскій, не оказалось возможнымъ сдѣлать новыя копіи съ росписи.

Система росписи склепа въ основныхъ чертахъ та-же, что и въ склепѣ № 2114. Разница только та, что въ нашемъ склепѣ совершенно отсутствуетъ изображеніе человѣческой фигуры, и особое вниманіе обращено на подчеркиваніе элементами растительной орнаментики основныхъ архитектурныхъ линій склепа.

Плафонъ.

Плафонъ сохранился хуже другихъ частей росписи. Но и жалкихъ остатковъ росписи достаточно, чтобы доказать, что и здѣсь въ центрѣ находился кругъ (сохранились врѣзанные въ штукатурку контуры), т. е., вѣроятно, вѣнокъ и что отъ вѣнка къ четыремъ угламъ шли прямыя вытянутыя гирлянды того же типа, что и въ склепѣ № 2114 (1853—1904 г.). Одну такую прямую гирлянду или, лучше, слѣды ея видѣлъ при открытіи склепа Скубетовъ: шла она отъ праваго угла передней стѣны въ лѣвый уголъ задней. Въ этомъ лѣвомъ углу часть ея и посейчасъ сохранилась довольно хорошо. Состоитъ гирлянда изъ лавровыхъ листьевъ почти чернаго цвѣта, съ вплетенными въ эти листья красными трилистниками. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ гирлянда была схвачена красной лентой.

Роспись стѣнъ.

Стѣны расписаны по принципу, уже въ достаточной мѣрѣ знакомому намъ. По всему склепу внизу идетъ довольно широкая (0,10—0,13 м.) черная, сдѣланная чистой сажей, панель. Надъ этой панелью стѣны трактованы не одинаково.

Входная стѣна (табл. CVII, 2) надъ панелью украшена была инкрустированными квадрами: каждая квадра, мраморированная синимъ по бѣлому, заключена въ розовато-желтую рамку; въ нее вписанъ ромбъ желтой мраморировки и въ этотъ послѣдній—кругъ, мраморированный по зеленому фону зелеными линіями.

Наиболѣе богато расписана была задняя стѣна вмѣстѣ съ аркосоліемъ (табл. CVII, 1). Съ внѣшней стороны ходъ арки аркосолія подчеркнутъ былъ уже знакомой намъ густой гирляндой изъ лавровыхъ листьевъ съ вплетенными въ нихъ по мѣстамъ свѣтло-красными трилистниками. Гирлянда, вѣроятно, въ трехъ мѣстахъ перевязана была уже знакомыми намъ лентами разныхъ цвѣтовъ или, можетъ быть, въ каждомъ мѣстѣ одной разноцвѣтной лентой (красная—зеленая—красная). На концахъ гирлянда связана красноватыми тесемками (см. табл. CVIII, 2)[1]).

Простѣнки между аркосоліемъ и боковыми стѣнами заполнены слѣдующими изображеніями. Слѣва изображена сѣрая съ черными тѣнями птица (по строенію,

[1]) Точно опредѣлить цвѣтъ въ каждомъ мѣстѣ росписи въ высшей степени трудно. Многіе цвѣта потемнѣли, и поэтому зеленый цвѣтъ трудно различить отъ чернаго, желтый отъ коричневато-сѣраго и т. д. Отъ этого зависитъ разница въ опредѣленіи цвѣтовъ отдѣльныхъ частей росписи, наблюдаемая при сравненіи калекъ Рота и реставраціи Скубетова; между тѣмъ, и тѣ и другая сдѣланы были немедленно послѣ открытія склепа, причемъ, однако, Ротъ копировалъ то, что было, а Скубетовъ возстановлялъ. Рѣшить дѣло даже на мѣстѣ теперь не представляется уже возможнымъ.

скорѣе всего, голубь) вправо, сидящая на вѣткѣ (вѣроятно, лавровой) безъ листьевъ, но съ черными круглыми плодами. Подъ этой вѣткой желтоватый рогъ изобилія съ красными контурами; рядомъ налѣво вѣтка хвойнаго дерева съ темной листвою (вѣроятно, кедра) и съ шишкой. Направо отъ аркосолія мы имѣемъ такого же типа зеленоватую (?) птицу влѣво, сидящую на вѣткѣ. Той же вѣткѣ принадлежатъ, вѣроятно, побѣги съ шишками пиніи (см. табл. CVIII, 3) или, можетъ быть, съ гроздьями винограда, какъ на правой части задней стѣны аркосолія. Врядъ ли правильно возстановленіе Скубетова, дающее цѣлое деревцо съ порослью около него и даже съ обозначеніемъ почвы подъ нимъ[1]). Наверху изображено нѣчто вродѣ пелты амазонокъ.

Внутренняя стѣна аркосолія также обрамлена по линіи арки гирляндой, перевязанной лентами съ тесемками на концахъ. Рисунокъ Скубетова мнѣ кажется въ данномъ мѣстѣ хотя въ общемъ правильнымъ, но слишкомъ многое дополняющимъ. Особенно мало вразумительны привѣски на теніяхъ, которыми кончается гирлянда[2]). Чередованіе цвѣтовъ отдѣльныхъ сегментовъ гирлянды, раздѣленныхъ черными завязками, объясняется, вѣроятно, характеромъ гирлянды, густо сплетенной изъ зелени и какихъ-то розовыхъ листковъ или цвѣтовъ, нанизанныхъ на нитки; такого рода гирлянды вполнѣ обычны въ античномъ мірѣ.

Вся задняя стѣна аркосолія занята широковѣтвистой лозой винограда безъ листьевъ съ одними гроздьями; слѣва гроздья чернаго цвѣта, справа темножелтаго (ср. табл. CVIII, 4, 5). На потолкѣ аркосолія изображены двѣ одинаковыя птицы изъ породы голубей, обѣ вправо; раскраска ихъ условна. Налѣво зеленая (или сѣрая) птица съ желтыми (темными?) крыльями, ножки и грудка красныя; направо красная птичка съ черными крыльями. Птица, изображенная на лѣвой части арки, сидитъ на вѣткѣ съ распустившимися и полураспустившимися цвѣтками шиповника. То же, можетъ быть, надо предположить и для второй. Между ними, кромѣ того, можетъ быть, разбросаны лепестки шиповника (см. табл. CVIII, 1, 6).

Иной характеръ имѣетъ роспись боковыхъ стѣнъ, въ которыхъ, какъ сказано, локулы расположены въ два этажа. Верхняя лежанка отъ нижней отдѣлена на каждой стѣнѣ узкимъ простѣнкомъ. Линія этого простѣнка подчеркнута вытянутой прямой гирляндой изъ лавровыхъ листьевъ уже достаточно знакомаго намъ типа; гирлянды до угловъ не доходятъ и кончаются немедленно за изображеніемъ нижеописываемыхъ свѣчей.

Низъ боковыхъ стѣнъ не былъ расписанъ. По аналогіи съ другими расписными склепами Херсонеса мы ожидали бы здѣсь росписи инкрустаціоннаго типа. Но въ нашемъ случаѣ значительную часть низа стѣны заняли нижніе локулы. Тѣмъ не менѣе принципъ былъ выдержанъ и здѣсь постольку, поскольку простѣнки между входной и задней стѣнами и локулами обѣихъ стѣнъ были заполнены мраморировкой по желтому фону. Такъ ли нужно возстановлять здѣсь инкрустацію, какъ это сдѣлалъ Скубетовъ, или иначе, это—вопросъ, значенія не имѣющій (см. табл. CVIII, 1, 6).

[1]) Сохранилось въ данномъ мѣстѣ вообще настолько мало, что Ротъ зарисовалъ только остатки шишекъ и слабыя пятна, составлявшія, можетъ быть, часть тѣла птицы. Я лично кромѣ пелты наверху почти ничего различить не могъ.

[2]) Во всякомъ случаѣ, не засвидѣтельствованы нѣжные тона красокъ гирлянды; что касается до привѣсокъ на концахъ теній въ видѣ небольшихъ красныхъ колесиковъ, то онѣ на мѣстѣ имѣются, но принадлежность ихъ къ тесемкамъ гирлянды не несомнѣнна.

Верхнія части простѣнковъ по обѣ стороны отъ верхнихъ локуловъ расписаны мотивами, намъ уже встрѣчавшимися. По обѣ стороны каждаго локула изображено по зажженной желтой свѣчѣ. При этомъ рядомъ съ этими свѣчами въ простѣнкахъ, сосѣднихъ съ входной стѣной, изображены уже знакомыя намъ вѣтви или деревца съ большими круглыми плодами.

Характерно также то, что внутреннія стѣны нижнихъ локуловъ ничѣмъ декорированы не были. Въ верхнихъ локулахъ, напротивъ, короткія стѣны были украшены вѣтками: сосѣднія съ передней стѣной — безлистыми вѣтками съ круглыми черными плодами, т. е. вѣтвями лавра, а сосѣднія съ задней стѣной — вѣтками шиповника съ почками и цвѣтами (см. табл. CVII, 1, 2).

Общая характеристика росписи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что знакомая намъ схема росписи выдержана была и здѣсь со всею строгостью. Къ числу особенностей описываемаго склепа надо отнести, кромѣ уже отмѣченнаго стремленія подчеркнуть гирляндами важнѣйшія архитектурныя линіи (ср. выше о гробницѣ Сорака, стр. 244 сл.), необычайное богатство мотивовъ реалистическаго и натуралистическаго цвѣточнаго орнамента. Замѣчу здѣсь же, что цвѣточный орнаментъ и этой и другихъ гробницъ имѣетъ очень характерныя особенности. Мы нигдѣ почти не видимъ брошенныхъ на фонъ листьевъ, лепестковъ, бутоновъ, цвѣтовъ и вѣтокъ, какъ на Боспорѣ; вездѣ передъ нами вѣтки или цѣлыя деревца, заполняющія верхнія поля не по принципу ковра или покрытаго цвѣтами луга, а какъ вертикальныя дѣленія стѣны. При этомъ главное въ изображеніи—архитектоника вѣтки, не затемненная столь любимой римскимъ искусствомъ листвой, и, кромѣ того, цвѣты и плоды, трактуемые съ особою любовью. Съ этими вѣтками и цвѣтами соединяется масса птицъ, причемъ, если строеніе птицы иногда реалистично—и въ такихъ случаяхъ мы всегда видимъ голубя,—то окраска всегда условна, какъ условна въ общемъ и окраска цвѣточныхъ элементовъ росписи.

Христіанство росписи ничѣмъ, въ сущности, рѣзко не подчеркнуто. Но сличеніе съ предыдущей гробницей, а также изображеніе свѣчей по обѣ стороны боковыхъ локуловъ—само по себѣ не признакъ христіанства, но становящійся таковымъ по сличенію съ гробницей 1909 г. [1]),—наконецъ, вся простая и наивная, но характерная символика росписи не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что передъ нами склепъ, построенный для христіанъ. Съ этимъ согласуется и находка среди вещей «половины креста - тѣльника изъ тонкой бронзовой пластинки 0,013 — 0,01 м.».

Дата склепа.

Къ счастью, эта въ высшей степени интересная по росписи и архитектурѣ гробница довольно точно датирована. Въ ней найдены 5 мѣдныхъ монетъ: Валентиніана I—2 экз., Ѳеодосія Вел.—2 экз. и Аркадія—1 экз. Хоронили, значитъ, въ этой гробницѣ, начиная со второй половины IV в. (начало правленія Валентиніана—364 г.) и кончая первыми годами V-го в. (Аркадій умеръ въ 408 г.). Принимая во вниманіе, что статистика монетъ, составленная А. Л. Бертье-Делагардомъ, приводитъ насъ какъ разъ къ той же эпохѣ второй половины IV в., мы не можемъ считать случайною полученную при помощи монетъ датировку склепа.

Отмѣчу также, что склепъ расписанъ былъ, несомнѣнно, немедленно послѣ сооруженія и сразу во всѣхъ своихъ частяхъ. Иначе объяснить себѣ строгое

---

[1]) См. выше стр. 365 сл. о роли свѣчей, лампъ и т. д. въ погребальномъ обрядѣ Греціи и Рима. Думаю, однако, что преобладаніе свѣчи надъ лампой и факеломъ стоитъ въ связи съ распространеніемъ христіанскаго культа, ср. ниже.

соотвѣтствіе росписи архитектурѣ склепа и полную однородность всей росписи невозможно. Незамѣтно ни по обработкѣ, ни по отношенію къ росписи, чтобы нижніе локулы, какъ въ гробницѣ 1904 г., сдѣланы были позднѣе верхнихъ. Очевидно, склепъ выстроенъ былъ для большой семьи и сразу съ четырьмя локулами и однимъ аркосоліемъ. Въ аркосоліи, несомнѣнно, похороненъ былъ глава семьи, въ нижнихъ локулахъ, можетъ быть, слуги.

Литература.

К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 г., *И. И. А. К.* 25 (1907), 118, № 2086, ср. *О. И. А. К.* 1905, 56 сл.; М. И. Скубетовъ, Проектъ реставраціи росписи въ склепѣ № 2086, *И. И. А. К.* 25, 166 сл.; Д. Косцюшко-Валюжиничъ, *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.* 45 (1911), 52 слл.

LII. Склепъ 1907 года.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Открытъ былъ 14 марта 1907 г. на южной сторонѣ Карантинной бухты около офицерскаго флигеля № 792 (табл. CII, V). По открытіи былъ вновъ засыпанъ. Въ 1912 г. былъ вновь открытъ по моей просьбѣ, причемъ М. И. Скубетовъ вновь описалъ и измѣрилъ его. Нынѣ вновь засыпанъ.

Архитектура.

Архитектура склепа оказалась обычной. Обычный планъ въ видѣ трапеціи съ передней вогнутой во внутрь стѣной (2,85 м. дл., 2,72 у передней стѣны и 2,79 у задней шир., 1,70—1,67 выс. посрединѣ, 1,60—2,64 у стѣнъ). Локулы распредѣлены слѣдующимъ образомъ: одинъ въ задней стѣнѣ, одинъ въ правой, два—одинъ надъ другимъ—въ лѣвой. Нижній лѣвый локулъ, несомнѣнно, вырубленъ послѣ остальныхъ: стѣнки его оставлены не оштукатуренными [1]). Локулъ задней стѣны выдѣленъ какъ главный и тѣмъ, что особенно тщательно оштукатуренъ, включая и полъ его, и тѣмъ, что заложенъ былъ каменными плитами, найденными около локула на полу (размѣръ плитъ $0,75 \times 0,77 \times 0,18$ м.). Плиты всѣ были оштукатурены какъ цемянкой, такъ и известью. Оріентированъ склепъ на югъ. Входъ обычной аркообразной формы ($0,76 \times 0,70$). Ко входу велъ спускъ съ двумя ступеньками. Изъ входа въ склепъ вели также двѣ ступеньки. Весь склепъ былъ тщательно оштукатуренъ въ знакомой намъ манерѣ: на нижній слой цемянки положена штукатурка, по которой произведена побѣлка.

Роспись.

Роспись склепа сохранилась очень плохо. Почти вся верхняя штукатурка осыпалась; сохранились только цемянка и кое-гдѣ верхній слой. Тамъ, гдѣ сохранился верхній слой, видны и остатки росписи. Въ углахъ видны вертикальныя красныя полосы (шир. 0,05), продолжающіяся и вдоль всего плафона, отдѣляя его отъ стѣнъ. Такія же полосы обрамляли локулы и входное отверстіе. Въ углахъ—переднемъ лѣвомъ и заднихъ—сохранился, кромѣ красныхъ полосъ, рядъ зеленыхъ и голубоватыхъ пятенъ съ красными черточками, можетъ быть, остатки изображенныхъ здѣсь цвѣтовъ или растеній.

Дата.

Для датировки имѣетъ значеніе находка монеты Льва І-го. Склепъ найденъ былъ разграбленнымъ, плита входа найдена не была, въ правой стѣнѣ подъ локуломъ сдѣланъ проломъ въ сосѣдній склепъ.

Литература.

М. И. Скубетовъ, *И. И. А. К.*, 42, стр. 49, № 2270 и планъ на табл. II. Въ моихъ рукахъ было и подробное рукописное описаніе склепа, сдѣланное М. И. Скубетовымъ въ 1912 г., равно какъ и точный планъ его.

---

[1]) Размѣры: локулъ задней стѣны—2,19 шир., 1,24—1,16 глуб., отъ пола 0,95 м.; верхней лѣвой—1,97—1,86 шир., 0,57 гл., 0,89 выс.; нижней лѣвой—2,08 шир., 0,45—0,37 гл., 0,40—0,31 выс.; правой—2,04—1,86 шир., 0,46 гл., отъ пола—1,24 м.

LIII. Второй склепъ 1907 года.

(Табл. CXI, 1).

Открытъ случайно въ августѣ 1907 г. на южной сторонѣ Херсонесской (Карантинной) бухты между оградой офицерскихъ флигелей и казармами Севастопольской крѣпостной минной роты на глубинѣ 0,18—0,57 м. отъ поверхности земли (табл. CII, VI). Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Архитектура обычна (табл. CXI, 1). Оріентированъ на WNW. Входъ обычный съ одной ступенькой; входное отверстіе квадратное—0,62 м., внутрь склепа ведетъ одна высокая ступенька. Въ планѣ склепъ представляетъ трапецію неправильной формы съ нѣсколько выгнутыми боковыми и заднею стѣною и вогнутой входной (3,15 м. дл., 3,46—3,06 шир., 1,60—1,51 выс.). Особенностью его архитектуры является то, что потолокъ его подпертъ не совсѣмъ въ центрѣ столбомъ. Характерно также то, что лежанки или локулы имѣются только въ двухъ стѣнахъ—задней и лѣвой на высотѣ 0,80 м. отъ пола. У входной стѣны, какъ въ нижеописываемомъ склепѣ 1909 г. (см. стр. 467), имѣется слѣва отъ входа, отъ ступеньки входа до лѣваго угла, ступенька или скамейка—0,33 м. шир. и 0,26 м. высоты отъ пола. Нѣтъ лежанки или локула и въ правой стѣнѣ. Здѣсь вмѣсто нея сдѣланы три ниши,—средняя побольше на сравнительно незначительной высотѣ отъ пола—0,57 м.—и двѣ боковыхъ поменьше на высотѣ 1,11 м. отъ пола[1]). Того же типа ниша имѣется и во входной стѣнѣ справа отъ входа (отъ пола 1,4 м., размѣры—0,35×0,32×0,44). Форма потолка была, вѣроятно, обычная; къ сожалѣнію, весь потолокъ, за исключеніемъ небольшихъ кусковъ въ углахъ, обвалился внутрь. Весь склепъ, т. е, стѣны его, стѣны лежанокъ, ниши, столбъ и потолокъ были оштукатурены хорошею известью съ примѣсью песка и древеснаго угля. Архитектура.

Какія части склепа были расписаны, съ точностью сказать трудно. Сохранились остатки росписи только на нижнихъ частяхъ стѣнъ, особенно хорошо на задней стѣнѣ подъ лежанкой. Но слѣды ея видны и на другихъ стѣнахъ, за исключеніемъ части входной стѣны, занятой вышеописанной ступенькой. Вездѣ сдѣлана была невысокая (0,13) красная панель надъ самымъ поломъ, и надъ нею нижняя часть стѣны раздѣлена была красными линіями на лежачіе прямоугольники съ небольшими промежутками между ними. Сами прямоугольники раздѣлены перекрещивающимися по діагонали красными линіями (см. табл. CXI, 1, fig. 4). Передъ нами такимъ образомъ почти та же система, что и въ нижеописываемомъ склепѣ 1909 г. Удалось установить остатки живописи и на свалившихся кускахъ потолка. На нѣкоторыхъ имѣлись остатки двухъ концентрическихъ круговъ краснаго цвѣта; на поверхности этихъ круговъ видны были слѣды красокъ. Ширина красныхъ полосъ, которыми очерчены были концентрическіе круги, равнялась 0,008 м., ширина Роспись.

---

[1]) Размѣры: средней 0,44×0,27×0,53, боковыхъ 0,35×0,22×0,44.

полосы между ними 0,12. Весьма вѣроятно, что эти остатки свидѣтельствуютъ объ украшенiи потолка въ той же схемѣ, что и въ большинствѣ описываемыхъ расписныхъ склеповъ. Центръ потолка занималъ вѣнокъ, можетъ быть, съ монограммой Христа въ немъ; отъ этого вѣнка къ угламъ шли прямыя гирлянды.

Склепъ найденъ былъ разграбленнымъ. Въ наполнявшей его землѣ никакихъ вещей найдено не было. Сохраненъ онъ быть не могъ.

Склепъ (№ 2445) пока еще не опубликованъ. Свѣдѣнiями о немъ и его росписи я обязанъ любезности М. И. Скубетова.

LIV. Склепъ 1909 года.

(Табл. CV, 1, 2; CIX, 2).

17 октября 1909 г. въ сѣверо-западной части города за стѣнами, въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ (подъ προτείχισμα), недалеко отъ недавно открытой въ этой интереснѣйшей части херсонесскихъ укрѣпленій калитки найденъ былъ небольшой уже достаточно знакомой намъ формы склепъ, сплошь оштукатуренный и расписанный (табл. CII, VII). Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Архитектура склепа вполнѣ обычна (табл. CIX, 2). Въ планѣ и онъ даетъ трапецію, оріентированную на WSW, съ болѣе широкой входной стѣной (размѣры: средняя дл.—2,93 м., шир. 3,07—2,84 м., средняя выс. 1,36). Къ входному отверстію (0,60×0,57 м.) обычной формы (плита, которымъ оно было заложено, найдена не была) ведетъ вырубленный въ скалѣ неглубокій ходъ съ двумя ступеньками. Подъ самымъ входнымъ отверстіемъ внутри склепа оставлено въ скалѣ два выступа, нѣчто вродѣ ступенекъ для спуска въ склепъ. Отъ первой изъ этихъ ступенекъ, слѣва отъ входящаго идетъ вдоль стѣны высѣченная въ скалѣ низенькая скамейка или ступенька (0,20×0,21 м.), покрытая тонкими кирпичами, кладенными на извести. Архитектура.

Въ обѣихъ боковыхъ стѣнахъ и въ задней стѣнѣ вырѣзано въ скалѣ подъ самымъ потолкомъ по одному довольно глубокому трапецievидному локулу. Локулъ задней стѣны былъ найденъ замурованнымъ кирпичами хорошаго обжига, коричневой глины, кладенными на цемянкѣ (кирпичи—0,34×0,16×0,04 м., слой цемянки между кирпичами—0,05—0,10 м.). Стѣнка заклада состояла изъ 10 рядовъ кирпичей; шла она не по самому краю локула, а нѣсколько отступя. Въ этомъ закладѣ грабители, проникшіе въ склепъ задолго до его открытія въ 1909 г., сдѣлали небольшой проломъ налѣво внизу.

Роспись склепа сдѣлана по штукатуркѣ, которою покрыты были всѣ стѣны и потолокъ склепа. Штукатурка здѣсь та же, что и въ другихъ выше описанныхъ склепахъ. До покрытія стѣнъ и потолка штукатуркою неровности скалы уравнивались цемянкой, затѣмъ всѣ стѣны и потолокъ покрывались слоемъ штукатурки, въ составъ которой входили: известка хорошаго качества, солома и песокъ. По правильному замѣчанію М. И. Скубетова, штукатурка до покрытія ея живописью была выглажена, почти отполирована, такъ что поверхность ея и теперь еще въ хорошо сохранившихся мѣстахъ гладкая и почти блестящая. Между тѣмъ слой штукатурки—одинъ, и слоя тонкаго стука, иногда наблюдаемаго надъ слоемъ штукатурки, въ описываемой гробницѣ, несомнѣнно, нѣтъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ штукатурка сильно закопчена. Роспись.

Немедленно послѣ открытія роспись была зарисована М. И. Скубетовымъ, а въ 1910 г. М. В. Фармаковскимъ, копіи котораго здѣсь и публикуются (табл. CV, 1, 2). Система росписи живо напоминаетъ систему росписи склепа 2114 (1853—1904 г.).

Плафонъ.

Очень похожъ прежде всего плафонъ (табл. CV, 1). И здѣсь мы имѣемъ центральный кругъ, сдѣланный двумя параллельными линіями, пространство между которыми, несомнѣнно, заполнено было, какъ видно по оставшимся слѣдамъ, обычнымъ вѣнкомъ изъ лавровыхъ листьевъ съ вплетенными красными трилистниками. Что находилось внутри гирлянды, опредѣленію не поддается. Слѣдовъ монограммы Христа нѣтъ.

Отъ центральнаго круга по діагоналямъ расходятся къ угламъ уже знакомыя намъ гирлянды изъ лавровыхъ листьевъ съ вплетенными трилистниками. Гирлянды эти кончаются тесемками синяго и краснаго цвѣтовъ, завязанными двумя бантами формы неправильныхъ треугольниковъ; свободные концы этихъ тесемокъ имѣютъ форму, похожую на листья, что, однако, всецѣло надо отнести на счетъ неумѣлой стилизаціи упомянутыхъ тесемочныхъ концовъ. Діагональныя гирлянды довольно хорошо сохранились въ части плафона, примыкающей къ задней стѣнѣ. Діагонали до самыхъ угловъ не доходятъ. Неправильная форма потолка выправлена до формы, приближающейся къ квадрату, красной полоской, охватывающей со всѣхъ сторонъ роспись потолка.

Въ той же части потолка, которая примыкаетъ къ задней стѣнѣ, сохранились частью и изображенія, заполнявшія сегменты между діагональными гирляндами. Въ сѣверо-восточномъ трехугольномъ сегментѣ потолка, образованномъ двумя гирляндами и упомянутой красной линіей, изображенъ павлинъ вправо, съ головой поднятой и повернутой влѣво. Сохранились отъ павлина лиловый хвостъ съ синимъ глазкомъ и съ синеватыми же концами перьевъ, грудка красноватаго цвѣта, часть головы и одна лапа. Передъ павлиномъ изображенъ массивный сосудъ—канѳаръ съ двумя или тремя ручками на высокой ножкѣ желтоватаго цвѣта, т. е., очевидно, золотой. Около канѳара направо вѣтка съ листьями и гроздьями винограда. Такіе же гроздья, можетъ быть, изображены подъ ногами у павлина. Повидимому, такіе же павлины и виноградныя вѣтки написаны были и въ остальныхъ трехугольныхъ сегментахъ потолка. Кое-гдѣ можно угадывать остатки павлиновъ и виноградныхъ вѣтокъ.

Стѣны.

Роспись стѣнъ выдержана въ тѣхъ же принципахъ, что и въ остальныхъ вышеописанныхъ камерахъ. Схема, однако, въ описываемомъ склепѣ значительно упрощена. Низъ стѣнъ подъ локулами и здѣсь изображенъ раздѣленнымъ на квадры, но это дѣленіе обозначено простыми красными линіями — горизонтальной на разстояніи 0,88 отъ пола и вертикальными, доходившими, вѣроятно, до самого пола; подъ этими квадрами слѣдовъ цоколя или панели незамѣтно. Около угловъ вертикальныя линіи—двойныя; посрединѣ задней стѣны я видѣлъ одиночную полосу. Во всякомъ случаѣ, желаніе подражать дѣленію стѣны на орѳостаты несомнѣнно. Нѣтъ, однако, слѣдовъ инкрустаціи этихъ орѳостатовъ, какъ въ большинствѣ вышеописанныхъ склеповъ.

Верхнія части стѣнъ надъ орѳостатами (табл. CV, 2) расписаны довольно просто и бѣдно. Около локула задней стѣны налѣво изображена фигура юноши вправо; нижняя часть тѣла и ноги юноши не сохранились; хорошо сохранились голова впрямь, руки и верхняя часть тѣла, повернутая вправо. Одѣтъ юноша, какъ кажется, въ длинную тунику и поверхъ ея въ стихарь или далматику съ длинными узкими рукавами. Вся одежда бѣлая, складки и контуры обозначены красными линіями. Лицо юноши округлое, съ короткими рыжими волосами. Въ обѣихъ вытянутыхъ рукахъ онъ держитъ большую зажженную свѣчу. Возможно также, что свѣчу онъ держитъ только въ правой рукѣ, въ лѣвой же у него на-

ходился какой-либо другой предметъ. Внутри главнаго локула и на простѣнкѣ направо отъ локула изображеній нѣтъ.

На боковыхъ стѣнахъ роспись имѣется только на простѣнкахъ, примыкающихъ къ задней стѣнѣ. Здѣсь на правой и лѣвой боковыхъ стѣнахъ изображено по голубю влѣво. Голуби, такимъ образомъ, обращены къ локуламъ боковыхъ стѣнъ. Опереніе обоихъ голубей сѣрое, крылья черныя съ красными контурами, ножки, хохолокъ и клювъ красные, глаза коричневые съ черными зрачками. Внутреннія стѣны локуловъ тщательно оштукатурены, но не расписаны.

Вся роспись нашей камеры чрезвычайно напоминаетъ роспись склепа 1904 г., но значительно бѣднѣе и проще ея. Нѣтъ ни мраморированнаго цоколя, ни богатыхъ растительныхъ мотивовъ; нѣтъ росписи внутри главнаго локула и на закладной его стѣнѣ. Отмѣчу также, что, хотя локулъ задней стѣны и выдѣленъ, но не такъ опредѣленно, какъ локулъ правой стѣны склепа 1904 г. Если фигура на задней стѣнѣ обращена къ локулу этой стѣны, то птички на боковыхъ, несомнѣнно, относятся къ локуламъ этихъ стѣнъ, а не къ локулу задней стѣны. Нѣтъ никакого основанія думать, что роспись склепа не одновременна его постройкѣ. Все говоритъ за то, что склепъ былъ выстроенъ и расписанъ одновременно.

Время склепа и его росписи внѣшними данными не опредѣляется. Склепъ найденъ былъ разграбленнымъ. Только въ главномъ локулѣ найдены были бронзовая пряжка, обломокъ бронзоваго кольца и обломки желѣзнаго клинка отъ меча, да въ правомъ локулѣ—доски гроба изъ тисоваго дерева (taxus baccata), все вещи, для датировки служить не могущія. Но близость архитектуры и росписи этого склепа къ архитектурѣ и росписи вышеописанныхъ настолько велика, что сомнѣнія какъ въ томъ, что передъ нами склепъ христіанскій, такъ и въ томъ, что онъ принадлежитъ той же второй половинѣ IV в. по Р. Хр., быть не можетъ. Дата.

Склепъ до сихъ поръ не опубликованъ. При составленіи описанія я пользовался замѣтками, сдѣланными мною на мѣстѣ, и подробнымъ описаніемъ склепа, любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе М. И. Скубетовымъ.

LV. Склепъ 1912 года.

(Табл. CIX, 1; CX, 1, 2).

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Найденъ былъ случайно 24 апрѣля 1912 г. во время ломки скалы для прокладки шоссе военнаго вѣдомства въ Стрѣлецкую бухту; расположенъ около монастырской школы, влѣво отъ казармъ севастопольской артиллеріи. Оріентированъ на WNW (см. табл. CII, VIII)[1]).

Архитектура.

Архитектура склепа обычная, работа грубая. Планъ (табл. CIX, 1) имѣетъ видъ трапеціи съ болѣе широкой задней стѣной (3,00—3,21 м. шир., 2,92 гл. и 1,92—1,82 выс.). Входъ (0,60×0,64 м.) вырубленъ въ скалѣ на 0,71 м. глубины отъ поверхности, къ нему ведетъ выемка въ формѣ трапеціи безъ ступенекъ. Отъ входного отверстія въ склепъ вели двѣ ступеньки. Въ склепѣ сдѣлано было три локула. Изъ нихъ лѣвый былъ замурованъ на уровнѣ стѣнки и выдѣленъ, какъ главный, не только этимъ, но и тѣмъ, что былъ расписанъ и снаружи и, можетъ быть, внутри. Закладка сдѣлана была изъ бутового камня на глинѣ съ прослойкой изъ битаго кирпича (цѣлые кирпичи имѣли размѣры 0,23×0,17×0,03 м.; темно-красной глины); толщина закладки—0,27 м.

Роспись.

Роспись сдѣлана была только на лѣвой стѣнѣ около локула. Стѣна эта вмѣстѣ съ закладомъ была покрыта красной крупнозернистой цемянкой, затѣмъ слоемъ извести; поверхъ всего она была выбѣлена и по побѣлкѣ сдѣлана была роспись.

Роспись сохранилась очень плохо, но простая композиція ея совершенно ясна. Локулъ обрамляла по стѣнѣ снаружи знакомая уже намъ гирлянда изъ лавровыхъ листьевъ; гирлянда написана была въ рамкѣ, шир. въ 0,20 м., и заполняла собою всю эту рамку, состоявшую изъ двухъ параллельныхъ узкихъ полосокъ (0,013); обѣ полосы сдѣланы красной краской (табл. CX, 2). Охватывала гирлянда локулъ сверху и съ боковъ. На концахъ гирлянды спускались пышныя тесемки, завязанныя двумя трехугольными бантами и спадавшія въ причудливыхъ изгибахъ. Тесемки сдѣланы были въ верхней части правая—красной краской, лѣвая—желтой; пространство между ними заполнено свѣтло-желтой краской. Послѣ перехвата черной тесемкой ленты окрашены были то въ сѣрый, то въ желтый цвѣта съ красными и черными бликами. До пола завязки гирляндъ не достигаютъ на разстояніе въ 0,22 м.

Между свѣшивающимися завязками гирляндъ ниже заклада локула на внѣшней стѣнѣ изображенъ павлинъ вправо (0,27 м. отъ пола камеры). Сохранились отъ него только часть хвоста и правая нога (табл. CX, 1). Фонъ хвоста кирпично-красный, глазки обведены чернымъ контуромъ съ заполненіемъ сѣраго цвѣта, центръ ихъ черный съ бѣлыми бликами. Перья сдѣланы коричневой краской, нога—черной, перья ноги—сѣрой съ черной шаттировкой.

[1]) Ср. планъ, приложенный къ неоднократно уже упомянутой книгѣ д-ра Иванова, Херсонесъ Таврическій; школа расположена къ югу отъ монастыря, саженяхъ въ 100 за древней стѣной.

Внутри ниши М. И. Скубетовъ различилъ слѣды краски, но было ли тамъ дѣйствительно какое-либо изображеніе и являются ли дѣйствительно остатки росписи остатками написаннаго вѣнка, опредѣленію не поддается.

Склепъ, остававшійся открытымъ въ теченіе цѣлаго дня и посѣщенный за это время множествомъ людей, былъ найденъ потревоженнымъ (закладъ главнаго локула былъ проломанъ). Тѣмъ не менѣе кое-какія вещи въ немъ при систематическомъ его разслѣдованіи были найдены.

Дата.

Для *датировки* и исторіи склепа важны найденныя въ немъ монеты: нѣсколько монетъ эпохи херсонесской элевѳеріи (Бурачковъ, табл. XVI, 117) [1]), одна монета Валентиніана I-го (364—375 г.) и одна Льва I-го (457—474). Судя по этимъ монетамъ, склепъ первоначально выстроенъ былъ не позже III в. по Р. Хр., можетъ быть, для языческаго погребенія. Затѣмъ былъ въ употребленіи въ IV и V в., причемъ, очевидно, въ IV в. былъ покрытъ сохранившейся въ немъ отчасти и до нашего времени росписью, хотя не исключена возможность того, что роспись относится и къ еще болѣе позднему времени.

Литература.

При описаніи склепа я пользовался сообщенными мнѣ М. И. Скубетовымъ данными, составленнымъ имъ планомъ и фотографіями росписи, сдѣланными П. К. Сысоевымъ. Самъ я склепа и его росписи не видалъ. Ср. Д. Н. Косцюшко-Валюжиничъ, Склепъ въ Херсонесѣ, *Крымскій Вѣстникъ* 1912 г., одинъ изъ майскихъ номеровъ.

[1]) Монеты элевѳеріи датируются временемъ отъ середины II-го до середины III в. по Р. Хр., см. Орѣшниковъ, Монеты Херсонеса Таврическаго и т. д. *(Нумизм. Сборн.* т. II), стр. 26.

LVI. Склепъ на землѣ Н. И. Тура, окончательно разслѣдованный въ 1912 году.

Мѣстонахожденіе и исторія склепа.

Расположенъ склепъ среди некрополя, идущаго къ юго-западу отъ западныхъ воротъ Херсонеса на довольно большомъ разстояніи отъ стѣнъ города (табл. CII, IX). Земля, на которой онъ находится, составляетъ собственность Н. И. Тура; она граничитъ съ усадьбой г-на Родзянко.

Склепъ былъ посѣщенъ впервые М. И. Скубетовымъ въ 1894 г. Въ это время онъ былъ заваленъ землею почти до потолка. Свѣдѣнія о немъ Скубетовъ сообщилъ А. Л. Бертье-Делагарду, использовавшему ихъ для своей работы о Херсонесскихъ стѣнахъ. Послѣ этого склепъ былъ расчищенъ владѣльцемъ, и тогда же сдѣланы были кальки съ нѣкоторыхъ частей его росписи [1]). Владѣлецъ пытался охранять склепъ, укрѣпилъ камнемъ его входъ и сдѣлалъ деревянную дверь, но дверь вскорѣ была выломана, и склепъ вновь заваленъ щебнемъ и мусоромъ. Въ 1908 г. въ склепѣ работалъ Н. М. Печенкинъ, снявшій приблизительный планъ его и заказавшій копіи въ краскахъ съ наилучше сохранившихся частей росписи. Всѣ матеріалы свои, только частью опубликованные, Н. М. Печенкинъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе. Въ 1912 г. довелось и мнѣ посѣтить описываемый здѣсь склепъ, причемъ я, совмѣстно съ М. И. Скубетовымъ, тщательно обслѣдовалъ остатки росписи. При моемъ посѣщеніи выяснилось, что склепъ никогда до конца расчищенъ не былъ. Послѣ моего отъѣзда Р. Х. Леперъ предоставилъ въ распоряженіе М. И. Скубетова рабочихъ, склепъ былъ расчищенъ до пола во всѣхъ его частяхъ, стѣны промыты и отчищены отъ грязи, плѣсени и копоти. Одновременно М. И. Скубетовъ сдѣлалъ точный планъ и разрѣзы склепа (см. рис. 87), а также рядъ рисунковъ перомъ съ сохранившихся остатковъ росписи (см. рис. 88 — 90), и составилъ очень подробное описаніе склепа и его росписи. Весь свой матеріалъ М. И. Скубетовъ любезно сообщилъ мнѣ.

Архитектура.

Архитектура склепа обычная, хотя, какъ увидимъ ниже, склепъ спустя много времени послѣ постройки былъ основательно передѣланъ, что очень измѣнило строеніе всей его задней стѣны. Отвлечемся пока отъ этихъ передѣлокъ.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ склепъ мало чѣмъ отличался отъ вышеописанныхъ склеповъ Херсонеса. Оріентированъ онъ на NON. Хотя передняя его стѣна и обрушилась внутрь склепа, но можно съ увѣренностью утверждать, что въ склепъ велъ обычный входъ въ видѣ окошка, къ которому съ поверхности земли шелъ спускъ со ступеньками. Подъ входнымъ отверстіемъ внутри склепа вырублены въ скалѣ еще двѣ ступеньки (см. разрѣзъ—рис. 87, 7). Внизу вдоль всѣхъ стѣнъ склепа сдѣланъ низкій выступъ (0,22—0,26 м.)—родъ низенькой скамейки, что наблюдается и въ другихъ херсонесскихъ склепахъ. Пострадалъ этотъ выступъ на задней стѣнѣ при произведенныхъ тамъ передѣлкахъ и на боковой

[1]) Нынѣ находятся въ библіотекѣ Имп. С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Къ стр. 472.

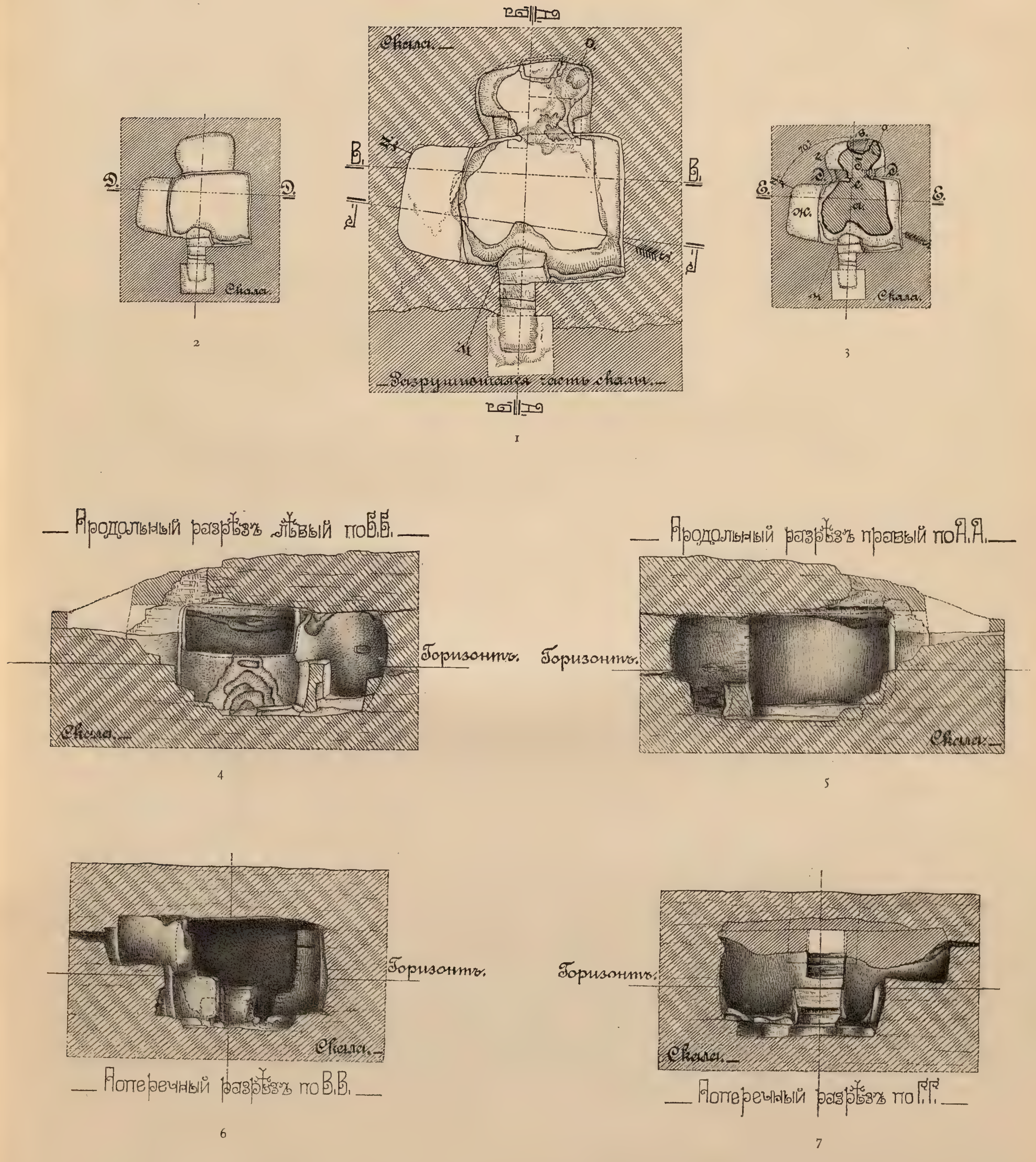


Рис. 87. Планы и разрѣзы склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура.

лѣвой стѣнѣ, гдѣ, вѣроятно, въ результатѣ строенія грунта, прослоеннаго пластами глины, вывалился въ склепъ большой кусокъ стѣны. Болѣе мелкіе обвалы подобнаго рода наблюдаются и въ другихъ частяхъ склепа, особенно на потолкѣ, гдѣ обвалилась значительная часть его поверхности (см. планы рис. 87, 1 — съемка склепа въ горизонтальномъ разрѣзѣ и рис. 87, 3 — планъ склепа послѣ его передѣлки).

Форма склепа трапеціевидная (дл. 2,48 м. у правой боковой стѣны, 2,13 м. у лѣвой; шир. у входной стѣны — 2,79 м.; выс. у входной стѣны — 1,68, у задней — 1,60 м.). Локулы сдѣланы были въ лѣвой боковой и задней стѣнахъ. Въ первоначальномъ видѣ сохранился локулъ лѣвой боковой стѣны (рис. 87, 3, ж). Онъ помѣщенъ въ верхней части стѣны, занимая ее отъ угла до угла, и имѣетъ обычную въ Херсонесѣ форму [1]). О локулѣ, помѣщенномъ въ задней стѣнѣ, рѣчь будетъ ниже. Въ правой боковой стѣнѣ склепа локула не было.

Довольно трудно разобраться въ структурѣ и назначеніи того помѣщенія, которое вырѣзано въ грунтѣ задней стѣны склепа. Помѣщеніе это, имѣющее форму локула-саркофага, дно котораго находится почти на одномъ уровнѣ съ поломъ камеры, отдѣлено отъ камеры стѣнкою (рис. 87, 3, д); высота этой стѣнки равна разстоянію отъ пола, на которомъ на лѣвой боковой стѣнѣ начинается выбоина сдѣланнаго въ ней локула. Эта стѣнка сохранилась не на всемъ протяженіи. Лѣвая часть ея (шир. 0,75 м., выс. 0,88 м., толщ. 0,31 м.), вѣроятно, нисколько не пострадала, но въ правой верхняя часть стѣнки обвалилась (шир. 0,87 м., выс. 0,62, толщ. 0,26 м.). Кромѣ того, стѣнка прерывается посрединѣ, оставляя сравнительно узкій проходъ внутрь солія или локула (0,58 м.). Въ задней стѣнѣ солія или локула, приблизительно посрединѣ, оставленъ довольно значительный выступъ (рис. 87, 3, в), трапеціевидный въ планѣ (шир. 0,62—0,40 м., дл. 0,27, выс. 0,57). Отъ этого выступа влѣво идетъ серпообразная ступенька выс. въ 0,32 м. (рис. 87, 3, г). Въ лѣвой части задней стѣны на высотѣ 1,15 м. отъ древняго пола сдѣлано отверстіе въ 0,06 м. шир. и 0,08 м. глуб. Ширина помѣщенія 2,04 м., глуб. 0,24 м., выс. 1,82 — 1,92 м. Задняя стѣна подъ выступомъ имѣетъ довольно сильно вогнутую форму потолокъ также, напоминая ложный плоскій сводъ. Вся задняя стѣна помѣщенія до нѣкоторой степени напоминаетъ, такимъ образомъ, абсиду. Какъ увидимъ ниже, вся стѣна надъ выступомъ расписана.

Перестройка склепа.

Самаго поверхностнаго взгляда на описанное помѣщеніе въ задней части склепа достаточно, чтобы имѣть право утверждать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ перестройкой. Дѣйствительно, въ такомъ видѣ, въ какомъ помѣщеніе существуетъ сейчасъ, оно цѣлямъ погребенія служить не могло. Единственно возможно было бы думать, что въ задней стѣнѣ погребальный локулъ имѣлъ не обычную форму ниши съ плоскимъ поломъ, а форму локула-солія, локула-саркофага, впущеннаго въ дно ниши. При этомъ предположеніи необъяснимо было бы существованіе прохода въ стѣнкѣ, отдѣлявшей солій отъ камеры, и, особенно, существованіе выступа въ задней стѣнѣ, наконецъ, совершенно необычна была бы глубина солія. Объяснить проходъ въ стѣнкѣ какъ грабительскій проломъ врядъ ли возможно. Противъ этого говоритъ и правильный обрѣзъ стѣнокъ у прохода и безсмысленность для грабителя создавать такой глубокій, правильный и широкій проломъ. Грабительскіе проломы всегда имѣютъ другую форму. Никакого объ-

[1]) Размѣры: дл.—2,05 м., шир. у входной стѣны—1,20, у задней—0,97 м., отъ пола—0,89.

ясненія для выступа въ задней стѣнѣ я, при толкованіи интересующаго насъ помѣщенія, какъ солія, не нахожу.

Поэтому я склоненъ былъ бы признать болѣе вѣроятнымъ толкованіе, данное этому помѣщенію М. И. Скубетовымъ. Онъ утверждаетъ—и я съ нимъ въ этомъ вполнѣ согласенъ, — что первоначально въ задней стѣнѣ сдѣланъ былъ такой же локулъ, какъ и въ лѣвой боковой, вѣроятно, однако не во всю ширину стѣны, а съ оставленіемъ простѣнковъ по обѣ стороны его (см. планъ склепа въ его первоначальномъ видѣ—рис. 87, 2). Впослѣдствіи локулъ былъ передѣланъ. Дно его было углублено почти до уровня пола камеры; въ образовавшейся послѣ этого углубленія передней стѣнкѣ сдѣланъ былъ проходъ (см. разрѣзъ—рис. 87, 6); задняя стѣна въ это же время, можетъ быть, была углублена, причемъ ей придана была вогнутая форма. При этомъ углубленіи въ центрѣ стѣны внизу оставленъ былъ выступъ въ формѣ алтаря или стола (рис. 87, 3, в; ср. разрѣзы—рис. 87, 4, 5, 6). Въ пользу предположенія объ углубленіи задней стѣнки говоритъ, можетъ быть, то, что глубина локула лѣвой боковой стѣны равняется глубинѣ описываемаго помѣщенія до края выступа алтаря. Несомнѣннымъ доказательствомъ углубленія стѣны это наблюденіе, конечно, служить не можетъ. Заполненіе росписью только верхней части стѣны, начиная отъ поверхности выступа, можетъ быть, говоритъ даже противъ этого предположенія. Цѣль этой передѣлки локула не могла быть, какъ сказано было выше, погребальной. Болѣе вѣроятно, хотя и не несомнѣнно, что при передѣлкѣ, какъ думаетъ М. И. Скубетовъ, изъ локула сдѣланъ былъ алтарь маленькой церковки съ престоломъ, грубой абсидой, алтарной преградой и царскими вратами. Цѣлью передѣлки было такимъ образомъ, можетъ быть, превратить погребальный склепъ въ родъ пещерной церковки. Церковка эта послѣ передѣлки въ алтарной своей части мало чѣмъ отличалась отъ другихъ пещерныхъ церковокъ Крыма.

Характерно, однако, что при передѣлкѣ склепъ не былъ расширенъ и остался по всей своей структурѣ склепомъ, а не церковью. Не было сдѣлано, напримѣръ, никакихъ попытокъ измѣнить входъ въ склепъ или уничтожить локулъ лѣвой боковой стѣны, даже придать задней стѣнѣ характеръ настоящей абсиды.

Роспись склепа.

Если правильно замѣчаніе, сдѣланное выше относительно времени росписи задней стѣны алтаря и тѣсной связи ея съ передѣлкой локула въ алтарь, то оно позволяетъ думать, что въ первоначальномъ своемъ видѣ склепъ не былъ ни оштукатуренъ, ни расписанъ. Отдѣланъ былъ онъ окончательно только послѣ передѣлки въ церковь. Вполнѣ возможно, однако, и то, что роспись унаслѣдована церковкой отъ гробницы, къ чему, какъ увидимъ ниже, гораздо болѣе подходитъ характеръ росписи.

Роспись склепа-церковки въ высшей степени характерна и можно только пожалѣть, что плохой грунтъ, въ которомъ вырѣзанъ былъ склепъ, погубилъ бóльшую ея часть, такъ что мы можемъ судить о ней только по жалкимъ остаткамъ.

Весь склепъ, можетъ быть, какъ сказано выше, при передѣлкѣ его въ церковь, а можетъ быть, и ранѣе этой передѣлки, былъ отремонтированъ, оштукатуренъ и расписанъ. Такъ какъ и въ это время поверхность стѣнъ и потолка его обезображена была рядомъ обваловъ и выемокъ, то предварительно всѣ эти выемки заполнены были бутомъ (главнымъ образомъ, битыми кирпичами и черепицами съ цемянкой; такъ заполненъ былъ и обвалъ подъ локуломъ лѣвой боковой стѣны). Затѣмъ всѣ стѣны и потолокъ (за исключеніемъ пола боковой ниши и сходныхъ

ступенекъ) были покрыты грубой розовой водонепроницаемой цемянкой, оштукатурены, тщательно выглажены и побѣлены. По свѣжей побѣлкѣ была сдѣлана роспись. Отъ росписи, какъ сказано, сохранились только жалкіе остатки. Но и эти остатки даютъ нѣкоторое представленіе какъ о богатствѣ этой росписи, такъ и объ ея стилѣ. По богатству и разнообразію росписи описываемый склепъ стоитъ, несомнѣнно, на первомъ мѣстѣ среди расписныхъ склеповъ Херсонеса, хотя система его росписи ничѣмъ существеннымъ отъ системы росписи остальныхъ херсонесскихъ склеповъ не отличается.

Основныя архитектурныя линіи подчеркнуты въ нашемъ склепѣ красными полосами (шир. 0,05—0,07). Такой полосой отдѣлена панель отъ средней части стѣны, она же обрамляетъ локулы, идетъ вертикально вверхъ въ углахъ камеры и по борту всего потолка. Нѣтъ красной полосы только въ углу между правой и входной стѣнами, что имѣетъ большое значеніе для толкованія изображеній, помѣщенныхъ на этихъ стѣнахъ. Въ правомъ заплечикѣ ниши задней стѣны полоса эта—двойная.

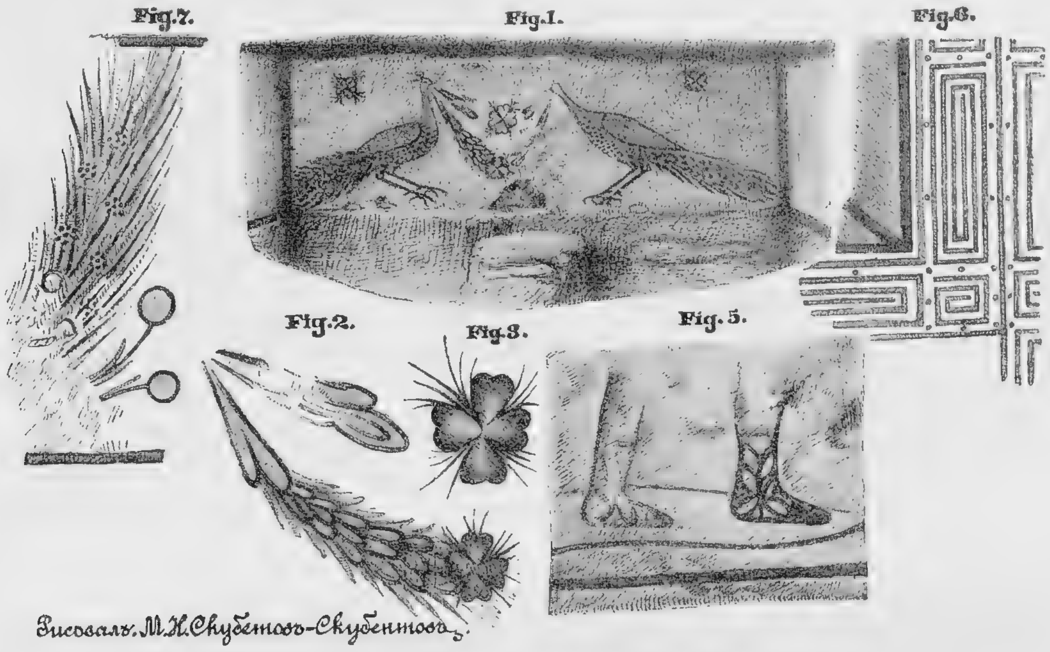


Рис. 88. Роспись склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура.

Роспись задней стѣны.

Богато расписана была задняя стѣна и сдѣланное въ ней помѣщеніе, первоначально локулъ (рис. 88). Слѣды росписи сохранились, прежде всего, на стѣнѣ между нишей и правой стѣной склепа. Здѣсь у самаго угла идутъ параллельно стѣнамъ ниши вертикально и горизонтально орнаментальныя полосы деформированнаго мэандра, раздѣленнаго на продолговатые прямоугольники и квадраты, ничѣмъ между собою не связанные. Вокругъ каждаго такого дѣленія бордюръ изъ точекъ (ср. рис. 88, fig. 6; Печенкинъ, *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, 48, 147, рис. 1). Фонъ орнаментальныхъ полосъ этихъ желтый, линіи и точки—коричневыя. Весьма возможно, что эти полосы орнамента охватывали красныя квадры, раздѣленныя полосами по діагонали, и что такимъ образомъ простѣнокъ направо отъ ниши и низъ ниши, т. е. алтарная преграда, орнаментованы были чѣмъ-то вродѣ рѣшетчатаго орнамента, столь характернаго для античныхъ балюстрадъ и раннехристіанскихъ алтарныхъ преградъ. Другихъ слѣдовъ росписи на простѣнкахъ у алтаря-локула и на алтарной преградѣ не сохранилось.

Уловить слѣды росписи и установить ея схему на задней стѣнѣ описаннаго выше локула-алтаря удалось впервые М. И. Скубетову (см. рис. 88, fig. 1). Его ри-

сунокъ провѣренъ былъ на мѣстѣ Р. Хр. Леперомъ и найденъ правильнымъ. Композиція сцены, зарисованной М. И. Скубетовымъ, обычна и никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ. Роспись начинается надъ престоломъ предполагаемой церковки, т. е. нѣсколько ниже вѣроятнаго уровня пола первоначальнаго локула и занимаетъ всю верхнюю часть задней стѣны алтаря вплоть до потолка. Изображены два павлина или павлинъ и пава, держащіе въ клювахъ лавровую гирлянду, на обоихъ концахъ которой укрѣплены теніи. Концы этихъ теній висятъ вдоль гирлянды и развѣваются внутри полукруга, образуемаго гирляндой. Въ этомъ же полукругѣ между концами теній изображенъ обычный развернутый цвѣтокъ розы, состоящій изъ четырехъ сердцеобразныхъ лепестковъ и зеленыхъ усиковъ между ними. Такіе же цвѣтки изображены въ верхней части стѣны надъ павлинами, недалеко отъ верхнихъ угловъ. Такой же цвѣтокъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ составляетъ среднюю часть гирлянды, которую держатъ павлины (рис. 88, fig. 2 и 3).

Расцвѣтка росписи обычная. Павлины изображены пестрыми съ стремленіемъ передать натуру: контуры тѣла—черные съ коричневой шаттировкой, опереніе—зеленоватое съ черными контурами перьевъ, шея—зеленовато-голубоватая, ноги—красныя, опереніе ихъ коричневое, контуры крыльевъ—красные, фонъ оперенія—желтый съ красными контурами перьевъ, хвостъ кирпично-красный, глазки на хвостѣ имѣютъ черные контуры, внутренность желтая съ чернымъ центромъ и бѣлой точкой внутри. Гирлянда написана чернымъ и зеленымъ цвѣтами, теніи—красныя. Цвѣтки розы—внутри желтые, по краямъ красные, контуры розовые; листья между отдѣльными лепестками черные и зеленые.

Остатки росписи видны и на правой боковой стѣнѣ локула-алтаря. Скубетовъ предполагаетъ, что здѣсь изображены были обычные въ росписи херсонесскихъ гробницъ голуби.

Роспись лѣвой боковой стѣны.

Локулъ лѣвой боковой стѣны не былъ расписанъ. Видны только уже упомянутыя красныя полосы, подчеркивавшія архитектурныя линіи локула. На стѣнѣ подъ локуломъ замѣтны значительные остатки росписи, истолковать которые нелегко. Видны остатки изображенія пальмовыхъ вѣтвей, листья которыхъ написаны блѣдно-желтой, коричневой, красной и черной красками. Въ нижней части отъ этихъ пальмовыхъ вѣтвей отдѣляются вправо два зеленыхъ стебля съ листьями, на концѣ которыхъ не то красный цвѣтокъ, не то гранатовое яблоко (рис. 88, fig. 7). М. И. Скубетовъ считаетъ сохранившіеся остатки частью пальмоваго большого вѣнка, въ который вплетены сѣрыя ягодки съ черными контурами и цвѣточки въ формѣ розетокъ, состоящихъ изъ восьми бѣлыхъ точекъ. Такое толкованіе сохранившихся слѣдовъ росписи я считаю возможнымъ, но за полную достовѣрность его не ручаюсь.

Роспись правой боковой стѣны.

Сплошь покрыта была росписью правая боковая стѣна и примыкавшій къ ней простѣнокъ. Все это пространство занимала, очевидно, одна композиція; я уже отмѣтилъ выше, что росписи правой стѣны и примыкающаго простѣнка входной стѣны не отдѣлены одна отъ другой красной вертикальной полосой въ данномъ углу комнаты. Вся расписанная площадь правой боковой стѣны занимаетъ пространство въ 3,78 кв. метровъ (см. рис. 89 и 90).

Роспись начинается у самого угла задней стѣны. Изображено, судя по незначительнымъ сохранившимся слѣдамъ, высокое, какъ кажется, цвѣтущее или, какъ говоритъ Скубетовъ, покрытое ягодами или плодами растеніе. Направо отъ него, на разстояніи 0,33 м., изображены двѣ стоящія фигуры; сохранились только туловища и ноги: головы фигуръ исчезли безслѣдно. Почва подъ ногами этихъ

фигуръ изображена коричневой волнистой линіей (0,15 отъ красной полосы, отдѣляющей панель отъ средней части стѣны). Фигура слѣва изображаетъ женщину впрямь. Одѣта она въ двойную тунику: нижняя кирпично-красная доходитъ до ступней ногъ, верхняя рукавная, подпоясанная въ таліи, спускается нѣсколько ниже колѣнъ. Цвѣтъ ея желтоватый съ красными складками. Правая рука согнута въ локтѣ и лежитъ на животѣ, лѣвая не сохранилась. Рядомъ стоитъ мужчина вправо, одѣтый почти такъ же, какъ мужчина въ гробницѣ 1904 г. На ногахъ сандаліи, зашнурованныя почти до колѣнъ (желтыя, шнуры — красные), выше короткіе красноватые штаны. На тѣлѣ длинная рукавная подпоясанная туника съ характерными пурпурными вставками—segmenta. Туника желтоватая, складки красныя. Обѣ руки, какъ кажется, вытянуты впередъ, причемъ правая, повидимому, согнута въ локтѣ почти подъ прямымъ угломъ. Держалъ ли мужчина что-нибудь въ рукахъ и что именно, установить нельзя (см. рис. 89; Печенкинъ, l. l., таблица въ краскахъ).

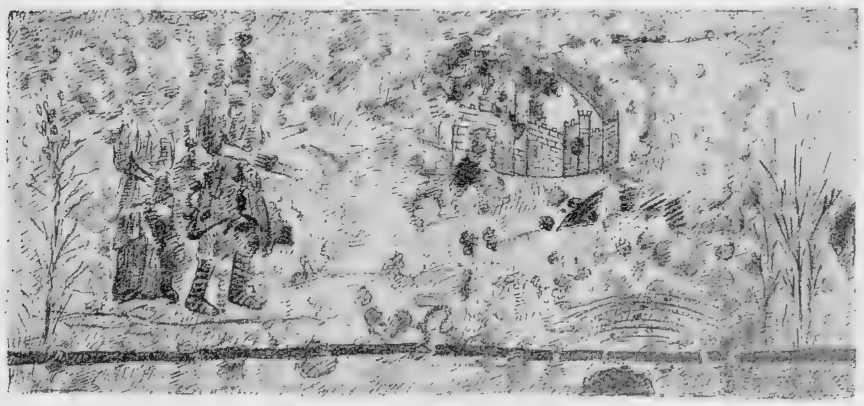


Рис. 89. Роспись правой боковой стѣны склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура (рис. М. И. Скубетова).

Направо отъ этой группы въ верхней части стѣны изображенъ городъ, окруженный стѣною съ башнями (рис. 89 и 90; Печенкинъ, l. l., таблицы). На первомъ планѣ, вѣроятно, большія укрѣпленныя ворота. Лѣвая часть стѣнъ не сохранилась. Нельзя опредѣлить также, были ли изображены какія-либо зданія внутри города. Стѣна — каменной квадровой кладки съ зубцами. Фонъ ея желтоватый, фуги квадровъ и контуры зубцовъ красные. Внизу красный цоколь. Длина крѣпости — 0,69 м., выс. — 0,41. Направо отъ изображенія крѣпости около угла входной и правой стѣны написана черными линіями заросль тростника. Все пространство подъ крѣпостью вплоть до фигуръ съ одной стороны и тростника съ другой занято было когда-то росписью, отъ которой сохранились только самые жалкіе остатки. Подъ самой крѣпостью, 0,49 м. надъ красной полосой, отдѣляющей панель, виденъ рядъ красныхъ полосокъ, почти параллельныхъ землѣ, по желтому фону. Нѣсколько ниже, 0,41 м. отъ упомянутой красной полосы, кусокъ кирпично-краснаго предмета съ черными полосами. Остатки эти Н. М. Печенкинъ считаетъ за крылья и туловище выползающаго изъ тростника дракона, а М. И. Скубетовъ называетъ слѣды наверху пальметками, слѣды внизу — остатками павлиньяго хвоста.

Рис. 90. Часть росписи правой боковой стѣны склепа, открытаго на землѣ Н. И. Тура.

Роспись правой части входной стѣны.

Кое-какіе слѣды росписи имѣются и на входной стѣнѣ. Здѣсь направо отъ входа (для входящаго), примыкая къ изображенію тростника въ правой части правой боковой стѣны, сохранились ноги, одѣтыя въ сандаліи, остатки фигуры, идущей вправо (рис. 88, fig. 5). Около нея и на стѣнѣ направо отъ двери слѣды изображенныхъ здѣсь когда-то растеній.

Роспись плафона.

Отъ росписи плафона почти ничего не сохранилось. Только подъ правымъ заднимъ угломъ, гдѣ уцѣлѣли остатки штукатурки, видно сѣрое пятно, на которомъ М. И. Скубетовъ усмотрѣлъ остатки изображенія гирлянды изъ лавровыхъ листьевъ. Если это такъ, то потолокъ, очевидно, расписанъ былъ такъ же, какъ потолки большинства вышеописанныхъ погребальныхъ склеповъ Херсонеса, т. е. перекрещивающимися гирляндами изъ лавровыхъ вѣтвей, идущими изъ угла въ уголъ. Посрединѣ, можетъ быть, находилась монограмма Христа въ вѣнкѣ.

Значеніе гробницы.

Какъ ни плохо сохранилась описанная гробница, она тѣмъ не менѣе имѣетъ большое значеніе въ ряду вышеописанныхъ склеповъ.

Если можно считать доказаннымъ, что склепъ съ теченіемъ времени былъ превращенъ въ церковь, алтарь которой занялъ мѣсто прежняго главнаго локула, то объясненіе этому можетъ быть только одно. Погребенный въ локулѣ сдѣлался объектомъ культа, причемъ тѣло его, очевидно, было перенесено въ другое мѣсто, если только оно не было погребено подъ престоломъ алтаря, чего въ данномъ случаѣ, какъ кажется, не было [1]).

Этимъ превращеніемъ склепа въ memorion раньше похороненнаго здѣсь святого можетъ быть объяснена и богатая роспись этого меморія послѣ его превращенія въ святилище. Этимъ же объясняется и то, что второй локулъ, гдѣ погребено было, вѣроятно, безразличное лицо, не только не былъ передѣланъ, но оставленъ былъ совершенно безъ росписи.

Впрочемъ, если считать, что роспись склепа не одновременна предполагаемой перестройкѣ въ церковь, то придется признать, что исторія склепа-церковки сложнѣе. Роспись и починка обвалившихся частей стѣнъ склепа составятъ, при такомъ предположеніи, вторую эпоху въ его исторіи, передѣлка же въ церковь—третью. Исторія склепа въ такомъ случаѣ будетъ та же, что и исторія склепа, открытаго графомъ Уваровымъ. Сначала въ склепѣ состоялось погребеніе, затѣмъ склепъ въ честь одного изъ погребенныхъ былъ расписанъ, наконецъ, можетъ быть, послѣ перенесенія останковъ чтимаго погребеннаго склепъ, согласно предположенію Скубетова, былъ превращенъ въ церковку.

Дата росписи склепа.

Съ этой второй альтернативой стоитъ въ полномъ согласіи и роспись склепа, вполнѣ возможная для погребенія, менѣе объяснимая при предположеніи о превращеніи склепа въ церковь и росписи ея послѣ этого превращенія. Роспись задней стѣны, какъ указалъ мнѣ Я. И. Смирновъ, въ такомъ видѣ не встрѣчается въ церквахъ, невозможенъ для церкви и поворотъ фигуръ на правой стѣнѣ ко входу, а не къ алтарю [2]). Къ той же второй альтернативѣ болѣе подходитъ и дата

[1]) См. о подобныхъ перестройкахъ гробницъ въ церковь L. von Sybel, Die christliche Antike, I, 128 слл.; Lucius, Die Anfänge des Heiligenkultes in der christlichen Kirche, Tübingen 1904, 272 слл.; H. Delehaye, Les origines du culte des martyrs, Bruxelles, 1912, 55 слл.; на стр. 56 прим. 3 литература вопроса. Наиболѣе подробно объ этомъ говоритъ Fr. Wieland, Altar und Altargrab im 4 Jahrhundert, Leipzig, 1912. Ср. P. Dörfler, Die Anfänge der Heiligenverehrung etc., München 1913, 89 слл.

[2]) Укажу еще и на то, что въ исторіи меморіевъ или мартиріевъ нашъ памятникъ стоитъ одиноко. Примѣры, приведенные Виландомъ, показываютъ, что превращеніе склепа въ церковь сопровождалось обыкновенно полной его передѣлкой или постройкой церкви надъ нимъ. Между тѣмъ, остатковъ церкви надъ нашей гробницей не сохранилось.

росписи. Кое-какія особенности росписи указываютъ, правда, на то, что роспись нашего склепа позднѣе росписи большинства вышеописанныхъ. Такъ, напримѣръ, за болѣе позднее время говоритъ большое количество изображенныхъ въ немъ фигуръ, причемъ изображены онѣ въ пейзажѣ съ перспективнымъ видомъ города на второмъ планѣ. Но не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ чисто гробничною, а съ полуцерковною росписью.

Нѣкоторымъ указаніемъ на болѣе позднюю дату росписи можетъ служить и изображеніе развернутыхъ и стилизованныхъ цвѣтовъ розы, не встрѣчавшееся намъ въ остальныхъ склепахъ Херсонеса и характерное для коптскихъ тканей IV—VI в. по Р. Хр. Но все это сравнительно маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, что общій характеръ росписи въ нашемъ склепѣ тотъ же, что и въ другихъ, и что совершенно идентична какъ вся техника росписи, составъ штукатурки, подборъ красокъ и т. д., такъ и стиль изображенія фигуръ и детали ихъ костюма; особенно характерны типичные сегменты на одеждѣ мужчины и подборъ красокъ, которыми она написана. Если бы оказалось правильнымъ и то, что плафонъ трактованъ былъ въ той же схемѣ, что и плафонъ въ гробницахъ 1904 и 1909 г., то это дало бы новое доказательство въ пользу одновременности всей описанной выше серіи гробницъ съ нашей.

Укажу еще на одно любопытное совпаденіе. Характерно, что и въ описываемой гробницѣ у входа былъ написанъ мужчина, обращенный лицомъ ко входу, какъ въ гробницѣ 1904 г. Врядъ ли что-либо мѣшаетъ предположить, что и онъ держалъ въ рукахъ свѣчу.

Все говоритъ такимъ образомъ за то, что роспись гробницы состоялась не позже V в. по Р. Хр., а, можетъ быть, и въ IV в., когда сдѣлалось возможнымъ открыто чтить память христіанскихъ святыхъ и мучениковъ.

Толкованіе главной картины.

Если правильны высказанныя выше соображенія, то становится весьма вѣроятнымъ, что съ этой же точки зрѣнія надо толковать и главную картину склепа, композицію на правой боковой стѣнѣ. Н. М. Печенкинъ объяснилъ ее какъ изображеніе извѣстнаго понтійскаго мученика Ѳеодора Стратилата. По существу, невѣроятнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Ѳеодоръ Стратилатъ пользовался широко распространеннымъ культомъ какъ разъ въ IV—V в.в. по Р. Хр., особенно въ восточныхъ частяхъ римской имперіи [1]).

Но возникаетъ и рядъ трудностей. Ѳеодоръ оказался бы изображеннымъ не въ военномъ, какъ это ему подобаетъ, а въ гражданскомъ костюмѣ. Рѣшающіе аргументы въ пользу идентификаціи—мечъ въ рукѣ предполагаемаго Ѳеодора и драконъ противъ него—въ высшей степени проблематичны, особенно мечъ, совершенно не вяжущійся съ гражданской одеждой фигуры.

Напрашивается, однако, другое предположеніе, которое высказываю, впрочемъ, только въ видѣ возможности, отнюдь на немъ не настаивая. Въ меморіи святого, какъ на надгробныхъ африканскихъ мозаикахъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, естественнѣе всего найти изображеніе самого святого или мученика, а, можетъ быть, и обыкновеннаго христіанина въ типичной для ранняго христіанства обстановкѣ райскаго сада. Къ этому подходило бы и изображеніе растеній и, можетъ быть, цвѣтовъ вокругъ фигуръ, съ этимъ согласовался бы и реалистическій ко-

---

[1]) См. E. Lucius, Die Anfänge des Heiligenkultes in der christlichen Kirche, 229 слл.; H. Delehaye, Les legendes grecques des Saints militaires, Paris 1908, 10 слл., ср. 117, 3; Les origines du culte des martyrs, 198 сл.

стюмъ, который мы встрѣчаемъ и на вышеупомянутыхъ африканскихъ мозаикахъ. Не противорѣчило бы этому предположенію и изображеніе города на второмъ планѣ, которое можно было бы толковать и какъ изображеніе реалистическое (Херсонесъ), и какъ изображеніе символическое [1]).

Повторяю, однако, что на предложенномъ толкованіи я отнюдь не настаиваю и радъ былъ бы, если бы кто-нибудь предложилъ лучшее. Во всякомъ случаѣ, сказанное достаточно ясно показываетъ, какой значительный памятникъ имѣемъ мы въ разобранной гробницѣ и какъ важно было бы, чтобы имъ занялись настоящіе спеціалисты. Можетъ быть, они рѣшатся высказаться по всѣмъ возбужденнымъ выше вопросамъ болѣе опредѣленно и твердо, чѣмъ это было возможно для меня.

Литература.

А. Л. Бертье-Делагардъ, О Херсонесѣ, *И. И. А. К.*, 21 (1907), 160—162; Н. М. Печенкинъ, *Гермесъ*, 1909 № 1 (27), 31—32; *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.*, 48 (1912), 145—149 (двѣ таблицы). Повторяю, что главнымъ моимъ источникомъ были фотографіи, снятыя подъ руководствомъ М. И. Скубетова, его рисунки съ росписи, планы и разрѣзы склепа, а также детальное его описаніе памятника, имѣющее быть опубликованнымъ въ *Изв. Тавр. уч. арх. Коммиссіи.*

---

[1]) Въ живописи катакомбъ изображеніе усопшихъ въ Раю обычно, см. L. von Sybel, Die christliche Antike, I, 166 слл. (табл. II и IV), ср. P. Dörfler, Die Anfänge der Heiligenverehrung, 184 слл., но композиція всѣхъ этихъ картинъ въ катакомбахъ иная, приближающаяся болѣе всего къ типу африканскихъ мозаикъ. Укажу, впрочемъ, на одну варіацію райскихъ сценъ, гдѣ рука Божія вѣнчаетъ святого или мученика. На одной фрескѣ неаполитанскихъ катакомбъ свв. Абдонъ и Сенненъ простираютъ руки къ Богу, вѣнчающему ихъ, причемъ они изображены не въ обычной схемѣ орантовъ, а въ схемѣ, напоминающей положеніе рукъ мужской фигуры нашей картины, см. C. M. Kaufmann, Die sepulcralen Jenseitsdenkmäler, 176, рис. 24. По композиціи естественнѣе было бы толковать нашу картину, какъ изображеніе какого-нибудь эпизода изъ библейской или евангельской исторіи или изъ жизни какого-либо святого. Житіе херсонесскихъ мучениковъ не даетъ возможности истолковать наше изображеніе какъ сцену изъ ихъ жизни.

LVII. Гробницы, украшенныя скульптурами.

(Табл. CX, 3, 4).

а) Среди склеповъ, группирующихся около крестовиднаго храма, очень однообразныхъ по архитектурѣ и относящихся въ большинствѣ къ IV—V в.в. по Р. Хр., выдѣляется какъ по своей архитектурѣ, такъ и по своему убранству склепъ № 1480, открытый въ 1903 г. (см. планъ *И. И. А. К.*, в. 16, табл. V). Къ склепу, оріентированному на западъ, ведетъ вырѣзанный въ скалѣ длинный открытый дромосъ [1]), состоящій изъ двухъ частей; передней болѣе узкой и задней болѣе широкой. Этотъ дромосъ, недалеко отъ входа въ гробницу, перерѣзывается обычнымъ трапеціевиднымъ спускомъ къ другому склепу (№ 1481), который съ точностью датируется IV вѣкомъ по Р. Хр. Фасадъ гробницы и входъ въ нее отдѣланы гораздо тщательнѣе, чѣмъ въ склепахъ IV в. по Р. Хр. Самая форма входа имѣетъ, въ противоположность люкамъ склеповъ IV в., видъ настоящаго дверного отверстія съ тесаными каменными косяками, къ которымъ приложена была мраморная плита-дверь съ бронзовой задвижкой. Склепъ № 1480.

Внутри (2,53 м. глуб., 2,58 м. шир., 1,87 м. наиб. выс.) склепъ имѣетъ видъ настоящей курганной камеры съ полуцилиндрическимъ сводомъ. Лежанокъ-локуловъ нѣтъ, такъ какъ склепъ приспособленъ былъ не для гробовъ съ тѣлами, а для урнъ съ пепломъ, по типу, до извѣстной степени, римскихъ колумбаріевъ. Въ стѣнахъ его вырѣзано 9 нишъ—по три въ каждой изъ боковыхъ и въ задней стѣнѣ. Ниши имѣютъ прямоугольный планъ и двускатное покрытіе; только ниша средней стѣны полукруглая.

Выдѣленъ былъ фасадъ гробницы не только дромосомъ и мраморной дверью, но и тѣмъ, что надъ лѣвымъ косякомъ дверного отверстія и направо отъ праваго косяка были вырѣзаны въ скалѣ двѣ протомы, два бюста съ началомъ гермы, оба впрямь; можно ли опредѣлять одинъ изъ нихъ какъ мужской, другой какъ женскій, для меня неясно. Бюсты сдѣланы грубо, черты лица почти не различаются (см. табл. CX, 3).

Кромѣ этихъ несимметрично расположенныхъ бюстовъ (можетъ быть, не современныхъ постройкѣ гробницы), направо отъ бюста надъ лѣвымъ косякомъ имѣются очертанія головы впрямь, а налѣво на выглаженной скалѣ, до извѣстной степени въ соотвѣтствіи съ бюстомъ направо отъ лѣваго косяка, опять-таки глубокія очертанія человѣческаго бюста, также впрямь.

Параллели къ подобному украшенію бюстами покойниковъ фасада гробницы, главнымъ образомъ, изъ сѣверной Сиріи были приведены мною уже выше (стр. 196). Онѣ очень близки къ нашему погребенію [2]).

---

[1]) Ср. Скубетовъ, Римскій фамильный склепъ II—IV в. по Р. Хр. *Изв. Тавр. уч. арх. Комм.* 45, стр. 39.

[2]) Укажу, кромѣ того, на извѣстный замокъ въ Hatra, стѣны котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ украшены головами различнаго типа, см. W. Andrae, Hatra, I Teil. Allgemeine Beschreibung der Ruinen. Leipzig, 1908, 11, рис. 14, 15 и табл. IV и V.

Хотя погребеніе и было разграблено, тѣмъ не менѣе въ немъ найденъ былъ рядъ вещей, дающихъ намъ свидѣтельства объ его времени, именно три бронзовыя монеты временъ элевѳеріи, т. е. II—III в. по Р. Хр., и другія вещи, нисколько не противорѣчащія этой датѣ.

Литература.

(К. К. Косцюшко-Валюжиничъ), Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ за 1903 г. *И. И. А. К.*, 16 (1905), 92, № 1480, рис. 44.

Склепъ № 2367.

b) Другая, очень похожая на склепъ 1903 г. гробница найдена была въ 1907 г. Это—склепъ № 2367 въ некрополѣ около Карантинной бухты около военнаго шоссе изъ Севастополя въ Херсонесъ (см. планъ № II, *И. И. А. К.*, в. 42)[1]). Склепъ этотъ представляетъ переходъ отъ склепа-колумбарія къ склепу съ локулами. Въ планѣ онъ даетъ неправильный пятиугольникъ (3,41 м. дл., 2,75—2,92 шир., 1,60—1,73 выс.). Входное отверстіе—съ юга (0,68×0,71), къ нему ведетъ выемка въ скалѣ (1,51 м. дл., 1,20 шир., 0,71—1,91 глуб.). Закрыто было входное отверстіе тщательно обработанною плитою, для которой въ немъ сдѣланы были заплечики. По бокoвымъ и задней стѣнамъ идетъ на разстояніи 0,88 отъ пола сплошной локулъ; на входной стѣнѣ справа отъ входа имѣется ниша для урны съ пепломъ.

И здѣсь, такимъ образомъ, тщательнѣе всего обработанъ входъ. Надъ входнымъ отверстіемъ снаружи въ скалѣ вытесано было пять бюстовъ впрямь въ плоскомъ рельефѣ. И здѣсь различить, имѣлись ли въ виду мужскіе или женскіе бюсты, невозможно. О какомъ-нибудь портретномъ сходствѣ, конечно, и рѣчи быть не можетъ, хотя намѣреніе сдѣлать портреты несомнѣнно имѣлось.

Склепъ найденъ былъ разграбленнымъ, и потому внѣшнихъ критеріевъ для его датировки не имѣется.

Литература.

М. И. Скубетовъ, Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ въ Херсонесѣ въ 1907 г. *И. И. А. К.*, 42 (1911), 73, № 2367 и рис. 29.

Камень, вдѣланный въ башню.

c) Укажу, наконецъ, что камень съ четырьмя подобнаго же рода врѣзанными въ скалу бюстами вдѣланъ въ стѣну большой круглой угловой башни такъ называемаго Херсонесскаго преторія. Камень, по всей вѣроятности, составлялъ часть закладной плиты одной изъ гробницъ сосѣдняго некрополя (см. табл. CX, 4).

[1]) Нынѣ засыпана и находится подъ шоссе военнаго вѣдомства.

LVIII. Разборъ росписей христіанскихъ погребеній Херсонеса.

Однородность описанныхъ склеповъ.

Вся описаная выше довольно многочисленная группа гробницъ представляетъ, какъ уже было указано выше, одно неразрывное цѣлое. Одна и та же архитектура, одно и то же время, одна и та же система росписи. Постараемся свести разбросанныя выше замѣчанія въ одно цѣлое по указаннымъ тремъ рубрикамъ.

Архитектура.

Архитектура всѣхъ этихъ склеповъ, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ системой ихъ росписи, имѣетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ особенностей, отличающихъ ее отъ родственныхъ по мѣсту и по времени памятниковъ.

Мы уже знакомы съ вырѣзанными въ материкѣ погребальными комнатами Боспора (ср. Приложеніе, гл. LIX). Передъ нами прошло любопытное соединеніе типа колодезной гробницы (Schachtgrab) съ погребальной камерой, напоминающей ближе всего камеры курганныхъ погребеній, сложенныя изъ плитоваго камня. Какъ и эти погребальныя комнаты кургановъ, подземныя комнаты Керчи хранятъ въ своихъ нѣдрахъ ложа, на которыхъ если не лежатъ покойники непосредственно, то стоятъ гробы съ останками; подобно имъ, подземныя комнаты расписываются какъ ἡρῷα, стоявшія подъ открытымъ небомъ, и въ своихъ плоскихъ сводахъ имитируютъ небесный сводъ, раскинувшійся надъ ἡρῷον. Но рядомъ съ этимъ вліяетъ и сиро-финикійскій, въ основѣ своей, можетъ быть, египетскій, типъ колодезной гробницы. Лежанка сливается съ нишей, въ которой ставятся саркофаги, появляются настоящіе такъ называемые локулы для погребенія въ нихъ останковъ почившаго.

Тѣмъ не менѣе идея героона остается въ наибольшей силѣ: на Боспорѣ не прививается ни аркосолій, ни ниша съ похороненнымъ на днѣ ея саркофагомъ, какъ это обычно въ Сиріи и Палестинѣ. Ниша — loculus — органически сливается съ lectus—ложемъ курганныхъ погребеній, и упорно удерживается типъ комнаты съ тремя нишами-ложами; при этомъ роль ниши, какъ ложа, даже въ позднія времена, когда особенно развивается типъ гробницы съ тремя нишами-лежанками, опредѣленно подчеркивается той формой, которую придаютъ нишѣ и съ помощью скульптуры, и при посредствѣ живописи.

Интересующая насъ форма гробницы въ Херсонесѣ во многомъ отличается отъ только что охарактеризованной. Во-первыхъ, мы не имѣемъ колодца, во-вторыхъ, входное отверстіе скорѣе похоже на окно, чѣмъ на дверь, въ-третьихъ, локулы ничего общаго со ложемъ не имѣютъ, помѣщаются подъ самымъ потолкомъ камеры, размѣщаются иногда въ два этажа, что въ Боспорѣ не наблюдается никогда, наконецъ, локулъ съ прямоугольнымъ сѣченіемъ иногда замѣняется аркосоліемъ.

Если часть этихъ отличій объясняется условіями строенія почвы въ соотвѣтственныхъ некрополяхъ Херсонеса, т. е. тѣмъ, что камеры вырубались въ скалѣ, которая начиналась немедленно подъ очень тонкимъ слоемъ земли, такъ что въ глубокомъ колодцѣ не было надобности, то остальныя особенности, несомнѣнно,

указываютъ на то, что передъ нами въ Херсонесѣ, съ одной стороны, и на Боспорѣ, съ другой, не одинъ, а два типа, изъ которыхъ каждый выработался самостоятельно.

Херсонесскій типъ сравнительно поздняго происхожденія и врядъ ли органически развился изъ мѣстныхъ типовъ гробницъ, царившихъ въ Херсонесѣ до эпохи римской имперіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ Херсонесѣ типъ гробницы-комнаты съ локулами появился извнѣ и врядъ ли испыталъ болѣе или менѣе крупныя модификаціи на мѣстѣ. Я не стану гадать о томъ, откуда явился этотъ типъ. Этотъ трудный и большой вопросъ, тѣсно связанный съ вопросомъ о происхожденіи римскихъ катакомбъ, не можетъ быть разрѣшенъ попутно, а требуетъ спеціальныхъ и углубленныхъ штудій. Укажу только на то, что херсонесскія камеры имѣютъ поразительное сходство во многихъ основныхъ своихъ чертахъ съ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ типовъ сѣверно-сирійскихъ и палестинскихъ погребеній, въ общемъ частью одновременныхъ нашимъ [1]). Разница только та, что въ Сиріи гробы или саркофаги хоронились обыкновенно на днѣ нишъ или аркосоліевъ или вдвигались въ ящики, вертикальные къ камерѣ, между тѣмъ какъ въ херсонесскихъ гробницахъ гробы или покойники ставились или клались прямо на полъ ниши. Не случайно, можетъ быть, и то, что гробницы нашего типа украшались иногда (см. выше стр. 481 сл.) по фасаду скульптурами, что многажды и какъ разъ въ томъ же типѣ засвидѣтельствовано и для Сиріи (см. стр. 196). Во всякомъ случаѣ, для меня несомнѣнно, что Римъ и римскіе ссыльные христіане въ появленіи формы склепа съ локулами совершенно не при чемъ.

Система росписи. Весьма вѣроятно, какъ я опять-таки указывалъ выше, что вмѣстѣ съ формой погребенія въ Херсонесъ перешла и роспись, т. е. опредѣленная форма и система росписи, выработанная для родственной формы гробницъ и приспособленная къ нашему спеціальному типу.

Дѣйствительно, строгость выдержанности всѣхъ росписей въ одной и той же системѣ въ нашихъ гробницахъ удивительна. Система же эта совершенно самостоятельна и самобытна и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ памятникахъ во всѣхъ своихъ характерныхъ особенностяхъ не повторяется. Можно было бы сказать, что одновременныя гробницы были расписаны однимъ и тѣмъ же мастеромъ и что этимъ объясняется ихъ сходство. Но это врядъ ли вѣроятно и даже возможно. Языческая, по всей вѣроятности, гробница 1894 г. врядъ ли могла быть расписана христіаниномъ. Кромѣ того при полномъ сходствѣ системы и стиля все-таки всѣ описанныя гробницы многимъ и очень рѣзко разнятся другъ отъ друга. Ясно поэтому, что передъ нами не одинъ мастеръ, а одна система и одинъ стиль. Сопоставимъ еще разъ особенности этой системы и этого стиля.

Система росписи дѣлитъ стѣну только горизонтально, отнюдь же не вертикально. Мы имѣемъ всюду тяжелый квадровый низъ и легкій, заполненный цвѣтами и птицами, верхъ. Нигдѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили архитектурнаго стиля, дѣленія стѣны колоннами, пилястрами, наконецъ, легкими архитектурами—

[1]) См. Publication sof an american arch. expedition to Syria, II. Architecture and other arts, стр. 104 сл. Ср. о сирійскихъ, финикійскихъ и палестинскихъ гробницахъ вообще сводныя, очень ясныя указанія H. Thiersch'a въ Peters and Thiersch, Painted Tombs in the Necropolis of Marissa *(Pal. Expl. Fund)*, London, 1905, 81 сл. Хотя типичныя для Сиріи и Палестины формы и общи этимъ странамъ съ Египтомъ, тѣмъ не менѣе врядъ ли можно предположить, что онѣ попали въ Херсонесъ изъ Египта, тѣмъ болѣе, что какъ разъ поздніе типы гробницъ съ локулами въ Египтѣ иные, чѣмъ въ Сиріи и въ Херсонесѣ.

дериватомъ такъ называемаго помпеянскаго архитектурнаго стиля, которыми заполнены римскія катакомбы.

Инкрустація.

При этомъ тяжелый низъ стѣны оперируетъ, главнымъ образомъ, съ системой мраморной инкрустаціи, подражая въ росписи наиболѣе причудливымъ ея формамъ. Опять-таки и это чуждо римскимъ катакомбамъ, гдѣ мраморированный, разбитый на квадры низъ стѣны мы встрѣчаемъ всего дважды, оба раза въ катакомбахъ Домитиллы, однажды въ росписи III, другой разъ въ росписи IV в. по Р. Хр. (см. Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. 34 и 248). Мы уже встрѣтились выше съ этой системой украшенія низа стѣны въ боспорскихъ гробницахъ и будемъ говорить объ ея исторіи во второй части. Тамъ мы убѣдимся въ томъ, что вся эта система—чисто восточнаго происхожденія и составляетъ прямое развитіе восточно-греческаго же такъ называемаго перваго помпеянскаго стиля.

Цвѣточный орнаментъ.

Перейдемъ къ верхней части стѣны. Мы видимъ, что здѣсь, если есть какая-либо роспись, то она сплошь выдержана въ одномъ стилѣ. Стиль этотъ чисто орнаменталенъ и символиченъ. Для орнаментовъ и для символовъ поле подбора очень ограниченно — цвѣты и птицы. При этомъ и въ предѣлахъ цвѣточнаго растительнаго орнамента и въ предѣлахъ птичьяго царства выборъ изображеній очень невеликъ.

Въ области растительной мы прежде всего имѣемъ гирлянду. Типъ этой гирлянды вездѣ одинъ и тотъ же: это темнозеленая строгая, сухая и прямая гирлянда изъ темныхъ листьевъ лавра, оживленная исключительно красными точками трилистника. Роль этой гирлянды очень опредѣленна. Вездѣ она подчеркиваетъ архитектурныя линіи, обрамляя ниши и локулы, подчеркивая дѣленіе между отдѣльными частями архитектурной конструкціи, напримѣръ, отдѣляя другъ отъ друга локулы или дѣля на части сплошное поле потолка. Тотъ же типъ имѣетъ и вѣнокъ тамъ, гдѣ онъ встрѣчается. Это та же жесткая темная листва, та же колючая форма. Оживленіе вносится только пестрыми лентами-перевязями и концовыми теніями; послѣднія, однако, вездѣ подверглись довольно однообразной стилизаціи.

Интересно и оригинально трактована и цвѣточная орнаментація гробницъ. Въ боспорскихъ гробницахъ позднѣйшаго періода мы также имѣемъ сочетаніе тяжелаго инкрустаціоннаго низа съ легкимъ цвѣточнымъ верхомъ. И здѣсь съ цвѣтами сочетались птицы, съ цвѣтами и птицами вѣтви граната съ плодами и виноградныя лозы. Но въ композиціи и въ сочетаніяхъ имѣется коренная разница. Прежде всего въ томъ, что въ боспорскихъ гробницахъ все болѣе и болѣе стилизующіеся цвѣты и лепестки соединяются съ монументальной фигурной росписью, заполняя фонъ. Этого мы совсѣмъ не имѣемъ въ Херсонесѣ. Затѣмъ самый характеръ цвѣточнаго орнамента въ Херсонесѣ другой. Стилизація есть и здѣсь, и здѣсь цвѣты при всемъ натурализмѣ постепенно превращаются въ чистый орнаментъ, но характеръ стилизаціи иной, иное и размѣщеніе цвѣтовъ. Если въ боспорскихъ гробницахъ цвѣты въ буйномъ безпорядкѣ заполняютъ своими лепестками и листьями, бутонами и, рѣже, вѣтвями всѣ свободныя отъ фигуръ пространства, конкурируя въ этомъ съ гирляндами-мѣшками и птицами, то въ Херсонесѣ мы вездѣ видимъ стремленіе къ симметріи и порядку, къ размѣщенію по извѣстной системѣ. При этомъ господствуетъ любовь не къ отдѣльному цвѣтку или лепестку, а къ цѣлой вѣткѣ и часто къ цѣлому дереву. Нѣтъ и той варварской, но сочной трактовки цвѣтка и вѣтви, что на Боспорѣ, начиная съ конца I в. по Р. Хр.

Вѣтки и деревца въ Херсонесѣ сухи и почти безлиственны, виноградная лоза строго схематична, сухія вѣтки хвои и кедра съ плодами пользуются большой любовью, въ большомъ ходу покрытыя круглыми плодами деревца. При этомъ подборъ растительной орнаментики гораздо болѣе разнообразенъ, чѣмъ на Боспорѣ, гдѣ царитъ исключительно роза и ея лепестки, и сами растенія играютъ болѣе самостоятельную роль, гораздо болѣе самодовлѣющи [1]).

Символы.

Не менѣе характерной особенностью нашихъ гробницъ является то, что человѣческая фигура почти совершенно исключена изъ области изображеній. Художники всецѣло вращаются въ области орнаментики и символики. Къ этой символикѣ, въ связи съ погребальнымъ культомъ, относится и изображеніе зажженныхъ свѣчей и людей, держащихъ свѣчи у лежанокъ съ останками покойниковъ. Единственный говорящій символъ въ нашихъ гробницахъ, напоминающій Христа и всецѣло указывающій на ихъ христіанскій, а не языческій характеръ, это скромная монограмма имени Христа на самомъ видномъ центральномъ мѣстѣ росписи.

Происхожденіе херсонесской системы росписи.

Я уже говорилъ, что всѣ эти особенности росписи настолько характерны и постоянны, что рѣчи объ ихъ случайномъ происхожденіи быть не можетъ. Одновременность всѣхъ расписныхъ гробницъ и отсутствіе таковыхъ въ Херсонесѣ до этого періода не позволяютъ думать о мѣстномъ происхожденіи стиля, о которомъ идетъ рѣчь. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ о томъ, имѣются ли параллели къ росписямъ херсонесскаго типа въ другихъ мѣстахъ античнаго міра и гдѣ именно параллели эти наиболѣе опредѣленно могутъ быть сближены съ нашими гробницами.

Къ сожалѣнію, исторія христіанской декоративной живописи древнѣйшаго періода еще не написана. Богатство матеріала, даваемаго римскими катакомбами, заставило изслѣдователей сосредоточить свое вниманіе исключительно на нихъ, упуская изъ виду обильный и интересный внѣ-римскій матеріалъ. Римскія катакомбы сыграли въ наукѣ приблизительно ту же роль, что и помпеянская живопись для болѣе ранняго времени: блескъ и богатство матеріала заставило забыть одиночные и болѣе грубые, но не менѣе интересные памятники. Поэтому, напримѣръ, нѣтъ изданія даже такихъ богатыхъ серій росписей, какъ росписи катакомбъ неаполитанскихъ и сиракузскихъ; отдѣльныя расписныя гробницы Сиріи, Палестины и Финикіи большею частью не изданы; въ Египтѣ работа опубликованія росписей позднихъ римскихъ гробницъ еле начата, мало сдѣлано и для опубликованія христіанскихъ росписей Египта; почти не вошелъ въ научный обиходъ и матеріалъ, даваемый Далмаціей, Сербіей и Болгаріей.

Постараемся вкратцѣ выяснить отношеніе нашихъ гробницъ ко всѣмъ этимъ серіямъ памятниковъ. Исчерпывающая характеристика этихъ серій, конечно, въ мою задачу входить не можетъ и можетъ быть дана только въ общей исторіи декоративной живописи поздне-римскаго времени.

Римскія катакомбы.

Несомнѣнно, прежде всего, что наши гробницы имѣютъ очень мало общаго съ декоративными системами росписи римскихъ катакомбъ. Роспись римскихъ ката-

[1]) Въ этомъ сравненіи боспорскаго и херсонесскаго цвѣточнаго стиля я имѣю въ виду исключительно гробницы того стиля, который я назвалъ для Боспора цвѣточнымъ и цвѣточно-инкрустаціоннымъ. Отъ гробницъ этого стиля я рѣзко отдѣляю поздне-эллинистическія и ранне-римскія гробницы Боспора вплоть до гробницы Зайцевой включительно. Между этими гробницами и херсонесскими имѣется довольно много общаго особенно въ трактовкѣ гирляндъ и вѣнковъ. Весьма возможно, что дальнѣйшее развитіе особенностей, характеризующихъ болѣе раннія гробницы Пантикапея, привело къ созданію стиля, характернаго для херсонесскихъ гробницъ.

комбъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіей того декоративнаго архитектурно-орнаментальнаго иллюзіонизма, который царитъ въ наиболѣе позднихъ росписяхъ Помпей. Этотъ иллюзіонизмъ, въ основѣ своей эллинистическій и, вѣроятно, александрійскій, особенно богато развился на почвѣ Италіи и привелъ къ такимъ блестящимъ продуктамъ иллюзіонистической росписи стѣнъ и плафоновъ, какъ росписи палатинскихъ дворцовъ, domus aurea Нерона, нѣкоторыхъ домовъ Остіи и ряда памятниковъ въ провинціяхъ, особенно въ Далмаціи (напр. Пола) и на Дунаѣ. Входить въ исторію этого стиля здѣсь не мѣсто. Онъ имѣетъ огромное значеніе, создавъ въ концѣ концовъ тотъ пошибъ декоративной живописи Ренессанса, который нашелъ себѣ геніальное выраженіе въ лоджіяхъ Рафаэля.

Этотъ иллюзіонизмъ, однако, на живописи нашихъ гробницъ совершенно не отразился. Я уже говорилъ о томъ, что того богатства архитектурно-иллюзіонистическаго строенія стѣны, откликъ котораго мы находимъ въ римскихъ катакомбахъ, у насъ нѣтъ и слѣда; нѣтъ и того иллюзіонистическаго натурализма, который царитъ въ орнаментальной части росписей римскихъ катакомбъ. Чисто внѣшнее сходство имѣется только въ томъ, что и въ катакомбахъ птицы и цвѣты составляютъ основу орнаментики, но характеръ ихъ трактовки въ Римѣ иной, тотъ же, что и въ памятникахъ иллюзіонистической росписи Помпей, Рима, Италіи и провинцій. Особенно характерно то, что гирлянды и вѣнки типа херсонесскихъ росписей совершенно чужды римскимъ катакомбамъ. Чужда и сухая орнаментальная трактовка, чуждъ и подборъ растительныхъ мотивовъ (хвоя и деревца съ плодами совершенно отсутствуютъ).

Но стиль росписей римскихъ катакомбъ со временемъ мѣняется. На смѣну декоровкамъ, построеннымъ по типу архитектурно-иллюзіонистическому, выступаетъ другая система, въ общихъ своихъ принципахъ однородная съ системой, царящей въ боспорскихъ гробницахъ конца I-го и II-го вв. по Р. Хр. Характерные признаки этой системы — тяжелый инкрустаціонный низъ, заполненіе свободныхъ пространствъ цвѣтами, лепестками и бутонами розъ, а также свободно брошенными тугими гирляндами, заполненіе всѣхъ большихъ свободныхъ полей монументальною фигурною росписью—встрѣчаются сплошь и рядомъ въ катакомбахъ Рима, начиная съ III в. по Р. Хр., вытѣсняя постепенно стиль архитектурно-иллюзіонистическій. Характерными образцами этого стиля могутъ служить для цвѣточныхъ мотивовъ аркосолій изъ катакомбъ Присциллы (IV в., Wilpert, Die Malereien der Katakomben Roms, табл. 91), роспись оттуда же (III в., Wilpert, l. l., табл. 109), роспись изъ катакомбъ Каллиста (IV в., Wilpert, l. l., 136 и 143), наконецъ, знаменитый плафонъ изъ катакомбъ Петра и Марцеллина (IV—V в. по Р. Хр., Wilpert, табл. 252) и мн. др. Болѣе рѣдки примѣры тяжелаго инкрустаціоннаго низа, напримѣръ, въ росписи IV в. изъ катакомбъ Домитиллы (Wilpert, табл. 194 и 248). Большимъ распространеніемъ, однако, эта новая система не пользуется, и доминирующимъ остается специфически италійскій стиль архитектурной иллюзіонистической росписи.

Рѣзко отличаетъ римскія катакомбы отъ нашихъ гробницъ и то, что фигурныя сцены, цѣлыя картинки, иногда цѣлые пейзажи съ древнѣйшихъ временъ составляютъ основную часть росписи плафоновъ и стѣнъ. Правда, и эти сцены символичны, но языкъ этихъ символовъ иной, чѣмъ въ нашихъ росписяхъ.

Катакомбы Сиракузъ.

Нѣсколько иной тонъ царитъ въ катакомбахъ Сиракузъ, изученіе которыхъ со смертью самоотверженнаго Фюрера вновь заглохло. Насколько можно судить по описаніямъ Фюрера, изданнымъ образцамъ и нѣкоторымъ изученнымъ мною

на мѣстѣ примѣрамъ, въ Сиракузахъ доминируетъ не италійскій пошибъ, а тотъ, который знакомъ намъ по боспорскимъ языческимъ росписямъ, т. е. соединеніе мраморной инкрустаціи, цвѣтовъ розы и фигурной мегалографіи.

Согласно изслѣдованіямъ Фюрера, наиболѣе раннія части катакомбъ въ Necropolis Cassia и S. Maria di Gesù принадлежатъ къ III в., нѣкоторыя части S. Giovanni— концу IV в., большинство же росписей — къ V в. по Р. Хр.[1]). Для типа цвѣточныхъ заполненій цвѣтами, вѣтками, бутонами и гирляндами характерные образцы даютъ всѣ сохранившіяся росписи[2]). Характерные образцы богатой мраморной инкрустаціи въ соединеніи съ мегалографіей и цвѣтами даютъ Führer, 759 слл., 768, № IX и 773 слл. Но и здѣсь мы не найдемъ, несмотря на разницу стиля этихъ росписей и большинства росписей римскихъ катакомбъ, характерныхъ особенностей нашихъ гробницъ; разница между ними въ томъ же, чѣмъ разнятся херсонесскія гробницы отъ языческихъ камеръ Пантикапея.

Катакомбы Неаполя.

Гораздо больше точекъ соприкосновенія съ херсонесскими гробницами даютъ катакомбы Неаполя. Плохое ихъ изданіе не даетъ, къ сожалѣнію, возможности судить о стилѣ, и поэтому приходится довольствоваться сближеніями отдѣльныхъ мотивовъ. Раннія росписи этихъ катакомбъ ничѣмъ существеннымъ отъ современныхъ имъ росписей Рима не отличаются (см. V. Schultze, Die Katakomben von S. Gennaro dei Poveri in Neapel, Jena 1877, 11 слл., гл. II и III). Но цѣлый рядъ совпаденій наблюдается въ болѣе позднихъ росписяхъ (не ранѣе V в.) галлереи второй катакомбы.

Здѣсь мы, во-первыхъ, имѣемъ въ нѣсколькихъ аркосоліяхъ изображеніе покойниковъ или мученика (апостола)—ихъ покровителя вмѣстѣ съ ними между двумя (четырьмя) свѣчами въ подсвѣчникахъ или безъ оныхъ (см. Garrucci, St. d. arte cristiana, II, 101, 1, 2; 102, 2; 104, 2). В. Шульце объясняетъ появленіе свѣчей, какъ указаніе на рай, ожидающій покойниковъ, или уже выпавшій на долю мучениковъ. Въ римскихъ катакомбахъ мнѣ такія изображенія неизвѣстны[3]).

Далѣе въ одномъ аркосоліи той же галлереи мы имѣемъ монограмму Христа въ кругѣ, играющую ту же доминирующую роль, что и въ одной изъ нашихъ гробницъ. Монограмма помѣщена на задней стѣнѣ аркосолія, въ самомъ центрѣ ея; кромѣ нея аркосолій украшенъ только орнаментально (см. Garrucci, ibid., 103, 1; V. Schultze, l. l., 46). Появленіе монограммы Христа здѣсь не случайно; ее же мы имѣемъ и въ другихъ аркосоліяхъ той же серіи на очень видныхъ мѣстахъ (см. нимбъ мученика Януарія, Garrucci, ibid., 102, 2, ср. 103, 2, гдѣ монограммы заполняютъ поля подъ изображеніемъ апостоловъ).

Характерно, что въ орнаментальной части росписи упомянутая группа аркосоліевъ во многомъ совпадаетъ съ херсонесскими гробницами. Особенно характеренъ уже упомянутый аркосолій съ монограммой Христа на задней стѣнкѣ (Garrucci, 103, 1). Монограмму въ кругѣ осѣняютъ двѣ цвѣтущія вѣтки или два деревца, около которыхъ стоятъ двѣ утки. Эти деревца, насколько можно судить по рисунку

---

[1]) См. Führer, Forschungen zur Sicilia sotterranea. *Abh. d. Münch. Akademie,* XX, 790 слл., особ. 794 сл.

[2]) См., напримѣръ, Führer, l.l., 766 слл., № III, IV, V, 2, VIII; 768, № IX; 773 слл. (Taf. X, 1) и др.; ср. также Orsi, *Not. d. sc.* 1905, 394 и рис. 12; 395 сл.

[3]) См. V. Schultze, Die Katakomben von S. Gennaro dei Poveri, стр. 44 слл.; объ этихъ катакомбахъ вообще см. V. Schultze, Die Katakomben, Leipzig 1882, 304 сл.; онъ же, Archaeologie der altchr. Kunst, 143 сл.; L. von Sybel, Christliche Antike, Marburg 1906, 96. Въ этихъ работахъ указана остальная литература.

Garrucci, стилистически и орнаментально очень близки къ цвѣтущимъ вѣтвямъ нашихъ гробницъ. То-же вертикальное заполненіе поля, та-же сухость трактовки, то-же преобладаніе цвѣтовъ надъ листьями [1]). Интересно и то, что аркосолій снаружи охватываетъ лавровая стилизованная вѣтвь. Наконецъ, показательно, что тамъ же въ аркосоліи Гелевсинія (Garrucci, l. l., 102, 1) портретъ Гелевсинія включенъ въ вѣнокъ-рамку того же типа, который, будучи обыченъ въ нашихъ гробницахъ, ни разу не встрѣчается ни въ римскихъ, ни въ неаполитанскихъ катакомбахъ перваго періода.

Погребальныя мозаики сѣверной Африки.

Въ тѣснѣйшей связи съ росписями неаполитанскихъ катакомбъ второго періода стоитъ любопытнѣйшая, мало еще изслѣдованная серія мозаическихъ надгробій сѣверной Африки. Въ эту же серію входятъ и нѣкоторыя половыя мозаики сѣверно-африканскихъ надгробныхъ мавзолеевъ [2]).

Интересующія насъ мозаики въ основной своей массѣ относятся къ одному времени: наиболѣе раннія къ IV в. по Р. Хр., главная масса къ V-му. Имѣются, конечно, и болѣе позднія. По формѣ погребальные камни примыкаютъ къ старымъ мѣстнымъ образцамъ, но способъ декоровки мозаикой до IV в. по Р. Хр. въ Африкѣ, насколько мнѣ извѣстно, не наблюдался. Въ связь съ этими надгробными мозаиками можно поставить скульптурныя украшенія языческихъ надгробныхъ стелъ съ одной стороны и мозаики, украшающія полы надгробныхъ мавзолеевъ, подъ которыми лежали покойники, съ другой. Еще болѣе вліяла монументальная стѣнная роспись, кое-какіе остатки которой сохранились и въ Африкѣ. Я имѣю въ виду, напримѣръ, роспись внѣшнихъ стѣнъ нѣкоторыхъ языческихъ надгробныхъ памятниковъ въ карѳагенскихъ некрополяхъ чиновниковъ разныхъ управленій. Предположенная мною зависимость отъ стѣнной росписи и скульптурныхъ resp. расписанныхъ стелъ доказывается и слѣдующими соображеніями. Помимо того, что структура мозаикъ съ ихъ дѣленіемъ расписаннаго поля на цоколь, среднюю главную и верхнюю часть совпадаетъ съ обычной структурой стѣнъ и стелъ, мы

[1]) Нѣчто подобное имѣемъ мы и у Garrucci, l. l. 101, 1 и 103, 2.

[2]) Характерныя мозаическія надгробія и павименты находятся, главнымъ образомъ, въ христіанскихъ некрополяхъ и церквахъ Africa proconsularis, рѣже въ Нумидіи и Мавретаніи; при этомъ они особенно многочисленны и богаты въ приморскихъ городахъ. Такъ, большую серію даютъ прежде всего Карѳагенъ, затѣмъ на ю.-в. отъ него Hadrumetum (Сусса), Leptiminus, Taparura, Thenae; на западѣ интересную и многочисленную серію находимъ мы въ Thabraca. Характерно, что всѣ эти города—старыя финикійскія колоніи. Внутри страны, а также въ Нумидіи и Мавретаніи такія мозаики—исключенія. Въ хорошихъ воспроизведеніяхъ опубликовано такихъ мозаикъ очень мало, что сильно затрудняетъ пользованіе этимъ матеріаломъ. Съ историко-художественной стороны онѣ совсѣмъ не изслѣдованы, что, впрочемъ, относится и ко всей богатѣйшей серіи африканскихъ мозаикъ. Но описаны и упомянуты въ литературѣ всѣ найденные памятники, значительная часть которыхъ погибла безслѣдно. Довольно большая серія ихъ хранится въ музеѣ Бардо (Alaoui) въ Тунисѣ, нѣсколько экземпляровъ въ Луврѣ въ Парижѣ, много въ провинціальныхъ музеяхъ Туниса—въ Суссѣ и Сфаксѣ. Описаніе всѣхъ извѣстныхъ мозаикъ см. въ полномъ сводѣ всѣхъ мозаикъ Африки и Галліи: *Inventaire des mosaiques de la Gaule et de l'Afrique,* t. II. P. Gauckler, Afrique proconsulaire (Tunisie), Paris 1910; t. III. M. F. G. de Pachtère, Afrique proconsulaire, Numidie, Maurétanie (Algérie), Paris 1911. Репродукціи нѣкоторыхъ памятниковъ и попытки изслѣдованія см. въ трудахъ R. de la Blanchère, Tombes en mosaique de Thabraca (*Bibliothèque d'arch. africaine,* I, 3—21); *Collections du Musée Alaoui* (Paris 1890), R. de la Blanchère, Caisson de tombe en mosaique (Thabraca, Tabarka), 117 слл. и pl. VII; *Catalogue des Musées et Collections archéologiques de l'Algèrie et de la Tunisie.* Catalogue du Musée Alaoui (feu Du Coudray de la Blanchère et P. Gauckler), Paris, 1897, особ. pl. IV; ibidem, Supplément, Paris 1910, особ. pl. XIII, 2; pl. XVIII, 1; XX; XXI, 1; P. Gauckler, *Monuments et Mémoires Piot,* XIII (1907) (Mosaiques tombales d'une chapelle de martyrs à Thabraca), 175 слл., pl. XVIII. Нѣсколько репродукцій мозаикъ Сфакса, см. *Musées et Collections arch. de l'Algérie et de la Tunisie.* R. Massigli, Musée de Sfax (Paris 1912), pl. V, 3.

видимъ, что на нѣкоторыхъ надгробныхъ мозаикахъ и половыхъ выстилкахъ мавзолеевъ въ Thenae изображена обычная для стелъ и, какъ мы знаемъ изъ разобранныхъ пантикапейскихъ росписей, для стѣнныхъ росписей сцена загробной трапезы [1]).

Типично, однако, для мозаикъ не столько обычное дѣленіе на три яруса, сколько то, что почти вездѣ мы имѣемъ одинъ и тотъ же подборъ изображеній и одну и ту же декоративную систему. Въ большинствѣ случаевъ верхнюю часть мозаики занимаетъ монограмма Христа въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ которою написано имя усопшаго, затѣмъ въ средней части фигура усопшаго въ видѣ оранта и внизу обычные христіанскіе символы, почти исключительно чаша, животныя и птицы. Имѣются, конечно, и варіанты, входить въ детальный разборъ которыхъ здѣсь не мѣсто.

Но особенно характерно то, что все поле мозаики въ огромномъ большинствѣ покрыто цвѣтами и бутонами розъ на стебляхъ съ листьями, причемъ эти цвѣты чаще всего разбросаны въ безпорядкѣ по всему полю мозаики. Съ этими цвѣтами всегда сочетаются птицы, главнымъ образомъ, голуби. При этомъ интересно, что изображеніе розы напоминаетъ не ту чисто натуралистическую схему, которая характерна для Италіи и, спеціально, для катакомбъ, а ту специфическую стилизованную форму, которая типична для египетскихъ памятниковъ, начиная уже упомянутыми выше многоцвѣтными декоративными стеклами и кончая ранне-христіанскими и коптскими росписями церквей.

Въ высшей степени важно и то, что въ цѣломъ рядѣ мозаикъ изображеніе усопшаго или усопшей сопровождается изображеніемъ у ногъ усопшихъ, по обѣ стороны фигуры, зажженныхъ, иногда разноцвѣтныхъ свѣчей, что мы наблюдали только въ росписяхъ Неаполя и въ херсонесскихъ гробницахъ (я имѣю въ виду изображеніе свѣчей по обѣ стороны боковыхъ погребальныхъ ложъ въ склепѣ 1905 г.) [2]).

Но слѣдуетъ отмѣтить, что, если изображеніе свѣчей обычно, то изображеніе людей, держащихъ свѣчи и этимъ чтящихъ третье лицо, встрѣчается только однажды въ мозаикѣ, очень напоминающей роспись съ изображеніемъ св. Януарія въ неаполитанскихъ катакомбахъ (Garrucci, St. d. arte crist. II, табл. 102, 2: св. Януарій, обозначенный приписью: sancto martyri Januario, въ нимбѣ съ монограммой Христа стоитъ съ поднятыми руками; по обѣ стороны свѣчи въ богатыхъ подсвѣчникахъ; направо и налѣво отъ этой центральной группы усопшія). Я имѣю въ виду мозаику изъ Табарки, которую Gauckler описываетъ слѣдующимъ образомъ (Inventaire, № 959): Mosaique tombale: 1 m. 27×0 m., 50. Au milieu du tableau personnage nimbé, richement vêtu d'une tunique à manches et d'une paenula, les pieds chaussés de pourpre, la tête accostée de deux chrismes constantiniens: peut être le Christe ou un Saint. A ses pieds, deux fidèles agenouillés lui présentant des cierges. Au dessus deux colombes affrontées que sépare une rose. Pas d'épitaphe, travail soigné. Musée du Bardo (изображеніе см. Catal. du Musée Alaoui, 18, № 56, pl. IV, fig. 56). Всякому ясно, насколько эта сцена близко стоитъ къ росписи нашихъ гробницъ 1904 и 1909 г. [3]).

---

[1]) См. Gauckler, Inventaire, № 24, 25, 26 и 27; ср. R. Massigli, Musée de Sfax, № 23—34, особенно № 24, pl. V, 3.

[2]) См. Gauckler, Inventaire, № 41 и 53 (Taparura); ср. R. Massigli, Musée de Sfax, № 28; Gauckler, Inventaire, № 941, 944, 950, 963—966, 968, 973, 1013, 1015, 1016, 1022, 1052; ср. Cat. du Musée Alaoui, pl. IV, 39, 41, 48, 61, 62; Gauckler, *Mon. Piot*, XIII, 197, № VI, рис. 1 и 5; Catalogue du Musée Alaoui, Suppl., 29, № 308, pl. XIII, 2.

[3]) О роли свѣчей въ культѣ мучениковъ, см. Lucius, Die Anfänge des Heiligenkults, 291 сл. Со свѣчами въ рукахъ встрѣчали останки мучениковъ при ихъ перенесеніяхъ ibid., 292. О сценѣ въ Неаполитанскихъ катакомбахъ съ изображеніемъ св. Януарія см. P. Dörfler, Die Anfänge der Heiligenverehrung nach den römischen Inschriften und Bildwerken, München 1913, 196.

Аналогичныя изображенія я знаю только на одномъ саркофагѣ изъ Тебессы, гдѣ свѣчи стоятъ рядомъ съ двумя фигурами, которыя, въ свою очередь, фланкируютъ изображеніе Рима или римской церкви, сидящей на тронѣ [1]), и на одной египетской ткани въ Kaiser-Friedrich Museum въ Берлинѣ (см. рис. 91): часть полога, украшеннаго колоннами; въ одномъ (единственно сохранившемся) интерколюмніи стоитъ мужчина въ туникѣ, обѣими руками держащій свѣчу въ подсвѣчникѣ. Весьма вѣроятно, что онъ возжигаетъ свѣчу передъ Христомъ, святымъ или мученикомъ, который, повидимому, изображенъ былъ въ центрѣ полога.

Я уже говорилъ о той роли, которую играетъ въ надгробныхъ мозаикахъ Африки монограмма Христа. Интересно отмѣтить, что эта монограмма почти всегда включена въ вѣнокъ изъ густо сплетенныхъ лавровыхъ вѣтвей той же сухой и строгой формы, которая характерна для Херсонеса и Неаполя.

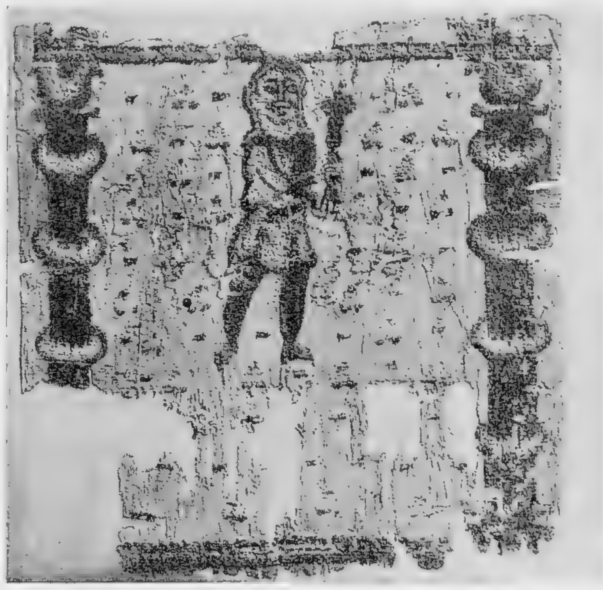


Рис. 91. Фрагментъ коптской ткани въ Kaiser Friedrich Museum въ Берлинѣ.

Вѣнокъ этотъ не только орнаментъ, но и символъ. Такъ же, какъ свѣчи, онъ на погребеніяхъ обыкновенныхъ людей указываетъ на стремленіе со стороны ихъ близкихъ оказать имъ почести близкія, хотя и не вполнѣ одинаковыя, съ почестями героевъ-мучениковъ. Мы видѣли, что обыкновенные смертные возжигаютъ свѣчи въ честь мучениковъ и святыхъ, которымъ однимъ по настоящему надлежитъ эта честь. То же и вѣнокъ. Такъ же, какъ и свѣчи, мы видимъ иногда вѣнокъ, какъ символъ, указывающій на вѣнецъ мученичества погребеннаго.

Такъ на гробницѣ одной изъ церквей Карѳагена (Gauckler, Inventaire, № 707) мы видимъ рядъ именъ мучениковъ, каждое въ вѣнкѣ; тутъ же (№ 708) голубой дискъ въ вѣнкѣ, на немъ надпись: baeatiss[i]mi martyres. По обѣ стороны вѣнка по павлину; надъ ними отдѣленные отъ нихъ вѣткой розы голуби (см. Catal. du Musée Alaoui, Suppl. № 228 bis, табл. XVIII, 1). Характерна и гробница двухъ мученицъ въ Табаркѣ (Gauckler, Inventaire, № 1046); наверху эпитафія: Privata cum Victoria gaude, triumfa; consecratae virginitatis et confessionis victricia portantes tropea, veste i[ndutae] ange[li]ca in p. c.... Внизу вѣнокъ, по обѣ стороны его розы, и въ немъ: dignis digna, vincentibus corona (ср. *Mon. Piot,* XXIX, 218, № XXX, табл. I и рис. 13), см. также De Pachtère, Inventaire, № 206 (Seriana) [2]).

[1]) См. Gsell, Musée de Tébessa, p. 29 сл., pl. X, 2; ср. De Rossi, *Bull. di arch. crist.,* 1887, 124, 2; Strzygowski, Die Calenderbilder des Chronographen von 354, табл. V: аналогичное изображеніе Александріи между двумя амурами, держащими факелы. Родственное этому изображеніе олицетворенія Карѳагена усматриваютъ въ мозаикѣ, открытой на Карѳагенскомъ акрополѣ въ 1844 г., нынѣ въ Луврѣ: среди другихъ медальоновъ этой большой декоративной мозаики имѣется изображеніе женщины въ позѣ оранты, въ башенномъ вѣнцѣ или нимбѣ, между двумя свѣчами, см. Gauckler, Inv., № 598.

[2]) Къ указанной выше литературѣ о вѣнцѣ и, спеціально, вѣнцѣ мученичества надо присоединить уже упомянутую книгу P. Dörfler'a, Die Anfänge der Heiligenverehrung, 52 слл., особ. 197 слл.

Большое значеніе имѣетъ для насъ то, что для серіи африканскихъ памятниковъ мы имѣемъ возможность указать и на прецеденты охарактеризованной выше декоративной системы. Я уже указывалъ, говоря въ общихъ чертахъ о происхожденіи цвѣточнаго декоративнаго стиля пантикапейскихъ гробницъ, что представителями того же стиля въ Африкѣ является рядъ очень характерныхъ мозаикъ, отличительной особенностью которыхъ являются разбросанные въ безпорядкѣ по всему полю мозаики цвѣты, плоды, вѣтви, птицы, животныя. За этой системой мы можемъ прослѣдить, начиная съ раннихъ временъ и вплоть до византійской эпохи. Мы имѣемъ одну такую мозаику въ Thenae[1]); здѣсь характеренъ ихневмонъ, въ котораго пускаетъ стрѣлу одинъ изъ амуровъ. Одна мозаика найдена въ Суссѣ[2]); характерно, что типичными животными этой мозаики являются газель и утка. Важно и то, что въ Суссѣ же найденъ рядъ египтизирующихъ мозаикъ, изъ которыхъ для одной можетъ быть съ несомнѣнностью установленъ александрійскій ея прототипъ[3]). Приблизительно тому же времени принадлежитъ богатая мозаика имплювія одного карѳагенскаго дома (близъ Одеона)[4]). Позднѣе другая карѳагенская мозаика того же типа[5]). Наконецъ, уже послѣ-константиновскому христіанскому времени принадлежитъ мозаика базилики La Marsa-Kamart около Карѳагена[6]).

Совпаденіе между всей этой серіей мозаикъ и нашими мозаичными надгробіями наблюдается не только къ общей системѣ декоровки; совпадаютъ и детали: то же изображеніе преимущественно вѣтокъ, а не отдѣльныхъ цвѣтовъ и лепестковъ, та же форма розы и многое другое. Между тѣмъ весьма вѣроятно, что вся наша серія мозаикъ имѣла своимъ прототипомъ александрійскіе образцы декоративной росписи, возобновлявшіе традиціи декоративной росписи стараго фараоновскаго Египта XIX и послѣдующихъ династій (см. выше стр. 218 слл. и ниже Добавленіе къ гл. XVIII, стр. 218 слл.). Разительнымъ примѣромъ такого переживанія традиціи является, кромѣ извѣстной Палестринской мозаики, одна африканская мозаика, гдѣ мы имѣемъ ту же смѣну въ трехъ ярусахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, пейзажа рѣчного или болотнаго, тучныхъ полей и охоты въ степяхъ или пустынѣ, какую видимъ и въ египетскихъ гробницахъ древнѣйшихъ временъ[7]).

Не надо, однако, забывать, что африканскія мозаики не рабски имитировали александрійскіе образцы, а вносили въ нихъ немало и своего. То же онѣ сдѣлали и въ данномъ случаѣ. Выборъ птицъ и животныхъ, цвѣтовъ и плодовъ мѣстный; къ числу мѣстныхъ чертъ, можетъ быть, относятся: форма и цвѣтъ свѣчей, костюмъ погребенныхъ, деревья и всадники въ изображеніи рая и т. под. Не мѣстнаго происхожденія, но, можетъ быть, и не александрійскаго самый мотивъ свѣчей и форма гирлянды. Не забудемъ, что сѣверно-африканскія мозаики найдены въ городахъ старо-финикійскаго побережья, которые продолжали поддерживать постоянныя связи съ городами сирійскаго побережья.

Характерно, что какъ разъ послѣднія особенности связываютъ въ одно цѣлое Херсонесъ, Неаполь и Африку, между тѣмъ какъ система брошенныхъ цвѣтовъ,

[1]) Gauckler, Inv., № 29 и Add. стр. 351; R. Massigli, Musée de Sfax, табл. VII.
[2]) Gauckler, Inv., № 140; Gauckler, Gouvet, Hannezo, Musées de Sousse, 29 сл., табл. VII.
[3]) Rostowzew, Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 152.
[4]) Gauckler, Inv., 640; Schulten, *Arch. Anz.*, 1904, 122, рис. 4 и 5, ср. рис. 6 (Inv., № 646).
[5]) Gauckler, Inv., № 606; Catal. du Musée Alaoui, Suppl., № 169 и табл. XVI, 1, ср. № 170 (b).
[6]) Gauckler, Inv., № 786.
[7]) См. Gauckler, Inv., № 648 (Carthage); ср. Rostowzew, Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft, 60 сл.

форма розы и т. д. находитъ себѣ аналогіи не только въ Александріи, но и въ пантикапейскихъ гробницахъ [1]).

Росписи Салонъ.

Напрашивается на сближеніе съ африканской серіей небольшая серія христіанскихъ расписныхъ гробницъ въ Салонахъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что и въ ней доминируетъ орнаментальная часть: цвѣты розы, розовыя гирлянды, корзины съ розами, голуби [2]). Но за исключеніемъ архитектонической, обрамляющей роли гирляндъ, примѣровъ чему мы имѣемъ много и въ росписи римскихъ катакомбъ, расписныя гробницы Салонъ, принадлежащія, какъ и всѣ вышеразобранныя серіи, къ IV—V в. по Р. Хр., гораздо ближе стоятъ къ римскимъ катакомбамъ цвѣточнаго стиля, чѣмъ къ африканскимъ мозаикамъ и херсонесскимъ камерамъ [3]). Очень близка къ этимъ гробницамъ и одна до сихъ поръ неизданная христіанская гробница окрестностей Варны и очень похожая на нее, можетъ быть, христіанская, также неизданная, гробница, найденная въ Сербіи.

Расписная гробница въ Софіи.

Гораздо ближе стоитъ къ херсонесской серіи серія гробницъ, найденныхъ въ Софіи, изъ которыхъ пока опубликована только одна (см. Кацаровъ и Тачевъ, *Извѣстия на българското археолоическо дружество* I (1910), 23 слл.). Схема ихъ росписи, несмотря на то, что архитектура ихъ иная (сложены изъ кирпича и крыты полуцилиндрическимъ сводомъ [4]), совершенно та же, что въ нашихъ гробницахъ. И здѣсь мы имѣемъ стѣну, расписанную въ подражаніе облицовкѣ стѣны пестрыми мраморами, вставленными въ рамку. Такъ какъ на боковыхъ стѣнахъ, такъ же какъ въ керченскихъ склепахъ, надъ стѣною сейчасъ же начинается сводъ, то на этихъ стѣнахъ надъ мраморированными квадрами сейчасъ же начинается декоровка свода. Иное дѣло на короткихъ, гдѣ надъ мраморированной стѣной имѣется еще люнетка. Задняя люнетка заполнена въ центрѣ изображеніемъ сосуда подъ двойной аркой и двухъ голубей по угламъ.

Такъ какъ въ люнеткѣ входной стѣны сдѣланъ квадратный люкъ входа, то изображенія имѣются только въ углахъ люнетки—два голубя, каждый въ треугольной рамкѣ. Но особенно характерно совпаденіе въ трактовкѣ плафона. Правда, плафонъ не раздѣленъ здѣсь гирляндами на четыре сегмента, что естественно было для крестоваго свода и для потолка, приближающагося по своей формѣ къ такому своду, а трактованъ, какъ это опять-таки естественно для полуцилиндрическаго свода, какъ покрытый кассеттами. Но въ центрѣ его мы имѣемъ, какъ и въ Херсонесѣ, вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ съ геммой въ центрѣ; въ этотъ вѣнокъ вписаны три концентрическихъ круга: черный (первоначально синій?), бѣлый и зеленый (можетъ быть, голубой?). На фонѣ этихъ круговъ ширится крестъ, украшенный камнями; изъ центра креста во всѣ четыре стороны расходится сіяніе, сдѣланное бѣлой краской. Самъ крестъ, какъ монограмма Христа въ херсонесской гробницѣ № 2114, сдѣланъ желтой краской съ черными контурами. Въ четырехъ углахъ свода, какъ бы въ парусахъ, изображены четыре архангела, съ приписью

---

1) Въ одномъ надгробіи мы имѣемъ не только вѣтки розы, но и типичные для Боспора лепестки, см. Gauckler, Inv., № 356 (Sidi-Abieh): наверху крестъ въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ нимъ надпись; «au bas du tableau semis de feuilles cordiformes et de detritus divers, imitant un asarotos oïkos». Любопытно, что мозаики типа asarotos oïkos очень обычны въ сѣв. Африкѣ; между тѣмъ, ихъ принципъ тотъ же, что принципъ мозаикъ цвѣточнаго стиля.

2) См. Bulic, *Bull. di arch. e storia dalmata,* XXIII (1900), стр. 201 сл. и табл. IV, ср. XXV (1902) и табл. XI.

3) Съ этими камерами въ области архитектуры сближаетъ гробницы Салонъ форма входа въ видѣ небольшого квадратнаго окошечка.

4) Архитектура приблизительно та же, что въ склепахъ Салоны.

ихъ именъ (Михаилъ, Уріилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, надписи сдѣланы по-латыни), въ видѣ крылатыхъ юношескихъ бюстовъ впрямь.

Памятники Востока.

Кое-какія данныя имѣемъ мы и для характеристики системъ декоративной росписи, царившихъ на Востокѣ въ интересующее насъ время. Къ сожалѣнію, памятники Востока, несмотря на то, что указать ихъ мы можемъ немало, находятся еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ однородные имъ памятники Запада.

Египетъ.

Укажу, прежде всего, на нѣсколько расписныхъ гробницъ поздне-античнаго некрополя въ Египтѣ, расположеннаго въ окрестностяхъ Ахмима (др. Панополисъ), около дер. Эсъ-Саломунъ. Некрополь (вырубленный въ скалѣ) давно уже расхищенъ и продолжаетъ расхищаться; между тѣмъ, въ литературѣ имѣется только

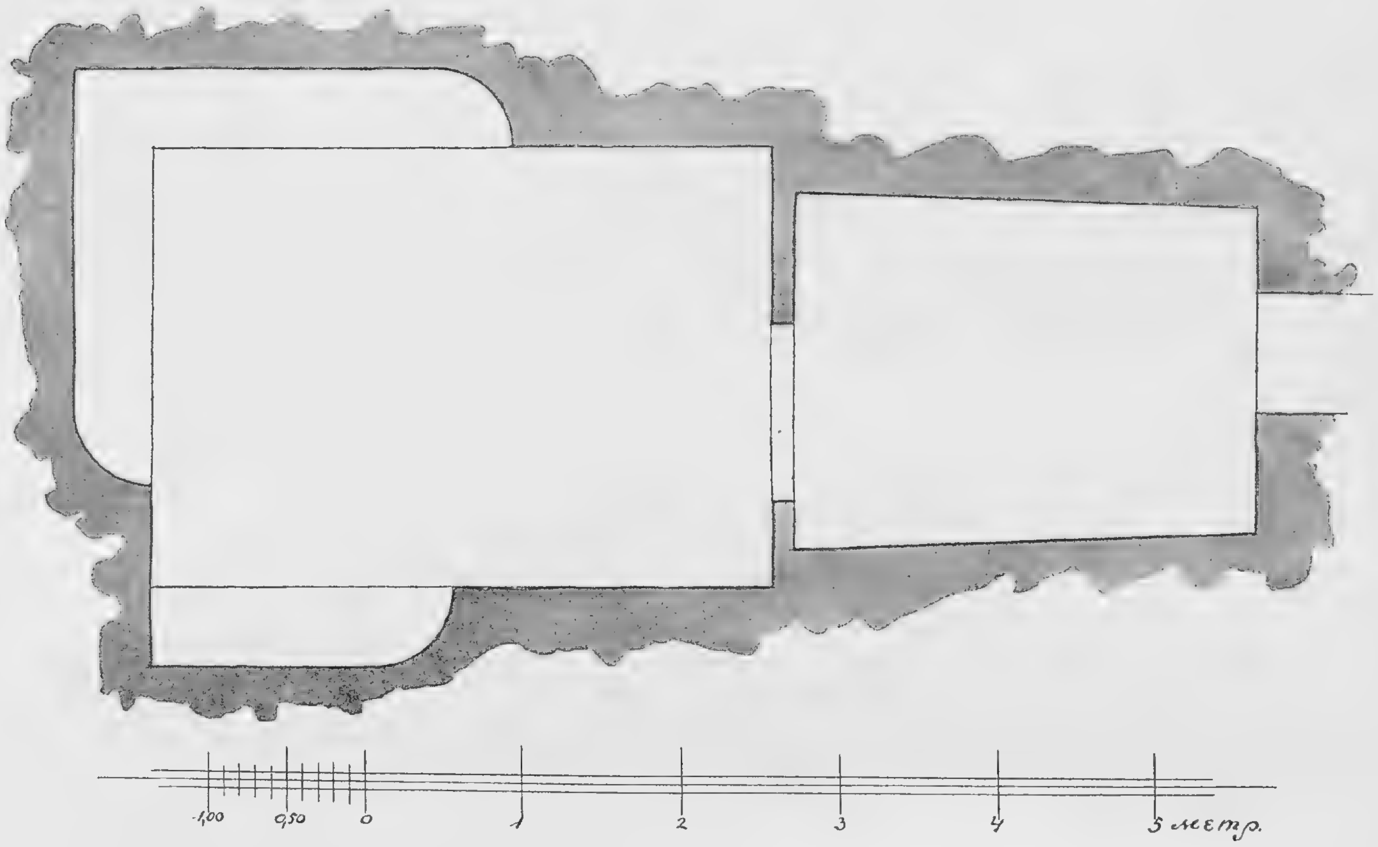


Рис. 92. Планъ гробницы въ Эсъ-Саломунъ.

одно на него указаніе Рубензона, упоминающаго одну расписную гробницу, родственную здѣсь издаваемой. Вновь найти гробницу Рубензона мнѣ не удалось (см. ниже)[1]).

Мнѣ удалось посѣтить этотъ некрополь въ 1909 г. и пробыть тамъ, къ сожалѣнію, только нѣсколько часовъ. Изъ посѣщенныхъ мною, зарисованныхъ и сфотографированныхъ гробницъ особенно интересна одна, планъ и набросокъ росписи которой считаю нелишнимъ здѣсь воспроизвести (см. рис. 92 и 93).

Гробница состоитъ изъ двухъ комнатъ, вырубленныхъ въ скалѣ. Стѣны ея оштукатурены и расписаны. Объ архитектурѣ достаточное представленіе даетъ прилагаемый приблизительный планъ (рис. 92). Изъ него видно, что погребальной комнатой была задняя, въ стѣнахъ которой вырублены три ниши-лежанки; передняя комната, очевидно, служила атріемъ. Форма гробницы такимъ образомъ репродуцируетъ обычныя погребальныя камеры Александріи эллинистическаго времени, правда, въ очень огрубѣвшемъ видѣ.

[1]) См. *Arch. Anz.*, XXI (1906), 130.

Роспись склепа зарисована была мною, къ сожалѣнію, только схематически и то, главнымъ образомъ, лишь для первой комнаты. Но схема въ первой и во второй комнатѣ одинакова, а мелочи и детали не имѣютъ для насъ значенія.

Панель или цоколь въ атріи и погребальной комнатѣ, къ сожалѣнію, засыпаны. Надъ нимъ въ атріи идутъ квадры или орѳостаты, инкрустированные въ бѣлое поле средней части стѣны. Эти квадры окрашены въ желтый цвѣтъ и вставлены каждая въ рамку краснаго цвѣта. Ихъ по діагоналямъ перерѣзываютъ скрещивающіяся зеленыя вѣтви. Сверху на нѣкоторомъ разстояніи (0,15 м.) отъ квадровъ идетъ красная полоска, съ которой надъ каждой квадрой свѣшивается по красной гирляндѣ. Одну квадру отъ другой отдѣляетъ нѣчто вродѣ зеленыхъ плетеныхъ канделябровъ въ подковообразныхъ египтизирующихъ эдикулахъ. Надъ всей этой средней частью стѣны идетъ толстая гирлянда изъ лавровыхъ листьевъ, очень похожая на гирлянды херсонесскихъ росписей; она заполняетъ весь верхъ стѣнъ. Ея роль архитектурнаго дѣлящаго члена подчеркивается еще тѣмъ, что у дверей въ сосѣднюю комнату она, продолжаясь надъ дверью, по

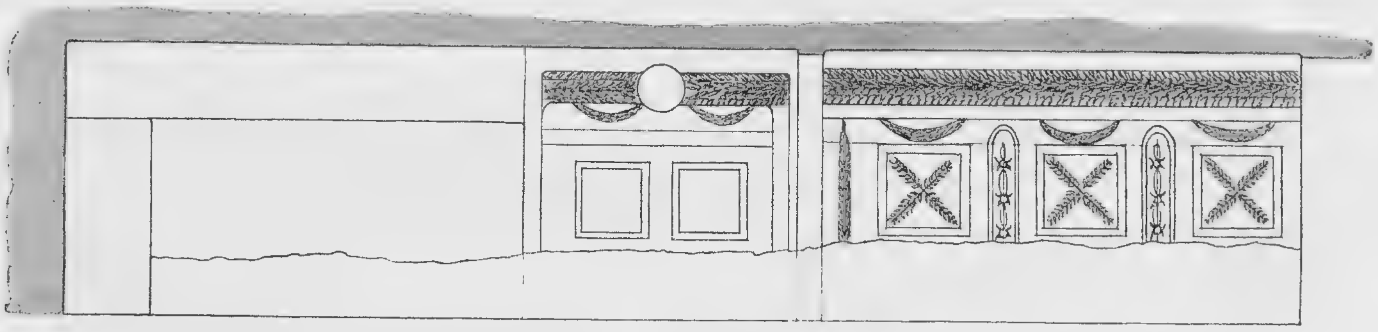


Рис. 93. Схематическій набросокъ стѣнной росписи гробницы въ Эсъ-Саломунъ.

обѣ стороны двери спускается къ землѣ, заключая такимъ образомъ дверь въ рамку совершенно такъ, какъ гирлянда надъ аркосоліемъ гробницы 1905 г. (№ 2086) въ Херсонесѣ. Та же гирлянда окружала и потолокъ по всѣмъ его краямъ, выдѣляя изъ него почти правильный квадратъ.

Значительная часть главной комнаты занята была тремя лежанками по обѣимъ боковымъ и задней стѣнамъ. Лежанки начинаются, какъ и въ херсонесскихъ гробницахъ, подъ самымъ потолкомъ и далеко не доходятъ до земли. Части стѣны, занятыя лежанками, не декорированы. Тамъ, гдѣ комната расписана, система та же, что и въ атріи. Мы имѣемъ квадры, дѣлящую полосу, затѣмъ въ отличіе отъ передней толстую зеленую лавровую гирлянду, къ которой (а не къ полосѣ) привѣшены небольшія свисающія красныя гирлянды. Въ центрѣ большой гирлянды изображенъ зеленый большой медальонъ. По сторонамъ у входной стѣны и у лежанки гирлянда поворачиваетъ, какъ въ передней у двери, подъ прямымъ угломъ и спускается до полу [1]). Такая же гирлянда, какъ сказано, обрамляетъ и потолокъ.

Что нашъ образчикъ росписи не случаенъ, что передъ нами опредѣленная система декоровки, — это доказываетъ не найденная мною гробница Рубензона. На мой запросъ о ней Рубензонъ любезно сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія [2]). Низъ стѣны раздѣланъ такъ же, какъ въ только что описанной гробницѣ, т. е. въ бѣлое поле вставлены красныя квадры въ рамкахъ разныхъ цвѣтовъ.

[1]) Совершенно тотъ же мотивъ, что и въ херсонесской гробницѣ 1912 г., см. выше стр. 470 сл.

[2]) Ср. *Arch. Anz.*, XXI (1906), 130.

Полосу орѳостатовъ отъ верхней части стѣны отдѣляетъ толстая гирлянда, очевидно, вполнѣ аналогичная нашей, хотя Рубензонъ и называетъ ее Blumenguirlande. Во всякомъ случаѣ и здѣсь эта гирлянда играетъ опредѣленную архитектоническую роль. Въ верхней части стѣны идутъ, по словамъ Рубензона, пилястры, обвитые цвѣтами, между которыми развѣшаны гирлянды. Въ поляхъ между этими пилястрами и гирляндами—изображенія изъ области египетскаго погребальнаго цикла. Наконецъ, на потолкѣ разбросаны въ безпорядкѣ цвѣты и птицы. Гробница имѣла только одну комнату съ небольшой передней передъ ней. Къ сожалѣнію, столь важная для насъ дата этихъ гробницъ съ точностью опредѣлена быть не можетъ. Египетскія іероглифическія надписи въ нѣкоторыхъ изъ гробницъ не позволяютъ идти ниже III в. по Р. Хр.[1]).

Отвлекаясь отъ нѣкоторыхъ чисто египетскихъ мотивовъ въ описанныхъ гробницахъ, мы находимъ въ нихъ рядъ обще-античныхъ элементовъ, вызывающихъ нашъ спеціальный интересъ. Мы застаемъ здѣсь, во-первыхъ, широкое распространеніе типичной для Херсонеса гирлянды и притомъ въ той же архитектурной роли, что и въ Херсонесѣ, и въ томъ же соединеніи съ низомъ стѣны, подражающимъ инкрустаціи въ мраморѣ. Но есть и элементы, чуждые херсонесской манерѣ. Къ этимъ элементамъ принадлежатъ дѣлящіе тирсы или канделябры, мотивъ, унаслѣдованный отъ архитектурнаго стиля и воспринятый отсюда инкрустаціоннымъ (см. выше). Къ нимъ же принадлежитъ и усѣянный цвѣтами потолокъ гробницы Рубензона, напоминающій плафоны Стасовской гробницы и гробницы открытой Ашикомъ.

Мы, къ сожалѣнію, совсѣмъ не знаемъ развитія декоративной живописи въ Египтѣ послѣ III—II в. до Р. Хр., которому принадлежатъ нѣкоторыя гробницы Александріи. Гробницы римскаго времени, найденныя тамъ же, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не опубликованы[2]). Судя, однако, по нѣкоторымъ изолированнымъ образцамъ (напримѣръ, позднія части большого склепа въ Комъ-эсъ-Шукафа) можно думать, что и въ Александріи стѣнная роспись, можетъ быть, минуя архитектурные стили (такъ называемые второй, третій и четвертый помпеянскіе), а, можетъ быть, параллельно съ ихъ развитіемъ выработала знакомое намъ соединеніе цвѣточнаго стиля съ унаслѣдованной отъ ранняго эллинизма обкладкой стѣны драгоцѣнными сортами инкрустированнаго мрамора. Не забудемъ, что плафонъ Рубензоновской гробницы является представителемъ исконной для Египта (см. выше) системы декоровки плафоновъ птицами и цвѣтами.

Къ сожалѣнію, отсутствіе данныхъ не позволяетъ намъ идти дальше высказанныхъ предположеній.

Бавитъ и Багаватъ въ Египтѣ.

Характерно, что въ мало изслѣдованныхъ съ декоративной точки зрѣнія позднихъ росписяхъ Бавита и Багавата[3]) мы имѣемъ любопытное соединеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ архитектурнаго стиля. Здѣсь мы сталкиваемся и съ значительными остатками инкрустаціоннаго стиля, съ подражаніемъ облицовкѣ

[1]) Схема остальныхъ видѣнныхъ мною расписныхъ гробницъ только въ деталяхъ разнится отъ описанныхъ. Вездѣ опредѣляющимъ является тяжелый квадровый низъ стѣны.

[2]) Кое-что можно найти въ послѣдней работѣ Т. Шрейбера: Th. Schreiber u. E. Sieglin, Die Nekropole von Kom-esch-Schukafa, стр. 183, рис. 115. Второй томъ этой работы появится въ обработкѣ Р. Пагенштехера.

[3]) См. J. Clédat, Le monastère et la nécropole de Baouit. *Mém. publ. par les membres de l'Institut fr. d'arch. orient.* XII, Le Caire, 1904; фонъ-Бокъ и Смирновъ, Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта, С.-Петербургъ, 1901.

стѣны разноцвѣтными инкрустированными мраморными плитами въ соединеніи съ полосами характерныхъ для такъ называемаго перваго стиля орнаментовъ: плетеніе, мэандръ и др. Съ этимъ сочетается типичная для пантикапейскихъ склеповъ мегалографія, и здѣсь также въ соединеніи съ обильными элементами цвѣточнаго стиля. Крупную роль играетъ и цвѣточный стиль той формы, которая характерна для африканскихъ мозаикъ, т. е. птицы, цвѣты, плоды и т. д. въ отдѣльныхъ медальонахъ, образованныхъ переплетающимися гирляндами. Наконецъ, особенно характерно возобновленіе традиціи полу-геометрической, полу-цвѣточной росписи, которая такъ характерна для плафоновъ ѳиванскихъ гробницъ и продолжаетъ жить и посейчасъ въ нашихъ обояхъ.

Если при этомъ вспомнить, что часть этихъ элементовъ сближаетъ наши росписи съ коптскими тканями [1]), часть съ чистыми образцами инкрустаціоннаго стиля, какъ въ росписи церкви, встроенной въ Луксорскій храмъ, то станетъ очевиднымъ, что и дальнѣйшее развитіе декоративной живописи въ Египтѣ, послѣ эпохи ранняго эллинизма, не восприняло никакихъ элементовъ архитектурнаго стиля Запада, а развивало элементы, стоящіе въ связи частью съ развитіемъ принципа живописи мраморами, частью съ развитіемъ принциповъ, взятыхъ росписью въ значительной мѣрѣ отъ текстильнаго искусства, отъ богатыхъ и пестрыхъ восточныхъ и египетскихъ пологовъ и ковровъ.

Сирія, Финикія, Палестина.

Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о росписяхъ гробницъ въ Сиріи, Финикіи и Палестинѣ въ эллинистическое и римское время. Послѣднія экспедиціи въ сѣверную Сирію, давшія богатый архитектурный матеріалъ, свидѣтельствуютъ только о томъ, что роспись гробницъ была здѣсь обычнымъ явленіемъ какъ въ языческую, такъ и въ христіанскую эпохи. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ одной пальмирской гробницы, роспись остальныхъ, давно уже ограбленныхъ склеповъ Сиріи сохранилась до нашего времени только въ жалкихъ остаткахъ. Огромное количество расписныхъ гробницъ отмѣчается путешественниками по Финикіи, но, какъ это ни странно, ни одна изъ нихъ не только не издана, но даже не описана. Изъ Финикіи и Сиріи манера расписывать гробницы перешла и въ Палестину уже въ эллинистическое время, но количество изданныхъ памятниковъ и здѣсь очень невелико.

Сирія.

Несмотря на такую бѣдность матеріала, на немъ тѣмъ не менѣе слѣдуетъ остановиться подробно. Гробница въ Пальмирѣ даетъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ образцовъ того стиля, съ которымъ мы встрѣтились въ гробницахъ императорскаго времени на Боспорѣ. И здѣсь мы имѣемъ богато инкрустированный цоколь, заполненіе свободныхъ пространствъ стилизованными и натуралистическими розами, мегалографію на стѣнахъ и въ люнеткахъ [2]). Изъ другихъ гробницъ Сиріи отмѣчу роспись въ Kasr-el-Benât, гдѣ видную роль играютъ кресты въ кругахъ зеленаго цвѣта, все на желтомъ фонѣ [3]).

[1]) О росписяхъ Бавита и объ египетскихъ коптскихъ пологахъ я подробно говорю въ особой статьѣ, которая появится въ ближайшемъ будущемъ въ И. И. А. К., гдѣ разобраны будутъ данныя объ эволюціи цвѣточнаго стиля вообще. Здѣсь отмѣчу только близкое родство египетскихъ пологовъ съ выше разобранными гробницами изъ эсъ-Саломуна. Особенно поразительно совпаденіе трактовки верхняго фриза-гирлянды.

[2]) См. Б. Фармаковскій, Живопись въ Пальмирѣ. *Изв. русскаго арх. инст. въ Константинополь,* VIII, 3; Strzygowski, Orient oder Rom, 12 слл.; Cumont, *Revue de l'hist. d. rel.* LXII (1910), 142 сл.

[3]) См. Publications of an amer. arch. Expedition to Syria. II. Architecture and other arts, 293, ср. ibid. 156 и 82.

Финикія.

Въ высшей степени богатая серія не опубликованныхъ и не описанныхъ, большею частью, вѣроятно, уже погибшихъ расписныхъ гробницъ отмѣчена изслѣдователями некрополей финикійскихъ городовъ. Отсутствіе какихъ-либо рисунковъ съ нихъ тѣмъ болѣе досадно, что нѣкоторыя изъ этихъ гробницъ принадлежатъ, вѣроятно, еще эллинистическому времени, другія—языческія и христіанскія—времени послѣ Рождества Христова, вплоть до византійской эпохи. Опубликованіе ихъ дало бы богатѣйшій матеріалъ для исторіи античной декоративной живописи на Востокѣ и для вопроса о происхожденіи выше отмѣченныхъ мною двухъ пошибовъ натуралистическаго цвѣточнаго стиля, засвидѣтельствованныхъ намъ на Востокѣ—типовъ боспорскаго и херсонесскаго. Пока допустимы лишь гаданія, говорящія, однако, за то, что и здѣсь господствующимъ стилемъ былъ стиль цвѣточный, иногда въ соединеніи съ инкрустаціоннымъ.

Наиболѣе богаты расписными гробницами некрополи Сидона и его окрестностей. Rénan (Mission de Phénicie, Paris 1864, стр. 408, ср. 411) даетъ лишь общее указаніе на существованіе здѣсь ряда расписныхъ гробницъ римскаго и христіанскаго времени. Нѣсколько изъ нихъ описываетъ самымъ поверхностнымъ образомъ Mariti (см. F. Dietrich, Zwei sidonische Inschriften und eine altphönicische Königsinschrift, Marburg 1855, 8): «Inschriften sahen wir nicht, пишетъ онъ, blos auf dem Simswerk beim Eingange einer derselben fanden wir grosse Larven von sehr roher Arbeit in Basrelief eingehauen. Einige fanden wir von innen mit Vögeln und geflochtenen Festonen von Blumen und Früchten in dem Geschmake gemalt, den man heutzutage die Raphaelsche oder Pocettische Mode nennt, woraus erhellt, dass diese sicherlich nicht die Erfinder waren. Unten lief ein marmorisirter Sims herum und nichts weiter» [1]).

Тотъ же характеръ носятъ расписныя гробницы въ окрестностяхъ Саиды, около деревень Халаліэ и Бараміэ; и здѣсь доминируютъ птицы и цвѣты (см. Rénan, ibid., 395 и 396; Vogüé, Fragment d'un journal de voyage en Orient, 27 слл.) [2]). То же преобладаніе цвѣтовъ отмѣтилъ Ренанъ и въ окрестностяхъ Библа (Rénan, ibid., 209); упоминаемая имъ гробница напомнила ему сидонскія. Особенно досадно для насъ то, что открытая для Ренана гробница въ некрополѣ Адлуна (окр. Тира) описана имъ только въ двухъ словахъ (Rénan, l. l., 661): «Ces chefs, говоритъ онъ, ayant bien voulu faire déblayer pour moi dans un endroit nommé Ardh-el-Louch quelques caveaux connus des habitants du pays et ornés de peintures je me suis trouvé, non sans étonnement, au milieu des symboles de l'âge chrétien (croix avec A et Ω, oiseaux)». Ясно, такимъ образомъ, что стиль унаслѣдованъ былъ здѣсь и христіанскими гробницами.

Въ высшей степени досадно, что приходится довольствоваться для характеристики этихъ росписей такими недостаточными данными. Сидонскія расписныя стелы показываютъ, что обычай расписывать надгробные памятники и гробницы,

[1]) Христіанская гробница, надписи которой изданы Дитрихомъ (между прочимъ, начало 22 псалма), представляетъ большое сходство съ керченскими гробницами, изданными проф. Кулаковскимъ, см. *Мат. по арх. Россіи*, 6 и 19. Судя по указаніямъ Бедекера, нѣсколько расписныхъ гробницъ въ некрополѣ Сидона можно видѣть и теперь.

[2]) Наиболѣе интересная изъ этихъ гробницъ, именно та, гдѣ изображена, между прочимъ, въ трехъ медальонахъ исторія Психеи, подходитъ, судя по описаніямъ, къ типу гробницъ на Латинской дорогѣ около Рима. Я удивляюсь, что объ этихъ медальонахъ не нахожу ни слова въ статьяхъ Psyche Вазера и Николя въ словаряхъ Рошера и Дарамбера-Сальо, несмотря на то, что это единственный случай украшенія гробницъ (не саркофаговъ) этимъ сюжетомъ. Надо отмѣтить, что около фигуры Психеи въ сценѣ жертвоприношенія было приписано ея имя (Ψυχή).

несомнѣнно, восходитъ еще къ эпохѣ эллинизма, а сходство этихъ стелъ съ александрійскими ставитъ вопросъ о томъ, не находятся ли и росписи гробницъ Сидона въ такой же связи съ александрійской живописью, какъ живопись надгробныхъ сидонскихъ стелъ.

Интересное дополненіе къ даннымъ финикійскихъ некрополей даетъ роспись плафона одной гробницы въ Петрѣ, недавно изданная Abel'емъ въ *Rev. bibl.*, 1906, 587 сл. Здѣсь мы имѣемъ эллинистическій прототипъ многихъ росписей римскихъ катакомбъ, домовъ и мозаикъ типа плафона S. Constanza. Богатѣйшіе побѣги винограда и плюща заполняютъ площадь полуцилиндрическаго свода, въ центрѣ котораго находился теперь исчезнувшій круглый медальонъ. Въ разводахъ масса животныхъ и нѣсколько эротовъ, трактованныхъ идиллически [1]). Петра.

Еще интереснѣе въ занимающей насъ связи росписи нѣкоторыхъ палестинскихъ гробницъ. Зависимость двухъ богато расписанныхъ гробницъ эллинистическаго времени въ Tell-el-Sandanah (др. Марисса) отъ александрійскихъ прототиповъ внѣ сомнѣнія [2]). Рядомъ съ этими богатѣйшими ипогеями мы имѣемъ въ сосѣднемъ некрополѣ Tell-el-Judeideh интереснѣйшую гробницу, вѣроятно, еще эллинистическаго времени, многими своими деталями, а равно и общимъ характеромъ живо напоминающую херсонесскіе склепы [3]). Укажу, кромѣ изобилія птицъ, украшающихъ стѣны гробницы, на роспись аркосолія. Внутренняя площадь аркосолія обрамлена и здѣсь, какъ и въ гробницѣ 1905 г. въ Херсонесѣ, гирляндой того типа, который намъ знакомъ по Херсонесу. На задней стѣнѣ аркосолія въ вѣнкѣ того же типа, поддерживаемомъ двумя летящими эротами, надпись—οὗτος οἶκος αἰώνιος. Палестина.

Къ этой гробницѣ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ одна гораздо болѣе поздняя христіанская гробница, найденная въ 1885 г. въ Калоніи или Колоніи около Іерусалима (по дорогѣ въ Яффу). Эта гробница была зарисована Шикомъ и описана архимандритомъ Антониномъ. Описаніе и рисунки присланы были тогда же въ Петербургъ для напечатанія въ «Сборникѣ Православнаго Палестинскаго Общества», но не были напечатаны. Въ 1887 г. Шикъ опубликовалъ свои рисунки въ *Pal. Expl. Fund, Quart. Stat.* 1887, стр. 51 слл. и рис. 1—8 (C. Schick, Newly discovered rock-hewn tomb at Kolonieh). Неточныя копіи надписей Шика, исправленныя арх. Антониномъ на рисункѣ Шика, присланномъ въ Петербургъ, а также неправильно переданные Шикомъ переводы надписей того же арх. Антонина дали поводъ къ замѣткамъ объ этихъ надписяхъ Wright'a и Clermont-Ganneau [4]). Помимо своей архитектуры, живо напоминающей херсонесскіе склепы, гробница интересна и своей теперь погибшей росписью. Какъ и въ херсонесскихъ склепахъ, надъ

[1]) Ср. выше о росписи т. наз. Зайцевскаго склепа въ Керчи стр. 219. Важно отмѣтить, что въ сѣв. Африкѣ мозаики, сплошь заполненныя побѣгами винограда, вполнѣ обычны, см. Gauckler, Inv., 125, 4; 142; 163 (Soussa); 259, 1; 376; 443 (Oudna); 496 (Kourba); De Pachtère, Inv., 291 (Djemila); 435 (Cherchel). Гораздо менѣе распространенъ этотъ мотивъ въ мозаикахъ другихъ странъ античнаго міра.

[2]) См. Peters and Thiersch, Painted tombs in the Necropolis of Marissa. London 1905, *Arch. Anz.*, 1908, 407 слл., гдѣ указана новѣйшая литература. Характерно, что подобныя изображенія животныхъ обычны въ росписяхъ Бавита.

[3]) Bliss and Macalister, Excavations in Palestine during the years 1898, 198 слл. (особ. 202), табл. 92, особ. рис. 3 и 5.

[4]) См. T. F. Wright, *Pal. Expl. Fund, Quart. Stat.* 1896, 174 и Clermont-Ganneau, ibid., 260 сл.; онъ же, *Rec. d'arch. or.* I, 169 слл. и *Etudes d'arch. or.* II, 33 прим. Первую надпись уже арх. Антонинъ прочелъ совершенно точно: εἷς φεὸς καὶ ὁ Χριστὸς αὐτοῦ; вторую также: ὡς ζῇ μνησθῇ Βαρωχ (буквы ις въ концѣ слова Βαρωχ не были усмотрѣны арх. Антониномъ); слово ὡς арх. Антонинъ склоненъ былъ объяснить какъ ὅς, врядъ ли правильно.

лежанками съ погребеніями идетъ широкій дѣлящій фризъ въ красной рамкѣ, заполненный, вѣроятно, прямой гирляндой съ вплетенными красными цвѣтами (Шикъ зарисовалъ зеленую густую поросль съ красными цвѣтами). На боковой стѣнѣ въ центрѣ фризъ прерывается двумя Никами, держащими вѣнокъ съ надписью Вароха, на входной такими же Никами, держащими гирлянду надъ квадратнымъ отверстіемъ входа. Въ потолкѣ изображены двѣ летящія Ники, несущія въ рукахъ вѣнокъ съ надписью: εἷς Θεὸς καὶ ὁ Χριστὸς αὐτοῦ. Подъ вѣнкомъ — двѣ вертикально стоящія пальмовыя вѣтви. Я сознательно называю крылатыя фигуры, держащія вѣнки и гирлянды, Никами, а не ангелами и херувимами, такъ какъ это ихъ значеніе или, лучше, происхожденіе несомнѣнно. Напомню эротовъ только что описанной гробницы въ Tell-el-Judeideh и Нику въ той же роли въ гробницѣ въ Frikya [1]), а также крылатыхъ Никъ въ Пальмирской гробницѣ. Не будь надписи въ центрѣ потолка, мы бы не имѣли никакого основанія предполагать христіанскій характеръ гробницы и видѣть въ изображенныхъ фигурахъ, какъ, можетъ быть, это видѣлъ въ нихъ заказчикъ, ангеловъ. И здѣсь опять вѣнки и гирлянды принадлежатъ къ тому типу, который такъ характеренъ для Херсонеса. Интересны и стилизованныя теніи вѣнка. Важно заполненіе центра плафона вѣнкомъ съ символической надписью и архитектоническая роль гирлянды на стѣнахъ камеры. Время гробницы точно опредѣлить трудно. Формула εἷς Θεὸς и т. д. обычна въ Сиріи. Два датированныхъ примѣра, приведенные Clermont-Ganneau, принадлежатъ IV и V вѣкамъ по Р. Хр.

Интересно отмѣтить, что и мотивъ прямой гирлянды, играющей роль дѣлящаго архитектурнаго члена, засвидѣтельствованъ какъ разъ въ Палестинѣ, можетъ быть, еще въ эллинистическое, во всякомъ случаѣ въ ранне-римское время. Я имѣю въ виду роспись гробницы, открытой около Іерусалима (близъ гробницы Царей) и зарисованной въ краскахъ Dickie [2]). Характеръ гирлянды здѣсь, судя по одной изъ таблицъ, правда иной, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ росписяхъ.

Общій характеръ стѣнной живописи Востока въ римское время.

Приведенный выше сравнительно неполный и во всякомъ случаѣ очень бѣдный матеріалъ указываетъ, однако, на одинъ фактъ первостепенной важности. Всѣ приведенныя выше росписи гробницъ, найденныхъ либо въ восточной части римской имперіи, либо въ странахъ, по своему культурному развитію тѣсно примыкающихъ къ Востоку (Африка и сѣверная часть Балканскаго полуострова), совершенно не знаютъ типичной для Италіи и для всего Запада архитектурной системы росписи, продолженія такъ называемаго второго помпеянскаго стиля. Съ другой стороны, всѣ онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ выше охарактеризованными росписями юга Россіи.

Вездѣ на смѣну архитектурному стилю явились: съ одной стороны деривать старой восточно-эллинской системы подражанія обкладкѣ стѣны плитами разноцвѣтныхъ мраморовъ—такъ называемая система инкрустаціонная, корни которой надо искать въ областяхъ, стоявшихъ подъ культурнымъ вліяніемъ Месопотаміи, съ другой—такъ называемый цвѣточный стиль, принципъ котораго состоитъ въ

[1]) См. Butler, An amer. arch. exped. to Syria. II (1904), 278 слл.; Cumont, *Revue de l'hist. d. rel.* 62, 133, рис. 16. Эллинистическій мотивъ Никъ (или Эротовъ), держащихъ гирлянду, вѣнокъ, доску съ надписью (позднѣе медальонъ съ портретомъ), обыченъ на римскихъ надгробныхъ алтаряхъ и саркофагахъ, начиная съ первой половины I в. по Р. Хр., см. Altmann, Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit, 101.

[2]) См. *Pal. Expl. Fund, Quart. Stat.* 1896, 306 сл.; Bliss and Dickie, Excavations at Jerusalem 1894—1897, London 1898, 244 слл. (двѣ таблицы въ краскахъ).

широкомъ примѣненіи къ росписи стѣнъ натуралистически трактованныхъ растеній и цвѣтовъ и въ связи съ ними птицъ и животныхъ. При этомъ эти элементы не подчинены архитектурѣ и архитектурной характеристикѣ стѣны, какъ даже въ наиболѣе орнаментальномъ изъ помпеянскихъ стилей—третьемъ, а самодовлѣющи. Эти элементы служатъ и для подчеркиванія въ росписи архитектурныхъ линій, но главное ихъ значеніе — заполненіе большихъ полей, часто внѣ симметріи и порядка, свойственныхъ даже коврамъ и тканямъ, наиболѣе близкимъ родственникамъ нашей системы росписи. Цвѣточная система росписи находитъ себѣ прецеденты опять-таки въ области до-эллинской цивилизаціи — въ Египтѣ, гдѣ принципы ея были въ ходу уже въ эпоху XIX и XX династій и врядъ ли когда-либо были забыты.

Обѣ восточныя системы — инкрустаціонная и цвѣточная — объединились уже въ эпоху ранней римской имперіи, соединившись одна съ другой не въ органическомъ, а скорѣе въ чисто механическомъ сочетаніи. Эти восточныя системы росписи дѣйствуютъ и на Западъ: онѣ завоевываютъ языческія и христіанскія погребенія Сициліи и Неаполя, захватываютъ отчасти, начиная съ IV в. по Р. Хр., и римскія катакомбы. Но самый цвѣточный стиль далеко не однороденъ. Выше охарактеризованная разница боспорскаго и херсонесскаго его пошиба наблюдается и въ росписяхъ другихъ частей античнаго міра въ эпоху римской имперіи.

Генезисъ херсонесскаго пошиба цвѣточнаго стиля.

Позволительно поэтому спросить себя, въ какихъ частяхъ античнаго міра особенности херсонесскаго пошиба находятъ себѣ наиболѣе параллелей. Однѣ росписи, какъ мы видѣли выше, точнаго отвѣта на это дать не могутъ. Общей картины, совпадающей съ картиной, даваемой Херсонесомъ, мы не нашли нигдѣ, отдѣльныя черты встрѣчали и въ Неаполѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и въ Палестинѣ. Ближе придвинетъ насъ къ поставленной цѣли найти родину херсонесскаго пошиба анализъ отдѣльныхъ мотивовъ, для него характерныхъ.

Сухія гирлянды и вѣнки изъ густо сплетенныхъ лавровыхъ вѣтвей, которыя мы встрѣчали въ Сиріи, Палестинѣ, Египтѣ и сѣв. Африкѣ, особенно характерны не только въ росписи, но и въ архитектурѣ, для Сиріи и Палестины. Изъ раннихъ образцовъ могу указать прежде всего на недавно открытую въ Іерусалимѣ, украшенную скульптурами, гробницу, которая, несомнѣнно, должна занять въ исторіи сирійско-палестинской орнаментики видное мѣсто наряду съ гробницами Царей и Судей [1]). Вѣнки-акротеріи фасада этой гробницы, принадлежащей еще эпохѣ Хасмонеевъ, вѣнокъ триглифоваго ея фриза являются характерными для Палестины и вмѣстѣ съ тѣмъ прототипами вѣнковъ интересующаго насъ типа. Характерна и роль вѣнка, какъ рамки, въ которую вставлено орнаментальное заполненіе, часто растительный орнаментъ (въ христіанское время постоянно крестъ съ A—Ω) [2]). Такой же вѣнокъ, правда, безъ заполненія, имѣемъ мы и въ центрѣ фриза гробницы Царей въ Іерусалимѣ [3]), и въ дверномъ косякѣ когда-то расписной гробницы въ Wadi-er-Rababi (Hinnom) около Іерусалима (см. Macalister, *Quart. Stat.* 1901, 154). Тотъ же типичный вѣнокъ мы находимъ и на извѣстномъ канделябрѣ изъ

[1]) См. Macalister, *Pal. Expl. Fund, Quart. Stat.* 1900. 54 слл.; Palmer, *Mitth. d. d. Pal. Ver.* 1898, 39; Vincent, *Revue bibl.* 1899, 267; Macalister, *Quart. Stat.* 1902, 118 сл.

[2]) Ср., напримѣръ, Schuhmacher, *Zeitschr. d. d. Pal. Ver.*, IX, 265, рис. 16 и 17; 284, рис. 39—41.

[3]) См., напримѣръ, De Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte, pl. XXX.

Tabarieh [1]). Начиная съ этихъ поздне-эллинистическихъ временъ, вѣнокъ и гирлянда нашего типа доминируютъ во всей сирійско-палестинской орнаментикѣ [2]).

Не менѣе показательна трактовка виноградной лозы во фронтонѣ новой только что указанной іерусалимской гробницы, вполнѣ аналогичная, несмотря на разницу эпохъ, съ трактовкой лозы аркосолія херсонесской гробницы 1905 года. Ея сухость и схематичность подготовлены уже въ тройномъ гроздѣ гробницы царей и въ гроздьяхъ іудейскихъ монетъ. И эта сухая орнаментальная лоза имѣетъ въ Сиріи и Палестинѣ богатое потомство. Въ достаточной мѣрѣ извѣстно, какую роль играетъ эта лоза въ орнаментикѣ римской и христіанской Сиріи и Палестины, чтобы стоило приводитъ отдѣльные примѣры.

Не менѣе показательно для тѣхъ же мѣстностей употребленіе въ качествѣ орнамента отдѣльныхъ вѣтвей и деревцовъ (напримѣръ, пальмы) въ засушенныхъ, но тѣмъ не менѣе натуралистическихъ формахъ. Въ числѣ этихъ орнаментовъ большою любовью пользуются шишки хвойныхъ деревьевъ и вѣтки съ плодами. Характерный примѣръ соединенія на одномъ памятникѣ цѣлаго ряда такихъ орнаментовъ даетъ извѣстная крышка саркофага изъ гробницы Царей [3]); въ средней полосѣ мы здѣсь видимъ: гроздъ винограда, деревцо, три шишки пиніи, три виноградныя кисти, три какихъ-то плода на вѣткѣ.

Еще показательнѣе украшеніе косяка надъ дверью самой гробницы Царей. Здѣсь мы имѣемъ цѣлыя вѣтви съ шишками хвойнаго дерева—пиніи или кедра рядомъ съ группами другихъ фруктовъ [4]). Это приводитъ намъ на память заполненіе фронтона гробницы Судей, которое выше мы сблизили съ гирляндой въ люнеткѣ Керченской гробницы 1895 г. (Зайцевской), гдѣ центральная пальметка греческихъ заполненій этого рода трактована какъ вѣтвь хвойнаго дерева, а самые разводы соединены съ вѣтвями, вѣроятно, граната [5]). Тамъ же мы отмѣтили и то, что гирлянда интересующаго насъ типа впервые попадается намъ, какъ обрамленіе центральнаго медальона, въ плафонѣ этой гробницы и что прекрасную параллель этой обрамляющей гирляндѣ даетъ делосская мозаика, подписанная финикійскимъ мастеромъ Асклепіадомъ изъ Арада. Позднюю, но очень интересную параллель къ цвѣтущимъ вѣтвямъ, на которыхъ сидятъ птицы, даетъ одна гробница изъ Schefa 'Amr (Schuhmacher, *Quart. Stat.* 1889, 188) [6]).

---

[1]) De Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte, Atlas, XLVI; Perrot et Chipiez IV, 313, 163. Характерно, что и этотъ вѣнокъ заполненъ символическимъ изображеніемъ іудейскаго семисвѣчника.

[2]) Очень характерны, напримѣръ, гирлянды, обрамляющія дверь въ гробницѣ Тиб. Клавдія Сосандра (134 по Р. Хр.), Vogüé, La Syrie centrale, pl. 92 bis, 5, ср. мою статью въ журналѣ *Христіанскій Востокъ*, I (1912), 257 сл. Гирлянда того же типа въ этой своей роли живетъ еще въ поздне-христіанскихъ памятникахъ Сиріи; см., напримѣръ, обрамленіе двери одного дома въ Эль-Хитѣ: Кондаковъ, Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ, С.-Петербургъ 1904, табл. X.

[3]) De Saulcy, Voyage autour de la Mer Morte, Atlas, XXXII; Perrot et Chipiez IV, 309, рис. 159.

[4]) См. De Saulcy, ibid., табл. XXX.

[5]) См. De Saulcy, ibid., табл. XXXIV. Широкое примѣненіе шишекъ и цѣлыхъ вѣтвей хвойныхъ деревьевъ даютъ и александрійскіе саркофаги, стоящіе въ тѣснѣйшей связи съ вышеуказанными памятниками Палестины эллинистическаго времени. См. E. Breccia, *Le Musée égyptien*, III, pl. XVIII, XIX. Такіе же саркофаги, можетъ быть, нѣсколько менѣе пышные, типичны и для Сиріи и Палестины; ср. мою статью *Христіанскій Востокъ*, I, 257 сл. Я не рѣшился бы утверждать, что родиной нашего типа гирлянды является Александрія. Хотя саркофаги этого типа для Александріи и типичны, но не имѣютъ прецедентовъ въ прошломъ. Поэтому я склоненъ былъ бы считать этотъ типъ саркофага занесеннымъ изъ Сиріи въ Египетъ, а не наоборотъ.

[6]) Въ Херсонесѣ прекрасную параллель для деревцовъ съ плодами склепа 1853 г. даетъ плита крестообразнаго храма, изданная въ *О. И. А. К.*, 1897, 109, рис. 218, ср. Vogüé, La Syrie centrale,

При этихъ условіяхъ особенно показательнымъ становится то, что и на Западѣ ближайшія параллели орнаментикѣ нашихъ гробницъ даютъ орнаментальныя украшенія саркофаговъ и частей церковной архитектуры типа, давно уже признаннаго оріентализирующимъ (см. Diehl, Manuel de l'art byzantin, 268 сл.).

Сближеніе нашихъ гробницъ съ только что указанными памятниками открываетъ намъ глаза на ближайшее родство нашихъ гробничныхъ росписей въ серіи росписей церковныхъ. Всякому знакомому съ исторіей церковной росписи ясно, что ближайшія аналогіи нашимъ и наиболѣе близкимъ къ нашимъ вышеуказаннымъ гробницамъ даютъ церковныя росписи типа мозаикъ баптистерія въ Альбенгѣ (на итальянской Ривьерѣ)[1]) и тѣхъ южно-италійскихъ памятниковъ, которые частью описаны Павлиномъ Нольскимъ[2]), частью сохранились до нашего времени, какъ, напримѣръ, мозаики баптистерія Сотера въ Неаполѣ (всѣ памятники не позже V—VI в. по Р. Хр.)[3]). Особенно характеренъ только что упомянутый баптистерій въ Неаполѣ, гдѣ крестъ въ центрѣ купола блеститъ, окруженный вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, животныхъ и птицъ (куропатки, утки, павлины), а въ парусахъ символы четырехъ евангелистовъ. Въ томъ же духѣ, какъ извѣстно, трактованы нѣкоторые своды и абсиды въ Равеннѣ (св. Виталій, Аполлинарій Новый). Особенно интересна мозаика свода хора въ церкви св. Виталія, гдѣ мы имѣемъ такое же, какъ въ нашихъ гробницахъ, четверное дѣленіе свода полосами растительныхъ орнаментовъ[4]). Думаю, что зависимость всей намѣченной серіи памятниковъ отъ Востока и, можетъ быть, спеціально отъ Сиріи, теперь общепризнана. Впрочемъ, отъ дальнѣйшихъ сближеній и выводовъ въ этой недостаточно мнѣ знакомой области я предпочитаю воздержаться.

Всѣ вышеприведенныя соображенія указываютъ намъ, что система росписи христіанскихъ погребеній Херсонеса находитъ себѣ ближайшія параллели либо на сиро-палестинскомъ Востокѣ, либо въ сферѣ памятниковъ, связь которыхъ съ Сиріей и Палестиной кажется весьма вѣроятной. Весьма возможно поэтому, что въ IV и V вв., съ утвержденіемъ христіанства въ Херсонесѣ, нѣкоторыя христіанскія погребенія расписаны были въ томъ духѣ и стилѣ, въ какомъ это дѣлалось раньше и одновременно на сирійско-палестинскомъ югѣ.

Это, конечно, указываетъ на тѣсную связь первыхъ христіанъ Херсонеса не съ Византіей или Балканскимъ полуостровомъ, а съ болѣе отдаленною и, казалось бы, чуждою имъ церковью сиро-палестинской, съ которой, какъ извѣстно, тѣсно связано было и христіанство на Кавказѣ.

Житія херсонесскихъ мучениковъ.

Какое значеніе можетъ имѣть этотъ немаловажный фактъ для исторіи христіанства въ Херсонесѣ и для критики нашего литературнаго преданія объ этомъ?

Любопытно, что херсонесское агіографическое преданіе устанавливаетъ какъ разъ связь Херсонеса съ сиро-палестинскимъ югомъ постольку, поскольку житіе епископовъ херсонесскихъ, прекрасно изслѣдованное В. В. Латышевымъ, говоритъ намъ о томъ, что первыми насадителями христіанства въ Херсонесѣ были посланцы

I, pl. 50. Для рога изобилія и пелты въ гробницѣ 1905 г. укажу рога изобилія въ соединеніи съ треножниками въ мраморныхъ инкрустаціяхъ абсиды въ Паренцо, Diehl, Manuel del'art byzantin, 181, рис. 88. Пелта обычна въ орнаментикѣ африканскихъ христіанскихъ мозаикъ.

[1]) См. Айналовъ, *Виз. Врем.* VIII (1901), 516 слл., ср. Diehl, Manuel, 209, 1, гдѣ ссылка и на такую же мозаику въ Casanarello, см. Haseloff, *Bull. d'arte,* I, 1907.

[2]) Церковь св. Феликса въ Нолѣ, см. Айналовъ, l. l., 521 сл.

[3]) Bertaux, L'art dans l'Italie méridionale, Paris 1902, 47 сл., рис. 7; Munoz, *l'Arte* 1908 (XI), рис. 438; Diehl, Manuel, 117.

[4]) Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей, 126 слл.; Diehl, Manuel, 200 сл., рис. 100.

іерусалимскаго епископа Ермона, рукоположившаго ихъ во епископовъ [1]). Эти посланцы его—Василей, а затѣмъ Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ претерпѣли въ Херсонесѣ мученіе и были здѣсь похоронены, первый за «Святыми» воротами на западъ отъ города, вторые за «Мертвыми» воротами на востокъ отъ него.

Преданіе это В. В. Латышевъ считаетъ достовѣрнымъ, Франко̀ и критики работы В. В. Латышева—покойный акад. Голубинскій и проф. Харламповичъ отвергаютъ его, особенно въ части, касающейся посылки просвѣтителей изъ Іерусалима и посвященія ихъ во епископовъ [2]).

Разсматривая ближе указанное житіе, приходишь къ убѣжденію, что житіе, какъ это признаютъ всѣ современные изслѣдователи, несомнѣнно, возникло въ Херсонесѣ и, можетъ быть, сравнительно поздно. На херсонесское происхожденіе явно указываетъ рядъ топографическихъ подробностей, внѣ Херсонеса немыслимыхъ [3]).

Въ рукахъ у составителя житія было чрезвычайно мало фактическаго матеріала. На мой взглядъ, весь фактическій матеріалъ сводился къ именамъ мучениковъ, связаннымъ съ мѣстами ихъ погребенія (отсюда точная локализація мѣста ихъ погребенія), т. е., вѣроятно, съ опредѣленными могилами, около которыхъ укрѣпился культъ мучениковъ, далѣе, къ кресту поставленному въ честь Василея на площади, и, наконецъ, къ церкви св. Петра, которая связывалась съ именемъ епископа херсонесскаго — Капитона. Легенда, такимъ образомъ, примкнула къ ряду памятниковъ культа, связанныхъ въ населеніи съ опредѣленными именами. Къ острову съ деревьями и культомъ Эѳерія примкнула и часть житія, касающаяся епископа Эѳерія. Внѣ этихъ фактическихъ основаній житіе сплошь построено изъ шаблонныхъ мотивовъ, которые можно встрѣтить въ десяткахъ другихъ житій христіанскихъ святыхъ.

Но рядомъ съ этими шаблонными мотивами стоитъ мотивъ о посылкѣ первыхъ епископовъ-мучениковъ изъ Іерусалима, пріуроченный къ датѣ ихъ мученія и къ историческому имени епископа Ермона. Какъ отнестись къ этому свидѣтельству? На первый взглядъ традиція носитъ характеръ домысла и притомъ ученаго, особенно въ той обстановкѣ, въ какой она находится. Происхожденіе такой замѣтки можетъ быть только литературнымъ, основаннымъ на записи, все же остальное въ нашемъ житіи восходитъ къ памятникамъ мѣстнаго культа. Обѣ традиціи, такимъ образомъ, плохо вяжутся одна съ другой. Единственное, что можно было бы предположить для объясненія указанной связи — это то, что авторъ житія связалъ мѣстную достовѣрную традицію съ литературнымъ достовѣрнымъ же преданіемъ не мѣстнаго происхожденія, что̀ врядъ ли будетъ кѣмъ-либо признано особенно вѣроятнымъ.

Присматриваясь къ преданію, т. е. къ житію, мы видимъ, что оно рѣзко распадается на двѣ главныя части (не считая разсказа объ Эѳеріи): на часть о Василеѣ и его товарищахъ и на плохо связанную съ нею чисто внѣшнимъ образомъ часть, содержащую разсказъ о Капитонѣ. Первая часть выводитъ херсонесскій епископатъ

[1]) См. В. В. Латышевъ, Житія св. епископовъ херсонскихъ. С.-Петербургъ 1906 (*Зап. Имп. Акад. Наукъ*, VIII, 3).

[2]) См. Ив. Франко̀, Сьвятий Климентъ у Корсуні, у Львові 1906, гл. VIII; Е. Е. Голубинскій, Херсонскіе священномученики, память которыхъ 8 марта. *Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ*, 1907 (XII), 263 слл.; К. Харламповичъ, *Зап. Каз. Унив.*, 1908.

[3]) Я не могу входить въ подробное изслѣдованіе житія, тѣмъ болѣе, что работа эта уже сдѣлана Франко̀ и Латышевымъ. Довольствуюсь поэтому краткой формулировкой моего мнѣнія.

изъ Палестины, вторая—изъ Константинополя; соединеніе ихъ чисто механическое. Не скрою, что контаминація въ одномъ житіи двухъ преданій разнаго происхожденія и разныхъ тенденцій мнѣ представляется поэтому весьма вѣроятной. Создана могла быть эта контаминація, конечно, только тогда, когда разница тенденцій обоихъ житій уже не была актуальной, можетъ быть, въ VII в., какъ предполагаетъ В. В. Латышевъ. Какъ третья составная часть выдѣляется, также только внѣшне связанная со всѣмъ остальнымъ, легенда о св. Эѳеріи, примкнувшая, какъ сказано, къ мѣсту культа, на этотъ разъ внѣ Херсонеса—къ гробницѣ святого въ устьяхъ Днѣпра, на островѣ, осѣненномъ деревьями [1]).

Передъ нами, такимъ образомъ, компиляція, причемъ отдѣльныя части компиляціи восходятъ, несомнѣнно, къ разнымъ авторамъ.

Анализъ херсонесскихъ гробницъ показываетъ, что первая, іерусалимская часть восходитъ къ тому зерну христіанской общины Херсонеса, которое, какъ показали разобранныя гробницы, тѣснѣйшимъ образомъ связано было съ Сиріей и Палестиной, отнюдь же не съ Константинополемъ, причемъ духовенство этой древнѣйшей общины было, вѣроятно, не мѣстнымъ, а пришлымъ и притомъ пришлымъ съ юга. Въ средѣ этой древнѣйшей общины чтили первомученика Василея и его товарищей, при чемъ культъ ихъ примкнулъ къ ихъ погребеніямъ, мѣсто которыхъ не было забыто. Въ связи съ этими погребеніями и ихъ культомъ возникла и одна изъ древнѣйшихъ церквей Херсонеса, мартиріонъ въ центрѣ восточнаго некрополя, гдѣ погребены были три мученика — сподвижники и преемники Василея. При этомъ возможно, что среди христіанской общины сохранялось и преданіе о томъ, что первомученики были чужеземцы, выходцы изъ Сиріи или Палестины. Точной даты мученія, конечно, не помнили, но пріуроченіе ея къ гоненію Діоклетіана вполнѣ возможно.

Когда Херсонесъ съ теченіемъ времени въ церковномъ, какъ и въ политическомъ отношеніи сдѣлался вполнѣ зависимымъ отъ Византіи, мѣстное духовенство его, сохранившее сирійскія традиціи, пыталось бороться съ этимъ, и орудіемъ борьбы сдѣлалось житіе херсонесскихъ первомучениковъ, которые тогда только,

[1]) Исторію контаминаціи сирійскаго и константинопольскаго житія хорошо иллюстрируетъ новая, въ высшей степени интересная редакція житія, сохранившаяся до насъ въ грузинскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ греческаго текста, авторомъ котораго былъ Іоаннъ Ксифилинъ (см. В. Латышевъ и К. Кекелидзе, Житіе свв. епископовъ херсонскихъ въ грузинской минеѣ, *И. И. А. К.*, вып. 49, 75 сл.; тамъ же указанія на другія статьи В. В. Латышева по вопросу о минеѣ Ксифилина). Новая редакція прекрасно разобрана В. В. Латышевымъ, выяснившимъ ея отношеніе къ славянскимъ и греческимъ версіямъ. Насъ интересуетъ въ этой новой редакціи, главнымъ образомъ, трактовка эпизода о св. Эѳеріи съ рядомъ новыхъ подробностей, несомнѣнно, придающихъ цѣльность всему конгломерату. Присматриваясь ближе къ новшествамъ грузинской редакціи, легко увидѣть, какъ эпизодъ объ Эѳеріи, можетъ быть, его самостоятельное житіе, примыкавшее къ памятникамъ его культа на «Островѣ» и не имѣвшее первоначально отношенія къ Херсонесу, было использовано предположеннымъ Латышевымъ составителемъ слова или сборнаго житія для того, чтобы связать два совершенно чуждыя другъ другу житія—одно сирійскихъ первомучениковъ, другое епископа Капитона. Для этого Эѳерій былъ сдѣланъ ставленникомъ Ермона и рядомъ съ этимъ изобрѣтена была его поѣздка къ Константину, которая объясняла и его смерть внѣ Херсонеса. Для того же, чтобы сдѣлать понятной дѣятельность Капитона, предполагающую христіанское населеніе въ Херсонесѣ, присоединена была нелѣпая выдумка о выселеніи всѣхъ язычниковъ изъ Херсонеса. Какова была первоначальная редакція житія Эѳерія, намъ поэтому остается неизвѣстнымъ. Вполнѣ понятно, что въ позднѣйшихъ редакціяхъ слова (оригиналъ грузинскаго перевода я считаю очень близко стоящимъ къ подлинному слову) эпизодъ Эѳерія, мало интересный самъ по себѣ, лишенный чудесъ и не связанный съ Херсонесомъ, подвергся особенно сильнымъ сокращеніямъ, затемнившимъ его роль въ композиціи сборнаго литературнаго житія.

вѣроятно, сдѣлались изъ простыхъ пришельцевъ-миссіонеровъ рукоположенными Ермономъ епископами и только тогда изъ области культа перешли въ область литературы.

Въ противовѣсъ этому, византійское духовенство выдвинуло фигуру Капитона, сдѣлавъ его конкуррентомъ Василея и передавая о немъ чудо, равносильное чуду, которое приписали Василею, т. е. чудо огня. Чудо огня Капитона, такое же шаблонное, какъ и чудо Василея, очевидно, должно было быть ему противовѣсомъ. Недаромъ же оно облеклось въ такія же литературныя формы, какъ и чудо Василея [1]).

Когда это случилось, когда возникли обѣ разнородныя и противоположныя другъ къ другу части житія, я не знаю, но во всякомъ случаѣ до появленія того сборнаго житія, которое пріурочено В. В. Латышевымъ къ VII в. Самая борьба возможна и мыслима только сравнительно близко ко времени укрѣпленія византійскаго вліянія, т. е. къ первымъ временамъ послѣ Константина.

Возможно было бы, конечно, идти еще дальше и отрицать не только историчность посвященія во епископы херсонесскихъ мучениковъ, но и самое ихъ существованіе, считая ихъ только фиктивными пѣшками въ борьбѣ за автокефалію [2]). На такое толкованіе, однако, я никакъ рѣшиться не могу. Фактъ существованія культа мучениковъ въ Херсонесѣ, на мой взглядъ, несомнѣненъ. Несомнѣнно и то, что традиція о нихъ примыкала къ ряду памятниковъ, среди которыхъ наиболѣе видную роль играли ихъ могилы. Если бы этого пріуроченнаго къ опредѣленнымъ мѣстамъ культа не было, то все житіе для херсонесцевъ было бы совершенно непріемлемо, а слѣдовательно не нашло бы здѣсь того широкаго распространенія, о которомъ свидѣтельствуетъ изобиліе позднѣйшихъ редакцій житія. И культъ этотъ, конечно, не былъ безыменнымъ.

Это даетъ уже толкованіе самого житія. Подтвержденіе этому толкованію я вижу въ двухъ расписныхъ вышеопубликованныхъ гробницахъ. Совершенно внѣ зависимости отъ литературнаго преданія я пришелъ къ выводу, что гробница 1853—1904 г. и гробница на землѣ Н. И. Тура, весьма вѣроятно, чтились какъ гробницы мучениковъ. Такое толкованіе стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ данными литературнаго преданія. Намъ говорятъ о погребеніи за западными воротами города мученика Василея: гробница на землѣ Тура какъ разъ находится за этими воротами. Трое мучениковъ погребены на восточномъ кладбищѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ роли и исторіи восточнаго кладбища, сдѣлавшагося постепенно главнымъ христіанскимъ кладбищемъ Херсонеса [3]). И какъ разъ здѣсь, на этомъ кладбищѣ, мы находимъ странную гробницу 1853 г.

[1]) Интересно видѣть, какъ отстаиваетъ авторъ чуда Капитона автентичность его и автентичность самого Капитона, ссылаясь на его сообщеніе царю Константину на Никейскомъ соборѣ. Это такая же ученая справка, какъ имя епископа іерусалимскаго Ермона у противной стороны. Борцы обоихъ лагерей, несомнѣнно, были людьми начитанными.

[2]) Такъ склоненъ поступить Франко въ вышеупомянутой работѣ. Принимая съ нѣкоторыми модификаціями критику его и Голубинскаго, насколько она относится къ достовѣрности вопроса о посылкѣ епископовъ въ Іерусалимъ Ермономъ, я равно скептически отношусь къ отрицанію Франко самого существованія херсонесскихъ мучениковъ, какъ и къ исторіи христіанства въ Херсонесѣ, созданной акад. Голубинскимъ. О какомъ-либо вліяніи готовъ въ Херсонесѣ мы ничего не знаемъ.

[3]) До IV в. по Р. Хр. на этомъ кладбищѣ хоронили только спорадически, вѣроятно, въ виду его отдаленности отъ города и скалистой почвы. Гробницъ болѣе раннихъ здѣсь очень мало. Болѣе часты сдѣлались здѣсь погребенія, когда вошли въ обычай комнатныя гробницы. Но время наибольшаго процвѣтанія—это эпоха расцвѣта христіанства. Объяснить ростъ кладбища какъ разъ въ это время можно, конечно, только тѣмъ, что здѣсь, въ этомъ отдаленномъ, демократическомъ, когда-то почти заброшенномъ мѣстѣ, похоронены были первомученики Херсонеса.

Но роспись эта не можетъ быть отнесена къ Діоклетіановскому времени. Она, несомнѣнно, принадлежитъ болѣе позднему времени. Какъ разъ эта принадлежность ея эпохѣ торжества христіанства и даетъ ключъ къ пониманію какъ самой росписи, такъ и исторіи обоихъ склеповъ.

Я не стану повторять здѣсь того, что уже было сказано выше объ исторіи склеповъ и ихъ росписи. Прямыхъ доказательствъ принадлежности гробницъ мученикамъ у меня нѣтъ, такъ какъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ ни одна изъ гробницъ не сохранила и сохранить не могла. Но вѣроятное превращеніе гробницы на землѣ Н. И. Тура въ церковку, чисто символическій характеръ росписи въ гробницѣ 1853 г., исторія всего погребенія и, особенно, распредѣленіе въ ней росписи дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ принадлежность гробницъ не обыкновеннымъ смертнымъ, а особо чтившимся подвижникамъ. Въ другихъ гробницахъ, особенно въ гробницѣ 1905 г., гдѣ погребены были обыкновенные fideles, роспись распредѣлена совершенно иначе. Правда, символическая роспись гробницы 1853 г. вполнѣ мыслима и въ гробницѣ обыкновеннаго смертнаго. Вполнѣ обычны, какъ было показано выше, свѣчи, вѣнки — символъ жизни и славы, лоза, деревья съ фруктами, птицы, какъ символы рая, и т. д.; но не надо забывать, что и въ христіанствѣ, какъ и въ язычествѣ, существовала опредѣленная тенденція сблизить простыхъ смертныхъ и героевъ, возвеличить обыкновенныхъ людей символами, которые въ основѣ своей характеризуютъ и прославляютъ героя [1]).

Не будемъ забывать, что все убранство христіанской гробницы вообще и особенно гробницъ мучениковъ въ Херсонесѣ есть прямой деривать росписи гробницъ языческихъ постольку, поскольку онѣ были гробницами не обыкновенныхъ смертныхъ, а божественныхъ героевъ. Вся система росписи и выборъ сюжетовъ въ языческихъ гробницахъ понятны намъ лишь постольку, поскольку здѣсь соединяются представленія о загробномъ жилищѣ покойника и о культѣ и прославленіи героя. Отсюда и вся символика языческихъ погребеній, воспринятая почти цѣликомъ и раннимъ христіанствомъ.

---

[1]) См., напримѣръ, F. Pfister, Der Reliquiencult im Altertum, II (*Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten* V, 2), Giessen 1912, 922 сл.

Приложенiе.

Катакомбы на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы.

(Объясненія къ табл. I—II).

Бо̀льшая часть сѣверной покатости горы Митридата занята своеобразнымъ древнимъ некрополемъ. На разной глубинѣ, въ мягкихъ слояхъ рыхлой скалы или плотной глины высѣчены погребальныя комнаты разныхъ размѣровъ, снабженныя каждая входомъ въ видѣ арки. Входы эти устраиваются всегда въ одной изъ короткихъ сторонъ продолговатаго четыреугольнаго дромоса, который вырѣзывается въ скалѣ наподобіе большого ящика или колодца. Въ другой короткой сторонѣ дромоса, противъ входа, дѣлается обыкновенно крутая лѣстница, состоящая изъ нѣсколькихъ узкихъ и высокихъ ступеней, по которымъ, иногда съ большимъ трудомъ, можно спускаться на дно дромоса. Въ длинныхъ стѣнахъ дромоса нерѣдко встрѣчаются подбойныя гробницы, заключающія въ себѣ костяки и вещи того же типа, что и вещи, находимыя въ самихъ склепахъ. Дромосы тѣхъ катакомбъ, которыя не подвергались разграбленію кладоискателей, проникшихъ въ склепъ черезъ входную арку, обыкновенно засыпаны чистой свѣтло-желтой землей или пескомъ, т. е. тѣмъ матеріаломъ, который выбрасывался изъ камеры при ея устройствѣ въ мягкой известняковой скалѣ или плотно слежавшейся глинѣ. Входъ въ камеры этихъ склеповъ всегда закрытъ съ внѣшней стороны большой четыреугольной плитой изъ плотнаго известняка, къ которой для бо̀льшей устойчивости прислонена одна или двѣ подпорки изъ того же камня. Входы въ керченскія катакомбы этой мѣстности устроены большею частью съ сѣверной стороны, т. е. въ южной короткой стѣнѣ дромоса.

Въ стѣнахъ камеры, кромѣ той, въ которой устроенъ входъ, высѣчены обыкновенно три лежанки разныхъ размѣровъ и, кромѣ того, небольшія ниши. На лежанкахъ лежатъ костяки въ деревянныхъ гробахъ, изрѣдка закутанные въ матерію. Если въ камерѣ нѣтъ лежанокъ или если лежанки были переполнены гробами, тогда покойниковъ помѣщали на полу катакомбы, подкладывая подъ гробы камни, чтобы они не подвергались разрушительному дѣйствію сырости. Въ нишахъ, которыя чаще всего устраивались по обѣимъ сторонамъ входа или рядомъ съ лежанками, находятся лампадки и стекляные сосуды разныхъ видовъ.

Стѣны громаднаго большинства керченскихъ катакомбъ (число этихъ подземныхъ склеповъ доходитъ, на мой взглядъ, до тысячи) только въ рѣдкихъ случаяхъ украшены фресковою живописью; онѣ обыкновенно голы, не покрыты штукатуркой.

Почти весь этотъ огромный некрополь застроенъ въ настоящее время западной частью города Керчи и, главнымъ образомъ, его предмѣстьемъ, носящимъ названіе Татарской слободки. Восточной границей некрополя служитъ верхняя часть Гос-

питальной улицы съ нѣсколькими дворами, примыкающими къ ней съ В., сѣверной—Константиновская улица и ея продолженіе, гдѣ до сихъ поръ не найдено ни одной катакомбы, и усадьбы, расположенныя къ Ю. отъ Почтовой дороги или Ѳеодосійской улицы. Ряды катакомбъ, проходя отъ В. къ З., все больше и больше приближаются къ Почтовой дорогѣ; возлѣ известковыхъ печей Головлева онѣ пересѣкаютъ улицу, направляясь къ татарскому кладбищу, расположенному вправо отъ дороги. Въ сѣверномъ склонѣ холма, замыкающаго Почтовую улицу, открытъ цѣлый рядъ простыхъ и двойныхъ катакомбъ, отличающихся правильностью устройства и тщательною отдѣлкою. Продолжаются ли эти ряды склеповъ подъ склономъ, занятымъ татарскимъ кладбищемъ, трудно сказать, потому что тамъ нельзя было произвести развѣдокъ. Къ З. отъ татарскаго кладбища и за полотномъ желѣзнодорожной вѣтки, соединяющей керченскій вокзалъ съ крѣпостью, тянется узкая полоса катакомбъ вплоть до древняго вала, проходящаго отъ вершины Золотого кургана до деревни Катерлеса. Южную границу могильника образуютъ, приблизительно, Эспланадная улица и сѣверная сторона извѣстной аллеи кургановъ. Внѣ этой черты, къ Ю. отъ некрополя, расположена только катакомба 1872 г., впервые изданная В. В. Стасовымъ (см. гл. XXX, табл. I, 14).

За этой чертой находятся также склепы 1852 года (табл. I, 18) и двойной склепъ, открытый въ 1908 году (табл. I, 17), но эти двѣ гробницы принадлежатъ къ совершенно иному типу погребальныхъ сооруженій, какъ потому, что онѣ были построены изъ камня, а не высѣчены въ скалѣ или въ плотномъ грунтѣ земли, такъ и потому, что обѣ онѣ относятся къ болѣе раннему времени, чѣмъ некрополь, предѣлы котораго обозначены въ предыдущихъ строкахъ (ср. Отчетъ о раскопкахъ въ гор. Керчи въ 1904 г. въ *И. И. А. К.*, вып. 25, стр. 2).

Нелишнимъ считаемъ указать еще на то, что самые густые ряды и самое большое количество катакомбъ находятся въ восточной части некрополя, начиная отъ Госпитальной улицы и кончая западной стороной 1-ой Подгорной улицы и тупикомъ, подъ которымъ устроенъ дромосъ катакомбы 1894 года (табл. I, 9).

Относительно вопроса, откуда былъ заимствованъ обычай устраивать въ землѣ такого рода склепы, и относительно времени, когда это нововведеніе укоренилось на обоихъ берегахъ Боспора Киммерійскаго, нами было высказано въ другомъ мѣстѣ (*И. И. А. К.*, вып. 30, стр. 2) слѣдующее мнѣніе: если принять въ разсчетъ характеръ вещей, найденныхъ до сихъ поръ въ керченскихъ катакомбахъ на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, можно придти къ заключенію, что этотъ типъ погребальныхъ сооруженій появился на Боспорѣ около начала нашей эры. Весьма вѣроятно также, что онъ былъ заимствованъ еще во время Миѳрадата В. у жителей Малой Азіи и перенесенъ въ Боспорское царство изъ городовъ Амиса, Амасіи и др., съ которыми Пантикапей велъ обширную торговлю и гдѣ встрѣчаются подобные склепы, высѣченные въ мягкой скалѣ (D. Robinson, Ancient Sinope, стр. 241; Fr. Cumont, Voyage d'exploration archéologique dans le Pont, стр. 113 — планъ амисскаго подземелья, который поразительно похожъ на планы катакомбъ, устроенныхъ подъ сѣверной покатостью горы Митридата).

В. Шкорпилъ.

Дополненія и поправки.

(Рис. 94—98).

Гл. I, стр. 12.

Для исторіи и датировки такъ называемыхъ *рыбныхъ блюдъ* большое значеніе имѣетъ находка на Тамани превосходнаго вполнѣ сохранившагося экземпляра этого рода сосудовъ, см. Pharmakovsky, *Arch. Anz.*, 1913, 179, рис. 8; ср. ibid., 1911, 205, рис. 17; Стефани, *О. И. А. К.*, 1876, Прил., 164 сл.

Гл. I, стр. 24.

Императорскому времени принадлежитъ и часть *мраморнаго плафона* изъ коллекціи Somzée, нынѣ въ Брюссельскомъ музеѣ du Cinquantenaire. Здѣсь въ центрѣ большой *кассетты* изображена женская голова впрямь въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ. По сторонамъ болѣе мелкія кассетты съ розеткой въ центрѣ каждая. См. A. Furtwängler, Collection Somzée, стр. 49, № 68; F. Cumont, Catalogue des sculptures et inscr. des Musées du Cinquantenaire (Bruxelles 1913), стр. 135, № 116.

Гл. II, стр. 41, 2 (рис. 94).

Двѣ совершенно идентичныя *фалары* (см. рис. 94) находятся въ Лондонѣ въ Victoria and Albert Museum (инв. № 5624—01 и 5628—01), куда онѣ были переданы изъ музея Географическаго Общества. Размѣры ихъ одинаковы съ размѣрами бляшекъ перваго склепа Васюринской горы (0,07 м., одна нѣсколько больше). Какъ онѣ попали въ Лондонъ, является загадкой. Думается, что это лишнее доказательство того, насколько поверхностно производились разслѣдованія даже богатыхъ погребеній: фалары либо были украдены рабочими, либо остались въ недослѣдованномъ до конца погребеніи.

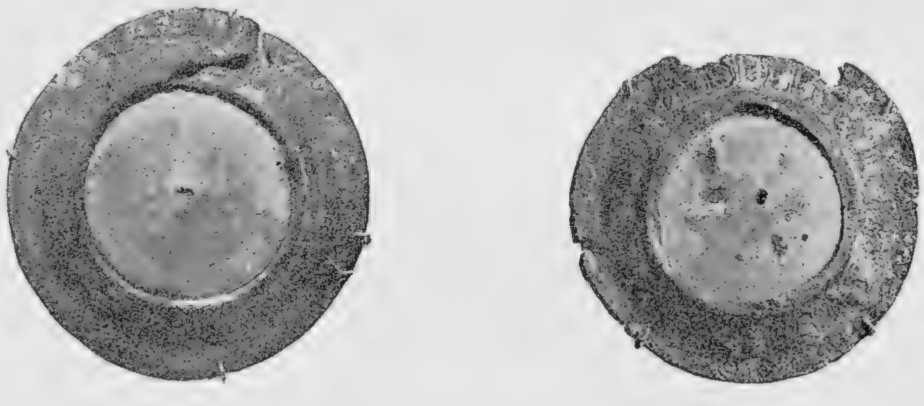


Рис. 94. Фалары изъ Васюринскаго кургана, нынѣ въ Лондонѣ.

Гл. II, стр. 42, ср. 59 и 64.

Для *жертвоприношенія собаки* аналогію даетъ одно наблюденіе, сдѣланное графомъ А. А. Бобринскимъ (Курганы, II, 88). Описывая могилы около Поповки у лѣваго берега р. Тенетинки, онъ указываетъ, что въ неразграбленномъ курганѣ CLXXXVIII «сверху, надъ могильной ямой, настлана деревянная крыша и затѣмъ вся могила засыпана была черноземомъ. Надъ крышею разрублена была собака и куски ея брошены частью въ могилу, частью въ землю, составляющую насыпь». Ниже на стр. 91 графъ Бобринской указываетъ, что въ другихъ погребеніяхъ изслѣдуемой имъ мѣстности кости собакъ попадаются чрезвычайно рѣдко.

Гл. II, стр. 42 и прим. 1, ср. стр. 57.

Налобники и *наушники*, о которыхъ я говорю въ указанныхъ мѣстахъ, до сихъ поръ полностью не сопоставлены и не разобраны, какъ не существуетъ и вообще до сихъ поръ серьезной научной

попытки разобраться въ огромномъ матеріалѣ конскаго убора, найденномъ въ разновременныхъ курганныхъ и иныхъ погребеніяхъ юга Россіи. Между тѣмъ, этотъ матеріалъ—одинъ изъ наиболѣе благодарныхъ и обильныхъ—важенъ не только съ бытовой стороны. Расположенный хронологически, онъ далъ бы намъ рядъ драгоцѣнныхъ фактовъ какъ для исторіи такъ называемаго скиѳскаго стиля, такъ и для исторіи религіозныхъ воззрѣній, а, можетъ быть, и для этнографіи южной Россіи. Новѣйшая находка (золотые налобники въ формѣ рыбъ и золотые наушники въ формѣ крыльевъ изъ кург. Солоха), о которой рѣчь была на стр. 42, 1, издана и разобрана теперь въ связи съ остальнымъ матеріаломъ проф. Веселовскимъ, *И. И. А. К.*, 47 (1912), 96—103, табл. II и III; ср. о подобнаго рода же рода налобникахъ и наушникахъ въ формѣ рыбъ и крыльевъ M. Rostowzew, Fische als Pferdeschmuck въ Opuscula archaeologica Osc. Montelio oblata (Stockholm 1913), стр. 223 слл., ср. *И. И. А. К.*, 49 (1913), 45 сл. и 140; B. Pharmakovsky, *Arch. Anz.*, 1913, 217 сл., рис. 66. Кое-что сопоставлено, но не разобрано у Minns'a, Scythians and Greeks, 75 сл. Важно подчеркнуть, что налобникъ Васюринской горы (табл. XX, 2) былъ укрѣпленъ на лбу лошади не вертикально, а такъ, какъ онъ изображенъ на таблицѣ. Это доказываютъ изображенныя тамъ же привѣски въ формѣ полумѣсяцевъ. Къ этому налобнику очень близко стоятъ налобники изъ с. Лазурцы, Каневскаго уѣзда, и изъ Бобрицкаго могильника (графъ А. А. Бобринской, Курганы, III, 98; рис. 51—59 и 128, рис. 67, ср. 130, рис. 69), хотя положеніе ихъ на головѣ лошади было иное, чѣмъ положеніе интересующаго насъ налобника перваго склепа Васюринской горы. Для датировки налобника Бобрицкаго могильника важенъ краснофигурный лекиѳикъ, найденный вмѣстѣ съ нимъ (графъ Бобринской, ibid., табл. XX, 4).

Гл. II, стр. 46, ср. стр. 399 и 398.

Для выясненія вопроса о *портретахъ и статуяхъ* усопшихъ въ гробницахъ и около гробницъ считаю нелишнимъ дополнительно указать на слѣдующія наблюденія. Около описаннаго на стр. 399 склепа во дворѣ Ѳ. Ботаченка найдено было, между прочимъ, метрическое надгробіе Ѳеофилы (*И. И. А. К.*, 14, стр. 124 слл., № 47), гдѣ имѣются слѣдующіе стихи (ст. 13 слл.): ὁ δὲ σπείρας Ἑκαταῖος] οὔνομα δυστήνου μοῦνον ἔχει φθιμένης,| [μ]ορφὰν δ'ἐν πέτραι λεύσ[σ]ει σεο κτλ. В. В. Шкорпилъ въ письмѣ отъ 6 февраля 1913 г. высказываетъ предположеніе, что въ эпиграммѣ указывается на статую усопшей. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 1 октября 1913 г. онъ склоняется къ болѣе правильному, на мой взглядъ, мнѣнію, что имѣется въ виду не статуя, а изображеніе и надпись на стелѣ. Такое толкованіе, а также то, что скульпторы должны были согласно желанію заказчиковъ изображать на стелахъ портреты усопшихъ (это имъ, конечно, не удавалось), ясно слѣдуетъ изъ надгробной эпиграммы, изданной Шкорпиломъ въ *И. И. А. К.*, 45, стр. 16, № 7, гдѣ подъ изображеніемъ загробной трапезы написано: πρίν με θανεῖν, κατά|κειμ(αι) ἐνθάδε ἐπὶ στη|λίδι γλυπτῇ κουριδίης ἕνεκεν Κλεοπάτρας... Заказчикъ стелы, такимъ образомъ, былъ изображенъ на ней еще при жизни. Въ томъ же письмѣ В. В. Шкорпилъ указываетъ на возможность датировать склепъ еще I вѣкомъ по Р. Хр., такъ какъ рельефы, найденные въ немъ, не могутъ относиться къ болѣе позднему времени. Еще одна надпись, найденная тамъ же, издана Шкорпиломъ въ *И. И. А. К.*, 49, 73, № 12.

Гл. II, стр. 47 слл. (рис. 95).

Отмѣчу для избѣжанія недоразумѣній, что такъ называемыя *навершья* поставилъ въ связь съ колесницами-катафалками уже Я. И. Смирновъ (*Arch. Ertesitö*, 1894 (XIV), 385). Укажу также, что обыкновенно наши навершья ставятъ въ связь съ бунчуками или со знаками власти погребеннаго (см. сопоставленіе большого количества матеріала и всѣхъ попытокъ объясненія у графа А. А. Бобринскаго, Курганы, III, 63 слл.; ср. Minns, Scythians and Greeks, 77 сл.). Объясненіе это я нахожу невозможнымъ. Знаки власти въ гробницахъ находятся, но они имѣютъ форму сѣкиры на короткой ручкѣ (см. Ростовцевъ, *И. И. А. К.*, 49, стр. 9; ср. графъ Бобринской, Курганы, III, 62, III, 2, 7, ср. табл. XI, 1; II, табл. XXIV, 20, ср. III, табл. XI, 2) съ украшеніями. Теорію знаковъ или бунчуковъ дѣлаетъ невозможной, кромѣ указанныхъ соображеній, то обстоятельство, что навершья находятся регулярно въ количествѣ четырехъ экземпляровъ, часто положенными такъ, что ихъ роль жердей переноснаго или перевознаго катафалка становится несомнѣнной. Поучительна могила съ четырьмя навершьями, перевезенная Н. Е. Бранденбургомъ цѣликомъ въ Петербургъ и выставленная въ Артилерійскомъ музеѣ. Любезности Н. М. Печенкина я обязанъ фотографіей съ этой гробницы (см. рис. 95). Описаніе этой гробницы даетъ Н. Е. Бранденбургъ, Журн. раск. Н. Е. Бранденбурга 1888—1902, Спб. 1908, стр. 151, № 140. То же число четыре мы наблюдаемъ и въ Старшой могилѣ около Аксютинецъ, см. Бобринской, l. l., 60: «Въ юго-восточномъ углу найдены остатки удилъ и четыре бронзовыхъ предмета въ родѣ колокольчиковъ-бубенчиковъ на желѣзныхъ стерженяхъ, остатки древка и матеріи»...; ср. находку Мазараки въ 1897, Бобринской, ibid., 65, ср. 82 слл. То же число мы видимъ и въ рядѣ вышеприведенныхъ большихъ царскихъ погребеній. Древнѣйшимъ примѣромъ переноснаго катафалка являются, можетъ быть, загадочные прутья

съ укрѣпленными на нихъ фигурами быковъ изъ Майкопскаго кургана, о которыхъ докладывалъ Б. В. Фармаковскій на Лондонскомъ историческомъ съѣздѣ 1913 г. Навершья далеко не всѣ имѣютъ одну форму, но для всѣхъ формъ одинаково характерно то, что къ нимъ можно было привязать шнуры полога или ковра и что на нихъ навѣшены были колокольчики; наконецъ, самая форма въ большинствѣ случаевъ носитъ апотропэическій характеръ, что особенно сказывается въ навершьяхъ въ формѣ большихъ бубенчиковъ. Всѣ эти особенности рѣшительно не подходятъ къ предмету, который долженъ былъ быть знакомъ царской власти или знаменемъ. Характерно, что такія навершья, имѣющія свое продолженіе въ сибирскихъ древностяхъ, находятъ себѣ параллели въ памятникахъ Каппадокіи, можетъ быть, очень раннихъ, представляющихъ дериватъ хеттскихъ типовъ и техники. Нѣсколько такихъ навершій хранятся въ Луврѣ, въ Парижѣ и будутъ въ ближайшемъ будущемъ изданы Pottier. Существованіе этихъ параллелей уничтожаетъ возможность вывести типъ интересующихъ насъ предметовъ изъ области монгольскаго сѣверо-востока. И здѣсь мы можемъ считаться только съ южными вліяніями.

Рис. 95. Гробница съ навершьями, открытая Н. Е. Бранденбургомъ, нынѣ въ Артиллерійскомъ музеѣ.

Гл. II, стр. 55 слл.

Указанныя здѣсь *фалары* принадлежатъ не Чертомлыцкому, а Александропольскому кургану и датируются Стефани (*О. И. А. К.*, 165 Прил., 167 сл.) IV вѣкомъ до Р. Хр. (ср. о датѣ выше стр. 37 слл.). Характерно, что къ этимъ фаларамъ очень близки по стилю фалары изъ женскаго склепа Б. Близницы (стр. 11 сл.), принадлежавшія къ убору уздечекъ четырехъ погребенныхъ въ этомъ склепѣ лошадей, привезшихъ, очевидно, бренные остатки покойницы къ мѣсту ея послѣдняго упокоенія. Если бы курганъ дослѣдованъ былъ до конца, то, можетъ быть, найдены были бы по сосѣдству и остатки колесницы. См. *О. И. А. К.*, 1864, VII; 1865, Прил., стр. 164 сл. Эти сопоставленія важны потому, что доказываютъ лишній разъ одновременность погребеній кургана Б. Близницы, Васюринской горы и Александропольскаго кургана, что подтверждается и керамическими находками. Одинаковъ во всѣхъ трехъ случаяхъ и обрядъ погребенія.

Гл. II, стр. 58.

Βόθροι кургана Большой Близницы упоминаются и Frazer'омъ въ его комментаріи къ Paus. X, IV, 10 (т. V, стр. 227 слл.). Отмѣчу, однако, что βόθρος Б. Б. отнюдь не то же, что ὀπαὶ Павсанія, такъ какъ βόθρος находился рядомъ съ погребеніемъ, а ὀπαί—надъ гробницами. Общимъ у обоихъ является только то, что оба являются не временными, а постоянными сооруженіями, если дѣйствительно βόθροι Б. Б. не были засыпаны землей немедленно послѣ погребенія. Ὀπαὶ продолжали существовать и въ римское время, см. Frazer, l. l.; F. Wieland, Altar und Altargrab, Leipzig 1912, 151 слл. О Б. Б. см. также E. H. Minns, Scythians and Greeks, стр. 423 слл., особ. 425 и 429.

Гл. II, стр. 65 слл., ср. стр. 74.

Очень близкія параллели къ *декоративной системѣ перваго склепа Васюринской горы и Керченскаго склепика 1908 г.* даютъ, конечно, и остальныя расписныя гробницы Македоніи, очень близко

стоящія къ упомянутой въ текстѣ гробницѣ изъ македонской Ѳракіи, открытой и изданной Kinch'омъ (см. Kinch, Beretning om en archäologiske Reise i Makedonien, Kobenhavn, 1893). Я не перечислилъ ихъ въ текстѣ, такъ какъ онѣ упомянуты въ указанныхъ тамъ работахъ Тирша и Бюлара. Для полноты изложенія считаю необходимымъ всетаки указать ихъ здѣсь. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ изданы очень неудовлетворительно. Кое-какіе фрагменты штукатурки этихъ склеповъ хранятся нынѣ въ Луврѣ. Такъ куски мраморированныхъ квадръ изъ корридора склепа въ Курино (около Пидны), куски желтаго стука изъ Палатицы, окрашенные въ красный цвѣтъ куски павимента изъ погребальныхъ комнатъ обоихъ (?) склеповъ. О склепѣ Палатицы см. Heuzey et Daumet, Mission en Macédoine, стр. 221 слл., табл. 15; о склепѣ въ Курино (Пидна)—ibid., 247 слл., табл. 18; о склепѣ Пеллы: Delacoulonche, Berceau de la puissance Macédonienne, стр. 76 (*Arch. d. missions scientifiques*, 1858); Heuzey et Daumet, ibid., стр. 251 слл. Склепы Палатицы и Пеллы Heuzey датируетъ эпохой до Александра, склепъ Пидны—временемъ послѣ него, но до битвы при Пиднѣ, см. Heuzey et Daumet, l. l., 265 сл. Датировка эта блестящимъ образомъ подтверждается указанными въ текстѣ соображеніями о датѣ склеповъ Васюринской горы.

Гл. III, стр. 80, ср. 64.

Для *завѣшиванія стѣнъ склеповъ матеріями* характерно наблюденіе, сдѣланное графомъ А. А. Бобринскимъ (*И. И. А. К.*, 14, 29). Въ одномъ погребеніи урочища Горячева онъ отмѣтилъ на одной изъ когда-то деревянныхъ стѣнъ склепа синій налетъ, «вѣроятно, отъ истлѣвшей крашеной ткани». Я отнюдь не утверждаю въ указанныхъ выше мѣстахъ, что всѣ нерасписанные склепы были увѣшаны по стѣнамъ коврами. Думаю, однако, что это было очень распространеннымъ обычаемъ. Весьма вѣроятно, конечно, что во многихъ случаяхъ пластинки изъ золота и серебра, находимыя у подножія стѣнъ склеповъ, были нашиты или набиты на подвѣшенныхъ на стѣнахъ предметахъ вооруженія и одежды. Такъ, напримѣръ, въ курганѣ у урочища Криворукова (гр. Бобринской, ibid., 9) пластинки, найденныя подъ стѣной, набиты были первоначально на горитъ, повѣшенный на стѣнѣ. Но тамъ, гдѣ пластинки сотнями равномѣрно лежатъ у подножія стѣнъ, онѣ, несомнѣнно, были нашиты на пологахъ. Въ большинствѣ старыхъ и новыхъ раскопокъ такія элементарныя вещи, къ сожалѣнію, не наблюдаются и не фиксируются.

Гл. XI, стр. 143 сл.

Для даты *погребальныхъ сосудовъ*, найденныхъ въ насыпи кургана, подъ которымъ находился склепъ 1832 г., очень важенъ одинъ экземпляръ сосуда этого типа, найденный въ Керчи и купленный въ 1910 г. В. В. Шкорпиломъ для Керченскаго музея. Не сообщаю подробнаго описанія полихроміи сосуда (розовыя гирлянды, розовыя и голубыя полосы) и не даю транскрипціи его надписей, чтобы не увеличивать объема дополненій; укажу только на то, что главная надпись сосуда, согласно сообщенію В. В. Шкорпила (письмо отъ 14 марта 1913 г.), читается: Ποπλίου. Это римское имя заставляетъ датировать сосудъ временемъ не ранѣе I в. до Р. Хр. Дату, предложенную въ текстѣ, приходится такимъ образомъ нѣсколько понизить.

Гл. XIV, стр. 165 слл.; гл. XVIII, стр. 216 слл.; гл. XIX, 236 слл.

Популярность *миѳа о Деметрѣ и Корѣ* въ Пантикапеѣ и связь этого миѳа съ загробными идеями подтверждаетъ и эпиграфика. Особенно характерно длинное метрическое надгробіе Ѳеофилы, *И. И. А. К.*, 14, 124 слл., № 47, гдѣ на разные лады варіируется мотивъ похищенія дѣвицы-невѣсты Плутономъ для брачнаго съ ней сожительства въ загробномъ царствѣ. Надгробіе украшало гробницу дѣвушки родомъ изъ Синопы. Нельзя ли видѣть въ этомъ указанія на то, что орфически-элевсинскія идеи проникли въ Пантикапей изъ Синопы? Ср. Сборникъ статей въ честь гр. А. А. Бобринскаго, стр. 137 слл. Къ сказанному тамъ прибавлю, что въ гробницѣ одного синопца (*И. И. А. К.*, 18, 132, № 49—надпись) найденъ, кромѣ надгробія, перстень съ рѣзнымъ камнемъ на пальцѣ костяка. На камнѣ изображенъ бюстъ Сераписа. Укажу также на то, что метрическія надгробія синопцевъ неразъ встрѣчаются въ Керчи, и вездѣ мы находимъ орфическія мысли, см. I. o. s. P. E., II, 298, 11: εὐσεβέων ναίοις ἱερὸν δόμον, ср. *И. И. А. К.*, 23, стр. 33, № 8 (съ параллелями, указанными В. В. Латышевымъ); I. o. s. P. E., II, 299, v. 2 рисуетъ Аидъ въ видѣ враждебнаго существа. Въ вышеуказанномъ надгробіи Ѳеофилы характерно, вѣроятно, орфическое противопоставленіе Аида Плутону (v. 20 сл.: οὐκ Ἀίδας ζοφεραῖς ἀμφέβαλεν παλάμαις, | Πλούτων δ' εἰς θαλάμους τὰ γαμήλια λαμπάδι φέγγη | ἆψε, ποθεινοτάτην δεξάμενος γαμέτιν).

Гл. XVI, стр. 189 слл.

Интересно сравнить изображенный на боковой люнеткѣ *птичій выводокъ* съ подобнымъ же изображеніемъ на одной христіанской надгробной мозаикѣ, см. P. Gauckler, Inv. des mos. de la Gaule et d'Afrique, II, № 1028 (Tabarka); *Mon. Piot*, XIII (1907), 208, № XII, pl. I и fig. 6; Catal.

du Musée Alaoui, Suppl. A, стр. 30, № 313. Здѣсь въ нижнемъ ярусѣ на фонѣ луга изображены быкъ и гусыня съ гусенятами. Изображеніе это символизуетъ рай, который ждетъ погребенную.

Гл. XVIII, стр. 210 сл. (рис. 96).

Блестящимъ подтвержденіемъ моего предположенія о принадлежности двухъ *стекляныхъ сосудовъ*, найденныхъ въ Зайцевскомъ склепѣ, фабрикѣ *Энніона,* является сосудъ, хранящійся въ Metropolitan Museum въ Нью-Іоркѣ (рис. 96). Его форма и орнаментація во всѣхъ деталяхъ совпадаютъ съ формой и орнаментаціей вышеописанныхъ кувшиновъ, между тѣмъ онъ снабженъ извѣстной маркой Ἐννίων ἐποίει, которой нѣтъ на нашихъ сосудахъ. См. G. M. A. Richter, The Metropolitan Museum of Art. The room of ancient glass, *Suppl. to the Bulletin of the Metrop. Mus. of Art,* June, 1911, 16, рис. 16.

Рис. 96. Сосудъ фабрики Энніона въ Нью-Іоркѣ.

Гл. XVIII, стр. 211 слл., ср. 266 сл. и 383.

Саркофагъ, изданный на табл. LXII Атласа, издалъ и B. Pharmakovsky, *Arch. Anz.,* 1913, стр. 190, рис. 23. Для исторіи типа колончатыхъ саркофаговъ и спеціально воскресенія традиціи IV—III в. въ мраморныхъ саркофагахъ II в. по Р. Хр. очень интересенъ саркофагъ изъ Мельфи, изданный недавно достойнымъ образомъ R. Delbrueck'омъ, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* 1913, стр. 277 слл.; *Ant. Denkm.,* III, табл. 22—24. Изданный мною саркофагъ и сопоставленные съ нимъ аналогичные памятники позволяютъ думать, что перерыва традиціи колончатыхъ саркофаговъ не было вовсе, или онъ былъ очень кратокъ, мраморные же саркофаги II в. по Р. Хр. зависимы отъ деревянныхъ. Чрезвычайно интересна мысль Дельбрюка, что колончатые саркофаги вообще ведутъ свое происхожденіе не отъ храма, а отъ балдахина, осѣнявшаго гробъ. Изданный мною саркофагъ вполнѣ подтверждаетъ эту мысль, такъ какъ онъ былъ, несомнѣнно, только балдахиномъ надъ гробомъ, вкаченнымъ въ него на роликахъ съ одной изъ короткихъ сторонъ. То-же, очевидно, и въ саркофагѣ изъ Мельфи, см. Delbrueck, l. l., 307 сл. Напоминаю то, что сказано было мною выше о катафалкахъ и балдахинахъ, стр. 48, прим. 1. Долженъ покаяться, что я напрасно обвинилъ въ ук. м. Вацингера въ томъ, что онъ раздѣляетъ двѣ находки Карейши, сдѣланныя въ 1842 году. Находки, несомнѣнно, разныя, и саркофагъ, описанный Карейшей въ приведенномъ у меня извлеченіи изъ его отчета, не есть саркофагъ, изображенный Вацингеромъ на стр. 47, рис. 86. Этотъ послѣдній чрезвычайно похожъ на разобранные мной саркофаги и относится, вѣроятно, къ тому же времени. Характерно, что и онъ былъ только балдахиномъ надъ гробомъ, находившимся внутри его. Второй саркофагъ 1842 г., заключавшій въ себѣ не гробъ, а урну съ пепломъ, относится почти къ тому-же времени (см. Стефани, *О. И. А. К.,* 1878. Прил., стр. 134 сл.; характерна находка стекляныхъ сосудовъ) и украшенъ наверху такими же рѣзными вѣтками и листьями. Онъ, по правильному заключенію Карейши, былъ не саркофагомъ, а балдахиномъ для πρόθεσις (см. Delbrueck, l. l.), на которомъ, можетъ быть, несли покойника къ мѣсту сожженія и въ который затѣмъ помѣстили урну съ пепломъ. Чрезвычайно желательно было бы пересмотрѣть съ указанной точки зрѣнія вновь весь вопросъ о колончатыхъ саркофагахъ, изслѣдовавъ прежде всего южно-русскіе памятники въ хронологическомъ порядкѣ.

Гл. XVIII, стр. 218 слл. (табл. LIXa).

Въ вопросѣ о *происхожденіи цвѣточнаго стиля* чрезвычайно крупное значеніе имѣютъ позднеэллинистическіе расписные сосуды, украшенные натуралистическими цвѣтами, растеніями и животными. Даю на табл. LIX-а изображеніе двухъ цѣлыхъ сосудовъ этого типа и одного фрагмента, какъ ближайшую и характерную параллель къ цвѣточному орнаменту Зайцевской гробницы, а также какъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ примѣровъ изображенія гирлянды въ типѣ гирлянды-мѣшка или гирлянды-сѣтки. Входить здѣсь въ подробный анализъ обоихъ сосудовъ—одного найденнаго въ Ольвіи, другого въ Керчи,—я не имѣю возможности. Этому анализу я посвящаю особую статью, которая появится въ ближайшемъ будущемъ въ *И. И. А. К.* Здѣсь обращу вниманіе только на то, что, признавая египетское происхожденіе натуралистическаго цвѣточнаго стиля, я не могу не видѣть, что этотъ стиль пустилъ глубокіе корни и въ Сиріи, и въ М. Азіи, откуда онъ, можетъ быть, когда-то пришелъ и въ Египетъ. Какъ было показано при анализѣ христіанскихъ гробницъ Херсонеса (гл. LVIII), Зайцевскій склепъ даетъ какъ разъ рядъ особенностей сирійскаго натура-

лизма, чуждаго Египту въ эпоху ранняго эллинизма. Ближе всего стоитъ плафонъ нашей гробницы не столько къ натуралистической росписи египетскихъ сосудовъ, изображенныхъ на табл. LIX-л, сколько къ разобранной въ указанной выше моей статьѣ сирійской эпохоѣ съ изображеніемъ миөа Дафны. Надо помнить, между прочимъ, что цвѣты въ культѣ, и спеціально въ культѣ погребальномъ, въ такой же мѣрѣ обычны въ Египтѣ, въ какой свойственны всей Азіи. См., напримѣръ, надпись изъ Фригіи (Banat), гдѣ, согласно завѣщанію, гробница Т. Флавія Праксія должна ежегодно украшаться розами (Ramsay, *Rev. d. ét. anc.*, III (1901), 273; Chapot, ibid., IV (1902), 79 слл.; Ramsay, ibid., 267 сл.; F. Cumont, Catal. d. sc. et inscr. des Musées du Cinquant., № 143), ср. Ramsay, Cities and bish., II, 563 слл.; Perdrizet, *Bull. de corr. héll.*, XXIV, 300 слл.

Гл. XVIII, стр. 225, прим. 3.

Надпись Аполлонія и Сократа съ рельефомъ, на которомъ изображенъ *Гермесъ психопомпъ*, издана В. В. Шкорпиломъ, *И. И. А. К.*, в. 49, стр. 66, № 4, рис. 4 (по ошибкѣ текстъ надписи отпечатанъ подъ № 5; на этой стелѣ стоитъ надпись, отпечатанная подъ № 4. Ошибка исправлена въ вып. 50, стр. 164). Стела съ бюстомъ Гермеса изображена въ *О. И. А. К.*, 1909—1910, стр. 126, рис. 186.

Гл. XXIX, стр. 288.

Аполлонъ на грифонъ и его женскій коррелятъ на быкѣ появляются, какъ чисто декоративныя фигуры, въ двухъ кассеттахъ одного изъ плафоновъ Золотого дома Нерона, см. F. Weege, Das goldene Haus des Nero, *Jahrb. d. d. arch. Inst.*, XXVIII (1913), 206 и рис. 59 и 60. Сохранилась только одна изъ этихъ кассеттъ, Weege, l. l., табл. XIX. Толкованіе фигуръ, даваемое Веге, врядъ ли правильно.

Гл. XXX, стр. 319 (рис. 97, 98).

В. В. Шкорпилъ обращаетъ мое вниманіе на то, что въ той же мѣстности, гдѣ найдены два упомянутыхъ погребальныхъ вѣнца съ изображеніемъ *царя на лошади, дѣлающаго молитвенный жестъ*, найденъ былъ и третій вѣнецъ той же работы (рис. 97), той же техники и съ тѣмъ же изображеніемъ на вставной накладкѣ съ камнями (см. B. Pharmakovsky, *Arch. Anz.* 1911, 198 сл. и рис. 9 на стр. 202). Характерно, что золотая основа вѣнца, покрытая симметрично расположенными врѣзанными орнаментами, врядъ ли предназначена была для вѣнца: листья вѣнца покрываютъ весь этотъ орнаментъ. Изображеніе на центральномъ медальонѣ кое-чѣмъ отличается отъ изображенія на вѣнцѣ Рескупорида VII-го (*И. И. А. К.*, 49, табл. V, 2). Ника, вѣнчающая царя, изображена

Рис. 97. Погребальный вѣнокъ изъ Керчи.

летящей, причемъ лѣвая нога ея упирается въ парящую сферу. Лошадь болѣе тяжела и массивна, детали упряжи выработаны болѣе тщательно. Царь одѣтъ въ короткую рукавную подпоясанную рубашку, на ногахъ штаны и мягкіе сапоги, за плечами развѣвающійся плащъ. Правая рука поднята въ типичномъ жестѣ адораціи (ладонью впередъ, три первые пальца вытянуты, безыменный и мизинецъ прижаты къ ладони). Словомъ, мы имѣемъ буквально тотъ же типъ, что на оборотѣ монетъ Савромата II-го (*И. И. А. К.*, 49, табл. IV, 9), съ той только разницей, что въ лѣвой рукѣ царя нѣтъ скипетра. Но изображенъ, несомнѣнно, царь, какъ показываетъ уже діадема на головѣ и несомнѣнная портретность лица: длинный носъ, типичный для царей послѣ Савромата II-го, усы, корот-

кая борода клиномъ. Какой царь здѣсь изображенъ, судить не берусь; во всякомъ случаѣ, не Савроматъ II, а одинъ изъ царей III в. Отъ царя на діадемѣ Рескупорида VII-го его отличаетъ борода и иная трактовка волосъ. Отмѣчу, что медальоны съ изображеніями царя на разобранныхъ погребальныхъ діадемахъ играютъ ту-же роль, что такъ называемыя индикаціи, т. е. золотые оттиски съ римскихъ монетъ (почти всегда голова римскаго императора), на цѣломъ рядѣ золотыхъ погребальныхъ вѣнцовъ II и III в. по Р. Х. И въ этой замѣнѣ головы римскаго императора фигурой боспорскаго царя сказывается эмансипація Боспора во II — III в. по Р. Х. отъ римской зависимости. Не могу не указать, что подобная же фигура царя въ сарматской одеждѣ имѣется на одномъ болѣе раннемъ памятникѣ, хранящемся въ парижскомъ Cabinet des Médailles. Любезности E. Babelon я обязанъ оттискомъ съ него (рис. 98). Это массивное золотое кольцо съ рѣзнымъ изображеніемъ. Схема изображенія та-же, что на боспорскихъ монетахъ и вѣнцахъ: царь верхомъ на лошади, дѣлающій жестъ адораціи правой рукой. Нику здѣсь замѣняетъ женщина, стоящая передъ лошадью; правая рука ея опущена, лѣвая прижата къ груди. Лошадь того же тяжелаго типа; фигура женщины и нѣкоторыя детали лошадинаго убора напоминаютъ памятники иранскаго происхожденія. Время памятника опредѣлить затруднительно (см. *Le Musée,* III, 332, fig. 18). Куплено описанное кольцо, согласно указанію инвентаря, въ Адріанополѣ. Женскую фигуру на кольцѣ объясняетъ, можетъ быть, изображеніе на одномъ сасанидскомъ рѣзномъ камнѣ, указанномъ мнѣ Я. И. Смирновымъ (см. E. Thomas, *Journ. of the Royal Asiatic Soc.*, 1852, стр. 424, № 62 и табл. III). Здѣсь въ обычной сценѣ двухъ всадниковъ, между ними, изображено женское божество, опирающееся на скипетръ и протягивающее одному изъ всадниковъ діадему—обычный знакъ власти. Указанный рѣзной камень очень важенъ для объясненія разобранныхъ въ вышеуказанной моей статьѣ изображеній богини, дарующей власть конному или пѣшему царю, на памятникахъ эллинистическаго и римскаго времени.

Рис. 98.
Изображеніе на золотомъ кольцѣ, хранящемся въ Нац. Библіотекѣ въ Парижѣ.

Гл. XXX, стр. 322, рис. 62.

Возможно, что я неправильно опредѣлилъ породу животнаго, изображеннаго на пластинкѣ. Это—скорѣе олень. Владѣльца коллекціи (ср. стр. 334, 1) я неправильно назвалъ Романченко; его фамилія Романовичъ.

Гл. XXXI, стр. 361, 363, ср. гл. XXV, стр. 275; стр. 371 сл.

Интересное соединеніе разныхъ элементовъ въ декоровкѣ гробницы II в. до Р. Хр. мы имѣемъ въ Александріи въ некрополѣ Гадра (см. E. Breccia, Rapport sur le marche du service du Musée en 1912, Alexandrie, 1913, стр. 23 слл., табл. XIV, XV). На плитѣ, закрывающей фасадъ локула, мы видимъ изображеніе двери, украшенной головами Медузъ (апотропэи), по лѣвую сторону двери представленъ Гермесъ (по правую сторону отъ двери штукатурка не сохранилась), надъ дверью, по обѣ стороны таблицы съ надписью, двѣ плакальщицы. О плакальщицахъ см. Вл. Грюнейзенъ, *Памятники Музея изящныхъ искусствъ въ Москвѣ* III, 100 слл.

Блестящую аналогію къ *сценѣ охоты* на дикихъ звѣрей въ гробницѣ Насоніевъ даетъ одна недавно найденная въ сѣв. Африкѣ, въ Гиппонѣ, мозаика, гдѣ основу изображенія также составляетъ сцена ловли дикихъ звѣрей въ клѣтку въ совершенно той же обстановкѣ, что и въ гробницѣ Насоніевъ, см. Bartoli-Bellori-Causaeus, Picturae veteres etc. (изд. 1738 г.), стр. 156, 157, tab. XXVI—XXVII, ср. стр. 135, 137, tab. XIV, XV и De Pachtère, *Mél de l'école fr. de Rome,* XXXI (1911), 333 слл., табл. XIX—XX, ср. *Arch. Anz.* XXX (1910), 276.

Гл. XXXII, стр. 385.

Серія *инструментовъ для энкавстической живописи,* найденныхъ въ Венгріи и хранящихся въ Національномъ музеѣ въ Будапештѣ, недавно издана G. E. Gasparetz, *Arch. Ertesitö,* 1912, 223 слл., ср. *Arch. Anz.*, 1913, 326 сл.

Гл. LVIII, стр. 502.

Аналогію гранатовымъ деревьямъ съ плодами въ херсонесскихъ гробницахъ и скульптурахъ даютъ многочисленныя сирійскія и палестинскія мозаики, особенно мозаики изъ Мадебы, тѣсно примыкающія къ указаннымъ въ текстѣ памятникамъ іудейскаго эллинизма. Наиболѣе древнимъ мнѣ извѣстнымъ примѣромъ является мозаика изъ Серджиллы, открытая Butler'омъ, съ стихотворною надписью, датированною 472—473 г. по Р. Хр. (см. Butler, *Revue arch.*, 1901, 62 слл., табл. XII; Успенскій, *Изв. русск. арх. Инст. въ Константинополѣ,* VII, табл. 27, 28; Butler и Prentice, An amer. arch. Exped. II, 288 слл.; III, 190 слл.; ср. A. Jacoby, Das geogr. Mosaik von Madaba, Leipzig, 1905, 9 сл.,

№ 5). Въ тѣсной связи съ этой мозаикой, гдѣ видную роль играетъ изображеніе гранатоваго дерева съ плодами, стоитъ рядъ мозаикъ изъ Мадебы, лучше всего опубликованныхъ по рисункамъ и фотографіямъ Н. К. Клуге А. А. Павловскимъ (см. *Изв. русск. арх. Инст. въ Константинополь*, VIII (1908), стр. 79 слл., табл. II - XVII); ср. указанія на остальныя публикаціи въ только что приведенной книгѣ A. Jacoby, стр. 21 слл. Всѣ эти мозаики датируются VI—VII вѣками по Р. Хр. Особенно характерна мозаика, изображенная на табл. IX, 1, ср. табл. XVII и табл. VIII, 2 (гранатовыя деревья). Очень типично изображеніе пальмы на табл. XII, 1, и мозаика, репродуцирующая пологъ или коверъ того типа, который такъ хорошо извѣстенъ намъ по цѣлому ряду сохранившихся коптскихъ тканей, см. Павловскій, ук. ст., табл. V (ср. Я. И. Смирновъ, *Сообщ. Правосл. Палест. Общ.* XII (1901), 738 сл.; I. Strzygowski, *Zeitschr. d. d. Palästina-Vereins*, XXIV (1901), 139 слл.; Павловскій, l. l., 110 сл.). Наконецъ, очень характерны гранатовые плоды на мозаикѣ репродуцированной Павловскимъ на табл. XIII. Изображенныя на указанныхъ мозаикахъ деревья очень интересны и какъ этапы въ развитіи типа дерева, о которомъ я говорилъ при разборѣ росписей Стасовскаго склепа (стр. 323 слл.). О сирійско-іудейской орнаментикѣ вообще и о роли въ ней гранатовыхъ вѣтокъ и плодовъ см. R. Zahn, *Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen* (Berlin), XXXV, 3, стр. 91.

УКАЗАТЕЛЬ.

(Главнѣйшія сокращенія: гробн. = гробница; дерев. = деревянный; дер. = деревня; ж. = живопись; колл. = коллекція; кург. = курганъ; моз. = мозаика; мон. = монета; муч. = мученикъ; надп. = надпись; пам. = памятникъ; р. = рельефъ; р. к. = рѣзной камень; сарк. = саркофагъ; св. = святой; ск. = скульптура; ст. = статуя; тер. = терракотта; ул. = улица).

А—Ω, р. 397, 501.
Абаза 335.
Абакъ 17, 27.
Абдонъ и Сененъ, свв. ж. 480.
Abel 499.
Абрадатъ, погребальная колесница 50.
Абсиды 473, 474; Паренцо 503; Равенна 503.
Абузиръ 22, 25, 27, 28, 36.
Аврелій М. 343; колонна 314, 333; оттискъ монеты 400; via Aurelia 383.
Аврелія Экстриката, сарк. 270.
'Αγαθὴ Τύχη 194, 225; ж. 194.
Агаѳодемонъ 192, 193, 194; ж. 192, 194, 196.
Агаѳодоръ, муч. 504.
Αγία Τριάδα—Haghia Triada 289, 363, 365.
Адамклисси, пам. 269.
'Αδελφοί 433.
Аджимушкайская ул. 391.
Адіабена, царскій домъ 433.
Адлунъ, некрополь 498.
Адорація 318, 515, 516.
Адріанъ 135, 268, 342; вилла 324.
Адріанополь 516; р. 350, 356, 357.
Aeracura, ж. 225, 361.
Азія 76, 373, 515; Малая 21, 24, 28, 46, 50, 52, 59, 60, 64, 68, 92, 98, 110, 125, 132, 133, 134, 135, 146, 175, 178, 179, 180, 191, 192, 194, 195, 221, 224, 314, 315, 319, 321, 333, 357, 362, 366, 367, 369, 371, 396, 397, 425, 428, 429, 431, 509, 514; передняя 64, 430.
Азовское море 30.
Айазинъ, гробн. 147.
Аидъ 225, 361, 513—Плутонъ 192.
Айналовъ, Д. В. 385.
Ай-Тодоръ, крѣпость 343; мысъ 191, 341.
Аканѳы 21, 50, 117; ж. 18, 25, 142, 203, 454; р. 55; ск. 51, 53, 218; ткань 54; побѣги 203; стебли, бронза 207.
Акъ-Бурунъ 54, 108.
Акбурунскій курганъ 335.
Акрополь аѳинскій 17, 21, 27, 51; карѳагенскій 491.
Акротеріи, бронза 51, 53, 54, 207; дерево 26; ж. 34, 249; ск. 21, 256; вѣнокъ, ск. 501.
Аксютинцы, дер. 511; курганъ 335, 336.
Акты св. Ѳеклы 433.
Алабастры 71, 81, 104; ж. 79.
Аланы 50, 339, 342, 343, 344, 353, 374.
Албанія 321; стела 387.
Албанцы 337.
Александръ В. 10, 20, 49, 54, 60; бой съ Даріемъ, моз. 313; колесница погребальная 49, 50, 102; моз. 121, 234, 313, 314, 315, 317, 363; мон. 10, 20, 54; похороны 50; сарк. 313, 314, 315, 317, 366; эпоха до 513.
Александръ Михайловичъ, Вел. Князь 266, 268.
Александръ Polyhistor 429.
Александръ Северъ 342.
Александрія 24, 60, 62, 66, 81, 86, 122, 125, 126, 133, 145, 149, 178, 180, 194, 220, 221, 292, 387, 493, 502, 516; гробн. 382, 494, 496; изображеніе 491.
Александропольскій курганъ 38, 42, 48, 335, 512.
Алекто 165; ж. 168.
Алкаранъ, стела 425.
Алкестида 361, 362, 372; ж. 225, 361; приводъ, р. 361; уводъ, р. 361.
Алкета, гробн. 60, 178, 224.
Алкимъ Асклювъ, гробн. 250, *255 257*; курганъ 255.
Алкимъ Гегесипповъ 175; гробн. 3, 4, 6, 156, 158, 170, 171, 175, 181, 183, 184, 186, 190, 194, 196, 197, 198, 201, 216, 217, 222, 223, 224, 226, 238, 242, 250, 251, 256, 285, 294, 297, 298, 309, 316, 324, 353, *161—169*.
Allocutio императора, царя 333.
Алтари 396, 476, 478; домашній 146; локулъ 475, 476; надъ боѳросомъ 12, 20, 46, 58; надгробный 148; надгробные римскіе 217, 275, 500; съ каналомъ около 51; или столъ 474; трапеза 60; разбросанный 44; ж. 188, 189; р. к. 389.
Б. Близницы 12, 20, 46, 58.
Васюринской горы 46, 58.
Героона Геракла въ Мелитскомъ демѣ 51.
Гіакинѳа въ Амиклахъ 237.
Музея Орвіето 388.
Пергамскій 217.
Рейна и Эльбы римскіе 374.
Северіана П., Ватиканъ 148.
Altmann W. 366.
Альбанелла, гробн. 78.
Альбенга 503.
Алы 18, 23, 162, 167.
Амазонки, 369; ж. 36, 37, 73, 392.
Амасія 509.
Амаѳунтъ, сарк. 364.
Аменофисъ III, дворецъ 220.
Аметистъ 268.
Амиклы, алтарь 237.
Амисъ 509.
Амитернъ, пам. 363, 366; р. 49, 363, 364.
Аммiанъ 337, 338.
Ампуріада, нагрудный знакъ, бляха, 428, 429, 430, 431.
Аму Дарьинскій кладъ, щитъ 315.
Амулеты изъ египетской пасты 268.
Амуры 148, 149; ж. 145, 146, 303; на лозѣ, ж. 287, 288; на дельфинѣ, р. 268; стрѣляющій, моз. 492; съ факеломъ, ск. 491.
Амфоры, гробн. 210; съ надписями 138, 143, 144; остроконечныя 12, 14, 39, 104, 105; панаѳинейскаго типа 54, 106, 365; Фогеля колл. 143, 145; ж. 142, 187; ручки съ клеймами 13, 40, 47.
Амфорискъ зеленаго стекла 210; Энніона изъ Нью Іорка 388.
Анапа-Горгиппія 17, 54, 80, 83, 109, 110, 111, 112, 157, 432; гробн. 1908 г. 18, 89, 126, 127, 142, 148, 157, 158, *83—86*; надп. 432.
Ангелы 344, 500; ск. 447; смерти, ж. 447; несущій душу, ск. 447.
Андромеда 55; ж. 55.
Андроменъ 331.
Анкона, гробн. 79.
Ἄνοδος Коры 236, 237, 238, 239.
Антаблементы 27, 77, 114, 133; іонійскій 27; балдахина, ж. 351; дорическій ск. 27, 255, 256.
Антефиксы 21.
Антимахъ 399.
Антиной 290; ἥρως 290; обожествленіе 290; buste, мон. 290; enlevé par un griffon, мон. 290.
Антіохъ III 45.
Антифеллъ, гробн. 224.
'Ανθολογία 360.
Антоніадисъ, гробн. 133.
Антонія Трифэна 433; мон. 310.
Антонинъ, архимандритъ 499.
Антонинъ Пій 342, 343.
Антонины первые 135, эпоха 383.
Антоніо ди Пасквале, садъ 277.
Анты 17, 18, 20, 21, 109, 110, 112, 117, 154, 261, 262, 400.
Анучинъ 339.
Анфуши, гробн. 63, 67, 86, 157.
Анѳемія 61.
Анѳестерій Гегесипповъ 328; гробн. 3, 4, 158, 164, 167, 168, 183, 184, 186, 190, 194, 196, 197, 198, 201, 202, 216, 217, 222, 223, 240, 242, 250, 256, 287, 288, 294, 303, 304, 309, 324, 325, 327, 371, 374, 401, *170—182*.
Аорсы 332, 342.
Апій, листья золотыя 389.

Аполлинарій Новый, церковь въ Равеннѣ 503.
Аполлонъ 290; ж. 26; религія 290; эдикула 373; Дидимейскій 55, 117; на грифонѣ, ж. 288, 289, 291, 515; на лебедѣ, мон. 289.
Аполлоній и Сократъ, надп. 515; р. 515; стела 225.
Апостолы, изображеніе 488.
Апотропэй 24, 243, 250, 251, 275, 396, 510; звонъ какъ 48; значеніе 275; изображенія 397; конусъ какъ 61; на концахъ осей 47; пляска 383; ж. 379; характеръ 250, 251, 389, 438, 512; элементъ 243, 396.
Апоѳеозъ 289; императора 289; Констанція Хлора, диптихъ 289, 446; умершаго 446.
Аппіева дорога 225, 239, 361, 445.
Апулія 110, 369.
Ara Pacis 210, 217.
Аравія 110, 135, 219, 424; Петрейская, гробн. 435.
Арадъ 217, 502.
Arausio-Оранжъ 314.
Араціи (цвѣты арума или каллы), ж. 18, 25, 93, 130, 144; р. 55; ск. 21, 51, 53, 116, 117.
Аргосъ 21.
Ардаширъ, династія 319.
Аресъ, р. к. 211.
Арета 59.
Арибаллы, ж. 72, 81.
Аримаспъ, ж. 20.
Арки 83, 216; ж. 132, 134, 390; входа 154, 156, 157, 229, 235, 396, 401, 405, 406, 408, 410, 412, 508; двери 234, 261, 400, 438; двойная, ж. 493; дерев. сарк. 212, 213, 214; камень ключевой, ж. 390; en plein cintre 362; стела 425; тройная на камерѣ органа 380.
  Галерія въ Салоникахъ 314, 333, 338, 342, 363.
  Константина 314, 373.
  Въ Оранжѣ 314.
  Септимія Севера 314.
Аркадій 462; мон. 462.
Аркосолій 372, 397, 440, 453, 459, 460, 461, 463, 483, 484, 488, 489, 495, 499, 502.
  Гелевсинія 489.
  Катакомбы Присциллы 487.
  Противъ гробн. Вибіи 445, 447, 448.
Арль, сарк. 387.
Арменія 321.
Армяне 337.
Арндтъ колл. 26, 381.
Ἁρπαγή 366.
Арріанъ 332, 340, 342.
Арсиноя 289.
Арсланкайа, гробн. 147.
Артемида 238, 290; ж. 166; на быкѣ, ж. 288, 289, 291, 515; голова, ск. 24; Ταυροπόλος 288.
Артюховскій курганъ 39, 54, 57, 96, 111, 112, 268; хуторъ 96.
Архангелы, ж. 493; имена, надп. 494.
Архитравы 17, 24, 27, 61, 71, 116, 224; дерев. сарк. 213; ж. 172.
Asarotos oïkos, моз. 221, 493.
Асклепіадъ изъ Арада 217, 502.
Асклепій, храмъ 337.
Аспендъ 24.
Аспургъ 374.
Ассодагъ—Кирпина гора 30.
Ассирія 312, 322.
Ассуанъ, гробн. Ка-гему 220.
Астарта, ст. 284.
Астрагалъ, кость 265; орнаментъ, ж. 17, 18, 309; р. 131, 132.
  Изъ Kasr Firaun 134.
Атрій 162, 494, 495; погребальный 66.
  Храма Воскресенья 134.
Аттика 178, 191, 239, 371.
Аттикъ пилястра 134.
Аттисъ, культъ 429, 430, 432.
Αὐλή 122.
Африка 324, 489, 491, 492, 500; proconsularis, церкви и некрополи 489; сѣверная 324, 489, 493, 499, 501, 516.
Афродита 290; ж. 166; ск. 397; тер. 447; Боспорская 290; Навархида 290; Уранія 289; съ Эротомъ, подвѣска 268.
Ахиллъ, кург. 45.
Ахмимъ, гробн. 494, 495, 496; некрополь 494.
Ахтанизовскій лиманъ 94.
Ашбурнгэмское пятикнижіе 325.
Ашикъ 7, 46, 106, 137, 139, 140, 157, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 357, 358, 359, 362, 374, 400; гробн. 3, 4, 18, 48, 61, 140, 178, 179, 195, 208, 224, 239, 242, 243, 269, 275, 283, 288, 292, 341, 342, 345, 382, 383, 384, 387, 389, 396, 397, 496, *346—375*.
Аѳина 68, 127, 238, 395; бюстъ каменный 395, 396; ж. 166; ск. 397.
Аѳины 17, 68, 125, 128, 192, 194, 337.

Babelon E. 516.
Баальбекъ 133.
Бабочки, ж. 220.
Бавитъ 325, 496, 497, 499.
Багаватъ 425, 496.
Базы, на двухъ колоннахъ, надгробный пам. 256; дерев. сарк. 212, 213; антъ 110, 262; ж. 300, 376; каріатиды 52; колонны 16, 21, 44, 45, 48, 116; ж. 379.
Базилики, La Marsal Kamart 492.
  Сиріи 134.
Байкѣевъ 39.
Баксинскій склепъ 109.
Балдахины 47—50, 61, 86, 514; ж. 351; р. 49, 364; надъ гробомъ 514; погребальныхъ лодокъ въ Египтѣ 63, 64.
Балканскій полуостровъ 311, 343, 424, 500, 501, 503.
Балкисъ (древняя Zeugma) 396.
Бальзамарій стекляный, 267, 274, 279.
Балюстрады 53, 115, 116, 475.
Балюстры 35, 61; дерев. 214; дерев. на сарк. 61; каменные 18; ж. 34, 67, 84, 86, 351.
Banat, гробн. 515; надп. 515.
Бани римскія 113.
Банты, ж. 205, 248, 249, 263, 264, 410, 454, 468, 470.
Баптистерій Сотера въ Неаполѣ 503.
Бараміэ, дер., гробн. 498.
Баранъ, голова (ручка патеры) 209.
Bartoli 388.
Басиле 192.
Басилина 192.
Басовка, село 335.
Башлыки, моз. 234; стела 240.
Башмаки, ж. 307, 308, 327, 378.
Башня вѣтровъ въ Аѳинахъ 125.
  Круглая угловая Херсонесскаго преторія 482.
  Круглая фланговая у воротъ Херсонеса 442.
Беккеръ 154, 156, 258, 347.
Беллерофонтъ 369.
Бенефиціаріи 191.
Берлинъ 117.
Бертье-Делагардъ 310, 449, 462, 472.
Бестіаріи 356; ж. 355, 358.
Бесы-Кабиры, ск. 224.
Бесѣдка надъ гробн. 63, 64.
Бетъ Ибримъ, некрополь 147.
Библъ, гробн. 498.
Бисутунъ 321.
Благовѣщенская станица 54, 111.
Бларамбергъ И. П. 253, 254; гробн. 253, 254.
Б. Близница, гробн. 3, 7, 30, 36, 46, 54, 58, 64, 99, 101, 224, 278, 512, *10—29*; I 10—14, 19, 20, 23, 36, 48, 57, 110, 140; II 2, 12, 13, 14, 18, 19, 20—28, 65, 76, 81, 98, 105, 107, 110, 167, 194; III 13, 14, 19, 20, 110; 1868 г. 14, 19, 20; 1883/84 гг. 14, 15, 19, 20.
М. Близница, кург. 10, 30, 99, 101.
Близница Слоновская, кург. 48.
Блисъ 147.
Блюда, ж. 378, 380, 455; глиняное съ фруктами 270; рыбныя 64, 510; краснофигурное 14; сасанидскія 322.
  Гр. А. Бобринскаго 344.
  Гр. Строганова 344.
  Сасанидское Парижской Національной Библіотеки 322.
  Съ Тамани рыбное 510.
  Хозроя изъ Парижа 315.
  Чертомлыцкое 54, 55, 203.
Бляшки золотыя 41, 80, 209, 210, 216, 224, 274, 395; серебряныя 55; бронзовыя 40, 41, 48.
  Васюринской горы 510.
  Геремесовскаго кург. 311.
Бобринской, гр. А. А. 70, 106, 135, 293, 311, 335, 344, 510. 513.
Бобрицкой могильникъ 335, 511.
Богазъ Кёй 77.
Боги 446; солнечные 289, 290; бюсты, ж. 429; хѳоническіе 60, 191, 192, 194, 226, 290, 291; ж. 179, 191—196; р. 191—195.
Богини: дарующая власть царю 516; сидящая на тронѣ 318; ж. 393; хѳоническая, тер. 284.
Богъ, р. 319; вѣнчающій святыхъ, ж. 480; Великій южно-русскій 432; охоты 430, 431; рука, ж. 480; р. 447.
Boeckh 151.
Божества, женское, р. к. 516; сидящее на тронѣ 318; мужское конное 318; хѳоническія 239, 288, 431; женскія 179, 192, 225, 226, 290, 447.
Бой 178, 195, 239, 243, 311, 313, 314, 315, 368, 369; ж. 241, 305, 309, 310, 341, 353, 354, 359, 363, 367; р. 315; конный 314, 318, 319, 320, 367, 368; ж. 317, 334, 352; р. 371; массовый 312, 368; ж. 373; р. 363; двухъ отрядовъ, ж. 341; одинъ на одинъ 368; пѣшій 368; двухъ, трехъ воиновъ 363; двухъ всадниковъ 312, 313, 314, 321; ж. 234, 239, 240, 306, 307; мон. 318; р. 311, 313, 316, 334; всадника съ пѣшимъ 312; ж. 302, 305; р. 240, 311, 313, 334; царя съ врагомъ, р. 314; побѣдоноснаго героя съ врагомъ 369; авангардный съ даками, р. 332; съ амазонками 369; ассирійской конницы съ пѣшими врагами, р. 312; гладіаторовъ, ж. 359, 370, 373; грека съ варваромъ и амазонкой, ж. 392; съ кентаврами 369; подъ Троей, р. 315; Александра и Дарія, моз. 313; на аркѣ въ Оранжѣ, р. 314; на мавзолеѣ Юліевъ въ S. Remy, р. 314.
Бокалъ, ж. 379.
Болгарія 432, 486.
Болотные цвѣты, ж. 25.
Bonus Eventus 192.
Борей 446.
Борьба пигмеевъ съ журавлями, ж. 138—145, 148, 347.
Боскореале 207.
Ботаченко Ѳ., курганъ въ усадьбѣ 400; гробн. 399, 511.
Βόθροι 12, 20, 46, 58, 59, 64, 278, 512.
Бра 35, 157.
Бранденбургъ Н. Е. 334, 335, 336, 511; гробн. 511.
Браслеты, ж. 232, 248; золотой 266, 267; серебряный 279; бронзовый 279.
Брауншвейгъ, ваза 237.
Брестовикъ, село, гробн. 269,
Brimo 226
Броня 334, 336, 338.
Бубенчики 511, 512.
Будапештъ 445.
Буква ω перевернутая 423.
Букеты, ж. 205, 217, 242, 246.
Bulard, 126, 127, 128, 192, 513.
Булганакъ 108, 138.
Булганакская ул. 2-ая 399.
Булле 49, 50.
Бунчуки 511.
Бурачковъ 298.

Бусы 268; золотыя 84, 209, 274, 279; каменныя 284; изъ пасты 267, 279; стекляныя 84, 279.
Butler 397, 516.
Бутоны розы на вѣткахъ, ж. 230, 233, 236, 242, 246, 248, 249, 302, 462, 514; р. 485, 487, 488, 490.
Бутылка стекляная 296; ж. 249, 287.
Быкъ 289; ж. 288, 289, 291, 515; моз. 512; р. к. 268; ст. 45.
Бытовыя изображенія на футлярахъ для кистей 310.
Бюсты, врѣзанные въ скалу 482; съ началомъ гермы 481; очертаніе 481; пять 482; въ медальонахъ, ск. 397; покойниковъ на фасадахъ гробницъ 481; портретные мужскіе, ж. 379; ск. 396; ск. десять въ рядъ 397; р. к. 266; солнечныхъ боговъ, ж. 429; юношескіе крылатые, ж. 494.
Пальмирской гробн. портретные 205.
Бюхелеръ и Дильсъ 360.
Бѣгичевъ 7, 94, 96, 100, 101, 102, 103, 153, 154, 270, 348.
Бѣлградъ, гробн. 45, 269.
Бэотія 179, 381.

Wadi—er—Rababi, гробн. 501.
Вазы, акварельныя 24, 25, 28, 146, 392, апулійскія 21, 23, 24, 53, 54, 166, архаическія 447; аттическія 365, аттическія черно-фигурныя 313, бронзовыя 37; глиняныя 73; желобчатыя 47, 107; желобчатыя съ золотомъ 13, 20, 37, 38, 39, 40, 104, 105; золотыя 176; керченскія 391; краснофигурныя 20, 24, 27, 39, 52, 73, 74, 96, 107, 109; краснофигурныя позднія 256, 291; краснофигурныя керченскія 392; позднѣйшаго стиля 19, 20, 22, 24, 27, 48, 53, 140; пятаго вѣка до Р. Х. 70; съ позолотой 102, 103, 104, 105, 106, 107, 111; рельефныя съ полихроміей 26, 106; серебряныя 176; металлическія 57; чернолаковыя 104, 106, 138, 143; чернолак. съ золочеными гирляндами 109, 111; чернолаковыя съ рельефами 109; чернофигурныя 26, 70, 312; эллинистическія 22, 37, 74, 81, 144, 145, 168; эллин. съ орнаментами 111; этрусскія 79, 80; южно-италійскія 79, 80, 165, 270, 312; тарентинскія 21, 22, 24, 25, 54, 62, 166; съ изображеніемъ боя Геракла и Эвритія 12; битвы грека съ варваромъ и амазонкой 36, 37; битвы пигмеевъ съ журавлями 145; вакхической сцены 15; грифона и аримаспа, 20; элевсинскаго цикла 54; ἄνοδος Коры 238.
Ашиковскаго склепа 140.
Бэотійскія изъ Кабиріона 322.
Бэотійскія изъ Имп. Эрм. 322.
Волумніевъ, гробн. 25, 26.
Воронежская серебряная золоченая 177, 318.
Гадры 22, 81, 145, 146.
Гнаѳіи 14, 20, 22, 24, 27, 74, 218.
Дипильскаго некрополя 62, 363.
Египетская серебряная 387, 388,
Змѣинаго склепа 106.
Ониксовая брауншвейгская 237.
Руво 25.
François 76, 77.
Чертомлыцкая серебряная 176, 318, 334.
Электровая изъ Куль-Обы 318, 334.
Вакханка пляшущая, ж. 445, 447.
Валентиніанъ I 462; мон. 451, 462, 471.
Валики, обвитый матеріей, ж. 27; съ позолотой, ж. 38; съ овами, ж. 34, 35, 355.
Вандервейде, гробн. 112.
Vannus mystica 146.
Варахранъ IV, р. 314, 315, 316.
Варна, гробн. 493.
Варронъ 386.
Василей, муч. 504, 505, 506; крестъ 504.
Васильева г-жа 183, 185, 244.
Васюринская гора, гробн. *30—69*, 103, 201, 202, 221, 248, 250, 275, 278, 286, 365, 398, 510, 511, 512, 513; гробн. I кургана 2, 3, 4, 7, 14, 18, *30—43*, 58, *59—69*, 74, 75, 76, 77, 80, 81, 84, 85, 89, 98, 99, 101, 126, 127, 148, 157, 158, 194, 197; гробн. II кургана 1 (1868/69 гг.) 43; 2 (1871/72 гг.) *42—57*, 59, 156, 157; 3. 44; 4 (дѣтская) 44; гробн. III кургана 57; гробн. IV и V кургановъ 58.
Ватиканскій Вергилій 325.
Вафіо, кубокъ 324.
Вацингеръ 62, 102, 138, 159, 187, 213, 215, 239, 240, 242, 266, 327, 357, 392, 514.
Bege 76, 515.
Вен 74.
Великая Матерь Боговъ 429, 430.
Великій Богъ южно-русскій 432.
Венгрія 516.
Вепрь, ж. 232.
Вергилій ватиканскій 325.
Веребрюсовъ 7, 14.
Веретено костяное 391.
Веселовскій, Н. И. 311, 319, 511.
Веспасіанъ 343; оттискъ мон. 214, 267.
Вехтюкъ-Ивановъ В. 409, 418, 421, 435.
Vexillum, ж. 307, 333.
Вещи золотыя колл. Романовича 334.
Via Aurelia 383; dei Cristallini 27; Sacra 269.
Вибія, ж. 225, 361; гробн. 225, 239, 361, 431, 445, 447, 448; приводъ ж. 361.
Вигандъ 478.
Византія 503.
Викторіи 205.
Виламовицъ 49, 50, 225, 289.
Виллы, Адріана въ Тибурѣ 324.
Item въ Помпеяхъ 383.
Ливіи ad Galli nas albas 371.
Памфили 291.
Римскія 130.
Wilton House, сарк. 238.
Вильпертъ 275.
Виминацій, некрополь 147.
Виноградъ, вѣтви, ж. 202, 219, 411, 468; гроздья, ж. 264, 352, 378, 380, 384, 390, 403, 414, 415, 425, 427, 430, 461, 468; моз. 221; мон. іудейская 502; ск. 502; кисти, ж. 417; лоза 429; ж. 222, 273, 274,275, 287, 291, 352, 362, 425, 426, 428, 430, 455, 461, 485, 486; ск. 288, 397, 502, 507; побѣги, ж. 424, 499; сѣнь, ж. 414, 416.
Винодаръ, ж. 249.
Винтеръ 315, 317.
Winter Jones 347.
Виталій, св., церковь въ Равеннѣ, 503.
Вишни, моз. 221.
Vichy, таблички серебряныя 429.
Водостоки, желобки 36; львиныя головы 34.
Возвращеніе (ἄνοδος) Коры 236, 237, 238, 239; покойника героизированнаго, ж. 179; человѣка къ вѣчной жизни 372.
Возница, ж. 165.
Воины, р. к. 274; ск. 311; бой двухъ или трехъ 363; боспорскій вооруженный, ж. 358; греки, р. 341; греки пѣшіе, р. 311, 315; конный, мон. 311; легковооруженные, ж. 307, 308; нападающій, ж. 358; павшій защитникъ, моз. 313; пѣшіе 328, 329; пѣшіе, ж. 305, 309, 317, 333; мон. 311; р. 330, 333; пѣшіе лучники боспорцы, р. 332; пѣшіе убитые, ж. 307, 312; римскій, р. к. 274; стрѣлки пальмирскіе, р. 332; тяжеловооруженные, ж. 307; тѣла павшихъ 312; убитые, ж. 306, 353.
Волковцы, дер., курганъ 335.
Волкъ, ж. 353.
Волошкевичъ, домъ 255.
Волумніи, гробн. 18, 23, 24, 25, 26, 117, 224, 225; ваза 25, 26.
Волюты 116; ж. 25, 203; ск. 51, 54, 207.
Воронежъ, ваза серебряная, 177, 318, 334; курганъ 318.
Ворота города, мон. 320; укрѣпленныя, ж. 477.
Воскресенья храмъ въ Іерусалимѣ 134.
Врагъ, конный, ж. 234, 310, 312, 340, 341; р. 311, 314; побѣжденный, 369; ж. 240; убитый, ж. 312; пѣшій, ж. 302, 305, 340, 341; р. 240, 311, 312, 313, 334; лежащій, мон. 318; побѣжденный, мон. 320; р. 318, 319; раненый, р. 316; убитый, ж. 234, 307, 314; р. 312, 315; упавшій 239.
Врата царскія 474.
Wright 499.
Всадникъ, ж. 154, 155, 172, 173, 174. 175, 177, 188, 240, 288, 306, 307, 327, 341, 366, 407, 415, 416, 422, р. 188, 196, 239, 240, 313, 316, 371; въ бою, ж. 241; голова изъ Моск. Истор. Музея, ж. 231, 234; катафрактарій 342; съ конемъ, ж. 177; съ конемъ, р. 177, 371; лучники, ткань 332; побѣдитель, ж. 234, 241; побѣжденный, ж. 235, 312; сарматъ, р. 311; скачущій, ж. 345, 354; мон. 331, 345; р. 239, 240, 310, 312, 330; тяжеловооруженный, ж. 353; убитый, ж. 307, 312, 317; Ѳракійскій богъ, герой 59, 179, 240, 431; Ѳракійскаго типа, мон. 310.
Всадники 328, 329, 337; ж. 305, 339, 353, 423, 426; моз. 492; мон. 317, 331; р. 332, 333; два, ж. 377; р. 319; р. к. 516; два другъ противъ друга, ж. 359, 380, 384; р. 318, 319, 323; бой двухъ 312. 313, 314, 321; ж. 234, 239, 240, 306, 307; мон. 318; р. 311, 313, 316, 334; бой съ пѣшимъ врагомъ 312; ж. 302, 305; р. 240, 311, 313, 334; царя съ врагомъ, р. 314; два охотящіеся 313.
Вульчи 76, 117.
Выводокъ птичій, моз. 513.
Вырубовъ 210.
Выѣздъ героя всадника 193, 195, 239, 240, 243, 307, 321, 367, 369, 371; ж. 154, 155, 172—178, 186, 188, 287, 288, 291, 359; р. 178; на колесницѣ, ж. 178; р. 178, 368.
Вѣна 95, 346; рукопись Бытія 325.
Вѣнецъ, башенный, моз. 491; на головѣ, ж. 443; лучистые, ж. 426; мученичества 456, 457, 491.
Вѣнки, ж. 79, 80, 81, 217, 219, 422, 471, 478, 500 507; р. 209; ск. 24, 501; акротерій, ск. 501; гирлянда-мѣшокъ, ж. 354, 375; два въ рукахъ, ж. 427; дерев. сарк. 214; домовъ делосскихъ, ж. 197; лавровый 502; ж. 71, 72, 454, 457, 460, 466, 468, 485, 486, 487, 490, 493, 499, 501; моз. 491; на головѣ у генія, ж. 445, 446; лавровый въ видѣ рамки, ж. 489; изъ лавра и цвѣтовъ, ж. 456; пальмовый, ж. 476; на головѣ гермы, р. 209; погребальный 209, 210, 515; золотой 22, 196, 206, 215, 260, 274, 400, 515, 516; золотой лавровый 209; рамка, ск. 501; розоваго плетенія, ж. 205; теніями обвязанный, ж. 416; треугольниками заполненный, ж. 425; изъ цвѣтовъ, ж. 19, 503; изъ цвѣтовъ на головѣ, ск. 510; изъ цвѣтовъ и плодовъ, ж. 185; этрусскихъ гробницъ, ж. 78; эретрійской гробн. ж. 79.
Вѣтви 502; ж 242, 249, 406, 410, 426, 427, 430, 434, 451, 456, 460, 461, 462, 485, 488; моз. 492; безлистыя,

ж. 462, 486; съ бутонами, ж. 242; винограда, ж. 202, 219, 411, 468; граната, ж. 205, 380, 485, 502, 517; зеленыя, ж. 380, 495; кедра съ плодами, ж. 486; кипариса, ж. 247, 248; лавра, ж. 205, 217, 352, 462, 489; лавра съ плодами, ж. 461; лавра или маслины, инкрустація 207; натуралистическія на стеклахъ 210; пальмовыя, ж. 406, 410, 413, 415, 476, 500; р. 209; съ плодами, ск. 502; съ плодами и цвѣтами, ж. 204; ск. 218; розы съ цвѣтами, ж. 248, 249, 287, 302, 352, 491, 493; стилизованныя, ж. 203, 247; сучковатая съ плодами ж. 403; хвойнаго дерева, ж. 461, 486, 502; ск. 502; цвѣтущія, ж. 220, 488, 489; цвѣтущаго плюща, ж. 219; шиповника, ж. 461, 462; на тѣлѣ усопшаго, ж. 443, 445, 447.
Вѣточка изъ трехъ листьевъ, ж. 381.

Гавріилъ, надп. 494.
Гагаринъ, кн. 153.
Гадра, вазы, 22, 81, 145, 146; гробн. 516; некрополь 516.
Гадруметъ (Сусса) моз. 489.
Газель, моз. 221, 492.
Галлерея открытая 109.
Галерій 333; арка 314, 333, 338, 342, 363.
Галилея 397.
Галлія 182, 357, 489.
Ганимедъ, похищеніе, р. 55; ск. 24.
Гарпіи, пам. 364; уносящія души, ск. 446.
Гарруччи 448, 489.
Гатеріи, пам. 364, 365, 366.
Gauckler 490.
Гвозди, бронзовые, 279; вбитые въ стѣну склепа 35, 39, 67, 74, 77, 78, 79, 80, 107, 111, 157, 197; ж. 71, 76, 78, 79, 197.
Γῆ—Земля 238.
Гёзе Г-нъ, колл. 177.
Геката 237, 238; ж. 237, 238.
Гёль-Баши 366, 367, 368, 371; героонъ 60, 61, 224, 365, 367, 370; гробн. 313; р. 315, 366; сарк. 224.
Helbig 489.
Гелевсиній 489.
Гелій, голова, ск. 397.
Геллеспонтъ 45.
Гемма, въ центрѣ вѣнка, ж. 493; р. к. 103.
Геній 148; безкрылый парящій, ж. 197, 224; крылатый, ж. 141, 143, 144, 145, 146, 287, 302, 303, 304, 305, 344; крылатый съ вѣнкомъ на головѣ, ж. 445, 446; смерти, ж. 344, 447; сна, ж. 447.
Геометризація человѣческихъ фигуръ и орнаментовъ 425, 426.
Георгій св. 431.
Гера, голова, ск. 24; дерев. сарк. 290; ж. 26, 192, 193; сарк. 55.
Гераклъ 51, 241; ж. 12; ск. 333, 361.
Геральдичность композиціи 318.
Гербообразное сопоставленіе фигуръ 146, 147, 164, 288, 302, 303, 304, 312, 313, 318, 319, 321, 323, 325, 326, 366, 413.
Геремесовскій курганъ, бляха 311; пластинка 334, 341.
Геркина 192.
Herculei 333.
Гермы, ж. 411, 426; р. 209; р. к. 389; итифаллическая, р. 209; тер. 284; Діониса, ск. 117.
Гермесъ 192, 194, 180, 224, 225, 226, 361, 362; ж. 165, 180, 181, 203, 238, 243, 350, 354, 516; ск. 361, 397; психопомпъ 181, 225; ж. 250, 251; р. 516; ск. 225; бюстъ, ск. 225;—Тотъ, 180, 290; ж. 181; бюстъ. р. 515; статуя на пьедесталѣ, ж. 248, 249; голова ск. 23.
Геродотъ 64, 318, 326.
Героонъ, ἡρῷον, 24, 60, 61, 62, 64, 67, 86, 194, 483; Гёль-Баши 60, 61, 224, 365, 367, 370; Геракла въ Мелитскомъ демѣ 51.
Герцъ 94.
Герэонъ, Аргосъ, 21.
Гесперида, садъ 241.
Hestia 225.
Гета, стела 79.
Гіакинѳъ 237; алтарь 237.
Гигіенонтъ, мон. 310.
Гидравлъ-органъ, ж. 380, 386; моз. 387; тер. 387.
Гидріи, ж. 174; ск. 425; или канѳаръ, ж. 411, 416, 430.
Б. Близницы 14.
Британскаго музея 22.
Берлинскаго музея, александрійская 145.
Склепа около Теана 27.
Гиласъ, похищеніе 372.
Гиматій, ж. 73, 173, 189, 190, 205, 232, 235, 249, 287, 350, 351, 352, 378, 379.
Hymn. Orph. 237.
Гимны, Гомеровскій 166.
Деметры 225.
Гинекей, сцены изъ жизни, ж. 39, 102, 392.
Гипербореи, миѳъ 290, 291; страна 290.
Hypnos—Ὕπνος 446, 447 и Θάνατος 446.
Гиппокампъ, р. 55; ст. 52.
Гиппонъ, моз. 516.
Гирлянды, ж. 13, 27, 67, 76, 79, 109, 111, 123, 139, 142, 144, 149, 163, 167, 197, 213, 217, 241, 242, 345, 426, 466, 486, 488, 496, 497, 500; моз. 492; ск. 396; красная, ж. 264, 495; изъ листьевъ, ж. 204; изъ листьевъ и плодовъ, ж. 185, 203; изъ лавра, ж. 206, 454, 460, 461, 462, 468, 470, 476, 478, 485, 487, 495, 499, 502; ск. 501, 502; изъ лавра стилизованная, ж. 217; мѣшокъ или сѣтка, ж. 185, 188, 197, 219, 230, 231, 233, 235, 236, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 299, 300, 303, 304, 305, 309, 354, 374, 375, 377, 383, 406, 424, 485, 487; стекло 514; натуралистическая, ж. 223; изъ пальмовыхъ листьевъ, ж. 203; полосы, ж. 425; розоваго плетенія, ж. 205; розовая условная, ж. 263, 269, 299, 493, 513; стилизованная изъ зелени, ж. 221; стилизованная геометрически, ж. 410, 411, 414, 415, 416; схематическая, ж. 234, 408; изъ хвои или кипариса, ж. 203; цвѣточная—Blumengirlande, ж. 496; изъ цвѣтовъ и фруктовъ, моз. 217; фризъ, ткань 497.
Гладіаторы 338; катафрактаріи 357; раненый, ж. 358; ретіарій, ж. 358; сражающіеся, ж. 356, 358; ѳракійцы 357; бой, ж. 359, 370, 373; игры 374; игры, ж. 357, 358.
Глинище 48, 199, 200, 215, 260, 271, 282, 376, 392, 398, 399; курганъ на 398.
Гнаѳія, вазы 14, 20, 22, 24, 27, 74, 218; гробн. 24.
Гнѣзда гусей, ж. 220.
Голенищевъ В. С. 220.
Головы, ж. 9, 375; съ бюстомъ, ж. 390; гробн. Сабазіастовъ, ж. 396; женская, ж. 288, 391, 414; женская въ вѣнкѣ, мраморъ, 510; Константиновскаго времени, ж. 319; мужская, ж. 414; съ нимбами, ж. 414, 426; птичьи, ж. 426; римскаго императора, мон. 516; человѣческія, ж. 404, 409, 414, 427; очертаніе вырѣзанное въ скалѣ 481.
Головачевъ, печи 509.
Голуби, ж. 220, 426, 430, 451, 461, 462, 469, 476, 493; моз. 221, 490, 491; пьющіе изъ сосуда, моз. 241.
Голубинскій Е. Е. 504, 506.
Гомеръ 45, 58, 191; Гимнъ 166.
Горгиппія—Анапа 17, 54, 80, 83, 109, 111, 157; надп. 432.
Гориты 513; ж. 159, 173, 174, 177, 288, 379, 380, 384; р. 159, 173, 177, 239, 311, 329.
Изъ кургана Солоха 363.
Горы 237, 238.
Горячево, урочище, гробн. 513.
Госпитальная ул. 417, 509.
Господинъ конный, ж. 359, 384; р. 329, 330.
Готарза, надп. 321.
Готы 299, 506.
Гранатъ, дерево съ плодами, моз. 517; вѣтви, ж. 205, 380, 485, 502; плоды, ж. 217, 389; моз. 221, 517; желтые плоды, ж. 204.
Графинъ стеклянный 266,
Гребень золотой изъ кургана Солоха 311, 334.
Греки, ж. 36, 37, 392; р. 341; пѣшіе, р. 311, 315.
Греція 27, 28, 46, 50, 58, 59, 64, 76, 99, 125, 192, 290, 312, 331, 363, 462.
Грифоны 289, 291; ж. 14, 20, 107, 235, 288, 354, 515; мон. 140; верховой конь 289; головы, р. 41; запряженные въ колесницу 289; львы, р. 56.
Гробъ 483, 514; выдвижной 213; деревянный 201, 262, 508; ж. 351, 364.
Гробницы—склепы—могилы.
Керчь. Керченскія 493, 494.
Алкима Асклова *255—257*, 250.
Алкима Гегесиппова *161—169*, 3, 4, 6, 156, 158, 170, 171, 175, 181, 183, 184, 186, 190, 194, 196, 197, 198, 201, 216, 217, 222, 223, 224, 226, 238, 242, 250, 251, 256, 285, 294, 297, 298, 309, 316, 324, 353.
Анѳестерія Гегесиппова *170—182*, 3, 4, 158, 164, 167, 168, 183, 184, 186, 190, 194, 196, 197, 198, 201, 202, 216, 217, 222, 223, 240, 242, 250, 256, 287, 288, 294, 303, 304, 309, 324, 325, 327, 371, 374, 401.
Ашика *346—375*, 3, 4, 18, 48, 61, 140, 178, 179, 195, 208, 224, 239, 242, 243, 269, 275, 283, 288, 292, 341, 342, 345, 382, 383, 384, 387, 389, 396, 397, 496.
Бларамберга 253, 254.
Ѳ. Ботаченко 399, 511.
Зайцевой *199—226*, 48, 164, 65, 181, 184, 185, 193, 195, 228, 230, 242, 246, 251, 253, 254, 255, 257, 266, 275, 278, 299, 309, 316, 345, 354, 365, 370, 374, 375, 376, 383, 389, 454, 486, 499, 502, 514.
Замостскаго кордона, около, *150—152*.
Золотарева, въ саду, 36, 61, 355.
Золотого кургана 3, 18, 103, 112, 140.
Капканы дер., около 391.
Куль-Обы 3, 18, 39, 55, 64, 80, 140, 159, 165, 277.
Мелекъ-Чесменская 18, 103, 112, 140.
Общественнаго сада 60.
Пигмеевъ *137—149*, 2, 4, 5, 151, 158, 167, 168, 171, 181, 197, 222, 223, 258, 305, 347, 348, 370, 513.
Сахарной головы 198.
Сорака Соракова *244—252*, 91, 208, 243, 275, 293, 294, 297, 299, 345, 384, 389, 396, 424, 462.
Стасова *293—345*, 3, 4, 88, 91, 163, 176, 179, 227, 239, 240, 242, 243, 244, 255, 269, 275, 278, 283, 284, 285, 286, 287, 291, 292, 352, 353, 354, 355, 373, 374, 375, 382, 389, 496, 509, 517.
Ульпіевъ 250, 398, 399.
Фельдштейна *260—271*, 80, 274, 275, 279, 280, 295, 296, 299, 355, 375, 376, 389.
Херхеулидзева, кн., усадьба, 400.
Херхеулидзева, кн., сахарный заводъ, 400.
Христіанская 1912 г. 434, 435.
Царскаго кургана 18, 103, 112, 140.

Шевелькевича, усадьбы, 399.
Эль-Тегеня *394—397*, 243, 250.
Юзъ-Обы *98—109*, 111, 140; открытая гр. Бобринскимъ 80, 106, 107; Змѣинаго кург. 26, 54, 55, 106, 290; Малаго Каменистаго кург. 102; мирзы Кекуватскаго 107; Павловскаго кург. 36, 54, 107, 108, 270; № 47 (кург. № 6) 103, 104; № 48 (кург. № 5) 104, 105; № 50 (кург. J.) 102, 103, 105, 110.
1837 года 319, 321.
1841 года 319, 321.
1850 года 398.
1852 года *153—160*, 5, 139, 141, 142, 148, 151, 163, 167, 168, 171, 172, 174, 181, 202, 223, 258, 297, 509.
1853 года *258—259*, 250.
1853 года, на склонѣ Пирамидальнаго холма 400.
1867 года, вырѣзанная въ скалѣ *91—93*.
1867 года, на Глинищѣ 392.
1872 года 109, 140, 256.
1872 года, на склонѣ Пирамидальнаго холма 61, 213, 256.
1873 года *227—243*, 3, 185, 246, 250, 251, 275, 278, 287, 288, 291, 294, 297, 299, 305, 306, 309, 311, 312, 314, 316, 324, 325, 328, 329, 338, 341, 345, 349, 352, 353, 354, 360, 374, 375, 424.
1873 года, Сабазіастовъ *401—404*, 405, 407, 408, 427, 428, 430.
1875 года *283—292*, 3, 4, 294, 297, 345, 352, 355, 374, 375, 382.
1883 года 266.
1884 года *280—281*, 396.
1890 года, Сабазіастовъ *405—407*, I 410, 427, 428; II 423, 427, 430.
1891 года *183—198*, 158, 163, 164, 167, 168, 201, 202, 205, 216, 217, 222, 224, 228, 233, 236, 238, 240, 241, 242, 287, 288, 291, 294, 303, 304, 324, 359, 371, 384, 389.
1894 года, Сабазіастовъ *408—409*, 434, 509.
1897 года, Сабазіастовъ *410—411*, 430.
1900 года, 400.
1901 года *277—279*, 282.
1901 года, Сабазіастовъ *412—416*, 428, 429, 430, 431, 434.
1902 года *272—276*, 278, 282.
1904 года, Сабазіастовъ 417.
1904 года, № 192 по Аджимушкайской ул. 391.
1905 года, Сабазіастовъ *418—420*, 427, 428.
1905 года, каменныя, около Фельдштейновской, *265—268*.
1908 года *70—82*, 26, 39, 96, 126, 351, 509.
1910 года, каменная, около Золотого кург., 212.
1912 года 208.
1912 года, Сабазіастовъ *421—423*, 427.
Изданныя Кулаковскимъ 498.
Сабазіастовъ 396, 434.
Христіанскія 434, 435.
Языческія 488.
Врѣзанныя въ скалу 201, 275, 276, 440, 483, 508.
Комнаты 484, 506.
Курганныхъ погребеній 440, 481, 483.
Плитовыя II и III вв. по Р. Х. 398,
Типа каменнаго ящика 260, 381.
Подбойныя 508.
Погребной структуры 201.
Ольвійскія 208
Евресибія и Ареты 59.
II в. по Р. Х. 438.
Херсонесскія 197, 397, 458, 478, 488, 490, 495, 499, 505, 516.
1894 года, языческая *442 — 448*, 440, 441, 455, 484.
1903 года *449—451*, 455, 481.
1904 (1853) года *452 — 458*, 459, 460, 463, 467, 469, 477, 478, 479, 490, 493, 502, 506, 507.
1905 года *459—463*, 453, 455, 457, 490, 495, 499, 502, 503, 507.
1907 года *465—466*, 464, 482.
1909 года *467—469*, 453, 455, 459, 462, 465, 479, 490.
1912 года *470—471*, 495.
1912 года Н. И. Тура *472—480*, 506, 507.
Мучениковъ 458, 506, 507.
Церковка 474, 478.
Украшенныя скульптурами *481—482*.
Съ урнами съ пепломъ 449.
Колумбарій 482.
Съ локулами 482.
Изъ двухъ амфоръ 210.
Расписныя 450, 461, 475.
Христіанскія 440, 441, 444, 448, 514.
Вырѣзанныя въ скалѣ 439, 443, 493.
Южно-Русскія.
Александропольская (Луговая) 38, 42, 48, 335, 512.
Анапскія: Благовѣщенской станицы 54, 111; Тарасовскія I 17, 47, 109, 110, 111; II 110, 111; III 110, 111, 140; 1908 г. 18, *83—86*, 89, 126, 127, 142, 148, 157, 158.
Артюховскія I 39, 54, 57, 96, 111; II 111; III 111.
Баксинская 109.
Б. Близницы 3, 7, *10—29*, 30 36, 46, 54, 58, 64, 99, 101, 224, 278, 512; I *10—14*, 19, 20, 23, 36, 48, 57, 110, 140; II 2, 12, 13, 14, 18, 19, 20—26, 27, 28, 65, 76, 81, 98, 105, 107, 110, 167, 194; III 13, 14, 19, 20, 110; 1868 г. 14, 19, 20; 1883—1884 г. 14, 15, 19, 20.
Открытая Бранденбургомъ 511.
Открытая ген. Вандервейде 112.
Васюринской горы *30—69*, 103, 201, 202, 221, 248, 250, 275, 278, 286, 365, 398, 510, 511, 512, 513; I кургана 2, 3, 4, 7, 14, 18, 30—43,58—69, 74—77, 80, 81, 84, 85, 89, 98, 99, 101, 126, 127, 148, 157, 158, 194, 197; II кургана 1 (1868—69 г.) 43; 2 (1871—72 г.) 42—57, 59, 156, 157; 3. 44; 4. (дѣтская) 44; III кургана 57; IV—V кургана 58.
Горячева, урочища 513.
Древняго вала, около (Катерлеса), 109.
Забѣлина (между Таманью и Сѣнной) 97.
Карагодеуашха 2, *87—90*.
Краснокутская 57.
Огузъ 56.
Старшой могилы 335, 511.
Султанъ горы 64, 80, 86, 111.
Сѣрогозскія 42.
Темиръ горы 96.
Тузлы 23, 36, 37, 270, 392.
Чертомлыцкая 39, 42, 54, 55, 57, 80.
Чмыревой могилы 56.
Эѳерія 504, 505.
Аравія.
Hirbet 'Abde 424, 435.
Петра 133, 134, 135, 219, 435, 499.
Африка.
Карѳагенъ 491,
Табарка 491.
Галлія.
St. Médard des Près 386.
Греція.
Танагра 2, 81, 381.
Ѳессалія (между Воло и Велестино) 58, 59.
Эретрія 28, 67, 78, 79, 80, 89.
Далмація.
Салоны 493.
Египетъ.
Египетскія 230; древнѣйшія 492; колодезныя 483; коптскія 426; римскія 486.
Александрія 2, 81, 145, 149, 494, 496; ранне-эллинист. 382; римскія 496; Антоніадиса 133; Анфуши 63, 67, 86, 157; Комъ-эсъ-Шукафа 496; Сиди-Габеръ 62, 66, 67; Сукъ-эль-Вардіанъ 86, 157.
Ассуанъ, Ка-гему 220.
Ахмимъ 494, 495, 496; около Эсъ-Саломунъ 494, 497; Рубензона 494, 495, 496.
Ѳивы 497; Ei-ma-dua 220.
Италія.
Кампанскія 2, 25; оскскія 80; самнитскія 25, 27; южно-италійскія 76, 78, 79, 81, 110, 179, 194; этрусскія 2, 62, 74—79, 110, 194, 195, 225, 230, 365; dei Auguri 75; dei Baccanti 78; del Barone, 75, 78; delle Bighe 75; del Cacciatore 75, 78; въ Cervetri 78; del Colle 75; detta di Francesca 75; del Letto funebre 75; Grotta Campana 74, 75; delle Iscrizioni 78; delle Leonesse 75, 78; del Orco 79, 369; della Pulcinella 78; della Scimmia 75, 81; del Tifone 75; dei Tori 56, 61, 75; Тарквиніевъ 24, 76; del Triclinio 75; dei vasi dipinti 75; del Vecchio 78; Волумніевъ 18, 23, 24, 25, 26, 117, 224, 225.
Альбанелла 78.
Анкона 79.
Гнаѳія 24.
Каноза 78, 110 111, 382.
Неаполь 27, 27'9.
Орвіето 369.
Пестумъ 78.
Римъ 239, 428, 447; Вибіи 225, 239, 361, 431, 445, 447; на Латинской дорогѣ 289, 498; Насоніевъ 361, 371, 372, 383, 516.
Руво 147, 365, 382.
Теанъ 26, 27, 76, 144, 158.
Киренаика.
27, 365, 366.
Македонія.
Македонскія 67, 81, 110, 111, 194, 512.
Курино (близъ Пидны) 74, 85, 513.
Лангаза 27, 31, 53, 60, 74, 79.
Палатица 68, 513.
Пелла 513.
Малая Азія.
Малоазійскія 24, 47, 60, 194, 195, 367.
Ликійскія 23, 194, 195, 367, 368, 370, 371, 373.
Антифеллъ 224.
Гьёль-Баши 313.
Изд. Fellows 197, табл.
Кадіанда 187, 195, 224, 312, 367, 368, 371.
Кё-Баши 369.
Ксанѳъ (гробн. Пайавы) 195, 366.
Лимира 195.
Мира 23, 26, 195, 371.
Патара 369.
Тлосъ 369 (гр. Изразы) 313.
Фригійскія 61, 195, 235.
Айазинъ 147.
Арсланкайа 147.
Банатъ (гробн. Т. Флавія Праксія) 515.
Кумбетъ 24, 147, 224.
Пышмышъ Кале 61.
Термессъ (гробн. Алкеты) 60, 178, 224.
Япулдакъ 61.
Норикъ.
Целейя 275.
Палестина.
Палестинскія 145, 147, 425, 486, 497, 499.
Іерусалимъ, гробница со скульптурами 500, 502; Вади-ер-Рабаби 501; Судей 217, 501, 502; Царей 500, 501, 502.
Колонія 499.
Марисса 322, 365, 499.
Tell-el-Judeideh 499, 500.
Tell-el-Sandanah 499.

Шефа-Хамръ 502.
Сербія.
493.
Бѣлградъ 45, 269.
Сирія и Месопотамія.
Сирійскія 397, 425, 431, 486, 497; колодезныя 483.
Дега 447.
Dehes 397.
Zeugma 396.
Пальмира 205, 385, 438, 497, 500.
Сосандра (Тиб. Клавдія) 502.
Фрикіа 396, 397 500.
Хойрана 370.
Сицилія.
219.
Финикія.
Финикійскія 486, 489, 497, 498.
Адлунъ 498.
Бараміэ 498.
Библъ 498.
Санда 498.
Сидонъ 498, 499.
Халаліэ 498.
Өракія.
Өракійскія 67, 194, 195.
Варна 493.
Духовая могила 52, 53.
Открытая Кинчемъ 67, 157, 167, 313, 513.
Софія 493.
Гроздья винограда, ж. 264, 352, 378, 380, 384, 390, 403, 414, 415, 425, 427, 430, 461, 468; моз. 221; мон. іудейская 502; ск. 502.
Гроссъ 4, 6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 28, 30, 31, 33, 34, 43, 51, 61, 68, 91, 109, 140, 161, 163, 164, 165, 167, 170, 172, 173, 180, 196, 214, 216, 227, 232, 233, 234, 235, 280, 281, 283, 286, 287, 288, 293, 294, 300, 301, 302, 303, 307, 308, 348, 356, 392, 401, 402, 403, 407.
Гротескъ, кукла, тер. 265.
Грузія 321.
Группы львовъ и пантеръ, терзающихъ жвачныхъ животныхъ 323.
Груша, ж. 203, 264.
Гуляй-Городъ, кург. 335.
Гунны 299.
Гуріи, р. 445.
Гусекъ 34, 37, 120, 121, 124.
Гусыня съ гусенятами, моз. 514.
Гуси, летящіе, ж. 220, 354, 359; и ихъ гнѣзда, ж. 220.

Даки 332, 333.
Дакія, сарк. 147.
Далмація 222, 486, 487.
Дарій, моз. 313.
Дарьевка, урочище 335.
Дасменъ, стела 445.
Дафна, миѳъ, ж. 515.
Дверь арочная 234, 261, 400, 438; гробн. ж. 352; —плита, мрамор. 481; подземнаго царства 225; сводчатыя 272; ж. 516.
Дворцы: Аменофиса III, Мединетъ-Абу, 220.
Діоклетіана, Спалато, 133.
Малой Азіи 221.
Палатинскіе 487.
Птолемеевъ 220.
Сиріи 221.
Тель-эль-Амарны 219.
Dea Muta 226.
Dea Tacita 226.
Дега, гробн. 447.
Дегерингъ 386, 387.
Dehes, гробн. 397.
Деиръ-эль-Бахари, храмъ 387.
Дексилей, стела 240.
Deckschicht 65, 77, 121, 127, 128. 129, 286, 292.
Деліонъ 315.
Делосъ 2, 9, 65, 66, 86, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 128, 129, 130, 132, 144, 145, 146, 197, 217, 219, 292, 370, 437.
Дельбрюкъ 514.
Дельта 220.
Дельфинъ, ж. 75; гипсъ 268; статуя 52.
Дельфы 46.
Деметра 13, 193, 194, 236, 237, 238, 360; ж. 193, 194, 353; р. 23; ск. 23, 26; тер. 26; бюстъ, ж. 205, 217, 275; гимнъ 225; голова, ж. 12, 18, 25, 166, 167; ск. 23; тер. 251; дерев, сарк. 290; культъ 194, 224, 226; миѳъ 236, 238, 360, 361, 362, 513, πλάνη 166, 238, 360; πλάνη, ж. 236; 237.
Деметрій, мон. 310.
Демоны, стражи входа въ гробн., ж. 225.
Демосѳенъ 428, 429.
Демъ Мелитскій 51.
Дерево 323, 324, 325, 326; ж. 164, 168, 174, 189, 190, 193, 196, 235, 241, 287, 291, 302, 303, 304, 305, 352, 362, 461, 485; моз. 492, 517; мон. 320; р. 429, 430; р. к. 323; ск. 502; безлиственное, ж. 450, 486; съ 8 вѣтвями и кругомъ, ж. 413; граната, ж. 516; съ корнями, ж. 409, 426, 430; съ листьями коричневыми, ж. 450; съ листьями и цвѣтами, ж. 429; съ плодами, ж. 325, 507; съ плодами круглыми, ж. 456, 462, 486, 487; съ плодами и шишками, ж. 455; хвойное, ж. 247, 416, 428; цвѣтущее, ж. 488.
Дереймисъ и Эсхилъ, сарк. 178.
Дерпфельдъ 126.
Дерфлеръ 458.
Designator, р. 364.
Djemila, моз. 499.
Джерджава, дер. 212.
Діадема 22, 214, 267, 389; р. к. 516; на головѣ царя, р. 515.
Новочеркасскаго клада 326.
Рескупорида II (VII) двѣ 319, 321, 515, 516.
Діана, эдикула 373.
Dickie 500.
Дильсъ и Бюхелеръ 360.
Димахеръ, р. 356.
Династія Ардашира 319.
Династы ѳракійскіе, мон. 310.
Діодоръ 49, 50.
Діоклетіанъ 133, 505; время 507; дворецъ 133.
Діонисъ 191, 192, 429, 430; ск. 117, 397; δενδρίτης 430; Κισσός 430; Лимней 51; περικιόνιος 430; аттрибуты 275; бюстъ, вырастающій изъ листвы дерева, р. 429, 430; герма 117; конный 431; Сабазій, мистеріи 389; культъ 191, 192; представленія 384; сцены 287; циклъ 395; элементъ 363.
Діонъ Хрисостомъ 327.
Діоскуры 289.
Дипильскій некрополь, ваза 62, 363.
Диптихъ Констанція Хлора 289, 446,
Дисавлъ 360.
Дискъ, ж. 89; въ вѣнкѣ, моз. 491, раздѣленный на восемь частей, ж. 414, 415; въ рукахъ, ж. 423, 426; два въ рукахъ, ж. 426, 427.
Dispater, ж. 225, 361.
Дитрихъ 498.
Дитъ 191; р. 191.
Днѣпръ 505.
Домитилла, катакомбы 275, 485, 487.
Домиціанъ 343.
Домъ Адіабены царскій 433.
Дома архаическіе греческіе и малоазійскіе 64, 76, 77, 81; греческіе 61; греческіе и римскіе 130; делосскіе 2, 9, 62, 65, 66, 118—124, 126—130, 145, 146, 147, 167, 197, 217, 291, 437; дорическіе 17; іонійскіе 17, 76; карѳагенскій 492; Магнесіи 85, 114, 118, 127; ольвійскіе эллинистическіе 436, 437; Остіи 487; пантикапейскіе 9, 69, 76, 77, 119, 148, 216; пантикапейскіе эллинистическіе 115 сл., 117 сл., 136, 275; пергамскіе 62, 68, 114, 127; палестинскіе 425; Помпей 1, 118, 121, 127, 130, 132, 136, 145, 146, 437; Пріены 21, 68, 85, 118, 119, 122, 127, 130; римскіе 499; сирійскіе 425; въ Эль-Хитѣ 502; Термессы 61; на вазѣ François, ж. 76, 84.
Делосъ „Дельфиновъ“ 217, 219.
„ „Діониса“ 122, 123.
„ „Трезубца“ 120, 121.
„ „Холма“ 122.
Помпеи „degli amorini dorati“ 387.
„ „Саллустія“ 120, 121.
„ „del Toro“ 129, 386.
„ „Центавра“ 121.
„ „Фавна“ 121, 125, 129.
„ „Эпидія Руфа“ 129.
Римъ S. Giovanni e Paolo 383.
„ Нерона, „Domus Aurea“ 487, 515.
„ на склонѣ Палатина 383.
„ Фарнезины 63.
„ на Цэліи 219.
Донъ, бассейнъ 335.
Donner 385.
Дорла, стела 425.
Доски квадратныя для картинъ, ж. 379, 385; съ надп. р. 500.
Драконъ 237, 238; р. 232, 477, 479; ст. 52, 53, 55; на щитѣ, р. 333.
Древній Валъ, гробн. 109.
Дромосъ 10, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 40, 44, 58, 68, 70, 71, 74, 79, 83, 85, 87, 88, 92, 96, 103, 108, 109, 110, 111, 140, 154, 156, 196, 200, 208, 228, 229, 230, 255, 256, 261, 280, 396, 397, 405, 439, 449, 481, 508, 509.
Дротикъ, р. 395.
Дружина, ж. 234, 303, 306, 307.
Дружинникъ, р. 330.
Dubois de Montpereux 137—143, 151.
Дудки свирѣльныя органа, ж. 380.
Думбергъ К. Е. 7, 46, 113, 114, 118, 122, 123, 199, 255, 256, 267, 376, 410.
Дунай 180, 191, 342, 487.
Дунайскія провинціи 319.
Дунапентеле, р. 387.
Дурной глазъ, моз. 275.
Духовая могила, гробн. 52, 53.
Дѣвочка, портретъ, Musée du Caire, 385; сидящая на колѣняхъ матери, р. 384; стоящая, ж. 378.
Дѣвушка стоящая, ж. 172, 173, 176, 177, 178, 186, 187, 287; несущая блюдо, ж. 378, 380.
Дѣевскій курганъ 55.
Дѣти, играющіе съ птицами, ж. 392; р. 368.

Ebert M. 298.
Евангелисты, символы, моз. 503.
Евбулей 194, 237, 238, 360.
Евгеній, муч. 504.
Евпаторъ 331, 343, 344, 374; мон. 284, 389.
Евресибій 59.
Евридика 361, 362, 372; приводъ 361.
Европа, ж. 12; похищеніе 372.
Евфратъ 396.
Египетъ 63, 64, 92, 110, 126, 175, 219, 220, 221, 222, 320, 322, 325, 381, 383, 385, 387, 388, 425, 426, 484, 486, 492, 494, 496, 497, 501, 502, 514, 515.
'Εγκουράδες 23.
Ei-ma-dua, гробн. ѳиванская 220.
Eisele 429.
Елисій 290.
Елисейскія поля 289.
Елпидій, муч. 504.
Еникале 96, 140, 253.
'Επιθέματα 270.
'Επισήματα 333.
Ермонъ, епископъ 504, 505, 506.
Expositio 366.

Жанровыя сцены, ж. 39, 180, 186.
Жаровня, ж. 378, 385.
Жебелевъ С. А. 267.
Жезлъ, ж. 428; р. 429.
Gennaro, S., Porta, 27.
Gennaro, S. dei Poveri, катакомбы 488.
Женщины сидящія 358; ж. 350, 352, 354, 362, 377; р. 368, 370, 371; въ креслѣ, ж. 172, 173, 176, 177, 178, 179, 186, 187, 188, 249, 287, 351, 354, 357, 378; въ креслахъ другъ противъ друга, ж. 359; въ креслѣ съ младенцемъ, ж. 380, 384; р. 368; у изголовья покойника, ж. 364; стоящія, ж. 180, 188, 189, 196, 202, 225, 351, 352, 354, 359, 371, 477; р. 366, 368; стоящая у дерева въ гиматіи, ж. 235; стоящая передъ лошадью, р. 516; двигающаяся вправо, ж. 350; бѣгущія, ж. 353; сидящая въ колесницѣ, ж. 231, 232, 236, 237; летящія, ж. 231, 232, 233, 235, 236, 237, 238; нагая пляшущая, р. 389; пляшущія, ж. 392; музицирующія, ж. 392; смертныя, ж. 393; спиной, обнаженная, ж. 443, 445, 447; съ калаѳомъ на головѣ, тер. 447; въ позѣ оранты, моз. 491; съ Эротомъ, ж. 392; фигуры, ж. 205, 359; р. 387, 397; сидящія вокругъ блюда съ фруктами, тер. 270.
Жерди катафалка 511; или скипетръ, ж. 416.
Жертвоприношеніе 57, 58, 59, 64, 109; ж. 186, 188, 189, 191, 192, 193, 195, 241, 359, 367, 498; ск. 193, 368, 371; лошадей 318; собаки 510; приготовленіе стола для, ж. 366.
Жженый точокъ—Кострище 10, 12, 14, 19, 20, 44, 57, 64, 104, 106.
Животныя 424; ж. 499, 501, 503; моз. 221, 490, 492; р. 326; стекло 514; жвачное, р. 323; морскія 36; ж. 36; рогатое, ж. 411.
Жизнь загробная 231, 238, 241, 291, 358, 362, 369, 384, 431, 445.
Жиль 141, 153, 346.
Giovanni e Paolo, S.S., домъ подъ церковью, 383.
Giovanni S., катакомбы 488.
Житіе херсонесскихъ мучениковъ 480, 503, 504, 505, 506; грузинская редакція 505; константинопольская 505; сирійская 505.
Христіанскихъ святыхъ 504.
Эѳерія 505.
Жуки, подвѣски изъ пасты 267.
Жуковъ 154, 156, 157.
Журавли, ж. 138, 139, 141, 142, 144, 145, 148, 347.

Забѣлинъ 7, 10, 12, 20, 37, 326; гробн. 97.
Заверзиловъ, дворъ 410.
Загоны ассирійскіе 322, 372; сасанидскіе 322, 372.
Загробные, жизнь 231, 238, 241, 291, 358, 362, 369, 384, 431, 445; культъ 221; символизмъ 221.
Задвижка бронзовая 481.
Зажженіе канделябра, ж. 362.
Зайцева 206, 211; гробн. *199—226*, 48, 164, 165, 181, 185, 193, 195, 228, 230, 242, 246, 251, 253, 254, 255, 257, 266, 275, 278, 299, 309, 316, 345, 354, 365, 370, 374, 375, 376, 383, 389, 454, 486, 499, 502, 514.
Замокъ въ Hatra 481.
Замокъ желѣзный 266.
Замостскаго кордона, гробн. *150—152.*
Застежка пряжки въ формѣ кабана 311.
Звѣзда, ж. 444; лучи или зубцы ж. 281, 300, 308.
Звѣздочки золотыя 267.
Звѣри 321, 322, 323, 325, 326, 446; ж. 302, 303, 321, 344, 345, 372, 516; ловля, моз. 373, 516; каталогъ, ж. 322; въ пейзажѣ, ж. 322, 344; пораженный, ск. 313; рычащій, ж. 243, 250; хищный, ж. 354.
Зданіе ранне-эллинистическое въ Пантикапеѣ 114 сл.
Зевсъ 238; р. 24; Милихій 192; Солимскій 24; Филій 192.
Земля—Γῆ 238.
Зеркало бронзовое 279, 391.
Zeugma, гробн. 396.
Seure 52.
Змага, печи 280.
Змѣя, ж. 232, 233, 236, 237, 407, 419, 438; ск. 225; крылатая 237; ж. 236.
Змѣиный кург. 26, 54, 55, 100, 101, 106, 107, 290.
Знаки власти 511; власти царской 512; письменные нацарапанные на скалѣ 298; родовые 331.
Знакъ, бляха, нагрудный жрецовъ Сабазія 428.
Изъ Ампуріады 428, 429, 430, 431.
Изъ Берлинскаго музея 429.
Изъ Копенгагена 429, 430.
Знаменка, Б., село 311.
Знаменосецъ, ж. 307; р. 316.
Знамя 512.
Значки отряда, р. 333.
Золотаревъ садъ 36, 61, 355.
Золото листовое 267, 279.
Золотой кург. 3, 18, 70, 98, 103, 108, 112, 140, 212, 293, 509.
Зубцы, ж. 264; или лучи звѣзды, ж. 281, 300, 308.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф. 290.

Іакхъ 194.
Ивановъ-Вехтюкъ В. 409, 418, 421. 435.
Иберы 337.
Igelsäule около Трира 385.
Игры 369, 371; ж. 373; р. 368, 370; гладіаторовъ 374; ж. 357, 358; погребальныя, ж 357.
Іерусалимъ 134, 217, 499, 500, 501, 504, 506.
Ἱεροθέσιον 45.
Изида 190, 192, 193;—Тихе 181; ж. 181;—Фортуна 181.
Израза 313; гробн. 313.
Изразцы зеленые 220.
Іисусъ Навинъ, свитокъ 325.
Иконы синайскія изъ Кіевск. муз. 386.
Иліада Гомера 195.
Иллирикъ 333.
Иллюзіонизмъ александрійскій 487.
Ильинецъ, обивка налучія 326.
Имена архангеловъ, ж. 494; мучениковъ, рядъ, моз. 491; погребенныхъ, ж. 247, 248, 250, 251, 258, 259; усопшихъ, моз. 490; надп. 251.
Императоръ обожествленный 289.
Инвеститура царя богомъ 320, 321; р. 318, 319.
Индикація 267.
Инкрустація 54, 126, 128; дерев. 36, 214, 215, 216; стекляная 40, 41, 56; мраморная 136, 158, 503; подражаніе, ж. 89, 128, 129, 286, 299, 345, 382, 488, 496.
Инсигніи царской власти, мон. 320.
Инструменты, музыкальные, ж. 211, 427; ск. 387; для энквастики 516.
Infulae 80.
Іонія 50, 53, 56, 60, 61, 326.
Iovii 333.
Иранъ 49, 50, 98.
Иранцы 342.
Исодомная декоровка 167.
Испанія 428.
Италія 110, 146, 149, 158, 168, 179, 180, 182, 193, 194, 222, 269, 275, 325, 346, 371, 372, 487, 490, 500; южная 28, 81, 369, 370.
Item, villa, около Помпей 383.
Ихневмонъ, моз. 492.

Кабанъ, ж. 304, 354; р. 322; р. к. 323; застежка пряжки 311.
Кабиріонъ, вазы 322.
Кавалерія ассирійская, р. 312; сарматская, р. 342.
Cavaceppi, сарк. 165.
Кавказъ 30, 503.
Кавтерій, инструментъ, ж. 385.
Каганъ 57.
Ка-гему, гробн. 220.
Кадіанда, гробн., 187, 195, 224, 312, 367, 368, 371.
Кадмъ, приключенія, ж. 322.
Кадуцей, ж. 180, 203, 248, 350; р. 431.
Казакинъ 328; ж. 234, 288, 305, 378; р. 341.
Καισάρειον въ Фанагоріи 373.
Калаѳъ, ск. 52, 146; на головѣ, тер. 284 447; туалетный, ж. 357; съ цвѣтами, ж. 23, 190, 353.
Каленскія чаши 360.
Калипсо 224, 226; ж. 225, 251.
Καλυψώ, надп. 203.
Каллимахъ 289.
Каллистъ, катакомбы 487.
Камасарія, пам. 289.
Камера органа, ж. 380.
М. Каменистый кург. 102.
Камень, вдѣланный въ башню 482.
Камни рѣзные 103, 211, 216, 266, 267, 274, 319, 389; италійскіе эллинистическіе 211; персидскій изъ Лувра 323; сасанидскій 211.
Камзолъ 327; ж. 173, 174, 188, 240, 306, 307, 379.
Campana, колл. 25.
Кампанія 2, 26, 76, 369.
Канделябры, ж. 221, 269, 350, 351, 355, 365, 495; бронзовые 206, 207, 208, 216; съ вожженной лампой, ск. 366; или тирсы, ж. 496; украшенный крестомъ 208; факелы ж. 365.
Изъ Tabarieh 502.
Кандія, сарк. 270.
Каневскій уѣздъ 511.
Канеллировка 207, 208, 210, 213.
Каноза, гробн. 78, 110, 111, 382.
Канѳаръ, ж. 79, 197, 378, 468; или гидрія, ж. 411, 416.
Изъ склепа Б. Близницы 15.
Каппадокія 512.
Capite velato фигура, ж. 352, 354, 359.
Капители 117, 132; ж. 286, 300, 350, 376; антъ 20, 21, 110, 117; бронзовая 207; дерев. сарк. 213; колоннъ іонійскихъ 116, 117; колонны черная 125; косяковъ 156; мраморныхъ скамеекъ 117; пилястровъ 16, 23, 117; полуколоннъ 48; расписныя 20, 21, 23, 48, 116.
Саркофага колл. Арндта 381.
Капитонъ, епископъ 504, 505, 506.
Капканы, дер. гробн. 391.
Карагодеуашхъ, гробн. 2, 87—90; кург. 2, 87, 235, 287, 318, 323, 325, 334; пластинка 235, 334; ритонъ 318, 323, 324, 325, 326.
Каракалла 374.
Кара Кушъ, кург. 45.
Карантинъ, Новый 140, 260; бухта 260, 464, 465, 482; кург. 140; улица 260; шоссе 260.
Карейша 5, 7, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 150, 151, 215, 400, 514.
Каріатиды колесницы изъ Васюринской горы 52, 53, 55.
Карнизъ 16, 17, 18, 21, 48, 61, 67, 68, 76, 80, 85, 109, 116, 127, 155, 156, 258, 261, 262, 264, 370, 381, 400; ж. 34, 35, 89, 273, 354, 355; алтаря 12; дерев. сарк. 102, 212, 213; дерев. сарк. сухарный 212, 213; дерев. или штукатурный 157; имитирующій дерево 126, 127; лѣпной, гипсовый съ росписью 131, 132, 135; мраморнаго сарк. 94; іонійскій, ж. 349, 350; пиксиды 37, 38; расписанные 27, 61, 62, 67, 71, 74, 75; сухарный, ж. 201, 202, 204, 222, 230, 231, 233, 234, 235, 246, 248, 299, 300, 305; христіанскихъ базиликъ Сиріи 134; штукатурные съ росписью 119, 120, 121, 122, 123, 125, 129.
Храма Воскресенія въ Іерусалимѣ 134.

Изъ Kasr-Firaun, лѣпной 134.
Карикатура изъ Помпеи, ж. 385.
Картинки въ катакомбахъ, ж. 487.
Карѳагенъ 372, 373, 489, 492; акрополь 491; изображеніе 491; церковь 491.
Casanarello, моз. 503.
Kasr-el-Benât 497.
Kasr-Firaun 133, 134.
Кассеты, 23, 24, 64, 510; ж. 67, 265, 269, 286, 308, 309, 345, 350, 352, 493; круглыя 24; ромбоидальныя 24.
Изъ Александріи 24.
Брюссельскаго музея 24.
Гробн. Волумніевъ 23.
Изъ Кубани 24.
Изъ Кумбета 24.
Памятника Нереидъ 23.
Изъ Перги 24.
Изъ Термесса 24.
Изъ Ѳессаліи 23.
Кастаньеты, ж. 247, 422; ск. 388.
Катакомбы 405, 480, 490; неаполитанскія 480, 486, 488, 489; римскія 145, 146, 148, 149, 154, 198, 454, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 493, 499, 501; сиракузскія 486, 487, на сѣв. склонѣ Митридата 508, 509.
Домитиллы, Римъ, 275, 485, 487.
Gennaro S. dei Poveri, Неаполь, 488.
Giovanni S., Сиракузы, 488.
Каллиста, Римъ, 487.
Maria S. di Gesù, Сиракузы, 488.
Necropolis Cassia, Сиракузы, 488.
Петра и Марцеллина, Римъ, 487.
Присциллы, Римъ, 487.
Каталогъ звѣрей, ж. 322.
Катафалкъ 12, 48, 57, 58, 64, 514; ж. 351, 352; р. 364.
Катафрактаріи 337, 338; всадники 342; гладіаторы 357; конные, р. 332.
Катерлесъ, дер. 108, 509; мостъ 271; и Булганакъ, кург. 108.
Кафтанъ 328, 329, 338; ж. 302, 307, 308, 352; р. 327.
Квадратъ, ж. 263, 265, 281, 282, 286, 292, 300, 308, 369, 370, 415, 475.
Квадры, ж. 263, 269, 292, 300, 301, 382, 437, 450, 460, 468, 475, 484, 485, 493, 495, 513.
Квады 337.
Кё-баши, гробн. 369.
Кедръ или пинія 430; ж. 416, 428; вѣтвь, ж. 486.
Келей 360.
Келермесъ, колесница 47.
Кёльнъ, матерія 332.
Кельты 311, 341; Галліи 357; Дунайскіе 357.
Кёне 348.
Кентавромахія, р. 366.
Кентавры 369; ж. 12.
Кеппель 199.
Κέστρον 378, 386.
Кефалъ, похищеніе 446.
Кіаѳъ, ж. 187, 379.
Изъ Tomba delle Leonesse 78.
Кибела 284.
Кибитка-юрта, ж. 173, 174, 175, 186, 196.
Кіевская губ. 335.
Кіевъ 177.
Кизерицкій, Г. Е. 187, 240, 340, 385, 389; и Watzinger 357.
Кизикъ 389.
Киликъ краснофигурный 48, 73.
Киматій, ж. 27, 35, 67, 75, 355, 380, 415; р. 41, 56, 207, 437; лесбійскій, ж. 23, 34, 66, 84, 120, 122, 124, 125; р. 437.
Кимвалы 429.
Kinch 333; гробн. 67, 157, 167, 313, 513.
Кинжалъ 39, 40, 196; р. 173, 329.
Кипарисъ, ж. 203, 247, 248.
Кипселъ, ларецъ 446.
Кирена, гробн. 27, 365, 366.
Кирпина гора-Ассодагъ 30.
Кисти, ж. 234; винограда, ж. 417; подъ мордой лошади, ж. 305, 306; мон. 310.
Кіузи 75, 79, 81, 117.
Киѳара, р. 249, 365.
Киѳаредъ, ж. 365.
Клавиши органа, ж. 380; моз. 387.
Кладбищенскій переул. 2-й 417.
Клады, Аму Дарьинскій 315.
Новочеркасскій 326.
Старобѣльскій 57.
Таганрогскій 57.
Федуловскій 57.
Феттерсфельдскій 42.
Clermont-Ganneau 499, 500.
Клибанаріи 337.
Клименъ 192.
Клинокъ отъ меча 469.
Клодтъ, бар. 31, 33.
Клуге, Н. К. 517.
Ключъ бронзовый 260, 266; кусокъ 209.
Кнемиды 336, 337; р. 334.
Кнутъ, ж. 204, 232, 237.
Ковры 513; ж. 34, 35, 38, 221, 270, 287, 351, 378, 415; египетскіе 497; египетскихъ гробн. 64; подвѣшенные въ склепѣ 79, 80, 81; покрывавшіе балдахинъ погребальныхъ лодокъ въ Египтѣ 63, 64; катафалки и погребальныя колесницы 48, 49, 62; саркофаги 62; пурпурный, ж. 265, 270; или пологъ 512; и ткани 501; тканый золотомъ, р. 364.
Анфуши, гробн. ж. 63.
Sidi Gaber, гробн. ж. 67.
Дипильской вазы, ж. 62.
Сарк. изъ Магдолы, ж. 62.
Коза, печать 268; нога, бронза 208.
Козлы, два на заднихъ ногахъ, ж. 413.
Колесницы 237, 238, 289; ж. 164, 165, 178, 231, 232; р. 178, 368; тер. 49; балдахинъ 47, 48, 49, 50; боевая четверкой, р. 363; Дарія, моз. 313; императоровъ въ апоѳеозѣ 289; катафалкъ 12, 48, 57, 62, 63, 64, 87, 107, 511; кочевниковъ 49, 50, 64; лодка 63; Плутона, ж. 204, 216, 253, 254, 353; погребальная 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58; р. 363.
Абрадата, погребальная 50.
Александра Вел., погреб. 49, 50, 102.
Александропольскаго кург. 48.
Васюринской горы 47—55.
Глинища 48.
Келермесская 47.
Краснокутскаго кург. 48.
Слоновской Близницы 48.
Станицы Улъ 47.
Чертомлыцкаго кург. 48.
Эвмела, 50.
Collis Gilmissus, храмъ 429.
Κολοηνῶν κατοικία, р. 429.
Колокольчики, бронзовый 274; катафалка 50; лошадей 41, 50, 56; навершій 511, 512; или чашка цимбаловъ, ж. 414.
Колоколообразный золотой предметъ 310; фигурки, ж. 419, 420, 422, 423.
Колонны двѣ 256; ж. 27, 130, 221, 265, 269, 270, 286, 295, 300, 370, 372, 377, 378, 381, 382, 383; ск. 21, 45, 48, 85, 425; р. к. 389; съ базой, ж. 379; іонійскія, ж. 125, 130, 350, 351, 354, 355; іонійскія канеллированныя 116; іонійскія расписныя 381; канеллированная, ж. 376; колесницы 49; пальмовыя, ск. 269; пластически выработанная 132; подставка, ж. 378; саркофага 35, 102; дерев. сарк. 212, 213, 214, 215, 216, 266; на ткани 491; эдикулы органа 386.
М. Аврелія 314, 333.
Траяна 314, 332, 333, 338.
Колоніи Милетскія 289.
Колонія, гробн. 499.
Колосъ, ж. 232, 238, 351, 352.
Колпакъ фригійскій, ж. 25, 416, 426, 428; ск. 151.
Колумбаріи 482; купольный съ головой Медузы въ центрѣ 27; римскіе 481.
Виллы Памфили 291.
Колчанъ, р. 327.
Кольца 216; бронзовыя 274, 469; золотыя 211, 267; золотое съ рѣзнымъ изображеніемъ 516; золотое съ рѣзнымъ камнемъ 266, 267; каменное отъ рукоятки меча 211; желѣзныя 266.
Колыбель, ж. 187, 196.
Коммагена, кург. 45.
Комната на via Sacra, Форумъ, 269.
Черная, дома Фарнезины 63.
№ 23 эллинистическаго дома въ Ольвіи 437.
Композиція, масса разноцвѣтная 268.
Комъ-эсъ-Шукафа гробн. 496.
Кондаковъ 1, 348; и Толстой 7, 326, 331, 341, 353.
Константиновская ул. 509.
Константинополь 49, 95, 505.
Константинъ Вел. 505, 506; арка 314, 373; мон. сыновей 451.
Constanza S., церковь, Римъ, 219, 499.
Констанцій Хлоръ, диптихъ 289, 446.
Конторніатъ съ надп. Platoni placeas 386.
Конце 119.
Конь, моз. 313; крылатый Пегасъ 289.
Коньки дерев. точеные 34.
Копье 39, 314, 315, 339; ж. 73, 159, 173, 174, 177, 188, 234, 235, 240, 305, 306, 308, 310, 312, 353, 354, 416, 427, 428; моз. 313; мон. 317, 318; печать 268; р. 173, 177, 239, 311, 314, 316, 329, 330, 331, 333, 340, 395, 396; р. к. 211, 389; съ amentum, ж. 307; засѣвшее въ тѣлѣ врага 315; метаніе 340; сломанное 342; ж. 240; сломанное съ amentum, р. 315.
Кора 166, 179, 237, 238; ж. 165, 168, 236; р. 23; ст. 26; возвращеніе ἄνοδος 236, 237, 238, 239; голова, ж. 12, 18, 25, 166; миѳъ 236, 238; похищеніе 224, 236, 237, 238, 360, 361; ж. 164, 165, 166, 204, 216, 253, 254.
Корабль съ экипажемъ или безъ него, ж. 408, 414, 415, 426, 434.
Корзина 149; ж. 190, 357; на коромыслѣ, р. 388; съ плодами, ж. 260, 264, 270; съ розами, ж. 493; въ рукахъ Эротовъ, ж. 145, 146, 149, 197; съ фруктами, моз. 221.
Корибанты, танецъ 428.
Корнето 75, 225, 231, 369.
Cornicen, моз. 387; р. 364.
Коробочки, бронзовая 266; дерев. туалетная 213; костяная туалетная 211.
Корридоръ 271, 294, 298, 299, 300.
Corstopitum (Corbridge на Tyne) 289.
Körte 290.
Кортежъ погребальный, ж. 351.
Костобоки 343.
Костюмъ актеровъ, ж. 365.
Косцюшко-Валюжиничъ К. К. 442, 444, 445, 449, 452.
Косцюшко-Валюжиничъ Д. К. 449.
Косякъ надъ антами 18; двери 83; монолитный 31, 33; отштукатуренный 35; не профилированный 71; профилированный вверху 88; съ профилированной капителью 156.
Гробн. Царей 502.
Котелъ 57.
Котисъ 332; сынъ Аспурга 374; I, мон. 389; II, мон. 274, 310, 389; III, мон. 319; V, мон. 310.
Κουράς 23.
Кошелекъ, ж. 180, 194, 248, 390.
Краски, отдѣленія для, ж. 378.
Краснокутскіе, гробн. 57 кург. 48.
Крассъ 321.
Кратеръ 430; ж. 78, 147, 235, 379; или гидрія, ж. 430.
Баксинскаго склепа 109.
Юзъ-Обы 107.
Кресло, ж. 172, 173, 176, 177, 178, 179, 186, 187, 188, 249, 287, 354, 357, 359, 378, 380; курульное, мон. 320.
Митридата 155.

Крестъ, ж. 434, 503; ск. 456; съ А и Ω, ск. 397, 501; бронзовый 208; въ вѣнкѣ, моз. 493; въ кругахъ, ж. 497; равноконечный, ск. 435; тѣльникъ 462; украшенный камнями, ж. 493.
Въ честь муч. Василея 504.
Крестовидный храмъ, Херсонесъ, 481, 449, 452, 458, 459; плита 502.
Криворуково урочище 513.
Cristallini, via 27.
Критъ 12, 193, 289, 381.
Кровь 317; ж. 307, 312.
Кроталы, ж. 380, 387, 388.
Κρόταλα изъ Casa degli amorini dorati 387.
Кружокъ гипсовый съ рельефными крестами 456.
Кругъ, ж. 263, 264, 265, 272, 274, 286, 287, 292, 301, 355, 382, 406, 413, 444, 450, 451, 460, 488, 497; концентрическіе, ж. 265, 278, 281, 300, 308, 415, 465, 493; костяной 266; съ апотропэическимъ изображеніемъ, ж. 438; со звѣздой, ж. 444; съ лучами, ж. 286, 413; въ рамкѣ, ж. 264, 265.
Crupellarii 357.
Круста мраморная, ж. 286.
Крылья, ж. 232, 303, 304, 445, 446, 447; золотыя, наушники 511; на ногахъ, ж. 350.
Крымъ 439, 474.
Крышка ларца 392; сарк. дерев. 213, 214; сарк. каменнаго 273; сарк. каменнаго двускатная 256; сарк., фигура покойника 270.
Сарк. гробн. Царей 502.
Сарк. расписного 380.
Крѣпость, изображеніе, ж. 477.
Крюкъ, ж. 184, 185, 197, 379; р. 197,
Ксанѳъ 23; гробн. Пайавы, 195, 366; пам. 446; р. 178, 192; сарк. 224.
Ксифилинъ Іоаннъ 505.
Ктесаменъ 172.
Кубань 24, 50, 99; канделябръ 207; ритонъ 311, 315, 334, 341; область, курганъ 335.
Кубикулъ 121.
Кубокъ изъ Вафіо, золотой 324.
Изъ Микенъ, серебряный 324.
Кувшинъ, ж. 249, 288, 355, 357, 379; р. 366.
Кукла тер., головка 265.
Кулаковскій Ю. А. 2, 7, 91, 137, 154, 170, 183, 185, 187, 195, 227, 228, 229, 231, 244, 247, 249, 405, 406, 408, 435, 498.
Кулешовка, село 335.
Куль-Оба, ваза электровая 318, 334; кург. 108; находка 336; панцыри 335; пластинки золотыя 23, 334; склепъ 3, 18, 39, 55, 64, 80, 140, 159, 165, 277.
Культъ Аттиса 429, 430, 432; героя 59, 64; Деметры 194, 224, 226; Діониса 191, 192; загробный 221; муч. 490, 504, 506; надгробный 271; охотничій, моз. 373; погребальный 365, 486, 515; покойника 12, 14, 19, 20, 42, 48, 57, 58, 59, 60, 61, 64, 80, 81, 98, 99, 104, 106, 109, 167, 191, 507; Сабазія 428, 429, 430; Сераписа 191, 192; элевсинскій 192; ѳракійскій 191, 192.
Куманудисъ 172.
Kumbet, дер., гробн. 24, 147, 224.
Cumont F. 289, 389, 396, 432.
Kourba, моз. 499.
Курганы Акбурунскій 335.
Аксютинцы, дер., около, 335, 336.
Александропольскій 38, 42, 48, 335, 512.
Алкима Асклова 255.
Анапы, около, 109, 110, 111, 112.
Артюховскій 96, 111, 112, 268.
Ахилла и Патрокла 45.
Ашика 46, 348.
Б. Близницы 10, 14, 30, 36, 46, 48, 58, 64, 99, 101.
М. Близницы 10, 30, 99, 101.
Близницы Слоновской 48.
Ѳ. Ботаченко, въ усадьбѣ, 400.
Васюринской горы 14, 30, 42, 43, 57, 58, 99, 101.
Волковцы, дер., около, 335.
Воронежскій 318.
Геремесовскій 311, 334, 341.
Глинище, 1850 года, 398.
Гуляй-Города, около, 335.
Думберга 46.
Дѣевскій 55.
Замостскаго кордона, около, 150.
Змѣиный 26, 54, 55, 100, 101, 106, 107, 290.
Золотой 3, 18, 70, 98, 103, 108, 112, 140, 212, 293, 509.
М. Каменистый 102.
Карагодеуашхъ 2, 87, 235, 287, 318, 323, 325, 334.
Кара-Кушъ 45.
Карантина, около, 140.
Катерлесъ и Булганакъ 108.
Коммагены 45.
Краснокутскій 48.
Кубанской области 335.
Криворукова урочища 513.
Куль-Обы 108.
Курино, около Пидна 74.
Майкопскій 323, 512.
Мелекъ Чесменскій 18, 282.
Митридата 108, 138.
Мокіевки, около, 335.
Общественнаго сада, около, 60.
Огузъ 56.
Ольвіи 52, 436, 437, 438.
Острый 99, 100.
Павловскій 36, 54, 101, 270.
Полтавскіе 336.
Поповка, дер., около, 510.
Прибужья 334.
Приднѣпровья 334.
Придонья 334.
Роменскаго уѣзда 335.
Семибратній 207, 335.
Сесенки 45.
Склепа 1832 года 513.
Склепа 1884 года 280.
Собачій 277.
Солоха 311, 319, 334, 363, 511.
Сѣнная станица, около, 94.
Сѣрогозскіе 42, 55.
Тарасовскіе 109, 256.
Тузлы, около, 23, 36.
Ульпіевъ 398, 399.
Фельдштейна 260, 265, 267, 268, 399.
Херхеулидзева кн., около завода, 400.
Царскій 18, 19, 98, 103, 112, 140, 274, 276.
Черкасскаго уѣзда 335.
Чертомлыцкій 42, 54, 55, 57.
Юзъ-Оба 45, 98 ·105.
Южно-русскіе 2, 9, 45, 60, 79.
Курганное кладбище 266.
Курино, гробн. 74, 85, 513; кург. 74.
Куриный выводокъ, ж. 190.
Куропатка, ж. 503.
Кустарникъ, ж. 220.
Кустъ розы, ж. 2, 33, 304.

Лавръ, ж. 17, 38, 39; вѣнокъ 502; ж. 71. 72, 454, 457, 460, 466, 468, 485, 486, 487, 489, 490, 493, 499, 501; моз. 491; на головѣ генія, ж. 445, 446; золотой погребальный 209; вѣтви, ж. 205, 217, 352, 461, 462, 489; гирлянда, ж. 206, 217, 454, 460, 461, 462, 468, 470, 476, 478, 485, 487, 495, 499; ск. 501, 502; инкрустація на канделябрѣ 207; листья 266; и цвѣты, вѣнокъ, ж. 456.
Лазурцы, село 511.
Лазы 342.
Layard 312.
Лактанцій 333.
Лампы 201, 462; ж. 351, 355, 365; глиняныя 265, 266, 284; зажженная, ж. 365, 366; изд. Pagenstecher'омъ 388; краснолаковая 208.
Александрійскаго музея 387.
Лампадки 508.
Лангаза, гробн. 27, 31, 53, 60, 74, 79.
Lanciarii 333.
Лань, ж. 164, 165.
Лапидарій Царскаго кург. 274, 276.
Лаппо-Данилевскій 326.
Ларецъ дерев. покрытый гипсомъ 391; дерев. съ росписью 36; изъ кости 40.
Кипсела 446.
Изъ Тузлы 392.
Лара мать Ларовъ 226.
Лары 226; ж. 146.
Ласточки 61; ст. 61.
Латинская дорога, Римъ, гробн. 289, 498.
Латы 328.
Латышевъ В. В. 151, 172, 175, 258, 331, 399, 432, 503, 504, 505, 506.
Лацій 26.
Лебедь, мон. 289; р. 289; летящій; ж. 354.
Левкиппиды, похищеніе, р. 368.
Левъ I, мон. 464, 471.
Левъ, ж. 159, 236, 242, 303, 304, 325, 344; мраморъ 255, 256; подвѣска 267; р. 56, 147, 355, 356, 397; р. к. 323; ст. 45, 214; группа, р. 323; на щитѣ, р. 333; лапы, ск. 44, 46; лапы бронзовыя, канделябръ 207, 208; голова, ж. 34.
Изъ Ольвіи 298.
Лежанки 293, 294, 295, 300, 301, 308; сарк. 297.
Лекана изъ склепа Благовѣщенской станицы 111.
Изъ склепа Б. Близницы 15.
Васюринской горы 39.
Склепа Древняго вала 109.
Юзъ-Оба 102, 104, 105.
Лекиѳы, ж. 72, 81; аттическіе 392, 447; краснофигурные V в. до Р. Х. 381; кожаный, ж. 355.
Б. Близницы 14.
Бобрицкаго могильника 511.
Павловскаго склепа 107.
Склепа 1908 г., Керчь, 73.
Лента, ж. 205, 247, 454, 460, 461, 470, 485.
Ленцъ Э. Э. 336, 339.
Леонтьевъ 94, 331, 347.
Леперъ Р. Х. 472, 476.
Лепестки розы, отдѣльные, ж. 204, 205, 217, 222, 230, 231, 233, 235, 236, 242, 246, 247, 248, 249, 250, 253, 254, 258, 259, 269, 282, 287, 288, 299, 301, 302, 303, 305, 309, 349, 354, 374, 377, 380, 437, 462, 485, 486, 487, 493; шиповника, ж. 461; или цвѣты, ж. 461.
Leptiminus, моз. 489.
Лёшке 312.
Ливія, вилла 371.
Лигнитъ 268.
Ликійцы 368.
Ликія 23, 26, 95, 178, 187, 188, 194, 312, 313, 368, 369, 371.
Ликъ, ж. 404, 429.
Лилія, ж. 19. 25; р. 26; ск. 26; французская, ж. 377.
Лимира, гробн. 195; сарк. 313, 366.
Линевичъ А. 258, 259.
Линія ломанная зигзагообразная (стилизованная тенія), ж. 406, 408, 409. 413, 415, 417.
Лира, ж. 249, 288; мон. 289.
Лисимахъ, мон. 39, 54, 111, 310.
Листья, отдѣльные, ж. 204, 205, 206, 217, 222, 230, 231, 233, 235, 236, 242, 246, 247, 248, 249, 250, 257, 258, 259, 287, 288, 299, 301, 302, 303, 305, 309, 345, 354, 374, 377, 379, 380, 425, 462, 485, 489; апія золотые 389; золотые отъ погребальнаго вѣнка 260, 515; золотые лавроваго вѣнка 209; кончающіеся цвѣткомъ, ж. 204, 476; лавровые сухіе 266; плюща, бронза 207, 208; дерев. 214; ж. 248, 415, 499; травы, ланцетообразные, ж. 302.

Liticen или Siticen, р. 364.
Лициній, мон. 52.
Ловля звѣрей въ ловушку, моз. 373; въ клѣтку, моз. 516.
Лоджіи Рафаэля 487.
Лодки египетскія 63, 64; небольшая, ж. 414.
Ложе 262, 298, 368, 483; ж. 249, 265, 270, 287, 288, 351, 352, 354, 378; р. 49, 364; ск. 270; lectus 483; ниша 483; погребальное 57, 58, 62, 66; сарк. 296, 298.
Лоза винограда 429; ж. 222, 273, 274, 275, 287, 288, 291, 352, 362, 425, 426, 428, 430, 455, 461, 485, 486, 507; ск. 288, 397, 502.
Локулъ-loculus 440, 443, 448, 449, 450, 452, 453, 455, 456, 457, 459, 461, 462, 463, 464, 465, 467, 468, 469, 470, 473, 474, 475, 476, 478, 482, 483, 484, 516; алтарь 475, 476; ниша 483; сарк. 473; солій 473.
Лондонъ 95, 510.
Лопатинъ, дворъ 227.
Лотосъ на головѣ Изиды 181.
Лошади 59, 511, 512; ж. 171, 173, 174, 175, 177, 186, 196, 240, 263, 309, 312, 359, 362, 377, 379, 384, 420, 434; моз. 313; мон. 310, 317, 318; р. 177, 239, 240, 311, 316, 319, 330, 340, 363, 371, 515, 516; буланая, ж. 306; бѣлыя 237; ж. 234, 306; буро-красная, ж. 380; гнѣдая, ж. 305; караковая, ж. 306; рыжая, ж. 288; везущія Сабазія, р. 429; осѣдланная, ж. 351; раненая, ж. 306, 312, 353; моз. 317; р. 311, 314, 316; падающая, мон. 317; погребеніе 31, 40, 42, 43, 44, 47, 56, 59. 87, 159; сожженіе 109; четверка, ж. 164, 204, 216, 224, 253, 353; черепъ, прикрѣпленный къ столбу, р. 318.
Лугъ, моз. 514.
Лукъ 339; ж. 159, 173, 288, 306, 379, 380, 407, 427, 430; р. 173, 177, 239, 329.
Луканія 369.
Лукіанъ 360, 388.
Луксоръ, храмъ, церковь, 497.
Луна 429.
Лучи, ж. 286, 413; звѣзды, ж. 281, 300, 308; нимба, ж. 414.
Лучники пѣшіе, р. 332; всадники, ткань 332.
Люди, держащіе свѣчи, ж. 486; моз. 490.
Люлька, ж. 187.
Люнетка 269; расписанная 67, 88, 89, 140, 141, 142, 143, 144, 157, 159, 162—168, 170, 171, 172, 174, 184, 186, 189, 190, 197, 200, 201—206, 217, 218, 222, 228, 230—236, 238, 239, 241, 242, 243, 246, 251, 285, 287, 288, 299, 301—306, 308, 313, 370, 493, 497, 502; балдахина, ж. 351.
Люценко 7, 11, 12, 15, 18, 20, 28, 30, 32, 43, 46, 100, 102, 105, 161, 162, 215, 258, 399.
Лягушка, подвѣска, 267.

Maas 239.
Мавзолей 60; надгробные С. Африки 489.
Юліевъ въ S. Remy 314.
Мавретанія 489.
Магдела 62.
Магнесія на Мэандрѣ 21, 68, 85, 114, 118, 125, 127.
Мадеба, моз. 516, 517.
Мазараки 335, 511.
Майкопскій кург. 323, 512.
Макалистеръ 147.
Макаренко Н. 335.
Македонія 27, 28, 38, 59, 60, 62, 74, 79, 81, 98, 110, 111, 194, 296, 370.
Macchioro V. 382.
Макриди-бей 79.
Максиміанъ 333.
Макферсонъ 154, 155, 156, 157, 159, 347.
Макъ, ж. 149, 205, 217, 219.
Malocchio 438.
Мальчикъ, прислужникъ, ж. 174, 176, 188, 249, 263, 287, 288, 366; р. 330; парящій, нагой, ж. 204; стоящій, ж. 351, 378; на лозѣ, ж. 287, 291.
Мантинея, мон. 290.
Маны 59, 226.
Маргаритки, ж. 220; mille fiori 221.
Maria S. di Gesù, катакомбы 488.
Марисса, гробн. 322, 365, 499.
Mariti 498.
Марръ Н. Я. 430, 431.
La Marsa-Kamart, моз. 492.
Marsia, porta 117.
Мартирій 478, 505.
Маска, ж. 167, 352, 375, 378; золотая 321.
Мастарна 24.
Мастерская художника, ж. 378, 385.
Энніона, работы 210, 211, 514.
Матерія, окутывавшая гробъ 508; осыпанная листовымъ золотомъ 266.
Изъ Кёльна шелковая 332.
Матросы, ж. 414.
Матерь боговъ, Великая, 429, 430; боговъ, Рея. 284; Мановъ 226.
May 1, 126, 127, 128.
Мачта съ реей, ж. 408; съ двумя, ж. 414.
Мегалографія фигурная, ж. 485, 487, 488, 497.
Мегарскія чашки 22, 217.
Медальоны, ж. 205, 217, 219, 222, 230, 236, 242, 454, 495, 499, 502; моз. 491, 497; р. 233, 289; р. к. 274; арки Константина 373; золотые 215, 267; золотые погребальныхъ вѣнцовъ 515, 516; съ бюстомъ Сераписа, египетская паста 268; съ исторіей Психеи, ж. 498; съ портретомъ, р. 500.
Médard S., des Près, могила 386.
Медвѣдь, ж. 304, 353; р. 356.
Мединетъ-Абу, дворецъ 220.
Медуза, голова, ж. 236, 242, 243, 271, 274, 275; ск. 23, 24, 275. 395, 396, 397, апотропэй 24, 275, 516; бородатая, ск. 275; медальонъ 267; украшенія гипсовыя 268.
Неаполитанской гробн. 27.
Мелекъ-Чесменскій, гробн. 18, 103, 112, 140; кург. 18, 282.
Мелитопольскій уѣздъ 311.
Мелитскій лемъ 51.
Мельфи, сарк. 514.
Мемнонъ 446.
Меморій-memorion 478, 479.
Мемфисъ 23, 28, 35, 36, 49.
Менада изъ Будапешта, ск. 445.
Менелай 195.
Мерджаны, дер. 207.
Меркурій, р. 431.
Mercurius nuntius, ж. 225, 361.
Месопотамія 447, 500.
Металлургія микенская 324.
Метопы 16.
Метродоръ, стела, 315.
Мечи 39, 266, 339; ж. 79, 173, 188, 263, 305, 306, 340, 356, 479; р. 159, 173, 329, 395, 396; р. к. 389.
Микены 103; кубокъ 324; металургія 324.
Милетскія колоніи 289.
Милетъ 21, 194.
Mille fiori 221.
Миллеръ А. А. 335, 336.
Мимъ италійскій, р. 389.
Minns E. 310, 326.
Мира, гробн. 23, 26, 195, 371.
Мирза Кекуватскій, гробн. 107.
Миртъ, ж. 17, 22.
Мистеріи Сабазія-Діониса 389; элевсинскія 167.
Мисты 13, 193, 428, 431; изображенія, ж. 429, 434; конные, ж. 430, 434.
Митридатъ, гора 4, 61, 70, 91, 113, 135, 138, 139, 153, 161, 213, 227, 244, 256, 280, 293, 346, 347, 348, 390, 405, 443, 508, 509; кресло 155; кург. 108, 138; склепъ 156, 158.
Михаилъ, надпись 494.
Миѳра 428, 432, 433.
Миѳрадатъ 209, 509; Евпаторъ I 44, 47, 209; т. наз. Евбіотъ 44, 215; мон. 44, 47, 209; II (VII) 332; мон. 195, 215, 389.
Младенецъ на рукахъ сидящей женщины, ж. 380.
Могила Старшáя 335.
Могильникъ Бобрицкой 335, 511.
Модель сарк., Одесскій музей, тер. 214.
Модій 25; ж. 189.
Мозаики 62, 220, 286; asarotos oïkos 221, 493; африканскія 221, 324, 372, 489, 492, 493, 497, 499; африканскія съ изображеніемъ въ три яруса 492; африканскія надгробныя 457, 479, 480, 489, 490, 491, 492; африканскія христіанскія 503; африканскія эллиптической формы 388; галльскія 489; делосскихъ домовъ 62, 217; деревянная или интарсія 216; палестинскія 516; половыя 221, 250, 275; помпеянскихъ домовъ 121; пергамскихъ домовъ 62; римскія 499; сирійскія 516.
Александра и Дарія, Неаполь, 121, 234, 313, 314, 315, 317, 363.
Базилики La Marsa-Kamart 492.
Баптистерія Сотера 503.
Виллы Адріана 324.
Виталія св., свода хора 503.
Дома „Дельфиновъ“, Асклепіада изъ Арада, Делосъ, 217, 219, 502.
Гадрумета 489.
Гиппона 516.
Djemila 499.
Изданная у Bartoli 388.
Изданная въ Catalogue du musée Alaoui 387.
Карѳагена 372, 373, 489.
Карѳагенскаго акрополя 1844 г. (Лувръ) 491.
Карѳагенскаго имплювія 492.
Casanarello 503.
Kourba 499.
Leptiminus 489.
Мадебы 516, 517.
Изъ Nenning'a 387.
Палестрины 322, 492.
Серджилли 516, 517.
Соса 146, 221, 241.
Суссы 221, 492, 499.
Суссы, египтизирующая 492.
Табарки 489, 490, 513.
Taparura 489.
Thenae 489, 490, 492.
Oudna 499.
Cherchel 499.
Ѳисдры древней 373.
Мойры 237.
Мокіевка, дер. кург. 335.
Молнія, р. 333.
Мольбертъ, ж. 378, 379.
Моммзенъ 333.
Монеты 51, 73, 99, 111, 266, 291, 343; автономныя 73, 104, 107, 256; боспорскія 159, 313, 319, 331, 516; боспорскія царскія 317; боспорскихъ царей съ конца II в. по Р. Х. 345; императоровъ первыхъ 210; императоровъ не позже Адріана 268; іудейскія 502; керченскія 242; пантикапейскія 209, 210, 310; элевѳеріи, херсонесскія 471, 482; ѳракійскія 195, 313; ѳракійскихъ династовъ 310.
Александра Вел. 10, 20, 54.
Аркадія 462.
Антоніи Трифэны 310.
Валентиніана I 451, 462, 471.
Гигіенонта 310.
Деметрія 310.
Съ изображеніемъ миѳа Деметры 362.

Евпатора 284, 389.
Константина сыновей 451.
Котиса I 389.
Котиса II 274, 310, 389.
Котиса III 319.
Котиса V 310.
Льва I 464, 471.
Лисимаха 39, 54, 111, 310.
Лисимаха (подражаніе) 310.
Лицинія 52.
Мантинеи 290.
Маронейскія 51.
Миѳрадата Евпатора I 44, 47, 209.
Миѳрадата II (VII) 215, 195, 389.
Перисада II 39, 111.
Реметалка 284.
Рескупорида I 310, 318, 331, 389.
Рескупорида I ѳракійскаго типа 317.
Рескупорида II 317, 319, 331, 345.
Рескупорида III 310.
Рескупорида VII 400.
Савромата I 267, 310, 331, 389.
Савромата II 193, 310, 319, 331, 515.
Северовъ 289.
Севѳа 310.
Траяна 289.
Халкедона 289, 290.
Ѳеодосія Вел. 462.
Монограмма, р. 209; Христа, ж. 454, 466, 486, 493; моз. 491; въ вѣнкѣ, ж. 478; моз. 490; въ кругѣ, ж. 488; на нимбѣ, ж. 490; царей 209, 298; гербообразная 163.
Мраморировка, ж. 89, 118—124, 128, 129, 157, 163, 197, 264, 278, 281, 282, 286, 300, 301, 308, 357, 425, 436, 437, 450, 451, 461, 485, 493; breccia, ж. 124; павлиній хвостъ, ж. 124; квадры, ж. 437, 450, 460, 513.
Мраморная инкрустація абсиды въ Паренцо 503.
Мраморная живопись 370, 497; marmoribus pingere 129; инкрустація, подражаніе, ж. 286, 299, 345, 382, 488, 496; панель, подражаніе, ж. 455; плиты, подражаніе, ж. 263, 264, 274, 286, 300, 301, 355, 497, 500.
Мраморы цвѣтные, фрагменты 135.
Мужчина, ведущій лошадь, ж. 351; возлежащій на ложѣ, ж. 249, 287, 352, 354, 378; р. 384; держащій свѣчу, ткань, 491; сидящій, ж. 351; р. 368, 370, 371; стоящіе, ж. 189, 196, 352, 357, 362, 371, 477; р. 368; стоящій со свѣчами, ж. 455, 457, 479, 480; фигуры, ж. 359, 391; р. 387.
Музыка, ж. 384; погребальная, ж. 359, 362.
Музыкальные инструменты, ж. 211, 427; р. 387.
Музыканты, ж. 350, 351, 365, 377, 380, 384, 386, 387; моз. 387, 388; р. 364, 396.
Müller K. 42, 50, 363.
Мундштуки 266.
Муральтъ 99.
Мурмиллоны-murmillones 456; изображенія 357, 358.
Мученики, гробн. 458, 506, 507; изображеніе, ж. 479; имена, моз. 491; покровитель покойника, ж. 488; культъ 490, 504, 506.
Mouchetures, ж. 438.
Мэандръ, ж. 36, 75, 76, 120, 121, 124, 127, 475, 497; ск. 122, 125.
Мэзія 147.

Набедренники 336.
Навершья 511, 512.
Навклеры, ѳіасъ 432.
Нагайка, ж. 173, 351, 379, 380; р. 177; ск. 239.
Наголенники 336.
Нагорная ул. 1-ая 401, 408, 421, 435.
Нагрудникъ лошади, ж. 234.
Надгробія метрическія синопцевъ 513; моз. африканскія 489, 492; солдатскія рейнскихъ провинцій 445.
Ѳеофилы, метрическое 511, 513.
Надписи 256, 400; III в. по Р. Х. 259; 208 года по Р. Х. 342; Горгиппіи 432; іероглифическія 496; имена мучениковъ, моз. 491; имена погребенныхъ 247, 248, 250, 251, 258, 259; на мозаикѣ 490, 493; на дискѣ, моз. 491; надгробныя 150, 151, 357, 373; надгробная IV в. по Р. Х. 259; Неаполитанскаго некрополя 27; пантикапейскія 259, 432; почетныя 373; орфическія на пластинкахъ 193; стихотворная, моз. 516; Танаидскія 432; христіанской гробн. изд. Дитрихомъ 498; южнорусскаго великаго бога 432; ѳіасотовъ 432; ѳіаса навклеровъ изъ Горгиппіи 432; на амфорахъ 138, 143, 144; на сосудѣ 513; на сосудахъ изъ Кіузи 79.
Ай Тодора, Бенефиціаріевъ 191.
Аполлонія и Сократа 515.
Banat'a 515.
Готарзы 321.
Съ именами архангеловъ 494.
Кургана Кара Кушъ 45.
Никополя 429.
Пирота въ Болгаріи 432.
Савромата Тиб. Юлія 343.
Сильвана Тиб. Плавтія 343.
Склепа Алкима 163, 168, 175, 181, 256.
Склепа Анѳестерія 170, 172, 175, 181, 256.
Склепа Васюринской горы 32, 40, 43, 46, 248.
Склепа Евресибія и Ареты 59, 60.
Склепа около Замостскаго Кордона 150, 151.
Склепа Ульпіевъ 399.
Склепа 1890, 2 года 406.
Склепа 1912 года 423.
Изъ Фригіи 515.
Наколея 224.
Накшъ и Рустемъ, р. 314, 315, 317.
Налобники конскіе 41, 510; золотые въ формѣ рыбъ 511.
Васюринской горы 511.
Лазурцы, села, изъ 511.
Налучія, изъ Ильинца 326.
Изъ Чертомлыка 326.
Наносникъ 41, 56.
Насоніи, гробн. 361, 371, 372, 383, 516.
Насѣкомыя, ж. 219.
Наушники 510; золотые въ формѣ крыльевъ 511.
Нашейникъ конскій 41.
Нащечникъ конскій 41.
Неаполь 27, 67, 80, 234, 279, 486, 490, 491, 492, 501, 503.
Некрополи.
Адлуна 498.
Africa proconsularis 489.
Ахмима 494.
Бетъ-Ибрина 147.
Виминація въ Мэзіи 147.
Гадры 516.
Глинища 200, 282.
Дипильскій 62, 363.
Карѳагена, чиновниковъ 489.
Cassia (Necropolis) 488.
Керченскій 70.
Кирены 27.
Неаполя 27.
Сидонскій 313, 498.
Сукъ-эль-Вардіанъ 86.
Tell-el-Judeideh 499.
Финикіи 498, 499.
Херсонеса 449, 458.
Эль Тегеня 24, 394.
Юзъ-Обы 105.
Ѳивъ 2.
Νεκυομαντεῖον 58.
Нелей 192.
Nenning, моз. 387.
Нереиды, пам. 23, 313, 363, 366, 367 368; сарк. 395.
Неронъ 343, 374; domus aurea 487, 515.
Ника 17, 500; вѣнчающая бюстъ, ск. 396; царя, р. 515; держащія вѣнокъ, ж. 500; гирлянду, ж. 500; доску съ надп., р. 500; медальонъ съ портретомъ, р. 500; летящія, ж. 500; р. 516; на носахъ кораблей, ск. 290.
Никейскій соборъ 506.
Никополь 429.
Нимбъ, ж. 411, 426; моз. 491; двойной, ж. 414; изъ лучей, ж. 414; мученика Януарія съ монограммой Христа, ж. 488, 490; лепестковый, тер. 265.
Нимфа, ж. 181.
Нимфей 395.
Нимъ 133.
Ніоба и Ніобиды, циклъ, 383.
Ніобиды, сарк. 214; украшенія гипсовыя 266, 267.
Новиковъ А. В. 394.
Новочеркасскій кладъ 326.
Ногара 79.
Ноги козы, бронза, 208; человѣческія, бронза 206, 208.
Ножки скамейки 47; съ львиными лапами 37; ск. работы 44, 46; трапезы 43; трапезы въ формѣ пилястровъ 37; трапезы въ формѣ львиныхъ лапъ 44, 46.
Ножны дерев. 73.
Ножъ 73, 266.
Нола 503.
Норикъ 275.
Носилки, р. 364.
Носильщики балдахина, ж. 351, 352; катафалка, р. 364.
Носы кораблей съ Никами 290.
Ночь уносящая своихъ дѣтей, ларецъ Кипсела 446.
Нумидія 489.
Нью Іоркъ 388, 514.

ω 423, 454.
Ω—A, р. 397, 501.
Обезьяна съ птицей, р. 344.
Обивка бронзовая деревяннаго ящика 209.
Налучія изъ Ильинца 326.
Налучія изъ Чертомлыка 326.
Облицовка гипсовая съ росписью 390.
Обшивка бронзовая органа 386; стеклянная 221.
Общественный садъ, Керчь, кург. 60.
Овидій 360.
Овы, ж. 16, 34, 35, 84, 120, 124, 188, 189, 349, 350, 355, 379; р. 131, 135.
Огузы, кург. 56.
Одеонъ, Аѳины 130; Карѳагенъ 492.
Одессъ 192.
Одиссей 58; и женихи, р. 368.
Одиссея 226.
Ожерелье, ж. 16, 19, 23, 25.
Океаниды 166; ж. 166.
Оксибафъ 15.
Оксфордъ 335.
Олень, ж. 88, 145, 189, 190, 196, 303, 304, 353, 416, 426, 430; р. 516; чубарый, р. 315, 323.
Holleaux 119.
Ольвія 52, 97, 122, 125, 194, 208, 268, 298, 327, 343, 365, 514, *436—438*; левъ 298.
Ὀπαί 512.
Оранжъ, арка 314; чашка 386.
Орантъ, ж. 480; моз. 490, 491.
Орвіето, алтарь 388; гробн. 369.
Органъ ручной 386; ж. 350, 365, 380; р. 387; гидравлъ, ж. 380; 386; моз. 387; тер. 387; на постаментѣ 387; р. 387; свирѣль, моз. 387, 388.
Изъ Помпей 1898 года 386.
Изъ Помпей, Casa del Toro, 386.

Орелъ 289, 429; ж. 415, 416, 426, 428, 429, 431; р. 55, 432; ск. 45; съ гирляндой, р. 396; на молніи, на щитѣ, р. 333.
Ориѳія, похищеніе 446.
Ормуздъ 319.
Орнаментъ геометрическій, ж. 415; животный натуралистическій, ж. 222; растительный натур., ж. 222; растительный стилизованный, ж. 424; цвѣточный натуралистическій, ж. 219, 220; врѣзанный въ золото, р. 515.
Ὀροφή 23.
Orsi 381.
Оружіе, развѣшенное на стѣнахъ гробн. 39, 57, 58, 74, 77, 79, 107.
Оруженосецъ, ж. 154, 155, 159, 172, 173, 176, 177, 188; р. 188, 196, 240, 316, 329, 330.
Орфей 361; гимнъ орфич. 237.
Орфика 165, 167, 192, 193, 194, 224, 225, 226, 237, 238, 239, 288, 360, 361, 362, 369, 370, 447, 513.
Орфики 372.
Орѳостаты 74, 77, 120, 123, 129, 134, 157; ж. 34, 35, 65, 67, 68, 85, 127, 291, 444, 468, 495, 496; увѣнчанный карнизомъ 121, 122.
Остія, дома 487, храмъ 428.
Островъ въ устьѣ Днѣпра 505.
Острый курганъ 99, 100.
Отверстіе воронкообразное для совершенія возліяній 278.
Оттискъ монетъ 209, 215; золотыхъ римскихъ 516.
Веспасіана 214, 267.
М. Аврелія 400.
Охота 314, 322, 366, 367, 368, 372; ж. 354, 359, 372, 373, 516; р. 179, 313, 315, 371; въ степяхъ или пустынѣ, моз. 492; культъ, моз. 373.
Охотникъ, герой-богъ, 431; конный, ж. 353.

Пава, ж. 381; и павлинъ, ж. 476.
Павлинъ Ноланскій 503.
Павлинъ, ж. 138, 141, 142, 146, 147, 148, 189, 190, 197, 198, 219, 233, 241, 304, 305, 352, 359, 380, 456, 468, 470, 503; моз. 477; хвостъ, ж. 477; и пава, ж. 476.
Павловскій А. А. 517.
Павловскій курганъ 36, 54, 101, 107, 108, 270; склепъ 36, 54, 107, 108.
Павсаній 318, 337, 338, 512.
Пагасы 179.
Pagenstecher 388.
Пайава, гробн. 195, 366; сарк. 178.
Palatini 333.
Палатинъ, дворцы 487; домъ 383.
Палатица, гробн. 68, 513.
Палестина 134, 147, 483, 484, 497, 500, 501, 502, 503, 505.
Палестрина, моз. 322, 492.
Палка, ж. 403, 404, 406, 415, 419, 423, 426, 428.
Паллада, печать 268.
Пальмы, моз. 517; р. 209, 502; вѣнокъ, ж. 476; вѣнокъ на головѣ гермы, р. 209; вѣтви, ж. 406, 410, 413, 415, 476, 500; р. 209; колонны, ск. 269; листья, гирлянда, ж. 203.
Пальметка 50, 116, 117; бронза 54, 207; ж. 25, 27, 38, 71, 123, 203, 230, 232, 233, 308, 454, 477, 502; р. 132, 135, 210, 218; ск. 51, 61; ткань 54.
Пальмира, гробн. 205, 385, 438, 497, 500.
Памфили, вилла 291.
Памфилія 24, 133.
Памятники африканскіе 492; берлинскаго этнографическаго музея 298; на вазахъ, ж. 80; египетскіе 490; иранскіе 516; Каппадокіи 512; культа Аттиса 430; культа Сабазія 428, 429, 430; Македоніи 370; ликійскіе 240; ликійскіе IV в. до Р. Х. 362; надгробные 214, 256, 310, 357, 498; надгробные римскіе 445, 447; надгробные карѳагенскіе языческіе 489; почетные 45, 398; римскіе 367; сасанидскіе 321, 344; хеттскіе 512; южно-италійскіе 503.
Адамклисси 269.
Амитерна 363, 366.
Гарпій 364.
Гатеріевъ 364, 365, 366.
Ксанѳа 446.
Нереидъ 23, 313, 363, 366, 367, 368.
Перисада IV и Камасаріи 289.
Секундіевъ около Трира (Igelsäule) 385.
Панель, ж. 455, 460, 465, 475, 477, 495.
Панополисъ (Ахмимъ) 494.
Панормъ, стела 389.
Пантера, ж. 236, 242, 284, 302, 303, 304, 354, 325; р. 323.
Панцырь 40, 329, 335, 337, 338, 339, 342; ж. 173, 234, 240, 305, 306, 307, 308, 328, 329, 353, 359; р. 173, 330, 331, 332, 333, 334; кафтанъ, ж. 352; рубашка 336; сарматскій 336.
Неаполитанскаго музея 338.
Панъ 290, 395, 396; бюстъ, ск. 250, 395; голова, ж. 352; мон. 140.
Парадизы 344.
Парапетъ 116.
Парастады 28.
Паренцо, абсида 503.
Paris P. 428.
Парижъ 489, 512.
Парусъ, ж. 414.
Парѳія 321.
Парѳяне 337.
Паста египетская 268; печать 268; подвѣски 267, 268; стеклянная 175.
Изъ Пергама 175.
Пастырское, село 335.
Патара, гробн. 369.
Патей 259.
Патера бронзовая 209.
Змѣинаго склепа 106.
Юзъ Обы 104.
Патроклъ 45, 58.
Pacho 365.
Пегасъ 289; р. 268.
Пейзажъ 321, 322, 323; ж. 164, 168, 180, 193, 194, 195, 196, 344, 479, 487; архитектурный, ж. 168, 174, 175, 177; Нильскій, ж. 145; помпеянскій, ж. 145, 168, 175, 325; рѣчной или болотный, моз. 492; эллинистическій, ж. 270.
Пелика чернолаковая 268; элевсинская 54, 107.
Б. Близницы 26, 54.
Змѣинаго кург. 54, 106.
Керченскаго склепа 73, 74.
Мирзы Кекуватскаго 107.
Павловскаго склепа 107.
Юзъ Обы 102·
Пелла, гробн. 513.
Пелта амазонокъ, ж. 461, 503.
Пеплосъ, ж. 55, 202, 203, 249, 287, 288, 289, 350, 351, 378; ск. 52.
Пергамъ 68, 113, 114, 125, 127; черепки 218.
Перга 24.
Perdrizet 389.
Перемычка 18, 31, 83, 156, 200.
Периболъ 65.
Перигенъ, стела 239,
Перисадъ II 39, 111; мон. 39, 111; IV, пам. 289.
Перистиль 66.
Дома „Холма", Делосъ 122.
Дома „Трезубца", Делосъ 121.
Перламутръ 268.
Персей 55; ж. 55.
Персефона 192, 225, 226, 290, 353, 360, 361, 362; ж. 165, 238, 353; миѳъ 165, 166, 353, 360, 361; похищеніе, ж. 353, 360; спутницы 226; ж. 353, 360; уводъ 362; р. 361.
Персія 50, 316, 320, 333; парѳянская 334; сасанидская 314, 319, 321, 322, 371.
Персы 234, 337.
Перстень 206; золотой съ рѣзнымъ камнемъ 389; серебряный съ рѣзнымъ камнемъ 274; съ рѣзнымъ камнемъ 513.
Перуджія 18, 23, 117, 224.
Пестумъ 78.
Петасъ крылатый, ж. 73, 248, 350.
Петерсенъ 49, 60, 367.
Петра, гробн. 133, 134, 135, 219, 435, 499.
Петренко С. 260, 266.
Петръ и Марцеллинъ катакомбы 487.
Петръ св., церковь въ Херсонесѣ 504.
Печати, ж. 19; пронизи 41, 268.
Печенкинъ, Н. М. 336, 472, 477, 479, 511.
Печи Головачева 509.
Змаги 280.
Ростовскаго 405, 421.
Пещеры гробничныя 346.
Пигмеи 148, 387, 388; ж. 138, 139, 141, 142, 144, 145, 347; р. 387, 388; борьба съ журавлями 138 — 145, 148, 347; пляшущіе, ж. 247, 250, 377, 379, 380, 383, 384, 387, 388; р. 389; играющій на трубѣ, тер. 387; гробн. *137—149*, 2, 4, 5, 151, 158, ,167, 168, 171, 181, 197, 222, 223, 258, 305 347, 348, 370, 513.
Пидна, битва, 513; гробн. 74, 85, 513.
Пиксида деревянная 37, 39, 392; круглая, ж. 378; туалетная гипсовая 392; туалетная, ж. 354, 357.
Васюринской горы 37, 38, 39, 103.
Пилосъ, ж. 73; мон. 317.
Пилястры 16, 21, 23, 35, 116, 117, 214, 383, 395, 438; ж. 27, 130, 132, 134, 270, 365, 372, 383; р. 197; дерев. сарк. 212, 213, 215; іонійскіе, ж. 286, 292; обвитые цвѣтами, ж. 496; ножки трапезы 37.
Пинакотека аѳинская 68.
Пинара, гробн. 369.
Пинцеты, ж. 378.
Пирамидальный холмъ 61, 255, 256, 283, 400.
Пириѳой 372.
Пиротъ, надп. 432.
Пирующіе возлежащіе 384; р. 366, 368; сидящіе на диванахъ, моз. 388.
Пиръ, сцена 368.
Пирушка, моз. 388.
Пирятинскій уѣздъ 335.
Писидія 24, 133, 147.
Писистратъ 21, 27.
Пиѳодорида 433.
Плавницы, село 335.
Плакальщицы, ж. 516; р. 363, 364; сарк. 49, 313, 363, 364, 366, 383.
Πλάνη Деметры 236, 237; ж. 166, 238, 360.
Пластинки золотыя 513; золотыя круглыя 389; золота листового 334; костяныя отъ шкатулки 279; серебряныя 513; серебряныя полукруглыя 266; продолговатыя 266; сибирскія 326; стекляныя 220; четыреугольныя 268.
Б. Близницы 12, 23, 25.
Геремесовскаго кург. 334, 341.
Гёзе, колл. въ Кіевѣ 177.
Глиница 48.
Діадемъ Рескупорида II 319.
Карагодеуашха 235, 334.
Куль-Обы 23, 334.
Романовича, колл. 322, 516.
Сѣрогозъ 334.
Чертомлыка 55, 80, 334.
Плафонъ—потолокъ расписной 18, 19, 28, 34, 35, 63, 64, 84, 86, 162, 201, 202, 205, 206, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 238, 242, 243, 246, 249, 250, 262, 263, 265, 269, 275, 285, 286, 287, 297, 299, 300, 308, 309, 344, 345, 350, 352, 354, 359, 372, 374, 375, 380, 381, 417, 450, 451, 452, 453, 454, 456, 457, 459, 460, 461, 464, 466, 468, 473, 474, 476, 478, 487, 493, 495, 496, 500, 502, 515; изъ

кассетъ съ рельефами и росписью 23, 24.
Анфуши 63, 86.
Аркосолія противъ гробн. Вибіи 445.
Гробн. изъ Петры 499;
Катакомбъ Петра и Марцеллина 487.
Золотого Дома Нерона 515.
Somzée, колл., мраморный 510.
Сиди-Габеръ 67.
Сукъ-эль Вардіанъ 86.
Сиракузъ 149.
Церкви S. Constanza, Римъ 219, 499.
Ѳиванскихъ гробн. 497.
Плащъ 328, 336; ж. 231, 232, 233, 248, 288, 304, 305, 306, 353, 354, 378, 379, 380, 445; р. 239, 330 341, 515; пурпурный, покрывавшій гробъ Александра Вел. 50; на крышкѣ сарк. 50.
Плетеніе, орнаментъ, ж. 497.
Плетка, ж. 384.
Плиній старшій 125.
Плинтусы 74, 116, 122, 127, 132, 163, 438, 444.
Плита передъ входомъ 261, 262, 271, 274, 275, 280, 285, 294, 348, 405, 410, 412, 449, 482, 508; дверь мраморная 481; крестообразнаго храма 502; съ надписью 255; съ надписями и рельефами 400; съ росписью 282; съ росписью, закрывавшія локулъ склепа 1904 г. 452, 453, 455, 456, 457, 464; закрывавшая локулъ гробн. въ Гадра 516; склепа Бларамберга 253, 254.
Плитка расписная изъ Цэре въ Луврѣ 446.
Плоды, ж. 203, 204, 205, 222, 223, 235, 241, 443, 462, 497; моз. 221, 492; ск. 218, 502; треугольные, ж. 416.
Плутонъ, 224, 237, 238, 360, 361, 362, 513; ж. 165, 204, 205, 216, 217, 253, 353, 360; р. 361;—Аидъ 192.
Плющъ, вѣтки, ж. 219; листья, ж. 248, 415, 499; бронза 207, 208; дерев. 214; цвѣтущій, ж. 429.
Пляска 368; ж. 407, 426, 428; моз. 388; пигмеевъ 383, 384; священная, р. 387.
Плясунья, ж. 193, 224; р. 193.
Побѣги, стекло 210; винограда, ж. 424, 499; съ завитками, ж. 444; на кузовѣ колесницы, ж. 204; растенія типа аканѳа, ж. 203; стилизованные, ж. 451; съ шишками пиніи, ж. 461.
Повилика, ж. 92.
Повязки, ж. 16, 71, 72, 76, 78, 79, 80, 142, 163, 351.
Погребальные, атрій 66; балдахинъ 49; вѣнки 22, 196, 206, 209, 210, 215, 260, 274, 400, 515, 516; значеніе 275, 384, 395; игры, ж. 357; колесницы 43, 44, 45, 47—55, 57, 58; р. 363; кортежъ, ж. 351; культъ 365, 486, 515; лодки 63, 64; ложе 57, 58, 62, 66; р. 49; музыка, ж. 359, 362; обрядъ Греціи и Рима 462; портретъ, писаніе, ж. 359, 384; процессія, ж. 351, 362, 365, 373; сосуды 513; танецъ, ж. 365; танецъ апотропэическій, ж. 379; утварь 77, 78, 79, 157; ж. 67, 71, 74, 78, 79, 80, 81, 89; циклъ египетскій 496; урна 225.
Погребенія, ж. 352, 354, 359, 363; геройскія 63, 64, 65; конскія 31, 40, 42, 43, 44, 47, 56, 59, 87, 159; курганныя 261, 297, 310; обрядъ 265, 363, 364, 385, 387, 512; обрядъ архаическій 321; палестинскія 484; семейныя 400; скиѳо-сарматскія 338, 339; собачьи 59, 107; сѣверносирійскія 484; въ усадьбѣ Шевелькевича 1863 года 399; христіанскія Неаполя 501; Сициліи 501; Херсонеса 503; мучениковъ Херсонеса 504; языческія Неаполя 501; Сициліи 501.
Подбойныя гробн. 508.
Подвѣски изъ египетской пасты 267, 268; золотыя съ изображеніемъ Афродиты 268; золотыя на подобіе раковины 41; ввидѣ розетки 41; серебряныя 72.
Подгорная ул. 1-ая 405, 412, 421, 435, 509; 2-ая 401; 5-ая 208.
Подій ск. 395; дерев. сарк. 212, 213.
Подливаніе масла въ зажженную лампу, ж. 365.
Подрамокъ, ж. 379.
Подсвѣчники, ж. 488, 490; ткань 491.
Подушка, ж. 378.
Покойникъ, ж. 352, 364, 446, 447, 488; бюстъ, ск. 481; возліянія духу 58; возліянія духу, ж. 188;—герой 60, 65, 167, 178, 179, 188, 191, 193, 194; героизированный, возвращеніе, ж. 179; душа 58, 77; жилище загробное 507; культъ 12, 14, 19, 20, 42, 48, 57, 58, 59, 60, 61, 64, 80, 81, 98, 99, 104, 106, 109, 167, 191, 507; лежащій, ж. 351; р. 364; обожествленный 289; омовеніе 81; омовеніе, ж. 188; перевезеніе или перенесеніе 363; путешествіе въ загробный міръ 446; фигура на ложѣ, ск. 270; хѳоническій богъ 60, 179, 191, 194; ж. 179.
Покрывало, покрывавшее гробъ 48; на сарк. 48; балдахина, р. 49.
Покрытіе арочное 216; деревянное 14, 96; остроконечное двускатное 26; плоское 14, 16, 17, 18, 20, 23, 24, 66, 70, 71, 110, 370; плоско-арочное 390; полуцилиндрическое 285, 351, 370, 399, 400; прямое 216, 221; сводчатое 10, 11, 15, 16, 18, 20, 21, 23, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 40, 43, 49, 78, 83, 96, 98, 99, 102 — 112, 138, 140, 151, 156, 162, 166, 170, 200, 349; уступами 256, 399.
Пола 487.
Полибэя 237.
Полигнотъ 27, 28, 368.
Половцовъ, А. В. 394.
Пологъ 295, 513; египетскіе 491, 497; или коверъ 517; надгробный 54; погребальнаго балдахина 49; пурпуровый, ж. 265, 270.
Polos 192, 193; ж. 188, 190, 193; р. 193, 196, 224.
Полоса выступающая 277, 278, 279; дѣлящія 278; загнутыя три, ж. 403; орнаментовъ, ж. 221, 424; дерев. мозаичныя 214.
Полотенце 81; ж. 72, 142, 163, 167, 185, 188, 197, 355, 357; подвѣшенное 80, 197.
Полочка 34, 38.
Полтавская губ. 335, кург. 336.
Полуколонки, канеллированная 122; отъ сарк. коринѳская 48.
Полукружія дерев. 212, 213.
Полъ съ вдавленными въ цементъ гальками и кусочками мрамора 122, 125; съ мраморной инкрустаціей 136; красный 262, 263, 273. Тель-эль-Амарны 220.
Поля тучныя, моз. 492.
Помпеи 1, 118, 125, 127, 128, 129, 130, 132, 136, 145, 168, 207, 218, 223, 269, 292, 313, 325, 370, 372, 383, 385, 386, 387, 437, 487.
Ποπλίου 513.
Поповка, дер., кург. 510; хуторъ 336.
Поросль цвѣтущая, ж. 325.
Porta S. Gennaro 27.
Marsia 117.
S. Sebastiano 225.
Порталъ, гробн. Судей 217.
Портики Магнесіи, площади, 68, 87, 127.
Пріены, площади, 68, 87, 127.
Тель-эль-Амарны, большой 220.
Храма Аѳины, Пергамъ, 68, 127.
Портретная живопись 223.
Портреты, ж. 379; на деревѣ 386; въ медальонѣ, р. 500; усопшихъ 385, 511; фаюмскіе 19, 385; писаніе погребальнаго, ж. 359, 384.
Гелевсинія 489.
Въ домѣ на Цэліи (головы) 219.
Дѣвочки (Musée du Caire) 385.
Пальмирской гробн. (бюсты) 205.
Посадка женская, ж. 352.
Посидонъ 432.
Посохъ, ж. 427.
Посвященіе своего имени или изображенія 331.
Постаментъ надгробнаго пам. 256; органа 387; р. 387.
Посуда коптская 426.
Потайникъ 278.
Потолокъ 229, 245, 294, 418, 422, 443, 444, 465; досчатый 277; ложносводчатый 299, 370, 452; плоскій 349, 402; плоско-сводчатый 228, 286, 408, 412, 413, 435; полуцилиндрическій 221; сводчатый 350.
Pottier 512.
Похищеніе Вибіи, ж. 361; Ганимеда Зевсомъ, р. 24, 55; Гиласа 372; души Плутономъ 238; дѣвушки-невѣсты Плутономъ 513; Кефала Эосъ 446; Коры Плутономъ 224, 236, 237, 238, 360, 361; ж. 164, 165, 166, 204, 216, 253, 254; Левкиппидъ, р. 368; Орнѳіи Бореемъ 446; Персефоны Плутономъ, ж. 164, 165, 166, 353, 360; Просерпины Плутономъ 372; человѣка смертью 372, 446.
Похороны, ж. 367, 373; р. 371.
Александра Вел. 50.
Почтовая дорога 509.
Пояса солдатскіе 298.
Поясъ, дѣлящій стѣну горизонтально, ж. 65, 66, 68, 74, 75, 76, 84, 85, 88, 92, 114, 119, 120, 123, 124, 125, 128, 130.
Praeficae, р. 364.
Праксія Т. Флавій, гробн. 515.
Прасъ 211.
Преграда алтарная 474, 475.
Предметъ круглый въ рукахъ (дискъ), ж. 404, 406, 407, 419, 420, 422; съ звѣздообразнымъ наконечникомъ въ рукахъ ж. 415; колоколообразный золотой 310.
Предводитель ѳіаса 429.
Прейсеръ 447.
Престолъ 474, 476, 478.
Преторій, Херсонесъ, 482.
Прибужье, кург. 334.
Приводъ Алкестиды Гермесомъ, ск. 361; Вибіи, ж. 361; Евридики 361; тѣни Гермесомъ, ж. 362; умершей Гермесомъ, ж. 361.
Привѣски золотыя 274; ввидѣ колесиковъ, ж. 461; въ формѣ полумѣсяцевъ 511.
Придикъ Е. М. 143, 144, 266, 334.
Приднѣпровье, кург. 334.
Придонье, кург. 334.
Пріена 21, 68, 85, 114, 118, 119, 125, 127, 130, 437.
Призма усѣченная съ ручкой (колоколъ?), ж. 414.
Приключенія Кадма, ж. 322.
Прилѣпы гипсовыя 391.
Πρίγκιψ-princeps 259.
Прислужникъ-слуга, ж. 352, 354, 355, 357, 364, 384; р. 358, 368; у канделябра, ж. 350, 351, 365; мальчикъ, ж. 174, 176, 188, 249, 263, 287, 288, 366; р. 330.
Прислужница-служанка, ж. 352, 354, 357, 359, 380.
Присцилла, катакомбы 487.
Провожающіе гробъ, ж. 373; р. 364.
Продольная ул. 398.
Pronaos 129, 255, 369, 370.
Гёль-Баши, гробн. 313.
Домъ „Фавна", въ fauces 129.
Пропилеи аѳинскіе 21, 68.
Просерпина 191, 372; р. 191.
Проспектъ архитектурный, ж. 129, 130, 168.
Πρόθεσις 381, 514; р. 364.
Протомы, ск. 481.

Профилактическое значеніе 298.
Процессія военная, р. 387; погребальная, ж. 351, 362, 365, 373; съ танцами 429.
Пряжки 266; ажурной работы 298; бронзовыя 265, 274, 279, 469; бронзовая съ серебрянымъ концомъ 209; желѣзная, обитая золотомъ (Моск. Ист. Музей) 316, 334, 341; серебряныя 456; серебряная съ хрисопрасомъ 251; изъ Сѣрогозъ 311.
Прямоугольникъ, ж. 263, 281, 282, 286, 301, 450, 451, 465, 475.
Прямоугольное поле, заполненное гипсомъ 391.
Псалій 56.
Псевдо-исодомная декоровка 141, 142, 144, 148, 151, 157, 158, 163, 167, 172, 181, 184, 263, 269, 291, 292, 299.
Психея имя, надп. 498; исторія, ж. 498; фигура, ж. 498.
Птицы 61, 148, 446; ж. 34, 35, 61, 138, 139, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 155, 163, 164, 188, 189, 197, 205, 218, 219, 220, 222, 223, 231, 233, 235, 236, 241, 242, 247, 250, 265, 302, 304, 305, 309, 345, 359, 381, 403, 404, 406, 407, 413, 414, 415, 416, 417, 420, 423, 426, 428, 430, 434, 444, 451, 462, 484, 485, 487, 496, 197, 498, 499, 501, 502, 503, 507; моз. 490, 492; р. 344, 397; стекло 322; на вѣткѣ, ж. 249, 406, 410, 456, 460, 461; на гирляндѣ, ж. 203, 206, 217; на карнизѣ, ж. 204; на краяхъ сосуда, ж. 233, 382; летящая, ж. 419; нацарапанныя на крестѣ 435.
Птолемеи 320; дворцы 220.
Пуговка позолоченная 266.
Пышмышь-Кале 61.
Пѣтухъ, ж. 145, 189.
Пятикнижіе Ашбурнгэмское 325.

Равенна 503.
Радампсонъ, стела 327.
Раевскій 5.
Рай 488; изображеніе, моз. 492; садъ, моз. 479; символъ 447, 507, 514; въ странѣ гипербореевъ 290; сцены, ж. 480.
Раковины серебряныя 41, 206, 209.
Рамзесъ IX 220.
Рамка, ж. 264, 265, 281, 286, 300, 301, 450, 460, 470, 493, 495, 500; арочная 397; архитектурная, ж. 345; вѣнокъ, ск. 501; двойная, ж. 264; деревянная 385, 390; деревянная рѣзная, ж. 379, 485; зубчатая, ж. 263; изъ красныхъ линій, ж. 413; орнаментальная, ж. 392; профилированная, ж. 451.
Ramsay A. Margaret 424, 425.
Растенія, ж. 222, 444, 464, 478, 501; стекло 322, 514; покрытое ягодами или плодами, ж. 476.
Рафаилъ, надп. 494.
Рафаэль, лоджіи 487.
Ребенокъ на рукахъ сидящей женщины, ж. 384.
Рейнъ 374; провинціи 445.
Религіи солярныя Востока 289; ѳракійскія 191, 192.
Рельефы 240, 400; ассирійскіе 316; вотивные 60, 168, 178, 191, 288, 324; вотивные греческіе 364; вотивный ѳракійскій 192; героическіе 364; глиняный 39; делосскіе 192, 193; египетскіе 247; египетскіе XIX династіи (Каирскій музей) 387; живописный 168; монументальные 319; надгробные 78, 80, 176, 178, 191, 288; надгробный изъ М. Азіи 178; надгробные восточно-греческіе 270; персидскіе 316; погребальные 270; сасанидскіе 314, 315, 316, 317, 318, 321, 345; на театрѣ 24; эллинистическіе 61, 220; ѳракійскіе 195.
Адріанополя 350, 356, 357.
Амитерна 49, 363, 364.
Аполлонія и Сократа 515.
Бисутуна 321.
Ботаченко, склепа 511.
Брюссельскаго Музея изъ Сиріи 395.
Варахрана IV 314, 315, 316.
Гатеріевъ 364.
Гёль-Баши 315, 366.
Κολοτηνῶν κατοικία 429.
Кадіанды, гробн. 187, 312.
Константина, арки 373.
Corstopitum, Британнія 289.
Ксанѳа, Британскій музей 192.
Ксанѳа, надгробный 178.
Латинской гробн. 290.
Museo Torlonia 338.
Дунапентеле 387.
Накшъ и Рустема 314, 315, 317.
Орвіето, алтаря 388.
Сабазія, бронзовый, Ватиканъ 429.
Сарк. Плакальщицъ 363, 364.
Сарк. склепа 1905 года 355.
Симферополя, Одесскій музей 340.
Трифона 331, 338.
Фирузъ Абада 314, 316.
Horrea Hadriani, Ликія 192.
Шапура 314.
Ремагенъ 445.
Ремень, ж. 379; тройной, ж. 305, 306, 307; р. 330, 331.
Реметалкъ 344; мон. 284.
Remy S., мавзолей Юліевъ 314.
Rénan 498.
Рескупоридъ I 320; мон. 310, 317, 318, 331, 389; II 374; діадема 319, 321, 515, 516; мон. 317, 319, 331, 345; III, мон. 310; VII, мон. 400.
Ретіарій, гладіаторъ, ж. 358.
Рея—Матерь боговъ 284.
Ридигеръ 199.
Римъ 2, 128, 136, 193, 214, 218, 219, 221, 225, 226, 250, 275, 289, 320, 331, 332, 342, 357, 361, 362, 371, 373, 383, 428, 431, 441, 445, 447, 449, 454, 462, 484, 487, 488, 498; изображеніе, или римской церкви на тронѣ, р. 491.
Ритонъ 318;
Изъ Карагодеуашха 318, 324, 325, 326; первый 322; второй 323.
Съ Кубани 311, 315, 334, 341.
Робертъ 446.
Рогъ изобилія, ж. 189, 232, 238, 461, 503; моз. 503; печать 268; р. 192; р. к. 211; ск. 193.
Роде 290.
Родзянко 472.
Роза 377, 515; ж. 79, 125, 185, 197, 198, 230, 246, 247, 249, 250, 257, 282, 288, 299, 302, 304, 309, 354, 476, 479, 486, 488, 493, 497; моз. 221, 490, 491, 492; бутонъ, ж. 230, 233, 236, 246, 248, 249, 302, 462, 485, 487, 488, 490; вѣтки, ж. 248, 249, 287, 302, 352, 491, 493; кустъ, ж. 233, 304.
Розетка, ж. 35, 75, 76, 114, 203, 246, 248, 249, 406; дерев. 214; мраморная 510; р. 41, 54; ск. 23, 51, 207, 397, 425, 359; восьмилистная, ж. 265; звѣздообразная, ж. 444.
Роксоланы 337.
Романовичъ, колл. 322, 334, 516.
Ромбъ, ж. 263, 264, 265, 274, 278, 281, 286, 287, 292, 300, 301, 301, 355, 415, 450, 460.
Роменскій уѣздъ, кург. 335.
Ромны 335.
Росновскій В. А. 452.
Ростовскій, печи 405, 421.
Ротъ, В. Н. 453, 460, 461.
Рубашка, ж. 234, 249; р. 311, 340, 515; панцырь 336.
Рубензонъ 494, 495, 496; гробн. 494, 495, 496.
Руво, ваза 25; гробн. 147, 365, 382.
Рука Бога, вѣнчающая святого, ж. 480; Бога указующая, р. 447; бронзовыя, посвященныя Сабазію, 428, 429, 431.
Рукопись Бытія (Вѣна) 325.
Руль, печать, 268; два, ж. 414, 415; ручка, р. к. 211.
Рыбы золотыя, налобники, 511.
Рыцари пантикапейскіе 337, 338, 341, ж. 305. 306, 307, 341,352; мон. 331.
Рѣзные камни 194, 211, 216, 266, 267, 268, 274, 319, 389, 513; италійскіе, эллинистическіе 211; геммы 103.
Персидскій, Лувръ 323.
Сасанидскій 516.
Рѣшетка, ж. 415, 416; орнаментъ, ск. 475; стекло 210.
Рябовъ 5, 153, 154, 155.

Сабазіасты, гробн. 396, 434.
Сабазій 225, 239, 428—433; Діонисъ, мистеріи 389; охотникъ 431; памятники культа 428, 429, 430, 431; храмъ въ Остіи 428; храмъ in colle Gilmisso 429.
Σαβάζιος 430.
Сабля, ж. 173.
Саванъ, ж. 351, 446.
Савроматъ I 374, 399; мон. 267, 310, 331, 389; II 193, 331, 515, 516; мон. 193, 310, 319, 331, 515; Тиб. Юлій 343; надп. 343.
Садъ райскій, моз. 479.
Антоніо ди Пасквале 277.
Гесперидъ 241.
Саида, гробн. 498.
Sacra via, Форумъ, Римъ 269.
Салона 449, гробн. 493.
Салоники 333; арка Галерія 314, 333, 338, 342, 363.
Самній 76, 369.
Самоквасовъ 335, 336.
Самоѳрака 21, 226.
Сандаліи, ж. 248, 477, 478; съ крылышками, ж. 203.
Сапоги 328; ж. 173, 174, 234, 240, 249, 263, 305, 306, 351, 379; р. 330, 333, 340. 515.
Саркофаги 22, 26, 28, 36, 40, 54, 288, 297; александрійскіе 502; антропоидные 381; съ гипсовыми украшеніями 279; греческіе 369; деревянные 22—28, 35, 36, 62, 162, 206, 211—216, 256, 266, 267, 268, 383. 392, 514; деревянные 1910 года 212; дѣтскій 273, 274; каменные греческіе 49, 26, 27, 146, 147; каменные южно-русскіе 151, 161; каменные съ росписью, южно-русскіе 26, 27; каменные въ видѣ ящика 35; клазоменскіе 381; колончатые и арочные 215, 267, 383, 514; лежанки 297; ликійскіе 95, 178, 313; ложе 296, 298; малоазійскіе 366; мраморные II в. по Р. Х. 514; въ нишѣ зарытые 453, 457, 483, 484; оріентализирующіе 503; палестинскіе 502; римскіе 235, 275. 361, 391, 500; съ росписью внутри 381; изъ Сербіи 425; сидонскіе 26, 95, 313, 367; изъ Сиріи 502; изъ Сициліи 381; храмового типа 61, 212. 214, 381; эллинистическіе 215; этрусскіе 95. 117; южно-русскіе 213, 425.
Абузира 22, 25, 27, 28, 36.
Авреліи Экстрикаты 270.
Ἁγία Τριάδα 363, 365
Александра Вел. 313, 314, 315, 317, 366.
Алкима Асклова 256.
Алкима Гегесиппова 161, 162.
Амаѳунта, кипрскій 364.
Анапы, дерев. 54.
Арля 387.
Баксинскаго склепа 109.
Берлинскаго музея этрусскій 117.
Благовѣщенской станицы 111.
Б. Близницы 10, 11, 13, 14, 36.
Васюринской горы 35, 36, 40.

Wilton House 238.
Волумніевъ 117.
Гёль-Баши 224.
Глиница, инкрустированный, 1867 г. 392.
Гробницы № 192, по Аджимушкайской ул. 1904 года 391.
Гробницы Царей 502.
Дакіи 147.
Дереймиса и Эсхила, Вѣна 178.
Зайцевскаго склепа 184.
Замостскаго кордона 150, 151.
Змѣинаго склепа 26, 54, 55, 106, 107, 290.
Золотарева 36, 61, 355.
Cavacerpi, этрусскій 165.
Кандіи 270.
Капитолійскаго музея 363.
Капканы, дер. 391.
Chiusi, этрусскій 117.
Ксанѳа 224.
Лангазы, склепа 60.
Лимиры 313, 366.
Лувра, дерев. 214.
Магдолы 62.
Мельфи 514.
Мирзы Кекуватскаго, склепа 107.
Митридата, горы, склепа 156, 158.
Модель, тер., Одесскій музей 214.
Некрополя Виминація 147.
Нереидъ 395.
Ніобидовъ 214.
Павловскаго кург. 36, 54,107, 270.
Пайавы 178.
Плакальщицъ 49, 313, 363, 364, 366, 383.
Расписной 1900 года, Керчь, 223, 247, 260, 269, 350, 351, 359, 365, 376, 393, 396.
Сатрапа 178, 313, 366.
Серапея Мемфисскаго 23, 28, 35, 36.
Склепа рядомъ со склепомъ Пигмеевъ 138.
Сорака 250, 251.
Султанъ горы, склепа 80.
Тамани 26, 36, 94, 95.
Тебессы 491.
Термесса 147.
Тузлы 23, 36, 392.
Ульпіевъ съ надп. 1860 — 61 гг. 399.
Фельдштейна, каменный 260, 261, 262, 265; дерев. 266, 268.
Frikya 397.
Эрмитажа, дерев. реставрированный 212.
Юзъ-Обы 102, 104, 105.
1842 года 215; второй 514.
1872 года 61, 214.
1874 года 214, 215, 266, 267.
1883 года 266.
1902 года дерев. 267; каменный 272, 273, 274, 275.
1905 года 355.
1910 года 213, 215.
Карейшей описанный, 514.
Watzinger'омъ изданные №№ 29 и 38. 215.
Сарматы 47, 50, 327, 328, 333, 337, 338, 339, 341, 342, 343, 344, 431; р. 318, 332; тер. 329; конница 340; р. 342; конный, р. 311; племена 311, 341; пѣшіе, р. 341; царства 320.
Сасаниды 337.
Сатиръ, ж. 15; голова, ж. 250, 352.
Сатирята, ж. 287, 288.
Сатрапъ, сарк. 178, 313, 366.
Саугенъ 315; стела 315.
Сахарная голова, гора 139, 155; гробн. 198.
Сваны 431.
Свастика, р. 425.
Свинья 360; ж. 232, 237, 238, 353, 360; стадо, ж. 360; стадо Евбулея 360.
Свирѣль-органъ, моз. 387, 388.
Свитокъ Іисуса Навина, Cod. Vat. 3225, 325.
Сводъ 11, 15, 30, 31, 32, 33, 40, 78, 83, 154, 202, 265; египетскій 106; кирпичный 396; коробовый 112; коробовый ложный 162, 166; крестовый 454, 493; круглый 96; купольный 106, 107, 140; ложный 232, 285. 370; ложный плоскій 376, 473; небесный 483; пирамидальный 16; плоскій 166, 170, 201, 228, 380, 483; полукруглый 43; полуцилиндрическій 32, 33, 83, 103, 107, 108, 111, 151, 200, 219, 256, 258, 261, 262, 264, 269, 277, 278, 279, 280, 282, 481, 493, 499; призматическій 13, 16, 83; стрѣльчатый 20, 103, 108; уступчатый классическій 10, 18, 20, 21, 23, 28, 102, 103, 105—112, 140; уступчатый не классическій 138, 140; цилиндрическій 105—112, 140, 156.
Свѣтильники 246.
Свѣчи 35, 365; ж. 479, 488, 507; моз. 492 р. 491; зажженныя, ж. 461, 462, 486; моз. 490; зажженная въ рукахъ, ж. 455, 457, 468, 469, 479, 480; въ подсвѣчникахъ. ж. 488, 490; въ рукахъ, ткань 491.
Sebastiano S. porta 225.
Севастополь 482.
Северіанъ П., алтарь 148.
Северы, мон. 289.
Александръ 342.
Септимій 133; арка 314.
Севѳъ, мон. 310.
Сегменты — segmenta (вставки на туникѣ), ж. 455, 477, 479; круга, бордюръ, ж. 414.
Секундін, пам. 385.
Селевкиды 320.
Селена, голова, ск. 397.
Σῆμα 59, 256; фаллоидный 28.
Семейныя сцены, р. 368, 371.
Семибратній курганъ 207, 335.
Семисвѣчникъ іудейскій, ж. 502.
Септизоній 133.
Септимій Северъ 133; арка 314.
Серапей, Мемфисъ, 23, 28, 35, 36.
Сераписъ 192, 193, 194, 290; ж. 193, 194; р. 193, 194; бюстъ р. к. 513; медальонъ 268; голова, р. к. 194; культъ 191, 192.
Сербія 269, 425, 486, 493.
Серджилли, моз. 516, 517.
Сердоликъ 266, 267, 268, 274.
Сердюковъ, усадьба 405.
Серьги, ж. 16, 19, 23, 25; бронзовыя 279; золотыя, крученыя 267.
Сесенка, кург. 45.
Seta della A. 369.
Сиди-Габеръ, гробн. 62, 66, 67.
Сидицины 26.
Сидонъ 26, 210, 498, 499.
Силенъ 395, 396; бюстъ, ск. 250, 395; голова, ж. 275; на ручкахъ бронзоваго котла 57; маска 144; статуэтка бронзовая на колесницѣ 53.
Сильванъ Тиб. Плавтій 343.
Сима 21, 27, 34, 35, 54, 61, 116.
Символика 221, 486, 507.
Символы рая 447, 507, 514; христіанскіе 490; четырехъ евангелистовъ, моз. 503.
Симія, богиня, р. 395.
Симферополь 340.
Синопа 191, 194, 433, 513.
Сиракузы 487, 488.
Сирахи 342, 343.
Сирія 46, 92, 110, 133, 134, 135, 221, 222, 320, 395, 396, 397, 481, 483, 484, 497, 500, 501, 502, 503, 505, 514.
Сисирна, кафтанъ, 338.
Систръ 422.
Сицилія 381, 501.
Сіяніе отъ креста, ж. 493.
Скалистый или Пирамидальный холмъ 256.
Скамейка, ж. 249, 354, 378, 380; или низкая трапеза 37, 44, 46, 47, 58, 59, 60.
Скасси, фонтанъ 255.
Скелеты на глазированныхъ сосудахъ 388.
Скипетръ 318, 428; ж. 353, 416; мон. 331; р. 395; р. к. 516.
Скиѳія 99, 291, 326.
Скиѳы 50, 52, 177, 310, 327, 328, 334, 337, 341, 343, 344, 399; р. 318; конные, р. 311, 315, 341; пѣшіе, р. 311; тер. 150; — сарматы 336; р. 334; города 334; государство 320.
Scriptores historiae Augustae 342, 343.
Скубетовъ М. И. 442, 450—456, 459, 460, 461, 464, 466, 467, 469, 471, 472, 474, 475, 476, 477, 478.
Скульптура сасанидская 320; херсонесская 516; храмовая греческая 311.
Слезницы стекляныя 266, 284, 296, 456.
Слоны 289.
Слуга—прислужникъ, ж. 352, 354, 355, 357, 364, 384; р. 358, 368; у канделябра, ж. 350, 351, 365; мальчикъ, ж. 174, 176, 188, 249, 263, 287, 288, 366; р. 330.
Служанка—прислужница, ж. 352, 354, 357, 359, 380.
Смерть, геній, ж. 344, 447.
Смирновъ Я. И. 40, 244, 405, 406, 424, 478, 511, 516.
Смоквы черныя, ж. 264.
Собака 59, 510; печать 268; борзая, ж. 303, 304; погребеніе 59, 107; сожженіе 42, 58, 64.
Собачій кург. 277.
Сожженіе 48; вооруженія 57; катафалка 12, 48, 57, 58, 64; собаки 42, 58, 64; лошади 109.
Сойка, ж. 206.
Соколовъ С. К. 5, 261, 412, 418, 421.
Солій 473, 474.
Солнце 289, 290, 429, 431; ж. 429; р. 289; голова, ск. 396; на колесницѣ, ск. 298; солнечное значеніе 429.
Солоха, кург. 311, 319, 334, 363, 511.
Солтыкевичъ 199, 256.
Somzée, колл. 510.
Сонъ, геній, ж. 447.
Сонъ и Смерть, сыновья Ночи 446; уносящіе тѣло, ж. 446.
Соракъ, гробн. 91, 208, 243, 275, 293, 294, 297, 299, 345, 384, 389, 396, 424, 462, *244—252*.
Сосъ, моз. 146, 221, 241.
Сосандръ Тиб. Клавдій, гробн. 502.
Сосуды, ж. 71, 72, 78, 79, 81, 89, 138, 141, 142, 146, 147, 148, 174, 176, 187, 188, 351, 357, 380, 493; р. 147, 397; глазированные 388; глиняные красные 268; черные 284; чернолаковые 392; эллинистическіе 217; эллинистическіе съ рисунками краской по бѣлому фону 210, 218; дерев. 36, 37, 392; египетскіе 515; кожаные 81; погребальные 513; стекляные 40, 48, 60, 216, 267, 268, 296, 508, 514; зеленоватый 206; синій 206; синій съ бѣлыми пятнами 210; шарообразные 260, 267; эллинистическіе 220; эллинистическіе расписные 322; 514; на трапезѣ бронзовые 37, 60; на трапезѣ въ греческихъ погребеніяхъ 59 сл.
Гильдесгеймскіе серебряные 22.
Изъ Кіузи 79.
Майкопскаго кург., серебряный 323.
Серебряный изъ кург. Солоха 319.
Сотеръ, баптистерій, Неаполь, 503.
Софія, гробн. 493.
Соффиты 24.
Спалато 133, 449.
Спицынъ А. А. 5.
Спутники, ж. 307, 352; р. 316.
Спутницы, ж. 357; Персефоны 226; ж. 353, 360.
Ставрополь 154.
Стаканъ стекляный 266, 267; ж. 249, 287, 288.
Старобѣльскій кладъ 57.
Стасовъ В. В. 7, 177, 293, 294, 295, 299, 301, 310, 314, 324, 326, 329, 333; гробн. 3, 4, 88, 91, 163, 176, 179, 227; 239, 240, 242, 243, 244,

255, 269, 275, 278, 283, 284, 285, 286, 287, 291, 292, 352, 353, 354, 355, 373, 374, 375, 382, 389, 496, 509, 517, *293—346*.

Старшая могила 335, 511.

Статуи-статуэтки, Гермеса, ж. 248, 249; коннаго царя на аттикѣ воротъ, мон. 320; надгробныя 43, 44, 45, 58, 60; усопшихъ 511; терракотовыя 12, 26, 146, 150.

- Arndt'a колл. 26.
- Ашика, кург. 46.
- Б. Близнецы 12.
- Бѣлграда, погребенія, около, 45.
- Васюринской горы 44, 45; бронзовыя 52, 53.
- Думберга, кург. 46.
- Духовой могилы, бронзовая 53.
- Замостскаго кордона, кург. 150.
- Лувра, эроты 146.
- Склепа 1850 года, Эрмитажъ, 398.
- Улъ, станицы, алебастровая 50.

Στάφυλος Γλαυκίου 327.

Стебель ж. 155, 157; аканѳа, бронзовый, 207; красный съ плодами, ж. 143; съ лепестками сердцевидными, ж. 302; съ листьями, кончающимися цвѣткомъ, ж. 204, 476.

Стеблеевская станица 10, 11, 30.

Стекло 268; печать 268; многоцвѣтныя 490.

Стелы 55, 263, 328, 339, 345, 357, 400, 490, 511; александрійскія 179, 187, 499; аттическія 187, 368; аттическія надгробныя 358; балканскія-ѳракійскія 424, 425; болонскія 179; боспорскія 327; боспорскія надгробныя 316, 375; бэотійскія V в. 315; вотивныя 191, 193; гладіаторовъ 357; греческія 172, 369; греческая надгробная 459; живописныя 145; керченскія 338; керченскія надгробныя 240; коптскія 426; малоазійскія 357, 424, 425; малоазійскія надгробныя 431; надгробныя 40, 45, 54, 55, 59, 80, 146, 149, 159, 171, 173, 174, 193, 197, 203, 239, 243, 291, 306, 310, 329, 358, 359, 570, 371, 389; ольвійскія 327; пантикапейскія 159, 172, 174, 176, 178, 179, 180, 187, 193, 196, 197, 240, 242, 249, 358; пантикапейскія надгробныя 202, 434; римскія 235; римскія надгробныя 275; сидонскія 499; сидонскія расписныя 179, 498; расписныя 489; сирійскія надгробныя 431; танаидскія 432; фригійскія 426; херсонесскія надгробныя 327; эллинистическія 225, 515; этрусскія надгробныя 312; южно-русскія 242, 384; южнорусскія надгробныя 225; языческія надгробныя 489; ѳракійскія 424, 425.

- Албаніи, надгробная 387.
- Алкарана 425.
- Аполлонія и Сократа 225.
- Бѣлграда 425.
- Геты 79.
- Дасмена изъ Ремагена 445.
- Дексилея 240.
- Дорлы 425.
- Метродора 315.
- О. И. А. К. 1891 года стр. 64, 330.
- Панорма около Кизика 389.
- Перигена Асклепіадова 239.
- Радампсона 327.
- Саугена, бэотійца, 315.
- Стратона 327, 328, 384.
- Тавра, K—W № 442, 358.
- Танаиды 1853 года 330.
- Трифона 330, 331, 338.
- Изданныя Kiseritzky - Watzinger №№ 212—220—176; № 271—196; № 273—359; № 361—327; № 362—327; № 407—193; № 436—327; № 449—358; № 450—195, 196, 327, 358; № 454—177, 358; № 455—358; № 455a—177; № 459—249; № 460—327; № 494—327, 330; № 500—327; № 514—358; № 529—327, 328, 358; № 540—327; № 541—327; № 557—327, 340; № 558—239; № 560—239; № 561—178, 240; № 575—177, 240, 329, 330; № 593—329; № 594—329; № 599—176, 329, 330; № 606—177; № 613—178, 330; № 617—178, 240; №№ 617—646—176; № 618—329, 330; № 619—176, 329, 330; № 619в—177, 329, 330; № 620—330; № 622—330; № 623—330; № 624—330; № 635—240; № 636—240; № 639—359; №№ 647—650—176; №№ 653—672—176; № 651—196; № 669—196; № 680—359; № 688—327, 328, 384; № 689—384; № 690—384; № 691—384; № 692—384; № 693—177, 358, 384; № 703—327; № 716—177, 327; № 718—358; № 725—358; № 732—194.

Степь, изображеніе, ж. 302; моз. 492.

Стефани 6, 7, 8, 19, 96, 161, 164, 165, 166, 167, 172, 173, 209, 243, 284, 288, 447, 512.

Стефанскій 341, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 358, 374.

Стихарь или далматика, ж. 468.

Стленгиды 56.

Столъ, ж. 249, 287, 351, 354, 357, 358, 362, 378, 379, 380, 383; р. 365; приготовленіе, ж. 362.

Стратонъ, стела 327, 328, 384.

Стржиговскій 134.

Стригиль 71, 72, 73, 81, 266.

Стрижи, ж. 34, 35, 157.

Стринго, усадьба 417.

Строгановъ, гр., блюдо 344.

Стружки, розетка 214.

Стрѣлки пальмирскіе 332.

Стрѣлы 40, 339; ж. 159, 306, 354, 379, 380, 407; моз. 492; р. 239; наконечники 40.

Subligaculum, ж. 356, 358.

Судьи, гробн., Іерусалимъ, 217, 501, 502.

Сукъ-эль-Вардіанъ, гробн. 86. 157.

Сула 335.

Султаны, ж. 203, 230.

Султанъ гора, гробн. 64, 80 86, 111.

Сусса, моз. 221, 492, 499; моз. египтизирующая 492; моз. надгробія 489.

Сфаксъ 73, 489.

Сфинксы 73, 446; женскій крылатый, ск. 209.

Сѣдло, ж. 234, 288, 305, 306, 307, 380; р. 330, 331.

Сѣкира на короткой ручкѣ 511.

Сѣнная, почтовая станція, 10, 30, 94, 96, 97, 111.

Сѣнь винограда, ж. 414, 416.

Сѣрогозы 42, 311, 334; кург. 42, 55.

Сѣтка 377.

Tabarieh 502.

Табарка-Thabraca, гроб. 491; моз. 489, 490, 513.

Tabella ansata, ж. 247, 248.

Таблицы съ надписью, ж. 516.

Таблички вотивныя изъ Дунайскихъ провинцій 319; серебряныя изъ Vichy 429.

Таврика 343.

Тавры 341, 343, 344; конный, р. 340; пѣшій, р. 340; скиѳы 343—скиѳское царство 327; стела, K.-W. № 442, 358.

Таганрогскій кладъ 57.

Тайники 273, 278, 283, 285, 296, 297, 298.

Тамань 3, 7, 8, 10, 15, 23, 26, 30, 36, 94, 95, 97, 109, 111, 112, 143, 153, 154, 392, 510; заливъ 30, 96; полуостровъ 30, 57, 94.

Тамбуринъ, ж. 422, 428; р. 387.

Тамги 298.

Танагра гробн. 2, 81, 381.

Танаида 109, 330, 331, 335, 336, 374, 432, 433.

Танцы 369; корибантовъ 428; погребальный апотропэическій, ж. 379; процессія 429; экстатическій, ж. 428; экстатическій пигмеевъ, р. 389.

Танцующіе, одѣтые въ длинные балахоны, моз. 388; погребальный танецъ, ж. 365; р. 224.

Тарагига, моз. 489.

Тарасовскіе кург., гробн. I 17, 47, 109, 110, 111; II 110, 111; III 110, 111, 140; кург. 109, 256.

Тарелочки 207; краснофигурная съ женской головой изъ колл. Сатрапа 25; съ рельефомъ 22.

Тарквиній 24, 76; ж. 24, 76.

Татарская слобода 244, 508.

Täubler 343.

Тацитъ 332.

Теанъ, гробн. 26, 27, 76, 144, 158.

Театральное состязаніе, ж. 365.

Театръ, декораціи эллинистическія римскія 1; фасады 1.

- Аспенда 24.
- Делоса 65.
- Одеонъ, Аѳины, 130; Карѳагенъ 492.

Тебесса 491.

Тексты религіозные, ж. 434.

Телефъ, р. 168, 324.

Телль-эль-Амарна 219, 220.

Tell-el-Judeideh гробн. 499, 500.

Tell-el-Sandanah гробн. 499.

Темиръ, гора 96.

Темпера 275.

Темрюкъ 10.

Thenae, моз. 489, 490, 492.

Тенетинка, рѣка 510.

Теніи, ж. 248, 377, 406, 408, 415, 416, 419, 424, 425, 454, 461, 476, 485, 500; ск. 395.

Терзаніе животнаго двумя хищниками, р. 323, 326.

Термессъ 24, 60, 61, 147, 224; гробн. 60, 178, 224.

Термы стабійскія 269.

Терракоты 392; пантикапейскія 251; изданныя Стасовымъ 329; изданныя Стефани, южно-русскія 447; александрійская, Лувръ 387.

Тесемки, ж. 205, 230, 233, 248, 249, 413, 460, 461, 468, 470.

Tibicines, р. 364.

Тибуръ 324.

Тигръ, ж. 355.

Тизенгаузенъ 7, 14, 30, 43, 161.

Тимпаны 429.

Тиръ 498.

Тирсы, ж. 15, 140, 263, 269; р. 429; или канделябры, ж. 496.

Тиршъ 66, 67, 127, 513.

Тиха 181; ж. 190, 196; р. к. 211; печать изъ пасты 268;—Изида 181.

Ткани, египетская изъ Kaiser Friedrich Museum, Берлинъ 491; коптскія 497, 517; коптскія IV—VI вв. по Р. X. 479; которыми былъ обитъ гробъ 214.

Тлосъ 313, 369.

Толстой и Кондаковъ 7, 326, 331, 341, 353.

Топоры 339.

Torques, р. 311.

Тотъ-Гермесъ 181, 290.

Точило 73.

Точки красныя, ж. 410, 411; гирлянды, ж. 411, 415; орнаментъ, ж. 424.

Трава, или поросль зеленая, условная, ж. 302, 303, 304, 305, 308.

Трапеза-столъ 36, 59, 60.

Трапеза 147, 191, 193, 195, 239, 321; 371; загробная ж. 172, 186, 187, 188, 241, 249, 250, 251, 275, 287, 288, 291, 351, 352, 354, 355, 358, 359, 362, 363, 377, 378, 384; моз. 490, р. 23, 59, 60, 81, 172, 178, 179, 187, 194, 366, 367, 368, 370, 397, 511; приготовленіе, ж. 384; или столъ 37, 43, 44, 46, 59, 60, 73.

Траянъ 147, 332; колонна 314, 332, 333, 338; мон. 289.
Τρέβιος 27.
Трезубецъ, ж. 355, 358.
Тредьяжъ 67, 86; ж. 390.
Треножникъ, ж. 365; инкрустація 503.
Треугольники, ж. 281, 282, 286, 287, 292, 301, 425, 451; полосы изъ, ж. 403, 408, 409, 410, 413, 414, 415, 416, 419, 424, 425.
Τριάδα 'Αγία—Haghia Triada 289, 363, 365.
Триглифы 75, 501.
Тризна 12, 14, 19, 20; въ честь Патрокла 58.
Трилистники красные, ж. 460, 468, 485.
Триптолемъ 194. 360; миѳъ 237; выѣздъ 236.
Трирь 385.
Триса 60, 61.
Тритонессы, ск. 56, 57.
Трифонъ 331; стела 330, 331, 338.
Трофоній 192.
Троилъ 75; ж. 75.
Тростникъ 220, 221, 477, 478.
Трофей, мон. 320; римскій, р. 332.
Троя 103; бой, р. 315.
Труба прямая, тер. 387.
Трубачи, ж. 387.
Трубки органа 386.
Тузла 23, 36, 37, 109, 270, 392.
Туника, р. 333; ткань 491; двойная, ж. 477; длинная, ж. 468; рукавная, manicata, ж. 455, 477.
Тунисъ 489.
Турниръ 314, 341; р. 368, 370.
Туръ Н. И. гробн. 503, 507, *472 480.*
Тѣни, ж. 361, 362; р. 225.
Тюкъ съ товарами, ж. 414.
Тюльпаны, моз. 221.

Уборъ головной, ж. 19, 23, 24, 25, 181, 190; женскій 56, 87; жертвеннаго животнаго 80; жреческій 80; конскій 40, 55, 56, 58, 511, 516; ж. 176; р. 176; погребальный 80.
Уваровъ, гр. 452, 453.
Уводъ Персефоны 362; Алкестиды Гермесомъ, р. 361; Персефоны Гермесомъ, р. 361; тѣни Гермесомъ, ж. 362; умершей Гермесомъ, ж. 361.
Удила 41, 56, 511.
Oudna, моз. 499.
Уздечки 206, 209, 266, 279, 337, 512; ж. 234, 305, 306.
Украшенія гипсовыя 215, 266, 268, 279; р. 391, 394; ск. 369, 397; ск. языческихъ стелъ 489; косяка гробн. Царей 502.
Умбонъ щита Аму-Дарьинскаго клада 315.
Улъ, станица на Кубани 47, 50.
Ульпіи, гробн. 250, 398; 399.
Уносъ юноши покойника крылатымъ геніемъ, ж. 446.
Уносящіеся въ лучшій міръ, ж. 443.
Урилъ, надп. 494.
Уріы съ пепломъ 40, 60, 143, 144, 449, 481, 482, 514; погребальная 225; римскія 275; этрусскія 369.
Уродцы нагіе, карикатурные, р. 388.
Усопшіе, ж. 490; тер. 447; просвѣтленные, ж. 241; въ раю, ж. 480; имя, моз. 490; надп. 251; тѣло, ж. 443, 445, 447; фигура, моз. 490.
Утварь погребальная, ж. 67, 71, 74, 78, 79, 80, 81, 89; и житейская, подвѣшенная на гвоздяхъ 77, 78, 79, 157.
Утки, ж. 488; моз. 221, 492, 503.

Факелы 462; ж. 232, 237, 353, 360; р. 366, 491,—канделябры, ж. 365.
Фалары 52, 55, 57.
Александропольскаго кург. 512.
Б. Близницы 512.
Victoria and Albert Museum 510.
Фаллосъ, ж. 247, 250, 380.
Фанагорія 47, 57, 98, 109, 373, 432.
Фармаковскій Б. В. 52, 59, 97, 99, 208, 228, 436, 437, 438, 512.
Фармаковскій М. В. 5, 19, 30, 83, 116, 183, 199, 228, 261, 294, 412, 453, 455, 460, 467.
Фарнезина, домъ 63.
Фасады анапскихъ склеповъ 110, 111; Васюринскихъ склеповъ 47; греческихъ и римскихъ домовъ 130; гробн. М. Азіи 60; гробн. въ Петрѣ 154; дерев. сарк. 216; со скульптурами 484; театровъ 1.
Гробн. въ Дега 447.
Гробн. со ск. около Іерусалима 501.
Гробн. со ск. въ Херсонесѣ 481.
Ниши Стасовскаго склепа 300.
Тетрастильный органа 386.
Fasciae, ж. 356.
Fauces 129.
Федуловскій кладъ 57.
Феликсъ св. церковь 503.
Fellows, гробн. 197.
Фельдштейнъ 260, 265, 268, 355; гробн. 80, 274, 275, 279, 280, 295, 296, 299, 355, 375, 376, 389, *260—271*; кург. 399.
Фёрстеръ 165, 166, 238, 353, 360, 361.
Фестонъ изъ полукруговъ, ж. 413.
Феттерсфельдскій кладъ 42.
Фіала 12, 48.
Фибула бронзовая 279.
Фиги, моз. 221.
Фигуры: идущая, ж. 478; итифаллическая, ж. 438; capite velato, ж. 352, 354, 359; летящія, ж. 445; обнаженныя съ крыльями, ж. 443, 445; рядъ, ж. 373; р. 371; сидящія 371; р. 397; срывающія плоды, ж. 241; стоящія, ж. 476, 479; стоящія и сидящія, фризъ, ск. 397; по сторонамъ изображенія Рима, р. 491; тер. 267; человѣческія, ж. 390, 406, 407, 415, 416, 420, 422, 424, 426, 454; въ видѣ гермы, ж. 411; большая, ж. 403, 404, 427; бородатая, ж. 407, 426; съ бочкообразнымъ туловищемъ и птичьей головой, ж. 419; со змѣей, ж. 407; съ колоколообразнымъ туловищемъ и птичьей головой, ж. 419, 420, 422, 423; пляшущія, ж. 426, 427, 428; съ поднятыми руками, ж. 419.
Фидій 94.
Финикія 193, 314.
Фирузъ-Абадъ 314, 316.
Флагъ, ж. 415.
Флегонтъ 290.
Флейта 429; ж. 351, 387; р. 365; двойная, ж. 350, 380; р. 388.
Флейтщики, ж. 351, 352, 365, 380, 387.
Фогель, колл. 143, 145.
Φοῖβος 'Απόλλων Πύθιος 290.
Φοινιξ 102.
Vollgraf 315.
Vollmoeller 297.
Фонтанъ Скасси 255.
Фортуна 192;—Изида 181.
Форумъ, Римъ, 269.
Фрагментъ 1905 года 282.
Франкó С. И. 504, 506.
François, ваза 76, 77, 84.
Frazer 512.
Фредрихъ 395.
Фрески делосскихъ домовъ 217; керченскія 338; неаполитанскихъ катакомбъ 480.
Fresco al 275, 299.
Фригія 146, 321; надп. 515.
Фризы, ж. 16, 17, 18, 22, 23, 28, 75, 76, 92, 120, 124, 127, 138—145, 155, 157, 167, 168, 172, 184, 263, 264, 269, 355, 366, 370, 500; р. 369; на вазахъ, ж, 22;—гирлянда, ткань 497; двойной, ж. 269; р. 370; делосскихъ росписей 63, 66, 88; дерев. сарк. 213; кампанскихъ и самнійскихъ гробн. 76; ликійскихъ гробн. 23; колесницы Плутона, ж. 204; полога погребальнаго балдахина, ж. 49; помпеянскаго второго стиля 145; съ подвѣшенными на гвоздяхъ нарисованными и настоящими предметами 77—80; скульптурный 21, 22; на саркофагахъ 36, 54; серебряной фалары 56; изъ стоящихъ и сидящихъ фигуръ, ск. 397.
Гробн. около Іерусалима, триглифовый 501.
Гробн. Кинча 67.
Гробн. del Letto funebre 75.
Гробн. въ Теанѣ Сидицинскомъ 27.
Делосскій съ эротами 146.
Пам. Нереидъ 313.
Сарк. плакальщицъ 313, 363.
Сарк. 1905 года 355.
Стелы изъ Алкарана 425.
Телефа 168, 324.
Фарнезинскаго дома, черной комнаты 63.
Frikya, гробн. 396, 397, 500.
Frontes scaenarum 133.
Фронтонъ, ж. 249; р. 429; гробн. фригійскихъ 235; дерев. сарк. 212, 213; надъ входомъ въ склепъ 47; съ росписью 110; сарк. 23, 25, 27, 36, 256; стелы 225, 289; стелъ танаидскихъ 432; храмовъ древнихъ 311.
Гробн. около Іерусалима со скульптурами 502.
Гробн. Судей 218, 502.
Гробн. христіанской 1912 года 435.
Саркофага Александра Вел. 315.
Фрукты, ж. 218, 278; р. 502; тер. 270.
Фуртвенглеръ 178, 179, 187, 237.
Футляры золотые для кистей 310.
Фюреръ 487, 488.

Халаліэ, дер., гробн. 498.
Халкедонъ 289, 290; мон. 289, 290.
Халцедонъ 267, 268; скарабеовидный 268.
Χάραξ 341.
Хариты 237.
Харламповичъ К. 504.
Χάσμα γῆς 360.
Хасмонеи 501.
Hatra, замокъ 481.
Хвойко 335.
Хвоя, ж. 218, 487; вѣтки дерева, ж. 461, 486, 502; ск. 502; гирлянда, ж. 203; дерево, ж. 247, 416, 428.
Херсонесъ, 9, 210, 218, 248, 276, 327, 343, 365, 439, 440, 441, 443, 448, 449, 450, 458, 460, 472, 473, 482, 483, 484, 485, 486, 491, 492, 493, 496, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506; изображеніе, ж. 480.
Херувимы 500.
Херхеулидзевъ, кн. 346, 400; гробн. 400.
Heuzey 513.
Химера 369.
Hinnom 501.
Hirbet'Abde 424, 435.
Хитонъ 328; ж. 173, 180, 189, 190, 202, 205, 232, 249, 287, 288, 350, 351, 352, 378, 407, 416; р. 327, 330, 332, 395; ск. 52; камзолъ, ж. 379.
Хламида 328; ж. 248; р. 327.
Хозрой, блюдо 315.
Хойранъ, гробн. 370.
Хорегъ, ж. 365.
Horrea Hadriani, Ликія, р. 192.
Храмы, р. 193; греческій 61; полуглинобитный 81.
Аполлона Дидимейскаго 55, 117.
Асклепія, Аѳины 337.
Аѳины, Пергамъ, 68, 127.
Баальбека 133.
Воскресенія, Іерусалимъ, 134.
Герэонъ, Аргосъ, 21.
Деиръ-эль Бахари 387.
Діониса Лимнея, Акрополь, 51.
Зевса Солимскаго, Термессъ, 24.

Kasr-Firaun 133, 134.
Крестовидный, Херсонесъ, 449, 452, 458, 459, 481, 502.
Луксора 497.
Нима 133.
Ники, Акрополь, 17.
Остіи, Сабазія, 428.
Писистрата, Акрополь, 21, 27.
Сабазія in colle Gilmisso 429.
Серапей, Мемфисъ 23, 28, 35, 36.
Ѳолосъ, Эпидавръ 21.
Хрисма, ж. 452.
Хрисопрасъ въ пряжкѣ 251.
Христіанинъ, изображеніе, ж. 479.
Христосъ 486, 491; монограмма, ж. 454, 466, 478, 486, 488, 490, 493; моз. 490, 491; эмблема, ж. 457.
Хрусталь горный 268.
Художникъ, ж. 377, 379, 384, 385, 386; мастерская, ж. 378, 385.
Хѳоническіе боги 60, 191, 192, 194, 226, 290, 291; ж. 179, 191—195, 196; р. 191—195; божества 239, 288, 431; божество женское 179, 192, 225, 226, 290, 447; тер. 284; драконы 237; значеніе 395, 396, 438; тріады 192, 193; эроты, ж. 219.
Хѳонія 192.

Цари, гробн., Іерусалимъ, 500, 501, 502.
Царскій курганъ 18, 19, 98, 103, 112, 140, 274, 276.
Царство загробное 224, 225, 513.
Царь, р. 316, 516; конный 515; мон. 331; р. 318, 515, 516; бой съ врагомъ р. 314; монограмма 209, 298; первый династіи Ардашира 319; пѣшій, р. 318; сидящій на курульномъ креслѣ, мон. 320; сражающійся, ск. 334; статуя конная на аттикѣ воротъ, мон. 320; фигура, мон. 320; р. 319; ѳракійцы 331.
Цвѣты 148, 149, 515; бронза 207; ж. 16, 22, 27, 54, 148, 149, 165, 166, 204, 218, 220, 223, 231, 236, 247, 251, 278, 345, 353, 377, 379, 383, 444, 462, 464, 476, 484, 485, 487, 488, 489, 496, 497, 498, 500, 501; моз. 490, 492; стекло 221, 322, 514; лиліеобразный, бронза 207; стилизованные, ж. 203, 204, 218, 345; моз. 221.
Целейя, гробн. 275.
Центонъ (коверъ изъ лоскутковъ), ж. 415.
Centurio 259.
Церера, голова, ж. 166.
Церкви, Africae proconsularis 489; Карѳагена 491; коптскія 490; палестинскія 425; пещерныя Крыма 474, 478; ранне-христіанскія 490; римская, изображеніе, р. 491; сирійскія 425.
Аполлинарія Новаго, Равенна, 503.
Виталія, св., Равенна, 503.
Giovanni e Paolo, S.S., Римъ, 383.
Constanza, S., Римъ, 219, 499.
Луксорскаго храма 497.
Петра, св., Херсонесъ 504.
Пещерная, Херсонесъ, 474, 476, 478, 507.
Феликса, св., Нола 503.
Церковка-гробница 474, 478.
Циппы въ видѣ гермы 84; фаллическій 61.
Cistae mysticae, р. 396.
Цихоріусъ 332.
Цоколь, ж. 34, 35, 71, 84, 88, 114, 120, 122, 151, 163, 172, 184, 197, 235, 246, 247, 248, 249, 250, 258, 263, 264, 265, 269, 273, 274, 277—282, 286, 291, 292, 297, 299, 300, 301, 303, 304, 349, 350, 351, 354, 355, 376, 381, 382, 398, 400, 410, 413, 437, 450, 497; моз. 489; ск. 85, 126, 127, 369, 370, 381; гробн. Кампаніи и Самнія 76; гробн. этрусскихъ 75; домовъ делосскихъ 66.
Гробн. Кинча 67.
Гробн. въ Курино 74.
Гробн. въ Теанѣ Сидицинскомъ 27.
Гробн. dei Tori 75.
Дома на вазѣ François, ж. 77.
Цукуръ, лиманъ 10, 30.
Цыбульскій 183.
Цѣпочка, р. 395.
Цэлій, домъ 219.
Цэре, плитка 446.

Чаша, чашка, бронза 208; ж. 78, 233, 350, 379; каменная 201; моз. 490; въ видѣ лиліеобразнаго цвѣтка, бронза, 207; каленская 360; мегарскія 22, 217; подвѣшенныя, ж. 79.
Воронежа золоченая 334.
Глинища, склепа 48.
Куль-Обы, электровая 334.
Оранжа, глиняная 386.
Рельефная, изд. Pagenstecher'омъ 388.
Чепракъ, ж. 234, 307.
Черветри 78.
Черепъ, р. 447.
Черепокъ изъ Пергама въ Берлинскомъ Антикваріи 218; изъ Пергама буролаковый 218.
Черкасскій уѣздъ, кург. 335.
Черное море 30, 125, 191, 193, 194, 320, 326, 337, 342, 356.
Чернокозовъ О., дворъ 410.
Чертомлыцкое блюдо 54, 55, 203; ваза серебряная 176, 318, 334; кург. 39, 42, 48, 54, 55, 57; обивка налучія 325; пластинка 55, 80, 334.
Четверка лошадей, ж. 164, 204, 216, 224, 253, 353; р. 363; грифоновъ, 289.
Четыреугольникъ, ж. 271, 278.
Чигиринскій уѣздъ 335.
Члены дѣлящіе 370.
Чмырева могила 56.
Чудовища фантастическія 302.

Шакалъ, р. 397.
Шалашъ-каюта, ж. 414.
Шапка коническая, р. 388; фригійская, ж. 25, 416, 426, 428; ск. 151.
Шапуръ, рельефы 314.
Шаровары 328.
Шевелькевичъ, усадьба 399.
Cherchel, моз. 499.
Шестиугольникъ съ вогнутыми сторонами, ж. 264.
Schefa' Amr, гробн. 502.
Шикъ 499, 500.
Шиповникъ, вѣтка, ж. 461, 462.
Шишка кедровая или пиніи, ж. 403, 416, 430, 455, 461; р. 502.
Шкатулка туалетная 279.
Школьный пер. 282.
Шкорпилъ В. В. 4, 5, 6, 7, 30, 35, 37, 103, 153, 154, 155, 161, 170, 183, 196, 199, 208, 212, 213, 247, 260, 261, 266, 267, 271, 277, 278, 279, 280, 283, 298, 310, 319, 346, 348, 376, 389, 390, 391, 400, 401, 405, 406, 408, 409, 417, 418, 421, 432, 433, 509, 511, 513, 515.
Шлемъ 13, 40, 54, 328, 329, 236, 337, 338, 339; ж. 234, 240, 241, 305, 306, 307, 310, 341, 352, 353, 356, 358, 359; мон. 317; печать 268; р. 313, 331, 332, 333; р. к. 211; ск. 311, 334, 395; Spangenhelm 338.
Шлиманъ 103.
Шмаковъ 5, 153—159.
Шматовъ М., дворъ 408.
Шрейберъ 220.
Schroeder 290.
Штаны 328; ж. 173, 174, 234, 240, 249, 263, 288, 302, 305, 306, 307, 308, 351, 378, 379, 407, 455, 477; р. 311, 327, 330, 333, 340, 341, 515.
Штернъ Э. фонъ 270.
Штукатурка, фрагменты съ росписью 257; расписная изъ Ольвіи 436, 437.
Шульце В. 488.
Шюреръ 432.

Щегленокъ, ж. 35.
Щитъ 40, 79, 328, 829, 334, 342; ж. 79, 89, 305, 306, 308, 356, 357, 358, 382, 427, 428; печать 268; р. 28, 177, 330, 333, 340; р. к. 211, 389; ск. 395; обшивка 40.
Аму Дарьинскаго клада 315.

Эбертъ 339.
Эвмелъ 50; погребальная колесница 50.
Эвритій, кентавръ, ж. 12.
Эдикула, ж. 134, 214, 372, 385, 390, 391, 393, 495; арочная 395; двухколонная органа 386; Діаны и Аполлона, моз. 373.
Эдипъ 73.
Экседра дома „Фавна", Помпеи, 121.
Элагабалъ 342.
Элевсинъ 192, 237, 238, 369; культъ 192; мистеріи 167; — орфическій миѳъ 238; религіозныя представленія 192, 193; священныя дѣйства 224; характеръ 239.
Элевѳерій херсонесскій, мон. 471, 482.
Элисейскія поля 289.
Элисій 193, 241, 290.
Эльба 374.
Эль-Джемъ (Ѳисдра) 373.
Эль-Тегень, 24, 207; гробн. 243, 250, *394—397*.
Эль-Хита, домъ 502.
Эмблема Христа, ж. 457.
Энкавстика 385.
Энніонъ 210, 211; амфорискъ 388; кампанскія подражанія 210; мастерская 210, 211, 514; сосудъ Metropolitan Museum, Нью-Іоркъ, 514.
'Εννίων ἐποίει 514.
Энохоя 249; зеленаго стекла 210, синяго стекла 210; сирійская съ миѳомъ Дафны 515.
Эосъ 446.
Эпиграммы надгробныя 480, 511.
Эпидавръ 21.
Эпистиль 17, 50, 66.
Эпитафія 491.
Эпифанія хѳоническаго божества 191; ж. 191.
Эпиѳемы 75.
Эпоха Антониновъ 383; до Александра Вел. 513.
Эракура-Aeracura, ж. 225, 361.
Эретрія, гробн. 28, 67, 78, 79, 80, 89.
Эроты 344; ж. 145, 146, 165, 219, 392, 499, 500; ст., Луврь, 146; борящіеся, печать 268; или геній, ж. 248, 302; и Афродита, подвѣска золотая 268; доящій козу, печать 268; охотникъ съ собакой, печать 268; обнимающій женщину, тер. 447; погребальный съ опущеннымъ факеломъ 148, 149; хѳоническіе, ж. 219.
Эспланадный, переул., 2-ой 410; ул. 509.
Эсхара 51, 59, 64.
Эсъ-Саломунъ, дер. 494, 497.
Этрурія 2, 26, 28, 51, 52, 56, 74, 75, 110, 117, 179, 194, 224, 226, 369, 370, 396.
Эфебъ, ж. 177, 188, 190; р. 188, 197.
Эфесъ 165.
Эѳерій, муч. 504, 505; легенда 505; могила 504, 505.

Юзъ-Оба, гробн. *98 — 109*, 111, 140; открытая гр. Бобринскимъ 80, 106, 107; Змѣиная 26, 54, 55, 106, 290; Малаго Каменистаго кург. 102; Мирзы Кекуватскаго 107; Павловскаго кург. 36, 54, 107, 108, 270; № 47 (кург. № 6) 103, 104; № 48 (кург. № 5) 104, 105; № 50 (кург. J.)

102, 103, 105, 110; курганы 45, 98, 99—105.
Юлій Аквила 332.
Юліи, мавзолей въ S. Remy 314.
Юноша верхомъ, ж. 384; вооруженный, ж. 358; держащій лошадь, ж. 263, 359, 377, 384; облокотившійся на колонну, ж. 357, 379; р. 358; р. к. 389; крылатый, ж. 447; крылатые бюсты, ж. 494; безкрылый, ж. 446; со свѣчей, ж. 468, 469; сидящій, играющій на органѣ, ж. 380; сидящій рисующій портретъ, ж. 378; тѣло, ж. 445, 446.
Юрьевичъ Е., домъ 405.

Яблоко, ж. 204, 264; моз. 221.
Ягоды, ж. 204, 205, 476.
Якоря два, ж. 414.
Янтарь 268.
Януарій, муч., ж. 488, 490.
Япулдакъ гробн. 61.
Яффа 499.
Ящики вертикальные, куда вдвигались гробы 484; гробн. типа каменнаго 260, 381; деревянный 391; палитра съ красками, ж. 378, 379, 386; туалетные 208, 393.
Найденный на Глинищѣ въ 1867 г. 392.
Описанный Варрономъ 386.

Θάνατος 148, 165, ж. 148, 165; и Ὕπνος 446.
Ѳасосъ 357.
Ѳекла св., акты 433.
Ѳедоръ Стратилатъ 479.
Ѳеодосій Вел., мон. 462.
Ѳеодосійская ул. 509.
Ѳеоксенія хѳоническаго божества 191; ж. 191.
Θεὸς ὕψιστος 331, 432, 433.
Ѳеофила, надгробіе 511, 513.
Ѳера 125.
Ѳесей 372.
Ѳессалія 23, 178, 226; гробн. 58, 59.
Ѳіасоты 289, 432.
Ѳіасъ 429, 432; навклеровъ 432.
Ѳивы 2, гробн. 497.
Ѳиміатеріи, ж. 38, 190, 194; р. 366.
Ѳисдра, моз. 373.
Θόλοι, микенскіе 104.
Ѳолосъ, Эпидавръ, 21.
Ѳракійцы 311, 431.
Ѳракія 28, 50, 52, 53, 59, 60, 98, 178, 191, 192, 194, 195, 310, 313, 356, 374, 431, 513.

С 1 I-61 г.
Цена 3 р. — к.

30 –